

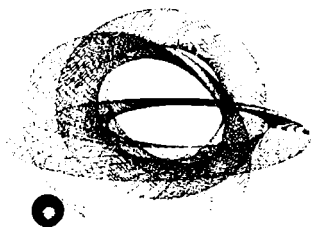
ЮРИЙ
БРАЙДЕР
НИКОЛАЙ
ЧАДОВИЧ

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

МИРЫ
ПОД ЛЕЗВИЕМ
СЕКИРЫ

**ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ**

ЮРИЙ
БРАЙДЕР
НИКОЛАЙ
ЧАДОВИЧ

МИРЫ
ПОД ЛЕЗВИЕМ
СЕКИРЫ

МЕЖДУ ПЛАХОЙ
И СЕКИРОЙ

ЭКСМО
Москва
2005

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

- Брайдер Ю. М., Чадович Н. Т.**
Б 87 **Миры под лезвием секиры: Фантастические романы.** — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 800 с. — (Шедевры отечественной фантастики).

ISBN 5-699-13483-2

Чудовишный катаклизм взорвал спокойную жизнь провинциального городка Талашевска, имеющего единственную достопримечательность — зону для особо опасных преступников. Чудом выжившие горожане, словно волки, сбиваются в стаи и ведут борьбу за выживание с загадочными вар-наками, дикими кочевниками и безжалостными инквизиторами. Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба жалкой кучки робинзонов, если бы на их пути не встретился странник через миры по имени Артем...

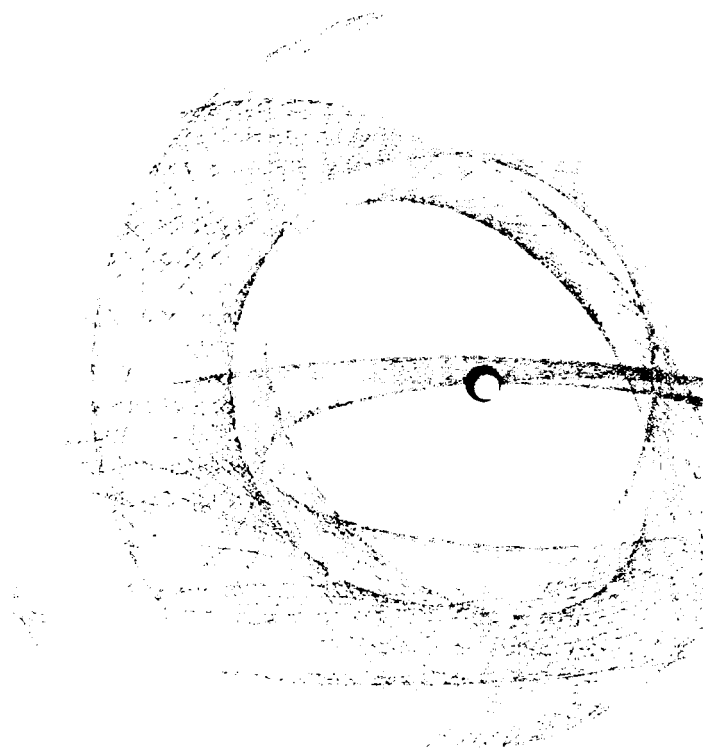
УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-13483-2

© Брайдер Ю. М., Чадович Н. Т., 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

МИРЫ ПОД ЛЕЗВИЕМ СЕКИРЫ

РОМАН

Часть первая

— Ну? — спросил Смыков у Зяблика.

Спросил с тихой нудной въедливостью, с которой, наверное, делал все в своей жизни. («Эх, посмотреть бы хоть раз, как ты на бабу залазишь, — сказал ему однажды Зяблик в сердцах. — Неужто с такой же постной рожей?»)

— Ну? — повторил он печально, словно заранее не ждал ничего хорошего. — Почему обстановку не докладываете, братец вы мой?

Зяблик, продолжавший сидеть под лестницей на куче всякого хлама, задохнулся от давно копившейся желчи, но ничего не ответил, только перебросил изжеванную щепку из одного угла рта в другой да косо резанул взглядом. Означать этот взгляд должен был примерно следующее: не строй из себя крутого пахана, сявка дешевая.

Однако Смыков, тихий-тихий, но настырный, как чесотный клещ, не отставал:

— Я вас, кажется, спрашиваю, а не дядю...

— Чего ты, интересно, разнукался? — негромко, но проникновенно сказал Зяблик. — Знаешь, сколько я здесь не жравши сiju? Ты меня сначала накорми-напой, а потом нукай.

— Сейчас получите сухой паек у Веры Ивановны, — скучно глядя хна него, пообещал Смыков.

— И Верка с вами? — сразу оживился Зяблик. — Тогда рассказываю. Значит, с того самого момента, как я здесь на строе встал, в парадку даже цуцик паршивый не заглядывал. Со скуки чуть не околел, честное слово. Хорошо хоть курево было.

— Покуривали, стало быть, в засаде?

— Как же иначе! — Зяблик хмыкнул. — Но только в рукав. — Он продемонстрировал истрепанный и прожженный обшлаг своей выдавшей виды защитной куртки. — Сюда дунешь, дым из ширинки выходит. Но уже реденький-реденький. Будто ребенок пукнул.

— А вы не спали, случаем?

— Обижаешь! Даже похезать дальше этого ящика не отлучался, — он кивнул на темную зловонную кабину лифта с навечно распахнутыми дверцами.

— Получается, Шансонетка наша из квартиры не выходила? — Смыков достал мятый, но сравнительно чистый носовой платок, высморкался — сначала левой ноздрей, потом правой — и принялся внимательно изучать то, что осталось в платке.

— Тихо сидела. Как мышка-норушка. Даже гармошку свою не трогала. — Зяблик демонстративно плюнул в стену, густо исписанную образчиками городского фольклора времен крушения цивилизации и всеобщей разрухи. Самая оптимистическая надпись здесь была такова: «С голодухи милку съел, только клитор захрустел».

— А через окно она не могла выбраться? — поинтересовался Смыков.

— Да ты что, в натуре! Тут на всех окнах до третьего этажа железные решетки присобачены, как в хорошем кичмане. Помнишь, их когда-то от арапов ставили?

— Какие соображения имеете, братец вы мой? — немного подумав, спросил Смыков. Было у него немало кличек, и Братец вы мой — не последняя из них.

— Я-то? — искренне удивился Зяблик. — Ты мне вола не верти! Не зря ведь вы сюда всей кодлой привалили. Даже Верку не забыли. Проведать меня Чмыхало один мог. Значит, все и так решено...

— Короче, вы поддерживаете первоначальный план?

— Я его с самого начала поддерживал.

— Тогда приступайте. — Смыков отошел в сторонку, давая Зяблику проход к лестничному маршу.

— Это мы запросто, — тот встал, треща одеревеневшими от долгой неподвижности суставами. — Это мы в один момент замантулим.

Жизнь свою пропащую Зяблик совсем не ценил (не за что было такую дрянь ценить), и в ватаге его давно привыкли вместо живого щита использовать, запуская первым во всякие опасные места. Впрочем, сейчас дело намечалось плевое — без стрельбы, поножовщины и рукоприкладства. Какое, спрашивается, сопротивление могла оказать такому мордовороту, как Зяблик, обыкновенная двадцатилетняя девчонка, и без того до смерти напуганная?

Дверь может рассказать о тех, кто за ней скрывается, очень

многое. Есть двери, обитые тисненой кожей, под которой если и не просматривается, то угадывается стальная рама с магнитными запорами и фиксаторами на все четыре стороны. А есть двери, чей облезлый картон висит ключьями, жалкие замки много раз вырваны с мясом и потом небрежно вставлены обратно. Дверь, интересовавшая Смыкова, была как раз из этого самого последнего разряда. Даже к ее ручке не хотелось прикасаться без брезентовых рукавиц-спецовок.

Так, как Зяблик, в чужое жилье умели стучаться немногие, и еще меньшее число людей способно было этому стуку противостоять. Если ему вдруг попадались всякие дзинькающие и тренькающие устройства, переделанные из велосипедных звонков, будильников и колокольчиков, Зяблик начинал все-таки с них, но от излишнего усердия вскоре отрывал или разламывал хлипкие рычажки и кнопки, после чего привычно пускал в ход кулаки и ботинки.

Уже после первой — еще разминочной — серии ударов изнутри осторожно поинтересовались:

— Кто там?

— А ты не догадываешься? — зловеще спросил Зяблик и чуть погодя добавил: — Лярва...

Дверь едва-едва приоткрылась, и хозяйка выглянула из душного полумрака, пахнувшего нафталином, помоями и «маньками» — маниоковыми лепешками, жаренными на мартышечьем жире. Лицо, обращенное к незванным гостям, было свежее, с ясными глазами, но язык не поворачивался назвать его обладательницу девушкой — очень уж она была плотна, коренаста, большегруда.

— Что вам надо? — спросила она и длинно, тяжело глотнула, как будто перед этим держала во рту сухую корку.

— Сейчас узнаешь! — Зяблик уже вломился в прихожую и придерживал дверь открытой, дожидаясь, пока вернется Смыков, вышедший из подъезда звать Верку.

Четвертый из их ватаги — нехристь Толгай, больше известный под кличкой Чмыхало, — должен был пока оставаться снаружи, наблюдая одновременно и за своим драндулетом, и за ближайшими окрестностями. Место было дурное — варнаков здесь уже не раз видели, а там, где варнаки появляются, и всякая другая погань вьется.

— Вы ошиблись! Уходите, пожалуйста, прошу вас... — в голосе молодой хозяйки появились умоляющие нотки.

— Не нас, значит, ждешь? А кого? — Зяблик замахнулся на нее открытой ладонью, впрочем, больше для остратки.

Тут его оттер в сторону Смыков, следом за которым шла Верка с фельдшерским чемоданчиком.

— Здравствуйте, — шаркая подошвами по несуществующему коврику, сказал Смыков. — Одна живете?

— С бабушкой. — Первая слеза уже катилась по щеке девицы.

— Понятно, — Смыков глянул по сторонам, словно бабушка могла прятаться где-то здесь среди вороха изношенной одежды и кучи стоптанной обуви. — А где же она сейчас?

— В Лимпопо пошла. За мукой.

— Давно пошла?

— Давно... Я даже со счета сбилась. — Еще две слезы побежали вдогонку за первой, и каждая была как полновесная виноградина. — Пора бы уж и вернуться.

— На что муку меняете? — Смыкову это было, конечно, безразлично, ему и картошки с кислым молоком вполне хватало, а вопрос он задал потому, что заранее хотел расположить Шансонетку (так они заглазно прозвали между собой девицу) к себе.

— Да так... На барахло разное. Бабушка на спицах вяжет.

— Говорят, сейчас в Лимпопо электрические лампочки хорошо идут. Только без цоколя. Арапам из них пить нравится. Они же к сушеным тыквам привыкли. стакан им в руку не ложится. А лампочка в самый раз.

— Где же тех лампочек набраться? — вздохнула Шансонетка.

— Это точно, — подтвердил Смыков, уже успевший между делом заглянуть и на кухню, и в темную сырую конуру, некогда служившую санузелом. — Присесть не пригласите?

— В зал проходите. — То, что количество вторгшихся в ее жилище людей возросло, вроде бы немного успокоило хозяйку.

Зал представлял собой невзрачную, хоть и чистенькую комнатку, чуть более просторную, чем вигвам, и чуть более тесную, чем юрта. Единственное, да еще и зарешеченное, окно глядело на какие-то захламленные задворки, заросшие мерзкой степной колючкой. Типичное старушечье обиталище с блеклыми семейными фотографиями на стенах, нищенской разномастной мебелью и множеством вязаных салфеток, разложенных к месту и не к месту. Самым ценным предметом здесь, наверное, была фарфоровая юбилейная ваза с голубоватым портретом кого-то волосатого: не то маршала Буденного, не то олимпийского Мишки. Эта бедность была тем более

удивительна, что в соседних квартирах без толку пропадали ковры и зарастал паутиной хрусталь.

— Вот, значит, какие дела, — сказал Смыков, примостившись на скрипучем венском стуле. — Не хочется вас, конечно, беспокоить, но, как видно, придется. Такая уж жизнь наша хлопотная, одни заботы да недосуги. Вы нам, пожалуйста, все расскажите подробно, мы и пойдем себе...

— Что я должна рассказать? — Шансонетка прижала к груди пухлые кулачки.

— Скрывать от нас ничего не надо. Знаем, заходил тут к вам кое-кто на днях.

— Вы про варнаков спрашиваете? — Лицо девушки дрогнуло так, словно под кожей у нее была не упругая плоть, а хлипкий студень.

— Про них, родимых, — Смыков улыбнулся своей обычной кисло-сладкой улыбочкой. — Интересно знать, что они от вас такое хотели?

— А что, по-вашему, мужчина от женщины может хотеть? — Она уставилась в угол, где на фанерной тумбочке красовался старенький аккордеон.

— Так то от женщины! — не удержался Зяблик. — А ты же корова!

— Все, я больше вам ни слова не скажу, — Шансонетка спрятала лицо в ладони.

— Не обращайтесь внимания, — Смыков укоризненно глянул на Зяблика и откашлялся в кулак. — Вы нас правильно поймите... Варнаки нам враги. Но не такие, как, скажем, когда-то были арапы или нехристи. Они враги всем людям, которых и так осталось не очень-то много. Мы о них почти ничего не знаем. До сих пор к варнакам никто и пальцем не сумел прикоснуться. Единственное, чем мы располагаем, так это гипсовыми отливками их следов да некоторыми не совсем... а лучше сказать: совсем непонятными вещами. Так близко, как вы, их никто не видел. Мы просто обязаны подробно допросить вас.

— Тише дыши, командир! — озлился Зяблик. — Чего ты ей всю нашу подноготную выкладываешь?

— Не мешайте, братец вы мой, — Смыков отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

— Ладно, — после недолгого молчания выдавила Шансонетка. — Я все расскажу.

— Вот и ладненько, — кивнул Смыков. — Сколько их было?

— Трое.

- Все трое занимались с вами... этим?
- Нет. Только один.
- А остальные где были?
- Рядом стояли. Они накрыли нас чем-то вроде шатра или покрывала.
- Раньше вы знали мужчин? — Смыков вновь откашлялся в кулак. — Я имею в виду: вам есть с чем сравнить?
- Есть, — она покраснела, главным образом ушами и шеей.
- Ну и что вы можете сообщить нам по этому поводу? Разница между человеком и варнаком имеется?
- Не знаю... Кажется, нет.
- Говори, шалава, во всех деталях, как дело было! — вновь влез Зяблик.
- Дай Бог вам всем, как у него! — огрызнулась Шансонетка.
- Какой он на ощупь, — осведомился Смыков. — Кожа, мышцы, волосы?
- Обыкновенный. Только очень твердый. Как камень. Если бы захотел, из меня лепешку мог бы сделать.
- Какого-нибудь особенного запаха вы не ощущали?
- Нет.
- Звуки он издавал?
- Нет.
- Что — не дышал даже?
- Дышал, наверное. Но я как-то не прислушивалась.
- А сердце как билось?
- Не помню. Я очень испугалась. Они вошли, сняли с меня всю одежду, будто... с колбаски шкурку стянули, а потом покрыли этой попоной.
- Где все это происходило?
- Здесь. На полу.
- Вы убрали потом?
- Да. И полы помыла.
- Ничего примечательного не нашли?
- Нет.
- Эта женщина — врач, — Смыков кивнул на Верку. — Она должна осмотреть вас.
- Вы-то хоть выйдите отсюда, — взмолилась Шансонетка.
- Ага, стыдно теперь! — ухмыльнулся Зяблик. — А когда они тебя по полу валяли, не стыдилась?
- А вы меня защитили? Прогнали их? — девушка вскинула заплаканное лицо. — Сейчас-то вы все смелые...
- Пошли, — Смыков взял Зяблика под локоть. — Покурим.

На кухне Зяблик соорудил себе огромную самокрутку из целой горсти самосада и желтоватого клочка газетной бумаги (на вес золота шла нынче любая макулатура) и скрылся за вонючей дымовой завесой, а добросовестный Смыков принялся перетряхивать мусорное ведро. Вскоре к нему присоединился и Зяблик, обшаривший давно не топившийся самодельный очаг и посеявший тем самым страшную панику среди тараканов, глянцеvато-черных и невиданно здоровенных, давно сживших со света своих рыжих собратьев — прусаков.

После того как на кухню, на ходу застегивая свой чемоданчик, явилась Верка, мужчины переместились в зал — переворачивать половики, отодвигать от стен мебель, ножами ковыряться в щелях. При этом была разбита стеклянная салатница и сломана ножка у тумбочки. Единственной же добычей оказалась бутылка самогона, спрятанная в побитом молю валенке.

— Ага, — зловеще констатировал Зяблик. — Продукты питания на бимбер переводишь? Ряху разъела! А люди кругом с голодухи дохнут!

— Да вы сами тоже вроде от ветра не качаетесь! — дерзко ответила осмелевшая хозяйка. — А бутылка бабушкина. Она на самогонке лекарственные травы настаивает.

— Побудьте пока здесь, — сказал Смыков и, поманив Зяблика пальцем, направился на кухню.

— Ну, как успехи, зайчики? — спросила Верка, мусолившая оставшийся от Зяблика бычок.

— Пустое дело, — махнул рукой Зяблик. — Локш потянули.

— Что? — переспросила она.

— Осечка, говорю. Дырка от бублика.

— И у меня ничего. Никаких признаков беременности, — сказала Верка, выкладывая на кухонный столик все, что полагалось Зяблику за сутки дежурства в засаде: нитку вяленой, сочившейся жиром саранчи, половинку черствой лепешки и кусок желтоватого неочищенного сахара.

— Эх и загужуем сейчас, — Зяблик с вожделием потер руки. — Жаль, баланды никакой нет. От сухомятки уже кишки склеиваются... Пить будете?

— Я не буду, — поспешно отмежевался Смыков.

— А мне плесни, зайчик, — Верка вытащила из чемоданчика аптечную мензурку.

После того как они, не чокаясь, выпили, Смыков глубоко-мысленно заметил:

— Значит, вариант кукушки исключается?

— Я вам это с самого начала доказывала, — Верка отщипнула себе крохотный кусочек лепешки. — Есть куда более простые и надежные способы репродукции потомства.

— Проще-то не бывает, — пожал плечами Смыков.

— А им, может, именно такой и нравится, — добавил Зяблик, энергично двигая челюстями.

— Похоть они свою тешат. Вроде как солдатня в захваченном городе, — высказался Смыков, не столько любопытный, сколько дотошный. — Правильно я мыслю, Вера Ивановна?

— Похоже на то, — кивнула она. — Заметьте, кого они выбирают. Под стать себе. Для варнаков это, наверное, и есть идеал красоты.

— Какой туфтой приходится заниматься, — Зяблик сплюнул. — У профурсеток в манде копать... Еще будешь? — он шелкнул ногтем по бутылке.

— Нет, — Верка предусмотрительно пересела подальше от него.

— Как хочешь, — Зяблик жадно припал к вышербленной хозяйской чашке.

— Что теперь делать будем? — спросил Смыков.

Любил он интересоваться чужим мнением и редко оспаривал его при людях, но потом все всегда делал по-своему.

— Сами решайте, — устало сказала Верка. — Вы мужики, вам виднее.

— Что делать, спрашиваешь? — Зяблик уже немного захмелел. — Отодрать ее хором да еще припугнуть хорошенько, чтобы в следующий раз не скурвилась.

— Ну это вы, братец мой, бросьте, — покосился на него Смыков.

— Да шутит наш Зяблик, — через силу улыбнулась Верка. — Тоже мне насильник нашелся. Уж как я только к нему, бывало, не подкатывалась раньше — и ничего! Функциональная импотенция. Результат глубокого нервного потрясения. Тебе сколько лет было, зайчик, когда все это случилось? За двадцать перевалило?

— Не твое дело, — обиделся Зяблик. — На себя лучше посмотри. Да на такую, как ты, даже варнак не позарится. Одни кости. А еще докторша...

— Потихе, — сказал Смыков. — Предлагаю бабенку с собой забрать и еще раз хорошенько допросить. Не может такого быть, чтобы она совсем ничего не знала. А здесь пока засаду оставим.

— Опять меня? — насутился Зяблик.

— Вас, братец вы мой, вас, — кивнул Смыков. — Кого же еще? Да не одного, а с Толгаем на пару.

— На фига он мне нужен? С ним ни покурить, ни поговорить. Лучше пусть Верка останется. Уж я ей покажу функциональную импотенцию!

— Отстань! — увернувшись от его рук, Верка легонько мазнула Зяблику ладонью по лицу. — Зачем тебе мои кости? Треск такой пойдет, что все варнаки в округе разбегутся. Отстань, говорю!

— Ах вот ты как! — скорчив жуткую рожу и заухав на манер раздосадованной гориллы, Зяблик вскочил с табурета...

...И тут же напоролся на человека, который в настоящий момент на кухне никак не мог находиться!

Просто наваждение какое-то. Как проморгал этого типа верный Чмыхало? Почему никто не слышал приближающихся шагов? Почему не скрипнули проржавевшие петли входной двери? Почему бледное лицо незнакомца так мучительно напоминает о чем-то важном?

Даже подвыпивший Зяблик был против рядового обывателя, как дикий кабан-секач против домашнего борова. Пока Верка еще только начала приоткрывать от удивления рот, а Смыков лапать кобуру и вместе со стулом отклоняться назад, он уже сунул руку за пистолетом. Не за тем, давно не чищенным, который для блезиру терся под мышкой, а за другим — упрятым за поясом штанов, заранее снятым с предохранителя и взведенным. («Прострелишь ты себе когда-нибудь мошонку», — не раз говорила ему Верка.)

Да только проворные пальцы Зяблика хапнули пустоту. Пистолет удивительным образом уже перекочевал в руки незнакомца, и тот его внимательно рассматривал, наклонив боком к свету.

— Нельзя так с огнестрельным оружием обращаться, — что-то неуловимо-странное было в голосе этого человека: не то он давно не говорил по-русски, не то недавно обжег язык горячим чаем. — Курок на боевом взводе, предохранитель снят, патрон в патроннике. Да и спуск совсем короткий. Подточили небось?

— Подточил, — мрачно подтвердил Зяблик. — Ты, это самое... тещу свою поучи, как с огнестрельным оружием обращаться. Или дружков своих, варнаков. А меня учить поздно... Верни пушку.

— На, — незнакомец протянул пистолет Зяблику, перед

этим выщелкнув патрон из патронника и ловко опорожнив магазин. — Может, присядем?

— Конечно, присядем, — опомнившийся наконец Смыков услужливо пододвинул гостю свой стул.

Так они и сели: Зяблик, положив перед собой разряженный пистолет, а тот, другой — выстроив на краю стола заборчик из восьми тускло поблескивающих патронов. Странен он был не только голосом и поведением, но и всем обликом своим, причем странен не какими-то особыми приметами, а именно обыкновенностью внешнего вида, усредненного почти до символа. Именно такие люди без явных признаков индивидуальности, не соотносимые ни с одной определенной этнической группой, изображались на миниатюрах средневековых хроник.

Напряженная тишина длилась с минуту, даже Смыков, большой специалист вопросы задавать и зубы заговаривать, как-то подрастерялся. Потом Зяблик глухо произнес:

— Выпьешь?

— Ради знакомства можно.

— Чашка одна. Не побрезгуешь?

— Могу из горлышка.

— Как хочешь.

Точным красивым движением, словно последний мазок на картину наносил, Зяблик выплеснул в чашку ровно половину содержимого бутылки.

— Ну, будем, — сказал он.

— За все хорошее.

Незнакомец приподнял бутылку, но она внезапно хрустнула у него в руках, как елочная игрушка, обдав всех брызгами самогона.

— Вот незадача! — с напускной досадой сказал он, дробя в горсти осколки стекла. — Уж простите за неловкость.

— Так, — Зяблик поставил на место чашку, которую так и не успел донести до рта. — Весьма впечатляюще. Публика потрясена. Бурные аплодисменты. А подкову перекусишь?

— Лучше котлету, — незнакомец вытряхнул в мусорное ведро стеклянное крошево. — Сейчас я уйду. Есть две просьбы к вам. Или, если хотите, совета. Первая — не трогайте девчонку. Второе — не надо стрелять мне в спину. Дело неблагоприятное.

— А я ведь тебя сразу срисовал, залетный, — опасное веселье звенело в голосе Зяблика. — Давно ты у нас на примете. Ни одна заварушка без тебя не обходится. Может, ты и не сам

их устраиваешь, но попадаешь всегда вовремя. Скажи: что тебе от нас надо? Ты же вроде человек, а не черт с рогами! Да когда вы наконец нас в покое оставите? Знаешь, сколько людей я до этой напасти знал? Может, целую тысячу! Теперь ни одного в живых не осталось. У нас дети перестали рождаться. Хватит уже! Передышку дайте! Только-только кое-как очухались, а тут опять...

— Поверьте, я не имею к этому никакого отношения, — незнакомец встал и качнулся к дверям. — Девчонку не трогайте.

— Минуточку! — соскочил с подоконника Смыков. — Есть вопросик... Лично вы сами — человеческого рода?

— Думаю, да. По крайней мере, родился я человеком.

— Тогда еще один вопросик...

Но дверь в прихожей уже хлопнула, и по лестнице застучали, удаляясь, быстрые шаги.

— Вот нарвались так нарвались, — сказал Зяблик, пододвигая крошку от лепешки взобравшемуся на стол особо наглому таракану. — С Белым Чужаком покалякали. Надо же...

— Да-а, — вздохнул Смыков. — Такую птицу упустили.

— Догоняй, еще не поздно.

— Как же, ищи ветра в поле...

— А мне он очень даже понравился, — Верка прижмурила глаза и покрутила головой, словно дорогих духов нюхнула. — Сразу видно настоящего мужчину. Не чета некоторым.

В прихожей раздался шорох, и все подскочили как ужаленные. В дверной проем осторожно заглянула молодая хозяйка.

— Забыла сказать... Уже после, когда они уходили, один что-то запел.

— Кто — варнак? — вылутился на нее Смыков.

— Ага.

— Что же он запел? «Частица черта в нас заключена подчас...»

— Ну, я не знаю... Может, он и не запел, а сказал что-то. Но звук был такой... — она закатила глаза и пошевелила в воздухе пальцами, стараясь выразить жестами и мимикой нечто невыразимое словами, — такой мелодичный... Сейчас я вам сыграю.

Шансонетка одернула на себе застиранный халатик и скрылась. Было слышно, как в зале вздохнул потревоженный аккордеон. В кухню она вернулась уже с музыкальным инструментом в руках и от этого стала еще шире.

— Слушайте... — склонив голову на левое плечо, она растянула мехи и пальчиками прошлась по клавишам. — Та-ра-ри-ра-ра, та-ра-ри-ра-ра... Похоже на «Подмосковные вечера», правда?

Зяблик и Смыков переглянулись, после чего последний незаметно, но многозначительно постучал себя пальцем по виску, а первый сказал:

— Кранты. Подались к причалу. А не то нам тут еще и талец живота изобразят.

Незлобивого Толгая даже друзья в глаза называли то нехристом, то басурманом, то татаринном. Он и в самом деле был выходцем откуда-то из глубины азиатских степей — меркитом, уйгуром, таргутом, а может и гунном, — но нос имел вовсе не монгольский, приплюснутый, а скорее кавказский: огромный, висячий, пористый. Носом этим он, как еж, все время издавал громкие чмыхающие звуки, за что и получил свое прозвище.

Все в ватаге любили его за исполнительность, безотказность, добродушие, да еще за то, что он ни у кого не кланчил патроны. При себе Толгай всегда имел саблю, кривую, как половинка колеса, и в случае нужды выхватывал ее быстрее, чем другие — ствол. На русском он изъяснялся через пень-колоду, пиджин¹ вообще игнорировал, но все сказанное ему понимал, как умный пес. Абсолютно ничего не соображая в технике, более сложной, чем лом и кувалда, он тем не менее выучился довольно ловко водить машину — жуткий драндулет с топившимся чурками газогенераторным движком и калильным зажиганием, собранный неизвестно кем из остатков пяти или шести разнотипных предшественников. Было у Чмыхало и отрицательное качество — водобоязнь. Заставить его вымыться могла одна только Верка, да и то обманными обещаниями своей любви.

Увидев, что из подъезда гуськом выходят его сотовариши, Чмыхало по-детски доверчиво улыбнулся. Бедняга и не подозревал, что в образе хмурого Зяблика на него надвигается Божья гроза.

— Падла татарская! — начал Зяблик без долгих околичностей. — Вот я тебе сейчас фары промою! Ты здесь, ракло носа-

¹ Пиджин — упрощенный язык, используемый для общения в среде смешанного населения.

тое, для чего был поставлен? По сопатке давно не получал? Как ты этого волчару проморгать мог? Почему шухер не поднял?

— Не-е, — продолжая блаженно улыбаться, Чмыхало помахал в воздухе пальцем. — Не-е, Зябля... Тут зла нет... Тут хорош человек был... Дус... Друг... Батыр...

— Ах ты, кабёл драный! — продолжал наседать Зяблик. — А про Белого Чужака ты слышал? А про Дона Бутадеуса?

— А про Куркынач-Юлчи? — как бы между прочим добавил Смыков. — А про Чудиму?

— Слышал... — кивнул Чмыхало. — Ты говорил.

— Так это он и был! — болезненно скривившись, просто-на-просто Зяблик. — Мы за ним уже сколько времени охотимся! А ты в его дружки записался! Тебя же, лапоть, на понт взяли!

— Не-е, — повторил Чмыхало. — Толгай глаз имеет... Толгай душу имеет... Толгай людей понимает... Друг приходил...

— Куда он хоть подался, друг твой?

— Так подался, — Толгай ладонью указал в промежуток между двумя ближайшими пятиэтажками.

— Эх! — Зяблик в сердцах лягнул задний баллон драндулета и стал ладить очередную самокрутку.

— Вернется, — сказал Смыков, с прищуром глядя вдаль. — Даже черти на старые дорожки возвращаются. Сто раз стороной минет, а на сто первый вернется.

— Сто раз... Сколько же тогда его ждать? Сто лет, что ли?

— Зачем сто лет... Через сто лет здесь варнаки будут жить. Или такие, как он.

— Или вообще никто, — вздохнула Верка.

— Знать бы только, кто за кем ходит, — Смыков задумчиво почесал кончик носа. — Он за варнаками или они за ним.

— Думаешь, не корешатся они?

— Это, братец вы мой, вряд ли. В сказках только лиса с волком дружат. Разные они совсем... И пришли из разных мест.

— Устроили тут, понимаешь, проходной двор, — проворчал Зяблик, понемногу успокаиваясь. — То чурки неумытые, то негры недобитые...

Было пасмурно, как в ранних осенних сумерках, хотя «командирские» часы Смыкова показывали полдень. Небо над головой напоминало неровный тускло-серый свод огромной пещеры, слегка подернутый туманной пеленой. В нем совершенно не ощущалось ни глубины, ни простора. Можно было подумать, что учение Птолемея вопреки всему восторжествовало и планету окружает не бесконечный космос, а твердая

хрустальная сфера, по неизвестной причине внезапно утратившая чистоту и прозрачность (а заодно — и способность попеременно посылать на землю день и ночь), да вдобавок еще и просевшая, как продавленный диван. Ни солнце, ни луна, ни звезды уже не посещали эти ушербные небеса, и лишь иногда в разных местах разгоралось далекое мутное зарево — то багровое, как вход в преисподнюю, а то изжелта-зеленое, как желчь.

Была жара, но какая-то странная: как будто стоишь зимой в дверном проеме плавильного цеха, подставив лицо потоку раскаленного воздуха, а лопатками ощущаешь ледяную стужу.

Еще был город вокруг: давно лишенный газа, воды, электричества — мертвый, как человек с вырванным сердцем. Ютились в нем только самые распоследние люди, уже не имевшие ни сил, ни желания бороться за более-менее пристойную жизнь, кормившиеся со свалок, с не до конца разграбленных армейских складов да с подвалов, хозяева которых или давно погибли, или сбежали, спасаясь от арапов, варнаков, нехристей, киркопов, инквизиции, аггелов¹, своих собственных соседей-налетчиков, жары, мора, радиации и еще черт знает чего.

Кое-где под окнами домов виднелись грядки с чахлой картошкой (нынешний климат не благоприятствовал) или с не менее чахлым сахарным тростником (почва не подходила), но дикая цепкая поросль, являвшая собой невообразимую смесь голарктической и палеотропической флоры уже обвила стены нежилых зданий, проточила асфальт, ковром покрыла тротуары, превратила уцелевшие электрические провода в пышные гирлянды.

— Уж если меня кто в гроб и загонит, так только Чмыхало. — Зяблик отдал недокуренный чинарик Верке и отхаркался желтой тягучей слюной. — Ну чего зенки пialiшь, пропадающая твоя душа? Такой верняк зевнули из-за тебя...

Неизвестно как долго бы еще Зяблик распекал безответного Толгая, если бы его не отвлек звук, родившийся, казалось, сразу во всем окружающем их пространстве. Поначалу глухой и слитный, как раскаты далекого грома, он постепенно распадался на отдельные аккорды: грозный рокот, идущий

¹ Аггелы — в церковном представлении ангелы-оборотни, отпавшие от Бога и принявшие сторону сатаны.

словно бы из-под земли, натужный скрип, падающий с неба, свистящий шорох несуществующего ветра. Небывалая, прямо-таки космическая мощь ощущалась в этом сдержанном многоголосом гуле, как будто бы производимом сдвинувшимися с места материками.

— Опять! — сказала Верка несчастным голосом. — Да что же это, Господи, такое?

— Конiec скоро, — равнодушно сообщил Зяблик. — Мать сыра-земля стонет.

— Империалисты какую-то каверзу измышляют, — заявил Смыков, — неймется проклятым...

— Конечно, на кого же еще бочки катить! Империалисты и солнышко с неба сперли, и моря ложкой выхлебали, и ночь с днем перепутали. Да вот только где они, те самые империалисты? От нашего брата, может, хоть один на тысячу уцелел... А от них? Видел я однажды за Лимпопо — коробка бетонная из земли торчит, этажа на полтора. На вид очень даже клевая. На крыше буквы аршинные: «Галф энд...» Дальше не разобрать — срезало. Сунулся в окно, жрaчки поискать или барахла какого, да там уже до меня крепко пошуровали. Над лифтом, гляжу, написано: «45 флор». Сорок пятый этаж, значит. Хотел по лестнице вниз спуститься, да побоялся. Темно там и вода плещет, как в колодце... Вот, может, и все, что от твоих империалистов осталось.

— Заблуждаетесь, братец вы мой, ох заблуждаетесь! Это все на простачков рассчитано. Вот скажите-ка мне...

На этом месте Чмыхало прервал их бесконечный и беспредметный спор. Он загудел, подражая звуку мотора, и руками покрутил невидимую баранку — ехать, мол, пора! Зяблик привычно забрался на водительское место, швырнул приятелю до блеска отполированную ладонями заводную ручку: «Крути!» — а сам выжал сцепление. (О всяких там стартерах, магнето, аккумуляторах и прочих хитрых штучках в этом проклятом мире давно не вспоминали.) Спустя пару минут драндулет уже трясся на холостом ходу, как алкоголик с похмелья, и чихал сизым дымом.

Разъезжать по такому городу было, пожалуй, посложнее, чем по дремучему лесу. В любой момент колесо могло угодить в открытый канализационный люк или просто в глубокую трещину, скрытую от глаз ползучей растительностью. Все время приходилось маневрировать между ободранными остовами автомобилей, проклюнувшимися сквозь мостовую молодыми деревцами неведомой породы (цветы, колючки да крепкий уз-

ловатый ствол — больше ничего) и кирпичными завалами. У давно не посещавших город людей эти завалы вызывали недоумение гораздо большее, чем парочка страусов, высиживавшая яйца в песочнице детского парка, или жираф, объедающий кроны конских каштанов. Большинство домов Талашевска хоть и имело крайне неухоженный вид, тем не менее оставалось домами со всеми присущими им внешними особенностями. Зато некоторые по неизвестной причине превратились буквально в руины, навевая воспоминания об ужасах Герники, Ковентри и Сталинграда. Одно блочное здание, словно извергнутый землей гроб грешника, вообще встало вместе с фундаментом на попа и сейчас своей высотой уступало только, пожалуй, трубе местной котельной.

Лихо объехав очередное препятствие, Чмыхало залопотал что-то на своем родном языке, по версии Смыкова, главного полиглота ватаги, предназначенного для общения с лошадьми и баранами, но никак не с людьми.

— Чего это он? — поинтересовалась Верка.

— Ругается, — лениво объяснил Зяблик, понимавший друга нутром. — Говорит, плохо здесь на колесах ездить. На конях, говорит, надо ездить. Конь сам дорогу видит. Конь сам яму обойдет.

— Ну да, — рассеянно кивнул Смыков. — Самолет хорошо, а оленя лучше... Слыхали. Да только коня твоего овсом полагается кормить, а машина осиновые чурки жрет.

— Конь жеребя дает. Жеребя кушать можно, — горячо возразил Чмыхало. — Конь кумыс дает. Кумыс кушать можно. А что драндулет дает? Дым дает. Дым кушать можно?

— Можно, если умеючи, — пробормотал Зяблик, засыпая.

Они выехали на дорогу, когда-то считавшуюся европейским «шоссе номер 30», вернее, на то, что от него осталось после исчезновения большей части Европы, Азии, Африки, да, наверное, и всех других частей света. Дорога была ухабиста, колдобиста, но на всем своем протяжении почти безопасна, а Зяблик имел неодолимую привычку засыпать в любом безопасном месте. Эта его слабость была понятна и простительна — в местах опасных он мог не спать сутки напролет.

На стене самого последнего дома красовалась надпись, намалеванная кривыми буквами: «Зяблик, если не покаешься, с тобой будет то же самое». Еще недавно красная, она уже успела побуреть, а в конце, вместо восклицательного знака, болталась подвешенная за хвост псина с перерезанным горлом.

Верка, первой заметившая зловещую мазню, толкнула Смыкова под бок.

— Смотри! Вчера еще не было... Может, разбудить его?

— Не буди лихо, пока тихо, — посоветовал Смыков. — Пусть себе дрыхнет, а не то сейчас заведется...

— Будто бы такое в первый раз намалевали, — сквозь сон пробормотал Зяблик. — У аггелов руки чешутся. Ничего, припомню я им когда-нибудь эту собачку...

Регулярный сбор делегатов от всех ватаг, рыскавших не только в Отчине (называемой многими еще и Отчаиной), но и во всех окрестных землях, на этот раз был назначен в деревне Подсосонье, километрах в десяти от Талашевска. Сама деревня давно сгорела, но в сторонке от нее на холме уцелело кирпичное здание школы, разграбленное, но не порушенное — даже стекла в окнах уцелели.

Народ собирался целые сутки — по одному, по двое, кто пешком, кто верхом, кто на жуткого вида самоходных устройствах, и, хотя особо шуметь не рекомендовалось, пошумели при встрече знатно. Люди, однажды объявившие себя свободными и посулившие уважать чужую свободу, просто обязаны были постоянно напоминать об этом самим себе и друг другу, а поскольку свобода не баба — ни обзреть, ни пощупать, — новое состояние души проявлялось главным образом своеволием и строптивостью.

Председательствовать согласно очередности полагалось Зяблику, но он, все еще пребывая в состоянии полудремы (накануне усугубленной обильными возлияниями), только махнул рукой и промычал что-то маловразумительное. Ради ложно понятой солидарности Верка тоже отказалась от своего законного права один денек покомандовать целой сворой мужиков. Из задних рядов стали выталкивать вперед Толгая, но он улегся на пол и философски заметил:

— Где у коня хвост, знаю... Где у драндулета руль, знаю... Какие тут у вас всех дела, не знаю... Зачем зря ваньку валять?

Собравшиеся в школе люди, большинство из которых добирались сюда по много дней и отнюдь не по торным трактам, стали роптать.

Действительно, хватит ваньку валять, говорили они. Прав нехристь. Мы сюда не самогон пить собрались и не штаны протирать. Дел невпроворот. Многие башкой рискуют. Каж-

дая минута на счету. Начинать пора, ни дна вам, ни крыши-ки! Левка, приступай, мать твою! Первый раз тебе, что ли?

Левка Цыпф, сиротой прибившийся к штабу, выросший при нем и надорвавший здоровье чтением никому не нужных книг, застенчиво сказал:

— Если, конечно, никто не возражает...

— Не возражаем! — вокруг загалдели так, что на потолке паутина зашевелилась. — Любо! Любо! Только громче говори, не шепелявь!

Даже Зяблик приоткрыл один глаз и на удивление внятно произнес:

— Действуй, Левка, не тушуйся. Не Боги горшки обсирают. Только сначала хайло этим горлопанам заткни.

Дождавшись, пока шум поутихнет, Левка Цыпф придвинул к себе грифельную доску и принялся черкать по ней мелком — в отличие от большинства присутствующих, он предпочитал больше доверять письменным знакам, чем своей, пусть и изощренной, памяти.

— Кое-какие предварительные справки я уже навел... На этот час прибыли представители шестнадцати регионов из восемнадцати контролируемых нами. Из Баламутья никого не будет, там наша миссия погибла полностью... Тише! Погибли они исключительно по своей неосторожности, и винить тут некого. Сами знаете, какая там обстановка... Из Эдема вестей нет вот уже свыше полугода, а посланные туда разведчики не возвращаются. Может, кто-нибудь прольет свет на эту проблему? Ближайшие соседи, например...

Человек, на которого весьма недвусмысленно уставился Цыпф, прежде чем встать, натянул повязку на лишенный век усохший глаз. Все лицо его было изрыто зарубцевавшимися следами какой-то лютой кожной болезни.

— Я лично в тех краях не бывал, — сообщил он сипло. — Не знаю, что там за Эдем такой обнаружился. От нас до него сто верст и все болотами. А болота те такие, что в них даже жаба не сунется. Был Сарычев в Эдеме или нет, спорить не буду. Это он про него первым наплел. Вы ему тогда все поверили и поручили миссию основать. Хотя доказательства были скользкие. Помните? Муку дали, сахар, патроны... А он у меня потом двух самых толковых помощников увел и толмача.

— Толмачку! — поправил кто-то из заднего ряда.

— Не важно... — он покосился на подсказчика живым, набрякшим кровью глазом. — Важно, что с тех пор про них ни слуху ни духу.

— О судьбе разведчиков тоже ничего не известно? — интересовался Цыф.

— Ничего. Как в воду канули. Мы их до того самого места проводили, где Сарычев через болото переправлялся. Авантюра все это... Зряшный риск...

— Вся жизнь наша — зряшный риск, — заметил Цыф.

— Вот это верно, Левка! — Зяблик тяжело вздохнул, перекладывая голову с Веркиной груди на плечо Смыкова. — Риск... Сегодня в порфире, а завтра в сортире.

— Значит, по явке более или менее разобрались, — деловым тоном продолжал Цыф. — Какие у кого будут предложения?

— У меня будут! — Смыков вскинул руку. — Предлагаю начать согласно повестке дня и в соответствии с регламентом.

Это предложение он регулярно вносил в начале каждого собрания, а потом терпеливо дожидался его конца, чтобы потребовать прекращения прений. Никто даже и не смел покушаться на эту священную прерогативу Смыкова.

— Тогда начнем, — кивнул Цыф. — Кто первый? Как всегда — Кастилия? Надежда наша и беда...

— Я, с вашего позволения, сидя, — произнес человек неопределенного возраста и неприметной наружности. Выглядел он каким-то линиялым и стертым, но первое впечатление было весьма обманчиво: вылинял он в многочисленных кровавых банях, а сточен был буйной жизнью, как нож — оселком.

— А что случилось, если не секрет? — осторожно осведомился Цыф. — Вы ранены?

— Самую малость... Нравы общества, в котором мне приходится вращаться, позволяют разрешить все споры, в том числе и метафизические, при посредстве холодного оружия. Отклонить вызов, как вы сами понимаете, равносильно бесчестью.

— А как соотносятся эти нравы с общепризнанным тезисом о приоритете человеческой жизни над всеми другими ценностями? — ехидно осведомился кто-то.

— Как? — раненый еле заметно усмехнулся. — А как все у нас соотносится: через пень-колоду. Примерно так же, как в течение двадцати веков до этого соотносились с человеческими нравами тезисы «не убий» и «не укради». Однако я могу успокоить вас — смертельные исходы крайне редки. Поединок обычно идет до первой крови... Но мы, пожалуй, отвлеклись.

— Вот именно, — подтвердил Цыф.

— Вверенный моему надзору край похож на тлеющие под пеплом угли, да простит меня Лев Борисович и наше уважаемое собрание за столь избитую метафору. Религия продолжает служить цементирующим фактором общества, что для нас крайне нежелательно. Пропаганда атеизма имела скорее негативный результат. Более перспективной мне кажется идея противопоставления духовенству какой-то части общества — купечества, например, или дворянства. Естественно, на принципах реформации. Но для этого нужны средства и время. И если в первом мы крайне ограничены, то о втором вообще предпочитаем умалчивать. Сколько времени у нас в распоряжении: час, день, век, тысячелетие? И вообще, возможна ли какая-нибудь конструктивная деятельность в камере смертников?

— Я вас сегодня не узнаю, — мягко сказал Цыпф. — Откуда такой пессимизм? Может, вы устали? Рана, утомительная дорога...

— Пустяки... Однако последуем совету товарища Смыкова и вернемся к повестке дня. Кстати, как там у меня с регламентом, любезный?

— Еще шесть минут, — доложил Смыков, глянув на часы.

— Короче, обстановка маловдохновляющая. Несмотря на все препоны, монахи возвращаются в монастыри, где тайно изготавливают порох и льют пули. В подполье действует инквизиция. Впрочем, главное не это. Дух толерантности, терпимости, добрососедства не имеет прочных корней в людских душах. Достаточно случайного порыва ветра, чтобы костер насилия запылал снова.

— Стравить их опять с арапами или нехристями! — предложил чей-то не очень трезвый голос. — Давно пора этих гадов проучить! Меня, бывало, жена как отколотит, так я ее сразу зауважаю! Полные штаны этой самой толерантности. Истинная правда.

— Если вас тянет людей стравливать, лучше к аггелам подавайтесь, — поморщился раненый. — Прямо сейчас бегите, пока Зяблик спит... Было уже. Все было. И те нас колотили, и эти, и мы их всех. А толку? Истина не рождается ни в драках, ни в спорах. В драках побеждают сила и жестокость, в спорах — нахрап и горло.

— И как же ты, интересно, понимаешь истину на современном этапе? — глумливо поинтересовался все тот же не трезвый голос.

— Уцелеть, но только не ценой чужой крови...

— Мы не забываем, какую опасность представляет собой Кастилия, — сказал Цыпф. — Но следует также помнить, что ее народ наиболее близок к нам в масштабах времени. Уничтожение или даже ослабление Кастилии может нарушить сложившийся в последнее время баланс сил. Это будет на руку только экстремистам, которых достаточно как здесь, так и в сопредельных регионах. Я слышал, что в Лимпопо тоже не все благополучно.

— А где сейчас благополучно, скажите вы мне? — огрызнулся парень с серьгой в ухе. — Пойдите и докажите что-нибудь моим подопечным! Они ведь ни в Бога, ни в черта не верят. Дикари! Как им объяснить, что конь не антилопа и охотиться на него нельзя?

— Откуда там кони взялись? — удивился Цыпф.

— А нехристи гоняют кормить. У них, видите ли, трава не уродилась. Мало того. Раньше арапы только на скотину охотились, а теперь и на людей стали. Колдуны им разрешают. Если, дескать, львов не стало, можно нехристей убивать. Они тоже желтые, хоть и без хвостов. Чуете, чем это пахнет? Новой резней. Мне эти колдуны уже во где сидят! — он приставил к горлу ребро ладони. — Прибрали к рукам всю торговлю магии. Монополисты! Уже не побрякушки за нее требуют, а железо. Зачем им железо, спрашивается? Они же ни плуга, ни мотыги не знают. Зато наконечники к копьям замечательные куют. Носорожью шкуру пробить можно. И еще мода пошла — на наших бабах жениться. Вот эти дуры колдунов и подначивают. Не верьте, дескать, бледнолицым. Они всегда были врагами трудового негритянского народа.

— Ну а как вы сами на все это реагируете? — поинтересовался Цыпф.

— В шапку не спим, конечно. Самозванкам этим их место уже указали. И до муженьков очередь дойдет. Но и нехристи пусть к ним не лезут. До греха недалеко...

— Что происходит, Глеб Макарович? — Цыпф привстал, высматривая кого-то в зале. — Объясните, пожалуйста.

— Дрянные дела, Лев Борисович. — Тот, кто сказал это, сейчас шарил взглядом по сторонам, выискивая, куда бы пристроить недокуренную самокрутку. Выражение его лица было трудно распознать из-за разницы в форме бровей: одна — черная узкая, вопросительно вздернутая, вторая — седая и лохматая, словно клок пакли. — Дрянные и странные... Знаете, как иногда бывает, — проснешься от кошмара, сердце колотится, весь в поту, но постепенно до тебя доходит, что ужас этот не

взаправдашний. Такое, понимаете, облегчение наступает... А ну как вдруг этот кошмар и наяву продолжается? Упаси Бог! Так и здесь. Уже перегорело все в душе, привыкать стал, успокоился кое-как. Живем, как мухи на стекле, но живем... Ан нет! Опять что-то не так. Но уже с другой стороны. Чует мое сердце, новая напасть грядет. То камни ползаться начинают, то земля стонет, то из родников вместо воды какая-то мерзость прет, то еще какой-нибудь фокус приключится... С травой у нас действительно ерунда какая-то. Не повсюду, правда, а как бы пятнами. Потемнеют стебли и не шевелятся на ветру, торчат, как примороженные. Если их помять — в прах рассыпаются, однако рука потом зудит, как от стекловаты. Если конь такую траву попробует, через пару дней издыхает. Потому-то многие и гоняют табуны в Лимпопо. Там же сплошная степь, границы никакой не видно. Хотя мы и предупреждали старейшин... наших табунщиков с дюжину прикончили, да и арапов примерно столько же полегло. Но сейчас, слава Богу, вроде все спокойно.

— Ясно, — кивнул Цыпф. — А в остальном, значит, без сюрпризов?

— Нормально. Степняков в большую кучу только кнутом сбить можно. Табунам ведь простор нужен. Кнута нет, мы за этим внимательно следим. Если какой-нибудь Чингис или Атилла объявится, не проморгаем. Бандитские шайки в основном повывелись. Воинственные роды присмирели. аггелы степь стороной обходят. Если кто-то из наших пробует воду мутить, пресекаем. Все бы ничего, если б не трава эта да прочие знамения.

— И давно такое началось?

— Кто же знает... Раньше, может, просто внимания не обращали. Мало ли от чего одиночный конь пал. Когда чирей с маковое зернышко, он, знаете, почти не чешется.

— Далась тебе эта трава! — человек, на котором поверх тельняшки была надета иссиня-черная кольчужная жилетка, в сердцах даже хватил кулаком по собственному колену. — Вот нашел проблему! С травой у него, видите ли, ерунда приключилась. Кони от нее, понимаешь,дохнут! А ты забыл, как люди пачками дохли? Как живьем гнили? Как кровью мочились? Как мы трупы на кострах жгли? Эх, нашел о чем говорить...

— Нет, это совсем другое дело, — разнوبرый покачал головой. — То мор был, эпидемия. Страшно, но понятно. Степняки нас лепрой заразили, а мы их коклюшем. От арапов обезьяньей чумы нахватались. От киркопов трупного лишая...

А нынче... Поверьте моему чутью, что-то неладное надвигается. Не люблю зря каркать, но, кажется, нас решили добить окончательно.

— Кто решил? — встрепенулся Зяблик. — Ну скажи, кто? Я его из-под земли достану!

— Если бы я знал, — разнوبرовый развел руками. — Откуда муравью знать, кто и почему развалил его муравейник. Зазнались мы, людишки. Возгордились не по чину. Ровней себя с Богами стали считать. Хотя Боги эти, Иисуски да Магометки, нами же самими и придуманы. Как говорится, по образу и подобию. А что, если в природе существуют другие Боги, настоящие? Или там высший разум какой-нибудь. Вот прикурил этот высший разум от нашего солнца, словно от уголька, оно и погасло. Ничего мы, ребята, не знаем о мироздании. Для нас оно, как для слепого цуцика — сиська. Если тепло и сытно, значит, гармония в небесных сферах. Холодно и голодно — вселенская катастрофа. А может, просто мамка-сучка отошла на забор побрызгать?

— Хорошо, если так, — пробасил кто-то. — А если сучку живодер прибрал?

— Рег-ла-мент! — объявил Смыков, словно винтовочным затвором лязгнул.

— Прошу прощения, — разнوبرовый раскланялся на все четыре стороны и сел.

— Кто следующий? Смелее... — Цыпф сделал рукой приглашающий жест.

Во втором ряду приподнялся человек, такой крупный, что до сих пор казалось, будто бы он стоит. Сейчас же, даже сгорбившись, он едва не задевал макушкой обрывок свисающего с потолка электрического шнура.

— Тут еще и четвертая часть из нас не высказалась, а уже обед скоро, — веско сообщил он, упираясь кулаками в спинку переднего кресла. — Я, между прочим, ночевать здесь не собираюсь. Хилые у вас кровати, а на нарах мне плохие сны снятся... Поэтому предлагаю: у кого действительно есть что сказать, пусть говорит. А если на твоей территории ничего не случилось, сдвигов нет ни в худшую, ни в лучшую сторону, можно и помолчать в тряпочку. Я, например, так и сделаю... У кого словесный понос наблюдается, пусть ко мне обратится. Вылечу...

— Верно! В самую точку! — одобрительно заулюлюкали почти все собравшиеся. — От души сказано. Цицерон ты наш!

За такие слова ему лишняя порция на обеде полагается! А еще лучше — лишняя чарка.

Даже Верка захлопала в ладоши: «Молодец, зайчик!»

— Не так часто мы собираемся, чтобы сегодня в молчанку играть, — попробовал возразить Цыпф. — Не могу поверить, что в Хохме или на Изволоке за это время ничего примечательного не случилось. На этих примерах мы должны сами учиться и других учить. Ведь по телефону сейчас не созвонишься. Да и телеграмму не дашь. Что вчера в Трехградье случилось, завтра может в Гиблой Дыре повториться...

Опять поднялся шум, как одобрительный, так и негодующий, но всех перекричала Верка, на которую нынче ну прямо стих какой-то нашел:

— А ты, собственно говоря, кто такой? — Она вскочила, отпихнув мыкающегося между сном и явью Зяблика. — Ты чего это, Левка, раскомандовался? До власти дорвался? Забыл, что сегодня я должна на этом месте сидеть? Сейчас пулей отсюда вылетишь! Тебе люди дело говорят! Нечего здесь попусту трепаться! Тебя, может, язык и кормит, а нас — ноги! Хорошо возле кухни отсиживаться да книжки почитывать! А мы сутками напролет то за варнаками, то за аггелами гоняемся!

— Хорошо, хорошо! — Цыпф демонстративно заткнул уши. — Делайте что хотите. Пусть выступают только те, у кого есть важные сообщения.

— Или соображения, — добавил Смыков. — Но все же о регламенте прошу не забывать.

— Тихо, братва! — со своего места поднялся тот самый человек, который до этого неоднократно подавал нетрезвые реплики. — Лева, как всегда, прав. Быть такого не может, чтобы в Хохме какое-нибудь чудо не приключилось. Я там недавно, сами знаете. Общим решением направлен на перевоспитание... Пока я на новое место добирался, все время голову ломал: почему его Хохмой назвали? Очень скоро все выяснилось. Оказывается, там когда-то холодное море было. По берегам народец жил, вроде чукчей, но еще диковатей. Олешек пасли, рыбу ловили, моржей били костяными гарпунами. Потом, значит, лед стоял, вечную мерзлоту развезло, ягель вымок, олешки от бескормицы передохли, море ушло и стал весь этот край теплой заболоченной лужей. В луже этой вскоре бегемоты поселились. Из Лимпопо приплепали. Так этот народец приспособился — стал запрягать бегемотов в свои каяки и гонять на них по озерам да болотам. Разве это не хохма?

— А по существу можно? — Цыпф заскучал.

— Стал я со своей новой братвой знакомиться и в одном вонючем чуме обнаружил весьма занятную штуковину. Угадай, какую?

— Самогонный аппарат? — предположил Цыпф.

— Мимо!

— Бабу голую?

— Тоже мимо. Они там в чумах все голые... А обнаружил я, — делегат от Хохмы с торжеством оглянулся по сторонам, — боевой автомат.

— Всего лишь? — Цыпф пожал плечами. — Видел сортир во дворе? Я в нем недавно неисправный ручной пулемет утопил, чтоб дети не баловались. Можешь взять себе для коллекции.

— Ох и шутник ты, Лева... Автомат-то не наш, вот в чем загвоздка. Он вроде даже не металлический. Не то пластмасса особая, не то керамика. Но ножом не царапнешь. Калибр небольшой, миллиметра три-четыре. С обоих боков окошки имеются, как циферблаты электронных часов. Затвора нет, зато сверху прицел классный. Оптика такая, что за километр можно каждый волосок на человеке сосчитать.

— Где — на голове? — поинтересовались сбоку.

— Нет, там, где ты подумал... Кроме спускового крючка еще какие-то кнопки баянные имеются. Поковырял я эту хреновину ножиком, не разбирается. Даже магазин снять не удалось.

— Ты бы еще мину «Элси» ножиком поковырял, — не отрывая глаз, пробормотал Зяблик. — Или ядерную боеголовку.

— Конечно же, сей предмет вы с собой не захватили, — произнес Цыпф не без сарказма. — А если захватили, то по дороге потеряли. А если не потеряли, то час назад обменяли на пуд самосада неизвестному лицу. Прав я?

— Прав, Лева... Сей предмет я сюда не захватил. Можете меня казнить. Не отдали мне дикари автомат добром, а силу применять я постеснялся. Он у них заместо идола. Священная вещь, сами понимаете. Но сюда я не с пустыми руками явился, можете не сомневаться... Сначала я все подробности выяснил. Сняли они автомат с мертвеца. И не особо давно. Оружие, значит, себе присвоили, а труп не трогали. У них покойников не хоронят: оставляют на поживу стервятникам. Посетил я это место. Костей там всяких немало валяется. Не разберешься, где чьи. Но кое-что от бедняги осталось.

Продемонстрировав всем короткий сапог на толстой подошве, он пустил его по рукам. Посыпались комментарии:

— Справные колеса... Хотя воняют сильно... А почему только левый? Разве твой автоматчик калекой был?

— Правый, думаю, хищник какой-то уволок. Там их следов тьма. Не то лисы, не то шакалы. А воняет потому, что в сапоге кусок ступни остался. Выковыривать пришлось... Зато сделано как! На голенище посмотрите. Это ведь не кожа. Ее звериные зубы не взяли. А швы поищите. Нет швов. Ни единого! Теперь на подметки гляньте. С виду гладкие, а на ощупь шершавые, как акулья шкура. Никогда не оскользнешься. Тот бедолага в этих сапогах, наверное, немалый путь отмахал. А подошва до сих пор как новая.

Находка уже попала к Цыффу, и тот с видом знатока измерил ее линейкой.

— Размер сорок четвертый... Товарные знаки отсутствуют... Материал действительно странный... А голенище-то узковато. На мое запястье. Вы уверены, что эта обувь для человека предназначалась? Как очевидцы описывают мертвеца?

— Никак. К тому времени его звери уже прилично изгрызли. Но был он человеком, даже не сомневайтесь. Забыл сразу сказать: на автомате номер имелся. Арабскими цифрами. Два нуля сто двадцать три.

— Народ не воинственный, — высказался Смыков. — Больно уж номер короткий. У нас на оружии все больше шестизначные да семизначные...

— Если хозяином автомата был действительно человек, то из этого следует... — Цыфф задумался.

— ...Что в рамках времени мы здесь не самые крайние, — закончил Глеб Макарович, друг степных нехристей.

— Откуда тогда он мог забрести в Хохму? — Цыфф пододвинул к себе клеенку, на которой было изображено нечто похожее на схему разделки говяжьей туши. — Через Трехградье? Вряд ли. Там бы его сразу заметили. Через Баламутье? Более чем сомнительно. Без амфибии там делать нечего. Что остается? Остается Нейтральная зона...

— В Нейтральной зоне аггелы появились, — подсказал кто-то.

— Если бы его аггелы убили, они бы и автомат, и сапоги себе забрали. А что за Нейтральной зоной? Ходил туда кто-нибудь?

— Нет... Нет... — раздалось из разных углов зала. — Не слышно было. Из наших, наверное, никто...

— Если мир, из которого явился этот парень, опередил нас хотя бы на сотню лет, я им не завидую, — сказал одногла-

зий. — У них там даже унитаза должны быть на транзисторах. Никто ничего руками делать не умеет. Сковородки, иголки и топоры только в музеях остались. Все на кнопках да на электричестве. Кто выше залетел, тому и падать больнее.

— Зачем же он тогда с собой оружие таскал? Ведь, надо думать, на батарейках дура устроена. Пользы от нее сейчас меньше, чем от дубины.

— Лучше всего моим киркопам, — вздохнул гигант. — Они и не поняли ничего толком. Как жили, так и живут. Может, даже и получше. Я их хоть уму-разуму учу понемногу.

— И породу заодно улущашаешь, — кто-то приснул в кулак.

— Ладно, что мы решим по этому вопросу? — Цыпф покосился на Смыкова. — У кого какие предложения?

— У меня! — Рука Смыкова незамедлительно взлетела вверх. — Послать в Хохму толковых ребят из резерва. Человек пять. Пусть оружие разыщут, свидетелей опросят, а заодно и Нейтральную зону прощупают.

— Другие предложения есть? Дополнения? Возражения?

Поскольку предстоящая операция, неопределенно долгая и определенно опасная, никого из присутствующих лично не касалась, возражений и дополнений не поступило.

Разговор перешел на аггелов и варнаков. Разрозненные шайки аггелов, не скрываясь особо, болтались повсюду, зато о местонахождении их опорных баз ничего толком известно не было. Даже здесь, в Отчине-Отчаине, они, по слухам, контролировали немало заброшенных городов и поселков. Варнаков видели в Гиблой Дыре, Трехградье и Киркопии. Всякий раз их появлению предшествовали грозные и загадочные природные явления. К себе варнаки никого близко не подпускали и в случае опасности исчезали бесследно, как миражи. Однако миражом они не были — на мягкой почве после них оставались следы, похожие на отпечатки больших валенок, а после исчезновения в воздухе еще какое-то время висели, медленно оседая, хрупкие черные хлопья, прозванные в народе «адовым прахом».

Затем, к вящему неудовольствию попечителя киркопов, слово опять взял делегат из Лимпопо.

— Ну ладно, с аггелами все понятно. Или мы, или они. Пощады тут ждать не приходится. Давно их приструнить пора, с соседями замирились, время выиграть. Недосуг со всякой чертовщиной возиться. Какой вред от варнаков или того же Белого Чужака? Пусть бродят себе на здоровье. Может, и не пересекутся наши пути.

— А если пересекутся? — возразил человек в кольчуге. — Локти кусать придется, если, конечно, зубы останутся. Что им здесь надо? Не из нашего они теста. Может, это варнаки все и устроили, а теперь присматриваются, какую бы еще пакость сотворить. Заметь, вооруженного человека они к себе за версту не подпускают. А вот к детям иногда подходят. Недавно на перевале между Кастилией и Агбишером странный случай был. В одном месте каменная тропа как кисель стала. Я, пока сам не убедился, поверить не мог. Два выючных быка и погонщик в этот кисель и влетели. И сразу камень опять в камень превратился. Наружу только две пары рогов да кисти рук торчать остались. Начали мы возле них топором тюкать — натуральный гранит, только искры летят. Вот... А через час там уже варнак стоял, зыркал.

— Хм... зыркал, — задумчиво произнес мосластый мужик, сидевший отдельно от всех на подоконнике. — Вот тут вопрос... Могут ли варнаки вообще зыркать... Повалился к нам тут один. То у дороги стоит, прохожих пугает, то возле серного озера крутится. Я его дней десять со снайперской винтовкой выслеживал. Дай, думаю, проверю, в самом ли деле у них шкура, как броня. Близко он меня, конечно, не подпускал, но в прицел я на него насмотрелся. И впечатление у меня создалось такое, что варнаки вообще глаз не открывают.

— Закрытые глаза есть знак принадлежности к царству мертвых, — сказал Цыпф многозначительно. — Вспомните Вия и Бабу-Ягу.

— Лева, все знают, что ты у нас очень умный, — набычился мосластый. — Тогда я, может, лучше помолчу, а ты расскажешь... про Бабу-Ягу.

— Ах, простите... Продолжайте, пожалуйста. Но вот непонятно, как варнаки могут видеть, если глаз не открывают?

— Клоп человека тоже видеть не может, а находит безошибочно... Я за кустами все время лежал, даже нос не высывал. Но даю голову на отсечение, он точно знал, где я. Только положу палец на спуск, а он уже и пропал... Исчезло чудное видение, как говорил поэт Пушкин.

— Ну и что это доказывает? — стоял на своем делегат из Лимпопо. — Может, они нас больше боятся, чем мы их... Я понимаю... Кто на молоке обжегся, на воду дует. Только нельзя беду на каждом шагу караулить. На то она и беда, что неожиданно-негаданно приходит.

— И тем не менее аггелы, варнаки и Белый Чужак как-то связаны между собой, — сказал Цыпф. — Непонятно, как

именно, но цепочка просматривается. Тут кое у кого есть интересные наблюдения. Товарищ Смыков, не поделитесь?

— Делиться можно успехами, — уточнил Смыков, вставая. — А о неудачах можно только информировать... С Белым Чужаком мы встретились случайно. Работали совсем по другому вопросу. Если говорить откровенно, он к нам сам подошел...

По залу пронесся шумок. Кто-то сказал: «Ого!», кто-то удивленно присвистнул, кто-то поинтересовался, почему в таком случае эта столь одиозная личность не представлена перед ясными глазами собрания.

— Спокойней, братцы вы мои. — Смыков, как сова, повертел головой, высматривая крикунов. — Попытка задержания имела место, но успехом не увенчалась. Кишка у нас тонка оказалась. Так называемый Белый Чужак продемонстрировал физические способности, до которых нам с вами далеко. Человек против него, что болонка против волка, заявляю с полной ответственностью.

— Видать, крепко он вас припугнул...

— Припугнуть меня трудно, я на том свете был. Меня инквизиция два года пытала. — Смыков хотел ткнуть пальцем в треугольный шрам, глубоко впечатанный в висок, но от волнения ошибся и едва не угодил себе в глаз. — Однако сейчас для нас имеет значение не поведение Белого Чужака, а сказанные им слова.

— Да вы с ним даже поговорили! — ахнул парень с серьгой. — Может, и по сто грамм сделали?

— Предлагали, — не выдержал окончательно проснувшийся Зяблик. — Тара наша ему не подошла. Хрупкая...

Смыков между тем продолжал:

— Белый Чужак заявил, что людям он не враг и сам, по-видимому, является человеком.

— По-видимому или является?

— Цитирую дословно: я, то есть он, родился человеком.

— Что он еще сказал?

— Посоветовал оставить в покое одну особу, предположительно имевшую контакты с варнаками.

— А какой у него к этой особе интерес?

— Не знаю.

— Про аггелов ничего не говорил?

— Нет. Мы и поговорили-то всего пару минут. Но аггелы, кстати, в Талашевске завелись. Хотя раньше о них слышно не было.

— Ходят они за Белым Чужаком, как цыплята за наседкой, — сказал одноглазый. — Но не в открытую ходят, а хоронятся.

— Зяблик, а какое у тебя впечатление от этого фрукта осталось? — болезненно морщась, спросил раненый.

— Мужик свой в доску. Верке понравился.

— А тебе?

— Я таких шустрых не люблю. На ходу подметки режет.

— У кого какие предложения? — Цыпф требовательно постучал мелком по грифельной доске. — Никаких? Тогда разрешите мне... Как вы убедились, в настоящий момент интересы варнаков и Белого Чужака сосредоточены в одной географической точке — городе Талашевске. Считаю целесообразным оставить там группу Смыкова, тем более что первое знакомство уже состоялось. Задача прежняя: наблюдать за перемещениями как тех, так и другого. При возможности задержать, при невозможности вызвать на откровение. Одновременно прошупать аггелов. Может, те что-нибудь знают. Возражения, дополнения есть?

— А как же! — воскликнул уже почти протрезвевший делегат Хохмы. — Предположим, зажмут они Белого Чужака в угол. Завяжется у них милая беседа. А что дальше? Зяблика я уважаю, но что он может сказать дорогому гостю? Обматывать разве что с ног до головы... Смыков начнет уголовный кодекс цитировать, который давно на подтирку пошел. Верка, конечно, может поговорить красиво, но уже после всего... («С тобой, козел, я ни до, ни после говорить не собираюсь!» — огрызнулась Верка.) Остается Чмыхало. Может, мы ему переговоры с Белым Чужаком доверим?

— Не понимаю, куда вы клоните, — заерзал на своем месте Цыпф.

— Сейчас поймешь... Предлагаю усилить группу Смыкова нашим нынешним председательствующим. Левка все науки превзошел, да и язык у него без костей. Кому еще с Белым Чужаком лясы точить? Уж Левка-то в грязь лицом не ударит... А если ударит, пусть на нас не обижается. Мы потом по этому личику еще добавим.

Поднялся одобрительный шум, как будто бы в зал вкатили бочку пива. Кое-кто даже в ладоши захлопал. Неудовольствие публично выразил один Зяблик:

— Вы нам баки зря не вколачивайте! На хрена нам такой баклан, да еще перед горячим делом. Он, наверное, даже пуш-

ку в руках держать не умеет. Сам загнется и нас под монастырь подведет. Не, мы только проверенных людей берем...

— А Верка? — спросил кто-то.

— Что — Верка? Верка в сторонке никогда не отсиживает. Если придется, любого удалыца может на шарап взять.

— Ты, Зяблик, особо не разоряйся, — сказал рассудительный Глеб Макарович. — Как общество постановило, так тому и быть.

Зяблик зыркнул по сторонам и, не встретив ни одного сочувствующего взгляда, сдался.

— Ладно, но тогда пусть хоть влазное поставит... Не меньше литра...

Возле невзрачной цементной стелы, неоднократно использовавшейся в прошлом как мишень для стрельбы крупной дробью, но тем не менее продолжавшей хранить уже не всем понятные граффити¹ полузабытой прошлой жизни «Кол...о...З...ря», Чмыхало затормозил. Дорогу перегораживали опутанные ржавой колючей проволокой рогатки, а дальше на холме торчало ажурное бревенчатое сооружение в виде высокой арки, горизонтальную часть которой украшали три аккуратные завязанные петли-удавки.

— Дальше лучше не соваться, — сказал Зяблик. — Свинопасы сиволапые и мину заложить могут.

— Откуда у них мины? — удивился Лева Цыпф, у которого после вчерашнего распития «влазной» веки поднимались с таким же трудом, как у пресловутого Вия.

— На толчке купили. Там за гранату бычка просят. Дешевка. А из гранаты да куска проволоки любой дурак мину сварганит... Смыков, пора народ тревожить. Стреляй, не жмись.

Смыков неизвестно откуда — не из рукава ли? — извлек свой до утери воронения затертый «макаров», с сожалением глянул на него, направил ствол в небо, но в последний момент передумал и сбил выстрелом верхнюю закорючку буквы «З».

Теперь оставалось только ждать. Чмыхало вылез из драндулета и стал привычно обстукивать ногой баллоны. Зяблик впал в спячку. Верка принялась втолковывать Цыпфу методы борьбы с тяжелым похмельем, а Смыков погрузился в раздумье, обхватив голову ладонями, как будто хотел выдавить из

¹ Граффити — древние надписи на стенах, камнях и сосудах, обычно носящие бытовой характер.

нее какую-то важную мысль — так иные давят губку, выжимая воду.

Спустя четверть часа со стороны зловещей арки показалась молодуха в резиновых сапогах и бурой тюремной телогрейке.

— Дошла до них, похоже, наша почта, — сказал Зяблик.

Вблизи молодуха оказалась чудо как хороша: круп ее по ширине равнялся шести хорошим кулакам, зато офицерский ремень был затянут на талии едва ли не в два нахлеста. Грудь распирала застиранную камуфляжную гимнастерку, но только в верхней ее трети. Лицо суровой богини-воительницы не портили даже мазок сажи на виске и следы борща на подбородке. Чувствовалось, что она может все: вспахать ручным плугом гектар поля, без пачек и пуантов станцевать любое па-де-де, вышить гладью гобелен размером три на четыре метра, дать (и не без собственного удовольствия) целой роте. С таких женщин когда-то ваяли кариатид и валькирий. В разное время и разными художественными средствами их воспевали художник Микеланджело и поэт Некрасов.

— У нее обрез под полой, — тихо сообщил Зяблик.

— Вижу, — ответил Смыков, пряча пистолет между коленок. — Если что, я ей в лоб...

— В лоб не надо. Лучше в плечо. Нравятся мне такие бабы.

— Что надо? — неласково спросила молодуха, остановившись у бетонного торчка.

— Тебя, ласточка... — начал было Зяблик, но Смыков перебил:

— Вроде бы вы нынче в сторожевую службу назначены?

— Я в святцы не заглядывала, — молодуха стерла следы борща с подбородка и облизала палец. — Может, и мы.

— Город надо от всякого сброда почистить. Людей дайте. Дружинников.

— Людей тебе? — В голосе молодухи звучало законное презрение трудового человека ко всяким там забубенным тунеядцам. — А сами вы что, малахольные?

— Город большой. Одного поймает, а дюжина разбежится. К вам же потом и придут.

— Как придут, так и уйдут, — молодуха кивнула головой в сторону виселицы.

— И скольких же вы гостей пеньковым хлебом и свинцовой солью встретили? — поинтересовался Зяблик.

— Вы первые будете. Другим и показа хватает. Только глянут и сразу назад поворачивают.

— Суд Линча, стало быть.

— Почему Линча? Ивана... Ее Иван Сошников ставил.

— Значит, вы никого к себе не принимаете? — спросила Верка.

— Принимаем... Детей малых принимаем. Даже арапчат. Мужиков пара пригодилась бы. Работающих и на передок крепких. Но среди вас, я гляжу, таких нет. Басурмана вашего могли бы принять, если бы с конем в придачу... Ты докторка?

— Да.

— Оно и видно. От йода пожелтела вся. Докторку бы мы без разговоров взяли.

— Хватит горбатого лепить! — не выдержал нетерпеливый Зяблик. — Гони сюда своих дружинников, да только с оружием.

— Прикуси язык, мурло небритое, — спокойно ответила молодуха. — Если бы нас самих шушера городская не донимала, не видать бы вам помощи. Самая страда, все в поле. Но, как видно, судьба нам сегодня другое ворожила.

— А ты баба скипидарная, — с уважением заметил Зяблик. — Как хоть звать-величать?

— Виолеттой, — молодуха потупилась.

— Не-е, на Виолетту ты не похожа. Я тебя буду Домной звать.

— Зови как хочешь, а я все равно не отзовусь... Ожидайте здесь, пока мы не соберемся. С места не двигайтесь, а еще лучше — машину свою назад откатите. Тут прямо перед вами ловчая яма замаскирована. Еще немного — и кувыркнулись бы. Доставай вас потом...

С собой Виолетта привела шесть человек — двух матерых мужиков, трех парней призывного возраста и младшую сестру Изабеллу, хоть и худую, но бедовую. Кроме топоров и самодельных пик на вооружении дружинников состояли два ружейных обреза и автомат Калашникова.

Изабелла залезла в драндулет на колени к Смыкову, остальные разместились в телеге на резиновом ходу, запряженной парой мышастых степных коньков. Ехать решили дорогой хоть и дальней, но скрытной — через Мезеновский лес, плотину и пригород Шпильки.

В пути Изабелла вдоволь накурилась дармовым самосадом (дома сестра не позволяла) и поведала о житье-бытье общины.

— Картошки, маниоки и ячменя хватит до следующего

урожая, а может, еще и на обмен останется. Завели свиней, кур и страусов. У арапов за металлолом выменяли бегемота и насолили аж тринадцать бочек мяса. Сама недавно ездила на толчок в Кастилию. Наторговала там хорошо, очень у них посуда наша идет и швейные иголки. Правда, меня там два раза изнасиловали. Хотя это, может, и к лучшему — авось забеременею. А не то в общине за целый год только трое ребят родилось. Хотя мужики баб вроде исправно обслуживают. Почему бы это, докторша?

— Когда-то в больших городах устраивались зоопарки, — сказала Верка. — Держали в них напоказ всяких диких зверей. И если у какой-нибудь львицы или слонихи родился детеныш, это считалось событием. Не хотели дикие звери в неволе размножаться. Вот и мы сейчас вроде как в клетке, — она ткнула пальцем в нависший над головой низкий, давящий свод, похожий на земное небо примерно так же, как стоячая загнивающая вода лимана на живое бурное море. — Ты, девочка, солнышко хоть раз видела?

— Не помню, — беззаботно ответила Изабелла. — Сойдет, в крайнем случае, и без солнышка. Только скучно у нас. Жить можно, но скучно. А сбежишь — ноги с голодухи протянешь или в беду какую угодишь.

— Ничего, — мрачно заверил ее Зяблик. — Скоро повеселимся.

Экспедиция преодолела лес, где среди полузасохших, задущенных лианами сосен и чересчур буйно вымахавших берез уже торчало что-то глянцево-зеленое, пышное, непривычное глазу, и выехала на бетонную плотину, рассекавшую обширное моховое болото, некогда бывшее дном полноводной реки Лучицы (оставшийся от нее ручеек теперь назывался Нетечью). Среди зеленой трясины рыжей горой торчала огромная, как крейсер, землечерпалка и пришвартованная к ней сухогрузная баржа — обе проржавели до полной утраты сходства с творениями рук человеческих.

Миновав пригород, ранее застроенный деревянными домами и потому сначала превратившийся в пепелище, а потом — в опасные для человека джунгли, драндулет затормозил у развалин бензоколонки. Полчаса спустя подъехала и телега. Чмыхало прокомментировал это событие так:

— Конь едет — тихо. Драндулет едет — в Лимпопо слышно.

— А почему ваш черненький все время молчит? — Изабелла покосилась на Цыпфа. — Язык проглотил?

— Да если бы сам, — печально вздохнул Зяблик. — Тут

жуткая история вышла. Его не так давно дикари-киркопы прихватили. А они все сплошь людоеды. Но человека едят хитро. Сразу не убивают, а живого на части крошат, чтобы мясо раньше времени не протухло. Первым делом они у пленника всякую мелочь отрезают: язык, уши, пальцы и так далее. Чтобы он кровью не изошел, раны головешками прижигают, а жилы перевязывают. На следующий день задницу отрубают. Это у них главное лакомство, на шашлыки идет. Ну а потом — руки до локтей, ноги до колен. На студень. Из ляжек похлебку варят. Напоследок очередь до мозгов и потрохов доходит. На неделю человека хватает, а то и больше. Нашему дружку еще повезло. Мы его уже на следующий день обратно выменяли. Только языка да мужского хозяйства лишился.

— Тебе бы самому хозяйство отрезать! — Изабелла легко выпрыгнула из драндулета и побежала к своим землякам.

— Такое на самом деле было или ты придумал? — Цыфф устался на Зяблика.

— Было. Только меня по ошибке с задницы есть начали, а она — как подметка. Вождь клык сломал и велел вместо меня повара изжарить...

Тактика прочесывания города была незамысловата и не требовала участия крупных сил. Обитаемыми могли считаться лишь дома, расположенные вблизи источников воды (кому охота таскаться с ведрами за несколько километров?), а те были известны наперечет. Это обстоятельство сразу сокращало объем работы раз в десять. Кроме того, существовало немало примет, выдававших присутствие людей в этом мертвом городе. Так, если в подъезде пышно цвела какая-нибудь колючая тропическая дрянь, туда и соваться было нечего. Человеческое жилище обнаруживалось по дымку очага, по запаху жареных манек, по развешанному на балконе белью, по выбитым в траве тропинкам, по неосмотрительно выброшенному поблизости мусору.

Если дом попадал под подозрение, у каждого подъезда выставлялся вооруженный человек, а трое-четверо начинали поквартирный обход, при необходимости сокрушая запертые двери.

— «Влазное» ты, Лева, от души проставил, — сказал Зяблик Цыффу. — А сейчас мы тебя в деле окрестим, кровушкой. Своей или чужой, это уж от тебя будет зависеть.

— Ладно, — буркнул Лева. — Не вчера родился, кое-что понимаю...

— Учить тебя будем, как в старину плавать учили, — продолжал Зяблик. — Кидали салажонка в омут и ждали, пока он сам не выплывет. Некоторые выплывали. А которые ко дну шли, тех вытаскивали, откачивали и опять кидали. Очень клевый метод.

— А если я нож в живот получу или пулю между глаз, вы меня тоже откачаете? — угрюмо поинтересовался Лева.

— Ты про это не думай. И к шушере мелкой особо не цепляйся. Мы их только для отвода глаз гоняем. Главное, хоть одного аггела живьем взять. Надо, кровь из носа, узнать, чего ради они сюда пригребли.

Начали с панельной девятиэтажки, демаскированной отчаянным криком петуха. Быстро выставили оцепление, пару дружинников послали на крышу и уже спустя десять минут в одной из квартир первого этажа обнаружили старуху, не только умудрившуюся неведомым образом уцелеть во всех передрягах последних лет, но и сохранившую при себе дюжину кур-несушек. Хотя разъяренный петух и успел клюнуть Леву Цыфа, перед старухой пришлось извиниться. Пусть доживает свой век спокойно.

Три следующих дома на этой улице успели утратить память о роде человеческом, зато из подвала четвертого извлекли двух завшивевших бродяг, уже почти не людей, а вместе с ними — остатки кабана, недавно пропавшего из хозяйства Виолетты. Кабанья голова, лопатка и огузок вернулись к прежним владельцам, бродяги же получили компенсацию — сначала тупой стороной сабли от Чмыхало, потом прикладом обреза от Виолетты.

После шести часов почти непрерывной беготни по этажам, взламывания дверей, разрушения баррикад, мордобоя, предупредительных выстрелов в потолок и коротких, но вездельных допросов, телега до краев наполнилась добычей: мешками картошки, банками домашних солений, связками битой птицы, холодным оружием кустарного производства, а сверх того — двумя девочками-беспризорницами, которых тут же удочерила Изабелла. За это время из города в сторону кастильской границы было изгнано больше полусотни подозрительных личностей, по сути дела — крыс в человеческом облике (некоторых для острастки пришлось даже бензинчиком облить), а потери ватаги по-прежнему исчислялись одной-единственной царапиной на ляжке Цыфа.

Никто из попавшихся на пути людишек, будь то звероватый бродяга или безвредная, как мотылек, бабуса, не смог миновать внешне доброжелательного, но подковыристого внимания Смыкова. Время от времени он сообщал что-то Зяблику на ухо, то повергая его в мрачное раздумье, то заставляя оживленно потирать руки.

Хромого и горбатого, но ловкого, как мартышка, паренька, кормившегося за счет разорения птичьих гнезд и большую часть времени проводившего на крышах домов да в кронах деревьев, допрашивали особенно долго. После этого Зяблик сразу утратил интерес к району, который они сейчас прочесывали.

— Давай еще в одно местечко заглянем, и все на сегодня, — сказал он Виолетте.

Та вначале опрометчиво согласилась, но узнав, что интересующее Зяблика местечко находится на другом конце Талашевска, стала энергично отнекиваться. Сошлись на компромиссе: груженная телега в сопровождении пары дружинников отправляется восвояси, а всех остальных Чмыхало попозже доставит домой на драндулете.

Район, в который они перебрались, весьма отличался от предыдущего. Дома не торчали здесь особняком, а сливались разноэтажными фасадами в сплошную стену, на которой псевдобарокко соседствовало с конструктивизмом, а пышные барельефы — с унылой силикатной плиткой. Крытые железом, шифером, а кое-где и черепицей крыши образовывали уступчатые террасы, позволявшие без труда перебираться с улицы на улицу. Многочисленные пожарные лестницы, слуховые окна и просто прорехи в кровле очень способствовали игре в казаки-разбойники, которая вот-вот должна была где-то здесь развернуться.

Пугая ворон и кошек, Смыков долго расставлял людей — кого на стыке двух крыш, кого под арку проходного двора, кого за старинный брандмауэр, кого в нишу подъезда. В ударную группу, кроме него самого, вошли Зяблик, Цыпф, Виолетта и Чмыхало.

С тыла подошли к мрачному облупленному зданию, похожему на котельную. Заглянули в закопченное окошко. Покурили. Поежились. Попытались шутить — не вышло.

— Ну, двинем, благословясь, — Зяблик выдохнул последнюю струю дыма и взмахнул рукой так, словно швырял на

землю не окурю, а шапку. — Оружие наготове держите. Только своих не постреляйте. К тебе это, Лева, в первую очередь относится.

Он ногой высадил раму и кряхтя перебрался через подоконник. Попали в темный коридор, пахнувший золой, паутиной, ржавчиной. Сначала пошли, потом побежали, спотыкаясь о куски шлака и какую-то ветошь. Смыков чертыхнулся, чего обычно никогда не делал.

Цыпф все никак не мог сдвинуть тугой флажок пистолетного предохранителя и тупо повторял про себя: «Скорее бы началось, скорее бы началось...»

По железному гулкому трапу спустились в просторный подвал, скудно освещенный протянувшимися сверху столбами света, в которых густо плясали пылинки. Под ногами захлопало.

«А может, пронесет, — подумал Цыпф, сердце которого колотилось, словно на него замкнули электрическую цепь переменного тока. — Может, здесь и нет никого!»

Не пронесло. Сбоку, из темноты, что-то оглушительно грохнуло, харкнув снопом оранжевых искр. В ноздри пахло смрадом сгоревшего пороха, под сводами подвала пошло гулять эхо, но особо разгуляться ему не дал новый, уже и вовсе нестерпимый грохот, на пару секунд намертво забивший уши ватными пробками, — это Виолетта, упав на колено, выпалила из своего обреза.

И понеслось, и поехало...

Совсем рядом кто-то звонко взвизгнул — не то Чмыхало, не то его сабля, вылетевшая из ножен. По стенам метались огромные черные тени, а канонада стояла не хуже, чем в Трафальгарском сражении. Вывернувшийся неизвестно откуда человек едва не сбил Цыпфа с ног, и тот уже хотел выстрелить (предохранитель скользнул вниз легко, как по маслу), но вовремя узнал бледного, взъерошенного Зяблика, который тут же канул в промежутки между двумя огромными допотопными машинами, похожими на снятые с колес паровозы. Там дважды коротко полыхнуло оранжевое пламя.

Цыпф побежал было вслед за Зябликом, но все остальные — Смыков, Чмыхало и Виолетта — рванули в обратную сторону, перемешавшись с какими-то другими, словно из-под земли появившимися людьми. Перекрывая стук пистолетов, опять пушечно рывкнул обрез. Чиркнув по потолку, серебряной молнией промелькнула сабля, и тот, кого она достала, вскрикнул, как кошка, прищемившая хвост.

Вновь появился Зяблик, волоча по полу обмякшее человеческое тело. Он на миг задержался, когда луч света упал на запрокинутое кверху и сплошь залитое черной кровью лицо своей жертвы («Лицо мертвеца!» — сразу догадался Цыпф), злобно выругался.

— За мной! — крикнул Смыков. — Быстрее!

Драться в подвале было уже не с кем, и все, толкаясь, кинулись в другой темный коридор, по которому торопливо стучали сапоги убежавших. Ни разу не выстреливший пистолет оттягивал руку Цыпфа, как кирпич, и он, чтобы хоть немного уменьшить этот вес, пальнул навскидку через плечо Смыкова. Пуля с визгом пошла рикошетить от стены к стене и все же догнала кого-то, сразу сбившегося с ноги.

Потом впереди стукнула дверь: открылась, закрылась, и снаружи лязгнул запор.

— Назад! — рывкнул Зяблик, оказавшийся сейчас позади всех. — Уйдут, мать их в дышло!

Снова промчались через подвал, где ничего не изменилось, только сизый дым оседал плотными слоями да тяжкий дух обильно пролитой крови перебивал все другие запахи, потом преодолели гулкий трап, через окно вывалились наружу — словно на белый свет из ада вернулись — и без промедления рванули вслед за Зябликом к арке, ведущей на улицу.

Цыпф ожидал услышать здесь выстрелы, крики, топот, однако вокруг было на удивление тихо, только где-то печально перекликались птицы. Первое потрясение прошло, но ничего не кончилось, и на мостовой было еще страшнее, чем в подвале — нельзя спрятаться от своих и чужих, нельзя отсидеться в темноте, нельзя увернуться от пули, которая может прилететь с какой угодно стороны.

Зяблик распахнул дверь подъезда, в котором была оставлена засада — там на кафельном полу кучей лежали люди. Сначала даже непонятно сколько, но потом стало ясно, что двое: снизу дружинник с черным моноклем порохового ожога вокруг залитой кровью глазницы, сверху еще продолжавший дергаться в агонии незнакомый бородач, пробитый пикой насквозь, от подреберья до загривка.

— Как медведь на рогатину напоролся, — задыхаясь, сказал Смыков.

— Касатик ты мой родненький, — дурным голосом запричитала Виолетта. — Да как же тебя так угораздило? Какой же разбойник на тебя руку поднял? Какой же лиходеи единствен-

ного сыночка у матери отнял? А что я твоим деткам скажу? А как я им в глазоньки гляну?

— Заткнись! — прикрикнул на нее Зяблик.

— Сам заткнись! — немедленно ответила Виолетта, кулаком вытирая слезы. — Кто нас сюда привел? Не ты ли? Кто под пули подставил? А теперь: заткнись! У-у, ирод поганый! Быстро свою докторку сюда зови!

— Какая тебе, к черту, докторка? Готов он — разве не видишь! Мозги из затылка текут!

Наверху хлопнул чердачный люк, а немного погода донесся сухой, далекий треск выстрела, куда более тихий, чем шум потревоженных им птичьих стай.

— Крышами уходят! — крикнул Смыков. — Трое наверх, остальные к пожарным лестницам! — и проворно юркнул обратно под арку.

— Ой, гибель моя пришла! — опять запричитала Виолетта. — Ой, не лезу я на крышу! Ой, мамочка, что эти изверги вытворяют! Мало им невинной кровушки, так они и меня, горемычную, хотят жизни лишить!

— Во двор беги! — заорал ей на ухо Зяблик. — Смотри за лестницами!

— Тыфу на тебя, проклятый! — Виолетта ловко перезарядила обрез и кинулась вслед за Смыковым.

В суматохе все вроде бы забыли о Леве Цыпфе, но он даже и не подумал остаться вместе с мертвецами в подъезде, а вслед за Зябликом и Толгаем помчался вверх по лестнице, мимо распахнутых дверей давно разграбленных квартир, в которых сквозняк шелестел отставшими от стен обоями.

На крыше гулял ветер, торчали целые заборы вентиляционных труб, а множество переломанных и покосившихся телевизионных антенн напоминали засеку, приготовленную против вражеской конницы. Еще тут обильно произрастал всякий зеленый сор, начиная от лепешек мха и кончая пышными кустами дикого гамаринда.

Двое людей в черных высоких колпаках убегали по грохочущему железу, и деваться им вроде было некуда: справа глухая кирпичная стена с кладкой красным по белому «Миру — мир», слева присевший за трубой дружинник с автоматом, впереди — провал улицы.

Чмыхало и Зяблик стояли недалеко от люка и глядели вслед убегающим. Автоматчик приподнялся и пальнул одиночным выстрелом — скорее для острастки, чем на поражение. На многоэтажную брань Зяблика он ответил жестами: у

меня, дескать, всего четыре патрона осталось, особо не разгонишься, самому хотя бы уцелеть.

Те двое скрылись за какой-то башенкой и, едва только Зяблик и Чмыхало подались вслед за ними по гребню крыши, открыли пистолетную стрельбу. Впервые в жизни услышав, как пули чиркают слева и справа от него, Цыпф последовал примеру приятелей — присел на корточки.

— По верхотуре к ним не подберемся, — сказал Зяблик. — Перещелкают, как куропаток.

— Жечь давно надо твой город, — буркнул Чмыхало, ошупывая одежду. Он никак не мог привыкнуть пользоваться карманами и постоянно путался в них. — Батыр не ворона, по крышам не скачет. Батыр в чистом поле воюет.

— Конечно, в чистом поле вы воевать мастера. Десять на одного... Забыл, как вы наших князей на реке Калке замочили?

— Зябля, сколько раз тебе Толгай говорил: не знаю я реку Калку. Толгай дальше реки Урунги не ходил. И отец его не ходил. И дед.

— Внук, значит, пойдет...

— Вот у внука за своих князей и спросишь... На! — он протянул Зяблику ручную гранату в гладком зеленом корпусе.

— Это дело! — тот подбросил ее на ладони. — Да только далековато чуток. Не доброшу. Может, миномет сделаем?

Беззаботный Чмыхало, отродясь не имевший понятия о технике безопасности, кивнул, забрал гранату обратно и, крепко зажав ее в горсти, выдернул предохранительную чеку. Люди, знакомые с фокусами Зяблика, тот же Смыков, к примеру, услышав зловещие слова про миномет, давно бы смылись от греха подальше, но наивный Лева даже чуть привстал, чтобы лучше видеть.

Зяблик выпрямился во весь рост и застыл в позе футболиста, бьющего штрафной, — корпус откинут чуть назад, руки растопырены для равновесия, правая нога занесена для удара так, что пяткой почти касается ягодицы, взор устремлен не на мяч, а на цель. Чмыхало, продолжая сидеть на корточках, невысоко подбросил гранату (спусковой рычаг звякнул, освобождая ударник), и Зяблик, рывкнув на выдохе: «Получай!» — врезал по ней подъемом ноги.

Граната понеслась по пологой дуге и, как шрапнель, рванула над кирпичной башенкой. Когда дым рассеялся, стало видно, что люди, ранее сидевшие за ней, теперь бегут к краю крыши — вернее, один бежит, а второй еле-еле ковыляет. Аналитический ум Цыпфа выдал сразу три варианта столь стран-

ного поведения этой парочки: или они, оглушенные взрывом, просто потеряли ориентацию, или позорному плену предпочитают смерть на камнях мостовой, или надеются, что за их спинами сейчас вырастут крылья.

А потом случилось такое, чего не ожидал никто, даже не верящий ни в сон, ни в чох, ни в вороний глаз Зяблик. Когда до водосточного желоба осталось не больше шага, один из двоих, бежавший первым, прыгнул и, пролетев по воздуху семь или восемь метров, лягушкой распластался на покатой крыше противоположного здания.

Раненый, похоже, собирался повторить трюк своего напарника, но в последний момент автоматчик успел-таки срезать его короткой очередью.

Перед тем как нырнуть в слуховое окно, человек, перепрыгнувший улицу, сорвал свой колпак и помахал им, как флагом. На его голове, среди гривы нечесаных волос, сверкнули короткие золотые рожки.

— Матерая с-сволочь! — Зяблик вскинул пистолет, но стрелять было уже не в кого.

Снизу раздался пронзительный женский визг — не то Виолетты, не то Изабеллы. Верка визжать не умела: или глотку давно прокурила, или уже отвизжала свое, который год болтаясь с ватагой Смыкова.

Спустя полчаса итоги схватки прояснились окончательно.

Трое агтелов — если только это были действительно они — полегло в подвале, четвертый напоролся на пику в подъезде, пятый, наштигованный пулями и осколками, разбился, упав с крыши (чуть ли не на голову Изабелле, которая и подняла визг), а шестой сбежал самым невероятным образом. Зяблик шагами измерил ширину улицы — получалось почти восемь метров, чуть меньше европейского рекорда, установленного в те времена, когда люди бегали и прыгали для собственного удовольствия, а не спасая свои шкуры.

Уходя проходными дворами, шестой агтел наскочил на оставленного в оцеплении дружинника, вооруженного только топором. Сейчас этот неудачник (совсем еще молодой парень с едва пробившейся на лице щетиной) лежал в промежутке между двумя проржавевшими мусорными баками, неестественно вывернув на сторону голову, державшуюся, наверное, только на лоскутках кожи. Кровь, добытая из его перерезан-

ного горла, понадобилась ангелу, чтобы оставить на стене малопонятный автограф: «Зяблик. Кузнец помнит о тебе!»

Пока Изабелла выла над покойником, приходившимся ей какой-то дальней родней, Виолетта ошарашенно спросила:

— Что это хоть за Кузнец такой?

— Каин, Кровавый кузнец, — неохотно ответил Зяблик. — Они же, гады, на Каина молятся. Ты что, не знала?

— Откуда ей знать? — заметил Смыков, старательно переписывая надпись в свой блокнот. — У нее, не в пример некоторым, среди аггелов приятелей нет.

Зяблик уставился на Смыкова долгим взглядом, в котором неизвестно чего было больше — удивления или жалости. Так смотрят на прокукарекавшего поросенка или на хрюкающего петуха. Потом Зяблик сказал:

— Ты, что ли, оцепление расставлял? И как же это тебя угораздило на самое бойкое место шкета безоружного сунуть?

— Не надо, братец вы мой, валить с больной головы на здоровую, — отозвался Смыков. — Сами же упустили преследуемого, а признаться в этом не хотите.

— Я упустил? — удивился Зяблик. — А чего же ты его внизу не перехватил?

— Я пожарную лестницу охранял.

— Задницу свою ты охранял! Мы их от пожарных лестниц сразу отсекли!

— Не знаю, кого вы там от чего отсекли, — Смыков пожал плечами. — Мне снизу не видно.

— Ну ты и фрукт, Смыков...

Тут с улицы донесся тревожный свист Толгая, а из-за угла выскочила запыхавшаяся Верка.

— Идите посмотрите, что там делается! — крикнула она.

Все, кроме оставшихся возле мертвеца сестриц, устремились за ней. Шли не таясь и оружие не доставали — по Веркиному лицу было понятно, что зовут посмотреть на что-то хоть и неприятное, но опасности не представляющее.

Разбившийся аггел лежал там, где и прежде, — ноги на тротуаре, голова на мостовой. Чмыхало кругами ходил возле него и напоминал кота, напоровшегося на заводную мышь. Выглядел аггел как любой человек, упавший с крыши пятого этажа, — то есть как мешок костей.

И вот этот мешок костей шевелился, стараясь подняться.

Ноги с вывернутыми на сторону коленными суставами скребли по камню, отыскивая опору. Голова, на которой вместе с кровью засыхало что-то похожее на яичный белок, тряс-

лась. Руки с торчащими выше запястий обломками лучевых костей, пробивших не только кожу, но и ткань рубахи, упирались в мостовую. Ангел отхаркивал зубы и черные тягучие сгустки, хрипел, дергался и снова валился на брусчатку.

— Он же мертвым был, — прошептала Верка. — Я пульс щупала.

— Вот погоди, сейчас он на ноги встанет и тебя пощупает, — зловеще пообещал Зяблик. — аггел он и есть аггел, если только настоящий. Из человеческой кожи вылез, а чертом стать — слабо! Вот он и пугает нас... Толгай, сделай ты с ним что-нибудь.

Пока Чмыхало вытаскивал саблю, все повернулись и, не оборачиваясь, двинулись туда, где остался драндулет. Зяблик, правда, возвратился с полдороги и, разув аггела, осмотрел его босые ступни, а потом — голову, лежавшую уже на приличном удалении от хозяина.

— Шенки они все, — сказал он, догнав ватагу. — И этот попрыгунчик, и те в подвале... А старшой ушел.

— Тебя-то они все же откуда знают? — спросил Цыпф, вспомнив о кровавой надписи на стене.

— Своим меня считают. Как раньше в военкомате говорили, неограниченно годным... Есть на мне Каинов грех. Да не один...

Как и уговаривались, всех дружинников — и живых и мертвых — погрузили в драндулет. Виолетта злорадно пообещала оставить Чмыхало в своей общине — в счет возмещения ущерба, так сказать.

— Ох, потом пожалеете, — мрачно покачал головой Зяблик. — Если этот нехристь с какой-нибудь вашей бабой ночь перекантуется, она к себе никакого другого мужика больше ни в жизнь не подпустит. Ему же без разницы, что баба, что кобылица. Дикий человек. Потерпят такое ваши благоверные?

— А мы их спрашивать не собираемся, — отрезала Виолетта, почесывая себе за ухом стволом обреза. — Пусть хоть один стоящий мужичонка на развод будет.

— Не-е, — осклабился Чмыхало. — Ялган... Неправда... Толгай землю ковырять не будет. Толгай волю любит...

Когда драндулет укатил, снова спустились в подвал и обшарили все закоулки. Кроме кое-какой еды, пары пистолетов и сотни патронов (на ближайшем толчке один патрон шел за мешок картошки), обнаружили огромную чугунную сковоро-

ду, на которой, наверное, можно было целиком зажарить теленка.

— Надолго, гады, устраивались, — Зяблик злобно плюнул на сковородку. — Даже капище свое оборудовали.

Цыпф несколько раз возвращался туда, где в рядок лежали мертвые аггелы, уже разутые, с вывернутыми карманами. Потом, воровато оглянувшись, он за ноги оттащил одного из них поближе к свету.

— Что ты его дергаешь? — неодобрительно заметил из темноты Зяблик. — Живых надо было дергать.

— Послушай... я его, кажется, раньше видел, — неуверенно сказал Цыпф, склонившись над трупом.

— Где ты его мог видеть? — Зяблик неохотно приблизился.

— Он вместе с Сарычевым в Эдем идти собирался. Я им муку и сахар отвешивал.

— Точно?

— Очень похож... Правда, я его только раз видел, мельком. Надо бы у ребят из Трехградья уточнить.

— Как же, уточнишь... Иши-свиши их теперь...

Они отошли к стене и сели на трубу, обмотанную раздерганной теплоизоляцией.

— Видишь, какая хреновина получается, — помолчав, сказал Зяблик. — аггелы-то какие стали! С крыши на крышу, как блохи, сигают. После смерти на карачках ползают. Что относительно этого наука может сказать?

— Читал я где-то, что у каждого человека сил в организме запасено гораздо больше, чем ему в повседневной жизни требуется. Любой из нас может в принципе на восемь метров прыгнуть или доброе дерево с корнем вывернуть. Но есть опасность, что связки и мышцы такой нагрузки не выдержат. Поэтому в нервной системе какой-то предохранитель имеется, не позволяющий силе освобождаться сверх необходимого. Ну а в минуты смертельной опасности или сильного душевного потрясения этот предохранитель иногда срывается. Тогда человек способен и на отвесную скалу залезть, и грузовик за передок поднять, и без головы, как петух, бегать. Были такие случаи.

— Значит, ты считаешь, у аггелов на крыше такой предохранитель сорвался?

— Вот не знаю... — Цыпф развел руками.

— А тот сиволапый, что с автоматом за трубой сидел, говорит: глотали они что-то.

— Что они могли глотать?

— Про это у них самих надо было бы спросить, да уж поздно... Тебе цифирить не приходилось?

— Я и чаю-то настоящего никогда не пробовал.

— Да, теперь чая не достанешь, — вздохнул Зяблик. — А раньше, помню, заварил в алюминиевой кружке полпачки цейлонского и цедишь себе под селедочку. Потом резвость такая наступает, что за час все дела переделаешь.

— И на восемь метров прыгнешь?

— Нет, прыгать я не пробовал. Но чувствуешь себя совсем по-другому. Орлом, а не курицей. Я про цифирь вспомнил, когда ты об Эдеме речь завел. О нем разные слухи ходят... Эдем есть Эдем. Не зря его так называли. Там яблоко это проклятое росло. На древе познания... И, наверное, не одно только яблоко. Та флора в наш мир за Адамом и Евой не пошла, ну если только очень выхолощенная... Понимаешь, о чем я говорю? Если аггелы до какой-нибудь эдемской травки добрались, из которой цифирь можно делать, плохи наши дела.

— Слухов сейчас столько ходит, что и не знаешь, чему верить.

— Самому себе нужно верить, да и то не всегда... Вот смотри, — Зяблик достал из кармана камень величиной с куриное яйцо. — Уж и не помню, для чего я его с год назад подобрал. Я вообще красивые камушки с детства люблю. Он тогда величиной с картечину был. А теперь видишь какой. Разве камни могут расти?

— Кристаллы растут.

— Кристаллы в растворе растут. А этот камень у меня в кармане старых штанов вырос. Можешь ты это объяснить?

— Спроси чего-нибудь полегче. Куда солнце делось? Почему электричество пропало? Почему через Талашевский район кастильские гранды ходят татарских ханов бить?

— Ладно, пошли отсюда, — Зяблик встал. — Жрать охота. Зря мы сивопалым свинину отдали. Такой шашлычок можно было бы сейчас организовать! Не отказался бы, наверно?

Цыпф покосился на оскалившихся, расхристанных мертвецов, не обретших в смерти ни благодати, ни покоя (особенно страшен был тот, которого разделал саблей Чмыхало), и покачал головой:

— Пожалуй, что и отказался бы...

Впрочем, как скоро выяснилось, Верка и Смыков отсутствием аппетита не страдали. На общую беду брезентовый сидор, в котором хранился сухой паек, остался в драндулете,

возвращение которого (даже при условии, что Чмыхало нигде попусту задерживаться не станет), ожидалось не ранее чем через пару часов.

Как всегда, Зяблик во всем обвинил Смыкова. Но тот, вопреки своему обыкновению, антимоний разводить не стал, а сказал, загадочно улыбнувшись:

— Есть тут, братцы вы мои, недалеко одно местечко, где можно перекусить... Послушайте-ка!

Все умолкли, глядя на его поднятый кверху палец.

— Ничего не слышу, — недоуменно сказала Верка. — Ворона каркает, да у Зяблика в животе урчит.

Палец стал плавно покачиваться, и Смыков, отчаянно фальшивя, загундосил:

— Ля-ля-ля-ля... Слышите?

— Точно, — процедил сквозь зубы Зяблик. — Аккордеон пилит. Как я это сразу не сообразил... Квартирка-то нашей Шансонетки совсем рядом. Разыгралась... Видно, в настроении.

— Нам туда все равно заглянуть надо, — сказал Смыков.

— А вы забыли, зайчики, о чем вас строгий дядя предупреждал? — напомнила Верка.

— Мы же ей ничего плохого не сделаем, — ответил Зяблик. — В гости зайдем поведать.

— А может... у нее гости уже имеются? — Смыков понизил голос.

— Вот мы на них и посмотрим. А заодно и с бабушкой познакомимся. — Зяблик машинально ляпнул себя по животу, проверяя, на месте ли пистолет.

В путь, хоть и недалекий, но неизвестно что суливший, двинулись в боевом порядке: впереди, по разным сторонам улицы, Зяблик и Смыков, сзади, на приличном удалении, — Верка и Цыпф, главной задачей которого было как можно чаще озираться назад.

Шли на звук аккордеона, доносившегося уже вполне явственно, сначала мимо разрушенного кинотеатра, облюбованного стаяй мартышек (сильно размножаться им не давали бродяги, добывавшие хвостатых прашуров при помощи самоловов и удавок, потом по крутому спуску, застроенному, наверное, еще дореволюционными лабазами, сплошь уцелевшими, только лишившимися дверных и оконных рам, а затем через пустырь, к Красноармейской улице, целиком состоявшей из серых панельных параллелепипедов, как горизонтальных (пять этажей), так и вертикальных (двенадцать). Дом, в подь-

езде которого Зяблик накануне просидел едва ли не целые сутки, был уже почти рядом.

Тут и там — на уличных газонах, в сквериках, на всех свободных от асфальта клочках земли — виднелись заброшенные осевшие могилы с покосившимися крестами или каменными пирамидками в изголовье. Так хоронили людей в самое первое время, когда число живых еще превышало число мертвых, а после очередного отхлынувшего нашествия на улицах оставалось множество трупов, которых жара быстро превращала во что-то такое, чего уже никто не решался стронуть с места. Гуще всего могилы располагались вблизи столовых, булочных и молочных, куда горожан гнал голод.

— Знатно наябрюет, — сказал Зяблик, когда до заветного подъезда осталось уже не больше десяти шагов. — Вот только что за мелодия, не могу понять.

— Классика какая-то, — сказала Верка.

— А что аггелы петь любят? — спросил Смыков, искоса глянув на Зяблика.

— По-разному. От настроения зависит. Когда веселые — псалмы задом наперед. А когда злые — «Вставай, проклятьем заклеименный...». Ну что, зайдем?

— Зайдем. Вроде все спокойно.

Музыка смолкла, едва только сапоги Зяблика забухали по лестнице. У дверей квартиры вперед протиснулся Смыков и деликатно постучал.

— Прошу прощения. Это опять мы вас беспокоим. Есть один небольшой вопросик...

Девушка открыла почти сразу, и на ее лице не было ни прежнего недоверия, ни страха. Казалось, она даже обрадовалась гостям.

— А я только что вас вспоминала, — сказала она, улыбаясь скорее наивно, чем дружелюбно. — Это вы, наверное, недавно стреляли?

— Мы, — признался Смыков. Его завидующие глаза уже успели заметить приткнувшийся в коридоре мешок, набитый похожими на поленья корнями маниоки и развешанные на кухне длинные низки копченой саранчи. — Богато жить стали. Никак бабушка вернулась?

— Нет, не вернулась, — вздохнула девушка. — Осталась я одна... Да вы проходите, пожалуйста. У меня еще чай не остыл. Вы морковный пьете?

— Пьем, если с салом, — буркнул Зяблик.

— Сала нет. А маньками жареными угощу. И медом диким.

— Откуда такое богатство? — прежде чем пройти на кухню, Смыков успел мимоходом заглянуть и в зальчик, и в санузел, и в кладовку.

— За бабушку приданое. Она в Лимпопо замуж вышла.

— Приданое жениху дают. Вместе с невестой, — важно сказал Цыпф. — А жениху за невесту — калым.

— Ну, значит, калым... Вот почитайте, — она протянула свернутую в трубку шкуру какого-то некрупного зверька.

— Ого! — удивился Смыков, разворачивая свиток. — Кровью писано. Вроде как с дьяволом договор.

— Это бычьей, а не человеческой, — объяснила девушка, раздув в очаге угли и бросив на них горсть щепок. — Больше-то в Лимпопо писать нечем. Вы вслух читайте.

— «Здравствуй, дорогая внучка Лилечка, — начал Смыков, с напряжением разбирая нечеткие, расплывшиеся на мездre буквы. — Извини, что долго о себе весточки не подавала. Оказии не было. А нынче один хороший человек в ваши края собирается. Он тебе мою записочку передаст, а к ней кое-что в придачу. Так уж, родненькая, повернулась жизнь, что на старости лет я замуж вышла. Супруг мой, хоть и арап некрещеный, но человек незлобивый, хозяйственный. Коров имеет столько, что и не сосчитать. Меня жалеет. Обещал старшей женой назначить. Их у него уже три есть, да все арапки тощие. А здесь ценятся женщины солидные, вроде меня. Если тебе совсем туго придется, перебирайся ко мне. Мы и тебе мужика сосватаем. Может, даже шамана. Будешь тогда каждый день молоко кислое пить да на львиных шкурах полеживать. На том заканчиваю. На коже писать несподручно. Замучилась совсем. Если кого знакомого встретишь, привет передавай. А как меня отыскать, тебе тот человек подробно растолкует. До свидания. Целую крепко. Если вздумаешь к нам податься, аккордеон не забудь. Тут из музыки одни только барабаны. У меня от них голова болит».

— Шустрая бабушка, — сказал Зяблик, хрустя взятой без спроса саранчой. — А сколько же ей годков?

— Пятьдесят шесть, — ответила внучка Лилечка не без гордости. — Но на вид ей меньше дают. Она знаете у меня какая: и плясунья, и певунья, и на все руки мастерица. Как я без нее жить стану, даже и не знаю... А в кого вы стреляли?

— Да есть тут всякие, — неопределенно ответил Смыков.

— Послушай-ка... — человек, хорошо знавший Зяблика, мог определить, что он немного смущен. — Ты тут не замечала таких... с рогами?

— А как же! — Лилечка переставила шипящую сковородку с очага на стол. — Приходил один. Стоял под окном. Страшный такой. Его дядя Тема потом прогнал.

Смыков и Зяблик переглянулись, а Верка толкнула коленом сидевшего с краю Цыпфа.

— Вкусно... — сказал Смыков, тыкая в сковороду шерба-той вилкой. — А дядя Тема — он кто? Родня вам?

— Да что вы! — Лилечка села, сложив руки на коленях, круглых, как дыни сорта «колхозница». — Я его почти и не знаю. Он вроде как охраняет меня. Да только я его больше, чем рогатых, боюсь.

— Чего же в нем такого страшного? — Смыков подул на кусок горячей маньки. — Человек как человек, вроде не кусается...

— Ага, а вы в глаза его гляньте! — с жаром возразила Лилечка. — А потом человек никогда такое не сделает, что он может.

— Что же он такое, интересно, может?

Простодушная девчонка не понимала, что с ней не разговоры разговаривают, а снимают допрос по всем правилам.

— Уголь в печке голой рукой ворошить, — ответила она. — Сколопендр ядовитых пальцами давить. Видеть, что у самого горизонта делается.

— Подумаешь, чудеса, — пожал плечами Смыков. — Зяблик наш голыми руками кобру ловит. Вот если бы он, к примеру, летать умел или по воде аки посуху ходить, тогда другое дело.

— Иногда на него такое находит... такое... что просто жуть. Он меня и сам предупреждал: не пугайся, Лиля, я не всегда человеком бываю. Он тогда сразу в лице меняется и старается уйти. Слова до него наши не доходят, да и сам он в этот момент говорить не может.

— Припадочный он, что ли?

— Нет, это совсем другое. Он как демон становится. Вы Лермонтова читали?

— Читал, — кивнул Смыков. — «Мороз Красный Нос». А почему он вас от варнаков не защитил?

— А я его тогда еще не знала. Он позже появился.

— Да-а, — протянул Смыков. — Непонятно... Чего они все липнут к вам? И варнаки, и аггелы эти рогатые.

— Вот уж не знаю, — вздохнула девушка. — Может, музыку любят слушать. Я как заиграю на аккордеоне, обязательно кто-нибудь придет... Вот нынче вы заглянули...

— А варнаки с тех пор не появлялись?

— Нет, — она потупилась. — Так вы чай пить будете?

— Конечно, будем, — вступила в разговор Верка. — Этим мужикам лишь бы языком почесать. Уймись! Давай, Лилечка, чашки. Я тебе сейчас помогу.

Чашки в Лилечкином хозяйстве числились за дефицит, и чай пришлось пить в две очереди. Зато ложек хватило всем, что нанесло невосполнимый урон запасам меда. Попутно Зяблик вспомнил — а может, и сам сочинил — жуткую историю о том, как однажды, зевая, втянул в рот пролетавшую мимо пчелу, немедленно ужалившую его прямо в надгортанник. Онемевшего и уже синеющего от удушья Зяблика спас случайный прохожий, засунувший ему в гортань лезвие финки и в течение целого часа при каждом вдохе отжимавший кверху чудовищно распухший язычок хряща. Мучения, испытываемые при этом Зябликом, оказались куда хуже, чем сама смерть, и, оправившись, он крепко вздул своего спасителя.

Никто, кроме Лилечки, к этой басне всерьез не отнесся. А Лилечку особенно впечатлили последние слова Зяблика.

— Неужели бывает что-то хуже смерти? — ужаснулась она. — Я бы, наверное, любую боль перетерпела, чтобы только живой остаться.

— Как сказать, — Зяблик извлек коробку с самосадам. — Я, к примеру, смерти не боюсь. Душа человеческая нетленна. Если мне в этой жизни такая паршивая судьба досталась, может, хоть в следующей фарт подвалит. Рождаются для смерти, а умирают для жизни. Это мудрыми людьми сказано. И, между прочим, с каждым новым перерождением человек все лучше становится.

— Господи, какой же сволочью ты был в прошлой жизни, если сейчас такая дрянь! — воскликнула Верка. — А ну убери свой табачище! Коли чаю напились, идите на улицу курить!

Не устояв перед Веркиным натиском, мужчины подались на лестницу — Зяблик и Цыпф покурить, некурящий Смыков за компанию.

— А ты, друг дорогой, серьезно в метемпсихоз веришь? — спросил Цыпф Зяблика.

— Что еще за психоз такой? — Зяблик глянул на Цыпфа так, словно до этого никогда раньше не видел.

— Переселение душ.

— Ясно. Тогда встречный вопрос. С каких это пор ты в мои друзья записался? Мы вроде на брудершафт не пили.

— Пили, — Цыпф поперхнулся дымом. — Когда я влазное ставил.

— Не помню, — Зяблик покосился на Смыкова. — Было такое?

— Было, — кивнул тот. — И на брудершафт пили, и целовались, и по воронам стреляли. А потом, братец вы мой, вы его стаканы грызть учили.

— Ага, — Цыпф потрогал начавший затягиваться порез на губе.

— А по роже мне кто засветил? — Зяблик осторожно погладил скулу.

— Верка, — с готовностью доложил Смыков. — Очень уж вы, братец мой, разошлись. Хотели из ее пупочной впадины выпить.

— Ну и... выпил?

— Налить налили, а выпить не получилось.

— Дела... — Зяблик поежился. — Тогда, дорогой друг Лева, отвечаю на твой вопрос. В переселение душ я верю, ибо верить больше не во что.

— Но это та же самая смерть. Ведь твоя душа о прошлой жизни ничего не помнит.

— Не скажи... Снится мне один и тот же сон. Особенно если выпью. Будто бы я червячок и живу в огромном зеленом яблоке. Такое оно неспелое, такое кислое — на рвоту тянет.

— Это не доказательство. Мне, например, гильотина снится. По-твоему, я в прошлой жизни Робеспьером был?

— Естественно, Робеспьером ты не был, но вот мухой, севшей на его отрубленную голову, вполне мог быть. Кстати, ты кастильского посланца знаешь?

— Дона Эстебана? Прекрасно.

— Так вот, он мне однажды сказал: если человека действительно создал Бог, а не лукавый бес, он просто обязан был наделить его бессмертной душой.

— Дон Эстебан человек умный. Однако в этом вопросе авторитетом быть не может. Спинозе или Сантаяне я куда больше доверяю. И потом, он имел в виду совсем другое — бессмертие души в загробном мире после смерти телесной оболочки. Ну а это уже форменный террор! Почему душа должна вечно страдать за грехи тела?

— Лева, ты меня, пожалуйста, не сбивай. Если я верю во что-то, то верю — и basta! Никто меня не переубедит. Такие умники, как твой Спиноза, что доказывали? Что природа проста, как репка, и нет в ней места для сверхъестественного.

А это тогда что такое? — Зяблик развел руки в сторону, словно хотел обнять разом землю и небо. — Кто все с ног на голову поставил? Кто нам такую жизнь устроил? Природа или сверхъестественные силы? Может, это и есть наказание за грехи человеческие. Может, мы уже в аду паримся и уйти отсюда только наши души смогут?

— В аду водки не пьют и табак не курят. Это закон, — сказал Смыков.

— Короче, ты ко мне, Лева, не лезь, — продолжал Зяблик. — И Спиноза с Сантаяной пусть не лезут. Не видели они того, что я видел...

Дверь распахнулась, слегка задев Цыпфа, и к мужской компании присоединилась Верка. Первым делом она отобрала у Зяблика недокуренную самокрутку.

— Так, зайчики, — сказала она, хорошенько затянувшись. — Я с Лилечкой договорилась пожить у нее немного. По хозяйству помогу, ну и все такое. А вы где-нибудь поблизости устройтесь, только зря не высовывайтесь. Если кто-нибудь придет к ней, я знак подам.

— Самоуправничаєте, Вера Ивановна, — заметил Смыков. — Вопрос это не простой и требует обсуждения.

— Вот и обсуждайте, — согласилась Верка. — Пять минут хватит? Засекай по своему будильнику.

— На месте сидеть, впустую время терять, — сказал Смыков. — Никто сюда не придет. Побоятся.

— Придут, — возразил Зяблик. — Не варнаки, так аггелы. Тут им как медом намазано.

— А как, интересно, она сигнал подаст? — поинтересовался Смыков.

— Пусть в окно что-нибудь выставит. Вот из того дома, что на горке, оба они просматриваются. Я проверял. Мы там и разместимся.

— Что же она выставит? — не славался Смыков. — Голый зад, простите за выражение?

— Веркин зад не годится, — покачал головой Зяблик. — Слабоват. Не заметим.

— Не слабее твоего, — огрызнулась Верка. — Лучше я огонь в очаге разведу.

— А как мы узнаем, для чего его развели? Может, это Шансонетка захотела чайку попить.

— Она чай на шепках греет. От них дыма почти нет. А в очаг резину брошу. Вон сколько старых галош на мусорнице валяется.

— Я согласен, — сказал Зяблик.

— А я нет, — возразил Смыков.

— Ну а ты как, зайчик? — обратилась к Цыпфу Верка.

— Воздержусь.

— Значит, два против одного при одном воздержавшемся, — подвела итог Верка.

— Чмыхало с Веркой спорить не будет, — добавил Зяблик. — Он ее за шаманку считает. А шаманки у них покруче шаманов. С ними даже ханы стараются не связываться... А почему дорогой друг Лева воздержался?

— Понимаете... — Цыпф замялся. — Мы вроде как рыбаки сейчас. А рыбку можно по-разному ловить. И сетью, и острогой, и на червячка. Вот я за червячка-то и боюсь... За Веру Ивановну то есть. Ведь еще неизвестно, на какую рыбу мы нарвемся. Ладно, если на карася, а вдруг — на пиранью?

Наступило неловкое молчание. Потом Зяблик, переглянувшись поочередно со Смыковым и Веркой, сказал:

— Зря ты, наверное, связался с нами, Лева. Не будет из тебя проку. Разве ж мы можем про то рассуждать, на кого завтра нарвемся? Хоть пиранья, хоть акула, а назад хода нет. Ты лучше к сиволапым иди. У них житуха поспокойнее, да и посытнее.

— Спасибо, зайчик, что пожалел меня, — Верка погладила сконфуженного Леву по голове. — Зря, конечно. Не по делу вышло. Это как конфетка — ты мне ее от чистой души суешь, а меня от сладкого воротит. Я бы лучше самогонки выпила или махорки курнула... Ладно, ребята, идите. Я за вас уже с Лилечкой попрощалась.

— Пусть она почаще за аккордеон берется, — посоветовал Смыков. — Червячок на крючке дрыгаться должен.

Первую каинову печать на Зяблика наложила судьба, слепо сеющая по ниве человеческой свои милости и свои пагубы.

Отец и старший брат рано приучили его к ружейной охоте, и с восемнадцати лет все благословленные законом зимние дни Зяблик проводил в лесу, когда с отцовской бригадой, а когда и в одиночку. Летнюю охоту на водоплавающих он презирал, не находя никакого молодечества в уничтожении безобидных чирков и крякв.

В тот памятный день, перед самыми новогодними праздниками, выбрался он на охоту вместе с братом, который давно отбился от дома, жил своей семьей, служил в ментовке и через

какие-то блатные каналы раздобыл промысловую лицензию на отстрел кабана. Промысловая лицензия означала: тебе, кроме азарта, достанется еще голова, голени да внутренности добытого зверя, все остальное пойдет на экспорт в буржуазные страны, чье задржавшееся население предпочитает натуральную дичину домашней свининке и телятинке.

Отношения у Зяблика с братом были сложные — уважать он его уважал, но терпел с трудом. Очень уж тот любил учить младшенького жизни, всякий раз приводя поучительные примеры из богатого личного опыта. Наливая себе стакан, он грозил Зяблику пальцем: не смей, мол, пить эту отраву. Сам не выпускал изо рта сигарету, а брата за аналогичные дела таскал за уши. Любил нудно рассуждать о моральном облике строителя коммунизма, а между тем почти открыто гулял на стороне, брал по мелочам везде, где давали, и изводил капканами домовитых слезливых бобров.

Выехали задолго до рассвета, натянув на радиатор «газика» чехол, сшитый из суконных одеял. В промерзлом небе сияли звезды, крупные и недобрые, как волчьи глаза. На заднем сиденье возились и возбужденно повизгивали лайки.

Рассвета дожидались у костра, грея нутро отвратительным (зато дармовым) сырцовым спиртом. Едва на востоке стала проступать прозрачная, холодная заря, пошли опушкой леса к картофельным буртам, кормившим не только местный колхоз, но и клыкастых лесных единоличников. Свежих следов там не обнаружилось, и братья повернули в чащобу. Несколько раз лайки поднимали шустрых беляков, но не станешь же тратить на них приготовленные для кабана заряды.

Уже за полдень в спелом сосновом лесу, называвшемся Щегловым Бором, они наткнулись на след матерого секача, пропахавшего глубокий снег своим брюхом. Началось настоящее дело: собаки длинными прыжками пошли в угон, братья бросились за ними, по русскому обычаю призывая на помощь не отца небесного, а неизвестно чью блудострастную мать. Трижды собаки осаживали кабана, но всякий раз многоопытный зверь уходил, меняя направление.

Первый раз охотники воочию увидели кабана часа в четыре, когда лес наполнился синим померклым светом. Вздывая фонтаны снега, бурое лобастое страшилище крутилось среди обезумевших лаек, и пена хлопьями летела с его рыла, словно из огнетушителя ОП-5. Зяблик поймал зверя на мушку, но стрелять не посмел — за собак побоялся. Зато ушлый братец приложился навскидку пулей из получокового ствола. Кабан

заверещал, ну в точности, как домашний подсвинок, которого волокут под нож, и завертелся в другую сторону.

Рана словно придала секачу силы, и он, оторвавшись от собак, исчез в чашобе. Ярко-алые брызги пятнали его след, словно брошенные в снег пригоршни клюквы. Преследовать раненого кабана в сумерках — занятие самоубийственное, но на старшего брата уже снизошло необоримое опьянение охотничьего азарта.

— К речке давай! — сквозь облако отлетающего с губ пара выкрикнул он. — Собак слушай! А я его на лед выгоню!

Исцарапав лицо, Зяблик проломился сквозь заросли голого орешника к недавно замерзшей и потому почти не заметенной снегом речке. Окажись кабан на льду — ему пришлось бы тут хуже, чем пресловутой корове. Собаки сейчас заливались где-то слева. Звук погони удалялся гораздо быстрее, чем мог бежать Зяблик (слава Богу, хоть валенки на льду не скользили), и он с досады едва не пальнул в воздух. Внезапно одна из собак зашлась смертным визгом, стукнул выстрел, стряхнувший снег сразу с нескольких сосен, и какофония звериной травли, в которой злобное хрюканье уже нельзя было отличить от осатанелого лая, повернула прямо на него.

Спустя пять минут кабан и две вцепившиеся в него лайки, взрывая снег, слетели с обрыва на лед. Чуть сбоку, отставая на пару десятков шагов, бежал брат и на ходу совал патроны в казенник переломленного ружья. Сумрак делал выражение его лица трудноразличимым.

На льду кабан сразу упал и затих, словно смирившись со своей злой участью. Собаки, повинувшись приказу хозяина, разбежались в стороны. Сам он, перезарядив ружье, стал по дуге обходить неподвижного зверя, готовясь сделать последний выстрел — наверняка в голову.

Дальнейшее произошло с пугающей, сверхъестественной быстротой. Только что кабан лежал, тяжело вздымая бока и положив морду с трехвершковыми клыками на передние лапы, — и вот он уже насаждает на опрокинутого навзничь охотника.

Собаки разом вцепились в поджарый кабаньей зад, но он не обратил на них ровным счетом никакого внимания. Рылом, способным выворачивать многопудовые валуны, он, как мяч, гонял по льду ненавистного человека, и тому оставалось только одно спасение — отпихиваться от зверя ногами. С каждым взмахом кабаньей морды от ног брата отлетало что-то черное (как потом выяснилось — клочья яловых сапог), и без-

ошибочным чутьем прирожденного охотника Зяблик осознал, что не успеет вовремя добежать до места схватки.

Сорвав рукавицы, он заменил картечный заряд пульей и выстрелил с колена, целясь кабану под лопатку. Результат превзошел все ожидания — зверь сразу умолк, словно собственным языком подавился, осел на передние лапы, подминая человека, а затем и вообще завалился на бок. На какое-то время наступила тишина — даже собаки прекратили свой вой.

Зяблик бежал к брату, как будто бы во сне — стараешься вроде изо всех сил, а получается до отчаяния медленно. Особенно пугало молчание брата. Человек, оказавшийся в такой ситуации, должен если и не возносить хвалу силам небесным, то хотя бы матюгаться.

Зяблик стащил с брата кабанью тушу, из бока которой слабеющими толчками еще изливалась кровь. Брат с лицом не то что серым, а скорее сизым лежал на льду, вытертом его спиной до глянцевого блеска, и обеими руками шарил в паху, словно хотел расстегнуть ширинку. Голенища его сапог и толстые ватные штаны были взрезаны словно бритвой, но крови там заметно не было, зато она вдруг стала обильно выступать сквозь пальцы. Взгляд брата был неузнаваемо страшен — зрачки расплылись едва ли не на все глазное яблоко.

— Что с тобой, что? — Зяблик упал перед ним на колени.

— А-а! — вырвалось у брата. — В живот! Ты меня, гад, в живот...

Зяблик силой отвел его руки в стороны и стал добираться до тела, но запутался в пуговицах и ремнях нескольких надетых друг на друга и уже набрякших кровью штанов, трико и кальсон.

— Режь, — простонал брат. — Ножом режь...

Зяблик одним махом распорол все одежки от пояса до мотни. То, что он увидел, было хуже самых худших предположений: пуля, насквозь пронзившая кабана и расплющившаяся о его плоть в свинцовую розочку, угодила брату в самый низ живота. Словно иллюстрируя известную медицинскую истину о том, что внутриполостное давление выше атмосферного, наружу выперли синеватые плети кишок, какие-то белые пленки, желтая прослойка нутряного жира — и все это подрагивало, курилось паром, заплывало кровью. Специфический запах свидетельствовал о том, что пуля, помимо всего остального, задела и мочевой пузырь.

Аптечка осталась в машине километрах в пяти от этого места, да и вряд лигодились бы здесь жиденькие марле-

вые бинты и зеленка. Зяблик сорвал с себя шапку и прижал ее к ране. Умные собаки, жалобно повизгивая, жались друг к другу.

В небе зажглась первая звезда, лес стоял по берегам черной громадой, и на Зяблика напала беспросветная, убийственная тоска. Брат теперь кричал почти не переставая и скреб каблуками по льду.

— Что делать? — Зяблик наклонился над ним. — Что делать, скажи?

— Беги к машине, — прохрипел брат. — По речке попробуй проехать... Я подожду... Ключи только возьми в кармане... Массу к аккумулятору не забудь подключить...

Не представляя даже, как он доберется по ночи и снегу до машины, Зяблик вскочил и побежал вдоль берега, выбирая для подъема менее крутое место. Он не успел сделать и полусотни шагов, как позади грохнуло, словно граната взорвалась, и тут же взвыли перепуганные собаки. Зяблик затормозил так резко, что даже не удержался на ногах. Отсюда еще было смутно видно то место, где лежал брат, а сейчас светлый дым восходил там к темному небу...

Местные егеря отыскиали Зяблика только на следующие сутки. Всю ночь он бродил по лесу без шапки и рукавиц, но даже не обморозился. На похороны его не пустила родня. Следствие тянулось до самой весны, и Зяблику каждое лыко поставили в строку — и ссоры с братом, и давнее мелкое хулиганство, и недобро-уклончивую характеристику с последнего места работы, и употребление на охоте спиртного (как будто бы он один его употреблял), и то, что последний, роковой выстрел был произведен опять же из его ружья. Патологоанатом дал заключение, что ранение брата в живот не относится к категории смертельных. Эксперт-баллистик установил, что из того положения, в котором пострадавший находился в момент смерти, он не мог дотянуться до спускового крючка. Возникла версия об умышленном убийстве, пусть и совершенном с благими намерениями.

Напрасно Зяблик доказывал, что за спусковой крючок его ружья и тянуть не надо, достаточно хорошенько трахнуть прикладом об лед, а степень тяжести ранения зависит еще и от того, в каких условиях оно получено — в двух шагах от хирургического стола или в глухом лесу, за много километров от человеческого жилья. Никто не внял его доводам, ни прокурор, ни следователь. Переквалифицировать убийство из неумышлен-

ного в умышленное все же не удалось, но суд выдал на полную катушку — шесть лет усиленного режима.

Зяблик сидел в Белоруссии, в Мордовии, в Казахстане и в республике Коми. В Орше сосед по столу ударил его за ужином вилкой в шею. Зубцы прошли по обе стороны от сонной артерии, сплющив ее, как курильщик сплющивает сигарету, но не разорвав. В Куржемене, участвуя в групповом побеге, он получил пулю в бедро и два года довеска. Во время второго побега по подземному каналу теплотрассы Зяблик едва не сварился заживо, неделю пролежал без еды в смотровом колодце и сдался лишь тогда, когда начал гнить заживо. Само собой, без довеска не обошлось. От участия в третьем побеге Зяблик отказался потому, что для этого полагалось сначала снять чулком кожу с лиц нескольких бесконвойных, имевших права свободного выхода за зону, а потом натянуть на себя эту еще теплую маску. (Кожу с бесконвойных сняли без участия Зяблика, хотя ничего путного из столь дикой затеи не вышло и всех беглецов положили из автоматов прямо у КПП.) Свой очередной довесок Зяблик получил за недоносительство.

Раз десять его сажали на хлеб и воду в штрафной изолятор, шесть месяцев лечили трудотерапией от туберкулеза (и что самое интересное — почти вылечили), а однажды целый год продержали «под крышей» — не в лагере, а в самой натуральной тюрьме, из которой не выводили ни на работу, ни на прогулки. В поселке Солнцегорск Зяблик добывал в шахте урановую руду. Там ему даже понравилось — кормили хорошо и бабу не хотелось.

Он видел, как ээки из одного только молодечества пришивают к своей шкуре ряды пуговиц или прибивают мошонку гвоздем к табурету, как ради больничной пайки глотают стекло и обвариваются крутым кипятком, как проигрывают в карты золотые фиксы и собственные задницы и как потом эти фиксы тут же извлекаются наружу при помощи плоскогубцев, а задницы идут в дело, после которого лагерному хирургу приходится в срочном порядке сшивать разорванные анусы.

Он был свидетелем того, как коногоны в шахте вместо женщины использовали слепую кобылу, предварительно поместив ей на круп фото какой-нибудь красотки, и как под Сыктывкаром вполне нормальные с виду мужчины периодически извлекали из пробитой в вечной мерзлоте могилы тело молодой покойницы и, отогрев ей чресла теплой водичкой из чайника, предавались противоестественному совокуплению.

Он научился плести корзины из лозы и печь хлеб, валить

бензопилой кедры и на ветру одной спичкой зажигать отсыревший костер, лечить от тяжелого поноса и заговаривать зубную боль, растачивать фасонные детали и подшивать валенки, рыть шурфы и полировать мебельные щиты, подделывать любой почерк и вытравлять на бумаге любой текст, ремонтировать электропроводку и кипятить чифирь на газетных обрывках, из ложек делать нешуточные ножи, а из самых обыкновенных лекарств — балдежные смеси. Еще он научился терпеть страдания, забывать унижения и не прощать обидчиков.

Попервоначально его били часто и нещадно (обычно сам напрашивался), а однажды полуживого сбросили в уже загруженную углем дробилку лагерьной электростанции — огромный вращающийся барабан с чугунными ядрами, перемалывающий десятки тонн антрацита за смену. Спасся Зяблик чудом: в тот день паровой котел, который обслуживала дробилка, поставили на профилактику. Вскоре Зяблик осатанел и наловчился драться руками, ногами, головой, ножом, заточкой, брючным ремнем, лезвием безопасной бритвы, табуреткой и всем чем ни попадя. Никто уже не решался замахнуться на него — ни урка пером, ни надзиратель дубинкой. Среди разношерстной публики, по различным причинам поменявшей родной матрас на казенные нары, он стал своего рода достопримечательностью — рысью, затесавшейся в компанию волков и шакалов.

В лагерьной библиотеке он прочел двенадцатитомник Толстого, всего разрешенного Достоевского, сборник избранных пьес Шекспира и подшивку журнала «Блокнот агитатора» чуть ли не за целую пятилетку. Поэт-диссидент шутики ради обучил его разговорному английскому, а ректор-взяточник познакомил с учениями Сведенборга, Хайдеггера, Сантаяны и Маркузе. Он тайно крестился, но потом собственным умом дошел до идей гностицизма и порвал с византийской ересью.

В лагерях, в следственных изоляторах и на этапах он встречался с домушниками и валютчиками, с цеховиками и брачными аферистами, с растратчиками и наркоманами, с растлителями малолетних и угонщиками самолетов, с нарушителями границы и незаконными врачевателями, с призерами Олимпийских игр и лауреатами госпремий, с ворами в законе и разжалованными генералами, с евреями и татарами, ассирийцами и корейцами, с совершенно безвинными людьми и с убийцами-садистами, жарившими мясо своих жертв на костре.

В Талашевскую исправительно-трудовую колонию Зяблика перебросили вместе с восемью сотнями других заключен-

ных спасти горевший синим огнем производственный план. (Местные узники сначала бастовали, потом бузили, за что и были в большинстве своем рассеяны по другим зонам.) Зяблик, к тому времени носивший на левой стороне груди матерчатые бирки бригадира и члена совета отряда, стал осваивать новую для себя специальность — ручное сплицевание велосипедных колес. Срок впереди был еще немалый, и никакая амнистия ему не грозила — разве что, как он сам иногда шутил, по случаю конца света. Как ни странно, примерно так оно и случилось.

Тот окающий день, навсегда размежевавший жизнь многих людей на светлое прошлое и жуткое настоящее, начался точно так же, как и тысячи других, без пользы прожитых в заключении одинаковых дней, только почему-то электрический свет горел вполне накалила да повара запоздали с завтраком — барахлили котлы-автоклавы, в которых варилась синяя каша из перловки и желтый чай из всякого мусора. После подъема, оправки, переключки и приема пищи всех опять развели по камерам — и это в конце квартала, когда в цеха загоняли даже штрафников, ходячих больных и блатных авторитетов.

По колонии пошли гулять самые разнообразные слухи. Столь странное поведение начальства чаще всего объяснялось следующими причинами: в столице загнулась какая-то важная шишка и по этому случаю объявлен всеобщий траур; поблизости что-то рвануло, может быть, атомная станция, а может, секретный завод; началась третья мировая война; в Талашевске выявлена чума или холера; в колонию должна прибыть делегация международной организации «Всеобщая амнистия», которая везет с собой трейлер всякой вкуснятины и автобус девочек, нанятых оптом на пляс Пигаль; сбылись неясные пророчества по поводу намеченного на конец двадцатого века Армагеддона. Последнее предположение получило косвенное подтверждение, когда в положенное время ночная мгла так и не опустилась на землю.

Прожектора на сторожевых вышках не горели. Служебные собаки не переключались злобным лаем, как было у них заведено, а жалобно выли. Контролеры не подходили к «глазкам», а на все вопросы отвечали либо молчанием, либо беспричинной руганью.

К утру, ничем совершенно не отличимому от миновавшей ночи, стало ясно, что электричество, водоснабжение и кана-

лизация не функционируют. По камерам раздали давно забытые параша — жестяные многоведерные баки с крышками. Старостам выдали на кухне сухой паек и сырую воду в чайниках. Вернувшись, они поведали, что охрана сплошь вооружена, но вид имеет крайне растерянный. Обед не было, а ужин опять прошел всухомятку: хлеб, кислая капуста, банка мясных консервов на двоих, пахнущая тиной вода.

В камерах начались стихийные митинги — стучали мисками в дверь, требовали начальника или прокурора. Потом ножками от разобранных кроватей сбили намордники, прикрывавшие окна снаружи и не позволявшие потенциальным беглецам производить визуальную разведку окружающей местности.

Пользовавшийся законным авторитетом Зяблик выглянул в зарешеченную оконную бойницу одним из первых. Колония располагалась в старых монастырских палатах на плоской вершине холма, по преданию, насыпанного пленными татарами, и обзор со второго этажа бывшей ризницы открывался просторный. В ясные дни отсюда можно было созерцать не только город Талашевск, имевший, кстати, немало архитектурных памятников, но и его дальние пригороды, стадион, белым колечком улегшийся на берегу реки Лучицы, озеро Койду и подступающие к его берегам сосновые леса. Однако ныне этот пейзаж выглядел достаточно устрашающе: вместо привычного неба вверх была странная сизая муть, за которой как будто угадывалось что-то отнюдь не воздушное, а, наоборот, — непомерно тяжкое, едва ли не каменное, готовое вот-вот рухнуть на землю. На горизонте, примерно в том месте, где раньше заходило солнце, эта муть словно дышала, то медленно наливаясь тусклым багровым светом, то вновь угасая. Можно было представить себе, что кто-то невидимый, но чрезвычайно огромный, неторопливо качает там кузнечные мехи, раздувая циклопический горн. Огибавшее Талашевск шоссе и прилегающие к нему улицы были пусты, хотя повсюду виднелись неподвижные, брошенные как попало машины. В самом городе сразу в нескольких местах что-то горело, но, судя по всему, никто не собирался тушить эти пожары.

Река заметно обмелела, так что стали видны опоры разбомбленного в войну моста. На береговом спуске наблюдалось оживление — люди цепочками, словно муравьи, тянулись туда и обратно. Каждый имел при себе какую-нибудь емкость: ведро, канистру, бидон.

До сего дня Зяблик был уверен: какая бы беда ни случилась на воле, пусть хоть война, хоть землетрясение, зэкам от

этого только польза. Сейчас ему так почему-то не казалось. То, что он увидел, было горем — неизвестно откуда взявшимся горем не только для одного человека, не только для города Талашевска, но и для всего рода человеческого. Это Зяблик понимал так же ясно, как на расстреле, под дулом винтовки, в тот момент, когда глаз палача прижмуривается, а палец, дрогнув, начинает тянуть спуск, понимаешь, что это не шутки, что жизнь кончилась и ты уже не живой человек, охочий до еды, питья, баб и разных других радостей, а куча мертвечины, интересной только для червей.

— Свят, свят, свят, — прошептал рядом старовер Силкин, зарубивший косой свою сноху, с которой до этого сожительствова. — Страх-то какой! Ох, козни дьявольские!

— Гляди-ка, птицы как будто ополоумели! — кто-то пихнул Зяблика под бок.

Действительно, птицы быстро и беспорядочно носились над крышами — голуби, вороны и воробьи вперемешку, — словно их одно общее гнездо было охвачено пламенем. Впрочем, это как раз беспокоило Зяблика меньше всего. Куда более тревожные чувства в нем вызывал ветер, дувший не сильно, но очень уж равномерно, как при испытаниях на самой малой мощности в аэродинамической трубе. Ветер был горяч и сух, что никак не соответствовало общей картине пасмурного осеннего денька, и нес запахи, которые Зяблик никогда досель не ощущал — запахи совсем другой природы, совсем другой жизни и совсем другого времени.

Все, кому удалось пробиться к окну, почему-то приумолкли, а те, кто остался сзади, наоборот, галдели, требуя своей очереди поглазеть на белый свет, который уже нельзя было назвать таковым. С нехорошим чувством человека, сдавшего анализы для поездки в санаторий, а узнавшего, что у него последняя стадия рака, Зяблик вернулся на свою койку. Дорвавшиеся до бесплатного зрелища заключенные живо комментировали свои наблюдения:

— Гля, жарыща вроде, а в речке никто не купается!

— Сегодня что — четверг? Рабочий день? Тогда почему на механическом заводе ни одна труба не дымит? И на моторном тоже...

— А вон-вон, смотри!

— Куда?

— Да на вокзал.

— Не вижу.

— Ты встань повыше... Видишь, электрички стоят одна за другой, аж до Сортировочной!

— Ага!

— А небо-то, небо! Кажись, сейчас на нас свалится!

— Это все космонавты виноваты. Понаделали дырок в небе, мать их...

— Сказано в Святом Писании: увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля уже миновали.

— Засунь ты это Писание себе в задницу...

— Чует моя душенька, скоро конец нашим срокам.

— Дождешься, как же...

— То, братья, конец миру многогрешному. Горе, горе живущим на земле.

— Да хрен с ним, с миром. Нашел о чем убиваться. Зато гульнем напоследок. Я нашу бухгалтершу обязательно отдеру. Жизни за это не пожалею.

— Не бухгалтершу тебе суждено узреть, нечестивец, а блудницу вавилонскую, восседающую на багряном звере.

К Зяблику подсел его сокамерник Федя Лишай. Пару лет назад совсем в другой зоне он спас Зяблику жизнь, буквально за шиворот выдернув его из ямы с еще не остывшим аглопоритом.

Они побратались в тот же день — выпили бутылку коньяка (за хорошие деньги в зоне можно было достать все — хоть бабу, хоть пистолет), а в последнюю рюмку каждый добавил по капле своей крови. Лишай числился деловым, да еще идейным. В своих рассуждениях он напирал на то, что люди потомки не Адамовы, а Каиновы, ведь, как известно, Ева зачала его от сатаны, принявшего на тот момент образ змея-искусителя. Отсюда следовало, что преступная жизнь как раз и является для человека нормой, а те, кто чурается убийств и разбоя, — выродки. Являвший собой ярчайший образчик семени Каинова, Лишай никогда не был особо симпатичен Зяблику, но собачиться с побратимом не полагалось.

— Ты-то сам что про это думаешь? — спросил Лишай.

— Лучше у замполита поинтересуйся. Он все про все знает, а я человек темный, — неохотно ответил Зяблик, не настроенный на обмен мнениями.

— Электричества нет, — начал загибать пальцы Лишай. — Воды тоже. В городе паника. Охрана в экстазе. К чему бы это?

— К аварийным работам. На подстанции трансформатор

полетел или магистральный кабель загнулся. А нет электричества — и насосы воду качать не будут.

— Черт с ним, с электричеством. Ты лучше скажи, почему вторые сутки ночь не наступает?

— Ты когда в Воркуте сидел, разве на белые ночи не смотрелся? Были случаи, когда их и южнее наблюдали. Даже в Подмоскowie.

— В сентябре? Это ты загнул... — Лишай с сомнением покачал головой. — Нет, тут что-то похлеще. Прав Силкин, Божий человек: конец этому миру.

— Тебе жалко его, что ли?

— Наоборот. Я в поповские бредни, конечно, не верю, но если власть небесная скопытилась, за ней и земная власть пойдет. Вот нам шанс и выгорает... Самим надо власть брать. Поддержишь, если что?

— Не знаю, — ответил Зяблик. — Так сразу и не скажешь... Надо бы разобраться что к чему. Да и как, интересно, вы собираетесь эту власть брать? Если по-сухому, я еще согласился бы.

— Нет, — ухмыльнулся Лишай. — По-сухому не получится.

— Не знаю... — повторил Зяблик. — Обмозговать все надо, да в голову ничего не лезет. Как будто с перепоя...

— Ну как хочешь, — Лишай отошел, посвистывая.

Насчет головы Зяблик не врал. То, что сейчас ворочалось в ней, нельзя было даже мыслями назвать — а так, муть какая-то сонная. Коровья жвачка. Он попробовал сосредоточиться — не получилось. Попробовал читать — смысл не доходил. Неведомая сила, втихаря овладевшая миром, угнетала не только природу, но и человеческий разум.

Так в полном неведении прошло еще двое или трое суток, точнее определить не получалось — энкам наручные часы не полагались, распорядок, по которому жизнь раньше катилась минута в минуту, пошел насмарку, контролеры категорически воздерживались от любых разговоров, даже на оскорбления не отвечали. Кормили хуже, чем в штрафном изоляторе: хлеб, вода, изредка селедка и сырая свекла. Потом вместо хлеба стали давать пресные, плохо пропеченные лепешки местной выпечки.

Однажды после завтрака, который с тем же успехом мог считаться и ужином, некоторых заключенных вызвали в кори-

дор с вещами. В основном это были те, чьи срока кончались или кто сидел за мелочевку.

Остался народ отборный: рецидивисты разных мастей, лица, известные своим буйным поведением, а также все, кто, по выражению законников, был осужден за «преступления против личности». Парашу теперь подрядился выносить Лишай и его приятели, что никак не соответствовало их лагерному статусу и уже поэтому было весьма подозрительно. За едой на кухню ходил уже не старик Силкин, а махровый уголовник Плинтус, чья биография, скупыми средствами татуировки изображенная на кистях рук, могла повергнуть в трепет даже кроважадную бабусю Агату Кристи. Все утаенные от шмонов острые предметы были тщательно наточены. Что-то назревало. Зяблик, оказавшийся в числе немногочисленной оппозиции, вел себя сдержанно, не рыпался. Он или валялся на койке, или часами стоял у окна, созерцая ближайшие и дальние окрестности.

Старые пожары в городе выгорели, но начались новые. Несколько раз слышна была перестрелка. Однажды к реке, которую уже курица могла вброд перейти, подступило стадо каких-то весьма странных на вид коров — худых, малорослых, горбатых, с огромными рогами в форме полумесяца. Багровое зарево на западе притихло, зато на юге то и дело вспыхивали зеленые зарницы.

— Эх, говядинки бы пожевать, — глядя на коров, с тоской сказал подручный Лишай, молодой уркаган Песик. Последнее время он не сводил с Зяблика глаз.

Бунт, сильный именно своей жертвенной самоубийственной решимостью и в то же время тщательным образом спланированный, вспыхнул в момент выдворения из камеры параша. Сутки до этого заключенные мочились в окно, а большую нужду терпели, благо скудная кормежка этому способствовала. В пустую парашу залез малорослый, но ловкий и отчаянный осетин Заур. Лишай и немой налетчик Балабан, гнувший пальцами гвозди-двухсотки, взялись за ручки жестяной бадьи. Остальная публика держалась настороже, хотя вида старалась не подавать. Зяблик, а с ним еще человек пять, остались демонстративно лежать на койках.

— Главное, не дрейфить, — сказал Лишай. — В конвое четыре человека, да на посту в коридоре двое. А тревогу им поднять нечем. Связь-то не работает.

Шум, производимый золотарями, постепенно приближался к их камере. Наконец в коридоре раздалось: «Седьмая, приготовиться!» Дверь, ограниченная вмурованным в пол железным шпеньком, открывалась ровно настолько, чтобы в нее могла пройти параша. Более объемных предметов отсюда никогда не выносили. Против двух арестантов оказалось сразу трое надзирателей, а четвертый, не убиравя руки с ключа, вставленного в замок, стоял за дверью, готовый в случае опасности немедленно ее захлопнуть.

— Тащи! — приказал надзиратель с автоматом, еще не зная, что это последние слова в его жизни.

Едва параша очутилась за порогом камеры в таком положении, что не позволила бы дверям легко захлопнуться, как из нее чертом вылетел бедовый Заур и всадил в глаз автоматчику расклепанную и тщательно заточенную велосипедную спицу. Одновременно Балабан ударом кулака свалил второго надзирателя, а Лишай набросился на третьего. Четвертый попытался ногой выбить парашу из дверного проема, но в нее уже уперлись двое или трое заключенных, по спинам которых из камеры рвались остальные.

Со стороны расположенного в коридоре стационарного поста резанул автомат. Пули запели и зацокали на все лады, отражаясь от каменных стен в железные двери, а от дверей — в стены и, само собой, дырявя при этом хлипкую человеческую плоть. Началась паника, усугубленная ревом тревожной сирены. (Тут расчет Лишай не оправдался — у охраны имелись небольшие, но весьма голосистые ручные сирены.) Все, кто успел вырваться в коридор и уцелел при этом, поперли обратно. Дело спас хладнокровный Песик, сумевший-таки извлечь бесхозный автомат из-под кучи живых и мертвых тел. Прикрывшись железной дверью, он через отверстие кормушки дал ответную очередь. Рев сирены сразу пошел на убыль.

— Говорил же я тебе, что по-сухому не выйдет, — сказал Лишай, с задорной улыбкой оборотясь к Зяблику.

Действительно, кроме троих надзирателей (остальные сбежали), навечно припухло и немало своих: Заур с простреленной башкой так и остался сидеть в параше, Балабана прошили сразу не менее пяти пуль, на нем и под ним лежало еще несколько урок. Раненые стонали и матерились, умоляя о помощи, но пока было не до них — грохотали и выли, требуя немедленного освобождения, соседние камеры.

Спустя совсем немного времени в руки восставших перешел весь второй этаж. С боя добыли еще несколько автома-

тов, полдюжины пистолетов и целую кучу резиновых дубинок. Пленных надзирателей затолкали в тесный, сырой изолятор, дабы те сами хоть немного вкусили прелестей подневольной жизни. Все это Зяблик понял из раздававшихся в коридоре победных кличей.

Сам он за это время вставал с койки только два раза: сначала для того, чтобы вывалить из парашаи тело Заура и использовать сей сосуд по назначению, а потом — чтобы выполнить последнюю волю издыхающего на цементном полу старовера Силкина. Воля эта была такова: поставить поминальную свечку и заказать заупокойную службу в кладбищенской часовне города, столь далекого от этих мест и столь незначительного, что Зяблик сразу постарался о нем забыть. Все свое имущество, кроме мешочка сухарей, Силкин завещал распределить между сокамерниками, сухари же предназначались Зяблику персонально.

Закрыв старику глаза, Зяблик с сухарем в кулаке вернулся на койку, но и на этот раз полежать спокойно ему не дали. Охрана, оправившись от первого шока, сплотила свои не такие уж малые силы, надела бронежилеты и спецшлемы с пластмассовыми намордниками, прикрылась щитами и пошла в контратаку, предварительно дав бунтовщикам хорошенько понюхать «черемухи». Тут уж пришлось дружно отбиваться всем заключенным — в случае успеха осатаневшая охрана не стала бы разбираться, кто прав, а кто виноват.

Зяблик дрался табуретом, потом ножкой от табурета, потом голыми руками, потом, обжигая пальцы, швырял обратно металлические гильзы с «черемухой», потом, уворачиваясь от чужих сапог, катался по полу, потом кусался, лягался, а когда удавалось встать хоть на четвереньки, бодался — и все это обливаясь обильными горькими слезами.

Довольно скоро удача стала клониться на сторону заключенных, ведь их понуждали сражаться сильнее из человеческих страстей — жажда жизни и страх смерти, а охранников — только занудные уставы да опостылевшие служебные обязанности. Кроме того, в отличие от бунтовщиков, им было куда отступать, а такая возможность всегда расхолаживает.

На плечах обратившегося в бегство противника урки ворвались на первый этаж, после чего их численность сразу утроилась. Затем побоище переместилось на свежий воздух. Там служителям правопорядка противостояло уже до полутысячи «социально опасных лиц». Попок, дежуривших на сторожевых вышках, расстреляли из трофейных автоматов, лагерную

канцелярию подожгли, весь спирт в лазарете вылакали, всех вольнонаемных медсестер многократно и разнообразно изнашивали — в общем, виктория была одержана полная.

Охрана спешно покинула территорию лагеря, заперла за собой ворота и засела в окопчиках, заранее вырытых по периметру зоны. На подмогу ей из города пришел пеший отряд милиции — пузатые дядьки предпенсионного возраста и безусая молодежь, только начинавшая службу. Затем прикатил пушечный бронетранспортер. Он долго маневрировал, выбирая удобное место для стоянки, а мотор заглушил лишь после того, как занял весьма странную позицию — на пологом спуске дороги, носом к подножию холма.

— Это он, в натуре, специально так встал, — объяснил кто-то из урок, внимательно наблюдавших за всем, происходящим вне зоны, — чтобы с толчка можно было завести. Аккумулятор, видно, слабый или пускач барахлит.

Бунтовщикам достался почти весь лагерный арсенал, полсотни заложников и солидный запас продуктов, часть из которых не удалось спасти от разграбления. Не было, правда, питьевой воды, но этот вопрос вскоре разрешился. После коротких переговоров с администрацией было решено менять одного заложника на сто ведер воды, которую под бдительным надзором милиции сами же ээки и таскали от речки к лагерю. Первым обмену подлежал заместитель начальника по режиму майор Колышкин, и так собиравшийся вот-вот отдать Богу душу. Согласно единодушному решению масс, освобождение медсестер откладывалось на самую последнюю очередь.

Впрочем, стихийно образовавшийся штаб восстания, в котором Лишай играл не последнюю роль, долго отсиживаться в обороне не собирался. Уже формировались ударные группы, шел скрупулезный учет оружия, в мехмастерской ковались пики, по бутылкам разливался бензин, намечались трассы будущих подкопов и расчишались пересохшие монастырские колодцы.

Зяблик, вернувшийся на свою койку, занялся врачеванием ссадин и ушибов. Здесь его и нашел Лишай, одетый в защитную форму, снятую с какого-то прапорщика, бронежилет и добытую неизвестно где соломенную шляпу.

— А ты, Зяблик, все на шконке валяешься? — хохотнул он.

Такой вопрос не требовал ответа, и Лишай жизнерадостно продолжал:

— Мне ты сегодня понравился, гадом буду! Правильно себя вел. Охры от тебя так и отлетали! Объявляю благодарность.

— Пошел ты... — лениво отозвался Зяблик.

— Как дальше кантоваться думаешь?

— Как все, так и я.

— Все — это было. А ты у нас особняк, товар штучный. Если хочешь, будешь вместе с нами в зоне мазу держать.

— Не успели, значит, дыхнуть вольно, а нам опять на шею хомут паят. Может, вы нас по утрам еще и строить будете?

— Будем, если надо, — Лишай ласково похлопал Зяблика по плечу. — Живем ведь пока, так сказать, в условиях враждебного окружения. Дай нашим орлам волю, они мигом по хаверам да по лярвам разбегутся. На пузырь гари свободу сменяют. А нам пока всем вместе держаться надо. Смекаешь?

— Ладно. Прибрали вы зону к рукам. А дальше что? Вояк подтянут с пулеметами, и хана нам. Долго не продержимся.

— Это смотря кто долго не продержится, — хитро скривился Лишай. — Ты же всех новостей еще не знаешь. Мы тут уже успели допросить кой-кого. Интересные дела получаются. Если по календарю смотреть, у Талашевска с областью уже седьмые сутки никакой связи нет. Как отрезало! Ни телефон не пашет, ни радио. Мало того, что электричества в сети нет, так и аккумуляторы искру не дают. Оттого и машины не ходят.

— Почему же не ходят... Пришла же эта дура с пушкой.

— Ну, дизель в принципе и без электричества работать может. Его только раскочегарить надо. Но не это главное. Помнишь тот лес за Старинками, где мы хлысты для ремонта столовой трелевали? Отсюда это километров шестьдесят.

— Ну...

— Никакого леса там, говорят, сейчас нет. Ковыль-трава стоит по пояс и суслики скачут. Да еще лошадей там видели. Пасутся себе безо всякого надзора и вроде как дикие.

— Говорят, что кур доят, — ответил Зяблик.

— Думай как хочешь, а доля правды здесь есть. В Засулье, опять же, негров видели... Здоровые, голые, только на яйцах бахрома какая-то болтается. У каждого лук со стрелами и копье. Да ты, Фома неверующий, вверх глянь! Это черт знает что, но только не небо.

— Что-то я не петрю, какой нам навар от голых негров и диких лошадей?

— Житуха перевернулась. Пойми ты это! Нет уже ничего прежнего. Ни законов, ни власти. В городе бардак. Магазины разграбили, а теперь из-за каждой черствой буханки дерутся. Жратвы на неделю не хватит, а подвоза — шиш! В квартирах костры разводят, от того и пожары. Скоро менты и охра раз-

бегутся. Не до нас им. Кому тогда верховодить, как не нам? Нас же больше тысячи рыл, если посчитать. Сила! Кто против нас попрет? Подомнем под себя городишко и заживем красиво. Лишних всех, ясное дело, замочим, а других ишачить на себя заставим. По десять баб у каждого будет.

— Травишь ты, конечно, красиво. Да только не может эта заваруха долго длиться. Ну приключилось какое-то стихийное бедствие — все бывает. Может, лучи какие-нибудь космические виноваты или солнце бузит. Поэтому и связь временно не работает. А через неделю все уладится, и налетит из области спецпура. Тогда уж нам всем не до баб станет. Потекут твои мозги по саперной лопатке.

— Посылали уже в область гонцов на велосипедах. Ни один до сих пор не вернулся. Везде, думаю, то же, что и здесь... Да, впрочем, чего я тебя агитирую? Свою голову на плечах имеешь. Брезгуешь, как говорится, пироги кушать, будешь галosh сосать. С приветом!

— Подумать можно? — Зяблик удержал Лишай за рукав.

— Вот философ долбаный! Все бы тебе думать. Ладно, если надумаешь что — скажешь, — тут на его роже появилась ехидная усмешка. — Может, тебя, кореш, по старой дружбе к бабе допустить? А то от них скоро одни клочья останутся. Выбери: или Светку, или Тамару.

Речь шла о медсестрах-заложницах. Светка была полной губастой девицей, доброй, доверчивой и немного глуповатой, а Тамара — высохшей воендамой уже даже не второй молодости, женой начальника хозяйства.

— Светку вы зря... — стесняясь самого себя, вымолвил Зяблик. — Пацанка она еще. Да и зла никому не делала.

— А разве мы ей зло делаем? Ты спроси, может, это ей даже нравится. На всю жизнь воспоминаний хватит, — ухмыльнулся Лишай. — Только ты, кореш, вижу, ничего не хочешь. В меланхолию впал. Значит, считаем, не было этого разговора?

— Считаем, что вопрос остается открытым.

— Так постарайся его в темпе закрыть, — резким движением тела, словно у него свербело между лопатками, Лишай поправил свою богатую амуницию, отчего та забряцала, как рыцарские доспехи. — Определяйся, пока не поздно. Через сорок восемь часов пойдем на прорыв. К этому времени все должны быть по местам расставлены. Птицы в небо, жабы в грязь... Кстати, и за бригадой своей присматривай. Чтоб не болтались люди без дела. У нас теперь самообслуживание. Никто вас с ложечки кормить не будет. Получайте концентраты

на складе, сами себе варите. А как налопаетесь, воду таскать будете. Только смотри, чтоб не сбежал никто. Остались еще среди нас стукачи. Не всех вычислили. Если не уверен в человеке, лучше его из зоны не выпускай. Случится что — с тебя спросим.

— В штрафняк посадите или на общем собрании прорабатывать станете?

— Зачем? У нас свой закон, своя правилка.

Лишай ушел, а Зяблик еще долго лежал, тупо наблюдая, как по стенам и потолку перемешаются клопы, одуревшие от голода и поэтому вышедшие охотиться по свету. Как и любой нормальный ээк, он страстно мечтал о воле, теперь же, когда она вроде бы наступила, не ощущал не то что радости, а даже банального облегчения. Не так представлял себе все это Зяблик. Свобода, полузабытая и уже как бы даже утратившая реальность, была для него светом, маем, цветущим садом и ясной далью, а впереди маячила большая кровь, большое горе и новая большая тюрьма под каменным небом.

Он встал и, обойдя всю зону, кое-как собрал бригаду. Из тридцати с лишним душ удалось сыскать только семнадцать — кто-то погиб, кто-то попал в лазарет, кто-то уже прибил к стихийно возникавшим артелям, в которые собирались бывшие подельщики, земляки или просто давние кореша. Сначала похоронили Заура, Балабана, Силкина и еще четверых, для кого первый глоток свободы оказался и последним. Потом занялись делами насущными — приборкой камеры, все еще продолжавшей оставаться для них единственным кровом, и приготовлением пищи. По всей зоне горели костры из разобранных деревянных построек, мебели, заборов и автомобильных покрышек. На них варили гречневую кашу, обильно сдобренную свиной тушенкой, и кипятили чай, не жалея заварки. Некоторые гурманы даже пробовали жарить шашлыки из протухшего в обесточенных холодильниках мяса.

Поев, все бригады первого отряда собрались у проходной. Никто их не строил, но ээки, повинуясь привычке, сами разбились на шеренги. После долгого торга, в ходе которого администрация лагеря подняла цену ста ведер воды аж до трех человек, ворота слегка приоткрылись. Каждого выходящего тщательно шмонали — опасаясь удара в спину, охрана искала оружие. При этом обе стороны крепко и витиевато ругались, обещая в скором времени рассчитаться за все обиды.

До реки было метров пятьсот, и по всей этой дистанции с интервалом в двадцать шагов стояли вооруженные менты и

охры, некоторые даже с собаками на поводках. Выглядели они (не собаки, естественно) хмурыми и плохо кормленными. Подходить к ним ближе, чем на десять метров, запрещалось под угрозой стрельбы на поражение — об этом категорическом условии было объявлено еще у ворот.

— Что, дядя, хреново живется? — спросил Зяблик у одного из охранников, немолодого человека с вислыми казацкими усами.

— Хреново, племяш, — ответил тот без озлобления. — Только не думай, что вам шибко подфартило. Скоро о буханке казенной чернушки да о тюремной робе, как о счастье, вспоминать будете.

— На, не побрезгуй, — Зяблик протянул ему пригоршню сухарей, доставшихся в наследство от Силкина.

— Да разве можно хлебом брезговать, — охранник охотно, но не теряя достоинства, подошел к нему. — Я его сам и есть-то не буду. Вот дружку своему дам немного, — он кивнул на черную лохматую овчарку, исподлобья глядевшую на Зяблика. — А остальные внуку отнесу. С хлебом сейчас туго. Картошка есть, а с хлебом туго.

Река далеко отступила от берегов, и Зяблику пришлось добираться до чистой воды по вязкому илу, поверх которого сохли пышные гирлянды темно-зеленых водорослей. На той стороне тоже торчали хмурые автоматчики, а слева и справа от них мальчишки ловили марлевыми сачками рыбную мелочь и собирали раковины-перловицы. Среди них стояла стройная голоногая девчонка лет семнадцати и глазела из-под ладони на водоносов, цепочкой растянувшихся по склону холма. Было явственно заметно, что под платьем у нее нет лифчика. Урки, жадно косясь на девчонку, спорили между собой о наличии или отсутствии трусиков. Обе версии имели своих сторонников, но в конце концов пришли к выводу: трусики скорее всего есть, но очень маленькие.

Наполнив ведро, Зяблик долго стоял по колено в воде, поглядывая по сторонам. Один из автоматчиков, по-своему истолковав его медлительность, махнул рукой — иди, мол, отсюда. Любому зэку, рискнувшему удрать вплавь, здесь грозила печальная участь небезызвестного Василия Ивановича Чапаева.

На обратной дороге Зяблик вновь притормозил возле уса- того охранника.

— Как хоть зовут тебя, дядя? — спросил он, поставив ведро на землю.

— Аль в друзья ко мне набиваешься? — лукаво сощурившись, осведомился тот.

— Да нет, я просто так...

— Меня Петром Петровичем можешь кликать. А дружка моего — Маркизом.

Услышав свое имя, собака с готовностью оскалилась и замотала толстым, как полено, хвостом.

— Послушай, Петрович, ты всех заключенных тварями последними считаешь?

— Почему же? Все мы люди. Только одеты по-разному.

— Петрович, ты мне сейчас должен на слово поверить. Если не поверишь, много горя может случиться. Отведи меня к своим начальникам. Мне с ними говорить надо.

— Секретное, что ли, дело?

— Секретное. Наколоть вас хотят наши урки, а потом в городе погром устроить. Детали я твоим начальникам сообщу.

— Против своих, значит, идешь, — охранник вздохнул, но не осуждающе, а скорее сочувственно. — Ну что же, если они злое задумали, греха на тебе не будет. Ныряй в эти кусты и беги по тропочке. Там тебя наши встретят. Скажи, что от меня. Миронов моя фамилия. Они тебя, конечно, не облобызают, но ты сам свою дорожку выбрал. Иди, хлопче, я тебе верю.

Расторопные ребята в камуфляже прихватили Зяблика уже через сотню шагов, допросили с чрезмерным пристрастием и, завязав глаза, доставили в какой-то обширный, освещенный коптилками подвал. Там его несколько раз передавали из рук в руки, каждый раз опять допрашивали, везде мылили шею и ровняли зубы, но Зяблик твердо стоял на своем — хочу видеть главного начальника, и точка. За свою стойкость и упорство Зяблик в конце концов был удостоен чести лицезреть не одного, а сразу троих начальников.

Двое из них — милицейский майор с оплывшим татарским лицом и армейский подполковник в полевой форме — сидели на низенькой гимнастической скамеечке, а сухопарый, похожий на Александра Керенского начальник лагеря лежал на куче матов. Во время бунта его огрели ломом пониже спины, и теперь везде, даже в местах общего пользования, он мог принимать только два положения — строго горизонтальное или строго вертикальное. Теннисный стол был завален картами, корками хлеба, заставлен кружками с недопитым чаем и консервными банками, полными окурков. На шведской

стенке висели плащ-палатки, бинокли, каски, автоматы. В дальнем углу громоздились батареи пустых бутылок.

— Ну, рассказывай, орел залетный, с чем к нам пожаловал? — спросил узкоглазый майор.

Хотя скорые на расправу конвоиры по дороге сюда едва не отшибли Зяблику память, он довольно толково изложил суть речей Лишая и дополнил их собственными умозаключениями.

— Значит, ты утверждаешь, что со стороны зоны в ближайшие сутки по нашим позициям будет нанесен удар? — переспросил армейский подполковник, когда Зяблик закончил свой доклад.

— Да, — кивнул Зяблик.

— В каком приблизительно районе?

— Сначала, думаю, для отвода глаз сунутся в ворота. А подкопы роются возле старой конюшни и котельной. Там у вас и заслона почти никакого нету.

— Есть там заслон или нет, не твое дело, — значительно сказал вояка. — Стратег нашелся... Я же тебя не учу, как суходрочкой заниматься.

— Начальник, я не сука какая-то и к вам с чистой душой пришел, — у Зяблика появилось ощущение, словно он прямо сейчас ширнулся, только накатывал не окрыляющий кайф, а мутная ярость. — Да у нас с любого чердака все ваши позиции как на ладони. Или о деле говорить будем, или к стенке меня ставьте. А подколки ваши оставьте для дамочек.

— Чего ты нервный такой? — Мент зачерпнул кружкой воды из ведра. — На, попей. К стенке тебя без суда ставить мы не имеем права, сам знаешь. А о деле поговорим. Мы тут как раз для этого и собрались. Сам-то ты что предлагаешь?

— Упредить надо. В зоне отчаянных ребят по пальцам можно сосчитать. А остальные так, бараны. Если главарей приструнить, все тихо обойдется.

— Кто же их приструнит?

— Жлобов здоровых у вас хватает. Мне чуть все ребра не переломали. А место, где главари кучкуются, я укажу.

— Тебе самому от этого какая выгода?

— Людей жалко невинных. Баб, детей. Если урки в город ворвутся, они там Варфоломеевскую ночь устроят.

— Кого ты из себя корчишь? — сказал вояка с издевкой. — Вот, оказывается, какие гуманисты есть среди простых советских заключенных. Лихо ты их воспитал, Семен Осипович.

Семен Осипович, лагерный обсос, то есть начальник, про-

бурчал что-то невразумительное и принялся нежно ощупывать свою поясницу.

— На моем месте и ты, начальник, гуманистом стал бы, — Зяблик с трудом, но сдерживался. — Урки в санчасти баб вольнонаемных прихватили, медичек. Так их, наверное, уже наизнанку вывернули. Хотите, чтобы и вашим дочкам ципки пооткусывали? Да там же есть зверюги, которые на воле человеческое мясо жрали. У некоторых по десять судимостей. Мокрушники, насильники, наркоты! Больше тысячи человек! А у вас всего две сотни охры зажавшейся да солдатики первого года службы, которые, кроме кухни и галюна, ничего еще не видели. Хана вам завтра будет!

— Ладно, — усмехнулся вояка, нехорошо усмехнулся, со значением. — Кое в чем ты, может, и прав. Ну пойдем мы, допустим, сегодня в атаку. А если нас огневая ловушка ждет? Коли ты срочную служил, должен знать, что потери атакующих в три раза выше, чем у обороняющихся. И это, заметь, в нормальной армии, вышколенной и обстрелянной. А у наших горе-бойцов выучка такая, что они или все скопом лягут, или разбегутся. Может, ты именно этого и хочешь, а? Почему я должен тебе верить? Ваша братия на всякие подлые выдумки ох как горазда! Семен Осипович! — он швырнул в обсосу черствой коркой. — Да перестань ты свой зад чесать! Знаешь ты этого типа?

— Знаю, — отозвался начальник болезненным голосом. — Тот еще деятель! Судим за убийство родного брата, неоднократно нарушал режим, склонен к побегу, в местах лишения свободы совершил два преступления, на путь исправления стал только в последнее время, и еще неизвестно, с какой целью. С администрацией дерзок, у заключенных пользуется авторитетом, причем как у деловых, так и у мужиков.

— Ты сам-то хоть веришь ему?

— Ни на грош! — со слезой в голосе заявил обсос. — Я им как отец родной был. Столько поблажек давал. Случалось, и глаза на их проделки закрывал. Все имели — и свидания, и переписку. В посылках не ограничивал. А они... отблагодарили, называется... ведь в голову ломом метили... чудом увернулся.

— Случается, что заднице за голову приходится отвечать, — с усмешкой вставил милицейский майор.

Зяблик, по привычке держа руки за спиной, сделал шаг в сторону, чтобы лучше видеть обсосу, и заговорил как можно более спокойно:

— Верно, гражданин начальник исправительно-трудового

лагеря. Все верно. Хотя про отца родимого вы и загнули, но в драконы кровожадные вас действительно не запишешь. Видал я и покруче начальников. Да только ведь вы с каждого из нас свою выгоду имели. Думаете, мы не знаем, сколько вы за свидание с заочницей да за досрочное освобождение брали? С обшача вам деньги текли. В зоне все можно было купить — и водяру, и дурь, и бабу любую. Без вашего ведома, скажете, все это делалось? Пачку чая прапор за червонец продавал, а ей цена в ларьке семьдесят копеек. В нарядчиках, писарях да хлебопеках кто ходил — кто на лапу вам давал. А кто вашу дачу строил? Не эки ли? Лес на ремонт бани выписали, а железно кровельное — на укрепление сторожевых вышек. Вы у попков ваших спросите, которые на этих вышках полегли, где то железо!

— Как... ты... гад... смеешь... на меня такое? — обсос зловеще-неуклюже восстал с матов, словно неотомщенный мертвец из могилы. — Да я тебя сейчас расстреляю... без суда и следствия... по законам военного времени...

— Подожди, Семен Осипович, — милицейский майор недовольно покосился на него. — Насчет законов военного времени ты, конечно, загнул. Никто нам войну пока не объявлял. Понимаю, обидели тебя такие слова. Хотя про то, что в твоём хозяйстве взятки процветали, даже гуси перелетные знают. Но не об этом речь сейчас. Речь про то, с чем пришел к нам этот гражданин хороший. Или он действительно за справедливость болеет, или хочет нам подлянку устроить. Вот в чем вопрос... А ты тоже не кипятись! — это относилось уже к Зяблику. — Не на базаре. Попридержи язык немного.

— Своих людей я в лоб на автоматы не поведу! — категорически заявил вояка. — Я не Суворов, чтобы бастионы в сомкнутом строю брать. Сами знаете, что сейчас вокруг творится. Завтра может не то что каждый солдат, а каждый патрон на вес золота будут.

— Кстати, а что вам известно о положении на воле? — спросил у Зяблика милицейский майор.

— Ну, небо и все остальное мы сами видели. Понимаем, что дело неладно... Слышали, что связь не работает и транспорт не ходит, что в городе паника, что вместо Старинковского леса — ровное место, что в Засулье негров голых видели с копьями...

— Все? — милиционер переглянулся с военным.

— А что... разве мало? — нехорошее предчувствие кольнуло Зябликову душу. — Есть и похуже известия?

— Сейчас любое известие — худое. Особенно для вас. Воспитывать твоих дружков нам некогда, а за спиной оставлять опасно. Главное сейчас — границы уберечь. Поэтому принято решение уничтожить ваш лагерь из установок залпового огня. Ты зря здесь Лазаря пел, приятель, — сказал военный.

— Сразу всех начисто заделаете? — уточнил Зяблик после короткого молчания.

— Если удачно накроем, то всех. Ну, кто-то, конечно, останется. Раненые, контуженые...

— Там же ваших с полсотни.

— А что делать? Если штурмовать, еще больше погибнет. Из двух зол, как говорится...

— Нету у вас никаких установок. На понт берете, начальник.

— Нужен ты мне... — хмыкнул военный.

— Мы же не глухие. Когда букашка ваша сюда ползла, по всей округе шум стоял. А больше моторов не слышно было.

— Установка залпового огня бьет на десятки километров. Это даже допризывники знают. Зачем ее сюда тащить.

— И когда этот залп... намечается?

— Да хоть через пять минут. Сейчас pošлю сигнальщика на водонапорную башню — и все! Гуляй мама!

— Заметят, думаете, сигнал?

— В бинокль заметят.

— Все равно у вас ничего не получится.

— Почему?

— Аккумуляторы-то все — тью-тью! Как вы заряд воспламените без тока?

— А хоть факелом, — усмехнулся военный. — Долго ли пиропатрон поджечь.

— Ну, если так, тогда я обратно в зону пойду, — Зяблик поправил на голове дурацкую лагерную кепочку. — Только пока не стреляйте, дайте хоть до забора добраться.

— Ты из себя героя не строй! — теперь озлился уже военный. — Припадочный... Комедию тут, понимаешь, взялся ломать. Не одобряешь, значит, наше решение?

— Разве такое можно одобрять? Сразу тысячу человек к вышке... Некоторые, может, и заслуживают, но не все же! Половина, считай, еще людьми могут стать... А впрочем, так оно и лучше! Одним махом всех побиваю! Командуй, начальник. И вся проблема сразу замажется.

— Сколько стволов в зоне? — вдруг спросил милицейский майор, заглянув в какую-то бумажку. — Отвечай, быстро.

— Автоматов штук десять. Если с вышек еще не взяли... Пистолетов не знаю. Но не меньше двадцати.

— Боеприпасы?

— По два рожка на каждый автомат и ящик россыпью.

— Руководство какое-нибудь имеется? Штаб там или сходка?

— А как же.

— Кто в главарах?

— Хрящ, Махно, Тихий, Альфонс — это из второго отряда. Из нашего — Лишай, Чертогон, Турок, Солдат...

— А Песик? — майор опять глянул в свою ксиву.

— Песик возле них только шестерит. Рано ему еще в автотитеты.

— Сможешь сделать так, чтобы основная масса заключенных за тобой пошла, а не за ними? Объясни ситуацию, пообещай амнистию. Если надо, мы для страховки пристрелочный залп дадим.

— Выбирать в моем положении не приходится, начальник, — сказал Зяблик. — Или баба в кустах, или жопа в репьях. Только сроку дай часа два. Ну а если ничего не получится, стреляй. Мне уж тогда все равно будет. Развесит братва мои кишки на заборе.

— Выйди пока, — сказал подполковник, постучав кулаком в дверь, густо просверленную для вентиляции. — Нам посоветоваться надо...

Зяблика вновь позвали в спортзал только через час. За это время он успел скурить все бычки, которые только смог отыскать на заплеванном полу и в вонючей мусорнице. Охрана для него даже спичку пожалела, пришлось прикуривать у какого-то пробежавшего мимо солдатики.

Мент и вояка теперь сидели рядышком за столом и закусывали копченым салом. От зоркого взгляда Зяблика не ускользнуло, что в углу добавилась новая порожняя бутылка. Обсос в позе распятого Христа висел на шведской стенке — разгружал позвоночник. Лицо его с бледными лоснящимися губами выражало одновременно и муку, и облегчение.

«Неужели они меня только для того отсылали, чтобы бутылку на троих раздавить?» — подумал Зяблик.

— Часы у тебя есть? — спросил военный, сметая с карты хлебные крошки.

— Откуда, — пожал плечами Зяблик. — У нас даже кресты нательные отбирают.

— Непорядок. Придется тебе, Семен Осипович, свои отдавать. Ты себе еще наживешь на долгом веку.

— А почему мне? — удивился обсос.

— Потому что мне в бой идти, — с усмешкой ответил военный. — А ты, как в задницу раненный, здесь останешься.

Обсос, продолжая левой рукой держаться за перекладину шведской стенки, зубами расстегнул ремешок своей добротной «Победы» и швырнул часы Зяблику.

— Сверим время, — сказал военный. — Сейчас двенадцать тридцать. Даем тебе на все дела два часа, как и просил. Даже два с половиной. В пятнадцать часов заключенные колонной, повторяю, колонной, а не толпой, должны выйти из ворот. Больных и раненых оставить в лазарете. С собой взять сухой паек на двое суток и личные вещи. Заложники выйдут первыми. Оружие складывать в проходной. Холодное отдельно, огнестрельное отдельно. Если организаторы беспорядков выйдут вместе с вами, они должны быть сразу отделены от общей массы заключенных. Сумеешь ты все это организовать или нет, зависит только от тебя. В случае невыполнения этих условий в пятнадцать десять по зоне будет нанесен удар силами дивизиона установок залпового огня. То же самое произойдет при попытке вооруженного прорыва. Вопросы есть?

— Ну а как же! — сказал Зяблик. — Допустим, вышли мы из ворот, что дальше?

— Дальше в обход города, по кольцевой автостраде, вы выходите на шоссе Талашевск—Мукасеи. Форсированным маршем следуете до отметки двадцать третий километр, — военный ткнул пальцем в карту. — Там ожидаете дальнейших распоряжений.

— Не темни, начальник. Каких распоряжений нам ждать?

— Скорее всего землю рыть будете.

— Могилу себе?

— Нет, окопы полного профиля. Из вас будет временно сформирован отдельный заградительный батальон. Позже получите оружие и подробные инструкции.

— Ладно. Но уж если мы ведем переговоры, я имею право выдвинуть встречные требования. Холодное оружие мы оставляем при себе. Заложники, кроме женщин и раненых, пойдут с нами до конца маршрута. Ведь, как я понимаю, никаких конкретных гарантий вы нам дать не можете.

— Тебе бы, приятель, в ООН работать. Послом по особым

поручениям. А ты в киче блох кормил, — съязвил милицкий майор, глазки которого стали совсем узкими.

— Согласен, — не раздумывая особо, кивнул военный. — Без компромиссов тут не обойтись. Твои условия приняты.

— Ох, зря ты с этими мерзавцами связался, — занял обсос. — Обманут, клянусь партбилетом, обманут. Дойдут до первого леска и разбегутся. Ищи потом свищи!

— Ну, это уж не твоя забота, Семен Осипович, — поморщился мент. — Ты свое дело сделал. Такую кашу заварил, что экскаватором не расхлебашь.

— Напоминаю, — военный снова обратился к Зяблику. — Попытка прорыва даже одиночных лиц будет расцениваться как умышленный срыв договоренности. Если не хочешь, чтобы зона кровью захлебнулась, если согласен дело миром кончить — действуй. Оружие тебе нужно?

— Мойку дайте, — увидев недоумение на лице военного, Зяблик добавил: — Ну, лезвие бритвенное.

— Зачем?

— Да не спорь ты с ним! — сказал мент раздраженно. — Дай, если просит. Он знает, что делает.

— Какое тебе лучше — импортное?

— «Неву» дайте. В самый раз. Жесткое и бликов не дает.

— Сазанчук! — Военный ногой распахнул дверь. — Немедленно доставить мне пачку лезвий «Нева». Не рассуждать! Одна нога здесь, другая там.

Сазанчук оказался служакой исполнительным и расторопным. Спустя пять минут он уже торопливо разбирал на столе плохо отмытый бритвенный станок, докладывая при этом:

— Пачки нет, товарищ подполковник. Нашел только одно лезвие, да и то использованное.

— Сойдет, — сказал Зяблик. — Использованной спичка бывает. А «Невой» десять раз подряд скоблиться можно.

Он вытер бритвочку о штаны, разломил на две половинки, а затем чиркнул лезвием по пальцам левой руки. Кровь появилась не сразу, зато потом потекла весело, тем более что Зяблик активно помогал ей покидать капилляры, сжимая и разжимая кулак.

— Теперь бинтуйте, — сказал он, протягивая окровавленную ладонь вперед, словно для рукопожатия. — Каждый палец в отдельности. Мойку прибинтуйте к указательному. Только не прямо к коже, а после второго слоя марли.

— Да я этим никогда не занимался! — отшатнулся подпол-

ковник. — У меня жена врач. Может, ты умеешь? — обратился он к милиционерскому майору.

— Ни-ни! — тот замахал руками. — Я вообще вида крови не переношу!

— Сазанчук! — вновь заревел подполковник. — Санинструктора сюда!

Пока бегали за санинструктором, Зяблик слизывал с ладони кровь, вовсе не такую соленую, как это считается, и уж точно куда менее соленую, чем пот. Потом пришел санинструктор — небритый заспанный амбал, из сапог которого торчали портянки. Ловко сделав свое немудреное дело, он простуженно прогундосил:

— Предупреждаю, перевязочных средств больше нет. И антисептиков тоже. Ничего нет.

— Да где же все тогда? — удивился подполковник. — Я каждый месяц заявку на окружной медсклад подписывал.

— Это вы лучше у нашего фельдшера, старшего прапорщика Тумасяна, спросите. Я, когда сюда собирался, замок на аптечной кладовой взломал. А там — шаром покати. Формалин в бутылках да гипс в мешках. Даже йода нет.

— Что же он — выпил его? — с горечью воскликнул подполковник.

— Йод не знаю. А спирт точно выпил.

— Ну, я его удавлю, когда встречу, — зловеще пообещал подполковник.

Зяблик, которого слова санинструктора навели на одну интересную мысль, сказал:

— Теперь водки дайте. Или спирта.

— По пьянке такие дела не делаются, — сказал мент с сомнением, однако достал из металлического чемоданчика с надписью «секретная документация» нераспечатанную бутылку «Московской».

— Мне только для запаха, — Зяблик, не отрываясь, вынул из горлышка почти полбанки, а остальное вылил себе на макушку и на уже пропитавшиеся кровью бинты.

— Значит, в пятнадцать часов встретимся, — сказал подполковник.

— Или в пятнадцать десять, взлетая на небо, я помашу тебе, начальник, ручкой.

К воротам лагеря Зяблик подошел с пустым ведром, пошатываясь, весь извалявшийся сначала в тине, а потом в пыли. И охра, засевшая в неглубоких, без должного тщания отрытых

окопчиках, и кучка вооруженных эков, охранявших проходную, пропустили его беспрепятственно, но уже на подходе к казарме откуда-то вывернулся Солдат — шуплый чернявый малый с бельмом на глазу, совершивший побегов больше, чем Жилин и Костылин, вместе взятые.

— Где это тебя черти носили? — спросил он скорее ехидно, чем требовательно.

— П-пошел на х-хутор бабочек ловить, фраер! — слегка заикаясь, ответил Зяблик и глянул на часы.

Было четверть первого.

Зяблик старательно изображал из себя пьяного, хотя водка рассосалась в его утробе безо всякой пользы, не задев в душе ни одной веселой струнки. Он слабо верил в успех задуманного, потому что до сих пор ни одно из его действительно серьезных начинаний так и не выгорело. Фарт — он как здоровье. Или оно есть, или его нет. Впрочем, то, что Зяблик собирался сейчас сделать, было так ужасно и по меркам воровским, и по меркам человеческим, что незримо циркулирующая в мире злая сила просто обязана была вытащить для него удачную карту.

— Тебя Лишай давно ищет, — не отставал Солдат. — Ты только не залупайся, а то он под горячую и кокнуть может. Ходит злой, как волк, и палец со спуска не снимает... Иди. Я ведро подержу.

...Лишай сидел в узком беленом помещении оперчасти, где когда-то располагалась монастырская трапезная, и как будто только Зяблика и ждал. Урки, взявшие власть над зоной, торчали тут же и недобро посматривали на вошедшего.

— Где ты был, сучий потрох? — спросил Лишай напрямик, и заранее чувствовалось, что он не верит ни одному слову бывшего сокамерника.

— Т-ты это... потише, — Зяблик погрозил ему пальцем и плюхнулся на стул. — Что вы, в натуре... Я тут принял маленько... Иду кемарить...

— Где ты чего принял? — Лишай шипел, как закипающий чайник. — Ну, говори!

— Спирта полпузыря. У прапора одного на котлы рыжые выменял... Ты же наших прапоров знаешь... Они за рыжые мать родную продадут.

— Где котлы взял?

— Ну ты даешь... Где взял... Снял вчера с какого-то жмурика...

— Говори точно с кого!

— Откуда я знаю? Он кверху задом лежал. Я ему в морду

не заглядывал. Не имею такой моды жмурикам в морду заглядывать. Еще приснится потом...

— Обшмонать его! — приказал Лишай.

Из-под Зяблика выбили стул, но упасть не дали — подхватили под руки и стали потрошить, как стая волков потрошит загнанного, но еще живого оленя: сдирали и перещупывали одежду, ерошили волосы, ломали подметки ботинок, даже в рот пальцы засунули. Затем его — голого, без носков, со спущенными до колен трусами — бросили на пол, густо устланный разорванными и полусожженными личными делами заключенных.

Вся одежда Зяблика лежала теперь на столе перед Лишайем. Туда же швырнули и подаренные обсосом часы (он успел заметить время — пять минут второго).

— А это что? — кто-то схватил его сзади за кисть левой руки.

Вопрос был праздный — почти у всех присутствующих хватало ран и ушибов, но тем не менее с пальцев Зяблика грубо сорвали грязные заскорузлые марлевые колпачки.

— Nate, смотрите! — он вытянул вперед растопыренную пятерню. — За вас, гадов позорных, кровь проливал!

Пока Лишай финкой кромсал на ленты его незавидный, второго срока носки прикид, Зяблик, подтянув трусы, стал демонстративно расправлять бинты и по новой заматывать ими свои раны. При этом он еще и напевал: «Обыщите — не взыщите, денег нету у меня. В кабаке пропил получку, сбережений — ни шиша!» Обломок бритвы теперь был зажат между средним и указательным пальцем его правой руки.

Кончив пороть одежду, Лишай взялся за часы.

— Много же ты котлов настриг... Так... «Семену Осиповичу Кабанчику за долгую и беззаветную службу в органах МВД». Обсоса нашего часики? Где же ты их раздобыл? Хочешь сказать, опять со жмурика снял?

Это был прокол, досадный и неожиданный. Но не смертельный. Или не совсем смертельный. Вилка, вонзившаяся в шею, но лишь примявшая своими зубьями сонную артерию.

— Нашел случайно возле проходной. Я и не читал, что там написано... Видно, потерял обсос, когда драпал. Или думаешь, он их мне подарил? — Зяблик изобразил на лице ухмылку.

— Шел — нашел, — задумчиво сказал Лишай. — Такие сказки я в детстве сам сочинял.

Он обошел стол и нагнулся над Зябликом.

— А ну, дыхни... И впрямь налился где-то. Хотя это еще ничего не значит.

Страх Зяблик не ощущал никакого. Он знал, что все равно скоро умрет — то ли от ножей урок, то ли от ракетных залпов подполковника, и это ощущение непричастности к мелкой земной суе и мелким человеческим страстишкам делало его спокойным и сильным. Он никогда не убивал человека вот так — лицом к лицу, заранее все обдумав, но был уверен, что не оплошает. Относительно дальнейших своих действий Зяблик не строил никаких планов, полностью отдавшись на волю судьбы.

— Как говорить будешь? — допытывался между тем Лишай. — Опять туфту гнать или честно колотиться?

Продолжая сидеть на полу, Зяблик сделал значительные глаза, потом ловко переморгнул и дернул вниз уголок рта. Grimаса сия означала примерно следующее: есть важное известие, но не для чужих ушей.

— Ладно, кореша, погуляйте пока, — после секундного колебания произнес Лишай. — Может, наедине он несознанку бросит.

Обсосовскую «Победу», так некстати лажанувшую его, Зяблик видеть не мог и поэтому скосил глаз на запястье возвышавшегося над ним Лишая. Стрелки часов соединились в одну линию, показывая десять минут третьего.

— Ну? — грозно потребовал Лишай.

— Помогите встать. — Зяблик заерзал на полу.

— Сукам руку не подаю.

— Зря ты меня так... — Зяблик встал: медленно, неловко, не с первой попытки, и тут же навалился левым боком на спинку стула, правую руку как бы для равновесия выбросив в сторону. — А ведь жить нам обоим, побратим, недолго осталось. Вместе на небо полетим, как пара лебедушек. Меня и в самом деле на переговоры к вам послали... Если зэки через полчаса зону не очистят, армия по нам из «Града» шуранет. Это дура такая на колесиках, вроде «Катюши», только раз в десять позабористей. После нее и костей наших не останется.

— Врешь, падла легавая! — Лишай схватил его за горло. — Врешь!

— Как раз и нет...

Последнее слово, сказанное уже на выдохе, прозвучало как «не-е-т», и в унисон с ним по шее Лишая тоненько чиркнуло бритвенное лезвие.

Не было никакой возможности, да и смысла, уворачиваться от фонтаном брызнувшей крови (Боже, сколько ее еще ожидалось впереди?), и Зяблик, пытаясь зажать Лишаю рот,

припал к нему в противоестественном объятии. Лишай, выпучив глаза, жадно грыз его одеревеневшую пясть, и никогда еще в жизни Зяблика не было такой долгой, такой тягучей минуты. Внезапно хватка челюстей ослабла, горячий язык в последний раз лизнул прокушенную ладонь, и глаза Лишайя остановились, померкли, как бы внутрь себя обратились.

Так Зяблик совершил свой второй Каинов грех.

Аккуратно уложив тело побратима на пол, Зяблик нацепил на руку обсосовские часы (четверть третьего!), надел прямо на голое тело бронежилет, брезентовые карманы которого топорщились от магазинов, и осторожно взял автомат. Он не держал оружия в руках так же давно, как и женщину, и потому первое прикосновение к вороненому, пахнувшему смазкой и пороховым нагаром металлу было почти сладострастным.

Тихий и просветленный, слегка впавший в благодать, Зяблик шагнул за порог оперчасти (все удивленно глянули на него) и повел стволом слева направо, а потом обратно — справа налево. Само собой, он не забывал при этом ласкать пальцем плавный изгиб спускового крючка.

Дым уходил к высокому потолку, на котором сквозь шелушащуюся побелку проступали мутные образы страстей Господних, гильзы сыпались без задержки, словно козьи какашки, освобождающаяся энергия пороха пела свою грозную песнь, силу и гармоничность которой могут оценить лишь избранные — и ряды врагов быстро редели. После второго магазина никто уже не стоял на ногах, после третьего — никто не шевелился.

Не хватало нескольких человек — Махно, Песика, еще пары каких-то «шестерок» и прихлебателей, но это уже не имело никакого значения. Значение имело только то, что минутная стрелка перевалила за цифру шесть и уже подбиралась к семерке.

Обвешанный автоматами, босой, в мятых сатиновых трусах до колен, он вышел на асфальтированный плац, где раньше строились на утренний развод заключенные, и дал короткую очередь в воздух.

— Сюда! — орал он, надсаживая глотку. — Все сюда!

Вторая очередь резанула по окнам казармы.

Люди стали подходить, сначала по одному, по двое, потом кучками. Недоумение и настороженность сквозили в их движениях. Все они хорошо знали Зяблика и не имели оснований

не верить ему — но уговорить, убедить, раскатать, стронуть с места эту человеческую массу было гораздо сложнее, чем расправиться с ее самозванными вожаками. Для этого нужно было иметь немало: силу убеждения, доступную только ветхозаветным пророкам; запас слов, одновременно хлестких, как бич, и точных, как скифские стрелы; свою собственную (и очевидную для всех) непоколебимую решимость.

Ничего этого у Зяблика раньше не было.

Он что-то говорил, но сам потом не мог вспомнить — что именно. В подтверждение своих слов он палил из автомата и, кажется, кого-то ранил. Он тряс чужими часами и давился собственной слюной. Он бил своих слушателей прикладом, а потом умолял их, стоя на коленях.

И людское стадо, вернее, пока только его малая часть, стронулось, не столько убежденное, сколько напуганное. В пять минут четвертого в воротах появились первые шеренги заключенных, размахивающих ключьями простыней, носовыми платками и портянками. Затем, под влиянием цепной реакции артельного инстинкта, с одинаковым успехом порождающего и массовую панику и массовое геройство, вслед за первопроходцами потянулись все те, кто до этого отсиживался в сторонке, выжидая, как повернется дело. Нашлись трезвомыслящие люди, сумевшие извлечь суть из невнятных заклинаний Зяблика. Они заставляли уходящих вооружаться пиками и заточками, набивать вещмешки и карманы продуктами. Они выгнали наружу заложников и рассеяли их среди заключенных, приставив к каждому конвоира с ножом.

Зяблика, вконец обессилевшего и почти утратившего дар речи, вели под руки в последних рядах. Он шарил глазами по ошетилившимся автоматными и пистолетными стволами шеренгам солдат и охров, но не находил там ни мрачного подполковника, ни узкоглазого майора, ни в задницу раненного родного Семена Осиповича Кабанчика.

За воротами его разоружили и даже грубо толкнули в спину. Колонна зэков растянулась почти на километр, а вокруг нее сомкнулось плотное кольцо конвоя. Сзади на первой скорости полз бронетранспортер.

Откуда-то тянуло равномерным иссушающим жаром. На придорожной березе сидела здоровенная черная птица с длинной облезлой шеей и голым морщинистым лицом. На небо было страшно глянуть. Время от времени попадались брошенные и уже безжалостно выпотрошенные автомобили.

Талашевск давно скрылся за горизонтом, а их все гнали

вперед, не позволяя сбавить темп и не давая привалов. Если кто-то вдруг падал, истомленный духотой, усталостью или разбереженной раной, и заключенные и конвой обходили несчастного стороной, оставляя лежать на дороге.

Привал устроили только возле речки, причудливо петлявшей среди лугов, распаханых почти до самой воды. Деревянный мост горел, и длинный шлейф дыма низко стлался в сторону видневшегося вдалеке леса. Еще недавно здесь перемывало много народа и техники — пашня была затоптана сапогами и заезжена глубокими колеями.

Конвой, забрав заложников, отступил назад, и вновь почувывшие свободу заключенные устремились к воде — пить, умываться, полоскать тряпки. Самые домовитые, а может, самые голодные, уже пристраивали на углях пожарища котелки и консервные банки с каким-то варевом. Некоторые отправились в лес по грибы.

К мосту приблизился милиционер — расхристанный, без галстука и фуражки, весь обмотанный пулеметными лентами.

— Вы, ребята, на ту сторону лучше не ходите, — сказал он. — Там вроде нашей власти уже нет.

— А чья же там тогда власть? — удивились зэки.

— Хрен его разберет.

— Так зачем же, мать вашу в рот, нас сюда загнали?

— Кабы мы сами это понимали.

Последовала команда рыть окопы, но, поскольку лопат не оказалось, ее вскоре отменили. Иногда к заключенным осторожно, с оглядкой, подходили солдаты срочной службы и меняли курево на консервы и концентраты. Эти вообще ничего не знали, даже названия ближайшей деревни.

Зяблик, сильно набивший в дороге босые ноги, сидел на берегу, опустив ступни в тепловатую мутную воду. Уклейки сновали возле его шевелящихся пальцев, наверное, принимая их за червей. В голове Зяблика гудело, словно в пустом котле, по которому врезали колотушкой, а на душе было так же чернотно, как и в тот день, когда хоронили брата.

Первым человеком, заговорившим с Зябликом после того, как был эвакуирован исправительно-трудовой лагерь, оказался немолодой казак по кличке Верблюд, получивший несуразно большой срок именно благодаря этому неприхотливому животному, против воли хозяина сунувшемуся однажды под несущуюся на бешеной скорости машину и поставившему этим крест на жизни и карьере первого секретаря обкома партии.

— Что расселся? — спросил он, откашлявшись для солидности. — Из-за тебя мы тут оказались. Теперь дальше командуй.

Зяблик подумал немного, встряхнул головой, словно отгоняя дурной сон, и сказал:

— Достань мне что-нибудь на ноги.

Ему принесли разбитые кирзовые коцы с обрезанными голенищами, а заодно и драные рабочие штаны. Прибарахлившись, Зяблик велел позвать всех уцелевших бригадиров и вообще авторитетных людей.

— Какого рожна нас сюда пригнали, я не знаю, — честно признался он. — Но точно не на расстрел. Могли и по дороге спокойно шлепнуть. Значит, пока будем здесь обживаться. На берегу торчать нечего. Надо по низинкам и рошицам распределяться. Ставьте шалаши, отсыпайтесь, пока есть возможность, но не забывайте выставлять дневальных. А сейчас вот что... Надо найти с десятков расторопных ребят помоложе и послать в дозор. Двое пройдутся вдоль дороги километров на пять-шесть вперед. Еще двое — вон до той деревеньки. Если там люди есть, пусть их не обижают, а расспросят обо всем подробно. Заодно надо узнать, имеется ли там магазин. Третья и четвертая пара обследуют противоположный берег речки в обе стороны. Пятая должна дойти до леса и глянуть, что там за ним. Ни в какие стычки не ввязываться, кто бы по пути ни встретился, а сразу рвать назад. Нам сейчас любое известие дороже золота. А сам я пока побазарю с государственными людьми.

Солдаты и менты, рассыпавшись цепью, рыли саперными лопатками одиночные стрелковые ячейки.

— Кто тут старший, салаги? — спросил Зяблик, забравшись на бруствер одной из них.

— У нас все старшие, — мельком глянув на Зяблика, ответил взмокший от пота ефрейтор. — Вали отсюда, чмо.

— Ты, сопля, не очень-то петушишься. Меня братва прислала. Я у них за атамана. Если не отведешь меня к старшему, мы переправляемся через речку и сваливаем куда подальше. Одни тут будете позицию держать.

Ефрейтор, матюгнувшись, ушел и вернулся уже в сопровождении артиллерийского капитана с осунувшимся, но тщательно выбритым лицом.

— Командир особой группы прикрытия капитан Капустин, — сдержанно, без вылендрежа, представился он.

— Зачем, капитан, окопы роете? — Зяблик пальцем указал влево и вправо.

— Для отражения атаки возможного противника.

— А почему здесь? Если я что-то смыслю в тактике, линия обороны строится вдоль водных преград.

— Это вас, простите, не касается.

— Касается! — осканился Зяблик. — В спину нам стрелять собираетесь? Заградотряды вспомнили! Ни шагу назад! Да вы хоть объясните, какого такого противника ждать! На чем он припрется? На танках или на помеле? У нас на всю ораву только сотня самодельных пик да ножики. Чем драться? Хоть пару автоматов дайте!

— Я знаю ровно столько же, сколько и вы, — сказал артиллерист. — У меня есть приказ. Путаный, бестолковый, но я обязан его выполнить. На рубеже этой занюханной речки мы должны остановить любого противника. Понимаете, любого.

— Любого... Вы бы хоть сначала на тот берег разведку послали.

— Под моим командованием находится взвод оставшейся не у дел дорожно-патрульной службы милиции, неполная рота внутренних войск, охранявшая раньше ваш лагерь, и всякий армейский сброд, который удалось наскрестить в автохозяйстве, комендатуре и службе тыла. О разведке они знают только по кино. Добровольцев не нашлось, а посылать необученных людей черту на рога я не имею морального права.

— Ну ты молодец, капитан, — покачал головой Зяблик. — Только про моральное право больше никому не говори. Чую, мы вляпались в грандиозную аморалку. И уцелеет в ней исключительно тот, кто чхал и на мораль, и на право.

— Значит, я не уцелею, — артиллерист вытащил из кармана пачку сигарет с фильтром. — Закурите?

— Слабоваты для меня, — сказал Зяблик, подтягивая чулки, чересчур свободные штаны. — Кроме «Беломора» пензенской фабрики, ничего не употребляю. Вы нам лучше оружием помогите.

— Единственное, что я могу уступить вам, и то на время, — это мой табельный пистолет, — капитан расстегнул ремень и стянул с него кобуру.

— Спасибо и на том. Верну, если живы будем.

...Вернувшись к своим, Зяблик разулся и снова сунул ноги в воду. Верблюд принес ему немного рисовой каши в закопченной консервной банке. Остатки моста еще догорали кое-

где, но уже почти без дыма. Расстилавшееся за рекой пространство — ближе к берегу ровное как ладонь, а дальше чуть всхолмленное, поросшее кустарником и березовыми колками — было совершенно пустынно в том смысле, что нигде не замечалось никакого движения. Не верилось, что этот пасторальный пейзаж может таить какую-нибудь опасность, и тем не менее посланные туда молодые, но уже битые жизнью, умеющие постоять за себя люди до сих пор не подавали о себе никаких известий.

Первым возвратился дозор, ходивший в деревню. Все дома оказались пустыми, исчезла и скотина из сараев. Хозяева или бежали в панике, или были кем-то уведены в неизвестном направлении, о чем свидетельствовал беспорядок, царивший в жилых помещениях. Магазин был разграблен, но как-то бестолково — водка, курево, консервы и даже деньги остались, а муку, крупы, конфеты и хлеб выгребли вчистую. Везде виднелись следы некованных лошадиных копыт.

Спустя час появились те, кто ходил вниз по течению речки. Не встретив по пути никого, они добрались до железнодорожного моста и были обстреляны его охраной. Остальные три дозора не появились ни через пять, ни через десять часов. Сон не шел к Зяблику, и он вновь созвал актив.

— Есть работа, аксакал, — сказал он Верблюду. — Возьми с собой человек двадцать и опять сходи в деревню. Заберите из магазина все съестное, мыло, ведра, жестяную посуду, инструмент. Потом прошвырнитесь по домам. Ищите вилы, топоры, косы. Может, и ружья остались. Только прошу тебя, будь осторожен.

Отряд ушел и как в воду канул. Больше за реку Зяблик никого не посылал.

На третьи сутки колесный трактор приволок из города полевую кухню, две дюжины лопат и несколько мотков ржавой колючей проволоки. Среди эков нашлись свои собственные саперы, возглавившие фортификационные работы. Заодно Зяблик велел заготовить побольше длинных заостренных кольев, которые должны были пригодиться на тот случай, если бы неведомый враг явился верхами (а такие намеки имелись). Тактику борьбы с атакующей конницей Зяблик усвоил из кинофильма «Александр Невский», неоднократно виденного за годы заключения.

После скромной трапезы, состоявшей из печеной картошки (поле, на котором они собирались держать оборону, убрать убрали, но перепахать не удосужились, и такого добра в земле

хвatalo) да закрашенного ягодами калины кипятка, Зяблику захотелось курить. Вообще-то ему хотелось курить уже дня три, но сейчас наступил момент, когда желание стало нестерпимым до одури. Разжиться табаком было не у кого — эки сами уже давно дымили сушеными березовыми листьями, а просить хоть что-нибудь у ментов или охры Зяблик не стал бы даже под угрозой кастрации. Мысль о том, что где-то совсем рядом, в задрипанном сельском магазинчике, полки буквально ломятся от самого разнообразного курева, просто сводила его с ума.

Конечно, исчезновение Верблюда и всех ушедших с ним людей настораживало, но было вполне объяснимо — дорвавшиеся до дармовой водки и долгожданной воли эки могли просто загулять по-черному. Кроме того, Зяблик имел довольно весомое преимущество перед всеми без вести пропавшими дозорными, а именно: пистолет Макарова с двумя полными магазинами. Тупорылая девятимиллиметровая пуля была способна посадить на круп не то что лошадь, а даже и быка.

Продолжая выдвигать самому себе все новые доводы в пользу похода к магазину — а по сути, занимаясь элементарным самообманом, — Зяблик вброд пересек реку, под мостом едва-едва прикрывавшую дно, и оказался на территории, где отсутствовала не только советская, но, возможно, даже и Божеская власть.

К магазину он направился кружным путем — сначала спустился на полкилометра вниз по течению речки, а уж потом повернул к деревне. Она состояла из одной-единственной, зато длинной улицы. Пробираясь задворками, Зяблик слышал куриное квохтанье и не удержался, чтобы не заглянуть в сарайчик, из которого оно раздавалось. В гнезде набралось уже дюжины две яиц, и Зяблик, успевший забыть их вкус, половину выпил на месте, а остальные рассовал по карманам.

Магазин находился в самом конце деревни и от других хат отличался лишь вывеской да решетками на окнах. Отряд Верблюда успел побывать здесь, о чем красноречиво свидетельствовали пустые бутылки со свежим запахом и вскрытые консервные банки. У дверей громоздились товары, приготовленные к отправке за речку: решетчатые ящики с водкой, фанерные с сигаретами, мешок мыла, стопка вставленных друг в друга жестяных ведер, куча одеял и всякое другое галантерейно-гастрономическое барахло. Оставалось неясным, что помешало смелым квартирмейстерам доставить груз по назначению.

Первым делом Зяблик закурил и минут пять усердно пых-

тел дешевой, но забористой «Примой». Когда от души немно-го отлегло, он выбрал мешок почище и стал набивать его са-мыми необходимыми вещами. Не возвращаться же назад с пустыми руками.

От этого увлекательного занятия его оторвал раздавшийся на улице громкий звук, живо напомнивший Зяблику о родной тюремной камере. Так храпел во сне его сосед по койке — бо-лезненно-полный бухгалтер-растратчик Мокроусов, особенно если переедал перед сном. Глянув в пыльное окошко, Зяблик сразу понял, что столь специфические звуки на сей раз издает не человек, а неразумная скотина, обликом весьма напоми-нающая лошадь, но какая-то уж очень лохматая, приземистая, с не по-лошадиному злобным, взыскующим взором.

На странном коньке-горбунке восседал мурзатый бомж восточного вида, одетый в драный толстый халат, такую же кацавейку и волчий малахай. Его снаряжение — кривая сабля, лук в овчинном чехле и довольно длинная пика, украшенная конским хвостом — произвело на Зяблика весьма неблагоприятное впечатление. Теперь-то он точно знал, куда девались шесть из десяти дозорных и весь отряд Верблюда.

Заметив в окне Зяблика, конный варвар махнул ему ко-роткой плетью — выходи, мол.

Деваться было некуда. На задней двери магазина — Зяб-лик это хорошо помнил — снаружи висел замок, а решетки на окнах по прочности не уступали тюремным. Еще раз удосто-верившись в этом, Зяблик с независимым видом вышел на крылечко и добродушно поздоровался:

— Привет, чурка!

Как ни странно, варвар понял его, кивнул в ответ и что-то сказал по-своему, указывая плетью теперь уже на улицу. Идти туда Зяблик как раз и не собирался. Деревенские задворки и густые заросли орешника привлекали его куда больше. Воро-вато оглянувшись по сторонам, он достал пистолет, произвел все необходимые для стрельбы манипуляции и прицелился в степняка.

— Видишь эту штуку, чучмек? — спросил он ласково. — Тогда лучше не рыпайся. А не то я в твоей башке дырку сде-лаю.

Похоже, всадник не догадывался об истинном назначении побрякушки, появившейся в руках строптивного аборигена. Перегнувшись в седле, он пребольно огрел Зяблика своей пле-тью. Пистолет пальнул скорее всего именно от этого удара, а не по злой воле Зяблика. С верхового слетел малахай, и он, не

успев освободить ноги от стремян, стал заваливаться за конский бок.

Где-то в другом конце улицы раздались гортанные восклицания и дробный топот многих копыт. Зяблик никогда не ездил верхом, но сейчас, чтобы спастись, оседлал бы, наверное, и огнедышащего дракона. Не по погоде одетые косоглазые всадники очень не понравились ему.

Степняк уже висел головой до самой земли, только его правая нога, запутавшаяся в стремях, торчала вверх. Кое-как освободив лошадь от мертвого всадника, Зяблик вскарабкался в седло. Конек заартачился было и попытался куснуть незнакомого седока за колено, но Зяблик врезал ему рукояткой пистолета между ушей. Тот взвился на дыбы и рванул с места раньше, чем Зяблик успел разобрать поводья. Чудом удержавшись в седле, Зяблик погнал лохматого стервеца напрямик к речке, предоставив ему возможность самому выбирать безопасный путь.

Сзади часто-часто застучал барабан, и тут же где-то в стороне резко и немелодично пропела труба. Овернувшись на скаку, Зяблик увидел, что его преследует целая толпа всадников с флажками, лентами, пучками перьев и звериными хвостами на пиках. Пониже деревни из леса выехала еще одна конная толпа, побольше первой, и, увидев погоню, тоже пустилась вскачь. Взыли по-слоновьи сразу десятки труб, а грохот барабанов стал неразличим в сокрушительном топоте все новых отрядов, хлынувших с холмов на равнину. Они быстро сплывались в одну согласно скачущую лаву, все ускоряющую и ускоряющую ход. Опередив ее метров на сто, несясь Зяблик, не перестававший терзать своего скакуна каблуками сапог и рукояткой пистолета.

С размаху влетев в речку, он бросил коня и, наглотавшись воды, вскарабкался на свой берег. Предупрежденные звуком выстрела, а потом и шумом атаки, к нему со всех сторон сбегались товарищи.

— В окоп! — простонал Зяблик, хватая ртом воздух, почему-то переставший насыщать легкие. — Всем в окоп!

Как это бывает в моменты стихийных бедствий, когда, круша и корежа все, что попадает на пути, надвигается что-то страшное: смерч, сель, снежная лавина или цунами, — так и сейчас слова человеческой речи уже нельзя было разобрать в свисте, гиканье и топоте налетающей конницы.

Передние лошади опрокинулись, наскочив на перегораживающую брод колючую проволоку, но это почти не замед-

лило неукротимый напор степняков. Сотни всадников вылетели на берег, и сразу все исчезло в тучах пыли.

Окоп стал похож на длинную могилу, в которой одни люди стараются живьем похоронить других. Копыта разбивали черепа, сабли отсекали все, что появлялось над бруствером, пики находили свои жертвы на самом дне окопа. Зэки отвечали снизу ударами кольев, ножей, заточек. Никто не мог сказать, сколько длился этот ад на самом деле, но постепенно волна степняков стала редеть, а потом и схлынула, умчавшись дальше. В окопе бились кони с переломанными ногами и развороченными утробами, тут же дорезали не удержавшихся в седлах всадников.

Смерч пыли теперь крутился впереди, у второй линии обороны. Сквозь рев и визг атакующих явственно слышался треск выстрелов.

— Ну, сейчас им дадут жару! — крикнул кто-то прямо над ухом Зяблика. — Ишь чего захотели, с сабельками на автоматы!

— Всем приготовиться! — заорал Зяблик, зорко всматривавшийся в то, что творилось на другом конце картофельного поля. — Разобрать оружие! Ждать моей команды!

Поредевшая конница уже неслась обратно, но на ее пути внезапно вырос частокол остро заточенных жердей. Лошади, не желая идти на верную смерть, вздымались на дыбы, волчком крутились на месте, поворачивали назад. То, что осталось от еще недавно неудержимой конной лавы, водоворотом закружилось между стеной автоматного огня и лесом деревянных пик.

— Ура! Зажали косоглазых! Кранты им пришли! — кричали зэки, похожие на сбегавших из преисподней чертей. — Сейчас сдаваться будут!

— Как же, дождетесь! — сплюнул Зяблик. — Сейчас они на прорыв пойдут. Еще похаркаем кровушкой.

Будто бы в подтверждение, а может, наоборот, в отрицание его слов, далеко за горизонтом, в той стороне, где остался город Талашевск, серое небо осветилось заревом и раздался приглушенный расстоянием, но могучий и уже поэтому пугающий звук — словно коротко рывкнула гигантская допотопная рептилия, одна из тех, на чьих спинах некогда покоился мир.

Хвостатая многоголовая комета, похожая на карающую огненную длань, стремительно прочертила небосвод и с ужасающим завыванием рухнула между двумя линиями окопов. Там, где только что стоял смерч пыли, встал смерч пламени. Вверх взлетели предметы, для полетов изначально не предна-

значенные, — расщепленные деревья, тонны грунта, колеса бронетранспортера, полевая кухня вместе с недоваренной кашей, люди и лошади (некоторые целиком, а некоторые лишь частично).

Злой рептилии, скрывавшейся за горизонтом, этого показалось мало. Она рывкнула вновь и продолжала ритмично рывать раз за разом, накрывая губительными кометами берег реки.

Возможно, обстрел из установок залпового огня «Град» продолжался и дальше, но оглушенный, полужасыпанный землей Зяблик уже не мог созерцать это редкое и весьма впечатляющее зрелище...

Вынужденное безделье расслабляло и расхолаживало. Пока кто-то один сидел с биноклем у окна, остальные убивали время как могли — играли на шелбаны в самодельные шашки, травили всякие небылицы, отсыпались за прошлые и будущие недосыпы. В одной из заброшенных квартир Цыпф раскопал юридический справочник и сейчас наслаждался чтением законодательных актов, давно утративших силу и смысл. Толгай нашел кроличью женскую шубку, которой пренебрегла даже моль, и мастерил из нее новый малахай. Зяблик скуки ради пилил идейного партийца Смыкова, обвиняя его во всех мыслимых и немыслимых грехах, начиная от народовольческого террора и кончая нынешним положением вещей. Смыков охотно отбрехивался. Изредка делались вылазки в город — предельно осторожно и поодиночке.

Дня через четыре их навестила Верка. Кроме горшка горячих манек, она доставила и кое-какие новости.

— Лилечка очень хорошая девочка, только совсем рассеянная, — сказала она. — Если ее начнешь о чем-нибудь допытывать, она может и не вспомнить ничего. А потом, как бы невзначай, вдруг сама станет рассказывать. Вот такие-то дела, зайчики.

— И что же она такое интересное рассказала? — методично уминая очередную маньку, поинтересовался Смыков.

— Про дядю Тему кое-что.

— Про Белого Чужака, то есть? — уточнил Смыков.

— Так его арапы дикие прозвали. Нам-то зачем их бредни повторять. Никакой он не чужак, а наш человек. Только с залетами, конечно. И родился очень давно. Может, даже тысячу лет назад.

— Ага, при царе Горохе, — ухмыльнулся Смыков, вытирая занавеской жирные пальцы. — Вот только на старика что-то не похож.

— Тут я, честно говоря, сама не все понимаю, — призналась Верка. — По рождению он вроде бы наш ровесник. Когда Гагарин полетел, он в школе учился, а когда американцы на Луне высадились, в институт поступал.

— Так это двадцать лет назад было, а не тысячу.

— Для тебя двадцать, а для него тысяча. Я вам тут ничего доказывать не собираюсь. За что купила, за то и продала. Лилечка говорит, что он долго странствовал где-то в далеких краях.

— За границей?

— Нет. Вообще не в нашем мире. Это вроде как другие планеты, но не в космосе, а рядом, через стеночку. Только через такую стеночку не каждый пройти может.

— А он, значит, может?

— И он не может. Однако дело в том, что дядю Тему случай на такую тропочку вывел, где все стены поломаны. Вот он и бродит себе из мира в мир. На нас случайно наткнулся. Намекает на то, что тропочка та сейчас через наши места и проходит.

— А какая буря его гонит? — спросил Зяблик, дежуривший с биноклем у окна. — Сидел бы себе на одном месте... В заднице, что ли, у него свербит?

— Он и сам точно не знает. Про какое-то предназначение говорил. Пошутил однажды: за что мне, дескать, выпал такой жребий, ведь я не убивал брата, не обижал Бога и не назначен в свидетели конца рода человеческого.

— Чушь какая-то... — зевнул Смыков. — Не все дома у вашего дяди. Лапшу на уши он Шансонетке вешает, а заодно и вам, Вера Ивановна.

— К чему бы это он бродяг легендарных вспомнил? — задумчиво произнес Зяблик. — Брата Каин убил, Бога Агасфер обидел, а вот относительно этого третьего, свидетелем назначенного, я что-то не кумекаю...

— Скорее всего имеется в виду ветхозаветный законодатель Енох. А может, пророк Илия. Их смерть отложена до конца времен. На Страшном Суде они выступят свидетелями против греховного человечества, — не отрываясь от книги, ответил Цыпф. — Впрочем, схожие фигуры есть в любой религии.

— Выходит, он на вечного скитальца тянет... — Зяблик принялся протирать полую куртки линзы бинокля.

— Кстати, в Кастилии Белого Чужака, или, условно говоря, дядю Тему, так и называют — Дон Бутадеус. А это одно из имен Агасфера, — добавил Цыпф.

— Что-то я не соображу, братец вы мой, про какого Агасфера вы все время речи ведете, — подозрительно прищурился Смыков.

— Про Вечного Жида, он же Иосиф Картофил, он же Эспер-Диос. Мифическая личность, вследствие Божьего проклятия изменившая свою человеческую сущность и обреченная в скитаниях дожидаться второго пришествия, — ответил Цыпф. — Между нами говоря, я не вижу ничего невозможного в том, что Белый Чужак провел в странствиях тысячу лет. Наш уважаемый Толгай тоже появился на свет за десять веков до моего рождения, а может, и раньше. Координаты времени смешались, как и координаты пространства.

— Толгай прост, как три рубля, а за Белым Чужаком целый хвост всяких необъяснимых фактов тянется, — возразил Смыков. — Недаром его арапы великим колдуном считают, кастильцы — родней сатаны, а нехристи — небесным шаманом. А я так думаю, что он просто зловредный шарлатан. Болтается без толку да воду мутит. Пора его за жабры брать... Что еще Шансонетка рассказывала?

— Отдавай тару, Смыков, — зло ответила Верка. — Надоел ты мне... Зудишь и зудишь... Лучше аггелов да варнаков карауль. А с дядей Темой я как-нибудь и сама объяснюсь.

— И в самом деле, — Зяблик протянул бинокль Смыкову. — Давно твоя очередь пришла дежурить. На, зырь... А я девушку провожу.

— Обойдусь без провожатых! — поставив на голову пустой горшок, Верка решительно направилась к выходу.

Носить громоздкие грузы таким способом она научилась в арапской неволе.

— Ты, Лева, разве кемарить не собираешься? — спросил Зяблик спустя несколько часов, когда наблюдательный пост занял Чмыхало, а Смыков засопел и захрюкал, убаюканный сытным обедом и спокойной совестью.

— Не спится, — ответил Цыпф. — Я уже все бока отлежал.

— Зря... Сон великое дело. В зоне три радости: сон, баня и жарчка.

— А ты тогда почему не спишь?

— Мысли какие-то дурные... аггел тот, через улицу сиганувший, из головы не идет... Да и этот желторотый, которого

тым опознал. Надо бы пошарить нам в Эдеме. Что о нем конкретно известно?

— Сарычев очень путано рассказывал. Вариант сказки о молочных реках и кисельных берегах.

— Нет, я про другой Эдем спрашиваю. Откуда наших прародителей турнули. Люди ведь, как выяснилось, и сто тысяч лет назад неплохо соображали. Может, через них к нам из древности не сказки дошли, а сущая правда... Насчет берегов кисельных. Как ты думаешь?

— Эдем в ветхозаветной традиции есть рай земной. — Цыпф повернулся на бок и подпер голову рукой. — Прошу не путать с раем небесным, где могут обитать только праведные души. Наряду с престолом Господним и геенной огненной, Эдем создан задолго до мироздания. Ну про Адама, Еву, яблоко и змея ты сам знаешь. После грехопадения границы Эдема сторожит аггел с огненным мечом. Ни потоп, ни другие мировые бедствия Эдем затронуть не могут. Возможно, он устоит и после конца света. Эдем неприступен, но от остального мира полностью не изолирован. Его реки добавляют спасительную сладость в горькие реки земли. Считается, что многие растения, в том числе и виноградная лоза, занесены к нам из Эдема.

— А что, если Сарычев и впрямь этот рай земной нашел? Со сладкими реками и целебными травами, с деревом познания? Это же спасение для человечества! — Зяблик даже сел на куче тряпья, составлявшей его постель.

— Станный ты человек, — сказал Цыпф. — В бессмертие души веришь, человечество спасти надеешься. А как у тебя с третьей составляющей — любовью?

— Нормально. Ты Верку, дуру, не слушай.

— Я не про ту любовь спрашиваю. Я про любовь в широком смысле — к ближним, к дальним, к себе самому.

— С этим туго. — Зяблик удрученно покачал головой. — Врать не буду. Тут скорее не любовь, а ненависть...

— Вера, надежда, ненависть, — повторил Цыпф с расстановкой. — Хорошенькое сочетание.

Зяблик хотел что-то возразить (по роже ясно было), но ему помешал Чмыхало. Не отрываясь от бинокля, он сказал:

— Хватит болтовню болтать... Кара тетен! Черный дым!

Выскочив наружу, они сразу рассеялись, как брошенная со всего маху горсть горошин, и каждый добирался до цели своим, давно намеченным и до мелочей знакомым маршру-

том. Смыков кружным путем, через пустырь, — к Лилечкиным окнам. Чмыхало с тыла — в соседний подъезд, где в смежной квартире уже лежала кувалда, которой в случае крайней необходимости можно было проломить кирпичную стену. Зяблик и Цыпф напрямик, к дверям.

Западня готова была вот-вот захлопнуться, когда Зяблик сбавил ход и недовольно буркнул:

— Ша, Лева! Отбой. Считай, тревога была учебной.

Навстречу им уже спешила взволнованная Верка и какой-то неладно скроенный и вовсе уж несуразно сшитый старик с дремучей бородой до пояса — ну чисто леший. Когда они сошлись поближе, стало видно, что страховидный гость взопреп, как лошадь после долгой скачки.

— Спокойнее, зайчики! — предупредила Верка. — Тут вас один человек по важному делу разыскивает. Говорит, что свой.

— У меня таких свояков в Китае целый миллиард остался, — мрачно ответил Зяблик. — Ты, папаша, ручки-то в стороны расставь. И прямо мне в глаза смотри... Вот так! А теперь докладывай: кто такой и что там за важное дело у тебя.

— Моисеев моя фамилия, — старик с трудом переводил дух. — Я при штабе за сторожа... Лев Борисович меня должен знать.

— Здравствуйте, Моисеев, — несколько натянуто произнес Цыпф, уже настроивший себя на кровавый хаос грядущей схватки. — Что случилось?

— Нападение на кастильскую миссию. Час назад оттуда человек прискакал. Стрельба, говорит, идет и дым коромыслом. А наши все, как на зло, в разгоне. Я человек пять всего и собрал. Хорошо, кто-то подсказал, где вас найти можно...

С разных сторон подошли Смыков и Чмыхало. Смыков уже успел уловить суть дела, но не удержался от своих обычных вопросов: когда точно стало известно о нападении, от кого, кем проверена информация, какие меры приняты, какие планируются, и так далее.

— Что вы меня, как врага народа, пытаете? — взмолился старик. — Я же только посыльный. Десять километров сюда вприпрыжку бежал! Все, что знал, уже доложил! Наше вам с кисточкой!

— Товарищ Цыпф, вы можете поручиться за этого гражданина? — строго спросил Смыков.

— Могу, — кивнул Лева.

— Тогда попрошу высказываться.

— Надо выручать кабальерос, — сказал Зяблик. — Сам знаешь, что начнется, если миссию побьют.

— Да и дона Эстебана жалко, — добавил Цыпф.

— Якши, — радостно кивнул засидевшийся в четырех стенах Чмыхало. — Сейчас драндулет заведу.

— Надо так надо, — без особого энтузиазма согласилась Верка. — Пойду собираться...

— Кому надо, а кому и нет, — обрезал Смыков. — Вы, Верка Ивановна, останетесь. Надзора за Шансонеткой никто не отменял.

— Верно, Верка, оставайся, — это был тот редкий случай, когда Зяблик словесно поддержал Смыкова. — Только затаись. Если что, дурой прикинься. У тебя получится. А мы скоро вернемся. Если кастильцы еще держатся, мы их в один момент выручим. Ну а если побиты, тогда и дел никаких.

— Возьмите хоть медикаменты с собой, — сказала Верка, уже успевшая привыкнуть к спокойной оседлой жизни. — Вдруг зацепят кого-нибудь.

— Сплюнь, подруга, — посоветовал Зяблик. — И жди нас с победой.

— Только не запивайте там крепко с доном Эстебаном... Удачи вам, зайчики...

Удача оставила их, едва только драндулет отъехал от Талашевска на расстояние, сделавшее возвращение для ремонта невозможным. В моторе что-то хрустнуло, и, побрякав немного посторонними металлическими обломками, он заглох. Облако черного дыма, извергнутое напоследок выхлопной трубой, напоминало сигнал бедствия.

Впереди было километров тридцать, позади примерно столько же. Судя по следам на дорожном покрытии, машины проходили здесь не чаще одного раза в двое-трое суток.

— Карамба! — буркнул Зяблик, перед рандеву с доном Эстебаном освежавший свой скудный запас испанских слов.

— Драндулет не конь... — назидательно сказал Чмыхало. — Его плеткой вперед не погонишь.

— Что-то с цилиндрами, — с видом знатока заявил Смыков. — Может, попробуем отремонтировать?

— Абсурдо! — махнул рукой Зяблик.

Впереди шоссе пересекало одноколейное железнодорожное полотно, проложенное не так давно от кастильской границы в сторону Лимпопо. На его строительство пошли рельсы и шпалы, снятые с магистрали, ранее соединявшей Талашевск с канувшим в неизвестность областным центром. Составы,

влекомые медлительными паровозами (благо, недостатка в них не было, на ближайшей к Талашевску станции Энергетик находился тяговый резерв, а проще говоря — стоянка законсервированной железнодорожной техники), ходили от случая к случаю, но не реже, чем раз в неделю. Плата за проезд в один конец равнялась двум саженьям дров.

— Что вы, братец мой, видели, когда мы мимо вокзала проезжали? — вдруг спросил Смыков у Зяблика.

— Паровоз вроде стоял под парами, — подумав немного, ответил тот.

— Правильно, — кивнул Смыков. — А что вы сейчас слышите?

— Паровозный гудок, что ли... — Зяблик прислушался.

— И мне так кажется, — подтвердил Цыпф.

— Не кажется, а точно. Состав в нашу сторону идет.

— Ну и что?

— А то, что железная дорога недалеко от миссии проходит. Если без остановок поедет, за полчаса доберемся.

Пассажиры драндулета переглянулись и, ни слова не говоря, принялись толкать его к переезду. Когда машина перегородила железнодорожное полотно, Смыков не поленился приложиться ухом к рельсу.

— Уже близко, — сказал он. — Народ на толкучку в Лимпопо едет. То, что нам нужно.

Впрочем, даже куда менее изощренный слух Зяблика уже явственно улавливал частые и натужные паровозные гудки (наверное, машинист распугивал пасшийся близ дороги одичавший скот), а над ближайшим лесом появился султан грязно-серого дыма.

— На дровах идет, — сказал Зяблик.

— На березовых, — уточнил Смыков.

— На сырых, — в тон им добавил Цыпф.

— У-у, шулмас-арба! — недовольно проворчал Толгай, не уважавший паровозы еще в большей степени, чем автомобили. — Чертова телега...

Показался локомотив, мерно и энергично пыхтевший трубой. Он был похож на голову огнедышащего змея, за которой неспешно и величаво — сегмент за сегментом — выползает из леса бесконечное туловище, облепленное людьми, как голодными пиявками. Пассажиры торчали в окнах вагонов, сидели на крыше, висели на подножках.

Завидев на своем пути препятствие, железная змея зло и требовательно взвыла. Спустя минуту заскрежетали тормоза и

засвистел стравливаемый пар. На платформе, прицепленной впереди локомотива и обложенной по бортам мешками с песком, засуетились люди. Зяблику пришлось последовать примеру своих приятелей — спрятаться за борт драндулета.

— Вот резанут сейчас из пулемета, и свидимся мы с доном Эстебаном только на том свете, — с тоской сказал он. — А там вино не подают.

— Вам бы, братец вы мой, все вино пить... Лучше голову не высовывать, — посоветовал ему Смыков.

— Как же не высовывать, если эта махина скоро нас подомнет!

Действительно, поезд хоть и терял скорость, но от переезда был уже недалеко — в промежутках между тревожными гудками с платформы даже мат доносился. И все же драндулет он не раздавил, а только ткнул его в бок штырем автосцепки. Локомотив замер, окутавшись облаком пара, а по всему составу от головы в хвост прокатился лязг наползающих друг на друга вагонов.

— Привет, земляки! — крикнул Смыков, осторожно выглядывая из-за драндулета. — До следующей станции не подкинете?

— Мы тебя, гнида, сейчас так подкинем, что опускаться не захочешь! — ответил с платформы суровый мужик в стройбатовских галифе и драном испанском камзоле, видимо, старший среди поездной охраны. Пулемета у него не было, зато имелась двухстволка с уже взведенными курками. — Прочь с дороги, пока целы!

— Ты перед кем, зачуха, права качаешь? — зловеще спросил Зяблик, вставая во весь рост. Пистолет он не доставал, но демонстративно поглаживал торчащую из-за пояса рукоятку. — Ты перед кем рисуешься? Сказали тебе стоять — значит, стой! А не то я тебя сейчас вместо полена в топку засуну!

Зяблика не понаслышке знал каждый второй житель Отчины старше двадцати лет, и кое-кто из поездной охраны даже поздоровался с ним. Мужик с двухстволкой сразу сменил тон:

— Я думал, банда какая-нибудь шалит... Сами знаете, люди с товаром едут... Всякое может случиться, — начал он оправдываться. — Да и вы тоже хороши. Чуть крушение не устроили.

— Как же иначе вас, вахлаков, остановить? — продолжал разоряться Зяблик. — Хари отъели на дармовщину! За добро свое трясетесь. Думаешь, я не знаю, что вы в этих мешках, кроме песка, возите? В Кастилию — алюминий! В Лимпопо —

железо рессорное! А потом арапы наделают из этого железа ножики и глотки нам будут резать!

— Можете проверить... — еще больше смутился старший охранник. — Я даже иголки лишней никогда с собой не брал.

— Так я тебе и поверил... — Зяблик продолжал бы костерить железнодорожников и дальше, но Смыков сунул ему под нос часы, напоминая о цене каждой минуты. — Ладно... Лучше помогите нам машину убрать. Веселее, веселее...

Общими усилиями драндулет спихнули с переезда, и локомотив, несколько раз пробуксовав на месте огромными ведущими колесами, тронулся. Смыков сказал старшему охраннику:

— Предупредите машиниста, чтобы до Воронков гнал без остановки. А за мостом пусть притормозит. Мы на повороте спрыгнем.

— Случилось что-нибудь?

— Нападение на Кастильскую миссию, — ответил Смыков и после паузы добавил: — По непроверенным данным...

— Может, помощь нужна?

— Да не помешала бы, — неосмотрительно согласился Смыков, но Зяблик решительно воспротивился:

— Обойдемся! Лишних ртов нам только не хватало!

Дон Эстебан славился своим хлебосольством, но всегда, вне зависимости от числа гостей,ставлял только один бочонок вина. А бочонок был дубовый, маленький — не чета нынешним двухсотлитровым.

Уже на подъезде к станции Воронки стал виден столб черного дыма над тем местом, где должна была располагаться миссия. Для своего обитания кастильские кабальерос выбрали старую, заброшенную церковь, чьи метровые кирпичные стены, окна-бойницы и высокие купола наиболее соответствовали их понятиям о безопасности. Под храмом они вырыли глубокие погреба и — по слухам — даже подземный ход, уходящий за границу.

— Вы, братец мой, когда назад собираетесь? — прежде чем спрыгнуть с платформы, спросил Смыков у старшего охранника.

— Сегодня и вернемся. Чего там задерживаться... Часов через пять-шесть будем здесь. Если, конечно, ничего не случится.

— Жаль, — Смыков покосился на Зяблика. — Часов за

пять-шесть мы в любом случае не уложимся. Ну да ладно. Спасибо, что подвезли...

Все, кроме Цыфа, приземлились удачно. Лева не внял советам Зяблика и в последний момент, вместо того чтобы прыгнуть вперед по ходу поезда, сиганул назад. Кости его остались целы, но мягкие ткани пострадали.

Пока Цыфа врачевали Веркиными медикаментами и заново учили ходить, прошло еще полчаса, а с того момента, как сторожу Моисееву стало известно о нападении на миссию, — все четыре. На столь длительную перестрелку не хватило бы боеприпасов во всей Отчине.

Ориентируясь на столб дыма, они спустились с железнодорожной насыпи в лошину, отыскивали тропку, которая привела их совсем не туда, куда надо. Отмахав лишний километр, вернулись обратно, задворками миновали станцию Воронки, чье немногочисленное население кормилось челночной торговлей и набегами на Лимпопо, вышли наконец на нужную дорогу и вскоре увидели впереди перестроенную под феодальный замок церковь. Горело немного в стороне от нее. Пальбы и криков не слышалось. Воронье не слеталось на легкую пищу, а мирно кормилось на свежем жнивье. Причину того, что недолгий путь от железнодорожного полотна оказался столь долгим и запутанным, Зяблик видел во врожденном скудоумии Смыкова, а тот — в дырявой памяти самого Зяблика, ни разу не вернувшегося от дона Эстебана на своих двоих.

У церковной ограды стояла на часах парочка кастильцев — не солдаты, а пугала ряженные в шлемах-кастрюлях, в засаленном бархате и жестяных доспехах. Завидев приближающуюся четверку, они принялись орать что-то, водрузили на сошки свои громоздкие мушкеты и зажгли фитили.

Смыков, владевший испанским почти так же, как русским, разразился длинной речью, из которой Зяблик понял только пару слов: «салудо» да «амиго».

После этого один солдат трусцой направился к зданию, а второй, не гася фитиля, продолжал держать гостей под прицелом. По нынешним понятиям мушкет был оружием, далеким от совершенства, однако раны наносил ужасающие.

— А у них, похоже, все спокойно, — сказал Смыков, оглядываясь по сторонам.

— Было бы спокойно, нас сразу бы внутрь пустили, а не держали бы здесь, как бедных родственников, — возразил Зяблик.

Вернулся посыльный, и они со Смыковым затараторили, перебивая друг друга.

— Дон Эстебан молится, — перевел Цыпф, знавший немного языки всех окрестных народов.

— Нашел время... — разочарованно вздохнул Зяблик.

— Но скоро закончит и пригласит уважаемых гостей на обед, — добавил Цыпф.

— Вот это другое дело, — обрадовался Зяблик. — О чем они там базарят?

— Кастилец рассказывает, что совсем недавно на миссию напали злоумышленники. Они ранили конюха и угнали всех лошадей.

— Не иначе как нехристи степные, — прокомментировал это сообщение Зяблик. — Арапы верхом не ездят, чурки из Хохмы тем более.

На крыльце уже показался дон Эстебан — босой, в белом саване, со свечкой в руках. Катастрофу, поразившую мир, кастильцы считали Божьей карой и без устали замаливали свои грехи.

Впрочем, даже это заупокойное облачение не могло придать гордому кабальеро более или менее смиренный вид. Лицо его носило следы общения с добрым вином, губками красавиц, шпагами соперников, а отнюдь не с Богом. Свечку дон Эстебан держал, как забияка — нож, а босыми ногами ступал так, словно на них были надеты шпоры.

Обняв поочередно всех гостей, не исключая и малознамого ему Толгая, кастильский гранд пригласил их в трапезную.

Вожделенный бочонок уже был водружен на специальные козлы, и мордатый слуга долотом выбивал затычку. Закуска была подходящая — жареная баранина, свежие пшеничные лепешки и сыр. Было на чем разгуляться после опостылевших манек и вяленой саранчи.

Пирующим подали фарфоровые чайные чашки, ценившиеся кастильцами куда выше своих собственных кубков, а Зяблику отдельно — пол-литровую алюминиевую кружку (вино у дона Эстебана было приятно на вкус и ароматно, но, по мнению некоторых энтузиастов, слабовато).

Перед обедом хозяин переоделся. Его и без того богатый костюм украшало множество замков-«молний» (последний писк кастильской моды) и не менее килограмма алюминия — цепей, брелков, пуговиц и медальонов. Сей экзотический металл кабальерос ценили дороже золота.

Очень быстро завязалась оживленная беседа. Зяблику пе-

реводили сразу Цыпф и Смыков. Выяснилось, что неизвестные бандиты скрытно подобрались к пасущемуся на ближнем лугу табуну и, воспользовавшись отсутствием стражи, предававшейся на станции Воронки разнузданому разврату, угнали лошадей в сторону Лимпопо. При этом пострадал личный конюх дона Эстебана. Удар был нанесен сзади, и поэтому он ничего не мог сказать о приметах злодеев. Уходя, конокрады зачем-то подожгли громадный стог соломы, безо всякой пользы торчавший поблизости черт знает с какой поры и служивший пристанищем для неисчислимого количества мышей. Сразу же была организована пешая погоня, но надежды на ее успех почти не было. Поскольку бандиты носили обувь на рубчатой подошве и отстреливались из пистолетов, версия о причастности степняков сразу отпадала.

— Аггелы! — Дон Эстебан многозначительно ткнул указательным пальцем вниз, туда, где в его понимании располагалась преисподняя.

— Абсурдо! — вернул Зяблик свое любимое словечко. — Аггелы скот терпеть не могут в принципе, а лошадей особенно. Ведь Авель, супротивник ихнего кумира, пастухом был. А Кровавый кузнец всегда пехом ходил. В их понимании, он и сейчас где-то по вселенной топает. Они его прихода дожидаются, как вы — мессии.

Выслушав перевод, дон Эстебан с сомнением покачал головой и сказал фразу, которая по версии Смыкова звучала так: «Племя дьявольское не придерживается Божьих правил», а в изложении Цыпфа: «Что черт задумал, то святой не разгадает».

— Верно, — кивнул Зяблик, обсасывая баранье ребрышко. — Верить этой сволоте невозможно. Им человека обмануть, что раз плюнуть... Было дело, накрыли мы их берлогу. Одного аггела я в болото загнал, там и прихватил. Стал шмонать, вижу — баба молодая, хотя уже с рожками. Понимает, стерва, что назад из болота мне ее тащить смысла нет. Рогатых мы в плен не брали. Стала хныкать. Неземную любовь обещать. Такого ты, говорит, никогда в жизни не пробовал и больше не попробуешь. В общем, заинтриговала меня. А вокруг на километр болото по колено. Только деревца кривые торчат, сразу даже не поймешь какой породы. Где пристроиться? А мне уже немогут! Хоть в грязь ложись. Тогда поворачивается она ко мне спиной и хватается обеими руками за деревце. Ну я, значит, сзади пристроился... Не соврала, дрянь. Так задом крутила, так выгибалась, что до сих пор забыть не могу. А в

самый интересный момент — сюрприз мне! — вырывает она деревце с корнем из болота — и ба-бах меня по башке! А там торфа на корнях не меньше пуда. Представляете ситуацию? Глаза грязью залиты, штаны на коленях, до пистолета не дотянуться, а она меня этой дубиной метелит. Прекрати, кричу. Дай кончить, и отпущу с миром... Где там...

Смыков, осуществивший синхронный перевод, сказал:

— Дон Эстебан интересуется, удалось ли дону Зяблику получить удовлетворение?

— Удалось, но только с другой бабой и в другом месте. А та ведьма сбежала. Я и раньше-то аггелов терпеть не мог, а после этого случая просто возненавидел.

— Дон Эстебан считает, что дон Зяблик имел связь с суккубом, демоном женского пола, чрезвычайно искусным в любви, — скучным голосом перевел Смыков.

— Дон Эстебан завидует дону Зяблику, — добавил Цыпф. — Он глубоко чтит Отца небесного, но не пожалел бы ничего, кроме души, конечно, за соитие с суккубом.

— Есть у меня кое-кто на примете, — Зяблик подмигнул дону Эстебану. — Не демон, правда, но любому демону сто очков вперед даст. Медичка наша. Верка. Могу познакомить.

Непривычный к вину Чмыхало уже клевал носом. Привычный, но маниакально осторожный Смыков больше налегал на баранину. Цыпф, еще не совсем оправившийся после достопамятного распития «влазной», ел и пил, как девушка. Только Зяблик и дон Эстебан шли рюмка в рюмку, вернее, чашка в кружку.

По мере того как бочонок пустел, они понимали друг друга все лучше и уже почти не прибегали к услугам переводчиков.

— Ты биена персона! — с уважением говорил Зяблик и в подтверждение своих слов поднимал вверх большой палец.

— Я вас уважаю! — отвечал дон Эстебан и клятвенно крепился чашкой.

В разгар пира явился офицер, возглавлявший погоню. Утолив жажду добрым черпаком вина, он доложил, что злоумышленники скрылись, зарезав перед этим всех лошадей, в том числе и любимца дона Эстебана — чистокровного арабского жеребца Диаманта. Трупы невинно убиенных скакунов были обнаружены в овраге, милях в пяти от миссии, и офицер интересовался, как следует поступить с ними — оставить как есть на поживу стервятникам или предварительно освободить от шкур и подков.

Пока дон Эстебан страшными клятвами сулился отом-

стить неведомым живодерам, Смыков озабоченно поскреб в затылке и поинтересовался у офицера, долго ли длилась погоня. Выяснилось, что недолго. Тогда Смыков приблизился к окну и увидел, что стог соломы все еще продолжает гореть. Если бы нападение произошло пять-шесть часов назад, как это выходило со слов сторожа Моисеева, от него должна была только зола остаться.

Стали выяснять точное время происшествия. У донна Эстебана были хорошие часы «Слава», подарок Зяблика, но он не умел ими пользоваться. Офицер оперировал только понятиями: давно, недавно, только что, сейчас. Распорядок жизни в миссии определялся с помощью больших песочных часов, гонга и приставленного к этому хозяйству инвалида, однако никакая регистрация событий не велась.

Путем сложных вычислений и опроса свидетелей в конце концов было установлено, что первые выстрелы раздались в тот момент, когда драндулет уже покинул Талашевск. Моисеев оказался или провидцем, или элементарным провокатором.

— Ты, Лева, давно этого деда знаешь? — поинтересовался сразу протрезвевший Зяблик.

— Дней десять...

— Кто хоть его вам сосватал?

— Не знаю.

— Ясно, пригнали на груди гада ядовитого... Спроси, может, конокрады какую-нибудь весточку оставили.

Выслушав вопрос, офицер кивнул: да, на снежно-белой шкуре Диаманта его собственной кровью были начертаны какие-то непонятные письмена.

— Ангелов работа, — заскрипел зубами Зяблик. — Специально нас сюда заманили...

Старуха, пасшая у железнодорожного полотна козу, сообщила, что поезд на Талашевск еще не проходил. На сегодня это была единственная хорошая весть.

Чтобы скоротать время, принялись ругаться. Смыков обвинял Зяблика в чрезмерной доверчивости, переходящей в преступную халатность, а отдельно — в пьянстве. Зяблик его — в полном отсутствии профессиональной проницательности, в партийном прошлом и чрезмерной осторожности, переходящей в трусость. Оба они при этом не забывали пенять Цыпфа за промах с Моисеевым, а Чмыхало — за плохое содержание машины. Долгожданный гудок, раздавшийся за холмами, по-

мешал приятелям перейти к оскорблениям, которые смываются только кровью.

Зато на этот раз не пришлось собачиться с железнодорожниками. В нужном месте поезд сбавил ход, и всех четверых за руки втащили на платформу. Мешков на ней заметно прибавилось. Маниока и вяленое мясо — не железо, места для себя ой сколько требуют.

Видя, что новые попутчики не в настроении, и расценив это по-своему, поездная охрана принялась наперебой предлагать им угощение — маньки с медом, коровье молоко пополам с коровьей кровью и какую-то бурду, считавшуюся у арапов за пиво. Пришлось с извинениями отказаться. И причина была даже не в переполненных вином и бараниной желудках, а в ноющих от тревоги сердцах.

— Быстрее нельзя? — спросил Зяблик.

— Нельзя, — ответили ему. — Дрова кончаются. Да и куда вам спешить? Туда спешили, назад спешите. Когда отдыхать будете?

— В гробу, — ответил Зяблик.

Мимо проплывала задавленная каменным небом страна, дети которой никогда не видели солнца, а взрослые забыли разницу между днем и ночью. Мимо проплывали обмелевшие реки и разросшиеся болота, полные ранее не виданных в этих краях гадов, леса, пробиться сквозь которые можно только с помощью топора, и просторные пажити¹, где вооруженные пастухи пасли коров, меринсов и страусов. Мимо проплывали деревни — одни заброшенные, сгоревшие или раскатанные по бревнышку, другие выстоявшие, уцелевшие, окруженные неприступным тыном и колючкой, никому ничем не обязанные и никому не подвластные, кроме своих ежедневно меняющихся по кругу старост. Мимо проплывали загадочные памятники какой-то иной, невозвратно миновавшей эпохи: решетчатые проржавевшие опоры, ровными рядами уходящие вдаль, ободранные остовы силосных башен, шары газгольдеров, цилиндры нефтехранилищ.

Наконец миновали переезд, возле которого лежал в кювете драндулет, уже лишившийся колес и сидений. При виде его Чмыхало демонстративно отвернулся. Затяжной подъем окончился, и паровоз стал набирать скорость. До Талашевска было рукой подать — полчаса езды, не больше.

¹ Пажить — выгон, но не ближайший, вытопанный, а дальний, обильный травами.

Мощный рокочущий гул внезапно заглушил грохот поезда и людские голоса. Он шел, казалось, со всех сторон сразу и скорее был похож на злобное бормотание разбуженного великана, чем на отзвуки земной или небесной стихии.

Платформу качнуло, но не так, как качает на стрелках или плохо подогнанных стыках, а как на упругом батуте — вверх-вниз, вверх-вниз. Все, кто стоял на ногах, не удержали равновесия. Несколько мешков с песком улетело под откос. По всей округе разом поднялись в воздух птичьи стаи, словно ветер взметнул к небу россыпь маковых зернышек.

— А это что еще за новости? — воскликнул Зяблик, однако не различил собственных слов в грозном громоухании надвигающейся катастрофы.

Слева от дороги огромный клин земли, широким концом уходящий к горизонту, просел, будто бы вмятый исполинским сапогом, а затем вспучился крутым хребтом, на котором, словно иглы дикобраза, торчали во все стороны ели и сосны.

Хребет этот, вспарывая земную твердь, как плавник акулы — океанские просторы, пополз наперерез поезду, опрокидывая и перемалывая все преграды на своем пути. Высоковольтная опора, совершив полный кульбит, задрала вверх одетые в бетон лапы. Домик обходчика точно в бездну канул, лишь стропила разлетелись в стороны, как спички.

Люди, кучей лежавшие на дне платформы, взирали на готовую раздавить их ожившую гору, как беспомощные птенцы на голодного пса — только попискивали от страха, но не предпринимали никаких попыток к спасению. Да и некуда было спастись — поезд мчал изо всех своих железных сил, а с обеих сторон полотна уходили вниз крутые откосы, вдоль которых густо торчали пеньки, оставшиеся от недавно спиленного леса.

Первым опомнился машинист. Он не стал тормозить, ибо это уже не могло спасти поезд, а, наоборот, еще больше увеличил скорость, сорвав предохранительные клапаны. Паровоз взревел так, что на мгновение заглушил даже шум встающей дыбом земли, весь окутался паром и рывком наподдал вперед. Его шатуны замелькали с почти неуловимой для глаз быстротой.

Слева, закрывая небо до самого зенита, уже нависала серая шевелящаяся стена. На платформу обрушился град щебня. Привычные сумерки сменились жутким полумраком. Грохот и рев ощущались не столько ушами, сколько всей шкурой и всеми внутренностями.

Люди, парализованные ужасом и необычностью происходящего, ничком лежали на платформе, и лишь немногие из них (в том числе и Зяблик) видели, как помощник машиниста вскочил на тендер, с него — на крышу первого вагона и помчался в хвост поезда, балансируя руками, словно акробат на канате; как десятиметровая волна глины, песка, валунов, гумуса, древесной щепы — этакое сухопутное цунами — налетела на железнодорожное полотно; как исчезли в этом хаосе три последних вагона, которые, спасая весь состав, в последний момент успел отсоединить помощник машиниста, и как земляной вал двинулся дальше, на глазах теряя скорость, оседая и расползаясь в ширину.

Грохот сразу затих, и только после этого машинист включил экстренное торможение.

Пять сотен человек — все уцелевшие пассажиры, кроме тех, кто валялся в обмороке или стирал в ручье обгаженные штаны, — в лихорадочной спешке раскапывали огромный курган мягкой, свежеперепаханной почвы. Смыков трудился лопатой, прихваченной с паровоза. Зяблик — доской, Чмыхало — саблей, Цыпф — руками. Именно он обнаружил первую обнадеживающую находку — вагонную ось, искореженную так, словно черти катали ее по всем закоулкам ада.

Спустя час добрались и до самих вагонов. Старый, дощатый, переделанный из теплушки, вместе со всем своим содержимым превратился в нечто, похожее на конечный продукт лушительной машины, перерабатывающей древесину на шпон и спичечную щепу, зато два других, цельнометаллических, уцелели, только расплющились до толщины консервной банки. Крови нигде не было видно — страшная сила удара выдавила всю ее из вагонов в песок, как ручной пресс выдавливает сок из ягод.

— Зряшное дело! — Зяблик сильным ударом переломил свою доску о ближайший валун. — Тут сейчас человека от мешка с мукой не отличишь. Лучше обратно закопать. Пускай им общим памятником будет построенный в Серпухове вагон.

— Назад оглянись, — процедил сквозь зубы Смыков. — У ручья, в кустах...

Всего в ста шагах от людей, копошившихся среди холмов развороченной земли, стояли три мрачные монументальные фигуры, мало отличимые друг от друга — лица топорные и невозмутимые, как у каменных истуканов, глаза закрыты тяже-

лыми веками, толстая слоновья кожа отсвечивает антрацитовым глянцем и висит складками, словно просторная грубая одежда.

— Варнаки? — прошептал Цыпф, видевший такое зрелище впервые.

— Они, сучьи дети! — Голос Зяблика сорвался на хрип. — Работой своей любятесь!

Пистолет он выхватил с той же стремительностью, с какой кобра наносит свой удар, но варнаки, как всегда, упредили человека — все три фигуры вдруг утратили объем, стали плоскими, словно фанерные мишени, по истечении контрольного срока поворачивающиеся к стрелку боком, и пропали.

Только очень зоркий глаз мог рассмотреть оставшееся на этом месте облачко черных хлопьев, похожих на превратившуюся в пепел бумагу...

Часть вторая

Теперь спешить уж точно было некуда. Если несчастью случено было случиться, оно случилось, и даже следы его успели остыть. Последний лучик надежды угас, когда они увидели пустой дверной проем, в котором болтался, зацепившись за единственную петлю, Веркин шифоновый шарфик (не то приветствовал возвращение ватаги, не то посылал ей последнее «прощай»).

Никаких других следов нападения в квартире не обнаружилось. На столе стояла сковорода с застывшим жиром, в котором уже копошились тараканы, по чашкам был разлит подернувшийся мутной пленкой морковный чай. Очаг хранил остатки тепла. Все вещи были на своих местах, даже чемоданчик с медикаментами, стоявшими по нынешним временам весьма немало. Не хватало только обеих обитательниц этого скромного жилья.

— У-у-у, с-суки поганые! — Зяблик стукнул лбом в стену.

— Вы, братец мой, свои тюремные штучки бросьте, — сказал Смыков строго. — Лучше пошарьте здесь, пошарьте...

— Может, они просто погулять вышли, — осторожно предположил Цыпф.

— И дверь с собой прихватили! — ощерился Зяблик.

— Верно, дверь надо искать, — кивнул Смыков. — А вы, товарищ Толгай, что на это скажете?

— Вик авыр! — Чмыхало притронулся к левой стороне груди. — Здесь болит. Беда пришла.

Смыков начал обход с кухни. Зяблик — с прихожей. Цыпф ассистировал то одному, то другому. Толгай, чтобы не мешать, вышел на лестницу и, тяжело вздыхая там, повторял:

— Ачы хэбэр... Плохая весть...

По мере того как Зяблик и Смыков сближались, обмен репликами между ними терял профессиональный характер и все больше переходил на личности.

— Ну ответь, какого хрена нужно было Верку здесь оставлять? — наседал Зяблик.

— Для проведения оперативных мероприятий. С вашего согласия, между прочим, — отвечал Смыков.

— Конечно, ты же всем нам мозги запудрил! «Оставайтесь, Вера Ивановна! Надзора за Шансонеткой никто не отменял!» — твои слова?

— Я и сейчас от них не отказываюсь, братец вы мой. Лучше вспомните, почему мы вернулись с опозданием. Не вино нужно было лакать на халяву, а назад торопиться.

Зяблик ничего не возразил, и это всем показалось странным. Было слышно, как он тяжело дышит и скребет чем-то по стене.

— Ну? — не выдержал Смыков.

— Нашел... — сдавленно произнес Зяблик. — Кажется, нашел.

Находка его представляла собой малозаметную дырку в штукатурке, окруженную венчиком мелких бурых брызг. При помощи бабушкиной вязальной спицы из дырки была извлечена почти не поврежденная пистолетная пуля. Еще пять минут спустя Смыков отыскал гильзу, закатившуюся под трюмо.

— Веркина работа? — с надеждой спросил Зяблик.

— Попробуй узнай теперь, — ответил Смыков, сдувая с латунного цилиндрика пыль. — Говорил же я вам, что метить надо свои патроны. Лишнюю зарубку напильником ленитесь сделать.

— На своем конце зарубку сделай!

Теперь стало понятным и отсутствие двери. На ней унесли человека, насквозь прошитого этой самой пулей. В момент выстрела он стоял почти вплотную к стене прихожей, а затем упал головой к выходу, о чем свидетельствовали мазки крови на изодранных обоях. Если раненый имел средний рост, пуля угодила ему в грудь чуть повыше диафрагмы. Перевязали его обрывками простыни, окровавленные клочья которой вскоре нашлись под кроватью.

— Не могли эти гады далеко уйти, — сказал Зяблик. — С двоими — бабой и доходягой — особо не побегаешь.

— Любите вы, братец мой, всякие умозаключения с похмелья строить, — отозвался Смыков. — Искать надо, искать.

Все покинули квартиру и, разбившись на пары, приступили к осмотру прилегающей территории. Соседние дворы густо заросли сорной травой, но и тропинок вокруг хватало. Тут отличился сын степей Толгай, первым обнаруживший на одной

из этих тропинок свежий окурок самокрутки со следами крови на изжеванном конце. В этом месте импровизированные носилки ставили на землю, а раненому дали курнуть — здоровый человек вряд ли оставил бы такой солидный бычок.

Понюхав его, Зяблик авторитетно заявил:

— Наркота какая-то... С табаком она и рядом не валялась.

Еще через пятьсот метров отыскились и двери. Они были аккуратно прислонены к стене полуразвалившейся пятиэтажки и еще издали посылали Зяблику издевательский привет. Когда подошли поближе, стало видно, что кровью намалевана лишь первая буква, а все остальные углем.

— Ого! — присвистнул Смыков. — «Зяблик, теперь ты наш». Как это понимать, братец ты мой?

— Куда же они доходягу дели? — не обращая внимания на его слова, Зяблик оглянулся по сторонам. — Под руки, что ли, повели?

Человеческий голос, раздавшийся со стороны кирпичных руин, заставил всех четверых мгновенно рассредоточиться за ближайшими укрытиями.

— Здесь я... здесь... — с натугой выговаривая каждое слово, произнес прятавшийся в развалинах человек. — Давно вас дожидаясь... Думал, не придете... Уже помирать собрался...

— Выходи! — приказал Зяблик, целясь на звук.

— Не могу... Продырявила меня ваша баба, — человек закашлялся и забулькал горлом.

— Это вы, что ли, Моисеев? — удивленно спросил Цыф.

— Я, Лев Борисович, я...

— Когда же ты, курва, ссучиться успел? — Зяблик от ненависти аж зубами заскрежетал.

— Ругаться-то не надо... Я уж, считай, в могиле лежу... Травку покуриваю... Из-за нее и не сдох пока... Сказать вам кое-что надо... Для этого меня и оставили...

— Ну, говори! — Зяблик сделал Смыкову знак рукой и пополз в обход развалин.

— Бабам вашим вреда не будет... — Голос Моисеева звучал так, словно в глотку ему постоянно вливали что-то жидкое. — Вернут их вам... Но не за так...

— А за как? — поинтересовался Смыков.

— За человека одного взамен.

— Какого человека?

— Знаете вы его... Видели... Везде его по-разному зовут... Кто Белым Чужаком, кто доном Бутадеусом...

— Ничего себе условие! — хмыкнул Смыков. — Может, вам еще и солнце на небе зажечь?

— Уж постарайтесь... если баб ваших жалеете... Сетью ловите или на коленях уговаривайте... Дело хозяйское... Этот ваш горластый, говорят, и не такие штучки проделывал... Где он, кстати? Почему молчит?

— Брезгует с предателем разговаривать, — нашелся Смыков.

Зяблик уже давно исчез из поля зрения и мог находиться где угодно.

— Вы, мужики, без фокусов... У меня граната в руке... Чтоб зря не мучиться... А если насчет предателей разговор зашел, то еще неизвестно, кто среди нас предатель... Вы сами народ до ручки довели... Ангелы дело говорят... Хватит дикарям зад лизать... Хватит по своим норам сидеть... К ногтю всякое быдло пора брать... И басурман, и кабальерос, и арапов поганых... Уж если все так перевернулось, то и жизнь нашу пора переворачивать...

— Каину молиться? — подал реплику Цыпф.

— Каину молиться не надо... Он человек, а не ваш зачуханный Боженька... Кому он, спрашивается, помог? А Каин всегда как надо поступал... С теми, кто ему мешал, не чикался... Эй, не подходи! Я живым не дамся!

В развалинах глухо рвануло. Из двух-трех окон шибануло кирпичной пылью. Еще с минуту камни недовольно ворчали, укладываясь по-новому.

— Противотанковая, — с уважением сказал Смыков, а после громко позвал: — Где вы там, братец вы мой? Живы?

— Твоими молитвами. — Зяблик показался с противоположной стороны дома. — Чутким, зараза, оказался... Надо будет потом проверить, через кого он к нам на службу пролез.

Они вернулись в Лилечкину квартиру. Чмыхало разжег очаг. Цыпф налепил манек. Смыков их поджарил. Поели сами, потом друг всех животных Зяблик накормил крошками тараканов. Стали обдумывать планы, но на этот раз спокойно, без надрыва.

— Белого Чужака нам не уломать, — сказал Зяблик. — И время терять не стоит. Надо аггелов искать, которые здесь побывали.

— Считаю целесообразным оповестить о случившемся все наши ватаги... — добавил Смыков. — Пусть не дремлют на границах.

— Пешком далеко не уйти, — осторожно заметил Цыпф. — Транспорт нужен.

— Коней купи, — меланхолично посоветовал Чмыхало. — За один пистолет три хороший конь дают.

— Не знаю, как коней, а коров вам, братец вы мой, пасти придется, если машину не восстановите, — сказал Смыков. — Товарищ Цыпф внес своевременное предложение. Вот и займитесь вместе с ним этим вопросом.

— Якши, — не стал спорить Чмыхало. — Только скажи, где добрый мотор брать? Где колеса брать?

— Там недалеко община есть. В деревне Маковка. Ихние гаврики колеса сперли, больше некому, — подсказал Зяблик. — Спросите Пыжлова Максима Ивановича. Скажите, что от меня. Только повежливее с ним. Хороший мужик и специалист незаменимый. Правда, нервный. Вместе со мною срок мотал в Коми. Он вам и мотор отремонтирует, и колеса найдет... А мы пока здесь пошуруем. Может, и не ушли аггелы из города.

— Вряд ли, — покачал головой Смыков. — Кого-то из своих они тут, безусловно, оставили для связи. Но Веру Ивановну и Шансонетку увели подальше.

— А куда бы их могли увести? Давайте вместе подумаем. — Цыпф взял из очага уголек и стал рисовать на беленой стене кухни. — Вот Отчина. Вот мы. В Отчине они могут спрятаться?

— Вряд ли, — сказал Зяблик. — Мы тут за неделю всех на уши поставим.

— А идти через всю Отчину, скажем, в Трехградье, они решатся?

— Тоже вряд ли.

— Значит, — Лева продолжал быстро рисовать, — остается три пути: в Кастилию, в Лимпопо и в Степь. Благо все рядом. Какой путь предпочтительней?

— Никакой.

— Почему?

— В Степи спрятаться негде. Там любой чужак как на ладони. В Лимпопо спрятаться можно, но наш брат, даже и рогатый, там долго не протянет. Змеи, насекомые, малярия, сонная болезнь... Воды некипяченой глотнешь, и через неделю у тебя в брюхе метровые черви будут свадьбу гулять...

— А Кастилия?

— Про Кастилию лучше у Смыкова спроси. Он там три года секретарем в инквизиции служил.

— Я не служил в инквизиции! — взвился Смыков. — Меня пытали в ее застенках!

— Подумаешь, Галилей нашелся... — фыркнул Зяблик. — Тебя по делу спрашивают, а ты, как целка, в истерику кидаешься.

— По делу я могу ответить, что инквизиция, а точнее говоря, священный трибунал, положила немало сил на борьбу с аггелами. Но теперь, когда она не без нашей помощи уничтожена, лично я не могу дать никаких гарантий... В Кастилии полно разбойничьих гнезд. А бандиты между собой всегда сталкиваются. Даже бандиты-христиане с бандитами-чертями. Нет сейчас на них управы.

— Жалеешь ты, Смыков, инквизицию, — ухмыльнулся Зяблик. — И даже не скрываешь свои чувства. Может, стоит ее опять учредить?

— Я жалею не инквизицию, а эффективно действующую правоохранительную организацию... И не важно, как она называется. Я не стыжусь, что некоторое время выполнял для нее чисто техническую, канцелярскую работу... Но в отличие от вас, братец вы мой, я дружбы ни с клерикалами, ни с феодалами никогда не водил.

— Ну, поехали... Теперь политику мне шить будешь? Скажешь, что я пил с феодалом вино, добытое кровью и потом трудящихся?

— Пейте, с кем хотите, только намеки ваши оставьте. Я тоже могу кое на что намекнуть...

— Интересно! — Глаза Зяблика сузились. — Начинай, слушаем...

— Ребята, прекратите, — не выдержал Цыпф. — Вас же друзьями считают. Вы что, всегда так грызетесь?

— Нет, только когда голодные, — ответил Зяблик.

— Никакие личные отношения не могут сгладить наших идеологических разногласий, — гордо заявил Смыков.

— Мы про Кастилию говорили, — напомнил Цыпф. — Могут туда аггелы заложников увести?

— Могут. А могут и дальше. Через Кастилию, Гиблую Дыру и Трехградье в Нейтральную зону. Там мы их точно не доставим, — сказал Смыков.

Цыпф пристроил к своей схеме еще несколько грубых овалов, а потом провел через них жирную линию, соединяющую сразу пять территорий.

— Путь не близкий, — с сомнением произнес он.

— Зато, братец вы мой, для аггелов самый удобный.

— Ты его, Лева, слушай, — назидательно произнес Зяблик. — Он на аггелах собаку съел. Не одного на дыбе замучил.

— А кого это, интересно, ангелы чуть ли не своим считают? — перешел в атаку Смыков. — Кого они к себе зовут постоянно?

— Меня. Не отрицаю, — кивнул Зяблик. — Я же с ними одной крови, только безрогий. Мне что брата пришить, что друга — плевое дело. Ты это запомни на всякий случай... — он встал и принялся рассматривать схему, вычерченную Цыпфом. — Красиво рисуешь... А вот тут, слева от Нейтральной зоны, что будет?

— Терра инкогнита! — Цыпф поставил на этом месте большой вопросительный знак. — Неведомая земля, благодаря стараниям некоторых энтузиастов названная Эдемом.

Уже давно спавший Чмыхало перевернулся на спину, громко всхрапнул и забормотал что-то по-своему.

— Вот кто у нас молодец, — покосился на него Зяблик. — Время зря не теряет. Надо бы и нам на пару часиков откинуться.

Первым выпало дежурить Смыкову. За ним — Зяблику. Цыпфа и Толгая, которым предстоял долгий пеший переход, решили не беспокоить.

Над Талашевском царил тишина, но не умиротворяющая тишина леса или степи, а мертвая тишина руин, которую лишь подчеркивали свист ветра в пустых провалах окон, печальный птичий грай и всякие непонятные шорохи.

Не любивший сидеть на месте Зяблик осторожно покинул квартиру и сделал вокруг дома пару кругов. Все внешне было спокойно: на тропинках не появилось новых следов, никто не потревожил паука-крестовика, затянувшего своими тенетами вход в соседний подъезд, все прутьики, которые Смыков предусмотрительно натыкал на путях возможного подхода врага, находились на своих местах. Вскоре заморосил дождь и прогнал Зяблика со двора под крышу.

— Где ты был? — спросил Цыпф, так и не сумевший толком заснуть.

— Так... Прогулялся. На душе что-то тревожно.

— И у меня, — признался Лева. — Слушай, как ты думаешь, что это было?

— Где?

— Там, на железной дороге.

— Не знаю... Не колышет это меня с некоторых пор. За чем зря голову ломать? Не по нашим мозгам такие дела.

— Ты пойми... Железный вагон — в лепешку. Рельсы в петли завязало. Я горные обвалы видел, но и там такой мощи нет. А тут на ровном месте... Какая сила гнала эту гору?

— Может, изнутри что-то перло...

— А что? Это же не вулкан, не землетрясение, не атомный взрыв. Знаешь, что мне все это больше напоминает?

— Ну?

— Смотри, — он посадил таракана на нос Чмыхало. — Сейчас ему станет щекотно, и лицевые мышцы рефлекторно сократятся.

Действительно, щека Чмыхало дернулась, под кожей прокатился желвак, и таракан резво бросился наутек.

— Хочешь сказать, земля ожила, — недовольно произнес Зяблик.

— Я понимаю, что это невозможно. Но ты ведь сам показал мне камень, который вдруг стал расти. А гранит, в течение считанных минут превращающийся в жидкую, а потом вновь твердеющий? А дома, вставшие на дыбы? А этот странный гул? У меня от него поджилки трясутся.

— Лева, тебе вставать пора. Буди Толгая и топай за драндулетом. И не травмируй себя всякой чепухой. Без этого тошно... А я пока покемарю чуток...

Окончательно проснувшись, Зяблик услышал, как кто-то на кухне скребет вилкой по сковородке, а потом болтает ложечкой в чашке.

У противоположной стены на диване лежал Смыков, и глаза у него были по блюдцу. Увидев, что Зяблик приподнялся с подушки, он предостерегающе прижал к губам ствол пистолета.

Человек на кухне допил чай, уронил что-то на пол, откашлялся, а потом спросил:

— Ну что молчите? Проморгали... Что делать думаете? — на беду, сказано это было совсем не тем тоном, который устраивал Зяблика.

— А ничего! — дерзко заявил он. — Пускай их аггелы себе берут. Подумаешь, потеря... Одна как доска, другая как чушка. Мы себе получше найдем.

Человек на кухне молчал, слышно было только, как он барабанит пальцами по столу. Зяблик встал, неторопливо обулся и, глянув на пистолет Смыкова, скорчил рожу: убери, дескать, не смейши людей.

На кухню они вошли гуськом, и Смыков поздоровался, приложив ладонь к виску:

— Здравия желаю, товарищ Бутадеус.

Странный человек, однажды уже произведший фурор на этой кухне, удивленно приподнял бровь.

— Как вы сказали? Бутадеус? Простите, но я не самозванец и не могу позволить себе именоваться столь громким именем.

— Так как же вас называть? — фальшиво улыбнулся Смыков, большой специалист по плетению словесных сетей.

— Зачем вам это... А впрочем, — незнакомец еле заметно усмехнулся. — Не исключено, что нам еще придется встречаться. Зовите меня Артемом.

— Не солидно, — запротестовал Смыков. — Без отчества не солидно. Всякого уважаемого человека у нас принято называть по отчеству, если, конечно, нельзя называть по званию.

— Прародитель Адам, между прочим, отчества не имел, — заметил человек, назвавшийся Артемом.

— Ну, это исключение! — слащаво пропел Смыков. — Вас же не из глины слепили.

— Если вы настаиваете... Хорошо... Хотя я не уверен, что мое последнее отчество и, скажем так, одно из моих последних званий покажутся вашему слуху благозвучными. — Он набрал в легкие побольше воздуха и издал долгий, на разные лады скрежещущий звук, завершившийся довольно мелодичным хрюканьем.

— Такое у вас отчество? — подозрительно спросил Смыков, не понявший, шутят с ним или говорят серьезно.

— Нет. Звание. В приблизительном переводе сказанное мной означает: «Неподвластный смерти гонитель злых сил, непобедимый воитель с врагами рода человеческого, блюститель нутра и оболочки, дарующий силу слабым и спасающий обреченных».

— Военачальник, значит? — притворно восхитился Смыков.

— Увы. Всего лишь лекарь... А отчество звучит еще мудренее. В него, согласно традиции, входят составными частями имена всех предков подряд вплоть до двадцать первого колена, а также упоминание об их заслугах. Будете слушать?

— Я думаю, хватит и одного имени, — любезно согласился Смыков. — В виде исключения... Может, чайку согреть?

— Спасибо, я уже... Извините, что похозяйничал здесь без

спроса. Лиля, кстати говоря, никогда не отказывала мне в гостеприимстве.

— Вы не родней ей приходитеесь? — Смыков осторожно и ненавязчиво прошупывал собеседника.

— Почему вы так решили?

— Говорят, она вас дядей называла.

— Нет, в родственных отношениях мы не состояли. Просто я надеялся использовать ее в качестве передатчика.

— Какого передатчика? — вынул Смыков.

— Вы о радио представление имеете?

— А как же! При нем родились и выросли. Незаменимое было средство пропаганды и агитации.

— Тогда вы должны знать, что есть приемники и есть передатчики, — произнес гость со значением. — Детализировать этот вопрос я не собираюсь.

— Ты мне лучше вот что растолкуй, — набылся Зяблик. — Каким это манером ты сюда пробрался? Я и во сне все вокруг на полверсты слышу. Такой афронт со мной первый раз.

— Никогда не обращал на это внимания, — пожал плечами гость. — Походка у меня, наверное, такая.

— Завидую...

— Заболтались мы что-то. — Артем покосился на намалеванную Цыпфом карту. — Как я понял, пропала не только Лиля.

— Верно, — неохотно согласился Зяблик. — Была с ней тут одна... Наша докторша...

— Кто их похитил?

— Ангелы, я же говорил...

— Кто это такие?

— Разве ты сам не знаешь?

— Я спрашиваю, что о них знаете вы.

— Смыков, объясни. — Зяблик покосился на приятеля. — У тебя лучше получится.

Смыков сделал фельдфебельское лицо и отбарабанил, словно по писаному:

— Ангелы есть противники существующего в настоящее время положения, при котором все дееспособные народы стремятся сохранять между собой дружеский нейтралитет. По их убеждению, Отчина, то есть страна, в которой мы сейчас находимся, должна подчинить себе все соседние территории и создать централизованное сословное государство, идеологией которого будет так называемый каинизм — религия, отрицаю-

шая общечеловеческую мораль и основанная на принципах тотального насилия и слепой веры.

— Сами сформулировали? — полюбопытствовал Артем.

— Где уж нам, — скривился Смыков. — Есть тут один теоретик... Лев Борисович Цыпф. В самое ближайшее время можете с ним познакомиться.

— Сочту за честь... — рассеянно сказал Артем.

Он опустил голову и потер пальцами переносицу, словно там у него заньло. Наступило тягостное молчание.

— Вам плохо? — Смыков наклонился, стараясь заглянуть Артему в глаза.

— Причина похищения? Отвечайте быстро! — Голос гостя неуволимо изменился, утратил игру интонаций, стал резким и каким-то механическим. — Мест? Вымогательство?

— Вымогательство! — выпалил вконец дезориентированный Смыков.

— Цена назначена?

— Так точно!

— Какая? Быстро?

— Вы сами!

— Понятно, — гость вскочил и, не убирая руки от лица, бросился к выходу.

Стоявший в дверном проеме кухни Зяблик попытался задержать его, но с таким же успехом можно было хвататься за катящийся с горы валун: Артем все тем же быстрым, дергающимся шагом двинулся дальше, а Зяблик, сокрушая мебель, улетел в дальний угол.

— Не упускать! — Смыков смело кинулся вдогонку за Артемом.

Выскочив из подъезда, он оглянулся по сторонам, сначала взыскующе, а потом — недоуменно. Стая воробьев мирно клевала что-то в траве. К ним осторожно — сантиметр за сантиметром — подбиралась облезлая бродячая кошка. Больше в округе, насколько хватало взгляда, никого не было.

Зяблик, прихрамывая и матерясь, присоединился к приятелю.

— Товарищ Артем красиво ноги сделал, — процедил он сквозь зубы.

— Как на помеле улетел, — вздохнул Смыков. — Скользкий субъект... Что он за ахиною нес про свое отчество?

— Может, и не ахиною, — задумчиво промолвил Зяблик. — Может, это намек какой-то... Появится он еще. Сукой буду — появится.

Цыпф и Чмыхало вернулись даже раньше, чем это ожидалось — довольные, слегка пьяные, но на колесах. Драндулет не только отремонтировали, но и заново покрасили в колер «зеленая липа», отчего он стал похож на уродливую лягушку-переростка. Хваленая маковская шпана на поверку оказалась милейшим народом, а Максима Ивановича Пыжлова в трезвом виде можно было хоть к ране прикладывать. Правда, выпивши он бывал крут и стрелял из ручного пулемета по одному ему заметным химерическим существам.

Стали демонстративно собираться в дорогу, надеясь, что вновь объявится Белый Чужак или о себе дадут знать оставленные аггелами связные. Когда ни того, ни другого не случилось, заглушили мотор и устроили летучее совещание.

— Пока вас здесь не было, мы все норы в городе перековыряли, — сообщил Зяблик. — Тех аггелов здесь уже нет, это гарантировано. Мы их последнюю хазу нашли. Не знаю как Шансонетка, но Верка там точно была, — он продемонстрировал тонкий серебряный браслетик. — Узнаете эту цапку?

— Якши, — кивнул Толгай. — Мой булэк. На бабий праздник ей дарил.

— Замок в порядке. — Зяблик попробовал застегнуть браслет на своем запястье, но тут же оставил эту блажь. — Наверное, Верка его специально подбросила, чтобы знак подать.

Потом докладывал Цыпф:

— Мы по дороге сюда, кого смогли, всех предупредили. Через Отчину к Трехградью аггелам ни за что не пройти. Вот здесь, — он перечеркнул на своей схеме один из овалов, — ватага Мишки Монаха шурует... Зато вот здесь, — он ткнул угольком немного выше, — три дня назад какой-то автобус видели. Шел в сторону кастильской границы и попутчиков не подбирал.

— Аггелы дорог сторонятся, — покачал головой Зяблик. — Они глухоманью ходят, как волки. По долинам и по взгорьям.

— Не забывай, что они не одни. Женщины по долинам и по взгорьям не очень-то пойдут.

— Пойдут, если шильцем подгонять.

— Предлагаю вынести решение, — вмешался Смыков. — А не то вы тут до новых веников будете дискутировать... Куда сначала направимся? В Кастилию? Кто — «за»? Принято единогласно.

Перед тем как сесть в драндулет, он тщательно стер со стены нарисованную Цыпфом карту.

По пути заезжали во все подряд придорожные общины, но водки нигде не пили, даже в Маковке, а только расспрашивали обо всем подозрительном, что случилось за последние трое суток.

Станный автобус с зашторенными окнами, никогда здесь раньше не появлявшийся, видели сразу несколько человек, однако за Старым Селом, где шоссе раздваивалось, его след терялся.

Единственным отклонением от маршрута был визит к до-ну Эстебану. Узнав о случившемся, он продиктовал Смыкову несколько рекомендательных писем и дал в провозатые своего племянника — заносчивого, но чрезвычайно низкорослого молодого человека, что, впрочем, было характерной приметой всех по-настоящему родовитых кастильцев.

Покинув миссию, драндулет покатил обратно к Старому Селу. Единственной реальной зацепкой пока оставался загадочный автобус. Вероятность того, что он принадлежит аггелам, была ничтожно мала. Однако, в отличие от других версий, не равнялась нулю.

На очередном затяжном подъеме благородный дон Хаймес де Солар (а для очень узкого круга лиц — просто Яша), хоть и воспитанный отцами-доминиканцами в Божьем страхе, но в силу своего юного возраста не чуравшийся никаких новых веяний, толкнул Толгая в спину и надменно сказал:

— На вторую скорость переключайся, язычник!

Русским он владел не хуже, чем Смыков — испанским, и при дяде выполнял обязанности секретаря по особым поручениям. Пшеничный самогон он предпочитал изысканным винам своей родины, а пышнотелых светловолосых аборигенок станции Воронки — чернявым и худосочным землячкам.

— Я крещеный! — обиделся Чмыхало, над которым пьяный Зяблик однажды действительно совершил глумливое подобие этого обряда. — Ты сам язычник! Богородице молишься! Никакая она не Богородица, а просто баба! Не может баба Бога родить. Бог один на небе!

Этого горячий кабальеро стерпеть не мог и с решительным видом схватился за эфес своего узкого, мавританской работы меча.

— Подожди немного, Яша, — посоветовал ему Зяблик, сам же и внушивший Толгаю эту несторианскую ересь. — Уж больно момент неудобный. Видишь какие кюветы? Если туда сковырнемся, все тем самым местом накроемся, из которого Богородица сына произвела.

Впрочем, к тому времени, когда драндулет достиг участка дороги, на котором водителя можно было рубить без особого ущерба для пассажиров, дон Хаймес уже забыл о своей обиде, увлеченный рассказом Зяблика.

— Ну что, спрашивается, у баб в этом месте такого особенного? — развивал тот свою очередную теорию. — Да ничего. Кусок кишки, и все. Недаром в народе то место срамным называется. А для нашего брата там как будто медом намазано! Сколько достойных мужиков из-за этого места погорело! Был у меня, кстати, в жизни один забавный случай. В классе десятом, если не вру. Устроили мы на Октябрьские праздники складчину, благо хата свободная имелась. Пацаны ящик вина плодово-ягодного купили, а пацанки закусь организовали. Так, ничего особенного: картошка, килька, пирожки, винегрет из свеклы. Ты, Яша, винегрет из свеклы пробовал?

— Да, — сдержанно кивнул кастилец. — Гадость.

— Ну это на чей вкус... Упились мы тогда в лежку! Там же и спать остались. Но без всяких блудодействий. Пацанки наши целоваться целовались и за сиськи позволяли щупать, но не больше. Комсомолки как-никак. И вот просыпаюсь я ночью от дикой жажды. Пробираюсь в темноте на кухню и зажигаю свет. Что же я там вижу? На столе спит моя одноклассница Ленка. Хорошая такая девчонка, спортивная. Сто метров лучше ее в то время только один я бегал. Перебрала она, значит, лишнего и заснула на кухне рядом с недоеденными закусками. А какой-то подлец из наших, конечно, стянул с нее трусики и напихал в это самое срамное место винегрета. От души напихал, не пожалел. Полюбовался я на такой натюрморт и пошел досыпать. Утречком мы проснулись, пустую тару сдали, еще вина купили, на опохмелку. Сели опять за стол, а на нем только хлеб, да этот самый вчерашний винегрет. Ленка его не ест и на всех нас подозрительно посматривает. Кому, мол, он тоже в глотку не полезет. Что тут будешь делать? Зачем мне лишние неприятности? Давлюсь, но ем. С тех пор года три на вареную свеклу смотреть не мог. Только в зоне опять приохотился.

— Давно замечаю, что вы не умеете ценить столь утешительное сокровище, дарованное вам Господом, — сказал дон Хаймес.

— Ты, Яша, о бабах наших, что ли? — переспросил Зяблик.

— Да! — Дон Хаймес сглотнул слюну, словно вспомнил о чем-то очень вкусном.

— Ну это уж как водится, — развел руками Зяблик. — Что

имеем, не храним, потерявши, плачем... Жениться тебе надо, Яша.

— Я обручен с благородной доньей Долорес де Вильена, наследницей рода Аларкон, — высокомерно заявил кастилец. — Свадьба состоится через пять лет, как только невеста достигнет приемлемого возраста.

— Сколько же ей сейчас?

— Четыре года.

— У-у-у, — покачал головой Зяблик. — За пять лет ты всех наших баб перетрахаеть и за арапок возьмешься.

— Не упоминай при мне этих дщерей сатаны, — дон Хаймес снова схватился за меч.

— Молчу, молчу! — Зяблик сложил руки крестом. — Я это так, к слову... Хотя вот Смыков наш не одну негритянку перепробовал, когда на Кубе интернациональный долг выполнял, и очень даже доволен остался.

— Попрошу не утрировать, братец вы мой! — вскинулся задремавший Смыков. — Если кубинские женщины и дарили мне свою благосклонность, делали они это исключительно на почве уважения к нашей родине.

— Не спорю, — согласился Зяблик. — Больше тебе не за что давать. Только из чувства уважения к нашей родине.

С вершины холма, на который, натужно завывая, взобрался драндулет, уже видно было Старое Село — два десятка деревянных домиков, приткнувшихся в берегу бездонного провала, в который не так давно, наподобие града Китежа, канули (только безо всяких надежд на возвращение) сразу четыре улицы, бывший клуб и свиноферма.

Дорога впереди шла разохой — раздваивалась под острым углом. Оба пути вели в Кастилию, но если левый имел за рубежом свое продолжение, то правый терялся в диких горных кряжах Сьерры-Морены. Нельзя было даже представить себе, какой маршрут выбрали аггелы, если они действительно побывали здесь.

Нынешний сельский староста знал Смыкова по каким-то старым делам, и с его помощью вскоре удалось выяснить, что загадочный автобус назад не возвращался и мимо кастильской заставы, на которой вносили пошлину золотом или алюминием, не проезжал. Кто-то из пастухов вспомнил, что пару дней назад видел за дальним лесом дым — густой и черный, совсем не такой, какой дает горящее дерево или торф.

Поспешили в ту сторону и вскоре обнаружили свежий съезд с дороги в поле, а еще через полчаса — начисто обгло-

данный огнем остов автобуса. Приехавшие сюда люди хладнокровно сожгли его, после чего — судя по отпечаткам подошв — налегке ушли в сторону границы. Дальнейшие следы терялись на вытоптанном коровами и овцами выгоне.

— Знать бы точно, кто здесь ошивался, — почесал за ухом Зяблик. — Вдруг это и не аггелы вовсе.

— А кто же? — поинтересовался Цыпф.

— Да мало ли кто... Может, контрабандисты за товарами пошли, может, наши девки в кастильские бордели подались вербоваться.

— Они тут были... друзья ваши, аггелы, — отличавшийся не только феноменальным слухом, но и завидным зрением Смыков прищурился вдаль. — Вон и восточку оставили...

Действительно, свежую затесину на комле толстой сосны украшала сделанная моторным маслом надпись: «Ты на верном пути, Зяблик».

— Ну погодите у меня, мудаки, — сплюнул Зяблик сквозь зубы. — Я вас и на дне моря достану.

За въезд в пределы Кастилии пришлось уплатить немалую пошлину — четыре алюминиевые ложки с клеймом Талашевского общепита, а сверх того еще рубль советской мелочью, ходившей наравне с серебряными реалами на всех территориях от Агбишера до Баламутья. Затем пассажиров драндулета, исключая, естественно, дона Хаймеса, заставили поклясться, что они не будут прилюдно курить табак, хулить деву Марию и пресвятую Троицу, распространять среди людей и животных заразные болезни, вербовать рекрутов, вводить в искушение замужних женщин, совращать девушек и смущать местное население как речами, так и поступками.

На протяжении всей этой довольно долгой процедуры дорога у пограничного перехода оставалась пустой, но уже спустя три-четыре километра на ней стали попадаться пешие и конные путники, двигавшиеся в обоих направлениях. В целях экономии времени и средств они просто обходили заставу окольными тропами.

Места вокруг были дикие и опасные — три войны, одна за другой прокатившиеся по этой земле, заставили мирный люд бежать под защиту городских и монастырских стен, бросив свое жилье на попечение крыс, летучих мышей и разбойников. Эти три категории хищников между собой уживались мирно: первых интересовали только подвалы заброшенных домов,

вторых — чердаки, а последних — дорога, вернее, кошельки и багаж путешествующих по ней людишек.

Первую остановку сделали на постоялом дворе, больше похожем на маленькую крепость, приготовившуюся к осаде. Хозяин долго не соглашался пускать драндулет за ворота, ссылаясь на то, что эта дьявольская телега своим видом, шумом и запахом до смерти напугает его мулов. Не помогли ни ласковые речи Смыкова, ни брань Зяблика, ни угрозы дона Хаймеса. Гнев сменился на милость только при виде пары алюминиевых кружек, из которых раньше пили разве что ээки, солдаты да транзитные пассажиры, а теперь — лишь купцы и гранды.

Постояльцы, потягивавшие вино за простыми деревянными столами, неприязненно косились на вновь прибывших. Непонятно было даже, кто вызывал у них большую антипатию: чванливый аристократ, потребовавший на свой стол скатерть, чумазый степняк, соплеменники которого в недавнем прошлом пролили немало христианской крови, или трое выходцев из соседней Отчины, чей внешний вид и повадки сразу выдавали охотников за людьми, хозяев быстрых пистолетов.

Зяблик, очень чутко ориентировавшийся в подобных ситуациях, сразу распознал, что здесь нет по-настоящему опасных противников, и повел себя с вызывающей наглостью — хаял вино, и в самом деле прескверное, швырял обглоданные кости в очаг и лапал служанку, лицом больше похожую на мула, чем на женщину. В свое время Зяблику довелось немало повоевать с кастильцами (сначала против них, потом вместе с ними против степняков, а в третий раз совсем наоборот), и он был невысокого мнения об их боевых качествах, хотя личной храбрости каждого в отдельности не отрицал. Однако тогда недисциплинированных, слабо обученных, мнительных и склонных к грабежу забияк — это еще не армия. В этом смысле кастильцы уступали даже племенному ополчению арапов.

Попытка Смыкова выяснить что-либо полезное у хозяина, а потом у прислуги ни к чему путному не привела, чего заранее и следовало ожидать. В этих краях длинный язык был несовместим с длинной жизнью.

Покидая постоялый двор, Чмыхало нарочно врезался в стаю кур, нежившихся в дорожной пыли. Поднявшийся при этом переполох можно было сравнить лишь с суматохой на местной толкучке во время облавы на чужеземных спекулянтов.

Дальнейший путь пролегал через суровую безлесную равнину, где из-под тощего слоя почвы тут и там пробивался на

поверхность дикий камень. Скоро у драндулета кончилось топливо, и пришлось втридорога покупать дрова у хмурых крестьян, специально подкарауливавших при дороге механизированных гостей из Отчины.

На словах считалось, что народ Кастилии, подобно всем другим, живет без власти или, во всяком случае, в условиях ее постоянной ротации, однако на самом деле гранды и священники по-прежнему имели здесь огромное, пусть и неофициальное влияние.

Именно к одной такой особе, графу Руису де Браско, наша ватага в настоящий момент и направлялась. В любой другой ситуации много потерпевший от соседей граф как минимум приказал бы высечь незваных гостей, но сейчас их хранило письмо дона Эстебана.

Мрачный четырехбашенный замок, похожий чем-то и на крепость Бастилию, и на пожарную часть города Талашевска, нависал над дорогой, словно многоглавый змей, высматривающий свою добычу. Его мощный портал украшали изображения креста, когтистой орлиной лапы и мертвой головы. Каменное бесплодное плато вокруг и каменное неласковое небо над головой как нельзя лучше дополняли безрадостный колорит этой картины.

— Нет, тут нам фарт не светит, — заявил Зяблик и как в воду глядел: скоро выяснилось, что граф отбыл на охоту и вернется неизвестно когда.

— Вот стервец! — буркнул Зяблик, не раз сражавшийся с графом как лицом к лицу, так и плечом к плечу. — Левой ноги по самую задницу нет, а он лисиц гоняет.

Пришлось отрядить гонцом дона Хаймеса, для которого на графской конюшне нашлась какая-то кляча. Делегацию из Отчины в замок не пригласили и даже не оделили ломтем черствого хлеба. Удивляться здесь было нечему — стены фамильного гнезда графов де Браско все еще хранили следы гранатометного и пулеметного обстрелов, а в часовне, возведенной на месте гибели отца нынешнего сеньора, горела неугасимая лампада, призывавшая не только к Божьей милости, но и к мирской мести.

— Помнишь, Толгай, как мы здесь с кабальерос резались? — спросил Зяблик.

— И вспоминать не хочу, — хмуро ответил Чмыхало. — Улем сугушы... Смертный бой... В том рву я лежал... Мой брат лежал... Второй брат лежал... Меня одного вытащили...

— Да, зачушили они нас тогда, — неохотно согласился

Зяблик. — Хорошо, если один из пяти живым ушел... Но ничего, мы им потом все долги сполна вернули.

— Даже с процентами, — язвительно заметил Смыков. — Вот и сидим здесь сейчас, как нищие. Никто и кружки воды не подаст.

Спустя несколько часов из ближайшего ущелья показались кавалькада всадников и всадниц, сопровождаемая пешими слугами, псарями и телохранителями. Граф де Браско ехал на откормленном муле в дамском седле, к луке которого кроме мушкета были приторочены еще и костыли. На этих костылях, демонстративно чураясь посторонней помощи, он совершал долгие пешие прогулки, поднимался в горы, выстаивал бесконечные мессы и даже фехтовал.

— Это не ты его? — тихо спросил Цыпф у Зяблика.

— Не... Витька Кекс постарался. Из гранатомета. Коня пополам разорвало, а этот, вишь, выкарабкался. Живучий народ, как раки.

— Почему — раки? — удивился Цыпф.

— Оторви раку клешню и посмотри что будет... Ладно, молчок!

При виде приближающегося графа вся ватага встала на ноги, но поклонился один только испорченный книжным воспитанием Цыпф. Де Браско, в свою очередь, не собирался покидать седла, что можно было расценить как заведомое оскорбление визитеров.

Ехавший немного сзади дон Хаймес что-то сказал и ткнул пальцем в Смыкова. Тот шагнул вперед и протянул заранее приготовленное письмо. Бегло просмотрев его, граф отдал короткое распоряжение, и свита немедленно тронулась в сторону замка.

Дождавшись, когда последний всадник скроется в воротах, титулованный калека заговорил — словно ворон закаркал. При этом он смотрел поверх головы Смыкова, в ту сторону, где за горной грядой когда-то находились цветущие долины и прохладные плоскогорья Месеты, а теперь колыхалось сизо-зеленое море степных трав, где кочевник тянул свою заунывную песню.

Цыпф, понизив голос, переводил Зяблику на ухо:

— Он говорит, что уважает дону Эстебана за благородное происхождение, ум и образованность, но никогда не одобрял его мягкотелость, соглашательство и склонность поддаваться чуждым влияниям. То, что случилось с нами, не Божья кара, а Божье провидение. Отец небесный ниспослал своим детям ве-

ликое испытание — стоять на страже веры против орд язычников, еретиков и слуг сатаны. Любая поблажка чужим обычаям, чужим лжеистинам и чужим лжебогам в этих условиях есть смертный грех. И если некоторые братья наши не понимают такой простой вещи, их нужно отлучить не только от святого причастия, но и от защиты кастильского меча.

— Кого он имеет в виду? — поинтересовался Зяблик. — Не Яшку ли?

— Да, — при этих словах он покосился на дона Хаймеса. — Но обличительная речь графа направлена главным образом против дона Эстебана, его дяди.

— Ладно, давай дальше...

— А ты меня не перебивай!

— Чего он письмом трясет?

— Граф спрашивает, почему в схватке одних еретиков с другими он должен принять именно нашу сторону.

— Действительно, почему? Законный вопрос.

— Смыков отвечает, что бок о бок с нами можно жить спокойно, а аггелы заставят всех скакать на горячей сковородке и петь псалмы Каину.

— А граф что?

— Граф говорит, что вот такие же добрые соседи из Отчины уже поджаривали его разными способами. И вместе с замком, и вместе с конем, и вместе с дерьмом. Поэтому его нельзя ничем удивить. Ему нет разницы, с какими врагами сражаться, с рогатыми или безрогими. То есть он не видит никакого различия между нами и аггелами.

— Вот гад!

— Смыков старается убедить графа в наших добрых намерениях. Приводит примеры плодотворного сотрудничества. Называет процент роста товарооборота... В конце концов, ради доказательства миролюбия, он даже соглашается принять истинную, то есть католическую, веру.

— Смыков проститутка известная. Даром что на каждом шагу партбилетом козыряет.

— Ведь он же не серьезно, понимаешь... Тактический ход.

— Все я понимаю. А граф на такую лажу согласен? Почему он крестится?

— От дьявольского искуса защищается... По его словам, такие существа, как Смыков, то есть все мы, похожи на людей чисто внешне, но Божьими созданиями не являются. В наши тела не вложена бессмертная душа, и потому мы не можем стремиться к спасению. Приобщить нас к истинной вере мож-

но только двумя способами: или на костре, или на дне болота. Эти свои слова граф просит запомнить и передать при случае нашему покровителю дону Эстебану.

Услышав такое, Зяблик устремился к графу. За собой он волок растерянного Цыпфа. Мул кастильца прядал ушами и тревожно всхрапывал, но седок только презрительно усмехнулся.

— Ты тоже здесь, каналья, — на ломаном русском произнес он.

— Здесь, дон Руис, — лицо Зяблика перекошилось, как у припадочного. — Переводи, Левка! Значит, в твоём понимании мы не люди? И это говорит человек, который лучше других знает, какого цвета у нас кровь и с какой стороны бьется сердце! Разве наши братья не кричали от боли, когда ты рубил их? Разве наши сестры не рыдали над своими детьми, которых сжигали твои солдаты? Разве, срывая одежды с наших женщин, вы не испытываете похоть? Почему же тогда ты отказываете нам в праве называться людьми?

Граф, все так же нехорошо улыбаясь, ответил недлинной фразой, в которой несколько раз проскользнуло слово «пурко». Цыпф уже хотел перевести, но Зяблик резким движением руки закрыл ему рот.

— Не надо, я понял. У свиньи тоже красная кровь, у свиньи тоже есть сердце, блудодои могут употреблять свинью вместо женщины. Это я понял... Но разве со свиньей можно браниться, как это делаем сейчас мы, разве свиней берут в жены, как поступило немало твоих соотечественников, разве со свиньей можно вести задушевные беседы, как нередко ведем мы их с доном Эстебаном, разве это свиньи спасли тебя и твоих офицеров в бою под Торре-дель-Пан, когда вас тащили на аркане степняки?

На этот раз ответ Руиса де Браско был куда более обстоятельным.

— Переводи, Лева, — попросил Зяблик хриплым голосом. — У меня с головой что-то...

— Сейчас. — Цыпф замешкался. — Учти, я перевожу не дословно, а только общий смысл... Значит, слушай. Именно наличие разума делает вас стократ опаснее любого зверя — свиньи, волка, змеи. Вы вступили в сговор с мрачными неведомыми силами, от которых получили свое быстрое оружие, свои самоходные телеги, свои волшебные снадобья, все свои побрякушки, так смущающие невежд и корыстолюбцев. Речи ваши лживы, а замыслы коварны. Кто натравливал на нас не-

христей и мавров? Кто принудил разогнать священный трибунал и распустить монашеские ордена? Кто сеет смуту среди простолюдинов, подбивая их отказываться от почитания церкви и своих законных сеньоров? Кто поощряет дурные привычки и расшатывает столпы веры?

— Все? — спросил Зяблик, когда граф умолк. — Спроси у него, в чем мы еще виноваты. Пусть уж до конца выкладывает.

Выслушав вопрос, кастилец вновь зло заговорил, отсчитывая претензии на пальцах. Цыпф еле поспевал за ним:

— Не исключено, что вы причастны к глумлению, свершившемуся над землей и небесами. Рогатые вышли из вашей среды, подпитываются ею и несут во все края свое омерзительное богохульственное учение, а вы не хотите или не умеете окоротить их. Не знаю, по злumu ли умыслу или по недомыслию вы выпустили на волю и другие силы зла. Я имею в виду черных призраков, именуемых варнаками, и демона, прозванного в народе доном Бутадеусом. Каждое его новое появление здесь предвещает горе и бедствия. А ведь не далее как вчера его видели неподалеку от здешних мест. Возможно, именно из-за этого я нахожусь в столь скверном расположении духа.

— Подожди, подожди! — Зяблик хотел прервать графа, но сумел прервать только Левкин перевод.

А Руис де Браско продолжал вещать со своего мұла:

— Вам мало того, что небо лишилось светил, что реки иссохли, что мор свел в могилу каждого второго, что единый Божий мир превратился в лоскутное одеяло. Вы ополчились на последнюю человеческую надежду — твердь земную. Камень становится алчным хищником, странствующие горы губят целые поселки, родники превращаются в стекло, а гранит — в жижу. Я верю, что ничего на свете не происходит без ведома Всевышнего, и пусть иногда он дает волю злу, дабы искоренение этого зла способствовало торжеству добра. Лев, пожирая осла, набирается новых сил. Так и добро, питаясь злом, только крепнет...

— Во дает, графская рожа! Не каждый день такое услышишь!

— Это, кажется, неточная цитата из Фомы Аквинского... Прошу тебя, не перебивай! Сейчас он будет формулировать вывод. Ага, слушай... Пусть вы являетесь даже не зачинателями зла, а всего лишь его прислужниками, смысл своей жизни я вижу в борьбе с вами. И пусть вашу страну постигнет участь Содома и Гоморры... Все, конец.

— Нет, не конец. Пару слов в ответ я ему скажу... Каюсь, Библию не читал, но проповедей в зоне вдоволь наслушался. Со мной разве что митрополиты не сидели. Этого, кстати, переводить не надо. Начинай сейчас... Разве Бог не говорил: не судите да не судимы будете? Почему же ты посмел судить нас своим собственным судом, предвзятым и лицемерным? Разве мы первые напали на Кастилию? Разве не нас с трех сторон трепали дикие соседи? Вина не наша, что, спасаясь от верной гибели, мы вступали в склоку... тьфу, в союз то с нехристями против вас, то с вами против нехристей, то со всеми вместе против арапов? Неужели ты забыл об этом? А где ты был, дон Руис, когда, обескровленные войнами, мором и голодом, народы договорились упразднить все светские и духовные власти как источник козней и нетерпимости? Недаром в Писании сказано: если страна отступит от законов, значит, чересчур много в ней начальников. Разве подписи кастильских делегатов не стоят под Талашевским трактатом? А твоя любимая инквизиция была распущена на том же основании, что и наша армия. Что же ты мне туфту заряжаешь?

— Эй нет! — прервал его Цыпф. — Этого переводить не буду.

— Не будешь и не надо! Смыков переведет. А что касается рогатых, то мы их били, бьем и будем бить. Так же, как и они нас. И очень обидно, что некоторые не видят разницы между ними и нами. А все остальное: варнаки, дон Бутадеус и странствующие горы — к нам никакого отношения не имеют. Поумному говоря, это явление того же порядка, что и исчезновение солнышка, — Зяблик ткнул большим пальцем вверх. — Нас такие хреновины беспокоят не меньше твоего... И вот что я хочу тебе пожелать на прощание, дон Руис. Нельзя собрать ветер в пригоршню, нельзя завязать воду в одежду и нельзя поставить все пределы земле. Это, кстати, тоже из Писания. Намек на то, что нельзя упорствовать в бессмысленном деле. Мудрые слова. Прежнее не вернется, как бы ты этого ни хотел. Пришло новое время и с ним новый устав. Как ни тужься, а жизнь не переломашь. Скорее она тебя самого в порошок сотрет. Надо смириться, приспособиться, терпеть, помогать друг другу. Авось и выкрутимся...

Зяблик закончил, несмотря на запрет, закурил, а Цыпф говорил еще минут пять. Когда он смолк, граф усмехнулся, как усмеваются неразумным речам убогих — снисходительно и брезгливо. Затем, ни слова не говоря, он дернул за повод, по-

ворачивая мула к замку. Уже отъехав на порядочное расстояние, дон Руис обернулся и прокаркал что-то через плечо.

— Поручает нам самим разобраться с аггелами, — перевел Смыков.

— Помощи не ждите, но и препон не бойтесь, так будет точнее, — поправил его Цыпф.

— Вот фрукт! Фанат задолбанный! — Зяблик плюнул вслед графу окурком. — Ни просьбой, ни угрозой его не возьмешь!

— Действуем по запасному варианту, — сказал Смыков, когда серые башни замка затерялись позади среди таких же серых утесов.

Остановились на повороте, перечитали оставшиеся письма, сосчитали казну, проверили арсенал, дождались дона Хаймеса, неровной рысью трусившего вслед за драндулетом, и стали прощаться с ним — дело на этот раз предстояло серьезное, и не хотелось марать кастильскую землю кровью аристократа.

— Поезжай, Яша, проведай свою малолетку, — сказал Зяблик. — Поклон от нас низкий передай. Пусть на свадьбу через пять лет ждет. Подарок знатный обещаю. У меня в одном месте алюминиевая бочка закопана. Представляешь?

Как дон Хаймес ни напрягался, но представить себе бочку из алюминия не мог. В его понимании это было примерно то же самое, что коновязь из чистого золота или ночной горшок, инкрустированный бриллиантами. Внезапно он нахмурился:

— А как же вы без меня? Такого уговора не было. Я дяде клятву дал, что вас не брошу.

— Все верно, — согласился Зяблик. — В Кастилии ты нас и не бросил. Да только наши дела здесь закончились. Мы сейчас в Гиблую Дыру сваливаем. Что там такому молодцу, как ты, делать? Ни женщин, ни вина, ни достойных соперников. Ну, бывай!

Не давая юному гранду опомниться, Зяблик пихнул Чмыхало в спину — езжай, мол. Драндулет окутался дымом и рванул с места, а всадник остался на дороге в классической позе витязя на распутье.

До нового пункта назначения, по местным понятиям, добрались без приключений — одинокие разбойники не отваживались нападать на столь грозную компанию, конные банды несколько раз начинали преследование, но безо всякого успеха.

Лишь однажды, озорства ради, Зяблик пустил в ход гранату, чем заслужил упрек от Смыкова, но не за разбазаривание драгоценных боеприпасов, а за то, что в открытый салон драндулета залетело оторванное лошадиное копыто.

— Ничего, — сказал Зяблик, ножом отковыривая от копыта подкову. — Это к счастью...

Главной темой, обсуждавшейся в дороге, было сообщение Руиса де Браско о появлении в пределах Кастилии Белого Чужака.

— Странно, — задумчиво произнес Цыпф. — Как же он нас опередил пешком?

— Граф соврет, недорого возьмет, — возразил Смыков. — Вредное сословие.

— Вот уж нет, — возразил Зяблик. — Человека в лапшу крошить, это он запросто может, а соврать — никогда. Воспитание... Помню, мы пленных кабальерос домой под честное слово отпускали. Чтоб подхарчились, а то нам самим тогда жрать было нечего... В субботу отпустим, а в понедельник все уже опять в яме сидят и сами себе колодки ладят.

— А если не соврал, значит, ошибся, — настаивал на своем Смыков. — Сам-то он Белого Чужака не видел. Слухами пользуется. Вот и привиделся какому-нибудь пьяному пастуху дон Бутадеус. Для кастильцев это и впрямь очень плохое предзнаменование.

— Зато для аггелов хорошее, — буркнул Зяблик. — Есть у них такая тайная сказочка, что Белый Чужак не кто иной, как обожаемый ими Кровавый Кузнец.

— Впервые слышу, — сказал Цыпф. — Согласно общепринятой легенде, убив Авеля, Каин удалился в землю Нод. Дабы ни один смертный не мог покуситься на братоубийцу. Бог отметил его специальным знаком — возможно, рогами, и пригрозил примерно наказать ослушника. О дальнейшей судьбе Каина существует много историй, но все они заканчиваются его смертью. По одной из самых распространенных версий, его застрелил из лука слепой охотник, потомок Адама в седьмом колене. Он выпустил стрелу по наущению собственного сына, которого ввели в заблуждение те самые рога. Во всяком случае, пережить потоп Каин вряд ли мог.

— Мы что, исторические факты обсуждаем? — разозлился Зяблик. — Сказки, они и есть сказки. Что Библия, что история КПСС... Пережил Каин и потоп, и все остальное. И еще больше укрепился в злобе своей. Всюду богохульствовал и строил козни. Учил людей злой магии и кузнечному ремеслу,

чтоб ковали друг на друга оружие. Его дети напали на детей третьего сына Адама — Сифа. Это была первая в мире война. Его дочери соблазнили чистых сыновей Сифа и научили всяким мерзостям...

— В том числе и игре на музыкальных инструментах, — подсказал Цыпф.

— Вот именно... Узнав, что в Галилее объявился некто, выдающий себя за сына Божьего, он без промедления направился в те края и сделал все, чтобы погубить мессию. Иуда Искариот и вся шваль иерусалимская действовали по его наущению. Лицом к лицу они встретились только во время пути на Голгофу. Иисус, конечно, узнал этого субчика и хотел по своей привычке отпустить ему грехи, но Каин ответил плевком и оскорбительными речами. Так он был проклят вторично, уже Богом-сыном. С тех пор Каин называется Агасфером, или Бутадееусом.

— Что же аггелы не обратятся к своему живому Богу напрямую? — спросил Цыпф.

— Попробуй обратиться к такому... Да, видно, и не очень-то он хочет общаться с ними.

Драндулет обогнал на повороте длинный вьючный обоз, неторопливо вышагивающий под перезвон колокольчиков и гортанные крики вооруженных до зубов погонщиков. Ущелье расширялось, полого спускаясь в долину, где среди виноградников и масличных рощ раскинулся небольшой городишко — сотня-другая каменных домишек, крытых соломой и черепицей, старая сторожевая башня на окраине, площадь, с четырех сторон окруженная казенными зданиями: монастырем, казармой, ратушей и тюрьмой. И если, по сведениям Смыкова, три первых учреждения практически бездействовали, то тюрьма продолжала исправно функционировать. Сидели в ней не только разбойники и контрабандисты, но и высшие чины инквизиции, изолированные от общества по решению Талашевского трактата.

В город въезжать не стали, а разбили лагерь в запущенной апельсиновой роще. Зяблик сразу завалился спать. Чмыхало полез под драндулет. Цыпф взялся за чтение «Первой всеобщей хроники», составленной высокоученым королем Альфонсом X на полузабытом галисийско-португальском диалекте, а Смыков, побрякивая в карманах деньгами, отправился на разведку.

Вернулся он спустя несколько часов с весьма озабоченным видом. Среди его покупок, кроме каравая свежего хлеба,

числились четыре длинные монашеские рясы и дюжина толстых восковых свечей.

— Тут вшей, наверное, несчитаное количество, — сказал Цыпф, осторожно встряхивая свой новый наряд.

— Не паникуй, — успокоил его Зяблик. — Наши вши с кастильскими не уживаются. Сейчас произойдет полное взаимоуничтожение.

О конкретных результатах своей вылазки Смыков помалкивал, да его и не торопили — знали, что сам все расскажет, когда придет время.

А время пришло после ужина, в ходе которого Зяблик неустанно клял Смыкова за скаредность, не позволившую тому купить хотя бы бутылку вина. Сжевав последнюю корку хлеба, Смыков многозначительно сообщил:

— Человек, который нам нужен, действительно находится в местной тюрьме. Я имел с ним свидание и личную беседу.

— Без свидетелей? — поинтересовался Зяблик.

— Он по-прежнему является иерархом церкви и пользуется большими поблажками от тюремщиков.

— Письмо дона Эстебана ты ему передал?

— Передал.

— Ну и что он? Обещал помочь?

— Только в обмен на свою свободу, — развел руками Смыков.

— Ничего себе! — Зяблик присвистнул. — Он что, нас за психов держит? Эту тюрьму только с гаубицами брать можно! Стены, поди, по два метра толщиной.

— Кое-где и по два с полтиной. А только брать все равно придется, братец вы мой.

— Может, тюремщиков проще подкупить?

— За побег такой птицы мало никому не будет. Они же не враги себе?

— Что там хоть за охрана?

— Двое дежурят снаружи. И еще десятка полтора внутри.

— На входе шмонают?

— Да.

— Что ищут?

— Только оружие.

— На прогулку твоего клиента выводят?

— Выводят. На богослужения.

— В церковь? — живо поинтересовался Зяблик.

— Нет. У них там своя подземная молельня без окон.

— Без окон... — повторил Зяблик. — Кто там еще бывает в этой модельне?

— Во время торжественной мессы все заключенные. Это будет человек тридцать. Ну и все тюремщики, естественно, кроме двух-трех...

— Вот, значит, ты что задумал. — Зяблик оглянулся на перевязанную веревкой пачку свечей. — А как мы внутрь провемся?

— Это, братец вы мой, как раз проще простого. Интересующее нас лицо посадили без суда, под горячую руку, сана и духовных званий не лишали. Он и в богослужениях участвует, и благословляет, и грехи отпускает всем желающим. Ему сам комендант при встрече ручку целует. За хорошую мзду нас с тобой пропустят на мессу.

— Ну и бардак у них! Разве можно посторонних людей в зону пускать? Пусть берут меня на полставки консультантом по режиму.

— Да, с бдительностью у них не очень... — согласился Смыков. — Но не забывай, между нами веков шесть разницы. Еще успеют усовершенствоваться.

— Противогазы с собой придется брать.

— Придется...

— А пропустят с ними?

— Вот это вопрос! — Смыков пожал плечами. — Попробуем. Они же противогазов раньше в глаза не видели. Маски завернем и вместо тюбетеек на голову наденем. А фильтры за флаги выдадим. Главное, изображай христианское смирение...

— Я и креститься-то по-ихнему не умею.

— Сейчас будете учиться.

— Времени сколько в запасе?

— Да ерунда совсем. — Смыков глянул на «командирские». — Часа через три колокол ударит. Сразу и пойдем. Сегодня как раз какой-то церковный праздник... Благовещение, что ли...

— Это когда архангел Гавриил Деву Марию трахнул?

— Примерно. — Смыков поморщился. — Только кастильцам об этом говорить не надо.

Пару свечей оставили для образца, остальные растопили в котелке и принялись лепить по-новому, вкладывая внутрь каждой вместо фитиля жестяной цилиндр с «черемухой».

— Раньше их в картонной оболочке выпускали и размером

поболее, — с видом знатока рассказывал Смыков. — Так правонарушители наловчились шашки подбирать и обратно кидать. А это усовершенствованная модель. В пять раз легче, а площадь поражения почти такая же. Когда горит, раскаляется. Пальцами уже не ухватишь.

— Нравятся тебе такие дела, Смыков. Ох как нравятся! — сказал Зяблик с сарказмом. — Газом людей травить, жечь, давить...

— Задавил я людей, наверное, раз в десять меньше, чем вы, братец мой, — возразил Смыков. — Так что не надо...

— Я их ради справедливости давил!

— А я ради порядка.

— Чистый фашизм, в натуре... Подтверди, Левка.

Однако Цыпф, увлекшийся катанием восковых колбасок, дипломатично промолчал. Как ни старалась вся ватага, а свечи получались чрезвычайно корявые. Смыков забраковал всю партию.

— Это же не хрен моржовый, а предмет религиозного культа! — возмущался он. — Эти свечи перед алтарем придется ставить! Хотите, чтобы на нас пальцем показывали?

Первый более или менее приемлемый экземпляр, как ни странно, получился у Толгая. Тогда его заставили изготовить и все остальные. Успех друга Зяблик объяснил тем, что тому в детстве приходилось лепить кизячные лепешки для костра.

Когда с этим деликатным делом было покончено, стал вопрос об испытании секретного оружия «в условиях, максимально приближенных к реальности», как выразился Смыков.

— На опушке, кажись, коровы пасутся. Давай дадим им понюхать, — предложил Зяблик.

Взяли самую неприглядную из свечей и двинулись к опушке. Зяблик на ходу закурил. Действительно, на тучной пажити между рощей и соседним виноградником пасся крупный рогатый скот, но не коровы, а сплошь быки — черные, поджарые, словно литые. Заслышав человеческие голоса, ближайший из них поднял морду. Во взгляде его красноватых глазок не было апатичной покорности, столь свойственной жвачным парнокопытным, а только недоброе любопытство и первобытная дикость.

— Ты, Зябля, коров хотел? — переспросил Чмыхало. — Это не коровы, это алмасы... Демоны рогатые.

— Действительно, какие же это коровы. — Смыков сделал шаг назад. — Это боевые быки. Лучше с ними не связываться.

— Поздно, — трагически произнес Зяблик, уже успевший зажечь свечу. — Пропадай моя голова, да не на радость врагу!

Еле-еле тлеющая свеча плюхнулась в траву перед самой мордой быка и сразу привлекла его внимание. Он понюхал ее, недоуменно покрутил широко расставленными рогами и снова поискал взглядом людей. Внезапно зашипев, свеча дала обильное облако сизого дыма. Бык чихнул, отпрянул и принялся рыть копытами землю. Мышцы на его могучей холке вспухли бугром.

— Еще не распробовал, — сказал Зяблик. — Ох, что сейчас будет...

Другие быки тоже начали проявлять признаки беспокойства. Свеча уже расплавилась, а оставшаяся на ее месте маленькая жестяная хреновина вела себя словно живое существо: шипела змеей, вертелась жуком, воняла, как хорек.

Первый бык попытался приклепнуть это странное создание копытом, но добился лишь того, что ядовитый дым потек не струйкой, а потоком. Вот тут-то и началось настоящее представление!

Рогатый гигант высоко подпрыгнул, завертелся на месте, а затем слепо бросился туда, где по его представлению находились обидчики. Однако все зримые и обоняемые ориентиры уже исчезли, и бык с разгона врезал рогами в бок случайно оказавшемуся поблизости сородичу. Тот оглушительно взревел и без промедления нанес ответный удар. Стадо будто только этого и ждало. Быки, минуту назад мирно шипавшие травку, принялись галопом носиться по пажити, брыкаться и сшибаться друг с другом. Глотая новые порции слезоточивого газа, они зверели еще больше.

— Будем считать, испытание прошло успешно, — резюмировал Смыков.

— Если бы... — буркнул Зяблик. — Сейчас они очухаются, разберутся что к чему и вскинут нас на рога. Тикать надо.

На этот раз его предложение было принято единогласно.

Драндулет, работавший на холостом ходу, тронулся с места, едва прозвучали первые удары колокола, возвещавшие о начале праздничной мессы. Смыков и Зяблик высадились, не доехав до тюрьмы метров пятьсот.

— Слушайте все сюда, — хмуро сказал Зяблик, которому на сей раз выпало право распоряжаться. — На эти дела нам должно за глаза хватить четверти часа. Дольше чикаться нет

смысла. Значит, вы оба начинаете действовать через десять минут после того, как мы войдем внутрь. Снимайте вертухаев, только, чур, никого не мочить. Отбитого арестанта кастильцы еще могут простить, а крови — никогда. Внутри сами не лезьте. В крайнем случае, прикроете нас. Вот эти две свечки мы вам для этого оставляем... И стволы свои, — тяжело вздохнув, он протянул пистолет Толгаю. — Мы из-за них можем погореть раньше времени.

Смыков тоже достал свою пушку и, поколебавшись немного, неохотно отдал Левке.

— Под вашу персональную ответственность, товарищ Цыпф, — сказал он, глядя исподлобья. — Учтите, головой отвечаете... Оружие именное...

— Ага, — дурашливо кивнул Зяблик. — Правда, табличка с дарственной надписью отлетела. «Товарищу Смыкову, большому специалисту шить дела, от благодарного начальства».

— Вы, братец мой, язык придержите, — покосился на него Смыков. — Не забывайте, вам глухонемого изображать придется.

На головы обоих уже были надеты противогазовые маски — стеклянные линзы на макушке, резиновое рыло рогом на лбу. Фильтрующие коробки до поры до времени болтались у каждого на поясе. Накинув поверх своей амуниции просторные рясы с капюшоном, Смыков и Зяблик подались в сторону тюрьмы. В молитвенно сложенных перед грудью ладонях они сжимали свечки.

С того места, где стоял драндулет, ворота тюрьмы не просматривались, и Лева, перейдя на другую сторону улицы, взволнованно комментировал для Толгая происходящее:

— Идут... Идут... Идут... Дошли... Там еще несколько человек в очереди перед ними... Стоят... Стоят... Подходят... Начался обыск... Теперь говорят о чем-то... Смыков руки к небу поднимает... Еще один кастилец появился... Опять обыскивают... Уф, слава Богу, пропустили!

— Теперь десять минут считай, — флегматично сказал Толгай.

— А разве у тебя часов нет? — всполошился Левка.

— Нет... Боюсь часов... Всегда тикают, спать не дают.

Левка не растерялся и стал засекал время по собственному пульсу. Досчитав в уме до восьмисот (хватило бы и семисот, но полагалось сделать поправку на волнение), он кивнул Толгаю и нахлобучил на голову капюшон рясы, неприятно пахнувший чужим потом и плесенью.

По мере того как они приближались к площади, все заметнее становилось запустение, царившее в городе. На улицах не встречалось никого, даже собак. Провалы окон казались пустыми глазницами великанских черепов, двери по большей части были сорваны с петель, мостовую покрывала всякая слежавшаяся дрянь, пушистый мох, чахлая трава.

Миновав скелет лошади, с которой он удосужился даже снять упряжь, они вышли на пустую площадь. Шаги звучали гулко, как в каземате. На середине пути Цыпф споткнулся и ужалнулся про себя: «Плохая примета!»

Оба охранника наблюдали за приближающимися к ним людьми в рясах без особого интереса, но потом на всякий случай взяли алебарды наперерез. Были они как близнецы — смуглые, коренастые, усаые, с лицами не из нынешнего времени.

— Эстар! — крикнул один из них, и Цыпф не сразу понял, что это приказ остановиться.

Сам он заранее приглядел для себя другого стражника — в более новой кирасе и еще не помятом железном шлеме, — но сейчас, неизвестно почему, изменил курс и, едва не столкнувшись с Толгаем, направился к тому, который кричал.

Когда до стражника осталось шагов десять и тот уже стал ладиться для удара, Лева оттянул правый рукав рясы, выставляя на всеобщее обозрение свой пистолет.

Это сразу внесло коррективы в зловерные планы кас-тильца, знавшего, как быстро и точно стреляет это оружие и какие раны оставляют его пули, особенно если у них подпилены оболочки. Умирать он вовсе не собирался. Какой смысл умирать, защищая кучку бандитов, воров и инквизиторов, которых к тому же хотят не казнить, а, наоборот, выпустить на волю.

Кастилец начал медленно отступать, а когда уперся спиной в левую створку тяжелых, сшитых из брусьев и окованных железом ворот, бросил алебарду.

— Биен, — кивнул Цыпф, облизывая пересохшие губы. — Хорошо... Грасиас.

Движением пистолетного ствола он заставил стражника вытащить из ножен меч и положить рядом с алебардой. Тот хоть и смотрел волком, приказание Цыпфа выполнил расторопно.

Между тем стычка Толгая со вторым стражником протекала совсем в ином плане. Видя, что у врага, богопротивного нехристя, нет другого оружия, кроме сабли длиной всего в два локтя, кастилец сделал колющий выпад по всем правилам со-

временного ему военного искусства. Толгай довольно ловко, без лишней суеты уклонился.

Стражник немедленно повторил атаку, и нехристь снова благополучно ушел от широкого наконечника алебарды. Попытка нанести удар сверху топориком закончилась столь же безрезультатно. Со стороны это напоминало поединок быка и матадора: разъяренное животное, низко опустив смертельные рога, бросается на хрупкого, почти безоружного человека, а тот красиво и спокойно уворачивается, совершая перед самой его мордой едва ли не танцевальные пируэты.

Кастильцу давно пора было понять, что за противник достался ему (недаром ведь Зяблик и Смыков приняли Толгаю в свою ватагу), и достойно капитулировать, но бычье упрямство уже застило его разум.

Во время пятого или шестого выпада Толгай просто перерубил древко алебарды, а когда кастилец схватился за меч, подножкой опрокинул его на спину и сунул острие сабли в щель между воротником кирасы и подбородочным ремнем шлема.

— Чистая работа! — восхитился Цыпф. — Ну ты просто молодец!

Как известно, бурные восторги несовместимы с бдительностью. Первым это понял обезоруженный Лево́й кастилец, а вторым — сам Лева, неосторожно повернувшийся к нему боком. Но понял уже после того, как пребольно ткнулся лицом в камни мостовой.

Кастилец оседлал его, как волк оленя, мигом обезоружил и ткнул стволом пистолета в сторону Толгаю. К счастью, выстрела не последовало — Лева опять забыл снять предохранитель.

Пока кастилец лихорадочно пытался разобраться с непривычным оружием, сабля Толгаю несильно рубанула его по скуле чуть пониже шлема...

Не пострадавшего кастильца просто связали сыромятным ремешком и оттащили от греха подальше в сторону. С раненым разгневанный Толгай обошелся круто — хоть и извел на него оставшийся от Верки индивидуальный перевязочный пакет, но руки вязать не стал, а намертво приколол к воротам его же собственным узким кинжалом.

— Терпи, — сказал он. — Твой Бог терпел...

С Левкой Толгай демонстративно не разговаривал, хотя

тот все время что-то благодарно бормотал разбитыми всмятку губами.

Между тем время шло. Миновало не четверть часа, а добрых три четверти. Оба уже волновались, причем волнение Толгая выражалось в том, что он негромко затанул заунывную песню, в которой подсказывал всем на свете Богам, в какую сторону им следует повернуть ход событий, а волнение Цыпфа — в бестолковом топтании у ворот и похлопывании ладонями по лаяжкам.

Внезапно в воротах распахнулась почти незаметная узенькая дверь. Сначала из нее вышло и быстро улетучилось облако ядовитого дыма, уже утратившего свой первоначальный сизый цвет, потом вывалился и остался мешком лежать на мостовой бородатый кастилец в офицерских доспехах, а уж вслед за ним полезли Смыков и Зяблик, благодаря противогазам и рясам неотличимые друг от друга.

С собой они тащили долговязого лысого человека в черно-белом церковном одеянии. Выглядел он не только мертвецом, но и мертвецом-мучеником — голова болтается, как у сломанной марионетки, лицо залито слюной и слезами, носки башмаков бессильно волокутся по камням.

Одна из резиновых морд погрозила Толгаю кулаком, и стало ясно, что это Зяблик. Степняк вперевалячку побежал вперед заводить машину, а Цыпф подхватил бесчувственное тело (или труп) за ноги.

Только у драндулета Зяблик и Смыков разоблачились, стянув опостылевшие маски и отшвырнув подальше пропитанные парами «черемухи» рясы. Человек, освобожденный ими из тюрьмы, по-прежнему не подавал признаков жизни, раскинувшись на мостовой в совершенно немыслимой для живого позе.

— Может, он того... дошел? — прохрипел Зяблик.

— Не должен, — Смыков приподнял с земли безвольную руку. — Эй, эксценц! Не отвечает...

— Ладно, отваливаем... А не то сейчас за нами погоню снарядят.

— Нет, братец вы мой, — довольным тоном сказал Смыков. — Им до следующей вечерни не выплакаться.

— Да, дали мы копоты... А ты того мордворота ловко кадилъницей уложил. Не хуже, чем цепом.

— Скажете тоже... — зарделся Смыков. — Вы себя проявили не менее достойно. Только зачем было убивать коменданта?

— Кто его убивал? — возмутился Зяблик. — Стекла в про-

тивогазе надо почаще протирать! Это же не кровь была, а вино для причастия. Я и бутылочку с собой прихватил ради пробы.

Он вытащил из-за пазухи объемистую серебряную фляжку, богато украшенную гравировкой и инкрустацией.

— Мародерствуете, братец вы мой... Дайте-ка взглянуть. — Смыков забрал фляжку у Зяблика, вытащил пробку и понюхал. — Действительно, вино...

Придя к такому выводу, он придал бесчувственному кастильскому эску полусидячее положение и сунул горлышко фляжки ему в рот. Сначала забулькало, как в пустую бочку, потом раздался захлебывающийся кашель. Человек в сутане поперхнулся, изрыгнул из себя все, что успел выпить в бессознательном состоянии, внятно произнес: «Диос ло сабе!» и мелко перекрестился.

— Бога благодарит... Лучше бы нам «спасибо» сказал, — проворчал Зяблик, вырывая у Смыкова полупустую фляжку. — А ты, друг ситный, специалист на чужом горбу в рай въезжать. Не для тебя было припасено.

Сморкаясь, отхаркиваясь и вытирая слезы, кастилец встал, нахлобучил на нос неизвестно откуда взявшиеся очки в круглой металлической оправе и сразу стал похож на генерала-изменника Власова. Только фуражки блином не доставало.

Строго оглядев своих спасителей, он заговорил высоким, скрипучим голосом, высокомерно кривя при этом тонкие губы. Смыков переводил:

— Сеньор кардинал благодарит нас за участие, проявленное к его судьбе, хотя и понимает, что наши цели далеко не богоугодны. В дальнейшей в нашей помощи он не нуждается, тем более что его духовный сан не позволяет разъезжать на этой сатанинской колеснице. Суть нашей просьбы ему ясна. Сегодня же этим займутся истинные слуги святого престола, которых в Кастилии предостаточно. Ровно через два дня он просит нас быть в часовне святого Доминика на Агиларской дороге.

— Ты хоть знаешь, где это место? — спросил Зяблик.

— Найдем, — ответил Смыков.

Кастилец повернулся к ним спиной, подобрал сутану и быстро исчез среди полуразвалившихся зданий.

Для человека, много лет просидевшего в заточении, он двигался весьма проворно.

— Что это за тип такой? — поинтересовался Зяблик.

— Зачем тебе?

— Хочу знать, из-за кого жизнью рисковал.

— Последний кардинал-инквизитор Кастилии, — не без

уважения произнес Смыков. — По нашим меркам примерно как председатель КГБ.

— Ясно... Одного, значит, с тобой поля ягодка.

С детства Смыков испытывал две главные страсти — к иностранным языкам и порядку. Этому скорее всего способствовало влияние родителей: мать преподавала английский в средней школе, а отец, пострадавший от развенчания культа личности, немало лет до этого прослужил в прокуратуре.

Напротив Смыковых жили цыгане, и он уже в тринадцать лет освоил их певучий гортанный язык, а с пятнадцати на правах члена комсомольского оперативного отряда регулярно стучал участковому о всех проделках легкомысленного и вороватого племени.

Родительских заслуг не хватило, чтобы устроить сыночка в институт международных отношений или на юрфак университета, но кое-какие связи все же нашлись, и его приняли в педагогический, на отделение иностранных языков. Там Смыков успешно продвигался как в науке, специализируясь на романских языках, так и на общественном поприще, регулярно избираясь то в члены студенческого комитета, то командиром добровольной народной дружины своего курса, то старостой группы.

Сгорел он по собственной глупости, а еще по причине третьей страсти, внезапно нахлынувшей на него, — страсти к противоположному полу.

С дисциплиной и нравственностью в студенческом общении было не все в порядке, и студком под контролем деканата регулярно проводил ночные рейды с целью выявления следов пьяного разгула, наличия посторонних лиц, а также фактов разврата с использованием казенных постельных принадлежностей.

На сей раз рейд был сугубо целевым — накануне вечером кто-то спер из сушилки носильные вещи, принадлежавшие иностранному студенту (кстати сказать, нигерийцу, чей внешний вид и успеваемость неоспоримо подтверждали теорию Дарвина о родстве человека с крупными гоминидами), и тот угрожал чуть ли не дипломатическим скандалом.

Студком на девяносто процентов состоял из девчонок, а они за редким исключением сыщиками были неважными. Студенческая братия выработала против них простой, но эффективный метод борьбы. Заслышав среди ночи сакрамен-

тальное: «Откройте, студком!», наиболее бедовый из ребят сбрасывал с себя нижнее белье, с помощью рукоблудства приводил в возбужденное состояние член и в таком виде открывал дверь. Криминал в его действиях доказать было практически невозможно — какое кому дело, если молодой человек спит голышом и видит при этом эротические сновидения.

Естественно, что на вчерашних советских школьников, отличниц и общественниц (других в органы самоуправления не делегировали), сие зрелище действовало самым удручающим образом. Если кто-то из них и не сбегал сразу, то визжал и закрывал зардевшееся личико ладошками. В силу этого обстоятельства в каждую группу включался мужчина, известный своей моральной стойкостью и непримиримостью к нарушителям. До поры до времени именно таковым считался и Смыков.

Сначала все шло без сучка и задоринки. Уже было проверено безо всяких эксцессов двенадцать комнат, но вот с тринадцатой вышла заминка. Внутри слышался скрип кровати, тихое шушуканье, но дверь, несмотря на категоричные просьбы, не открывалась. Пришлось Смыкову пригрозить, что он сейчас вызовет вахтера с ключами.

Наконец замок шелкнул. В темном проеме дверей возник худой очкастый парень в семейных трусах. Сразу было заметно, что он волнуется, хотя причину этого опытное око Смыкова пока не улавливало — парень трезв, комната сияет несвойственной мужской общаге чистотой, соседняя пустая койка аккуратно заправлена.

Оставив своих деликатных спутниц в коридоре, Смыков начал осмотр, а по сути, самый настоящий обыск, к тому же незаконный. Он заглянул под кровати, перевернул матрасы, сунулся на балкон и проверил одежду, аккуратно сложенную на стуле. Пропавших из сушилки джинсовых костюмов и батников нигде не наблюдалось.

В стенной шкаф он решил заглянуть уже напоследок. Ну какой дурак будет прятать ворованное барахло прямо в шкафу?

Никому не дано знать заранее, где на его пути встретится волшебная дверца, потянув за которую, ты обретишь счастье или, наоборот, выпустишь на волю свою погибель. Смыкову такая сомнительная удача привалила именно здесь — в комнате номер 317 общежития географического факультета.

Решительным движением распахнув исцарапанные створки шкафа, он испытал одно из самых сильных потрясений в своей жизни. Внутри, в обрамлении поношенных пиджаков и плащей, в непринужденной позе стояла голая девушка див-

ной, как тогда ему показалось, красоты. Крутя на пальчике кружевной лифчик, она сказала с дружелюбной улыбкой:

— Заходите. Гостем будете.

Смыков всегда чурался спиртного, но с этого момента все его действия напоминали поведение человека, находящегося в состоянии если не тяжелого, то, во всяком случае, среднего опьянения. Услав своих боевых подруг подальше (и вызвав тем самым их глубочайшее удивление), он наговорил очкастому географу много обидных и несправедливых слов, грозя всеми возможными для бесправного советского студента карами, а потом приказал девушке выйти вон, обозвав при этом «посторонней гражданкой». Очкарик пробовал что-то возражать, но его слова уже не доходили до Смыкова, возбужденного, как токующий глухарь.

Девушка пожалала плечами и с той же милой улыбкой принялась одеваться прямо у них на глазах. Причем, когда эта операция была почти завершена, внезапно выяснилось, что пояс надет навыорот, и почти все пришлось повторять сначала.

Еще не давая отчета своим планам, но догадываясь, что сейчас может произойти нечто ужасное, Смыков вывел девушку в коридор и заплетающимся языком предложил ей немедленно покинуть общежитие. Закурив, юная красавица вполне резонно поинтересовалась, куда это она может отправиться в третьем часу ночи, если на улице льет дождь, автобусы давно не ходят, а только за последний месяц в городе совершено пять нападений на припозднившихся женщин.

Смыков как будто только этого и ждал. Плетя всякую чепуху о свойственном всему советскому строю и лично ему, члену студкома, гуманизме, он любезно согласился предоставить нарушительнице приют в своей комнате (сосед-однокурсник, страдающий от хронического безденежья, в эту ночь как раз разгружал вагоны на бакалейной базе).

Девушка смерила его взглядом, смысл которого Смыков в тот момент не понял, и кивнула: выбирать, мол, не приходится. Они поднялись этажом выше, что в бессонном, вечно блящем общежитии не могло остаться незамеченным. Однако Смыкова уже ничто на свете не интересовало, кроме его прекрасной спутницы. Сейчас его не смог бы остановить ни грозный комендант общежития по кличке Повар, ни сам декан. Нельзя сказать, что Смыков не знал женщин раньше, но этот белокурый экземплярчик достал до таких глубин его души, что выплеснувшаяся при этом черная похоть затопила все уголки сознания.

Наверное, это чувствовала и девушка. Она начала раздеваться еще в коридоре, а едва Смыков успел запереть за собой дверь (все же ума хватило!), уже ожидала его на постели в позе, отнюдь не целомудренной.

Возбуждение поступившегося принципами члена студкомбыло так велико, что с первой попытки он даже не сумел донести свое семя до предмета вожделения. Однако ночь была еще в самом разгаре, молодых сил хватало с избытком, и атака вскоре повторилась, тем более что противник скорее помышлял о капитуляции, чем о защите. Штурм закончился полной, хотя и скоротечной победой. Тем не менее боевые действия продолжались, и каждая новая схватка протекала все дольше и все ожесточеннее, чему в немалой степени способствовала коварная тактика врага, постоянно менявшего свою позицию...

«Женюсь!» — такова была мысль проснувшегося рано утром Смыкова. Любимая мирно посапывала рядом, уткнувшись носом ему под мышку. В беспощадном свете нарождающегося дня она уже не казалась такой неотразимо прекрасной, как накануне, но розовые очки любви не позволяли Смыкову сфокусировать взгляд на мелких морщинках, крупных прыщиках, натуральном неопределенно-темном оттенке, пробиравшемся у корней обесцвеченных волос и изрядном слое грима, сильно пострадавшего в любовных схватках.

Испытывая прилив несвойственной ему прежде нежности, Смыков коснулся губами лба девушки, имя которой так и не удосужился узнать, и она сразу проснулась. Что-что, а глаза у нее были красивы без натяжки — бездонно чистые озера синего купороса. Зевая и потягиваясь, она встала, мельком оглядела скромное убранство студенческого жилья и направилась напрямик к зеркалу.

Сначала Смыков подумал, что девушка хочет лишний раз убедиться в своей привлекательности, что было совершенно необязательно — ее хоть сейчас можно было выставить за образец в любом музее античного искусства. Однако вскоре выяснилось, что красавицу интересует вовсе не зеркало, а расположенная возле него полочка с нехитрыми предметами мужской гигиены — электробритвой, шербатой расческой, тюбиком крема и флаконом цветочного одеколона.

Понюхав флакон, она брезгливо поморщилась, но тем не менее довольно ловко опростала его в свой ротик, совсем недавно доставивший Смыкову немало сладких утех.

«Ничего, — подумал он с твердостью, присущей его поколению. — Перевоспитаю!»

В этот момент в дверь негромко постучали. Сосед Смыкова по комнате, честно отработав ночную смену, собрался вздремнуть часок-другой перед лекциями. Сделав подруге знак нырнуть в постель, Смыков приоткрыл дверь на ширину бритвенного лезвия и кратко обрисовал приятелю сложившуюся ситуацию.

Тот, само собой, сразу согласился поискать ночлег в другом месте, однако попросил разрешения забрать конспекты. Скрепя сердце Смыков впустил его в комнату. Мельком глянув на девушку, которая, к великому ужасу Смыкова, не сделала никакой попытки прикрыть свои прелести, он рассеянно пробормотал:

— А-а, это ты, Машка... Привет.

Красавица, обретшая наконец имя, без тени смущения ответила:

— Привет, Митяй! А нам как раз третьего не хватало.

После этого она шмыгнула в развороченную постель и приняла не совсем приличную для голой девушки позу бегуна, стартующего на короткую дистанцию.

Бывает, что человеческие чувства приобретают почти материальную, осязаемую силу. Недаром же говорят: «он его испепелил взглядом» или «она засохла от тоски». Великая любовь, родившаяся в Смыкове прошлой ночью, распирала его, словно до отказа сжатая пружина. Эта любовь рухнула, когда он увидел игриво задранную вверх попку, еще хранившую следы его поцелуев. Любовь рухнула — пружина лопнула! Рассудительный и обстоятельный человек превратился в необузданного дикаря. Первый сокрушительный удар пришелся по заднице красавицы Машки, а второй — по роже попытавшегося защитить ее Митяя.

Визг девушки, вопли Митяя, звон разбитого оконного стекла и грохот переворачиваемой мебели подняли на ноги пол-общегития. На Смыкова не было удержу — его не могли остановить ни физическим воздействием, ни увещеваниями типа: «Нашел из-за чего кипятиться! Да это же Машка Балерина, ее вся общага знает!»

Вскоре на место побоища явился наряд милиции, вызванный вахтером, и сам комендант общегития. Дело получило сначала громкую огласку, а потом еще более громкий резонанс, и через пару дней Смыкова выперли из института.

К его чести, он ни у кого не просил прощения и не каялся даже в душе. Красавицу Машку он впоследствии встретил в

мужском туалете на вокзале, где та за скромное вознаграждение предлагала всем желающим сеанс орального секса. Смыкова она не узнала.

К тому времени он уже успел преодолеть нижнюю границу призывного возраста, и военкомат не собирался упускать заплывшую в его сети рыбку. При заполнении анкет выяснилось, что Смыков свободно владеет испанским. Благодаря указанному обстоятельству он попал в специальное подразделение, готовившееся к отправке на остров Куба, народ которого, вкусив свободы, почему-то не стал пользоваться ее плодами, а решил силой оружия и демагогии распространить эту свободу по всему третьему миру.

Через океан их везли под видом специалистов сельского хозяйства, для чего всем военнослужащим выдали одинаковые костюмы, одинаковые галстуки и одинаковые сорочки. Забыли только про носки, но в экваториальных широтах они были вроде и без надобности. В порту после разгрузки гражданскую одежду изъяли и отправили обратно в Союз для следующей партии стриженных под машинку агрономов и зоотехников.

Их часть разместили на заброшенном ранчо среди соленых болот, заливаемых морскими приливами. Жилось тут выходцам с Днепра и Оби неважно: заедали чужие насекомые, чужая пища вызывала изжогу и поносы, чужое солнце превращало человека в подобие примуса, у которого в котелке черепа закипают собственные мозги, чужая гоноррея самым жутким образом отличалась от отечественной и почти не поддавалась лечению. Даже в самоволку сбежать не выходило — кругом кишели крокодилы и недобитые агенты американского империализма.

Единственной усладой для глаз, кроме чудного экваториального неба да голубой полосы моря на горизонте, были местные женщины, составляющие значительную часть обслуживающего персонала базы. Их, правда, немного портили суровое выражение лиц, мешковатая защитная форма да неизменные пистолетные кобуры, болтавшиеся в местах, у женщин предназначенных совсем для других целей, зато душа радовалась разнообразнейшей гамме цветов кожи — от иссиня-черной до молочно-белой.

Смыков, довольно скоро занявший хорошую должность штабного писаря, возжелал поймать тропическую женщину. Однажды он уже почти договорился с шоколадной мулаткой,

убиравшей в офицерской столовой, но последняя фраза, сказанная ею, отбила всякую охоту к интиму:

— Я согласна, компаньерос, но сначала должна посоветоваться со своей партийной ячейкой.

Мечта Смыкова осуществилась только на втором году службы, когда заместитель командира по тылу, ни бельмеса не смысливший в испанском, стал брать его с собой в соседний городишко. Завоевав полное доверие шефа, Смыков выпросил у него однажды два часа на осмотр местных достопримечательностей. Наслышанный немного о царивших в городе нравах, он быстро нашел то, что хотел, — полутемный душный сарай с распивочной стойкой, где публике открыто продавали здешний ром и тайком — американскую кока-колу. Скучающие городские красавицы поджидали здесь заблудших воинов-интернационалистов, поскольку свои мужчины были в явном дефиците. Большая, а главное, лучшая их часть проливала свою и чужую кровь в горах Боливии, джунглях Анголы, пустынях Эфиопии и других забытых Богом местах, где идеи социализма могли дать хоть какие-то всходы.

Смыков, как и мечтал заранее, выбрал черную, как кирзовое голенище, негритянку, обильную телом, а статью вымывавшую под баскетболистку.

Когда в укромном уголке пляжа та разделась, смутив Смыкова, привыкшего к рейтузам с начесом и комбинациям чуть ли не из драпа, скупым кроєм местного женского белья, он с энтузиазмом обследовал вожащенное экзотическое тело, начиная с на удивление тугих и высоких грудей и заканчивая сдобными ягодницами. Кожа везде имела цвет спелого чернослива. Розовыми были только ладони, ступни, соски и все доступные взгляду слизистые оболочки. Смыков остался весьма доволен осмотром, который носил скорее эстетический, чем сексуальный характер, и от избытка энтузиазма даже куснул негритянку кое за какие места.

Убедившись, что клиент созрел, чернокожая сеньорита устроила торг. Идею бескорыстной любви она не признавала в принципе. Смыкову пришлось расстаться не только со всеми деньгами, как кубинскими, так и советскими, имевшимися при нем в данный момент, но также приобщить к ним авторучку, перочинный нож и зажигалку.

Потом наступило время любви. Партнерша, несмотря на хваленый южный темперамент, вела себя довольно лениво. Однако дотошный Смыков все же заставил ее принять поочередно все известные ему воочию и понаслышке позы. Приго-

дился и урок, полученный в свое время от Машки Балерины. К концу заранее оговоренного срока вспотевшая и вываливавшаяся в песок негритянка смотрела на русского солдатику если не со страстью, то с уважением.

Они неоднократно встречались и позже, хотя Рамона (так звали негритянку) постоянно взвинчивала цену на свои услуги. Впрочем, у нее было и немало положительных качеств, среди которых Смыкову особенно импонировала ее способность приспособливать для чувственных утех некоторые органы своего тела, природой для этого вроде бы и не предназначенные.

Первые подозрения зародились у Смыкова, когда Рамона однажды предложила ему выпить — и не какого-нибудь там вонючего рома-клоподава, а хорошего американского виски. Как прикинул Смыков, в силу своей приближенности к штабу знавший, что почем на острове Свободы, одна эта бутылка стоила дороже всего, что уже успела вытянуть из него корыстолюбивая негритянка, включая часы «Полет» и бронзовый бюст великого пролетарского писателя Максима Горького, пивлившийся в штабе безо всякой пользы.

Получив от Рамоны по слегка сокращенной программе все удовольствия, которые здоровая, как кобылица, женщина способна доставить здоровому, как жеребец, мужчине, Смыков ополовинил бутылку (из первого стакана на всякий случай заставил пригубить подругу) и притворился в стельку пьяным. Немного выждав и с притворными похотливыми стонами попинав громко храпящего Смыкова ногой, Рамона быстро скрылась в ближайших кустах, прихватив служебную папку с ничего не значащими бумагами (кто бы, интересно, доверил писарю, покидающему пределы части, секретные документы?).

Отсутствовала она не очень долго, папку вернула на место и принялась будить Смыкова поцелуями.

Ни одна бумага не пропала, но на некоторые налипли мокрые песчинки. В тот же вечер он честно признался во всем особисту и был водворен на гауптвахту, оборудованную в бывшем винном подвале бывшего господского дома. Там Смыков провел двое суток, на третьи получил устную благодарность командира части за проявленную бдительность и первым же транспортом был отправлен на родину.

Дальнейшая судьба коварной Рамоны осталась неизвестна Смыкову, хотя он мог дать голову на отсечение, что это были не происки цэрэушников или пресловутых «гусанос», а интриги своих же контразведчиков, не привыкших ждать у моря погоды и поэтому активно ковавших врагов собственными руками.

Как бы то ни было, но ефрейтор Смыков на этой истории заработал не только приличную служебную характеристику, но даже юбилейную медаль к столетию вождя. Все это впоследствии помогло ему пролезть в органы милиции, стать кандидатом в члены партии и поступить на заочное отделение юрфака.

После третьего курса он уже имел на погонах две звездочки и работал следователем Талашевского райотдела внутренних дел. Въедливый, дотошный, почти не пьющий и не чуравшийся рутинной работы, Смыков вскоре оказался в фаворе у высшего начальства. Он научился усмирять редкие, но буйные вспышки похоти, и несколько скоротечных романов с отборными распутницами и нимфоманками никак не отразились на его служебной карьере. Женщины скромные, целомудренные, с нормальными сексуальными запросами Смыкова абсолютно не интересовали. Ясно, что человек с такими склонностями семью заводить не стремился.

Работа следователя была напроць лишена всякого намека на романтику, зато выматывала до упора. На каждого из коллег Смыкова валили по пятнадцать-двадцать дел в месяц. В бездонном море постановлений на арест, актов экспертизы, протоколов допросов, ходатайств, справок, характеристик, отказных материалов и частных определений они барахтались, как цуцки в выгребной яме. Для того чтобы разобраться с причинами пожара в интернате для глухонемых, необходимо было не только проштудировать весь свод правил пожарной безопасности, но еще и кучу ведомственных инструкций собес. Оформление дела о краже курицы отнимало столько же времени, что и убийство при отягчающих обстоятельствах.

На следователя давили со всех сторон: судья требовал неукоснительно соблюдать сроки расследования, прокурор — глубже вскрыть причины правонарушений, начальник милиции, наоборот, — рубить все побочные ветви и гнать вверх процент раскрываемости. Партийные органы вообще творили все, что хотели, — то заставляли возбуждать липовые дела, то замазывать действительно серьезные преступления. В этой стране у Фемиды давно отняли меч и весы, зато оставили повязку на глазах, чтобы все кому не лень могли безнаказанно насиловать бедную женщину.

У каждого подследственного были покровители, друзья и родственники, которые упрашивали, грозили, сулили взятки, падали на колени, посылали подметные письма и строчили жалобы в высшие инстанции. Весь рабочий день следователя

был сплошным стрессом, и ничего удивительного, что алкоголизм стал для них таким же профессиональным заболеванием, как силикоз для шахтеров.

На свежий воздух удавалось вырваться лишь изредка — для проведения следственных экспериментов или для осмотра места происшествия. Следователи дежурили по очереди и выезжали на все кражи, убийства, изнасилования, поджоги и дорожно-транспортные происшествия со смертельным исходом. В конце дежурства можно было неплохо расслабиться в компании румяных от ветра гаишников, бледных от ночных бдений работников вневедомственной охраны и лоснящихся от достатка участковых, никогда и ничего не покупавших за свои кровные.

Однажды, благодаря именно такому пикнику, Смыков с товарищами раскрыл по горячим следам опасное преступление и повязал целую банду.

Дело было в воскресенье. Смыкова подняли с постели рано утром и в составе наспех сколоченной опергруппы послали на станцию Воронки, где неизвестные преступники крупно погромили орсовский магазин (сквозь разбитую витрину были видны только голые полки да разоренная касса).

Осмотр магазина и прилегающей к нему территории ничего не дал: следы были густо засыпаны махоркой, орудия взлома отсутствовали, дактилоскопические отпечатки не фиксировались, свидетелей не оказалось.

Взято было много ценного товара: ширпотреб, галантерея, спиртного. Среди последнего числилось и несколько ящиков коньяка «Лучезарный», выделявшегося не только своим отменным качеством, но и фасонной бутылкой с тисненными по стеклу виноградными гроздьями.

Последний уцелевший ящик коньяка сыщики изъяли как вещественное доказательство, ради проформы покрутились на машине вокруг станции, проверили несколько квартир, имевших репутацию притонов, и в конце концов решили залить горе. Смыков в принципе не одобрял такие мероприятия, но старшим в группе был не он, а инспектор уголовного розыска, еще не опохмелившийся после вчерашнего возлияния.

Во всей округе, находившейся под постоянным экологическим насилием цементного завода, железнодорожных мастерских и базы минеральных удобрений, имелось одно-единственное место, где можно было красиво отдохнуть, — березовая роща на берегу озера Рогоза. Туда и направились. Нашли

небольшую чистую полянку, развели костер и стали жарить шашлыки из гуся, неосмотрительно попытавшегося четверть часа назад пересечь их дорогу. Под гусиные шашлыки очень хорошо пошел коньяк.

Вскоре один из милиционеров, отлучившийся по нужде, сообщил Смыкову на ухо, что на соседней поляне тоже пирует какая-то компания — человек семь мужиков и две бабы, уже полуголые. Законом это не воспрещалось, но бдительный Смыков послал милиционера назад с заданием: выяснить, что именно там пьют. Вскоре разведчик вернулся с пустой бутылкой от «Лучезарного» в руке.

Урки успели упиться дармовым коньяком до такой степени, что их поочередно брали за ноги и осторожно оттаскивали за кусты, где стояла милицейская машина с открытой дверцей. Тревогу подняла только последняя из шайки — молодая цыганка, при транспортировке волоком напорováшаяся ничем не прикрытой задницей на чертополох.

Все члены опергруппы были поощрены в приказе начальника управления, а Смыков даже получил памятный подарок — «командирские» часы, с которыми впоследствии никогда не расставался.

Впрочем, таких славных эпизодов в жизни молодого следователя было гораздо меньше, чем неприятностей. А уж этих хватало: то прокурор возвратит уже законченное дело на доследование, то бессовестный человек, давший чистосердечное признание, на суде откажется от него, то из сейфа пропадут важные улики. Да еще старший следователь, ревниво относившийся к успехам своего подчиненного, постоянно ставил ему палки в колеса. Из-за его козней Смыков едва не отдал Богу душу в самом прямом смысле этого выражения.

И случай-то ведь был пустячный. Как-то раз защемило у Смыкова в правом боку. Сильно защемило. Местный хирург паче чаяния вырезал воспалившийся аппендикс очень удачно — ничего лишнего не отхватил и посторонних предметов в брюшной полости не оставил. Беда состояла лишь в том, что этот хирург считался приятелем Смыкова и шутки ради неоднократно грозился прооперировать его при первой возможности. Воспользовавшись этим общеизвестным фактом, старший следователь накатал в управление рапорт, что никакого аппендицита у Смыкова на самом деле не было, а операция инспирирована с единственной целью: сачкануть на пару недель от службы.

Из областного центра незамедлительно прибыла автори-

тетная комиссия, больше, правда, привыкшая иметь дело с трупами, чем с живыми людьми. Эксперты долго шупали живот Смыкова, совали зонд в еще не заживший разрез и с пристрастием допрашивали хирургических сестер. Гнусный навет, естественно, не подтвердился, однако посредством зонда в чрево Смыкова была занесена инфекция, следствием которой явился острый перитонит.

Его дважды распарывали от паха до грудины, лишили половины тонких кишок, держали на капельнице и искусственном питании, кололи всеми доступными в талашевской глухомани антибиотиками, а потом еще полгода долечивали в ведомственном санатории. Когда бледный и осунувшийся Смыков вернулся к исполнению служебных обязанностей, старший следователь устроил ему головомойку за волокиту и противопоставление личных интересов общественным.

В тот самый день, ставший последним днем привычного подлунного, или, если хотите, подсолнечного, мира, Смыкову выпало дежурить в райотделе.

Ничего чрезвычайного за сутки не случилось, и он подшивал в своем кабинете папку с очередным пухлым делом (умение красиво подшивать бумаги ценилось среди следователей не меньше, чем проницательность), рассеянно прислушиваясь к доносившимся из дежурки звукам: неразборчивому бормотанию радиостанции, треску телетайпа, телефонным звонкам, разухабистым песням задержанных, привычному мату помдежей.

Мысли Смыкова все еще перемешались в изолятор временного содержания, где в камере-одиночке отбывала свой двухнедельный срок небезызвестная в Талашевске Зоя Осечкина, легко контузившая разделочной доской мужа, заставшего ее на кухне в момент свального греха с аварийной бригадой горгаза.

Сделав очередной тугой и красивый стежок, Смыков машинально покосился на часы (было самое начало седьмого, конец обычного рабочего дня), отложил драгву в сторону и снял трубку телефона.

— Доставьте ко мне административно арестованную Осечкину, — сказал он как можно более обыденным тоном. — Пусть хоть стекла в окнах протрет, а то темно, как в подвале.

Однако Смыкову никто не ответил. Он подул в микрофон, постучал по рычагам — телефон не подавал признаков жизни.

Недоуменно пожав плечами, он высунул голову за дверь и повторил то же самое открытым текстом.

На этот раз дежурный ответил назамедлительно:

— Да подожди ты! Тут и без тебя запарка...

Было что-то странное в этом ответе — нет, не содержание и даже не грубый тон, а нечто совсем другое... Лишь спустя несколько секунд Смыков понял, что именно насторожило его — отсутствие привычного шумового фона. Все аппараты связи молчали, помдежи приутихли, и даже пьяницы, буйствовавшие до этого в решетчатом вольере, молчали.

— Что там у вас, братец вы мой, случилось? — поинтересовался немного озадаченный Смыков.

— Если бы у меня... — В голосе дежурного искрой проскальзывало копившееся годами раздражение, обещавшее вот-вот разразиться настоящей грозой. — Электрики что-то портачат, мать их всех наперекосяк...

Прикрыв дверь, Смыков шелкнул выключателем — в кабинете, несмотря на довольно ранний час, уже собирались сумерки. Пыльная лампочка под потолком загорелась вполнакала, немного поморгала и погасла окончательно. Смыков проверил городской телефон — глухо. Радиоточка тоже безмолствовала, впрочем, она и раньше работала только в сухую и безветренную погоду. Тогда Смыков вытащил из сейфа транзисторный приемник, недавно изъятый у несовершеннолетнего вора, очистившего городской Дом культуры. Еще сегодня утром он исправно действовал, передавая прогноз погоды и концерт по заявкам.

Молчали средние волны, молчали длинные, молчали все диапазоны коротких. Это уже не было похоже на простую случайность.

Смыкову стало как-то не по себе и сразу потянуло к людям.

Возле дежурки несколько подзадержавшихся после службы милиционеров уже чесали языки, обсуждая странную ситуацию с электроэнергией. Досталось и народу-разгильдю, и государственному строю, и местной власти. В конце концов все сошлись на том, что виноват диспетчер на подстанции: вырубил с пьяных глаз главный рубильник и заснул мертвецким сном. Такие случаи, кстати, уже бывали.

— Тогда почему телефон не работает? — возразил Смыков, склонный, как и все следователи, к логическим умозаключениям. — Ведь на телефонной станции аварийное питание имеется. Аккумуляторные батареи и дизель.

Дежурный, еле сдержавший гнев, перестал бесцельно ты-

кать в клавиши коммутатора и велел милиционеру-водителю для прояснения ситуации смотреть на городской узел связи.

Спустя минут пять с улицы раздался растерянный голос гонца:

— Не заводится, проклятый!

Все повалили наружу к дежурной машине — автомобиль не телефон, с ним разобраться можно. Очень скоро выяснилось, что на свечах нет искры. Мнение было однозначным: сел аккумулятор. Попробовали завести мотор ручкой — не получилось. Стали толкать машину туда-сюда, через четверть часа запыхались. Догадались притащить из гаража резервный аккумулятор, но и он не подавал признаков жизни.

— Ребята, на небо гляньте! — с неподдельной дрожью в голосе сказал вдруг кто-то.

Все, в том числе и Смыков, возвели очи горе. Низко над головами, от горизонта до горизонта, клубилось что-то непонятное — тучи не тучи, туман не туман, а какой-то мутный сизый дым. И сквозь это неизвестно откуда взявшееся мрачное марево заметно было, как одновременно с востока и запада медленно надвигается что-то темное, массивное — словно смыкаются створки ворот неба.

— По территории области ясно, без осадков, ветер умеренный, порывами до сильного, — пробормотал Смыков.

— Что? — недоуменно переспросил дежурный, продолжавший зачарованно пялиться вверх.

— Погоду, говорю, сегодня хорошую обещали. Ясную...

— Да уж...

Толпа возле машины постепенно росла. У каждого были свои проблемы: кто-то не смог доварить варенье, кому-то надо было везти в роддом роженицу, у кого-то срывалась свадьба или похороны, некоторым просто не терпелось почесать ласы. На велосипеде прикатил фельдшер «Скорой помощи» и, запыхавшись, объявил, что связь с больницей не работает, диагностическая аппаратура отказала, автомобили не заводятся, операции приходится заканчивать при свете керосиновых ламп.

— А я здесь при чем? — огрызнулся дежурный.

— Принимайте меры! — возмутился фельдшер. — Вы же власть!

— Власть моя сейчас только этой штуки касается, — дежурный похлопал по кобуре. — К попу лучше иди, пусть он у Всевышнего помощи попросит.

С похожими жалобами вскоре явились начальник пожар-

ной части, директор жилищно-коммунального хозяйства и наряд ночной милиции в полном составе. Вопросов сразу прибавилось: в пожарных гидрантах упало давление, повсеместно отказала охранная сигнализация, в остановившихся между этажами лифтах заблокированы люди, водозаборные скважины не действуют, котельная вот-вот остановится.

Люди возбужденно гомонили, но не забывали с тревогой наблюдать за жутковатым действием, разворачивающимся на небе.

Неровная полоска сравнительно светлого пространства становилась все уже, а с обеих сторон наплывала тяжелая, каменно-серая мгла — уже не створки небесных ворот смыкались, а захлопывались иззубренные челюсти вселенского капкана. Когда вверху осталась только узенькая, мерцающая, как радуга, изломанная линия, Смыков невольно поежился: ну сейчас шарахнет! Казалось невероятным, что столкновение столь осязаемо-плотных масс пройдет безо всяких разрушительных последствий. Ведь в небе сходились не тучи, а два гранитных глетчера, готовые смять, искрошить, перемолоть друг друга и каменным дождем обрушиться на замершую в тревожном ожидании землю.

Однако паче чаяния ничего из ряда вон выходящего не произошло: весь небосвод принял равномерный тускло-серый оттенок, дымное марево поредело, даже темнее не стало. Правда, откуда-то сразу потянуло ветром — не теплым, не прохладным, а каким-то знобящим, словно опасный сквозняк.

Многие вздохнули с облегчением, хотя и непонятно было почему. Первое оцепенение прошло. Вскоре в толпе уже повсюду муссировался слух о начале третьей мировой войны.

— Все большие города уже ракетами раздолбали, потому и связи нет, — говорили одни. — А на наш Талашевск самую замучанную боеголовку тратить зорно.

— Почему тогда в аккумуляторах тока нет? — возражали другие.

— Есть уже в мире такое секретное оружие, — объяснял какой-то знаток. — Индукционным называется. Если его применить, у врага ни один мотор не заведется. Коли не верите, могу газету показать.

— Газету ты внукам на память оставь. Если на самом деле война началась, следующий номер не скоро выйдет.

— Что же делать? В военкомат идти, в добровольцы записываться?

— Уж лучше сразу в партизаны...

— В полицаи тоже неплохо.

— Смотри, как бы тебя за такие слова к стенке не поставили, сопляк!

— Ты, что ли, поставишь? Кишка слаба, дедушка! Отсиделся в Ташкенте, а теперь героя из себя корчишь.

— Ладно, мужики, не горланьте, менты рядом.

— Да как он посмел! Я на трудовом фронте был! Я награды имею!

— Как же, имеешь. Заслуженного туберкулезника...

Более-менее осмысленно действовал только дежурный. Приструнив особо настырных жалобщиков и цыкнув на крикунов, он снабдил помощников велосипедами, хранившимися в специальном сарае для бесхозного транспорта, и разослал их в разные стороны — одного к начальнику милиции, другого на электрическую подстанцию. Свой пистолет он отдал Смыкову, а сам вооружился автоматом.

— Главное, к оружейке никого не подпускай, — предупредил он. — Помню я эти дела с сорок первого года... Как паника начнется, народ сначала в магазины за спичками и водкой кинется, а потом за оружием полезет.

Из всех присутствующих он, наверное, один относился к случившемуся вполне серьезно и не ждал от ближайшего будущего ничего хорошего. Что ни говори, а опыт оккупации сказывался.

Спустя полчаса явился начальник, злой, как вырвавшийся из бутылки джинн. Посыльный оторвал его от вечернего застолья в кругу семьи. Загадочное бедствие, свалившееся на Талашевск, прошло мимо его внимания.

Начальник уже и упомянуть не мог, когда в последний раз передвигался пешком. Даже детей его в школу и на дискотеку возила служебная машина. Во всем случившемся он видел прямую вину дежурного и тут же принялся распекать его за халатность:

— И откуда только, Савостюк, вы взялись на мою голову? У вас ни одно дежурство без чрезвычайных происшествий не обходится! То флаг с горсовета сопрут, то утопится кто-нибудь, то дети гумно сожгут! Давно замечаю, наплевательское у вас отношение к службе! До пенсии дослужить не хотите!

— Хочу, — дежурный поднял к нему мрачный взор. — Да, видно, не получится... Тревогу надо объявлять, товарищ полковник.

— Вы тут панику не разводите! — взбеленился полковник. — Тревогу только начальник управления объявить мо-

жет! Или лицо, им специально уполномоченное! Я на себя такую ответственность брать не собираюсь! Придумали тоже... Лучше бы как следует за порядком следили. Что это за толпа вокруг? Массовые беспорядки провоцируете?

— И все же тревогу объявлять придется, — повторил дежурный отрешенно.

Начальник плюнул и удалился в кабинет, где в его сейфе хранились запечатанные сургучом секретные инструкции на все случаи жизни: как действовать в условиях применения оружия массового поражения, как тушить лесные пожары, как бороться с наводнениями, как рассеивать взбунтовавшиеся толпы, как локализовать внезапно возникший очаг эпидемии скота, какие меры принимать при защите госучреждений от погромов, как выявлять диссидентов и даже как вести себя при появлении неопознанных летающих объектов.

О внезапном исчезновении всех видов связи и электричества, а тем более об имевшем место странном небесном явлении в этих циркулярах даже близко не упоминалось. Тогда начальник вызвал к себе Смыкова, наиболее рассудительного, по его мнению, из всех, кто в данный момент был под рукой.

— Какие соображения имеете? — спросил он строго. (Фраза эта впоследствии запала в память Смыкова на всю жизнь.)

— Никаких, товарищ полковник, — признался он честно.

— Ну и молодежь пошла, — с сарказмом произнес начальник. — Смена называется... Учи вас, учи, а результат один. Никаких соображений, вот и все!

— Я юрист, товарищ полковник, — осторожно заметил Смыков. — А тут вопрос чисто научного характера. Если, к примеру, у автомобиля при аварии ось ломается, я металловедческую экспертизу назначаю. Специалистам виднее... Так и тут... Полагаю, нужно обратиться за консультацией к преподавателям физики.

— Преподаватели эти еще меньше твоего знают. Для них закон Ома, что Бог... Чудес не приемлют... Жаль, до управления не дозвониться, — он легонько стукнул ладонью по белому телефонному аппарату, напрямую соединявшему его кабинет с приемной начальника управления. — Там бы помогли...

Сказано это было так, будто генерал-майор Тетюхин на подобие Бога Саваофа был способен руководить движением светил на небе.

Внезапно снаружи раздался шум мотора. И начальник, и Смыков одновременно сунулись к окну, так что едва не столкнулись лбами. По соседней улице, вихляя из стороны в сторо-

ну, словно все его четыре колеса имели разный диаметр, ехал трактор с прицепом.

— Вот видите! — вскричал начальник осуждающе. — Ездят же люди! А вы тут дезинформацию сеете! Задержать немедленно!

Исполнительный Смыков расторопно, но без лишней суеты (должность не позволяла) выскочил на улицу и, увлекая своим примером других милиционеров, организовал преследование непонятно каким образом двигавшегося трактора.

Тракторист не мог не видеть за собой столь многочисленную погоню, однако только прибавил скорость. Положение спас тот из помощников дежурного, который ездил на подстанцию. Увидев перед собой трактор, преследуемый толпой людей в мышинных мундирах, он инстинктивно выхватил пистолет и прицелился в лобовое стекло.

Тракторист хотел свернуть в переулок, однако не рассчитал и зацепил прицепом за осветительную опору. Пока он сдавал задом, пытаясь развернуться, подбежал Смыков с соратниками. Тракториста выдернули из-за руля так энергично, что даже сапоги его остались в кабине.

— Вы почему, братец мой, не реагируете на законные требования работников милиции? — спросил запыхавшийся Смыков, хотя вопрос был чисто риторический: от тракториста разило перегаром, как от бродильного чана.

— Не бейте, братцы! — завершал он, словно затравленный борзыми заяц. — Больше не буду, клянусь мамой!

— Мука ворованная? — поинтересовался Смыков, заглянув в прицеп, где сиротливо лежали два припудренных мучной пылью пятидесятикилограммовых мешка.

— Ворованная! — признался тракторист. — Все себе берите, только не бейте!

В прежние времена можно было тут же возбуждать уголовное дело, но сейчас Смыкова интересовало совсем другое:

— У вас мотор нормально заводится?

— Не знаю, — вытаращился на него тракторист. — Я его с самого обеда не глушил.

— Понятно, — сказал помощник дежурного, все еще не выпускавший пистолета из рук. — Это же дизель. У него в цилиндрах смесь не от искры, а от сжатия воспламеняется. Можно вообще без электричества обходиться.

Трактористу для порядка накоматыляли по шее, но потом все же вернули в кабину — опытом вождения трактора никто

из милиционеров не обладал. Смыков сел рядом вместо конвоира.

Заполучив транспортное средство, начальник сразу повеселел. Даже полное отсутствие комфорта не устрасило его. Прицеп подмели, выбросили прочь мешки с ворованной мукой, а на их место поставили пару мягких стульев. Теперь можно было отправляться на поиски советских и партийных властей.

— Соображаете, кого везете? — Смыков для острстки ткнул сразу повеселевшего тракториста пистолетом в бок.

— Не бзди, командир! — жизнерадостно ответил тот. — Довезу в лучшем виде. Я хряка за сто километров по проселку возил. Так это же хряк! Не чета вашему бугру. В нем двадцать пудов веса! Он от любого толчка ногу сломать может. Ты со мной согласен, командир?

Не обращая внимания на болтовню тракториста о хряках и свиноматках, Смыков велел ему сначала подъехать к военкомату. От посыльного, вернувшегося с подстанции, было уже известно, что энергетики сами ничего не понимают.

Ничего не понимал и дежурный по военкомату. Ни одна из расквартированных на территории района частей еще не подала о себе весточки.

— В райком езжайте, — равнодушно посоветовал он. — Наш туда потопал.

Признаков паники в городе не наблюдалось, хотя народа на улицах бродило больше, чем положено в это время. Впрочем, удивляться тут было нечему — людей в основном гнали из домов потухшие экраны телевизоров. Собравшись в кучки возле своих подъездов, они что-то обсуждали, чаще, чем обычно, поглядывая на небо. Грязный и разболтанный трактор, везущий куда-то в прицепе одного-единственного, хорошо известного всем горожанам пассажира, вызывал всеобщее любопытство.

Подъезжать к райкому ближе чем на пятьдесят метров не полагалось (все столбы были завешаны соответствующими дорожными знаками), но обстоятельства нынче были не совсем обычными, и Смыков сам указал трактористу, где припарковаться — прямо напротив центрального подъезда, между бронзовым вождем с воздетой рукой и голубой елью, посаженной для симметрии на месте другого бронзового вождя, снесенного в свое время за ошибки, допущенные в работе.

— Мотор не глушите, братец вы мой, — сказал Смыков, покидая кабину. — И не на шаг в сторону. Мы ненадолго.

— А если солярка кончится, командир? — поинтересовался чумазый тракторист.

— Уж вы постарайтесь, чтоб не кончилась. — Смыков изобразил просительную улыбку. — Иначе хряка своего любимого больше не увидите.

— Пугаешь, командир! — ухмыльнулся тракторист. — У меня же не расстрельная статья.

— Не расстрельная, — согласился Смыков. — Но на пару лет потянет. А двадцатипудовые хряки столько не живут.

...В кабинете второго секретаря (первый неделю назад отбыл в южные края на отдых) собралось уже немало публики: всякая руководящая шушера из горсовета и райисполкома, директора заводов, начальник узла связи, одетый по-домашнему военком, главврач, железнодорожник с непонятными для Смыкова звездами и шевронами на рукаве и даже председатель пригородного колхоза Герой труда Прокоп Булыга.

Обсуждение текущего момента пока проходило на уровне уличной дискуссии, с той лишь разницей, что здесь присутствовала направляющая и руководящая сила, кроме всего прочего умеющая очень ловко затыкать чужие рты.

— После восемнадцати часов пяти минут через станцию Талашевск не проследовало ни одной единицы подвижного состава, — докладывал железнодорожник. — О местонахождении одного скорого, двух пассажирских, двух пригородных, пяти товарных и трех сборных составов ничего не известно.

Второй секретарь по традиции курировал аграрный сектор и во всем, что не касалось сельского хозяйства, разбирался туго. Болезненным взором обведя стены кабинета, он уставился на портрет матроса Пидоренко, считавшегося первым председателем Талашевского ревкома. Вспомнив, очевидно, о легендарных подвигах бывшего балтийца, всем другим видам транспорта предпочитавшего железнодорожный, он приказал:

— Пошлите дрезину.

— Мотодрезины имеются только на узловых станциях, — сказал железнодорожник с таким видом, словно признавался в тайном пороке.

— Паровоз пошлите... — подумав немного, произнес секретарь. — У вас же их в резерве несчетное количество.

— На расконсервацию паровоза уйдет не менее пяти суток, — железнодорожник едва не плакал. — Я вот что хочу сказать... Наш участок дороги электрифицирован и снабжает-

ся электроэнергией от нескольких независимых источников. Пропадание тока практически исключено... Такого я за двадцать лет службы не упомяну!

— Обходчиков, в конце концов, пошлите! — вышел из себя секретарь.

— Нет уже обходчиков... Еще в прошлой пятилетке сократили.

— Ну так сами идите! Через два часа лично доложите обстановку.

Железнодорожник, бледный и до этого, стал зеленовато-серым, как свежеексгумированный труп, и попятился к дверям. В наступившей неловкой тишине раздался вальяжный голос Прокопа Булыги, на правах депутата Верховного Совета позволявшего себе много вольностей.

— Послушай, Герц Лейбович, — обратился он к председателю райпотребсоюза Хаймовичу. — Тебя родня из Израиля ни о чем таком не предупреждала?

— Нет, Прокоп Иванович, — ответил флегматичный с виду, но хитрый до неприличия Хаймович.

— И эта контора... как ее?.. Ну, на которую ты работаешь?

— Моссад, что ли?

— Вот-вот!

— Сидел бы я тут сейчас с вами, если бы меня предупредили, — Хаймович зевнул и прикрыл рот пухлой ладошкой. Он один тут не боялся будущего, даже самого страшного. Запасов золота, валюты, ширпотреба и продуктов должно было ему хватить лет на сто пятьдесят.

Прокоп Булыга хотел спросить еще что-то заковыристое о Голде Меир и Моше Даяне, но секретарь строго прервал его:

— Вы, товарищ Булыга, не забывайте, где находитесь. Здесь не цирк, а райком партии, между прочим. И повод, по которому мы собрались, к шуткам вовсе не располагает.

— Виноват, исправлюсь, — ухмыльнулся Булыга.

Взгляд секретаря лихорадочно искал среди окружающих человека, на которого можно было бы опереться, и вскоре обнаружил его на самом дальнем от себя стуле. Там восседал, сонно глядя в пространство, уполномоченный госбезопасности по Талашевскому району майор Буреломов, мужчина еще не старый, но от безделья огузневший телом и душой.

— Товарищ Буреломов, — напрямую обратился к нему секретарь. — По вашим каналам никакой предварительной информации не поступало?

Кагэбист пожевал губами и ответил, ни на кого не глядя:

— По нашим каналам информация об отключении электричества не поступает. По нашим каналам поступает информация о враждебно настроенных лицах.

— Разве чрезвычайные происшествия не входят в компетенцию комитета? — не очень уверенно осведомился секретарь.

— В компетенцию комитета входят болтуны, — отрезал Буреломов.

Поняв, что такого типа ему не приструнить, секретарь переключил внимание на людей ближних, под его рукой ходивших. Все они, пожаловавшись для начала на серьезные трудности в работе, вызванные нештатной ситуацией, с оптимизмом обещали, что в самое ближайшее время жизнь наладится: появится свет, восстановится связь, поедут поезда и машины, заработает канализация, из кранов потечет вода, хладокомбинаты дадут холод, пекари — хлеб, котельные — пар, а из центра придут мудрые указания.

— Ничего не наладится, — сказал вдруг башковитый Герц Лейбович. — Времени сейчас сколько? Почти десять. А день когда должен закончиться? Гляньте на календарь... Правильно, в семь. Уже давно стемнеть пора. А на улице светло, как в июне.

— Опять вредителей работа! — хохотнул Прокоп Булыга.

— Вполне возможно... Хотя не слыхал я о таких вредителях, которые смогли бы день удлинить.

— А я слыхал про одного, — возразил председатель орденосного колхоза. — Иисусом Навином звали. Твой земляк, кстати.

— Вы прекратите или нет! — секретарь постучал карандашом по графину. — Необычные атмосферные явления еще не дают повода для пессимизма. Вспомните, товарищи, мы и не такие трудности преодолевали! В прошлом году из-под снега урожай спасли! Давайте готовить постановление!

Постановление общими усилиями было подготовлено только к полуночи. Основные его пункты, одобренные как на бюро райкома, так и на внеочередной сессии райисполкома, были таковы. До утра не предпринимать никаких кардинальных мер, поскольку все может разрешиться само собой. Если до шести тридцати электричество и связь не восстановятся, отправить уполномоченного в область. Взять на учет и привести в действующее состояние все дизельные транспортные средства. В магазинах, на базах и пищекомбинатах произвести строгий учет всех продовольственных товаров. Составить список

предметов первой необходимости и изъять их из свободной продажи. В дальнейшем перейти на карточно-распределительную систему. Путем разъяснительной работы в массах пресекать возможные случаи паники и мародерства. Милицию перевести на казарменное положение и выставить из ее числа постоянные посты вблизи всех особо важных объектов по прилагаемому списку. Персональную ответственность возложить на руководство района, администрацию предприятий и учреждений.

— Особые тройки не мешало бы еще ввести, — посоветовал Прокоп Булыга. — Чтоб, значит, саботажников, двурушников и космополитов без суда и на месте...

— Вот тебя первого, Прокоп Иванович, на месте и надо, — сказал Хаймович, случайно выглянувший в окно. — Не твои ли это коровы под окнами райкома гадят?

— Мои коровы давно в стойле стоят, — фыркнул Герой Соцтруда.

— Могу спорить, что твои, — не унимался торгаш. — Других таких худых коров, как у тебя, нигде в области нет.

Смыков из любопытства тоже глянул в окно. По газону перед райкомом бродили, пощипывая травку, горбатые, малорослые и поджарые коровы, вся сила и стать которых, казалось, ушла в рога — огромные, как слоновые бивни. Невдалеке сидел на корточках пастух — глянцево-черный босой человек с ногами-палками, руками-плетями и жалостливо торчащими ребрами.

Когда Смыков в сопровождении еще трех-четырех смельчаков приблизился к нему и после предупредительных окриков тронул за плечо, негр осел набок, сложив длинные и тонкие конечности совсем как окочурившийся паук. Главврач потрогал его пульс, оттянул веко и сказал:

— Инфаркт. Как раньше говорили: разрыв сердца.

Военком опасно поднял копьё с черным, отполированным ладонями древком и тяжелым, грубо окованным наколочником.

— С такими только на медведя ходить, — сказал он глухо.

— Скорее, на льва, — поправил Смыков.

Начальник милиции, пользуясь постановлением районных властей как индульгенцией, все же объявил тревогу. Как всегда, когда такое мероприятие проводилось без предвари-

тельной скрупулезной подготовки, явились далеко не все, а половина явившихся старалась дышать в сторону.

Наличный состав переписали на бумажку, проинструктировали, вооружили и развели по постам.

Ночь так и не наступила. Даже в два часа можно было без труда читать газету. Небо продолжало удивлять и пугать — то по нему прокатывалась какая-то быстрая рябь, то в разных местах начинало просвечивать мутное зарево.

Электричество не появилось ни в шесть тридцать, ни в восемь, зато люди стали замечать разные знамения: налетела стая розовых попугайчиков и устроила драку с воробьями, на городской парк упала туча крупной, никогда не виданной в этих краях саранчи, река заметно мелела, все дальше отступая от берегов.

Пассажиры остановившихся поездов пешком добрались до Талашевска и табором расположились на вокзале. Сразу дала знать о себе нехватка питьевой воды. Возле закрытых магазинов выстроились огромные очереди. Горожане, оставшиеся безо всякого занятия, кинулись на окрестные поля рыть колхозную картошку. Загорелось несколько квартир, жильцы которых попытались готовить пищу на примитивных очагах. Тушить их было нечем.

Из разных мест района стали доходить нелепые слухи о каких-то чужих людях, грабящих добро, угоняющих скот и насилующих женщин. Описания между собой резко разнились: то это были косоглазые всадники на лохматых коньках, то полуголые негры с копьями, то лица кавказской национальности в железных панцирях и шлемах.

Единственной хорошей новостью было то, что районное начальство установило контакт с ближайшими воинскими частями и в город прибыло несколько бронетранспортеров с мотопехотой на броне.

Смыкову пришлось поспать всего несколько часов. За последние сутки он так вымотался, что даже не обратил внимания на Зою Осечкину, которую в числе других узников изолятора досрочно выпустили на волю.

Так прошло — если верить часам — еще трое суток. Положение ухудшалось едва ли не с каждой минутой. Ста тысячам горожан требовалось регулярно есть, пить, умыться и испражняться. Разъяснительная работа не могла заменить воду и хлеб. В самое ближайшее время можно было ожидать погромов и голодных бунтов.

Деньги мгновенно упали в цене, уступив место натураль-

ному товарообмену. Собрание сочинений Дюма теперь тянуло на полпуда муки. За новый телевизор давали в лучшем случае полбуханки хлеба.

Несмотря на строжайшее запрещение санэпидстанции, горожане переловили и прирезали на мясо весь рогатый скот, неведомо какими путями забредший в Талашевск. Пастуха-негра после вскрытия, полностью подтвердившего диагноз главврача, похоронили в безымянной могиле, а копы и диковинную одежду сдали в краеведческий музей. Загадочное появление чернокожего перед окнами райкома партии можно было объяснить только чьей-то грандиозной мистификацией.

Не меньше, чем перебои в снабжении и отсутствие коммунальных услуг, угнетала неизвестность — ни один из посланных в область так и не вернулся. Вскоре возникла еще одна пугающая проблема: угроза бунта в исправительно-трудовой колонии, расположенной в пригороде Талашевска. Вырвавшаяся на волю тысячная толпа урок могла наломать немало дров.

На четвертые сутки из глухой деревушки, затерявшейся в лесах Добриневского сельсовета, прибыл на подводе почтальон и сообщил об ограблении магазина. Несмотря на тревожное время, на место происшествия решено было отправить оперативную группу для возбуждения уголовного дела и проведения розыскных мероприятий по всей форме.

Старшим выпало ехать Смыкову, впрочем, он и не отказывался. Перспектива с пистолетом в руках идти на штурм взбунтовавшейся колонии устраивала его куда меньше.

Прежде чем отправиться хоть и не в дальнюю, но неизвестно что обещавшую дорогу, целый час заводи́ли старенький «МАЗ», весь свой век возивший песок из карьера на цементный завод. Хорошо хоть вояки выручили — взяли бронетранспортером на буксир. Горючего с собой захватили целых три бочки, чтобы не глушить на остановках мотор.

На выезде из Талашевска опергруппа едва прорвалась сквозь толпы беженцев. Люди, нагруженные мешками, узлами, чемоданами — кто пешком, кто на велосипедах, — покидали город, не способный прокормить и обиходить их. Все надеялись найти приют, покой и обильную пищу у деревенской родни.

Впрочем, километров через десять пейзаж принял вполне мирный вид, и, если бы не это жуткое небо, готовое, казалось, вот-вот рухнуть на землю, можно было подумать, что ничего из ряда вон выходящего не произошло. Да уже и к небу стали понемногу привыкать, присмотрелись.

Перед самой деревней дорогу перебежал худой, похожий на собаку заяц с обвисшими ушами.

— Ай, нехорошо, — сказал пожилой водитель, в кожу которого навечно вьелись мазут и копоть. — Не будет нам удачи.

С момента кражи прошло уже немало времени, и то, на что не покусились неизвестные преступники, растащили сельчане. Такого мнения по крайней мере придерживалась заведующая магазином.

Взлом замка был грубый, непрофессиональный — вместе со скобой вывернули едва ли не всю дверную филенку. Довольно скоро обнаружился путь, которым ушли воры — малохоженная лесная тропинка, даже не обозначенная на карте-двухверстке, которую Смыков на всякий случай прихватил с собой. Лиходеи, явно переоценив свои возможности, хапнули чересчур жирный кусок и уже в пути стали освобождаться от излишков добычи. Через каждые сто-двести метров на тропинке то эмалированная кастрюля валялась, то блюдо от чайного сервиза, то резиновый сапог.

— Запасливый народ, — сказал шагавший впереди лейтенант из угрозыска. — На копеечное барахло позарились.

— Это сегодня оно копеечное, а завтра ты его и за сто рублей не купишь, — философски заметил топавший в арьергарде немолодой сержант. — Надо будет собрать все на обратном пути.

— Соберем. Вещдоки, как-никак... Только рано ты про обратный путь стал думать. Нам еще шагать и шагать.

— Ты до генерала хочешь дослужиться, ну и шагай себе, — огрызнулся сержант. — А я свое уже отшагал...

Так они втроем отмахали довольно приличное расстояние. Лес как-то незаметно кончился, и пошли места незнакомые — каменистые косогоры, голые бугры, щебеночные осыпи. Тропа пропала, да и следы на твердом, спекшемся грунте почти не читались. Мимо скользнула длинная сине-зеленая ящерица с красной головой.

— Что за черт! — лейтенант остановился. — Куда это мы забрели?

— Сейчас посмотрим, — Смыков снова развернул карту, а поверх нее положил компас, который постоянно брал с собой при выезде на место происшествия. — Где тут у нас север-юг?

Однако магнитная стрелка, отпущенная на волю, повела себя самым странным образом — сначала мелко задребезжала, а потом стала метаться по шкале наподобие маятника.

— Барахло, — сказал лейтенант. — Выкидывай.

— Странно. — Смыков несколько раз безуспешно встряхнул компас. — Первый раз с ним такое... Видимо, все одно к одному. Магнитные поля и те взбесились.

Лейтенант, тянувший срочную в ПВО, с этим предположением согласился, а сержант, не веривший в существование магнитных полей, только саркастически ухмыльнулся.

Пришлось определяться на глазок, без азимута. Однако как Смыков ни бился, ничего у него не получалось.

— Вот здесь мы должны быть, — тыкал он пальцем в карту. — Или, в крайнем случае, здесь. В лесу, среди болот. А тут прямо Альпы какие-то.

Смыков прекрасно знал, что высшая точка Талашевского района — гора Партизанская — имеет высоту семьсот метров над уровнем моря и на гору совсем не похожа. Совершенно непонятно было, кому верить: недоступной для общего пользования оперативной карте или собственным глазам, которым чудились на горизонте настоящие горные гряды.

— Может, вернемся? — предложил сержант, человек пожилой и семейный. — Ну их к ляду, этих воров. Пусть подавятся чужим добром.

Некоторое время в душе Смыкова чувство служебного долга боролось с чувством здравого смысла. Когда силы сторон наконец прояснились, он сказал с притворным сожалением:

— Да, видно, придется возвращаться, а не то наш «МАЗ» все топливо спалит.

Попили водички из родника и двинулись восвояси — вернее, так им только показалось. Вместо родных болот вскоре начался затяжной подъем, изрытый пересохшими балками. Везде, куда только достигал взор, виднелись покрытые скудной растительностью увалы.

— Никак заблудились! — струхнул сержант.

— Я в нашем районе заблудиться не могу! — категорично заявил лейтенант.

— Следовательно, мы не в нашем районе, — довел его мысль до логического конца Смыков.

Предположение выглядело вполне трезво, но чтобы его осмыслить, пришлось присесть.

— А в каком мы районе? — после долгого молчания осведомился сержант.

— Будем считать, что в Европе, — сообщил Смыков. — Хотя и Азию с Африкой исключить нельзя.

— Азию... с Африкой... — эхом повторил сержант. — Мать честная!

После этого он вскочил и, витиевато обругав обоих спутников, исчез в ближайшем распадке. Не обладая уникальными способностями голубя или кошки, он тем не менее намеревался добраться до родного дома, руководствуясь одним только чутьем.

— Дурак, — сказал вслед ему лейтенант. — А ты это про Африку серьезно?

— Разуй глаза, — только и смог ответить Смыков.

После недолгого обмена мнениями решено было идти в сторону, противоположную горам, — авось встретится какая-нибудь примета, которая выведет на родину. Смыков придерживался мнения, что эта географическая чертовщина является следствием внезапной подвижки материков, лейтенант же доказывал, что горы выросли на месте Добриневского сельсовета естественным путем, как растут грибы после дождя или фурункулы после чрезмерного застолья.

Далекie вершины продолжали маячить за их спинами и спустя три часа размеренного хода, а дикий пейзаж вокруг не менялся.

— Необитаемое место, — констатировал уже порядочно утомившийся Смыков.

— Надо было вместо тебя Сизову из детской комнаты с собой взять, — вздохнул лейтенант. — Хоть бы потомство оставили.

— Жрать бы что стали, братец вы мой?

— Нашли бы чего-нибудь... Ящерицы бегают, птицы летают... Кстати, вон и дымок! Да и жареным с той стороны попахивает! Наверное, пастухи шашлык готовят.

Глотая слюнки от аппетитного запаха (как-никак последний раз ели часов десять назад, да и то всухомятку), они устремились в сторону костра, впрочем, не забыв привести оружие в боевое состояние. Желая застать людей, которые жгли костер, врасплох, последние пятьдесят метров пробирались по дну неглубокого оврага, где ящерицы просто кишели и даже одна змея встретилаcь.

Когда треск костра стал явственно слышен, они с разгона вскарабкались наверх и... остолбенели.

— Вот так шашлычок... — пробормотал лейтенант спуская

некоторое время и попытался блевануть, да не смог — желудок был пуст.

Смыков, человек от природы стойкий и маловпечатлительный ко всему, что не касалось женщин определенного сорта, не стал ни возмущаться, ни блевать, а просто подошел к догорающему костру и принялся ногами разбрасывать головешки.

Впрочем, это уже не могло облегчить муки сержанта, убежавшего несколько часов назад. Да и узнавался он только по сапогам, стойко перенесшим действие огня, и по валявшейся неподалеку фуражке с красным околышком.

— Вот тебе и необитаемые места, — сказал лейтенант, прикрывая рот ладонью. — Кто же его так, а?

Обугленное тело сержанта было привязано к одинокому корявому дереву цепями, следовательно, сделать это могли только люди, достигшие определенного уровня цивилизации. А то, что среди золы обнаружился покрытый окалиной пистолет, указывало, что уровень этот не так уж высок.

Смыков поднял фуражку, тут же развалившуюся на две половины, скрепленные между собой только козырьком. Вся она была пропитана кровью и оттого непривычно тяжела.

— Значит, не мучился, — констатировал Смыков. — Мертвого жгли... А рубанули, похоже, топором... Сзади...

— Не-е, — возразил лейтенант, все еще старавшийся держаться на дистанции. — От топора след короче должен быть... А тут через всю тулью... Скорее всего — сабля... Похоронить бы его надо.

— Как мы его, братец вы мой, похороним? Земля как камень, а у нас даже ножа нет. Пусть повисит, пока мы за подмогой сходим. Надо оформить по сотой статье — убийство с особой жестокостью. Прокурор, думаю, поддержит.

— Юморист ты, Смыков, — скривился лейтенант. — Медведь здесь прокурор. Слышал такую прибаутку? Ноги надо уносить, пока не поздно.

Смыков тем не менее составил краткий протокол осмотра места происшествия, приобщив к нему в качестве вещественных доказательств испорченный огнем пистолет и сильно обгоревшее удостоверение личности. Лейтенант скрипел зубами от злости, однако терпел.

Закончив бумажные дела, пошли куда глаза глядят, наудачу. Смыков заикнулся было, что надо искать ручей и идти вниз по течению, но лейтенант демонстративно игнорировал

его слова. И горные кряжи, и дымок догорающего костра уже скрылись за горизонтом.

Деревню они обнаружили совершенно случайно, по мычанию коровы, внезапно нарушившему зловещую тишину. Оба, не сговариваясь, присели и поползли на этот звук, столь неожиданный в таком диком месте. С гребня холма открылся вид на кучу каменных построек, обнесенных земляным валом. Дальше расстилались поля, покрытые необычайно низкорослой, сильно засоренной васильками пшеницей.

— Смотрите, мельница, — прошептал Смыков. — С крыльями. Отродясь такой не видел.

— И церковь с крестом.

— Где вы такие церкви у нас видели? И крест, заметьте, не православный.

— Точно. Сектанты какие-то...

— Или католики. Я похожие церкви на Кубе видел.

— Людей вроде не заметно.

— Подождем.

В мучительном ожидании прошло не меньше часа. Хотелось есть и спать одновременно, да и мухи, непомерно расплодившиеся возле человеческого жилья, донимали. Высоко в небе появилось несколько стервятников, вероятно, принявших Смыкова и его спутника за падаль.

Из деревни не доносилось иных звуков, кроме жалобного, повторяющегося через равные промежутки времени, мычания.

— Эх, молочка сейчас... — произнес лейтенант страстно. Даже воспоминания о «шашлыке» в сапогах не могли унять его голодных мук. — Может, пойдем, а?

— Пошли, — кивнул Смыков. — Только, братец вы мой, осторожно.

Низко пригибаясь к земле, они короткими перебежками достигли деревни. Вскрабкаться на вал не удалось, так густо он зарос колючим кустарником. Ворота не было и в помине, от них остался только гнилой верейный столб.

— Без страха люди живут... Открыто, — сказал Смыков. — Не бояться незваных гостей.

— Терять просто нечего, — отозвался лейтенант. — Смотри, какая нищета. Крыши соломенные. Двери на борону закрываются.

Первый же дом, в который они зашли, поверг их в изумление и странным устройством шеколды, и скудностью внутреннего убранства, и грубой самодельной мебелью, и глинобитным полом. В комнате с очагом посредине и кое-какой

медной посудой на стенах, они, обшарив все углы, не обнаружили ничего, хотя бы отдаленно напоминающее съестное.

— Корову надо искать, — сказал лейтенант убежденно.

— А ты ее доить умеешь?

— Не подоим, так прирежем.

— Это, братец вы мой, уголовное дело. Сами знаете.

— Да пошел ты, законник...

Так, заглядывая во все дома подряд, они добрались до центра деревушки, где располагалось одно-единственное более или менее приличное здание — двухэтажное, с узорными решетками на окнах, крытое чем-то похожим на черепицу. Двор дома был обнесен глухим каменным забором, из-за которого и раздавалось коровье мычание.

Лейтенант тронул железную калитку, и та со скрипом поддалась. В тот же момент из глубины двора с хриплым рычанием примчались два огромных лохматых пса — настоящие волкодавы. Смыков едва успел втащить своего спутника обратно и захлопнуть калитку.

— Вот и попили молочка, — сказал он разочарованно.

— А ты анекдот про корейца, который на границе собаководом служил, знаешь? — поинтересовался лейтенант, задумчиво поглаживая кобуру. — А корейцы люди культурные, в правильном питании толк понимают.

— Вы это, братец мой, бросьте, — отрезал Смыков. — Нельзя так низко опускаться. Особенно в чужой стране.

Собаки захлебывались от злого вожеления и разве что прутья калитки не грызли. Казалось, они понимают, о чем говорят люди.

Внезапно кто-то позвал собак, и они исчезли с той же быстротой, с какой до этого появились. К калитке приблизилась хрупкая женщина, одетая в черные длинные одежды — даже носки туфель не было видно. На смуглом цыганском лице горели глаза, выражение которых сразу смутило Смыкова.

Она спросила что-то на чужом языке, и он, как ни странно, понял ее. Женщина поинтересовалась, христиане ли они.

— Си, синьора, — машинально ответил Смыков.

— Перекрестись.

Смыков не раз видел, как крестятся верующие на Кубе, и довольно правдоподобно воспроизвел этот жест.

— Войдите, — сказала женщина.

Ее испанская речь сильно отличалась от той, к которой привык Смыков, но была понятна почти в такой же степени,

как современному россиянину понятен церковно-славянский язык.

Ни разу не обернувшись, женщина провела их в дом и усадила за стол в просторной, чисто побеленной комнате, единственным украшением которой было черное дубовое распятие на стене.

— Вы чужестранцы? — спросила она.

— Да, — ответил Смыков. — Но вам не следует нас бояться.

— Недавно здесь побывали чужестранцы, непохожие на вас. Они убили пастухов и угнали наши стада. Падре сказал, что это слуги лукавого. Они не понимают нашего языка, не умеют креститься и питаются сырым мясом своих коней.

Лейтенант, ни слова не понимавший в их разговоре, каким-то чудом догадался, что речь идет о еде, и стал тыкать пальцем в свою широко открытую пасть.

— Жрать, мадам! Эссен! Ай уонт ит!

— Вы голодны? — спросила женщина.

— Немного, — засмушался Смыков.

Она кивнула, удалилась в соседнюю комнату и спустя пару минут вернулась с подносом в руках. Угощение состояло из кисловатого красного вина, хлеба, овечьего сыра и дюжины сырых яиц.

— Я не готовлю себе горячую пищу, — сказала женщина, словно извиняясь.

— Почему? — задавая этот вполне невинный вопрос, Смыков не знал, что именно он и сгубит его.

— Я усмиряю свою плоть, сеньор чужестранец. — Женщина потупила глаза. — На меня наложена епитимья.

— Какой же грех вы замаливаете, сеньора? — галантно заинтересовался он.

— Прелюбодеяние, — едва слышно ответила женщина. — Падре грозит, что, если я буду упорствовать в этом грехе, он передаст меня в руки святой инквизиции.

— А вы... упорствуете? — чувствуя в ушах хмельной звон, а в паху сладкий зуд, прошептал Смыков.

— Увы, — печально призналась женщина. — Не помогает ни власяница, ни самобичевание. Наверное, в меня вселился бес похоти. Все говорят, что я кончу жизнь на костре.

— Подождите... — здравый смысл еще не до конца покинул Смыкова. — Костер, инквизиция... В какой стране мы находимся?

— В Кастилии, сеньор чужестранец.

— А какой нынче год? — жуткая догадка промелькнула в его голове.

— Не знаю. Я неграмотная.

— А кто сейчас у вас король?

— Раньше мы молились за дона Хуана...

Это имя ровным счетом ничего не говорило Смыкову, в учебе делавшему главный упор на диамат и научный коммунизм, а вовсе не на историю. Ощущая себя человеком, с завязанными глазами ступившим на канат, он успел еще задать несколько вопросов.

— Куда подевались ваши люди?

— Бежали в город, под защиту пушек.

— А вы почему остались?

— Моя жизнь ничего не стоит в сравнении с имуществом падре. Если я сохраню его, мне обещано прощение всех грехов, как прошлых, так и будущих.

— Так, значит, вы служите у падре?

— С детских лет, сеньор чужестранец. Я сирота.

— И давно вас искушает бес похоти?

— С тех пор, как я помню себя.

— А сам падре не пробовал изгнать беса?

— Неоднократно, сеньор чужестранец, — с детской наивностью ответила она. — Раньше ему даже удавалось утихомирить проклятого на денек-другой. Но теперь падре одряхлел и утратил телесную силу. А другие мужчины только еще больше раззадоривают беса. Ах, я несчастная...

Лейтенант, не преминувший воспользоваться тем, что напарник отвлекся, быстро расправился с угощением и теперь сгребал в ладонь крошки со стола.

— Ты, Смыков, кончай, — сказал он, сыто рыгнув. — Разболтался не по делу... Трогаться пора. Попросим припасов в дорогу и уходим.

— Что? — рассеянно переспросил Смыков. — Ты один иди... Скажешь там, дескать, я задержался... Дня на три... Я прошлый отпуск не догулял. Мне положено...

— Ну и оставайся, бабник! — Лейтенант вскочил. — Черт с тобой! Вспомнишь меня, когда на костер голым задом сядешь! А начальству я всю правду расскажу! Как ты из-за юбки о службе забыл!

Однако служба, долг, присяга и даже собственная безопасность совершенно перестали интересовать Смыкова. Неведомая сила уже потянула его к этой худенькой чернявой женщине, потянула неудержимо, как Матросова к амбразуре, как Рабиновича к земле обетованной, как козла в огород.

— Мне приходилось изгонять из женщины беса похоти, — сказал он придушенным голосом, с трудом подыскивая нужные испанские слова. — Я буду рад, если смогу хоть чем-то отблагодарить вас за гостеприимство...

Беса решено было изгонять на широкой кровати падре, под сенью чудодейственного распятия, изготовленного якобы самим святым Антонием и содержащего в себе щепку Животворного Креста, на котором закончил земную жизнь Спаситель.

Все эти сведения Анхела (так звали черноглазую служанку) торопливо сообщила Смыкову, снимая свое скромное полумонашеское одеяние. Нижнего белья под ним не оказалось (впрочем, как позже убедился Смыков, его не носили и кастильские дворянки), зато имелась власяница — грубо связанная из конского волоса короткая безрукавка, действующая на кожу наподобие наждачной бумаги, — а также целый набор ладанок, деревянный лакированный крест и тяжелая медная иконка с цепями.

После бурных уговоров Анхела позволила Смыкову стащить с себя власяницу, зато расстаться с остальной амуницией категорически отказалась. Из-за этого во время любовных ласк она издавала мелодичный звон, совсем как новогодняя елка при землетрясении.

В худеньком легком теле, на котором все торчало — что ребра, что грудь, что ключицы, — и в самом деле таилась прямо-таки бесовская страсть. Очень скоро Смыков оказался внизу, и Анхела, беспрестанно бормоча молитвы, ерзала на нем, словно грешник на сковородке, крутилась, как флюгер в бурную погоду, подпрыгивала, точно мячик для пинг-понга. Распущенная черная грива моталась наподобие боевого бунчука, маятниками раскачивались ладанки, лязгали цепи, острые груди хлестали Смыкова по лицу.

Вначале слегка ошеломленный таким напором, он вскоре опомнился и решил постоять не только за свою персональную мужскую честь, но и за честь всех мужиков двадцатого столетия.

Бес, как видно, засел в Анхеле крепко и надолго, поэтому ограничиваться полумерами не приходилось. Время шло, молитвы Анхелы уже давно превратились в страстные стоны, из постели падре была выбита вся пыль, скопившаяся там за многие годы, даже чудодейственное распятие на стене поко-

силось, — а конца-краю этому странному экзорцизму¹ не намечалось.

«Ничего, — решил Смыков. — Костями лягу, но не сдамся. Не таких до обморока доводил».

Внезапно Анхела соскочила с него, стрелой вылетела в соседнюю комнату, но тут же вернулась на прежнее место, прихватив с собой витую ремennую плетъ. Продолжая рьяно заниматься тем, что лицемеры называют грехом, поэты — вершиной любви, а умники — капулятивным актом, она принялась охлестывать себя этой плетью. Даже Смыкову несколько раз чувствительно досталось. В те моменты, когда Анхела оказывалась к нему спиной, он мог видеть, как на коже партнерши от лопаток до крестца вспухают багровые полосы. Тогда, жалости ради, он прикрывал ладонями ее нежные, словно спелые персики, ягодицы.

Впрочем, плетъ выполнила предназначенную для нее роль — бес стал проситься на волю. Об этом свидетельствовали издаваемые Анхелой хрюкающе-мяукающие звуки, судорожные телодвижения, закатившиеся глаза и оскаленный рот. Покидая жертву, бес хотел ее руками отомстить Смыкову, но бывалый постельный боец сумел уберечься от ногтей и зубов своей обуянной страстью подруги, дождался, пока ее тело обмякнет, в темпе завершил свои собственные дела и с чувством выполненного долга растянулся на чужих перинах.

Притихшая, благостная Анхела лизала его небритую щеку.

— Ну как там этот бес? — спросил Смыков. — Ушел?

— Ушел, — ее ладонь скользнула Смыкову под майку и увязла в густых обезьяньих зарослях, в общем-то, не характерных для уроженца средней полосы России. — Ушел пока.

— Ничего. В следующий раз мы ему еще не так зададим.

— А где твой крест? — вдруг спросила Анхела.

— Крест? Какой крест? — вяло удивился Смыков. — Ах, этот... Потерял, наверно...

— Ты потерял крест, — она приподнялась на локте. — Как же это могло случиться?

— Бывает, — сонно пробормотал он. — Ты помолчи пока... Я посплю немного... Устал...

Вероятно, это было самое неприятное пробуждение в жизни Смыкова.

Мало того, что ему не дали вволю выспаться, мало того,

¹ Экзорцизм — обряд изгнания дьявола.

что его разбудил не ласковый поцелуй, а удар рукояткой алебарды в грудь, мало того, что его тут же заковали в грубое и тяжелое железо, — он получил возможность еще раз убедиться в женском коварстве.

— Это дьявол! — кричала Анхела, которую с трудом удерживали два мрачных типа в музейных доспехах. — Посмотри-те, на нем даже креста нет! Это он виноват во всем! Это он совратил меня! Зачем мне ломают руки? Что вы со мной делаете? Ведь это же я донесла на него! О Святая Дева, помоги!

— Не надо поминать имя Богородицы всуе, дочь моя, — сказал человек в коричневой шелковой рясе и перекрестился. — Ты будешь считаться соучастницей дьявола, пока не докажешь обратное. Враг рода человеческого рыщет повсюду, но искушает не всех подряд. Твое раскаяние, хоть и запоздалое, радует меня. Уверен, что святой трибунал определит истинную меру твоей вины. Каждому воздастся по его заслугам.

После этих слов на Анхелу были надеты ручные и ножные кандалы, соединенные между собой цепью. Пинками и затрещинами несчастных любовников выгнали из дома, причем Смыкову даже не позволили одеться. Слава Богу, что на нем остались сиреневая майка и сатиновые трусы в горошек. Вся его остальная одежда, включая пистолет, были помещены в холщовый мешок, на который тут же наложили восковую печать.

Кандалы мешали арестованным самостоятельно взобраться на высокую, устланную соломой телегу, и стража забросила их туда, как мешки с мукой. Под душераздирающие стенания Анхелы экипаж тронулся в путь. Вокруг сомкнулся конный кортеж, а рядом с кучером уселся рябой попик, время от времени пугливо совершавший над Смыковым крестное знамение.

Дорога выдалась не близкая, способность соображать уже вернулась к Смыкову в полной мере (теперь, поглядывая на зареванную, подурневшую Анхелу, он всякий раз спрашивал себя: ну что хорошего есть в этой стервозе), и можно было подвести некоторые предварительные итоги последних событий.

Судя по тому, что довелось увидеть и услышать, Смыков находился сейчас на приличном удалении от родных мест как в пространстве, так и во времени. Совершенно невероятным образом он попал из Талашевского района прямо в средневековую Испанию, еще даже не успевшую объединиться в единое государство. И хотя материалистическое мировоззрение Смыкова не допускало такой возможности, с фактами приходилось считаться.

То, что над этой страной тоже простиралось мертвое, переставшее менять свой суточный облик небо, наводило на мысль, что со старушкой Землей случилась какая-то грандиозная катастрофа, скомкавшая ее естество как в плане географическом, так и в плане историческом. Можно было без труда представить себе, какими последствиями это чревато в самое ближайшее время. Чтобы навестить тамбовскую тетю (да и где нынче тот Тамбов?), Смыкову теперь придется, к примеру, пробираться сначала через льды Гренландии, потом через империю богдыхана, доисторические болота, владения каннибалов, государство ацтеков и штат Джорджию времен Гражданской войны между Севером и Югом. Веселенькая перспектива, ничего не скажешь!

Смыкова и Анхелу доставили в замок Санта-Корону, где и разлучили. Ее бросили в вонючее подземелье, в котором несколько сотен потенциальных ведьм годами ожидали решения своей участи, а его посадили в камеру-одиночку каземата, предназначенного для особо важных преступников. На описываемый момент там уже находились: бабка-колхозница, в поисках своей козы проникшая в пределы Кастилии, два рыбака-любителя, сбившиеся с пути по пьяному делу, летчик сельскохозяйственной авиации, сумевший посадить свой самолет после отказа мотора, а также полдюжины косоглазых степняков, захваченных в пограничных стычках.

Накануне их всех уже пытали: сначала плетьюми, а потом растяжением на специальном станке, прозванном «кобылой». Однако добиться чего-либо вразумительного не удалось даже от бабки, единственной из пленников, носившей крест. Специалистов по славянским, а тем более тюркским языкам в ведомстве святого трибунала не нашлось.

Неудивительно, что в этой ситуации Смыков оказался для следователей инквизиции настоящим кладом. Оставаясь под подозрением и сам регулярно подвергаясь пыткам, он тем не менее исполнял при трибунале обязанности переводчика.

В первую очередь инквизицию интересовали вопросы общего характера: по какой причине на небе пропали Божьи светила, почему день и ночь перестали сменять друг друга, куда делись Наварра, Леон, Арагон, Гренада, да и добрая часть самой Кастилии, что за неведомые народы появились вдруг у границ христианского мира, какова их вера, численность и вооружение.

Затем дознание переходило на частности: какова личная вина каждого конкретного обвиняемого в свершившихся бед-

ствиях, как долго и в какой должности он состоит на службе в сатанинском воинстве, какие блага за это имеет, сколько праведных душ уже успел загубить, какими приемами черной магии обычно пользуется, каких сообщников может назвать и намерен ли покаяться в своих прегрешениях против церкви.

Первой по всем пунктам предъявленного обвинения призналась бабка — «кобыла» весьма неблагоприятно действовала на ее пораженные артритом суставы. Уже на пятом допросе она охотно показала, что с помощью заклинания лично похитила светила (в качестве доказательства заунывным голосом была исполнена популярная в свое время песня «Солнце скрылось за горою, затуманились речные перекаты»), что у сатаны она служит сорок лет и шесть месяцев (это в точности соответствовало ее колхозному стажу), хотя выше должности звеньевой так и не поднялась, что в образе пушинки или перышка неоднократно проникала в дома честных христиан, пила их кровь и смущала души вражеской агитацией, что все свои колдовские снадобья готовит исключительно из продуктов, поступающих в райпотребсоюз (лишь изредка добавляя к ним крысиный помет, желчь бешеной собаки и кровь некрещеных младенцев), что среди ее сообщников состоят председатель колхоза, все члены правления, главный зоотехник и бригадир Самосейкин, вина которого особенно велика. Признаваясь во всех своих грехах, бабка выражала надежду на милосердие церкви и напирала на свои прежние заслуги в качестве ударницы, общественницы и ветерана труда.

Не стали долго упираться и рыбаки, взявшие на себя следующие преступления: надругательство над храмами, распространение еретических измышлений, кражу священных таинств, вскрытие могил, отцеубийство, людоедство, содомию и лжесвидетельство. Спиннинги их, признанные орудием для ловли христианских душ, были изрублены на мелкие кусочки и сожжены.

Тверже всех держался летчик, в свое время воевавший в Сирии и даже побывавший в еврейском плену. Однако его заипирательство ни к чему хорошему привести не могло, ведь многие видели, как он опустился с неба на дьявольской птице с колесами вместо лап и мельничным крылом вместо клюва. Вдобавок, при попытке сжечь ее, эта птица взорвалась, покалечив немалое число солдат и монахов. Летчика зачислили в редкий разряд летающих прислужников нечистого и неоднократно принуждали продемонстрировать свое греховное искусство, сбрасывая вниз со специально возведенного помоста.

Закончились эти дурацкие эксперименты переломом обеих ног, но впоследствии хитрый летун обманул своих тюремщиков: построив для нужд кастильского войска монгольфьер из промасленного шелка, он сбежал при первом же испытательном полете да еще прихватил с собой жену коменданта замка.

Бабка-колдунья и рыболовы-содомиты, пройдя сквозь все мытарства следствия, публично покаявшись и признав над собой примат католической церкви, были тем не менее осуждены на пожизненное заключение с конфискацией имущества.

Смыков, на милицейской службе поднаторевший во всяких юридических уловках да еще имевший возможность видеть кухню следствия изнутри, выбрал для себя совершенно иную тактику защиты.

Священный трибунал главной своей задачей считал борьбу с еретиками, то есть с верующими, отступившими от общепринятых догматов религии. Можно ли было обвинять в чем-то подобном человека, под покровительством церкви никогда не состоявшего, святых таинств не принявшего и об истинном Боге ничего не ведающего? Юридически нельзя, точно так же, как нельзя обвинить в дезертирстве солдата, не принявшего присягу. На это Смыков и упирал: ничего не знаю, ничего не ведаю, жил в глуши, о христианском учении слышать не довелось, миссионеры в наши края не забредали, до сих пор пребываю в первобытной наивности, а что наговаривает на меня эта ведьма Анхела — сплошной вымысел.

На коварные предложения войти в лоно матери всех страждущих — католической церкви — он отвечал уклончиво: сделать это можно не раньше, чем позовет душа, а та еще дремлет, как невинный ребенок.

Конечно, провести инквизиторов было трудно, на то они и инквизиторы. Смыкова доставали с разных сторон — не только увещевали, вразумляли и пугали, но и пытали потихоньку, следуя принципу, что телесные страдания очень просветляют душу. Он же твердо стоял на своем, понимая, что лучше лишний раз получить плеткой по заду, чем подняться на костер или до окончания века гнить в одиночке. Впрочем, к тому времени он уже лично знал всех палачей, а те хоть и были большими формалистами, относились к необычному узнику с определенным пиететом.

Очередной сеанс убеждения с пристрастием выглядел примерно так.

— Привет, сеньоры, — говорил Смыков, входя в полутем-

ный сводчатый подвал, где на жаровнях калились клещи, в котлах кипела вода, скрипела под потолком дыба, а служитель торопливо засыпал песком свежие кровавые лужи.

— Привет и вам, благородный сеньор, — вежливо отвечал палач.

— Чем займемся на этот раз?

— По плану. Сначала вырвем вам ноготок на левой руке, а потом пытка водой.

— На левой руке уже рвали. Можете полюбоваться.

— Ах, простите... Сейчас загляну в дело... Действительно, ноготок на вашей левой руке уже рвали... Да еще в присутствии кардинала. Тогда будем рвать на правой.

— Может, не стоит? В плане ведь конкретно сказано: на левой.

— Вы же знаете наши порядки, сеньор...

— Ладно, приступайте.

— С какого пальчика сорвем?

— Да с любого. Только поаккуратней.

— Тогда с указательного. Мизинчик трогать не будем. Он самый болезненный... Рвать?

— Рвите.

— А может, примете крещение?

— Не собираюсь даже! Чтобы меня после этого обвинили в ереси и послали на костер? Рви!

— Не обижайтесь, сеньор. Мы люди маленькие. В тяжких трудах свой хлеб зарабатываем.

— А-а-а!

— Ну как? Не очень больно?

— Я же просил, собака кастильская, поаккуратней!

— Не гневайтесь, сеньор. Приложите вот это снадобье. Сейчас все пройдет. Передохните немного, и перейдем к пытке водой.

— Вода теплая?

— Теплая, сеньор... А может, все же примете крещение?

— Ну что вы ко мне привязались? Сто раз уже сказано: нет!

— Ах, сеньор, к чему такое упрямство? И вам неприятности, и нам морока... Извольте пройти к этой бочке. Будем держать вашу голову под водой до первых признаков утопления. Потом вернем в чувство. И так до пяти раз.

— Может, сегодня трех хватит? Я немного переел за обедом.

— Так и быть, сеньор... Четыре. Уж вы потерпите.

— Как-нибудь.

- Решение свое не изменили?
- И не надейтесь!
- Тогда окунаем.
- Буль-буль-буль-буль...

Время от времени в замок доставляли новых пленников — иногда степняков, иногда еще более диких, чем они, негров, иногда земляков Смыкова. Общаясь с ними в качестве переводчика, он был в курсе всех последних событий. Ни разу не покинув свой каземат, Смыков знал и о расправах, раздиравших бывший Талашевский район, теперь называемый по-разному — то Отчиной, то Отчаиной, — и об эпидемиях неведомых болезней, косивших всех подряд, и о бедственном положении Кастилии, сражающейся на два фронта, и о многом другом.

Располагая избытком вольного времени и относительной свободой перемещения внутри своей тюрьмы, Смыков освоил язык негров и степняков. Последние вскоре покинули замок. После очередного поражения кастильцев их пришлось обменять на знатных пленников, которым грозила участь стать в чужом краю пастухами и табунщиками.

На одном из заседаний трибунала, когда секретарь с явными признаками оспы свалился замертво, случайно выяснилось, что Смыков владеет не только испанской речью, но и письмом. Ему доверили вести протокол, потом поручили начисто переписывать законченные дела, а после соответствующего экзамена назначили на должность квалификатора — ученого-юриста, следящего за тем, чтобы церковное судопроизводство не противоречило гражданскому законодательству. Сделано это было, конечно, не от хорошей жизни — лучшие кастильские мужи пачками гибли от стрел степняков, от пуль и гранат талашевцев, от неизвестного им доселе сифилиса, от оспы и дифтерии, от непривычно крепких спиртных напитков и от черной хандры.

Знание римского, наполеоновского и социалистического права, а также многих хитрых уловок, изобретенных юристами-крючкотворами за последние четыре столетия, вкупе с многолетней милицейской практикой сразу выделили Смыкова из общей массы твердых в вере, но слабых головой местных следователей. На волю его по-прежнему не выпускали, однако принять крещение больше не принуждали. Естественно, пытки прекратились. Вскоре ему даже положили государственное жалованье в серебряных реалах.

Одно время он передавал свои знания молодому поколению законников, а потом был переброшен на то, что при советской власти называлось организационно-кадровой работой. Кастильцы, всегда питавшие нездоровое пристрастие ко всяким бюрократическим вывертам, по достоинству оценили нововведения Смыкова: личные дела, карточки по учету кадров, анкеты и регистрационные журналы.

Особой виртуозности он достиг в составлении характеристик, которые всегда стряпал на глазах, на основании одних только архивов инквизиции, к стати сказать, весьма обширных. Вот так выглядел, к примеру, один из его шедевров:

«Дон Алонсо де Хименес проявил себя стойким борцом за дело истинной веры. В достаточном объеме владеет рыцарским искусством. Постоянно работает над совершенствованием своих морально-боевых качеств. Здоров, форму одежды соблюдает.

У равных по происхождению пользуется авторитетом, у равных рыцарей — уважением.

Имеет отдельные недостатки. Дважды переходил в магометанство, последний раз пробыл в таком состоянии 10 лет. В Кордовском калифате имеет родственников — 6 жен и 18 детей.

При искоренении вышеуказанных недостатков дон Алонсо де Хименес может быть допущен к участию в крестовом походе против неверных».

Делая стремительную, хоть и своеобразную карьеру (он уже жил в верхних покоях замка, хотя ступать за его порог права не имел), Смыков считал себя кем-то вроде Штирлица, внедренного в логово врага. Со всех важных документов, проходящих через его руки, он аккуратно снимал копии. Оставалось только найти надежного связника.

Но тут разразилась новая катастрофа, закончившая тем, что власть была свергнута не только в Кастилии и Отчине, но даже в Степи. Замученные войной, мором и голодом люди посчитали первопричиной всех несчастий своих собственных вождей. Может, в этом и был резон, но уж больно радикальные меры применялись для исправления допущенных ошибок. Вместе с гнойным нарывом отрезали и голову. По всей Кастилии вновь запылали костры, только жгли на них уже еретиков, а инквизиторов и их многочисленных пособников.

При штурме Санта-Короны Смыков спасся тем, что вернулся в свою прежнюю камеру и сам на себя надел кандалы.

Приняв непосредственное участие в уничтожении архива

святого трибунала, он сумел-таки отыскать в нем мешок со своим имуществом. На родину Смыков прибыл в своем прежнем милицейском мундире, за что едва не был расстрелян Зябликом, принявшим его за тайного агента ангелов. Спасло Смыкова заступничество какого-то степняка, ранее сидевшего в Санта-Короне и хорошо помнившего вежливого, предупредительного переводчика.

Агиларская дорога оказалась обыкновенной караванной тропой, а часовня святого Доминика — собачьей будкой, в которой еле помещалось грубое изваяние соответствующего мученика. Вокруг расстилалась плоская, как стол, известняковая равнина, кое-где опушенная скудной травой.

Зяблику это место не понравилось.

— Даже заснуть в тенечке негде, — сказал он удрученно.

Зато Смыков остался доволен.

— Никто, однако, незамеченным сюда не подберется. На десять верст вокруг все просматривается.

Показавшуюся на горизонте точку Смыков и Чмыхало заметили одновременно.

— А вот и гонец, — сказал Смыков. — Из всех сил скачет. Видно, с хорошими вестями.

— Конь плохой, — добавил Чмыхало. — Арык. Кляча. А может, засекается.

— У хорошего ездока конь не засекается. — Зяблик козырьком приложил ладонь ко лбу. — Ты, Смыков, со мной согласен?

— Всякое бывает, братец вы мой, — рассеянно ответил Смыков, тоже всматриваясь вдаль.

Когда до всадника осталось метров сто, Зяблик выстрелил в воздух и знаком приказал тому спешиться.

— Скажи, чтобы лапы поднял, — бросил он приятелю. — А не то еще шарахнет гранатой.

— Манос арриба! — крикнул Смыков.

Гонец, оставив коня, и вправду незавидного, охотно вскинул вверх руки и засеменял к драндулету. Был он жалок, грязен, чересчур смугл даже для кастильца, плохо одет и походил скорее на бродягу, чем на Божьего слугу.

— Поспрошай его, — тихо сказал Зяблик. — Проверь.

— Считаешь, его могли подменить агелы?

— Чем черт не шутит.

— Рогов-то вроде не видно.

— Что они, совсем дураки, чтобы рогатого посылать. У них всякой твари по паре имеется.

Смыков что-то спросил у гонца, но тот, страдающе скривившись, заскулил и стал тыкать пальцем себе в рот.

— Чего это он? — удивился Зяблик.

— Может, немой, — подал голос Цыпф, все еще переживающий свой позор.

— Сейчас проверим... Ко мне! Бегом!

Гонец остался стоять на прежнем месте, переводя заискивающий взгляд с одного чужестранца на другого.

— Не понимает вроде по-нашему. Или прикидывается. — Зяблик, шагнув вперед, ухватил гонца за подбородок и заглянул ему в рот. — Мать честная! Языка-то на самом деле нет! По самый корень. Рвала их ваша инквизиция?

— Рвала. Но чрезвычайно редко.

Немой между тем вытащил из-за пазухи свернутую трубкой и запечатанную висячей печатью бумагу. Из рук Зяблика она перекочевала к Смыкову. Тот, осторожно взяв свиток за торцы, внимательно осмотрел его, даже понюхал и лишь после этого развернул.

— Ну что там? — нетерпеливо спросил Зяблик.

— Кардинал шлет нам привет и сообщает, что сей верный человек проводит нас туда, куда нужно.

— Ты почерк кардинала знаешь?

— Станет кардинал перо в руки брать. Для того писцы имеются. Но печать точно его. Могу гарантировать.

— Тогда поехали.

Смыков отдал гонцу короткое распоряжение, и тот принялся торопливо снимать упряжь с коня.

— Волкам на обед оставляет, — недовольно пробурчал Зяблик. — Может, лучше нам его на мясо прирезать? Как ты считаешь, Чмыхало?

— Не-е, — покачал головой Толгай. — Это не мясо, это узагач. Дерево. Зуб ломаешь.

Отпустив расседланного коня на волю, гонец с опаской забрался на заднее сиденье драндулета.

— А дальше? — спросил Смыков. — Куда?

Гонец замычал и ладонью указал вперед. Спустя час по его указанию драндулет свернул с Агиларской дороги в чистое поле, долго ехал по высохшему руслу ручья, а потом снова выбрался на какую-то караванную тропу, вдоль которой подозрительно часто торчали деревянные кресты, отмечавшие безымянные могилы путников.

— Таким манером мы скоро в Гиблую Дыру заедем, — сказал Зяблик, озираясь по сторонам. — Ты, Смыков, хоть бывал в этих краях?

— Что я здесь потерял...

— Уж это точно. — Зяблик сплюнул за борт драндулета. — Терять тут нечего. Зато приключений на свою задницу найти можно. Это же надо придумать — немого гонца прислать! Как они еще слепого не прислали. Одно слово — иезуиты!

Впереди уже маячили какие-то живописные развалины, и гонец, перехватив взгляд Смыкова, согласно кивнул: прибыли, мол.

— Давай сначала вокруг пообедем, — сказал Зяблик Толгаю. — Глянем, что это за осиное гнездо такое.

Лет сто назад, а может, и больше, здесь возвышался прекрасный мавританский дворец, от которого остались только груды тесаного камня, несколько толстенных стен с узкими стрельчатыми окнами, две-три чудом уцелевшие ажурные арки да полуобвалившийся купол со следами бирюзовой глазури.

Описав вокруг развалин петлю, Толгай загнал драндулет в какую-то весьма схожую с капониром рытвину.

— Ох, неладно тут, чует моя душа! — Зяблик швырнул в сторону разрушенного дворца камень. — Ни одна ворона даже не чирикнет! А в таком месте птицы должны гнездиться... Эй, кто там есть, отзовись!

Словно в ответ на его крик, в пустом проеме окна показался кардинал. Насколько можно было судить с такого расстояния, одет он был точно так же, как и в момент освобождения. Энергично помахав рукой, он снова скрылся во мраке развалин.

— В прятки играет, старый черт, — скривился Зяблик. — Ты, Лева, остаешься здесь. С этого безъязыкого глаз не спускай. А мы короткими перебежками вперед.

Первым под свод ворот, где все заросло буйной зеленью, вбежал Смыков и словно в пруд нырнул — так здесь было прохладно, сумрачно, влажно. Совсем рядом журчала вода и тихо стрекотали насекомые. Зяблик, тенью проскользнув мимо, исчез где-то в верхних ярусах руин. Чмыхало нырнул в подземелье, прорубаясь саблей сквозь чащу плюща и мирта.

Надо было выбирать позицию получше, и Смыков через внутренний дворик, представляющий собой открытые сверху

каменные катакомбы, устремился к увенчанной куполом башне, сквозь дыры в которой, словно спинной хребет мертвеца, проглядывала винтовая лестница. При этом он не забывал поглядывать и по сторонам, и себе под ноги — в таких развалинах чужака мог подстергать любой сюрприз: змея, замаскированная ловчая яма, капкан, мина.

На пределе дыхания Смыков взлетел по лестнице наверх, выбрался на карниз купола, залег и огляделся. Руины дворца и вся прилегающая местность отсюда были как на ладони. Горизонт, насколько хватало глаз, был чист. Единственный хорошо заметный след принадлежал драндулету. Цыпф, словно любопытный сурок, стоял на его капоте и, представляя собой завидную мишень, глядел на разрушенный дворец. Немой гононец, сгорбившись, сидел на прежнем месте.

С той стороны руин, где им показался кардинал и где сейчас должен был находиться Зяблик, раздался резкий короткий свист. Он означал крайнюю степень опасности и не требовал отклика. По этому сигналу полагалось затаиться и ждать.

Кто-то длинный, темный, кого Смыков поначалу принял за огромную кошку, стремительно метнулся сверху, оттуда, где могли жить одни только птицы. Получив в прыжке пулю, он пролетел мимо, попытался ногтями вцепиться в покатый край крыши и, опознанный уже как человек, заработал еще одну пулю между глаз. Короткий вопль и шум падения еще не успели умолкнуть, а в развалинах часто-часто, почти как автомат, застучал пистолет Зяблика. Все это заняло пару секунд, не больше, затем вновь наступила тишина.

Спустя минут пять раздался голос Зяблика, неузнаваемо искаженный акустикой руин:

— Отдайте наших баб, мудаки, и разойдемся! Нас вы живыми все равно не возьмете!

Кто-то громко, как в рупор, расхохотался и ответил с издевкой:

— Ты нам пока не нужен, Зяблик. Тебе велено было привести сюда Белого Чужака.

— Это ты, что ли, Песик? — после короткого молчания спросил Зяблик.

— Меня зовут Ламех. Я семя Каиново.

— Говно ты собачье! Зачем старика замучили?

— Он запятнан кровью братьев наших. Нашел кого жалеть.

Снова загрохотал пистолет Зяблика, и развалины словно ожили. Из каменных гротов, из подземных нор, из густых за-

рослей появились люди в черных колпаках. Смыков оказался на своем куполе, — словно медведь, неосмотрительно позарившийся на дупло диких пчел — пули роем визжали вокруг, обдавая его пылью и каменным крошевом. Попытка отползти назад закончилась неудачей — башню здесь сверху донизу разрывала широкая трещина. Тогда он вскочил и что было мочи побежал вперед, прикрываемый бортиком карниза лишь до колен. Спасло Смыкова только то, что все стрелявшие находились значительно ниже его и вынуждены были палить почти в зенит. Так или иначе, душераздирающий дивертисмент лопающихся струн, сопровождавший этот бег, мог доконать любого менее опытного и более впечатлительного человека.

Преодолев половину окружности башни, Смыков оказался за спинами тех, кто уже собирался с верхней площадки лестницы перебраться на купол. Сквозь какую-то отдушину он хладнокровно перестрелял их всех. Впрочем, большого искусства тут и не требовалось — человека, взбирающегося на такую высоту по узеньким, лишенным перил приступкам, достаточно просто зацепить пулей.

Теперь аггелам, до этого державшим Смыкова под обстрелом, надо было перебираться на другую сторону руин, в обход башни. Он позволил им это сделать, перещелкав половину, как куропаток, а потом бросился по карнизу назад, внутрь купола, и слетел по лестнице вниз.

Двое аггелов, лежащих у ее подножия, не подавали признаков жизни, зато третий, упавший не на камни, а на тела товарищей, еще шевелился. Смыков трогать его не стал, а только выгреб из карманов все патроны и отобрал черный колпак. Рогов у аггела не было, да и выглядел он пацан пацаном.

Из башни Смыков выбрался не через дверной проем, а через ту самую трещину, что до этого едва не погубила его. Натянув колпак на самые глаза, он сетью рвов-катакомб, расположение которых хорошо разглядел сверху, стал пробираться к руинам, где засел Зяблик. Полутемные коридоры первого этажа были полны пороховым дымом, но грохот стрельбы указывал дорогу лучше любого маяка.

Аггелы, осаждавшие помещение, куда им удалось загнать Зяблика, не ожидали удара в спину, к тому же и пресловутый колпак ввел их в заблуждение. Внезапно оказавшись под перекрестным, да еще и кинжальным огнем, они не выдержали: кто-то удрал на верхние ярусы, кто-то выпрыгнул в окно, кто-то попытался сдаться.

Свистнув особым способом — свои, не стреляй! — Смы-

ков воссоединился с приятелем. Тот, припорошенный пылью и слегка закопченный, торопливо набивал патронами последнюю обойму.

— 3-заманили г-гады в ловушку! — шелкая зубами от ярости, прохрипел он. — Ну ничего, мы еще посмотрим, кто кому мослы оттопчет!

— Что с кардиналом? — спросил Смыков. — Жив?

— Ага. Почти. Пошли — покажу.

Анфиладой комнат, стены которых были сплошь инкрустированы выщербленной плиткой — голубой, розовой, зеленой, — он провел Смыкова в просторный зал с рухнувшим потолком, судя по всему, ранее служивший купальней. В центральном простенке стоял кардинал и взыскующе взирал на вошедших остекленевшими глазами с пришитыми к бровям веками. В вертикальном положении его поддерживал кол, пронзивший тело от промежности до зоба. Зяблик потянул за веревку, перекинутую под потолком через обломок каменной балки, и мертвец приветливо вскинул руку.

— Наше вам с кисточкой, — сказал Зяблик. — Сидел бы себе в кичмане и горя не знал. А туда же, на волю захотелось... Абсурдно! Тут, кстати, не только он один. Ангелы твоих инквизиторов набили, как поросят перед праздником. Вон, в соседней комнате лежат. С крестом на пистолеты нечего соваться.

Прилетевшая снаружи пуля отколола уголок оконного проема и пошла гулять по залу.

— Что делать будем? — спросил Смыков, ковыряя в ухе.

— Как любила говорить ваша партия: есть две программы. Программа-минимум — уносить отсюда ноги. Программа-максимум — взять того гаврика, который сейчас себя Ламехом называет. Раньше мы вроде знакомы были. Уж он-то нас на Верку выведет.

— Толгая что-то давно не слышно.

— Чмыхало не пропадет. Разве что на шальную пулю навется. Но это вряд ли... Шухер!

Железное ребристое яйцо запрыгало по полу. Но Зяблик со Смыковым успели схорониться за грудой камней, сквозь которые проросла целая рощица хилых рожковых деревьев. Рвануло так, что заложило не только в ушах, а даже в носу. Дым и пыль за клубились, как в кратере Везувия.

— Да вы что, гады, в натуре пришить нас захотели? — Зяблик подскочил к окну и несколько раз пальнул навскидку. — Получайте!

— Пришить мы вас могли еще на Агеларской дороге, — ответил снаружи все тот же громогласный голос. — Сам знаешь, фугас в колею заложить проще простого. А это так... Маневры. Пусть молодежь поупражняется. Злее будет.

— Не боишься без подручных остаться?

— Не боюсь. От добровольцев отбоя нет.

— Чем же вы их приманиваете?

— Иди к нам, узнаешь.

— А возьмете? — Зяблик подмигнул Смыкову.

— Мы тебя давно сватаем.

— Больно женихи у вас хреновые.

— Значит — нет?

— Понимай как хочешь.

— Быть посему... Но ты о своем упрямстве пожалеешь. Дай только срок.

— Большой срок? Может, я кемарнуть успею?

— Не успеешь... Лучше к окну подойди. Стрелять в тебя не будут.

— Я с приятелем, — Зяблик высунул в окно иссеченный осколками труп кардинала и устроился за его спиной.

— Что они там задумали? — спросил из глубины зала Смыков.

— Пока не знаю... Ты за дверью не забывай приглядывать... Ага, начали ямы рыть.

— Могилы, что ли?

— Нет. Узкие. Как шурфы... Четыре штуки. Коля в них вставляют... Закапывают... Острия чем-то смазывают.

Смыков попытался выглянуть в соседнее окно, но с десяток выпущенных одновременно пуль отогнали его обратно.

— Так... — Голос Зяблика едва заметно дрогнул. — Ведут...

— Кого ведут?

— Всех. Левку, баб обеих, Чмыхало...

— И Толгай попался? — изумился Смыков. — Ай-я-яй...

На карачках он подобрался к Зяблику и осторожно выглянул из-под его подмышки.

В заросшем дворике, посредине которого угадывались остатки разрушенного фонтана, сутились аггелы — утрамбовывали землю вокруг четырех высоких кольев, смазывали их острия салом, сооружали переносной помост, похожий на спортивный пьедестал почета. Из-под арки ворот, больше напоминавшей туннель, к фонтану уже двигалась скорбная процессия. Впереди, низко опустив голову, шла Верка в каком-то пестром цыганском одеянии. Лилечка, для которой подобрать

подходящий по размеру местный наряд, видимо, не удалось, наоборот, с любопытством пялилась по сторонам. Цыпф, цепляясь за стену, прыгал на правой ноге. При этом его сильно клонило в сторону левой, к шиколотке которой была прикована кисть соответствующей руки. Толгая, чьи нижние и верхние конечности были соединены наручниками крест-накрест, тащили по земле волоком. Брошенный возле крайнего кола, он так и остался сидеть в позе медитирующего Будды.

— Как же это тебя, Чмыхало, так угораздило? — с упреком спросил Зяблик.

— Дурная моя голова, — вздохнул Толгай. — Зачем в подвал полез? Темно совсем было. Челтэр на меня накинули. Сеть. Сабля ее не рубит.

— Из-за дурной головы придется заднице страдать.

— Бехес юк. Не спорю. Только ты за меня, Зябля, не беспокойся.

— Ну все! Поговорили, и хватит, — откуда-то выскользнул человек, называвший себя библейским именем Ламех, и стал за спиной Лилечки, как за щитом. — Начинайте с нехристя.

Толгая, как куль, подхватили на руки и втащили на помост. Он успел прокусить ляжку одному из палачей, но другие уже вспороли на нем штаны и, приподняв в воздух, стали уstraивать на острие кола.

— Стой! — Зяблик выстрелил вверх. — Говорить хочу!

— Валяй, — разрешил горластый Ламех.

— Зачем вам нехристь этот и бабы безвинные? Давай один на один сойдемся. Если я верх возьму, всех отпустите. Если ты — делай со мной, что хочешь. Хоть на кол сажай, хоть вместо ишака гоняй. Годится?

— Ты еще и условия ставишь... Ну да ладно. Я согласен. Порядки наши знаешь. Испытание будет нелегкое...

— На сковородке заставите скакать?

— Заставим. И предупреждаю заранее, если я тебя одолею, ты с той сковородки уже не сойдешь. — Его хоть и громкий, но бесстрастный голос составлял разительный контраст с сумасшедшим блеском глаз.

— Зажарить хотите? На масле или так?

— Если настаиваешь, можем масла добавить. Только от этого легче будет лишь тем, кому потом сковородку отскребать придется.

— Договорились. Но сначала поклянись.

— А не много ли ты хочешь?

— В самый раз.

— Так и быть. Что не сделаешь для старого приятеля... Клянись именем отца нашего, Кровавого Кузнеца, что не нарушу договора.

— Нашел чем клясться! — возмущился Зяблик. — Ты мамой клянись, хлебом клянись, блатным законом!

— Я из закона давно вышел, мамы не имею, а на хлеб ваш плюю.

— Вот как?..

— Перестань придуриваться! Если сейчас не выйдешь, сидеть всей твоей кодле на кольях. Считаю до трех. Раз. Два. Три... Все!

Чмыхало взвыл так, словно его голая задница коснулась не елового кола, а раскаленного вертела. В тот же момент пистолет Зяблика вылетел в окно.

— Пользуйтесь, гады! Но когда назад его буду забирать, чтоб ни одной лишней пылинки не оказалось. Головы поотрываю.

— Ты лучше о своей голове позаботься, — ответил Ламех все тем же безучастным голосом. — А оружие тебе скорее всего уже не пригодится.

Под разрушенными мавританскими чертогами располагался целый подземный город, центром которого являлся просторный зал, в котором некогда хранились запасы зерна. Сейчас в его центре была установлена огромная сковорода, способная вместить сразу нескольких быков. Ангелы выгребали из-под нее золу и закладывали свежие дрова.

— Это наше святилище, — глухо сказал Ламех. — Человек может войти сюда только по доброй воле. Поэтому снимите со всех оковы.

Больше других этой милости обрадовался Толгай, тут же подхвативший освободившимися руками свои распоротые сверху донизу штаны. Почему-то сильнее всего он стеснялся Верки, в его сторону вообще не смотревшей.

— В нормальных святилищах алтари красивые стоят да иконостасы, — скривился Зяблик. — А у вас сковорода черная. Одно слово, людоеды.

— Это не сковорода, а жаровня отца нашего Каина. — Ламех сделал еле заметный жест рукой, и подручные подожгли солому, которой были обложены дрова. — Посредством ее каждый новообращенный может проверить силу своей веры. Но это не единственное предназначение жаровни. Дети Кроваво-

го Кузнеца, уже прошедшие посвящение, укрепляют на ней свой дух и совершенствуют тело. Кроме того, как и в нашем случае, жаровня может служить орудием высшего суда. Никто не взойдет на нее помимо своей воли. Но не каждому дано покинуть ее по собственному желанию.

Ламех небрежным жестом указал на вделанные в стены кольца, от которых к жаровне тянулись прочные веревки со стальными браслетами на концах.

— Понятно, — ухмыльнулся Зяблик. — Мое добро, да воля ваша.

— Тебе еще не поздно отказаться.

— Чего уж там. Сам напросился.

— Тогда приступим.

— Штиблеты снимать?

— Обязательно. Ради такого случая и клифт не грех сбросить. Потеть меньше будешь.

Зяблик разулся, потом подумал немного и снял куртку. Все это он вручил Смыкову со словами: «Присматривай, а то народ тут ненадежный». Босой Ламех уже взобрался на сковороду и стянул с головы колпак. Сквозь редкую паутину волос жутко торчали рога — два грубых кривоватых нароста, сейчас лишенные золотых чехлов и от этого еще более уродливые.

Зяблик, словно собираясь вступить в ледяную реку, осторожно потрогал сковороду пальцами ноги.

— Еще холодная, — констатировал он, становясь напротив Ламеха.

Тут же аггелы натянули веревки и защелкнули браслеты на кистях Зяблика. Теперь он мог сделать только три-четыре шага в любую сторону. Поверхность сковороды по-прежнему оставалась сравнительно холодной, но дым щипал глаза и першило в носу.

— Никакой заботы о людях, — чихнул Зяблик. — Говорили, святилище, а это коптильня какая-то.

— Сейчас солома сгорит, а дрова сухие, — успокоил его Ламех.

Действительно, дым скоро поредел, а потом и вовсе исчез. Откуда-то потянуло сквозняком, и под сковородой ровно загудело пламя.

— Я вот что давно хочу узнать, — обратился Зяблик к Ламеху. — Каким это образом у вас рога растут? Сначала думал, что это фикция. А потом пришлось одному вашему башку расколоть. Полюбопытствовал. Нет, гляжу, все натуральное.

— Ты в Распятого верил?

— Было дело.

— Значит, не верил. На словах вы все верите. А у нас совсем иначе. Никаких клятв и молитв не надо. Если действительно считаешь себя семенем Кровавого Кузнеца, если помнишь об отце своем постоянно, если хочешь иметь клеймо Каиново — ты его получишь. Не сразу, конечно. Ну а тех, у кого рога не растут, мы через три года изгоняем. За неверие и криводушие.

— Изгоняете вы их, как же, — буркнул Зяблик, уже начиная переминаться с ноги на ногу. — Не изгоняете, а загоняете... На сажень под землю.

— Об этом их предупреждали заранее. Свою участь они выбрали сами... Как, не жгет еще пятки?

— Мне не жгет... Поешь ты гладко, как по нотам, но одна неувязочка все же есть. По-твоему, все от желания зависит. Значит, если, к примеру, я захочу, чтобы у меня на лбу член вырос, он и вырастет?

— Надо очень-очень сильно захотеть. По-настоящему. Слыхал, наверное, о стигматах? У тех, кто фанатично верит в Распятого, на теле появляются раны, похожие на следы крестных мук.

— Так то, извиняюсь, раны, а не рога. И появлялись они за всю христианскую эру считаное число раз. Да и то у самых заматерелых истеричек. А у вас все сплошь рогатые... Нет, тут что-то не чисто.

— В вашем понимании у нас все нечисто. Не вам, рабские души, судить детей Каина. На самом деле мы единственные чистые, оставшиеся на свете. Если пожелаешь, сможешь в этом убедиться. Чистота наша проистекает от места, завешанного нам Кровавым Кузнецом. Ни один из выроdkов, называющий себя человеком, не осквернил его своим взглядом или дыханием. Деревья, взлелеенные небожителями, до сих пор плодоносят там. А чудодейственные травы помогают нам овеществить свою веру, делать желаемое реальным.

— Ты об Эдеме, что ли, говоришь?

— Можешь называть это место как угодно. Для нас это наследственная усадьба Каина, отца нашего... Ну что, припекает?

— Припекает, мать вашу! — Зяблик потер подошву левой ноги о штанину правой.

— Это ведь только начало. — Ламех сделал подручным какой-то знак.

Сквозняк еще усилился, раздувая жар под сковородкой, но в то же время сгоняя с нее перегретый воздух. Как Зяблик

ни крепился, но ему вскоре пришлось пуститься в пляску — что-то среднее между тарантеллой и матросской джигой. Помедлив немного, принялся прыгать и Ламех — равномерно, высоко, мощно.

— Если не зажарюсь, то грибок точно выведу, — прохрипел Зяблик. — И на том спасибо.

— А ты представь себе, что это не жаровня, а горный ледник, — с издевкой посоветовал Ламех. — Говорят, помогает... И за дыханием следи. Раз-два, три-четыре. Раз-два, три-четыре...

Невольно подчиняясь этому темпу, Зяблик тоже пустился вприпрыжку — сначала на одной ноге, потом на другой, — но вскоре опять беспорядочно заметался из стороны в сторону. Ламех между тем продолжал легко и ритмично взлетать вверх, касаясь поверхности сковороды лишь на доли секунды.

В подвале повисла зловещая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огня, тяжелым дыханием Зяблика, да топотом двух пар ног.

Внезапно Зяблик закричал — страшно, как зверь, на котором подожгли шкуру, — упал и забился, натягивая веревки.

— Напрасно, — не нарушая ритма своих прыжков, невозмутимо заметил Ламех. — Этим ты себя загубишь раньше времени.

Зяблик вскочил. Боль заставляла его выделять самые невероятные пируэты и антраша. Теперь, едва только ступни его ног касались раскаленного металла, раздавалось короткое шипение. Несмотря на сквозняк, в подвале противно запахло горелым мясом. Лилечка зарыдала, ей стала подтягивать Верка, хотя ее плач скорее походил на сухое, сдержанное покашливание. Чмыхало попытался вырвать у кого-то из аггелов пистолет, но, получив рукояткой по макушке, залился кровью. Лева Цыпф закрыл глаза и заткнул уши. Лишь Смыков, не утративший присутствия духа, рассудительно заметил:

— Батюшка ваш, Каин, известной сволочью был, но вы его в злодействе превзошли. С чем и поздравляю, граждане аггелы.

Зяблик уже не прыгал и не плясал. Он падал, вставал, грыз свои руки, словно попавший в капкан волк, и снова падал. Сковородка под ним смрадно дымилась. Зато на лице Ламеха не было заметно никаких признаков усталости или боли. Он походил на огромную марионетку, которую на невидимой веревочке поддерживают вверх.

В такт своим прыжкам он заговорил:

— Ты. Проиг-рал. Но. Еще. Не. Позд-но. Выби-рай. Или. Смерть. Или. Служе-ние. Каи-ну.

— Не-е-ет! — это был не вопль, не стон, а нечто похожее на отхаркивание собственных внутренностей. — Не-е-ет! Лучше сдохнуть!

— Тогда подыхай. — Ламех соскочил со сковороды. — Вместо долгой жизни, вместо запредельной силы, вместо тайного знания, вместо власти — смерть, достойная только скота...

Какой-то человек, одетый как простой погонщик мулов, бесцеремонно растолкал аггелов, влез на сковородку, зло зашипевшую при этом, перерезал веревки и отнес бесчувственное тело Зяблика поближе к отверстию в стене, из которого тянуло свежестью. Затем он негромко приказал:

— Воды.

Никто из аггелов, пораженных появлением чужака в тайном святилище, а тем более никто из их пленников, не шевельнулся.

— Я никогда ничего не прошу без особой нужды, — сказал человек, лицо которого скрывала выдавшая виды широкополая шляпа. — Но уж если такое случилось, мои просьбы следует выполнять.

Было в его подчеркнуто будничном голосе нечто такое, что подействовало на присутствующих, как рев хищника в пустыне, как внезапный приход мрака, как шорох раскрывающейся могилы, как клацанье мертвых костей. Нервы одного из аггелов не выдержали, и он, выставив перед собой пистолет, как испуганный поп — распятие, выстрелил несколько раз подряд.

Дистанция не превышала пяти шагов, и пули должны были неминуемо поразить грудь незнакомца, но все до единой расплоснулись о древние камни подземелья. Кое-кому из тех, кто внимательно наблюдал за происходящим, почудилось, что силуэт загадочного гостя в этот момент как бы размазался в пространстве.

Грохот выстрелов еще не смолк, а незнакомец уже крепко держал провинившегося аггела за ухо.

— Как раз ты мне и нужен. Ну-ка быстренько сбегай за водой.

Аггел выронил пистолет и на подгибающихся ногах устремился к выходу. Лилечка радостно взвизгнула:

— Дядя Тема, это вы?

— Я, — ответил человек в шляпе. — Но это мы обсудим попозже... А ты бы лучше убрался отсюда, любезный, — это относилось уже к Ламеху.

— У нас не принято становиться на колени перед кумирами, — медленно произнес предводитель аггелов. — Но нынче особый случай. Не каждому из нас довелось зреть того, кто первым оросил землю человеческой кровью, кто научил своих детей воевать и ковать железо, кто наградил плевком лживого Бога рабов и попрошайек. Поклонитесь своему отцу, семя Каиново!

Ламех первым рухнул на выщербленные плиты пола, и его примеру последовали все остальные аггелы.

— Придется разочаровать вас, — ответил Артем. — Традиция проливать человеческую кровь пошла отнюдь не от меня. В кузнечном деле и в военном искусстве я дилетант. И, наконец, я никогда бы не позволил себе ударить того, кого ведут на казнь.

— Я и не ждал от тебя другого ответа, отец, — произнес Ламех, упираясь рогами в пол. — Ты тысячелетия был вынужден скрывать свою сущность от недостойных людей и теперь не можешь нарушить этот зарок даже по собственной воле. Мы не смеем осуждать тебя. Мы унаследовали твой дух, твою кровь, и это главное. Веление духа сильнее всяких слов, а голос крови громче звука боевой трубы. Мы всегда сумеем распознать своего отца, в каком бы облике он ни предстал перед нами.

— Только таких деток мне не хватало. — Артем принял из рук вернувшегося аггела кувшин с водой и принялся поить Зяблика.

— Мы знаем, что ты не станешь отвечать на прямые вопросы, но сделай милость, ответь на вопросы косвенные, — продолжал Ламех. — Не ты ли бредешь через бесчисленные миры из конца в конец времен?

— Не в моих правилах отрицать очевидное. — Он вылил остатки воды на голову Зяблика и принялся энергично массировать ему грудь.

— Не ты ли видел нашу землю еще до того, как в ней расселились человеческие племена?

— Случалось.

— Не тебя ли назначили своим посланником великие и грозные силы, когда-то принявшие участие в создании этого мира, а ныне решившие разрушить его?

— Зерно истины есть только в первой части твоего вопро-

са. В планы этих, как ты выразился, великих и грозных сил я не посвящен. Достаточно?

— Достаточно, отец.

— А теперь послушай меня. Могущество мое действительно велико, но я стараюсь никогда не использовать его во вред людям. Однако я не имею полной власти над своим организмом, который в случае опасности будет сражаться за свою сохранность даже помимо моей воли. Причем не выбирая средств. Пусть это будет предупреждением тому, кто вздумает помещать мне уйти отсюда вместе с вашими пленниками.

— Они больше не нужны нам, — по-прежнему оставаясь на коленях, произнес Ламех. — Они были лишь приманкой для тебя, отец. Прости нас за эту наивную хитрость. Можешь забрать их всех хоть сейчас.

— А на прощание несколько слов по поводу затеянной вами вакханалии. Не скажу, что меня очень интересуют ваши цели и их идейное оформление, но кое-что о них я слышал. В силу стечения весьма необычайных обстоятельств ваш народ вошел в соприкосновение с многими другими народами, резко отличающимися от вас как этнически, так и культурно. Являясь носителями более высокой цивилизации, вы обязаны были приложить все силы для насаждения духа терпимости и взаимопомощи. Вы же, назвавшись аггелами, то есть сатанинским воинством, избрали совершенно иной путь. Путь уничтожения всего чуждого, непонятного, инородного. Осуществление этих целей потребовало идеологического обоснования и было оформлено как религия каинизма. Религия нетерпимости, насилия и братоубийства. Не спорю, мне не ясна природа вашего крайнего фанатизма и методы, с помощью которых вы сумели несколько модернизировать человеческое естество. Но суть не в этом... Для остатков рода человеческого ваш замысел катастрофичен. Даже победа впоследствии обернется против вас. Зло каинизма, уничтожив непосредственного противника, начнет пожирать своих носителей. Вы уподобитесь голодным крысам в железной бочке, а последние из тех, кто уцелеет в этой кровавой распре, вымрут, как вымерли допотопные рептилии.

— Отец, ты не до конца уверен в нашей твердости и испытываешь нашу веру. Мы благодарны тебе за это. Пусть те, в душах которых эти слова заронили сомнение, покинут нас. Твое семя давно пора очистить от недостойных. Среди аггелов нет места случайным людям. Кузнец знает, как отделить железо от шлака.

— Ну ладно, — Артем знаком подозвал к себе пленников и велел им поднять с пола Зяблика, начавшего понемногу приходить в себя. — В природе есть странная закономерность. Из всех живых существ самые упрямые те, у кого есть рога. Впрочем, я и не надеялся переубедить вас. Слово, возможно, и может изменить человека, но только если оно доходит до него не через уши, а через шкуру, вместе со страхом, болью, смертельной опасностью, голодом или, наоборот, с великой радостью... Мы уходим. Пусть кто-нибудь укажет нам удобный и безопасный путь.

— Я сам провожу вас. — Ламех легко поднялся и нахлобучил на голову колпак. — А теперь давайте единодушно возблагодарим отца нашего за заботу о своих любимых детях!

— Слава Кровавому Кузнецу! — дружно воскликнули аггелы, пляясь изо всех углов подземелья на уходящую процессию.

В чистом поле, на полдороге от развалин до драндулета, Ламех вернул пленникам оружие — три разряженных пистолета и саблю.

— Случается, что и дети дают советы своим отцам... — начал он, в упор глядя на Артема.

— Давай оставим это, — прервал его тот. — У меня есть один-единственный сын, да и тот, по моим сведениям, сражаясь с чудовищами, сам принял облик чудовища. Если ты хочешь что-то сказать, говори короче.

— Можно и короче... Сам понимаешь, слухи о твоем появлении в этом мире шли на пользу нашему делу, основанному на абсолютной вере. При желании ты мог бы стать живым Богом. Не Богом-скитальцем, а Богом-кумиром, перед которым падают ниц народы...

— Я просил: короче, — повторил Артем.

— Наше предложение остается в силе. Власть — сладкая штука. Тем более ничем не ограниченная, Божественная власть. Если вдруг такая жизнь не понравится тебе, ты пойдешь своим путем дальше. Никто не посмеет перечить тебе. А наследники увековечат твое имя.

— Совсем недавно я высказал свое отношение к тому, что вы затеяли здесь, — равнодушно ответил Артем.

— Понятно, — Ламех опустил веки, словно не хотел, чтобы присутствующие видели выражение его глаз. — Понятно... Впрочем, Каин ты или нет, особого значения не имеет. Для

нас важна сама идея твоего существования, а отнюдь не ее грубое овеществление. Уверен, никого из христианских иерархов не обрадовало бы новое явление Распятого. Скорее всего его бы объявили самозванцем и вновь замучили... Бога во плоти и крови вполне может заменить Бог-легенда. Поэтому — уходи. Для тебя этот мир лишь один из множества. Для нас он — единственный. Не мути зря воду. Ступай своей дорогой. А уж мы сами придумаем историю о твоём пришествии и о благословении, которое ты дал делу аггелов.

— Неосмотрительно перечить Богам, пусть даже и несостоявшимся, — усмехнулся Артем. — Этот несчастный мир я покину только тогда, когда исполню свою миссию. Я не собираюсь враждовать с вами сам или возбуждать против вас умы людей. Тщета подобных попыток давно известна мне. Но если ваши планы войдут в противоречие с моими, мне придется разрушить их.

— Можно узнать, о какого рода миссии ты говорил и каковы эти твои планы? — Ламех снова уставился на Артема недобрый взглядом.

— Мои планы проистекают из неосознанных велений души... Стоит ли заранее пересказывать их, — с оттенком насмешки ответил Артем. — Тем более не забывай, что мы потенциальные противники.

— Ты мог бы стать для нас противником. Очень опасным противником. — Ламех нетерпеливо оглянулся назад, словно ожидая чего-то. — Но только в одном-единственном случае. Если бы и в самом деле оказался Каином. Настоящим Каином, способным запросто так убить ослиной челюстью родного брата. А такой, как есть, ты нам не опасен. Все твои необыкновенные способности пасуют перед нашей верой и решимостью. Мы заставим тебя шагать по колену в крови, мы выстелим твою дорогу человеческим мясом. Мы будем драться до конца, до самого последнего человека в этом мире, и тебе придется уступить. Побеждает не тот, кто умеет играть, а тот, кто делает самые высокие ставки.

Земля дрогнула, и над развалинами в клубах дыма и пыли взлетело все то, что сила взрыва способна извергнуть из подземелья вверх. Последний уцелевший минарет рухнул, провалившись внутрь самого себя. Ударная волна заставила всех пригнуться. За ней катил гул — глухой и раскатистый.

— Значит, вот так выглядит каинизм на самом деле? — на

лице Артема появилась гримаса отвращения. — Ты не задумываясь уничтожил собственных соратников.

— Вина в их смерти скорее лежит на тебе, чем на мне, — возразил Ламех. — Этих людей, еще не успевших поверить в Кровавого Кузнеца всей душой, погубили твои неразумные речи. Пусть Каин навсегда останется грозной легендой, а не личностью с сомнительными взглядами. Я один смог узреть живого Бога, и отныне только я буду говорить от его имени.

Толгай обменялся со Смыковым многозначительным взглядом и взмахнул саблей — легко и грациозно, как китайская танцовщица веером. Метил он Ламеху прямо между рогов, но угодил почему-то по пустому месту, едва не потеряв равновесия. Воспользовавшись этим, аггел выхватил саблю из руки Толгая, переломил ее на колене, а потом, сложив обломки вместе, переломил еще раз — так же легко, как деревянную линейку.

— Не все так просто, — зловеще произнес он, пятясь задом. — Борьба только начинается. Скоро ее ареной станет весь этот мир, от края и до края. Вам уже сейчас нечего противопоставить нам. Мы становимся сильнее с каждым часом. И очень скоро вы узрете настоящего, а не липового Каина.

Ламех повернулся и помчался прочь длинными, пружинистыми прыжками, словно перескакивая с одной подкидной доски на другую, и вскоре скрылся в туче пыли, наползающей со стороны руин.

Зяблик в беспамятстве забормотал что-то и засучил ногами, будто вновь ощутил под ногами жар огромной сковородки. Верка положила свою руку ему на лоб.

— Тебе плохо, зайчик? Потерпи. Сейчас что-нибудь сделаем.

Осторожно отделяя клочья обугленной одежды от обугленной человеческой плоти, она своей ладонью (уступавшей размерами лапе Зяблика раза в два) измеряла площадь багрово-черных ран.

— Ожог четвертой степени двадцати процентов поверхности тела, — сказала она. — Нужны стерильные бинты, обезболивающее, антибиотики, соль, сода, спирт. Где та аптечка, что я вам оставляла?

— Потеряли, — развел руками Смыков. — В наличии имеется только соль и вино.

— Вина! — Зяблик открыл глаза и попытался сесть. — Но только без соли.

Начался спор, в ходе которого Зяблик выторговал у Верки четыре стакана чистого вина за два стакана вина с солью.

Впрочем, это было почти единственное, что осталось в драндулете. Аггелы успели растащить оружие, боеприпасы, одежду и, конечно же, казну Смыкова. Хорошо хоть, саму машину не тронули, видно, были уверены, что она все равно никому не достанется.

Пока Лилечка то со слезами, то со смехом рассказывала Артему о своих приключениях, Верка отвела Смыкова с Цыпфом в сторону.

— Зяблик пока еще в шоке и боли не чувствует. Зато через полчаса его веревками вязать придется. Срочно нужны лекарства. Главное — обезболивающие и антибиотики. Сколько нам отсюда домой добираться?

— По этим дорогам дня два, — ответил Смыков.

— Боюсь, не довезем.

— Надо в нашу миссию обратиться, — предложил Цыпф. — Обязаны помочь.

— Конечно, помочь они могут... — с сомнением произнес Смыков. — Особенно советом. Но душу потом вымотают. Мы же здесь, так сказать, с неофициальным визитом. И делов наворить успели... Да и откуда у них лекарства?

— Лучше на толкучке поискать, — сказала Верка. — Здесь на толкучке что хочешь можно найти, правда, втридорога. Мне одна знакомая рассказывала. Она сама лекарствами приторговывает. Укол пенициллина десять реалов стоит.

— Ого! — присвистнул Смыков. — Теперь понятно, почему в Отчине медикаментов невозможно достать. К стенке твою знакомую ставить надо.

— Лучше тебя самого... Когда другие из магазинов водку и шубы волокли, она в аптечном киоске лекарствами запаслась. Все же настежь было, ты должен помнить.

— А где мы эти реалы возьмем? — спросил Цыпф.

— На толкучке только дурак деньгами расплачивается, — многозначительно сказал Смыков. — Ладно, поехали, пока Зяблик не очухался... А вы, Вера Ивановна, у этого типа планами поинтересуйтесь, — понизив голос, он кивнул в сторону Артема, стоявшего в стороне. — Здесь он остается или с нами поедет?

— С нами, — уверенно заявила Верка. — Ему Лилечка нужна для чего-то.

— А вы как будто не догадываетесь для чего?

— Дурак ты, Смыков. И кобель. А он совсем другой... — Верка поперхнулась концовкой фразы.

— Уж договаривайте, если начали.

— Я хотела сказать, что он совсем другой человек. Чуть не оговорилась.

— По-вашему, он, значит, все же не человек?

— Слушай, Смыков, не лезь в душу! Вот ты и есть человек, зануда чертова! Или Зяблик наш ненормальный. А на Артема молиться хочется.

— Все ясно, — понимающе кивнул Смыков. — Любовь зла...

Кое-как погрузились в драндулет, на такое количество пассажиров явно не рассчитанный. По собственному следу вернулись на Агиларскую дорогу, угрожая пистолетами, остановили первый попавшийся караван и выяснили, что ближайшая толкучка находится в городке Сан-Хуан-де-Артеза, не так близко, но и не так далеко, на хорошей лошади можно в один прием доскакать, только толкучка эта самая дорогая в Кастилии, поскольку отстоит от Отчины дальше всех других.

Драндулет устремился в путь на максимально возможной скорости, но мрачные предчувствия Верки скоро начали сбываться. Зяблик затрясся, как в лихорадке, заклацал зубами, а потом завыл:

— Братцы, простите... Мочи нет терпеть... Не обращайтесь внимания... Ох, жгет... Не могу... Вина хоть дайте...

— Терпи! — прикрикнула на него Верка. — Еще мужик называется. Вино это тебе поможет, как мертвому припарки. Только зря почки перегрузишь.

— Вы, говорят, медик? — поинтересовался Артем.

— Говорят... — Верка была готова разреветься от собственного бессилия.

— Не лучше ли вернуть его в бессознательное состояние или погрузить в гипнотический транс? Какие проблемы? — Однако поймав беспомощный взгляд Верки, он заторопился: — Тогда, простите, я сам, — и указательным пальцем коснулся шеи Зяблика.

Тот дернулся, хрюкнул, словно человек, которого внезапно поймали на удушающий захват, но тут же утих, смежил глаза и ровно задышал.

— Учитесь, Вера Ивановна, — назидательно сказал Смыков, наблюдавший за этой сценой с переднего сиденья. — А то вам лишь бы уколы да микстуры.

— Такие методы лечения применяются чаще всего у при-

митивных племен, — вступился за Верку Артем. — Чтобы овладеть ими, требуются годы. Шприц с новокаином делает эту магию совершенно излишней.

...В город заезжать не стали — его стража, возможно, уже была оповещена об автомобиле цвета гусеницы бабочки-капустницы, на котором разъезжают до зубов вооруженные разбойники из Отчины. Зяблика, все еще пребывавшего в глубоком сне, оставили на попечение Верки и Толгая, а вся остальная компания двинулась в сторону рыночной площади.

Такие торжища стали возможны только после подписания Талашевского трактата и упразднения святой инквизиции. Кто только не собирался на них, за исключением разве что киркопов, пребывавших на уровне первобытно-общинного строя и не умевших толком даже считать до десяти.

Арапы торговали здесь львиными шкурами, слоновьими бивнями, перьями диковинных птиц, обезьяньим жиром, маникой и военными трофеями, захваченными в предыдущих победоносных походах. Имелся у них и живой товар — в основном молодые пленницы, — но для этого требовалась предварительная договоренность.

Нехристи предлагали кошмы, войлок, овечий сыр, вяленую жеребятину, охотничьих соколов, дальнобойные луки, изготовленные из рогов горного барана, опять же военные трофеи и опять же молодых пленниц.

Но самый большой контингент на толкучке составляли земляки и землячки Смыкова. Они же владели и самым широким ассортиментом товаров — от пуговиц до ручных гранатометов. Наибольшим спросом пользовались патроны, алюминиевая и фаянсовая посуда, швейные иглы, а главное — медикаменты, давно просроченные, но кастильцам и степнякам казавшиеся просто чудодейственными.

Попадались тут и вообще странные люди, расовую принадлежность которых определить было просто невозможно. Эти промышляли сомнительными снадобьями из печени единорога и слюны ехидны, молодильными яблоками, приворотным зельем, ладанками, оберегающими от меча и пули, фальшивыми самоцветами и настоящими ядами.

Расплата серебряными реалами и советской медно-никелевой мелочью производилась только в крайних случаях, зато процветал натуральный товарообмен. За годовалого бычка просили девять пистолетных патронов или две чайные чашки с блюдцами, а за гранату к бычку уже полагалась небольшая приплата — пара бурдюков вина, к примеру. Случалось, что

покупательница, которой до окончательного расчета за приглянувшуюся вещь не хватало какой-нибудь ерунды, отлучалась вместе с продавцом в ближайшие заросли.

Как и на любом подобном базаре, здесь процветало надувательство, попрошайничество, воровство и проституция. Две дюжины кастильских стражников, на почве обжорства и алкоголизма давно утративших не только моральные, но и боевые качества, направить эту стихию в законопослушное русло никак не могли. Альтернативой беззубой власти был жестокий самосуд. Воров забивали камнями, жуликов, за недостатком шелковых шнуров, душили всякими подручными средствами, шулерам дробили пальцы, конокрадов привязывали к хвостам самых лютых жеребцов.

Суэта рынка, внешне хаотичная, но подвластная своим неписаным законам, подействовала на спутников Смыкова по-разному: у Артема вызвала легкое любопытство, у Лилечки — детский восторг, у Цыпфа, сторонившегося любых шумных сборищ — едва ли не испуг. Один Смыков, привыкший к людским порокам, словно хирург к грыжам и аппендиксам, чувствовал себя здесь если не как рыба в воде, то как выдра в той же самой воде — хоть и чужая стихия, а пропитанием может обеспечить.

Сначала он попробовал продать пистолет, не свой, естественно, а Цыпфа. Но это была вещь дорогая, редкая, на нее копили средства годами, как раньше на автомобиль, и подходящего клиента не нашлось. Вымогательство тоже не гарантировало успех — торгаши кучковались землячествами и против любого любителя легкой наживы были готовы стоять на смерть, как стадо африканских буйволов против львиного прайда. Попрошайничество отвергалось в принципе, проституция — он исподтишка покосился на Лилечку — тоже. Оставалась азартная игра, предприятие, в котором люди расстаются со своими деньгами хоть и с неохотой, но добровольно.

Побродив по зловонным задворкам рынка, где мухи, крысы и бродяги обменивались между собой самыми экзотическими заразами, Смыков подобрал несколько пустых плодов калевасового дерева, которые арапы использовали вместо фляг, и с помощью перочинного ножа изготовил три достаточно вместительных стаканчика. Отыскать на кастильском рынке мелкий, неспелый апельсин сложности вообще не представляло. Место для будущего ристалища он выбрал самое бойкое — рядом со входом, на гранитной плите с полу-

стершимися арабскими письменами (ради этого, правда, пришлось прогнать нескольких облюбовавших ее попрошайек).

В свое время Смыкову довелось вести дело группы наперсточников, на свою беду обобравших до нитки глупую и алчную жену прокурора, и в ходе следствия он неплохо разобрался в нехитрых, но действенных приемах шулерской братии. Главное было — не робеть, постоянно отвлекать внимание клиентов, не жалеть глотки и самому не забывать, под каким из стаканчиков в данный момент находится горошина, теннисный мяч, шарик от пинг-понга или, как нынче, неаппетитного вида апельсин.

Выложив на всеобщее обозрение свои последние сокровища: «командирские» часы, пистолет с пустым магазином и перочинный ножик с дюжиной лезвий, Смыков принялся гонять апельсин по гладкой поверхности плиты, то накрывая его стаканчиком, то вновь пуская на волю. Рекламная кампания велась умниками типа Цыпфа на тарабарском наречии, именуемом пиджиком и с некоторых пор служившим инструментом общения разных рас, не по собственной воле соединившихся под этими проклятыми небесами. В приблизительном переводе на русский зазывные речи Смыкова звучали так:

— Граждане и гражданки, сеньоры и сеньорины, уважаемые господа и мразь подзаборная, — налетайте, не пожалеете! Первый и единственный раз в славном городе Сан-Хуан-де-Артеза! Редкая возможность разбогатеть! Тот, кто угадает, где спрятан этот вот апельсин, выигрывает один из следующих призов! Пистолет Макарова пристрелянный! Часы противоударные, влагостойкие, на шестнадцати камнях! Нож универсальный со штопором, ножницами и шилом! Все в отличном состоянии! Принимаются равноценные ставки! Крупный рогатый скот и невольниц не предлагать! Спешите испытать свою удачу!

За любое дело Смыков брался основательно. Вот и сейчас никто бы не угадал в нем бывшего воина-интернационалиста, верного партийца и следователя райотдела милиции. В его манерах, и в лексиконе, и даже во взгляде появилось что-то криминальное, свойственное скорее Зяблику. При всех своих твердокаменных идеях Смыков смог бы выжить в любую эпоху, при любом режиме и в любой ипостаси.

Постепенно вокруг гранитной плиты (на которой, как позже сообщил Цыпф, были высечены стихи арабского поэта Абу-аль-Аттахи, оплакивающие бренность всего земного) стал

скапливаться праздный люд. Однако ставок никто не предлагал, даже самых мелких. Идея того, что никудышный апельсин, бегающий между трех самодельных стаканчиков, может сделать тебя обладателем одной из этих действительно замечательных вещей, должна была сначала вызреть в умах хоть и азартных, но прижимистых кастильцев.

Смыков успел уже немного охрипнуть, когда из толпы выступил заранее проинструктированный Цыпф и, сильно смущаясь, согласился сыграть. Против пистолета (кстати сказать, своего собственного) он поставил чудом сохранившийся во всех перипетиях последних дней томик хроник Альфонса X, чем вызвал опасливое уважение зевак: надо же, книгочей, а может, еще и чернокнижник!

Легко угадав местонахождение апельсина, он забрал свой приз и, не смея поднять глаза, отошел в сторонку.

— Видите? — ничуть не обескураженный Смыков обвел взглядом ряды зевак. — Удача человеку подвалила! А вы боитесь! Вот он, апельсинчик, здесь лежит! Теперь туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда! Где он? Справа? Правильно! Извольте полюбоваться!

Хороший пример оказался не менее заразителен, чем дурной. К гранитной плите, некогда запечатлевшей печальную мудрость, а ныне тешившей постыдный порок, уже проталкивался коренастый кастилец, судя по роже, простолюдин, но разодетый, как кабальеро, короче говоря, местный нувориш, разбогатевший на бартере с Отчиной — туда вино и свинина, обратно пустые бутылки и самосад.

— Это хочу! — он ткнул пальцем в часы.

— Что ставишь, человек хороший? — Смыков сразу перешел на испанский.

— Деньги. Пять реалов.

— Десять.

— Шесть.

— Пусть будет семь. Покажи.

Кастилец вытащил из-за пазухи объемистую кожаную мошну и вытряхнул на ладонь Смыкова семь серебряных монет с вензелем короля Педро на аверсе.

— Годится! — Смыков положил реалы рядом с часами. — А теперь играем. Смотри. Накрываю. Туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда. Где?

— Здесь! — кастилец ткнул пальцем в тот стаканчик, с которого все это время глаз не сводил.

— Посмотрим. — Смыков перевернул его. — Угадал! Твоя взяла.

Толпа загудела. Некоторые полезли в кошельки, некоторые побежали к лабазам, где хранился непроданный товар. Люди вокруг Смыкова уже стояли так плотно, словно собрались пообедать им.

— Это хочу! — теперь кастилец нацелился уже на нож.

— Пять реалов.

— Три.

— Ладно, четыре... Туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда... Не дыши на меня чесноком, человек хороший. — Смыков сдвинул все стаканчики вместе, и они быстро-быстро закружились в народном танце племени ватусси «поменяйся местами». — Туда-сюда, туда-сюда. Где?

— Здесь! — ответил кастилец гораздо менее уверенно, чем в первый раз.

— Мимо! — Смыков перевернул пустой стаканчик.

— Еще раз хочу!

Вскоре часы вновь перешли к хозяину, а вместе с ними — и все содержимое пресловутой мошны. Кастилец не сразу понял, какая беда с ним приключилась, и еще долго умолял непреклонного Смыкова вернуть деньги, грозясь как небесными, так и земными карами.

Наличие разменной монеты сразу облегчило игру — можно было, затравки ради, периодически допускать мелкие проигрыши. По-крупному он залетел только однажды — засмотрелся на рослую, чрезвычайно пикантную арапку, хладнокровно справлявшую малую нужду прямо возле ворот. (Это же надо иметь такую тонкую талию при всех остальных столь пышных женских снастях!)

Результатом этого краткого восторга было то, что заветный стаканчик с апельсином ускользнул из-под контроля Смыкова, и какой-то чумазый нехристь сгрел в свой пояс чуть ли не полсотни реалов. Впрочем, довольно скоро он вернулся в сопровождении толпы соплеменников, и под их сначала восторженные, а затем негодующие вопли спустил не только весь предыдущий выигрыш, но и двух своих сменных коней в придачу.

Игра то затихала, то вновь оживлялась, и к концу базара карманы Смыкова лопались от монет, а вокруг громоздились мешки овечьей шерсти, рулоны златотканой материи, стопки юфти, гирлянды подков, битая птица, копченая свинина и бурдюки с вином. Какой-то разнесчастный идальго даже про-

играл свой клинок — очень хороший, толедской работы, но, к сожалению, не кривой, а потому для Толгая несподручный.

Недовольных осталось предостаточно, но лежащий под рукой у Смыкова пистолет, уже заряженный, сдерживал разгул мстительных страстей. От стражников он откупился ненужным барахлом, степнякам вернул коней, а в ораву калек и нищих, многозначительно пялившихся на него, швырнул пару пригоршней серебра. Опаснее всех были свои же ребята из Отчины, не скрывавшие намерения погреть руки на успехе земляка, но кто-то из них узнал Смыкова. Это сразу охладило пыл корыстолюбцев, ведь где-то рядом должны были ошиваться и другие члены его ватаги. (Пистолет Зяблика и сабля Толгая были достаточно хорошо известны в народе, чтобы кто-то отважился подставить под них свою башку.)

Сверясь с Веркиным списком, Смыков купил почти все необходимые лекарства для Зяблика, самый кривой из попавшихся на глаза клинков для Толгая, что-то засахаренное и залитое сиропом для Лилечки, новые очки для Цыпфа и вдоволь патронов для себя самого. Не остался без подарка и Артем, которому приглянулся аккордеон, почти такой же, как тот, что остался в квартире Лилечки, только чуть поновее.

У выхода с рынка к ним пристал какой-то одетый в рубище тип, выглядевший так, словно его неоднократно пытались пропустить сквозь мясорубку, вставляя в шнек то головой, то ногами, то задницей. Самым невероятным образом прихрамывая, горбясь до самой земли, выворачивая кривую шею и подергиваясь в такт одному ему слышимой зажигательной мелодии, калека затараторил на пиджике:

— Благородные господа, купите снадобье, помогающее от самых жестоких ран. Единственное, чего оно не может, так это оживить мертвеца. Только благодаря ему я остался жить на этом свете! Полюбуйтесь!

Задрав свои живописные лохмотья, он продемонстрировал тело, имевшее вид одного сплошного, долго и неравномерно заживавшего шрама.

— Выглядит убедительно, — сказал Артем.

— Я на собаках еще не такое видал, — буркнул недоверчивый Смыков.

— Не верите? — не унимался калека. — Сомневаетесь? Тогда возьмите щепотку даром. А когда убедитесь в моей правоте, приходите за остальным, — он протянул бархатный мешочек, крохотный, как деталь кукольного туалета.

— И сколько же вы, братец мой, за это снадобье просите? — поинтересовался Смыков.

— Все, что у вас есть, благородный господин! — он бесцеремонно ухватил Смыкова за брючный карман. — Все, до последней монеты.

— А по физиономии не хотите? — поинтересовался Смыков.

— А вы не хотите, чтобы благодаря вашей скупости умер лучший друг? — парировал калека.

— Откуда вы это взяли? — насторожился Смыков.

— Иначе зачем бы вы покупали столько дорогих и бесполезных лекарств?

— Ладно, после поговорим. — Смыков локтем отпихнул пристава.

— Меня зовут Гильермо, благородный господин. Гильермо Кривые Кости. Меня тут каждый знает. — Калека резко свернул в сторону и сразу затерялся в толпе.

— Эй, а как ваше снадобье принимать? — крикнул вслед ему Смыков.

— Внутрь, благородный господин, внутрь, — донеслось сквозь разноголосый базарный гул.

За время их отсутствия состояние Зяблика ухудшилось. Он очнулся, маялся болью и непрерывно постанывал, как человек, вздернутый на дыбу. Мрачный Толгай беспомощно топтался поблизости, а Верка время от времени стряхивала слезинку с уголка глаза.

— Интоксикация начинается, — сообщила она. — Уже моча черная пошла. Боюсь, почки не выдержат. Вы все достали, что я просила?

— Сама смотри, — Смыков передал ей пакет с лекарствами. — На взвод солдат должно хватить.

— Если их от поноса да насморка лечить... — Верка быстро рассортировала лекарства. — Хотелось бы, чтобы это помогло. Только я не представляю, как у него кожа на подошвах зарубцется. Там же все до костей сожжено.

— А мы раздобыли универсальное лекарство, — сказал Артем. — Лечит любые раны, кроме заведомо смертельных.

Снадобье, полученное от калеки, при ближайшем рассмотрении оказалось бурым порошком с довольно неприятным запахом. Попадались в нем какие-то соринки, зернышки и даже крылышки насекомых.

— Из тараканов натолкли, — скривился Смыков.

— Вы считаете, что это должно помочь? — Верка подняла на Артема грустные глаза.

— Хуже, во всяком случае, не будет. Человек, который предложил нам это средство, лично у меня вызывает доверие.

— Удивляюсь вам, — сказал Смыков. — Опытный, хм... человек, а доверяете первому попавшемуся шарлатану.

— Потому и доверяю, что опытный, — ответил Артем доброжелательно. — Вы обратили внимание, какую форму имела его грудная клетка, особенно с левой стороны? Насколько я разбираюсь в медицине, в свое время он получил жесточайшую травму грудины. Вряд ли при этом уцелела хоть одна кость. Такие раны смертельные, ведь переломанные ребра протыкают легкие и даже сердце. Этот человек должен быть мертв не на сто, а на сто пятьдесят процентов.

— У травм и ожогов разная патология, — сказала Верка. — Но давайте попробуем...

Порошок высыпали Зяблику в рот и дали запить вином. После этого Верка занялась уколами и перевязками, Толгай — испытанием новой сабли, Лилечка — аккордеоном, а Смыков, Цыпф и Артем обсуждением ближайших планов.

Почти сразу определилась дилемма: или на всех парах нестись в Отчину, надеясь если не на эффективное лечение, то на помощь родных стен, или оставаться на месте, дожидаясь действия неведомого снадобья.

— Дайте вспомнить... — Артем наморщил лоб. — Есть ли у вас что-либо похожее на заведения, которые раньше назывались ожоговыми центрами?

— Куда там! — махнул рукой Смыков. — У нас, считайте, и больниц не осталось.

— А как же люди лечатся?

— Когда как. В некоторых общинах есть врачи, но все больше самоучки. Ну а с лекарствами, сами видели, только на толкучке и десятилетней давности. Костоправов и акушеров хватает. Бабки травы целебные собирают. Живем... Народ-то у нас в основном крепкий остался. Слабаки все давно преставились.

— Я правильно понял: в Отчине ваш друг не сможет получить никакого интенсивного лечения, связанного с переливанием крови или пересадкой кожи? — уточнил Артем.

— Зато дома-то и умирать веселее, товарищ дорогой. Вам, как природному бродяге, это, конечно, трудно понять. Мы

его в чистую постельку положим, всех специалистов соберем, авось что-то и придумаем.

— Постельку мы ему и здесь сможем соорудить. В шалаше, например. Специалистов тоже хватает. Врач ваша — человек опытный и старательный. Да и я кое-что в медицине смыслю. Подождем денек-другой. Если резкого улучшения не наступит, двинем в Отчину.

— А вдруг наступит?

— Тогда отправитесь на поклон к Гильермо Кривые Кости и купите снадобье по назначенной им цене.

— Никакой он не Гильермо, — сплюнул Смыков.

— А кто же?

— Какой-нибудь Гришка Костыль. На пиджике кое-как болтает, а когда я по-испански с ним заговорил, сделал вид, что не расслышал. Из наших он. То ли у инквизиторов в переплете побывал, то ли у аггелов.

— Особого значения это не имеет. Главное, чтобы снадобье не подвело. Ему-то самому какое-то волшебное лекарство определенно помогло.

— Слухи о всяких чудодейственных эликсирах циркулируют уже довольно давно, — вступил в разговор Цыпф. — Хотя лично я не знаю ни одного человека, который испытал бы их действие на себе.

— Знаете, братец вы мой, знаете! — точно с такой же интонацией Смыков когда-то произносил на очных ставках: «Обвиняемый, вы можете опознать в представленном вам человеке своего соучастника?»

— Кого? — взволновался Цыпф.

— Аггела, что в Талашевске с крыши свалился. Вспомнили? Уж так бедолаге умирать не хотелось, так не хотелось. Кажется, соберет сейчас мозги в носовой платочек и дальше побежит... Спасибо Толгау, успокоил его.

— Верно! — Цыпф так разволновался, что даже привстал с травы. — Все сходится...

— Что сходится? — покосился на него Смыков.

— Необыкновенные способности аггелов... Рога... Присаживайтесь на восемь метров... Жизнь после смерти... Слова их предводителя о чудодейственных травах.

— Вы что, братец мой, этой политической проститутке Ламеху поверили?

— Ламеху... Какой смысл ему лгать? Ведь не мы его допытывали, а он нас. В Эдем след тянется, не иначе! И Зяблик так думал. У нас с ним на эту тему даже разговор был.

— Следов вокруг напутано, как на заячьих игрищах, — чувствовалось, что Смыков спорит уже просто так, по привычке. — Не знаешь, по какому и идти... Все Эдем да Эдем. А ведь за Киркопией и Агбишером тоже немало земель, до которых никто еще из наших не добирался. Я верно говорю? — словно ища поддержки, он оглянулся на Артема.

— Более чем верно, — тот еле заметно улыбнулся. — Вы даже представить себе не можете, насколько верно ваше замечание. За обеими этими землями, название которых мне, кстати, ничего не говорит, открываются безграничные пространства, пройти из начала в конец которых не дано даже Богам.

— Скажите... — Смыков понизил голос. — Значит, есть они все-таки?

— Кто?

— Боги.

— В том понимании, которое вы вкладываете в этот термин, — нет. Все, как известно, познается в сравнении. Псу или курице мы, возможно, тоже кажемся Богами. Однако заявляю вам вполне серьезно, что во Вселенной присутствуют весьма могущественные существа, чьи возможности на несколько порядков превосходят наши. Но это вовсе не Боги. Одни из них смертные, а другие, бессмертные в нашем понимании, заплатили за этот дар весьма дорогую цену.

— Простите... — Цыпф наконец осмелился напрямую обратиться к Артему: — А мы... люди... мы тоже платим за что-то? Чем мы заслужили столь суровую кару?

— Чисто случайно. По крайней мере, мне так кажется. Вы знакомы с теорией параллельных миров?

— Только в популярной форме.

— Каждый из этих миров отделен от других непроницаемой преградой, природу которой я не могу вам объяснить даже популярно. В незапамятные времена неизвестно какая сила развернула один-единственный мир поперек всех остальных. Получился слоеный пирог из бесконечного количества крохотных, вырванных из материнского лона, сообщающихся между собой миров. Представляете? Условно эта вселенская патология называется Тропой. Процесс ее роста не прекращается и поныне. На Тропу выталкиваются все новые и новые осколки ранее полноценных миров.

— Это ваши умозаключения или абсолютная истина? — осторожно осведомился Цыпф.

— Ни то ни другое. Просто плод наблюдений. Я миновал на Тропе столько миров, что уже сбился со счета.

— А вы можете объяснить, почему с Землей получился такой винегрет? — не унимался Цыпф. — Там мы, здесь — средневековая Кастилия, с другой стороны — вообще первобытный лес какой-то, еще дальше — палеолит.

— Представьте себе лист бумаги с печатным текстом. Каждая строчка — отдельная эпоха. При нормальном состоянии листа они не соприкасаются, хотя неразрывно следуют друг за другом. Но если лист хорошенько помять, а потом скомкать, строчки соприкоснутся между собой самым непредсказуемым образом.

— Вы мне хорошую мысль подали, — Смыков заерзал на своем месте. — Правда, мятой бумажки у меня, к сожалению, нет. Придется воспользоваться дубовым листочком.

Прогулочным шагом он двинулся в сторону роши корявых пробковых лесов и, отойдя на приличное расстояние, за спиной Артема покрутил пальцем возле своего виска: дескать, совсем крыша поехала у дорогого товарища. Зато уж Цыпф, несмотря на всю свою природную деликатность, вцепился в необычайного собеседника, как репей в собачий хвост.

— А знаете, похожая мысль посещала и меня, — горячо говорил он. — Только мне в голову приходила несколько иная аналогия: наш мир проташили сквозь узкое отверстие, имеющее свойство сминать не только пространство, но и время. Тут сразу напрашивается вопрос: а какая участь постигла остальную часть планеты? Ведь наша эпоха, к примеру, представлена только одним Талашевским районом, да и то не всем. А это, наверное, меньше, чем десятая доля процента площади суши.

— Ваш невезучий район остался в пределах планеты и даже на прежнем месте, но для земного наблюдателя перестал существовать. Вы не вырваны из прежней среды, а отделены от нее невидимой и непроницаемой стеной. На теле планеты не осталось даже шрама. Просто северная граница района соединилась с южной, а западная — с восточной. Тысячи квадратных километров стянулись в точку, куда более крохотную, чем след от булавочного укола. Трудно представить, но это так.

— Если мы полностью утратили контакт с прежней средой, то откуда к нам проникает свет? — не унимался Цыпф. — В нынешнем мире отсутствует солнце, а следовательно — и тени. Но если на идеально гладкую, хорошо отполированную поверхность поставить торчком какой-нибудь предмет, то с помощью увеличительного стекла можно обнаружить четыре,

пять, а иногда и шесть смутных теней, направленных в разные стороны.

— Я уже говорил, что Тропа беспредельна. Она вобрала в себя не только обитаемые миры, но и все, что есть во Вселенной: космическую пустоту, звездный огонь, бесплодную твердь, океаны бушующей магмы. В вашем ближайшем окружении достаточно самых разнообразных источников света.

— А как поступали вы, натываясь на те негостеприимные миры? — поинтересовался Цыпф.

— Иногда обходил стороной. Иногда пользовался туннелями в пространстве, напрямую соединяющими некоторые весьма удаленные друг от друга точки Тропы. Есть здесь и такие чудеса.

— Вам нравится такая жизнь?

— Я просто не знаю другой. Заметьте, больше всех у вас стреляют те, кто помнит прошлое: Солнце, звезды, ясный день, темную ночь, зиму, лето. А дети, никогда не видевшие голубого прозрачного неба, настоящим считают это, — Артем глянул вверх. — Не исключено, что скоро какой-нибудь доморощенный поэт воспоет его красоту.

— Еще в большей мере страдает тот, кто привык пользоваться электричеством, автомобилями, газом, почтой, магазинами, аптеками. В каком-то смысле мы пострадали гораздо больше, чем кастильцы или, скажем, чернокожие жители Лимпопо, жизнь которых мало в чем изменилась.

— Это уж как правило: чем выше уровень цивилизации, тем более она уязвима в случае тотальной катастрофы. Впрочем, в большей мере это касается так называемых технологических цивилизаций, черпающих свое благосостояние из окружающего мира.

— А разве есть и другие?

— Представьте себе, есть. В самой природе человека скрыта мощь, которая делает излишним использование любых других сил природы. Что погубило привычный уклад вашей жизни? Кажется, сущая ерунда — исчезновение электричества. Да ведь тысячи лет люди обходились без него. А вы оказались в тупике.

— Да не исчезло вовсе электричество! — горячо возразил Цыпф. — Если поводить пластмассовой расческой по волосам, то клочки бумаги по-прежнему прилипают к ней. Я склонен думать, что изменились свойства веществ, которые раньше являлись проводниками. Электрическое поле продолжает существовать, но не может, так сказать, материализоваться в

удобной для нас форме. Нужны исследования, опыты, а кто станет этим заниматься? Все пекутся только о хлебе насущном. Скорее бы уже жизнь наладилась.

— А вы уверены, что она наладится? — Артем глянул на Цыпфа так, как глядят на безнадежного больного, расписывающего свои планы на будущее.

— Конечно! Эпидемии почти утихли, войны прекратились. Люди знают, что и когда сеять. Научились переделывать автомобильные двигатели на калильное зажигание и газогенераторное топливо. Поезда регулярно ходят. Торговля развивается. Даже патроны самостоятельно производим. В некоторых общинах есть школы. Дети грамоте обучаются. А со всякими выродками, вроде аггелов, мы справимся, дайте только срок.

— Завидую вашему оптимизму...

— А разве вы его не разделяете? — Цыпф нахмурился.

— Видите ли... Не хочу вас пугать, но жизнь ваша просто не может наладиться в том смысле, в каком вы это понимаете. На Тропе вы без году неделя и даже не успели разобраться со своими собственными проблемами, принесенными из прежнего мира или благоприобретенными здесь. Тропа, грубо говоря, еще не взяла вас в оборот. Максимум, с чем вы сталкивались до сих пор, — это отсутствие привычных удобств да конфликты с народами, родственными вам во всем, кроме разве что эпохи рождения. Но даже внутренние трения привели к тому, что уцелел едва ли не каждый десятый из вас. Ныне наступают совсем иные времена. Тропа протянет к вам миллионы щупалец, опутает невидимой паутиной, прорастет сквозь вас, переделает под себя. Ветер, насекомые и грызуны нанесут болезни, к которым у вас нет иммунитета. В пределы вашего мира вторгнутся враги, и один вид их ужаснет вас. Что там хваленые Гог и Магог! Пришлые звери съедят ваших волков, как волки съедают мышат, а потом ринутся на поиски иной добычи. Вполне возможно, что ваша страна станет ареной битвы между существами, даже близко не относящимися к роду человеческому. Да и мало ли что может случиться с миром, оказавшимся на торной вселенской дороге. Первые признаки грядущих перемен заметны уже сейчас. Я имею в виду варнаков и странные явления, происходящие с земной твердью.

— Варнаки еще никому не причинили вреда, — возразил не столько напуганный, сколько растерявшийся Цыпф. — Многие их вообще считают бестелесными призраками. Ну а эти явления, о которых вы говорили... Человечество всегда страдало от наводнений, землетрясений, вулканов и ополз-

ней. Вспомните о всемирном потопе, острове Санторин, Помпее, Лиссабоне, Кракатау. Это были страшные катастрофы. Но люди тем не менее выжили и даже научились как-то противостоять силам стихии.

— Подобные сравнения вряд ли уместны, — Артем устался на далекие вершины Сьерры-Морены. — Поверьте мне... То, что происходит сейчас, не имеет никакого отношения к проявлению стихийных сил природы. Просыпается нечто неведомое, грозное, более древнее, чем те горы... Оно перевернет весь этот мир до основания, и я не уверен, останется ли на нем место для человека. Честно сказать, я никогда не сталкивался с чем-то даже отдаленно похожим. Возможно, именно по этой причине я так долго задержался здесь... Много лет я пытаюсь разгадать тайну Тропы. Что это — странная прихоть природы или артефакт¹? Я встречал на Тропе миры возрастом не менее миллиарда лет и другие, население которых еще хранило смутные предания об иной жизни под солнцем. Но вы самый молодой из миров, оказавшийся в этой необъятной западне. Не исключено, что именно здесь таится искомая разгадка.

— У меня, знаете ли, просто голова кругом идет, — Цыпфа передернуло, словно в ознобе. — Поверить в такое нелегко... Но если эта самая Тропа имеет рукотворную природу, образ ее создателей даже невозможно себе представить. Такое и в самом деле по силам только Богам... Сумеет ли человек, пусть даже наделенный многими замечательными способностями, разгадать замысел высших существ.

— В одиночку, безусловно, нет. Но я надеюсь, что кое-кто поможет мне...

— Если тайна Тропы откроется, это спасет людей?

— Каких людей вы имеете в виду? — Артем перевел взгляд на Цыпфа. — На Тропе тысячи лет живут люди, почти ничем не отличающиеся от вас, и они не ищут для себя иной доли.

— Я имею в виду Отчину, Кастилию, Лимпопо, Хохму и иже с ними.

— Не знаю... Возможно... Но сначала вам нужно уцелеть во внутренних расприх. Я, кстати, вовсе не уверен, что вы одолеете аггелов.

— Почему?

— На их стороне то, что называется организацией. Иерархия, дисциплина, разветвленная агентура, вожди наверху и

¹ Артефакт — нечто искусственное, не сотворенное природой.

вожди на местах. Кроме того, — объединяющая идея, какой бы сомнительной она ни казалась со стороны. Прибавьте к этому способность аггелов по собственной прихоти влиять на человеческую природу... Что вы можете противопоставить всему этому? Свои малочисленные и разрозненные ватаги? Миссии, наблюдающие за порядком в других краях? Сомнительную вольницу общин? Хрупкий союз с соседними народами, еще ни разу не опробованный на деле?

— В случае серьезной опасности каждая община обязана выставить ополчение, — ответил Цыпф, накупившись.

— Которое будет драться только на расстоянии видимости от родного частокола. И то в лучшем случае... Дайте срок, и пусть небольшая, но сплоченная армия аггелов вырежет все ваши общины поодиночке. Впрочем, этого даже и не понадобится. Многие общинники сочувствуют каинизму. Уж не знаю почему, но идеи разрушения и насилия всегда были притягательными для немалой части человечества. Причем разрушения и насилия безнаказанного, возведенного в ранг святого дела. А кто откажется от обещанных аггелами богатства и власти? Пусть нехристи пасут наш скот, пусть арапы носят нас в портшезах, пусть кастильцы возделывают наши нивы, пусть их дочери услаждают нас, а сыновья пусть сражаются за наши интересы.

— Что же вы предлагаете? Вернуться к прежнему? Была уже у нас и организация, и дисциплина, и вожди всех калибров. Кто только не успел повластвовать в Отчине! Сначала секретарь райкома, потом военный комендант, потом чрезвычайный совет, потом диктатор, потом всенародно выбранный голова, сам себя провозгласивший императором... Хватит, натерпелись от начальников. Разве хоть кто-нибудь из них заботился о благе народа? О личных амбициях они заботились, больше ни о чем. Решение это сообща принималось — отныне и навеки никакой власти над нами не будет. С этим и кастильцы, и арапы, и степняки согласились. Так и в Талашевском трактате записано. Сегодня я в общине староста, завтра мой сосед, и так дальше по кругу...

— Думаете, так долго продлится?

— Поживем — увидим.

— Я ничего не имею против такой формы управления. Но она действительна только в одном случае — когда отсутствует внутренняя или внешняя угроза. В спокойном и благоустроенном мире вполне допустима какая-то доза анархии. Но не в мире хаоса. К сожалению, минус на минус дает плюс лишь в

математике. Хаосу может противостоять только порядок. Очень скоро вы окажетесь перед выбором — либо жизнь, либо свобода. Что вы предпочтете?

— Лично я — жизнь. Но вольную. Лучше подставить голову под гильотину, чем под ярмо. — Впрочем, эта высокопарная фраза, более приличествующая Зяблику, прозвучала в устах Цыпфа не очень убедительно.

— Хотелось, чтобы так оно и было. — Артем зевнул. — Смотрите, вам машет рукой товарищ Смыков. Все, кажется, ложатся спать, и ваша очередь заступать в караул.

— Надеюсь, мы еще продолжим этот разговор, — промямлил стушевавшийся Цыпф.

— Там будет видно...

Зяблик проснулся раньше всех, попросил поесть и, пользуясь привилегированным положением тяжелобольного, — вдоволь вина. Зрачки его лихорадочно блестели, под глазами залегла синева, бледную кожу покрывала испарина, но это были скорее симптомы тяжелого похмелья, чем ожоговой болезни.

— Больно вам? — участливо поинтересовалась Лилечка, которой выпало дежурить в последнюю смену.

— Нормально, — ответил Зяблик, пытаясь дотянуться до скатерти с остатками ужина. — Пощипывает немножко, будто бы муравьи по ногам бегают.

Заспанная Верка выложила перед ним все самое вкусное, вручила кувшин с вином и принялась разматывать заскорузлые бинты, из белых превратившиеся в желтовато-бурые. При этом она морщилась так, словно в любой момент ожидала услышать дикий вопль Зяблика. Однако бинты сошли на удивление легко, вместе с черными струпами и лепешками густого гноя.

— Не может быть! — Верка едва не уткнулась носом в пятку Зяблика. — Никаких следов некроза!.. И воспаление потухло... Как ты себя чувствуешь, зайчик?

— Отцепись! — буркнул Зяблик, обглаживая гусиную ножку.

— Так, может, тебе и морфин колоть не нужно?

— Не, колени для кайфа.

Вскоре возле Зяблика собралась вся ватага.

— Жить будет, — сказал повеселевший Толгай. — Кушает совсем здорово.

— Ай да Гильермо, — негромко произнес Артем. — Не обманул.

— Еще бы! — Смыков звякнул в кармане монетами. — За такие деньги можно новые ноги купить, а не то что старые вылечить...

На этот раз они подъехали на драндулете прямо к воротам рынка — опасаться вроде было некого, да и задерживаться здесь долго никто не собирался. Женщины отправились в торговые ряды закупить кое-какой мелочевки в дорогу, а мужчины, за исключением Зяблика и Толгая, занялись поисками Гильермо Кривые Кости.

— Посмотри! — Цыпф дернул Смыкова за рукав.

На гранитной плите, накануне сослужившей ватаге такую хорошую службу, по-хозяйски расположился малый в рубашке, куда более дырявой, чем рыболовная сеть. Он неуклюже манипулировал тремя перевернутыми бронзовыми кубками, время от времени приподнимая тот из них, под которым скрывался апельсин (на другой шарообразный предмет фантазии не хватило). Рядом был привязан крупный лохматый баран, в отличие от своего прославленного в поговорке родича взиравший на все окружающее (в том числе и на ворота) не тупо, а со злой хитрецей. Крупье — назовем этого самозванца так — гундосил нарочито противным голосом:

— Здесь без обмана можно выиграть барана! Но ради этого выложи монету! Кто угадает, все забирает! А кто промахнется, со своим расстается.

Глянув в ту сторону, Смыков процедил сквозь зубы:

— Привлек бы я его за мошенничество, да, жаль, кастильские законы не позволяют.

Вскоре выяснилось, что Гильермо сегодня никто не видел, да и слава Богу, поскольку человек он опасный, хоть и прикидывается безобидным попрошайкой. Через него на рынок поступают грозные распоряжения от неведомых лихих людей: собрать столько-то дани, прекратить или возобновить торговлю такими-то товарами, поднять или опустить цены на продукты первой необходимости и так далее. Дается все это в форме прибауток и намеков, но ни один ослушник больше не появился на рынке и даже тела их не отыскивались. Местонахождение берлоги Гильермо если и указывалось, то всякий раз другое. Наконец какой-то шустрый пострел за солидную мзду согласился свести их с этой столь одиозной личностью.

Поплутав по узким (двум ослам только разминуться) городским улочкам, малец углубился в трущобы, судя по всему, сооруженные беженцами во время последнего набега нехристей. Указав на покосившуюся хижину, напоминающую собой не то маленький курятник, не то большую собачью конуру, он сказал:

— Агаи. Здесь, — после чего требовательно протянул грязную ладонь.

— Сейчас проверим. — Смыков взял пацана за ухо. — Загляните-ка внутрь, товарищ Цыпф. Только не забывайте о мерах личной безопасности.

Выставив вперед приведенный в боевое состояние пистолет, Лева подкрался к хижине, осторожно обошел ее вокруг, а затем скрылся за дверью, подвешенной на ременных петлях. Некоторое время было слышно, как он передвигается внутри, сшибая горшки и ведра. Потом раздался не обещавший ничего хорошего голос:

— Здесь он...

Сделав это сообщение, Лева покинул хижину, задев в обратном порядке всю ранее опрокинутую им кухонную утварь, и сразу принялся искать уединенное место — не то понос его пробрал, не то рвота. Леву сопровождал внушительный рой зеленых падальных мух.

Смыков, не торгуясь, расплатился с маленьким проводником и по примеру Цыпфа повторил рейд в заброшенную хижину. Вернулся он довольно скоро, с хмурым выражением на лице.

— Не понимаю, зачем его надо было так потрошить, — сказал он, усаживаясь рядом с Артемом на рухнувшую глинобитную ограду. — Хватает еще любителей...

— Снадобье не нашли? — спросил Артем.

— Темновато там... Да и бесполезно искать. Все барахло стариковское и даже одежда его в очаге сожжены. Вместе с головой. Я золу разгреб, а из нее череп ухмыляется. Белый-белый...

— А это точно тот самый Гильермо?

— Кто же еще... Второго такого уродя я в жизни не встречал. Обознаться невозможно.

— Не аггелов, случаем, работа?

— Трудно сказать... Те бы просто глотку перерезали. Ну еще, может быть, намалевали что-нибудь кровью. Любят они автографы оставлять. А здесь... Впрочем, категорически утверждать не берусь.

Смушенно шмыгая носом и отводя взгляд, к ним присоединился Лева.

— Одно из двух, — сразу заявил он. — Или старик хотел продать нам снадобье по собственной инициативе, за что и поплатился, или он действовал по чужому наущению и был устранен, как лишний свидетель. Но в обоих случаях все замыкается на Эдеме. Нас или отваживают от него, или, наоборот, хотят туда заманить.

— С чего это вы, братец мой, взяли? — поинтересовался Смыков.

— Снадобье Гильермо и средство, позволяющее аггелам выделять всякие недоступные нормальному человеку штучки, — одного поля ягоды. Я в этом уверен. Оно не предназначено специально для лечения ран и не стимулирует силы организма, как мы предполагали... Каким-то неизвестным способом оно помогает осуществляться человеческим желаниям, самым сильным, самым сокровенным. Если хочешь спастись, прими его и прыгай не на восемь, а на все двадцать метров. Хочешь жить — и неведомая сила поднимет на ноги даже того, кто разбился в лепешку. Желаете побороть боль, недуг, залечить раны — и выздоровеете как по мановению волшебной палочки. Искренне веришь, что принадлежишь к семени Каина — и получишь на голову рога, его символ. Люди не знали раньше столь чудодейственного средства. Страна, которую мы называем Эдемом, занесена сюда из далекого-далекого прошлого. Только в ней могут произрастать волшебные растения, давно исчезнувшие на земле. У древних народов сохранились о них лишь смутные предания.

— И, кстати, довольно мрачные, — заметил Артем. — Не трогал бы наш первопредок этих эдемских плодов, до сих пор люди не знали бы греха.

— Библейскую легенду надо понимать как аллегорию. Любое познание чревато грехом, умножает скорби и ставит новые, зачастую неразрешимые проблемы. Я же говорю о другом... Это средство, к которому пока имеют доступ только аггелы, может спасти человечество. Я даже не упоминаю сейчас о его лечебном эффекте. Представьте себе, каждый сможет осуществить свое самое заветное желание. Матери станут рожать детей, сильные обретут новые силы, усталые найдут успокоение, пытливые — знания, разочарованные — веру. Каково?

— Представить это можно, — сказал Смыков. — Да только ничего хорошего не получится. Каждый будет желать того, что пойдет во вред другим. Я захочу извести преступника, а они

соответственно — меня. Зяблик захочет вечного кайфа, Верка — чтобы на нее все мужики вешались. Ну и далее в том же разрезе. Нет, если я до этого Эдема когда-нибудь доберусь, гореть ему синим пламенем... А кроме того, все это метафизика, противоречащая материалистическому взгляду на природу. Вы людей разоружаете перед лицом стихийных сил. На себя нужно надеяться, а не на порошки волшебные.

— Ну хоть вы ему объясните! — Цыпф обратился к Артему. — Как можно игнорировать очевидные факты!

— Что тут объяснять, — пожал плечами Артем. — Это совсем не плохо, когда безудержный полет мечты ограничивает суровая проза жизни.

— Ладно, мечтатели, пошли обратно. — Смыков встал. — Делать тут больше нечего.

Не без труда отыскав обратную дорогу, они еще издали увидели, что возле драндулета собралась толпа, над которой торчат алебарды стражников.

— Смыков! — заорал Зяблик, когда вся троица протолкалась к машине. — Объяснись ты с этими чурками мелкоголовыми! Совсем заколебали! Лезут, как мыши на сало! Скажи, если не отстанут, я их перестреляю к едреной фене!

Смыков о чем-то коротко спросил стражников и, получив столь же лапидарный ответ, выдал каждому по монете, а старшему — целых три. Те удовлетворенно загомонили, жестами показывая, что инцидент исчерпан. Толпа любопытных сразу рассеялась, оставив на месте Верку и Лилечку, которые из осторожности к драндулету не подходили, дожидаясь в стороне, чем закончится конфликт.

— Языки надо изучать, братец вы мой, — наставительно сказал Смыков своему приятелю. — Они с вас всего лишь транспортную пошлину требовали. Вон, видите, человек на осле приехал, а все равно платит. Законы положено уважать, даже чужие.

— Чем бы я им, интересно, заплатил? — проворчал слегка смущенный Зяблик. — По свинцовой пломбе разве что выдал бы...

— Вы достали то, за чем ходили? — нетерпеливо спросила Верка.

— Никак нет, — отрапортовал Смыков. — Аптека закрылась на переучет по причине скоропостижной смерти аптекаря.

— Как же быть? Я вижу пока только ремиссию, временное облегчение. А что, если симптомы вернуться? Опять ожоговый шок, опять омертвление тканей, опять интоксикация.

Ответить ей никто не успел. Как раз в том месте, где кипела самая оживленная торговля, из земли медленно и величаво вылез каменный палец, в основании толстый, как Вандомская колонна, но заметно сужающийся к вершине. Во все стороны полетели вперемешку люди, корзины, мешки, навьюченные ослы, опрокинутые палатки, пучки зелени, самые разнообразные фрукты, снулая рыба и всякий прочий мелкий и крупный товар.

Явление это сопровождалось идущим из глубины недр хрустом, словно там выворачивали суставы хозяину подземного мира Плутону.

Сравнявшись с самой высокой городской башней, каменный палец прекратил свой рост, но в другом конце рынка выпер другой, точно такой же. На его верхушке, словно наперсток, был насажен дощатый павильон, в котором прежде торговали серебряной посудой. Почва вокруг обоих страшных перстов глубоко осела, обнаружив многовековые наслоения городских отбросов, пожарищ, древних фундаментов и еще более древних могил.

Могучий подземный гул заглушал человеческие вопли, мычание скота и грохот рушащихся построек, как набат заглушает шепот молитвы. Не только над рынком, но и над всем городом стояло густое облако пыли. Каменные пальцы прорастали густо, как лес, и один из них уже скосынул кафедральный собор святого Иоанна, единственное, что могло соперничать высотой и массой с этими хтоническими¹ чудовищами.

Лева Цыпф, контуженный свиным окороком, чувствовал себя тем самым воробьем, по стае которых принялись палить из пушки. С жизнью он уже попрощался и лишь с холодным ужасом ожидал, что именно положит ей конец — толчок каменного пальца, подбрасывающий человека чуть ли не в поднебесье, или разверзнувшаяся под ногами бездна.

Сквозь завесу пыли он видел, как два соседних пальца вдруг изогнулись навстречу друг другу, превратившись в кривые бивни, переплелись и слились в настоящий утес. Судя по изменившемуся звуку катаклизма — это был уже не хруст, а

¹ Хтонический — относящийся к подземному миру, к преисподней.

скорее хрустящий скрежет, — подобные явления происходили повсеместно. Каменные наросты, овладев пространством вертикальным, начали захватывать горизонтальную плоскость. Город быстро превратился в запутанную сеть глубоких ущелий, на дне которых копошились те, кому удалось пока чудом уцелеть.

Сильный толчок снизу опрокинул драндулет на бок — мелькали только забинтованные ноги вывалившегося из него Зяблика. Пыль крутилась и секла лицо, совсем как самум в пустыне, но даже сквозь ее мельтешение все разглядели, что ближайшая каменная стена стронулась с места и начала надвигаться. Это почему-то даже обрадовало Цыпфа — смерть обещала быть сравнительно быстрой и безболезненной.

«Вот что ощущали спутники Одиссея, видя разверзшуюся пасть Харибды», — почему-то подумал он.

Тут из беснующегося сумрака возник Артем. Страхнув цеплявшуюся за него Верку, он сделал несколько шагов навстречу медленно накатывающемуся каменному валу. Вид Артема поразил Цыпфа ничуть не меньше, чем вставшая дыбом земная твердь или сплетающиеся в жгуты скалы.

Для невнимательного наблюдателя Артем остался прежним — человеком с руками, ногами и шаром головы на плечах. Но на самом деле человеком он уже не был, и это особенно отчетливо понимал находившийся в трех метрах от него Цыпф. Сейчас это была несокрушимая глыба (только неизвестно какая — гранитная, чугунная, свинцовая), исполненная в форме человеческой фигуры. Мышцы на затвердевшем лице двигались страшно, наперекос друг другу, как вышедшие из повиновения детали какого-то непонятного механизма, руки торчали в стороны, словно совершенно ненужные приделки, глаза превратились в квадратные провалы.

Артем снова сделал несколько шагов вперед — шагов неуклюжих и странных, как будто каждая его нога ступала сама по себе, не подчиняясь контролю мозга — и каменная стена замерла. Еще один неверный, раскачивающийся шаг — и она, словно испугавшись, стала отодвигаться.

Кто-то резко встряхнул Цыпфа за шиворот. Смыков, немо разевая рот, вручил Леве угол брезента, на котором, скорчившись, лежал Зяблик, а сам ухватился за другой, ранее доверенный попечению Лилечки. Сзади за импровизированные носилки цеплялись Толгай и Верка.

Спотыкаясь и прикрывая лица от бешеного ветра, они двинулись вслед за Артемом, продолжавшим гнать перед со-

бой стену, поверхность которой все еще сохраняла жгутообразную структуру. Внезапно несокрушимый на вид камень лопнул сверху донизу, раздался в стороны и развалился осыпью, открыв людям проход, где уже не гуляли свирепые вихри.

Сзади и по сторонам еще хрустело и скрежетало, а здесь оседала пыль и постепенно светлело. Их ноги попирали то, что еще совсем недавно было городом Сан-Хуан-де-Артеза: осколки кирпича, обратившуюся в щебень брусчатку мостовой, черепки посуды, куски мраморных плит, стеклянное крошево соборных витражей, переломанную мебель, изжеванное тряпье. Где-то тут, наверное, находились и люди, а точнее, то, что от них осталось, но об этом как-то не думалось — страх собственной смерти кусал за пятки.

Выбравшись на открытое пространство, вначале показавшееся неправдоподобно плоским и обманчиво устойчивым, они по инерции пробежали шагов пятьсот и, только окончательно выбившись из сил, повалились на скудную траву, выстриженную овечьими зубами почти под корень.

На месте города воздвигся холм с плоской вершиной и высоко вздымался столб пыли, похожий на подпирающую небо колонну. Те немногие, кому посчастливилось спастись, бежали, ковыляли, ползли прочь от этого места, и никто даже не смел обернуться, словно на Сан-Хуан-де-Артеза пало Божье проклятие.

Артем, до этого значительно опередивший всех, теперь возвращался деревянным шагом назад. Неправдоподобная, восковая бледность еще не сошла с его лица, уголок рта продолжал подергиваться, в глазах стояла муть.

— Попить ничего не найдется? — сипло спросил он, усаживаясь на землю.

— Нет. — Верка пошарила глазами вокруг. — Ничегошеньки.

— А вам, погляжу, и горы по плечу двигать, — произнес Смыков, стряхивая с себя пыль. — Как в песне поется: нам нет преград ни в море, ни на суше.

— Это не я, — устало сказал Артем. — Забыл предупредить, что моим телом иногда овладевает совсем другое существо, источник силы которого, а тем более ее пределы мне неизвестны. Оно трепетно заботится о той оболочке, которую делит вместе со мной.

— Ясно. — Смыков заерзал на месте. — Это, значит, про таких, как вы, говорят: бес в него вселился.

— Это не бес, а чья-то бесприютная душа, попавшая на Тропу неизвестно из какого мира и времени. Мы научились

как-то ладить между собой, хотя его разум бесконечно далек от человеческого. Я даже дал ему имя.

— Какое? — испуганно прошептала Лилечка.

— Представьте себе, Кеша. А вы думали, Асмодей или Вельзевул?

— Что вы пристали к человеку? — подал голос оклемавшийся Зяблик. — Ведь он вам жизнь спас. Хоть бы «спасибо» сказали.

— Дядя Тема, передайте Кеше большое спасибо! А он нас сейчас видит?

— Не исключено. Но совсем не так, как видим друг друга мы.

— А вдруг мы ему кажемся отвратительными жабами? — вздохнула Лилечка.

— Стал бы он жить в жабьем теле, — фыркнула Верка.

На минуту все умолкли, а потом Толгай, мало что понявший из предыдущего разговора, предложил:

— Назад хочу сходить. Драндулет поискать. Вик тиз. Я мигом.

— Попозже, братец вы мой. — Смыков покосился на столб пыли, уже начавший понемногу редеть. — Пускай там все уляжется.

— Найдешь ты драндулет, как же. — Зяблик тряхнул головой, словно отгоняя слепня. — Кукиш с маслом ты найдешь...

— Верка, ширни морфинчика. Что-то опять мослы жжет.

— Ничего тебя не жжет! — взъярилась Верка. — На твоих мослах все нервы сгорели до основания.

— Значит, опять прорастают. Жмешься, шалава? — заскрежетал зубами Зяблик.

— Черт с тобой! — Она выхватила из сумки шприц. — Жри! Только если наркоманом станешь, на меня не жалуйся.

Аптечка была единственным, что успела спасти Верка при бегстве из гибнущего города. Мужчины проявили еще меньше хладнокровия — Толгай прихватил с собой только саблю, а Смыков и Цыпф — личное оружие. Всех удивила Лилечка, не пожелавшая расстаться с новым аккордеоном.

— Это дяди Темы подарок, — так она объяснила свой героический поступок. — Как же я его брошу.

— Сыграй что-нибудь, — даже после укола Зяблик продолжал беспокойно ворочаться на своем брезенте. — Авось полегчает на душе.

— Неудобно как-то, — Лилечка оглянулась по сторонам. — Люди кругом от страха трясутся, плачут, ругаются...

— Поэтому и положено музыке играть, что люди от страха трясутся и плачут. Ты в бой под музыку не ходила?

— Нет, — растерялась Лилечка.

— И я не ходил, — признался Зяблик. — А хотелось бы. Под музыку умирать не страшно.

— Что бы вам такое сыграть... — Лилечка нерешительно накинула на плечо ремень аккордеона.

— Через пару деньков на моих похоронах сыграешь «Вы жертвою пали». Слова знаешь?

— Не-е-ет!

— Ну ничего. Ты сыграешь, а Смыков споет. Он должен знать... А сейчас что-нибудь веселенькое... Для души, как говорится... «Яблочко» можешь сбачать?

— Могу. Это же совсем просто.

— Давай. Только с чувством.

Лилечка тихо растянула мехи (аккордеон ответил тяжелым вздохом) и всей пятерней ляпнула по клавишам. Грянула мелодия, в которой неизвестно чего было больше — ухарской наглости или визгливого отчаяния. Зяблик не запел, а скорее заорал:

Эх, яблочко,
С витаминками,
Не гордись, братва,
Своими финками!

— Ну-у, — развел руками Смыков. — На блатную лирику потянуло. Что о нас окружающие подумают?

Зяблик скосил на него лютый взор и продолжал, надрывая горло:

Эх, яблочко,
Разбилось всмяточку,
В нас стреляли мусора,
Как в десяточку!

— Пусть покричит, — сказала Верка. — Может, полегчает. Бабы, когда рожают, тоже кричат. Боль лучше переносить.

Эх, яблочко,
Эх, червивочка,
Кровь моя на снегу,
Как наливочка!

— Ай, хорошо поет! — похвалил Толгай. — Ай, красиво поет.

Эх, яблочко,
Кисло-сладкое,
Жизнь блатная хороша,
Жаль, что краткая!

Тут Лилечка дала маху — взяла фальшивую ноту, и аккордеон поперхнулся.

— Совсем расстроен инструмент, — стала оправдываться она. — И клавиша западает.

— Играй, — тихо, но проникновенно, сказал Артем. — Играй. Только что-нибудь достойное.

Ничего более достойного, чем «Комаринская», Лилечка не знала, а может, просто позабыла с перепугу, потому что смотрела сейчас в ту же сторону, что и Артем.

На каменистой проплешине, которой побрезговали даже беженцы, шагах в ста отсюда, торчал варнак — похожий одновременно и на очень грузного темнокожего человека, и на моржа, вставшего на задние лапы. Никто даже и не заметил, откуда и когда он здесь появился.

— Играй, — повторил Артем шепотом. — А вы постарайтесь не шевелиться. И, главное, не притрагивайтесь к оружию.

Он встал — медленно-медленно, словно боялся вспугнуть пристроившуюся невдалеке птичку, и двинулся к варнаку, стараясь не попадать в такт залихватской мелодии. Лилечка сбавала «Комаринскую» до конца и, попискивая со страху — на всю жизнь запомнились варнаки бедной девушке, — завела собачий вальс.

Артем был шагах в десяти от варнака и продолжал двигаться неторопливо и плавно, даже не ступая, а почти плывя над землей. Уже было видно, что варнак на голову выше его и раза в два массивнее.

— Все, больше не могу! — Лилечка резким движением обняла аккордеон, отчего тот жалобно застонал.

Артем остановился. Глянцево поблескивающая туша варнака находилась от него на расстоянии вытянутой руки. Плоское, грубое лицо чужака было неподвижно. Тяжелые, набухшие, словно тронутые проказой, веки скрывали глаза. Зловещее молчание затягивалось.

И вдруг варнак, дрогнув, как плащом, всеми тяжелыми складками своей кожи, склонил набок уродливый чан головы и... запел.

Звук, издаваемый им, возможно, носил сугубо утилитарный характер — призывал к чему-то или, наоборот, предостерегал, — но был так гармоничен, чист и свободен, что у Цыфа по спине побежали мурашки. Ни один земной инструмент — ни скрипка Паганини, ни орган Баха, ни труба Армстронга — не смог бы повторить столь божественный экзерсис¹.

¹ Экзерсис — музыкальное упражнение.

— Встретимся в... — крикнул Артем, вцепившись обеими руками в поющего варнака.

Закончить он не успел. Сладостная мелодия оборвалась, обе фигуры словно слились на миг в единое целое — и пропали. Ветер закружил в воздухе пригоршню легкого, почти неведомого пепла.

— Вот так, братцы вы мои, — произнес Смыков с нажимом. — Допелись-доигрались.

— Домой пошел, — высказал собственную версию Толгай. — В пекло свое.

Цыпф принялся маловразумительно болтать о непознаваемых свойствах пространства-времени. Верка вздохнула с таким видом, словно давно ожидала подобного поворота событий (случалось, что мужчины сбегали от нее и более экзотичными способами). Лилечка тихо заиграла что-то минорное.

Один Зяблик, чье затуманенное болью и морфином сознание странствовало уже совсем в другой плоскости, никак не отреагировал на загадочное происшествие.

Часть третья

Поход в город, уничтоженный подземной бурей (а как еще можно назвать этот страшный и загадочный катаклизм?), на-поминал путешествие в чрево издохшего и уже начавшего разлагаться левиафана.

Каменные стены, еще недавно ходившие сами по себе и сокрушавшие все подряд, осыпались, словно высыхающие на солнце пляжные скульптуры. Могучие персты-утесы, сначала проткнувшие город, а потом раздавившие его, превращались в обыкновенную землю. Двигаться в этом лабиринте становилось все опаснее — того и гляди на голову могла рухнуть гора песка, перемешанного со всяким хламом.

Как уходящая от берега волна оставляет за собой часть того, что успела прихватить на суше, так и извергнутая из недр земли порода, оседая, обнажала до неузнаваемости разрушенные улицы, площади, ставшие похожими на заброшенные каменоломни, вырванные с корнем деревья, трупы людей и животных. Даже далекому от архитектуры человеку было ясно, что если уцелевшие жители Сан-Хуан-де-Артеза пожелают восстановить свой город, это придется делать в другом месте.

Проход, проложенный сквозь оживший камень загадочным существом по имени Кеша, вывел Толгая и Цыпфа к лежащему на боку драндулету. Был он обильно припорошен мягкой пылью (той самой, что еще недавно наждаком обдирала кожу), кое-где помят и поцарапан, но серьезных повреждений не имел.

— Ты да я не поднять, — сказал Толгай, критически осматривая свой многострадальный экипаж. — Народ звать надо.

За сохранившиеся у Смыкова реалы удалось нанять десяток смельчаков (не кастильцев, истово молившихся у временных алтарей, а торговых ребят из Отчины), с помощью которых драндулет был поставлен на колеса. Полчаса ушло на то, чтобы раскочегарить потухший газогенератор, и еще столько

же, чтобы запустить двигатель (Цыпфу явно не хватало сноровки Зяблика).

Это была хоть маленькая, но победа. Что бы, спрашивается, они делали без машины в кастильской глухомани, почти у самой гиблодырской границы, да еще с бесчувственным Зябликом на руках?

К этому времени споры о предстоящем маршруте уже были завершены. Все другие варианты, кроме Эдема, отпали. Спассти Зяблика могло либо чудо, либо волшебное снадобье, след которого тянулся через Трехградье или Гиблую Дыру к Нейтральной зоне, за которой, по слухам, и находился легендарный Эдем. Именно из тех краев когда-то прибыл в Сан-Хуан-де-Артеза ныне покойный Гильермо Кривые Кости.

(Чтобы установить этот факт, равно как и многое другое, Смыков провел скрупулезное, хотя и молниеносное расследование. Его профессиональное умение влезать в наивные души кастильцев на сей раз было подкреплено обильными денежными подачками, а в отдельных случаях и угрозой пистолета. Особенно полезным стал для следствия бывший иезуитский шпик, а ныне городской нотариус, у которого со Смыковым оказалось немало общих знакомых.)

Вызывало удивление, каким способом калека, да еще владевший испанским языком (это обстоятельство сам Гильермо объяснял тяжелой черепно-мозговой травмой), сумел за очень короткий срок подмять под себя не только местных торгашей, но и местных бандитов. За ним явно кто-то стоял — не то подполье инквизиции, не то аггелы.

Судя по всему, волшебное снадобье водилось у Гильермо и раньше. За время его пребывания в городе имело место пять или шесть случаев чудесного выздоровления тяжелобольных или смертельно раненных. Всегда это были очень богатые, весьма влиятельные горожане. Последний такой эпизод — спасение дочки команданта тюрьмы, умиравшей от гнояного перитонита — был особенно примечателен. По времени он почти совмещался с дерзким побегом из тюремного подземелья нескольких аггелов, самым загадочным образом раздобывших и подпилки, и оружие, и дубликаты всех ключей. Конечно, это могло оказаться чисто случайным совпадением. Но Смыков в такие случайности давно не верил.

Будучи по натуре человеком хитрым и скрытным, Гильермо иногда — по пьяному делу, конечно, — все же распускал язык. Однажды, например, он сболтнул (застольная беседа касалась небесного воинства), что имел несчастье воочию уз-

реть того самого херувима, которого Господь отрядил на охрану райских рубежей. Никакой это, дескать, не ангел с крыльями и огненным мечом, а нечто предельно ужасное, что даже приблизительно нельзя описать на человеческом языке. Существо это способно опрокидывать небеса, рушить горы и выворачивать наизнанку горизонты. Если оно вдруг разбушует, всех оказавшихся поблизости ожидает страшная участь. Все беды в жизни Гильермо проистекали как раз из-за этой злосчастной встречи.

Конечно, весьма подозрительным выглядело то обстоятельство, что вполне обеспеченный (хоть и прикидывающийся нищим) человек предложил чудесное лекарство первым встречным. Вряд ли причиной этому были только деньги Смыкова. Здесь ощущалась какая-то игра: не то очередной ход агелов, не то вмешательство каких-то других, совершенно новых сил.

Как ни странно, но у версии об Эдеме был еще один сторонник, ныне отсутствующий, — Артем. Что, спрашивается, могли означать его последние слова? В каком конкретно месте он назначил встречу? В Отчине? Вряд ли. Ведь за день до этого он вполне аргументированно доказал бесперспективность возвращения туда. Где-нибудь в Кастилии? Но тогда он скорее всего сказал бы: «Ждите меня здесь». Анализ его последней беседы с Цыфмом показал, что Эдем всерьез интересуется этого загадочного человека.

Дорога предстояла сверхтрудная, и это понимали все, кроме, пожалуй, одного Толгая, который с одинаковой охотой мог податься и в мало кому известный Эдем, и в страшное Баламутье. Верка не постеснялась высказать свои сомнения:

— А успеем мы? Суток трое-четверо Зяблик еще продержится, а потом не знаю...

— Если будем вино в каждой придорожной таверне распивать, точно не успеем, — ответил Смыков. — Без остановок гнать придется.

— Ну ладно, доберемся мы туда, — кивнула Верка. — А где это снадобье треклятое искать? Не в аптеке же им торгуют. Как хоть эта Божья травка должна выглядеть?

— Это, Вера Ивановна, пусть вас не волнует, — сказал Смыков многозначительно. — Не забивайте голову лишними проблемами. На месте разберемся. Барьеры берут тогда, когда к ним приближаются.

Присказка принадлежала Зяблику и всегда вызывала неодобрение предусмотрительного и расчетливого Смыкова. То,

что он сейчас воспользовался ею, могло означать лишь одно — в этой экспедиции надеяться можно было только на авось.

Не успел драндулет, в котором плотно расположилась вся ватага (вольтотнее всех, конечно, устроился Зяблик — голова на коленях у Лилечки, ноги — на попечении Верки), отъехать от разрушенного города и на пару километров, как из-за придорожного камня вынырнула фигура в черном колпаке. Такая возможность была предусмотрена заранее — Толгай сразу увеличил скорость, Цыпф приготовил к бою гранату, а Смыков поймал аггела на мушку.

Однако тот вскинул над головой обе руки, демонстрируя мирные намерения. Местность вокруг была не то что ровная, а даже чуть загибалась слева и справа к горизонту, что делало засаду маловероятной. Внимательно оглянувшись по сторонам, Смыков сказал Толгаю:

— Притормозите-ка... Гражданин Ламех, кажется, намерен нам что-то сообщить.

— Не верьте ему, кореша, — промычал с заднего сиденья Зяблик. — Покупать он вас будет. По самой дешевой цене...

Не доезжая метров десяти до аггела, драндулет остановился. Толгай положил руку на рукоять реверса, готовый в любой момент дать задний ход. Уточнив прицел, Смыков крикнул:

— Эй, что надо?

— Разговор есть, — дружелюбно ответил аггел, и в самом деле оказавшийся Ламехом.

— Я слушаю.

— Сначала пушки уберите.

— Это уж, братец вы мой, позвольте нам решать.

— Тогда разговора не будет, — сейчас он вел себя совсем иначе: не как жрец жестокого Бога, а как нахрапистый и неунывающий урка.

— А мы и не напрашиваемся.

— Как хотите, — Ламех отступил к камню, за которым скрывался до этого. — Думал, вы своего дружка спасти хотите...

— А вы нам, никак, помощь предлагаете? — Пистолет в руке Смыкова вел себя, как живое существо, реагирующее на малейшее движение цели.

— Почему бы и нет. Помогло ему это? — Ламех вытащил из-за пазухи подвешенный на шнурке бархатный кисет, в точности такой же, какой был у Гильермо.

— Помогло, да не совсем...

— Верно. Это ведь разовая порция. Ему таких еще штук пять надо... Ну как, будем говорить?

— Попробуем, — Смыков еще раз пошарил взглядом вокруг.

— Тогда уберите оружие... Так. Руки держите на виду. А ты, девка, чего там копаешься? — этот оклик относился к Верке.

— Я врач, — ответила она. — У меня больной на руках. Ему укол пора делать.

— Подождет пару минут... Ну!

Пять пар рук высунулось из машины наружу. Ангел осторожно приблизился, пихнул Лилечку в плечо: «К тебе это не относится», — и покосился на Зяблика, от злобы пускавшего изо рта пену.

— Как он?

— Без сознания, — ответила Верка, прикрывая лицо Зяблика ладонью. — Только на обезболивающем и держится.

Пятясь задом, Ламех вернулся на прежнее место.

— Предупреждаю заранее, причинить мне вред вы вряд ли сможете, — он вытряхнул на ладонь немного серого порошка и слизнул его жадно, как редкое лакомство. — Действие этого вещества вам понятно?

Поскольку Смыков промолчал, ответил Цыпф:

— Приблизительно. Оно влияет на самые глубинные структуры человеческого организма, позволяя... э-э... позволяя осуществлять некоторые самые сокровенные желания. Так?

— В самую точку! — Ламех ухмыльнулся. — Между собой мы называем это зелье бдолахом. Только детям Каина известен секрет его приготовления. Бдолах делает неязвимым того, кто умеет управлять своими желаниями. Естественно, умирать от ваших пуль я не собираюсь и поэтому буду изворачиваться всеми доступными и недоступными способами. Смогу уйти даже с простреленным сердцем. Впрочем, до моего сердца вам не добраться, — он стукнул кулаком по груди, добыв глухой деревянный звук. — Отправляясь на встречу с вами, я не забыл бронезилет.

— Похвальная предусмотрительность, — Смыков изобразил кислую улыбочку. — Но вы все же, пожалуйста, ближе к делу... Как я понимаю, вы можете ссудить нам необходимое количество этого медикамента?

— Правильно понимаете.

— Естественно, не даром?

— Естественно.

— Какова же будет цена? И учтите, мы люди небогатые.

— Сиротки, известное дело... — понимающе кивнул Ламех и тут же быстро спросил: — А где этот ваш... дон Бутадеус?

— Кто же его знает, — Смыков скорчил постную рожу. — Не отчитывается он перед нами.

— Ты дурака не валяй! — Ламех вдруг зло ощерился. — Слышали люди, как он вам свидание назначил. Встретимся, мол, в скором времени. Где он сейчас? К варнакам ушел? Отвечай!

— Исчез, как чудное видение, — скорбно потупился Смыков. — А если вы, братец мой, на меня еще раз голос повысите, то и бронжилет вам не поможет. На четыре разные стороны полетите. Голова отдельно, руки отдельно, ноги отдельно, жопа тоже отдельно.

— Не обижайтесь... Нервишки подводят. — Ламех перевел дух. — Я ведь давно заметил, что у вашего косоглазого граната в рукаве спрятана... Значит, условие мое будет такое. Сейчас заедем в одно местечко, и вы расскажете все, что знаете о доне Бутадеусе. Расскажите очень подробно. Но только, чур, не врать. Допросят вас каждого в отдельности, а потом показания сравнят. Не мне вам объяснять, гражданин начальник, для чего это нужно... Ну а впоследствии о всех его делах, тайных и явных, будете составлять отчеты. До тех пор, пока он эту землю топтать не перестанет. Ясно?

— Ясно, — Смыков кивнул. — Это взамен на порошок ваш, значит?

— Взамен на жизнь боевого товарища, — сказал Ламех со значением.

— А не боитесь, что мы вас обманем? Как только Зяблик на ноги встанет, мы вам от ворот поворот сделаем.

— Конечно, обманете, кто же в этом сомневается! — широко улыбнулся Ламех. — Чтобы такая беда не случилась, парочка из вас с нами останется. Любая из баб и любой из мужиков.

— Предложение интересное, — Смыков сплюнул за борт драндулета. — Гостеприимством вы славитесь... Скажите, а инвалида этого вы зачем прирезали?

— Какого инвалида? Ах, вы про Гильермо... Как бы это лучше объяснить... — Ламех прищурил один глаз, словно хотел рассмотреть что-то вдаль. — Он ведь не был аггелом, и даже сочувствующим. Так, рвань подзаборная. Кормился от наших щедрот. Подворовывал. Вы бы его в два счета раскололи.

Или на испуг бы взяли, или на деньги. А у нас болтунов не уважают. Да и зажился он...

— Вам, конечно, виднее. Только так живого человека кромсать?

— Я не в курсе. К Гильермо новички ходили, а у них руки чешутся. Разберемся и накажем... Кстати, а куда это вы путь держите? — Ламех перевел разговор на другую тему. — Отчина вроде бы в противоположной стороне.

— Вот решили прокатиться по свежему воздуху. Очень уж пыльно было вчера в городе.

— Освежиться, значит, захотели, — сочувственно кивнул Ламех. — Не в Эдем ли?

— Все может быть.

— Ну-ну... Дорога, правда, туда не близкая.

— Одолеем как-нибудь.

— Не советовал бы. Через Гиблую Дыру всего одна дорога ведет, и ту каждый день приходится восстанавливать. А в Трехградье дорог много, да все они у перевала Аспил сходятся. Закупорочка может случиться.

— Значит, один только путь у нас? К вам в объятия.

— Если друга спасти хотите — да. А если нет, валите обратно. В Отчину. В Степь. В Лимпопо. Туда вам путь не заказан. Арапы, говорят, ожоги коровьим навозом лечат, а нехристи — жидким тестом. Вдруг да поможет. — Ламех открыто глумился над ними.

— Коровьим навозом, говорите? — Смыков с невозмутимым видом принялся ковырять в ухе. — Надо попробовать...

— Как я понимаю, мое предложение вы отвергаете? — Ламех уперся руками в бока.

— Почему же... Только сначала нужно у пострадавшего поинтересоваться: а вдруг он лечиться не хочет? Зачем тогда добро зря переводить... Эй, Зяблик! Слышал, что нам рогатый дядя предлагает?

— Слышал, — слабым голосом ответил Зяблик. — Девки, поднимите меня.

Верка, уже успевшая незаметно передать Зяблику заряженный пистолет, крепко ухватила его за ноги повыше колен. Застонав, Зяблик резко приподнял корпус (Лилечка тут же уперлась ему плечом в спину) и пальнул несколько раз подряд, сжимая пистолет обеими руками.

Первая пуля перебила шнурок кисета и расплющилась о бронежилет — звук был такой, словно молотком по свинцо-

вой плите тукнули. Вторая была еще в полете, когда Ламех со сверхъестественной быстротой метнулся за камень.

Смыков перехватил руку Толгая, уже собравшегося бросить гранату, и вместе с ним вылетел из драндулета. К камню они подскочили с разных сторон, но за ним уже никого не было, только в земле зиял узкий лаз, обложенный старыми, замшелыми камнями.

Пару минут оба тяжело сопели, успокаивая дыхание и унимая сердцебиение. Потом Смыков сказал:

— Ирригация, братец вы мой...

— Что такое? — не понял Толгай.

— Оросительная система, говорю, — он указал стволом пистолета на дыру в земле. — От мавров осталась.

Подобрав кисет, утеранный Ламехом при отступлении, Смыков вернулся к драндулету.

— Не понимаю вашей логики, — сказал он, передавая трофей Зяблику. — В лоб его надо было бить, наповал.

— Наповал, как же! — огрызнулся Зяблик. — Он ведь своего зелья только что нажрался. Мог с пулей во лбу до самого Агбишера бежать. Ищи его потом.

— Кушай, зайчик, быстрее, — Верка помогла Зяблику развязать кисет. — Я тебе сейчас винца дам запить.

— Вы, братец мой, хотеть не забывайте, — посоветовал Смыков. — А то без хотения — не поможет.

— Чтоб ты так всю жизнь хотел, инквизитор! — ответил Зяблик, давась вином. — В следующий раз ты сам на сковородке плясать будешь.

— А знаете, откуда аггелы такое слово взяли — «бдолах»? — внезапно спросил Цыпф.

— Ну?

— Среди сокровищ, которыми славится земной рай, в Библии упоминается и загадочный бдолах. До сих пор никто не смог объяснить, что это такое.

— И что дальше?

— Это еще один довод в пользу эдемского происхождения снадобья.

— Аггелы — народ назывчивый, — сказал Зяблик. — Всякую вещь по-своему кличут. У них своя феня, не хуже, чем у блатных.

Драндулет уже резво катил в сторону Гиблой Дыры, места хоть и обитаемого, но для спокойного житья вряд ли приспособ-

собленного. Нельзя было даже точно сказать, что это такое на самом деле: необъятная песчаная отмель, которая то затопляется неизвестно откуда подступающими водами, то вновь высыхает, или же это — долина огромной реки, постоянно меняющей свое русло и направление течения. Одни ее потоки были солеными, другие пресными, рядом с ледяными родниками били горячие гейзеры, великолепный пляж в течение считанных минут превращался в зыбучие пески или бездонный провал, а более-менее безопасно существовать здесь можно было только на плавучих островах, представляющих собой сложный симбиоз водных, полуводных и сухопутных растений.

Некогда этот мир был населен рыбаками, кораблями и мореходами, но все они куда-то сгинули, оставив на память о себе лишь камышовые парусные суда, ныне догнивающие на мелях или странствующие в полузатопленном виде от одного берега к другому.

Тут в изобилии водилась рыба, крабы, съедобные моллюски, но с лихвой хватало и всякой вредоносной живности: водяных змей, ядовитых медуз, жутких на вид, каких-то прямо доисторических крокодилов и морских гиен — ластоногих хищников, свирепых и прожорливых, как пираньи, чьи стаи, случалось, не только переворачивали лодки, но даже разносили на части заселенные людьми плавучие острова.

В Гиблой Дыре находили себе прибежище разнородные бродяги, изгои и авантюристы, предпочитавшие общество крокодилов и змей человеческому окружению. Избегая вступать с кем-либо из соседей в союзы, они тем не менее поддерживали в исправном состоянии дорогу, в свое время проложенную кастильцами по узкому каменистому гребню, как бы делившему Гиблую Дыру на две части, за что регулярно получали вознаграждение мукой, порохом, свинцом и текстилем.

(Гиблодырская дорога позволяла кастильским войскам кратчайшим путем проникать в Трехградье, а оттуда наносить удары в тыл Отчине. После подписания Талашевского трактата она утратила свое стратегическое значение, тем более что христолюбивые кастильцы в пух и прах рассорились с рыжими горцами-язычниками, владевшими лучшими землями Трехградья.)

Граница между двумя странами, по воле неведомых сил ставших соседями, до сих пор просматривалась очень ясно — скудное влагой и растительностью известковое плато круто обрывалось к необозримой низменности, где плескалась вода,

квали огромные амфибии и шумел на ветру тростник. С кастильской стороны хорошо просматривалась узкая полоска тверди, рассекавшей эти дикие хляби наподобие иззубренного клинка. Да и название у перешейка было подходящее — Сиера-де-Дьябло, Дьявольская пила.

Одинокий кастильский стражник движению по дороге не препятствовал, однако вступать в контакт с путниками категорически отказывался. Развязать ему язык удалось с помощью доброй пригоршни реалов. Подозрительно оглядываясь по сторонам, он сообщил, что знать ничего не знает, видеть ничего не видел, а слышать — тем более. И вообще, рисковать своей жизнью за столь мизерное жалованье он в дальнейшем не собирается и бросит эту собачью службу сразу после того, как из Сан-Хосе-де-Артеза ему пришлют смену.

Залезая обратно в драндулет, Смыков сказал:

— Долго же ему, бедолаге, этой смены придется дожидаться.

Зяблик, после приема снадобья сразу воспрянувший духом и телесно, заметил:

— Напуган он чем-то. За алебарду двумя руками держится, а трясется, как припадочный.

Дорога, и без того неширокая, превратилась чуть ли не в козью тропу и резко пошла под уклон. Потянуло прохладой и сыростью.

— А не заскочить ли нам по пути в нашу миссию, — предложил Цыпф. — Еременко человек надежный. В помощи никогда не откажет.

— Хрен знает, где их искать, — сказал Зяблик, которому уже несколько раз сподобилось побывать в этих местах. — Странствуют себе по воле волн... Осетров ловят, омаров... Вот у кого житуха.

— Что-то не идут им на пользу эти омары, — возразил Смыков. — За последний год тут чуть ли не половина личного состава поменялась. Про кого ни спросишь, ответ один: пропал без вести.

Слева от перешейка расстиралось мелководье, по которому бродили голенастые цапли, справа в берег била крутая волна. Чем дальше драндулет удалялся от кастильских пределов, тем сумрачней становилось вокруг. Горизонты подернулись туманом, заморосил противный дождик. С обеих сторон к узенькой полоске суши подступал уже настоящий океан. Грядда постепенно превратилась в цепь островков, соединенных между собой ветхими наплавленными мостами, бревенчатые на-

стили которых, покрытые пеной и водорослями, буквально гуляли под ударами волн.

— Что-то высоко нынче вода стоит, — сказал Зяблик, оглядываясь по сторонам. — Один раз я всю Гиблую Дыру посуху прошел. Правда, не в этом месте.

— Да, заехали. — Смыков вытер платком мокрое от водяной пыли лицо. — Такая уж наша удача... У бедного Ванюшки и в подушке камушки.

Драндулет въехал на очередной мост, такой длинный, что его конец терялся в туманной мгле. Он не имел перил и был всего в полтора раза шире машины. Когда очередная волна захлестывала его, из-под колес не сбавлявшего скорости драндулета вздымались фонтаны воды.

— Ты, Чмыхало, плавать умеешь? — поинтересовался Зяблик.

— Не-е, — беззаботно ответил Толгай. — Зачем? Я лучше на дно пойду. А ты крокодилу в зубы пльви.

— Эх, зря мы через Трехградье не поехали! — с досадой сказал Смыков.

— Ты что! — возразил Зяблик. — Такой крюк давать. Да там и в самом деле только один перевал в горах. Засаду очень просто организовать. Пять не слабых мужиков могут целую армию остановить.

Толгай, большую часть жизни проведенный в степи и никогда не видевший больших водных пространств, возможно, просто не осознавал опасность ситуации. Зяблик, как всегда, хорохорился. Смыков своих чувств не выдавал. Зато другие путешественники подавленно притихли — мутная и глубокая вода бесновалась совсем рядом с ними.

Зяблик, желая ободрить спутников, привел им пару примеров своего чудесного спасения от утопления: первый раз — из навозоотстойника свинофермы, а второй — из цистерны с гидролизным спиртом. Убедившись, что эти истории произвели эффект обратный ожидаемому, Зяблик обиделся и стал донимать всех довольно мрачными советами.

— Что тонущего человека спасает? — вещал он. — Выдержка! Ты, Лилечка, когда в воде окажешься, пошире гармошку растягивай. Будешь на ней как на спасательном кругу держаться. За Смыкова я вообще не боюсь. Такие, как он, не тонут. Верку я лично на себя беру. Нельзя, чтобы такое тело рыбам досталось. Толгай сам свою судьбу выбрал. Да и не нужен он нам будет без драндулета. Остается Лева Цыпф. Но уж он-

то что-нибудь в последний момент обязательно придумает. Человек с головой никогда не пропадет.

— Слушай, как хорошо, когда ты спал, — сказала Верка. — Если не утомнишься, я тебя чем-нибудь таким кольну, от чего язык отнимется.

Когда мост наконец кончился и драндулет выскочил на островок — маленький, низкий, насквозь продуваемый ветром, — люди вздохнули с облегчением. Впрочем, радоваться было рано, и первым это осознал Толгай, вовремя нажавший на тормоза.

Дорога не имела продолжения — от переправы, ранее соединяющей этот островок с другим, смутно видневшимся на горизонте, осталось только несколько бревенчатых звеньев, похожих на мостки, с которых деревенские бабы полощут белье.

— Приехали, — хладнокровно констатировал Смыков.

— Сзади парус! — воскликнул Цыпф, чей взор помимо воли обратился назад, к берегам хоть и негостеприимной, зато сухопутной Кастилии.

Действительно, сквозь завесу моросящего дождя была видна лодка с косым парусом, державшая курс перпендикулярно уже невидимому отсюда мосту.

— Кто бы это мог быть? — пробормотал Смыков, внимательно вглядываясь вдаль.

— А ты не догадываешься? — Зяблик хотел выругаться, но, покосившись на Лилечку, передумал. — Рыбу вентером никогда не ловил? Снасть такая есть — два входа и ни одного выхода. Вот нам сейчас и устроят такой вентерь. Разворачивайтесь быстрее! Авось успеем вернуться!

Однако это оказалось не таким уж и простым делом. Едва драндулет съехал с дороги, предназначенной исключительно для груженого транспорта, как его передние колеса глубоко увязли в песке, имевшем консистенцию свежеприготовленного цементного раствора. Мотор жалобно взвыл и умолк.

Пришлось всем пассажирам, исключая Зяблика, покинуть драндулет и надрывать пупки в напрасных потугах вернуть его на дорогу. Удалось это лишь после того, как Толгай со Смыковым откопали все четыре колеса, а Лилечка с Веркой засыпали развороченную колею тростниковыми охапками. Цыпф, взобравшись на ближайшую дюну, комментировал действия неизвестных мореплавателей:

— Спускают парус... Причалили к мосту... Вылазят... Человек десять, не меньше... Начинают разбирать настил... То-

ропятся... Один упал в воду... Поплыли бревна... Дыра уже метров десять шириной... Эх, не успеем...

К тому времени, когда драндулет был приведен в рабочее состояние, нужда в нем отпала. Деревянные плашкоуты, составлявшие опоры моста, были пущены неизвестными злодеями вниз по течению, а настил разобран по бревнышку. До ближайшей суши теперь стало не меньше полукилометра чистой воды.

— Не беда, — сказал Смыков. — Как-нибудь выберемся. Вон сколько плавняка кругом. Сейчас плот свяжем.

Между тем лодка, на веслах огибавшая остров, поравнялась со сгрудившейся на берегу ватагой. Рассмотреть, кто в ней сидит, с такого расстояния было просто невозможно. Зяблик потянулся за пистолетом, но Смыков остановил его:

— Далеко. Побереги патроны.

Рулевой лег грудью на корму и обрезал канат, косо ухотивший в воду. После этого лодка сразу изменила курс и вскоре исчезла в тумане. Продолговатый предмет, который она до этого тащила за собой на буксире, всплыл и стал медленно приближаться к берегу, пока не застрял на мелководье.

Толгай разулся, закатал штанины выше колен и отправился осматривать загадочный подарок. Вернулся он довольно скоро с выражением нехорошего удивления на лице.

— Улек, — обронил он. — Труп.

— Свежий? — спросил из машины Зяблик.

— Ага... Здесь чик-чирик. — Толгай провел ребром ладони по горлу. — Кровь мало-мало идет.

Все невольно глянули туда, где очередная волна, приподняв мертвеца, тащила его поближе к берегу.

— А ведь вода поднимается, — задумчиво сказал Смыков, почему-то вдруг утративший интерес к сооружению плота.

— Поднимается, — подтвердил Зяблик зловещим голосом. — Только не суждено нам утопнуть.

Далеко-далеко, в той стороне, откуда появилась лодка, море вспенилось бурунами, как это бывает, когда стая дельфинов гонит к берегу косяк рыбы. Вскоре уже можно было различить, как из воды вылетают и вновь уходят на глубину массивные пятнистые тела. Несоразмерно маленькие головки сидели на длинных змеиных шеях. При каждом прыжке ласты морских гиен шлепали по воде, как лопасти колесного парохода. Путь стаи в точности соответствовал маршруту лодки. Достигнув разрушенного моста, звери дружно повернули к островку.

— Кровь чувствуют, — сказал Зяблик. — Как волки по следу идут.

Наиболее проворные из морских хищников уже высочили на мелководье. По песку они двигались хоть и тяжеломерно, но довольно проворно, переваливаясь на лапах и отталкиваясь лопатообразными хвостами. Страшноватые даже издали, вблизи эти твари внушали еще и омерзение — очень уж не сочеталась голова кровожадной гиены с пухлым тюленьим телом.

Пожирание трупа напоминало сцену розыгрыша спорного мяча в баскетболе — мертвец взлетел высоко вверх, две могучие туши столкнулись в борьбе за него, каждый успел отхватить по приличному куску, после чего на вожденную добычу накинута уже вся орава.

Трапеза была закончена в считанные секунды. Некоторое время морские гиены тузили друг друга, издавая тягучее, почти коровье мычание, а потом, словно по команде, устали на людей. Лилечка взвизгнула.

— Медленно отходим, — сказал Смыков. — Вы, товарищ Толгай, приготовьте гранату. Но без моей команды не бросайте.

Самый крупный из хищников резво зашлепал к берегу, за ним двинулись остальные. Пистолетный выстрел Зяблика не произвел никакого впечатления — тут скорее пригодилось бы противотанковое ружье. На суше морские гиены передвигались со скоростью подагрического старика, но отступать их потенциальным жертвам было просто некуда — островок в ширину не превышал полусотни метров.

— Бегом! — приказал Смыков. — Всем укрыться за машиной. А вы, братец мой, бросайте, бросайте.

Толгай зашвырнул гранату в самую гущу наступающей стаи, но грохнула она глухо — должно быть, попала под чье-то брюхо. Однако агония одной из морских гиен на время отвлекла внимание других. Мучиться раненому зверю не пришлось — его растащили на части так быстро, словно это был ком сахарной ваты, а не четверть тонны мяса, костей и шкуры.

Следующая граната — предпоследняя — разорвалась более удачно. Вожак лишился хвоста, еще пять или шесть хищников были изрядно посечены осколками. На этот раз морские гиены проявили сообразительность, свойственную всем млекопитающим, утратившим связь с сушей. Проворно развернувшись, они бросились к воде, достигнув приличной глубины — нырнули, а затем расположились вокруг острова кольцом. За-

пах крови раненых родичей возбуждал их, заставляя то и дело завязывать бурные, короткие стычки, что, впрочем, почти не мешало ведению правильной осады. Теперь с острова могла ускользнуть разве что птица.

— Девятнадцать голов, — меланхолично объявил Цыпф. — А нас шестеро. Больше чем трое на одного. По паре кусков на брата только и достанется.

Дождь между тем усиливался. Это была уже не вялая морось, а хороший ситничек. Воронка от первой гранаты наполнилась водой, и к ней вплотную подбирались волны.

— Прямо наводнение какое-то, — пробурчал Смыков. — Никогда не думал, что такое может случиться.

— Может, — сказал Цыпф упавшим голосом. — Я давно вам хотел сказать... Был рапорт от Еременко... В прошлом году Сиерра-де-Дьябло целиком заливало два раза, а в этом уже три.

— Будем считать, четыре. — Верка опустила рядом с Зябликом. — Давай, зайчик, покурим напоследок.

— Без паники, — заявил Смыков. — Безвыходных положений не бывает.

— Бывает, — сказал Зяблик. — Бывает в жизни безвыходное положение. Хотя раз да бывает. В первый и последний.

— Не каркайте, братец вы мой... Пусть все хорошенько подумают над создавшейся ситуацией и выскажут свои предложения.

Думали до тех пор, пока подступающая вода не стала лизать ноги. Тогда забрались в драндулет, стоявший на самом высоком сухом месте островка. Морские гиены тем временем сожрали изувеченного жоака и стали планомерно стягивать кольцо окружения.

— Сейчас проверим, как у кого котелок варит, — Смыков глянул на часы. — Начинайте. Кто первый? Может, вы, Лилечка?

— Я не знаю, — губы девушки дрожали. — Только не отдавайте меня этим тварям. Лучше застрелите!

— Все понятно. А вы, Вера Ивановна, что предлагаете?

— Что тут предлагать, — Верка обреченно пожала плечами. — Допьем вино. Докурим табак. Если есть желающие, могут трахнуться со мной. Все.

— Примем к сведению... Ваша очередь, товарищ Толгай.

— Ризалык! Согласен!

— С чем согласен? С предыдущим оратором?

— Ага, — радостно закивал головой Толгай. — Согласен. С Веркой согласен.

— Значит — пить, курить и трахаться. — Смыков почесал за ухом. — Конструктивное предложение, ничего не скажешь. Вы, братец мой, тоже его поддерживаете? — Вопрос относился к Зяблику.

— Выпить мы, наверное, успеем, — Зяблик глянул на волны, уже кипевшие под драндулетом, — а вот на все остальное времени может и не хватить. Но вы, кореша, не отчаивайтесь. Следующая ваша жизнь будет позавидней этой. Смыков родится волкодавом. Верка — царицей Клеопатрой, Чмыхало — папой римским, Лилечка — канарейкой...

— Позвольте мне! — Цыпф вскинул вверх руку. — По моим подсчетам, вода достигнет уровня человеческого роста через полчаса. Плот соорудить мы не успеем, тем более что у нас нет ни гвоздей, ни веревок. Да и не спасет от морских гиен.

— А что спасет? — нетерпеливо перебил Смыков.

— Только чудо! — с горячностью продолжал Цыпф. — Не мной одним подмечено, что Лилечкино музицирование иногда вызывает самые неожиданные последствия. Вот пусть она и сыграет сейчас что-нибудь, но только от всей души. Как недавно просил ее дон Бутадеус... э-э-э... извиняюсь, дядя Тема. Помнишь, Лилечка?

— Помню, — почти прошептала она. — А что играть?

— «Гибель «Варяга», — подсказал Зяблик. — В самый раз... «Наверх вы, товарищи! Все по местам! Последний парад наступа-а-а-ет!»

— Я бы попросил вокалистов воздержаться, — деликатно заметил Цыпф. — Тут значение имеет... э-э-э... мелодичность.

— Между прочим, я был запевалой четвертого отряда Новосадской исправительно-трудовой колонии строгого режима! — обиделся Зяблик. — И в мелодичности не хуже тебя кумекаю. Со мной композитор Байкалов сидел.

— Но сейчас не тот случай, — настаивал Цыпф. — Мы потом все вместе споем... Если спасемся.

— Ладно, подыхать — так с музыкой, — Зяблик махнул рукой.

И Лилечка грянула «Варяга».

Даже самый посредственный музыкант один раз в жизни может сыграть гениально, особенно если подмостками ему служит собственный эшафот или край разверзнувшейся могилы. Сейчас был именно такой случай. Никогда еще, наверное, этот заигранный мотив не звучал так страстно и проникновенно, тем более что плеск наступающих волн напоминал

шум забортной воды в кингстонах, а зловещее мычание морских гиен — вопли разъяренных самураев.

Под такую музыку не хотелось покоряться злосчастной судьбе. Под такую музыку хотелось идти сомкнутым строем в штыковую атаку или, в крайнем случае, плевать в ненавистные рожи палачей. Повинуясь неосознанному порыву, Толгай схватился за рукоять сабли, а Зяблик прострелил уже подбиравшейся особо наглой гиене голову.

— Еще! — почти простонал Цыпф, когда надрывная мелодия стала близиться к концу.

Этого можно было и не говорить — на Лилечку уже просто не было удержу. Она и сама вдруг поверила, что спасение может дать ее музыка. Откуда только что взялось — и мощь, и упоение, и виртуозность! Задрипанный аккордеон звучал, как хорошо сыгранный симфонический оркестр.

На несколько коротких минут все забыли о беспощадном море, кровожадных тварях и надвигающейся беде. Даже абсолютно равнодушный к музыке Смыков увлекся вдохновенной игрой Лилечки, а что уж говорить об остальных!

Это обстоятельство скорее всего и помешало людям заметить, откуда и как на острове появились новые слушатели.

Четыре жуткие на вид фигуры стояли по колено в воде там, где еще совсем недавно буксовал драндулет. В серой полумгле дождя, на фоне свинцового моря они смотрелись как неотъемлемый атрибут этого гиблого, враждебного мира.

Кем они могли быть, эти существа? Ожившими мертвецами, подвластными чьей-то недоброй воле? Порождениями неведомой бездны, на дно которой не проникает и лучик света? Големами, в чьих каменных сердцах тлеет зловещая, чужая, ущербная жизнь? Слугами того, кто от начала времен противостоит добру и порядку?

Лица их — набрякшие тяжелыми складками, грубо-морщинистые, незрячие — не выражали, да и не могли выражать никаких чувств. Кожа обвисала на могучих телах, словно ворох серой сырой парусины. Верхние конечности (скорее куцепалые лапы, чем руки) были плотно прижаты к туловищам, как у древних истуканов, венчающих степные могильники.

Музыка оборвалась так резко, словно у Лилечки парализовало пальцы (впрочем, так оно и было на самом деле). Кто-то, кажется, Смыков, поперхнулся. Зяблик схватился за пистолет. Толгай — за гранату. Как ни странно, не растерялся один только Лева Цыпф. Свистящим шепотом он произнес:

— Прошу вас, не делайте резких движений. Замрите.

Варнаки тронулись с места, и это зрелище было не менее пугающим, чем шествие оживших чугунных монументов. Сразу четыре одинаковых статуи Командора приближались к драндулету. И тяжелый топот их медлительных шагов не могло заглушить ничто: ни грохот волн, ни вой ветра, ни вопли ненасытных хищников. На людей надвигался неумолимый рок, слепая судьба, неудержимая неземная сила, сопротивляться которой бесполезно.

Окружив автомобиль (большинство из пассажиров которого помимо воли зажмурилось), варнаки заключили его в кольцо широко раскинутых и переплетенных между собой рук — ни дать ни взять демоны ужаса, собирающиеся танцевать сиртаки.

...А потом наступила смерть — черная, горячая, мучительная...

...Смертный мрак, тяжким грузом сдавивший все тело, Зяблик сначала воспринял как долгожданное освобождение. Однако потом дела пошли совсем не так, как предполагалось. Сверкающий туннель не открылся, светоносные существа не приняли его на свои крылья, давно погибшие друзья не встретили на пороге рая.

Впрочем, разочарование было недолгим.

В своей смерти Зяблик не сомневался (уж очень разительно отличались все его нынешние ощущения от прежних, земных), но был сильно удивлен тем, что на тот свет за людьми последовал и драндулет, сиденье которого привычно пружинило под задницей. Кроме того, его бессмертную, готовую к переселению душу продолжало обременять надоевшее, изрядно потасканное тело. Это тело с разной степенью интенсивности болело в разных местах и хотело — одновременно — курить, есть, справить малую нужду и совокупиться с телом противоположного пола (в последний момент Лилечка со страху навалилась на Зяблика всеми своими аппетитными формами и продолжала пребывать в таком положении). Оставалось надеяться, что состояние это временное, и в самом ближайшем будущем тело отделится от души само собой, как гнойный струп отделяется от зажившей раны.

Были и другие нестыковки. Например, шум. Причем совсем не соответствующий моменту. Ладно, если бы это были стенания кающихся, напевы псалмов или шорох аггельских крыльев. Однако со всех сторон раздавался стук, скрежет и позвякивание — совсем как в авторемонтной мастерской.

Единственное, что целиком и полностью соответствовало

представлениям о потустороннем мире, так это царившая здесь темнота — действительно могильная. А вот жара и странная давящая тяжесть — как будто бы на тебя силком натянули вторую свинцовую кожу — недвусмысленно напоминала об аде. Но это уже была явная несправедливость! Нельзя же всех сразу без разбору осудить на вечные муки. Ну, со Смыковым все понятно. Ему местечко в пекле давно забронировано. (Лично о себе Зяблик в данный момент не думал, хотя свою будущую прописку знал точно: круг девятый, первый пояс, где мучаются по горло замороженные в лед братоубийцы.) А других за что? Верка если и грешила, то по простоте душевной. Цыпф в жизни мухи не обидел. Чмыхало вообще по другому ведомству проходит. У басурман свой ад, где люди не пасут коней и не едят баранов, а все наоборот. Лилечка — чистый агтел, правда слегка располневший. Ничего не понятно!

Пока Зяблик рассуждал подобным образом, драндулет перемещался куда-то по воздуху — об этом свидетельствовало и плавное покачивание его корпуса, и обжигающий лица ветер (хотя такое понятие, как «ветер», не вполне соответствовало тому, что ощущали все шестеро — скорее это был горячий кисель, сквозь который они плыли).

Затем колеса шлепнулись на что-то твердое, заскрипели рессоры, и все прежнее — мрак, жара, тяжесть — исчезло, зато появился свет, прохлада и прекрасный вид на знакомые каспийские просторы. Драндулет стоял у той самой пограничной заставы, мимо которой он проехал пару часов назад, только носом в другую сторону. Стражник, склонив голову набок, пялился на них во все глаза, и было забавно наблюдать, как выражение его лица проходит все стадии, от тупого недоумения до безмерного ужаса. Когда Смыков предпринял попытку покинуть машину, он отшвырнул алебарду и пустился наутек, не забывая при этом истово креститься.

— Господи, что это было с нами? — первый подала голос Верка. — Страшный сон?

— Экскурсия в преисподнюю, — буркнул Зяблик, разгоняя рукой серый пепел, густо кружащийся над драндулетом, — причем бесплатная.

— Мы, кажется, стали первыми людьми, совершившими путешествие в сопредельное пространство и обратно, — промямлил Цыпф.

— С чем вас и поздравляю, — сказал Смыков и покрутил головой так, словно у него онемела шея. — Но только я в пространство-засранство и прочие чудеса не верю. Постарайтесь,

товарищ Цыпф, дать материалистическое толкование случившегося.

— А ведь я всех спасла, — гордо заявила Лилечка. — Хорошо я играла, правда?

— Бесподобно, — Зяблик осторожно высвободился из-под ее грудей. — Будем теперь знать, что варнаки на хорошую музыку идут, как окунь на червяка.

Молчал один только Толгай. Поняв, что смертельная опасность миновала, а значит, предложение, сделанное Веркой на острове, автоматически снимается, он приуныл. Даже за мимолетную любовь бедовой медички он не пожалел бы своей жизни.

— Вот что, кореша, — сказал Зяблик. — Мы сейчас действуем по принципу армянского комсомола — сами себе трудности ставим, сами их устраняем. Ну на кой хрен дался нам этот Эдем, будь он трижды неладен? Не доберемся мы туда живыми. Зачем из-за одного доходяги всем гробиться? В Отчину надо сваливать. А там видно будет.

— Вы, братец мой, капитана Гастелло из себя не стройте, — сказал Смыков. — Не нужны нам эти душераздирающие жертвы. Да, с Гиблой Дырой не вышло... Крюк делать поленились. А придется. Прямо, говорят, только сороки летают. Через Трехградье поедem. И никаких проблем в этом я не вижу. Кто сейчас перевал Аспид держит?

— Сквотал Лютый, — сказал Цыпф. — Кажется...

— Знаю я этого Сквотала, — кивнул головой Смыков. — Весьма заслуженный и авторитетный в своей среде товарищ, хотя и с причудами... Яйца и птицу в рот не берет, зато рыбу обожает.

Спустя полчаса ватага была готова к путешествию в Трехградье. Использував последнюю гранату, Смыков и Цыпф собрали целый мешок глушеной рыбы — сазанов, мелких сомов и лещей. Чмыхало порубил на дрова всю мебель в караулке. В ножке стола он обнаружил тайник — две горсти жемчуга, ходившего в Гиблой Дыре вместо денег. Верка подарок благосклонно приняла, однако ничего конкретного взамен не обещала.

Дабы сократить путь к границам Трехградья («Запрягали прямо, да ехали криво», — недовольно буркнул Смыков), а заодно и запутать следы, решили двигаться по бездорожью. Часа через четыре и горы Сьерра-Мадре, маячившие справа, и

расстилавшиеся слева туманные просторы Гиблой Дыры исчезли из поля зрения. За все это время путники не встретили никого, кроме стада одичавших ослов. Уже и не понятно было, по чьей земле они едут — Кастилии или Трехградья.

Первая же дорога, на которую выехал драндулет, удивила своей основательностью и добротностью. Казалось, ее соорудили даже не на века, а на тысячелетия: проезжая часть выложена каменными плитами, широкие обочины посыпаны мелким щебнем, через каждые полторы тысячи метров торчат столбы с непонятными знаками, все сделано как по линейке.

Такая дорога в Трехградье была не единственной, хотя народ, ныне населявший эту страну, к ней никакого отношения не имел. Подобные стратегические магистрали, предназначенные для быстрой передислокации конных и пеших легионов, чаще всего прокладывались в разноплеменных, внутренне неоднородных империях вроде Ассирии, Рима или государства инков.

Неизвестным оставалось и то, кому раньше принадлежали три заброшенных города, стоявшие особняком от дорог и построенные совсем в другом стиле: асимметричные храмы из обожженной глины, дома-ульи, лепившиеся к кривым крепостным стенам, полное игнорирование правильных геометрических форм и отсутствие всяких намеков на письменность.

Обитавшие в горах воинственные племена пастухов и охотников одинаково сторонились как дорог, так и городов. Они жили в палатках из шкур, обожествляли животных, мертвецов хоронили в глубоких пещерах и грабили всех, кто забредал в их пределы.

В свое время несколько карательных экспедиций из Отчины и Кастилии заставили горцев подписать Талашевский трактат, однако его идеи были столь же далеки от привычных представлений этих наивных головорезов, как, например, теория дискретного строения материи. Дюжина кланов, отличавшихся друг от друга только тотемными знаками да узорами боевой раскраски, жить не могла без распрей и свято блюла верность своим вождям. Сейчас, если верить Цыпфу, в горах верховодил клан Орла, воины которого не употребляли в пищу мясо птицы, а пленников подвергали особому роду казни — разрубали спину по обе стороны от позвоночника и выворачивали наружу легкие, некоторое время трепетавшие наподобие птичьих крылышек.

Надежды на успешное преодоление перевала связывались с помощью миссии, богатыми дарами и дипломатическими способностями Смыкова, лично знакомого с главой клана.

Скоро впереди замаячили не очень высокие, но чрезвычайно крутые замковые горы, и дорога стала резко забирать вверх. Даже в условиях столь неудобного рельефа неведомые строители остались верны себе — рубили трассу напрямик, не размениваясь на всякие там серпантины. Драндулет натужно завыл на нелюбимой Толгаем первой скорости.

— Как перевал минуем, езды часов на пять останется, — уверенно заявил Смыков. — Потом, правда, черт знает какие трясины начнутся, но как-нибудь прорвемся.

— Ты сначала перевал минуй, — буркнул Зяблик. — Народец здесь ох какой. Урка на урке. Кастильские попы хотели их к своей вере склонить. Начали проповедовать Святое Писание. Те сначала вроде заинтересовались. Сказки забавные, да и выгода намечается. Каждому, кто креститься обещал, по паре коз полагалось. Хороших коз, местным не чета. Вот. Но как только пошло: не убий, не укради — все, хана! В упор не понимают и даже озлобляться стали. Это для них, Лева, как, к примеру, для тебя — не ешь и не дыши. Обобрали они попов до нитки и уже в расход пустить собирались, но кастильцы выкуп дали. Тех же самых коз. Теперь тут стада породистые.

Впереди уже виднелся перевал Аспид — узкая щель в многоярусной каменной стене. Лишь здесь дорога выписывала несколько плавных петель и с расстояния в десяток километров действительно напоминала змею, ползущую по крутому склону.

Ущелье постепенно сужалось, и вскоре все, кроме серой полосы неба над головой, погрузилось в сумрак. Драндулет и так еле полз, стараясь держаться середины дороги, а тут еще впереди слышалось многоголосое бление, всегда издаваемое козами, насильно оторванными от процесса питания.

— Тормози, — сказал Смыков Толгаю. — Стадо идет. Если коз напугаем, они тут все друг друга передавят. Нервная скотина.

Бление и дробный топот легких копыт приближались. Ни единый человек не сопровождал это огромное стадо. Впереди шли лохматые, очень серьезно настроенные овчарки (на драндулет, ни видом, ни запахом не напоминавший волка, они даже глазом не повели), за ними — не менее лохматые и сосредоточенные, да вдобавок еще и бородатые козлы, а уж потом основное стадо — козы, козочки и козлята. Самые смелые грациозно запрыгивали на капот драндулета, но, слышав злобное цыканье Толгая, шустро сигали в толпу товаров.

— Домашних коз едят? — спросил Зяблик, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Еще как, — ответила Верка. — Мне приходилось... Только уж очень жалобно они под ножом кричат. «Не минэ-э-э...»

— Значит, так. — Зяблик сразу подобрался. — Лева, вот тебе кусок брезента. Как последние козы уйдут, хватай ту, что пожирнее, накрывай брезентом и подавай мне. У меня она даже не вякнет... Седло козы в гранатовом соусе пробовал?

— Нет, — ответил растерянный Цыпф.

— Значит, скоро попробуешь, — пообещал Зяблик, заранее сглатывая слюну.

— Как бы ваше седло нам боком не вылезло, мародеры, — буркнул Смыков.

— Не делай пыли, начальник. Тут коза дешевле, чем у нас блоха, — заверил его Зяблик. — Видишь, сколько их... Лева, приготовься.

Цыпф очень нервничал, опасаясь вновь опростоволоситься, но на этот раз все у него получилось на удивление гладко. Выхватив из последних рядов стада первое попавшееся животное, он ловко спеленал его брезентом и сунул Зяблику. В тот же момент Толгай тронул драндулет с места, обдав пугливых коз вонючим выхлопным газом.

— Коза-то вроде безрогая попалась, — с легким сомнением сообщил Цыпф.

— Ничего, — успокоил его Зяблик. — Такие самые вкусные. Комолая пиренейская порода.

Захваченная в плен коза вела себя на диво спокойно — не блеяла и даже не брыкалась.

— Пуда три, не меньше, — сказал Зяблик, когда драндулет подкатил к горловине ушеля и вокруг стало значительно светлее. — Руку мне лижет, дура. А я ее сейчас за горлышко... Ой! — вдруг взвыл он. — Ты чего, бля, кусаешься?

Животное издало совсем не свойственный козе рычащий звук и высунуло из-под брезента голову. Рогов на ней действительно не было, зато имелись весьма впечатляющие клыки, язык лопатой, злобно прижатые уши и налитые кровью глаза. Лилечка взвизгнула, а Верка нервно хохотнула.

— Левка, сучий потрох, ты же волкодава подобрал! Нарочно, да? — заорал Зяблик, изо всех сил стараясь избавиться от опасной добычи.

Пес клацнул на него пастью, без посторонней помощи прыгнул за борт, некоторое время постоял, провожая дран-

дулет недобрым взглядом, а потом не спеша затрусил вслед за стадом.

— Вот и полакомились седлом козы, — ухмыльнулся Смыков.

— Все равно ничего не вышло бы, — махнул рукой Зяблик. — У нас же гранатового сока нет. А без него какой вкус...

Что-то с посвистом пронзило сверху вниз узкий сноп света и торчком воткнулось в стык между плитами. Второй дротик срикошетил о мостовую. Третий задел запаску драндулета.

— Гони! — рявкнул Смыков, но Толгай уже и так до предела выжал газ.

Драндулет понесся вперед почти впритирку к той стене ущелья, с гребня которой и падали дротики. Скалы впереди расступились, и по их почти отвесным стенам, прыгая с уступа на уступ, стремительно спускались полуголые, грубо размалеванные охрой и мелом люди.

На это было страшно смотреть! Едва коснувшись ногами еле заметного выступа или крохотного карнизика, человек уже вновь кидался на три-четыре метра вниз, в полете выискивая себе следующую точку опоры и при этом нередко изворачиваясь в воздухе чуть ли не вокруг собственной оси. Вдобавок ко всему горцы не прекращали дико улюлюкать и швырять дротики в приближающуюся машину.

Прежде чем драндулет успел вырваться на простор, его окружили со всех сторон. Кидаться на частокол коротких пик и длинных ножей было то же самое, что ложиться под циркулярную пилу.

Толгай попробовал было сунуться назад, но, обменявшись со Смыковым взглядом, убрал газ и воткнул нейтральную передачу. Непосредственная угроза для жизни отсутствовала — горцы могли убить путников только в случае их ожесточенного сопротивления. Как правило, от хозяев перевала можно было откупиться подарками, вся беда заключалась лишь в том, что они сами выбирали для себя эти подарки, не сообразуясь с мнением дарителей. Остаться после такой встречи без штанов было очень даже просто. И все же другого выхода, кроме переговоров, не предвиделось. К тому же горцы были хоть и свирепы, но отходчивы, как дети. А в самое ближайшее время сюда мог наведаться кто-нибудь из миссии, расположенной неподалеку.

Смыков во весь рост встал на переднем сиденье и страстно заговорил на пиджике, прижимая правую руку к сердцу и все время упоминая имя Сквотала Лютого. Паче чаяния, это

не успокоило, а, наоборот, еще больше взбудоражило горцев. Пики и ножи, казалось, уже готовы были пойти в дело, но, к счастью, на сцене появилось новое действующее лицо — тот самый одноглазый тип, который на памятной встрече в Подсосонье клял пропавшего в Эдеме болтуна и авантюриста Сарычева.

— Ну привет, — не очень дружелюбно буркнул он. — Что надо в наших краях?

— Проехать надо! — взбеленился Смыков. — Вы, братец мой, глаз-то свой протрите, протрите! Или не узнаете нас?

— Узнаю, почему же... Только следует предупреждать заранее. У нас тут беспокойно последнее время. Зачем зря народ мутить?

— Да мы к вам не по своей воле, — сказал Смыков примирительно. — Мы через Гиблую Дыру хотели пробраться, да чуть не утопли. Наводнение там со всеми вытекающими последствиями.

— В Эдем, значит, намылились, — одноглазый неодобрительно покачал головой. — Ну дело ваше... Попробуйте...

Затем он обернулся к продолжающим возмущенно галдеть горцам и что-то сказал на их отрывистом, твякающем языке. Те неохотно отступили и расселись на корточках — кто под стенами ущелья, кто прямо на дороге.

— Барахло какое-нибудь есть для подарков? — поинтересовался одноглазый.

— А то как же! И не только барахло.

— Валите прямо на землю. Они после сами все поделят.

Смыков швырнул на обочину пару горстей серебра, выставил кувшин вина похуже сортом, а уж потом, очень гордясь собой, запустил руку в насквозь промокший мешок. Продемонстрировав публике здоровенную снулую рыбину, он, шутки ради, шлепнул ее хвостом ближайшего горца по роже.

— Жрите на здоровье, братцы. Любимое ваше блюдо.

Шутка, надо сказать, не удалась.

Вся шайка дружно взвыла и как по команде вскочила на ноги. Горец, получивший рыбьим хвостом по физиономии, едва не проткнул Смыкова пикой, и того спасло лишь собственное проворство и та самая рыбина, использованная теперь вместо щита.

Одноглазый вскочил на подножку драндулета и страдальчески заорал:

— Гони назад на всю катушку!

Смыкова втащили в машину уже на ходу. Вслед им летели

дротики, ножи, пики и даже камни, но драндулет успел нырнуть во мглу ущелья. Цыпф заметил, что горцы, шустрые и настырные, как сперматозоиды, бросились в погоню, и с ненавистью подумал о козах, закупоривших узкое «дефиле». Услужливое воображение тут же нарисовало ему картину кровавой схватки в самом центре блеющего, обезумевшего от страха стада. Неужели им суждено умереть в этой мрачной щели, на камнях, загаженных козьим пометом?

К счастью, козлы и козы уже одолели перевал и сейчас, белыми пушинками рассеявшись по кручам, уничтожали все виды растительности подряд.

На выезде из ущелья Толгай развернулся и глубокомысленно заметил:

— Козел такой дурной — понятно. Человек такой дурной — непонятно.

— В общем, так, — сказал одноглазый, спрыгнув на землю. — Дали вы, конечно, копоты... Я этих головорезов постараюсь угомонить, но чтобы вашего духа здесь и в помине не было... И так все наперекос идет, а тут еще вас нелегкая принесла...

— Что мы, интересно, такого плохого сделали? — возмутился Смыков. — Нет, вы скажите — что? Привет Сквоталу Лютому передали. Деньгами людей одарили, вином, рыбой деликатесной.

— Так вы, значит, еще и Сквотала припомнили? — понимающе кивнул одноглазый. — А клану Орла, случайно, не пожелали удачи на войне и охоте?

— Конечно, пожелали, — подтвердил Смыков. — Уж это как водится. Я местный этикет хорошо знаю.

— Этикет вы, может, и знаете... А того, что вашему Сквоталу еще три дня назад рыбку заделали, узнать не удосужились?

— Какую рыбку? — удивился Смыков.

— Самую обыкновенную, — одноглазый сплюнул в сторону. — А говорили, этикет знаете... Клан Орла из пленников птичек делает, а клан Форели — рыбок. Засовывают тебе в задний проход специальный крюк и вытаскивают весь кишечник наружу. Можете мне не верить, но некоторое сходство с рыбьим хвостом имеется.

— Вы хотите сказать... что перевалом сейчас владеет не клан Орла, а клан Форели? — дошло наконец до Смыкова.

— А вы не поняли сразу? Те, которые за Орла, ромбиками разрисованы, а те, которые за Форель — кружочками. Они к

рыбе, хоть сырой, хоть жареной, и пальцем не притронутся. Птица всякая или там омлет — другое дело.

Зяблик не преминул поддеть Смыкова:

— Мы с Левкой козу с собакой спутали, да и то в темноте, а ты рыбу за птицу принял. Это уж, научно говоря, маразм.

Раздосадованный Смыков на это замечание никак не отреагировал, а продолжал наседать на одноглазого:

— Хорошо. А как нам теперь быть?

— Езжайте туда, откуда приехали, да побыстрее.

— А договориться с этими дикарями никак нельзя?

— Как вы, чудаки, с ними договоритесь после такого. Это же смертельное оскорбление... И не думайте даже... На части разорвут...

— Разжиться бы десятком гранат, — мечтательно произнес Зяблик. — Тогда прорвались бы.

— Вы мне такие намеки не делайте, — нахмурился одноглазый. — Я лицо нейтральное... По статусу... Мне здесь еще жить да жить... Я вам даже спичку не дам...

— А если переждать? — не отставал от него Смыков. — Вдруг все само собой уладится?

— Тут и через сто лет ничего не уладится. Не такой народ... А вот хозяин у перевала поменяться может. Ходит слух, что клан Змеи на него зарится. Вот с этими и договаривайтесь. Они и рыбу, и птицу лопают.

— А из пленников змею делают? — догадалась Верка.

— Запросто. Руки-ноги долой, вот и змея.

— Скоро этот переворот намечается? — поинтересовался Смыков.

— Дней через двадцать, не раньше...

— Нет, это нам не подходит! — заявил Смыков таким тоном, словно торговался на рынке.

— Как хотите, — одноглазый пожал плечами. — Помочь вам не имею возможности... Если только советом...

— Совет задаром?

— За пару рыбок.

— Ну?

— Говорят, в те края, куда вы нацелились, через Хохму пробраться можно.

— На машине? — подозрительно прищурился Смыков.

— Зачем на машине... На местной тягловой силе... Машины бросить придется... А другого пути все равно нет... Или ждите, когда здесь Змея верх возьмет. Их вояки спиралями разрисованы, не спутайте.

— Через Хохму... — задумчиво повторил Смыков. — Это как раньше говорили — из Ростова в Одессу через Северный полюс.

— Ладно, пора прощаться, — заторопился одноглазый. — Не надо, чтобы нас лишний раз вместе видели.

Действительно, из глубины ущелья уже доносилось улюлюканье приближающихся горцев.

— Как я посмотрю, братец вы мой, несладко вам здесь живется.

— Ничего, привык... — ответил одноглазый сдержанно.

— За себя не опасаетесь?

— Нет, меня не тронут. Я им всем почти родня.

— Каким же образом?

— Двенадцать жен имею, — скромно признался одноглазый. — Из каждого клана по штуке... Вот и выходит... одни свояки кругом...

Дорогу из Трехградья в Хохму не знал ни Смыков, ни Зяблик. Пришлось полагаться на очень приблизительную карту, нарисованную Цыпфом по памяти, да на подсказки редких путников.

Огромное пространство, с трех сторон ограниченное рубежами Кастилии, Хохмы и Отчины, а с четвертой — Замковыми горами, было почти не заселено, и о нем ходила самая дурная слава.

Плодородные пашни родили здесь все, что угодно, но только не то, что на них сеяли. Скот, хоть однажды пасшийся на этих тучных лугах, через два-три поколения вырождался в нежизнеспособных уродов. Переселенцами, как правило, овладевали гнусные пороки, включая содомию, кровосмешение и людоедство. В заброшенных городах тлела какая-то своя, скрытая от чужих глаз загадочная жизнь. На великолепных, неизвестно кем построенных дорогах, попадались иногда такие путники, что истории об Агасфере, Диком Охотнике или проке Илие начинали казаться реальностью.

Даже аггелы чурались этого края, где законы природы как бы утратили свою незыблемость и были словно мартовский лед — с виду монолит, а в любом месте может подкарауливать скрытая от глаз трещина. Здесь скитались только охотники за всякими диковинками, давно махнувшие рукой на свою жизнь, да торговцы, ради выгоды способные даже на подвиг самопожертвования.

В конце концов ватаге повезло — забубенный бродяга неопределенной национальности, уже не раз водивший караван

ны из Кастилии в Хохму за бегемотовым мясом, стоившим там раз в пять дешевле, чем в Лимпопо, нарисовал им довольно сносную схему пути с указанием всех ориентиров.

С тех пор, как они отправились на поиски Эдема, пошли уже вторые сутки, и Зяблику вновь стало худо. Сначала он еще крепился, скрипел зубами и мелкими глотками тянул вино, но потом впал в такой буйный бред, что его пришлось вязать полотенцами. Лилечка тихо плакала, а Верка, израсходовавшая почти все медикаменты, кусала побелевшие губы.

Драндулет мчал, почти не сбавляя скорости, а короткие остановки делались лишь для того, чтобы запастись дровами. Миновав последний ориентир, носивший название «Каменная ступа», Толгай сбился с пути среди голых, совершенно одинаковых на вид увалов, и Хохма открылась перед ними несколько позже, чем ожидалось.

Чем-то она напоминала Гиблую Дыру — необъятная, затопленная водой низина, пристыкованная к крутому берегу другого, совсем иначе скроенного мира, — но на этом сходство и кончалось.

Здесь не бушевала необузданная стихия, не кипели гейзеры, потоки не меняли свое русло, твердь каждодневно не оборачивалась хлябью, а свирепые доисторические крокодилы не сшибались в смертельных схватках с не менее свирепыми морскими гиенами.

Это был болотный рай — тихий, пышноцветный, обильный всякой безвредной живностью, почти безопасный, хотя и непроходимый. Огромные мелководные плесы так густо заросли лотосом, кубышкой, ряской, камышом и осокой, что сквозь эти своеобразные джунгли не мог пробиться и самый узкий челнок. Даже не верилось, что совсем еще недавно здесь громоздились ледяные торосы, от полыньи к полынье бродили белые медведи, а в небе полыхало Северное сияние.

Единственными транспортными магистралями в Хохме были тропы, сначала проеденные, а затем протоптанные бегемотами в озерных и болотных зарослях. Они соединяли между собой немногочисленные песчаные острова и косы, на которых располагались стойбища плосколицых, узкоглазых аборигенов, по воле невероятного случая сменивших полярную тундру на теплое болото, чумы — на тростниковые шалаши, оленей — на бегемотов, а нарты — на вместительные плоскодонки. Только с кухлянками своими они так и не расстались, хотя шили их нынче не из пыжиков и неблюев, а из меха выдр и ондатр.

На берегу раскинулся не очень многолюдный рынок, торговавший всем, что можно получить от бегемота: мясом соленым, вяленным и копченым, шкурами сырыми и дублеными, полуметровыми клыками, не менее ценными, чем слоновая кость, сухожилиями, ливером и даже копытами.

В мутном заливишке фыркали, дремали и харчилились заранее припасенной травой (в столь бойком месте собственная водная растительность просто не успевала отрасти) распряженные бегемоты, сверху похожие на черные, глянцево поблескивающие швартовочные бочки.

Толгай долго смотрел на них с обрыва, качал головой и бормотал:

— Котокчич... Чудовища...

Наскоро перекусив жаренным на углях, смехотворно дешевым мясом, Смыков и Цыпф под видом крупных оптовиков отправились на разведку. Публика тут околачивалась разноплеменная, но все в большей или меньшей степени владели пиджиком — жизнь торговая научила, и вскоре выяснилось, что миссия Отчины находится довольно далеко отсюда, на острове под названием Илиркей, но ее глава, которого местные кличут Колей Мутные Глаза, сейчас в глухом запое; что добраться туда при желании можно без проблем — любой местный отвезет за осколок бутылочного стекла или пару железных гвоздей; что до дальних границ Хохмы никто вроде не добирался и неизвестно, что там за ними находится, но скорее всего та же самая Нейтральная зона, огибающая Гиблую Дыру и Трехградье; что людей с рогами здесь никто не видел, хотя слухи об этих душегубах ходят, и слухи самые жуткие; что ни о каких чудесных снадобьях в этих краях ничего не ведомо, местные лечатся исключительно нутряным салом бегемотов, заговорами и кровопусканиями; и что совсем недавно в Хохме имело место странное, никогда раньше не виданное природное явление — из одного бочага выползло нечто несусветное, не то шестипалая каменная лапа, не то каменный цветок вроде лотоса, только весь серый и размером с доброе дерево, и торчало такое чудо посреди болота несколько дней кряду, медленно сжимая и разжимая свои пальцы-лепестки, отчего воздух вокруг светился, вода покрывалась мелкой рябью, а все бегемоты в округе просто обезумели, потом эта громадина рассыпалась в прах, но воздух в том месте до сих пор продолжает светиться, растительность сплошь завяла, как после заморозков, да и вода уже будто бы не вода, а какой-то мерзкий студень.

С чумазым, тучным туземцем, уже окончившим торговлю и собиравшимся в обратный путь, договорились быстро — приметив на курточке Смыкова армейские пуговицы со звездами, он просто осатанел от вожделения. Драндулет поручили попечению случайно встреченного земляка, державшего здесь копильню и хорошо представлявшего, с кем он имеет дело.

Впереди ватагу ждала полная неизвестность, и сразу встал вопрос, как быть с Лилечкой. (Верка считалась человеком проверенным — и кору вместе со всеми жрала, и чашобами лазила, и во многих переделках была крещена своей и чужой кровью.)

— А что, если вы нас здесь подождете? — деликатно обратился к ней Смыков. — Жилье какое-нибудь вам снимем. А то дорога у нас хоть и не дальняя, да колдобистая. Лиха хлебнем.

— За кого вы меня принимаете? — обиделась девушка. — Думаете, я квашня неподъемная? Когда нам есть нечего было, мы с бабушкой всю Отчину пешком обошли. Играли и пели за сухую корку. Так и знайте, я здесь одна не останусь.

— Не забывайте, что Лиля в некотором роде наш талисман, — заступился за нее Цыпф. — Совсем недавно мы в этом убедились. Ей покровительствуют кое-какие... сверхъестественные силы.

Так впервые после чудесного спасения в Гиблой Дыре зашел разговор о варнаках — раньше просто не до этого было.

— Не верю я им, — сказал Смыков, пакуя дорожные мешки. — То, что они один раз нас спасли, еще ничего не значит. Тактика такая есть: разделяй и властвуй. Жидомасоны придумали. Не удивлюсь, если эти твари и аггелам помогают. Будут людей до тех пор славливать, пока они друг друга не изживут.

— В корне не согласен с вашими измышлениями, — взволновался Цыпф. — Нам, конечно, мало что известно о варнаках, но лично я вижу в них потенциальных союзников. Постарайтесь меня правильно понять... Одно дело, если бы наш мир пострадал только в смысле искажения пространственных координат. Но и координаты времени расползлись по швам. Катастрофа затронула самые фундаментальные структуры вселенной. Это не могло не сказаться и на мирах, сопредельных с нашим. Причем сказаться самым отрицательным образом. Я имею в виду мир варнаков, где мы все недавно побывали. Не исключено, что они такие же жертвы грандиозного вселенского бедствия, что и мы. Вот они и мечутся из мира в мир, словно птицы, потерявшие гнездо.

— Хороши птички, — буркнул Смыков. — Вот они и со-
вьют здесь свое новое гнездышко. А нас переключают, как мошек.

— Вряд ли наш мир может привлекать варнаков. Они при-
выкли к мраку, жаре, огромной силе тяжести. Вспомните свои
ощущения. Ведь недаром они такие здоровенные, толстоко-
жие, да еще и слепые вдобавок. Варнакам здесь так же плохо,
как людям — там. Если бы только мы могли договориться...
Уверен, это пошло бы на пользу обоим расам.

— Избавь меня, Господи, от друзей, а с врагами я сам справ-
люсь. Наш прокурор так любил говорить, — продолжал гнуть
свое Смыков. — Не верю я в добрых дядюшек. Каждый на се-
бя одеяло тянет.

— Ну, во-первых, так говорил не только ваш прокурор, но
и Наполеон тоже. А во-вторых, тут совсем иная ситуация. Нет
у нас с варнаками общего одеяла. И делить нам нечего.

— Как это нечего? — Смыков понизил голос и взглядом
указал на Лилечку, помогавшую Верке бинтовать Зяблика. —
А тот случай... Помните?

— Помню, — Цыпф потупился, будто это его изнасилова-
ли неземные существа. — На этот счет есть у меня одна тео-
рия, но я бы не хотел ее сейчас оглашать.

— Вы, братец мой, сами одна сплошная теория... Шансо-
нетку мы, так и быть, возьмем с собой. Может, и в самом деле
пригодится. Но только заботиться о ней вы будете. Нам и с
Зябликом хлопот хватит.

Спустя полчаса все уже сидели в плоскодонке, каркас ко-
торой был сработан из костей бегемота, а обшивка из его же
шкур, и с интересом наблюдали, как туземец сноровисто за-
прягает страшного стопудового зверя — накладывает на его
шею кожаную лямку и пропускает под брюхом одну-единст-
венную широкую постромку, посредством валька соединен-
ную с носом лодки.

— Запоминайте, товарищ Толгай, — наставительно сказал
Смыков. — Не исключено, что этот опыт вам пригодится.

— Не-е-е, — покачал головой Чмыхало, забившийся на
самую корму лодки. — Лучше я черта запрягать буду... Лучше
тебя, Смыков, запрягу... А это проклятое котокчыч запрягать
не буду...

Как бы в подтверждение его слов бегемот разинул пасть,
размером и формой схожую с ковшом экскаватора, и угро-

жающе заревел. От этого рева очнулся Зяблик, обвел всех безумными глазами и спросил слабым голосом:

— А почему так воняет? Я уже гнию, что ли?

Впрочем, все и так обратили внимание на зловоние, исходящее от туземца. Издавать такой смрад мог только человек, регулярно окунающийся в нечистоты. Увидев, что пассажиры морщатся и зажимают носы, туземец широко улыбнулся щербатым ртом.

— Терпите, однако, — сказал он писклявым бабым голосом. — Скоро бегемотка и вас обкакает.

— Вы где так научились говорить? — удивился Смыков.

— Колька научил, — с уважением объяснил туземец. — Мутные Глаза.

— А больше он вас ничему не научил? Например, водку пить?

Улыбка на лице туземца сменилась выражением детской обиды.

— Зачем плохо говоришь? Зачем Кольку обижаешь? — накинулся он на Смыкова. — Вылезай. Не повезу.

Смыков принялся с жаром доказывать, что ничего плохого о Кольке Мутные Глаза сказать не хотел, а, наоборот, всегда был о нем самого высокого мнения. В конце концов выяснилось, что произошло недоразумение. Туземец совершенно ничего не знал о водке и других спиртных напитках, а фраза Смыкова обидела его не смыслом, о интонацией. Когда ему дали понюхать спирта, он с отвращением скривился.

— Не будет Колька такую отраву пить!

В дальнейшей беседе выяснилось, что Колька человек хороший и уважаемый, а главное — умеет обращаться с духами как верхнего, так и нижнего мира. Выражается это в том, что он регулярно впадает в экстаз, недоступный самому могущественному шаману, при этом пляшет, поет песни и произносит загадочные пророчества. Когда Колька находится в таком состоянии, попадаться ему на глаза не следует. Недавно он чуть не перебил всех своих жен, огульно обвинив их в измене. Пришлось спешно собирать по соседним стойбищам жен новых, мужчин еще не знавших.

— Типичная белая горячка, — сказала Верка.

— Ага, — кивнул туземец. — Он тогда совсем горячий становится. И белый-белый.

— Хватит ласы точить, — сказал Смыков. — Поехали.

Туземец влез в плоскодонку, заорал что-то, понятное одному только бегемоту, и ткнул копьём в огромный лоснящийся-

ся зад. Чудовище громко фыркнуло и, потянув за собой лодку, плюхнулось в воду.

Передвигался бегемот довольно резво, примерно как лошади рысью. На мелких, заросших водяными травами участках он пробовал кормиться, за что всякий раз получал копьём по крупу, а на глубоких местах плыл, выставив наружу только ноздри, глаза и уши. В эти минуты туземец брался левой рукой за валец, к которому крепилась сбруя, чтобы выдернуть его в том случае, если бегемоту вздумается нырнуть.

— А зачем нам, спрашивается, в миссию заезжать? — Цыпф обвел спутников вопросительным взглядом. — Не лучше ли будет проследовать через всю Хохму без остановок.

Смыков хоть и не сразу, хоть и неохотно (яйца курицу не учат), но все же одобрил его предложение и вступил в переговоры с туземцем. К сожалению, они окончились безрезультатно. Плечь дальше Илиркея можно было только с разрешения Кольки, как видно, имевшего в Хохме большую власть, да и бегемоту положено менять — он такой путь без отдыха не одолеет.

— Смотри, притомился уже, — туземец похлопал копьём по крутому боку зверя, сплошь покрытому ярко-алыми потеками.

— Боже мой! — воскликнула впечатлительная Лилечка. — Да он же, бедняжка, весь в крови!

— Это у него пот, — успокоил ее Цыпф. — Такая уж странная физиология.

Довольно скоро всем пришлось убедиться, что странности бегемотей физиологии одним лишь кровавым потом не ограничиваются. Сбылось предсказание туземца, на которое сначала не обратили внимания, приняв его за неудачную шутку. Лопатообразный хвост зверя внезапно завертелся пропеллером, и на него была извергнута могучая струя жидкого помета.

По достоинству оценить ощущения незадачливых путешественников смог бы только тот, кто хоть однажды оказался в зоне действия навозоразбрасывателя. Хуже всего пришлось Смыкову, устроившемуся на самом носу да вдобавок как раз в этот момент собиравшемуся что-то сказать. Зеленая, отвратительно пахнущая жижа покрыла равномерным слоем толщиной в два пальца не только лодку и ее пассажиров, но еще и приличный кусок окружающей акватории.

— Как же это понимать? — отплеываясь, промычал Смыков. — Натуральное вредительство! Да за это к стенке полагается ставить!

— Привыкайте, однако, — спокойно сказал туземец, вытирая пальцем одни только глазницы. — Бегемоша такой... Кушает много, какает много... Разве ему запретишь?

Непосредственно за этими словами последовал еще один фекальный залп, но уже меньшей интенсивности, и хвост бегемота расслабленно повис. Цыпфу показалось, что зверь от удовольствия даже хрюкнул.

Пришлось у первого же островка делать незапланированную остановку. Пока все, кроме привычного к таким передрягам туземца, умывались и стирали одежду, бегемот спешно наполнял опустевшую утробу. Кушал он действительно много.

Когда с водными процедурами было покончено, наученные горьким (вернее, вонючим) опытом пассажиры сбились в кучу на корме и с головой накрылись куском брезента. Так они и прибыли на Илиркей — узкий песчаный остров, почти незаметный со стороны в густых камышовых зарослях.

Миссия располагалась в просторном шатре из бегемотовых шкур, перед входом в который торчал шест, украшенный атрибутами шаманского ремесла: хвостами выдр, птичьими лапками, бронзовыми колокольчиками, деревянными масками и разноцветными лентами. Неподалеку размещалось десять — по числу жен — шатров куда более скромного вида. На мелководье вокруг острова кормилось не меньше полусотни бегемотов разного возраста.

Смыков оторвал от куртки драгоценную пуговицу, издала показал туземцу, но в руки не дал, а спрятал в карман.

— Ожидай нас здесь, — строго сказал он.

— Ладно, — флегматично кивнул тот. — Только бегемошу отпущу. Пусть пасется.

— Хорошо-то как! — Цыпф оглянулся по сторонам. — Тишина. Приволье.

— Приволье, — повторил Смыков с совсем другой интонацией. — Вот и бродит всякая публика по этому приволью. Полюбуйтесь.

Он указал на отпечаток рубчатой подошвы, резко выделяющийся среди следов, оставленных мягкой обувью туземцев.

— Сорок четвертый размер, — Смыков зорко оглядел истоптанный пляж. — А вон еще. Сорок второй. Подметка военного образца. И здесь. Целая компания гуляла. Эй, отец! — окликнул он туземца. — Кольку в последнее время навещал кто-нибудь?

— Не знаю, — тот отвернулся. — Мое дело маленькое. Мое дело бегемоту туда-сюда гонять.

— Ясно, — процедил сквозь зубы Смыков. — Уклонение от дачи показаний. Так и запишем.

Из ближайшего шатра выглянула девушка в одной набедренной повязке и тут же шмыгнула обратно. Смыков вытащил пистолет, передернул затвор, по привычке дунул в ствол и сказал:

— Всем оставаться на месте. Мы с товарищем Толгаем отправляемся на разведку.

— Что-то ты сильно раскомандовался, — подбоченилась Верка. — Думаешь, если с Зябликом несчастье случилось, тебе и отпор никто не даст?

— Вера Ивановна, не усугубляйте... И без вас тошно. Хватит того, что меня бегемот с ног до головы обгадил. Дайте в обстановке разобраться. Не нравится мне тут что-то.

Смыкова неожиданно поддержал и Зяблик. Впрочем, его слова могли быть и бредом.

— Верка, не лезь... Не твоего ума дело...

Смыков подошел к шатру первым и, откинув полог, проскользнул вовнутрь. Толгай, ковыряя саблей песок, остался сторожить у входа. Время от времени они переговаривались через стенку шатра, но до берега доносились лишь бессвязные обрывки фраз.

В тростнике кричали утки. Бегемота, так некрасиво обошедшийся со своими пассажирами, давно куда-то уплыл, и туземец подманивал на его место нового, сытого и отдохнувшего. Из-за полога шатра высунулась голова Смыкова.

— Вера Ивановна, — громко позвал он, — попрошу сюда. И нашатырь прихватите.

В шатре было темновато, но Верка сразу разглядела Кольку, валявшегося едва ли не нагишом среди полного разгрома. Казалось, что здесь только что закончился турнир по скоростному уничтожению предметов домашней утвари. Все, что нельзя было порвать и поломать руками, искрошили топором (в данный момент заменявшим Кольке подушку), а сверху еще и посыпали мукой из распоротого мешка. Каким-то чудом уцелел только самодельный дощатый стол, да и он валялся ножками кверху.

Верка наклонилась над болезненно-белесым телом, пощупала пульс, оттянула веко и констатировала:

— Пьян в стельку.

— Точно?

— Я два года на приеме в травматологии работала. Насмотрелась на таких.

— А запаха-то нет, — сказал Смыков с сомнением. — И вообще... картина для пьянки нетипичная. Ни бутылок, ни стаканов...

— Возможно, это наркотик...

— А вы знаете такой наркотик, от которого буйствуют?

— В Кастилии на толкучке всякой дряни хватает... Дать ему нашатыря понюхать?

— Пока не надо. Пусть еще побалдеет. Я тут осмотрю все детально, а вы, Вера Ивановна, по бабам его пройдитеесь. Вдруг они вам душу и откроют. Толгай и Левка пусть за окрестностями наблюдают. Кучера этого бегемотьего не отпускайте.

К тому времени, когда Верка вернулась с докладом, Смыков навел в шатре относительный порядок, поставил стол на место, а тело Кольки оттащил к дальней стенке. Теперь тот лежал на боку. Руки его были связаны за спиной сыромятным ремнем, куда более надежным, чем наручники.

— Ну, прошла я по бабам, — начала она, косясь на Кольку. — Сидят по своим берлогам, все напуганные. Многие в синяках. Девчонки еще совсем. Одна вроде беременная. По-нашему ни бум-бум. Пробовала с ними через засранца этого пообщаться, тоже не вышло. Или они не хотят правду говорить, или он неправильно переводит. А у тебя что?

— Одного товарища мы, кажется, спасли, а другого наверняка потеряли, — выдал заранее заготовленную фразу Смыков и, как фокусник, сдернул тряпку, прикрывавшую что-то разложенное на столе.

Здесь был пистолет, пара обойм, три-четыре пригоршни патронов россыпью, шесть штук гранат и отдельно — маленький бархатный кисет, видом своим уже хорошо знакомый всей ватаге.

Рука Верки сама собой потянулась к нему, как губы теленка к соске.

— Есть там что-нибудь? — Голос ее дрогнул. Этот самый кисет она видела во сне вторую ночь подряд.

— Полнехонек, — важно ответил Смыков. — Ну как? Правильным путем следуем? Где-то здесь аггелы свою базу держат. А этот двурушник к ним в пособия записался.

— Ты, Смыков, не очень-то... Сначала разобраться надо. Снадобье это и помимо аггелов может по рукам ходить. Мало ли кто в Эдеме раньше бывал. Тот же Сарычев, к примеру.

— Зачем же Колька тогда его в полу куртки зашил? Еле

нашупал... Разоблачения, голубь, опасается. Знает кошка, чье мясо съела.

— Все же давай сначала его самого спросим. А не то я тебя знаю... Быстрый чересчур...

Вдвоем они приподняли Кольку и прислонили спиной к стенке шатра. Его плечевые суставы вывернулись назад, кожа на груди натянулась, обрисовав ребра. Жидкие волосики липли к ней, как борода китайца. Первый мазок нашатыря по верхней губе заставил Кольку мотнуть головой и забормотать что-то. После второго он пустил слезу, а после третьего снова уснул.

— Ничего, сейчас я его по-нашенски отрезвлю, — сказал Смыков и принялся тереть Колькины уши с такой прытью, словно хотел раз и навсегда свернуть их в трубочки.

— Убью, с-суки, — вдруг явственно произнес Колька и открыл один глаз, действительно до того мутный, что даже его природный цвет нельзя было определить сразу.

Тупо уставившись на Верку, он чертыхнулся так, словно увидел перед собой ведьму, и перевел взгляд на Смыкова.

— Т-ты кто такой? Р-развяжи руки.

— А больше, братец мой, вы ничего не желаете? — холодно поинтересовался Смыков.

— Ж-желаю.

— Ну?

— В г-гальюн...

— Потерпите. Узнаете меня?

— Т-тебя? — Колька открыл второй глаз.

— Да, меня, — терпеливо подтвердил Смыков.

— П-погоди... Никак Смыков? Привет. Есть что выпить?

— А у вас, братец мой?

— У м-меня хоть шаром покати... Да и где взять? На сто верст в округе н-ни одного к-культурного поселения.

— Где же вы тогда, если не секрет, так нализались?

— Я? — искренне удивился Колька. — Т-ты шутишь, приятель... Развяжи руки. Ты почему меня связал?

— Вас зачем сюда посылали?

— Н-не помню...

— Надзор за слаборазвитым народом осуществлять, — сказал Смыков наставительно. — А вы чем занялись? Шаманствуете! Предрассудки сеете! Гарем себе набрали! По какому праву?

— Ладно, можешь взять себе половину, — милостиво решил Колька. — Только не кричи. У меня б-башка раскаляется...

— С аггелами давно снюхались? — Смыков всегда тщательно выбирал момент для такого вот нокаутирующего удара.

— К-кто? Я? — Колька выпучил глаза. — Врешь! Не было этого!

— А если хорошенько подумать? — в руке Смыкова закачался бархатный кисет. — За какие, интересно, заслуги вам это вручили?

— С-смыков...

— Ну?

— Это и в самом деле ты?

— Кто же еще.

— А что за баба с тобой? Где я ее видел?

— Неважно.

— С-смыков...

— Ну?

— Смыков, я курва последняя! — Колька заскрежетал зубами так, словно в порошок их хотел растереть. — Застрели меня!

— Это всегда успеется.

— Обвели меня вокруг пальца, понимаешь... — горячо и сбивчиво заговорил Колька. — Пообещали самогона... Много... Потом эту отраву дали... Говорят, она лучше всего на свете... Что захочешь, то и получишь... И точно! От одной шепотки неделю балдеть можно... Не знал я тогда, что это рогатые меня в оборот взяли... А потом уже поздно было... Не отвязаться... Пропал я, Смыков... Но своих никого не продал! — Голос его вдруг поднялся до визга. — Слышишь?

— Эй! — Толгай приподнял полог, отчего в шатре немного посветлело. — Кончай лясы точить. Котокчыч сюда плывет. Кеймз тащит... Лодку, значит...

— Далеко? — Смыков сразу подобрался.

— Какое — далеко! Якын! Близко!

— Откуда плывет?

— Оттуда, — Толгай махнул рукой в сторону, противоположную той, где находилось Трехградье.

— Полежите пока здесь. Но ни звука, — Смыков набросил на Кольку какую-то шкуру и стал рассовывать по карманам патроны. — Вера Ивановна, захватите пару гранат и возвращайтесь на берег. Снадобье для Зяблика не забудьте... Если начнется стрельба, прячьтесь в камышах. Цыпфа сюда... А что вы, товарищ Толгай, стоите, как на параде. Разбирайте боеприпасы, разбирайте...

Пригнувшись, они покинули шатер, и Смыков одобри-

тельным взглядом проводил Верку, резко подавшуюся на четвереньках к невидимой отсюда плоскодонке, в которой остался беспомощный Зяблик и все немудрящее барахло ватаги.

Во все стороны неоглядно простирался мир, такой плоский, словно еще не закончился третий день творения, в ходе которого Господь отделил воду от суши, но не успел еще создать холмы и горы. Тускло поблескивали пространства чистой воды, шелестели под ветром плавни, бегемоты издавали трубные звуки, не то подзывая подруг, не то отпугивая соперников, низко над тростниками носились стаи чирков, неизвестно что высматривающих вниз.

Сопя, подполз Лева Цыпф. В одной руке он сжимал пистолет, в другой гранату, но все равно был похож на доброго очкастого бобра, изгнанного из родной хатки лихими людьми.

— Ну где же они? — шепотом спросил Смыков. — Не померещилось вам?

— Там, — Толгай ткнул пальцем прямо перед собой. — Смотри в оба.

Густая, сочная трава в ста метрах от островка раздалась в стороны, и среди качающихся стеблей появилась чемоданообразная морда бегемота, а когда он всей тушей погрузился в воду, стала видна и плоскодонка, на носу которой стоял туземец, как всегда, густо облепленный зеленым, уже подсыхающим дерьмом.

— Один, кажется? — Цыпф подслеповато прищурился.

— Какое там, — буркнул Смыков. — Видите, как лодка глубоко сидит? Еле борта из воды торчат. Не кирпич же они воят...

Туземец, используя копые как шест, перемахнул с лодки на сухое место, проворно освободил бегемота от упряжи, и тот, с явным облегчением рывкнув, нырнул в сторону ближайшего болотного пастбища — нырнул глубоко, далеко и свободно.

Только тогда со дна лодки встали люди, числом пятеро — один в черном колпаке, остальные с непокрытыми головами, — и принялись перекидывать на берег пузатые рюкзаки, скатки одеял, какие-то корзины. При этом они не забывали зорко посматривать по сторонам.

Когда выгрузка закончилась, двое направились к шатру — высокий парень с курчавой бородкой и девушка почти такого же роста, с копной светлых волос, перевязанных широкой черной лентой.

— Интересно, что их манит к аггелам? — прошептал Цыпф.

— Что-что... — недовольно пробурчал Смыков. — Вспомните себя, когда пацаном были. Вседозволенность манит, оружие, власть, кровь чужая... Ну а потом, наверно, уже снадобье это проклятое на крючок берет.

— Жалко их... Красивые...

— На это внимания обращать не следует. Нам их сейчас убивать придется. Иначе они нас убьют... В девку цельтесь.

— Нет, я лучше в другого.

— Делайте, что вам говорят! — Смыков саданул Цыпфа локтем по ребрам. — Мужика наповал надо бить, а девку и подранить можно.

Парочка остановилась, не дойдя до шатра шагов двадцать, и парень ткнул пальцем себе под ноги — видимо, указывал на Веркины следы.

Боковым зрением Цыпф заметил, что левый глаз Смыкова зажмурился, а палец, до того свободно лежавший в спусковой скобе, плавно тянет крючок. Боясь опоздать, он задержал дыхание — не забылись уроки Зяблика, — поймал на мушку то место, где у девушки должен был находиться пупок, потом почему-то перевел прицел выше и дернул спуск. Пистолет резко и зло отозвался в руке.

Рядом ругнулся и тоже выстрелил Смыков — Цыпфу в правое ухо как гвоздь загнали. Лихорадочно поправив очки, он сквозь быстро рассеивающийся дымok разглядел, что парня на прежнем месте уже нет, зато девушка стоит там, где стояла, прикладывая к груди поочередно то левую, то правую ладонь, и с изумлением рассматривает их. Затем она сделала что-то вроде неловкого реверанса, на подгибающихся ногах развернулась боком и упала, последним движением сорвав с головы повязку.

— Ну какого, спрашивается, рожна вы торопитесь! — прошипел Смыков. — Одновременно надо было стрелять! Из-за вас я мужика упустил!

Над островом повисла жуткая тишина, какая бывает на кладбище за несколько секунд до того, как начнут гулко стучать молотки, загоняя в крышку гроба заранее наживленные гвозди. Возле сложенной у лодки поклажи уже никого не было, только вдалеке мелькала спина туземца, во все лопатки улепетывающего вдоль берега.

— Если этот молодец не дурак, он сейчас прорежет дырку в шатре, заберется внутрь и перестреляет нас, как кроликов, — с тихой злобой произнес Смыков. — Вы бы, товарищ Толгай, пошуровали там.

Нехристь молча кивнул, стянул через голову перевязь вместе с саблей, а из сапога извлек нож, заменявший ему в повседневной жизни и вилку, и шило, и бритву, и многое другое. В шатер он скользнул с привычной ловкостью давно прижившегося там кота — даже полог не шевельнулся. И почти сразу внутри загремело, залязгало, заворочалось — и как финальная нота в этой какофонической композиции одиноко грянул выстрел.

— Не понял... — пробормотал Смыков.

Однако волновался он совершенно напрасно — не прошло и минуты, как Толгай, на ходу вытирая нож о штаны, выскользнул из шатра обратно.

— Голый это кто — Колька? — поинтересовался он.

— Колька, — подтвердил Смыков. — Вы что, и его за компанию прирезали?

— Не-е-е, — Толгай с трудом подбирал нужные слова. — Бородатый меня мало-мало не кончил... Колька спас... Бородатого ногой толкнул...

Из-под полога показалось страшное, перепачканное мукой и залитое слезами лицо несчастного Кольки.

— Ребята, развяжите... Умоляю... Кровью позор смою... Вы же меня знаете... В последний раз прошу...

— Что вы, братец мой, как белуга, стонете? Не до вас сейчас, — ответил Смыков, переведя пистолетный ствол с одной предполагаемой цели на другую.

Слева, из зарослей рогоза, раздались выстрелы, и по коже шатра словно кто-то огромным ногтем защелкал. Справа завизжала девчонка и как ошпаренная вылетела из своего жилища.

— Обходят, — усмехнулся Смыков. — Стратеги. Трое всего и осталось, а гонору, как на целую дивизию.

— Вы туда посмотрите! — сказал Цыпф и впился зубами в собственную ладонь.

Зеленые дебри, из которых совсем недавно появились аггелы, вновь расступились, на этот раз сразу в нескольких местах, и к острову устремилась целая флотилия буксируемых бегемотами плоскодонок. Это был не десант, а скорее грузовой транспорт (многочисленные тюки и ящики торчали выше бортов), но тем не менее каждую лодку сопровождал как минимум один аггел.

Большую часть из последовавших событий Лева Цыпф не запомнил — возможно, в человеческой памяти есть какой-то фильтр, способный отсекал все самое кошмарное и отврати-

тельное, все, что потом не позволит спокойно есть, пить, спать, разговаривать... В сознании остался лишь бессвязный и обрывочный, похожий на бездарно смонтированный фильм набор картин: вот они все втроем бегут к берегу, чтобы помешать высадке, пистолет Смыкова бьет безостановочно — бац-бац-бац — и после каждого выстрела рядом с притопленной мордой ближайшего бегемота встают высокие фонтанчики, зверь ревет, вздымается из воды, топит лодку и сам уходит на глубину, окрашивая пену в розовый цвет; вот Толгай, размахнувшись из-за уха, швыряет гранату, от взрыва плоскодонка вспыхивает костром, во все стороны расползается жадное ревущее пламя, ключья обшивки, парящие в воздухе наподобие летучих мышей, тоже загораются, обожженный зверь не ревет, а верещит, как поросенок; вот среди бегемотов, не только взятых в упряжь, но и пасущихся на воле, начинается паника, а это страшнее, чем паника в слоновьем стаде; вот потоплено еще две лодки, уцелевшие ангелы добираются до острова вплавь, один горит, словно смоляной факел, но его никто не тушит; вот Смыков, расстреляв очередную обойму, дает команду к отступлению и тут же падает на песок, уворачиваясь от пушенной едва ли не в упор пули (и как только сумел этот рогатый гад подобраться к ним сзади?!); вот Толгай, никогда не игравший в волейбол, бросается вперед так, как будто хочет достать безнадежный мяч, и все же дотягивается кончиком сабли до руки ангела, металл лязгает о металл, и пистолет отлетает в сторону вместе с четырьмя пальцами; вот они уже вышли из шатра, на пороге которого лежит неизвестно кем убитый Колька, и теперь, когда пьяная муть покинула его остекленевшие глаза, видно, что они ярко-голубого цвета; вот навстречу им, волоча за собой размотавшиеся бинты, ковыляет Зяблик, черный, страшный, даже на человека не похожий, а в обеих его руках твякают и плюются огнем пистолеты — ни дать ни взять маленькие, но злобные сявки-дракончики; вот Верка неловко, по-бабьи, бросает гранату — слава Богу, хоть кольцо не забыла выдернуть, — осколки секут кожу шатров, но достают и врагов, засевших за ними; вот они всем скопом валятся в плоскодонку, уже запряженную бегемотом (паника еще не перекинулась на этот берег, и туземец, у виска которого плачущая Лилечка держит пистолет, тычком копыа посылает толстокожее животное вперед...

Когда остров Илиркей оказался далеко позади и погони

можно было уже не опасаться, начался обычный в таких случаях разговор: «Он меня за горло, я ему под дых... А видели, как я того здорового завалил?.. Разве я рыжего хуже сделал?.. Нет, ты тоже молодец, не ожидал даже... Пуля у самого виска прошла, аж волосы шевельнулись... Он думал меня на испуг взять, как же... Чуть палец не откусил, зараза...»

Молчал один Цыпф. Занят он был тем, что поминутно снимал очки, протирал их и водружал на прежнее место.

— Что приуныл, друг Лева? — еле ворочая синими, рас-трескавшимися губами, спросил вернувшийся к жизни Зяблик. — Сколько скальпов настриг?

— Вроде один, зато роскошный, — ответил за него Смыков. — Таковую деваху уложил... Хоть залазь на нее, пока теплая. Я ее потом ради интереса осмотрел. Ни рогов, ни пистолета. Но вы, Цыпф, не печальтесь. Случайные люди с аггелами не якшаются.

— Я ей в плечо целился, — тихо сказал Цыпф. — В правое.

— А попал аккурат под левую сиську, — развел руками Смыков. — Уметь надо... Кстати, как вы считаете, что нас спасло сегодня?

— Ты, зайчик, — ответила Верка. — Что же еще...

— Нас спасло то, что мы застали аггелов врасплох, — Смыков поднял вверх указательный палец, — и они не успели наглотаться своего бдолоха. А не то лежали бы мы все сейчас мордой в песочек. Это я к тому говорю, что такой тактики следует и в дальнейшем придерживаться... Тепленькими аггелов брать, пока они еще очухаться не успели.

— Тебе бы лектором быть, а не ментом, — прохрипел Зяблик, пальцы которого все еще дергались, словно продолжая нажимать на спуск. — Я с аггелами по-всякому встречался... Верно, некоторые лихо дерутся. А другие так себе. Вроде нашего Левы... Как я теперь понимаю, не всякому аггелу это снадобье положено. В дефиците оно, как у нас, скажем, хороший табак. За все время, — он тронул висевший на груди полупустой кисет, — я такие штуки только у трех или четырех покойников видел... Жаль, конечно, что без внимания к ним отнесся.

— Нет, тут другое, — вступила в разговор Верка. — Заявляю вам как врач. Штука эта в сто раз опаснее любого яда, и аггелы используют ее только в крайнем случае. Как лекарство, — она стала загибать пальцы, — для спасения в безвыходном положении. А еще для доказательства своей людоедской веры. Все! Но для здорового человека в нормальных услови-

ях — это гроб с музыкой. Нельзя, чтобы желания человеческие сами собой исполнялись. Известно ведь, какие желания в нас таятся... Содом и Гоморра... Видели бы вы этого непутевого Кольку. Променял жизнь на неделю кайфа.

— Если желаете, я вам могу анекдот про кайф рассказать, — предложил Зяблик.

— Как же тебе такому откажешь, — Верка погладила его по голове. — Я теперь каждому твоему слову радуюсь. Ведь одной ногой в могиле стоял...

— Ладно, не верещи, — отмахнулся от нее Зяблик. — Значит, так... Обращается воробей к слону: хочешь, дескать, я тебе в пасть влечу, а из задницы вылечу. Слон, само собой, соглашается. Воробей этот маневр проделал и интересуется: ну как? Кайф, отвечает слон, давай еще. Глупый воробей влетает ему в пасть, а слон тем временем затыкает задницу хоботом и стонет от удовольствия. Вечный кайф!

Засмеялся один только Толгай, который, конечно же, ничего не понял. Смыков печально вздохнул и собрался было сделать замечание относительно плачевного состояния мозгов Зяблика, но в этот самый момент чистюля Лилечка, внимательно наблюдавшая за всеми манипуляциями бегемотьего хвоста, подала сигнал тревоги. Вся компания плотно сгруппировалась и проворно укрылась брезентом, по которому без промедления забарабанило что-то более густое, чем дождь, но менее плотное, чем град.

Верка, волею обстоятельств вынужденная прижаться к Зяблику, уткнулась носом в бархатный кисет и, вдыхая странный, ни на что другое не похожий аромат, тихо сказала сама себе:

— Нельзя, чтобы человеческие желания сами собой исполнялись... Но как же этого хочется...

С тех пор как Верка осознала себя личностью (а случилось это еще в младшей группе детского сада), ее главным, заветным, так сказать, желанием стали особы противоположного пола: мальчики, юноши, мужчины и даже некоторые старички. Желание это изначально не имело ничего общего с плотской страстью — плоть как раз и не досаждала Верке ни в трепетной юности, ни в матерой зрелости. Ей хотелось от самцов совсем другого — обожания, восхищения, поклонения, раболепия.

К восьмому классу выяснилось, что это скромненькое желание ничем конкретным не подкреплено. Никто не зарился

на худенькую белобрысую девчонку с оттопыренными ушами и проволоочной шиной на передних зубах. Сколько горя ей это доставило, сколько страниц дневника было исписано самоуничтожительными, мазохистскими откровениями, сколько слез впитала пуховая девичья подушка!

Почти все ее подружки, юные телки, набравшие к тому времени рост и тело, уже гуляли с парнями, а некоторые успели отведать греховную сладость не только от губ и рук своих кавалеров, но и от прочих мужских достоинств. А вокруг Верки словно пустота образовалась.

Другая на ее месте смирилась бы с горькой участью замухрышки, ушла бы в себя или, наоборот, в общественную работу, но Верка обладала не только горячим желанием осуществить свою мечту, но и некоторой смекалкой. Вскоре она уже знала безотказный способ привлечения мужчин.

Нельзя сказать, что Верка дошла до этого открытия исключительно своим умом. Кое в чем ей очень помогли порнографические журналы, хранившиеся у старшего брата в чемодане с двойным дном. Тайник этот он оборудовал, покидая дружественную страну Египет, где целых два года ремонтировал зенитные установки «Шилка», прикрывавшие Суэц и Асуан от израильских воздушных пиратов. На покупку непристойной макулатуры, выпускаемой специально для советских специалистов и весьма недешевой по местным понятиям, ухотила немалая часть солдатского жалованья.

Венцом братовой коллекции был многоцветный журнальный разворот, изображавший пышное женское тело в заднем ракурсе. В оба естественных отверстия неизвестной фотомодели — лицо ее в кадр не попало — были глубоко и плотно забиты мускулистые, покрытые вздувшимися жилами мужские члены, обладатели которых тоже остались за кадром.

У какой-нибудь другой рано развившейся малолетки такая картина могла бы вызвать незабываемые эротические фантазии, у Верки она вызвала лишь чисто технический интерес.

К своему первому опыту пятнадцатилетняя Верка готовилась весьма тщательно — нарядилась во все самое лучшее, слегка подкрасилась маминой косметикой и даже сняла с зубов шину, что ей строго-настрога возбранялось. Жертвой она выбрала таксиста, мужика, не вышедшего рожей, но с обильной растительностью на доступных взору участках тела, что в теории должно было свидетельствовать о его любострастии.

Не подозревая никакого подвоха, он вывез нахальную малолетку из города в зону отдыха Сосновый бор. Когда же

встал вопрос о расчете, Верка предложила таксисту на выбор — либо деньги, либо девичье тело. Поскольку речь шла всего о восьмидесяти копейках — цене шести пустых бутылок, — таксист выбрал второе, хотя и поинтересовался наличием у пассажирки венерических заболеваний.

Любовные утехы происходили под пологом вековых сосен, на чехле от заднего сиденья автомобиля. Того, кто оказывался снизу, кусали в обнаженное тело муравьи, того, кто сверху, — комары.

Верка стойко перенесла расставание с девственностью и даже вида не подала, что ощущает боль. Смотрелись они вдвоем как слон и моська, но Верка была из породы тех мосек, что уже с отроческих лет умеют верховодить слонами. Перед своим случайным партнером она имела одно существенное преимущество — в то время как тот сгорал от животной страсти, она эту страсть только имитировала. Зато делала это так старательно и вдохновенно, что никто не сумел бы заподозрить в ней дебютантку.

Наутро в Талашевскую милицию поступило два заявления, — одно, телефонное, от руководства таксопарка, второе, письменное, от родителей Верки. Оба касались пропажи людей, но самый проникательный сыщик не смог бы увязать их воедино. Ну что, спрашивается, могло быть общего у школьницы-вертихвостки и сорокалетнего ударника коммунистического труда, члена партии и примерного семьянина?

Заявления приняли к сведению неохотно, но зарегистрировали и передали на исполнение участковому, за которым числилось не меньше дюжины бумажек аналогичного содержания. Естественно, он не бросился тут же искать пропавших, и правильно сделал — спустя двое суток оба вернулись в объятия семьи и в лоно коллектива.

Таксист, кстати, несмотря на свою физическую измотанность, был согласен продолжить этот пикник и дальше, но Верка не собиралась пропускать контрольную по математике. Впрочем, и так уже было ясно — она своего добилась. Таксист глядел на нее телячьими глазами, по первому требованию гонял в город за мороженым, конфетами и напитками, а обессиленный окончательно, принялся вылизывать ее тело языком.

При расставании он сказал:

— По гроб жизни эти три дня не забуду. До самого нутра ты меня пробрала. У меня ведь жена так, колода колодой... Если что, только свистни — все для тебя сделаю.

— И жену бросишь? — лукаво спросила Верка.

— По первому твоему слову, — не задумываясь, ответил тот.

Во время домашнего следствия Верка придумывать ничего не стала, рассказала все как есть, без утайки, только имя своего дружка сохранила в тайне. Без головной уборы, конечно, не обошлось, но к этому она была заранее готова. Закон природы: если где-нибудь убудет, то в другом месте обязательно прибавится. Девственность убыла, зато прибавилось несколько синяков на попке. Вот и все дела.

Из курса химии Верка знала, что опыт может считаться состоявшимся, если есть возможность повторить его. Поэтому через месяц она вновь исчезла из дома. На этот раз полигоном для любовных игр была избрана не продуваемая всеми ветрами комарино-муравьиная поляна, а вполне благоустроенное общежитие приборостроительного техникума.

Спустя трое, уже ставших для нее законными суток, Верка приобрела не только кучу обожателей, но и общегородскую славу несравненной трахальщицы. Поклонники ходили за ней косяком, но теперь Верка давала с разбором и только тем, кого могла привязать к себе хитро свитой ниточкой сексуальной зависимости. Техника ее постепенно шлифовалась, и при желании она могла бы поднять из гроба даже мертвеца, лишь бы только он был мужского пола.

Родители и педагоги махнули на Верку рукой, тем более что постельные утехи на ее успеваемости никак не сказывались. Более того, она даже исправила четверку по физкультуре на пятерку, для чего, впрочем, пришлось немного покувыркаться вместе с учителем на матах.

Не обходилось, само собой, и без накладок. Про абортарий говорить нечего, он для женского племени как магнит для иголки — ни прямо пройти, ни по кривой не объехать. Но были залеты и похуже. Возмущенные ее способностью с необыкновенной легкостью отбивать кавалеров, талашевские девицы однажды так вздули Верку, что та угодила в больницу.

Там ей, как ни странно, очень понравилось. Отныне Верка видела свою будущность только в сиянии белых халатов и блеске стетоскопов. После окончания десятого класса мечта сбылась — ей торжественно вручили халат, который условно можно было назвать белым, швабру и оцинкованное ведро. Кроме этого, в Веркиной юрисдикции находилось с дюжину мусорниц, столько же плевательниц и немалое число эмалированных уток. Хочешь не хочешь, сквозь это надо было пройти, чтобы заработать стаж, необходимый для поступления в медицинский институт.

Поначалу Верку все здесь удивляло, а особенно то, что многие врачи как бы носили на себе тавро своей профессии (по принципу — сапожник ходит без сапог). Психиатр, к примеру, был нервным, вспыльчивым и вздорным человеком. Нарколог Светлана Михайловна кончила тем, что сама угодила на лечение в ЛТП, заведующая гинекологическим отделением давно лишилась не только матки, но и всех ее придатков. Окулист без помощи очков даже туалета не мог найти. В среде хирургов было ненормально много хромых и кособоких. Одни лишь стоматологи сияли прекрасными фарфоровыми зубами.

В институт Верка так и не поступила, но курсы медсестер закончила. А медсестра в больнице то же самое, что старшина в армии, — все на ней держится, все от нее зависит.

Правда, работа в новом качестве началась с досадного инцидента. Уже за полночь в приемный покой доставили пострадавшего с переломом тазовых костей. Дежурный хирург сделал все, что счел нужным, и удалился досыпать, доверив наложение гипсовой повязки молодой медсестре.

Верка довольно ловко налепила на бедолагу нечто похожее на гипсовые трусики, однако по неопытности допустила серьезную ошибку — сделала повязку сплошной, забыв оставить отверстие для дефекации¹. Под утро, когда гипс уже схватился до каменной твердости, ее разбудили дикие крики пациента. Перед тем как попасть в дорожно-транспортное происшествие, он был в гостях, плотно поел, и сейчас содержимое кишечника настойчиво просилось наружу. Муки, испытываемые несчастным, можно было сравнить только с пыткой, во время которой в задний проход закачивается компрессором сжатый воздух.

Верка бросилась на поиски врача, но тот, как назло, отправился завтракать. «Скорая помощь» выехала в сельскую местность забирать роженицу и обещала вернуться в лучшем случае через час. Тем временем крики человека, лишенного возможности произвести одно из самых естественных физиологических отправлений, достигли не только больничного чердака, но и подвала. Многие восприняли их как весть о пожаре. В палатах у ходячих началась паника.

Выручил Верку сантехник дядя Яша, хотя и сам пострадал при этом. Едва только целостность гипсовой повязки была

¹ Дефекация — физиологический акт очищения кишечника.

при помощи молотка и зубила нарушена, как произошло явление, сходное с тем, что бывает в жерле вулкана, когда давление лавы вышибает каменную пробку.

В свободное от процедур и операций время медсестры крутили любовь как с врачами, так и с больными, среди которых было немало очень даже здоровых.

Первой Веркиной пассией стал хирург Игорь Игоревич, возрастом старше ее всего лет на пятнадцать. Он имел немало положительных качеств (черные кудри, обходительность, собственный автомобиль), которые, впрочем, вполне уравнивались качествами отрицательными. Главными из них были наличие законной жены и пристрастие к алкоголю. Впрочем, последнее считалось среди хирургов не пороком, а скорее профессиональным заболеванием. Как впоследствии выяснилось, и с Веркой-то он сошелся не ради физической близости, а ради спирта, находившегося в ее ведении. От этого спирта и начались их совместные неприятности. Игорь Игоревич обычно являлся к Верке в конце рабочего дня, уже изрядно нагрузившись, причем спектр напитков, употребляемых им, был весьма широк — от армянского коньяка до самой паршивой самогонки. Если бы Игорь Игоревич приобретал спиртное на собственные деньги, то давно остановился бы на чем-то определенном, для организма привычном, однако карманных денег он не имел (зарплату по решению суда получала за него жена) и вынужден был употреблять то, что подносили пациенты, хорошо знавшие слабость доктора.

Столь разнообразные, а зачастую и несовместимые между собой компоненты к вечеру образовывали в организме Игоря Игоревича настоящую гремучую смесь, нейтрализовать которую, по его собственной теории, можно было только спиртом. И действительно, приняв стакан неразбавленного ректификата, он становился совсем другим человеком. Дурная меланхолия, оставшаяся от общения с больными, исчезала, в глазах появлялся юношеский блеск, в движениях — порывистость и сила, в речах — юмор, в повадках — склонность к риску.

Тогда они садились вдвоем в машину и мчались куда-нибудь, игнорируя светофоры, правила дорожного движения, законы механики, касающиеся ускорения и инерции, а также технические возможности двигателя и тормозов. Работники госавтоинспекции, каждый из которых был потенциальным клиентом Игоря Игоревича, на его фокусы привычно закрывали глаза.

Гонка заканчивалась обычно в самом неожиданном месте: на мосту через реку Лучицу, на смотровой площадке историко-архитектурного памятника «Замок князя Скимонта», на городском кладбище, рядом с ограждениями исправительно-трудового лагеря, — и они занимались любовью то на заднем сиденье, то на переднем, а иногда даже на капоте. Был случай, когда Верка в порыве страсти выдала ногами ветровое стекло.

Подобная идиллия могла бы продолжаться и дальше, но однажды Верка допустила оплошность — поддавшись на уговоры Игоря Игоревича, вместо одного стакана поднесла ему целых два. После такой дозы в голове хирурга что-то нарушилось, и это можно было понять уже потому, что любовью они занялись в первую очередь (да еще не где-нибудь, а на центральной площади города, чему, несмотря на поздний час, нашлись свидетели), а гонками — во вторую.

Восьмиметровой ширины улица оказалась для Игоря Игоревича чересчур узкой. Если верить протоколу осмотра места происшествия, составленному, кстати сказать, старшим лейтенантом милиции Смыковым, окосевший хирург последовательно сбил передком своей машины газетный киоск, мусорную урну, лошадь Астру, принадлежавшую маслодельному заводу, телегу, в которую вышеупомянутая лошадь была запряжена, рекламную тумбу кинотеатра «Салют» и около дюжины граждан разного пола и возраста. Все пострадавшие, кроме лошади, к счастью, отделались только синяками, царапинами и легким испугом.

Остановился Игорь Игоревич лишь в фойе кинотеатра, для чего ему пришлось сначала преодолеть двадцать четыре ступеньки лестницы, засаженный цветами газон и огромное витринное стекло. Здесь он по привычке вновь хотел заняться любовью, но Верка, потерявшая сознание от многочисленных ушибов головы, не могла ответить ему взаимностью.

Задержанный и отрезвленный Игорь Игоревич на все вопросы следствия отвечал только одно:

— Проклятый спирт меня догнал...

В Веркином хозяйстве провели срочную ревизию и обнаружили огромную недостачу. Ну со спиртом все ясно, а вот куда могли подеваться ланцеты, резиновые перчатки, капельницы и клизмы?

До уголовного преследования дело не дошло, однако оба любовника были наказаны по служебной линии, и в материальном плане Игорю Игоревичу для возмещения убытков, нанесенных гражданам и организациям, даже пришлось продать

свой изрядно побитый лимузин. В результате всех этих треволнений, изгнанный с работы, охаянный в местной прессе, осмеянный коллегами и брошенный женой, Игорь Игоревич немного тронулся умом и постоянно бормотал себе под нос: «Проклятый спирт меня догнал...» Впрочем, впоследствии он устроился на хорошее место осеменителя крупного рогатого скота и вновь женился.

Верку лишили возможности занимать должности, связанные с материальной ответственностью, и отправили на исправление в бригаду «Скорой помощи». Здесь можно было насмотреться на такое, чего не встретишь в учебниках по судебной-медицинской практике.

Ей и роды приходилось принимать прямо на лесной дороге, и вытаскивать ребенка из ножей сенокосилки, и вскрывать трахею девяностолетней бабке, подавившейся куском сала, и вязать буйнопомешанных, и откачивать утопленников, и промывать желудки самоубийцам, наглотавшимся скипидара или уксуса. К двадцати трем годам, несмотря на субтильное телосложение, Верка стала уже такой стервой, что с ней опасались связываться даже записные талашевские ухари.

В тот самый день, которому суждено было стать последним настоящим днем для многих тысяч людей, рассеянных в разных временах и пространствах на планете Земля, Верка как раз заступила на дежурство во вторую смену.

На весь район имелись только две машины скорой медицинской помощи — одна для выездов по городу, другая для сельской местности. Разница между ними была такова: первая могла не разваливаясь выжать шестьдесят километров, вторая — аж восемьдесят, а кроме того, у нее был в полном порядке передний мост. В больнице, конечно, были и вполне приличные, почти новые автомобили, но на них, как водится, разъезжали главный врач и трое его заместителей.

Да и народ в «сельской» бригаде подобрался покрепче — за шофера с Веркой разъезжал огромный и страховидный Зенон Скрунда, знавший все дороги и тропиночки района еще с военных времен (хотя оставалось неясным, в качестве кого он тогда сражался — партизана или полиция), а старшим был отставной врач с редкой фамилией Сусанин. Как и Скрунда, он о своем прошлом распространяться не любил, но иногда, особенно после рюмки, допускал такие высказывания, что становилось ясно — ему что вылечить человека, что удавить — один

черт. Однажды, прибыв на дальний хутор, хозяин которого только что ранил из ружья свою жену, Сусанин оттолкнул мальчишку-участкового, первым вошел в хлев, где преступник отводил душу, методично уничтожая домашний скот, и голыми руками обезоружил его.

А в тот день Скрунда еще не успел заправить машину, как поступил вызов из колхоза «Большевик» — племенной бык поднял на рога зазевавшегося скотника. Съездили впустую, мертвецов «Скорая помощь» не забирала.

Затем диспетчерская послала их на другой конец района, где бешеная лисица искусила дачников. Дорога в те края была такая, что впору гусеничный тягач на подмогу вызывать.

— Ну ты, курва всемогущая, — Сусанин поднял глаза к небу, а дабы показать, что он обращается именно к Богу, а не к кому-нибудь другому, еще и наложил на себя крестное знамение по старообрядческому канону. — Гаси светило дневное, труби отбой.

(С наступлением ночи количество вызовов обычно уменьшалось, и бригада всегда ждала прихода сумерек, как милости Божьей.)

Седой, словно хлоркой отбеленный, Скрунда неодобрительно покосился на Сусанина и пробурчал:

— Ты язык-то свой поганый придержи, баламут. А не то в пекле будешь сковородки горячие лизать.

— С тобой на пару, герр зондерфюрер, — огрызнулся Сусанин. — Сознайся, сколько душ невинных погубил?

— Тыфу на тебя! — Скрунда крепче перехватил руль, на тряской дороге так и норовивший вырваться из рук.

Вот такая у них была манера разговора, хотя относились они друг к другу с уважением.

Внезапно вдруг резко потемнело, как это бывает перед грозой, хотя блеклое вечернее небо не пятнало ни единое облачко.

— Что за наваждение! — Скрунда, почти упиравшийся макушкой в потолок кабины, наклонил голову, чтобы заглянуть в боковое окошко. — Куда это солнце подевалось?

И в самом деле — красноватый солнечный диск, еще совсем недавно резво бежавший над кронами придорожных елок, канул неизвестно куда.

Скрунда затормозил так резко, что машину едва в кювет не занесло. Все усталились на запад, где с небом происходило что-то необычайное: прозрачная даль над горизонтом мутне-

ла, как это бывает, например, когда оконное стекло покрывается снаружи наледью.

Наледь эта, странная уже одной своей непривычностью, распространялась не только ввысь, но и вширь, заковывая измеченный и вольный небосвод в несокрушимые, омертвевшие формы. На краткий момент сквозь мутный монолит вновь вспыхнуло солнце — расплющенное багровое пятно, искаженное рефракцией до неузнаваемости. Возникли и вновь поблекли тени.

— Ну что, добрехался, костоправ? — зловеще спросил Скрунда. — Вот сволочь, самого Господа Бога допек!

— Эй, я пошутил! — Сусанин, все еще продолжая ерничать, глянул по сторонам. — Побаловались, и хватит! Если надо, я извиниться могу.

На Верку навалилась безысходная, почти физически ошущаемая тоска, какая бывает у человека перед сердечным приступом. Она словно в дурную дрему провалилась и беспощадно-ясным чутьем сомнамбулы поняла, что никогда больше не увидит ни солнца, ни голубого неба, ни прежнего мира. Небеса и земля вокруг были мертвы. Мертвы были бранящиеся между собой Скрунда и Сусанин. Мертва, наверное, была уже и она сама.

Все краски вокруг выцвели и угасли, хотя ночь так и не наступила. Даже сейчас хорошо различались далекие дымы над Талашевском, плоская вершина Партизанской горы и мельтешение птиц над озерами. С севера на юг над землей нависала арка чистого света, которую с обеих сторон поджимала тяжелая, все более густеющая муть. Неизвестно откуда налетевший ветер горячо дохнул в лицо, качнул ветки деревьев, закружил придорожный мусор. На ветровое стекло шлепнулось странное насекомое — огромный, с палец величиной, желтый кузнечик.

— Молись, пустозвон! — Скрунда схватился за монтировку. — Проси у Бога милости.

— Пошел ты... — огрызнулся Сусанин, однако из машины вылез и, глянув вверх, собрался отпустить еще одну глумливую шутку, но в последний момент осекся и пробормотал примирительно: — Ну ладно, виноват... признаюсь. Разрази меня гром за те слова. Но только одного меня... Зачем посторонних людей пугать?

Неласковое, на глазах перерождающееся небо отнеслось к его словам столь же равнодушно, как и к стрекотанию странного насекомого. Живой свет, еще державшийся в зените, по-

гас, и сызмальства привычный бездонный простор превратился в глухой серый ковер, по поверхности которого время от времени пробегали какие-то тени. Тягостная тишина стояла вокруг, только в какой-то дальней деревне выли собаки.

Скрунда пощелкал ключом зажигания, снял с рычагов и поднес к уху трубку радиостанции.

— Все! — выдохнул он со зловещим удовлетворением. — Конец. Отпели донские соловьи.

— Да брось ты! — Сусанин все еще хорохорился. — Обыкновенное солнечное затмение. Вызови диспетчера. Он тебе подтвердит.

— Никто уже ничего не подтвердит, — на лицо Скрунды легла печать отрешенности, даже покоя, как бывает с человеком, долгое время пребывавшим в неведении относительно своей неизлечимой болезни и наконец-то узнавшим правду. — Припрыгали... Сон у меня вещий был недавно. Переполнилась чаша Божьего терпения. Остались мы одни против дьявола... Нагие и босые, с пустыми руками. Отвернулись от нас домашние звери и заглохли могучие машины...

— А ты мистик, однако, — Сусанин поднял капот машины и принялся копать в моторе. — Аккумулятор сдох, вот и все дела...

— На аккумулятор нечего пенять, — равнодушно ответил Скрунда. — Новый он. Забыл, как месяц назад вместе с тобой его ставили?

— Ну тогда ничего не пойму... — Сусанин закурил. — Что делать будем?

— В город пойдем. С внуками проститься хочу. Не в твоей же компании помирать.

— Ты что, и в самом деле считаешь, что я во всем виноват?

— Сказано: чаша терпения переполнилась. Вот твое богохульство последней каплей и оказалось... А если не ты, так кто-нибудь другой беду накликал бы. Минутой раньше, минутой позже...

Верка, почему-то ни на йоту не усомнившаяся в словах водителя, неуверенно произнесла:

— Но ведь нельзя же так... Всех сразу... Обещали, что сначала суд будет.

— Это две тысячи лет назад обещали, когда еще жила надежда на исправление рода людского. А нынче поздно... Теперь нас всех могила исправит.

Не взяв с собой даже куртки, он вылез из машины и, не оборачиваясь, зашагал к городу — неторопливо и обреченно,

словно на казнь. Сусанин, наоборот, прихватил все более или менее ценное — фельдшерский чемодан, аптечку и даже кислородную подушку.

— Ты, Вера, этого старого пердуна не слушай, — сказал он. — Крыша у него поехала, я давно замечаю. Держись меня. Все само собой образуется. Главное, в панику не впадать.

Они двинулись вслед за Скрундой и вскоре почти догнали его. Старик что-то бормотал на ходу и время от времени принимался размахивать руками, словно невидимых мух отгонял, что подтверждало предположение Сусанина о его душевном нездоровье.

Первый же километровый столб возвестил о том, что расстояние до Талашевска составляет двенадцать километров — три часа хорошего хода. Вскоре на дороге показалась неподвижная машина — допотопный «Москвич», навьюченный, как верблюд, разнообразной поклажей. Мужчина в ковбойке, чертыхаясь, продувал карбюратор (возле ног его были аккуратно разложены на газете разобранный бензонасос, трамблер и магнето), а у обочины женщина баюкала на коленях ребенка.

Скрунда прошел мимо них так, словно это был давно опостылевший мираж, зато Верка и Сусанин задержались на минутку.

— Нет, это прямо цирк какой-то, — сказал мужчина, вытирая ветошью руки. — Водки нет, колбасы нет, покрышек нет, а теперь еще и искра пропала. Скоро воздух будет по карточкам. Кстати, совсем недавно вон за тем леском самолет упал... Кукурузник. Видно, и его искра подвела.

Свой нажитый трудовым потом автомобиль семейство бросать посреди дороги не собиралось, и Сусанин пообещал им при первой возможности прислать из города техпомощь. Неизвестно, верил ли он в свои слова сам. Верка подошла к женщине и через ее плечо глянула на ребенка, уже начавшего беспокойно задремывать.

Женщина, покосившись на Веркин белый халат, сказала:

— Капризничает что-то... Наверное, зубки режутся.

— Тут недалеко деревня есть, — острая жалость вдруг сжала ее сердце. — Попросились бы на ночлег.

— Ничего, у нас палатка с собой.

Где-то невдалеке, в кустарниках, покрывавших торфяное болото, раздался жуткий, нечеловеческий хохот, быстро перешедший в глухое, злобное хныканье. С другой стороны дороги немедленно последовал ответ — словно это перекликались

сумасшедшие, заблудившиеся в ранних сумерках. Ребенок встрепетул, скорее даже не от звуков, а от испуга матери.

— Кто же это здесь такой... голосистый? — она зябко передернула плечами.

— Птицы болотные, — сказала Верка, стараясь скрыть дрожь в своем голосе.

— День какой-то дурацкий... Все наперекосяк... И небо это на душу давит, и машина барахлит, и сынок все нервы вымотал...

— Бывает, — кивнула Верка. — Но вы все же поискали бы себе ночлег понадежней. Тут у нас и волки водятся.

...Вновь они догнали Скрунду только спустя час. Старик стоял на гребне холма, через который переваливала дорога, и смотрел вдаль так, словно идея возвращения в Талашевск уже утратила для него притягательность. У Верки, и без того упавшей духом, появилось нехорошее предчувствие.

— Что там? — спросил Сусанин, подходя.

— Река... — коротко ответил Скрунда.

Ни реки, ни речки, ни даже ручья в этих местах никогда ранее не существовало, и Верка прекрасно знала это. Тем не менее факт был налицо — дорога плавно спускалась вниз и терялась в мутном потоке, таком широком, что коровы, стадами бродившие на противоположном берегу, казались отсюда россыпью пшеничных зернышек.

Дорога на той стороне продолжения не имела.

— Фу-ты, ну-ты, — сказал Сусанин и полез в карман за очередной сигаретой. — Куда же это мы забрели?

— К Стиксу, — сказал Скрунда с непоколебимой уверенностью. — К адовой речке. Вон и слуги сатанинские нам навстречу wypлывают.

Верка присмотрелась повнимательнее и увидела, что болтавшееся на стремнине притопленное бревно вдруг шевельнулось и разинуло зубастую пасть, в которой запросто могла бы уместиться овца.

Не веря себе самой, Верка скользнула взглядом дальше: по рыжей, как дрянной кофе, воде, в которой то там, то здесь бултыхались зубастые, чешуйчатые плахи; по берегу, некогда крутому, но превращенному тысячами копыт в удобный спуск; по пасущимся близ водопоя стадам, состоящим вовсе не из коров, а из горбатых поджарых бычков с козлиными рожками да резвых полосатых лошадок; по голубовато-зеленой плоской, однообразной степи с редкими купами деревьев, названия которых она даже не знала.

Неведомо откуда взявшаяся река плавно заворачивала туда, где раньше был север, и, если смотреть по ее течению вниз, слева расстилалась кишашая диким скотом африканская саванна, а справа — родные болота, обильные только мошкаррой да лягушками. Где-то за этими болотами должен был находиться Талашевск.

Не сговариваясь, они свернули с дороги и двинулись куда глаза глядят — лишь бы подальше от этой рыжей реки, впоследствии получившей легкомысленное название Лимпопо, подальше от этих ненасытных рептилий, подальше от чужой, ничего хорошего не обещавшей земли.

Спустившись по едва заметной тропке в овраг, по словам Скрунды выходившей в места цивилизованные — к свиноплексу совхоза «Октябрь», — они нос к носу столкнулись с компанией негров, которых при определенной фантазии можно было вполне принять за чертей. У них разве что рогов и копыт не хватало, а так все остальное на месте: черная, как уголь, кожа; ребра, обручами проступающие сквозь нее; дикие глаза с красноватыми белками; ожерелья из звериных и человеческих зубов; копья с полуметровыми наконечниками, внушавшими невольный ужас; и даже хвосты, рыжие, длинные, с пышными кисточками на конце.

Неизвестно, кто испугался больше — бредущие к себе домой талашевские жители или пришлые африканцы, — но именно этот внезапный, не располагающий к размышлениям испуг и послужил причиной конфликта. Кто-то, кажется Скрунда, сделал неосторожное движение, ближайший негр замахнулся на него копьем. Сусанин с разворота врезал ногой в черную костлявую грудь, от удара загудевшую, как барабан, и — понеслось!

Бывший военврач-десантник Сусанин и бывший не то полицай, не то партизан Скрунда оказали достойный отпор африканским агрессорам, не имевшим никакого представления ни о рукопашном бое, ни даже об элементарной кулачной драке. С соседями по саванне они сражались исключительно при помощи стрел и копий-ассегаев, причем свято придерживались веками выработанных ритуалов и правил. Мысль о том, что в стычке с врагом можно с успехом использовать руки и ноги, еще не созрела в их неискушенных мозгах.

Со стороны бой напоминал какой-то дикий обрядовый танец — куча людей с криками топталась на одном месте, и эти

люди падали то все вместе, то поочередно. Верка с булыжником в руке вилась вокруг и не упускала случая ткнуть им кого-нибудь из чернокожих по темечку.

Африканцы несли урон, но не отступали перед белыми дьяволами, как до этого не отступали ни перед львами, ни перед носорогами. Среди них не было трусов. Трус в саванне не доживает до возраста воина.

Ситуация коренным образом изменилась, когда в овраге появилось еще несколько чернокожих, видимо, поотставших в пути. По команде одного из них, чьи волосы напоминали серый каракуль, вновь прибывшие прикрылись высокими овальными щитами, выставили вперед копья и взяли кучу дерущихся в кольцо. Такая тактика применялась в охоте на крупных зверей, к числу которых, по-видимому, были отнесены и Скрунда с Сусаниным. С Веркой поступили как со злым, но неопасным детенышем — древком копья сбили с ног и скрутили тетивой из бычьих жил.

Когда наконечники копий, от одного вида которых в животе появлялось неприятное, ноющее ощущение, как спицы в ось, со всех сторон уперлись в Скрунду и Сусанина, потасовка прекратилась. Пять или шесть поверженных негров копошились на земле, но это могло свидетельствовать лишь о переменчивости военного счастья. Поле боя, трофеи (если таковыми можно было считать кислородную подушку да фельдшерский чемодан) и пленные достались африканцам.

— Эх, был бы у меня «калашников»! — сплюнул кровью Сусанин.

— Святой водой их надо выводить! — захрипел уже окончательно тронувшийся умом Скрунда. — Крестом и молитвой! Нельзя антрихристу поддаваться!

— Спокойно, дед! Не фашистам в плен сдаемся! Мы это недоразумение скоро уладим! — предостерег Сусанин.

Однако было уже поздно.

Скрунда ухватился за два копья, упиравшиеся ему в грудь, и мотнул их так, что копыеносцы не удержались на ногах.

— Божья мати! — заорал он. — Спаси нас и не даждь в расхищение супостатам! Виждь наши нестерпимые печали! Вооружися на лукавого врага!

Воины, до этого только придерживавшие строптивного старика остриями копий, сделали свое кольцо на один шаг уже. Раздался омерзительный звук пронзаемой человеческой плоти, а потом лязг железа — широкие и длинные наконечники столкнулись друг с другом в теле Скрунды.

— Ах вы, папуасы проклятые! — изумился Сусанин. — За что вы его?

Седой негр вякнул что-то, и теперь на копьях повис уже человек в белом халате. Воины саванны, рожденные не для жизни, а для достойной смерти, равнодушно взирали на свои жертвы. Один из них наступил ногой Верке на грудь и занес над ней свой ассегай. Долго после этого она представляла свою гибель именно так — черный, словно вырезанный из эбенового дерева человек, непропорционально худой и мосластый, с налитыми кровью глазами, а в руках у него, накопчиком вниз, разящее копье.

Сбоку подскочил седой вождь, завершал фальцетом, видимо, выговаривая воину за самоуправство, а для убедительности еще и огрел его по спине изогнутой костяной дубинкой. Верку подняли и поставили, как чурку, в вертикальное положение, но она тут же рухнула на прежнее место — ноги не держали.

Тогда негр, тот самый, что раньше хотел убить Верку, вскинул ее себе на плечо, и вся команда рысью тронулась обратно. По мере продвижения к реке отряд пополнялся все новыми воинами. Каждый тащил какую-нибудь добычу: визгливого подсвинка, абажур с шелковыми кистями, ковер, жестяной таз, лопату, даже красное с золотой вышивкой знамя «Победителю социалистического соревнования», явно похищенное из совхозной конторы. Пленников было немного — дебелая продавщица из сельмага, поперек себя шире, да ничем не уступающая ей формами бухгалтерша, с которой уже сорвали лифчик и блузку, однако оставили черные сатиновые нарукавники.

У берега отряд ожидала целая флотилия длинных долбленых лодок, сидевших в воде так низко, что на середине реки Верке представилось сомнительное удовольствие заглянуть прямо в глаза всплывшему поблизости крокодилу.

Взгляд рептилии был аристократически равнодушен, а безобразно раздувшееся брюхо свидетельствовало о том, что она целиком поглощена процессом пищеварения.

В години бедствий людских всегда вольготно жилось крокодилам, волкам и воронью.

На противоположном берегу способность передвигаться к Верке вернулась — не то повлияло обострившееся чувство самосохранения, не то помогло копье, которым ее для остраст-

ки кольнули в задницу. Крестом держа перед собой связанные в запястьях руки, она побежала вместе со всеми через саванну, находившуюся в самом пышном расцвете своей недолговечной красоты и обильности.

Трава стояла по обеим сторонам тропы выше, чем кукуруза-рекордистка, красная земля скользила под ногами, как жирный фарш, стада антилоп, почуяв приближение коварных и ненасытных двуногих, с сокрушительным топотом кидались прочь, возле каждого самого мелкого озера вились несметные стаи птиц, в грязи ворочались необъятные туши бегемотов, которых издали можно было принять за громадных свиней.

Непривычные к бегу тучные пленницы очень скоро выбились из сил и устроили настоящий тарарам, прощаясь с жизнью, причитая над своей горькой долей и посылая последний привет детинушкам-сиротинушкам. Против ожидания африканцы отнеслись к ним весьма предупредительно и предоставили каждой что-то вроде носилок, сплетенных из лозы.

Когда того же самого посмела потребовать Верка, ударом колотушки поперек спины ей дали понять, что живой товар бывает различного качества — и весьма ценный, и бросовый.

Вскоре травяной лес расступился и впереди показалась деревня — круглые островерхие хижины из обмазанного глиной тростника, просторные загоны для скота, высокая ограда.

Навстречу отряду высыпали чернокожие женщины, в отличие от своих сухопарых мужей сплошь широкобедрые и задастые, а также целая орава совершенно голой детворы. Отдельно встали старики, одетые в львиные и леопардовые шкуры, с барабанами в руках. Праздник победы начался безо всякого промедления.

Всю добычу свалили в одну кучу, а пленников поставили на видное место возле деревянного столба, вершину которого украшала грубо вырезанная морда — не то человеческая (если судить по ушам), не то звериная (если судить по оскаленной пасти). Застучали барабаны — словно крупный град с неба ударил.

Воины один за другим выходили вперед и начинали с помощью мимики, жестов, телодвижений и монотонного пения рассказывать о своих подвигах. Толпа хлопала в ладоши, приплясывала и подпевала, а старики одаривали героев в соответствии с только им одним известными критериями.

Седовласый вождь получил бухгалтершу и тут же увел ее в свою хижину. Продавщица досталась молодцу в страусиных перьях, в походе вообще не участвовавшему. Следующими по

ценности призами оказались красное знамя и бухгалтерские счета, очень впечатлившие африканцев перестуком своих костяшек.

Веркина очередь пришла после четырехзубых вил, еще хранивших следы коровьего навоза, и пустой бутылки емкостью 0,7 литра от вина «Красное крепкое». Несмотря на всю дикость ситуации, это ее очень обидело, хотя и не помешало заметить, в какую хижину уплыл фельдшерский чемоданчик.

Когда раздача даров закончилась, начался пир и пляски, по ходу которых юноши изображали приемы фехтования на копьях, а девушки размахивали условными мотыгами и трясли голыми грудями. У Верки от грохота барабанов уже раскалывалась голова.

Человек, ставший ее хозяином, и от других негров своего возраста отличавшийся только бельмом на глазу, бесцеремонно схватил Верку за волосы и поволок на окраину поселка к совсем уж бедной и неухоженной хижине. Там он перерезал ножом ее путы, угостил плоской кислого молока, но насиловать — к чему Верка уже внутренне приготовилась — не стал.

Это обстоятельство да еще то, что ее поместили на ночлег вместе с ребятней, могло свидетельствовать только об одном — Верку здесь приняли не за полноценную женщину, а за дитя, не достигшее половой зрелости.

Заснуть она так и не смогла, мешали неутихающий стук барабанов, ноющие от боли руки, тусклый свет, проникавший во все щели хижины, укусы насекомых, буквально кишевших вокруг, а главное, жуткие воспоминания: солнце, бесследно канувшее в загадочную небесную щель, глаза младенца, переполненные инстинктивным предчувствием непоправимой беды, зловещие морды крокодилов, смерть Скрунды и Сусанина, острые копья, остановившееся в десяти сантиметрах от ее собственного сердца...

Стараясь не шуметь, Верка встала, добралась до выхода и осторожно приподняла край циновки, прикрывавшей дверной проем.

Возле тотемного столба плясали одни только воины, размахивающие щитами и копьями. Между их рядами крутились, как дервиши, старцы в развевающихся звериных шкурах. Хором выкрикивая какие-то заклинания, они вздымали руки к серому, оцепеневшему небу — видимо, молили его о возвращении дневного светила.

Украдкой напившись молока, Верка вернулась на прежнее место, заткнула уши ватой, завалявшейся в кармане халата,

попыталась забыть обо всем и в конце концов уснула, сморенная усталостью. Но перед тем как провалиться в спасительное забытие, она, совсем как ребенок, верящий в добрые сказки, попросила неизвестно у кого — Боженьки, феи, аггела-хранителя, мамочки, — попросила, для верности зажав правой рукой большой палец левой руки: «Сделай так, чтобы я проснулась дома в своей постели, сделай так, чтобы на небе светило солнышко, сделай так, чтобы дикие звери не сожрали малютку и его родителей, оставшихся у заглохшего «Москвича», сделай так, чтобы смерть тех двоих, дорогих для меня людей, оказалась только сном...»

Проснувшись от мычания коров и царившей в хижине суеты, Верка сразу вспомнила все, что случилось накануне, и ощутила себя невыразимо несчастной. Так начался краткий, но незабываемый период ее жизни в саванне.

Ее хозяин, больной катарактой (это Верка сразу определила) Ингбо, считался бедняком и поэтому имел всего лишь одну жену — сварливую, обжористую и ленивую, как все бедняцкие жены. Ее будили коровы, скудное вымя которых переполняло прибывшее молоко, она, в свою очередь, будила Верку, и они на пару отдаивали два десятка горбатых, полудиких буренок, затем переходивших на попечение Ингбо и других пастухов.

Потом Верка брала грубо слепленный глиняный горшок без ручек и отправлялась за водой к источнику, отстоявшему от деревни почти на километр. Иногда ей приходилось пережидать там гиен, нахально лакавших воду. Всех других животных она умела отгонять криками и комьями земли. За день она делала по пять-шесть таких ходок.

Домашней работы вообще было невпроворот. Приходилось нянчить младших детей, каменным пестиком толочь зерно в каменной ступе, отскребать жир и мездру от звериных шкур, поддерживать огонь в очаге, жарить лепешки, отгонять мух от спящего Ингбо.

Лепешки забирали с собой пастухи, а женщины питались лишь жидкой просяной кашей да молоком, смешанным со свежей кровью, добываемой из яремной вены живых коров. Сначала Верку воротило от такой пищи, но пришлось привыкать — голод не тетка. Ходила она теперь в халате на голое тело и босиком — остальные свои вещи берегла на будущее. Особо Верку в семье Ингбо не притесняли, но ее жизнь не шла ни

в какое сравнение с жизнью толстозадой бухгалтерши и грудастой продавщицы, ставших к тому времени старшими женами вождя племени и колдуна соответственно. На Верку эти ново-явленные аристократы смотрели свысока и даже обглоданной костью никогда не поделились.

Время между тем шло, хотя что за время такое, когда нет ни восхода ни заката, ни дня ни ночи, ни лета ни зимы. Жизнь была не жизнь, а тягучий, нескончаемый сон.

Довольно скоро Верка выучила язык своих хозяев — предельно упрощенный язык охотников и скотоводов, почти лишенный отвлеченных понятий. Из монотонных песен, заменявших африканцам и радио, и газеты, и светские сплетни, она узнала, что солнце, как известно, являющееся отрубленной головой великого охотника, отыскало наконец свое тело и на небо больше никогда не вернется, что великая река постепенно мелеет и во многих местах ее уже можно перейти вброд, что бегемоты уходят куда-то в неведомую даль, что в саванне появились неизвестные животные, спаривающиеся с зебрами и антилопами, что от этих животных пошел повальный мор и обожравшиеся падалью стервятники не могут взлететь с земли.

Пленниц в деревне заметно прибавилось, появилась даже диковатая, похожая на еврейку женщина, ни слова не понимавшая по-русски и все время молившаяся Деве Марии. Среди военной добычи стали попадаться металлические нагрудники, каски с высоким гребнем и длинные прямые мечи.

Мор из саванны перекинулся на домашний скот. Уважаемые отцы семейств, еще недавно кичившиеся своими несметными стадами, превращались в бесправных попрошаек. А вскоре неведомые хвори навалились и на людей.

Сильные и выносливые воины задыхались от сухого непрерывного кашля, харкали сгустками крови, в их груди свистели и клокотали неведомые злые духи. Верка с ужасом наблюдала, как от обыкновенной крапивницы с людей лоскутьями слезает кожа, как простой герпес, который и лечить-то смешно, вызывает у африканцев тяжелые экземы, неудержимый понос, гнойные отеки и слепоту, как банальный грипп в считанные дни перерастает в пневмонию.

Вскоре у несчастного Ингбо из двадцати коров осталось восемь, и из четырех детей — двое.

Жена его была над умирающими, как волчица, но вскоре забывала о потере и вновь погружалась в тупую лень и животное обжорство (есть она могла все, даже жирных личинок,

живущих под корой деревьев, и едва вылупившихся птенцов китоглава и марабу). Смерть в этом мире не считалась неправым несчастьем. Люди уходили не в небытие, а в счастливые заоблачные просторы, где никто не знает нужды, где всегда удачная охота и никогда не скудеют пастбища.

И вот настал день (хотя такое понятие, как «день», было теперь чисто условным промежутком времени между пробуждением и отходом ко сну), когда заболел самый младший в семье Ингбо, Веркин любимец Килембе, которого она шуточки ради научила петь песенку о новогодней елке, Снегурочке и Деде Морозе.

У чернокожего бутуза резко подскочила температура, пропал голос, появились одышка и резкая боль при глотании. Он лежал пластом, хрипло дышал и смотрел на взрослых жалобными глазами теленка, над которым мясник заносит остро отточенный нож. Колдун, недавно потерявший своего собственного ребенка, отказался просить у Богов за Килембе.

Верка потрогала ладошкой горячий лоб малыша, пощупала подчелюстные лимфатические узлы, распухшие до размеров грецкого ореха, мельком заглянула в воспаленный зев, забитый серой слизью. Не нужно было иметь высшее медицинское образование и опыт врача-педиатра, чтобы поставить безошибочный диагноз — дифтерия. Жить мальчику осталось недолго, а умирать он должен был в страданиях, куда более мучительных, чем страдания висельника.

Верка, не собиравшаяся присутствовать при этом, отправилась без всякой цели бродить по зловеще затихшей деревне. Совершенно случайно ноги принесли ее к той самой хижине, хозяин которой в свое время получил в качестве трофея фельдшерский чемоданчик, содержащий все инструменты и медикаменты, положенные бригаде «Скорой помощи» согласно приказу министра здравоохранения товарища Петровского.

Воровато оглянувшись по сторонам — хотя шла забирать свое, не чужое, — Верка нырнула в хижину.

Внутри стоял тяжелый, нежилой запах — запах запустения и смерти. Прокисшее в горшках молоко уже покрылось пушистой плесенью. В углу на грязной циновке лежала мертвая девочка лет десяти, на лице которой мухи уже справили свои незамысловатые брачные обряды.

В изголовье труп стоял искомый чемоданчик, отличавшийся от всего того, что окружало его здесь, примерно так же, как мельхиоровая вилка отличается от деревянных палоч-

чек для еды. Хозяева, не справившиеся с замками, просто вспороли бок чемоданчика.

Скрюченные пальцы покойницы еще сжимали тускло поблескивающую палочку термометра. Вокруг были разбросаны всякие забавные штучки: стеклянные флакончики, баночки, тюбики, склянки, шприцы и пакетики. До самых последних минут девочка играла с предметами, которые могли бы спасти ее.

Верка запихала все это добро обратно в чемоданчик и поспешила к хижине Ингбо, где уже парил невидимый для человеческого взгляда Бог смерти, войны, молнии и грабежа Шонго, уводивший души умерших в свои владения.

Там она раздула очаг, поставила на него горшок с водой и приступила к инвентаризации своих сокровищ. На дне чемоданчика оказалось немало битого стекла, рассыпанных порошков и рваных бинтов, но ампулы с противодифтерийной сывороткой и антибиотиками, к счастью, уцелели.

Дальнейшие Веркины манипуляции напоминали со стороны жуткий магический обряд: в кипятке варятся какие-то загадочные побрякушки, затем превращающиеся в огромного бескрылого и безногого комара с прозрачным брюхом и длинным тонким жалом; это жало пьет бесцветную жидкость из стеклянных сосудов, плюется ею, а потом жадно вонзается в ягодицу почти уже неживого ребенка.

— Зачем ты это сделала? — равнодушно спросил Ингбо, уже приготовивший кусок домотканой материи, в которую полагалось завернуть мертвое тело сына.

— Я колдунья, — ответила Верка, дабы не пускаться в подробные разъяснения.

Когда они ложились спать, маленький Килембе еще жил. Верка несколько раз вставала к нему — колола сыворотку, пенициллин, атропин. От шума кипящей воды и позвякивания вскрываемых ампул супруги Ингбо просыпались и испуганно пялились на бледнолицую колдунью.

На третий день лечения Килембе сел, попросил горячего молока, а потом нараспев произнес фразу, суть которой ему никогда не суждено было понять: «В лесу родилась елочка, в лесу она росла...»

Ингбо на карачках подполз к Верке и потерял носом о ее щиколотку. Затем то же самое проделала его тучная жена. Это означало, что оба они признают над собой полную власть великой колдуньи и просят ее не гневаться за прошлое.

Через полчаса слух о чудесном исцелении Килембе, возле

которого уже незримо витала тень беспощадного Шонго, облетела всю деревню. Когда изнывающая от безделья Верка выходила прогуляться (теперь она была отстранена от любой черной работы), попадавшиеся на ее пути африканцы прикрывали свои лица локтем и подобострастно кланялись. Встретиться взглядом с колдуном или колдуньей здесь считалось такой же плохой приметой, как и наступить на хвост спящему льву.

Особенно сильно переменилась Веркина жизнь после того, как однажды ее пригласили на аудиенцию к вождю. К тому времени он стал уже обладателем сразу двух белых женщин, заплатив колдуну за продавщицу дюжину самых толстых африканок из своего гарема, целое стадо коров и множество другого менее ценного скарба.

Резиденция вождя отличалась от хижины Ингбо примерно так же, как волчье логово отличается от барсучей норы — и там и тут одинаково грязно, везде царит полнейшая антисанитария, зато совсем другие масштабы. Домочадцы вождя — жены, дети, прислужники и прихлебатели, — узнав о приближении колдуньи, бросились вон и попрятались кто где.

Вождь возлежал в гамаке, накрытый до самого подбородка шкурой леопарда. Кроме них двоих, в доме находились только презабавная ручная обезьянка да всякая мелкая живность, вроде мух и сколопендр.

Седовласый патриарх спросил шепотом:

— Великая колдунья понимает язык настоящих людей?

(Именно так и не иначе именовали себя эти дикари.)

— Да, — ответила Верка.

— Великая колдунья умеет лечить от дурных болезней?

— Смотря от каких...

Вождь понял ее слова буквально и, буркнув: «Тогда смотри», — откинул шкуру.

Болезнь у него действительно была дурная. Только в высшей степени мужественный человек, не раз в одиночку ходивший на льва, отважился бы продемонстрировать ее симптомы незнакомой женщине.

— Нда-а... — только и сказала Верка, пораженная не столько плачевным состоянием, сколько завидными размерами пострадавшей части тела.

— Великая колдунья спасет меня? — с надеждой спросил вождь. Его не единожды терзали звери, кусали змеи и уродовали враги, но еще никогда он не ощущал себя так скверно.

— Попробую, — сказала Верка, а сама подумала: «Хорошо, если это всего лишь свежая гонорея, а вдруг — сифилис?»

— Облегчи мои страдания, и тогда я стану прахом у твоих ног, — вождь вновь натянул на свое тело леопардовую шкуру.

— Прежде чем приступить к лечению, я хочу наедине поговорить с твоими белыми женами.

— Твое слово так же свято в этом доме, как и мое, — кивнул вождь.

Верка вывела обеих рубенсовских красавиц за ворота деревни и, окинув их презрительным взглядом, спросила:

— А ну признавайтесь, подружки, кто дедушку трипперком наградил?

В тот же момент бухгалтерша вцепилась в лохмы продавщицы и завизжала:

— Ах ты, курва подзаборная! Мало ты дома блядовала? Еще и сюда заразу принесла?

— Врешь, сука! Я женщина чистая! У меня санитарная книжка имеется. Это тебя все кому не лень драли! — Продавщица была не лыком шита и на каждый удар отвечала двумя, а на каждое бранное слово — целой дюжиной.

— Проститутка!

— Вафлистка!

— Полмагазина проебла!

— А ты весь совхоз!

— Глаза выцарапаю!

— А я тебе язык вырву!

— На, получай!

— А ты обратно!

Вдоволь налюбовавшись на этот поединок, сочетавший элементы кетча, тайского бокса и сумо, Верка растолкала землячек в разные стороны. Ее чувство мести было удовлетворено.

— Ну вот так, дорогие мои, — сказала она затем тоном, не терпящим возражений. — Валите ровненько домой и молитесь, чтоб по пути на льва или крокодила не нарваться. Назад вас не пустят, уж об этом я позабочусь. Как в родную сторону притопаете, обращайтесь в кожно-венерический диспансер, к доктору Буракову Ивану Антоновичу. Только подмойтесь сначала. Лечиться самостоятельно не советую. Привет там от меня всем передавайте.

— А может, Верочка, ты нас сама подлечишь? — заискивающе сказала продавщица. — Уж больно страшно одним через эту Африку топать. Мы в долгу не останемся. Правда, Клава?

— Ага, — шмыгая разбитым носом, кивнула ее подруга по несчастью.

— Как же, стану я на вас дефицитные лекарства переводить! — подбоченилась Верка. — Для таких, как вы, мне только мышьяка не жалко.

Толстухи живо переглянулись, и одного этого взгляда хватило им, чтобы заключить между собой злодейский союз. Бухгалтерша стала заходить Верке за спину, а продавщица наступать с фронта.

— Вот мы тебя сейчас, дрянь худосочная, научим культурному обращению...

— Брысь отсюда, пока я дедушке не сказала, что вы его нарочно этой хворобой заразили. Считаю до трех. Раз, два, два с половиной...

Продолжать счет дальше не имело смысла. Обе паразитки решили не искушать судьбу. Гнев вождя был страшнее львов и крокодилов, а главное — неотвратимее.

Перед тем как приступить к лечению, Верка объяснила вождю, что Боги наказали его этой болезнью за сожительство со злыми белыми ведьмами, которые в настоящий момент уже находятся на пути домой.

Вождь одобрил ее решение, даже о потраченном впустую имуществе не вспомнил.

Еще Верка поинтересовалась, могла ли дурная болезнь перейти на кого-нибудь из африканок. Вождь с запоздалым раскаянием признался, что, однажды познав сладостные ласки новых жен, на соплеменниц даже смотреть не мог, не говоря уже об интимных отношениях.

Эта весть успокоила Верку как медика, хотя оставался еще один потенциальный источник заразы — колдун, успевший, фигурально говоря, пригубить из источника наслаждений, таящегося между необъятных ляжек любвеобильной продавщицы. Однако буквально на следующие сутки проблема разрешилась сама собой — колдун не вернулся из очередного похода за Лимпопо, разделив печальную судьбу большей части своего отряда, еще во время переправы угодившего под интенсивный автоматный обстрел.

Что касается лечения вождя, то оно прошло на удивление успешно. Организм этих людей, не знакомый досель ни с какими лекарствами, отзывался на пенициллин как на волшебную панацею. Видя восторг пациента, впервые помочившего-

ся без болезненных ощущений, Верка в качестве награды потребовала, чтобы ее отпустили на родину.

Благодарный, но меркантильный вождь высказался в том смысле, что только дурак выбрасывает целебный плод, случайно угодивший в его руки.

Тогда Верка попыталась растолковать ему, что вся ее магия зиждется на этом самом белом порошке, заключенном в прозрачных бутылочках, а он рано или поздно иссякнет.

— Пополнив запасы, я вернусь, — пообещала она в заключение.

— Нет, великая колдунья, ты не вернешься, — покачав головой, сказал вождь, умевший читать в чужих сердцах. — Стаи птиц каждый год прилетают в нашу саванну, но они всегда возвращаются назад, в неведомые страны.

— Вся моя сила заключена вот в этом, — она сунула под нос вождю опорожненный шприц. — Когда кончится лекарство, иссякнет и сила. Зачем я буду нужна вам тогда? Доить коров?

Тут вождь высказал поистине государственную мудрость:

— Я исполню твою просьбу, великая колдунья, но лишь тогда, когда буду уверен, что ты вернешься. Львица, детеныш которой попал в ловушку, обязательно придет за ним, даже если ей будут угрожать копыта охотников и огни костров. Ты должна родить ребенка. После этого можешь идти куда угодно. А он останется у нас залогом твоего возвращения.

От такого предложения у Верки на какое-то время пропал дар речи. Вождь, не давая ей опомниться, продолжал:

— Прежде чем даровать женщине ребенка, Боги дарят ей мужа. Твоим супругом станет мой любимый сын Мбори. Нет в саванне охотника смелее, проворнее и удачливее его. Своего первого льва он добыл еще будучи мальчишкой. Когда Бог Шонго заберет меня на заоблачные пастбища, Мбори будет старшим над воинами. Иди и надень свой лучший наряд. Свадьба начнется сразу после того, как стада вернутся в загоны.

Верка, вышедшая из оцепенения, смело возразила, что не в обычаях ее народа навязывать женщине в мужья человека, которого она раньше и в глаза не видела.

Вождь на это вполне резонно заметил, что муж богоданный тем и отличается от мужа обыкновенного, что в случае неудачного брака женщине винить некого, кроме высших существ, а с них, как известно, взятки гладки. Что же касается обычаев, то они везде разные, и следует придерживаться тех, которые приняты у народа, давшего тебе приют.

По знаку вождя в хижине появилась толпа злобных старух, предназначенных не только для услужения Верке, но и для надзора за ней. Как видно, все было подготовлено заранее. Каждая старуха имела при себе какую-нибудь вещь, позимствованную из нераспределенных трофеев. Это, надо понимать, было Веркино приданое. И если милицейская шинель, чайник с отбитым носиком и пожарный багор еще годились на что-то путное, то как использовать мотоциклетную крышку, фарфоровые изоляторы и лошадиный хомут, она даже примерно не могла себе представить.

По выражению лица вождя и по поведению старух было ясно, что ее заставят выйти замуж даже в том случае, если для этого придется прибегнуть к колодкам и кляпу. Понимая это, Верка решила не противиться, тем более что кое-какой опыт участия в ненужных, пустопорожних обрядах у нее уже имелся — и в комсомол вступала, и в профсоюз, и на демонстрациях всяких ноги била, и даже один раз произносила речь на митинге в защиту какого-то Луиса, не то Корвалана, не то Карнавала. Да и что тут говорить — замужество не горб, особенно если без загса, можно носить, а можно и сбросить. А ребенком пугать нечего. В цивилизованном обществе любая медичка знает, чем можно случайный сперматозоид извести. Было бы желание.

Ради такого случая Верка обула свои стоптанные босоножки и соорудила из марли фату. Белья решила не надевать: во-первых — жарко, во-вторых — никто не оценит.

Свадьба осталась в ее памяти как неизбывный кошмар — не меньше сотни барабанов без умолку сотрясали воздух, а целые толпы неистовых плясунов в том же бешеном ритме сотрясали землю. Уши ей заложило от грохота, а глаза запорошило пылью.

Когда танцоры начинали от изнеможения валиться с ног, а у барабанщиков отнимались руки, наступала очередь застолья. Поедались горы лепешек и выпивались реки кислого молока. Интенсивный жевательный процесс, впрочем, не мешал африканцам петь. Старики горланили свое, воины — свое, женщины — свое. Затем дьявольские пляски возобновлялись.

Своего жениха Верка видела только издали. Он танцевал в первой шеренге воинов — такой же черный, поджарый, гибкий, порывистый, как и все остальные. Глядя на его иступленные телодвижения, Верка не без сарказма подумала, что столь интенсивная нагрузка может неблагоприятно сказаться

на физических кондициях молодожена, которому впереди еще предстояла бурная брачная ночь.

В заключение свадебной церемонии молодых увенчали роскошными головными уборами из львиных хвостов и страусиных перьев, трижды обвели вокруг всей деревни и заставили поклониться тотемному столбу.

Едва войдя в просторную, недавно построенную хижину, в которой ей отныне предстояло жить, Верка сбросила босоножки и присела на корточки — сил не было даже на то, чтобы добраться до застеленного мягкими шкурами ложа. Муж ее, которому она еще и в глаза взглянуть не успела, присел сзади, как будто только этого и дожидался, и безо всяких оличностей приступил к тому, ради чего, в принципе, браки и совершаются.

Верка, понятное дело, отдавала себе отчет, что подобное развитие событий неминуемо, но она никак не ожидала, что это произойдет столь внезапно. Мужчин она ничуть не боялась, давно привыкнув стойко сносить все их прихоти и сумасбродства, но тут даже ей стало немного не по себе — то, что делал с ней этот пахнувший потом, пылью и кислым молоком молодой негр, разительно отличалось от всего, к чему она успела привыкнуть, кочуя от одного любовника к другому. Возможно, впервые в жизни Верка ощутила себя не половой разбойницей, умело и хладнокровно выстраивающей чувственные ловушки, а жертвой. И надо сказать, в этом состоянии имелась своя прелесть. Она и так не собиралась сегодня чересчур усердствовать — ведь глупо усердствовать перед мужиком, который и без того принадлежит тебе по закону, пусть и первобытному, — ну а тут на нее просто истома какая-то напала.

Верка сомлела, зажатая в тисках горячего и страстного тела. Самой себе она казалась нежной бабочкой, которую усердный ботаник раз за разом насаживает на острие булавки. В этих ее новых ощущениях было столько томительно-сладостного, мазохистски-притягательного и желанного, что, наверное, единственный раз за всю свою бурную карьеру призовой трахальщицы Верка из рассудочного и лукавого человека превратилась в похотливо мычащее, бесстыдное животное.

Факел, долго тлевший на сыром ветру и дававший вместо огня лишь одну его видимость, внезапно вспыхнул. Став женщиной в смысле физиологическом еще в ранней юности, Верка стала женщиной в смысле чувственном только сейчас.

Откинув голову назад, она в знак благодарности лизнула Мбори в скулу, и тот ответил ей такой же звериной лаской.

Позже, когда все это окончилось — окончилось так неожиданно-негаданно и так страшно, что и много лет спустя на сердце продолжала ныть незаживающая рана, — Верка поняла, что более светлого периода в ее жизни, чем замужество с Мбори, просто не существовало.

Она звала его Борей, а он ее никак не звал. Он вообще был удивительно молчалив даже для воина саванны. А в общем-то, слова им были и не нужны. Все прошлое как бы исчезло для Верки, все мелочное, суетное и пошлое сошло с нее, как сходит пленка грязи с человека, нырнувшего в горячий источник. Как свободные и сильные звери, они жили только самыми простыми и самыми сладостными потребностями — ели, когда хотели и сколько хотели; спали, пока не пропадало желание спать или не появлялось желание любить; любили друг друга досыта, любили, как самые первые люди на земле, не зная ни греха, ни стыда, ни сомнений. Какое значение могли иметь для них слова? Прикосновение рук, безмолвные сигналы глаз, сообщенность тел хранили мудрость, куда более древнюю и глубокую, чем человеческая речь.

Он охотился на зверей и сражался с врагами, она готовила для него еду и грела постель. Она научила его целоваться, а он ее — стрелять из лука. Вокруг продолжали умирать люди, горы коровьих трупов загромождали подходы к водооям, стервятники выклевывали у павших животных одни только глаза, по саванне шныряли чужаки: желтолицые всадники на низкорослых злобных лошадках, закованные в железо рабы распятого Бога, спецназовцы в пятнистой, как шкура леопарда, одежде, чье оружие, изрыгая огонь, метало убийственное железо на тысячи шагов, — а они словно не замечали ничего этого.

Она объяснила ему, что согласна ходить голой, но только в своем жилище, а на людях должна одеваться сообразно обычаям родины. На следующий день он добыл для нее целую охапку одежды, начиная от трусиков и комбинаций, кончая вечерними туалетами и меховыми манто.

Осмотрев вещи, некоторые из которых еще хранили тепло их бывших владелиц, Верка строго-настрого запретила Мбори грабить белых людей. Тогда ярость и силу воинов саванны познала далекая Кастилия и еще более далекая Степь. В их доме появились тончайшие шелка и замша, золотая посуда и жемчужные украшения, драгоценный фарфор и пушистые ковры. Стрела степняка насквозь пронзила сердце старого вождя, и Мбори занял его место. Кроме Верки, у него было теперь двенадцать жен, но ни одна из них даже не смела поднять глаза

на властелина. За трапезой им прислуживал только маленький Килембе, усвоивший еще две песни: «Пусть всегда будет солнце» и «Катюшу».

Теперь они спали в обнимку на пуховой постели, судя по венам, ранее принадлежавшей графине Лусеро, и накрывались душистыми льняными простынями, взятыми в каком-то разграбленном монастыре. В одну из таких ночей, столь же мутно-серую, как и день, Верка окончательно убедилась в том, о чем уже довольно давно подозревала: она забеременела.

Счастье мешало ей заснуть, и она принялась тормошить мужа, чтобы поделиться с ним этой радостной вестью. Мбори еще бормотал что-то во сне и лениво отмахивался от нее рукой, когда снаружи приглушенно стукнул выстрел, и над крышей,крытой пальмовыми листьями, как привет от родного народа, раздалось явственное «тиу-у».

Тут же со всех сторон загрохотало так, словно на деревню обрушилась горная лавина: грозно, совсем в ином ритме, чем на свадьбе, застучали барабаны, дробно, как швейные машины, затрещали автоматы, забухали взрывы гранат.

Мбори вскочил с постели, одним прыжком достиг дверей, из пирамиды копий выхватил самое тяжелое — и был таков, даже попрощаться не успел. Верка как была голышом, так и бросилась вслед за ним, но на пороге задержалась — негоже старшей жене вождя показываться в таком виде на людях.

Цепочка трассеров, как сверкающие струи горизонтального дождя, падали на деревню. Ворота, разнесенные взрывом гранаты в щепки, зияли пустотой. Несколько хижин уже горело — Верка даже удивилась сначала, как это может гореть глина пополам с лозой, но потом вспомнила, что ее современники весьма поднатерели по части изготовления всяких зажигательных смесей.

Вот так ее прошлая жизнь возвестила о своем возвращении — ревом пожаров, смрадом огнесмеси, лаем автоматов, теньканьем пуль.

Судя по звукам боя, деревня была окружена со всех сторон. Оставалось загадкой, как сумели враги миновать дозоры, регулярно высылаемые Мбори в саванну.

Верка быстро оделась, схватила кастильский меч — копье было для нее тяжеловато, — но тут внезапно вспомнила, что уже не является, как раньше, полновластной хозяйкой своего тела и вынуждена делить его с другим существом, которое успела уже заранее полюбить и которое имеет все права на жизнь.

«Если я не смогу спасти мужа, по крайней мере, постара-

юсь спасти его ребенка», — решила она и заменила меч на фельдшерский чемоданчик. Пока суть да дело, надо было выполнять свой врачебный долг.

Первого раненого Верка нашла уже в десяти шагах от собственного дома, но он умер прежде, чем она обработала его раны. Потом ей долго попадались одни мертвецы, и свое искусство она сумела проявить только возле разбитых ворот — наложила жгут на правое предплечье молодого воина, лишившегося кисти. Благодарно улыбнувшись серыми запекшимися губами, он перехватил копье левой рукой и исчез в дыму, накатывавшемся из горящей саванны.

Так она — где ползком, где перебежками — облазила всю деревню. Женщины и дети сидели по домам, такова была воля Мбори. Пострадавших среди них пока еще не было. Килембе, завидев Верку, стрелой бросился к ней и больше уже не отставал, несмотря на все уговоры вернуться.

Картина боя, гремевшего за стенами деревни, более или менее прояснилась. Воины саванны дрались за свои дома и за свои семьи, а потому цель у них могла быть только одна: перебить пришельцев или, по крайней мере, прогнать их за реку. Ни о сдаче на милость победителей, ни о бегстве с поля боя не могло быть даже и речи, как в прямом, так и в переносном смысле — таких слов как «капитуляция» и «отступление» на языке племени просто не существовало.

Понимая, что отсиживаться за хлипкими стенами деревни смысла не имело, — к тому же копейщик, ясное дело, не ровня автоматчику, особенно это сказывается на дальних расстояниях, Мбори приказал выгнать скот из загонов и пустить его на врага, как живую стену, за которой могут укрыться воины. Саванну, уже достаточно увядшую к тому времени, подожгли тоже по его распоряжению — дым застил глаза и тем и другим, но прицельную стрельбу вести мешал, тогда как копье находило свою жертву и во мгле пожара.

В настоящий момент схватка представляла собой нечто вроде жуткого аттракциона, состоявшего в том, что среди клубов удушливого дыма и мечущихся в панике коров одни люди должны были разыскивать других и поступать с ними самым беспощадным образом. Тут уж шансы обеих сторон почти сравнялись — на расстоянии нескольких шагов решающее значение имеет уже не тип оружия, а реакция, твердость руки, изворотливость и боевой опыт. Воинов саванны не мог напугать ни грохот выстрелов — разъяренный носорог ревет пострашнее; ни огонь — сами столько раз устраивали палы, чтобы вы-

гнать на открытое место дичь; ни тем более вид чужеземцев — еще и не таким приходилось потроха выпускать.

И неизвестно, чем бы закончился этот бой — шансы были примерно пятьдесят на пятьдесят, — если бы с неба, хмурого, как всегда, вдруг не хлынул ливень, такой редкий в последнее время и такой несвоевременный.

Потоки воды затушили огонь, а когда дым и пар рассеялись, враги воочию увидели друг друга. Черные воины прикрылись щитами и взяли наперевес ассегай, а белые — навели на них прицелы. Все дальнейшее было уже не боем, а бойней.

Верка и несколько женщин посмелее влезли на ограду, чтобы лучше видеть, как умирают их мужья, сыновья и братья, неуязвимые духом, но не имевшие другой защиты от пуль, кроме щитов из шкуры бегемота. Многие, прежде чем погибнуть, успели одолеть часть расстояния, отделяющего их от врагов (кое-где копье даже опередило автомат), другие умерли на месте, но никто не сделал даже полшага назад.

Бой кончился, и почти сразу прекратился злополучный дождь. Люди в камуфляжной одежде растягивались в цепь, окружая деревню и на ходу прикрепляя к стволам автоматов штык-ножи.

Верка подхватила Килембе на руки и опрометью бросилась к хижине Ингбо. В опустевшем доме вождя ей делать было нечего, разве что перерезать кастильским клинком собственное горло.

Самого Ингбо на месте не оказалось, видно, и он лежал сейчас за оградой, весь изрешеченный свинцом, а жена его, даже в этом ужасе не утратившая аппетит, жевала что-то, забившись в дальний угол. К ней прижималась старшая сестренка Килембе — хилая, слабоумная девочка.

На несколько последних минут над деревней повисла тишина, только потрескивали пожары да из саванны доносилось утробное мычание израненных коров. Затем послышались приближающиеся голоса, наглые, громкие голоса победителей, уже пьяных от крови, как от дурного зелья, и сейчас собиравшихся мстить — мстить за своих приятелей, напоровшихся на острия африканский копий, мстить за прошлые и будущие поражения.

Голоса раздавались совсем рядом, и Верка вдруг осознала, что не понимает слов языка, еще недавно считавшегося родным, да и не хочет понимать таких слов:

— В пузо ей ткни, в пузо...

— А куда я ей, мать твою, тыкаю? Во наела мозоль! До потрохов не добраться...

— Пацана добей, зачем ему мучиться... А девка, думаю, пригодится... Справная, хоть и черножопая... Гони ее к воротам.

— Я бы ее и сам обработал...

— Времени нет.

— Я быстро... За щеку дам...

— Смотри, еще откусит.

— Пусть только попробует! Наизнанку выверну...

Но еще страшнее этих слов были сопровождающие их звуки: задавленный стон, булькающий хрип, резко оборвавшийся вскрик, тонкий, подвывающий плач, тоже резко оборвавшийся, глухие, с коротким треском удары, словно там вспарывают подушки.

Наконец в соседней хижине наступила мертвенная тишина, и шаги стали приближаться. Сорванная штыком циновка отлетела в сторону, и в дверной проем просунулся автоматный ствол.

— Есть кто? — заорали снаружи. — Отзовись, а не то стрельну.

Верка с великим трудом, словно и не говорила, а свинцовую дробь языком ворочала, ответила:

— Не стрелять, тут только женщины и дети!

— Во! — удивился человек с автоматом. — Что-то слышится родное...

Не отнимая оружие от плеча, он осторожно переступил порог хижины — вовсе не демон смерти, а неприметный, колхозного вида мужичишка, весь перемазанный копотью и кровью. Таких, как он, Верка встречала на своем недолгом жизненном пути сотни: сторожей, грузчиков, шоферюг — никто никогда из этой породы выше не поднимался, разве что после революции в комбедах заседал, — и было тошно сознавать, что, возможно, именно такой вахлак лишил жизни ее сильного и красивого мужа.

Сзади, немного поотстав, шел второй, помоложе, неряшливо заросший жидкими светлыми волосами. В одной руке он нес канистру, от которой пахло бензином, а другой на ходу застегивал штаны. Не расслышав Веркиных слов, он недовольно буркнул в спину напарника:

— Давай покороче тут... Вон уже все назад идут.

— Я тут, понимаешь, землячку обнаружил, — этот окурок присел перед Веркой на корточки. — Ну что, сестричка, досталось тебе? Не заездили негритосы?

Верка едва сдержалась, чтобы не плюнуть в ненавистную рожу, стертую, как подошва старого башмака. Нет, нельзя этого делать, надо терпеть — ведь рядом часто-часто дышит Килембе, а внутри у нее самой, в такт собственному надорванному сердцу, бьется другое, крохотное, как у ласточки. Надо терпеть! За всех нас когда-нибудь отомстит сын Мбори, потому что только сыновья могут рождаться в столь страшную и безнадежную годину.

— Выходи! — этот чувырло, этот позор рода человеческого посмел дернуть ее за руку. — Совсем ополоумела от радости... Ай! — взвыл он, укушенный Килембе за мякоть ладони. — Ах ты, звереныш!

— Не трогайте нас. Прошу. — Верка говорила короткими, рублеными фразами, словно выплевывала их. — Очень прошу. Эти люди спасли меня. Я обязана им. Очень обязана.

Человек, на котором сейчас была сосредоточена вся ее ненависть, повернул голову к двери.

— Слушай, помоги, — позвал он. — У девки совсем шарики за ролики заехали. Ничего не соображает.

Вдвоем они стали выкручивать брыкающейся Верке руки, но ей на помощь снова пришел Килембе — на этот раз взвыл уже патлатый сопляк.

— Бляха-муха! За ногу цапнул! Да я его сейчас по стенке размажу!

Он отступил назад, опрокинув сразу забулькавшую канистру, сорвал с плеча автомат и ткнул прикладом в головку Килембе, но проворный, как белка, малыш увернулся.

— Не надо-о! — заорала Верка. — Это мой ребенок. Не надо-о!

— Ври, да не завирайся, — тот из подонков, который был постарше, старался зажать ей рот твердой ладонью, пахнувшей махоркой и сгоревшим порохом. — Ему же года четыре на глаз. Как ты такого здорового родила? Через жопу?

Килембе откатился к противоположной стене, вскочил и, вытянув руки по швам, загорланил, безбожно коверкая слова:

Ласцветали яблани и глуши,
Паплыли туманы нат лекой...

— Кончай этот хор Пятницкого! — Ублюдок, державший Верку, уже почти вытолкнул ее за порог. — Во, нарвались на приключения!

Бешеным лаем зашелся автомат, и внутри сразу полыхну-

ло, словно спичку поднесли к струе газа. Патлатый, с опаленными бровями и ресницами, еле успел выскочить из хижины.

— Кто стрелял? — донеслось со стороны ворот. — Вот я вас, разгильдяев! Сказано ведь было, беречь патроны!

Пламя столбом прорвалось сквозь непрочную крышу и завилось багровым жгутом, вокруг которого кружился жирный пепел. В хижине Ингбо было чему гореть — в последнее время Верка подкинула своим бывшим хозяевам немало добротных вещей...

Ее почти волоком дотащили до ворот и впихнули в толпу тех, кто должен был прямо сейчас возвращаться на родину. Верка оказалась в одной компании с женщинами, побывавшими в африканском плену и легкоранеными. Караван с тяжелоранеными и добычей уже ушел, а основные силы отряда готовились двинуться дальше в саванну.

Верка шла босая, растрепанная, с остановившимся взглядом. Можно было подумать, что это она не из плена домой возвращается, а совсем наоборот. Патлатый недоносок, которого начальство отрядило сопровождать женщин и раненых до реки, сочувственно поглядывал на нее со стороны и даже пробовал завязать разговор.

— Ну как, отошла уже? — спрашивал он.

— Ага, — кивала Верка. — Отошла. Все нормально.

— И зачем было так орать? Испугалась, наверное?

— Ага. Испугалась. Чуть в штаны не наложила.

— А я тебя знаю. Ты в районной больнице на «скорой» работала. С тобой один мой знакомый гулял. Венька Быстрый. Помнишь?

— Ага. Не помню. Мало ли с кем я гуляла.

Исчерпав запас красноречия, патлатый немного поотстал, но потом опять начал приставать с расспросами, в которых ясно сквозила цель познакомиться с Веркой поближе. Видимо, пресловутый Венька Быстрый рассказал своему приятелю немало лестного о ней.

Первый раз Верка позволила себе обернуться, когда все они расположились на отдых вблизи высыхающего озерца, берега которого были превращены тысячами копыт в непролазную грязь. В той стороне, где за горизонтом осталась деревня, стоял столб дыма, вернее, сразу три, сливавшиеся на приличной высоте в единое целое. Значит, погибла не только деревня Мбори, но и две соседние, поменьше.

Несколько десятков антилоп и стадо газелей с большой неохотой уступило место у воды людям. Никак не прореагировал на появление двуногих только бегемот, умиравший посреди озерца, да стая аистов-марабу, понуро ожидавших его кончины.

Женщины, в спешке покинувшие свое жилье, ничего не успели захватить с собой, и сейчас легкораненые угошали их, чем могли. Завязывался незамысловатый походный флирт.

Патлатый, уже считавший себя чем-то вроде Веркиного покровителя, протянул ей свою фляжку.

— На, хлебни спиртяги.

— Не могу, — покачала головой Верка.

— Почему?

— Врачи запрещают. Недавно только вылечилась.

— Юморная ты девка! — Патлатый отхлебнул сам и рукавом вытер выступившую слезу. — Ох, люблю я таких!

— Так в чем же дело? — Верка заставила себя ухмыльнуться.

Патлатый слегка растерялся от столь недвусмысленного намека, однако новый глоток спирта добавил ему смелости.

— Так это самое... Может, прогуляемся? — вкрадчиво предложил он.

— Ага. Прогуляемся. Запросто.

Небритый, нестриженный да вдобавок еще и давно не мытый кавалер галантно предложил Верке ручку, но та встала сама, даже не встала, а вскинулась, как распрямившаяся пружина. Внутри у нее была огромная, опасная пустота, можно даже сказать, бездна, в которую бесследно канули все дурацкие предрассудки, вроде норм человеческой морали и Божьих заповедей.

Покинув берег озерца, они направились к маячившей невдалеке рощице низкорослых акаций, по случаю засухи уже сбросивших листву. Патлатый шел впереди, выбирая дорогу, а Верка с садистским любопытством наблюдала за ним — ведь не каждый день можно увидеть человека, столь старательно отыскивающего место для собственной могилы.

— Тебя как зовут? — вдруг спросила она.

— По паспорту — Павел. А для друзей — Павлуша, — патлатый оглянулся. — А тебя?

— Леди Макбет, — обыденным голосом ответила Верка.

— Как-как? — Лицо его стало предельно глупым. — А Венька Быстрый говорил, что тебя Верой зовут...

— По паспорту. А для друзей — леди Макбет. Ну что, пришли?

Земля, едва смоченная недавним дождем, была тверда, как камень. Пожухлая трава еле прикрывала ее. Поодаль торчал муравейник — против тех муравейников, которые Верка видела в родных лесах, как пирамида Хеопса против ларька «Соки-воды».

— А жестковато не будет? — Павлуша осклабился.

— В самый раз. Раздевайся.

— Прямо так, сразу? — что-то в Верке не только привлекало, но уже и пугало Павлушу.

— Слушай, — она смерила его презрительным взглядом, — не люблю я этих телячьих нежностей. Ты для чего меня сюда привел? Болтовней заниматься или трахаться?

— Сейчас... — он глотнул из фляжки, прислонил автомат к стволу акации и запрыгал на одной ноге, стаскивая грубый армейский ботинок. — А ты сама?

— Я-то всегда готова, — Верка расстегнула платье, под которым у нее ничего не было.

Ставив левый ботинок, Павлуша прыгал теперь в другую сторону, стаскивая правый. Верка взяла автомат и, держа на отлете, принялась рассматривать его.

— Эй, не балуй! — крикнул Павлуша, занятый уже своими штанами. — Не игрушка ведь!

— Без тебя знаю, — ответила Верка. — Штука знакомая.

Она действительно умела обращаться с автоматом — уроки военной подготовки в школе даром не прошли, — хотя до этого никогда не стреляла боевыми патронами. Сейчас она твердила про себя три заветных слова: «Предохранитель, затвор, спуск... Только в таком порядке... Предохранитель, затвор, спуск... Господи: лишь бы не забыть...»

Павлуша остался в одних трусах, линялых от пота, а спреди пожелтевших от мочи. Чувствовал он себя как-то неуютно, но храбрился — лыбился, скреб пятерней впалую грудь, пританцовывал на месте.

— Исподники-то снимай, — скривилась Верка. — Или меня стесняешься? Зачем же мужскую красу скрывать?

Мужская краса оказалась бледной, сморщенной, немного кривоватой, с красной, как у мухомора, натруженной головкой. Создавшаяся ситуация волей-неволей принуждала мужчину к действию, и Павлуша шагнул вперед, однако Веркиных прелестей достичь не смог — помешал автоматный ствол, с которого, слава Богу, мундштук уже был снят.

Павлуша еще не сообразил, как тут следует поступить: удивиться, оскорбиться или рассмеяться — девка и впрямь

оказалась шутейная, — но два металлических щелчка разной интенсивности, следовавшие друг за другом, отчетливо подсказали ему, что пришла пора испугаться, да и не на шутку.

— Ты это... чего? — его детородный орган, до этого довольно вялый, от страха встал торчком. — Брось... Не надо...

— Что ты с той девочкой сделал, которой свой поганый хрен в рот затолкал? — спросила Верка скучным голосом. — Убил?

— Она же... черная, — козлиная бородка Павлуши затряслась. — Она же не человек...

— А кто?

— Так... мартышка...

— Вот мартышке бы и совал. Она бы тебе его быстро уполовинила.

— Ты против своих, значит... Продалась, к... кх-х... — ругательство застряло у него в горле.

— А ну повтори! — Верка толкнула его стволом автомата так, что на серой пупырчатой коже остался глубокий круглый отпечаток. — Повтори, гад!

— Я говорю... зачем так... Мы же свои... Друг друга надо держаться...

— Твои друзья в тамбовском лесу остались. Нечего тут рассусоливать. За тобой много всякого числится. Но сначала нужно с девочкой разобраться. Убил ты ее или нет?

— Нет! — Павлуша замотал головой так энергично, что патлы разлетелись в стороны.

— Врешь, — сказала Верка. — Убил. По глазам вижу.

— Я не виноват! Приказ был!

— Над детьми издеваться? — На ребрах Павлуши появилась новая отметина. — Сейчас я с тобой за эту девочку рассчитаюсь. А потом за того мальчика, что «Катюшу» пел. Я ведь тебя, гада, просила не трогать его.

Тут уж Павлуша вообще сглупил — попытался вырвать у Верки автомат. Убивать она его не стала, а только дала очередь под ноги, правда, чуть-чуть не рассчитала — большой палец на Павлушиной правой ноге стал короче на целую фалангу.

Бедняга, истощно вопя, запрыгал на одной ноге. Сомнений относительно своей участи у него уже не оставалось, но в самом темном уголке души еще билась дикая, звериная надежда — авось пронесет, авось выкручусь, авось это еще не смерть...

— Иди туда, — Верка указала стволом автомата на муравейник.

— Зачем? — большей глупости он и придумать не мог.

— Мне так хочется.

— А если не пойду?

— Значит, прямо на этом месте подохнешь...

Причитая и повизгивая от боли, Павлуша доковылял до этого грандиозного шедевра муравьиной архитектуры и по требованию Верки встал возле него на колени.

— Так, — сказала Верка, критически осматривая уготовленное для Павлуши орудие пытки. — Ближе подвинься. Еще. Теперь засовывай туда свой конец. Что значит — не лезет? Правильно, это не девичий ротик... Сначала пальцем расковырай... Больно? А ей не больно было? Если хочешь жить, терпи, — она приставила автомат к его затылку. — Дернешься, башку снесу.

Уже через минуту стало ясно, что Павлуша испытывает боль, сопоставимую разве что со страданиями человека, сунувшего свой член в кипяток. Другой на его месте давно бы спровоцировал Верку на выстрел и тем самым положил бы конец этим мукам, но Павлуша был не таков. Он жаждал жизни так сильно, как это умеют делать только совершенно никчемные, гнусные да вдобавок еще и глупые люди.

Он грыз зубами сухой древесный мусор, из которого состоял муравейник, он то ревел, как слон, то пищал, как мышь, он обмочился и обгадился, но головой даже не шевельнул. Когда Верка, потрясенная мерой его терпения, отступила назад и ствол перестал холодить затылочную кость, Павлуша проворно отбежал в сторону и там стал совершать прыжки, на которые вряд ли были способны даже воины саванны.

По всему его телу шныряли рыжие крупные муравьи, а то, что висело в паху, напоминало недавно вышедший из улья пчелиный рой. Продолжая подпрыгивать, Павлуша стряхивал с себя насекомых, и скоро стало заметно, что придуманная Веркой экзекуция повлияла на орудие его греха даже в положительную сторону — и до длине и по объему оно увеличилось едва ли не вдвое, хотя и выглядело не вполне эстетично: багровая кожа во многих местах полопалась и сквозь нее проглядывала нежно-розовая плоть, сочающаяся сукровицей.

— Это тебе за девочку, — сказала Верка, вскидывая автомат к плечу. — А сейчас получишь за мальчика.

Но тут холодная гулкая пустота, направлявшая все ее последние поступки, куда-то исчезла, и Верка опять стала та-

кой, какой была раньше: маленькой женщиной, совсем недавно ощутившей в себе зарождение новой жизни. С трудом сдерживая слезы, она натянула просторные Павлушины ботинки — босой человек в саванне, если только он в ней не родился, почти что смертник, — облила его одежду остатками спирта и подожгла. Потом закинула за спину автомат и кружным путем двинулась к реке.

Деревню Мбори сожгли не аггелы, которых тогда еще и в помине не было, а обыкновенные дружинники из отряда самообороны, но первые цветочки идей канинизма, источающие завораживающий аромат безнаказанного насилия, проклюнулись именно в этой среде.

Громко стуча чересчур свободными ботинками и все время поправляя сползающий с плеча автомат, Верка шла по улицам родного Талашевска с тем же чувством, с каким досужие туристы ходят по Помпеям и Геркулануму.

Вокруг был чужой город. Более того, вокруг был чужой город, разрушенный неведомым катаклизмом и сохранивший только жалкие приметы былого: вывеску «Сберкасса» над зданием, в котором из денежных банкнот разводят костры, газетный киоск, ныне при помощи мешков с песком переоборудованный в огневую точку, продуктовый магазин, где не только продуктов, но даже мышиных экскрементов не найти, недвижимые автомобили, превращенные в уличные сортиры, и уличные сортиры, превращенные в братские могилы.

Везде встречались следы недавних боев — фасады домов выщерблены пулями, из провалов окон вверх по стенам тянутся языки копоти, на уличных газонах открыты стрелковые ячейки, тут и там видны проволочные ограждения, на развалинах детского сада установлена деревянная пирамидка с красной звездой, количество убитых обозначено двузначным числом, но его не разберешь, дождь размыл карандашные ка-ракули.

Веркин внешний вид ни у кого не вызывал удивления — женщины носили мужские пиджаки и куртки, мужчины не стеснялись брюк, пошитых из бордовой портьерной ткани, и дамских шляпок с отрезанными полями. Почти все были вооружены: кто охотничьими двустволками, кто трофейными мечами и саблями, кто просто вилами.

Налицо были все приметы военного времени, однако документов никто не проверял — своих и так видно, а у степня-

ков и арапов какие могут быть документы? Их и без документов за версту отличить можно. На тротуарах старухи торговали всяким хламом: книгами, одежкой, посудой, детскими игрушками. Только съестного нигде не было заметно. Верка даже пожалела, что не пригнала из-за реки парочку коров — сколько их, бедолаг, осталось в саванне на поживу гиенам.

Дома ее ждал новый удар — соседка, утирая кулаком слезы, рассказала о том, как во время кастильского нашествия все они просидели в подвале целых шесть дней. Когда с отцом случился сердечный приступ, мать побежала искать врача и не вернулась. Ее убило на улице шальной пулей, а отец умер, узнав об этом.

— Где их могилы? — спросила Верка.

— Мамочки твоей неизвестно где, а папочку прямо в подвале закопали. Только туда сейчас не зайти, затопило.

Так Верка сделалась не только вдовой, но и круглой сиротой. Отлежавшись немного, она отправилась в свою больницу, где уже на следующий день бинтовала, гипсовала, колола, кормила и обихаживала пациентов хирургического отделения, а также ассистировала при операциях и при захоронении умерших, которых далеко не возили, закапывали тут же, в больничном сквере. За свои труды Верка получала только скудную кормежку и наркомовские сто граммов. Впрочем, многие в городе не имели и этого. Спала она тут же, в ординаторской, используя вместо подушки обмотанный рваным одеялом автомат.

Вначале Верке было нелегко врубиться в события, происшедшие за время ее отсутствия. Причины, по которым исчезли светила, времена года, смена дня и ночи, а также электричество, объяснялись по-разному, но в основном винули или паскуд-империалистов, применивших сверхсекретную бомбу, или своих же гадов-физиков, сплеховавших при испытаниях точно такой же отечественной бомбы. Называли даже ее тип — темпоральная. Это, кстати, объясняло, по какой причине рядом с Талашевском появилась африканская саванна, центральноазиатская степь и кастильское плоскогорье.

Как бороться с этой напастью, никто не знал, но общественное мнение высказывалось в том смысле, что родное правительство не оставит талашевских граждан в беде и, по примеру челюскинской эпопеи, пришлет им на выручку какой-нибудь межвременной ледокол. Люди, игнорировавшие общественное мнение, — были в Талашевске и такие — утверждали обратное: родному правительству, если оно само уцелело, на-

чхать на своих граждан с высокой трибуны Мавзолея, а беду эту придется расхлебывать нашим внукам и правнукам, если таковые на свет появятся.

Подруги-медички поведали Верке о всех злоключениях, которые им пришлось пережить после наступления Великого Затмения — так называли то достопамятное событие наиболее культурные горожане. (Менее культурные употребляли другой термин — Большой Пиздец.)

От них она узнала о бунте заключенных; о нашествии степняков, несмотря на побоище у реки Уссы, прорвавшихся к Талашевску; о губительной позиции райкомовских начальников, все действия которых в те дни ограничивались принятием постановлений, созданием комиссий, проведением расширенных пленумов и отправкой посыльных в областной центр за директивами; о захвате власти военным комендантом Коломийцевым, действовавшим по наущению армии и милиции; о конфликте между двумя этими уважаемыми ведомствами, в результате чего не осталось ни того, ни другого, а из уцелевших бойцов были сформированы так называемые отряды самообороны; о превентивном ударе по Кастилии, закончившемся позорным поражением; о непрекращающемся голоде и о драконовских мерах, которые применяет против спекулянтов якобы виновный в нем военком и одновременно глава районной администрации Коломийцев; о жутких, никому ранее не известных болезнях, выкашивающих ослабленных недоеданием людей, и о намечающемся союзе со степняками против кастильцев.

Верка в ответ рассказала подругам грустную историю своего плена, своей любви и своего несчастья. Не стала она скрывать и того, что ждет ребенка.

— Черненького? — удивились подруги.

— А хоть в крапинку, — ответила она. — Главное, что мой.

— Ох, Верка, трудно тебе придется, — посочувствовали ей. — Тут и одной невозможно прожить, а уж с дитем...

— Ничего, прорвемся. А если что, в Африку вернусь. Я же не кого-нибудь, а наследника трона собираюсь родить.

— Какая ты, Верка, смелая! — восхищались подруги. — Расскажи хоть, как там, в Африке...

— В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие... ну сами представляете что, — обычно говорила уже изрядно захмелевшая к этому времени Верка. — А пошли вы все знаете куда?

Подруги знали, куда им идти. С Веркой, тем более с пья-

ной, никто старался не связываться. Всем было известно про ее автомат и про то, что она недавно тайком приобрела на толкучке два полных магазина.

Жизнь между тем развивалась стремительными темпами, как это всегда бывает в бедламах и бардаках. Совместный поход на Кастилию все же состоялся и снова закончился поражением — подвели степняки, не умевшие осаждать крепости и плохо ориентирующиеся в горных условиях. Больница переполнилась ранеными. Верка, которой подходило время рожать, разрывалась между приемным покоем, операционной и моргом — примерно по такому маршруту проходило большинство их пациентов. Кастильские аркебузы и алебарды оставляли чудовищные, малосовместимые с жизнью раны, а тут еще начались перебои с дезинфицирующими материалами и антибиотиками. Коломийцев распорядился реквизировать все имущество аптек и аптечных баз (слава Богу, их в районе имелось целых три — гражданской обороны, облздрава и министерства путей сообщения), но было уже поздно, тонны разнообразнейших медикаментов как в воду канули. Уголовное дело, возбужденное коллегами Смыкова по этому факту, пришлось срочно прекратить, — прошел слух о том, что кастильская пехота и кавалерия идут на Талашевск.

Началась паника. Рассказывали, что вместе с солдатами идут попы в черных рясах и сжигают на кострах каждого, кто не носит крест, не умеет правильно перекреститься и не знает молитв.

Все способные носить оружие мужчины попали под мобилизацию (в этом деле Коломийцев оказался большим мастаком) и были срочно переброшены на рубеж Старое Село — Гарбузы, который кастильцы, двигавшиеся совсем другим путем, штурмовать и не собирались (к сожалению, в стратегии военком не разбирался).

В больницу поступил приказ срочно эвакуировать всех больных и раненых в район станции Воронки, для чего в самое ближайшее время обещали подать железнодорожный состав. (Несколько паровозов к тому времени уже удалось расконсервировать и перевести с угля на дрова.)

К назначенному сроку на привокзальной площади лежали под дождем три сотни тяжелораненых, а примерно столько же ходячих слонялось вокруг в напрасных поисках хлебной корки или окурка.

Это было поистине апокалипсическое зрелище — полтысячи человек в сером больничном белье и в сизых больничных

халатах, в гипсе, на колясках, на мокрых матрасах, на клеенке, прямо на голом асфальте. Многие громко бредили, а другие еще громче требовали еды, питья, капельниц, уток, палаток, лекарств и расстрела Коломийца.

Верка, до этого десять часов подряд таскавшая носилки с третьего, а потом с четвертого этажа — больше было некому, мужчины пили самогон и курили самосад в окопах где-то за Старым Селом и Гарбузами, — уже ощущала приближение родовых схваток, хотя по времени выходило еще рановато.

Все, и медперсонал и раненые, с надеждой смотрели в сторону Воронков, откуда должен был прибыть состав, и поэтому появление кастильцев вовремя никто не заметил. Да они и сами были поражены открывшимся перед ними зрелищем — столько калек сразу не приходилось видеть даже самым многоопытным инквизиторам.

Неизвестно, как бы еще повернулось дело (кастильцы, в отличие от степняков и арапов, милосердие имели, хоть и своеобразное, миссионерское: или смерть, или приобщение к истинной вере), если бы кто-то из легкораненых, имевший при себе оружие, не сразил бы точным выстрелом их знаменосца.

Почти сразу после этого началось то, что в истории Отчины впоследствии стало именоваться как «Агустинская бойня», по имени предводителя кастильцев дона Агустино де Алькундо, позднее казненного по статье Талашевского трактата за преступление против человечества.

Конные кастильцы окружили привокзальную площадь и, орудуя мечами и пиками, стали сжимать кольцо, пехота прочесывала близлежащие улицы, поскольку часть раненых успела разбежаться. Монахи Доминиканского ордена, и в самом деле сопровождавшие экспедиционную армию, на этот раз оказались не у дел. Наиболее ревностные из них, подоткнув рясы и засучив рукава, встали в ряды тех, кто распространял свет престола Господнего отнюдь не крестом и молитвами.

В самом начале побоища Верка, обеспокоенная не столько за свою жизнь, сколько за жизнь будущего принца саванны, забежала в железнодорожный пакгауз, до самой крыши забитый пустой тарой. Тут бы ей и схорониться, но опять подвел характер — не выдержала, полоснула через узенькое окошко из автомата, с которым в последнее время не расставалась.

В перестрелку с ней вступило не менее дюжины солдат. Их аркебузы, калибром сравнимые разве что с ружьями для охоты на слонов, устроили настоящую канонаду. Дым от дрянного пороха, кустарным путем изготовленного из угля, селит-

ры и серы, застил все вокруг непроницаемым облаком. Свинцовые пули долбили в сложенные из шпал стены, словно клювы исполинских дятлов.

Грохот пальбы, вонь пороховой гари, ужас собственного положения и жалость к раненым, вопли которых проникали даже сюда, окончательно доконали Верку. Отшвырнув автомат, она заползла в самую глубину темного пакгауза и там попыталась самостоятельно разрешиться от бремени, которое, судя по всему, уже покидало обжитое за неполных девять месяцев место и активно пробиралось на волю.

Кастильцы, спустя некоторое время ворвавшиеся в пакгауз сразу с двух сторон, не обнаружили там никого, кроме рожавшей женщины. Никто и не заподозрил, что стрельбу, стоившую жизни сразу нескольким благородным кабальеро, затеяла именно она. (А ведь для этого достаточно было осмотреть Веркин указательный пальчик, в который глубоко въелась горячая ружейная смазка.) По всему выходило, что злокозненный стрелок, бросив свое хитроумное оружие, успел скрыться в неизвестном направлении.

Верку кастильцы не тронули, ведь и так было ясно, что Бог наказал ее. Ребенок родился черный, как сажа, да вдобавок еще и мертвый — пуповина удавкой захлестнулась на его шее...

От окончательного уничтожения Талашевск спасло почти анекдотическое стечение обстоятельств. Грабежи, погромы и экзекуции шли полным ходом, когда в город, подобно буре, ворвались чернокожие воины, явившиеся мстить бледнолицым соседям за свои сожженные деревни. Не встретив другой организованной силы, кроме кастильцев, они обрушили свой гнев на них.

На улицах провинциального городка, даже не обозначенного на большинстве карт Союза, разыгрывались сцены, достойные гигантомании.

Запутанные улицы, плотная застройка центральных кварталов, большое количество зеленых насаждений и обильно разросшиеся без присмотра кустарники свели преимущество огнестрельного оружия и кавалерии к минимуму. Кастилец едва только успевал замахнуться своим мечом, как тяжелый ассегай пробивал его латы. Но там, где конница вырывалась на простор или стрелки успевали занять удобную позицию, от арапов лишь клочья летели. Потери с обеих сторон были огромны.

Хуже всего пришлось монахам. Вынужденные бежать с поля боя — не лезь жаба туда, где коней куют! — они искали спасения в подвалах, погребах, заброшенных гаражах и курятниках, то есть в местах, давно занятых уцелевшими жителями Талашевска. Слух о кровавой драме, разыгравшейся на привокзальной площади, уже успел широко распространиться, и поэтому слугам Божиим нигде не было пощады.

Когда напряжение схватки достигло апогея — в одних районах были потеснены кастильцы, в других арапы, — в город ворвались отряды самообороны, по собственной инициативе бросившие свои дурацкие позиции, уже успевшие получить название «Линии Коломийцева». А тут еще пришел наконец обещанный состав, доставивший из Воронков местных ополченцев. После марша через привокзальную площадь их уже не нужно было вдохновлять на беспощадную битву.

Вскоре уличные бои приобрели характер многослойного пирога: в центре кастильцы и арапы уничтожали друг друга, а охватившие их плотным кольцом талашевцы били и тех и других. К тому времени, когда полуживая Верка, собственными руками похоронившая ребенка, выбралась из пакгауза, главной проблемой в городе была проблема уборки трупов. Каждому, кто добровольно вступал в похоронную команду, кроме шанцевого инструмента выдавали еще и по бутылке водки.

В разгромленную полупустую больницу Верка явилась с единственной целью — найти для себя какого-нибудь яда. Оставаться и дальше мишенью для стрел беспощадного рока, неизвестно за какие грехи выбравшего ее в жертвы, Верка не собиралась.

Однако ее перехватили уже на входе и почти силком затащили в операционную. Медперсонала катастрофически не хватало, и ее прежнюю работу теперь выполняли совсем неумышленные девчонки, а самой Верке пришлось взять в руки хирургические инструменты — извлекать пули, штопать раны, наводить порядок в распотрошенных утробах, ампутировать конечности.

Ее собственное горе растворилось в океане чужих несчастий, а постоянная, изматывающая, не проходящая даже во сне усталость не позволяла воспоминаниям бередить душу. Отмотав смену в операционной, Верка выпивала полстакана спирта и заваливалась спать — до следующей смены. Ела она то, что медсестры совали ей в руку, а мылась только потому, что хирург обязан мыться по долгу службы. Верка по-прежнему

му позволяла мужчинам пользоваться своим телом, но перестала дарить их ласками.

Между тем политическая ситуация в Талашевске вновь изменилась. Всем опостылевший Коломийцев погиб при загадочных обстоятельствах — говорят, был убит своею собственной охраной, и решено было заменить единовластие коллективным органом, Чрезвычайным Советом.

Жить от этого лучше не стало, зато отпала возможность тыкать пальцем в виноватого. В Совете заседало полсотни членов — на всех пальцев не хватит. Теперь любой, даже самый простой вопрос, например, о необходимости устройства в городе колодцев, превращался в глобальную проблему, которую можно было обсуждать до бесконечности.

Каждый член Совета считал своим долгом поделиться собственным видением проблемы, тем более что специалистов по рытью достаточно глубоких колодцев в городе все равно не было. Возникали и распадались фракции, одни группировки старательно подсиживали другие, доходило до публичных обвинений в измене и преступной халатности, вопрос передавался в специально созданную комиссию, его многократно ставили на голосование, но всякий раз зарубали еще на стадии обсуждения. Короче говоря, страсти бурлили, а талашевцы по-прежнему ходили за водой на обмелевшую речку, в которой все чаще появлялись крокодилы, покинувшие родную Лимпопо.

Примерно к этому времени можно отнести и зарождение в Отчине каинизма. Этому способствовало сразу несколько, как принято говорить, объективных факторов.

Во-первых: вакуум веры. После всего, что случилось, после Великого Затмения, после мора и жестоких побоищ верить в милосердного и всемогущего Бога было бы просто смешно. Людей можно обмануть пустыми посулами, можно окунуть по уши в дерьмо, объясняя это высшей необходимостью, можно обобрать до нитки, пообещав в скором будущем золотой дождь, но нельзя бросать на произвол судьбы. Слепец, покинутый поводырем, или погибнет, или прибьется к другому поводырю, будь то хоть сам Сатана. До Сатаны, правда, дело не дошло, а вот Божий послушник и братоубийца Каин пришелся как нельзя кстати.

Во-вторых: в Отчине успело вырасти целое поколение людей, никогда не державших в руках ничего, кроме автомата, и вовсе не собиравшихся менять его на плуг, мастерок или кни-

гу. Этим орлам срочно требовалось идейное оформление своих, прямо скажем, кровожадных устремлений.

В-третьих: почти непрерывная распря с кастильцами, степняками и арапами отнюдь не укрепляла в народе добрососедских чувств, а наоборот, способствовала выработке стереотипа — чужая свинья хуже волка. Естественно, ни о каком смирении, всепрощении и милосердии в данных обстоятельствах не могло быть и речи. Зато пример первенца Евы, не простившего обид даже брату, вдохновлял.

Вскоре аггелы уже повсеместно вели свою пропаганду и открыто вербовали сторонников. Перечить им опасались — главным аргументом детей Каина были нож и пуля, причем убийства совершались с такой жестокостью, что люди просто не имели от страха.

Когда Чрезвычайный Совет осознал наконец опасность, исходящую от этой полуподпольной организации, было уже поздно — аггелы имели в массах достаточно мощную опору и даже сумели проникнуть на территории, не контролируемые Отчиной. Игнорируя любые мирные договоры, они постоянно совершали набеги на соседей, что вынуждало тех к ответным действиям. Одним из самых последовательных и упорных противников каинизма был священный трибунал. Это был тот редкий случай, когда на борьбу с одним злом встало другое.

В условиях нарастания внешней и внутренней опасности Чрезвычайный Совет расписался в своей полной беспомощности. Перед тем как самораспуститься, он издал постановление о проведении всеобщих выборов главы государства. Всю власть опять предполагалось сосредоточить в одних руках.

Кандидатов в отцы поредевшей нации нашлось немало. Каждая деревня, каждая городская улица, каждый отряд самообороны выдвигал своего. Дело доходило до драк и перестрелок. В последний тур пробились двое — бывший секретарь Чрезвычайного Совета Юлий Булкин, отиравшийся у кормушки власти с молодых ногтей, и мало кому известный, но нахрапистый гражданин по фамилии Плешаков, в прошлом пастух, счетовод захудалого колхоза, почтальон и киномеханик.

Если Булкин обещал упорядочить водоснабжение, умиротворить соседей, решить продовольственную проблему и обуздать эпидемии, то Плешаков в категорической форме заявлял, что после его прихода к власти все силы вернутся в первобытное состояние: луна и солнце появятся на небесах, день вновь станет сменяться ночью, восстановятся привычные го-

довые циклы, а Талашевский район возвратится на свое законное место. Не стоит и говорить, что Плешаков победил своего конкурента с подавляющим преимуществом.

Жена его не пожелала переселяться вслед за мужем в городскую резиденцию и вернулась к матери, сказав на прощание:

— Не хочу я, Федя, позориться перед людьми. Выгонят ведь тебя, да еще с каким треском. Ты же ни на одной работе больше года продержаться не мог.

Легенда гласит, что на эти слова своей недалёковидной супруги всенародный голова ответил следующее:

— Дура ты. Из колхоза меня председатель выгнал, с почты — ревизор, из клуба — директор. А кто меня сейчас посмеет тронуть? Выше меня ведь никого нет, кроме Господа Бога, который, кстати, сам не что иное, как бесплотный дух и суеверие. Соображаешь?

— Соображаю, — вздохнула жена, решительно вскидывая на плечо узел со своим барахлом.

— На алименты не рассчитывай, — пострашал он жену напоследок. — Я на народные средства жить собираюсь, а они все на строгом учете.

— Не знаю, на что ты жить собираешься, а вот на твои похороны я точно не приду, — она хлопнула дверью.

Прежде чем приступить к государственным делам, Плешаков набрал себе в охрану сотню отборных головорезов и потребовал личного врача, который должен был отвечать трем следующим условиям: женский пол, возраст до тридцати, блондинка.

В Талашевской больнице под этот строгий стандарт подходила одна только Верка. Так она стала личным врачом, а потом и невенчаной супругой первого лица Отчины. Ей предоставлялась редкая возможность видеть кухню большой политики, так сказать, изнутри.

По привычке, приобретенной еще в те времена, когда он пас общественное стадо, Плешаков вставал рано и сразу углублялся в процесс законотворчества. Тут ему было полное раздолье, поскольку ни о юриспруденции, ни об экономике, ни тем более о международном праве он никакого представления не имел и руководствовался исключительно здравым смыслом, который в его, плешаковском, понимании являлся не чем иным, как верхоглядством и самодурством. Впрочем, его серость и необразованность с лихвой компенсировались неумной энергией и редким упорством. Задумав очередное абсурдное мероприятие, Плешаков всегда доводил его до кон-

ца, чего бы это ни стоило Отчине и ему лично. А для того чтобы народ мог по достоинству оценить его титанические труды, Плешаков довел численность своей гвардии до тысячи человек, учредил тайную полицию, отдел пропаганды и агитации, а кроме того, запретил чтение литературы, идеи которой не совпадали с его личными. На все более или менее важные государственные посты он поставил преданных ему людей. (Будешь тут преданным, если попал из грязи в князи.) Внешними сношениями ведал бывший директор коневодческой фермы. Считалось, что на почве своей прежней профессии он сможет найти общий язык со степняками, которые хоть и неоднократно опустошали Отчину, являлись ее основными союзниками в борьбе с клерикально-феодальной Кастилией.

За внутренние дела отвечал тот самый участковый, который когда-то брал у Плешакова объяснение по поводу недостачи вверенных ему денежных средств. Разыскав своего бывшего притеснителя, экс-почтальон сказал ему: «Если не справишься с работой, повешу».

То же самое происходило и в других ведомствах. Все родственники и знакомые Плешакова, осевшие на руководящих должностях, следовали стилю руководства своего благодетеля, который можно было охарактеризовать как энергичный идиотизм. Впрочем, простым людям, давно не ожидавшим от жизни ничего хорошего, это даже нравилось. Как говорится, дурак, но ведь свой.

Зато личностям неглупым, образованным, да еще привыкшим иметь свое собственное мнение, сразу стало как-то неуютно. Эта категория граждан, и без того сильно поредевшая в последнее время, теперь опасалась носить в общественных местах очки и употреблять чересчур грамотные фразы.

Сам Плешаков привык выражаться с импонирующей народу простотой и доступностью. На многочисленных митингах, устраиваемых по каждому поводу и без повода, он бил себя кулаком в грудь, обнимал женщин, ручкался с мужчинами и всех подряд угощал сигаретами, ныне попавшими в разряд острого дефицита.

На первых порах кое-кто пытался деликатно разузнать у него, когда же предвыборные обещания станут реальностью и на поголубевшем небе вновь появится долгожданное солнышко. Плешаков сначала отделялся шутками: дескать, солнышко в капремонте, подождите немножко, вот отмоют его от пятен и тогда повесят на прежнее место. Потом он стал ссылаться на объективные трудности и козни затаившихся вра-

гов, а когда подобные вопросы окончательно набили оскоми-ну, велел допускать к своей особе только специально отобран-ных и проинструктированных граждан.

Верке с ним хлопот почти не было. Здоровьем Плешаков обладал отменным, вредных привычек практически не имел (хотя от одного застарелого порока избавиться не мог — любил сосать молоко прямо из коровьего вымени), а любовью занимался в своем привычном стиле, кавалерийскими наско-ками. Главное для него была цель, а вовсе не процесс, и он стремился к этой цели с минимальными затратами сил и вре-мени. Верка, бывало, не успевала задрать юбку, как ее можно было уже опускать.

Против аггелов Плешаков сперва повел шумную, хоть и бестолковую кампанию, а потом, когда внешнеполитическая обстановка резко изменилась к худшему, стал с ними заигры-вать, впрочем, без особого успеха. Аггелы, люди серьезные, привыкли смотреть далеко вперед и не утруждали себя связя-ми со всякими пустопорожними горлопанами. Крах Плеша-кова, едва не ставший и крахом всей Отчины, к тому времени получившей и другое название — Отчаяны, стал результатом его собственных непомерных амбиций. Началось все с того, что звание всенародного головы показалось Плешакову не-достаточно благозвучным, и он, по тщательно отрепетирован-ной просьбе трудящихся, был провозглашен императором Федором Алексеевичем, со всеми вытекающими отсюда по-следствиями, включая и закон о престолонаследии.

Верка сшила из старых платьев императорский штандарт, а приглашенный из Кастилии специалист по геральдике на-рисовал офигенный герб, на котором чего только не было: и фигурный щит со щитодержателями в виде двух вставших на дыбы быков; и ворон, символ долголетия; и десница, олице-творявшая верность клятве; и то самое обещанное народу сол-нышко, да еще на пару с монархическим скипетром; и вен-зель «Ф.А.» на красном фоне; и богатая арматура по краям щита, составленная из значков, полученных Плешаковым на срочной службе; и даже девиз на латинском языке, в букваль-ном переводе означавший: «Смелым судьба помогает».

Никто из подданных новоявленного монарха на это собы-тие особо не отреагировал. Простой народ, привыкший к экс-травагантным выходкам своего кумира, только посмеивался, а умники еще глубже забились в тараканьи щели. Остальные были по горло заняты собственными делами: гвардия поти-хоньку грабила всех встречных-поперечных, тайная полиция

в свободное от проведения контрабандных операций время фабриковала всякие фиктивные дела, до которых Плешаков был большой охотник, отряды самообороны, переименованные в императорские полки и бригады, вели вялотекущие боевые действия против аггелов, не забывая при этом приторговывать оружием и боеприпасами, отдел пропаганды и агитации спешно сочинял новую биографию отца нации, в которой туманно намекалось на то, что по материнской линии он происходит едва ли не от Александра Македонского. Однако бедноватая людскими ресурсами Отчина, которую к тому же можно было лаптем накрыть, уже не устраивала Федора Алексеевича. Он всерьез подумывал о титулах короля Кастильского, великого хана Степи, верховного вождя Лимпопо и прочая, и прочая, и прочая. Кроме того, к этому времени стало достоверно известно, что вокруг простирается множество других, еще малоизвестных стран, которые вполне могли бы стать бриллиантами в будущей короне династии Плешаковых. Вот только гады-соседи, как тугой аркан на шее, мешали вырваться на простор.

Дабы разорвать цепь враждебного окружения, были приняты дипломатические шаги, направленные на отторжение части Кастильской территории. Внешнеполитическое ведомство в своей работе использовало методы, более приличные пастухам и коновалам, что и явилось формальным поводом к развязыванию военных действий, в которых вскоре приняли участие не только Степь и Лимпопо, но даже отдельные отряды Трехградья и Киркопии. На долгое время белые, желтые и черные люди забыли о мире. Создавались и разрушались многосторонние союзы, бесследно исчезали целые армии, мужчин призывали на службу с пятнадцатилетнего возраста, грабежи и насилия стали таким привычным делом, что в деревнях многострадальной Отчины между бабами даже устанавливалась очередность, кому в случае вражеского нашествия пускаться наутек, а кому расставаться с добром и ложиться под супостатов. Верка, которой надоела сытая однообразная жизнь при особе занюханного императора, чей трон уже качало, как при шестибалльном шторме, в конце концов сбежала на затянутую дымом пожарищ, насквозь простреливаемую, голодную и опасную волю. После многих перипетий она прибилась к партизанскому отряду Зяблика, пощипывающего не только аггелов, степняков и кастильцев, но при случае и императорские войска.

Вместе с новыми друзьями Верка познала сладость побе-

ды у стен крепости Сабарио, где гордые кабальеро пачками бросались на острия своих мечей, а сеньора знатного рода стоила в солдатской палатке не дороже затяжки махорки; изведала горечь поражения у озера Кайнаган, когда все они в ожидании неминуемой смерти простояли трое суток по горло в холодной воде.

Смыков попал в отряд значительно позднее Верки, и весть об их коротком, но бурном романе облетела весь центральный фронт. Правда, вскоре между любовниками произошел разлад, но Смыков успел наверстать все упущенное за долгие годы в застенках инквизиции, да и Верка отвела душу.

Именно она подобрала на поле боя, а потом и выходила, несмотря на всеобщие насмешки, молодого степняка Толгая, который так привязался к ней, что решил навсегда остаться в Отчине.

Эта бессмысленная, мучительно затянувшаяся война так и не принесла никому победы, но, как ни странно, привела к всеобщему просветлению мозгов, пусть и кратковременному, как это иногда бывает во время затяжной пьянки, когда очередной стакан уже не дурманит голову, а вышибает вон весь прежний хмель.

В разрушенном, обезлюдевшем Талашевске собрались представители всех воюющих сторон: ханы, полевые командиры, племенные вожди и высокородные гранды, не запятнавшие себя чрезмерной жестокостью священники, шаманы и колдуны, не пожелавшие остаться без паствы; матери, потерявшие сыновей; отцы семейств, в удел которым достались только могилы да пепелища, и всякий другой здравомыслящий люд, не видевший в дальнейшем кровопролитии никакой перспективы.

Переговоры шли без переводчиков — за годы войны эти люди научились не только убивать, но и понимать друг друга. Никто не старался выгадать себе какие-нибудь преимущества, да и нечего было выгадывать, кроме опустевшей, залитой кровью и засыпанной пеплом земли.

Все согласились признать незыблемость исторических границ, заключить мир на вечные времена, считать основной ценностью на свете человеческую жизнь, запретить наиболее экстремистские группировки (в том числе инквизицию и аггелов), учредить систему взаимного контроля и наказать военных преступников, одним из которых был признан самозванный император Плешаков.

Долгие и бурные дискуссии вызвало предложение о повсе-

местной ликвидации всех форм светской и духовной власти как основного источника взаимной нетерпимости, но и с этим в конце концов согласились, сделав минимальную скидку на местные традиции.

Подписание трактата прошло без помпы. На салют пожалели патронов, а устраивать банкет в голодной и разоренной стране было бы кошунством. Обменялись пленными, учредили миссии, долженствующие выполнять не только представительские, но и надзорные функции, после чего разъехались восвояси — залечивать раны, разбирать руины, поднимать заросшие бурьяном пашни, собирать одичавшие стада.

Зяблик сам вызвался арестовать Плешакова, однако низложенный император, всегда действовавший в соответствии со своим благоприобретенным девизом, даже и не подумал покориться судьбе, а смело бежал в неизвестном направлении (по одной версии, примкнул к аггелам, по другой — укрылся в пещерах Киркопии и женился на обезьяноподобной аборигенке).

Большая часть отряда обзавелась семьями, благо недостатка во вдовьих бабках не ощущалось, и осела по деревням. При Зяблике и Смыкове остались только самые отпетые, для которых жизнь на одном месте ассоциировалась с каторгой, а пахотная земля — с могилой. В непрерывных схватках с аггелами число этих смельчаков непрерывно уменьшалось...

Так они перебирались от одного болотного стойбища к другому, то и дело меняя не отличавшихся выносливостью бегемотов. Все это время Смыков упорно пытался выведать у туземца хоть какие-нибудь сведения о стране, в которую лежал их путь, но тот отделывался уклончивыми фразами:

— Я те места плохо-плохо знаю... Мы туда не ходим...

— Что хоть там: лес, горы, болота? — не отставал Смыков.

— Болота, — отвечал туземец, глядя на хвост бегемота. — И болота тоже.

— Такие, как эти?

— Нет, совсем-совсем другие... Дурные болота... Бегемоты там не живут...

— А кто живет?

— Никто. Пустое место.

Слухи о том, что граничащая с Хохмой страна представляет собой необитаемую заболоченную пустыню, ходили и раньше, недаром ее условно называли Нейтральной зоной, то есть

регионом, находящимся вне сферы чьих-то интересов. Любопытный Цыпф в свое время беседовал с побывавшими там людьми (впрочем, никто из них дальше чем на полсотню километров не углублялся), но ничего примечательного не почерпнул. Все сходилось на одном: так, наверное, выглядел мир до того, как из океана выбрались на сушу первые живые существа. Оставалось непонятным, почему этого места чураются звери, птицы и даже насекомые, которыми буквально кишели близлежащие земли.

Вскоре заросли кустарника стали редеть, а затем исчезли совершенно. Бегемот выволок плоскодонку на низкий топкий берег и с голодной тоской оглянулся назад. Туземец тоже не выражал ни малейшего желания задерживаться.

— Плати, как обещал, — обратился он к Смыкову. — Мне обратно давным-давно пора...

— А может, здесь нас подождешь? — предложил Смыков. — Мы скоро вернемся. Тогда и рассчитаемся.

— Плати сейчас, — заупрямился туземец, — что я, совсем дурак, чтобы вас дожидаться? Кто оттуда возвращается, совсем ничего не помнит.

— Жлоб вы, братец мой, — укоризненно сказал Смыков, отрывая от куртки очередную пуговицу.

Туземец по-обезьяньи засунул вождественное сокровище в рот и поспешно ретировался. Уже издали донесся его голос:

— Назад захочешь, костер зажигай. Я дым увижу, приплыву. Дорого не возьму.

— Что же мы такое, интересно, зажгем, — Смыков оглянулся по сторонам. — Ведь, говорили, бесплодная пустыня здесь.

Однако кое-где на берегу, еще не являвшемся, наверное, территорией Нейтральной зоны в чистом виде, виднелись полужансенные грязью кучи сухого тростника, звериные следы, мелкие и крупные кости.

— Помните тот сапог, который нам покойный Колька на сборе в Подсосонье демонстрировал? — спросил Цыпф. — Его хозяина где-то здесь нашли.

— Да, случай любопытный, — Смыков ковырнул ногой сырую землю. — Что это хоть за человек был? Откуда шел? Куда? Загадка...

— Оттуда скорее всего, — Цыпф махнул рукой в глубь Нейтральной зоны. — Искал, видимо, переправу через болота Хохмы... Кстати, забыл вам сказать, я тот сапог потом помыл... Чтобы запах устранить. Внутри у него стелька оказалась. С од-

подумаю, сразу начинает в голове мутить. На бабу гляну — и того хуже. Даже рассказывать неудобно. Так что, кореша, попрошу меня всякими глупостями не отвлекать.

Разобрав поклажу, двинулись по грязи вперед. Зяблик, опираясь на самодельные костыли, ковылял в середине колонны.

— То, что аггелы передвигаются здесь беспрепятственно, внушает надежду, — сказал Цыпф.

— Насчет беспрепятственности это еще вопрос, — Смыков был настроен, как всегда, критически. — С нами они своими проблемами поделиться не успели. Да и точный маршрут их нам не известен. Это как в море бывает: будь капитан хоть семи пядей во лбу, а без лоцмана дорогу между рифов не найдет.

Километра через три они наткнулись на мертвую птицу, похожую на ком грязи, из которого беспомощно торчали вверх две перепончатые лапки. Толгай подцепил птицу саблей, и стало видно, что это ушастая поганка, каких в Хохме буквально тучи.

— Впечатление такое, что здесь и микробы не водятся, — сказал Цыпф. — Из птички ни одно перышко не выпало.

— Целебное место, — буркнул Смыков. — Курорт... Микробы, между прочим, только в ядерных реакторах не водятся, да еще в баках, где синильную кислоту варят.

Местность то повышалась, то понижалась, но была удивительно однообразной. Скоро даже дохлые птицы перестали попадаться. Несколько раз устраивались привалы, главным образом для того, чтобы дать передохнуть Зяблику. Воду вскипятить было не на чем, и ее пили, наполовину разбавив вином. Все с тоской вспоминали о драндулете, столько раз выручавшем ватагу.

В начале второго дня пути Зяблик принял предпоследнюю порцию снадобья. Передвигался он уже довольно сносно — Веркин прогноз оправдался, — но уверенности в том, что процесс выздоровления стал необратимым, пока не было.

— Мне бы еще хотя бы горсть этой ерундовины, — говорил он. — И вполне хватило бы. Мог бы и опять на сковородке сплясать.

— Молчи уж, инвалид, — оборвала его Верка. — Силы бе-реги.

Теперь на привалах Цыпф покидал компанию и бродил окрест, ковыряясь в синеватой жидкой грязи.

— Ищет что-то, — комментировал его действия Зяблик. —

Умнейшая голова. Ее бы да на мои плечи... Ты бы, Лиля, сходила повыспрашивала его.

— А почему я? — Лилечкины наивные глаза округлились.

— Он тебе симпатизирует, — Зяблик понизил голос.

— Вам кажется! — зарделась она.

— Никогда, — заверил ее Зяблик. — Я в душонках человеческих разбираюсь, как мулла в своем Коране. Хочешь убедиться?

— Ой, вы меня разыгрываете...

— Ничего подобного... Эй, Верка, ты чего глазки закатила? Кого-то из своих мужиков вспоминаешь?

— Тыфу, черт! — вздрогнула Верка. — Ну и вспоминаю! А тебе какое дело?

— Да так... — отмахнулся Зяблик, отыскивая взглядом новую жертву. — Смыков, ты зачем в мешок полез? Сколько раз можно патроны пересчитывать? Думаешь, их прибавится от этого?

— Чисто машинально, знаете ли, братец вы мой, — Смыков стал с подозрительной поспешностью завязывать горловину мешка. — Процесс счета благотворно действует на нервы.

— Баранов считай. Или ворон. — Зяблик наклонился к уху Лилечки. — Хотел, собака, горсть патронов затырить. Теперь веришь мне?

— Ага, — она захлопала ресницами.

— Тогда ступай. — Зяблик легонько шлепнул ее по монументальному задку. — Разузнай, что там за открытия готовятся.

Цыпф к этому времени успел отойти шагов на триста и, присев на корточки, ковырялся ножом в каком-то холмике.

— Я вам, Лева, не помешаю? — тоном светской дамы осведомилась Лилечка.

— Конечно, нет...

Неизвестно, кто из них был смущен в большей степени.

— А что вы здесь нашли?

— Как раз ничего и не нашел. Вот это и странно.

— А что вы искали?

— Гумус.

— А-а-а, — разочарованно протянула Лилечка, принявшая «гумус» за неприличное слово.

— Впрочем, отсутствие гумуса еще можно объяснить, это совсем не обязательный компонент почвы, — заторопился Лева. — Но я не обнаружил даже признака вторичных мине-

ралов, образующихся за счет разложения магматических пород...

— А зачем они вам? — с детской непосредственностью поинтересовалась Лилечка.

— Мне они, собственно говоря, ни к чему... — смешался Лева. — Я, конечно, в геологии профан, но типы почв определять умею. Здесь же что-то совершенно непонятное... Нет гумуса, нет вторичных минералов... Более того, почти нет следов и первичных минералов, хотя бы обыкновенного песка...

— А что есть?

— Не знаю... — Лева опять ковырнул ножом в грязи. — Глей какой-то... Или пропитанный водой вулканический пепел. Просто, я хочу сказать, что эта почва выглядит совсем-совсем молодой. Находящиеся под ней граниты и базальты еще не начали разрушаться. Сейчас у нас под ногами, так сказать, древнейшая оболочка Земли. Такой она была миллиарды лет назад.

— Что вы говорите! А это не опасно? Мы не провалимся?

— Думаю, нет... Впрочем, это не главное... Мы попали в мир, который до того развивался в весьма экзотических условиях, без доступа кислорода, под ливнем жесткого космического излучения... Понимаете, для нас все это, — он сделал руками жест, словно хотел заключить все окрестности болота в свои объятия, — как кусочек Марса. Я даже не представляю себе, каких сюрпризов можно ожидать в таком месте...

— Ой, Лева, не пугайте меня! — Лилечка прижала ладони к сердцу. — Вы мне про такие ужасы лучше не рассказывайте. Правильно ведь говорят: чем меньше знаешь, тем проще жить. Давайте лучше о чем-нибудь другом побеседует... О чем вы обычно с девушками беседуете?

— С девушками? — замялся Лева. — Я, признаться, с девушками никогда близко знаком не был...

— Вы, наверное, все время книжки читали? — вздохнула Лилечка с сочувствием.

— Читал, — признался Лева с таким видом, словно речь шла о каком-то грехе. — Так уж вышло... Мне тогда казалось, что читать интереснее, чем жить.

— А сейчас вам так уже не кажется?

— Как бы это лучше сказать... — он задумался. — Книжки, конечно, не могут заменить жизнь, но я не жалею, что потратил на них столько времени.

— И вы все-все знаете?

— Куда там! — махнул рукой Цыпф. — Нахватался верш-

ков. Я же самоучка. Что попадалось, то и читал. Беллетристику, учебники, справочники, словари...

— И все поняли? — ужаснулась Лилечка.

— Почти.

— А вот меня бабушка пробовала в детстве алгебре учить, так я ни бум-бум, — она постучала себя кулачком по лбу.

— Алгебра нам еще не скоро понадобится. Я бы сейчас лучше «Наставление по стрелковому делу» почитал.

— А я бы что-нибудь про любовь, — мечтательно произнесла Лилечка.

— Когда домой вернемся, я вам что-нибудь достану. «Ромео и Джульетта» читали?

— Это как она под поезд бросилась?

— Нет, она закололась кинжалом.

— Вот этого, ради Бога, не надо! У любви должен быть счастливый конец.

— Счастливым бывает только начало. А конец всегда печальный. Ведь это конец... Разлука, смерть...

— Печального мне и в жизни хватает, — решительно возразила Лилечка. — Буду я еще над книжкой страдать!

— Тогда даже не знаю, что вам посоветовать... «Золушку» разве что.

— «Золушку» я читала. Это сказка. А я хочу, чтобы счастье не только в сказках было.

Наступило неловкое молчание. Лилечка томно смотрела в пустынную даль. Цыпф сопел, продолжая бесцельно тыкать ножом в грязь. Он заговорил первым, словно пересилив себя:

— Если бы вы позволили... — Зубы его явственно клацнули, — я бы попытался сделать вас счастливой... Хотя не уверен, получится ли у меня... Но хочу признаться, что вы мне давно нравитесь...

Лилечкин взгляд из неведомых просторов переместился на Цыпфа. Казалось, она только сейчас заметила своего собеседника.

— Вы верите только в счастливое начало, — прошептала она. — А я так не могу... И не хочу... Это вроде как человеку дать одну-единственную конфетку... А мне нужен целый килограмм. Я хочу наесться досыта. Чтоб на всю жизнь хватило. До самого конца. Понимаете? Любовь до гроба.

— Я постараюсь... Обещаю вам, — обычное Левкино красноречие как рукой сняло. — Если вы, конечно, позволите... Может, у нас и получится...

В это время с той стороны, где осталась ватага, донесся Веркин голос:

— Лева! Лилечка! Ау! Хватит любезничать! Пора в путь-дорогу.

— Пойдемте, — сказала она, опустив глаза. — Нас зовут.

— Мы еще поговорим на эту тему, хорошо? — спросил Лева как будто даже с облегчением.

— Хорошо... — Лилечка повернулась, чтобы идти на зов, и едва не поскользнулась в грязи.

Следующий переход дался всем с заметным трудом. Верка жаловалась на ломоту в пояснице. Смыков хромал, неугомимого прежде Толгая вдруг одолела одышка, у Лилечки и Цыпфа симптомы оказались сходными — слабость и головокружение.

Один Зяблик держался молодцом. Забрав у притомившейся Верки поклажу, он проворно ковылял теперь уже впереди всех.

Местность вокруг постепенно менялась — появились холмистые гряды, участки твердой, глухо постукивающей под ногами почвы, каменистые пирамидальные выросты, похожие на торчащие к небу сучьи соски. Пространства мерзкой грязи встречались все реже, и теперь их всегда можно было обойти стороной. Вот только никаких признаков растительности по-прежнему не замечалось.

Привал сделали раньше обычного — у всех буквально ноги подкашивались. Верка сходила за ближайший холм и вернулась еще более бледная, чем всегда.

— Зайчики, меня вырвало, — сообщила она упавшим голосом. — И, кажется, даже с кровью.

— Может, съела что-нибудь не то? — высказал свое предположение Зяблик.

— Что вы ели, то и я. Тайных запасов не имею.

— Водичка болотная могла послабить.

— Тебя же, чурбана, не послабила! Ты целое ведро выдул.

— Вода тут ни при чем, — Смыков сплюнул тягучей слюной. — Даже если она на треть вином разбавлена, все бациллы в ней погибают. Давно проверено. А мы пополам разбавляли... Тут другое что-то.

— Хелден таю, — пробормотал Толгай. — Совсем из сил выбился... Аверлык... Тяжко...

На дальнейшие разговоры не было ни мочи, ни желания. Легли там, где стояли — благо земля оказалась сухой и даже теплой, — и сразу впали в оцепенение, совсем как сурки, почувывшие приближение зимы. Ничего не хотелось, даже жить.

Зяблик, полежав немного вместе со всеми, встал и отправился на осмотр окрестностей, где и обнаружил вскоре родник с чистой водой, шипевшей в кружке, как газировка.

— Ну что вы все приуныли, как импотенты в борделе, — сказал он, возвратившись. — До Эдема уже, наверное, рукой подать. Завтра будем нектар глушить и амброзией закусывать.

— До Эдема один ты дойдешь, — тихо сказала Верка и протянула ему свои руки. — На, посмотри...

Ее кисти распухли, а на косточках пальцев появились багровые пятна. Зяблик, за годы скитаний по разным зонам повидавший немало болезней, порожденных человеческим неблагополучием, каторжным трудом и скотским питанием, помял ее пальцы в ладонях и неуверенно сказал:

— Авитаминоз, похоже...

— Сразу у всех?

— Почему бы и нет... Считай с самой Кастилии ничего свежего не ели. Сухари да солонина. В лагерях под Сыктывкаром весной у нас всех зубы шатались и шкура шелушилась.

— То цинга была или пелагра... А это совсем другое. Мы же всего третий день здесь. Так быстро даже лучевая болезнь не развивается. Чувствую, долго не протянем...

У Зяблика аж рожу перекосило.

— Нар-р-рвались! — заскрежетал он зубами. — И все из-за меня! Что за судьба проклятая! Одно зло от меня людям!

— Ладно, не убивайся. Чего уж тут... — Она села, прислонившись спиной к самому большому мешку, нести который выпало Толгаю. — Эй, зайчики, просыпайтесь! Разговор будет...

Никто, собственно говоря, и не спал, но побороть эту странную, неодолимую апатию было труднее, чем вырваться из объятий самого глубокого сна. На Смыкова даже пришлось порызгать водой.

— Ну что там еще стряслось? — пробормотал он, не открывая глаза.

— А стряслось то, что все мы, за одним исключением, больны, — сказала Верка без всякого выражения, словно лекцию по борьбе с вредными привычками читала. — Это не инфекция, не авитаминоз и не малокровие... Затронуты все органы и системы наших организмов, и вы сами это чувствуете. У кого-то в большей степени пострадала нервная система, у кого-то желудочно-кишечный тракт, у кого-то органы дыхания... Клиническая картина напоминает острую лучевую болезнь, но есть и существенные отличия...

— Во-во! — подхватил Смыков. — Не зря я тогда про

атомный реактор вспомнил. Как в воду глядел. Радиоактивное это место. Потому и живности нет никакой. А мы влезли, как свиньи в синагогу.

Цыф, осмелевший перед лицом этой новой напасти, возразил ему, стараясь формулировать свои мысли с предельной корректностью:

— Ионизирующее излучение, безусловно, влияет на живые организмы, но не столь радикально, как это имеет место здесь. Обычно это выражается в появлении новых жизненных форм, или уродливых, угнетенных, или, наоборот, гигантских.

— Вы, братец мой, мне букварь не читайте! — огрызнулся Смыков. — Я в ракетных войсках стратегического назначения служил! С какой стати мы тогда загибаемся, объясните?

— Я уже говорил Лиле... Нейтральная зона — уникальное образование, возникшее еще до появления на Земле органической жизни. В этой почве и в этом воздухе могут присутствовать самые невероятные биологические факторы. Анаэробные бактерии, например. Или какие-нибудь жизненные формы, устроенные совсем по иному принципу, чем существующие ныне.

— Анаэробные! — вышел из себя Смыков. — Вы на каком языке выражаетесь? На эскимосском? Или на иврите? Забыли, на какой земле родились и чей хлеб ели?

— А ну завязали! — прикрикнул на них Зяблик. — На фига нам сейчас ваша дискуссия? Все и так яснее ясного. Верка суть дела доходчиво объяснила. Кто ухом слушал, а не брюхом, тот понял. Хочу от себя кое-что добавить. Вы больны опасной болезнью. Причины ее пока значения не имеют. Я здоров. Здоров потому, что принимаю этот эдемский эликсир, ни дна ему ни покрывки. Теперь понятно, как это аггелы безо всякого вреда для себя по Нейтральной зоне шастают. Выход у нас один. Делим мою последнюю дозу на пять частей, быстренько глотаем и ползем что есть сил к Эдему. А там уже как кому повезет.

— Почему на пять частей? — вяло поинтересовалась Лилечка. — Нас же ведь шестеро...

— Я на старых дрожжах постараюсь протянуть, — ответил Зяблик. — Если других вопросов нет, на этом хочу закончить... Верка, приступай к дележке.

— Почему я? — ословело спросила Верка. — Дайте отдохнуть.

— Потому что ты медик. Хоть и хреновый...

На стоянке бросили все, кроме самого необходимого — оружия и кое-какой пищи. Дальше двинулись парами — Зяблик поддерживал совершенно обезножевшего Смыкова, Верка, едва не выблевавшая все свои внутренности, опиралась на задыхающегося Толгая, Лилечка и Цыпф опекали друг друга взаимно.

Действие бдолаха пока явно не проявлялось, за исключением разве того факта, что и сутки спустя все они были живы, хоть и передвигались со скоростью каторжан-колодников.

Путь их теперь пролегал через совершенно фантастический мир, похожий на огромную изложницу, в которую совсем недавно выплеснули ковш расплавленного камня, объемом сопоставимый с небесным куполом. Этот океан камня застыл в самых причудливых формах — повсюду торчали серые колонны, пирамиды и башенки, под ногами похрустывали серые снежинки, серые арки нависали над неподвижными серыми потоками, серые скалы были изрыты порами, как губки, и в каждой такой поре могло без труда разместиться племя троглодитов.

Силы, породившие этот мир, еще не освоили многообразную палитру чистых природных красок, но при внимательном рассмотрении оказывалось, что господствующий вокруг серый цвет имеет массу оттенков, от темно-бурого до почти сизого.

Кроме камня, здесь в достатке имелась и вода — чистая, незамутненная, первозданная вода. Впрочем, на фоне громадных озер и широких трещин, переполненных бурлящей, голубовато-серой массой, издававшей едкое, вышибающее слезу зловоние, здешние источники воды выглядели явлением чужеродным, еще не набравшим ту силу, с которой вынуждены считаться другие стихии, чем-то вроде шустрого мышонка, едва только начавшего осваивать страну динозавров.

Почва под ногами беспрерывно содрогалась, словно была всего лишь крышкой огромного котла. Временами все вокруг заволакивалось горячим паром, а однажды мимо путников что-то стремительно пронеслось — не то вулканическая бомба, не то оживший булыжник.

— Если где-то существуют владения Снежной Королевы, то здесь владения Каменного Короля, — сказал Цыпф на очередном привале.

— Да только король попался дерьмовый, — пробурчал Зяблик. — Тунеядец. Мог бы и дорожные указатели поставить... До Хохмы столько-то километров, до Эдема столько-то.

— Как же, пошел бы ты дальше, если бы знал, что до Эдема тысяча километров, — скривилась Верка.

— Парадокс, — вздохнул Цыпф. — К дальней цели легче всего идти вслед за близким миражом.

— Только не забывайте, что та дорога вымощена костями дураков, поверивших миражу, — не преминул вставить свою реплику Смыков.

— Это вы про нас? — поинтересовалась Верка.

— Про кого же еще... Умные люди ходят по компасу и карте.

— Но ведь когда-то ни компасов, ни карт не было, — возразила Лилечка.

Смыков промолчал, но ему на помощь неожиданно пришел Цыпф:

— В те времена далеко и не ходили. Нашел удобное место близ речки и поселился там. А сын твой до следующей речки дойдет. И так через весь материк. Я читал, что от Аляски до Патагонии люди двадцать тысяч лет добирались. Считайте, тысячу поколений.

— Вот-вот! — Смыков вновь уселся на своего любимого конька. — И тогда умные люди были. А мы, как последние дурни, на авось поперлись.

— На что ты намекаешь? — нахмурился Зяблик. — В мой огород камушек? Опять я во всем виноват? Но только лично тебе лучше бы помолчать.

— Почему это, интересно?

— Разве не такие, как ты, нас когда-то в светлое будущее вели? И компас у вас, говорят, был, и карта. Только в том компасе вместо стрелки березовая щепка болталась, а карту подслеповатый крот рисовал!

Этот наскок скорее раззадорил, чем уязвил Смыкова. Зяблику был дан незамедлительный отпор:

— Как вы, братец мой, беретесь судить о столь неоднозначных вещах, если сами полжизни на нарах провалялись? У вас ни о реальной жизни, ни тем более о большой политике никакого представления нет. С кем вы могли общаться, кроме отщепенцев и паразитов?

— Повалиться бы тебе на тех нарах хоть годик! Да нашей пайкой прокормиться! Да повкалывать, как мы, на урановых рудниках и лесоповалах! Причем бесплатно. Это тебе не статьи невинным людям вешать да харю на казенных харчах отъедать... Эх, жаль, что я тебя тогда на кастильской границе не шлепнул, как иезуитского шпиона!

— А если бы шлепнули, сами сейчас червей кормили бы, — огрызнулся Смыков. — Сколько раз я вам потом жизнь спасал?

— Ни одного случая не помню! А если и было, то я тебя об этом не просил. Лучше в сырой земле гнить, чем твой бред ежедневно слушать.

Эти перепалки, уже ставшие системой, хоть как-то отвлекли полуживых путников от тяжких повседневных забот. Улучшения в их состоянии не замечалось, правда, и хуже никому не стало. Люди стонали, кашляли, шатались, хромали, но все же продвигались вперед, делая за каждый переход до двадцати километров. Верка все время напоминала им:

— Зайчики, вы должны желать спасения изо всех сил! Постоянно! Только тогда лекарство будет действовать. Вон видите, какая Лилечка у нас молодец. А Лева совсем скис...

Их пятая ночевка была прервана шумом, подобно которому в Нейтральной зоне им слышать еще не приходилось. Можно было подумать, что где-то неподалеку, за ближайшей грядой холмов, по стартовой дорожке аэродрома разгоняется реактивный истребитель.

Все невольно глянули в ту сторону, но звук, так и не явив людским взорам свой источник, уже быстро удалялся и вскоре совершенно затих. Зяблик, не поленившийся сделать чуть ли не километровый крюк, после возвращения доложил:

— Ничего там особенного нет, кроме одной канавы. Совершенно свежая и проведена, как по линейке, отсюда туда, — он указал ладонью примерное направление. — Как будто бы бильярдный шар по грязи прокатился. Только там не грязь, а вот такая же, как здесь, хреновина, — он стукнул каблуком в землю. — Шириной, значит, канавка метра два, а глубиной по колено.

— Почему вы решили, что канавка свежая? — строго спросил Смыков.

— Побрызгал в нее, там и зашипело, — дерзко ответил Зяблик. — Ты меня совсем за дебила держишь? Я свежий след от несвежего с закрытыми глазами отличу, даже если его скорпион оставил.

— Так это, значит, след по-вашему?

— Похоже...

— Хм... Два метра шириной... — скептически покачал головой Смыков. — Кто же такой след оставить мог?

— Это уж вы сами соображайте, — Зяблик демонстративно зевнул. — На земле такие твари сроду не водились.

— А вдруг это какой-нибудь механизм был? — осторожно предположил Цыпф. — Вполне можно представить себе шабразную несущую конструкцию, одновременно выполняющую функции двигателя...

— Ага, — в тон ему заметил Смыков. — Местный трамвай. Подбросит до конечной. Вот только узнать бы, почем билеты... Зачем голову зря ломать. Чужой это мир, и все здесь чужое. Нам из него выбраться поскорее надо. Жратва кончается, и еще неизвестно, сколько времени это снадобье действовать будет. В любой момент можем загнуться.

Возражать тут было нечему, и все с охами и вздохами стали собираться в дорогу. Зяблик теперь шел последним, подгоняя отстающих, самым закоренелым из которых в последнее время был Цыпф, не столько вымотавшийся физически, сколько утративший интерес к жизни. Лилечка, наоборот, топала довольно бодро и даже с аккордеоном своим не торопилась расстаться.

— Жизнь наша, конечно, мерзкая, — говорил Зяблик, дыша Цыпфу в затылок. — Но и хуже бывает. Думаешь, каково мне было, когда с братом такая беда случилась... И главное, ни одна сволочь мне не посочувствовала. Только пальцами тыкали да в душу плевали. Братоубийца, мол... Сначала я в одиночке сидел, там с собой ничего не сделаешь. Не то что шнурки и пояс, даже резинку из трусов выташили. А уж потом, в следственном изоляторе, я в общую камеру попал. Напихали нас, как сельдей в бочку. Вместо восьми человек — двадцать. И рецидивисты отпетые, и туберкулезники, и бомжи вшивые, и педерасты... Я тогда еще, считай, салагой был. Опускали меня, как хотели. Все им, гадам, мало было. А напоследок, когда я уже срок получил и этапа ждал, решили оттянуться по полной программе. Шнурок раздобыли, даже и не знаю где. Вешайся, говорят, а мы поможем. По глазам, дескать, видно, что ты на свете не жилец. Вот тебе мыло, вот тебе удавка, цепляй ее за верхние нары и сигай в мир иной, где тебя брат с извинениями дожидается. Ну и пусть, думаю. Туда мне и дорога. Лучше подохнуть, чем так мучиться. Все как надо сделал, голову в петлю сунул и со своими сокамерниками прощаться стал. А эта шпана на меня во все глаза смотрит, только что слюни не пускает. Как же, бесплатное кино... Торопить меня стали. Давай, прими смерть ради общества. Только не сразу. Потрепыхайся чуток, а потом мы тебя откачаем, и опять... Растянем удовольствие. И тогда я решил — нет! Не получите вы никакого удовольствия. Не стану я шакалов забавлять. Кровью буду харкать, но не поддамся... Что дальше

было, точно уже и не помню. Разочаровал, короче, публику. Хотели меня примерно наказать, да не вышло. Первый раз я от них отбился. Одному даже голову проломил табуреткой... Вот так-то! А ты в пустячной переделке скис. Ведь мы до рая еще сегодня можем добраться! Представляешь? Отъедемся, выпьемся, здоровье подправим... А, Лева?

— Хотелось бы в это верить, — Лева оглянулся по сторонам, словно заблудившийся в дремучем лесу ребенок. — Но пока никаких признаков... А помните легенду о херувимах с пламенными мечами, охраняющих Эдем? Возможно, ты недавно видел след одного из этих самых херувимов. Пустят ли они нас в рай... Честно сказать, мне страшно. Кажется, что за нами кто-то пристально наблюдает... Словно гигантский спрут из океанской бездны... Не поручусь, может, это была всего лишь галлюцинация, но недавно я видел, как три камня, соединившись вместе, поползли куда-то, как живые...

— Это от усталости, Лева. Топай веселее.

И еще дважды в этот день они слышали зловещий, стремительно уносящийся прочь грохот, а потом даже наткнулись на след, в точности соответствующий описаниям Зяблика — довольно широкий ров полукруглой конфигурации, из конца в конец рассекающий каменистое плато. Отброшенные далеко в сторону комья грунта еще обжигали руки.

— С такой дурой только крепости брать, — поцокал языком Зяблик. — Любую стену своротит.

— Боюсь, скоро мы станем свидетелями, как дуры, подобные этой, а может, и куда более страшные, свернут напрочь все, что имеет отношение к человеческой цивилизации, — Цыпф болезненно скривился. — Возможно, когда-то этим тварям принадлежала вся планета... Они владели Землей задолго до того, как в остывающих океанах появились первые белковые организмы. Ведь мы почти ничего не знаем о ранней эпохе мирозидания. А длилась она не один миллиард лет. Эта странная, чуждая нашему пониманию жизнь могла зародиться в облаках межзвездного газа, в раскаленной магме, в атмосфере звезд, в жерлах вулканов, наконец... Сейчас невозможно сказать, что именно положило предел царствованию этих монстров. Ведь, судя по всему, им не может повредить даже космическая катастрофа. Ни жара, ни холод, ни жесткое излучение, ни ядовитые газы, ни полное отсутствие атмосферы не способны убить эту жизнь... Впрочем, она никогда и не умирала по-настоящему. Ее зародыши остались в камне, песке, глине. Бактерии, рыбы, динозавры, обезьяны и люди, сами того не ведая, заселили уже занятые территории.

Мы пришли на чужое место! Понимаете — на чужое! Мы никогда не были хозяевами Земли, а только бесправными квартирантами, поселившимися в неведомо почему опустевшем доме. И вот истинные хозяева начинают возвращаться. Чудовища, о которых мы даже представление себе не можем составить, создания, способные походя сметать горы, существа, не имеющие ничего общего с привычными нам формами жизни, начинают оживать, расти, двигаться, собираться в стаи. Скорее всего их пробудил катаклизм, называемый Великим Затмением... А может, зараза, вдохнувшая жизнь в древний прах, пошла именно отсюда, из мирка, где бывшие хозяева планеты еще процветают... Я этого не знаю. Я знаю лишь то, что мы заняли чужое место...

Цыпф зашатался и сел, закрыв глаза. Его путаная, надрывная речь произвела на всех тягостное впечатление.

— Он что, умом тронулся? — шепотом спросил Смыков.

— Нет, — Верка пощупала пульс Цыпфа. — Ничего страшного. Знаешь, как это иногда бывает... Думаешь-думаешь о чем-то важном, ломаешь голову, и вдруг — осенило. Как результат — перевозбуждение. С тобой такого никогда не случалось?

— На умственной почве никогда, — ответил за Смыкова Зяблик. — Только на половой.

— Неужели все на самом деле так, как он сказал? — растерянно спросила Лилечка, на которую слова Цыпфа оказали, наверно, наиболее сильное действие.

— Конечно, нет, — ответил ей Зяблик. — Людешкам никогда не разгадать высшего промысла. Будь он хоть Божий, хоть сатанинский. Но иногда наши, так сказать, смутные предположения могут объяснить что-то ранее необъяснимое. И совсем не важно, как далеки мы от истины. Главное тут в практическом интересе. Степные пастухи когда-то считали звезды глазами небесных волков, хотя ориентировались по ним очень даже неплохо. Вот так и с нашим Левоу. Скорее всего он врет, но объяснение дает вполне правдоподобное. Я сам видел, как земля вроде дикого зверя ворочалась. Ну и все такое прочее... А сейчас нам идти нужно. Чуете, как воздух пахнет? Тройным одеколоном... Нет, уж лучше — марочным портвейном. Райский сад где-то уже под боком!

И действительно, ветер, до этого приносивший только мертвые запахи кипящих кислот, пепла и серы, теперь благоухал неведомыми цветами и травами. Леуу спешно поставили на ноги, встряхнули хорошенько, и вся ватага чуть ли не рысцой устремилась к цепочке скал, маячивших на горизонте. Они

чем-то неуловимо отличались от всех других, виденных здесь ранее — может, сглаженными, менее грубыми формами.

Этот, как все надеялись, последний переход окончательно измотал и без того едва живых людей. На подходе к скалам их редкая цепочка растянулась метров на сто. Первым на гребень гряды вскарабкался Зяблик.

— Ну что там? — прохрипел Смыков, ташившийся вслед за ним на четвереньках.

— Есть две новости, — невозмутимо ответил Зяблик. — Хорошая и не очень. С какой начнем?

— Без разницы...

— Страна, которую мы называем Нейтральной зоной, кончилась. Это хорошая новость. Но только то, что за ней начинается, рассмотреть невозможно. А эта новость, сам понимаешь, не очень...

Вскоре все, включая Цыпфа, сгрудились вокруг Зяблика. Дышалось здесь как на горном альпийском пастбище — свежестью ледника и ароматом медоносов одновременно, — но открывшийся простор был странно смазан, мутен и бесцветен, словно его заслоняло от наблюдателей плохо промытое стекло.

— Что за хреновина? — Зяблик протер кулаками глаза. — Лева, что ты имеешь сказать по этому поводу?

— Надо подумать... — Цыпф поправил на носу очки. — Ну, если верить Ветхому Завету, то Бог, изгнавший из рая наших прародителей, принял меры к тому, чтобы Эдемский сад был скрыт от глаз людей. Его границы до сих пор окутаны пеленой облаков. Это следует хотя бы из того, что древние иудеи отождествляли пресловутых херувимов с демонами небесной стихии, которым подвластны тучи, туманы, бури и грозы. А у Данте говорится о стене огня, отделяющей земной рай от чистилища. Впрочем, тот огонь не может причинить вред праведным душам.

— Вы, братец мой, окончательно свихнулись, — покачал головой Смыков. — Уже и Данте в ход пошел. Авторитета наши! Да он же сплошные небылицы сочинял.

— На огонь это не похоже, — Зяблик, не обращая внимания на слова приятеля, всматривался в смутную, как будто бы даже колеблющуюся даль. — А сквозь туман мы как-нибудь прорвемся. Да и выбирать не из чего. Вперед, доходяги!

А потом началось нечто вовсе необъяснимое. Можно перенести издевательства врагов и нечаянные подвохи слепой природы, но когда тебя начинает обманывать само мироздание, незбылемое прежде, это воспринимается как катастрофа.

Вожделенный рай находился перед ними едва ли не на расстоянии пистолетного выстрела, но и спустя шесть часов ходьбы неясные, бесцветные силуэты неизвестно чего — не то скал, не то деревьев — не стали ближе ни на сантиметр. И тем не менее то, что влекло их к себе, не было миражом — они слышали шелест листвы и крики птиц, они ощущали на своих лицах ласковые поцелуи душистого ветерка.

Первым упал Толгай, за последние пару дней не сказавший ни единого слова. Его попробовали поднять, ухватили за руки и за ноги, но упали уже все скопом. Долго лежали, хрипло дыша и давясь кашлем. Действие бдолоха, по-видимому, заканчивалось, и неведомая болезнь, утихшая на время, теперь прогрессировала на глазах — суставы страшно распухли, кожа покрылась багровой сыпью и нарывами, губы посинели, в легких сипело и перхало, сознание мутилось.

— Видно, здесь придется подышать, — прохрипел Зяблик, выглядевший ничуть не лучше остальных. — Аут...

— Обидно... — отозвалась Верка. — Ведь почти добрались... Воздух-то какой... Может, сотня шагов всего и осталась... За что нам такое наказание? А, Лева?

— Не знаю, — Цыпф лежал пластом, и даже губы его шевелились еле-еле. — Все бесполезно... Этих метров нам не пройти и за тысячу лет... Здесь какой-то фокус с пространством...

— А если мне сыграть? — неуверенно предложила Лилечка. — Вдруг варнаки нас опять спасут?

Никто не ответил девушке, и она, кое-как приняв сидячее положение, принялась мучить аккордеон. Слушать звуки, которые извлекали из многострадального инструмента ее вдруг потерявшие сноровку пальцы, было так же нестерпимо, как наблюдать за агонией повешенной кошки. Поняв это, Лилечка пустила слезу и отпихнула аккордеон в сторону.

— Мужики, вы бы придумали что-нибудь, — сказала Верка с такой ледяной интонацией, что сразу стало ясно, куда она клонит. — Если спасти не можете, то хоть страдать не дайте... Неужели вам на меня пули жалко?

— Жалко, — отрезал Зяблик. — На тебя жалко, на себя жалко, на всех жалко... Гнусность это...

— Мало ты гнусностей натворил, уголовник?

— В том-то и дело, что много... Перебор. Брать больше не имею права.

— А ты, Смыков, как реагируешь на просьбу несчастной женщины?

— Отрицательно, Вера Ивановна, — отозвался тот. — Уж вы извините. Морально не готов.

— Трусые вы и сволочи, — она откатилась к Толгаю. — Эй, зайчик, ты еще жив?

Толгай ничего не ответил, только открыл глаза — пустые глаза человека, душа которого уже собирается отлететь в мир иной. Верка обняла его и чмокнула в лоб.

— Ты зачем у него в штанах шарить? — подал голос Зяблик. — Дай человеку умереть спокойно.

— А я, по-твоему, что собираюсь делать? — ухмыльнулась Верка, с великим трудом поднимаясь на ноги. — Именно это и собираюсь... Хочу, чтобы все вы спокойно умерли. Прощайте, зайчики...

Побелевшие пальцы ее правой руки, отведенные чуть в сторону, сжимали зеленое ребристое яйцо, уже освобожденное от предохранительной чеки.

Решись на такое человек более опытный, он до самого конца не выпускал бы гранату из рук, а потом бы даже подбросил ее немного, чтобы осколки хлестнули сверху шрапнелью, наверняка. Верка же просто выронила смертоносный снаряд из ладони, словно он кусался или обжигал кожу. Уже потом, увидев, как метнулся к ней Зяблик (откуда только силы взялись?), она попыталась исправить оплошность и прижать гранату к земле ногой, да не успела — та уже летела в сторону.

Граната упала среди каких-то валунов, похожих на шляпки огромных грибов, только накануне вылезших на поверхность земли, еще успела звякнуть, перекатываясь среди них, и уж после этого рванула. Визг осколков никто не услышал, но результат взрыва превзошел все ожидания — равнина содрогнулась от горизонта до горизонта, даже дальние горы пустились вприсядку.

Дым на месте взрыва уже успел развеяться, однако почва все еще не могла успокоиться. Не прекращался и грохот. Он словно ушел под землю и перекатывался там, как эхо в гулкой пещере, не только не слабев, но даже как бы набирая мощь.

— Ой, мамочка! — взвизгнула Лилечка, показывая пальцем на потревоженные гранатой грибообразные камни. — Смотрите!

Камни шевелились, медленно кивая своими шляпками, каждая из которых была побольше мельничного жернова — не то стремились поглубже зарыться в землю, не то рвались наружу. Внезапно между ними опять грохнуло, и вверх, словно зубная паста из тюбика, стала выдавливаться какая-то сизоватая, глянцево поблескивающая масса. Поднимаясь толстенным столбом, она извивалась, как живая (а может, и была таковой), потом, изгибаясь крючком, плюхалась на землю, ползла

некоторое расстояние, постепенно принимая цвет окружающей местности, и вскоре застывала, сразу покрываясь сетью мелких трещин.

Земная оболочка сотрясалась, как стенка парового котла, с трудом сдерживающего быстро нарастающую неведомую мощь. Повсюду, куда только достигал взгляд, перли наружу сизые безглазые пиявки. Прежде чем окончательно стать камнем, многие из них сшибались между собой, разваливались на части или навечно превращались в прихотливо изогнутые арки.

Скальная гряда, с вершины которой путники впервые узрели неясные силуэты Эдемского сада, исчезла в черной туче, быстро накатывающейся на равнину. Откуда-то налетел буйный ветер, и теперь уже тряслось все вокруг — и земные недра, и небеса. Буря принесла дождь из гравия и снег из пепла.

Затем в самом центре этого хаоса родился уже знакомый людям звук, похожий на рев опробуемого на холостых оборотах ракетного двигателя. Стена мрака раздалась, и все увидели, как по равнине что-то стремительно мчится, вспарывая каменистый грунт, как глиссер — воду. Земля уже не сотрясалась, а билась в конвульсиях, силилась выгнуться крутым гребнем и вслед за этим всесокрушающим плутом ринуться на смутно виднеющуюся границу Эдема. Сама мысль остановить эту, неизвестно каким законам подчиняющуюся стихию казалась кощунством.

И все же нашелся некто, посмеявшийся встать на ее пути — высокий и узкий призрак, казавшийся то карикатурно искаженной человеческой фигурой, сотканной из мерцающего света, то столбом тусклого пламени. С того места, где находилась ватага, было даже невозможно понять, что это такое на самом деле: сверхъестественное существо, неизвестное досель природное явление или просто обман зрения.

Странный силуэт с медленной ритмичностью менял свою форму — сжимаясь, он наливался интенсивным багрянцем, расширяясь, становился почти прозрачен. В нем почему-то совсем не ощущалось объема, словно в постели, небрежно намазанной на тонкой кальке. У Цыпфа, зачарованно наблюдавшего за всем происходящим, создалось впечатление, что он даже не касается земли.

Лавина ожившего камня с бешеной скоростью накатывалась на столб призрачного света, но, несмотря на это, разделявшее их расстояние самым необъяснимым образом не менялось. Ничего даже отдаленно похожего Цыпфу не доводилось раньше видеть и в кошмарных снах.

А потом начало твориться что-то вообще несусветное!

Небо дрогнуло и беззвучно осело, превратив горы в холмы, холмы в бугорки, а стену вставшего дыбом камня — в невысокий и уже совсем не страшный с виду песчаный вал, от этого, между прочим, совсем не унявший своего бешеного рева.

Горизонт, простиравшийся слева от призрака, исказился и стремительно — одним скачком — надвинулся. Уже ставший привычным для всех суровый пейзаж Нейтральной зоны сменился совсем другой картиной. Цыпф увидел широкую, сильно обмелевшую реку, на крутом берегу которой вперемежку росли сосны и березы, а на пологом — редкие пузатые баобабы. Это был самый отдаленный район Лимпопо, граничащий не с Отчиной и даже не со Степью, а с малонаселенным Баламутьем.

Затем то же самое случилось и с правым крылом горизонта — из дальней дали вдруг возникли живописные горы Трехградья.

Пресс искривленного пространства, с трех сторон навалившийся на случайно взбунтовавшуюся слепую стихию первобытного мира, давил и расплющивал ее, загоняя обратно в глубины разверзнувшихся недр, а источник этой мощи сиял, как святочная елка, извергая из себя все новые волны неведомой энергии.

Только теперь Цыпф осознал, что трясут его уже не подземные удары и не порывы бури, а чьи-то сильные руки.

— Вставай! — орал ему прямо в ухо Артем, ничуть не изменившийся после того памятного случая у города Сан-Хуанде-Артеза. — Вставай!

У Цыпфа уже не было сил ни удивляться, ни радоваться, ни даже говорить. Вокруг гибли миры — то, что прежде было Нейтральной зоной, теперь можно было ладошкой прикрыть, — и его собственная жизнь уже ничего не могла значить в этом разгуле космических стихий.

Оставив его в покое, Артем принялся поочередно трясти Смыкова, Зяблика и Толгая, но с тем же результатом. Зато Верка, живучая, как кошка, и Лилечка, великая жизнелюбка, опомнившись от пережитого ужаса, затараторили наперебой, одна писклявым голоском, другая сиплым.

Пискляво:

— Ой, это вы, дядя Тема?

Сипло:

— Вот уж кого не ждали!

Пискляво, но не без гордости:

— А мы тут такого натерпелись, такого... Даже аккордеон мой не помог.

Сипло, но не без кокетства:

— Что верно, то верно. Сто раз с жизнью прощались. У вас закурить случайно не найдется?

Пришлось Артему перебить их:

— Об этом лучше потом. Что с вами случилось? Почему вы все лежите, как бревна?

— Помираем, дядя Тема, — пожаловалась Лилечка.

— Это правда? — он перевел взгляд на Верку.

— Правда, — она оттянула ворот рубахи, чтобы видны были черные трупные пятна на шее. — Хватанули здесь какой-то заразы. А может, излучение виновато или еще что-нибудь...

— У всех так?

— У всех. А у Толгая особенно. Боюсь, как бы он совсем не дошел.

— Что с Зябликом?

— Сначала ему было даже получше, чем другим. Эдемское зелье выручало... А когда он его остатки на всех разделил, то и сам свалился.

— Действует зелье, значит?

— Не то слово...

— Тогда, возможно, я смогу вам помочь, — из кожаного кошелька, который он всегда носил на поясе, Артем извлек горсть чего-то похожего на грубо смолотый и не до конца высушенный самосад. — Пользуйтесь, не стесняйтесь. Хватит на всех. Это, так сказать, сырец, так что в дозах можно не стесняться...

— Вы все же добрались до Эдема? — воскликнула Лилечка.

— Добрался, но кружным путем. Через мир варнаков.

— Мы там тоже были. Страшно, как в преисподней!

— Вот как! — Артем не мог скрыть удивления. — Интересно... Но об этом тоже потом. Надо торопиться, пока внимание Незримого отвлечено.

— Кого? — переспросила Лилечка.

— Все потом. Лучше помощи мне.

Женщины первыми отведали подозрительного крошева, противного на вкус, как перепревшее сено, но действительно отдававшего ароматом бдолаха, а затем принялись чуть ли не силой кормить им своих впавших в прострацию спутников. Верка при этом приговаривала:

— Жуйте, зайчики... Жуйте, если жить хотите. Это, конечно, не крем-брюле, зато от всех хворей спасает.

Убедившись, что полумертвые мужчины уже утратили интерес ко всему на свете, в том числе и к собственному спасению, Верка занялась индивидуальной обработкой.

— Лева, открой ротик. Ты что, помирать собрался? А не рано ли? А кто все книжки на свете прочитает, кто во всех эдемских тайнах разберется, кто за Лилечкой ухаживать будет? Глотай, миленький, глотай, запить нечем, ты уж извини... А ты, Зяблик, особого приглашения ждешь? Смотреть на тебя стыдно! Еще мужиком называешься! Каждую минуту аггелы могут появиться, а ты как баба рязанская разлежся. Жри, кому говорят! Не плюйся, а не то по роже заеду! Сразу очухаешься! Жри, мать твою раком... С комприветом, Смыков. Почему от коллектива отрываешься? Все едят травку, а ты чем лучше? Раскис. Сломался. А еще коммуняка! А еще мент! Присягу давал? Как там сказано: стойко переносить все трудности и лишения. Ну-ка, соберись! Помнишь, как пел: «Это есть наш последний и решительный бой»? Дулю тебе в нос, а не решительный бой. На словах вы все горазды. Не кусайся, не кусайся. Ну вот, пошло. Ты глотай, глотай...

Сложнее всех обстояло дело с Толгаем. Снадобье, которое Верка заталкивала ему в рот, вываливалось обратно, даже не смоченное слюной. Сын степей не мог или не хотел сделать глотательное движение. Изрядно намучившись, Верка принялась что-то жарко шептать ему на ухо. В глазах Толгая, уже давно подернувшихся дымкой смертной тоски, появилось осмысленное выражение.

— Дереслек? — прошептал он запекшимися губами. — Правда? Не обманешь?

— Вот тебе крест! — Верка обнесла шепотью свой лоб, живот и груди. — Как до ближайшего кустика доберемся, так и сладится. Только для этого сначала надо травки пожевать. Как бычок будешь... Вот молодец, вот послушный мальчик...

— Скорее, — нетерпеливо сказал Артем. — Иначе нам придется добираться до Эдема через мир варнаков.

— Лучше не надо! — испугалась Лилечка.

— Ты как?

— Нормально.

— Идти можешь?

— Попробую.

— Тогда бери аккордеон — и вперед.

— Одна? — Лилечка испугалась еще больше.

— Нет, со мной, — Артем без видимого усилия взвалил на одно плечо Зяблика, на другое Смыкова и обратился к Верке: — Побудьте пока здесь. Я скоро вернусь за вами.

— Уж постарайтесь, — Верка покосилась на светившийся призрак, за это время успевший вырасти почти вдвое. — Мне

такая компания что-то не нравится. Этот, как вы его называли... Незримый... он хоть живой?

— Еще как! Но то, что вы видите сейчас, это даже не тень его, а тень тени. Истинная же его сущность как бы размазана в бесконечном количестве миров.

— Обалдеть!

Артем, пригибаясь под своей нелегкой ношей, двинулся вслед за Лилечкой, которая бочком-бочком, еле-еле, но уже осилила шагов двадцать из той сотни, что в реальном, не искаженном пространстве отделяло их от Эдема.

С противоположной же стороны происходило явление, обратное тому, которое четверть часа назад доказало людям, что в этом мире уязвимы и бренны не только их слабые тела, но и такая важнейшая форма бытия материи, как пространство. Пределы Нейтральной зоны начали медленно раздвигаться в стороны, оттесняя помутневшие, словно подернувшиеся зыбью, пейзажи Лимпопо влево, а Трехградья — вправо. Свинцовая глыба неба тоже поплыла вверх, потянув за собой примятые горы и расплюснутые холмы. Картина была до того нереальная и жутковатая, что Верка, относившаяся к религии не то чтобы равнодушно, а даже похабно, опять перекрестилась.

Цыпф поднял голову, тупо глянул на Верку и брякнул ни к селу, ни к городу:

— Примимшие на сем свете веселье и раздолье, на оном муки примут...

— Типун тебе на язык! — зашипела на него Верка. — Ты на что это намекаешь?

— А на то, что самая шустрая вошка первая на гребенку попадает, — изрек Лева опять некстати и после этого ткнулся лицом в песок.

Нейтральная зона уже приняла свой прежний вид, и ничто в ней сейчас не шевелилось, не буянило и не ходило ходуном. Тишь да гладь простиралась вплоть до самого горизонта. Призрак постепенно бледнел, сверху вниз по нему прокатывались синие и багровые волны. Верка так засмотрелась на это зрелище, что не заметила, как вернулся Артем.

— Быстрее! — сказал он, взваливая на себя Цыпфа и Толгая. — Незримому нужно время, чтобы восстановить силы. Если мы не успеем, то каждый метр этой пустыни превратится для нас в тысячу километров.

Верка вскочила. Ноги сами пошли вперед, но туловище почему-то опередило их, а земля, которой полагалось быть

где-то внизу, оказалась вдруг рядом с лицом да вдобавок еще пребольно стукнула по нему.

— Прошу прощения за наше угощение, — Верка была как пьяная. — Ножка подвернулась. Больше не повторится.

— Цепляйтесь за пояс, — Артем на ходу обернулся. — Троих сразу я не унесу.

— Как так? — хохотнула Верка, на которую бдolah подействовал самым неожиданным образом. — У вас же вроде раздвоения личности... Вот и позовите на помощь того, другого.

— К сожалению, у этого другого совсем иные представления о морали. Овладев моим телом, он сделает все возможное, чтобы спасти его. А с вами всеми поступит как с ненужной обузой.

— Все вы, мужики, такие... — пробормотала Верка, чувствуя, что эйфория уже рассеивается, а на смену ей приходят страх, тошнота и чувство слабости во всем теле.

Тусклые силуэты Эдемского сада были уже совсем рядом. Артем рванул изо всех сил, потянув за собой и Верку. В глазах сверкнуло, словно от солнечного зайчика, серая пелена лопнула, как это бывает, когда из глубины выныриваешь на поверхность, и все вокруг расцвело волшебными красками земного рая...

Они лежали в густой траве, ни один стебелек которой не был похож на что-то виденное прежде. Они лежали на опушке леса, состоявшего не из деревьев, а из каких-то совершенно фантастических растений: исполинских цветов, чьи розовые несимметричные головки смахивали на паруса клиперов; невесомых, словно сотканных из синей паутины шаров и зонтиков: красных, колеблющихся на ветру покрывал, очень напоминавших языки пламени; пышных султанов попугайчатой расцветки и еще чего-то, похожего на разросшиеся до невероятных размеров павлиньи перья.

Все вокруг было ново и удивительно, а потому немного страшновато, все, кроме давно опостылевшего мрачно-серого неба.

Люди постепенно оживали, но, подавленные непривычной красотой, а еще больше, загадочной славой этого места, помалкивали, только по сторонам озирались. Первой тишину нарушила неугомонная Верка:

— Ну дошли, слава Богу... А что дальше?

— Колхоз организуем, — сказал Зяблик. — «Райская жизнь». По сбору этого самого бдolahа. Смыков будет предсе-

дателем, а ты учетчицей... Вообще-то на этот вопрос тут есть кому ответить, — он покосился на Артема.

Цыпф поймал жучка — ни дать ни взять крохотного летающего ящера с прозрачными крылышками, рогом на носу и гибким шипастым хвостиком. На ближайшую кочку взобралась какая-то бледно-зеленая амебообразная тварь и зачирикала по-птичьи.

— Дядя Тема, — несмело спросила Лилечка, — а мы где? Это... Земля?

— Не знаю, — немного помедлив, ответил он. — Но во всяком случае, место не совсем обычное. То, что его сторожат Незримые, говорит о многом.

— А кто это такие?

— Долгая история...

— А если коротко? — не отставала Лилечка.

— Существа, обитающие сразу во многих измерениях, но вне времени. Одни из создателей человека.

— Нас?

— И нас тоже.

— Значит, есть и другие люди?

— Есть. Но тебе с ними лучше не встречаться.

— Мы здесь останемся? — спросила Лилечка.

— А как бы ты хотела?

— Я бы домой хотела. Давайте погуляем здесь немного и назад.

— Обратная дорога будет ничуть не легче...

— А как же аггелы туда-сюда пробираются? — поинтересовался Зяблик.

— Для этого они каждый раз провоцируют схватку между Незримыми и той загадочной стихией, что дремлет в недрах Нейтральной зоны. Вы по пути сюда устроили нечто похожее.

— А наш Лева целую теорию придумал, — похвалилась Лилечка. — Говорит, что миллиарды лет назад наша земля была такая, как Нейтральная зона. И что на ней уже тогда существовала жизнь, только для нас совсем-совсем чужая. Когда эта жизнь проснется, в нашем мире не останется места ни людям, ни зверям, ни даже микробам. Печально, правда?

— Человечеству действительно грозит серьезная опасность, чего уж тут скрывать. — Артем устало потер пальцем веки. — Эдем, возможно, может стать его единственным прибежищем. Но для этого предстоит еще громадная работа.

— Ничего не громадная, — возразила Верка. — Объявим всем. Кто хочет, пусть идет, а кто не хочет, пусть остается.

— Не все так просто... — покачал головой Артем. — Люди

верят только в ту опасность, которая уже жжет их пятки. Думаете, вашим словам поверят в Лимпопо или в Кастилии? Вам и в Отчине мало кто поверит... А как вы представляете переход хотя бы тысячи человек через Нейтральную зону? Вы же сами говорили, что в ней гибнет все живое.

— Вот тут и пригодится Эдемское снабдьё, — сказал Цыпф.

— А Незримые?

— Пусть дерутся с этой хреновиной, — Зяблик ткнул большим пальцем за спину в сторону Нейтральной зоны.

— А вдруг эта хреновина победит? Ведь нам неизвестны пределы ее силы. Что тогда будет с Эдемом?

— А вы сами что предлагаете? — не удержался от вопроса и Смыков.

— Я бы повел людей через мир варнаков.

— Кто нас туда, интересно, пустит?

— Все будет зависеть от доброй воли хозяев. Хотя мне кажется, они относятся к людям вполне дружелюбно.

— А сами они... кто? — чувствовалось, что этот вопрос дался Лилечке нелегко. — Тоже люди?

— У нас общие предки, хотя пути двух рас разошлись давным-давно. Не хочу сказать, что людям достался идеальный мир, но варнакам повезло еще меньше. Им пришлось приспособиваться к вечному мраку, жаре, удвоенной силе тяжести. Слух заменяет им все другие органы чувств. Уж тут-то они достигли совершенства. Варнак способен составить представление о любом предмете исключительно по звуку.

— Подождите, — в голосе Смыкова звучало недоверие. — А если предмет неподвижен, что тогда?

— В природе нет неподвижных предметов. Даже в мертвом камне вибрируют молекулы.

— А как так получилось? — спросил Зяблик. — Они к нам могут, а мы к ним нет.

— Зря я ввязался в этот разговор, — вздохнул Артем. — Здесь начинается область предположений... Во времена такие давние, что мы себе и представить не можем, во Вселенной бушевала распря между могущественными существами совершенно разной природы — Незримыми и Фениксами, или, как их еще называют, Иносущими и Предвечными. Одни властвовали над Временем, другие над Пространством. Люди были задуманы ими как оружие для этой грандиозной междоусобицы. Наши предки вполне могли позаимствовать у своих создателей кое-что из их необыкновенных качеств. Способность к перемещению сквозь пространства, возможно, зало-

жена в человеке изначально, но у варнаков она выражена сильнее. Катастрофа, которую вы называете Великим Затмением, если и не разрушила, то ослабила стену между вашими мирами. Это и помогает варнакам легко проникать сюда.

— Выходит, мы в дырявом мире живем, — мрачно уточнил Смыков.

— Выходит...

— А кроме варнаков, в эти дыры никто не сунется?

— Кто это может знать... Дорогие мои, вы живете на Тропе, а это то же самое, что жить в кратере вулкана. Никому не дано предугадать, что случится в самое ближайшее время.

— А вам у варнаков, значит, не понравилось? — поинтересовалась Верка.

— Я посещал миры и похуже. Жить там можно, но на мой вкус немного темновато. Хотя слушать, как перекликаются варнаки, одно удовольствие. Человек просто не способен оценить те чувства, которые они вкладывают в самые простые звуки. Мы по сравнению с ними почти глухонемые. Забыть это невозможно...

— Зачем они к нашим бабам тогда лезут? — брякнул вдруг Смыков, сразу вогнав Лилечку в краску.

— Чтобы понять это, нужно хоть немного пожить в том мире. На втором месте после слуха у варнаков стоит осязание. Встретившись, они буквально оглаживают друг друга. Ритуал физических контактов имеет для них огромное значение, а то, что мы называем плотской любовью, считается выражением самых добрых чувств.

— Что, а неплохо! — фыркнул Зяблик. — Вот бы у нас так. Вместо «здравствуйте» сразу в позу.

— Грубый ты, — сморщилась Верка. — Не будет с тобой никто здороваться, и не надейся.

Все засмеялись, даже Лилечка. Один только Толгай не разделял общего веселья.

— Танлык! — Его рука легла на рукоять сабли. — Тише! Слышите?

Где-то в глубине леса равномерно потрескивали ветки. Тот, кто шел сюда, и не думал таиться, уверенный то ли в своей безопасности, то ли в своей неуязвимости...

СЛОВАРЬ ЖАРГОННЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- Баклан** — неопытный человек, новичок.
Вертухай — охранник в тюрьме или зоне.
Вертеть вола — обманывать.
Горбатого лепить — то же, что и вертеть вола.
Жмурик — мертвец.
Загужевать — загулять.
Замантулить — сделать.
Замочить — убить.
Зачушить — унижить.
Кабёл — оскорбительное слово, активная лесбиянка.
Кемарить — спать.
Кичман — тюрьма.
Клифт — пиджак, куртка.
Клевый — привлекательный.
Котлы — часы.
Кранты — конец.
Коцы — ботинки, сапоги.
Лажануть — подвести.
Локш потянуть — потерпеть неудачу.
Лярва — проститутка.
Мазу держать — верховодить.
Мойка — бритвенное лезвие.
Ноги сделать — сбежать.
Обсос — начальник лагеря, тюрьмы.
Охра — внешняя охрана мест заключения.
Петрить — понимать, соображать.
Прохезать — справить нужду.
Попка — охранник на вышке.
Понт (взять на понт) — обмануть.
Прикид — одежда.
Профурсетка — женщина не слишком строгих правил.
Ракло — босяк, оскорбительное слово.
Рыжьё — золото.
Слока — союз.

Спецура — спецназ внутренних войск.

Сявка — начинающий вор.

Тише дыши — не откровенничай.

Туфта — нечто ненужное, ложное, делаемое для отвода глаз.

Фраер — человек, не имеющий отношения к блатному миру.

Хавера — квартира.

Хайло — рот.

Хлыст — древесный ствол на лесоповале.

Чмо — забитый, опустившийся человек.

Шарап (взять на шарап) — действовать силой, нагло и быстро.

Ширнуться — сделать укол наркотика.

Шконка — кровать, нары.

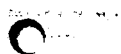
Шухер — тревога.

МЕЖДУ ПЛАХОЙ И СЕКИРОЙ

РОМАН

С. 401

Часть первая

И вот они наконец оказались в стране, к которой так стремились все эти последние мучительные дни.

Кто-то из смельчаков, побывавших здесь ранее, нарек ее Эдемом, и, по слухам, это было один к одному то самое благословенное местечко, из которого в ветхозаветные времена создатель изгнал строптивых и ослушливых прародителей человеческого племени, сохранившего тем не менее ностальгию о своем счастливом и безгрешном детстве на долгие-долгие века.

Чтобы добраться сюда, им пришлось преодолеть пять совершенно непохожих друг на друга миров, в каждом из которых шанс погибнуть был намного выше шанса уцелеть. Страну эту окружала гибельная для всего живого пустыня, а ближайшие рубежи стерегли могучие и неуязвимые иносушие создания.

Они надеялись обрести здесь покой и спасение, но, еще не успев отдышаться и как следует осмотреться, уже инстинктивно ощутили тревогу. Кто-то напролом шел к ним через волшебный эдемский лес, круша на ходу нежную поросль и с шумом раздвигая густую листву, чья прихотливая и непривычная для человеческого глаза цветовая гамма впечатляла не меньше, чем панно, исполненное великим художником. Что-то недоброе слышалось в этой нарочито тяжелой, уверенной поступи.

Рука Зяблика непроизвольно легла на рукоятку пистолета, а Смыков шепотом спросил Артема:

— Вы, когда здесь шляли, ничего подозрительного не заметили?

— Нет, — тот отрицательно покачал головой. — Да я и был-то в этих краях совсем недолго. Пока ту траву волшебную отыскал, пока убедился, что это именно она, а не что-нибудь другое, уже пора было к вам на выручку спешить.

Артем был, как всегда, спокоен, ну разве что казался чуть более сосредоточенным, чем обычно.

Кроны деревьев вздрагивали уже на самой опушке леса, но внезапно шум шагов затих. Неведомое существо остановилось и с расстояния полусотни метров разглядывало людей сквозь трепещущую завесу листвы.

— Интересно... — Артем прикрыл глаза ладонью, как будто зрение могло сейчас помешать другим, куда более тонким чувствам. — Это не животное. Но и не совсем человек... Я не могу разобраться в его мыслях... Нам оно явно не симпатизирует... Хотя и ничуть не боится... Уверено в своей силе... Агрессивно... Впрочем, особой опасности пока нет...

— Так вы и мысли читать умеете? — Смыков опасно покосился на Артема.

— Читать не умею. Но кое-что иногда угадываю...

Артем еще не успел закончить эту фразу, как из колеблющегося лесного сумрака выступило существо, вне всякого сомнения принадлежащее к роду человеческому, да еще и не к худшим его образцам. Это был совершенно голый мужчина с длинными волосами и молодой курчавой бородкой. Впрочем, отсутствие одежды компенсировалось наличием чрезвычайно развитых мышц, больше похожих на неуязвимые доспехи, чем на человеческую плоть.

Мужчина направлялся прямо к тому месту, где расположилась донельзя измученная последними приключениями ватага. Выражение лица при этом он имел несколько странное — словно видел перед собой не чужих людей, а каких-то давно примелькавшихся мелких зверюшек, особого внимания не заслуживающих, но чем-то приманчивых нынче, не то шкурками своими мягкими, не то нежным мясом.

— Не киркоп ли это? — растерянно молвила Верка, сама киркопов никогда не видевшая, но по рассказам Зяблика составившая о них весьма нелестное представление.

— Какое там! — небрежно ответил Зяблик, уже изготовившийся к стрельбе. — Киркопы все сплошь волосатые и рожей на Смыкова смахивают, если того, конечно, ваксой намазать. А это прямо Аполлон Бельведерский!

— Оружия он вроде при себе не имеет, — заметил Смыков, пропустивший очередную подколку приятеля мимо ушей.

— Как же, не имеет! — горячо возразил Зяблик. — Ты посмотри, какая дубина у него между ног болтается! Как для кого, а для нашей Верки оружие прямо смертельное!

— Завидно тебе стало! — огрызнулась Верка. — А ведь и в

самом деле красавец... Я себе праотца Адама таким представляла.

— У праотца Адама пупа не было, а я как раз туда целюсь...

Тут в разговор вступил Цыпф. Слова его, как всегда, были скучноваты, зато аргументированы:

— Никакой это не киркоп, а уж тем более не Адам. Это Сергей Рукоусев из ватаги Сарычева. Хотя, конечно, по фигуре не скажешь... Сильно возмужал... Но наколку его я хорошо запомнил.

Голый мужчина тем временем приблизился к ним почти вплотную и присел на корточки, вызвав этим одобрительное замечание Зяблика и возмущенное фырканье Лилечки. Глаза у него были пугающе светлые, как бы совершенно лишенные зрачков, а на левом плече красовалась татуировка, исполненная в два цвета: «Группа Сов. войск в Германии. 1970—1972». Синие буквы выглядели очень четко, а ядовито-розовые расплылись на коже, как на промокашке.

— Здравствуйте, Рукоусев, — не совсем уверенно произнес Цыпф. — Как поживаете? Узнаете меня?

Голый мужчина мельком и без всякого интереса глянул на него, выдернул из земли какой-то корешок и стал грызть, как морковку. Песок противно скрипел на белых, ровных зубах.

— Да он, бедняга, наверное, с ума спятил, — дрожащим голосом сказала Лилечка. — Его приодеть надо да накормить.

— Все, что ему надо, он привык брать сам, — возразил Артем. — Поэтому сохраняйте спокойствие и осторожность.

Было понятно, что голый здоровяк имеет к людям какой-то свой интерес, впрочем, мало чем отличимый от того, который он только что проявил к благополучно схрумканному корнеплоду. Полностью игнорируя присутствие мужчин, он переводил свой жуткий взор с Лилечки на Верку и обратно, словно сравнивая их между собой. Лилечка поспешно спряталась за спину Цыпфа, и даже ко всему привычная Верка поежилась, как от холода.

— Ты буркалы-то на чужое сильно не пяль... — сказала она без обычной своей категоричности. — Лучше иди ровненько туда, куда шел...

Эти слова как будто бы и определили окончательный выбор голого молодца. Чересчур разговорчивая Верка сразу перестала его интересовать, и он сгреб в свои объятия Лилечку. Лева Цыпф, предпринявший героическую попытку защитить девушку, покатился в сторону Нейтральной зоны с такой ско-

ростью и энергией, словно забыл там что-то чрезвычайно для себя важное.

Пинок ногой отбросил Смыкова в противоположную сторону, а от пистолета Зяблика обитатель Эдема, как шитом, оборонился телом Лилечки. Единым духом проделав все эти сложные маневры, он несуетливо, но вместе с тем весьма проворно попятился в сторону леса и лишь в двух шагах от него был остановлен Артемом, действовавшим не менее стремительно и ловко.

Друг с другом они столкнулись всего на одно мгновение, почти неуловимое на глаз. После этого Артем, держа Лилечку наподобие куля под мышкой, отпрянул назад, а жуткое существо, некогда носившее человеческую фамилию Рукосуев, пало на четвереньки. Впрочем, почти сразу стало заметно, что земли оно касается только тремя точками — ногами и левой рукой, — а правую руку, неестественно вывернутую, бережно держит на отлете.

— Слушай, неинтересно с тобой, — поморщился Зяблик. — Вырубашь всех подряд. Так и квалификации недолго лишиться. Можно, я его добыю?

— Стоит ли? — пожал плечами Артем. — Зачем творить беспричинное насилие? Разве вы забыли Талашевский трактат? Ведь он, кажется, составлен не без вашего участия.

— Вот-вот, — поддакнул Смыков, потирая зашибленный бок. — Никаких самосудов. Это может расцениваться как превышение допустимых пределов обороны. Он ведь никого из нас вроде убивать не собирался. Бабу полапал, вот и все.

— Что с вами, либералами, базарить впустую! — Зяблик сунул пистолет за пояс. — Сейте это свое... разумное, доброе, вечное. А взойдут на ваших пашнях одни только драконьи зубы!

Рукосуев, продолжая оставаться в прежней позе, обвел всех мертвящим взглядом и вдруг оскалился по-звериному.

— Р-р-р-р, — это были первые звуки, которые он издал после того, как появился из леса. — Р-р-разрази вас гром! Зачем руки ломать?

— Уж больно длинные они у вас, — добродушно ответил Смыков, в случае необходимости умеющий находить подход и к степнякам, и к арапам, и даже к киркопам, членораздельной речью не владеющим. — Это вам, братец мой, вроде как урок. Чтоб с гостями себя впредь прилично вели. А то встречаете нас без штанов, деретесь, женщин обижаете...

Рукосуев молчал, продолжая сверлить обидчиков своими

бешеными бельмами, и каждый, кто встречался с ним взглядом, невольно отводил свой в сторону.

— Вот тут мы уже можем наблюдать плачевные результаты злоупотребления хваленым эдемским снадобьем, — медленно произнес Артем. — Человек по собственной воле превратился в жестокого и всемогущего скота, не ограниченного никакими рамками морали или разума.

— Что хотел, то и получил, — буркнул Зяблик. — Позавидовать можно.

— А если его жизнь заставила? — заступилась за Рукосуева Верка. — С волками жить — по-волчьи выть...

— Какие еще волки в раю, — возразила изрядно помятая Лилечка.

— А это мы скоро узнаем...

— Рациональное зерно этого спора состоит в том, что каждый человек в глубине души стремится ощутить себя в шкуре всемогущего скота, — высказался Цыпф.

— И ты тоже, Левочка? — ужаснулась Лиля.

— Бывает... — потупился Цыпф.

— Давно я говорил, жечь надо этот бдолах проклятый! — Смыков почему-то погрозил пальцем Зяблику. — Жечь и корчевать! И только в одном месте сохранить маленькую деляночку для специальных нужд. При условии строжайшего контроля общественностью.

— Как вы выразились? — переспросил Артем. — Бдолах?

— Да, бдолах, — поспешно пояснил Цыпф. — Это не мы такой термин придумали, а аггелы. Вернее, даже не придумали, а позаимствовали из библейского текста. Там сказано, что Эдем, кроме всего прочего, богат еще и бдолахом, хотя что это такое конкретно, не разъясняется.

— Пусть будет бдолах... — Артем сделал несколько шагов по направлению к Рукосуеву, который при этом весь буквально ошетинился. — Спокойно... спокойно... Никто не собирается причинять вам вред... Вера Ивановна, вы сможете вправить ему руку в локтевом суставе?

— Да ну его! Еще укусит.

— Не бойтесь. Я вас подстрахую.

Рукосуев вел себя как попавший в капкан зверь — зло щерился на людей, всем своим видом демонстрируя готовность к схватке, разве что ушей не прижимал. Едва только Верка опасно попыталась приблизиться к нему с правой стороны, как последовал молниеносный выпад. Пришлось Артему вмешаться и придавить неукротимого молодца к земле.

Пока Верка возилась с поврежденной рукой, Зяблик со стороны подавал советы:

— А что, если его заодно и кастрировать? Ведь такого амбала можно вместо вола в телегу запрягать.

— Я тебя, дешевка, сам сейчас кастрирую! — прохрипел Рукоусев, садясь, но все еще придерживая правую конечность левой.

— Спокойней, спокойней... — Артем, словно невзначай, провел ладонью по его волосам.

— Убери грабли! — Рукоусев вновь оскалился. — Нет у меня рогов, нет! Не ваш я!

— Да ведь и мы сами вроде не рогатые. — Артем отступил в сторону и сделал глазами знак Смыкову: приступай, мол, к допросу.

Тот с готовностью пересел поближе и участливо поинтересовался:

— Вам без штанов удобно?

— Не твое поганое дело! — огрызнулся Рукоусев.

— Я как лучше хочу. У меня запасные имеются. Правда, галифе. Могу одолжить.

— Они самому тебе скоро пригодятся. Надоест менять.

— А такое здесь, значит, возможно?

— Сплошь и рядом.

— Но ведь это же Эдем, так?

— Ну и что?

— А то, что в Эдеме все Божии твари обязаны в согласии жить. И люди, и звери, и даже мошки.

— Про мошек не знаю... А люди здесь точно как звери.

— Вы аггелов имеете в виду?

— Это уж мое дело, кого я имею...

— А Сарычев сейчас где? — заковыристый вопрос прозвучал совершенно невинно.

— Кто? — презрительно скривился Рукоусев.

— Сарычев. Ему полагалось здесь миссию Отчины основать.

— Не знаю я никакого Сарычева!

— А вас как прикажете величать?

— Как хочешь, так и величай... Но за сустав вы мне, сволочи, ответите.

— Рукоусев, — вмешался Цыпф. — Вы должны меня помнить. Ваша ватага перед походом в Эдем у меня припасы и экипировку получала. Сарычев тогда куда-то отлучался, и вы

за него расписывались. Я вам еще комплект нижнего белья заменил. Пятьдесят второй размер на пятьдесят четвертый.

— А-а, — безумный взор Рукосуева переместился на Цыпфа. — Так это ты, сморчок, нас рогатым сдал?

— Ну что вы, в самом деле... — обиделся Цыпф.

— Подожди, приятель, — Зяблик в раздражении хлопнул себя по коленям. — Ерунда какая-то получается! Тебе вроде досталось от аггелов. Так и нам они поперек горла давно стоят. Вот давай и объединимся против них.

— Против аггелов? — подозрительно кротко переспросил Рукосуев.

— Ага. Против аггелов, — кивнул Зяблик.

— С ногами у тебя что? На сковородке прыгал?

— Принудили.

— Ну, попрыгай еще. А когда надоест, приходи. Я тебе рога подровняю, если к тому времени отрастут. — Рукосуев вскочил и прежде, чем кто-нибудь успел удержать его, скрылся среди разноцветных лент, полотнищ и перьев дивного леса.

— Кажется, он нас с кем-то путает, — помолчав, сказал Смыков.

— Да у него просто крыша поехала, — сплюнул Зяблик. — Помешался от страха. А может, от одиночества. Видно, аггелы их тут крепко в оборот взяли. Кого побили, а кого на свою сторону перевербовали. Помните ту котельную в Талашевске, где Лева Цыпф боевое крещение принимал? Одного покойника он тогда опознал. Тоже из ватаги Сарычева. Я, Лева, прав?

— Как всегда... Хотя полной уверенности у меня до сих пор нет... Но очень был похож, очень...

— Я одного понять не могу, — Верка почему-то переглянулась с Лилечкой. — У этого Рукосуева действительно память совсем дырявая, или он только прикидывается?

— Дядя Тема, это к вам вопрос, — Лилечка сразу сообразила, что от нее хочет подруга. — Вы же у нас вроде как знаток человеческой натуры.

— А почему Вера Ивановна сама не спросит? — поинтересовался Артем.

— Стесняюсь, — потупилась Верка и незаметно ушипнула Лилечку за бок. — Это я только среди своих такая смелая...

— Возможно, это побочное действие все того же бдолоха. Каждый человек подсознательно желает избавиться от горьких и постыдных воспоминаний. И если таковых чересчур много, в памяти появляются зияющие пробелы.

— Значит, так! — заявил Зяблик веско. — С бдолохом за-

вызываем. Тут Смыков прав. Иногда с ним бывает... Ну если только еще по шепотке для окончательного выздоровления. А все остальное, что добудем, — в неприкосновенный запас. Согласны?

— Мы-то, может, и согласны, — вздохнула Верка. — А как же ты, зайчик, без него обойдешься? Ты ведь форменный алкаш. Тебя все время к какой-нибудь дури тянет. То вином травмишься, то махоркой. А тут их нет. Не выдержишь. Сначала одну шепотку примешь, потом другую... А после без штанов будешь ходить, как Рукосуев. Или, как Колька Мутные Глаза, умом тронешься...

— Предлагаю прекратить бессмысленные дебаты, — перебил ее Смыков. — Цели мы своей достигли. До Эдема дошли. И даже без потерь. Если не считать имущества и аккордеона. Сейчас запасемся бдолахом, продуктами на обратную дорогу и кратчайшим путем возвращаемся в Отчину.

Смертельно оскорбленный Зяблик наконец обрел дар речи. Метнув в Верку испепеляющий взгляд, он процедил сквозь зубы:

— Ты, клизма дырявая, не каркай. Умная очень... На себя посмотри, какая от курева стала... И ты, Смыков, тоже хорош... Порешь горячку, в натуре. Эдем тебе не Агбишер какой-нибудь занюханный. И даже не Баламутье. Нам про него, считай, почти ничего и не известно. А место козырное, хоть и засоренное всякими зловредными элементами. От него, бляхмуха, возможно, спасение человеческое зависит. Уж если мы сюда раком по буеркам добрались, то надо все толком разузнать.

— Что — разузнать? — Смыков сделал страдальческое лицо.

— Как что? Есть ли тут сейчас аггелы? Если есть, то сколько? Где их базы? Кто тут еще ошивается? Союзники они нам в перспективе или враги? Какой дорожкой сюда первые аггелы притопали? Ведь никакого бдолаха у них в то время, надо думать, не было. Да и Сарычев свою ватагу в Эдем благополучно довел. Значит, есть какой-то безопасный путь в обход Нейтральной зоны.

— Любопытно бы также узнать, какие страны простираются за Эдемом дальше, — добавил Цыпф.

— План на пятилетку, — подвела итог Верка. — А ты, Толгай, почему все время молчишь?

— Акыл жую, — ответил Чмыхало скромно. — Ума набираюсь... Не мне тут спорить...

— Тогда голосуем, зайчики. Есть два предложения: побыстрее уйти или чуток подзадержаться.

— Мне позвольте не участвовать, — попросил Артем. — Как-никак, а я здесь вроде бы посторонний.

Переубеждать его не стали. И так было понятно, что в этой компании он экземпляр случайный — совсем как кречет, затесавшийся в воробьиную стаю. И пусть нынче им выпало лететь одним путем, кречет рано или поздно взмоет под облака, а воробы приземлятся у ближайшей свалки...

Предложение Зяблика неожиданно поддержали все, даже (после недолгого колебания) Смыков.

— Хм, — сказал Зяблик, когда они углубились в райские кущи на приличное расстояние. — Уши прожужжали этим Эдемом! А что здесь, спрашивается, особенного? Ну не растут, допустим, в Отчине или Кастилии такие деревья. Согласен. Зато в Киркопии я еще и почище чудо встречал. С виду гнилой пятиметровый гриб торчит, ни дать ни взять, а дырочку в коре проделаешь — натуральный сидр хлещет. Градусов так примерно семи-восьми. Киркопы как налижутся его, так сразу драться начинают. Тут тебе, значит, и вино, и зрелище, и закуска, потому что древесины у этого гриба нежная, как плавленый сырок. Правда, слегка тухлым яйцом пахнет.

— Везет тебе, зайчик, — с неискренней завистью сказала Верка. — Из гнилых грибов тебе сидр хлещет, от красавиц иноземных отбоя нет, все-то ты на свете видел и слышал, даже людоеды-киркопы о твою задницу зубы поломали. Неспроста это.

— Баланс, — коротко объяснил Зяблик. — Сегодня везет, завтра нет.

Шли они пока что по следу, оставленному Рукосуевым, полагая, что он должен миновать все опасные места, а уж в лапы к аггелам точно не заведет. Деревья и кусты (хотя деление это было чисто условное, зависящее не от морфологии растений, а только от их высоты) росли чрезвычайно густо, но людям не оказывали почти никакого противодействия — хрупкие ветки легко ломались, мягкая листва расступалась даже не от прикосновения, а от одного дыхания, лианы рвались легко, как паутина, шипов и колючек не было и в помине.

— Дядя Тема, — вежливо спросила Лилечка, — вот вы про этого Рукосуева сказали, что он под воздействием бдолаха превратился в жестокого и всесильного скота. Но ведь к аггелам он так и не примкнул. А почему?

— Если бы я знал ответы на все вопросы, девочка... — рассеянно улыбнулся Артем. — Не всегда один хищник идет в ус-

лужение к другому. Не все бандиты ладят между собой. Временами случается и так, что злу приходится сражаться на стороне добра. У аггелов немало врагов, но не все они ваши друзья. Вспомни хотя бы инквизицию.

— А Рукосуеву можно как-то помочь? Вернуть его в первоначальное состояние?

— Галифе, скажем, мы на него натянуть сумеем. А вот насчет остального... Пойми, бдolah сам по себе не рождает ни пороков, ни добродетелей. Он лишь освобождает их от оков сознания, выпускает на волю. Добрый и порядочный человек таким и останется, даже если мешок бдolahа съест. Но если в душе червоточина имеется, она очень скоро может превратиться в большую гниль.

— А эта червоточина... откуда она берется? Прямо от рождения? Моя бабушка так говорила: всякий родится, да не всякий в люди годится.

— Мудрая женщина твоя бабушка. Люди действительно рождаются разными, и тут уж ничего не попишешь. Кто-то больше склонен к созерцанию, кто-то к борьбе. Одному на роду написано счастье, другому горе. Некоторые способны жить в согласии с окружающей действительностью, а некоторые стремятся переиначить ее под себя. Это, наверное, предопределенность. Хотя великие подвижники, как и великие злодеи, являются на белый свет не так уж и часто. А у большинства людей в душах примерно всего поровну намешано, и хорошего и плохого. Эти к кому угодно могут примкнуть. Вот за них-то изначально и идет борьба между силами добра и зла.

— Ну и на чьей стороне, по-вашему, успех?

— Если брать в общем, то, по-видимому, ничья. Равновесие.

— Бывают, правда, места и моменты, когда что-то одно сильно перевешивает, — вступил в разговор Зяблик. — В условиях перебора добра мне жить не приходилось, врать не буду, зато на злодейство человеческое насмотрелся... Занятные людишки в зоне встречались. Я ведь все больше на строгом режиме кантовался. Червонец у нас детским сроком считался. Бригадир — убийца, нормировщик — убийца, каждый второй в отряде тоже убийца. Ну ладно, если ты человека по пьяному делу грохнул или, там, в драке. Это понять можно. Все в жизни бывает. А как понять того, кто маленьких детей ловил и сутки напролет в подвале мучил, шепки и гвозди под ногти загонял? Кто мать родную из-за копеечного наследства подушкой задушил? Или взять того же Ламеха, который сейчас у аггелов

в авторитетах ходит. Я его по Талашевской зоне знал. В то время он еще на кличку Песик отзывался. В шестерках крутился. Но уже тогда за ним немало душ загубленных числилось. Хотя на суде всего один эпизод проходил. От вышки Песик только тем отмазался, что все его прошлые дела уже на других лопухов расписаны были, а следователи не сумасшедшие, чтобы под себя копать... Вот вы и скажите теперь, откуда такая мразь отмороженная берется?

— Выродки они, — ответил за всех Смыков. — Больные люди.

— Больные совсем в другом месте сидели! — уже завелся Зяблик. — В психушке! Бессрочно! А к нам только тот попал, кого экспертиза вменяемым признавала! Может вменяемый человек изнасилованной бабе еще и ножку от стула в задницу загнать?

— Не надо ссориться, друзья, — мягко сказал Артем. — Три тысячи лет назад какой-то безвестный египтянин сочинил притчу о правде и кривде. Кончается она тем, что кривда, олицетворяющая зло, ослепляет правду, олицетворяющую добро. При этом всемогущие боги приняли сторону зла. Пройдет, наверное, еще три тысячи лет, а люди по-прежнему будут мучиться вопросом, откуда берется зло и почему оно нередко оказывается сильнее добра.

— Вы хотите сказать, что эта проблема будет существовать до тех пор, пока существует род человеческий? — на ходу обернулся Цыпф.

— Можно сказать и так, а можно наоборот, — усмехнулся Артем, которого этот разговор начал забавлять. — Род человеческий будет существовать до тех пор, пока существует эта проблема. А если проблема добра и зла вдруг утратит свою актуальность, значит, мы имеем дело уже не с людьми, а совсем с другими созданиями, у которых и проблемы другие.

— Позвольте не согласиться с вами, — влез Смыков, когда-то имевший по диамату твердую четверку. — Добро и зло неразрывно связаны с конкретными противоречиями общества. На это есть прямые указания в трудах основоположников. Как только будут устранены социальное неравенство и эксплуатация человека человеком, зло исчезнет само собой. В бесклассовом обществе про эту проблему забудут.

— Опять двадцать пять! — застонал Зяблик. — Лично тебя кто-нибудь эксплуатирует? Ты социальное неравенство испытываешь? Тогда какого же хрена ты зло творишь?

— Какое зло? — взбеленился Смыков, очень гордый сво-

им предыдущим высказыванием. — Кому я что-нибудь плохое сделал? Попрошу привести примеры!

— Уголовные дела на невинных людей стряпал? Стряпал... — начал загибать пальцы Зяблик. — В инквизиции сексотом состоял? Состоял... На Верке жениться обещал? Обещал... Обманул? Обманул... Меня под пули подставлял? Подставлял, да еще сколько раз...

— Тьфу! — сплюнул в сердцах Смыков. — Какой абсурд вы, братец мой, несете! Мы же говорим о зле в философском, так сказать, плане... При чем здесь я? Я продукт своей эпохи! Не забываете о наследии проклятого прошлого, отголосках классовой борьбы и враждебном окружении!

— Какое наследие? Какие отголоски? Какое такое враждебное окружение? — Зяблик постучал себя пальцем по лбу. — Просто у тебя башка дубовая! Заучил когда-то чушь собачью и твердишь ее, как дурной поп свои святы. Справедливое общество полвека строили! Так где же оно? Мешали вам все время! То буржуи, то троцкисты, то кулаки, то вредители, то жидомасоны! Кила вам собственная мешала, которую вы нажили, читая труды основоположников! Кто может помешать человеку справедливым быть? Сосед? Жена? Участковый?

Смыков уже собирался в своей обычной манере возразить, что все наскоки Зяблика голословны и базируются не на знании законов общественного развития, а на личных обидах и беспочвенных амбициях, но ему помешала Верка, не терпевшая в последнее время идеологических споров.

— Тихо вы, самцы! И что у вас за порода такая горластая? Орете, как петухи, на всю округу! Да хоть бы по делу! А ведь ни яйца снести, ни даже курицу толком оттоптать не умеете! Только бы все на глотку брать! Станешь тут с вами... этой... как ее...

— Феминисткой, — подсказал Цыпф.

— Да нет, лесбиянкой!

Смыков, уже и не знавший, с кем спорить — то ли с Зябликом, то ли с Веркой, — просто махнул рукой и прибавил шагу. Артем, как бы подводя итог бурных прений, сказал Зяблику:

— Тяга к мечте так же свойственна роду человеческому, как и вечные метания между добром и злом. Разве вы не согласны со мной? Любая религия есть не что иное, как детально разработанная мечта. Мечта о спасении души, о воздаянии по заслугам, о пришествии царства Божьего. Поэтому я не вижу ничего плохого, если кто-то мечтает о справедливом обществе и грядущем братстве людей.

— Когда зэк на нарах дронит, он тоже кое о чем мечтает. — Зяблик деликатно откашлялся в кулак. — Но вреда от этого, кстати, никому нет. А если его ради чьей-то мечты насильно в позу ставят, это уже совсем другой коленкор. По закону квалифицируется как уголовное преступление. Как же тогда, спрашивается, к тем козлам относиться, которые ради своей мечты о справедливом обществе целый народ изнасиловали? Уж извините за грубое сравнение...

— Ничего, — улыбнулся Артем. — Грубо, зато убедительно... Да только история прямых путей не знает. Слепа она, как и эволюция. Тычется наугад носом. То в огонь угодит, то в родниковую воду...

— То в дерьмо, — подсказал Зяблик.

— Не без этого...

— Короче, не способны люди дерьмо от родниковой воды отличить? В историческом смысле?

— Пока не вляпаются по уши. Хотя из кучи дерьма выбрать еще можно. Есть вещи похуже. Знали бы вы, сколько смертоносных ловушек расставлено на путях истории.

— А вы знаете? — Зяблик покосился на Артема.

— Никто этого не знает... Однако мне приходилось видеть, как в таких ловушках гибли великие народы. Парадоксально, но самые опасные ловушки они строили своими собственными руками.

— А я про что? Лепили башню до неба, а оказались в вонючей яме.

— Ну все! — спустя несколько часов не выдержала Верка. — Не могу больше! Разве это лес? Да тут и двух одинаковых деревьев не найдешь! Я в соснячок хочу! В березняк! Чтобы ягоды можно было собирать, чтобы иголки за шиворот сыпались, чтобы мошара кусалась! В гробу я ваш рай видала! Тут даже под кустик присесть совестно! Ну прямо как на приеме у английской королевы!

— Действительно, — согласился Зяблик. — Странное место. Не лес, а пшик какой-то. Ни тебе плодов, ни орехов. Так и ноги с голодухи протянуть недолго.

— Все вам не слава Богу! — возмутился Смыков. — Рай и тот не нравится. Лишь бы только охаять! Да вы в таком месте отродясь не бывали. Под ноги себе гляньте! Ни ветки сухой, ни пенька гнилого, ни бурелома. Парк, а не лес.

Они уже давно оставили след Рукосуева и все больше забирали вправо (Смыкову показалось, что в той стороне шумит река). В зарослях насвистывали, верещали и попискивали ка-

кие-то живые существа, но до сих пор на глаза людям попадались только порхающие у самой земли студенистые создания — что-то вроде летающих медуз — да фантастического вида полунасекомые-полуцветы.

— Вы бы нам хоть бдolah тот показали, — обратилась Верка к Артему. — Любопытно знать, как он в природе выглядит. Или это секрет?

— Нет, не секрет, — неохотно ответил Артем. — Только бдolah в лесу не растет.

— А как вы его сами нашли?

— Долгая история...

— Не хотите, значит, рассказывать, — томно вздохнула Верка.

— Тут и рассказывать нечего. Совершенно случайно наткнулся. На вид это ничем не примечательное растение. Вроде одичавшего ячменя. Запах, правда, незабываемый. Голова кругом идет. Если вы на бдolah случайно наткнетесь, то сразу об этом догадаетесь. Ощущение возникает такое... словно ненароком забрел на плантацию созревающего опиумного мака.

— А следов вы там подозрительных не видели? — поинтересовался Смыков. — Тропинок, кострищ, выкошенных участков?

— Нет. Я ведь уже говорил, что в первый раз пробыл здесь совсем недолго...

— Атанда! — цыкнул на них шагавший в авангарде Зяблик. — Замрите! Поблескивает что-то прямо по курсу.

И действительно, среди мельтешения тончайших разноцветных полотнищ впереди можно было заметить отблески холодного серебра. Зяблик, сделав рукой предостерегающий жест, скользнул дальше, а все остальные присели на корточки. Очень не хотелось верить, что здесь, в благодатном Эдеме, их может подстергать какая-нибудь опасность.

В тягостном ожидании тянулись минуты. Наконец издалека донесся вполне будничный голос Зяблика:

— Подгребайте сюда. До реки Евфрат дошли.

Берег спокойной и широкой реки подступал прямо к опушке леса, и пышные гирлянды листьев лежали на воде, как волосы дриад. У дна шныряли речные существа, совсем не похожие на рыб: пестрые шары, при каждом движении превращавшиеся в блин, толстые червяки с роскошными крыльями-плавниками, какие-то корявые обрубки, чьи головы украшали целые гроздья глаз.

Сначала река показалась Цыпфу удивительно мелкой (ка-

ждый камушек на дне можно было различить), но, внимательно присмотревшись, он понял, что это всего лишь иллюзия, причина которой — удивительная чистота воды. На самом деле даже у берега глубина превышала человеческий рост.

— А почему вы эту реку Евфратом назвали? — спросила у Зяблика любопытная Лилечка.

— Да так, просто на ум взбрело... Лева, какая там река Эдем орошала?

— В Библии она не поименована, — ответил Цыпф. — Но древние могли подразумевать под ней и Тигр, и Евфрат, и даже Инд.

— Тогда отметим это дело! — Зяблик встал на колени и зачерпнул пригоршню воды. — Вкуснятина! Не хуже нарзана.

— Вы по берегу без толку не шатайтесь, — недовольно буркнул Смыков. — Не у себя дома... Кто жажду утолил, пусть лучше в кустах отдыхает.

Однако никто не принимал его ворчание всерьез — уж очень мирный, умиротворяющий пейзаж расстилался вокруг. Лилечка и Верка ушли вниз по течению, сказав, что им нужно кое-что простирнуть. Зяблик, выломав длинную ветку, пытался загарпунить какую-нибудь речную тварь. Толгай, ощущавший себя здесь почему-то не в своей тарелке, всячески отговаривал его от этого сомнительного эксперимента. Смыков, взобравшись на достаточно прочное дерево, придиричивым оком озирает райские дали. Словом, все были заняты делом, кроме Артема и Цыпфа, босиком прогуливавшихся по берегу.

— Внешний вид здешней флоры и фауны наводит на мысль, что эта страна никогда не принадлежала планете Земля, — сказал Цыпф, нюхая пальцы, которыми он перед этим тщательно растер пучок травы.

— Или такой планета Земля будет через миллионы лет, когда воспоминания о человечестве уже сотрутся в ее памяти, — произнес Артем, внимательно озираясь по сторонам. — Столь упоительный воздух и столь кристальная вода бывают, наверное, только в необитаемых мирах.

— Раньше вы не встречали ничего похожего?

— Трудно упомнить все, что я встречал, — уклончиво ответил Артем.

— Однако ваше поведение выдает неподдельный интерес к окружающему. Все остальные места, где нам пришлось побывать до этого, вызывали у вас скорее скуку.

— Я и сам не знаю, в чем тут дело... Вроде бы этот мир и

не представляет из себя ничего особенного... Но зачем тогда его стерегут Незримые?

— А их самих нельзя спросить? — осторожно поинтересовался Цыпф. — Вы ведь вроде имеете отношение ко всяким сверхъестественным созданиям...

— Спросить можно, — рассмеялся Артем. — Но это примерно то же самое, что спросить у деревьев, почему они растут вверх кроной, а не корнями... Человек не способен вступать в контакт с Незримыми. Хотя есть отдельные личности, предназначение которых как раз и состоит в том, чтобы служить посредниками между людьми и подобными существами. Их иногда называют Всевидащими Отче. С некоторыми мне даже довелось когда-то водить дружбу.

В обычно бесстрастных глазах Артема промелькнуло нечто такое, что Цыпф определил как тень воспоминаний, и скорее всего воспоминаний невеселых. Будучи от природы человеком деликатным, он поспешил перевести разговор на другую тему.

— Выходит, вы и сами не знаете, чем вас так заинтересовал Эдем?

— Вот это как раз и есть то, что называется сакраментальным вопросом... Где-то на Тропе или в одном из ее закоулков должен существовать так называемый Изначальный мир. Все остальные миры лишь его неудачные копии. Именно туда лежит мой путь. Только там я узнаю о своем предназначении. Вот я и подумал...

— Что Эдем и есть тот самый Изначальный мир? — едва не ахнул Цыпф.

— Примерно так... Но очень скоро я разочаровался. Изначальный мир невозможно спутать ни с каким другим. Он узнается сразу, как покинутый в детстве родной дом, как заветная, много раз виденная во сне мечта... Это должно быть как удар, как озарение... А здесь, увы, все совсем не так, хотя и есть что-то, отличающее Эдем от прочих миров... Вот только что именно?

— Давайте возвращаться, — Цыпф оглянулся назад. — А не то товарищ Смыков вынесет нам выговор с последним предупреждением.

— Одну минуточку... — Артем придержал Цыпфа за рукав. — Я специально искал случай, чтобы переговорить с вами наедине. Не хочу обидеть ваших товарищей, но вы мне кажется наиболее здравомыслящим из них. То, что я собираюсь

сообщить вам, в условиях публичного обсуждения может вызвать... неоправданно бурную реакцию.

— Нам опять грозит какая-нибудь опасность? — насторожился Цыпф.

— Сам не знаю... Но разговор пока не об этом. Дело давнее... Перед тем как отправиться в странствия по Тропе, я получил от своих покровителей инструктаж... Или, если хотите, пророчество. Кроме многого другого, мне было также предсказано, что, странствуя из мира в мир, я буду постепенно меняться, приобретая новые качества, необходимые для успешного завершения этой тайной миссии. Так оно и случилось... Сначала я приобрел неуязвимость и силу, затем способность перемещаться во времени.

— Разве такое и в самом деле возможно? — У Цыпфа от удивления полосы бровей выгнулись домиками.

— Представьте себе, возможно. В мироздании все сущее связано между собой — и пространство, и время, и разум, и дух, и живая и мертвая природа. Все это родилось в одной колыбели и со временем ляжет в одну могилу или скорее всего сгорит в одном грандиозном аутодафе¹. В каком-то смысле структура времени так же родственна нам, как это небо, эти камни, эти деревья и эти бессловесные твари. Стихии не тяготеют над людьми, люди сами есть частичка всех стихий. Проникновение во время — это всего лишь очередной этап проникновения в окружающий мир. Здесь нет ничего принципиально невозможного.

— Вы хотите сказать, что прямо сейчас можете отправить-ся в прошлое или будущее? — Цыпф снял и опять надел очки, от волнения едва не угодив дужкой в глаз.

— Совершенно верно. Но каждый раз это сопровождается грандиозными катаклизмами, последствия которых невозможно предсказать... Но и об этом как-нибудь в другой раз. Дело в том, что совсем недавно я приобрел еще одну не совсем обычную способность.

— Перемещаться в пространстве?

— Можно сказать и так... Проникать сквозь не воспринимаемые человеческими чувствами стены, разделяющие мироздание на отдельные миры. Первый мой опыт подобного рода вы видели в окрестностях несчастного города Сан-Хуан-де-Артеза. Моим невольным учителем стал варнак, зачарован-

¹ Аутодафе — публичное сожжение осужденных по приговору инквизиции.

ный Лилечкиным музицированием, а вся, так сказать, техническая работа была проделана существом, претендующим вместе со мной на эту телесную оболочку, — Артем ткнул себя в грудь большим пальцем правой руки.

— Кешей? — уточнил Цыпф.

— Кешей, — кивнул Артем. — Хотя надо признаться, что действовал он из чисто эгоистических побуждений. Если бы не его своевременное вмешательство, силы, возникающие при пробое межпространственной стены, превратили бы меня в нечто столь же бестелесное, как тень отца Гамлета, но куда более безобразное... Ясно, что это не устраивало Кешу, успешшего обжиться в моей шкуре... А теперь представьте себе, какие последствия может иметь это событие?

— Вы сможете по своей воле покидать Тропу и снова возвращаться на нее, — не задумываясь ответил Цыпф.

— Естественно. Ради этого я и охотился за варнаками. Хотя мой путь по Тропе это вряд ли сократит... Что еще?

— М-м... — Цыпф наморщил лоб. — Еще это обеспечит вашу личную безопасность. Вы можете бесследно исчезнуть в любой момент и в любом месте.

— Вот именно! Догадались. Но первым об этом догадался Кеша. В прагматизме ему не откажешь. Он стал свободно пользоваться этой возможностью и даже не спрашивает моего согласия. Вот как, например, выглядело мое первое пребывание в Эдеме. Едва я проник сюда через мир варнаков, как Кеша полностью завладел нашим общим сознанием. Обычно я не сопротивляюсь этому, зная, что он не подведет. Следующее, что я помню, — поле, сплошь заросшее бдолахом. Кеша сам вывел меня к нему. Но едва я успел наполнить сумку, как он буквально выпер меня из Эдема. Хорошо хоть в Нейтральную зону, а не обратно к варнакам... Что-то ему здесь определенно не нравится. — Артем вновь оглянулся по сторонам.

— А сейчас он вас не донимает?

— Притих. Чувствует, что я больше не позволю застать себя врасплох. Копит силы. Подгадывает момент.

— Значит, когда он скопит силы и подгадает момент, вы можете просто исчезнуть с наших глаз?

— Увы, — развел руками Артем. — Но я не хочу, чтобы вы воспринимали это как бегство. Хотя, думаю, и вам здесь задерживаться не следует. Соберите побольше бдолаха и возвращайтесь в Отчину.

— Где же его искать?

— Если бы я знал... Помню только, что это было открытое место, вроде степи. Ни реки, ни леса я поблизости не заметил.

— Жаль, что мы отпустили Рукосуева, — посетовал Цыпф. — Уж он-то, наверное, мог вывести нас куда надо.

— Сомневаюсь... Как я понял, обычными средствами его к сотрудничеству не склонить. Я имею в виду уговоры, угрозы, подарки... Он не доверяет нам.

— Вы допускаете присутствие в Эдеме какой-то серьезной опасности? Но ведь Рукосуев прожил здесь больше года — и ничего.

— Вы хотите стать похожим на него?

— Лично я — нет.

— Вот видите... Поэтому не стоит понапрасну рисковать. Это не ваш мир, пусть он и в самом деле выглядит как земной рай. Я к таким делам привычен, а вы можете попасть в неприятную историю. Обычная логика и благоприобретенный опыт здесь не только бесполезны, но и опасны. Шаблонные действия равносильны самоубийству, а научиться всему сначала способен далеко не каждый. Пока я здесь, бояться нечего, но... не забывайте, что в любой момент вы можете остаться в Эдеме одни.

Уже издали было слышно, как Смыков и Зяблик что-то бурно обсуждают, а в их спор то и дело вплетается ехидный голос Верки. На обычные препирательства бывшей жертвы режима и бывшего его столпа это не походило.

— Наша работа, наша, — твердил Зяблик. — Заточки всякие бывают. И длинные, и короткие. Смотря для какой нужды. Фраера в толпе пырнуть — одно дело, а от ментов отбиться — другое.

— А паз зачем? — не соглашался Смыков. — Вы мне, братец мой, объясните, для чего здесь паз проточен.

Вся ватага, сбившись в кучу, рассматривала какой-то предмет, находившийся в руках Смыкова. Цыпф, обеспокоенный мрачными предостережениями Артема, спросил с тревогой:

— Что там у вас случилось?

Зяблик с досадой отмахнулся, зато Смыков стал с готовностью рассказывать, как бы желая склонить Цыпфа на собственную сторону. При этом он демонстрировал свою находку: полуметровый металлический стержень, один конец которого был заточен, а второй расклепан на манер ласточкина хвоста.

— Вот, обнаружил случайно... В дереве торчал. Зяблик догадывает, что это обыкновенная бандитская заточка, а по-моему, это стрела или дротик местного производства. Посмотрите, острие закалено. А тут стабилизатор с пазом для тетивы.

— Где ты, голова садовая, видел, чтобы стрелы целиком из железа делали? — накинулся на Смыкова Зяблик. — Это то же самое, что свиней апельсинами кормить. Бесполезно и накладно.

— А арбалеты, по-вашему, чем стреляли? — хитро ухмыльнулся Смыков.

— Дурак, у арбалета стрела вот такой длины была, — Зяблик пядью расставил большой и указательный палец. — Не стрела, а болт. Тем более, ты арбалет с луком не ровняй. У того тетива втрое мощней... А это заточка из электродной стали. Что я, заточек не видел?

— Хорошо, а стабилизатор зачем? — не сдавался Смыков.

— Кто тебе сказал про стабилизатор? Сюда ручка деревянная насаживалась, понятно? Серьезная вещь. Не иначе как аггелы потеряли.

— Зачем аггелам заточки? Мало у них пистолетов и штык-ножей?

— А стрелы им тем более ни к чему. Видел ты хоть одного аггела с луком или арбалетом?

Дискуссия зашла в тупик. Не находя больше существенных доводов в свою пользу, Зяблик и Смыков принялись обмениваться советами: в какое конкретно место каждый из них может засунуть загадочную железяку. Чаще всего почему-то упоминались различные полости человеческого тела.

— Дайте-ка. — Артем вдруг заинтересовался предметом спора.

Взвесив стержень на ладони и по принципу коромысла определив центр тяжести, Артем несколько раз метнул его в ближайшее дерево (острие всякий раз глубоко вонзалось в податливую древесину), а потом легко согнул на манер кочерги.

— Мне кажется, что правы вы оба, — сказал он, закончив свои эксперименты. — Один из вас прав в том, что это, несомненно, метательное оружие. В противном случае оно было бы закалено по всей длине. А другой прав в том, что изготовлено оно в Отчине из сварочного электрода.

— На кого же здесь с такими стрелами охотятся? — удивилась Лилечка.

— На людей, вестимо, — с постным выражением лица

объяснила Верка. — Вот тебе и рай земной! Везде одно и то же.

Цыфф, который старался никогда никому не навязывать своего мнения, тут не утерпел (слова Артема не шли у него из головы):

— Стоит ли придавать такое значение всякой ерунде? Железо наше по всем странам расплзлось от Киркопии до Баламутья. Ведь никто и не доказывает, что Эдем — необитаемое место. Бывали здесь люди до нас. Не только Сарычев со своей ватагой да аггелы, но, наверное, и еще кто-то. И что тут удивительного, если они были вооружены луками. Пистолетов на всех не напасешься... Я это к чему говорю? Не надо забывать цель нашего путешествия в Эдем. Не до расследований сейчас. Каждая минута дорога. Бдолах надо искать и назад подаваться. Не в гостях мы...

Возразить тут было нечего. Один лишь Зяблик отбросил кривой стержень в сторону, буркнул про то, что для нормального дела и стрелы нормальные ладятся, а железная стрела то же самое, что серебряная пуля, — на того рассчитана, из кого жизнь вот так запросто не вытряхнешь.

На его брюзжание никто внимания не обратил, и решено было отправляться в глубь Эдема за бдолахом. Немедленному началу экспедиции мешали два обстоятельства — достаточно глубокая река, отсекавшая райский лес от райских лугов, и чувство голода, к этому времени уже достигшее интенсивности настоящей пытки.

Чистейшая эдемская вода не умаляла, а, наоборот, возбуждала аппетит. Речная живность легко уходила от примитивной остроги Зяблика, да и мелка была чересчур, чтобы насытить всю компанию. Вспомнив пример Рукосуева, стали выдергивать из земли все, что видом напоминало корнеплоды, а размером превосходило мизинец.

— Вы, Вера Ивановна, ежели добродушно настроены, как нас называете? — спросил Смыков, ножом очищая что-то похожее на редиску.

— Зайчиками... — внятно говорить Верке мешал набитый рот.

— Правильно называете! — Смыков ухмыльнулся своей собственной шутке.

Некоторые корешки сильно горчили, другие были безвкусны, как мякина, но попадались и такие, что могли привести в восторг и самого взыскательного гурмана.

— Вы вот это попробуйте, лиловенькое, — советовала Лилечка. — Ну прямо настоящий шоколад.

— А ты шоколад пробовала? — поинтересовался Зяблик.

— Бабушка рассказывала.

— Анекдот про шоколад хочешь послушать?

— Если похабный, то не хочу.

— Самый что ни на есть приличный. В детском саду можно рассказывать... Приезжает, значит, чукча в Москву...

— Кто? — переспросила Лилечка.

— Чукча. Народ такой был, вроде тех гавриков, что сейчас по Хохме на бегемотах разъезжают. А Москва — это город такой. Вроде Талашевска. Только побольше. Столица нашей бывшей родины.

— Про Москву я что-то слышала, — кивнула Лилечка.

— Просто замечательно. Можно продолжать?

— Ага.

— Какие там дела у чукчи в Москве были, не знаю, но кто-то его шоколадом угостил. Целой плитки не пожалел. Шоколад, к твоему сведению, в плитках выпускали. Вот... Вернулся, значит, чукча домой. Позвал в свой чум соседей и давай рассказывать, какой это замечательный город Москва. А напоследок говорит, дескать, довелось мне там одно лакомство попробовать. Шоколадом называется. Коричневое, квадратное, а вкус такой, что и описать невозможно. Соседи, само собой, удивляются. Неужели вкуснее жареной оленины? Вкуснее, отвечает чукча. Неужели вкуснее мороженой рыбы? Вкуснее. Соседи уже на рогах стоят, не верят ему. Неужели вкуснее тухлой моржатины? Вкуснее, упирается чукча, ну так вкусно, так вкусно... как будто бабу трахаешь!

Лилечка заелела личиком и бросила в Зяблика недоеденным лиловым корешком, а Верка не без сарказма заметила:

— Тебе-то самому, зайчик, тухлая моржати́на наверняка вкуснее бабы.

Короче, наесться толком не наелись, но хоть животы набили. Пора было и к переправе приступать.

Половина ватаги сразу понурила головы. Если не считать Артема, более или менее прилично на воде держались только трое: Зяблик, Смыков и, как ни странно, Верка. Цыпф и Лилечка, взрослевшие в эпоху тотального обмеления водоемов, плавать почти не умели, а Толгай вообще чурался водных процедур, как паршивый кот.

— Давайте брод поищем, — неуверенно предложил Цыпф.

— Давайте поищем, — Зяблик зловеще прищурился. —

Авось через недельку и найдем. Сам же говорил, оратор хренов, что каждая минута дорога. Навязались на мою голову...

— Аркан давай, — нагло заявил Толгай. — Я аркан на тот берег брошу. По аркану быстро-быстро переберемся.

— Рожу я тебе аркан, что ли? Вот, бери все, что есть! — Зяблик рванул брезентовый ремень, подпоясывавший его штаны, да, видно, перестарался — ремень лопнул, лишив своей поддержки пистолет. Пришлось Зяблику переложить его в карман куртки. Без матюгов, естественно, не обошлось.

— Вы в самом деле хотите перебраться на тот берег? — поинтересовался Артем.

Недоумеая по поводу столь риторического вопроса, ватага тем не менее была вынуждена подтвердить свое намерение, хотя и на разные лады, начиная от решительного «Еще как!» — Зяблика и кончая уклончивым «Ну наверно...» — Лилечки.

— Нет, не верю, — покачал головой Артем. — Никакой страсти. Вы не хотите, а только соглашаетесь. А надо гореть желанием. Просто разрываться от чувств.

Только теперь его мысль стала доходить до понимания широких масс.

— Вы думаете, бдолах поможет? — воскликнула Лилечка.

— Непременно. Но для этого нужно очень захотеть.

— Я хочу, но боюсь.

— Чего боишься?

— Захлебнуться.

— Смерти, проще говоря, боишься. А если смерти боишься, значит, жить хочешь. Сейчас, правда, не очень сильно хочешь, но когда захлебываться начнешь — захочешь по-настоящему. И тогда бдолах начнет действовать.

— Неужели он меня плавать научит? — Лилечка еще раз продемонстрировала степень своей наивности.

— Нет, конечно. Но зато поможет тебе выжить. Даст новые силы, изменит активность газообмена в крови, блокирует накопление углекислоты... В этих вопросах я, признаться, не специалист, но, думаю, на какое-то время твой организм станет как у ныряющего кита. Они ведь воздухом дышат, а под водой и по часу могут находиться. Главное, не впадать в панику и постоянно хотеть, желать, алкать спасения.

— Но я все же не понимаю... — Лилечка зябко передернула плечами, словно уже ощутила кожей холод речных глубин. — Плыть-то как? Я ведь даже по-собачьи не умею.

— Ты ходить умеешь?

— А разве не заметно? — обиделась Лилечка.

— Вот и решение проблемы. Ты не поплывешь, а пойдешь по дну. Вода чистая, дно песчаное, с пути сбиться невозможно. Всего-то и надо сделать шагов пятьдесят. На всякий случай тебя будут страховать. Один человек на том берегу, второй на середине реки, третий здесь. Согласна?

— А разве есть выбор? — Губы Лилечки дрогнули, а в глазах блеснула предательская влага.

— Выбор есть почти всегда... Оставайся на этом месте и жди нашего возвращения. Или добирайся до Отчины самостоятельно, — голос Артема внезапно приобрел необычную для него резкость.

— Нет-нет! — Лилечка испугалась уже по-настоящему. — Я с вами!

Пока Смыков — по его собственному заявлению, лучший пловец ватаги, не тушевавшийся ни перед крутыми волнами Карибского моря, ни перед мутными, кишасшими крокодилами водами Лимпопо, — классическим брассом пересекал реку (имея на голове сверток одежды, в середину которого было запрятано личное оружие), Цыпф, Лилечка и Толгай лошадиными дозами поглощали бдолах. Свою долю попытался урвать и Зяблик, уже раздевшийся до кальсон (во время подводной переправы ему поручалось патрулирование по стрежню реки), но получил от Верки по рукам.

— Не трогай! — прикрикнула она. — Мало ли, что тебе в воде захочется! Еще акулой себя возомнишь. Придется вырезать плавники и жабры.

Выждав для верности несколько минут (бдолах был сырой, неочищенный и мог действовать с замедлением), приступили к форсированию райской реки. Первым пустили Толгая — как личность с наиболее устойчивой психикой. Глядя, как он, держа перед собой вместо балласта увесистый камень, осторожно входит в воду, Верка процитировала по памяти неизвестно из какой книжки:

— Сначала всегда кормили дедушку. Если по прошествии часа он не проявлял признаков отравления, за трапезу принималась вся семья.

Толгай, видевший смерть чаще, чем иные — срамное место своей жены, на этот раз заметно трусил. Причина его водобоязни, возможно, проистекала из того же источника, что и страх средневековых европейцев перед явлением кометы — в этих столь разных природных стихиях недалеким людям чудилась злая воля высших сил.

— Вдохни поглубже! — посоветовал Артем, когда над водой осталась торчать только голова Толгая.

Однако тот так оробел, что перестал ясно понимать русскую речь и вместо глубокого вдоха сделал глубокий выдох. Так он и ушел на глубину, даже пузырей не пустив, а для наблюдателей, оставшихся на берегу, сразу как бы укоротившись вдвое.

Цыфф, с трепетом следивший за тем, что в самое ближайшее время предстояло проделать и ему самому, по привычке отсчитывал время по ударам собственного пульса. Он прекрасно понимал, что идти под водой, борясь одновременно и с течением, и с удушьем, и с выталкивающей силой, совсем не то же самое, что праздно разгуливать по берегу, но тем не менее в душе клял Толгая за медлительность. Наконец тот достиг середины потока — об этом взмахом руки известил Зяблик, плывший параллельным курсом. После этого темп подводного марша еще более замедлился, — и две или три минуты спустя Толгай все еще продолжал топтать по дну. Это скорее радовало, чем пугало, — любой другой на его месте, исключая разве что профессиональных ныряльщиков, уже давно бы захлебнулся. Следовательно, расчеты на всесильность бдлоаха оправдались.

Никому из оставшихся на этой стороне уже не было видно Толгая, но и Зяблик и Смыков жестами сигнализировали, что все покуда в порядке.

Вскоре вода у противоположного берега забурлила, и на поверхности показалась голова — круглая, сплошь облепленная волосами и поэтому похожая на черный бильярдный шар.

— Уф! — облегченно произнес Толгай, предварительно выпустив изо рта фонтанчик воды. — Хелден тайдылар... Из сил выбился.

— Зато можешь еще года два не мыться! — крикнула со своего берега Верка.

Смыков помог Толгаю выбраться на сушу, а Зяблик поплыл обратно.

— Ну, кто следующий? — спросил Артем.

— А можно мы вдвоем? — Выражение на лице Лилечки было примерно такое же, с каким королева Мария-Антуанетта всходила на эшафот.

— Да-да! — заторопился Лева Цыфф. — Мы вместе...

— Как угодно, — кивнул Артем.

— Очки не забудь снять, кавалер, — добавила жестоко-сердная Верка.

Заранее заготовленные камни лежали на берегу. Лилечка взяла один в охапку, осторожно, как мину. Лева зажал другой под мышкой, а свободной рукой обнял спутницу за талию.

— Так и пойдете? — удивилась Верка. — Не раздеваясь?

— Так и пойдём, — ответила Лилечка без выражения.

Обнявшись, они ступили в воду (кто-то при этом еле слышно ойкнул), но уже через пару шагов случился конфуз — подол платья надулся пузырем, грозя на глубине завернуться хозяйке на голову. Впрочем, Лилечка очень быстро нашла выход из положения — сунула в подол балластный камень. Верка позади нервно хохотнула, а Смыков, такой маленький на своем недостижимо далеком берегу, ободряюще крикнул:

— Смелее! Никакого страха нет!

Если бы!.. Был страх! Страшны были уже первые шаги по круто уходящему вниз дну, но неизмеримо страшнее был миг, когда колеблющаяся поверхность воды, холодным языком облизав лицо, сомкнулась над головой. Сразу стало сумрачно, неуютно, холодно. Даже звуки изменились — в ушах что-то гулко забухало и забубнело. На тело со всех сторон навалилась тяжесть, ничуть не меньшая, чем в мире варнаков.

Речные твари нагло шныряли вокруг, едва не тыкаясь в людей. Цыпф попытался ухватить одну, самую надоедливую, но промахнулся — водная среда искажала расстояние.

Далеко вверх в ореоле радужных пузырьков скользила тень — раскорячившийся лягушкой Зяблик. Неприятные громышающие звуки, больно бьющие по барабанным перепонкам, производил скорее всего именно он.

Дно все понижалось. Ближе к середине реки его сплошь покрывали водоросли — длинные бурые извивающиеся ленты, в которых путались ноги.

Внезапно в лицо Лилечке ткнулось что-то омерзительно-податливое, скользкое и еще более холодное, чем придонная вода. Забыв, где она находится, девушка вскрикнула, и воздух одним огромным пузырем вырвался из ее легких. Обгоняя его, метнулась прочь виновница происшествия — студенистая колоколообразная тварь с пучком щупалец вместо головы.

В последний момент Лилечка все же успела закрыть рот, но ее опустевшие легкие съжились наподобие пробитого футбольного мяча. Цепкие объятия речной глубины еще сильнее сдавили тело, а особенно — грудь.

Вот когда Лилечка испугалась по-настоящему. Все вылетело из ее головы. Как будто бы не было предупреждений Артема о недопустимости паники, как будто бы ее не хранил чу-

додейственный бдолах, как будто бы не было поблизости верных друзей, всегда готовых прийти на помощь. Может, Лилечка и желала сейчас спасения, но ее желание тонуло в омуте черного страха, точно так же, как она сама тонула в этой коварной и обманчивой реке.

Багровые пятна заплесали в ее глазах, в голове загудело (не только в ушах, а сразу во всей черепной коробке), ноги налились свинцом.

Смерть уже была рядом, уже хватала за горло своими клешнями, уже укутывала в обрывки собственного савана, но кто-то этой смерти мешал, кто-то не давал Лилечке выронить камень, кто-то зажимал ее полураскрытый рот, кто-то силой тащил ее дальше, сквозь плавно колеблющиеся заросли траурно-бурых водорослей.

О Леве Лилечка вспомнила лишь тогда, когда его горячие губы (все вокруг было холодное, как в могиле, а эти губы — горячее угляй) с почти голливудской страстью впились в ее безвольно расслабленный рот. Лилечка рванулась было — девичью честь полагалось блюсти и на пороге небытия, — но тут же сомлела, почувствовав, как в легкие вливается живительный воздух.

Оказывается, это был вовсе не поцелуй, а что-то вроде искусственного дыхания по системе «рот в рот». Лева отдал ей весь запас своего воздуха без остатка, да и было того воздуха, может, всего литра два, но главным оказалось совсем не это, а то, что Лилечкин черный страх улетучился. Теперь она была не одна, рядом находился еще один человек: живой, теплый, сильный, сообразительный, а главное — готовый защитить ее от любой напасти.

Страх ушел, а жажда жизни осталась. Тут уж за дело пора было браться бдолаху. Не разнимая объятий, они не выбрались, а буквально вылетели на берег, едва не сбив при этом Смыкова, в целях опорожнения ушей от воды прыгавшего на одной ноге.

— Лихо вы, граждане водолазы! — похвалил их Зяблик, все еще остававшийся на воде. — Вам бы в свое время за сборную общества «Водник» выступать. В подводном беге с препятствиями.

Он и не заметил заминку, случившуюся с Лилечкой и Цыфом на дне.

А на другом берегу к заплыву готовились Артем и Верка. Он и сапог снимать не стал, только перевесил сумку с остатками бдолаха с пояса на шею. Она же скинула с себя абсолют-

но все и, связывая одежду в узел, который, по примеру Смыкова, собиралась пристроить на голове, извиняющимся тоном сказала:

— Боюсь, как бы не полиняло барахлишко. Как я тогда перед местными женихами выглядеть буду...

Эта маленькая победа окрылила всю ватагу, а в особенности тех, кто напробовался бдолаха. Обычно молчаливый Толгай, мешая слова родного языка с русским и пиджином, горячо и во всех подробностях описывал жуткие перипетии своей подводной прогулки: как боязно ему было поначалу одному на дне реки, где, по рассказам шаманов, должен обитать многоногий и многорукий злой дух Чотгор, и как он потом изрубил саблей этого духа, посмеявшегося высунуться из логова.

— Борын... морда, значит, вот такой! — он широко раскинул руки. — Усы еще больше... Явыз... Злой... Страшный...

— Сильно злой? — рассеянно поинтересовался Смыков.

— Сильно! Как пьяный Зябля.

Сам Зяблик в этот момент пытался разжечь костер, сложенный из сырых сучьев какого-то райского кустарника. Был он в этом деле общепризнанным корифеем (на лагерном лесоповале и не такому можно научиться), но нынче его безотказная зажигалка, еще в Отчине заправленная самогоном-первачом, давала осечку за осечкой. Искры от кремня сыпались исправно, но фитиль зажигаться не хотел. Зяблик остервенело тряс зажигалку, обнюхивал ее со всех сторон и громко материл неизвестного злоумышленника, подменившего самогон водой.

— Сам, наверное, и выжрал, а теперь виноватых ищешь, — сказала продрогшая Верка, ошивавшаяся рядом в тщетном ожидании тепла.

Не стесняясь ни ветхого вафельного полотенца, составившего весь ее наряд, ни своей мальчишеской груди, ни безобразного ножевого шрама под пупком, она для сугрева принялась вытанцовывать что-то, напоминающее канкан.

Оглянувшись на подружку, Лилечка тоже поборола стыд и, стянув мокрое платье, принялась с помощью Цыпфа выкручивать его. При этом она беспричинно улыбалась налево и направо. На девушку сейчас было любо-дорого глянуть: щеки разрумянились, глаза сияют, высокая грудь вздымается как бы в предчувствии счастья, пышные формы вовсе не портят фигуры, а, наоборот, придают ей особую пикантность. Не то это бдолах продолжал действовать, не то она внезапно влюбилась.

Последнее предположение косвенно подтвердилось, когда Лилечка в сопровождении Левы отправилась в чашу кустарника, дабы развесить там для просушки свою одежду.

Многозначительно глядя им вслед, Верка сказала:

— Какой же рай без Адама и Евы!

— Подожди, вот скоро змей поганный приползет, — мрачно предрек Зяблик, расстроенный отказом зажигалки.

— Сплюнь через левое плечо.

Лева и Лилечка тем временем выбирали куст, наиболее удобный для такого ответственного дела, как просушка платья. Эти поиски постепенно уводили их все дальше и дальше от реки.

— Спасибо тебе, — вдруг сказала Лилечка.

— За что? — Лева остановился, словно к месту прирос.

— Ведь ты же спас меня!

— Разве? — В голосе Левы звучало опасливое удивление.

— А то нет! Ты же мне свой воздух отдал.

— Я сам испугался тогда, — честно признался Лева. — Если бы ты захлебнулась, я бы тоже спастись не стал. Не знаю даже, как это получилось... Я не нарочно... Я только поцеловать тебя хотел... На прощание... Воздух перетек сам собой. По принципу сообщающихся сосудов. — Он опустил глаза.

— Ты бы хоть раз соврал, — вздохнула Лилечка. — А впрочем, какая разница... Главное, что мы живы. Но я как порядочная девушка просто обязана вернуть тебе поцелуй.

— Прощальный?

— Ну почему же! Пусть он будет... как бы это лучше сказать... обещающим, что ли...

— Залогом будущих встреч? — просиял Лева.

— Вот-вот! Господи, откуда ты только слова такие знаешь.

— Тогда я согласен... Давай, возвращай! — Лева быстро снял очки и пригладил растрепавшиеся после купания волосы.

— Что значит — давай? — возмутилась Лилечка. — Так с девушками не разговаривают. Ну-ка вспомни что-нибудь соответствующее моменту.

— Сейчас... э-э-э... — Лева опять нацепил очки, в которых ему всегда лучше думалось. — Даруй поцелуй мне, принцесса. И пусть я от счастья умру, волшебное это мгновение жизнь скрасит в загробном мире...

— Все-все-все! Молодец! — Лилечка захлопала в ладоши. — Только про загробный мир больше не надо... Ты это сам придумал?

— Нет. Стихи принадлежат одному малоизвестному кас-
тильскому менестрелю. Но перевод мой.

— Ах, жалко, я ничего такого наизусть не знаю, — опеча-
лилась Лилечка.

— Тебе это и не нужно... Воспевать страстную любовь —
дело мужчин. А женское дело — страстно любить.

— Ага! Хочешь сказать, что курицам не положено кукаре-
кать? — возразила скорая на обиду Лилечка.

— Ты, кажется, забыла, о чем у нас шел разговор, — на-
бравшись смелости, напомнил Лева.

— А ведь верно. — Лилечка озадаченно умолкла. — Ты сам
все время меня сбиваешь. Так нельзя.

— Больше не буду. — Лева нервно откашлялся и, чуть
приоткрыв рот, наклонился к Лилечке.

— А ты хоть раз целовался, певец страстной любви? — хи-
хикнула Лилечка.

— Целовался, — кивнул Лева.

— С кем это, интересно? — Лилечка подбоченилась. —
А ну, отвечай!

— С тобой. На дне реки. Ты разве забыла?

— Это меняет дело, — обреченно вздохнула она. — Ладно
уж... Только губы-то не поджигай, не укушу.

После первого поцелуя Лева почувствовал себя так, слов-
но его укачало на карусели. Чтобы не упасть, он вцепился в
Лилечку, и они вместе сели под куст, на котором наподобие
флага победы полоскалось ее платье, кстати, уже почти сухое.

— Ну что, понравилось? — спросила Лилечка шепотом,
словно боялась, что их могут подслушать. — Еще?

— Еще! — простонал Лева, чувствуя, как его покидает не
только обычная рассудительность, но и разум вообще.

— Ах какой ты хитрый... Но что уж тут поделаешь, раз на-
чали... Только не надо меня руками лапать.

С запоздалым стыдом Лева убедился, что его руки нахо-
дятся совсем не там, где полагается быть рукам воспитанного
человека — правая на чашечке Лилечкиного лифчика, левая
на ее округлом и гладком бедре.

Он попробовал было целоваться без рук, но не выходило.
Прежней близости не хватало, что ли. Пришлось обхватить
девушку за плечи. Впрочем, она сама, целуясь, обняла Леву за
шею и даже запустила пальцы в его шевелюру.

Невинная забава, начатая нашей парочкой под кустом,
похоже, затягивалась, и Лилечка устроилась поудобнее, да

так, что куда бы Лева теперь не тыкался губами, попадал только в ее лицо или шею.

На лифчике что-то само собой отлетело (Лева себе такую вольность никогда бы не позволил), и бретельки сползли с плеч девушки. Она попыталась было что-то возразить, но сумела выдать только нечленораздельное мычание — в этот момент ее язык находился в Левкином рту.

Пространство для ласк сразу увеличилось — даже неискушенный в любовных утехах Лева догадался, как можно с приятностью использовать два эти сокровища, буквально свалившиеся ему в руки. Но прежде, чем припасть ртом к ее соскам — таким же алым, как и губы, — Лева, не лишенный дара эстетического восприятия, успел отметить, что за долгие годы эволюции природа не сумела создать ничего более гармоничного по форме, чем молодые женские груди.

— Не надо, не надо... — шептала Лилечка, лобзая Леву в макушку, а сама все плотнее прижималась к нему и даже груди свои для его удобства поддерживала снизу ладонями.

Старательно делая все то, к чему его побуждало неосознанное телесное желание и ненавязчивый Лилечкин напор, Лева каким-то никогда не дремлющим уголком сознания понимал, что это не все, что игра зашла слишком далеко, чтобы окончиться безрезультатно, и что ему еще предстоит нечто такое, что может принести и несказанное наслаждение, и несмываемый позор. Все говорило за то, что Лилечка не такая уж простофиля в любовных делах, как это могло показаться вначале, и одними ласками ее до экстаза не доведешь. Пора было переходить к решительным действиям, но страх опростоволоситься перед любимой (что для него являлось уже неоспоримым фактом) одолевал плотскую страсть.

Развязка тем не менее приближалась — на Лилечке уже вообще ничего не было, и он даже не понимал, как это могло случиться. Все тело ее влажно блестело от поцелуев, а кое-где в особенно нежных местах расцветали пока еще тусклые розы легких кровоподтеков.

Была не была, решил он, ощущая себя как неопытный циркач, которому впервые в жизни предстоит пройти по натянутому над бездной канату. Пан или пропал! Ведь когда-нибудь да надо начинать.

Продолжая целовать уже порядочно распухшие девичьи губы, он попытался расстегнуть свой ремень, на котором чего только не висело: и пистолет в кобуре, и пустая фляжка, и штык-нож, и брезентовый подсумок со всякой всячиной. Од-

нако мягкий живот навалившейся на него Лилечки мешал добраться до пряжки, а отклониться назад не давал куст. Когда же Лева с грехом пополам освободился наконец от своей амуниции, загремевшей и залязгавшей при этом, Лилечка резко отстранилась.

— Ты чего? — недоуменно спросила она.

— Ничего... — Ну что еще мог ответить на этот вопрос бедный Лева?

— Не смей! — Туман, заволакивавший до этого глаза девушки, быстро рассеивался. — Ишь, какой быстрый... Я ему как другу доверяла, а он скорее штаны снимать!

— Я как ты... — растерянно пробормотал Лева.

— Как ты... — передразнила она его. — Это совсем разные дела! Да и не снимала я ничего. Ты мне сам все белье изорвал.

Действительно, лифчик требовал серьезной починки, а на трусики Лева даже глянуть боялся.

— Отвернись! — приказала она.

За спиной Левы зашуршал куст, а потом затрещала материя платья.

— Во, блин! — с досадой сказала Лилечка. — Что за напасть сегодня такая? Все по швам расползается... Можешь теперь повернуться, только штаны сначала подтяни.

Послушно исполнив все указания, Лева увидел, что Лилечка старается приладить к платью оторвавшийся рукав.

— Как же я в этой рвани ходить буду? — сетовала она, критически оглядывая свой наряд. — Ведь такое крепкое платье было! Я его и надела специально... Ладно, не стой столбом. Пошли, — она взяла Леву под руку. — А теперь послушай меня, миленький. Договоримся раз и навсегда. Всякому бабловству пределы есть. Я не Верка, чтобы под всех подряд ложиться. Хочешь со мной дружить — дружи. Станет тоскливо, приходи, я тебя всегда пожалею. А о серьезных вещах поговорим после того, как домой вернемся. Согласен? Что молчишь?.. Понимаю, что ты обо мне сейчас думаешь. Дескать, если уж мне так с варнаками повезло, значит, я последняя потаскуха, да? Я ругань вашего Зяблика по гроб жизни не забуду! Никогда его не прощу! Пережил бы хоть кто-нибудь из вас то, что я тогда пережила! Не на варнаков я в обиде, а на вас, охломны!

Она вырвала свою руку, заплакала и побежала вперед, сверкая прорезами в платье...

Приближаясь к бивуаку, разбитому на речном берегу, Цыпф ожидал всего, чего угодно: грубых шуточек, ехидных советов, многозначительных взглядов — но, как ни странно, его появление прошло почти незамеченным. Общество было целиком занято новой и весьма серьезной проблемой, возникшей буквально на пустом месте.

С чем-то похожим Лева уже успел столкнуться под кустиком, давшим им с Лилечкой недолгий приют. Одежда, еще вчера вполне добротная, сегодня расплзалась на части. Ватага выглядела, словно шайка оборванцев. Неизменный малахай Толгая светился проплешинами, будто бы его мошь побила. У Смыкова на ботинках отвалились подошвы. Зяблик, лишившийся ремня еще на том берегу, теперь даже шевелиться боялся — при каждом резком движении его куртка и брюки осыпались трухой. Верка, все еще обернутая в полотенце, демонстрировала всем свои превратившиеся в кисею одежды.

— Да это речка наверняка виновата! — доказывал Зяблик. — Не вода в ней, а кислота какая-то!

— Была бы кислота, у вас бы, братец мой, шкура чесалась, — возражал Смыков. — Я, между прочим, при переправе ничего своего не замочил, а результат тот же.

— Не зря, выходит, тот красавец голышом бегал, — вспомнила Верка. — Нельзя по Эдему в одежде разгуливать. Вы что, про Адама с Евой забыли?

— Им-то что... они стыда не знали, — печально вздохнула стоящая в стороне Лилечка.

— Стыд, как говорится, не дым, глаза не выест. — Зяблик выглядел как никогда хмуро. — Одежду в крайнем случае можно и из листьев сделать. Тут позакковыристей дела могут прорезаться... Я, значит, разобрал все же свою зажигалку. Все в ажуре — и кремьень, и фитиль. Зря на них грешил. Только вместо самогона девяностоградусного в зажигалке вода оказалась. И хихикать тут нечего...

Ни слова не говоря, Артем пустил по кругу сумку, в которой хранился бдлах.

— Не понял... — Зяблик носом втянул воздух. — Сюда что, коты нагадили?

— Да, запашок... — скривился Смыков.

— А внутри-то, внутри! — ужаснулась Верка. — Слизь какая-то!

— Подумать есть над чем. — Артем покосился на Цыпфа. — Что-то наш профессор приуныл. С чего бы это?

— Неудовлетворенные желания приводят к депрессии, —

авторитетно заявила Верка. — В особенности неудовлетворенная похоть.

— Вам виднее, — вяло огрызнулся Цыпф, у которого и без того сердце было не на месте.

— Признаться, мне импонирует коллегиальность, с которой вы решаете важные вопросы, — сказал Артем. — Вот и попробуем разобраться во всем случившемся совместными усилиями. Пусть каждый постарается вспомнить то, что лично ему здесь показалось особенно странным. А глубокоуважаемый Лев Борисович эти факты сопоставит и проанализирует.

— А что же вы сами?..

— Я, конечно, не останусь в стороне. Но тут важна не логика, а знание точных наук. По крайней мере, мне так кажется. Ну, начинаем!

— Мне, например, больше всего запомнился этот голый красавчик, — мечтательно произнесла Верка. — И совсем не за то, о чем вы подумали. Странно все же... Здесь хоть и рай, но ходить без трусов очень неудобно.

— У Веры Ивановны, конечно, своя точка зрения, — ухмыльнулся Смыков, — но лично меня удивило другое. Почему в здешнем лесу нет ни пней, ни валежника, ни опавшей листвы. Вы наши леса вспомните. Из-за бурелома да сухостоя дальше опушки не сунешься. Куда это все девалось? Дворники тут, думаю, штатным расписанием не предусмотрены.

— Теплее, — кивнул Артем. — Уже теплее... Кто следующий?

— Я свое замечание уже высказал, — жуя незажженную самокрутку, буркнул Зяблик. — Ладно, самогон, конечно, может выдохнуться, но не за такое же время! И вот еще что, — кончиком языка он попробовал крупичу махорки. — Знатное курево было. До потрохов пробирало. А теперь — натуральная солома.

— Табак, следовательно, разделил участь бдолаха, — Артем слегка прищурился. — Все один к одному... А ты, Лилечка, что скажешь?

— Не знаю, — девушка пожала плечами. — Вы спрашиваете, что мне здесь кажется странным... Мне все странно... Вроде бы рай. Тихо, красиво... А на душе тревожно... Как будто бы кто-то над нами опыты ставит... Заманили в ловушку и проверяют, что мы делать будем, если голыми останемся. Про следующий опыт и догадываться боязно. Читала в одной книжке, как люди когда-то над подопытными собаками издевались. Бр-р-р...

Последним пришла очередь Толгая, от которого, впрочем, ничего путного и не ждали. Ход его мыслей и принципы логики были так же путаны и непредсказуемы, как заячьи петли.

— Черу сгнил, — Толгай продемонстрировал всем свой пришедший в негодность малахай, а потом постучал пальцем по голове. — Баш целый... Кыны сгнил, — он отбросил в сторону ножны, — кыпыч целый... — сабля в его руках описала стремительную дугу, под корень срезав ближайший куст. — Зачем бояться?

— Действительно, на металлах пребывание в Эдеме никак не сказывается, — задумчиво произнес Артем. — Та стрела, наверное, попала в дерево довольно давно... Ну как, Лев Борисович, посетила вашу баш какая-нибудь светлая уй, я хотел сказать, мысль.

— Подождите... Сейчас.. Сначала надо выстроить логическую цепочку... Итак, что мы имеем... Отсутствие следов отмерших растений на фоне довольно богатой эдемической флоры... Разрушение предметов одежды и снаряжения без признаков негативного воздействия на человеческие организмы...

— Не только одежды, но и табака, спирта... — добавил Артем.

— Пластмассы. — Верка вертела в руках расческу, которая выглядела так, словно ее довольно долгое время держали над огнем.

— Что же здесь общее... что? — бормотал Цыпф, полузакрыв глаза.

— Люди и деревья живые, а пни и одежда — нет, — безапелляционно заявил Смыков.

— Металл тоже неживой... Нет, тут что-то другое... Хотя мысль интересная...

Лева торопливо вытащил из кобуры пистолет, довольно уверенно проделал все необходимые для подготовки к стрельбе манипуляции и, направив ствол в небо, нажал на спуск. Боек четко клацнул по донышку патрона, но выстрела не последовало. Тогда Лева передернул затвор и повторил все сначала, но с тем же результатом. Пораженная публика молчала, только Зяблик удивленно присвистнул.

— Понятно, — сказал Лева как бы самому себе и попытался засунуть пистолет обратно в кобуру, разлезшуюся по швам и сейчас очень похожую на растоптанную ночную туфлю.

— Ты пояснее выражайся! — Зяблик повысил голос. — Тебе, может, понятно, а нам нет.

— Все вещества в природе делятся на органические и не-

органические, — в устах Левы этот неоспоримый факт звучал как печальная новость. — Основное их отличие состоит в том...

— Ты нам Лазаря не пой, — прервал его Зяблик. — Покороче давай. Все в школе химию изучали.

— Кроме меня, — возразила Лилечка.

— И Толгайчика, — добавила Верка.

— Впрочем, детали здесь несущественны, — продолжал Лева. — Важно, что это принципиально разные по строению вещества. Деревья, спирт, пластмасса, человеческое тело, почти вся его одежда — это органика. Железо, камень, вода, песок — нет. Скорее всего, в Эдеме присутствует какой-то неизвестный природный фактор, разрушающий мертвую органику. Именно мертвую, как только что справедливо заметил товарищ Смыков.

— Вот хорошо, — сказала Верка. — Ни могил не надо, ни помоек, ни туалетов...

— Порох тоже органика? — поинтересовался Зяблик, внутренне уже готовый к ответу.

— Конечно. Бездымный порох производится на основе нитроцеллюлозы, а в состав дымного входит древесный уголь.

— Теперь, братец мой, вам наконец понятно, почему стрела была цельнометаллической? — совсем не к месту оживился Смыков.

— Понятно... Мне все теперь понятно... Скоро такие стрелы у нас с тобой в брюхе торчать будут. Безоружными мы остались! Пара ножей на всех да Толгаева сабля. Теперь нас любой гад голыми руками возьмет. Сваливать отсюда надо срочно.

— Без бдолаха? — удивился Цыпф.

— Да хрен с ним!

— Без бдолаха Нейтральную зону не пройти.

— Тихо! — Смыков наподобие ветхозаветного пророка воздел к небу руки. — Попрошу внимания! Тут двух мнений быть не должно. Оставаться в Эдеме опасно, уходить без бдолаха — смертельно опасно. Самое дорогое для нас сейчас — время. Нужно не только найти этот проклятый бдолах, но и успеть уйти отсюда прежде, чем он сгниет. Поэтому предлагаю до конца пребывания в так называемом Эдеме ввести единое начало. В виде исключения.

— В начальники ты, естественно, предлагаешь себя? — нехорошо прищурилась Верка.

— А кого же еще? — искренне удивился Смыков.

— Есть тут и более достойные кандидаты. Лично я предлагаю передать руководство человеку, на деле доказавшему свои

необыкновенные способности и неоднократно выручавшему нас в самых безвыходных ситуациях. — Верка многозначительно покосилась на Артема.

— Спасибо, как говорится, за доверие, но боюсь, что не оправдаю его, — ответил тот. — Есть причины, в силу которых я могу покинуть Эдем буквально в любой момент... Лев Борисович, подтвердите.

— Да, — кивнул Лева. — Такие вот дела... Нам следует надеяться только на свои силы.

— Желательно на свежие, — вставил Зяблик. — Предлагаю в бутры Левку. Молодой, башковитый, а кусаться еще научиться.

За это предложение, кроме самого Зяблика, проголосовали Верка и Толгай, Смыков был категорически против. Лилечка воздержалась. Попытка самоотвода была пресечена самым решительным образом.

— Не брыкайся, тебя общество выдвинуло. Обязан подчиниться, — сказал Зяблик. — Принимай власть. Скипетра или там гетманской булавы у нас не имеется, но на первое время сойдет и так. Со своей стороны обещаем беспрекословное подчинение, хотя волюнтаризма не потерпим. Запомни, как мы тебя выдвинули, так, в случае чего, и задвинем.

Убедившись в бесполезности споров, Лева уступил воле большинства и уже спустя пять минут отдавал на диво толковые и лаконичные распоряжения. Первым делом разобрались с остатками одежды. Органика пострадала вся без исключения, но по-разному. Если ситцевые и льняные вещи уже рассыпались в прах, то брезент, кожа и особенно кирза еще держались. Из сапожных голенищ, рюкзаков и ремней для Верки и Лилечки на скорую руку соорудили что-то вроде бикини, а для мужчин — набедренные повязки. В дальнейшем предполагалось использовать для одежды листву, луб и ветки местных растений — на день-два авось и хватит. Все ненужное, в том числе и пистолеты, спрятали в кусты. Потом провели инвентаризацию всех имеющихся колюще-рубящих металлических предметов. Выяснилось, что члены ватаги вооружены следующим образом: Толгай — саблей, Зяблик — финкой, Смыков и Цыпф — штык-ножами, Верка — скальпелем, а Лилечка — парой шпилек для волос. Посетовали на то, что так безалаберно распорядились найденной в лесу железной стрелой, но возвращаться за ней не стали — плохая примета. Перекусили все теми же изрядно поднадоевшими корешками и без промедления тронулись в путь. Ватагу вел Артем — была надежда, что загадочный Кеша сжалится над своим партнером по

телесной оболочке и выведет его напрямик на плантацию бдолаха.

Эдем был уныло и однообразно прекрасен — глазу не за что зацепиться. Возможно, предание о том, что горы, болота и пустыни создал не кто иной, как дьявол, имело под собой основание. Ведь давно известно, что ад куда более веселое место, чем рай.

Живность, попадавшаяся на пути, размерами не превышала кролика, но не могла быть отнесена ни к млекопитающим, ни к рептилиям, ни даже к насекомым. Скорее всего это был конечный этап эволюции слизней, улиток и медуз. Аппетита они не вызывали даже у малоразборчивого в пище Зяблика.

Ватага двигалась по двенадцать часов в сутки. Но никто не уставал, питались кое-как, но голода не испытывали, спали на голой земле, но видели сладкие сны. Оставшийся без письменных принадлежностей Цыпф рисовал карту похода куском графита на спине Толгая, который имел теперь законное право избегать купаний в попадавшихся на пути ручьях и речках.

На третий день пути все уже носили пышные и легкомысленные, но недолговечные костюмы лесных нимф и сатиров, которые приходилось менять после каждого перехода. Раны Зяблика зажили окончательно, у Верки на лице появился румянец, Цыпфа перестала мучить хроническая зубная боль, а Толгай избавился от фурункулеза. Что ни говори, а климат в этих местах был благодатный.

— Я, наверное, так хорошо себя с тех пор не чувствовал, как первый раз ширнулся, — говорил Зяблик. — Гадом буду, брошу все и останусь тут. Буду на манер этого Рукосуева корешки грызть и голяком бегать. Не жизнь, а малина.

— Вы, братец мой, слова Рукосуева забыли, — напомнил Смыков. — Про здешний люд, который зверям ни в чем не уступает.

— Туфту он заряжал. Нас отвадить хотел. Где это зверье двуногое? Я всякую срань за десять верст чую. Хоть в аду, хоть в раю... Нет, тут, похоже, все чисто. Может, и навешиваются аггелы изредка. Накосят бдолаха и сразу назад тикают.

Ватага наудачу плутала среди рош и лугов Эдема, не удаляясь от границ Нейтральной зоны дальше чем на один-два перехода. Плантации бдолаха должны были находиться где-то поблизости, иначе все предприятие теряло смысл — за пределы земного рая попало бы не волшебное зелье, а ком вонючего гнилья.

За это время ничего из ряда вон выходящего не случилось,

и Цыффу так и не представилось повода использовать свои диктаторские полномочия. Лилечка демонстративно сторонилась его, и несчастный Лева отводил душу только в беседах с Артемом. Обычно тот больше слушал, чем говорил, лишь изредка вставляя веское слово, но иногда на него накатывало...

Благодаря этим редким вспышкам откровения Лева узнал о необыкновенных мирах, похожих на Землю ну разве что только составом атмосферы, и о необыкновенных народах, чья психология отличалась от человеческой еще кардинальней, чем психология дельфинов или орангутангов.

Перед ним открылась даже не бездна, а бездна бездн, наполненных бесчисленными мирами, в каждом из которых зарождались, возносились и обращались в тлен могущественные цивилизации, где племена, несметные, как песок на океанском берегу, шли друг на друга войной, где рядом с кровожадными дикарями жили изнеженные полубоги, где свет добра мешался с заревом злодейства, где не существовало такой истины, какую нельзя было бы оспорить, и таких законов, какие нельзя было преступить...

Однажды как бы сам собой зашел разговор о загадочном существе по имени Кеша, тень которого, говоря возвышенным слогом, незримо витала где-то рядом.

— Создания, облеченные разумом, встречаются на каждом шагу, а вот создания, облеченные телом, — это какой-то феномен, — осторожно, чтобы никого не обидеть, произнес Цыфф. — Даже трудно представить, каковы естественные условия существования таких особей, как он.

— Скорее всего Кеша и сам не знает, какой мир и для каких целей породил его. Я встретился с ним не по своей воле в странном месте, называемом городом Стекланных Скал, в дебрях проклятой стихиями Времени и Пространства, обреченной на гибель страны. Он напал на меня первым, но не смог одолеть. Я к тому времени уже обладал способностью защитить свое сознание от подобных наскоков. Да и слаб он был тогда, неопытен... Не знаю почему, может, из жалости, может, из любопытства, я позволил Кеше поселиться в уголке моего мозга. С тех пор мы вместе. Сейчас он уже окреп, и между нами случаются нешуточные конфликты. В такие моменты люди воспринимают мое поведение как приступ шизофрении. Хотя это совсем не так... Когда-то человек обрел разум для того, чтобы успешнее удовлетворять потребности тела. Но все со временем меняется. Человеческое тело медленно и верно превращается в инструмент для удовлетворения потребно-

стей разума. Похоже, что цель эволюции именно такова... Вот так и получилось, что у этого инструмента, — Артем похлопал ладонью по своей груди, — нынче два хозяина. Один пользуется им в ситуациях обыденных, а значит, почти постоянно. Другой изредка, но в ситуациях необычных, чему вы были свидетелями во время гибели города Сан-Хуан-де-Артеза.

— А вдруг Кеша когда-нибудь пожелает стать единоличным владельцем вашего тела? Вы этого не боитесь?

— Ничуть. Как я понял, для Кеши это лишь временный союз. Одна из метаморфоз, которую он должен пройти, прежде чем стать полноправным представителем своей расы. Но это случится еще не скоро. А пока мы неплохо уживаемся вместе.

— Ну дай-то Бог... А выдворить вас из Эдема он больше не пытается?

— Как я догадываюсь, этот замысел не отменен. Но Кеша отлично понимает, что я буду сопротивляться всеми доступными мне средствами. Поэтому он не решается идти на конфликт. В нашем с ним положении это чревато обоюдными потерями...

— А если... — Цыпф понизил голос. — Если ему предложить компромисс?

— Интересно, какой? — Слова Левы, судя по всему, заинтриговали Артема.

— Он, конечно, не забыл местонахождение плантации бдолаха? Вот пусть и проведет нас напрямик к ней. После этого мы не будем задерживать его, то есть вас, в Эдеме, — охотно объяснил свой план Лева.

— Вы уверены, что потом сумеете самостоятельно выбраться отсюда? — Артем внимательно глянул на Цыпфа.

— Почему бы и нет?

— Допустим, с помощью бдолаха вы осилите путь через Нейтральную зону, хотя еще неизвестно, какие новые ловушки могут подстергать там человека... Но ведь и после этого вас будет отделять от родных мест довольно приличное расстояние... Хохма, Трехградье, так, кажется, называются эти страны?

— Да.

— Как вы думаете пробраться через них? Без оружия, без припасов, почти голые?

— Там будет видно, — с напускной беззаботностью ответил Лева, и сам уже много думавший над этой проблемой. — Как говорится, даст Бог день, даст Бог и пищу.

— Поговорка хорошая, но не забывайте, что Бог давно отнял у вас не только день с ночью, но и многое другое... Так мог говорить, лежа на печи, крестьянин, а вам, прежде чем лезть в пекло, надо все хорошенько обдумать.

— У нас еще будет на это время. — Цыпф был явно смущен столь резкой отповедью. — Главное сейчас — бдолах.

— Да, задали вы мне задачку... — Артем поскреб затылок. — Ну хорошо. Обещаю, что сделаю все возможное, чтобы ваше предложение дошло до моего компаньона. Дальнейшее будет зависеть только от него. Думаю, результат станет ясен в самое ближайшее время.

Результат стал ясен уже через пятьдесят минут, если только часам Смыкова можно было доверять (Зяблик, дабы уязвить своего вечного оппонента в идеологических спорах, распустил слух, что некоторые детали механизма «командирских» изготовлены из синтетических смол, а значит, принимать все-рез показания стрелок уже нельзя).

Артем, до этого выбиравший путь исключительно по принципу «куда глаза глядят», резко свернул с заранее намеченного маршрута и повел ватагу к маячившим на горизонте холмам, густо поросшим лесом холмам, то есть в места, которые он раньше избегал (картина, запечатлевшаяся в его сознании, свидетельствовала о том, что плантация бдолаха расположена на открытом пространстве).

Пройдя еще пять или шесть километров, в седловине между двумя холмами, столь живописно украшенными райской растительностью, что на любом из них вполне мог располагаться Божий престол, они наконец нашли то, что так долго и упорно искали.

Поле бдолаха выделялось на фоне обычного эдемского пейзажа примерно так же, как холщевая заплатка — на парадном фраке. Сухие и жесткие кустики, густо усыпанные сизовой рыхлой крупой — не то листочками, не то цветами, — резко контрастировали с обычной для этих благословенных мест нежной и шелковистой травой.

Зато уж запах вокруг стоял действительно необыкновенный — тут Артем оказался прав на все сто процентов. Сладкий, густой и дурманивший аромат кружил голову и томительно-приятно сжимал сердце. И пары минут не прошло, как люди забыли, для чего сюда пришли, какие опасности им угрожают нынче и какие тяжкие лишения предстоят впереди. Кто-то задремывал стоя, кто-то бездумно пялился на окружающие рай-

ские куши, кто-то, по примеру Зяблика, обрывал верхушки кустиков и, растерев их в ладонях, жадно глотал.

Леву Цыпфа, впавшего в сладостное оцепенение одним из первых, вернул к реальности увесистый тумак Артема.

— Лев Борисович, не забывайте о своих непосредственных обязанностях! Ваше войско на грани морального разложения.

Возможно, дело не ограничилось только физическим воздействием и этими словами, потому что Лева вдруг ощутил в своем сознании такую необыкновенную ясность, словно все извилины его мозга щеточкой почистили.

— Прекратить! — он шлепнул Зяблика по рукам, на что раньше никогда бы не решился.

То же самое пришлось проделать и с Веркой, внезапно утратившей свою обычную профессиональную осторожность, а Толгая и Смыкова он просто хорошенько встряхнул. Зато к Лилечке Лева притронуться не посмел, и та продолжала грезить наяву.

— Скорее, скорее! — подгонял ватагу новоявленный командир. — Рвите бдолах! Каждый должен взять столько, сколько сможет унести! Поторапливайтесь! Здесь нельзя долго задерживаться! Обрывайте только верхние веточки!

— Куда этот чертов бдолах девать! — озлился Зяблик. — Ни мешка, ни сумки, ни карманов... Может, я его, как хомяк, за щеку буду складывать?

— Ты его в сноп вяжи, — посоветовала Верка, в школьные годы неоднократно выезжавшая в подшефный колхоз на уборку льна. — Сначала собираешь пучок потолще... Вот так... Потом из тех же стеблей делаешь обвязку. Перевясло называется... Закручиваешь — и готово.

— Ну уж нет! — уперся Зяблик. — Не получается, хоть убей. Дачные гарнитуры из лозы вязал, а сноп не могу... Лучше ты за меня сделай.

Кто-то растолкал Лилечку, и она, опомнившись, включилась в общий трудовой процесс. Сооруженный ею сноп в прежние времена мог украсить Талашевскую районную выставку достижений народного хозяйства.

В заготовках не участвовали лишь двое — Артему бдолах был без надобности, а Лева не желал подрывать свой авторитет руководителя, рабочим органом которого, как известно, является горло и лишь в крайнем случае указательный палец.

— Как обратно идти, знаете? — с тревогой спросил у него Артем, чье пребывание в Эдеме, похоже, заканчивалось.

— Карта есть. Не ошибемся, — Лева кивнул на Толгая, чья спина была сплошь разрисована графитом. — Лишь бы не употел сильно... Эй, батыр, не налегай так! Хребет береги!

— Как только до Нейтральной зоны доберетесь, бдолах просушите... Да и смолоть его не мешало бы.

— Незримых нам нужно опасаться?

— Нет. Те, кто идет из Эдема, их не интересуют.

— Ну и слава Богу. Значит, вернемся той же дорожкой, что и пришли.

— Было бы неплохо. Я когда вас, беспомощных, в Эдем ташил, не все вещи успел подобрать. Аккордеон остался и, кажется, пара дорожных мешков. Вам бы они сейчас здоровогодились.

— Постараемся найти.

— Ну тогда, наверное, все, — Артем похлопал Цыпфа по плечу. — Пойду, пока люди делом заняты. Потом объясните им что к чему. Лилечке особый привет.

— Мы уже не увидимся? — Цыпфу почему-то стало нестерпимо тоскливо, словно с ним прощался не чужой человек, а старый и добрый приятель.

— Сам не знаю... Кое-какие незаконченные делишки еще остались... Возможно, я загляну напоследок в Отчину. Тогда и свидимся. А пока желаю всем удачи.

Его рука опять легла на плечо Цыпфа — не только легла, но и легонько подтолкнула его вперед. Так взрослые прогоняют от себя детей, чтобы те не видели их в момент горя или слабости.

Лева сделал по инерции несколько шагов, выждал пару минут и только тогда посмел оглянуться. На том месте, где только что стоял Артем, порхали черные пушистые снежинки.

Лилечку подвело чрезмерное усердие в работе. Сильно опередив других сборщиков бдолаха, девушка добралась почти до центра плантации. Наклонившись в очередной раз, она увидела в путанице сизых веточек нечто такое, что заставило ее издать звук, обычно определяемый словарями как визг, только куда более пронзительный. Не исключено, что слышать его можно было даже в ультразвуковом диапазоне.

Все дружно бросились к Лилечке на помощь, но первым, как ни странно, успел Цыпф, находившийся от места происшествия дальше всех. Напрочь забыв прошлые обиды, девушка вцепилась в него, как испуганный детеныш обезьяны — в свою мамашу.

— Ну все, все, — Лева гладил ее по волосам. — Он же мертвый, он не кусается...

— Действительно, — сказал Смыков, раздвинув рукой заросли бдолаха. — Как он может кусаться? Головы-то нет.

— Ты, Верка, права оказалась, — скривился Зяблик. — Жмуриков тут хоронить не надо... Сами на нет сходят. Но зато как перед этим выглядят... Тьфу!

— И головы нет, и пальцев. На правой руке. — Смыков преспокойно продолжал осмотр неведомо откуда взявшегося трупа.

— Может, отъел кто-нибудь? — высказал свое предположение Зяблик.

— Кто здесь мог их отъесть? Мышки-норушки? Разве вы местную живность не видели?

— Мало ли что мы видели... Прилетели стервятники откуда-нибудь.

— Стервятники бы первым делом потроха склевали. Вон они, все наружу торчат. И печенка, и селезенка... Хоть анатомию изучай, — авторитетно заявил Смыков.

— Ты, главное, позыркай, нет ли при нем какого-нибудь оружия.

— Ничего! — Смыков ногой перевернул мертвое тело, которое тут же развалилось на части, как трухлявая колода. — Ни оружия, ни одежды. Если что и было, так те, кто его убил, все забрали.

— Убили, думаешь? А не мог он сам загнуться, бдолахом обожравшись?

— Нет! Вы, братеп мой, сюда посмотрите. Голова отчленена вместе с ключицей, наискосок. Страшной силы удар! А пальцев потому нет, что он рукой прикрывался.

— Башку надо искать, — сказал Зяблик. — По башке определим, кем он был на этом свете.

— Если она тут осталась, то найдем... Так, упал он сюда... Удар, значит, с этой стороны нанесен. Следовательно, искать надо в том направлении. — Смыков взмахом руки очертил примерный район поисков. — Далеко она, конечно, улететь не могла, но метров пять я гарантирую.

Остальные члены ватаги молчали, с почтением прислушиваясь к профессиональному диалогу бывшего убийцы и бывшего сыскаря, только Лилечка продолжала всхлипывать: «Какой ужас, ведь я на него чуть не наступила!»

Отсутствовавшую голову отправились искать всем гамузом, за исключением женщин и Цыпфа, прикованного к мес-

ту объятиями не на шутку перепуганной Лилечки. Однако, вопреки прогнозам Смыкова, она не обнаружилась ни в пяти, ни даже в десяти метрах от трупа. Стали высказываться предположения, что, дескать, голову мог унести с собой убийца, пожелавший изготовить из нее памятный сувенир, или что обезглавленный прибежал сюда самостоятельно, совсем как оказавшийся в аналогичной ситуации петух (еще неизвестно, на какие чудеса способен наглотавшийся бдлоаха человек).

— Тут она! Нашел! — объявил наконец Зяблик, добравшийся чуть ли не до края плантации.

Подняв за волосы черный, изъеденный молниеносным гниением обрубок, все еще взиравший на мир широко открытыми и на удивление ясными глазами, Зяблик спросил:

— Может, узнает кто?

Общее мнение сошлось на том, что в таком виде этого бдлоагу и мать родная не узнает.

Тем не менее Зяблик, утративший брезгливость много лет назад в своем первом следственном изоляторе, продолжал старательно изучать жуткую находку.

— Иди-ка сюда, — позвал он Смыкова. — Пошупай.

— Зачем? — Чувствовалось, что Смыкову очень не хочется марать перед обедом руки.

— Нет, ты пошупай, пошупай, — настаивал Зяблик.

— Я и так вижу, — ответил Смыков, неохотно подходя к нему. — Ну и что?

— Это я у тебя хочу спросить — ну и что?

— Обыкновенная шишка, — Смыков прищурился, со всех сторон рассматривая мертвую голову. — Ты что, шишек никогда себе не набивал?

— Какая это шишка? Это рог! Глаза разуй! — нахмурился Зяблик.

— Рога парами растут. А где тогда второй? Нетути...

— Еще не вырос. Рога, как зубы, режутся. Могут сразу оба, а могут поодиночке.

— Вам, братец мой, аггелы за каждым кустом чудятся... Имелись бы настоящие рога, тогда бы и спора не было. А это ни то ни се.

— Какой из тебя следователь! — Зяблик скривился, как от зубной боли. — Никакого любопытства. Лишь бы с рук скорее сбыть. Вот подожди, нарвемся на аггелов, они нам этого мертвеца припомнят.

— Вот мы вас, такого любопытного, и оставим с ними

объясняться, — ухмыльнулся Смыков. — Ну что, закончилась экспертиза?

— Закончилась... Хотя нет! — Зяблик, уже собравшийся забросить голову куда-нибудь подальше, вдруг передумал. — А ведь он в кольчуге был!

— С чего вы это взяли?

— А вот! — Из черной коросты, в которую успела превратиться запекаясь кровь, Зяблик, морщась, выковырял что-то вроде обрывка цепи, составленной из круглых плоских звеньев. — Теперь будешь спорить?

— И в самом деле! — Смыков подбросил железные кольца на ладони. — Кольчуга... От воротника кусок остался... Это же какой удар был! Кстати, я такие кольчуги и на наших ребятах видел. Вот только не спросил, где они их берут.

— С мертвых аггелов снимают. Это я точно знаю... Ну, убедился?

— Я и без вас знаю, что аггелы здесь бывают, — пожал плечами Смыков. — Подумаешь, новость!

— Бывать — это одно. Счастье на земле, говорят, тоже бывает, да как его найти? А здесь конкретный случай. аггелы где-то поблизости. Этого лопуха позавчера пришили, если еще не позже. Он или разведчиком был, или бдolah охранял. Его хватиться скоро должны, если уже не хватились.

— Пусть себе... Мы же здесь лагерем становиться не собираемся. Наберем бдolah — и вперед. Если повезет, завтра в это время уже по Нейтральной зоне топать будем.

— Ты пойми, голова садовая, что наследили мы здесь! — Зяблик уже едва сдерживался. — Поле вытоптали, травы помяли, вон лапа твоя босая на земле отпечаталась. Найдут нас по следу, если вовремя погоню организуют. До самой Хохмы будут гнать, а может, и до Отчины. Чем отбиваться станем? Вот этим веником? — он встряхнул снопом бдolah.

— Товарищ Цыпф! — Смыков поискал глазами Леву. — Тут ко мне какие-то претензии. Вы разберитесь, пожалуйста. Для чего вас главным выбрали?

— Я все слышал... — Лева нехотя освободился от Лилечкиных объятий. — Зяблик, я с тобой совершенно согласен. Но только ты, извини уж, прекращай каркать. А то запугал всех. Надо конструктивные предложения выдвигать, а не страшилки рассказывать.

— Конструктивное предложение хотите? Пожалуйста! — Зяблик мотнул головой, словно хотел забодать кого-то. — Жрем бдolah, а после на всех парах дуем в Нейтральную зону.

— Ты уже нажрался! — этих слов и этого тона Лева и сам от себя не ожидал, но положение обязывало. — Поэтому и деловой такой! Бдолах тебе не сало и даже не водка, чтобы его просто так жрать. Это наркотик, только особенный. Про то много раз говорено. Пока мысль о том, что спасение зависит только от скорости передвижения, до самых костей не дошла, бдолах не поможет, а, наоборот, навредит. У каждого в отдельности своя скрытая мечта прорежется, и будем мы как лебедь, рак и щука в той басне.

— Короче, начальник, куда ты клонишь? — набычился Зяблик. — Ты, значит, лебедь белый, Смыков — щука зубастая, а я рак поганый? Дохлагиной питаюсь и черт знает где зимую. Так?

— Только, ради Бога, не надо утрировать. — Цыпф уже и сам был не рад, что позволил втравить себя в этот дурацкий разговор. — Сами же меня начальником выбрали. А если не нравлюсь — все! Снимайте.

— Нет, ты командуй! — Зяблик смерил его презрительным взглядом. — Командуй, а мы посмотрим...

— Тогда немедленно выступаем в сторону Нейтральной зоны. Бдолах разрешаю употреблять только в крайнем случае, если погоня начнет наступать нам на пятки.

— Лева, я вот что хочу спросить, — Верка бесцеремонно отпихнула в сторону разобиженного Зяблика. — Куда это наш милый дружок, бывший Дон Бутадеус подевался?

— С ним мы скорее всего больше не увидимся, — твердо сказал Цыпф. — Поэтому прошу отныне полагаться только на собственные силы.

— Крысы бегут с корабля, — саркастически усмехнулся Смыков.

— Ты... это самое... не трожь его! — Зяблик погрозил пальцем. — Он мне жизнь спас... Да и тебе тоже... Хотя тебе и не стоило бы...

Три следовавших друг за другом ближайших ориентира они отыскивали легко, по памяти. Но спустя пять или шесть часов Цыпф стал все чаще поглядывать на жилистую спину Толгая. К сожалению, быстрая ходьба с редкими передышками давала о себе знать — карта была уже порядочно подпорчена выступившей на коже испариной.

Зяблик всю дорогу демонстративно молчал. Получивший временную передышку Смыков незлобиво потешался над недавним испугом Лилечки.

— Разве вы в первый раз покойника увидели?

— Такого — в первый, — Лилечка передернулась от одного воспоминания.

— Жаль, не приходилось вам принимать участие в эксгумациях. Там и почище экземплярички попадаются. Особенно если почва заболоченная... Как, по-вашему, какие части трупа дольше всего сохраняются в земле?

— Кости, наверное... волосы, — Лилечка отвечала через силу, но и отношений со Смыковым портить не хотела — он ей прямо какой-то трепет внушал.

— Кости и волосы само собой. Но самое интересное, что из мягких тканей более всего устойчивы к гниению глазные яблоки... Да-да, не удивляйтесь. На черепе уже ни кожи, ни мышц не осталось, а они себе лежат в глазницах, как два яйца.

— Вынимай и сразу в суп, — негромко сказала шагавшая последней Верка. — Смыков, ты думаешь, что это очень интересно?

— Но, скажу я вам, есть и более впечатляющие зрелища, — не обращая внимания на ее слова, с жаром продолжал Смыков. — Как вы думаете, какие?

— Утопленники? — выдавила из себя Лилечка.

— Ну что вы! Свежий утопленник как картинка. Обряджай и сразу в гроб клади. Самое неприятное, что мне доводилось видеть, — это жертвы железнодорожных происшествий. Народ у нас всегда несознательный был. На крышах ездили, на подножках, пути перебежали перед самым локомотивом. Ну и самоубийцы, конечно... Этих больше всего... Зря Лев Николаевич Толстой такую рекламу Анне Карениной сделал. Плохой пример заразителен. Уж лучше бы она, если так невтерпех было, стрихнином отравилась... Ну так вот, был у меня в практике один эпизод. Шла ночью баба через пути, и зажало ей ногу автоматической стрелкой. Это похуже волчьего капкана. Ни туда ни сюда. А тут и грузовой поезд на полном ходу подлетел. Бабу эту, само собой, в клочья. То, что это баба была, а не мужик, мы по лифчику определили, который за костыль зацепился. Дело это, конечно, должна вести линейная милиция, но пока их дождешься... Вот и приходилось территориям отдуваться. Только осмотр места происшествия закончили, по рации сообщение. Разбойное нападение совсем в другом конце района. Опергруппа сразу туда подалась, а меня возле трупа оставили. Ждал я, ждал, потом пошел звонить на переезд. Из милиции отвечают, что транспорта нет, добирайся, значит, до города своим ходом. Вместе с покойницей, естественно. Такие безобразия у нас сплошь и рядом практико-

вались. А электричка на ближайшем полустанке только два раза в сутки останавливается. Да и неудобно как-то с покойницей в электричку лезть, хоть эта покойница, так сказать, и находится в компактном состоянии. Хорошо, хоть дежурный по переезду душевным человеком оказался. А может, просто самогонку гнал и на этой почве милиции боялся. Угостил он меня чайком и посоветовал идти на шоссе, попутку ловить. Там от путей до шоссе всего с километр было. Взяли мы мешок, тачку, вилы...

— А вилы зачем? — удивилась Лилечка.

— Не руками же мясо собирать. Дежурный выпил двести граммов для храбрости, и тронулись мы. Собрали все, что от гражданочки этой осталось. Как раз в мешок уместилось. Килограммов пятьдесят или чуть больше. Тем временем уже светать стало. Добрались кое-как до шоссе. Час хоть и ранний, но машины ходят. Я в форме был и первый же грузовик без труда остановил. Хорошо помню, что он картошкой был гружен. Дежурный помог мне мешок в кузов забросить и назад подался, допивать. А я, значит, в кабине еду. Болтаем с водителем о том о сем, но преимущественно о политике. Пиночета ругаем. Он как раз в то время законного президента скинул. В город въехали, водитель и спрашивает, куда меня подбросить? Я спокойно отвечаю, туда мол. А адресок известный. Там и морг, и бюро судебно-медицинской экспертизы под одной крышей. Редкий покойник эту контору миновать может. Побледнел мой водитель и по тормозам. Зеркальце заднего вида на кузов направляет. А мешок промок насквозь. Картошка под ним как в томатном соусе. Начал тогда водитель ругаться! В мат-перемат! Это же, говорит, картошка не колхозная, а моя личная! От тещи везу.

— Ну и чем все это закончилось? — Рассказ Смыкова в конце концов заинтересовал и Верку.

— А ничем... Думаю, он ту картошку все равно съел.

— Слушай, Смыков, а у тебя самого эти дела на аппетите не отражались?

— Сначала, конечно, воротило. Особенно от мясных блюд. А потом ничего, привык. Приходилось иногда прямо возле трупа пить и закусывать.

— Господи, разве вы другого места найти не могли? — вырвалось у Лилечки.

— Зачем же нам другое место... Если эксперт режет труп, который по нашему делу проходит, мы всегда присутствуем. Коли в прозекторской стол свободный есть, на нем накрыва-

ем. Или на подоконнике. Водочка там, селедка, грибки, огурчики... Закуска в таких случаях должна быть обязательно острой. Сами-то мы не очень налегаем, главное — эксперта накачать.

— Никогда не поверю, чтобы менты за просто так кого-нибудь поили, — недоверчиво покачала головой Верка. — Вы сами до халявы большие любители.

— Если эксперта не напоить, он такое может написать... Ого!

— Недобросовестные, значит, эксперты вам попадались?

— Наоборот! Все как на подбор мастера своего дела. Даже заслуженные врачи были. В прошлом, конечно. Погорели на чем-то, вот и попали на эту службу. Когда руки от водки начинают трястись, к живому человеку со скальпелем уже не подойдешь. А на жизнь-то зарабатывать надо. Куда им, беднягам, деваться? Если только мясником на рынок. Да и нравилась многим эта работа. Были такие, что стонали от удовольствия, трупы кромсая. Клянусь партбилетом! Спецы, одним словом. Если нужно, комариный укус на теле найдут. А это как раз и не всегда нужно.

— Почему? — спросила Верка недоуменно.

— А вы в наше положение войдите. Привожу простой пример. Однажды под Новый год пропала девчонка. Так, вертихвостка... Пила, гуляла. Мы ее месяц честно искали. Все чердаки и канализационные колодцы обшарили. Никаких следов. Объявили без вести пропавшей, дело законным путем приостановили. А в мае месяце она взяла да и всплыла!

— Где всплыла? — у Лилечки округлились глаза.

— В озере одном. От Талашевска недалеко. Лед растаял, ее к берегу и прибило. Тело, само собой, сразу на экспертизу, хотя козе ясно, в чем тут дело. Ни колготок, ни трусов, ни сапог на девчонке нет. Ну и там телесные повреждения всякие имеются... Если эксперт даст заключение, что имел место факт изнасилования, мы хлопот не оберемся. Опять возобновляй дело, ищи убийцу и все такое прочее. А убийца, может, уже в город Махачкалу съехал или в армии служит. Ищи-свищи! Такие дела у нас «глухарями» называются. Перспективы расследования никакой, зато прокурор каждую неделю нервы треплет. Раскрываемость, само собой, падает. А это в нашей работе основной показатель. Должно быть процентов девяносто — девяносто пять, не ниже. Иначе тебя самого зашлют, куда Макар телят не гонял... Вот и стелешься перед экспертом, лишь бы только он соответствующее заключение дал. Якобы

причиной смерти является утопление и следы прижизненных травм отсутствуют.

— И соглашались эксперты на такое? — ужаснулась Лилечка.

— Не все, конечно... В семье не без урода. Но только тот, кто нам палки в колеса ставил, долго на своем месте не задерживался. Конфликтовать с органами опасно для карьеры.

— Вот! — не утерпел Зяблик. — Наконец-то сам признался, что занимался фальсификацией!

— При чем здесь фальсификация? — возмутился Смыков. — Девчонку-то все равно к жизни не вернешь! Зачем же людям лишние хлопоты? На каждом оперативнике и так куча дел висит! Только успевай поворачиваться! Сначала надо соответствующие штаты дать, технические средства, транспорт, а потом уж спрашивать.

— Ты еще про законы забыл сказать! — напомнил Зяблик. — Законов вам подходящих не дали, чтобы человека без суда и следствия в течение двадцати четырех часов к стенке.

— А и неплохо было бы! — огрызнулся Смыков. — Вывели бы кое-кого в расход, зато порядок был бы.

— Правильно! Если треть народа в расход пустить, а еще треть пересажать, остальные порядок зауважают.

— Опять вы, братец мой, за свое! Демагогия это. К тому же махровая. Вот увидите, скоро народ сам осознает необходимость сознательной дисциплины.

— Уже осознал, — с горечью сказал Зяблик. — Недаром некоторые Каина на царство зовут...

Разговор этот прервал звук, весьма необычный для местности, где отсутствуют птицы и никогда не дуют сильные ветры, а именно — свист чего-то летящего. Железная стрела, теряя на излете силу, спикировала по крутой дуге и до половины вонзилась в мягкую землю. Запасливый Смыков тут же выдернул ее — железо все-таки, да еще острое.

— Начинается! — Голос Цыпфа непозволительно дрогнул. — Теперь можно и бдлоха откусать. Кроме того, попросу с шага перейти на бег.

— Эх, тоска! — простонал, оглядываясь, Зяблик. — Разве это дело — от врага бегать. От стрелы, как и от пули, не убежишь. Драться надо.

— Чем? — попытался урезонить его Смыков. — Зубами и ногтями? Твоей финкой? Не такие деятели, как вы, применяли в случае необходимости стратегическое отступление.

— Ты отступление с бегством не путай! Отступают к врагу лицом, а убегают задницей! Улавливаешь разницу?

Смыков начал было разлаговольствовать о том, что бывают случаи, когда необходимо поступиться задницей, дабы сберечь лицо, но посвист новой стрелы не дал ему развить эту тему. Они уже видели своих неизвестно откуда взявшихся врагов — кучку людей в кольчужных рубашках до колен. Пока те держались компактной группой, определить их точное число было затруднительно, но то, что преследователей куда больше, чем преследуемых, не вызывало сомнения.

Кроме численного превосходства, у них было и подавляющее преимущество в вооружении — если не все, то по крайней мере передовые бойцы имели при себе мечи и луки (последние, учитывая необычную специфику Эдема, были сработаны из рессорной стали и металлических струн, издававших при выстреле высокий вибрирующий звук, похожий на печальный вскрик).

Стрелы покуда падали негусто и весьма неточно. Наблюдая через плечо за их полетом, Толгай, большой специалист в этом вопросе, высказался в том смысле, что лук не пистолет, за один день стрелять не научишься.

— А за сколько научишься? — мерно дыша, спросил Зяблик.

— Мне биш лет было, — он показал пять пальцев, — когда я его в руки взял... С тех пор ату... стреляю... Вся жизнь нужна...

Погоня продолжалась уже около получаса, но расстояние между преследуемыми и преследователями не сокращалось — давало знать о себе тяжелое вооружение последних, да и второпях принятый бдолах начал действовать. Вполне возможно, что его употребляли и аггелы (теперь, когда люди в кольчугах растянулись длинной цепью, стало видно, что у некоторых из них на головах черные колпаки, тоже кольчужные), но, как известно, у оленя и волка разные точки зрения на погоню, и если один стремится утолить голод, то второй — спасти жизнь. Ясно, что попавший в положение оленя человек испытывает более сильные чувства, чем его противник, а это при употреблении бдолаха имеет немалое значение. Яркой иллюстрацией этого тезиса служила Лилечка — никогда не преуспевавшая в беге, зато больше всех напуганная, она сейчас опережала выносливого, как верблюд, Толгая.

Даже хищник, убедившись в недосыгаемости намеченной цели, прекратил бы погоню, но аггелы упорно продолжали ее, все шире растягиваясь по многоцветной эдемской равнине.

Цыпф попробовал было пересчитать их, но на числе тринадцать сбился.

— Река! — с хрипом выдохнул Зяблик. — Река!

Цыпф глянул вперед, но ничего похожего на серебристую гладь новонареченного Евфрата не увидел. Удивившись этому обстоятельству, он уже хотел пошутить над Зябликом, которого начали одолевать галлюцинации, но тут внезапно до него дошел роковой смысл этих слов.

Аггелы гнали их к реке точно так же, как волки загоняют оленей в болото или на лед, где преимущество в скорости сразу сходит на нет и все решают только острые клыки да численное преимущество. Река, еще недавно утолявшая их жажду и ласкавшая разгоряченные тела, теперь должна была стать рубежом жизни и смерти.

Будь даже все члены ватаги отличными пловцами, переправа неминуемо задержит их на некоторое время, что позволит аггелам преспокойно перестрелять всех на воде.

Река еще не появилась в поле зрения, но она была уже где-то рядом, возможно, за тем ближайшим леском. Времени для принятия спасительного решения — того самого гениального хода, который в записи шахматной партии отмечается несколькими восклицательными знаками, — оставалось в обрез. Это прекрасно понимал Лева Цыпф, большой любитель шахмат, но человек по натуре нерешительный.

— Все, я больше не командир! — крикнул он так, чтобы услышала вся ватага. — Отказываюсь! Сами распоряжайтесь!

— Посмей только, гаденыш! — прохрипел Зяблик. — Так разделаю, что аггелам ничего не достанется! Раз поставили тебя, командуй! Аж до самой Нейтральной зоны... Там разберемся...

— Совершенно верно, — поддержал его Смыков не без ехидства. — Козлов отпущения не меняют... Ни на переправе, ни после...

Угрозы, как ни странно, придали Цыпфу уверенности в себе. Надеяться было не на кого, наоборот, все надеялись на него, что волей или неволей побуждало к действиям, а у Левы любому действию предшествовала кропотливая умственная работа. Элементарная логика подсказывала, что нужно поворачивать влево и уходить вдоль реки в сторону Нейтральной зоны, надеясь, что погоня рано или поздно выдохнется. Однако у этого плана было немало минусов.

Во-первых, существовала серьезная опасность, что река, петляя, рано или поздно все равно преградит им путь. Во-вто-

рых, было неизвестно, как выглядят ее истоки (которые обязательно должны были находиться в Эдеме, потому что в Нейтральной зоне никаких рек вообще не существует), — возможно, это сплошные топи или большое озеро, на чьих берегах и суждено было произойти последней безнадежной схватке.

И, наконец, в-третьих, аггелы, похоже, уже предугадали этот маневр, иначе зачем они так растянули свой левый фланг. Если бы ватага повернула сейчас в сторону Нейтральной зоны, ей пришлось бы некоторое время бежать перпендикулярно цепи аггелов, что позволило бы лучникам вести прицельную стрельбу.

Быстро пересчитав все эти варианты — совсем как попавший в цейтнот гроссмейстер, — Цыпф, увлекая за собой ватагу, повернул направо, чего не ожидали от него ни враги, ни друзья. Аггелы сразу приотстали, что подтвердил и запоздалый залп лучников — ближайшая стрела вонзилась в землю далеко позади Толгая, следовавшего в арьергарде (обладание саблей делало его сейчас наиболее боеспособной единицей отряда).

И все, возможно, сложилось бы удачно, не подведи их в этот решающий момент Верка (именно Верка, старый и испытанный товарищ, а не Лилечка, которую некоторые заранее считали слабым звеном). Она вдруг прилегла ничком на райские травы и отрешенно сказала:

— Не могу больше. Без меня, зайчики, бегите.

Верку начали трясти, уговаривать, пичкать бдолахом, но она оставалась непреклонной. Легче, наверное, было сдвинуть с места заупрямившегося ослика.

— Безполезно, — твердила она. — Ну нажрись я этой соломой, а что дальше? На восемь метров прыгнуть можно, а на восемьдесят нельзя. Даже с бдолахом. У меня ног нет, понимаете? Отнялись напрочь. И внутри все давно оборвалось. Если добить не можете, так оставьте. Я умереть хочу.

— Хватайте ее под руки и тащите вон к тому лесу! — распорядился Цыпф. — Нельзя, чтобы аггелы это видели.

Однако скрыть такую заминку на ровном, как ладонь, месте, а особенно если за тобой следят десятки пар ненавидящих глаз, не очень-то и простое дело. Волки поняли, что дичь приотмилась, и травля возобновилась с новой силой.

Ватага тем временем приближалась к лесу, который по земным меркам и на рошу-то не тянул. В длину он был метров двести, а в ширину не превышал и полусотни. Даже Дюймовочка не смогла бы спрятаться в нем от врагов.

Бежавшие последними Толгай и Цыпф переглянулись. Ни разу до этого они не беседовали между собой по душам (Толгай не улавливал и десятой доли из того, что говорил Цыпф, а тому Толгай казался недалеким, хотя и безвредным увальнем), но сейчас поняли друг друга почти без слов.

Гроссмейстер, человек прагматичный и в то же время деликатный, решил ради спасения партии пожертвовать фигуру — верткого и удачливого коня, — но совестился сделать это без его согласия.

Сразу догадавшись, какая проблема мучит Леву, Толгай приложил руку к сердцу и кивнул едва ли не с благодарностью. Умереть за своих друзей, а в особенности за Верку и Зяблика, он искренне почитал за честь, и это еще раз доказывало, что суровые законы круговой поруки, с помощью которых Чингисхан сплотил свое войско, родились не в его больном воображении, а были древним и непреложным принципом существования степняков.

Они влетели в гущу трепещущего даже под самым слабым ветром радужно-пестрого леса — словно вдруг оказались внутри огромного, непрерывно меняющегося калейдоскопа — и здесь расстались, обменявшись на прощание только взглядами: извиняющимся Цыпфа и жизнерадостным Толгаем.

Пробившись сквозь стену деревьев, Лева легко догнал спутников, почти волоком тащивших Верку. Смыков при этом натужно сопел, а Зяблик в неприличных выражениях благодарил Бога за то, что тот не позволил Верке нагулять больше четырех пудов веса.

Аггелы, на время потерявшие объект своей охоты из вида, разделились на три группы. Средняя, рассыпавшись цепью, вслед за ватагой нырнула в лес, а обе фланговые бросились в обход, дабы пресечь возможную попытку преследуемых еще раз круто изменить курс. Почти одновременно оказавшись на открытом месте и вновь увидев беглецов, аггелы разразились торжествующими криками, которые для Цыпфа и его друзей прозвучали как сатанинские вопли. Впрочем, куда более зловещим предзнаменованием была для них блеснувшая впереди полоска воды. Судя по всему, погоня вступала в завершающую стадию.

А между тем в лесу произошло одно немаловажное событие, до поры до времени оставшееся незамеченным для обеих сторон.

Распровавшись с Цыпфом, Толгай использовал все известные ему приемы, дабы получше замаскироваться, что для него, с детских лет охотившегося на осторожных тарбаганов и пугливых дроф, не составляло проблемы, особенно учитывая пышный и феерический характер эдемской растительности.

Толгай уже давно приметил, что отряд аггелов в ходе погони растянулся как по фронту, так и в глубину. Это не имело значения на равнине, где каждый поддерживал с каждым зрительную связь, зато в чаще леса обрекало самоуверенных охотников на относительное одиночество, чреватое опасными сюрпризами.

Его расчет в принципе оправдался. Вступившие в лес аггелы сразу как бы обособились друг от друга. От разноголосой переключки, которую они продолжали между собой вести, толку не было никакого. Она лишь заглушала посторонние звуки.

Конечно, аггелы старались не забывать об осторожности, но эта осторожность скорее была напускная, чем истинная, — ну как можно всерьез опасаться немногочисленных, голых и почти безоружных беглецов.

Аггел, имевший несчастье напороться на Толгая, скорее всего даже не успел ничего ощутить, кроме, возможно, мгновенной искристой вспышки, переданной в мозг рассеченными зрительными нервами. Хорошо отточенная сабля, в доли секунды разрубающая голову от макушки до гортани, не успевает причинить боль.

Осторожно уложив мертвеца под куст, Толгай принял оружие из его конвульсивно подергивающихся рук. Меч, чересчур тяжелый и неудобный, он без сожаления отбросил в сторону и занялся луком. Сразу бросалось в глаза, что делали его дилетанты, даже не имевшие перед собой стоящего образца. В родной степи у Толгая был совсем другой лук — с тисовой кибитью¹, подложенной изнутри козлиным рогом, и с точечными модьянами², за которые цеплялось очко тетивы, свитой из жил кабарги.

Впрочем, Толгай, никогда слухом не слышавший о Паганини, в жизни придерживался тех же принципов, что и великий маэстро: хороший исполнитель обязан демонстрировать мастерство и на никуда не годном инструменте. Прихватив

¹ К и б и т ь — основная часть лука, гнутая над паром деревянная дуга.

² М о д ь я н ы — кольца, за которые крепится тетива лука.

пучок железных стрел, скрученных тугой пружиной, сжимавшейся по мере их убывания, он прокрался на лесную опушку.

Аггелы успели выбраться на открытое место — потери товарища еще никто не заметил, — но находились пока недостаточно далеко и в случае тревоги могли быстро вернуться назад. Отпустив подальше цепь, начавшую загибаться флангами вперед, Толгай открыл стрельбу.

Он посылал стрелы не целясь, точно так же, как Зяблик не целясь нажимал на спуск пистолета. Когда ты делаешь привычное, до автоматизма доведенное дело, да к тому же не пьян и не ранен, ошибиться почти невозможно. Первая стрела, правда, ушла в сторону, но это была лишь пристрелка, испытание боевых качеств лука, его точности, дальности и силы.

Сначала Толгай перебил приотставших аггелов, дабы не посеять среди остальных преждевременной паники. С такого расстояния тяжелые стрелы пронзали людей насквозь даже через кольчугу. Шесть самозванных сыновей Каина полегли прежде, чем кто-то из бежавших в первом ряду, случайно оглянувшись, не заметил потерь в отряде.

Вот когда аггелам самим пришлось лихорадочно решать почти неразрешимую задачу! То, что стрелы летят из леса, они поняли сразу, вот только не могли определить количество стрелков, засевших там. Продолжать погоню, оставив в тылу столь грозных противников, было равносильно самоубийству. Возвращение назад грозило полным провалом уже почти удавшейся операции. Выиграв хотя бы четверть часа, беглецы смогли бы благополучно переправиться через реку и раствориться в простиравшихся за ней бескрайних лесах.

Тот, кто верховодил у аггелов, надо отдать ему должное, выбрал наиболее приемлемый в этой ситуации вариант действий. Человек десять продолжили погоню, и примерно столько же, низко пригибаясь, двинулись обратно к лесу.

Дураки, уж лучше бы они бежали во весь дух! Воин, облаченный в кольчугу и увешанный оружием, пробегает сто метров по пересеченной местности секунд за тридцать-сорок. За это время можно сделать не более пяти результативных выстрелов. Следовательно, почти половина аггелов имела шанс благополучно добраться до леса, чаша которого свела бы на нет все преимущества невидимого лучника.

Пересчитав стрелы, Толгай убедился, что их количество не позволяет ему ошибиться больше двух-трех раз. После этого он занялся планомерным уничтожением аггелов. Понесся

первые потери, они залегли и теперь двигались к лесу по-пластунски, однако колеблющиеся головки высоких луговых злаков выдавали их.

Четыре стрелы ушли друг за другом по назначению, и только однажды Толгаю, чье ухо не уловило характерного шелчка пробиваемой кольчуги, пришлось произвести повторный выстрел. Как ни парадоксально, но планы Толгаи разрушил страх, обуявший аггелов. Все уцелевшие затаились в траве, неизвестно чего ожидая. Спешить на тот свет они не собирались.

В отличие от аггелов Толгаю было дорого каждое мгновение — погоня, уже еле видимая отсюда, продолжалась, и только он один мог предотвратить ее трагическую развязку. Все, кто препятствовал этому, заслуживали смерти — если не из засады, то в открытом бою. Но для этого сначала нужно было покинуть лес. Толгаи понимал, что тем самым, возможно, он совершает непростительную ошибку, но иного выхода не было. Не беда, что аггелы узнают истинную численность своего противника. Ведь для того, чтобы убить его, нужно как минимум приподняться из травы — лук не арбалет, лежа из него не очень-то постреляешь. А уж тут все будет зависеть от ловкости, самообладания и опыта бойцов. Так верткий и быстрый мангуст смело вступает в схватку с целым выводком ядовитых змей. Держа в зубах саблю, а в руках натянутый лук, Толгаи смело выступил из-под прикрытия леса на белый свет. Как прореагировали на его появление аггелы, осталось неизвестным — нигде не шевельнулась ни единая травинка. Наученные горьким опытом враги понимали, что желтолицего и косоглазого молодца, уже успевшего сразить не менее десятка их сотоварищей, вот так просто не возьмешь.

Напряженную до звона в ушах тишину разорвала команда, смысл которой Толгаи не разобрал, потому что стремительно метнулся в сторону еще до того, как успел отзвучать первый ее слог.

Пять человек вскочили на ноги в разных местах поля, и пять стрел почти одновременно запело в воздухе, но одна из этих стрел принадлежала Толгаю, а тот из аггелов, кому она предназначалась, даже не успел толком натянуть лук.

Все остальное длилось не дольше минуты и происходило в сумасшедшем темпе. Толгаи метался из стороны в сторону, падал, перекатывался — то с боку на бок, то через голову, — снова вскакивал и снова метался, выписывая в истоптанной траве умопомрачительные зигзаги, совсем как шаман, упившийся настоем мухомора. Саблю он давно выронил, зато с лу-

ком не расставался, посылая в аггелов стрелу за стрелой. Ничего сложного в этом для Толгая не было — со скачущего наметом коня он всегда стрелял ничуть не хуже, чем с места.

Когда последний из врагов, пораженный прямо в надключичную впадину, мешком осел в траву, в пружинном колчане Толгая осталась одна-единственная стрела. Утерев пот, обильно выступивший за эту сумасшедшую минуту, он, желая пополнить свой арсенал (главный бой предстоял еще впереди), шагнул к ближайшему мертвецу, но тот внезапно сел и в упор разрядил свой лук.

Такого подвоха Толгай не ожидал. У него просто вылетело из головы, что аггелы перед схваткой с ним могли принять бдolah и в отличие от тех других, застреленных в спину, имели сейчас не одну и даже не две жизни.

Сила удара усадила его на землю. Лук отлетел куда-то в сторону, а где осталась сабля, Толгай сейчас не мог даже вспомнить. Стрела прошла правую сторону его груди и вышла бы навывлет, если бы ее стабилизатор не застрял между ребер. Резкая боль в легких не позволила Толгаю сделать вдох. Во рту он ощутил противный вкус крови, пенящейся, как свежий кумыс.

Аггел тем временем дрожащими руками вкладывал в лук новую стрелу. Он и сам был не жилец на этом свете, но, навечно сходя в преисподнюю, старался рассчитаться с последними долгами.

Толгай машинально пошарил вокруг, но не нашел никакого другого оружия, кроме своей последней стрелы. Действуя скорее по наитию, чем по расчету, он, словно дротик, швырнул ее в аггела. В этом виде воинского искусства Толгай не обладал нужной сноровкой, но промахнуться с такого расстояния не смог бы даже Лева Цыпф.

Стрела пронзила аггелу кисть правой руки и, задев тетиву, когда-то служившую басовой струной в гитаре, заставила ее тревожно загудеть. Не давая врагу опомниться, Толгай встал — тошнотворная боль, переполнявшая его грудь, на мгновение замутила сознание, — кое-как утвердился на ногах, подобрал оброненный кем-то из аггелов меч и принялся методично обрабатывать им своего обидчика. Лезвие было широкое и тяжелое, но тупое. Удары скорее получались мозжащие, чем рубящие, и голова, на которой уже явственно были заметны короткие розовые рожки, отлетела только после пятого или шестого из них.

Еще одна стрела, пущенная сзади, застряла у Толгая в бед-

ре. Не оборачиваясь, он доковывлял до своей сабли, косо торчащей в земле, и, лишь ощутив ладонью ее холодную шершавую рукоятку, почувствовал себя более или менее уверенно.

Довольно ловко отмахиваясь клинком от новых стрел, он последовательно обошел всех аггелов, не пропуская даже тех, кто не подавал признаков жизни. Отрубая очередную голову, он на всякий случай откатывал ее подальше в сторону. Береженого, как говорится, и Бог бережет. Мало ли на какие чудеса способны эти козлорогие, преклоняющиеся перед злодеем, неизвестно за что убившим родного брата!

Покончив с этой довольно неприятной процедурой (одно дело одолеть врага в честном бою, а совсем другое — кромсать его неподвижное тело), Толгай смог наконец заняться своими проблемами. Ухватившись пальцами за торчащий между ребер стабилизатор стрелы, он стал перегибать его в обе стороны, пока не отломал напрочь. Только после этого удалось извлечь стрелу из раны. Дышать стало немного легче, хотя при каждом выдохе рот по-прежнему наполнялся кровавой пеной. Из дырки под соском тоже перли гроздь розовых пузырей.

Стрелу из бедра Толгай вырвал силой, оставив на наколочнике клочок собственной плоти. На всякий случай он понюхал ее, но не ощутил никакого подозрительного запаха. (Некоторые воины-степняки имели привычку перед боем выдерживать наконечники стрел в гниющем мясе или в собачьих экскрементах, что зачастую делало смертельной даже легкую царапину.)

Уже одной этой раны на бедре хватило бы, чтобы умереть от потери крови или горячки. А о сквозной дырке в груди и говорить нечего — даже великая шаманка Верка не взялась бы ее зашить.

Толгай с тоской вспомнил о снопе бдолаха, забытом где-то в лесу. Искать его даже и не стоило — каждый лишний шаг обходился ему теперь пригоршней крови. Ощущая во всем теле быстро нарастающую слабость, он обшарил тела ближайших аггелов, но ни у кого из них не обнаружил знакомого кисета с волшебным снадобьем. Да и не могло оно долго сохраняться в Эдеме, где даже отрезанные волосы через пару дней обращались в прах.

Тут взгляд Толгая совершенно случайно упал на колчан того самого аггела, который вогнал ему в грудь роковую стрелу. Среди стрел торчали свежие веточки недавно сорванного бдолаха. Такие же заначки имелись и у других мертвецов.

Рожденный в мире, где человек еще окончательно не от-

делился от природы, Толгай привык жить по законам вольного зверя. Он легко переносил голод и жажду, но при каждом удобном случае нажирался до отвала. Этого же принципа он придерживался и при лечении бдолохом.

Сжевав все веточки, до которых можно было дотянуться, он принял позу, наименее бередящую раны, и, помня наставления Верки, стал страстно желать исцеления. Получалось это плохо — не давал сосредоточиться звенящий гул в ушах, kloкочущая в гортани кровь и сжигающая нутро острая боль.

По мере того как его глаза застилала мгла, жизнь теряла свою привлекательность и казалась уже не волшебным даром, а постылой, унижительной обузой. Смерть же, наоборот, обещала скорое избавление от забот и страданий... А что, если Зяблик прав и бессмертная человеческая душа, покинув разрушенную оболочку, каждый раз начинает новое существование?

Подумав о Зяблике, он сразу вспомнил и всех остальных: занудливого, но незаменимого Смыкова, добродушного, хотя и не в меру разговорчивого Цыпфа, восторженную Лилечку, отчаянную Верку. Где они сейчас, что с ними, живы ли еще? Поминают ли его добрым словом или клянут? Ведь он так подвел друзей, понадеявшихся на него в этот грозный момент...

И вот тогда-то Толгаю захотелось жить по-настоящему — жить, чтобы снова встать на ноги, чтобы сражаться, чтобы спасти дорогих ему людей, чтобы тайно любить Верку, чтобы выслушивать брань Зяблика, чтобы...

Внезапно сделалось совершенно темно, словно на его голову накинули глухое траурное покрывало. Земная твердь разверзлась, превратившись в черный бездонный колодец, и он, с каждой секундой чувствуя себя все более легким и бесплотным, помчался по нему — вниз, вниз, вниз...

В том диком и суровом краю, где суждено было появиться на свет Толгаю, шанс новорожденного выжить и впоследствии превратиться во взрослого человека едва ли превосходил его шанс в другой, уже выигранной лотерее (очень уж щедра на них матушка-природа!), участниками которой являлись сонмы сперматозоидов, стремящихся овладеть одной-единственной уже готовой к слиянию яйцеклеткой.

Как бы там ни было, но на земле появилось еще одно живое, а в перспективе даже разумное существо. И не важно, что это случилось не в самое подходящее время и не в самом лучшем месте, а студеной февральской ночью, в разгар метели да

еще в только что разоренном ауле захудалого кочевого рода, где-то посреди центральноазиатской лесостепи.

Свидетелями его рождения были две дюжины женщин разного возраста и куча мурзатых ребятишек, не спавших в столь поздний час по причине страха, передавшегося им от взрослых.

Мужчин старше двенадцати лет не было никого — одни, в том числе отец и братья Толгая, лежали в глубоком снегу, пронзенные стрелами врагов, а другие, незадолго до набега отлучившиеся на охоту, теперь вели преследование.

Несколько лошадей, в темноте и метели отбившихся от угнанных табунов, вернулись назад. Однако захромавшего жеребца пришлось прирезать — никакой другой пищи в ауле не осталось. Мясо матерого жеребца, вволю поносившегося по степи за кобылицами, совсем не та пища, вкус которой доставляет удовольствие, но от голода случается жевать и не такое. Недаром старики, вспоминая лихие годы, которых немало было в их жизни, говорят: «Всем нам тогда приходилось питаться мясом жеребцов».

Разбойники, напавшие на кочевье, были злы, как вампиры-мангасы, пьяны от араки и действовали вопреки всем степным законам: не пощадили никого из мужчин, даже тех, кто просил об этом, подчистую угнали весь скот, не оставив и десятка баранов (это в разгар-то зимы!), и надругались над всеми женщинами, которых только смогли поймать. Беременная на последнем месяце мать Толгая, конечно же, далеко убежать не смогла, и то, что с ней случилось, стало причиной преждевременных родов.

Сейчас она сидела спиной к промерзшей стенке кибитки и держала на руках завернутого в овечью шкуру новорожденного, а со всех сторон к ней жались еще трое детей, мал мала меньше. Кроме этих детей и прикрывающей тело одежды, у нее теперь не было ничего своего. Даже овечью шкуру ей одолжила древняя старуха, всю свою жизнь прислуживавшая шаманам и пережившая не одного из них. Ее просторная юрта сгорела со всем скарбом, муж и два старших сына, уже умевших не хуже взрослых стрелять из лука и бросать аркан, погибли, а стада, подгоняемые злыми людьми, канули в глухой зимней ночи.

Однако она не предавалась горю, как это делала бы любая женщина из другого времени и другого народа, оказавшаяся на ее месте, не кляла судьбу и не просила сочувствия у окружающих. Полуприкрыв воспаленные глаза, она дремала, не

забирая изо рта ребенка грудь, которая не только кормила, но и согревала его, и ждала, когда утихнет ветер и наступит день, чтобы можно было заняться делом: раскопать пепелище своей юрты и спасти хотя бы металлические вещи, обойти окрестности и попытаться найти нескольких бесприютных лошадей или баранов, обрядить тела мужа и сыновей в то, что удастся выпросить у родни, а затем достойно проводить их в мир мертвых.

Мужчины вернулись ни с чем, хорошо хоть сами живы остались. Буран замел все следы, а разбойники были явно не из этих мест и могли угнать стада куда угодно, даже на самый край степи к кипчакам или уйгурам.

Кочевью, чтобы выжить, нужно было ограбить кого-нибудь из соседей или наняться в услужение к богатому и сильному роду. На первое, увы, не доставало сил, пришлось, скрипя зубами, идти в добровольное ярмо.

Лошадей не хватило даже на то, чтобы усадить на них всех стариков. Хорошо хоть, что уцелела парочка вьючных верблюдов — разбойники не позарились на этих медлительных и упрямых животных.

После того как старая шаманка (мужчин, умеющих управляться с бубном, в роду не осталось) совершила все причитающиеся случаю обряды, караван, в котором пеших было больше, чем конных, тронулся в нелегкий путь. Метель то утихала, то вновь начинала свою круговерть — стоял последний месяц зимы, когда злые северо-восточные ветры дуют не переставая.

Выступая в поход, мать Толгая заранее знала, что всех детей сохранить не сумеет, однако была готова бороться за каждого из них до конца, как защищающая свой выводок волчица.

Никто не считал ни дней, от света до света сплошь состоявших из упорного продвижения сквозь снега, ни ночей, проведенных под открытым небом, без юрт, возле чадающих костров. Старики умерли, не одолев и половины пути. За ними наступила очередь детей, — взрослые не могли взять их с собой в седло. Первой упала семилетняя сестра Толгая, которой приходилось тащить суму с едой. Она была еще жива и смотрела на мать глазами, полными боли и печали, но остаться с ней — значило погубить всех остальных. А по пятам за караваном шли степные волки, еще более голодные, чем люди.

До кочевья многочисленного и богатого рода куянов добралась едва ли половина из тех, кто отправился в это опасное путешествие. Оба верблюда уцелели, зато почти всех лошадей пришлось прирезать в пути на мясо. У Толгая на этом свете не

осталось ни одного родного человека, кроме матери, но он еще не знал об этом.

Ханы куянов приняли их под свою крепкую руку, но, понимая, что несчастным людям податься больше некуда, условия оговорили крутые — весь первый год работать только за пищу, кров над головой и защиту от лиходеев и лишь на следующее лето брать себе жеребят из приплода.

На окраине чужого кочевья поставили юрты, тоже чужие, истертые и полинявшие — после чего зажили так, как жили много веков до этого: в тяжком каждодневном труде и в постоянной борьбе за выживание.

Это только говорится, что степняк вольный человек, не зависящий на этом свете ни от кого, кроме доброго коня, харлужной сабли и дальнобойного лука. На самом деле он не в меньшей степени, чем земледelec, страдает и от козней природы — разлива рек, слишком сухого лета, чересчур снежной зимы, неурожая трав, — и от мора, нападающего на стада чаще, чем хотелось бы, и от соседей, среди которых никогда не бывает добрых.

Сравнительно безопасен был только север, заросший непроходимыми лесами и утонувший в комариных болотах. С востока регулярно наведывались многочисленные и хорошо вооруженные отряды властелина Поднебесной империи, во главе которых стояли хитрые и проницательные чиновники, умеющие все сосчитать и записать. Они брали дань скотом, шкурами, утварью, а главное — людьми. Каждый год самые лихие молодые воины под конвоем отправлялись в столицу империи, чтобы пополнить там ряды дворцовой гвардии. Никто из них никогда не возвращался назад — то ли слишком сладка была жизнь на чужбине, то ли они не доживали до окончания срока службы.

С полудня, не менее регулярно, только в другие сроки, налетала стремительная конница шахов и беков, веривших, по их словам, в праведного Бога, но на деле творивших несправедливые дела. Повадками они были похожи на саранчу: брали все, что могли захватить с собой, а что не могли — уничтожали. После их набегов степь превращалась в пустыню, кое-где помеченную пепелищами и погостами...

С запада не давали покоя свои же братья кипчаки, несколько веков назад откочевавшие в сторону великих рек и там набравшие нешуточную силу. У них вошло в обычай пополнять свои богатства за счет окрестных народов. Исключение не делалось и для бывших соплеменников. За одно дерзкое слово,

за один косой взгляд рубились головы и поджигались кочевья, а скот и люди угонялись в полон.

Да и в самой степи давно не было порядка. Племя вставало на племя, род на род. Сильные отбирали у слабых стада, пастбища, водопой. Просторная на первый взгляд страна не вмещала своих сыновей. Женщины, несмотря ни на что, производили живых душ больше, чем уносили войны, болезни и голод.

Вскоре у Толгая, носившего тогда другое, детское имя, появился отчим, дядя отца, взявший свою овдовевшую сестрицу третьей женой — в степи не должно быть вдов и сирот. До трех лет Толгай жил среди своих сверстников, как жеребенок в стаде, — следил за старшими и старался подражать им.

На четвертое лето жизни его детство кончилось. Толгаю вручили игрушечный аркан и игрушечный лук, из которого, впрочем, можно было запросто подстрелить зазевавшегося тарбагана, а потом стали сажать на спокойного конька. С пяти лет он уже помогал женщинам по хозяйству, а с шести приглядывал за котными овечками и ягнятами.

Мир вокруг был суров, опасен и не прощал ошибок. Выжить в нем мог только тот, кто в степи был как рыба в воде или как птица в небе. Толгай старательно учил книгу жизни, где на несколько черных страниц приходилась лишь одна светлая. Вскоре он знал десятки небесных знамений, предсказывающих ясный день или разрушительную бурю. Он отличал каждого коня в своей табуне и помнил особенности его характера. Он умел лечить лошадей от вздутия живота, трещин на копытах, слепоты и излишней резвости, которая проистекает от страсти жеребцов к кобылам.

Не выходя из юрты, он мог с удивительной точностью определить время дня, ориентируясь на солнечный зайчик, падающий вниз через отверстие дымохода, — в разные часы он освещал разные жерди стен и разные предметы обихода, разложенные в раз и навсегда заведенном порядке.

Малые расстояния Толгай мерил арканами, каждый из которых в длину равнялся тридцати человеческим ростам, а большие — конскими перегонами. Он знал целебные свойства медвежьего сала, сушеной смородины, кобыльего молока, пареного мха, а в случае нужды мог наложить на рану целебную повязку из сосновой заболони или сделать кровопускание.

Завидев вдали сплоченные массы скота или отряды врагов, он с помощью ладони, плети или лука легко определял их примерную численность. Находясь вдали от дома, он питал

ся одним только мясом. Утром совал сырой кусок под седло, а когда чувствовал голод, доставал его — мягкий, душистый, сочный, хорошо упревший в конском поту.

Прежде чем напиться из речки или напоить коня, он испрашивал на это разрешение у водяного хозяина и никогда не обижал рыб, его слуг. Дважды в детстве он попадал в половодье и не хотел вновь накликать на себя гнев столь могущественной стихии.

В десять лет ему доверили резать на празднике барана. С тринадцати лет он систематически участвовал в облавах на волков и схватках с разбойниками. В этом же возрасте он сразил стрелой первого врага и получил первую боевую рану. Теперь он уже хорошо знал степь и не боялся заблудиться, даже отъехав от родного кочевья на десять дневных переходов. Тысячи примет, накрепко засевших в памяти, связывали Толгая с домом. Он знал каждый изгиб реки, каждое озерцо и каждую гряду сопок на огромном пространстве вокруг.

Толгай свято верил рассказам стариков об устройстве всех трех сущих миров, о четырех углах света, о добрых богах и вредоносных духах, о повелителе неба грозном Тенгри и его плодovitой супруге Умай, о древних героях, чьим подвигам люди обязаны жизнью, и о том, что, если долго ехать в сторону заката, можно добраться до благословенной страны, где в юртах из серебра живут белолицые красавицы, а хорошая еда и арака никогда не иссякают.

Мать его продолжала трудиться на свою новую семью, каждый год исправно рожая по ребенку, и у Толгая уже было пять единокровных братьев и сестер. Он по-прежнему пас лошадей хана, но имел уже и свой небольшой косяк. В соседнем ауле ему была сосватана девушка из небогатой, но уважаемой семьи. На последнем осеннем празднике он оказался в числе лучших удалцов — без промаха стрелял на скаку из лука, в борьбе одолел шестерых соперников и, если бы не засечка лошади, мог бы выиграть даже конные состязания.

Этот успех едва не сгубил Толгая. Как известно, дятел первыми склевывает тех жучков, которые неосмотрительно высываются из своих щелок.

Едва замерзли реки, явился китайский мытарь, сопровождаемый отрядом наемников-киданей, и стал отнимать у степняков то, что по праву сильного принадлежало императору. Вот тогда-то ханы куянов вспомнили о лихом, но безродном пастухе, в младенческом возрасте прибавшемся к их племени.

Уж если и приходится оплатить дань кровью, то лучше это делать за счет чужаков.

До границ Поднебесной новобранцев из предосторожности везли в путах и развязывали лишь по ту сторону Великой Стены, мощь и несокрушимость которой должны были отбить у дикарей всякую охоту к неповиновению.

Толгай так и не узрел это чудо средневековой архитектуры. Ему не понравились веревки, скручивавшие руки, не понравилась непривычная пища, в которой бледное вываренное мясо было перемешано с зерном, не понравились плети конвоиров, гулявшие по его спине при малейшей провинности, не понравился язык новых хозяев, на слух напоминавший чириканье птиц, а больше всего не понравилось то, что из вольного степного волка он должен был превратиться в цепного пса, стерегущего чужое добро.

На одной из стоянок, когда караульных сморил сон, он зубами перегрыз веревки, похитил пару свежих коней, которых приглядел заранее, и ускакал. За ним гнались долго и упорно, а отстали только в дикой, изрезанной глубокими оврагами местности, имевшей дурную славу не только среди императорских прислужников, но и у окрестных жителей.

В этом скудном краю нельзя было прокормить скот, но было очень удобно скрываться от могущественных врагов. Издавна сюда стекались все те, кто не ладил со степными законами, кто смел перечить ханам, кто жирной пище и сладкому сну предпочитал вольную волю. Этих смельчаков так и называли — «люди вечной воли».

Возвращаться в свое кочевье не имело смысла — его бы немедленно выдали обратно, но уже не для службы, а для расправы. Не по собственной воле, а по безысходной нужде пристал Толгай к шайке вольных людей, кроме набегов кормившихся еще и выполнением всяких деликатных поручений сильных мира сего (хороший хан своего нукера на отчаянное дело не пошлет).

Первое время Толгай все мечтал о том, как тайком вернется в родные края, заберет мать, похитит невесту и ускачет с ними далеко-далеко в счастливую страну заката. Однако вскоре до него дошли слухи, что мать утонула, провалившись в заметенную снегом полынью, а бывшая невеста теперь жена другого.

С тех пор единственной семьей Толгая стали вольные люди. С ними он вдосталь помотался по земле: видел и минаре-

ты Бухары, и горы Алатау, и даже ту самую Великую Стену, до которой однажды уже едва не добрался.

Он участвовал во многих стычках, не все из которых заканчивались в пользу его отряда. Тело его носило отметины и от стрел, и от сабель, и от топора, и от женских ногтей. Не однажды его жизнь висела на волоске. Спасала Толгая природная быстрота, редкая ловкость, звериная живучесть да еще, пожалуй, удача, без которой нельзя прожить вольному человеку. Все его сокровища по-прежнему вмещались в переметной суме, зато лошадям завидовали даже могущественные ханы. Как и все его нынешние сотоварищи, он жил одним днем, никогда не строил никаких планов и уже начал постепенно забывать прошлую жизнь пастуха.

Однажды глава рода кушулов пообещал старейшинам отряда хорошее вознаграждение за то, что они сожгут кочевья рода тузганов, а их стада рассеют по округе. Однако тузганы тоже оказались не дураки, вызнали как-то о грозящей беде и наняли себе в защиту другой отряд вольных людей.

Оба отряда съехались в чистом поле, переговорили между собой и стали думать совместную думу. Ни о каком сговоре, конечно, не могло идти и речи — кто бы потом их нанял для лихого дела? Но и рубиться насмерть тоже не хотелось: все были хорошо друг с другом знакомы, да и награда ожидалась не ахти какая.

Решили выставить поединщиков, пусть они и решают судьбу тузганов — гореть им сегодня в своих юртах или спать спокойно. Очень скоро выяснилось, что супротивная сторона недаром сама предложила этот план. Единоборец у них был приготовлен заранее и вид имел столь грозный, что среди сотоварищей Толгая, мало кого боявшихся на этом свете, включая китайского императора, прокатился нехороший шумок сомнения. Еще даже не начав схватку, они заранее смирились с поражением.

Поединщика, которого выставили защитники тузганов, звали Темирче-батыр. Родом он происходил из восточных тургутов, жены которых, как известно, совокупляются со злыми шулмасами. Башка у него и вправду была уродливая, как у демона, зубы — как у жеребца, а грудь — как котел. С любым всадником он мог сразиться спешившись, так был высок ростом и длиннорук.

Силой его одолеть было невозможно, оставалось надеяться на быстроту и ловкость таких удалцов, как Толгай. Сам же

он и вызвался на единоборство — если бы струсил сейчас, потом бы вечно себя корил.

Готовились к поединку неспешно. Сначала тщательно выбирали коней. Толгай оседлал не самую резвую, но очень поворотливую и послушливую кобылу, к тому же еще злую в бою. Темирче — громадного черного жеребца-аргамака, неизвестно из каких краев попавшего в степь.

Затем возник спор относительно оружия. О саблях или топорах даже речи не шло, как-никак все здесь были свои люди. Решили драться на плетях, что для степняков вполне пристойно. Старейшины, щадя молодую жизнь Толгая, предложили ограничиться обычными камчами, имевшими на конце кожаную нащепку, смягчающую удар. Он же сам, справедливо полагая, что хлестать такой погонялкой Темирче то же самое, что щекотать верблюда, выбрал тяжелые камчи-волкобои.

Затем Толгай разделся до пояса и все снятое с себя — бухарский теплый халат, кожаный панцирь, китайскую шелковую рубашку и стальной нагрудник — на случай своей смерти завещал недавно приставшему к шайке мальчишке, своих доспехов пока еще не имевшему. Остальное его имущество, согласно обычаю, в равных долях полагалось разделить между всеми сотоварищами.

Затем оба отряда отъехали подальше друг от друга, освобождая место для схватки, и после недолгих торжественных церемоний выпустили своих бойцов, словно стравливаемых на потеху псов.

В мгновение ока они оказались рядом, и, когда Темирче занес для удара свою камчу, Толгай проворно нырнул под брюхо лошади. Этот прием он повторил несколько раз подряд, ожидая, какая реакция последует со стороны противника. Голова у того хоть и была велика, но скорее всего за счет толщины костей, а вовсе не от большого ума. Темирче только бранился, брызгал слюной и обвинял Толгая в трусости. Молодой, но уже достаточно опытный воин вполне резонно отвечал издали, что только глупый волк открыто бросается на взбесившегося быка. Умный всегда дождетя удобного момента.

В очередной раз оказавшись под конским брюхом, Толгай не ускакал, как прежде, прочь, а соскользнул на землю. Пока Темирче взором провожал его кобылу, он проворно вскочил и огрел противника камчой по лбу. Не дожидаясь ответного удара, Толгай, как под перекладиной храмовых ворот, проскользнул под черным жеребцом и вскочил на свою лошадку, послушно вернувшуюся назад с другой стороны.

Кровь залила Темирче глаза, и он погнался за обидчиком, как зимняя буря за припозднившимся с отлетом в теплые края лебедем. За то время, что он впустую гонял Толгая по полю, можно было сварить и съесть жирного барана. Кобылка, проворная, как стриж, легко уворачивалась от тяжеловесного жеребца, с морды которого уже хлопьями летела серая пена.

Теперь уже и Толгай стал время от времени налетать на соперника, не столько, правда, донимая его камчой, сколько глумливыми речами.

— Возвращайся домой, Темирче! — говорил он. — Твое место у котла, среди женщин. Какой ты воин, если не можешь догнать врага даже на таком крошечном клочке земли! Твоя мать согрешила не с шулмасом, летающим по небу подобно молнии, а с медлительным верблюдом.

Темирче, вспыльчивый, как и все дураки, после таких слов во весь опор кидался на обидчика, но тот всякий раз ускользал то влево, то вправо, не забывая при этом довольно успешно пользоваться камчой. Толгай стремился утомить и взбесить противника, а когда тот окончательно потеряет осторожность, закончить дело точным ударом в висок.

Пока все шло, как он и планировал. Темирче уже пребывал в такой степени бешенства, что, в очередной раз промахнувшись камчой по всаднику, изо всей силы хлестнул по лошадиному крупу, да так, что располосовал кожу. Настоящий воин такого себе никогда бы не позволил, и старейшины имели полное право прекратить схватку, но никто не посмел встать между поединщиками. Все уже понимали, что дело может закончиться только смертью одного из них.

— Темирче, зачем тебе боевой конь и оружие? — продолжал издеваться Толгай. — Посмотри себе под ноги! Ты вспахал это поле копытами лучше, чем земледелец плугом! Сажай пшеницу, как трусливый уйгур, и больше не показывайся среди воинов! Такое занятие тебе больше подходит.

Упреждая очередной яростный наскок великана, Толгай послал свою лошадку вперед, а когда враги почти соприкоснулись стременами, резко вскинул ее на дыбы. Темирче от копыт каким-то чудом увернулся, но из седла вылетел. Такой прием в единоборстве не возбранялся, но среди вольных людей не приветствовался. Сделано это было для того, чтобы еще больше взбесить Темирче, и так хладнокровием никогда не отличавшегося.

Старейшины усадили его в седло и, слегка пожурив за не-

выдержанность, вновь отпустили в схватку. Толгай в это время гарцевал невдалеке и продолжал психологическую атаку.

— С кем ты посмел связаться, сын крысы и змеи? Разве ты не знал, что меня нельзя одолеть ни оружием, ни злым колдовством. Отец всех шаманов Шелдер-хан обучил меня своему искусству! Созови ты себе на помощь даже тысячу богатырей, я погублю всех, обрушив на их головы нижнее небо.

И все же в какой-то момент Толгай переусердствовал. Нельзя безнаказанно нанести сотню ударов и ни одного не получить в ответ. Победа капризная госпожа — если ее сразу не прибрать к рукам, может и ускользнуть.

В очередной молниеносной стычке кобыла Толгая, так хорошо показавшая себя до этого, вдруг припала на задние ноги, да и не удивительно — смешанная с пылью кровь покрывала ее круп, как толстая попона. Жеребец Темирче, воспользовавшись этим, ударил ее грудью в бок. Лошади крутанулись на месте, и тут уж гигант не прогадал — так перетянул Толгая камчой от плеча через спину, что у того в глазах потемнело.

С полминуты, сцепившись лошаадьми, они осыпали друг друга ударами. Толгай, лишенный свободы маневра, оказался в убийственном положении. Камча в могучей лапе Темирче была не менее страшна, чем шестопер, и каждый новый удар мог стать роковым.

Конечно, можно было спрыгнуть с седла и попросить пощады, но прежде, чем старейшины успели бы прийти на помощь, почуявший вкус крови Темирче затоптал бы его на ровном месте конем.

Кобылица, едва не погубившая хозяина, в конце концов и спасла его, жестоко укусив жеребца в пах. Тот, дико вскрикнув, рванул в сторону (точно так же на его месте поступило бы любое существо мужского пола), и скакуны вновь унесли своих седоков в разные концы ристалища. Но Толгай уже растерял прежнее преимущество — лошадь его шаталась и шла с перебоем, а сам он чувствовал себя так, словно побывал под колесами арбы.

— Почему замолчал, ученик великого шамана? — Темирче захохотал и заухал, как хищная ночная птица. — Почему не обрушишь мне на голову небо? Струсил? Если хочешь жить, оставь седло, ползи сюда на брюхе и целуй копыта моего благородного коня!

— Даже если я останусь на этом поле пищей для ворон, тебе не доведется увидеть сегодня закат, собачье дерьмо! —

Безжалостно хлестнув свою несчастную лошадь, Толгай понесся на врага, заранее готовый принять его удары.

Ни хитрость, ни ловкость уже не могли спасти его, а только одна удача. Чья-то камча сейчас должна была оказаться точнее, а это уже не зависело ни от силы, ни от сноровки, ни от ярости поединщиков, а лишь от воли судьбы.

Скакуны еще не успели толком разогнаться, как на землю внезапно пал сумрак. Солнце продолжало висеть на прежнем месте, но было уже не ослепительным диском, а мутным белесым пятном, дыркой в небосводе. Полуденная лазурь померкла, а с запада и с востока лезли из-за горизонта серые языки мрака, слизывающие не только ясный день, но, казалось, и саму идею жизни.

Как ни возбуждены были кони поединщиков, они сразу сбились с намета на шаг и тревожно заржали. Более близкие к природе, чем люди, они гораздо острее ощущали приближение большого бедствия.

Темирче так и застыл с воздетой камчой в руке. Происходящее светопреставление подействовало на него, как взгляд удава — на кролика. Толгай, поборов странное оцепенение, охватившее все его члены, подъехал к сопернику вплотную и даже не ударил, а только толкнул его рукояткой камчи в бок. Тот сразу рухнул, как рушатся под ударами ветра сгнившие изнутри гигантские кедры.

Две кучки всадников, разделенных изрытым конскими копытами полем, застыли в полной растерянности. Они прекрасно знали, как следует поступать при внезапном нападении врага, при степном пожаре, при буране и при наводнении, но не имели никакого представления о методах противодействия небесным катастрофам. То, что человеком двадцатого века воспринималось как аномальное, но вполне безобидное природное явление, для полудиких степняков, с детства уверовавших в незыблемость и рациональность окружающего мира, выглядело — по крайней мере внешне, — как непоправимая трагедия.

Две страшные горсти, все глубже и глубже охватывающие поблекший небесный купол, похоже, всерьез собрались раздавить его. Для этого им не хватало самой малости — сомкнуться в зените. И когда это в конце концов произошло, все невольно зажмурили глаза. С коней никто не слезал — уж если степняку суждено умереть, то лучше это сделать в седле.

Спустя некоторое время старый Чагордай, самый уважае-

мый человек в отряде, осторожно приоткрыл один глаз и, глянув в небо, посетовал:

— Ай-я-яй, совсем проклятые мангасы обнаглели! Уже и солнышко с неба украли! Что же это дальше будет?

Потом старик осторожно глянул по сторонам. Внимание его сразу привлек бегающий без всадника черный жеребец.

— Неудачный день мы выбрали для набега на тузганов, тут уж ничего не поделаешь... — пробормотал он. — Но если наш волчонок одолел чужого быка, значит, это знамение свыше. Род тузганов, наверное, прогневил богов. Придется ему сегодня испытать еще одно горе.

Речь лукавого Чагордая следовало понимать примерно так: у небожителей свои дела, а у нас свои, солнцу мы все равно ничем помочь не можем, а награду, обещанную за разорение тузганов, упускать не стоит.

Пока эта несложная мысль доходила до туповатых мозгов простых воинов, старик первым подъехал к Толгаю, еще не до конца поверившему в победу, и сам помог ему облачиться в боевые доспехи.

— Ты одолел страшного Темирче-батыра, ты и поведешь нас в поход на тузганов, — сказал Чагордай, вручая Толгаю почетное белое знамя.

Отряд Темирче почтительно расступился, давая дорогу победителю. Несколько воинов из его состава тронулись вслед за Толгаем. Так они скакали во весь опор под мрачным, оцепеневшим небом, и азарт предстоящей схватки отвлекал людей от тяжелых дум.

От места поединка до становища тузганов ходу было всего ничего — жеребенок не утомился бы. Накануне там уже побывали лазутчики и убедились: все юрты стоят на своих местах, народ никаких признаков тревоги не проявляет, ханы преспокойно пируют, видимо, крепко надеясь на своих защитников.

Первая неожиданность подстерегала их сразу за озером, называемым Санага (по преданию, это был отпечаток черпака, оброненного кем-то из великих предков). Дорогу отряда пересек небольшой табун мелких диких лошадей, бегущих с такой прытью, словно их кусали за бабки волки. Уже издали Толгай заметил что-то странное и в их неуклюжих фигурах, и в непривычной посадке головы, и в чересчур куцых гривах, и даже в манере скакать, а приблизившись на расстояние двух полетов стрелы, ужаснулся — шкуры у лошадей были полосатые, как хвост степной кошки.

Такого чуда не мог упомянуть никто, даже Чагордай, много

лет пробывший в плену у южных народов, вожди которых любили украшать свои дворцы разным диковинным зверьем.

Среди воинов пронесся ропот. Говорили о том, что небеса, вероятно, повредились куда сильнее, чем это кажется на первый взгляд, и оттуда на землю вырвались табуны заколдованных коней, принадлежащих злым духам.

Это мнение получило всеобщую поддержку, когда вдали показались новые табуны странных коней. Были среди них не только полосатые, но и рогатые, а некоторые отличались непомерно длинной шеей. Только огромный демон-мангас, в брюхе которого вмещается целое стадо скота, мог надеть уздечку на такое чудовище.

Не ожидая приказа, воины повернули назад и только тогда заметили такое, на что раньше из-за бешеной скачки не обращали внимания: трава, лежащая под копыта лошадей, совсем не походила на привычную степную траву, да и почва вроде была иной, помягче и рыжего цвета. Степняки умели скрывать свои чувства, а в особенности страх, но сейчас в толпе воинов слышались горестные стенания. Во всем почему-то винили коварных тузганов, которые с помощью злого колдовства сначала испортили небо, а потом заманили их всех в страну чудовиш.

Вскоре отряд достиг реки, какой никогда не было ни в ближних, ни в дальних окрестностях. Воды ее имели желтый цвет, как после недавнего бурного ливня. Местность, простиравшаяся за рекой, чем-то напоминала родную степь, по крайней мере полосатых и змееголовых лошадей там не наблюдалось. Решили искать брод и переправляться.

Рысью поскакали вдоль берега, время от времени посылая к воде разведчиков, но она везде была глубока, да и противоположный берег вздымался неприступной кручей. Наконец нашли место с относительно пологими берегами, основательно разбитыми копытами быков и коней, что указывало на возможность переправы.

Осторожный Чагордай посоветовал сначала пустить через реку лошадь без всадника. Особой проблемы это не составляло, потому что почти все воины шли одвуконь. На переправу отправили хитрого и злобного жеребца, не любившего седло. Подчиняясь понуканиям хозяина, он неохотно вошел в желтую воду и стал пробиваться поперек быстрого течения к противоположному берегу.

Почти до середины реки все шло гладко. Самые нетерпеливые всадники уже хотели начать массовую переправу, но

жеребец внезапно истошно заржал и с головой окунулся в воду. Там, где он нырнул, вода закипела бурунами. Жеребец раз за разом вздымался из мутных волн и снова исчезал, словно кто-то тянул его на дно. Эта борьба непонятно с кем длилась нестерпимо долго. Воины пробовали бросать арканы, но ни один из них не достал до бедного животного, чье истеричное ржание уже начало беспокоить других лошадей.

В очередной раз из воды показалась уже не голова, а все четыре нелепо растопыренные ноги жеребца. Вода вокруг него окрасилась зеленым. Перед тем как идти в набег, лошадей на всю ночь отпускали пастись, и в брюхе у каждой содержалось изрядное количество травяной жвачки.

— Не иначе как проклятые тузганы решили известить нас окончательно! — Чагордай ухватил себя за волосы. — Теперь вот и речных демонов наслали!

Жеребец был давно мертв, но ему по-прежнему не давали покоя — мотали из стороны в сторону, таскали и переворачивали под водой. Зеленый цвет успел схлынуть, зато появился алый. Вниз по течению поплыли куски кишок.

Хозяин жеребца пустил стрелу, и та вонзилась во что-то живое, находящееся совсем неглубоко под водой. Вслед за первой понеслись и другие стрелы, но Чагордай поспешно остановил бессмысленную стрельбу, ведь еще неизвестно было, когда представится возможность пополнить запас железных наконечников.

Несколько стрел все же попали в цель и потревожили подводное чудовище. Рядом с растерзанным, ободраным до костей трупом жеребца появились две пары довольно далеко отстоящих друг от друга шишек — глаза и ноздри, — а потом и вся морда, количеством клыков в пасти превосходящая даже злого оборотня-чотгора. О размерах речного демона можно было только догадываться, но, судя по волнению воды, погибшего жеребца он превосходил длиной раза в два, а то и больше.

Неведомое страшилище смотрело на гарцующих вдоль берега всадников с таким страстным вожделением, что у тех враз отпала всякая охота соваться в реку. Нашлись трезвые головы, предложившие вернуться назад по своему следу, хотя это и было не в обычаях степняков, с детства привыкших иметь в своем распоряжении весь простор необъятной степи, а не какие-то там истоптанные стежки-дорожки. Впрочем, времена наступили такие, что о прежних привычках нужно было забывать. Сделав изрядный крюк и чудом избежав стычки с уже

совершенно невероятным зверем, имевшим на носу единственный, зато преогромный рог, отряд в конце концов прибыл на то место, где происходил поединок.

Ни поверженного Темирче, ни его сотоварищей там, конечно, уже не было. Решили больше не испытывать судьбу и не связываться с коварными колдунами-тузганами, пусть мор поразит их стада, а женщин — бесплодие! Самое верное решение в этой ситуации было таково: вернуться в родное становище, плотно поесть, напиться араки и завалиться спать — авось к утру все само собой образуется.

Однако их дальнейший путь оказался чрезвычайно запутан и странен — за хорошо знакомыми местами пошли неизвестно кем распаханное поля, какое-то мерзкое мелкоколосье с уже пожелтевшей, несмотря на разгар лета, листвой и вовсе уж невиданные здесь торфяные болота.

Все изрядно притомились и проголодались, да и лошадей пора было кормить, но Чагордай не торопился делать привал. Что-то не устраивало его в этом краю. Не нравились ему, хоть убей, ни эти чахлые пески, ни поля, такие обширные, что их только на драконах пахать, ни странные следы на земле, словно огромные змеи здесь ползали, а в особенности маячившие на горизонте решетчатые столбы неизвестного назначения.

Да и пахло тут странно — так никогда не пахнет на вольном просторе. Подобный запах мог стоять только в подземной кузнице царства мертвых, где ладятся железные оси для дьявольских повозок.

Вскоре передовые всадники узрели дивное диво — путь их от горизонта до горизонта пересекала невысокая щебенистая насыпь, по верху которой были уложены две железные полосы, сверкающие, как самые лучшие клинки. Только неземные существа могли устроить такое чудо — человек никогда не бросит под открытым небом столько доброго железа. Чуть поодаль от насыпи ровной линией торчали столбы, связанные между собой множеством тонких жил. Все это вместе взятое выглядело до того несуразно, что по общему заключению старейшин могло означать лишь одно: границу, отделявшую мир живых от мира мертвых.

Весть сама по себе была малоприятная, но ни чувства голода, ни чувства усталости она не умаляла. Степняки легко могли обходиться без еды и отдыха по много суток подряд, но сейчас вдруг на всех напала какая-то предательская вялость. Головы отяжелели, как после перепоя, руки и ноги затекли, даже языки ворочались еле-еле. Лучшим лекарством у этих

удальцов всегда считалась жирная пища и крепкая арака, но нынче их переметные сумы были пусты — кто же идет в набег на богатое кочевье со своими припасами? Надо было срочно искать место, населенное живыми людьми, желательно гостеприимными и нежадными.

Стараясь держаться подальше от загадочных железных полос (дьявольской кузницей воняло именно от них), отряд шагом тронулся в неизвестность. В поле зрения давно не было ни одного знакомого ориентира. Солнце, по которому можно было определить стороны света, исчезло совершенно, а само небо имело такой вид, что на него даже не хотелось поднимать глаза.

Оставалась надежда на скорый приход ночи — не было еще случая, чтобы заветная звезда кочевников Железный Кол не указала им правильного пути. Однако время шло, а сумерки по-прежнему не сгущались, оставаясь на промежуточной стадии, одинаково свойственной и раннему утру, и позднему вечеру.

Вскоре впереди показалось несколько сооружений весьма нелепого вида. Впрочем, после всего, что довелось увидеть степнякам в течение этого долгого дня, какие-то там каменные многооконные юрты с серыми волнистыми крышами впечатляли уже не очень. Поперек железных полос в этом месте проходила обыкновенная грунтовая дорога, разъезженная глубокими колеями и залитая грязью. Длинные полосатые жерди, скорее всего служившие заградительными перевесами, были подняты. Всадников как бы приглашали в неведомую страну.

Из расположенной поблизости халупы выскочило человеческое существо, одетое наподобие китайского мандарина — халат до колен, желтая безрукавка, волосы сзади собраны в косицу. Только лицо у человека было каким-то странным — белым, безбородым и безусым, с круглыми вытаращенными глазами.

Размахивая зажатыми в руке флажками, человек пронзительно закричал нечто неразборчивое, и по голосу сразу стало ясно, что это женщина или, в крайнем случае, скопец.

Чагордай попытался ласково заговорить со стражем, охраняющим столь важные ворота, но тот, продолжая вопить, побежал прочь. Манера бега не оставляла никаких сомнений — это женщина.

Вдогонку послали двух всадников, и они мигом доставили беглянку назад. Флажков она из рук по-прежнему не выпуска-

ла, хотя обувь потеряла. Среди потока слов, которыми она осыпала степняков, чаще всего слышалось «ироды» и «фулиганы».

Кто-то высказал предположение, что это, возможно, одна из ведьм-шулмасов, которые сбивают с дороги одиноких путников и губят их потом своими зверскими ласками. От простых женщин эти прислужницы зла отличаются необычным видом срамного места, которое и является главным орудием их лиходейства.

Женщину в мгновение ока вытряхнули из одежд, но при самом пристальном рассмотрении ничего сверхъестественного в строении ее тела обнаружено не было. Однако, поскольку такого случая, чтобы голая баба без ущерба для себя смогла вырваться из толпы лихих воинов, никто припомнить не мог, решили старым обычаем не пренебрегать.

Снимать первые сливки любово-страстной забавы полагалось Толгаю, как особо отличившемуся накануне, но он вдруг неизвестно почему зачехлялся и уступил свое законное право Чагордаю, который хоть и был давно сед, но до блудодейства оставался весьма охоч.

Пока одни степняки забавлялись с полоненной ведьмой, другие занялись привычным делом — грабежом. Что из того, что солнце пропало, что земли и воды кишат дьявольскими тварями и что в любую минуту чудовища с железными крючьями вместо лап могут потащить их на несправедный и скорый суд? Жить-то пока все равно надо! А истинной жизнью для соратников Толгая как раз и был грабеж. Вот почему слетали с петель двери, звенели разбитые стекла, метелью носился пух от вспоротых подушек и на улицу из домов летело все, начиная от пустых бутылок и кончая телевизорами.

Меру съедобности каждой незнакомой вещи проголодавшиеся степняки определяли по запаху, в крайнем случае — по вкусу. Вскоре появились и пострадавшие, неосмотрительно продегустировавшие горчицу, аджику, хрен и сапожную ваксу.

Попутно было захвачено и много добротной одежды: черные суконные кафтаны с блестящими пуговицами вдоль переднего разреза, такого же цвета малахай с длинными ушами и всякое исподнее белье, до которого было немало охотников во владениях китайского императора. Даже лошадям нашлось редкое лакомство — отборная пшеница в мешках и ржаные булки, формой напоминавшие кирпичи. Но наибольший восторг вызвали белые, хрустящие на зубах кубики, куда более сладкие, чем мед диких пчел.

Перепробовав всего понемногу, перекусили поосновательней, изжарив на кострах пару коз и безхвостого пуделя, в суматохе принятого за овцу (ошибка простительная, поскольку в степи таких чудных собак отродясь не видели). Пищу запили хмельной бурдой, целая бочка которой была обнаружена в подвале одного брошенного дома. Насытившись и сразу повеселев, стали сетовать на то, что жители поселка успели сбежать и не с кем потешить истосковавшуюся без женщин плоть.

Желудки у степняков были как у гиен, бараньи мослы могли переварить, а тут вдруг подкачали, особенно у тех, кто злоупотребил комбикормом, маргарином, моченым горохом и томатной пастой. На целых полчаса железнодорожный переезд превратился в огромное отхожее место.

Временная потеря бдительности едва не обернулась для степняков крупными неприятностями, поскольку, фигурально говоря, как раз в это время из-за кулис (то есть из-за соснового перелеска) на сцену (то есть на несчастный полустанок, в панике оставленный населением) явилось новое действующее лицо, облаченное уже не голословной, а вполне реальной властью и вооруженное отнюдь не разноцветными сигнальными флажками.

К занятым своими утробными неурядицами сотоварищам Толгая катил на двухколесной, ни в какое тягло не запряженной тележке человек (а может, и демон), голову которого украшала красивая, частично красная, частично серая, шапка с круглым верхом.

Эта удивительная тележка, с колесами, поставленными не как у всех нормальных экипажей, рядом, а одно за другим, неслась со скоростью хорошей лошади и причем совершенно бесшумно. Зрелище было настолько пугающее, что у некоторых степняков, уже почуявших было облегчение, понос возобновился с новой силой.

Человек в красно-серой шапке (сверкавшей вдобавок еще и золотом) прислонил свою самобегущую тележку к первому подвернувшемуся столбу и проницательным взором окинул разоренный полустанок. Чуть дольше обычного его внимание задержалось на голой, зареванной и вываливавшейся в грязи бабе, принявшей на себя сегодня огромную, но, как выяснилось, вполне посильную нагрузку, на сорванных дверях буфета, на догорающих кострах и на пасущихся вокруг лохматых лошадаках.

После этого он достал что-то из треугольной кожаной сумки, притороченной к поясу, пустил в небо грохочущую мол-

нию и внятно произнес фразу, смысл которой, конечно же, никто из степняков не понял:

— Этот денек вы, морды цыганские, по гроб жизни помнить будете!

Из сказанного можно было сделать вывод, что участковый линейного отдела милиции ошибочно принял степняков за цыганский табор. Немало их кочевало по железной дороге, занимаясь мелким вымогательством, жульничеством и кражами. Учитывая сложившуюся чрезвычайную обстановку, в вышних инстанциях было решено примерно проучить мародеров.

Сделав предупредительный выстрел, предназначенный исключительно для спокойствия прокурора, человек в красной шапке принялся хладнокровно расстреливать степняков, не готовых ни к бегству, ни к обороне. На их счастье и на собственную беду, участковый имел только две табельных обоймы, да и целился не особенно тщательно, поскольку акция эта носила не карательный, а скорее превентивный характер. Насмерть он уложил только трех или четырех степняков, обильно обагривших кровью свое собственное дерьмо. Примерно столько же подранил.

Степняки, конечно же, были поражены и напуганы этим происшествием (причем появлением самобегающей коляски ничуть не меньше, чем ручной молнией, насмерть поражающей людей), но не в их обычаях было впадать в панику или молить о пощаде. Еще не подтянув портки, они схватились за луки. Человек в красной шапке сразу стал похож на густо ошестинившегося иголками дикобраза (только почему-то он ошестинился не со спины, а с живота и груди).

Благодаря этой маленькой победе степняки сразу воспрянули духом. Демоны, способные на расстоянии поражать людей молниями, сами оказались уязвимыми для обыкновенных стрел. Это подтвердила и расправа над самобегающей тележкой. Покорно рухнув под ударами степняков, она даже не пыталась оказать сопротивление.

О возвращении никто уже и не заикался. Впереди лежала неведомая, возможно даже, заколдованная, но необычайно богатая страна, обещавшая несметную добычу, белолицых пленниц и ратную славу. А что еще нужно в этой жизни вольному степняку?

Собрав стрелы, без задержки двинулись дальше. На многих всадниках уже были надеты железнодорожные шинели, плюшевые старушечьи кацавейки и оранжевые жилеты дорожников. Сам Чагордай красовался в милицейской фуражке.

Волшебная страна оказалась населенной не менее густо, чем местность вокруг столицы Поднебесной империи. В этом степняки убедились уже через полчаса, напоровшись на очередное селение, почти сплошь состоявшее из многоэтажных каменных домов. На всех окрестных курганах торчали огромные решетчатые крылья.

Вот уж где добра было немерено! Даже с первой попавшейся им в руки пленницы, кроме одежды, удалось снять целую пригоршню золотых украшений необычайно тонкой работы. Табун лошадей можно было купить за такие сокровища!

Правда, доступ к домам преграждала ограда из тонкой проволоки, о которую в кровь изрезались как люди, так и лошади, но в конце концов ее наловчились рубить саблями. На пришельцев высыпали поглазеть многочисленные обитатели этого уже обреченного селения: гладкие, пестро разряженные бабы, один вид которых вызывал у похотливых степняков зубовный скрежет, не менее аппетитные детишки, за которых можно было взять хорошую цену на любом невольничьем рынке, и мужчины, интересные только тем, что большинство из них носило одежду травяного цвета. Мужчин предполагалось изрубить и рассеять в самое короткое время.

Десять веков, разделявших два эти человеческие сообщества, сыграли злую шутку как с теми, так и с другими. Потомки никак не могли взять в толк, что за маскарад происходит под их окнами, а предки никогда не вняли бы предупреждению, что на военный гарнизон, пусть даже носящий голубые петлицы военно-воздушных сил, заведомо означающие недисциплинированность и расхлябанность, нападать все же не стоит.

Летуны пребывали в бездействии лишь до тех пор, пока первые из них не рухнули под ударами сабель, а чумазные косяглазые бандиты, всем своим видом сразу напомнившие легенду о скором пришествии свирепых народов гог и магог, не стали врываться в богато обставленные офицерские жилища. На первых порах для обороны использовались охотничьи ружья, сельскохозяйственный инвентарь вроде тяпок и вил, офицерские кортики и кухонные принадлежности.

На шум побоища из караулки немедленно прибежала только что сменившаяся с постов дежурная смена под началом сержанта-разводящего. Начальник караула, в нарушение устава хлебавший ши на собственной кухне, стал одной из первых жертв неизвестных налетчиков.

Затем по тревоге подняли роту охраны, имевшую на воо-

ружении не только карабины «СКС», но и ручной пулемет. Дежурный по части, правда, сначала не хотел вскрывать оружейку (такой приказ ему мог отдать только командир, накануне вылетевший в Талашевск на экстренное совещание), но, узнав, что среди прочих изнасилованных воендам числится и его теща, сам повел роту в атаку.

Оказавшись под плотным свинцовым градом, степняки понесли ужасающие потери. Смертельную рану получил Чагордай, нижняя челюсть которого улетела вслед за пронзившими ее крупнокалиберными пулями. Рухнул вместе с лошастью богатырь Илгизер, прославившийся во многих сражениях. Бывалый Ертык, вылетев из седла, зацепился за проволоку, и его, как барана, закололи штыком. Лишившийся предводителей отряд сразу превратился в ораву случайных людей, каждый из которых дрался только сам за себя и спасал лишь собственную жизнь, что неминуемо должно было привести к полному поражению.

И тогда Толгай отличился второй раз за одни сутки. Была, знать, у него жилка, благодаря которой человек может не только постоять за себя, но и повести за собой других.

Так громко и убедительно он до этого не орал еще ни разу в жизни (нужно ведь было как-то заглушить грохот выстрелов, крики дерущихся и вопли раненых). Привыкшие соблюдать в бою дисциплину, степняки повернули коней и помчались прочь, сознательно бросив на произвол судьбы тех, кто остался безлошадным — в столь неудачно сложившемся бою они были заведомо обречены на смерть или плен.

Скакать до ближайшего укрытия было не так уж близко, и на каждом шагу этого трагического пути лежал трупом или конь, или человек. Невидимая смерть визжала вокруг и кусала насмерть.

До оврага, склон которого скрыл степняков от взоров врагов и от посылаемых ими разящих молний, доскакало три дюжины лошадей и вдвое меньше седоков. Разгром был полный. За колючей проволокой остались не только трупы товарищей, но и награбленное добро. Спасаясь, степняки бросили все: седла, поклажу, запасную одежду, оставив при себе лишь оружие.

Люди были не то чтобы сильно испуганы, но в конец дезориентированы. Все чаще они косились на Толгая, после гибели других вожakov ставшего в отряде главным авторитетом. Приняв на себя это ярмо, как нечто само собой разумеющееся, он велел уцелевшим спутникам забинтовать раны тряпьем

и древесным лубом, перекусить тем, что осталось, пересесть на свежих лошадей и скакать вслед за ним.

Из всего случившегося Толгай сделал два, в общем-то, справедливых вывода. Первый: нужно держаться подальше от всего, что изготовлено людьми-демонами для их собственных непонятных целей — домов, как больших, так и маленьких, всевозможных столбов, обвешанных разными видами железной проволоки, и того, что напоминает дороги. Второй: жителей этой страны лучше не трогать, а если трогать, то лишь женщин и одиночных мужчин, но ни в коем случае не тех, кто носит одежды травяного цвета, красивые шапки и раскатывает на самобегающих тележках.

Таясь, как волки, человеческого жилья, почти не давая отдыха ни себе, ни лошадям, ночуя по лесам и оврагам, питаясь чем придется, они пересекли всю эту равнинную страну и увидели на горизонте громады гор. К сожалению, в отряде уже не было ни одного достаточно опытного воина, способного опознать их. Сам Толгай видел горы только в Джунгарии, но там они были совсем другие — крутые, уходящие за облака, с белыми ледяными вершинами.

За все это время ни солнце, ни луна так и не показались на небе, а ночь ни разу не одарила землю прохладой и покоем. Над головой, в незабываемых прежде чертогах богов творилось что-то неладное: то по серому фону пробегали исполинские черные тени, то словно пожар разгорался на одном из сводов верхнего мира.

Люди изголодались так, что вместе с лошадьми поедали пшеницу прямо из колосьев и не брезговали падалью, которой, как всегда в лихие годы, хватало с избытком.

Вокруг уже расстилалась совсем другая страна — скудная и каменистая, еще в большей мере не похожая на родную степь. Что бы они делали здесь без своих надежных и неприхотливых коньков-бахматов, находивших пропитание там, где подошли бы от бескормицы даже козы? Постепенно лошадей становилось все меньше, да и людей поубавилось — кто-то умер от воспалившейся раны, кто-то сорвался в пропасть, кто-то не вернулся из дозора. В отряде начался ропот. Однажды воины с обнаженными саблями в руках окружили Толгаю.

— Куда ты ведешь нас, сын гадюки? — стали спрашивать они. — Не видишь разве, что скалы становятся все круче, а воздух холоднее? Только горные козлы могут жить в этих краях! Посмотри на наших лошадей, посмотри на нас самих! По твоей воле мы превратились из воинов в жалких нищих! По-

чему ты запрещаешь грабить оседлый люд? Почему завел нас на край света?

Толгай, стараясь говорить как можно доброжелательнее (хотя и наметил уже в толпе зачинщиков, с которыми следовало рассчитаться в первую очередь), изложил им собственную версию строения вселенной. Весь суший мир, по его словам, состоит из земной тверди и окружающего его бескрайнего океана. Суша, в свою очередь, равномерно делится на степь, леса и горы. Родная степь и лесистая страна, населенная демонами, осталась позади. Скоро должны закончиться и горы, за которыми опять расстилается степь, в которой им и предназначено поселиться. А пока, учитывая бедственное положение отряда, он позволяет разграбить первое попавшееся на пути селение.

Смягчив конфликт методами дипломатическими, Толгай на следующий день окончательно разрешил его методами силовыми, спровоцировав на ссору сразу двух наиболее горластых бунтарей и доказав всем на деле, что одна искусная сабля сильнее пары неумелых.

Впрочем, и обстоятельства благоприятствовали ему. Горы пошли на убыль, на их склонах обильно зазеленела трава, изредка стали попадаться не очень тщательно охраняемые стада овец и человеческие поселения, одно из которых они, не выдержав соблазна, все-таки ограбили.

Сам Толгай в нападении не участвовал, наблюдая за окрестностями с вершины господствовавшего над местностью холма. Инстинктивно он чувствовал, что эта новая страна, быт которой весьма отличался от того, что ему довелось видеть во владениях людей-демонов, также таит в себе некую опасность, хотя и другого свойства.

Догадки его подтвердились. Не успели степняки вволю нажраться бараньего мяса, набить добычей сумки и всласть натешиться с женщинами, как на горной дороге, по которой они сами прибыли сюда, показался мчащийся во весь опор конный отряд. Всадники сверкали сталью тяжелых доспехов и сжимали в руках длинные пики, а их скакуны в холке едва ли не в полтора раза превосходили ростом степных лошадок.

Люди-демоны поражали свои жертвы молниями даже с расстояния тысячи шагов, но никогда не преследовали побежденных. Закованные в железо воины швырять смерть до горизонта не умели, зато оказались настойчивы и неутомимы в погоне. Из всего отряда спастись удалось только Толгаю, да и то лишь потому, что он остался незамеченным.

Лежа вместе с верным конем в какой-то ложбине, он имел возможность наблюдать, как всех степняков, которых миновали клинки и пики, на веревках привели в деревню, едва успевшую оправиться после разгрома.

Люди в черных одеждах пробовали снять допрос с диковинных пленников, но скоро убедились в тщетности своих попыток. Степняки не могли понять чужой язык даже под воздействием раскаленного железа. Те, кто выдержал все муки, были подвергнуты позорной казни — побиванию камнями. Жестокая процедура растянулась надолго, поскольку палачами в ней выступали главным образом обесчещенные женщины и их родня.

Толгаю пришлось оставаться в своем убежище до тех пор, пока железные всадники не покинули селение (а провели они там по самым скромным подсчетам дня три и ущерба запасам вина и продовольствия, а также женской чести нанесли куда больше, чем это успели сделать степняки). Все это время он кормил лошадь корой и ветками растущих поблизости деревьев, а свои собственные голод и жажду утолял исключительно кровью из ее жил.

В дальнейшем наученный горьким опытом Толгай неукоснительно следовал своим принципам: избегал жилья, горных дорог, открытых мест и никогда не обижал местное население. Редкие странники принимали его за нищего мавра и зачастую одаривали куском хлеба или сыра из своих скудных запасов. Таким образом, не зная ни языка, ни географии, ни обычаев Кастилии, он пересек ее от границ Отчины до никому тогда еще не известной Киркопии.

Очередная страна разочаровала Толгаю — вместо долгожданной степи он опять попал в лес, да еще какой! Стволы деревьев, каждый толщиной в несколько обхватов, уходили высоко вверх и там смыкались кронами, образуя некое подобие зеленых шелестящих небес, под сводами которых жили лошади величиной с собаку, кабаны, размером превосходящие быков, дикие кошки с непомерно длинными клыками и множество другой диковинной живности.

Скакун, преодолевший вместе с хозяином столько опасностей и лишений, в этом сытом краю неожиданно околел — не то обожрался с непривычки, не то случайно проглотил какую-нибудь отраву. Толгай снял с него уздечку, легкое деревянное седло (безлошадный степняк заслуживает жалости, а степняк, не имеющий при себе даже сбруи, вообще не человек) и двинулся дальше пешком.

Со своим оружием — саблей и луком — он не расставался. Стрелы, правда, давно иссякли, но Толгай наловчился мастерить их из веток и такой тупой снастью успешно бил птиц, ныне составлявших его основной рацион. Спал он, забравшись повыше на деревья, да и то вполглаза — огромные кошки шастали по верхотуре не менее шустро, чем по земле.

Вначале Толгай очень опасался диких зверей, но вскоре убедился, что при встрече с ним те хоть и не выражают особой радости, но особо и не наглеют. Отсюда напрашивался вывод, что паскудная натура двуногих существ хорошо известна представителям местной фауны.

Надежда когда-нибудь вернуться в родные места постепенно меркла. Во время одной неудачной переправы он потерял седло и теперь выглядел обыкновенным бродягой — чумазым и оборванным. На некую связь с цивилизацией указывала одна только сабля, клинок которой носил загадочные клейма древних мастеров. За время одиноких скитаний Толгай сильно стосковался по человеческому обществу и решил пристать к первому попавшемуся на его пути племени, пусть даже не конному. Здравый смысл подсказывал, что людей нужно искать не в лесной чаще, а вблизи рек, которые благоприятствуют и торговле, и обороне.

Теперь он прокладывал свой путь по течению ручьев, в сторону более пологих мест. Вскоре поиски Толгая увенчались первым успехом — он набрел на большое кострище, еще хранившее в своих недрах слабый жар. Здесь останавливался на отдых и трапезу довольно многочисленный отряд. Люди были сплошь босые и очень крупные — даже обутая стопа Толгая не могла целиком накрыть ни одного следа.

Дабы определить, кто это был — охотники, воины, торговцы или такие же, как он, бесприютные бродяги, — Толгай разрыл кострище. Неизвестные люди питались на зависть обильно и разнообразно. Костей было много — и огромных бычьих, и поменьше, вроде заячьих. Рыбьи хребты перемешались с раковинами моллюсков, яичной скорлупой, огрызками фруктов, орехами и рачьими панцирями.

Однако вершиной этой роскошной коллекции объедков были два человеческих черепа. Имевшиеся на них явственные следы зубов свидетельствовали, что эта находка не имеет отношения ни к погребальным, ни к жертвенным ритуалам. Людей просто скушали на второе или третье блюдо, между салатом из даров реки и яблочным десертом.

Толгай с детства слышал страшные рассказы о людоедах,

но, признаться, никогда не верил в них. Очень уж неаппетитно в сравнении с барашками или жеребятами выглядели все знакомые ему люди. Но сейчас жуткие подробности этих бабушкиных сказок всплыли в памяти, подняв заодно и обильную мусть страха.

Он выхватил саблю и с тревогой огляделся по сторонам. Однако все вокруг было спокойно: на разные лады чирикали птицы, стрекотали белки, мычала и ухала всевозможная травоядная живность, пара диких кошек тянула невдалеке любовную песню. Жизнь шла своим чередом, словно в природе не случилось никакой катастрофы и не висело над головой это тяжелое каменное небо.

Теперь Толгай старался не только избегать встреч с местными жителями, но и тщательно маскировал свои следы — водой шел чаще, чем сушей, а всем другим путям предпочитал каменистые осыпи и прибрежные галечники. Кострища попадались ему все чаще — и старые, сквозь которые уже трава проросла, и совсем свежие, еще дымящиеся. В большинстве из них он находил человеческие останки — не только взрослых, но и детей. В одном месте, где пировало не меньше сотни каннибалов, в грудах золы и угля обнаружился полный комплект воинских доспехов. Точно в такие же латы были облачены всадники, уничтожившие отряд Толгая. Панцирь вначале почернел и деформировался от огня, а уж потом был распорот вдоль груди. Судя по всему, кавалериста испекли прямо в нем, словно черепахе.

Для себя Толгай решил так: «Если наскочу на людоедов, буду драться до последнего, а когда никакой надежды не останется, сам себе перережу глотку». Любоваться на подготовку банкета, где главным блюдом предстоит быть ему самому, он не собирался.

Однако все случилось совсем не так, как предполагалось. Кострища стали попадаться все реже, а потом и вовсе пропали. Толгай решил, что наконец-то покинул охотничьи уголья любителей человечинки. После всех пережитых треволнений мелькавшие в лесном сумраке желтые кошачьи глаза вызывали у него едва ли не умиление. Если четвероногие хищники чувствуют себя здесь раздольно, значит, двуногие хищники наведываются в эти края не так уж и часто.

Впрочем, осторожность, ставшую уже неотъемлемой частью его натуры, Толгай никогда не терял и, однажды заслышав приближающееся похрустывание сухих веток, устилавших лесной дол, сразу затаился под кучей бурелома, как змея

под колодой. Судя по всему, шел сюда не зверь, а человек, да к тому же одиночка. С равной вероятностью это мог быть и выслеживающий добычу людоед, и его жертва, хоронящаяся в лесной чаще.

Наконец ветки кустарников раздвинулись, и взору Толгая предстало существо женского пола — босое и растрепанное, обряженное в легкомысленный передник из пушистого белого меха.

Была эта дамочка крепка в кости, коренаста, слегка сутула и странна лицом, чтобы не сказать более. Влажные глаза серны, узенький лоб, на котором едва помещались брови, твердые скулы, почти не выраженный подбородок и полные сочные губы производили в сочетании весьма необычное впечатление. Тяжелую обнаженную грудь и гладкие бедра покрывал нежный светлый пушок, сама же женщина была смугла, как уроженка полуденных стран.

Назвать ее красавицей нельзя было даже с натяжкой, более того, некоторые черты лица, взятые в отдельности, выглядели отталкивающе, но тем не менее это была молодая цветущая женщина, от которой исходил терпкий и зовущий аромат самки, сразу вскруживший голову двадцатилетнему Толгаю.

Все правила, которые помогали ему выжить в этом долгом и опасном путешествии, разом забылись. Ведь давно известно — если похоть бурлит в крови, голова перестает соображать. Впрочем, Толгай вовсе и не хотел причинять этой женщине вред. Наоборот, он собирался проявить по отношению к ней всю нежность, на которую только был способен. На почве чувственных ласк он надеялся найти с ней общий язык, а потом, возможно, и подружиться. Юное лесное создание почему-то не ассоциировалось у него с образом кровожадного людоеда.

Самыми ответственными обещали быть первые минуты знакомства. Надо было постараться не напугать женщину, а еще лучше сразу внушить ей доверие.

Однако, помимо воли залюбовавшись туземкой, Толгай упустил момент, когда еще можно было изобразить из себя невинного козлика, случайно забредшего в чужой огород. Женщина обладала очень тонким слухом, а может быть, и чутьем. Стоило Толгаю тихонечко вздохнуть, как она сразу вздрогнула и насторожилась.

Отсиживаться дальше в укрытии не имело смысла.

Выскользнув из-под нагромождения погубленных бурей

деревьев, Толгай выпрямился во весь рост, хотя резких движений старался не делать.

Если женщина и испугалась, то виду не подала. Ее глаза сузились, а ладное и крепкое тело подобралось, как у готовящегося к прыжку зверя.

— Толгай! — он постучал себя по груди и сделал осторожный шаг вперед.

В тот же момент женщина сделала синхронный шаг назад, всем своим видом демонстрируя, что намерена соблюдать статус-кво.

— Я чело-век! — раздельно произнес он и на всякий случай повторил эту короткую фразу по-уйгурски. — Я добрый. Иди сюда.

Женщина что-то нечленораздельно, но, похоже, радостно замычала и улыбнулась странной улыбкой паралитика, у которого действует только половина лицевых мышц.

Решив, что его наконец поняли, Толгай смело шагнул к женщине, но на какое-то время потерял способность не только двигаться, но и соображать. Случилось это так быстро, что он даже боли от удара не ощутил. Очнувшись через пару секунд на земле, с башкой, гудящей так, словно в ней вместо мозгов болталось чугунное било, он увидел только голую спину улепетывающей женщины. Сзади весь ее наряд состоял лишь из тесемочки от передника.

Боль, обида, ярость и страсть, еще больше распалившаяся от вида сверкающих смуглых ягодиц, толкнула его в погоню, хотя делать этого как раз и не нужно было. Степняку трудно тягаться в скорости передвижения с полуженщиной-полуобезьяной, особенно если та находится в своей родной стихии.

Толгай уже не видел ее больше, а только слышал быстро удаляющийся шум проворных прыжков. Затем впереди раздался высокий гортанный крик, явно адресованный кому-то. В ответ с разных сторон донеслись другие крики — с той же интонацией, но куда более грубые.

Толгай, сразу сообразивший, в какую ситуацию он попал и чем может грозить ему плен, зайцем метнулся назад и буквально через пару шагов получил то, к чему так стремился. Внезапный испуг, предельное физическое напряжение и неудовлетворенная похоть вызвали бурное семяизвержение, возможно, последнее в его жизни...

А всего через несколько минут он оказался в лапах грубых волосатых мужиков, чуть менее уродливых, чем гориллы, но столь же диких и злобных. Видя, как к его голове стремитель-

но приближается суковатая дубина, Толгай успел подумать: «Ну какой вкус во мне, ведь только кожа да кости остались!»

Когда Толгай очнулся, киркопы (именно под таким названием этот первобытный народ позже вошел в историю Отчины, Кастилии и Степи) волокли его по земле к тому месту, где он должен был принять не только жуткую смерть, но и позорное погребение в утробах кровожадных дикарей.

Вдоль фасада легкой свайной постройки пылал длинный костер. От него исходили ни с чем не сравнимые ароматы жареного мяса и каких-то пряных трав. В прежние времена Толгай и сам любил посидеть возле костра, на котором подрумянивались жеребятины окорока и цельные туши баранов. Вот только раньше он никогда не задумывался над тем, что ощущают идущие на заклание бараны и жеребятины.

Бедлам вокруг творился невероятный: ревело пламя, мычали дикари, стучали друг о друга деревянные и костяные дубины, кто-то пробовал плясать, кто-то награждал друг друга увесистыми тумакami. Все — и мужчины и женщины — были одеты лишь в передники из луба, все вели себя как пьяные, и все грызли кости.

Понял Толгай только одно: его употребят не сию минуту, а чуть попозже. Первым на разделку шел некто косматый, похожий на пирующих, как родной брат, но, видно, проштрафившийся чем-то или по рождению относящийся к другому племени.

Привыкший к жестокости точно так же, как другие привыкли к утреннему кофе, Толгай не отвел глаз ни когда киркопа повалили на землю, ни когда ему дубиной перебили суставы, ни когда у еще живого целиком выдрали потроха.

Печень с великим тщанием поджарили и унесли в дом, внутренностями завладели самые почетные гости, а все остальное было распределено строго по старшинству — кому достался филей, а кому и рулька. Огонь, облизав нанизанное на палки мясо, затрещал веселее.

Шальная мысль вдруг обуяла Толгаю: а что, если дикари сейчас нажгутся до отвала и уже не позарятся на его донельзя исхудавшее в странствиях тело? Однако, видя, с каким вождением дикари раздрают плохо прожаренное мясо и крушат зубами кости, он понял, что те способны слопать все, до чего только смогут дорваться.

Когда с шашлыком из киркопа было покончено, наступила очередь отбивных из молодого степняка. Его схватили за шиворот, как щенка за холку, и поволокли к тому месту, где

вершили свой нелегкий труд местные повара. Вот уж в ком даже с первого взгляда можно было сразу признать потомственных каннибалов!

Худоба Толгая не вызвала у них ни удивления, ни досады — здесь привыкли есть всех без разбора. Один из поваров легко скрутил несчастного степняка в бараний рог, а второй потянулся за дубиной — прежде чем приступить к разделке, жертву полагалось обездвигить.

Свет в глазах должен был вот-вот померкнуть, и Толгай с отчаянием пялился в серое, словно скованное грязным льдом небо — последнее, что выпало ему увидеть в этой жизни.

Затем на сером фоне появился темный вертикальный силуэт. Над ним склонилась та самая женщина, из-за которой (да еще из-за собственной глупости) он оказался здесь. Вновь она была одета в свой меховой передничек и вновь пристально смотрела на Толгая диковатыми янтарными глазами. Губы ее обильно лоснились, возможно, от только что съеденной печени киркопа.

Гримаса, исказившая черты женщины, едва ли подавалась расшифровке, но скорее всего это было торжество. Наглый насильник получил по заслугам. Людоедская справедливость восторжествовала.

Внезапно выражение лица дикарки да и вся ее поза неуловимо изменились. Она стала чем-то похожа на гончую, почувшшую долгожданную добычу. Еще не было сказано ни единого слова (да эти существа и не говорили между собой, а только обменивались жестами и мычали на разные лады), но повара, больше похожие на заплечных дел мастеров, уже отступили прочь. Дубина вернулась на прежнее место. Эта женщина пользовалась здесь абсолютной, непререкаемой властью. Если ей хотелось мяса, она получала лучший кусок. Если ей хотелось, чтобы это мясо еще немного пожило на белом свете, голодным людоедам не оставалось ничего другого, как утереться.

Толгай, уже опаленный жаром пиршественного костра, в свое спасение верил слабо. Случившуюся заминку он полагал лишь временной отсрочкой. И зря! Приглядевшись к королеве каннибалов повнимательнее, он сразу бы заметил то, что объединяет между собой пустую суку, корову в течке и влюбленную женщину. Неукротимый зов плоти сжигал это странное существо, одной частью своей натуры уже пребывавшее в мире людей, а другой все еще погрязшее в трясине дикости. В Толгае она признала достойного себя самца и, пре-

зрев все условности, свойственные родному племени, хотела зачать от него потомство.

Вот почему Толгая не стали разделять на порционные куски, а поволокли целехонького в апартаменты королевы, куда доступ мужчинам был строжайше запрещен. Посмотреть на диковинного пленника сбежались все домочадцы королевы — кормилицы, плясуньи, собиральщицы насекомых, телохранительницы, знахарки и повивальные бабки. Выбор властительницы был единодушно одобрен. И действительно, в сравнении с неуклюжими, косматыми и звероподобными киркопами Толгай выглядел настоящим красавчиком. Наследники от него должны были получиться славные.

Случку решили начать безотлагательно. Даже с хряком, выполняющим эту работу на свиноферме какого-нибудь зачуханного колхоза, обращались лучше, чем с Толгаем в Киркопии. Никого не интересовало: сыт ли он, здоров ли и вообще, имеет ли тягу к подобному мероприятию.

Хорошо еще, что Толгай был молод, вынослив, небрезглив и не склонен к рефлексии. В своем духовном развитии он ушел от киркопов не так уж и далеко, а потому на многие аспекты бытия имел сходный с ними взгляд. К противоположному полу, например, он относился со здоровым прагматизмом, много веков спустя сформулированным в народной мудрости: «Забавы ради сгодятся все бляди».

Беда состояла еще и в том, что в одних ситуациях киркопы вели себя уже почти как люди, а в других — совсем как обезьяны. К этим последним относилось все, что было связано с естественными отправлениями организма: едой, питьем, дефекацией, размножением.

Они не ели, а жрали. Не пили, а лакали. Не испражнялись, а срали. Не любовью занимались, а совокуплялись. Толгаю пришлось приложить немало смекалки, настойчивости и чисто мужской силы, чтобы заставить киркопку принять более или менее приемлемую для него позу. И все равно, вплоть до самого последнего мгновения, она извивалась, повизгивала и пробовала кусаться.

Но, как вскоре выяснилось, и это было не самое страшное. По обычаю обезьяньего стада доминирующий самец (а Толгай сразу стал таким, едва был допущен к телу королевы) обязан был обслуживать всех находившихся в детородном возрасте самок. У него сразу возник обширный гарем, нагло и настойчиво требовавший осуществления своих законных прав на деле.

Для Толгая наступили ужасные времена. Пища не насыщала его, а сон не давал отдохновения. Везде ему чудились тугие, равномерно раскачивающиеся груди и еще более тугие, сотрясающиеся в любово-страстной лихорадке зады. Он уже начал жалеть о том, что в первый свой день здесь избежал зубов каннибалов.

Толга-й неоднократно пробовал бежать (и однажды добрался почти до Гиблой Дыры), но каждый раз безо всякого ущерба для себя насильно возвращался в прежнее состояние дамского угодника.

Мало-помалу он обрюхатил всех своих обожательниц, но на смену им почти сразу пришли новые. Теперь Толга-й уже жил с младшей сестрой королевы (существом, в чувственном плане куда более привлекательным), а также с сестрами, племянницами, тетками и подружками бывших фавориток.

Учитывая все эти обстоятельства, невозможно было даже представить себе, в чем держится его душа. Толга-й уже давно еле ноги таскал, чему также способствовала и вегетарианская диета — мяса он не ел ни под каким предлогом, опасаясь подвоя, а охотиться самостоятельно уже не мог.

Он сумел досконально разобраться в незамысловатом устройстве киркопского общества. Царил там оголтелый матриархат, а отношение к мужчинам напоминало суший геноцид. Мальчиков с самого раннего возраста воспитывали вдали от отцов, внушая им беспрекословное повиновение всем, кто вместо дурацкого пениса имел такое сокровище, как вульву.

Жалко было смотреть на могучих, как буйволы, и ужасных ликом киркопов, которыми распоряжались в первую очередь их королева, а потом по нисходящей: матери, жены, сестры и вообще все бабы племени подряд. Неудивительно, что потом мужчины вымешали копившуюся годами ярость на своих врагах.

А вообще-то, как убедился Толга-й, киркопы в основной своей массе были добродушные, наивные и привязчивые люди. Пленников они пожирали вовсе не от голода или извращенности, а по давно и прочно укоренившейся привычке, да и то не всех подряд, а лишь тех, кто сражался против них. Сойтись с дикарями поближе мешало отсутствие у них членораздельной речи, но Толга-й вскоре наловчился объясняться знаками.

Сплошь все мужчины племени имели на Толга-й зуб, но не смели перечить своим повелительницам. Немалого труда стоило убедить наиболее радикально настроенных киркопов в

том, что не женщина истинный хозяин жизни, а, наоборот, мужчина, поскольку он заведомо сильнее, быстрее и сообразительнее, и что не женщина должна брать мужчину по своей воле, а он ее, в пользу чего есть масса доводов, главный из которых такой: женщину можно использовать столько, сколько заблагорассудится, и на протяжении почти всей жизни, а мужчину не так уж долго и не ахти как часто.

Под влиянием этой агитации в недрах племени постепенно вызрел антифеминистский заговор. Женщины прозевали его потому, что не могли себе даже представить возможность бунта мужчин. Помыкая своими сужеными, беззастенчиво пользуясь их трудом да еще предаваясь безудержному разврату с чужаком, они оторвались от реальности, что в плане историческом неоднократно повторялось в другие времена и с другими владыками.

И вот наступил день, когда в королевские апартаменты, устроенные примитивно, как мышиное гнездо, ворвались грубые мужланы и, дико гикая, дабы превозмочь свой собственный страх, за волосы поволокли женщин на пиршественную площадь. Там их долго насиловали, колотили, заставляли грызть сухие кости и лизать собачий помет, а потом приставили к тяжелой и позорной работе, которую прежде выполняли мужчины: собирать съедобные корни, толочь их каменными пестиками в муку, таскать воду, строить шалаши, лепить горшки, заготавливать дрова, поддерживать огонь в очагах и отгонять мух.

Вдохновитель этого, без ложной скромности говоря, всемирно-исторического переворота скромно держался в тени, наслаждаясь заслуженным покоем. Победителям пока хватало собственных забот, и, не желая стеснять их своим присутствием, да и опасаясь мщения за прошлый позор, Толгай незаметно ускользнул из людоедского поселка.

На этот раз никто его не преследовал. Осторожный, как матерый лис, крепко наученный лучшим на свете учителем — бедами, он прошел насквозь Киркопию и Кастилию, по пути заглянул в Агбишер, миновал сотни ловушек, ускользнул от тысячи врагов и в конце концов добрался до родимой степи, где долго не мог досыта напиться кобыльего молока и вволю наговориться на языке своего народа.

Вокруг кипела кошмарная, лишенная причин, логики и пощады война. Черные арапы шли на желтых степняков, те отбивались и от них, и от кастильцев, и от жителей Отчины, а потом вместе с последними шли на первых, со вторыми —

против третьих, и снова в одиночку сражались против всех разом.

В огне, в крови, в победных походах и трагических отступлениях было не до чувственных утех, но иногда Толгай с непонятной тоской вспоминал и королеву людоедов, и ее юную сестричку, и многих других любвеобильных киркопок.

Все это забылось в единый миг, когда после жестокого разгрома на подступах к Талашевску, раненный несчетное количество раз, сброшенный с лошади и покинутый сподвижниками, он разлепил склеившиеся от крови веки и увидел над собой женщину — беловолосую, как богиня метели, и хрупкую, как одуванчик. В руке она сжимала автомат, а в губах — окурок самокрутки. И то и другое дымилось.

Увидев Верку в первый раз, Толгай влюбился сразу и навсегда...

Агелы, продолжавшие преследование, неизвестно каким образом узнали, что их тыловое прикрытие уничтожено неизвестным врагом. Это, естественно, не добавило им прыти, но и не отвратило от погони. Впрочем, не исключено, что сейчас они больше беспокоились о собственной безопасности, чем о травле жалкой кучки почти безоружных людишек.

Верка кое-как отдышалась и теперь бежала сама, хотя ее продолжали поддерживать с двух сторон Зяблик и Смыков. Лилечка неизвестно какими усилиями воли продолжала держаться впереди, а обязанности замыкающего принял на себя Цыпф. Ему полагалось как можно чаще оглядываться и в случае возникновения каких-нибудь чрезвычайных обстоятельств (резкого ускорения темпа погони, появления у противника свежих сил, подготовки лучников к залпу) своевременно информировать об этом остальных членов ватаги.

Слева от них все шире разливалась река, а справа опять подступал лес, оставляя для прохода лишь узкую полосу берега. Агелы с бега постепенно перешли на легкую рысцу, то же самое по команде Цыпфа проделали и преследуемые. Оба отряда по-прежнему разделяло метров восемьсот — дистанция, в несколько раз превышающая полет стрелы.

— А не хитрят ли они? — произнес Смыков с подозрением. — Нарочно нас придерживают, пока другие в обход леса бегут.

— Пусть бегут, — тяжело отдуваясь, буркнул Зяблик. — Тут уж ничего не попишешь. Пока силы есть, будем драться.

— А потом?

— А потом в реку бросимся. Чапаев под пулеметным ог-

нем до середины Урала доплыл. А здесь как-никак Евфрат... Божья река... Может, кто и спасется...

— Дался вам этот Евфрат, — поморщился Смыков. — Не могли какое-нибудь достойное название придумать. Без религиозной подоплеки...

— Какое? — Зяблик через плечо мельком глянул на аггелов, все еще продолжавших висеть на хвосте ватаги, но что-то подрастерявших былую агрессивность. — Пролетарка? Октябрина? Комсомолка? А может, Смыковка?

— Опять вы, братец мой, утрируете!

— Ничего подобного. Имею массу жизненных примеров. Однажды попал мне в руки сборник законов Верховного Совета за шестьдесят четвертый год. Половина законов там как раз и касалась переименований. Ухохотаться можно. Деревня Блядово в Победное. Ракоедовщина в Славное. Поселок Рыгаловка в Советск. Реку Смердечку в Розовку. Озеро Могильное в Первомайское. Даже хутор Нью-Йорк почему-то переименовали. Представьте себе, в Новый Быт. Какая тут логика?

— А какая логика в том, что это гадкое место Эдемом назвали? — Голосок Лилечки дрогнул. — Скоро все листья, которые на мне висят, развалятся. Разве это хорошо?

— Ну не скажи... — многозначительно произнес Зяблик. — Я лично в этом ничего плохого не вижу.

— А я вот что предлагаю! — уже и Верка повеселела. — Если спасемся, так и назовем речку Удачей. А нет — пусть Смыковкой остается.

— Я попрошу... — начал было Смыков, но закашлялся, подавившись на бегу какой-то мелкой летающей тварью.

— А где же наш Толгаюшка пропал? — опечалилась вдруг Лилечка.

— За Чмыхало не переживайте, — авторитетно заявил Зяблик. — Он калач тертый. Видите, аггелов наполовину меньше стало... Его работа, по почерку вижу. Ты, Лева, веришь мне?

— Хотелось бы, — вздохнул Цыпф.

Болтая таким образом и все время посматривая назад, они как-то забыли про остальные стороны света. Поэтому человек, внезапно возникший на их пути, был воспринят ватагой как весьма неприятный сюрприз. Лилечка взвизгнула, Верка выругалась, остальные приготовили оружие к бою.

Свободное от деревьев пространство здесь резко расширилось, образуя довольно обширную поляну, с трех сторон ограниченную лесом, а с четвертой — рекой. Незнакомый человек

стоял на противоположной стороне этой поляны, у самой воды, как бы загораживая уходящую вдаль узкую тропку.

Как истинный обитатель Эдема, он был совершенно гол, да и богатырским телосложением напоминал Рукосуева, только ростом немного уступал. Лицо незнакомца казалось отрешенным, а выражение глаз отсюда нельзя было разобрать. В левой руке он сжимал какой-то черный клиновидный предмет.

— Здравия желаю, — на всякий случай поздоровался Смыков.

Голый человек внимательно посмотрел на него, но ничего не ответил.

— Не уважает, — тихо молвил Зяблик. — Дай лучше я с ним покалякаю... Эй, приятель, нам мимо тебя пройти надо. Тут, понимаешь, небольшая заварушка назревает... Хотят некоторые проверить, в чем наша душа держится. Мы вообще-то люди не пугливые, да уж больно много их. Потому, само собой, и рвем когти.

Ответа опять не последовало, хотя голый детина, казалось, ловил каждое слово Зяблика.

— Может, он глухонемой, — пожал плечами Зяблик. — Или русского языка не понимает... Пошли, может, все и обойдется. Мы его не трогаем, и он пусть не лезет.

Они осторожно пересекли поляну. Позади уже явственно слышался топот приближающихся аггелов.

— А если... ножик ему под ребро, — шепотом предложил Смыков. — Уж очень подозрительный тип. Не внушает он мне доверия. Да еще камень в руках держит.

— И это говорит бывший работник правоохранительных органов! Ай-я-яй! — покачал головой Зяблик. — Не-е, про это я уже думал. Он ножик вместе с рукой оторвет. Помнишь, как меня в тот раз Рукосуев мотанул? С такими только знаменитому Дону Бутадеусу силой меряться.

— Стойте! — резко приказал загадочный незнакомец.

— Но мы же вроде договорились! — заканючил Смыков. — Пропустите, пожалуйста.

— В сторону, — голос был подчеркнуто бесстрастен, но глаза — черные, с расплывшимися на всю роговицу зрачками — дико поблескивали, словно в них беладонны закапали.

— Лева, тебе решать, — негромко сказал Зяблик.

— Я бы подчинился, — ответил Цыпф. — По-моему, у этих людей нелады с аггелами. А как известно, враг моего врага...

— И мне тоже может оказаться врагом, — закончил Зяблик, однако первый сделал шаг в сторону.

Держась опушки леса, они отошли от берега шагов на десять. Верка и Лилечка, спрятавшись за куст, занялись починкой своих изрядно обветшавших нарядов, а мужчины, не зная, как быть — готовиться к схватке с аггелами или улепетывать в лес, — топтались на одном месте.

— Сидеть! — последовало новое лаконичное распоряжение.

— Ты Жучкой своей командуй! А тут как-никак люди! — огрызнулся Зяблик, но сел, по-турецки скрестив ноги.

— Вы Рукосуева знаете? — спросил Цыпф ни с того ни с сего.

— Знаю, — все так же сдержанно ответил строгий незнакомец.

— Привет ему передавайте! — Цыпф многозначительно переглянулся с Зябликом.

— Обязательно.

— А вас самих как зовут?

— Эрикс.

— Вы не русский?

— Что? — знакомый Рукосуева так глянул на Цыпфа, что тому сразу стало не по себе.

— Нет, ничего... — растерянно пробормотал Лева.

Этот странный Эрикс между тем занялся делом — несколькими ударами своего камня, формой напоминавшего примитивное рубило, отделил от дерева увесистый сук, расщепил конец, засунул туда камень (получилось что-то вроде первобытного топора) и принялся крест-накрест обматывать его гибкими прутьями лозы. Делал он все это сноровисто и быстро, словно солдат, увязывающий свою выдавшую виды скатку.

— Обсидиан, — косясь на Эрикса, сообщил Цыпф.

— Что? — не понял Смыков.

— Обсидиан, говорю. Вулканическое стекло. В Нейтральной зоне оно на каждом шагу попадает. Использовалось древними людьми для изготовления оружия. Ножей, топоров, копий...

— Ножи из него до самого недавнего времени делались, — сказала Верка, закончив ремонт своего гардероба. — Но только медицинские. Для микрохирургии. У нас в больнице целый комплект когда-то был. Импортный. Острее ничего не бывает. Разве что алмаз...

В этот момент аггелы, изрядно употевшие в своих кольчугах, высыпали на поляну. Присутствие голого атлета удивило преследователей еще больше, чем беглецов, но, в отличие от

последних, они знали, с кем имеют дело. Доказательством этому были дружно вскинутые луки.

А потом случилось нечто такое, после чего даже выдавший виды Зяблик долго качал головой и сокрушенно повторял: «Это же надо так!»

Вскинув над головой топор, Эрикс бросился на аггелов. Лев, атакующий буйвола, преодолел бы это расстояние в три прыжка, а этому странному человеку хватило всего двух.

Но даже совершив этот молниеносный бросок, Эрикс успел только к шапочному разбору. Трое других голых героев (двое до этого таились в лесу, а один — под речным обрывом) уже вовсю крушили аггелов своими страшными топорами. Кто-то еще пытался сопротивляться, но это было равносильно тому, если бы пучок колосьев стал отбиваться от серпа жницы.

Все было окончено в считанные секунды, лишь один из аггелов, совсем молодой, еще безрогий парнишка, каким-то чудом избежав смертоносных ударов, опрометью бросился к кучке людей, сидевших на противоположной стороне поляны.

Эрикс, топор которого еще не попробовал крови, одним прыжком настиг его, но почему-то медлил: то ли хотел прицелиться наверняка, то ли растягивал садистское удовольствие. Верка, действуя скорее по велению слепого материнского инстинкта, чем по собственной воле, приняла юного аггела в объятия, а потом и прикрыла своим телом. Размах топора уже нельзя было остановить, и он по самую рукоятку вонзился в землю совсем рядом с Веркой.

Не притронувшись больше к нему, Эрикс скривился в непонятно что означающей улыбке и, резко повернувшись, направился туда, где его товарищи стаскивали с мертвых аггелов окровавленные кольчуги.

Когда последний труп плюхнулся в воду и, как дымовой завесой, сразу окутавшись клубящейся розовой мутью, медленно поплыл вниз по течению, победители наконец обратили внимание на пятерых людей, оказавшихся в их власти. (Аггела, жизнь которого сейчас не стоила даже рваной советской рублевки, в расчет можно было не брать.)

Смыков, обладавший профессиональной памятью на лица, еще издали узнал Рукосуева и заговорил с ним в развязно-почтительной манере, которую обычно употреблял в общении с преступными авторитетами, до поры до времени гуляющими на свободе:

— Доброго здоровьица! Давно не виделись. Очень кстати

вы подоспели. Шалят тут некоторые, понимаете. Из-за этих рогатых приличному человеку и погулять спокойно нельзя.

Рукосуев присел в свою любимую позу — на корточки — и обвел всех взором, несвойственным нормальному человеку.

«Одно из трех, — подумал про Рукосуева Цыпф, — либо он вместе с сотоварищами постоянно находится под воздействием сильного наркотика, возможно, того же бдолаха, либо страдает какой-то малоизвестной формой психического расстройства, либо уже выделился из рода человеческого в ту расу разумных существ, для которых, по словам Артема, проблема добра и зла потеряла свою актуальность».

— Где... тот... шустрый? — скрипучим голосом спросил Рукосуев и похлопал себя по правому локтю, недавно вывихнутому, а затем успешно вправленному на место.

Сразу догадавшись, о ком идет речь, Смыков развел руками:

— Нет его! Ушел! Он не наш был. Случайно прибился. Помните, как в песне поется: мы странно встретились и странно разойдемся.

— Верно, что это был новоявленный Каин? — Рукосуев говорил так, словно рот его был полон стеклянного крошева.

— Сказки! — заверил его Смыков. — Брехня аггелов! Он их сам терпеть не может. При случае давит, как клопов.

Только сказав все это, Смыков вспомнил, что Артем при нем ни единого человека, кроме самого Рукосуева, и пальцем не тронул.

— Ушел, значит... — задумчиво повторил Рукосуев. Глаза его закрылись, и он, продолжая сидеть на корточках, стал медленно раскачиваться с пятки на носок, словно задремывая.

Его товарищи бросили топоры и, зайдя по колено в воду, ополаскивали руки. Только Эрикс околачивался поблизости и загадочно поглядывал на аггела, трепещущего в Веркиных руках.

Толгай все не возвращался, и это не предвешало ничего хорошего. Если бы он остался в живых и наблюдал сейчас всю эту суету из укрытия, то обязательно подал бы условный сигнал, имитирующий крик цапли-кваквы.

Глаза Рукосуева вновь раскрылись, хотя ни яснее, ни человечнее от этого не стали. Теперь он пялился на Зяблика, который с подчеркнуто независимым видом изучал строение какого-то цветка.

— Это ты, что ли, хотел меня кастрировать? — поинтересовался Рукосуев, впрочем, без озлобления в голосе.

— Я, — не стал отпираться Зяблик. — Шутка это. Для тех, кто понимает. Не мог я всерьез говорить. Грех такое хозяйство губить. В другом месте благодаря ему ты бы как сыр в масле катался. Забыл разве, сколько в Отчине баб неприкаянных осталось?

— Шутка, — повторил Рукосуев, словно деревянный брусок своими зубами перекусил. Упоминание об Отчине, судя по всему, он пропустил мимо ушей.

Следующей на очереди была Верка.

— Врач? — спросил он вроде бы даже с некоторой симпатией.

— Ага! — Верка торопливо закивала головой, словно вилилась в чем-то. — Врач. Ты, зайчик, не обижаешься на нас? Помнишь, как я тебе ручку вправила? Не болит? Вот и хорошо. Отпусти нас, Христа ради!

— Этот тебе зачем? — Рукосуев ткнул пальцем в аггела.

— Ох, и сама не знаю! Баба я глупая! Пожалела дурачка! Ну посмотри сам на него! Сердце как у мышонка бьется! Сволочь он, конечно, если с рогатыми связался. Так это, может, по глупости. Пройдет. Оставь ты ему жизнь, пожалуйста, — в ее голосе появились интонации церковной нищенки.

— Не в наших правилах оставлять или забирать чью-либо жизнь, — загадочно произнес Рукосуев. — Все в мире свершается само собой.

Если это был допрос, то его избежали только двое — Цыпф и Лилечка. Они сидели рядом (Лилечка, потупив глаза, красная, как свекла, а Цыпф, наоборот, смертельно бледный) и держались за руки. Для этой парочки у Рукосуева вопросов не нашлось, хотя, судя по взглядам (по их длительности, а отнюдь не по выражению), Лилечка продолжала интересоваться его.

— Куда вы шли? — резко спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Домой, в Отчину, — ответили вразнобой сразу несколько голосов.

— Забудьте. Отчина обречена. Если человечеству и суждено уцелеть, то только в Эдеме. Здесь же оно в свой срок и возродится.

— Не отпускаете, значит, — нахмурился Зяблик.

— Нет. Тут ваше место. Потом вы это сами поймете. А пока за вами присмотрит Эрикс. Временно. Он не сторож вам и не пастух, а защитник и советчик. Аггела оставим вам, так и быть. Сами будете за него отвечать. Если искренне раскается,

может, и простим. Но сначала снимите с него это железо. Истинные люди не должны скрывать тело свое под одеждой.

— Но хоть листьями прикрываться мы имеем право? — набралась смелости Лилечка.

— Конечно. Принуждения у нас не существует. Но рано или поздно вы сами откажетесь от одежды.

Рукусуев встал, собираясь уходить, но его остановил вопрос Цыфа:

— Так что же все-таки случилось с Сарычевым?

— В Эдеме не принято хоронить мертвецов, поэтому я не могу указать вам его могилу, — сдержанно ответил Рукусуев.

— Ну и вляпались! — сказал Смыков, когда поблизости никого, кроме Эрикса, не осталось. (Их будущий советчик и защитник был в это время занят тем, что закапывал в землю оставшееся после аггелов оружие.)

— И не говори даже! — сплюнул Зяблик. — Перековырять нас будут под себя. Штучки знакомые. Чего я на свете не люблю, так это когда кто-то другой за меня все решает. Запомните, кореша, человек, который знает, что для тебя хорошо, а что плохо, последняя сволочь... А ты чего колотишься, дешетка! — он пнул пленного аггела босой ногой. — Не встали бы эти амбалы вам поперек дороги, сейчас бы жилы из нас тянул! Поздно, падла, рыдать! Умел грешить, умей и ответ держать. Мы не попы, раскаяний не принимаем.

— Перестань! — прикрикнула на него Верка. — Нравится тебе над беззащитными людьми издеваться! Ты и Чмыхало когда-то хотел добить! Помнишь? Это я его тогда отстояла! Кто прав оказался?

Этот довод хоть ненадолго, но приструнил Зяблика. Толгай был для них почти как младший брат. Верить в его смерть не хотелось, но и надежды на счастливый исход схватки сразу с десятком до зубов вооруженных врагов почти не осталось. По всем статьям выходило, что Толгай отдал за них свою жизнь, хоть и сумел при этом взять хорошую цену. Повздыхали, вспоминая верного друга, а Лилечка даже слезу пустила. После этого приступили к допросу аггела.

— Ты чей? — спросил Смыков, словно перед ним был сорванец, попавшийся на краже яблок из чужого сада.

— Ничей... Я сам по себе... — надулся тот.

— Фу-ты ну-ты! А звать как?

— Иавал, — не без гордости сообщил аггел.

— Ты мне это брось! Я не кличкой твоей интересуюсь, а анкетными данными! Отвечай без запинки! — Техникой до-

проса Смыков владел так же виртуозно, как шулер колодой карт: знал, где пошутить, где проявить сочувствие, а где и прикрикнуть. — Фамилия?

— Э-э-э... не помню! — аггел тужился, как ребенок, высаженный перед сном на горшок, даже испариной покрылся, но, похоже, и в самом деле никак не мог вспомнить свою настоящую фамилию.

— А имя помнишь?

— Оська... — мальчишка впервые поднял глаза на своих спасителей.

— Иосиф, значит... Или Осип?

— Не знаю.

— Год рождения? Впрочем, этого ты точно не знаешь... Родители есть?

— Нет.

— Что значит — нет? Тебя же не из глины слепили! Мать свою помнишь?

— Немного. Я есть хотел. Она ходики на базар понесла и не вернулась. А отец еще раньше умер. Его, говорят, бешеная крыса укусила.

— Сирота, значит. Беспризорник. Тогда все понятно. Жил по подвалам, голодал, подворовывал, а потом тебя рогатые подобрали. Накормили, одели, обласкали и объявили сыном Каина, который волен творить над другими людьми все, что ему заблагорассудится. Так?

— Так, — удивление выражали не только его глаза и губы, но даже уши. — А вы откуда знаете?

— Тут и знать нечего. Таким манером еще Святополк Окаянный пацанов в свою дружину вербовал. И давно ты с рогами водишься?

— Не очень... — теперь на лице появилось выражение растерянности.

— Разве ты дни считать не умеешь?

— А зачем?

— Действительно, зачем... В Эдеме первый раз?

— Нет, второй.

— Как вы сюда добираетесь?

— Обыкновенно, — Оська-Иавал пожал плечами. — Ногами.

— Я понимаю, что не на крыльях. Обратную дорогу сможешь найти?

— Смогу, наверно.

— Нравилось тебе у рогатых? Чего потупился, как красная девица! Признаться боишься! Сколько людей загубил?

— Не знаю... Ни одного вроде...

— Врешь. В стычках участвовал?

— Участвовал.

— Где?

— В Отчине, Агбишере, Баламутье...

— Ого! Поносило тебя, однако... А здесь?

— Здесь — нет.

— Как это — нет? А сегодня?

— Разве это стычка... — от воспоминаний о пережитом ужасе его всего передернуло.

— Что это за люди, которые на вас напали?

— Разное про них говорят... Вроде бы они хотят все сначала начать, как бы от Адама. Но только по-другому. Не покидать больше Эдема. Дескать, это единственное место, где положено жить людям. А все остальное — для ядовитых гадов и диких зверей.

— Ну а у вас, естественно, на Эдем есть другие планы?

— Никаких... За бдолахом сюда ходим, вот и все. Людям здесь долго жить нельзя. Сами видите, каким этот стал... — он с опаской глянул в сторону Эрикса, заканчивавшего засыпать яму. — Не человек, а вурдалак какой-то...

— Зато вы — невинные пташки! — не выдержал Зяблик. — Бдолах жрешь?

— Ага, — кивнул Оська. — Дают понемногу.

— Чтоб рога росли?

— Тут дело не в рогах, — Оська говорил осторожно, словно боясь, что его могут превратно понять. — Дело в вере. Рога это только знак... Доказательство того, что я верую в отца нашего Каина. У тех, кто не верит, они не растут. Поэтому-то среди нас и нет шпионов.

— Почему же у тебя самого рога не выросли? — поинтересовалась Верка.

— Я совсем недавно приобщился... Только первое посвящение прошел. Меня еще и на сковородку не пускали.

— И не пустят, будь уверен! — Зяблик для доходчивости шелкнул Оську по лбу. — Слышал, что про тебя тут калякали? Жизнь тебе сохранят только при условии полного раскаяния. Что ты на это скажешь? Отрекаешься от своей людоедской веры?

Теперь, когда непосредственная опасность вроде бы ми-

новала, а страх понемногу отпустил, юный аггел не склонен был принимать столь скоропалительное решение.

— Ну не знаю, — замялся он. — Нельзя же вот так сразу взять да отречься... Подумать еще надо.

— Как ты сказал? — Голос Зяблика перешел в зловещий шепот. — Нельзя сразу? Можно!!! Сейчас ты не только от Каина, а даже от половой жизни навсегда отречься! Эй, дорогой! — он помахал рукой, обращаясь к Эриксу. — Можно я твоей секирой воспользуюсь?

— Для какой цели? — лениво поинтересовался тот.

— Надо тут одному фраеру мозги вправить. Путем усечения яиц.

— Кому вправить? — слегка удивился Эрикс.

— Фраеру! Не понимаешь? То-то, я гляжу, ты сам землю копаешь, хотя дармовой силы в распоряжении навалом. Не русский, что ли?

— Как бы это вам лучше сказать... — На невозмутимом лице Эрикса появилось что-то похожее на смущение.

— Как в паспорте написано, так и говорите, — с видом знатока посоветовал Смыков.

— Паспорт? А, вы, наверное, имеете в виду идентификатор личности?

— Мать честная! — присвистнул Зяблик. — А ты хоть в каком году родился?

Эрикс хотел что-то ответить, уже и рот открыл, но потом махнул рукой:

— Нет, вы не поймете. Мы не употребляем десятичную систему счисления. Но если это вам так интересно, я попробую перевести дату моего рождения в удобную для вашего понимания форму... Хотя без компьютера, конечно, будет трудновато... — Он вздохнул непонятно почему. — Какое летосчисление вас устраивает больше: александрийское, антиохийское, диоклетианово, христианское, византийское или мусульманское?

— Все! — замахал на него руками Зяблик. — Дальше не будем! Замнем для ясности. А не то сейчас начнется базар на тему истории будущего. Один только вопрос любопытства ради: до Марса ваши современники уже добрались?

— Конечно. И уже довольно давно... Я там сам, правда, не был, но некоторые из моих знакомых отдыхали на Марсе.

— А почему вы не были? — опечалилась Верка. — Это же, наверное, так интересно...

— Я собирался на Титан... Да вот не получилось...

Эта удивительная новость на некоторое время отвлекла внимание ватаги от упорствующего в своих заблуждениях аггела. Однако вскоре Зяблик спохватился:

— Что притих, гаденыш? Думал, забыли про тебя? Нет уж — дудки! Если прибился к нам, изволь чужой устав чтить. Цапкаться тут с тобой никто не собирается. Сам знаешь, что мы за тебя своей головой отвечать обязаны. Не хватало лишних хлопот! Если не отречешься сейчас же от своей рогатой братвы, а заодно и от батьки их кровавого, я с тобой то же самое сделаю, что он с брательником своим. Мне не привыкать. Как раз за это самое первый срок тянул. Ну?

— Отрекайся, зайчик, отрекайся! — Верка погладила Оську по голове. — Ну зачем тебе с этой сволочью водиться! Можно и по-человечески жизнь прожить.

— Как свинопасы сиволапы? — ухмыльнулся Оська.

— А хотя бы! Чем плохо! — поддержала Верку Лилечка. — Земля прокормит. Община в обиду не даст. Семью заведешь. Детей.

— Какая семья, какие дети! — Оська с тоской глянул в свинцовое небо. — Конец скоро всему придет... В аггелах я бы хоть погулял в свое удовольствие... Хотя какая теперь разница... Ладно, отрекаюсь!

— Это ты брось! — погрозил ему пальцем Зяблик. — Разве так отрекаются?

— А как? — удивился Оська.

— Как клялся, так и отрекайся. Только наоборот.

— Вы это серьезно?

— Вполне. И не залупайся, когда с тобой старшие говорят. А не то и в самом деле топор возьму! Отчижаю твою мошонку, сразу покладистым станешь. Усек?

— Усек, — с кислым видом кивнул Оська.

— Тогда начинай. Когда прописку в своей банде проходил, тебе, наверное, говорили, что ты ее до смерти будешь помнить?

— Говорили...

— А отречение ты будешь еще сто лет после смерти помнить, это я обещаю. С чего вы там начинаете?

— С клятвы Кровавому Кузнецу.

— Давай.

— «Владыка и повелитель...»

— Нет, так не пойдет! Повторяй за мной: «Гопник смердячий и рвань подзаборная...»

— «Гопник смердячий и рвань подзаборная... — запинаясь, промолвил Оська, — отец наш истинный...»

— «Зуктер ссученный...» — поправил его Зяблик.

— «...Зуктер ссученный, — как эхо повторил Оська, — ради служения тебе отрекаюсь от всякой иной веры, всяких иных властителей и всяких иных ближних, пусть бы они даже считались раньше моим отцом и моей матерью. — Проговорив это, как заученную молитву, Оська умолк, ожидая поправок Зяблика, однако тот махнул рукой: «Ладно, чеши до конца». — Отрекаюсь также от всего, чему меня учили до этого лжецы, именовавшие себя учителями, потому что науки их — всего лишь невнятный пересказ древней лжи, накопленной за тысячи лет твоего забвения. Жизнь моя отныне принадлежит только тебе. Взамен ты отдаешь мне жизнь и достояние тех, кто отрицает твою сущность, а тем паче — глумится над твоими деяниями. Обещаю преследовать их безо всякой пощады в любую погоду, в любой стране и во все времена, не делая при этом различия между мужчинами и женщинами, стариками и детьми, властителями и рабами. Дурная трава не должна засорять сад твой. Веру в тебя, отец наш, обязуюсь доказывать не только словами и поступками, но также мыслями. А если я вдруг усомнюсь и разуверюсь, поступай со мной так, как хороший хозяин поступает со взбесившимся псом или заразной скотиной. Весь я без остатка и все мое потомство принадлежат только тебе, отцу единственному, истинному и вечному».

Почти без запинки отбарабанив всю эту мрачную ахинею, Оська с облегчением перевел дух. Лицо его порозовело от каких-то сокровенных воспоминаний.

Ватага молчала. Верка смотрела на Оську с жалостью, Лилечка с брезгливостью, Цыпф с удивлением. Только Смыков, и на следственной работе, и на службе в инквизиции много раз наблюдавший всю низость человеческого падения, никак не выразил своих эмоций. Молчание нарушил зачинщик всего этого представления Зяблик:

— Круто... Даже у блатных такой клятвы нет, хотя они тоже на всю жизнь кровью повязаны... Сейчас мы твою молитву слегка переиначим. А ты запоминай. Потом повторишь. Так... Начало мы опустим, гопником и зуктером ты Каина уже назвал, такое у вас не прощается. Пойдем дальше. Напомни слова.

— «Ради служения тебе...» — буркнул Оська.

— «Служить тебе не собираюсь и заявляю прямо, что ни ты, Кровавый Кузнец, ни кто иной из твоей банды не заставит

меня отречься от родителей, пусть и почивших уже, от родной земли и от всего хорошего, чему меня успели научить добрые люди. Жизнь моя принадлежит только мне, и только я один волен распоряжаться ею, но при этом я постараюсь никогда не наносить ущерба ближним своим, а в особенности — беспомощным старикам и невинным детям. Я не верую в тебя, братоубийца и лжец. Я проклинаю тебя на словах и в мыслях». Э-э-э... помогай, Лева!

— «Клянусь до конца дней своих бороться с твоими последователями, как с оружием в руках, так и словом. Клянусь также при каждом удобном случае разъяснять несведущим людям всю пагубность и мерзость твоего учения. Если же я нарушу вдруг эту клятву и пойду на попятную, пусть тогда меня судят по закону и совести», — на диво гладко закончил Цыпф.

— Годится, — одобрил Зяблик. — А теперь с самого начала внятно и с чувством.

На то, чтобы заставить Оську выдавить из себя весь этот текст, ушло не менее получаса. Он пытался, запинаясь, мычал, а более или менее связно заговорил лишь после того, как ему сунули под нос обсидиановую секиру. Для пушей убедительности бывшего аггела заставили повторить клятву несколько раз подряд. Но, как выяснилось, это было еще далеко не все.

— Что там у вас дальше по программе? — строго осведомился Зяблик.

— Кровь пили... — потупился Оська.

— Чью?

— Откуда я знаю... Чужую.

— Теплую?

— Нет, уже холодную... Там целое ведро стояло.

— Понятно. Если действовать по принципу «наоборот», что у нас получается? Пил ты кровь чужую и холодную, а харкать будешь своей и теплой. Согласен?

Удар был настолько неожиданным и стремительным, что никто, собственно, и не уловил момента его нанесения — только зазвенели Оськины зубы да обильно хлынула из его пухлых уст алая юшка.

— Ну это уже слишком! — воскликнула Верка. — Кулаки-то зачем в ход пускать? От зоны своей родной не можешь отвыкнуть!

— Не лезь! — огрызнулся Зяблик, тон которого, выражение прищуренных глаз и внезапная бледность не предвещали ничего хорошего. — Не твоего ума дело. У меня свои планы. А поэтому, пока я из него всю дурь не выбью, не успокоюсь.

— И в самом деле, Вера Ивановна, попридержите свою бабью сердобольность, — поддержал Зяблика Смыков. — Тут без сильных эмоций не обойдешься. Клин клином вышибают. Макаренко, чтобы своих питомцев на истинный путь наставить, еще и не такие расправы устраивал.

— Палач твой Макаренко! — возразила Верка. — И вы оба с ним заодно!

Между тем Зяблик продолжал обрабатывать Оську.

— С питьем крови, значит, законечно, — он подул на свой кулак. — Что там дальше на вашем шабаше происходило? Всю программу рассказывай! И не врать! В глаза мне смотри!

Оська заскулил, пуская одновременно ртом и носом розовые пузыри.

— Там... это самое... после крови... на теле клятву давали...

— На каком теле? Не хныч, ты же мужчина!

— Девственницы... Только мне она не девственницей досталась... Очередь была... — он рыдал, уже не сдерживаясь.

— Где же вы, сволочи, девственницу раздобыли?

— Монашка кастильская...

— Молодая?

— Нет, старая... у-у-у...

— И ты на такое согласился? — с ужасом воскликнула Лилечка.

— Ага... Один не согласился, так его самого использовали... Ой, пожалейте!

— Догадливым стал, — произнес Зяблик зловеще. — Сам понимаешь, что тебе за девственницу кастильскую положено. Понимаешь или нет?

— П-п-понимаю! — выл Оська.

— Опетушат тебя сейчас. Решение вполне справедливое. Нервных просим отойти подальше.

— Не смей! — заорала Верка. — Да ты сам зверь похуже любого аггела! Мужики, остановите вы его, в конце концов!

— Вы что, Вера Ивановна, Зяблика не знаете? — пожал плечами Смыков. — Да и как остановишь, если у него топор в руке.

— Я тоже полагаю, что пора прекратить этот балаган. — Цыпф, наверное, был смущен больше всех. — Пошутили и хватит... Всему есть пределы...

— Адвокатов, понимаешь, развелось! Даже кирпичу упасть негде! — Зяблик ухватил обезумевшего от страха Оську за волосы. — Прочь с дороги! Если у самих кишка тонка, так хоть под ногами не путайтесь!

Мальчишку он уволок в заросли так же легко, как волк уносит в свое логово ягненка. С минуту из леса доносился удаляющийся хруст сокрушаемой растительности, а потом там словно шрапнель разорвалась — так звонок и интенсивен был человеческий взвизг, впрочем, почти сразу же захлебнувшийся, как это бывает, когда кричащему резко зажимают рукой рот.

— Нет, вы как хотите, а с Зябликом определенно надо что-то решать, — возмущенно сказала Верка. — Совсем распоясался!

— Как лицо, облеченное властью, пусть и временной, — начал Цыпф, — я со своей стороны обещаю сделать все возможное...

— Какой еще властью? — удивился Смыков. — Власть ваша, братец мой, закончилась в тот момент, когда мы на этом берегу якорь бросили. Выбирали ведь вас лишь в силу особых обстоятельств, которые уже не имеют места быть.

— Слушая вас, у меня возникает ощущение, что вы работали не следователем милиции, а преподавателем русского языка в школе для папуасов, — еще пару недель назад Лева никогда бы не осмелился сказать такую дерзость Смыкову.

— Да, товарищ Цыпф, — тот сочувственно глянул на Лева. — Верно говорят, что власть портит человека.

— Уж извините... — Лева развел руками.

В лесу снова затрещало, и на опушке появился Зяблик. С совершенно будничным выражением лица он вытирал ладьями руки.

— Вы, братец мой, и в самом деле его изнасиловали? — поинтересовался Смыков.

— Ну ты что, в натуре! — возмутился Зяблик. — За кого меня принимаешь? Я педрилой сроду не был.

— А почему он так верещал?

— Сунул ему для острастки сучок в задницу, вот и все. Пусть знает, каково той кастильской монашке пришлось. С девственностью надо в пятнадцать лет расставаться, а не в семьдесят. Всякому овощу свое время, как говорил царь Соломон.

— А что это вы, братец мой, так старательно руки трете?

— Слабаком парень оказался. Уделался от страха, как медвежонок в овсах. Ну ничего, урок ему на всю жизнь будет...

Урок, похоже, и в самом деле пошел Оське впрок. Стал он на диво вежлив со всеми, ласков, предупредителен и даже на имя Иавала (который, по словам Цыпфа, был прямым потом-

ком Каина в шестом, кажется, колене) уже не отзывался. Перед каждой трапезой он на манер «Отче наш» твердил: «Гопник смердячий, рвань подзаборная и зуктер ссученный, служить тебе я не собираюсь и заявляю прямо, что...»

Эрикс все это время от них ни на шаг не отходил. И хотя проявить себя в роли защитника ему, слава Богу, пока не представлялось случая, советчиком он оказался старательным, терпеливым и доброжелательным.

Благодаря ему в первый же день ватага наелась от пуза — в райском лесу обнаружилось множество вполне съедобных и даже весьма недурственных на вкус растений, хотя по их внешнему виду сказать этого было никак нельзя. Эрикс показал своим подопечным дупла с какой-то полужидкой субстанцией, про которую Верка, помнившая совсем другие времена, сказала: «Ну прямо клубника со сливками», и научил их раскапывать подземные норы, служившие убежищем для странных шишкообразных существ — полурастений-полуживотных, — способных утолить не только зверский голод, но и удовлетворить самого взыскательного гурмана. Все это нужно было поедать на месте, без промедления, иначе спустя каких-нибудь пять-шесть часов нежная сладость сменялась тошнотворной горечью, а чудесный аромат — зловонием помойки.

Впрочем, уроки прикладной гастрономии были далеко не главными в том объеме знаний, которые стремился передать им Эрикс.

Смысл его пространных лекций, длившихся почти все свободное ото сна и еды время, сводился примерно к следующему. Человек как самодостаточная личность и субъект истории появился в некоем мире, очень напоминающем Эдем. Именно там расцвела первая цивилизация, память о которой послужила основой легенд о так называемом Золотом веке. Люди не знали болезней и голода, не нуждались в одежде, жилье и оружии. Природные условия, свойственные только этому миру, не позволяли копить что-либо, заготавливать впрок и строить нечто более грандиозное, чем рассчитанный на пару суток шалаш. Следовательно, отсутствовали имущественное расслоение, эксплуатация и распри. Были исключены даже конфликты на бытовой почве — всем хватало всего, а стыда и ревности голые дети Эдема не знали. Любовь была для них одновременно и искусством, и религией, и основным способом времяпрепровождения. Впрочем, как признал Эрикс, здесь начиналась уже область домыслов.

Людей, населявших Эдем в ту эпоху, можно условно называть нефилимами¹, ибо именно под таким именем в Библии упоминается живший задолго до потопа народ исполинов, славный своими героическими подвигами и деяниями духа.

О причине, заставившей людей покинуть земной рай, можно только догадываться. Наивная библейская легенда ничего толком не объясняет. Не исключено, что человеческую расу вытеснили более могущественные существа, имевшие совершенно другую природу (что, по мнению Цыпфа, косвенно подтверждается повышенным интересом к Эдему так называемых Незримых, или Иносущих).

Люди, рассеявшиеся по всему свету и оказавшиеся в самых разнообразных природных условиях, частью погибли, а частью приспособились к новой жизни, далеко не такой сытной и легкой, как раньше. Они научились изготавливать одежду и оружие, по примеру четвероногих хищников занялись охотой, а по собственной инициативе — грабежом более удачливых или более трудолюбивых собратьев. Что из этого получилось впоследствии, известно всем: войны, мятежи, расовая и религиозная нетерпимость, зависть, раскол общества на богатых и бедных, половое неравноправие, короче, все то, о чем Бог впоследствии сказал: «Велико развращение человеков на Земле, а все мысли и помыслы их сердца есть зло». Повсюду, грубо говоря, воцарился Железный век, продолжающийся и по сию пору.

На это Лева Цыпф, благодаря хорошему питанию и покою обнаглевший до крайности, возражал следующим образом. Именно этот распроклятый Железный век породил великую философию и бессмертное искусство, помог человеку познать себя и окружающий мир, поставил его над природой и стихиями, позволил добраться до других планет и худо-бедно увеличил народонаселение не меньше чем в тысячи раз. А вот чем, кроме любви, жратвы, строительства недолговечных шалашей и созерцания собственных голых тел, занимались знаменитые нефилимы — абсолютно неясно. Всеобщее благополучие, бесконфликтность и свойственный такому типу общества застой не могут подвигнуть людей на героизм или на создание духовных ценностей.

Контрдоводы Эрикса (как ни крути, а был он человеком

¹ Нефилимы — так называются потомки сынов Божьих и дочерей человеческих в оригинальном еврейском тексте Библии. В православной традиции — «исполины».

довольно странным даже на фоне остальных своих единомышленников: в одних вопросах демонстрировал поразительную осведомленность, а в других — убийственную наивность) выглядели приблизительно так. Человеку свойственно придавать исключительное значение только своей культуре, близкой и понятной. О том, что известно всего лишь понаслышке, он объективно судить не может. Тем более не может он судить о вещах вообще неизвестных. К примеру, средний европеец единственно приемлемым считает свой образ жизни, в чем с ним будет категорически не согласен ортодоксальный мусульманин или буддийский монах. Было бы ошибкой утверждать, что цивилизации шумеров, ацтеков или древних египтян были хуже нашей лишь на том основании, что не покоряли космоса или не знали электричества. Тем более мы не можем сейчас говорить что-либо конкретное о цивилизации нефилимов, основные принципы существования которой стерлись в памяти деградировавших и разобщенных потомков. Однако отголоски некоторых древнейших легенд, тайные знания, сохранившиеся у первобытных народов, и кое-какие необъяснимые современной наукой археологические находки наводят на мысль, что нефилимы в свое время достаточно глубоко проникли в самые сокровенные тайны мироздания. Если же говорить об искусстве, то у людей, даже обитающих в благоденственной стране, всегда существуют побудительные поводы для него — жизнь, смерть и любовь. Каждая из этих тем неисчерпаема и может быть выражена какими угодно способами. В арсенале искусства, несомненно, есть средства не менее выразительные и доходчивые, чем письменные знаки, живописные образы, гармоничные звуки и грациозные телодвижения. Вполне возможно, что чувственная любовь сама по себе может стать высоким и вдохновенным искусством, по силе своего воздействия на общество ни в чем не уступающим литературе или музыке.

Это умозаключение очень заинтересовало Верку. Напустив на себя томный вид, она поинтересовалась, тянет ли на искусство то, чем нынче занимаются обуянные любовстрастием парочки. Эрикс, не задумываясь, ответил, что скорее всего — нет. От истинного искусства любви существующая сексуальная практика отличается примерно так же, как симфонии Моцарта и фуги Баха от камлания впавшего в экстаз шамана. Между реализацией довольно-таки примитивного инстинкта и созданием на его основе шедевров чувственности лежит дистанция огромного размера. Можно лишь предполагать, ка-

кие новые способы соития, какие формы ласк, какие методы обострения страсти, какие комбинации индивидуального и группового секса создадут грядущие мастера плотских утех. Впрочем, не исключено, что уже в наше время существуют люди, в силу своих редких врожденных качеств интуитивно предвосхитившие некоторые основополагающие начала волшебного искусства любви.

(По этому поводу между Зябликом и Веркой состоялся обмен репликами. «Ты, подруга, в этом деле на Моцарта не тянешь, — сказал он. — Ноты плохо знаешь, да и скрипка твоя расстроена». «Не с твоим смычком на моей скрипке играть!» — ответила она.)

Главная идея лекций Эрика сводилась к тому, что зло и насилие не являются неперенными принадлежностями человеческой природы, как это следует из большинства религиозных и философских учений, а являются лишь естественным атрибутом борьбы за выживание в сложных и изменчивых условиях Железного века. Стоит вернуть людей, пусть даже и не всех, а некоторую их часть, в прежние условия, и великое племя нефилимов возродится вновь, тем более что этому способствуют многие объективные факторы, присущие исключительно Эдему.

Во-первых, его природа способна удовлетворить все физиологические запросы человека, освободив тем самым его энергию для самосовершенствования и познания высших истин. Во-вторых, в Эдеме отсутствуют болезни и опасные живые существа, погода всегда ровная, стихийных бедствий не наблюдается. В-третьих, местные растения, употребляемые в пищу, влияют на организм человека самым благоприятным образом. Сила, быстрота и физическое совершенство нефилимов проистекают именно по этой причине. Кстати, бдолах они употребляют лишь в исключительных случаях, считая его чересчур сильным и не до конца изученным средством, дающим зачастую непредсказуемый эффект.

Естественно, что человек, выбравший для своего обитания Эдем, через некоторое время будет заметно отличаться от своих соплеменников, продолжающих вести прежний образ жизни. Но это отнюдь не регресс, а, наоборот, возвращение к естественному состоянию тела и души. Впоследствии, когда Золотой век в достаточной мере расцветет и окрепнет, появится возможность распространить его и за пределы Эдема.

На вопрос Цыфа, как согласуется декларируемая нефилимами добросердечность и высокая нравственность с жесто-

костью, проявленной ими во время расправы над аггелами, Эрикс безмятежно ответил, что никакой жестокости как раз и не было. Существа, постоянно проникающие на территорию Эдема и именующие себя аггелами, по многим принципиальным вопросам бытия придерживаются столь деструктивной позиции, что их уже нельзя соотносить с представителями рода человеческого. Но тем не менее все аггелы умерли быстро и почти безболезненно, что по отношению к ним является единственно допустимой формой гуманизма. Вначале нефилимы пробовали контактировать с аггелами и проповедовать среди них свои убеждения, однако очень скоро все это закончилось кровавой бойней, в которой погибло немало весьма достойных людей. С тех пор жители Эдема считают себя свободными от каких-то моральных ограничений во всем, что касается аггелов. Конечной целью нефилимов является их полное уничтожение, поскольку методы убеждения не применимы к этим кровожадным и бесчестным существам (при этом Эрикс многозначительно глянул на сжавшегося в комок Оську).

— Кстати, — продолжал он, — если проводить аналогии между нынешними обстоятельствами и, скажем, теми же библейскими сказаниями, становится ясно, что Бог-вседержитель и его светлое воинство отнюдь не отличались всепрощением, пацифизмом и аггельской кротостью. Чего стоят, к примеру, истории об изгнании из Эдема наших несчастных прародителей, всемирном потопе, разрушении Содома и Гоморры, Вавилонской башне, а также о намечающемся в неопределенном будущем грандиозном сражении между сыновьями Божьими и сатанинским воинством, в ходе которого привычный для нас мир неминуемо погибнет.

Когда вопрос коснулся численной и национальной принадлежности новоявленных нефилимов (на это особенно упирал Смыков), Эрикс отвечал уклончиво, упомянул лишь, что среди них есть выходцы из Отчины (таких большинство), из Кастилии, из Трехградья и целого ряда других стран, лежащих по противоположную сторону от Эдема и поэтому широкой публике почти неизвестных.

Родная страна Эрикса, если судить по его довольно скудным упоминаниям о ней, в момент катастрофы находилась на несколько веков впереди того мира, осколок которого впоследствии стал называться Отчиной. Она располагалась где-то в Южном полушарии и носила столь труднопроизносимое название, что Лева Цыпф, в свое время ознакомившийся с опу-

сами Велимира Хлебникова, заочно окрестил ее Будетлян-дией.

Сам Эрикс специализировался на загадочной науке эгидистике (никто из слушателей так и не понял, что конкретно она изучает) и по долгу службы был обязан владеть всеми языками международного общения, в том числе и русским.

Последствия Великого Затмения для его мира, целиком зависящего от бесперебойного функционирования различных электронных систем, были так трагичны, что выжить удалось едва ли каждому десятому. Разгром продолжили воинственные аборигены Гиблой Дыры, сами почти полностью погибшие при этом, а завершили аггелы, основавшие в разоренной стране несколько своих баз и лабораторий по переработке бдо-лаха.

Ненависть аггелов и будетлян усугублялась и тем фактом, что все попытки обратить их в каинизм окончились провалом в силу некоторых весьма специфических причин — психология людей будущего была искусственно модифицирована на генетическом уровне, что не позволяло им творить безоглядное насилие.

В конце концов всем членам ватаги, включая женщин, было ненавязчиво предложено влиться в ряды нефилимов. Отпустить их восвояси, по словам Эрикса, не представлялось возможным по соображениям гуманного порядка — вокруг рыскали озлобленные последними потерями банды аггелов, а в Нейтральной зоне всех подряд косила невидимая смерть. Бороться с ней можно было только с помощью бдолаха, плантации которого в настоящий момент контролировались все теми же аггелами. Таким образом, получался некий заколдованный круг, из которого был только один выход — принять условия Эрикса. Время работало против Смыкова и его друзей. Каждый кусок пищи, каждый глоток питья малу-помалу превращали их совсем в других существ. Как выразился Зяблик: «Захочешь — станешь нефилимом, и не захочешь — тоже им станешь. Что в лоб, что по лбу!»

Такого рода обработка шла постоянно. В основном ее вел Эрикс, но иногда к нему присоединялся Рукосуев или кто-то еще из их молодецкой компании. Однажды даже пришла женщина, которую звали Майрой, — блондинка с кожей цвета персика и фигурой юной амазонки. Увидев ее, все просто рты пораскрывали. На пути превращения из человека в нефилима она ушла гораздо дальше, чем Эрикс, и это сквозило во всем ее поведении, а особенно в речи — завораживающей, как пе-

ние сирены, но почти невразумительной. Впрочем, задачей прекрасной Майры было отнюдь не чтение лекций, а демонстрация статьи, по словам Рукосуева, благоприобретенной в Эдеме. У мужчин зародилось подозрение, что делалось это все исключительно в целях обработки Верки и Лилечки. Ну какая женщина не мечтает, как по волшебству, превратиться из дурнушки в красавицу?

Воспользовавшись одной из отлучек Эрикаса, ватага провела совещание. Председательствовал, как всегда, Смыков. На обсуждение выносился один-единственный вопрос — оставаться ли на вечное поселение в Эдеме или любыми способами пробираться на родину.

Начал Зяблик:

— Я никого здесь агитировать не собираюсь. У всех свои мозги имеются, пусть даже кое у кого слегка набекрень. О том, что нас ждет в Отчине, мы прекрасно знаем. О том, что нас ждет здесь, — наслышаны. Выбирайте. Но хочу лично от себя сделать заявление. Нам опять обещают рай. На этот раз, правда, не на земле, а в раю. Рай в раю! Звучит. Вроде как «Миру — мир». Только я эти сказки уже сто раз слышал, и папаня мой слышал, и даже, наверное, дед. Кто только нам, дуракам, этого рая не обещал. Про попов я даже не говорю. Это их хлеб — обещать бычка вместо тычка. Народовольцы обещали, которые царя-освободителя рванули. Потом Володька Ульянов обещал при условии электрификации и советской власти. Таракан усатый, правда, ничего особо не обещал, ведь и так подразумевалось, что все мы в раю обретаемся. Зато уж Кукурुзни́к лысый обещал, так обещал! Вот у кого язык без костей был. Аж через двадцать лет ожидался приход распрекрасной жизни. А его самого через два года на пенсию поперли. Те, кто потом верховодил, тоже обещали, хотя и не так скоро. Дулю в нос вы дождались, больше ничего! Мало вам? Вспомните тогда осла Коломийцева и суку Плешакова. Тоже ведь обещали! И аггелы в стороне не остались, хотя рай у них особый, с кровавыми реками и человеческим мясом. Теперь, видите ли, какой-то Рукосуев со своей шоблой за обещания взялся! Рай прямо сейчас и на вечные времена! Ходи нагишом и жри, как козел, веточки. Ни газетки почитать, ни бормотухи выпить. Зато великое искусство любви намечается. Правильно, а что еще голому человеку остается делать! В гробу я эту неземную любовь видал! Да раньше любая шалашовка могла за четвертак такое искусство показать, что и в Большой театр ходить не надо. Я — человек! — Зяблик саданул себя кулаком в грудь. —

И сдохнуть хочу по-человечески, пусть даже в канаве! Да вы на этих нефилимов зачуханных повнимательней гляньте! Эрикс еще туда-сюда, видно, недавно здесь. Зато Рукосуев уже в чудо-юдо какое-то превратился. Глаза, как у кота, который нагадить хочет. Про девку я вообще не хочу говорить, она уже и языком ворочать не может. Такую даже драть противно, хотя у нее сиськи по пуду и жопа как орех. Это то же самое, что с умалишенной связаться. Домой надо отчаливать! Забыли разве, кто мы такие и за что нам сиволапые последний кусок хлеба отдают? Дела там, чувствую, неважные. Людей надо мирных спасать, аггелов душить, с варнаками попробовать столкнуться! Бдолаха бы побольше с собой захватить, сколько жизней тогда спасем! Но об этом потом отдельный разговор будет. А теперь пусть каждый сам за себя решает. Эх, жаль Чмыхало нет, он бы меня понял!

— Вам бы, братец мой, в ведомстве Геббельса работать, — поморщился Смыков. — Что ни слово, то наглый оппортунизм. Зачем же коммунизм, светлое будущее всего человечества, путать с каким-то мифическим раем, выдуманным церковниками для одурачивания трудящихся?

— Да ты что! — взорвался в ответ и без того перенервничавший Зяблик. — Забыл, где мы находимся и про что толкуем? Дома будешь свою пропаганду вести! А тут разговор короткий! Или ты остаешься здесь, или возвращаешься вместе со мной в Отчину.

— Нет, такая жизнь не по мне, — покачал головой Смыков. — Старого мерина новым штукам поздно учить. Какая-то уж больно скользкая идеология у этих нефилимов. Сплошной эгоизм, аполитичность и тунеядство. Да и все остальное... Приличный человек и одеваться должен соответствующе. Это только бабе голым задом крутить нравится.

— Ты за всех не говори! — накинулась на него Верка. — Тоже мне, ревнитель нравственности! Слыхали... Пригодился бы здесь вместо инструктора по искусству любви! Заметила я, как ты, кот помойный, на эту Майру облизывался! Конечно, полное неглиже мне и самой не нравится. У женщины тайна должна быть. Но, с другой стороны, есть в их словах смысл. Что, если мы и взаправду тысячи лет не тем путем шли? Так, может, попробуем все сначала? Лучше позже, чем никогда. Вспомните, какие они красивые, сильные, здоровые? Что толку от нашего Левушки? Болтать может, как заведенный, а сам на хомяка похож и в драке нестойкий. Может, нефилимам этим человеческая речь уже и без нужды. Что, если они мыс-

лями общаются? Так хочется все сначала попробовать! Забыть эту поганую жизнь! Ведь рай все же! А, ребята! Давайте хорошенько подумаем!

— Не к лицу заезженной кобылке хвостом махать, — фыркнул Зяблик.

— Сам дурак! Ничего ты не понимаешь! — На глаза у Верки вдруг навернулись слезы, что само по себе было феноменальным событием.

— Конкретней, Вера Ивановна. Вы остаетесь здесь?

— С вами бы вместе осталась. А одна боюсь. Может, Лилечка, ты мне компанию составишь?

— Нет, — твердо сказала Лилечка. — Я хочу жить по-человечески. Не надо мне никакого рая.

— И что же тебе тогда, интересно, надо?

— Как всем... Мужа, детей, домишко маленький, корыто... И чтобы никто мною не помыкал.

— С нами, значит, пойдешь? — глядя в землю, спросил Зяблик. — За корытом...

— С вами.

— Трудно придется. Потрудней, думаю, чем в Кастилии или Хохме. Дорога нехоженная.

— Ничего, всякого уже повидала. Пуганая...

— Ладно, если так.... Охота, как говорится, пуше неволи.

— А вы, товарищ Цыпф, почему отмалчиваетесь в последнее время? — Смыков обратился к Леве, сосредоточенно думавшему о чем-то (об этом свидетельствовали его очки, в лихорадочном темпе перемещавшиеся с переносицы в руки и обратно).

— Вопрос весьма непростой... Весьма, — он заерзал так, словно сидел не на мягкой эдемской травке, а на родном чертополохе. — Нам, вольно или невольно, довелось столкнуться с феноменальным природным образованием... Можно, конечно, сказать как-то по-другому, но сути дела это не меняет. Здесь есть все или почти все, чего нам так не хватает. Я имею в виду кастильцев, степняков, арапов и все другие народы, пострадавшие при Великом Затмении... Тут вдоволь пищи, воды, целебных растений... А главное, здесь можно наконец обрести безопасность. Про аггелов мы пока говорить не будем. Они, безусловно, представляют немалую угрозу, но угрозу вполне предсказуемую и, во всяком случае, не фатальную...

— Хотелось бы верить, — буркнул Зяблик.

— Совсем иначе обстоят дела в Отчине и вокруг нее, — продолжал Цыпф. — Те жуткие и необъяснимые катаклизмы,

свидетелями которых мы были, лишь предвестники куда более грандиозных бедствий. Просыпаются поистине космические, непознаваемые силы, которые мимоходом сметут человечество с лица земли, даже не узнав о его существовании. Однажды в Агбишере я наблюдал, как каменная лавина обрушилась на гнездовья птиц, выбравших отвесные скалы своим пристанищем. Противостоять этой стихии, такой же древней, как звезды, и, возможно, столь же могучей, мы не в состоянии. Даже в далеком будущем человечество вряд ли найдет способ борьбы с этими порождениями совсем другого мира.

— Но ведь дяде Теме однажды как-то удалось утихомирить этот ужас, — возразила Лилечка.

— Увы, этот подвиг совершило совсем другое существо, природа которого до сих пор остается тайной даже для человека, в теле которого оно обитает. К сожалению, в настоящее время мы не можем рассчитывать на помощь этого загадочного Кеши.

— Лева, ну что у тебя за манера вечно нас пугать! — не выдержала Верка. — Опять беду накличешь. Лучше скажи, что нам делать?

— Сейчас?

— Нет, вообще...

— А что обычно делают, столкнувшись с врагом, неизмеримо превосходящим тебя силой?

— Ну... убегают, наверно, — Верка пожала плечами.

— Верно. Надо убежать, если только мы не самоубийцы. Спасаться в безопасном месте. И пока единственное известное нам безопасное место — это Эдем.

— Конечно! — сказал Смыков как бы с завистью. — Будет здесь безопасно, если Эдем такая хреновина охраняет. Страшно вспомнить, как они тогда друг друга гвоздили! Горы в блин раздавило, громадную пустыню наизнанку вывернуло!

— Да, то был поединок достойных соперников... — произнес Цыпф задумчиво. — Такой союзник нам, конечно, не мешал бы. Жаль, что его нельзя ни уговорить, ни купить, ни задобрить...

— Лева, ты, как всегда, наводишь тень на плетень, — не выдержал Зяблик. — Никто не спорит, что Эдем безопасное место. Хотя нас здесь недавно едва-едва не прикончили... А что дальше? Если хочешь здесь остаться, так прямо и скажи. Никто тебя отговаривать не будет.

— Вы совсем не поняли меня! — обиделся Цыпф. — Конечно же, я уйду с вами. В такое время мы просто обязаны

быть в Отчине. Но скорее всего нам еще придется вернуться сюда.

— Когда? — удивленно спросил Смыков.

— Когда в других странах для человека не останется места. Но мы вернемся не одни. С нами придут все, кто пожелает спастись и не побоится начать новую жизнь. Поэтому все, что мы будем сейчас делать, нужно делать с расчетом на скорое возвращение.

— Вы, братец мой, конкретизируйте свою мысль...

— Надо запоминать обратную дорогу и всякие приметы, которые попадутся на ней. Короче, изучать местность. Неплохо было бы и схему составить, да жаль, больше графита нет.

— Да и такой широкой спины, как у Толгая, тоже нет, — печально вздохнула Верка. — Разве что у Лилечки...

Смыков между тем выговаривал Леве:

— Станный вы тип, товарищ Цыпф. Про обратную дорогу беспокоитесь. А не лучше ли сперва подумать над тем, как отсюда выбраться. Вот вам всем простой вопрос: как избавиться от этого субъекта, который нас сторожит?

— Я его очарую, сведу с ума и заставлю уйти с нами, — полусерьезно заявила Верка.

— Дельное предложение, — кивнул Смыков. — Но трудновыполнимое. Оставим его на крайний случай.

— Просто взять да сбежать, — сказал Зяблик. — Делов-то... Караулит-то он нас не ахти как настырно.

— Рисковать не хотелось бы, — Смыков почесал за ухом. — Они же все как жеребцы бегают. Шутя догонят. Проверить надо... Пусть кто-то сначала попытается в одиночку сбежать. А мы посмотрим, чем это кончится. В крайнем случае всегда можно сослаться на то, что ты, не зная местности, заблудился.

— И кому же ты предлагаешь это дело обделать? — сразу насторожился Зяблик.

— Конечно же, вам, братец мой, — сказал Смыков ласково. — Опыт побегов имеете. К тому же вы сами эту идею подали. Значит, сами и осуществляйте. Ведь не маленький, должны знать, чем чревата чрезмерная инициатива.

— Неприятностями чревата, — ухмыльнулся Зяблик. — Самое разумное в этой жизни: сидеть и не высовываться.

Зяблик совершил пробный побег в конце того же дня, когда Эрикс, натрудивший язык очередной порцией белиберды о будущем процветании Эдема, заснул, а все остальные только старательно имитировали сон. Впрочем, постепенно все впали в дрему, и поляну огласил разноголосый храп.

Проснувшись, они позавтракали опостылевшей вегетарианской пищей и стали ожидать дальнейшего развития событий. Эрикс пока не выказывал никаких признаков беспокойства, хотя число пять от числа четыре должен был отличить.

От нечего делать стали болтать о всякой всячине.

— Смыков, а у тебя уже глаза начали меняться, — говорила Верка. — И плечи раздались. В нефилима превращаешься.

— А у вас, Вера Ивановна, как я погляжу, груди стали намечаться. Скоро и потрогать можно будет. Вот радость-то! — парировал Смыков.

Лилечка беспрерывно плела венки из райских цветов, почти сразу начинавших увядать. Оська, довольный тем, что его на время оставили в покое, дремал под кустом. Заметно нервничал один только Цыпф.

— Прошло пять часов, — бубнил он, что-то вычисляя в уме. — За это время можно уйти километров на двадцать. Если шагом. А если бегом, раза в два дальше... Сколько же это получается... Километров сорок, не меньше! Да он уже мог до Нейтральной зоны дойти и вернуться!

— Ньюни зря не распускайте, — успокоил его Смыков. — Погуляет и вернется. Он же не всерьез сбежал, а понарошку.

— А вдруг на аггелов напоролся?

— Это хуже. Но мы-то ему сейчас все равно ничем не поможем.

— Давайте поговорим с Эриксом. Так и так, скажем, пропал, мол, человек. Пошел поразмять ноги и как в воду канул. Пусть ищет, если взялся нас опекать.

— Нельзя, — поморщился Смыков. — Мы для чего это все затеяли? Чтоб Эрикса проверить. Реакцию его выяснить. Лопух он или нет. Пока получается, что лопух. Задержанный отсутствует уже свыше пяти часов, а он даже не чешется. Разве можно таким субъектам ответственное дело доверить? Да никогда! Гнать их каленой метлой.

— Вы-то что переживаете? Можно подумать, что вы начальник зоны, а Эрикс у вас надзирателем служит... Кстати, гонят паршивой метлой. А каленым железом выжигают.

— Какая разница, — поморщился Смыков, не видевший особого различия и между вещами более существенными, например, самооговором и чистосердечным признанием.

Вдоволь повалявшись на траве, Эрикс сделал трусцой несколько кругов по поляне, энергично помахал руками и прыгнул с разбега в реку. Завершив свой моцион, он напился, втя-

гивая воду губами, как лошадь, а затем с беспечным видом скрылся в лесу.

— К Майре своей отправился, — авторитетно заявил Смыков. — Все ему до лампочки! Можно хоть сейчас убегать.

— Куда же мы без Зяблика? — встревожился Цыпф. — Так и разминуться недолго. Надо его здесь дожидаться.

Вернулся Эрикс только часа через полтора, но не один, а вместе с Зябликом, которого он деликатно поддерживал за локоток. Неудачливый беглец, едва ступив на поляну, заголосил:

— Кореша, хоть вы за меня доброе слово закиньте! Да разве я бы на побег решился? Куда бы я один без вас делся? А тем более без бдолаха! Я же вас предупреждал, что гулять иду! Ну заблудился, с кем не бывает... Зачем же мне криминал шить?

— В Эдеме и младенец не заблудится, — строго сказал Эрикс. — Вы ведете себя неискренне. Покинув лагерь, вы преследовали какую-то скверную цель.

— Опять двадцать пять! — Зяблик весьма правдоподобно изобразил оскорбленную невинность. — Никакой цели я как раз и не преследовал. Прошвырнулся малость, и все.

— Ваша версия выглядит неубедительно. Прошу вас впредь не покидать это место. — Эрикс пяткой очертил в центре поляны круг.

— А по нужде? — тут же поинтересовался Зяблик.

— Вы нуждаетесь? — слегка удивился Эрикс. — В чем?

— Он имеет в виду процесс дефекации, — объяснил Лева. — Не в этот конкретный момент, а вообще. Как ему вести себя в подобном случае?

— Пусть сообщит мне, и я отведу его в удобное для этого место, — разъяснил Эрикс.

— Премного благодарен, — поклонился ему Зяблик. — Не обделаюсь, значит, на глазах у сограждан.

Эрикс еще немного постоял, словно раздумывая, что делать дальше, потом отошел и улегся в сторонке. Выглядел он немного обескураженным и лекций в этот день больше не читал.

Ватага сбилась в кучу и, пока Верка создавала звуковые помехи, громко распевая: «Приходите свататься, я не буду прятаться...», стала перешептываться.

— Ну? — Зяблик задал вопрос первым.

Докладывал Смыков:

— Опомнился он часов через пять после вашего побега. Вида, правда, не подал и нас ни о чем не расспрашивал. Ушел себе молчком. А потом видим, вас под конвоем ведет. Вот и все.

— Как хоть там, на воле? — спросил Цыпф.

— Нормально. Я сразу к тому леску пошкандыбал, где Чмыхало в засаде остался. Ангелов он там положил — кошмар! Всех из лука. Кого в грудь, кого в спину. К этому времени от них одни кольчуги остались, а внутри чуток черной слизи. Воняет так, что рядом стоять нельзя.

— А от Толгая, значит, ничего не осталось? — печально спросила Лилечка.

— В том-то и дело, — Зяблик загадочно приподнял правую бровь. — Труп исчез, это понятно. А куда сабля могла деваться? Я там все на карачках облазил — и ничего! Все мечи на месте. По счету сходится. Правда, одного лука не хватает. Но это тоже можно объяснить. Кто-то налегке в бой кинулся, только с мечом. Где же тогда сабля? Не иголка, слава Богу.

— А вдруг он ее раньше обронил? — высказал предположение Смыков.

— Нет. Не мог. Он их потом саблей рубил. Добивал, наверное. Три кольчужных колпака пополам. Мечом так не делаешь. Меч кольца сминает. А тут — как бритвой. Сабля у него знатная была.

— Жив Толгай, по-вашему?

— Не исключено.

— Хоть одна хорошая новость, — Верка прекратила свои завывания.

— Сейчас будет и вторая, — сказал Смыков елеинным голосом, что уже само по себе не предвещало ничего хорошего. — Выдаем вам, так сказать, полный карт-бланш на покорение сердца нашего сурового тюремщика. Бабья краса валит, как коса! Это умными людьми подмечено.

— Ты что, в сводни нанялся?

— Ни в коем разе! Просто вспомнил ваше личное обещание свести этого типа с ума, — он кивнул в сторону Эрика. — Иного выхода у нас просто нет. Как вы сами могли убедиться, побег не гарантирует удачу.

— Да я же шутила тогда! — воскликнула Верка. — На фига мне такой чудик!

— Придется ради общего блага постараться. — В голосе Смыкова задребезжала начальственная сталь. — Считайте это боевым заданием...

Затем он обратился к Зяблику:

— А как же вас Эрикс выловил?

— Просто. Подкрался, пока я поле боя осматривал. Потом хватить за шкурку — и с приветом.

— Ничего не говорил?

— Ничего. Правда, когда яму для аггелов рыл, заставил меня помогать. Все туда покидали. И мечи, и кольчуги, и луки... Целый арсенал.

Эрикс и без того был человеком не от мира сего (в буквальном смысле), да и Эдем его уже прилично пообмял под свой образец, так что задача Верке предстояла совсем не легкая.

Трудно начинать любовную агрессию, не имея в арсенале ни приличных нарядов, ни достойной косметики, ни импортных духов, чей запах сам по себе дурманит слабые мужские головы. Да и козыри (доступные обозрению) у Верки были не ахти какие — щуплое, мальчишеское тело (Зяблик успокаивал ее: «Он вроде швед, а шведы как раз таких, как ты, худосочных любят»), светлые овечьи кудряшки да голубые глаза с ехидцей. Свое главное оружие — неумную страсть, помноженную на завидную технику, — она должна была до поры до времени таить, как убийца таит в рукаве остро отточенный нож.

Начинала Верка, как всякий опытный игрок, по маленькой. Тот, кто нацелился сорвать банк, должен поднимать ставки осторожно. Теперь она поддакивала каждому слову Эрикса, за едой оказывала ему мелкие услуги, для чего иногда приходилось выдирать лучший кусок съедобного корня чуть ли не изо рта Зяблика или Смыкова, и уже начала открыто высказывать склонность к переходу в нефилимы.

Когда Эрикс в очередной раз сиганул с бережка в воду, там его уже поджидала Верка, заранее запасшаяся пучком особой травы, заменявшей в Эдеме мочало. Пришлось гостю из будущего потереть ей спинку (а при всей своей худобе Верка кожу имела атласную). Потом она сама занялась спиной Эрикса, треугольной, как варяжский щит. Возможно, одной спиной дело не ограничилось, потому что Эрикс вылез из воды красный как рак, что было весьма странно для нефилима, отрицающего само понятие стыда.

Вскоре они гуляли и купались только на пару, оживленно при этом беседуя. Эрикс рассказывал Верке о тонкостях науки эгидистики, для большей убедительности (или по рассеянности) переходя иногда то на малайский, то на суахили, а она ему — содержание своего любимого кинофильма «Зита и Гита».

Дело, похоже, шло на лад, и Смыков, считавший себя чуть ли не главным вдохновителем этой интриги, уже заранее потирал руки. Каково же было общее разочарование, когда столь тщательно спланированная операция закончилась полным крахом.

Взбешенная Верка рассказывала об этом так:

— Пусть он, думаю, неизвестно какой национальности, пусть родился через сто лет после моих похорон, пусть уже стал наполовину нефилимом, но мужиком все-таки является. По всему заметно. Со сна у него такая эрекция, хоть пудовую гирию вешай. А раз он мужик, то я его обязательно охмурю. Осечки еще ни разу не было. Вижу, идет на сближение. Стали мы по лесу прохаживаться. Но никаких поползновений! Даже пальчиком ко мне не притронется. Может, воспитание такое, думаю. Полезла целоваться. Сама, первая — представляете? Целуется и он, хотя без энтузиазма. Ну и черт с тобой! Я тоже до поцелуйчиков не очень охочая. Пора переходить к основному пункту программы. По шевелюре его глажу, ласкаю — вроде ничего. Возбужден. Правило как чугуном налилось... Ну все, кажется. Да не тут-то было! Затрясся вдруг, как припадочный, и в сторону. Не пойму, что такое. Вроде не импотент, не педик. Я в растерянности. Тогда он мне во всем чистосердечно признается. Задолго до его рождения, значит, врачи выявили какую-то новую болезнь. Название я забыла. Не то аид, не то аидс. Короче, что-то связанное с поражением иммунной системы. Передается только половым путем, через общий шприц и при переливании крови. За полвека эта болезнь выкосила всех проституток, наркоманов и педиков, а потом перекинулась и на честной народ. Никакие лекарства не помогают. А если что стоящее и придумают, то болезнь мигом видоизменяется и еще сильнее свирепствует. Стали тогда все за безопасный секс бороться. И власти, и церковь, и общественность. Без презерватива никуда ни шагу. А если баба вдруг решила ребенка завести, ее искусственно осеменят, как колхозную телку.

— Так, наверное, неинтересно, — задумчиво произнесла Лилечка.

— Еще бы! Но ничего не попишешь. По-другому они уже не могут. И вот почему. Каждому новорожденному каким-то образом воздействуют на психику. В этом их врачи насобачились. Ставят в мозгах что-то вроде барьера. И все! Ни на что из того, что у них считается опасным сексом, ты уже не способен. Вот в такую беду и вляпался мой Эрикс.

— Ну а если... иначе как-то. Вы меня, Вера Ивановна, конечно, понимаете. — Смыков вдруг вспомнил свою полузабытую кубинскую подружку, умевшую доставлять мужчинам наслаждение разными экзотическими способами.

— Понимаю я тебя прекрасно, извращенец! — покосилась

на него Верка. — Но только я не школьница и не шкура вокзальная, чтобы такими делами заниматься. Ты мать-природу за дуру не считай. Она все правильно спланировала. Мужу одно дала, бабе другое. Этим хозяйством и нужно пользоваться. Только от этого настоящая страсть бывает. А все другие затеи — суррогат. Их старики придумали, у которых уже на полшестого показывает...

— Строги вы, однако... — здесь Смыкову крыть было нечем.

Зяблик между тем требовал подробностей:

— Ты прямо говори, получилось у тебя с ним что-нибудь или нет?

— Я тебе, остолопу, уже десять раз говорила — нет! То, что этому Эриксу надо, наша резинотехническая промышленность давно не производит по причине своей полной разрухи и отсутствия натурального каучука.

— Такому амбалу и галоша подошла бы... как раз по размеру.

— Пошел ты знаешь куда...

— Знаю! А еще я знаю, что твоя затея накрылась одним местом! Что нам теперь делать — в Эдеме век вековать?

— Подождите, я вам еще не все рассказала. У них в будущем такие барьеры в мозгу не только по поводу секса стоят. То же самое касается и любых форм насилия. Я, конечно, не все из его рассказа поняла, но человеческую кровь они не могут пролить ни при каких условиях.

— А если война? — удивился Смыков.

— Воюют там специальные машины, а люди только команды подают издалека. Это у них насилием не считается. Но вы мою мысль, конечно, уловили. Эрикс никого из нас убить не может. Бумажный тигр он, а не вояка.

— А зачем ему нас убивать, — возразил Зяблик. — Догонит, в охалку сгребет, как котят, и обратно доставит. Да еще и в торец натыкает. Это им позволено?

— Наверно, — пожала плечами Верка.

— Ну раз больше деваться некуда, давайте всем скопом записываться в нефилимы, — как бы подвел итог Смыков.

— Нет, — сказал Зяблик твердо. — Мне пока еще никто в мозгах барьеров не ставил. И если надо, могу любого пришить. Даже такого милейшего человека, как Эрикс.

— Чем — пальцем? — осведомился Смыков.

— Яму надо раскопать, в которой оружие покойных аггелов зарыто. Башка у Эрикса не чугунная, против меча не устоит.

— Ты, урка косорылая, при мне об этом даже не заикайся! — вышла из себя Верка.

— А что такого? Я к нему в гости не напрашивался! — озлился в ответ Зяблик. — Почему он, гад, меня воли лишил? По какому такому праву? Заяц, когда его собаки затравят, опаснее любого хищного зверя бывает! Горло может запросто перегрызть или лапой брюхо разорвать! Потому что жизнь свою спасает! Если ко мне с добром, я тем же отвечаю! А к сухарам всяким и отношение соответствующее.

— Н-да-а, случай сложный, — задумался Смыков. — Лично я на Эрикса зла не держу. Растяпа. Другой бы на его месте нам не так салазки загнул. Но если такая ситуация... В принципе я не возражаю против предложения предыдущего оратора...

— Зато я возражаю! — заупрямилась Верка.

— А тебя никто не спрашивает, — отрезал Зяблик, на лицо которого уже легла недобрая тень готовящегося преступления. — С тобой давно все ясно, с-соблазнительница. Что остальные думают?

— Я не собираюсь здесь оставаться, но и согласие на такое дать не могу, — голос Лилечки дрогнул.

— А может, не убивать? — выдавил из себя Цыпф. — Оглушить... Связать чем-нибудь...

— Лева, окстись! У тебя совсем черепушка поехала! Забыл, что ли, как такой же нефилим нас недавно расшвырял, как цыплят? Только насмерть и только сонного! Это наш единственный шанс.

— Тогда я, пожалуй, воздержусь...

— Два против одного при двух воздержавшихся, — резюмировал Смыков. — Гражданин Эрикс, неизвестно какого года рождения и неизвестно какой национальности, по совокупности совершенных преступлений приговаривается к высшей мере социальной защиты. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Возможно, Смыков хотел пошутить, но никто даже не улыбнулся. Все молчали, изредка растерянно переглядываясь между собой. Только на Зяблика никто старался не смотреть...

В течение этого дня Эрикс никуда не отлучался, и откопать оружие не удалось. Ватага уже собиралась ужинать, когда внезапно появились трое нефилимов во главе с Рукосуевым. Все имели при себе обсидиановые секиры со свежесрезанными рукоятками.

Отозвав в сторону Эрикса, они о чем-то пошептались с

ним и разошлись в разные стороны — сам Рукосуев исчез в лесу, оставив реку у себя за спиной, один из его спутников двинулся вдоль берега вниз по течению, другой — вверх.

— Ночуем здесь в последний раз, — сказал Эрикс, когда все трое исчезли из поля зрения. — Уйдем сразу после того, как проснемся. Поблизости замечены подозрительные личности. Не исключено, что это дозорные аггелов.

— Далеко идти? — как бы между прочим спросил Смыков.

— Далеко, — кивнул Эрикс. — По вашему счету пять дней дороги. Но там вы будете в безопасности. Очень тихое место...

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев хрен, — тихо сказал Зяблик. — Опять все планы кобыле под хвост.

— А если мы откажемся идти? Что тогда? — не унимался Смыков.

— С вашей стороны это будет глупостью, — ответил Эрикс, словно заранее ожидал этого вопроса. — Нам придется нести вас, и тогда на дорогу уйдет значительно больше времени.

— Комментарии, как говорится, излишни, — процедил сквозь зубы Зяблик. — Тут, оказывается, все и без нас решили.

Перед дальней дорогой спать улеглись пораньше. Эрикс, как нарочно, расположился почти на том месте, где было зарыто оружие. Если кто-нибудь отходил в кусты, он поднимал голову и оставался в таком положении до тех пор, пока справивший нужду не возвращался обратно.

В голову Цыпфу лезли всякие невеселые мысли, и, даже задремывая, он видел обрывки бессвязных, но тоже невеселых снов. Эта ночевка могла стать гранью, разделяющей его жизнь на две части — жизнь человека и жизнь нефилима.

Позади оставалась Отчина, друзья, заменившие ему семью, и любимые книги, которые он собирал в брошенных хозяевами квартирах, разграбленных магазинах и чудом уцелевших от пожаров библиотеках. Впереди ждала неизвестность и перевоплощение в сверхъестественное существо. Единственное, что хоть как-то могло подсластить пилюлю, это то, что Лилечка должна была разделить его судьбу.

В полусне-полуяви к нему являлись разные люди, многие из которых уже давно лежали в могилах или канули в неизвестность. Поэтому призрак Толгая, медленно и бесшумно выплывший из леса, ничуть не удивил Леву. Он засыпал, маялся во сне, опять просыпался от сердечной тоски и всякий раз видел перед собой смутный силуэт верного степняка.

Лишь когда тот, требуя молчания, демонстративно прикусил нижнюю губу, Лева надел очки и понял, что перед ним

живой и здоровый Толгай, правда, сильно осунувшийся. С натянутым луком в руках он подкрадывался сзади к Эриксу, а тот хоть и затих, уткнув лицо в сгиб локтя, но явно не спал.

В любой момент под ногой Толгая могла хрустнуть ветка, которых вокруг ужина было разбросано немало. Надо было выручать не только друга, рискующего ради них очень многим, но и самого Эрикса. При первом же неосторожном движении он мог получить стрелу между лопаток.

Стараясь погромче шуметь, Лева встал, тут же поймал на себе испытующий взгляд Эрикса и сказал извиняющимся тоном:

— Не спится что-то... Вот хочу вам задать один вопросик.

— Именно сейчас? — холодно осведомился Эрикс, по-прежнему не спуская глаз с Цыфа.

(Толгай уже находился шагах в десяти-двенадцати позади нефилима и продолжал подкрадываться с осторожностью камышового кота.)

— Ну если вы не настроены... — Цыф неуклюже топтался на одном месте. — Тогда, может, в другой раз.

— Хорошо, задавайте свой вопрос.

Лева прилег возле Эрикса на травку, повозился, делая вид, что уколол чем-то бок (Толгай за это время успел преодолеть половину расстояния, отделяющего его от жертвы), и спросил, как ему казалось, задушевно:

— Вы по родине не тоскуете?

— Нет, — Эрикс пристально смотрел на него, но абсолютно ничего нельзя было прочесть в этом взгляде. — Тоска очень мешает жить. Она не имеет позитивного содержания. Я забыл абсолютно все. Свою родину, свой дом, свою семью. Когда-то я сам отправил их в небытие, но с тех пор стараюсь не вспоминать об этом. Я вырвал прошлое из своего сердца. Только это позволило мне жить дальше. Возможно, именно поэтому я примкнул к нефилимам. Это люди без прошлого, без корней, без воспоминаний. Будущее сейчас есть только у тех, кто откасался от прошлого.

(Толгаю оставалось сделать не больше двух шагов, и Цыф краем глаза видел, какое напряжение написано на его мало-выразительном от природы лице. Оказывается, двигаться со скоростью улитки ничуть не легче, чем нестись, как антилопа.)

— Мне бы следовало выразить вам, как говорится, искреннее соболезнование, но сейчас это не принято, ибо всем нам не осталось бы ничего другого, как без конца соболезновать друг другу, — медленно произнес Цыф. — Из моей родни тоже никто не уцелел. Я остался сиротой в пять лет. Потом

от какой-то неизвестной заразы умер мой старший брат. Сам я не мог выбраться из подвала, где мы обитали до этого, и вынужден был наблюдать, как крысы медленно пожирают его тело. Одно время я питался новорожденными крысятами, которых воровал из гнезд, и пил воду из системы центрального отопления. Иногда меня навещала сестра, но потом пропала и она... Поэтому тут мы квиты. Однако в отличие от вас я очень хотел бы навестить могилы своих ближних. К сожалению, я не знаю, существуют ли они вообще. И вот что я еще хочу сказать... В этой проклятой жизни многих из нас поддерживает только память... Память о том, что мы были когда-то людьми. Если мы вдруг забудем об этом, то неминуемо опустимся до уровня животного, а может, еще и ниже. Только не надо мне возражать. Не надо... Никакого спора не будет. Я вместе со своими друзьями отправляюсь домой, независимо от того, согласны вы или нет. Вас же я попрошу соблюдать величайшую осторожность. Ни в коем случае не делайте резких движений. Сейчас позади вас стоит один из наших товарищей, до этого скрывавшийся неизвестно где, и держит в руках натянутый лук. Наконечник стрелы находится в полуметре от вашего виска. Он прекрасно владеет саблей, но лук, думаю, выбрал не случайно. Нефилимы намного превосходят обычного человека как в силе, так и в быстроте, однако против стрелы не застрахованы даже они. Поэтому не рискуйте зря.

Медленно, очень медленно Эрикс повернул голову и скосил в сторону правый глаз, прямо в который сейчас была направлена стрела Толгая.

— Это именно он убил тех аггелов? — спросил нефилим невозмутимо.

— Да.

— Его следует похвалить за это.

— Лучше не надо. Сами видите, в каком напряжении он находится. А кроме того, он не очень силен в языке, на котором мы сейчас общаемся. По времени своего рождения он отстоит от нас еще дальше, чем мы от вас.

Рядом уже возбужденно дышал Зяблик.

— Ну ты молодец, Чмыхало, молодец! Потом я тебя расцелую, а пока держи этого красавца на прицеле. Давно здесь?

— Юк, — не сказал, а выдохнул Толгай. — Недавно.

— А почему условный сигнал не подал? Мы же договорились...

— Яман сигнал... Совсем плохой... Зачем такой сигнал

придумал? Кош кричать... Ни одной кош здесь не видел... Кто бы поверил... Себя бы выдал... Вас бы выдал...

— Ну ошибся, прости! — Сейчас Зяблик был готов не только извиниться перед Толгаем, а даже простить ему все прошлые и будущие грехи. — Кто же мог знать заранее, что кош... тьфу, птицы здесь не водятся... Но то дело прошлое, а сейчас надо этого субчика связать... Неплохой, кстати, парень. Эриксом зовут. Еще чуть-чуть, и я бы из-за него грех на душу взял.

Зяблик выхватил из колчана Толгая стрелу, легко согнул ее, затянул кольцом на запястьях Эрикса и несколько раз перекрутил свободные концы, используя вместо воротка сабельный клинок. Железо глубоко врезалось в кожу нефилима.

— Потерпи, дружок. — Зяблик поверх первых пут для надежности наложил и вторые. — Для твоего же блага стараемся. А иначе пришлось бы кокнуть.

Вся ватага была уже на ногах и, сразу сообразив, в чем дело, принялась лихорадочно собираться в путь: Смыков принялся руками раскапывать яму с оружием (впрочем, подав личный пример, он перепоручил работу Оське), а Лилечка с Веркой занялись изготовлением свежих нарядов взамен вчерашних, сильно пообветшавших за время сна. Но каждый старался улучшить момент и подскочить к Толгаю — пожать руку, хлопнуть по плечу, чмокнуть в щеку.

Зяблик все время торопил спутников:

— Мужики, веселее! Кольчуги не брать. Толку мало, а тяжесть приличная. По мечу на рыло. Ну еще пару луков со стрелами. Кто-нибудь умеет стрелять? Если нет, то хватит и одного... Бабы, не копайтесь! Не в театр собираетесь. Слегка прикрыли основные места — и хватит.

Эрикс, скрученный уже и по ногам (береженого Бог бережет), наблюдал за этой суетой со странной грустью.

— Рукосуеву скажи, чтобы отвязался от нас. Пусть для аггелов силы побережет, — сказал ему Зяблик. — Не хотим мы нефилимами быть. Но если у нас дома дела совсем худые, скоро вернемся. И людей с собой приведем. Растите на здоровье новую расу. А нас уже поздно перековывать.

— Когда будете идти через мою страну, не приближайтесь к субстанции, похожей на желтый лед, — сказал Эрикс. — Запомнили?

— С чего это ты решил, что мы именно там пойдем? — Зяблик изобразил удивление. — Мало ли других дорог.

— Насколько мне известно, в Эдем можно попасть только

через Нейтральную зону или... забыл, как вы назвали мою родину...

— Будетляндией, — подсказал Цыпф.

— Или Будетляндию, — говорил Эрикс спокойно и рассудительно, что не совсем вязалось с его нынешним положением. — Идти через Нейтральную зону без бдолоха смертельно опасно. Таким образом, остается только второй путь. Им чаще всего и пользуются аггелы. Недаром вы взяли одного из них в проводники.

— А что опасного в той желтой субстанции, про которую вы говорили?

— Это очень долгий рассказ. Просто обходите ее стороной, и все. Будетляндия сейчас не менее опасна, чем Нейтральная зона. Мои современники сумели покорить многие силы природы, которые после отказа контролирующих их электронных систем вырвались на волю и теперь продолжают жить как бы сами по себе.

— Все не слава Богу! — тяжело вздохнула Верка, издали прислушивавшаяся к этому разговору.

— Старайтесь держаться подальше от подземелий, от любых промышленных зданий и всех видов коммуникационных сооружений, — продолжал Эрикс. — Прокладывайте путь по открытой местности и никогда не ночуйте под крышей, какой бы надежной она вам ни казалась.

— А ты, случайно, нас за нос не водишь? — прищурился Зяблик. — Хочешь, чтобы нас аггелы на открытом месте застукали?

— С аггелами вы столкнетесь так или иначе, — что-то вроде мимолетной усмешки пробежало по лицу Эрикса. — Там есть такие места, что вам просто не разойтись. Но помните, в Будетляндии аггелы еще не самое страшное. Им там самим не очень-то уютно. Ваши стычки будут напоминать... драку двух питекантропов в кабине мезотранса.

— Что еще за мезотранс такой? — немедленно поинтересовался Смыков.

— Ах да... забыл. На чем вы летали в свое время? На дирижаблях, аэропланах?

— На воздушных лайнерах.

— Значит, я имел в виду драку двух питекантропов в кабине воздушного лайнера.

— Вот так лафа! — фыркнул Зяблик, проверяя на своей двухнедельной щетине остроту меча. — Как раз об этом я и

мечтал всегда! Ну все! За ценные советы благодарствуем. Пора отчаливать.

Подошедшая Верка чмокнула связанного по рукам и ногам Эрика в лоб.

— Не обижайся, зайчик. Так уж вышло... Да ты и сам кое в чем виноват...

Толгай, за последние дни облазивший на брюхе все окрестности, повел ватагу краем леса, прочь от реки. На равнине место проводника должен был занять Оська. Из мужчин он один не имел при себе меча, зато ташил солидный запас стрел.

На бег пока не переходили, но шагали быстро, слушая на ходу историю походов Толгая, начиная с той самой минуты, как он остался в засаде. Манера его изложения была до того маловразумительна, что скорее могла вызвать смех, чем сочувствие и восхищение.

Один только Зяблик понял все и в собственной интерпретации поведал остальным о геройстве Толгая, о его тяжелых ранах, о долгих днях балансирования между жизнью и смертью и о счастливом выздоровлении, причиной которого был не только бдлах, но и горячее желание выручить из беды товарищей.

В свою очередь Толгаю объяснили, кто такой Оська и почему ему не следует особо доверять.

Едем тешил взор пышной и однообразной красотой вечной весны. Похожим климатом (как это понаслышке было известно Зяблику) Господь Бог наделил одни только Гавайские острова, но там хоть какое-то разнообразие имелось — вулканические горы и океан. А здесь не было ничего, кроме пышноцветных лугов, лесов, которым никакой Версальский парк в подметки не годился, да ласковых полноводных рек.

Как кому, а славянской душе Зяблика чего-то не хватало. Зброшенных пашен, может быть. Оврагов, заросших всякой колючей мерзостью. Рвов, пожарищ, крапивы, лягушечьих болот и волчьих чащоб.

Похоже, Оська действительно знал дорогу в загадочную Будетляндию или очень убедительно прикидывался. По крайней мере, он вел ватагу безо всяких колебаний и, если Смыков для проверки спрашивал его, что будет за тем лесом или куда повернет эта река, всегда отвечал без запинки и в общем-то правильно. Лишь однажды в середине четвертого перехода Оська сказал, что слегка изменит обычный маршрут, поскольку он пролегает вблизи плантации бдлаха, которую наверняка стерегут аггелы. В тот раз они немного поплутали, но вы-

шли именно туда, куда и обещал Оська — к узкому перешейку между двух озер.

Пикантность их нынешнего положения состояла в том — и Оська этого не отрицал, — что, стремясь в Отчину, они все дальше уходили от нее. Круг предстояло сделать немалый — через Будетляндию, Киркопию, Агбишер и Кастилию. Хохма находилась где-то далеко позади, а значит, можно было смело попрощаться с оставшимся там драндулетом.

В пути Цыфф, а потом и Смыков пробовали выведать у Оськи как можно больше сведений о Будетляндии, но почти ничего полезного для себя так и не узнали. Паренек был толков, приметчив, расторопен, но убийственно невежествен и косноязычен. Такие простые слова, как «архитектура», «коммуникации», «лаборатория», «объект», звучали для него как китайская грамота. (Впрочем, он и русской-то грамоты не знал.) Как-никак, а годы беспризорного существования сказывались. Вероятно, похожая судьба ожидала бы и Леву Цыффа, не повстречайся он в свое время с людьми, способными поделиться с маленьким оборвышем не только хлебной коркой, но и частичкой своего знания.

Верка от нечего делать — шагалось им легко, без всякого напряжения, не то что в Нейтральной зоне — стала донимать Цыффа всякими заумными вопросами, не столько ради удовлетворения собственной любознательности, сколько для того, чтобы выставить своего собеседника на посмешище.

— Лева, ну объясни ты мне, глупой бабе, какая разница между органическими и неорганическими веществами.

Безусловно, Цыфф знал это. Но его объяснение было чересчур пространным, малоубедительным и путаным. Он твердил что-то об атомарной теории строения материи, об особом значении водорода и углерода, входящих в любое органическое вещество, об окисях, закисях, радикалах и тому подобных высоких материях. Кончилось бы все это тем, что Лева окончательно запутал бы и слушателей и самого себя, но ему на помощь неожиданно пришел Зяблик:

— Да что тут долго рассуждать! Если вещество называется органическим, значит, произошло от живого организма. От картошки — спирт, от деревьев — торф, а от нас с вами — дерьмо.

— Хорошо, а в чем тогда разница между живым и мертвым? — не унималась Верка.

— Разве вы сами не понимаете? — на этот раз Лева решил быть осторожнее.

— Нутром-то я, конечно, понимаю. Но ты мне это с научной точки зрения объясни. Я в училище была одно время по уши влюблена в преподавателя дерматологии. Как он рассказывал, как рассказывал! Не лекции читал, а сказки... Особенно про чесотку и опоясывающий лишай. С тех пор у меня слабость к научным объяснениям.

— Вопрос различия между живым и неживым скорее относится к компетенции философии, чем биологии, — как всегда издали начал Лева. — Чтобы получить полное представление об этой проблеме, необходимо сначала проследить все формы проявления жизни, начиная от самых примитивных...

Опять начались заузные тары-бары о нуклеиновых кислотах, ферментах, метаболизме, генетическом коде, синтезе белка и парадоксах вируса, который, как известно, нельзя отнести ни к живым, ни к неживым объектам. Примерно с таким же апломбом ученые прошлых веков вещали о флогистоне, теплороде и эфирной природе Вселенной.

— Верка, не слушай его! — махнул рукой Зяблик. — Живое то, что размножается, а до этого, естественно, сношается. Как у нас — мужик с бабой. Или как у цветков — пестик с тычинкой. Или как у моллюсков — сам с собой.

— Не сношаются, а любят, — поправила его Лилечка. — Какой же вы все-таки грубиян.

— Ладно, любят, — ухмыльнулся Зяблик. — Даже песня такая есть... «Любят все, блоха и гнида, любит бабка Степанида, любит северный олень, любят все, кому не лень...» Так и запишем: главный признак живого — любовь.

— И все равно вы грубиян.

— Лева, а ты с Зябликом согласен? — поинтересовалась Верка.

— Ну в какой-то мере... Хотя это весьма условное и примитивное определение. В нем ничего не говорится о целом ряде немаловажных факторов...

— Все, Лева, прекращай. На сегодня мне науки хватит, — взмолилась Верка. — А может, и слава Богу, что я с тем преподавателем не сошлась. Стал бы он мне в постели рассказывать о методах лечения псориаза. Представляете? Любое желание сразу пропадет... Нет, я тогда правильно сделала, что одного спортсмена захомотала. С нами вместе учился. На медбрата. Ничего сложнее, наверное, не потянул бы... Тупой был, но удивительно здоровый, — Верка мечтательно прищурилась. — Десятиборец... Когда валил меня, так всегда и говорил: я, дескать, десятиборец, меньше десяти раз подряд не могу... Одна-

жды случай с ним был смешной. Сдавали мы экзамен по внутренним органам. В аудитории стоит цинковая лохань с формалином, и там все трубки человеческие плавают, от легких до мочеочника. Веслом деревянным мотанешь и выбираешь любой орган по заказу. Занятие, конечно, не для слаботерпевных, но мы уже привыкли. Моему миленку достался по билету вопрос о сердце. Строение, функции и все такое... Крутил он веслом, крутил, а ничего похожего на сердце выловить не может. Мы, естественно, подсказываем втихаря: круглое, с кулак величиной... Вот он, дурак, и вытащил матку. Она по форме и размеру приблизительно похожа на сердце. Мы-то все сидим на задних партах и толком не видим, что у него в руках, но подсказывать продолжаем. Можете себе представить, он на этой матке и аорту нашел, и митральный клапан, и все желудочки. Преподаватель слушает, вида не подает. Но в конце все-таки заинтересовался с хитрецей: что же это такое на самом деле? Мой десятиборец стоит на своем. Сердце, мол, и все! Тогда ему деликатным образом объясняют, что это вовсе не сердце, а женские внутренние половые органы. Соответственно и оценка — два балла. Стипендии ему, значит, не видать как своих ушей. Хоть он и спортсмен. Бедняга едва не плачет. Так ему обидно стало! Ладно бы на чем-то серьезном погорел, вроде печени или желчного пузыря. А тут половые органы... Вот он и говорит: «Я этих органов столько успел обласкать в жизни, а в самый ответственный момент нате — обознался!»

Едва Верка успела закончить, как Зяблик принялся развивать тему загадочности и непредсказуемости этих самых женских половых органов. Героем его рассказа был грабитель, получивший за налет на сберкассу червонец, но впоследствии оказавшийся не мужиком, а бабой. А причиной всему была как раз ненормальная форма половых органов, благодаря чему в свое время девочку зарегистрировали как мальчика. Страшно даже сказать, сколько эта баба-мужик успела заработать в зоне, прежде чем спохватилось начальство.

К сожалению, эта поучительная история не была доведена до конца, и виной тому послужили не ехидные реплики Смыкова и не возмущенные тирады Лилечки, а собственные уши Зяблика, внезапно услышавшие нечто подозрительное. Условным знаком он призвал спутников к тишине (Оська, в таких знаках не разбиравшийся, просто получил подзатыльник) и тогда уж прислушался по-настоящему.

— Гонит кто-то за нами, — сказал Зяблик спустя пару минут. — И, по-моему, не один.

— Нет, — возразил Смыков, тоже отличавшийся острым слухом. — Один, но дядька крупный. Не иначе как кто-нибудь из нефилимов. Что делать будем?

Вопрос в основном относился к Зяблику и Толгаю, поскольку Цыпф с упразднением своих диктаторских полномочий подрастерял и авторитет, а с женщинами Смыков советовался только ради приличия.

— Как шли, так и дальше пойдем, — сказал Зяблик. — Только чуток побыстрее. Спрятаться здесь негде, а от нефилима все равно не убежишь. Но сдаваться не будем, не безоружные, чай! — Он подмигнул Толгаю.

— Ук пушу, — Толгай на ходу вложил стрелу в лук, однако тетиву пока не натягивал.

— Поймает, — с сомнением произнес Смыков. — Или увернется... Шустрый очень...

— Пусть себе ловит... Улем поймает... Смерть свою...

Энергично двинулись дальше, построившись плотной цепочкой — впереди Оська, уже начавший привыкать к подзатыльникам, сзади всех Толгай, прикрывавший лук от посторонних глаз корпусом.

Идущий предпоследним Зяблик все время косил глазом назад.

— Показался, — сообщил он вскоре. — Никак не разберу, кто такой... По-моему, наш Эрикс... Развязался, с-сука! Чешет быстро... и руками машет... Кричит что-то...

— Не оборачиваться! — прикрикнул Смыков на особо любопытных. — Только вперед! Близко его не подпускать! Но стрелять обязательно наверняка!

Темп хода нарастал, и вскоре ватага — как бы сама собой, без команды — перешла на бег. Зяблик не переставал подавать свои короткие сообщения:

— Опять орет... Не пойму, что ему от нас надо...

— А вы, братец мой, не догадываетесь? Потроха вам хочет выпустить... Или голову оторвать... Сколько до него?

— Метров сто.

— Подождем... — А еще несколько минут спустя: — Теперь сколько?

— Примерно семьдесят.

— Для лучника это много или мало?

— Нам много, а Чмыхало в самый раз.

— Товарищ Толгай, вы гарантируете поражение цели? — официальным тоном обратился Смыков к степняку.

— Нигэ? — удивился тот.

— Не понял он, разве не видно, — разозлился Зяблик. — Ты толком спрашивай!

— Сами спросите, если такой умный...

Зяблик с Толгаем обменялись быстрыми взглядами и парой коротких фраз, после чего последовало резюме для Смыкова:

— Сейчас он его заделает... Заказывай куда, в глаз или в сердце.

— А в ногу можно? — попросила Верка.

— Если только между ног...

Толгай стрелял из-за спины так, как некогда научили его пастухи, охранявшие табуны от разбойников и сами в прошлом промышлявшие разбоем: наклон вперед (враг еще не должен видеть лук), тетива натянута, но только за счет левой руки, сжимающей кибить (локоть правой даже не шевельнулся), затем стремительный маховый разворот левого плеча (все, что ниже пояса, по-прежнему направлено вперед), и вот уже стрела несется по назначению, провожаемая басовитым вздохом стальной струны.

Эрикс, к этому времени находившийся от Толгая не более чем в пятидесяти метрах, на полет стрелы мог прореагировать ну разве что взмахом ресниц. И тем не менее стальной стержень каким-то чудом оказался в его руке. Размахивая им, как Юпитер-громовержец своими разящими инсигналиями¹, Эрикс еще быстрее пропустил вслед за ватагой.

— Рассыпайтесь в кольцо! — приказал Смыков. — Шире! Оружие к бою! Нападать всем одновременно!

Спустя полминуты нефилим оказался в центре живого кольца, готового в любое мгновение сжаться, один против четырех клинков сразу. Впрочем, даже такое численное превосходство вряд ли могло запугать его, но, видя, каким образом обставлена встреча, Эрикс вскинул вверх обе руки и торопливо заговорил:

— Прекратите! Я безоружен! Я не собираюсь причинять вам вред!

— Зачем же ты тогда гнался за нами?

— Хочу сопровождать вас в мою родную страну.

¹ Инсигналии — в Древнем Риме знаки божественного или царского достоинства.

— Как-нибудь сами доберемся, спасибо.

— Вы не поняли меня... Я покидаю Эдем навсегда... Я возвращаюсь домой...

— Да ты же, зайчик, сам говорил, что там ни единой живой души не осталось! — ужаснулась Верка.

— Надо искать... — В голосе Эрика появилась совсем не свойственная ему горячность. — Кто-то обязательно должен уцелеть... Так не бывает, чтобы погибли все сразу... Я возвращаюсь... Еще кто-нибудь вернется... Появится надежда.

— Признаться, озадачили вы нас, братец мой. — Смыков опустил меч, который до этого держал на манер милицейского жезла. — Сперва аггел этот прибил, теперь вы... Скоро в ватаге чужаков больше половины будет... Но раз решение ваше окончательное, до Будетляндии можете вместе с нами идти. На правах рядового бойца и без постановки на довольствие.

— Куда ему, бедолаге, еще деваться, — буркнул Зяблик. — Допустил побег из-под стражи, теперь правилки опасается.

— Это совсем не так! — ответил Эрик на полном серьезе, хотя реплика Зяблика этого вовсе не заслуживала. — Между нефилимами не существует конфликтов. Мне совершенно нечего опасаться... Просто я решил вернуться, вот и все.

— Ладно, присоединяйся, — смиростивился Зяблик. — Замирился пока. В большой дороге, говорят, и волк с кобылой товарищи... Кстати, долго нам еще топать?

— Не очень... Уже и отсюда кое-что видно. — Эрик махнул рукой вперед.

Действительно, хорошенько присмотревшись, самые зоркие из ватаги различили, что далеко-далеко, на фоне неба, серо-сизого, как дрянная известка, виднеется нечто похожее на тончайшую сеть. Одни ее нити располагались параллельно горизонту, другие, устремляясь вверх, вздымались высоко над ним, третьи спиралями соединяли первые и вторые.

Эта непонятная конструкция (а возможно, лишь ее остатки) отсюда казалась легкой и невесомой, как осенняя паутина. Хотя бы приблизительное представление о ее реальных размерах могла дать, пожалуй, только едва заметная щетинка леса, расположенная к наблюдателям намного ближе...

Часть вторая

Некоторое время они простояли в неподвижности, недоуменно взирая на перегородившую небо циклопическую сеть, словно сотворенную для ловли свифтовских летающих островов. Цыпф хотел было поинтересоваться назначением столь странного сооружения, но вовремя прикусил язык. Они вступали в совершенно новый мир, и было бы глупо интересоваться истинным смыслом каждой его детали.

— Ладно, хилем дальше. — Зяблик сунул меч в пружинный колчан, приспособленный им вместо ножен. — Чего попусту паялится! Вприглядку города не берут.

Эриксу уступили место между Цыпфом и Зябликом, но едва только ватага вновь тронулась в путь, внезапно опомнился Смыков.

— Неужто так и уйдем отсюда без бдолаха? — воскликнул он. — Забыли разве, с каким трудом мы его в Кастилии добывали? Как бы потом локти себе кусать не пришлось!

Первым ему ответил Оська, до того старавшийся вести себя тихо, словно выпавший из гнезда птенец.

— Да на фига вам лишняя работа! Пока его еще найдешь здесь... А там, — он махнул рукой в сторону Будетляндии, — такого добра навалом. Хоть воз бери, хоть тележку. Я все места знаю, где его очищают. Охрана там если и есть, то совсем небольшая.

— Хороший ты парень, только два недостатка имеешь, — сказал Зяблик зловеще-ласково. — Хочешь знать, какие?

— Ага... — заранее увял Оська.

— Дырку в заднице да язык без костей. Кто тебе позволил хайло разевать? Рано еще свое мнение наперед старших высказывать! Если спросят, тогда отвечай. А нет — лучше помолчи.

За бывшего аггела вступился Цыпф:

— Какой-то смысл в его словах присутствует. Искать бдолах в этих краях — затея опасная. Скорее мы аггелов найдем.

Ведь их основные плантации как раз и должны располагаться вблизи Будетляндии. Намного выгоднее взять уже готовый, концентрированный препарат в одной из лабораторий.

— Может, и выгоднее, да не проще. — Зяблик продолжал есть Оську глазами. — Этот говнюк не в лабораторию тебя приведет, а на горячую сковородку! Не верю я ему ни на грош... Жид крещеный, волк кормленный да враг примиренный — всегда подведут... Так один мой сосед по нарам говаривал. Кстати, кандидат философских наук.

— А давайте узнаем, какое мнение по данному вопросу имеет наш новый попутчик, — предложил Смыков, недвусмысленно косясь в сторону Эрикса. — Он лицо незаинтересованное. Да и с местной обстановкой хорошо знаком.

— Запас бдолоха, безусловно, лучше иметь в переработанном виде, — ответил нефилим. — Сырой материал быстро теряет свои свойства. Это то же самое, если бы... — Он задумался, подыскивая подходящее сравнение.

— Если бы в дальнюю дорогу вместо спирта брать брагу, — подсказал Зяблик с ухмылкой. — Но толкуем мы вовсе не об этом! Хватит ли у нас силенок, чтобы отобрать бдолох у аггелов? Вот в чем вопрос, как выражался один припадочный принц. Не знаю, что имел в виду этот сопляк, когда говорил, что охрана у лаборатории совсем небольшая... Небольшая, а есть. И, поди, уже не с луками дурацкими, а с пушками да лимонками. Зачем же в свару ввязываться, если можно на цырлах мимо проскользнуть? Прихватим здесь по охачке травы — и вперед. На первое время должно хватить.

— Что такое: на цырлах? — поинтересовался Эрикс, очень внимательно слушавший его.

— Тихонечко. — Зяблик изобразил, как, в его понимании, ходят на цырлах.

— Проскользнуть мимо аггелов тихонечко вам не удастся. Я уже говорил об этом. Стычка неизбежна, но лучше все же ввязаться в нее там, а не здесь. Во-первых, вас там не ждут, и вы сможете воспользоваться преимуществами внезапного нападения. Во-вторых, там вы будете иметь гораздо более эффективное оружие, чем здесь.

— Откуда оно, интересно, возьмется? — сразу наострил уши Смыков.

— Об этом позвольте побеспокоиться мне... В-третьих, там можно легко укрыться от преследователей в лабиринте городских улиц... Устроить им засаду, заманить в ловушку. Сами знаете, что в таких условиях десяток воинов способен про-

тивостоять сотне противников. А главное, что в... — он выговорил длинное и труднопроизносимое название своей страны, — у аггелов есть могучие враги, которые хотя и не станут вашими союзниками, но значительно уравнивают шансы сторон.

— Как это? — переспросил Смыков.

— А как? — взорвалась вдруг Верка. — Неужели непонятно? Одно дело, когда мыши дерутся только между собой, а совсем другое, когда за этим наблюдает кошка! Я права?

— Мыши? — задумался Эрикс. — Кошка?.. Да, наверное... Аналогия подходящая.

— Поете вы все, конечно, красиво, — Зяблик оглянулся по сторонам, словно интересуясь мнением остальных членов ватаги, — боюсь только, как бы эти песни нас потом до танцев не довели... Сами знаете, каких...

— Вам, я вижу, до сих пор пятки жжет, — съязвил Смыков.

— Мне душу жжет, — Зяблик стукнул себя кулаком в грудь. — Думаешь, я сдрейфил? Скесом стал? Не дожدهшься! Я не за себя опасаюсь, а за вас. У меня на аггелов давно руки чешутся. Пора их за машинку брать. Но не голыми же руками... Про какое эффективное оружие ты только что молол? — Он перевел взгляд на Эрикса. — Про топоры ваши каменные?

— Об этом вы узнаете в свое время, — с достоинством ответил тот. — Если только сумеете благополучно преодолеть границу... Уж тут-то вам пригодится все: топоры, ножи, руки и зубы... Будьте готовы к самому худшему.

Они отмахали еще с десятков километров, но небесный невод как будто бы и не приблизился. С общего молчаливого согласия никто не расспрашивал Эрикса о его назначении — когда захочет, сам расскажет.

Характер местности вокруг ничуть не изменился, только ощутимо похолодало, да ароматы Эдема, уже ставшие привычными, как-то поразвеялись.

— Дымом, кажись, пахнет, — сказал Смыков. — Или химией какой-то.

— Незачем сопливым носом кипарис нюхать, — буркнул Зяблик.

— А это вам, братец мой, кто говорил? Все тот же сосед по нарам, кандидат философских наук? — поинтересовался Смыков ехидно.

— Сосед, но другой. Дед Силкин. Из староверов. Восемь взрослых сыновей имел. И все с ним под одной крышей жили.

Но и, конечно, снох своих он трахал регулярно. На правах хозяина. Одну, правда, потом жизни лишил ненароком... По причине ее излишней похоти.

— Разве Бог позволяет сноху трахать? — засомневалась Верка. — Ведь вроде записано в Библии, что грешно возжелать жену ближнего своего.

— Верующую, ясное дело, грешно. Но у Силкина все снохи или комсомолками были, или сучками подзаборными... Таких трахай в свое удовольствие сколько душе угодно. Бог на это ложил с прибором... Эй, чертенок недоделанный! — заорал он вдруг. — Долго ты еще нас водить будешь, как бычков на веревочке?

— Не, счас придем. — У Оськи от этого окрика голова произвольно втянулась в плечи. — Только шуметь не надо бы. Здесь поблизости наши могут шастать... Ой, это я про аггелов хотел сказать!

От наказания за оговорку его спас Эрикс, попросивший принять немного вправо, поближе к небольшому лесочку, похожему издали на взорвавшийся, да так и застывший навсегда красочный фейерверк. Поплутав немного по его опушке, Эрикс одолжил у Цыпфа меч и тыкал им в землю до тех пор, пока клинок не звякнул о что-то твердое. В неглубоком тайнике хранилось около дюжины обсидиановых рубил, видом своим сразу напомнивших Леве о кровавой бойне на берегу речки Евфрат (она же Удача).

— А что, удобно, — сказал Смыков, наблюдая за тем, как Эрикс быстро мастерит себе новую секиру. — Оружие с собой таскать не надо. И много у вас таких арсеналов?

— Достаточно много, — ответил Эрикс. — По всему Эдему...

— Какую же это надо память иметь, чтобы все их запомнить!

— Запомнить? — Эрикс слегка нахмурился, как делал это всегда, когда что-то недопонимал. — Зачем? Я ведь здесь никогда раньше и не был...

— А как же вы, пардон, узнали об этом? — Смыков ткнул пальцем в сторону уже вновь зарытого тайника.

— Ну... Я почувствовал... Как бы лучше выразиться... Это место отмечено...

— Чем, интересно? — Чего-чего, а настырности Смыкову было не занимать.

— Образом того нефилима, который был здесь до меня... Его мыслью...

— Ну дела-а, — Смыков покачал головой. — А вы народ

покруче, чем я думал... Мыслью метки ставите... А позвать сейчас кого-нибудь из своих сможете?

— Зачем? — похоже, это слово Эрикс в последнее время употреблял чаще всего. — Они все и так знают, где я нахожусь.

Тут в разговор вклинилась Верка:

— Миленький, а зачем тебе этот топорик, если ты к насилью не способен? Или ты меня тогда вокруг пальца хотел обвести своими баснями?

— Самозащита не есть насилие, — стал объяснять Эрикс. — Топор в моих руках, скорее, не оружие, а символ намерений... Знак устрашения.

— Ох, боюсь, плевать хотели аггелы на твой знак...

Все явственней ощущался запах огромной заброшенной свалки, на которой перемешалось черт знает что: ржавое железо, отработанный мазут, изношенные автомобильные покрышки, пронафталиненное тряпье, дохлятина с желатиновой фабрики, которой пренебрегли даже крысы, много раз горевшая, но так до конца и не уничтоженная макулатура, строительный мусор, отходы сразу нескольких разнопрофильных химических производств, негодная тара, клочья целлофана, прокисшие пищевые отходы и еще многое другое из длиннейшего списка предметов так называемой антропогенной деятельности. Даже в Отчине аналогичные благоухания уже почти повеяли.

— Наша страна погибла, — как бы оправдываясь, сказал Эрикс. — Сейчас она представляет собой один огромный разлагающийся труп.

— Трупы, между прочим, тоже разными бывают, — поморщился Зяблик. — Одно дело, если какая-нибудь птишка Божья разлагается, а совсем другое, если хряк десятипудовый. Чем больше дерьма в утробе, тем больше воин.

— Что вы подразумеваете под дерьмом? — Похоже было, что Эрикс обиделся. — Созданные нашей цивилизацией материальные ценности? Действительно, мои современники могли удовлетворить любые свои потребности, вплоть до самых экзотических. В этом смысле наша утроба и впрямь была переполнена. А по-вашему, нам следовало бы вернуться к уровню жизни первобытных людей?

— Ладно, не психуй... Все мы не без греха... — Зяблик осторожно тронул пальцем лезвие секиры. — Готово вроде оружие... Значит, и в бой можно идти. Кто нас сейчас поведет — ты или этот рога носец малолетний?

Оказалось, что Эрикс напрочь не помнит о том, каким образом он оказался в Эдеме, но много раз слышал от других нефилимов, что граница с Будетляндией — место чрезвычайно опасное. Зато Оська, неоднократно пересекавший ее в обоих направлениях, никогда ни с какими проблемами не сталкивался.

— Да это даже проще, чем два пальца обос... — Он осекся, встретившись с пронзительным взглядом Зяблика. — Я хотел сказать, что все нормально будет. Попотеем, конечно, немножко... Грязью измажемся. А так все спокойненько...

— Ну тогда показывай дорогу. — Зяблик положил свою лапу Оське на загривок. — А я за тобой впритык пойду. Если какую подлянку почую, сразу удавлю... Вот таким манером!

— Ой-е-ей! — запрыгал на месте Оська. — Ой, не надо!

— Я еще ничего не делаю.

— Вопросик можно?

— Давай, — разрешил Зяблик.

— Вдруг вам что-то померещится и вы меня зазря удавите?

— Ну и хрен с тобой. Подумаешь, потеря...

— Ага, а что вы сами тогда делать будете? Без провожатого в тех местах и ни туды и ни сюды. Или с голодухи загнетесь, или в такое место попадете, где людям бывать не положено.

— Юноша-то наш совсем не дурак, — ухмыльнулся Смыков. — Сейчас он себя так поставит, что мы с него пылинки сдувать будем.

— Не пугай ты меня, шкет. — Зяблик продолжал нежно сжимать холку бывшего аггела. — Я не кастильская девственница. Меня такие типы пугали, что тебе и в страшном сне не приснится... Будешь все делать по совести, ничего с тобой не случится. Кумекаешь?

— Кумекаю. — Оська хотел кивнуть в знак согласия, но только скривился от боли.

Они пересекли последний эдемский лес, тот, что, как казалось раньше, располагался у самого подножия загадочной небесной сети. Однако та продолжала реять где-то вдаль, хотя и стала заметно монументальнее — уже не из ниток была сплетена, а из канатиков, и охватывала не четверть небосвода, а едва ли не его половину.

Из мира нежных цветов, ласковой листвы и шелковистых трав они сразу нырнули в нагромождение каких-то не то скал, не то руин — голых, сырых, серых. Шершавый камень холодом обжигал босые ступни. Откуда-то налетел мерзкий порывистый ветер, и все лужи вокруг сразу покрылись рябью.

— Сейчас бы и шубейка не помешала, — сказала Верка и тут же зажала ладонью рот, настолько не по-человечески гулко прозвучали среди развалин ее слова.

Оська двигался в этом лабиринте быстро и ловко — ни дать ни взять горный козел на своих заоблачных пастбищах. Даже Зяблик поспевал за ним с трудом.

Вскоре стало ясно, что эти каменные джунгли есть не что иное, как вход в узкое ущелье. Его стены, носившие явные следы искусственного происхождения, постепенно загибались внутрь и вскоре сомкнулись окончательно, образовав темную трубу, на дне которой стояла черная протухшая вода. Лилечка поскользнулась и сдавленно вскрикнула.

— Куда ты нас, шпана, завел? — прохрипел Зяблик.

— Тут неглубоко, — ответил Оська, после ухода из Эдема заметно прибодрившийся, — курице по гребень, свинье по хвост. Вы стеночки держитесь... Эх, жаль, чиркалок нет. Я бы вам такие чудеса показал!

— Например? — поинтересовалась любопытная Верка.

— Тут в некоторых местах потолок как из стекла. Только толстого-толстого. А в этом стекле люди! И до чего интересные! Кто с красными волосами, кто с синими. Мужчины есть с косичками. А разодеты как! Шик-блеск! У одного кирюхи манатки вообще как из золота. Некоторые собак на поводках держат. Тигры, а не собаки.

— Что же они там делают? — удивилась Верка.

— Ничего не делают... Что жмурики могут делать? — в свою очередь удивился Оська. — Запаяло их в этом стекле. Ты холодец ела?

— Ела, — автоматически ответила Верка.

— Свиной?

— Естественно.

— Вот и они все, как свиные хрящики в холодце. И что интересно, ничем это стекло не взять. Мы и сверху пробовали добраться, и снизу. Никак! Даже граната не помогает... Я на одного пацана люблю смотреть. Особенно когда голодный. Он жрет что-то такое вкусное. Вроде грушу, но побольше. Вот, думаю, какие дела. Он сытый, но там. А я голодный, зато здесь. А пацанки какие! Юбки на них задрались, набок их перекосило, но на ногах устояли. И никому уже за эти ноги не подержаться...

— Фонтан закрой, — негромко приказал Зяблик. — Твое дело дорогу показывать, а не романы травить.

Некоторое время они молча хлюпали по воде, которая, су-

дя по гнусному запаху и еще более гнусной консистенции, уже и водой-то не могла называться, а потом Эрикс сказал:

— Это не стекло. Это трансформированное пространство, имеющее совсем другую природу и мерность, чем наше. Еще его называют кирквудовским янтарем...

— Ага! — радостно подтвердил Оська. — Желтое оно.

— Цыц! — прикрикнул на юнца Зяблик, но достать в темноте рукой не сумел.

— То, что мы наблюдаем, по сути есть только проекция на наш мир другого мира, устроенного гораздо сложнее, — продолжал Эрикс. — Никаких людей в кирквудовском янтаре скорее всего нет. Это лишь иллюзия, вызванная побочными эффектами в его поверхностных слоях.

— Значит, на самом деле все эти люди живы? — спросила Лилечка. — И тот мальчик, который не успел доесть грушу... И девочка с красивыми ногами...

— Никто не может сказать, живы ли люди, попавшие под воздействие вышедших из-под контроля сил Кирквуда, и где они все сейчас находятся. Но поверьте, это намного дальше, чем пресловутое загробное царство.

— В интересные игрушки вы тут играли, товарищи потомки, — присвистнул Зяблик. — И зачем же вам понадобились эти... силы Кирквуда?

— А зачем вам понадобился уголь? Или что вы там использовали в своей технике?

— Да уж и с атомом баловались. Пару городов даже успели спалить... А, черт!.. — Зяблик зацепился за торчащий из стены кусок арматуры.

— Тогда вы и сами все должны понимать, — вздохнул Эрикс. — От угля может сгореть дом. От нефти — город. От атомной энергии — страна или даже целая планета. От сил Кирквуда — добрый кусок мироздания... Но ведь никто в свое время всерьез не пытался отказаться от нефти в пользу дров или от атомной энергии в пользу угля. Прогресс похож на огромную глыбу, которую человечество толкает вверх по бесконечному и крутому склону. Любая заминка грозит тем, что глыба покатится вниз и раздавит всех. Необходимо прилагать все новые и новые усилия, выискивать все более и более мощные источники энергии. Но от этого глыба только увеличивается в размерах. Силы Кирквуда были лишь очередным этапом этого Сизифова труда, благодаря которому мы имели много света, тепла, хорошей пищи и не поддающееся подсче-

ту количество разнообразных вещей, обеспечивающих человеку то, что называется комфортом.

— И давно ты это понял? — с долей сарказма поинтересовался Зяблик. — Не в Эдеме ли?

— Нет. Сразу после катаклизма неизвестной природы, который выбил ту самую каменную глыбу из человеческих рук, и она, сокрушая все, прокатилась по нашим городам.

— Да ты еще и поэт, оказывается!

— У меня было достаточно времени, чтобы подумать над всем случившимся.

— Скажите, пожалуйста, — Цыпф прихлюпал к ним поближе, — нам достаточно много известно о природе механической, химической, электрической и ядерной энергии. А в чем состоит источник сил Кирквуда?

— В сдвиге и расщеплении пространственно-временных связей. Именно этот тип энергии подпитывает Вселенную, позволяя ей все более усложняться и совершенствоваться.

— В вашей галиматье только знаменитый Дон Будатеус мог бы разобраться, — буркнул Смыков, которому порядочно осточертели все эти умствования. — Лучше скажите, кончится когда-нибудь эта крысиная нора или нет? У меня уже пальцы на ногах сводит!

— Скоро придем! — поспешил заверить его Оська, до этого все время что-то бормотавший себе под нос. Чувствовалось, что он тоже хочет задать вопрос Эриксу, но боится Зяблика.

Леву Цыпфа между тем уже понесло. Ни темнота, ни холод, ни вонь, ни даже намечавшаяся в скором времени схватка не могли помешать удовлетворению его любознательности.

— А откуда вы черпали силы Кирквуда? Из иных пространств? — допрашивал он Эрикса.

— Не совсем так. Условно говоря, они пронизывают все сущие миры Вселенной, как свет пронизывает стопку стекол. Система энергоприемников улавливала их и передавала на специальные преобразователи, до поры до времени считавшиеся абсолютно безопасными.

— Но тем не менее неведомая космическая катастрофа разрушила их, и силы Кирквуда вырвались на волю, верно?

— Можно сказать и так... Но то, что случилось с нашим миром, нельзя назвать обычной катастрофой. Это не было падением метеорита или, к примеру, огромной вспышкой на солнце. Изменились некоторые фундаментальные свойства материи. Другими стали параметры пространственно-времен-

ного каркаса... В результате этого из строя вышли самые безотказные системы управления и контроля... Глыба покати-лась... Видели бы вы, что здесь творилось тогда.

— Да нам и собственного горя хватило... А как вы думаете, могла катастрофа ваших энергетических систем повлиять на соседние миры?

— Вероятно... Кирквудовский янтарь как раз и служит подтверждением этому. Кто-то успел подсчитать, что это се-мимерное образование... А куда вы, собственно говоря, кло-ните?

— Сейчас узнаете... Ох, простите, я, кажется, забрызгал вас!

— Ничего страшного. Я уже давно мокрый с головы до пят... Подождите! — взволновался вдруг Эрикс. — Вы черес-чур свободно рассуждаете на эту тему. А ведь теория много-мерных пространств была разработана намного позже того времени, в котором вы якобы обитали до катастрофы. Вы не тот, за кого себя выдаете!

— Нет-нет! Здесь нет никакого подвоха. Дату моего и ва-шего рождения действительно разделяют несколько веков. А эти сведения я получил от человека, давно потерявшего связь с нашей эпохой и путешествующего ныне от пространства к пространству.

— Тьфу! — Смыков смачно сплюнул в зловонную воду туннеля. — Болтун — находка для шпиона!

Назревал очередной конфликт, но его, даже не ведая об этом, в самом зародыше погасил Оська.

— Вроде все, — сказал он. — Притопали. Пора по лестни-це вверх выбираться. Но только там всегда караул дежурит.

— Обойти его как-нибудь нельзя? — поинтересовался Смыков.

— Можно, наверное... Только опасно. Пока этот путь раз-ведали, столько братвы накрылось... Ходов тут всяких до фи-га. Любой выбирайте, если дубаря не боитесь врезать.

— Что будем делать, товарищи? — осведомился Смыков.

— Я, кажется, начинаю немного ориентироваться, — со-общил Эрикс. — Мы сейчас где-то в районе гавани. Разруше-ния здесь были особенно велики. Туннель, в котором мы на-ходимся, раньше имел вертикальное направление и обслужи-вал подводные терминалы. Именно таких мест я и советовал избегать... Где-то рядом должен находиться разрушенный энер-гоблок системы Кирквуда...

— Это опасно? — спросил Цыпф.

— Чрезвычайно опасно, по-другому не скажешь. В систе-

мах энергоблока продолжают идти неуправляемые процессы, влияющие как на окружающее пространство, так и на время. В любой момент и в любом месте могут возникнуть новые массивы кирквудовского янтаря. Постоянно нарушаются принципы причинности...

— Давайте вопросы голой теории пока оставим в стороне, — строго сказал Смыков, — нам сейчас в бой идти, а вы о принципе причинности... Философский идеализм, и больше ничего. Хотелось бы знать, чем все это конкретно может угрожать нам. Кого следует бояться? Людей, зверей, чудовищ, стихийных бедствий?

— В том-то и состоит сложность нашего нынешнего положения, что ничего предугадать невозможно, — сказал Эрикс. — Нарушение принципов причинности ведет к тому, что объективные события утрачивают связь между собой, а одинаковые причины в одинаковых условиях вызывают самые различные последствия. Вода над огнем не закипает, а превращается в лед. Человек обретает способность летать. Или в его организме вдруг полностью исчезают молекулярные связи. Железо само собой превращается в золото, а пуля летит не по прямой, а по кругу. Можете самостоятельно придумать сколько угодно подобных примеров...

— Емеля, разъезжающий на печи, из той же серии? — Верка хотела пошутить, но ничего не вышло — ватага на веселье была не настроена, а Эрикс не знал, кто такой этот знаменитый Емеля.

Однако, как галантный кавалер и воспитанный человек, он не мог не согласиться с дамой.

— Именно... Кроме того, существуют и другие опасности. Кирквудовский янтарь, действуя то как клин, то как таран, может открыть дверь в наш мир из любого пространства. Давно ходят слухи о всяких невообразимых тварях, которых видели то в одном, то в другом месте.

— Причем надо учитывать, что эти твари могут явиться из пространств с иной мерностью, чем наша, — подхватил Цыпф. — Представьте себе волка или крокодила из девятимерного пространства в условиях нашей планеты! Не можете? И не удивительно. Это то же самое, что абсолютно плоскому двумерному существу судить о внешнем облике человека только по очертаниям его подошв. Страшно, но непонятно, а главное, нет никакой возможности защититься.

— А какое, спрашивается, дело человеку до абсолютно плоского существа? — Зяблик принялся точить меч о стену, и

обильно хлынувшие из-под клинка искры на мгновение осветили его хмурое лицо. — Его ведь на зуб не возьмешь, шкуры не лишишь и в оглобли не поставишь.

— Не спорю! — воскликнул не на шутку распалившийся Цыпф. — Девятимерному существу человек абсолютно безразличен. Однако оно может уничтожить его случайно, ненароком, как человек ненароком затаптывает червей или насекомых... Но вы никак не даете мне закончить мысль, ради которой этот разговор был начат!

— А разве вы, братец мой, еще не закончили? — удивился Смыков. — Я, признаться, уже и слушать вас перестал.

— Попрошу всего одну минутку внимания! То, что я скажу сейчас, может пригодиться нам в будущем... Значит, вы считаете, — судя по интонации, он обращался к Эриксу, — что так называемые силы Кирквуда вырвались из-под контроля вследствие неведомой глобальной катастрофы?

— Допустим, — осторожно, словно опасаясь подвоха, ответил нефилим.

— А если все получилось наоборот? Сначала пошла вразнос одна из ваших знаменитых установок, черпавших энергию в процессе расщепления и сдвига пространственно-временных связей, а уж вследствие этого произошла катастрофа, вырвавшая из своих пространств и своих времен наши несчастные страны! Возможно, все мы запечатаны сейчас в одной огромной глыбе кирквудовского янтаря! Вот почему исчезли солнце и звезды, вот почему высыхают моря и реки, вот почему в недрах земли просыпаются древние неведомые существа, некогда владевшие всем этим миром!

— Лева, куда тебя несет? — простонал в темноте Зяблик. — Нам сейчас аггелов зубами рвать, а ты орешь, как слониха в течке. Силы побереги. Нянчиться с тобой больше никто не будет, учти.

Лева с трудом, как загнанная лошадь, перевел дух и пробормотал:

— Простите, я что-то действительно немного не того... На меня иногда накатывает... Эрикс, я вас ничем не обидел?

— Абсолютно ничем... — произнес тот бесцветным голосом. — Если мы в чем-то и виноваты, то давно расплатились за это. Не будем тревожить память мертвых. И не забывайте, что в конце концов мы ваши потомки. Ваши грехи, слабости и страсти наложили отпечаток и на нас...

— В общем, так! — как всегда, последнее слово досталось Смыкову. — Все раздоры пока оставим. Идем на прорыв, а

это дело нешуточное. Решение принимается без голосования. Минута страха — и мы будем иметь все. Настоящее оружие, приличную одежду, человеческую пищу, табак. И запомните! Главное не это, — он чиркнул острием меча по камню, — не железо. Все равно мы железом махать как следует не умеем. Главное — нахрап и внезапность.

Чья-то рука коснулась щеки Цыпфа. Из всех тех, кого судьба загнала в эту мрачную нору, такая мягкая и прохладная ладонь могла быть у одного-единственного человека.

— Ты обижаешься на меня? — прошептала Лилечка.

— Нет, — не сказал, а выдохнул Лева.

— Нам нельзя открыто любить друг друга, пока творится весь этот ужас.

— А тайно? — Душа Левы взлетела куда-то к невидимому потолку, попорхала там немного и вернулась на место, изрядно облегченная.

— Тайно тоже нельзя. Но потом у нас еще будет время.

— А если не будет?

— А если времени уже не будет, одну минутку перед концом мы обязательно выкроим. Правда?

— У нас будет время, — как можно более твердо сказал Цыпф. — У нас будет много времени. И у наших детей тоже.

— Хотелось бы верить...

— Плохо, что стоит такая темень и я не вижу тебя.

— Хорошо, что стоит такая темень. Ведь я почти голая.

Рядом заскрипело и заскрежетало, словно парочка скелетов занялась любовью на жестяной крыше. Это члены ватаги — один за другим — стали взбираться вверх по хлипкой и ненадежной конструкции, которую лестницей мог назвать только с детства сильно обделенный жизненными впечатлениями экс-аггел Оська.

Подъем был долгим и мучительным.

Одно дело брести (пусть и по колено в жидкой грязи) темным, но зато горизонтальным туннелем, и совсем другое — карабкаться в полном мраке на неведомую высоту. По словам Эрикса, этот колодец когда-то выполнял роль обыкновенного коридора и поменял положение в пространстве почти на девяносто градусов после того, как весь комплекс зданий гавани в ночь катастрофы встал на попá.

Естественно, что до этого никаких лестниц в нем не имелось. Да они вообще почти не применялись в Будетляндии,

где любое здание было буквально напичкано лифтами самых разнообразных конструкций. Вот и пришлось аггелам, из всех видов техники сносно разбиравшимся только в огнестрельном оружии, состряпать для своих нужд шаткое сооружение.

Но хуже всего, конечно, была темнота, царившая в колодце. Приходилось на ощупь находить наперекосяк вбитые в стену штыри, хлипкие скобы и небрежно, со слабинкой натянутые тросы. Лестница явно строилась в спешке, из первых попавшихся под руку материалов. Уже это доказывало, что аггелы не чувствуют себя здесь хозяевами.

— Вы проверяйте, за что цепляетесь и куда ногу ставите, — неустанно предупреждал Оська. — Сначала подергайте, покачайте... У меня один знакомый был. Фогарм. Хотя на самом деле его Яшкой звали. Недавно сорвался примерно в этом же самом месте. До самого низа, правда, не долетел. На какой-то дрючек пузом напоролся.

— Ой, мамочки! — заскулила Лилечка. — Не могу больше! Не долезу! Сорвусь!

— Вперед! Ну пожалуйста! — уговаривал ее Левка, и сам чувствовавший себя медведем, которого заставляют ходить по проволоке. — Спуститься мы уже не сможем. Если что, ставь ногу мне на плечо.

Он поднимался сразу вслед за девушкой и, когда та в страхе замирала на зыбких воздушных трапециях (иначе и нельзя было назвать эту небрежно сляпанную конструкцию), подталкивал ее головой в зад.

— Да ты нас, падла, заделать всех хочешь начисто! — Слышно было, как Зяблик, пытаясь поймать Оську за ногу, а тот, повизгивая от страха, уворачивается.

— Я здесь ни при чем! — оправдывался он. — Не первый раз ведь здесь лезу... Когда светло, так никаких забот... И пленных гоняли, и раненых поднимали...

— А почему сейчас темно? — вопрошал Зяблик.

— Вот я и сам об этом думаю... Наверно, накрыли чем-то выход. Раньше там всегда дырка светила.

Как бы в ответ на его слова что-то сверху стукнуло. На миг появилось и тут же снова исчезло светлое квадратное отверстие. Мимо людей, теряя искры, пролетела вниз огненная точка.

— Чинарик. — Зяблик втянул носом воздух. — А табачок-то приличный...

— Люк, значит, поставили, — констатировал Смыков. — Вот вам и фактор внезапности.

— Может, все же вернемся? — Даже у отчаянной Верки голос заметно дрожал.

— С каких это пор бабы взяли моду мужикам в бою указывать! — взорвался Зяблик. — Наполеоны, мать вашу в три погибели! Все заранее знали, на что идем! Назад поздно поворачивать!

— Да и вряд ли возможно, — добавил Эрикс спокойно.

Между ним, Зябликом и Смыковым началось какое-то сощещание. Изредка на правах эксперта привлекался и Оська.

— Сколько человек обычно в карауле? — спрашивал Смыков.

— По-разному. Три-четыре. Но не меньше трех. Да и другие частенько приходят поболтать. Девки наши тут тоже постоянно вьются.

— Оружие у них какое?

— Пистолеты, это уж обязательно. По стволу на рыло. Гранаты. Ружья могут быть. Один раз я автомат видел.

— Эх... — Зяблик только заскрежетал зубами, но ничего не сказал, не желая, видимо, окончательно подрывать боевой дух своих сотоварищей.

А положение ватаги в самом деле было отчаянное. Внизу — глубокий колодец, стены которого утыканы ненадежной арматурой, сверху — глухой люк, охраняемый до зубов вооруженными врагами, а посередине они — почти голые, исцарапанные, еле живые от усталости, висящие, как обезьяны на лианах, но только не между небом и землей, а между смертью и смертью.

Зяблик позвал к себе Толгая, находившегося в арьбергарде, и тот неловко — степняк не альпинист — полез наверх, едва не выколов при этом саблей глаз Цыпфу и по ошибке вместо очередной скобы лапнув Лилечку за грудь. Последовал краткий инструктаж (то, что Зяблик говорил Толгаю, никто, кроме них двоих, никогда не понимал), после чего Смыков не без патетики объявил:

— Двигаемся вверх в прежнем порядке. В победе не сомневайтесь, поскольку наше дело правое. Но верующие могут помолиться.

Снова тяжело задышали карабкающиеся вверх люди, снова заскрипело ржавое железо, снова посыпались вниз мелкие камушки, пугая слабые души длительностью своего падения, снова раздались проклятия и вскрики тех, кто напоролся ладонью на что-нибудь острое или получил чужой пяткой по макушке.

У люка все сбились в гроздь, словно пчелиный рой, готовящийся покинуть улей. Сквозь щели между досок пробивались узенькие полоски света, что позволяло людям хоть немного разглядеть друг друга. Честно говоря, сейчас они больше всего походили на чертей в преисподней: черные от грязи, голые, взлохмаченные, с лицами, искаженными яростью предстоящей схватки или ужасом грядущей гибели.

Оська постучал в люк.

— Эй! — позвал он. — Эй, откройте!

— Что надо? — раздался сверху голос, по которому очень легко можно было представить себе его обладателя, — грубую, зачерствевшую в насилии и разврате скотину, оттрахавшую, наверное, не одну кастильскую монашку и сверх всякой меры насосавшуюся чужой крови.

— Открой, тебе говорят! — Оська по наущению Зяблика повысил голос: — На хрена вы тут люк поставили! Ведь не было же его раньше!

— Для того и поставили, чтобы всякие птички вроде тебя сюда без дозвола не залетали, — ответил аггел веско. — Доложись, кто ты есть такой.

— Иавал из пятой сотни.

— А кто сотник ваш?

— Арфаксад, — не задумываясь, ответил Оська и на радостях даже подмигнул Зяблику.

— Ты мне гвозди не забивай! Тут каждый третий Арфаксад. Как его в натуре зовут?

— Сахно Валерий Кузьмич.

— Правильно... — Аггел умолк, похоже, удивленный осведомленностью невидимого собеседника. — А откуда ты, Иавал, путь сейчас держишь?

— Из Эдема, откуда же еще...

— Долго там был?

— Порядочно. Дней двадцать.

— Вместе с сотником?

— Конечно. Куда же нам без него.

— Хорошо погуляли? — Допрос затягивался, и это было плохим признаком: или Оську не признавали здесь за своего, или, наоборот, давно ждали и сейчас ловили на противоречиях.

— Всякое было... Чего ты прицепился? Открывай, а не то я сейчас вниз свалюсь.

— Туда тебе и дорога! — Судя по шуму, аггел вскочил, и то, на чем он до этого сидел, отлетело в сторону. — Все, кто с сотником Арфаксадом последний раз в Эдем ходил, там и ос-

тались! Даже их оружия мы не нашли! Как же ты, шустрый такой, спасся?

— А вот повезло! — Оська уже почти вопил. — Всех положили, а я спасся! Мертвым прикинулся, а потом в кусты уполз! Что же мне теперь, удавиться из-за этого?

— И кто же это вас так разделал? — Ангел, похоже, немного успокоился.

— Нефилимы проклятые!

— Опять они! — Судя по витиеватой ругани, в которой толково и детально упоминались все прегрешения прародительницы нашей Евы, ангел имел в прошлом какое-то отношение к богословию. — Давить их надо, сволочей! Как клопов вонючих, давить!

— Ага, на словах все вы храбрые...

— Ты один? — спросил ангел.

— Один.

— Сейчас разберемся... Не стони... — Ангел подошел поближе и всей своей немалой тяжестью взгромоздился на люк, доски которого сразу закрипели. — Эй, Мишка! — крикнул он кому-то из своих подчиненных. — Беги живо в штаб и доложи, что есть сведения об отряде Сахно. Вроде один из его хлопцев живым вернулся. Пусть решают, что делать. А я пока здесь покараулю.

Зяблик нашептал что-то Оське на ухо, и тот просительно заныл:

— Дяденька, пустите наверх. Я и в самом деле сейчас соврюсь... У меня рука ранена... Три дня не жравши. Пустите.

— Если три дня не жрал, то полчаса потерпишь, — флегматично заметил ангел, топчась по крышке люка. — А с раненой рукой на такую верхотуру не заберешься. Врешь ты все.

— Зачем мне врать?

— А это сейчас разберутся.

Зяблик изобразил что-то на пальцах, и Оська снова заныл:

— У меня бдолах есть. Могу угостить. Хотите?

— Умолкни! — рявкнул ангел. — Сейчас как стрельну, так и разбирательства никакого не потребуются!

По сигналу Смыкова в верхнем эшелоне ватаги произошла перестановка. Оська спустился чуть ниже, а его место прямо под люком занял Эрикс, передавший свою секиру Зяблику.

Нефилим находился в очень неудобном положении — ноги упирались в одну скобу, левая рука цеплялась за другую — и тем не менее удар, нанесенный им снизу правым плечом,

был страшен. Прочь отлетел не только люк, превратившийся в грудку досок, но и стоявший на нем дебелий аггел. В то же мгновение из колодца выскочил Толгай, целеустремленный и беспощадный, словно демон смерти. Сабля, крутящаяся у него над головой, визжала как бы от вожделения.

Они ожидали застать возле люка трех-четырех аггелов, но тех оказалось только двое. Время, видимо, выдалось такое, что не располагало рогатую братию ни к болтовне, ни к шашням.

Первый этап операции по прорыву в Будетляндию закончился спустя пару секунд после его начала. Аггел, неосмотрительно ступивший на люк, валялся на бетонном полу в сильнейшей степени контузии. (Девятипудовые субъекты в принципе могут летать по воздуху, но вот только падать им не рекомендуется). Его более молодой и субтильный напарник остался сидеть там, где сидел — в пяти шагах от горловины колодца, — только голову сильно откинул назад. Это не позволяло полюбоваться на образовавшуюся в ней аккуратную щель, вроде той, что бывает в соответствующем месте у глиняной кошки-копилки.

В спешке Толгай не удостоился даже похвалы, и командование вновь взял на себя Смыков. Ватага поимела первые, хотя и не очень богатые трофеи — два комплекта одежды (вместе с бельем этого хватило на то, чтобы одеть четверых, в том числе обеих женщин), столько же пистолетов с солидным запасом патронов и полный кисет самосада.

Немалого труда стоило убедить Эрикса, что его действия ни в коем случае не повлекли за собой смерть караульного, которого уже успел прирезать Зяблик.

Тела аггелов сбросили в колодец. Люк, кое-как собранный из отдельных досок, вернули на место. Только тогда появилась возможность толком осмотреться.

Они находились в огромном, невероятно запущенном помещении, высота которого значительно превосходила длину и ширину. Одна из стен, покрытая прихотливой сетью трещин, пропускала снаружи свет, хотя и не была прозрачной, а напоминала весенний ноздреватый лед. Положение многочисленных эскалаторов, балконов, дверей и всех иных узнаваемых архитектурных деталей указывало на то, что нынешний пол раньше был стеною, стена, пропускающая свет, — потолком, и так далее.

Несмотря на свои размеры, помещение отнюдь не выглядело величественным. Голый бетон, простые дыры окон, бес-

смысленное с виду переплетение разнокалиберных труб, ржавые потеки на стенах, повсюду толстый слой пыли и пепла, холодный ветер, гуляющий во всех направлениях, — нутро потухшей домны, да и только.

Из кучи мусора Эрикс извлек какой-то сверкающий осколок.

— Когда-то здесь было казино. Самое лучшее в гавани. Одна его стена состояла из водяных струй, другая из волшебного света, остальные — из зеркал. Везде толпились люди. Вокруг не было ничего неподвижного. Все светилось, менялось, играло, пело. Воздух благоухал полевыми цветами. Здесь можно было заказать любое блюдо, любой напиток, познакомиться с прекрасными женщинами, проиграть все, включая собственную жизнь, или выиграть несметные сокровища. В перерывах между игрой каждый желающий мог посетить какое угодно место на Земле или Луне... Это была не жизнь, а сон.

— Вот и проспали вы свое счастье, — сказал Зяблик. — А сон разума знаешь что порождает? Дурную явь! Вот так-то, праправнучек!

Торопливо докурив свою первую в этом мире самокрутку, он пошел на зов Смыкова, который в данный момент занимался одним из любимейших своих дел — расставлял по местам людей. При этом он не забывал вразумлять их:

— Сейчас вернется тот самый Мишка, которого послали с донесением в штаб. Хорошо, если он доставит одно голое распоряжение или приведет с собой какого-нибудь младшего командира. А если целая банда набежит, чтобы нашим Иавалом полюбоваться? — Он походя взъерошил Оськин чуб. — Можно, конечно, в темпе брызгануть, как художественно выражается товарищ Зяблик, но это лишит нас ряда преимуществ. Мало того, что аггелы немедленно организуют погоню, они еще и поднимут тревогу по всей этой паскудной стране. Поэтому разумней будет дожидаться их здесь и втихаря перестукать. Тем самым мы уберем единственного свидетеля нашего появления, на неопределенный срок оттянем начало разыскных мероприятий и поправим свое материальное положение. Не знаю, как кто, а я в таком виде долго ходить не собираюсь, — Смыков подергал за пояс широченных кальсон, составлявших весь его наряд.

— Надо драться, какое тут может быть иное мнение! — Цыпф, которому досталась одна только нательная рубашка, рвался в бой из соображений чисто шкурных. Ходить без штанов было почему-то гораздо более неудобно, чем совсем голым.

— Тогда попрошу вас, братец мой, вместе с дамами и условно амнистированным гражданином Иавалом занять позицию вон в той нише. Находясь в тактическом резерве, будете действовать только по моему специальному сигналу. Если такой сигнал в силу чрезвычайных обстоятельств не поступит, действуйте по обстановке. Все понятно?

Лева хотел возразить, что он не резервист, а полноценная боевая единица, но, представив себя со стороны — нескладного, очкастого, в чужой рубашке, едва прикрывающей пуп, и с тупым мечом в руке, — вынужден был покорно кивнуть: «Понятно».

— Тогда позаботьтесь о маскировке, — приказал Смыков.

К сожалению, оставалось совершенно неясным, с какой стороны должны были появиться аггелы. После недолгого раздумья Смыков выбрал для засады места достаточно скрытные, но не очень далеко отстоящие от колодца. Поднимать пистолетную стрельбу без крайней необходимости запрещалось, поэтому основная задача по уничтожению врага возлагалась на Толгая, устроившегося за трубой, проходившей на высоте примерно двух метров от нынешнего пола.

Ждать пришлось довольно долго — не то штаб находился далеко, не то гонец попался нерасторопный. Реальный Иавал вряд ли выдержал бы столь длительное ожидание и давно свалился бы в колодец.

На сей раз оправдались самые худшие опасения Смыкова. За Мишкой — кудрявым богатырем, красу которого слегка портила заячья губа, — валила целая толпа аггелов, настроенных далеко не миролюбиво. Один на ходу грозился:

— Да я его просто удавлю своими руками! Еще и посмел вернуться, паскуда! Его же в одной компании с нефилимами видели!

— А если он новых дружков за собой привел? — осторожно высказался кто-то.

— Чепуха! Нефилимы вне Эдема долго не протянут, — возразил первый аггел, оглядываясь по сторонам. — А где же охрана? Сугрубов, ау!

— Ау! — хриплым басом отозвался Зяблик, уже получивший от Смыкова сигнал, означавший, что втихую аггелов никак не одолеть и нужно бить их всеми имеющимися средствами. — Я здесь, суки рогатые!

Слитно загрохотали два пистолета. Сначала следовало ошеломить аггелов беглым огнем, а уж потом начинать при-

цельную стрельбу. Если чего сейчас ватаге и не доставало, так это парочки ручных гранат.

При первых же звуках пальбы аггелы резво, как шарики пролитой ртути, рассыпались по залу бывшего казино. Все они, похоже, были опытными бойцами, да и численное преимущество имели немалое, но над ними висело вечное проклятие людей, угодивших в засаду. Трудно вести правильный бой, если ты не видишь противника, никак не можешь найти подходящее укрытие и не успел вовремя зарядить оружие.

В течение первых пяти минут аггелы потеряли едва ли не каждого второго. Уцелевшие пробовали палить наудачу, но это только мешало наиболее хладнокровным из них определить местонахождение невидимого врага по звуку выстрелов. Толгай, сверху прекрасно видевший каждого аггела, без помех расстреливал их из люка. Все попытки прорваться к выходу закончились безрезультатно — Зяблик, вначале сделавший из чужого пистолета несколько промахов, уже освоился и дырявил рогатые головы, как горшки на заборе.

Цыпф из своего укрытия не видел ничего, кроме вздымающегося к потолку порохового дыма, зато ясно слышал все реплики, доносившиеся как с той, так и с другой стороны.

— Предлагаю сдаться! — гундосил Смыков, которому шальная пуля срезала кончик носа. — Тем, кто в течение минуты сложит оружие, гарантирую жизнь.

— Сам сдавайся, гнида! — ответил кто-то из аггелов. — Нашел дурачков! Сейчас сюда наши набегут. Сначала шницель из тебя будем делать, потом лапшу, а напоследок компот.

Такая перспектива почему-то обидела Смыкова.

— Товарищ Толгай! — он повысил голос. — Нельзя ли это го кулинару поучить хорошим манерам?

Однако степняк, как это с ним нередко бывало, в горячке боя забыл русский язык и никак не откликнулся на просьбу Смыкова.

Зато инициативу неожиданно взял на себя Эрикс. Трудно сказать, какие побуждения заставили его вылезти из-за укрытия — не то решил, что все аггелы убиты, не то спешил покинуть место, к которому и в самом деле могли вскоре прибыть новые подкрепления врагов. Тем не менее один вид нефилима, мрачная слава о силе, скорости и неустрашимости которых, несомненно, дошла до Будетляндии, отбил у аггелов охоту к дальнейшему сопротивлению. (Откуда им было знать, что максимум, на что способен Эрикс, это закатить добрую оплеуху).

Оставшиеся в живых бросились кто куда. От полного истребления аггелов спасло только то, что в пистолете Зяблика заклинило патрон. Пока он, матюгаясь на чем свет стоит, возился с отказавшим оружием, двое или трое счастливицков успели выскользнуть наружу.

Не вызывало сомнений, что в самом ближайшем будущем они вернутся, но уже в другом количестве, а главное — совершенно в другом настроении.

Времени не оставалось даже на то, чтобы добить раненых. Свое вечное «Быстрее, быстрее!» Смыков еще никогда не орал так громко. Каждую секунду ожидая получить выстрел в спину, они содрали одежду с нескольких ближайших трупов (даже Эрикса заставили одеться) и, что называется, до зубов вооружились. Бдолах обнаружить не удалось. Это еще раз подтверждало версию о том, что аггелы пользуются им только в чрезвычайных обстоятельствах.

Пока все складывалось не так уж и плохо. Пусть и с боем, но они прорвались в Будетляндию, оделись, вооружились и при этом не потеряли ни единого человека. Дело оставалось за малым — пересечь страну из конца в конец и запасть по пути бдолахом. Но сначала нужно было уйти как можно дальше от развалин казино — уж очень горячо здесь становилось.

Теперь ватагу вел Эрикс. Пока он сам стремился отыскать более безопасное место, им было по пути.

Вся Будетляндия представляла собой один огромный город, вернее — его руины, но от руин Талашевска они отличались примерно так же, как какая-нибудь подмосковная рощица от тропического леса.

Цыпф ощущал себя в этом мире ничтожным муравьем. То, что уступами в несколько ярусов возвышалось над ним, даже нельзя было назвать зданиями. Этакие рукотворные горы, деяния небожителей, чертоги олимпийцев, сады Семирамиды, храмы космических пришельцев. Ясно, что улицей, по которой они сейчас пробирались, мало кто до этого и пользовался (слишком много было над ней всяких труб-транспортёров и пешеходных дорожек, безо всякой видимой опоры распластавшихся в воздухе), но выглядела она так, словно была вымощена серебряными слитками.

В глазах рябило от смешения цветов (траурное габбро вполне могло соседствовать здесь с веселенькой терракотой) и стилей (готический храм как ни в чем не бывало сидел на крыше

официозного билдинга), от блеска еще сохранившихся кое-где зеркальных стекол, от множества надписей на самых разных языках, от стенных мозаик размером с футбольное поле, от предельно ясных пиктографических указателей и вычурных вывесок, рекламирующих вещи совершенно непонятного назначения.

Весь этот волшебный город был мертв и выглядел так, словно через него сначала пронесся ураган, а потом промаршировали на позиции войны Армагеддона.

В прозрачных плавно изгибающихся трубах навечно застыли вагоны гравитационных поездов. Нигде не было видно ни единой уцелевшей витрины. Улицы загромождало все то, что раньше составляло меблировку квартир, то здесь, то там виднелись следы пожаров. Дикая поросль покрывала высоченные стены, где оспинами, где островками, а где и сплошным ковром; на крышах орали непуганые вороны; на ближайшем перекрестке, совсем как в глухом лесу, выла какая-то тварь. Люди не то чтобы отсутствовали, а даже дух их давно выветрился из этого города.

Впрочем, довольно скоро охи и ахи по поводу грандиозности и причудливости будетляндской архитектуры прекратились — глаза присмотрелись (хотя чувство дикаря, оказавшегося вдруг на перроне станции метро, у Левы Цыпфа так и не проходило). Эрике выбирал самые широкие улицы, старался придерживаться их центра и никогда не поднимался ни на какое сооружение, превышавшее хотя бы пару человеческих ростов. Очевидно, у него были на то веские причины.

Это бегство не могло длиться долго. В отличие от Эдема, в Будетляндии бегущий человек довольно быстро натруживал ноги и сбивал дыхание. Кроме того, здесь не было чистейших рек, утоляющих жажду, и всяких вкусных корешков, позволяющих приглушить голод. За целые сутки пребывания в этом мире никто из ватаги еще ни крошки во рту не держал, ни глоточка не пригубил. Правда, накурились вволю.

Первым не выдержал Зяблик, уже давно бросавший вокруг плотоядные взгляды.

— Эй, шеф! — обратился он к Эриксу. — А как у вас тут насчет общественного питания дела обстояли?

— Что вы имеете в виду? — Эрикс явно не улавливал суть вопроса.

— Да все то же самое. — Зяблик похлопал себя по животу (при этом забрякали торчащие у него за поясом пистолеты). — Кишки марш играют... Подкрепиться бы не мешало...

Желательно устрицами с шампанским. Но на худой конец и водка с черной икрой сойдет.

— Ах да, извините... Я это как-то выпустил из виду. — У нефилимов, вероятно, были совсем другие взгляды на проблемы питания. — Сейчас что-нибудь придумаем.

— Думай, — великодушно разрешил Зяблик. — Забегаловок тут у вас много... Хотя уже кто-то успел их подломить.

Они перешли на шаг, что вызвало облегченные вздохи почти у всех, и, миновав еще пару кварталов, по знаку Эрикса свернули в какое-то заведение, расположенное на первом этаже дома-башни, куда более широкого вверху, чем внизу, что делало его похожим на стоящий торчком топор.

Судя по сверкающей никелем и красным деревом стойке, за которой располагались пыльные и потрескавшиеся зеркальные полки, тут когда-то был бар или закусочная. Вся передняя стена напрочь отсутствовала, и вовсе не потому, что ее разнесли вдребезги мародеры или уничтожил пожар. Ее просто никогда и не существовало, а зал от улицы отделяло что-то другое, бесследно исчезнувшее сразу после катастрофы — подсвеченные водяные струи, мерцающие, как полярное сияние, силовые поля или искусно воссозданный красочный мираж.

Внутри царил тот же разгром, что и в аналогичных заведениях Талашевска — все стеклянные предметы превращены в груды осколков, с кресел содрана обивка, стены размазаны похабными рисунками, пол засыпан всем тем, что нельзя съесть или выпить, но можно растоптать и исковеркать. Для полноты картины не хватало только скелета бармена с подвязанной ради смеха челюстью и чинариком в зубах. Впрочем, учитывая разницу в техническом уровне Отчины и Будетляндии, вполне можно было предположить, что функции барменов здесь выполняли автоматы.

Не задерживаясь в зале, Эрикс двинулся в глубь здания, пока не уперся в глухую стену, расписанную неизвестными письменами так же густо, как погребальная камера фараона, и снабженную панелью с черно-белыми клавишами. Тщательно определив на этой степени одному ему известную точку, Эрикс нанес по ней такой сокрушительный удар секирой, что обсидиановое лезвие разлетелось вдребезги. Стена переломилась по ранее незаметному горизонтальному шву и после дополнительных усилий Эрикса, вцепившегося в ее нижнюю кромку, сложилась наподобие гармошки. За ней открылось помещение, сверкающее стерильной чистотой и до потолка запол-

ненное штабелями запаянных в прозрачный пластик коробок. После этого Эрикс сделал рукой жест, означавший: пользуйтесь, мол, — и скромно отошел в сторону.

Тонкий на вид пластик оказался удивительно прочным, но против сабли Толгая все же устоять не смог. В первой коробке были тубики с розовой пастой, вкусом напоминавшей творог, во второй — плоские хрустящие хлебцы, в третьей, которую вскрывали еще всей компанией, — что-то вроде томатного соуса. Затем все ударились в индивидуальный поиск, вместо сабли используя пистолетные протирки, осколки обсидиана и всякие прочие достаточно острые предметы. Попробовав что-то одно, сразу бросали и выискивали другое, более вкусное.

Эрикс, печально созерцавший эту картину, сказал:

— Мне показалось, что вы хотите утолить голод...

— А что мы делаем? — искренне удивилась Верка, перемазанная, как первоклассница, угодившая дежурить на школьную кухню. — Утоляем! Ты бы, зайчик, что-нибудь сладенького мне нашел.

— Вон, позади вас желтая коробка с красной надписью.

— Ты свои надписи сам читай... Я ни китайскому, ни арабскому не училась. Лучше помог бы открыть.

Эрикс голыми руками надорвал ящик и, ни на кого не глядя, удалился в разгромленный бар.

— Брезгует, — усмехнулся Смыков, дегустируя брикет пресованных орехов. — Культурного из себя строит... А еще вчера голым ходил, как макака.

— Потому он и хмурый, — констатировала Верка, хрустя вафлями в шоколаде. — Штаны в ширинке жмут.

— Какие же вы! — У Лилечки сделалось болезненное лицо. — Что мы, в самом деле, сыра или консервированной ветчины не пробовали?... Накинулись, как звери. Неудобно даже...

Зяблик никакого участия в этих словопрениях не принимал, а сосредоточенно работал. Распарывая коробку за коробкой, он все дальше продвигался в глубь склада.

— Что ищем? — поинтересовался Цыпф, чьи гастрономические устремления ограничились пакетом сухариков.

— Да так, — неопределенно ответил Зяблик. — Сам еще не знаю...

— Зачем тогда все коробки подряд вскрывать? Поинтересуйтесь вон той зеленой.

— А что в ней? — насторожился Зяблик.

— Не знаю. Но, судя по надписи, содержание алкоголя в этом продукте составляет пять процентов.

— Слабовато... А покрепче ничего нет?

— Я что-то пока не вижу.

— Ну тогда я еще поищу, — буркнул Зяблик, принимаясь за очередную коробку.

Вернулся Эрикс и, прислонившись плечом к стене, стал молча наблюдать за энергичными действиями ватаги. В глазах его была печаль.

— Орешков не желаете? — осведомился Смыков.

— Нет.

— Зря... Очень питательные... С тех самых пор, что ли, остались? — Не получив ответа, он в знак уважения помотал головой, совсем как фарфоровый будда. — Умели же делать котомки! Что ни попробуешь, как будто вчера с пылу с жару!

— Им-то что... Все машины делали... А они только жрали, — подал голос Оська, предварительно убедившийся, что Зяблик его вряд ли услышит.

— Сначала нужно такие машины изобрести, — заступилась за потомков Лилечка. — Думаешь, это просто?

Заметив, что Верка и Толгай набивают карманы всякими деликатесами, Эрикс наконец-то шевельнул скорбно поджатыми губами:

— Не надо ничего брать про запас. Такие хранилища встречаются здесь на каждом шагу. Никто не успел воспользоваться ими.

— Ай-я-яй, это же такое богатство пропадает! — не унимался Смыков. — Всю Отчину можно десять лет кормить!

Зяблик уже нашел что-то, любезное его душе, и сейчас из груды выпотрошенных коробок раздавались булькающие звуки и довольное фырканье.

— Вас нельзя было пускать в эту страну, — все так же печально произнес Эрикс. — Вы смелые люди. Вы не боитесь аггелов. Вам не страшны страдания и лишения. Но здесь вы погибнете от обжорства или от чрезмерного употребления стимулирующих веществ. Этот мир чересчур богат для вас. Он уже погубил тех дикарей, которые буйствовали здесь в первые дни после катастрофы. А вы, к сожалению, мало чем отличаетесь от них.

— Не паникуй, шеф, прорвемся... — Зяблик заворочался в куче коробок, видимо, устраиваясь на ночлег. — Быв-ва-ли-и дни вес-селье-е...

— Шутки шутками, а отдохнуть не мешает. — Смыков по-

косился на Эрикса. — Что по этому поводу скажет нам гостеприимный хозяин?

— Я понимаю, что вы не можете долго обходиться без отдыха, — произнес Эрикс страдальческим голосом. — Точно так же, как без пищи и питья... Но хочу предупредить, что в этот момент нас уже ищут по всем окрестностям, а весть о событиях в районе гавани распространяется по стране. Нам следовало бы уйти как можно дальше... Впрочем, время все равно упущено. Остается уповать на то, что у аггелов не хватит сил обшарить каждое здание. Единственное, что я могу вам посоветовать сейчас, это с максимальной эффективностью использовать выдавшуюся передышку.

— Отоспаться, проще говоря, советуете, — подсказал Смыков.

— Да, но приняв предварительно меры предосторожности.

— Это уж как водится. Поучите свою тещу ши варить. — Смыков отстегнул часы и бросил их Левке. — Заступайте в караул, товарищ Цыфф. Через два часа разбудите Толгая. Потом очередь моя. Последним Зяблик. Пусть проспится, алкаш. Женщин и детей прошу не беспокоить.

Под детьми Смыков, видимо, подразумевал Оську-Иавала и Эрикса.

Спустя десять минут притомившаяся и обожравшаяся ва-тага уже почивала. У одних сон был медвежий, глубокий. У других соловьиный, чуткий.

Цыфф переташил одно из кресел в самый темный угол разгромленного зала и уселся с таким расчетом, чтобы видеть улицу. У противоположной стены устроился Эрикс, который, как видно, спать сегодня вообще не собирался. Могучий организм нефилима требовал куда меньше послаблений, чем это принято среди обыкновенных людишек.

Снаружи донесся легкий шорох, хотя улица по-прежнему оставалась безлюдной. Присмотревшись, Цыфф разглядел маленькую собачонку, обнюхивавшую кучу мусора.

— Песик бежит... — пробормотал он. — А у нас в Отчине их почти не осталось... Голод был страшный... Люди даже воробьев ели.

Ответа не последовало, да столь риторическое сообщение его и не подразумевало. Дабы вызвать Эрикса на разговор, Цыффу пришлось задать вполне конкретный вопрос:

— А может случиться такое, что собачка, попавшая в зону, где нарушены принципы причинности, обретет дар речи?

— Может, — флегматично ответил Эрикс. — Но я таких собачек еще не встречал.

Снова наступила долгая тишина. Цыпф напряженно обдумывал достойный вопрос. Эрикс, похоже, дремал, полуприкрыв глаза.

— А мне ваш город не понравился, — внезапно выпалил Цыпф. — Камень да железо... И вообще, неудобно. Один дом как картинка, а другой рядом будто бы на скорую руку слепан. Стены косые, балки наружу торчат... Не хватает здесь чего-то. Ни парков нет, ни скверов, ни укромных уголков...

— Вы правы. — Веки Эрикса дрогнули. — Это совсем не тот город, каким он запомнился мне... Как бы это лучше объяснить... В древности люди раскрашивали свои мраморные статуи. Со временем пурпур и позолота сошли, но прекрасные формы продолжают привлекать нас... Иллюзия красоты исчезает, настоящая красота живет долго... Хотя и стоит намного дороже. В мое время искусство создания иллюзий, и не только зрительных, достигло совершенства. Фасаду обыкновенного здания при помощи не очень сложных ухищрений можно было придать вид Кельнского собора или мавзолея Тадж-Махал. Причем подлинник от копии нельзя отличить даже на ощупь. Со временем такие методы получили очень широкое распространение в архитектуре... А с парками и уличными насаждениями всегда существовало много проблем. Намного проще было создать их овеществленные миражи. При мне город выглядел зеленым, тенистым и благоуханным, но все это достигалось исключительно за счет ухищрений техники, творщей иллюзии. Как мне теперь кажется, иллюзией была и вся наша цивилизация.

Он умолк, и стало слышно, как собачонка, урча, грызет что-то. Выждав немного, Цыпф осторожно спросил:

— А почему, скажите, пожалуйста, вам так кажется?

— Что? — Эрикс, словно очнувшись, недоуменно глянул на него. — А-а... Это не так-то просто объяснить. И раньше человек создавал вещи, которые облегчали его жизнь. Прялки, топоры, паровозы... Без хозяина они были мертвы. Если топор ломался, не составляло труда отковать другой. Если у паровоза вдруг кончался уголь, котел можно было топить дровами.

— Точно! — обрадовался Цыпф. — Мы в Отчине именно так и делаем.

— Счастливые люди... Вещи, которые создавали в тех же целях мы, были продуктом совсем иного технологического уровня. Они даже носы нашим детям умели вытирать... Моя одежда лучше меня знала, что мне нужно. В зависимости от погоды, времени суток и многих других обстоятельств она самостоятельно меняла свой цвет, теплопроводность, фактуру и даже покррой. Каждая застежка имела свою собственную память и спешила предугадать каждое мое желание. Глянув на манжет левого рукава, я мог узнать любую новость. Манжет правого рукава позволял связаться с каждым человеком на планете или получить какую угодно открытую информацию. Моя одежда, мое рабочее место, весь мой дом были напшигованы компьютерами... Кстати, вам известно, что это такое? По-моему, первые из них появились как раз в ваше время.

— Компьютеры... М-м-м... Это, кажется, такие электронные счетные машины.

— Ладно, пусть будет так. Детали здесь особого значения не имеют. Просто в конце концов все вещи, окружавшие нас, объединились между собой в глобальную сеть и стали жить своей собственной жизнью. Сохранись подача энергии, они остались бы работоспособными и после гибели человечества... Может, в этом и нет ничего плохого, но ко времени катастрофы наше существование целиком и полностью зависело от искусственных помощников. Чем вы зажигаете огонь?

— По-разному. У кого-то есть спиртовые зажигалки. У кого-то огниво. А некоторые даже научились спички делать. Правда, пока только фосфорные.

— Вот, а теперь представьте, что в момент катастрофы в нашей стране не оказалось ни единой спички, ни одной зажигалки. — Эрикс, не открывая глаз, усмехнулся. — И никто толком не знал, как без помощи электричества добыть огонь, ведь сведения об этом содержались в памяти компьютеров.

— Так уж никто и не знал... — не поверил Цыпф.

— Увы, но-это факт... Мы не забивали себе голову лишними сведениями, ведь в любое мгновение можно было получить нужную информацию от компьютера... Лишившись машин и приборов, мы оказались совершенно беззащитными как перед стихией, так и перед врагами. То, что создавалось веками, рухнуло за несколько дней, рассеялось, как мираж. Поэтому я и называю нашу цивилизацию иллюзорной. Когда иллюзия исчезла, оказалось, что, помимо нее, почти ничего нет.

— Значит, вы уверены, что ваш мир погиб окончательно? — Цыфф почему-то перешел на шепот.

— В том виде, в каком он существовал до катастрофы, безусловно! — твердо ответил Эрикс. — Нет никакого смысла восстанавливать его. Для нормального функционирования любого из этих домов требовалось энергии больше, чем для целого вашего города. Каждая квартира имела свой лифт, свою систему кондиционирования и жизнеобеспечения. На каждом этаже был бассейн с водопадом, летний сад и еще много такого, о чем вы даже представления не имеете. Но, как выяснилось, жить под кустом или в пещере куда безопаснее. Наша земля никогда не дает урожай без удобрений, гербицидов и специальной обработки. Ни одна наша женщина не может зачать естественным путем, а мужчина — совершить половой акт без средств предохранения. Никто из нас не может достойно защитить даже самого себя. Все мы мертвецы, включая тех, кто еще жив. Недаром здесь так отвратительно пахнет...

— Но вы ведь явились сюда с вполне определенной целью. — Цыфф заерзал в своем кресле. — Объединиться с теми, кто еще, возможно, уцелел, и начать все сначала. Или я вас неправильно понял?

— Скорее всего это была ошибка... Минутная слабость... А впрочем, жалеть не о чем... Настоящий нефилим из меня все равно бы не получился... Уж лучше умереть здесь, в родных местах...

— Ну вы скажете тоже! — воскликнул Цыфф. — Да с вашим здоровьем еще сто лет прожить можно, а то и больше.

— Но только не здесь. Вы же сами слышали слова одного из агтелов о том, что нефилимы вне Эдема долго протянуть не могут. Протянуть — это значит прожить, да?

— Ну... наверное. Только стоит ли всякой брехне верить?

— Зачем ему, как вы выразились, брехать? Так это или нет, но говорил он искренне. Да я и сам чувствую, что со мной сейчас не все в порядке.

В коридоре зашаркали чьи-то шаги, и в дверном проеме появился заспанный Оська. Встретив вопрошающий взгляд Цыффа, он стеснительно потупился.

— Мне бы по-большому...

— Пойди где-нибудь там местечко, — Цыфф кивнул в сторону внутренних помещений. — Нечего на улице зря болтаться.

Оська подчинился без пререканий, и еще долго было слышно, как он натывается в темноте то на стены, то на какие-то

жестяные банки. Эрикс уже спал, болезненно оскалившись. Испарина зловещей росой покрывала его лицо.

Пес закончил копаться в куче мусора, подошел поближе к бару и уставился на Цыпфа голубыми любопытными глазами. Он определенно побывал в зоне, где принципы причинности утратили силу, и там обрел дар речи. Сейчас он собирался поболтать с человеком о преимуществах и недостатках собачьей жизни...

— Что же это ты, сучий потрох, вытворяешь? Ты почему дрыхнешь на стреме? Да тебя в параше утопить мало! — Проклятый пес пребольно дергал Цыпфа за ухо да еще и ругался при этом голосом Зяблика.

Лева принялся отмахиваться обеими руками и сразу проснулся, но еще долго не мог сообразить, где он находится и что от него хотят.

— Ты чего?.. Пусти... — Он попытался вырваться из железных лап Зяблика. — Сколько времени?

— Навалом!

— Тогда будите Толгая... Его очередь...

— Проснулись уже все давно! Только за тобой задержка!

— А что, собственно говоря, случилось? — Лева вспомнил о чувстве собственного достоинства.

— А то случилось, что проспал ты все на свете! Куда эта тварь сопливая подевалась? Где этот Иавал недоделанный?

— Оська? — Что-то такое стало Цыпфу припоминаться. — Где-то здесь, наверное... Не знаю. Он на улицу просился, так я его не пустил.

— А куда пустил?

— Туда... — Лева махнул рукой в сторону коридора, ведущего в глубь здания.

— Одного? — застонал Зяблик.

— Конечно... Как же я мог пост оставить?

— Лучше бы ты нас всех оставил... Еще в Отчине. Только убытки от тебя.

Лишь теперь до Цыпфа дошел весь ужас и позор допущенного промаха. Он вскочил и с грацией пингвина, спасающегося от опасности, устремился в темный коридор, недра которого совсем недавно проглотили проклятого Оську.

— Не рыпайся, мы уже все кругом обшмонали. — Зяблик преградил ему дорогу. — Довыступался, философ доморошен-

ный? Да ты хоть понимаешь, что загубил все дело? Под монастырь нас подвел!

— А может, позвать его? — Растерявшийся Цыпф отмочил очередную глупость. — Вы не пробовали?

— Это мы тебе поручим! — Зяблик глядел на Леву с острой ненавистью.

— Вы, братец мой, прокурора из себя не строите, — подал голос Смыков. — Вашей вины тут ничуть не меньше. Зачем было аггела с собой тащить? Давно бы истлел в Эдеме и не создавал нам никаких проблем.

— А кто нас через весь Эдем провел? Кто сюда прорваться помог? — Теперь Зяблик накинулся уже на Смыкова, и Цыпф понял, что гроза миновала, хотя гром греметь будет еще долго. — Кто обещал нас на лаборатории аггелов вывести? Я же с него всю дорогу глаз не сводил!

— Верно, — согласился Смыков. — Не сводили. Пока ясны были ваши глаза. А как залили их, так сразу и свели неизвестно куда.

— Так... — Наступила зловещая тишина. — Значит, я во всем виноват, да?

— Я этого не говорил. — Смыков помахал пальцем перед своим слегка укоротившимся носом. — Вы же не в единственном лице были. Виноват в первую очередь коллектив, но мера вины у всех разная. Максимальную можете поделить с товарищем Цыпфом пополам.

Зяблик помолчал, остывая, а потом вполне обыденным тоном сказал:

— За что я тебя, Смыков, люблю, так это за справедливость. Она у тебя еще совдеповской закваски. Что бы ни случилось, обязательно виноват коллектив, но отвечает кто-то один и всегда не тот, кому следует.

— Возможно, вы зря так беспокоитесь, — произнес бледный, не похожий сам на себя Эрикс. — В этом здании множество помещений самого разного назначения. Здесь даже бывалому человеку легко заблудиться. Кроме того, ваш пленник мог по ошибке спуститься в подвальный этаж, составляющий единое целое с общей коммуникационной системой города. А оттуда рукой подать до ближайшего энергоблока. Сами понимаете, что творится сейчас в подобных местах. Если юноша попал туда, его участи можно только посочувствовать.

— Нет, такие, как он, нигде не пропадут, — покачал головой Зяблик. — Этот гаденыш из любого положения вывернется. Чует мое сердце, мы с ним еще встретимся.

— Шом! — крикнул Толгай, наблюдавший за улицей. — Тревога! Дошманы... Много... Сюда идут...

— Ну вот и дождались, — печально вздохнула Верка. — Хорошо хоть успела всякой вкуснятины попробовать. Теперь и умирать не так тоскливо...

Слева и справа, на расстоянии, превышающем дальность прицельного выстрела, улица уже была перегорожена цепями аггелов. Штурмовая группа, заранее не рассчитывая на внезапность, соорудала для себя передвижное прикрытие — молодцы в черных колпаках навешивали на какую-то колесную раму металлические листы, до этого украшавшие фасад расположенного поблизости здания.

— Запасный выход здесь есть? — спросил Смыков у Эрика. Тот только пожал плечами, но за него ответил Зяблик:

— Ясно, что есть! Как бы иначе этот сучонок отсюда свалил... В такой громадине выходов десять может быть, если не больше. Да только ты на них особо не рассчитывай. Аггелы выходы в первую очередь перекрыли.

Как бы в подтверждение этих слов наверху остервенело загалдели вороны и вниз посыпался всякий мусор.

— На карниз залезли... — прокомментировала Верка.

Аггелы между тем закончили сооружение осадной машины и медленно покатали ее к тому месту, где находилась ватага. По подсчетам Смыкова, за металлическим щитом укрывалось не менее двадцати бойцов. Еще примерно столько же двигалось толпой на некотором удалении, готовые прийти на помощь товарищам в тот момент, когда те ворвутся в глубь здания и обстрел улицы станет невозможен. Аггелы учили все свои прошлые ошибки и не хотели больше нести бессмысленные потери.

— Давайте хоть переговоры организуем, — предложил Смыков. — Время как-то потянем.

— Валяй, — разрешил Зяблик.

— Эй, граждане рогатые! — Смыков сложил ладони рупором. — Предлагаю заключить перемирие! Для обсуждения его условий прошу выслать вашего представителя!

Щит продолжал медленно ползти по улице, и никто из скрывавшихся за ним аггелов не отозвался. Зяблик, эксперимента ради, выстрелил в щит, и все получили возможность слышать характерный звук рикошетиющей пули.

— Нет, кореша, против такой шоблы нам не устоять, —

сказал Зяблик. — Надо смотреть фактам в харю... Ну уложим мы их с десяток, а что дальше? На этом наши подвиги и закончатся.

— Что вы, братец мой, предлагаете?

— Смываться.

— Куда? Обложили нас со всех сторон! На прорыв надо идти! — выдвинул свое контрпредложение Смыков.

— С бабами? С Левкой? Окстись, дорогой. Нам и полсотни шагов сделать не дадут... А куда отступать, уже известно. Верно я говорю, шеф? — Зяблик подмигнул Эриксу.

— Я понял, куда вы клоните, — кивнул нефилим. — Мысль о том, что от аггелов можно уйти подземными коммуникациями, напрашивается сама собой. Поверьте, если бы такое мероприятие было легко осуществимо, я бы давно предложил его сам.

— Неужто там страх такой? — спросил Зяблик с сомнением.

— Я вновь позволю себе воспользоваться сравнением. Примеры эмоционального характера зачастую бывают более убедительными. Представим, что мы сейчас олени, спасающиеся от волков. Тогда подземелье, в которое вы предлагаете спуститься, можно уподобить пасти гигантского дракона. Да, возможно, он сыт в этот момент. Возможно, крепко спит. Но кто это может знать заранее?

— А волки полезут вслед за оленями в эту пасть?

— Трудно сказать. Слишком много своих они уже потеряли там. Но азарт охоты зачастую побеждает осторожность.

— Но все же шанс у нас есть?

— Вопрос весьма любопытный. В зоне нарушения принципа причинности в один из моментов у вас нет никаких шансов на спасение, а в следующий — их даже не сто, а двести. На этот мир не распространяются привычные законы бытия. Тут даже смерть еще не означает настоящую смерть, а внешние признаки жизни не есть ее доказательство.

— Мудрено, шеф, выражаешься. — Зяблик еще раз, уже с более близкого расстояния выстрелил в щит, и пуля, лязгнув по металлу, ушла куда-то в сторону. — То шансы есть, то шансов нет... Ну а здесь нам что светит?

— Абсолютно ничего.

— Догадливый! Мы тебя с собой, конечно, не зовем. Сам своей судьбой распоряжайся. Но в подвал ты нас проводи. Сделаешь?

— Я предпочитаю погибнуть от какой-нибудь экзотической причины, чем от грязных рук этих выроdkов. — Впервые

в речи Эрикса проскользнуло грубое слово. — Поэтому я, естественно, остаюсь с вами.

Щит был в полусотне метров от бара, и сюда доносилась даже перебранка аггелов, толкающих его. Кучи мусора очень мешали им, и, чтобы преодолеть очередную, приходилось раз за разом идти на таран. Обе цепи уже стронулись с места и медленно стягивали кольцо окружения. В окне расположенного напротив дома мелькнула голова в черном колпаке, и Зяблик не удержался — выстрелил.

— Отходим без паники, в полном порядке, — распорядился для проформы Смыков. — Направляющим товарищ Эрикс. Замыкающим я.

Сначала пришлось идти совершенно темными коридорами, в которых успели пошуровать воинственные дикари из Гиблой Дыры, а потом, возможно, и аггелы. Под ноги все время что-то попадало — то исковерканное железо, о которое можно было запросто исцарапаться, то — еще хуже — нечто мягкое, осклизлое, вонючее, прилипающее к подошвам.

— А все же неплохо, когда всякая гадость быстренько истекает, — сказала Верка, вляпавшаяся в одну такую кучу, вдобавок еще и противно захрустевшую под ее ногой. — Я бы сейчас, кажется, с удовольствием в Эдем вернулась.

За очередным поворотом сразу посветлело — здесь под самым потолком тянулся ряд квадратных отдушин, ныне облюбованных воронами для своего постоянного двора. Затем ватага пересекла зал, вполне бы сгодившийся для коронации какого-нибудь не слишком привередливого монарха. Все здесь, от капителей колонн до плит пола, было как будто бы из мрамора — красного, черного, белого, — но при ударе этот материал отзывался глухим деревянным звуком. Тут тоже имела место иллюзия, хотя и куда более долговечная, чем свет или силовые поля. В сравнительно сохранном состоянии находились только потолок, стены и колонны. Все остальное, включая роскошную мебель, громадные напольные вазы, гобелены и даже оконные рамы, было превращено в черепки, щепу и ветошь.

— Странно как-то. — Верка оглянулась по сторонам. — Я попала в город будущего, а впечатление такое, что это Средневековье. На Эрмитаж похоже...

— Одно время была такая мода в архитектуре, — сказал Эрикс. — Подражание барокко... Впрочем, в этом городе вы можете найти все что угодно. И классику, и готику, и конструктивизм. Стиль зависел только от вкусов заказчика.

— И вообще как-то архаично... Даже телевизоров нет.

— Телевизоров? — переспросил Эрикс.

— Ага. Коробки такие, — Верка изобразила руками квадрат. — Изображения передавали. Кино, музыка, новости разные...

— Я понял. Здесь экраном могла служить любая стена, любая более или менее ровная поверхность, даже оконная штора.

Опять потянулись коридоры, такие широкие, что по ним могли ездить грузовые машины. Вскоре резные панели, роскошные светильники и мозаика на полу исчезли. Их сменил уже привычный по зданию казино голый грубый бетон. Налево и направо уходили узкие туннели, отмеченные римскими цифрами.

Наконец Эрикс остановился у люка столь широкого, что сквозь него можно было спустить вниз даже бегемота. Огромная крышка, сорванная с хитроумных запоров, лежала в стороне. Сквозняк шевелил торчащие из нее пучки тончайших проводов.

— Узнаете? — Зяблик кивнул на крышку. — Как кому, а мне эта штука по гроб жизни запомнится.

— Точно! — ахнула Верка. — Сковорода аггельская!

— Теперь понятно, откуда у аггелов снабжение идет. — Зяблик сплюнул. — А мы-то головы ломали...

— Ну вот и пришли, — сказал Эрикс, заглянув вниз. — Сейчас там светло. Хорошая примета.

— А там и темно бывает? — испугалась Лилечка.

— Там по-всякому бывает, — загадочно ответил Эрикс.

— Присядем для порядка, — предложила Верка. — Как-никак, к черту на рога отправляемся.

— А вдруг аггелы не пойдут сюда вслед за нами... Побоятся. — В голосе Лилечки прозвучала надежда.

(Она уже успела заглянуть в люк и сразу потеряла охоту лезть туда. В подземелье действительно было светло, вот только свет какой-то неживой, зловещий, похожий на отблеск сотен погребальных свечей.)

— Хорошо бы... — сказал уже немного оправившийся после своего промаха Цыпф. — Да только в мире с нормальными причинно-следственными связями, в котором мы еще пока находимся, так не бывает... Все плохое, что может случиться, обязательно случится. Сама послушай...

Действительно, в той части здания, которую они уже покинули, раздавался топот многих ног и шум повального обы-

ска. Чтобы опять не опростоволоситься, аггелы проверяли каждую шель, каждый закуток, каждое место, в котором мог затаиться человек. Подозрительные звуки слышались и впереди, и даже наверху. Ничем не примечательное здание осматривалось не менее тщательно, чем готовящийся к запуску космический корабль.

— Ну ладно! — Зяблик хлопнул себя по коленям. — Сколько здесь ни сиди, а ничего толкового не высидишь. Надо вниз хилить.

Чуть пониже люка висел лифт — металлическая площадка с поручнями. С него можно было или просто прыгнуть на пол подземелья, как это сделали Зяблик и Толгай, или спуститься по решетчатому ограждению лифтовой шахты, как поступили остальные.

Ватага оказалась в просторном помещении, являвшемся как бы перекрестком двух уходящих в разные стороны туннелей. По стенам тянулись трубы всех цветов и диаметров. В некоторых что-то журчало. Если бы не толстый слой пыли, покрывавший все вокруг, подземелье можно было бы считать образцом чистоты. Да и пыль при ближайшем рассмотрении оказалась какой-то странной. На ощупь она была колючей, как металлические опилки, а под ногами скрипела, как свежавывавший снег.

Воздух здесь, правда, был затхлый, как в сундуке, где долгие годы хранились бабушкины тряпки. Ни одна из ламп, в шахматном порядке подвешенных под потолком, не горела, и оставалось загадкой, откуда в подземелье поступает свет. Скоро, впрочем, стало ясно, что это холодное, синеватое сияние наполняет собой все вокруг, как облака фосфоресцирующих микроорганизмов наполняют океанские глубины. Сияние то тускло, то вновь разгоралось до максимума.

— Это скорее всего не опасно, — сказал Эрикс, заметив тревогу на лицах своих спутников. — Когда вы выйдете отсюда... — он слегка поперхнулся, — то сами будете светиться еще несколько часов.

— Куда пойдем? — Смыков по-хозяйски огляделся.

— Не имеет значения, — ответил Эрике. — Главное, уйти подальше от этого места. Но лучше, если мы пойдем в сторону энергоблока. Уж туда-то аггелы точно не сунутся. А потом, если все сложится удачно, повернем на север или на запад.

— Инструктаж какой-нибудь будет? Что здесь можно, чего нельзя...

— Нельзя поддаваться панике. Что бы ни случилось, луч-

ше оставаться на месте, чем бежать сломя голову... Ну а там как повезет.

Кристаллическая пыль закрипела под ботинками, и ватага, вытянувшись цепочкой, двинулась вслед за Эриком в тот туннель, на стенах которого все надписи и указатели имели малиновый цвет. Очень скоро выяснилось, что здесь не так уж и пусто, как это показалось вначале. На полу просматривались многочисленные, хотя и малоразборчивые следы, по трубам шныряли крысы, в тупиках и нишах раздавались подозрительные шорохи.

Кто-то тронул Цыпфа за плечо, и он от неожиданности едва не подпрыгнул (что ни говори, а ожидание неведомой опасности действует на нервы не самым благоприятным образом).

— Тс-с! — У шагнувшего в арьергарде Смыкова лицо было похоже на перекосившуюся погребальную маску. Указательный палец левой руки он прижимал к губам, а большим пальцем правой тыкал себе за спину.

Цыпф глянул туда сначала раз, потом другой, а по-настоящему ужаснулся лишь на третий. Вслед за Смыковым шагали цепочкой еще семь человек — Эрикс, Толгай, Зяблик, Верка, Лилечка, еще один Цыпф и еще один Смыков, причем двое последних с растерянным видом оглядывались, точно так же, как это делали их реальные двойники.

Помня советы Эрикса, Цыпф усталился в спину настоящей Лилечки и больше не реагировал на тычки Смыкова. Чтобы пересилить зудящий, как язва, страх, он заставил себя заняться наглядной оценкой стáтей своей подруги. За последнее время Лилечка заметно постройнела, даже талию приобрела, но ее зад, туго обтянутый камуфляжной тканью трофейных брюк, выглядел по-прежнему пикантно.

Лева так увлекся этим успокаивающим душу (но отнюдь не плоть) занятием, что не расслышал команду остановиться и на манер петуха налетел сзади на Лилечку, за что получил от нее легкий удар локтем.

Ватага остановилась у места пересечения с другим туннелем, имевшим черные указатели, и Эрикс, предостерегающе раскинув руки, смотрел куда-то влево. Тут Цыпф ощутил, что пол подземелья едва заметно вздрагивает, словно по нему ритмично колотят чугунной бабой.

Из поперечного туннеля выплыло мерцающее облако, заметно более яркое, чем наполнявший подземелье свет, и медленно проследовало мимо Эрикса. За ним столь же медленно протопали босые человеческие ноги, видные от подошв до се-

редины голени. Картина была предельно реальная — на слегка оттопыренном кверху большом пальце желтел тронутый грибком ноготь, пятки сплошь покрывали ороговевшие мозоли, а кожу — рыжий густой волос. Только ноготь этот был величиной с добрую сковороду, пятка могла раздавить бычка, а каждый волосок толщиной превосходил спичку.

Едва только великанские ноги скрылись, Эрикс знаком показал, что путь свободен.

Пересекая поперечный туннель, Цыпф во все глаза таращился на его своды, но ничего из ряда вон выходящего не заметил — та же пыль, те же погасшие светильники, что и везде. Оставалось предположить, что эти ноги были всего лишь миражом. Но откуда тогда взялись на полу огромные косолапые следы? И что это были за толчки, до сих пор продолжавшие сотрясать подземелье?

Цыпф украдкой оглянулся назад и с облегчением увидел, что процессия двойников исчезла. Всех их заменила одна-единственная птица, видом похожая на цыпленка, но размерами приближающаяся к страусу. Время от времени она пыталась клюнуть Смыкова в затылок, и тот ожесточенно отмахивался.

Встретившись взглядом с Цыпфом, игривый цыпленок сразу смешался, повернул в сторону и нырнул в стену, будто та состояла не из бетона, а из дыма или водяных струй.

Следующую остановку Эрикс сделал возле высохшего трупа, сидевшего в позе попрошайки у стены. Он весь зарос пылью, пострадал от крыс, и сейчас невозможно было разобрать, кем он был при жизни — аггелом, будетлянином, гиблодырцем или еще кем-то. Когда ватага снова тронулась в путь, Цыпфу померещилось, что мертвец, у которого на лице сохранились только зубы, носовые хрящи да серые лохмотья кожи, пытается ухватить его за штанину.

Поклявшись самому себе не смотреть больше ни по сторонам, ни назад, Цыпф вновь возвратился к созерцанию мерно подрагивающих при каждом шаге Лилечкиных ягодич.

От этого увлекательного зрелища его отвлек выстрел, в ограниченном пространстве туннеля треснувший особенно гулко. Помимо воли Цыпф поднял глаза и увидел, что дорогу им загораживает внушительных размеров живое существо, не имеющее явных признаков глаз, рта и конечностей. Нежный желтоватый пушок, сплошь покрывавший шкуру, делал его похожим на гигантский персик. Пистолетные пули ничуть не тревожили этого флегматика, да и неудивительно: для него,

наверно, они были тем же самым, чем для слона является утиная дробь.

Выглядело существо совершенно безобидно, к тому же слева от него оставался проход, по которому вполне мог протиснуться человек, но Эрикс почему-то не спешил воспользоваться этой возможностью.

Продолжая коситься на диковинное создание, он присел на корточки и отер пот с лица, уже даже не бледного, а синеватого. Всем было понятно, что их проводник занемог, но справиться о его здоровье или хотя бы посочувствовать ни у кого почему-то язык не поворачивался.

— Надо доставить сюда того мертвеца. — Эту недлинную фразу Эрикс выдал с явным усилием, в несколько приемов.

— Товарищи Цыпф и Толгай! — по-фельдфебельски выпучился Смыков. — Выполняйте приказание!

Лева на этот демарш отозвался так:

— Я, в принципе, конечно, не против. Но тогда у вас будет сразу два трупа. Тот, о котором идет речь, и мой собственный.

— В таком случае отставить! — Здравый смысл редко покидал Смыкова, и он сразу понял, что Лева не лукавит. — Я сам схожу.

Отсутствовали они куда дольше, чем ожидалось, и вернулись обескураженные, что было заметно даже по физиономии Толгая, обычно невозмутимой, как лик бога войны Сульдэ.

— Нет его там! — Для большей убедительности Смыков развел руками. — Мы аж до того самого места дошли, где волосатые ноги топали.

— Что же, он ушел, по-твоему? — недоверчиво переспросил Зяблик.

— Вы у меня спрашиваете? — внезапно рассвирепел Смыков. — Может, и ушел! Если не верите, сходите и посмотрите! На месте-то стоя, хорошо трепаться!.. Кстати, там какой-то гомон в туннеле слышен. Чует моя душа, что это аггелы по нашему следу идут.

— Самоубийцы они, что ли, — хмыкнул Зяблик.

— Вернемся немного назад и поищем обходной путь, — сказал Эрикс, с натугой вставая.

— А если рискнуть? Сами взгляните, какая мирная тварь. Лежит себе и еле дышит. — Похоже, что возвращения назад Смыков боялся даже больше, чем пути в неизвестность.

— Здесь рисковать нельзя, — только и ответил Эрикс.

Зато Зяблик не пожалел для друга теплых слов:

— Сам подумай, чудо гороховое, ради какой нужды эта га-

дина тут развалилась. Жрать-то ей что-то надо! А травка, сам видишь, вокруг не произрастает. Другими продуктами она питается. Такими лопухами, как ты!

Несмотря на горячие, но малоаргументированные возражения Смыкова, ватага двинулась назад. Новый сюрприз настиг их уже через сотню шагов. Лилечка вдруг завизжала, выставив перед собой руки с растопыренными пальцами.

— Ой, мамочки! — причитала она. — Смотрите, смотрите! Почернели!

Ее нежная кожа и в самом деле темнела с катастрофической быстротой. Сначала она приобрела цвет густого загара, потом — кофе с молоком и наконец сапожной ваксы. Нельзя сказать, что Лилечка от этого подурнела, но, во всяком случае, вид приобрела диковатый.

Впрочем, ее участь разделили и все остальные члены ватаги, однако неудовольствие высказал один только Смыков, имевший опыт общения с негроидной расой и по этой причине тайно придерживающийся расистских убеждений.

— А вот это уже форменное издевательство! — заявил он неизвестно в чей адрес. — Как я в таком виде домой вернусь? Меня там дядей Томом будут дразнить!

— Лучше быть черным, но живым, чем белым и мертвым! — с пафосом произнесла Верка, которой благоприобретенная смуглявость очень шла, особенно в сочетании со светлыми волосами.

Лилечку удалось утихомирить только угрозой бросить ее в подземелье одну. Восстановив порядок, снова тронулись в путь, но драгоценное время было уже потеряно. Впереди действительно слышались топот аггелов и голоса их командиров.

Поперечный туннель, к которому так стремились беглецы, уже раскрыл перед ними свой зев, расписанный зелеными надписями (все буквы узнавались, все слова читались, но смысл — даже примерный — безнадежно ускользал), когда из-за поворота вывернули трое аггелов, скорее всего передовой дозор.

Обоюдную растерянность первыми преодолели наши герои, да и неудивительно — аггелы никак не ожидали, что столкнутся с ними нос к носу, а кроме того, черные рожи могли ввести в заблуждение кого угодно.

На какое-то время оба отряда смешались. Так уж получилось, что первыми в схватку пришлось вступить не заправским бойцам вроде Зяблика или Толгая, а тем, кто изначально считался в ватаге обузой.

Лилечка, буквально налетев на мрачного типа, у которого

из ноздрей так густо торчал волос, что казалось, будто бы он носит усы щеточкой, немедленно вцепилась зубами в его руку, сжимавшую пистолет, на ее счастье, не поставленный на боевой взвод. Аггел, конечно, мог одним ударом свободной руки отшвырнуть девушку куда подальше, но ему было не до этого — напавшая с другой стороны Верка, используя с детства любимый прием, пустила в ход свои успевшие изрядно отрасти ногти.

В дозор аггелы скорее всего выслали тех, кто не представлял для них особой ценности, иначе чем еще можно было объяснить тот факт, что перед Левой Цыпфом оказался мозглявый паренек, косой, как Соловей-разбойник, который, как известно, одним глазом смотрел на Киев, а другим на Чернигов. Это была битва равных по силе противников. И тот и другой напрочь забыли про огнестрельное оружие. Лева нанес удар первым и промахнулся. Аггел ответил тем же: тоже ударил и тоже не попал. Затем они обнялись, как друзья, много лет не видевшие друг друга, и рухнули на пол.

Пока третий аггел решал, кому из собратьев прийти на помощь в первую очередь, перед ним возникло жуткое зрелище — негр с рожей татарина, да еще и вежливо разговаривающий по-русски.

— Получите, пжалста! — сказал Толгай, замахиваясь саблей, и это были последние слова, которые услышал в своей жизни нерасторопный аггел.

Он оказался единственной жертвой стычки. Двум остальным Зяблик и Смыков уже заламывали руки, причем одинаковыми милицейскими приемчиками. Цыпф, чудом не лишившийся в потасовке единственных очков, успокаивал Лилечку, до крови прокусившую запястье аггела и по этой причине боявшуюся отравления. Верка со всех сторон рассматривала свою правую руку и ругалась, используя полузабытые медицинские термины:

— Ах ты грыжа паховая! Ах ты шишка геморройная! Я из-за тебя самый любимый ноготок сломала!

Дело закончилось без выстрелов, и это давало возможность на некоторое время оттянуть встречу с преследователями, пока еще ничего не заподозрившими. Оставалось неясным, как поступить с двумя пленниками и одним трупом, оставлять который на месте было никак нельзя.

Тут Смыкову, давно раскусившему планы Эрикаса, касавшиеся загадочно исчезнувшего мертвеца, пришла в голову одна идея, если и не гениальная, то по крайней мере оригиналь-

ная. Однако суть ее он до поры до времени решил не раскрывать.

— Все, возвращаемся! — заторопился Смыков. — Покойника берем с собой. Если та тварь вздумает кусаться, будет чем ей пасть заткнуть. А ну, граждане рогатые, хватайте своего товарища! Только аккуратней, чтобы крови не осталось.

Гоня перед собой пленных, ташивших труп, ватага вновь достигла того места, где лежало загадочное шарообразное существо. За время их отсутствия ничего здесь не изменилось.

Не давая никому опомниться, Смыков со словами: «Свободен, братец!» — толкнул вперед косоглазого аггела. Тот, как дурачок, поверил ему и ринулся в узкий проход между стеной туннеля и округлым бархатистым боком неведомой твари.

Как только человек оказался в непосредственной близости от этого гигантского колобка, плоть чудовища резко дрогнула и развалилась на две половины, словно вспоротая взмахом бритвы соответствующего размера. Из образовавшейся горизонтальной щели выпал ком чего-то безобразного, похожего на тонкие и бледные спутанные кишки. Ком этот стал на глазах разбухать, а когда размером почти сравнялся с существом, извергнувшим его, — стремительно развернулся сотней длинных щупалец-шпаг.

Аггел, насквозь пронзенный сразу во многих местах, совершил замысловатый кульбит и исчез в чреве чудовища. Вслед за ним втянулись внутрь и оставшиеся не у дел щупальца. В наступившей тишине хорошо было слышно легкое похрустывание, похожее на то, что издает ручная мельница-крупурушка, в которую засыпали очередную порцию зерна.

— Теперь вы, гражданин хороший. — Смыков ткнул второго аггела пистолетом между лопаток. — Сами понимаете, что этой твори без разницы, каким вас жрать, живым или мертвым. Не лучше ли проверить свою удачу? А вдруг чудище уже, так сказать, удовлетворено.

— Смыков, что ты делаешь! — ахнула Верка.

— Может, вы сами, мадам, желаете? — Смыков скосил на нее один глаз. — Тогда прошу!

Видя, что насмерть перепуганный аггел все еще колеблется, он пинком ноги придал ему необходимое начальное ускорение. Предыдущая душераздирающая сцена повторилась в тех же деталях и в той же последовательности. Разница была лишь в том, что новая жертва нырнула в чрево чудовища не головой, а ногами вперед и до самого последнего момента продолжала вопить и тянуться руками к своим врагам. Когда хруст

перемалываемых костей затих, Зяблик (единственный, кто в этот момент не лишился дара речи) рассудительно сказал:

— Вот будет фокус, если эта стерва и третьим не подавится... Давай, Смыков... Уж если ты что-то начал, надо доводить до конца.

Вдвоем они раскачали труп зарубленного аггела и зашвырнули его прямо под бок безглазого людоеда. Громадный шар снова развалился на два полушария, снова наружу полезла перепутанная масса хватательных органов, но происходило все это гораздо медленнее, чем в прошлый раз, да и до трапезы дело не дошло — несколько раз вяло пихнув труп, щупальца втянулись обратно.

— Повезло мужику, — констатировал Зяблик. — Авось потом и оживет. Там, где причины и следствия меняются местами, и не такое может случиться.

— Есть основания полагать, что путь свободен, — тяжело дыша, произнес Эрикс. — Советую вам поторопиться.

— А вдруг это такой гурман, что дохлятине предпочитает свеженину? — засомневалась Верка.

— Ну что вы в самом деле! — не выдержал Смыков. — Ждете, пока эта тварь опять проголодается?

С криком «За мной!» он бросился вперед. Все ахнули от неожиданности, но Смыков беспрепятственно проскочил мимо подземного хищника и уже махал руками с той стороны.

Ватага толпой помчалась вслед за ним, а Лилечка даже задела рукой мягкий и теплый бок чудовища. Буквально через сотню шагов туннель раздваивался, и они повернули налево, хотя все стрелки на стенах указывали в противоположную сторону. Воздух вокруг светился и струился, как волшебная река. Стены, словно живые, сближались и вновь расходились. Иногда они становились прозрачными, и подземелье превращалось то в дремучий лес, то в подобие морского дна.

— Мы совсем рядом с энергоблоком. — Хотя Эрикс напрягал голосовые связки, смысл его слов угадывался скорее по движению губ. — Пора сворачивать в сторону... Осталось продержаться совсем немного, и основная опасность минует...

— Моргалы протри! — зарычал в ответ Зяблик. — Куда ты теперь повернешь? Кранты нам! Гроб с музыкой.

Что-то желтое, полупрозрачное, как вечерние сумерки, и в то же время ошутимо-материальное медленно накатывалось справа, словно сахар, растворяя в себе бетон, стальную арматуру и сеть трубопроводов. Вместо потолка над головой теперь было что-то вроде мутной воды, странным образом не

проливающейся вниз. Неясные изломанные силуэты скользили там. Стало трудно дышать. Неизвестно откуда посыпались мохнатые двуногие твари величиной с кошку. Тревожно попискивая, они расползались во все стороны, путаясь в ногах и, как репей, цепляясь за брюки.

Место, где сейчас находилась ватага, уже нельзя было назвать туннелем. Его вообще нельзя было никак назвать. Все превратилось в тягучий сироп, и люди барахтались в нем, как мухи. Каждое движение давалось с величайшим напряжением. Все звуки, за исключением назойливого монотонного гудения, пропали. Исчезли также понятия верха и низа. И все же в этой странной среде ощущалось какое-то неуклонное круговое движение, засасывающее внутрь, как водоворот. Люди могли видеть друг друга и неясные очертания скользящих мимо предметов — не то лишенных листы древесных стволов, не то изуродованных трупов каких-то глубоководных существ.

Ни с того ни с сего Лева Цыпф вдруг вспомнил, что нечто подобное он уже испытал однажды, когда, завершив совместно с Зябликом и Смыковым распятие знаменитого «влазного», вдруг ощутил себя бестелесной частицей мироздания, плывущей по волнам эфира неизвестно куда и зачем.

Потом Цыпфу показалось, что за ним кто-то внимательно наблюдает. Он даже мог поклясться, что видит сквозь толщу желтого сиропа две пары человеческих глаз. Глаза были, безусловно, детские, наивные и любопытные одновременно — но такие огромные, что сам он отражался в них темной точкой, крохотной, как маковое зернышко. Еще в этих глазах отражались небо и город, видный издалека и как бы под косым углом.

А затем словно какая плотина прорвалась — по барабанным перепонкам ударила лавина звуков, засвистел обжигающе-холодный ветер, все вокруг задвигалось и замелькало в бешеном темпе. Желтый сироп стремительно истаял, и сквозь него вновь проступили бетонные стены, все указатели на которых немો взывали к человеческому благоразумию: «Запрещено! Опасно для жизни! В этом направлении двигаться нельзя! Осторожно!»

Потом они бежали куда-то. Мальчик лет восьми тащил Эрикса за руку, а удивительно похожая на него девочка того же возраста — видимо, двойняшка — подгоняла отстающих. То, что творилось сейчас в туннеле, можно было назвать бедламом в преисподней. Обгоняя друг друга, бежали люди, бежали призраки, бежали мертвецы (их поникшие головы при

этом жутко мотались из стороны в сторону), бежали звери, почти ничем не отличимые от привычных собак, кабанов и дикобразов, и бежали звери, на земле никогда не жившие. Бежали даже те, у кого не было ног. В толпе мелькнула плутоватая рожа предателя Оськи и косоглазая физиономия аггела, которого совсем недавно сожрал подземный людоед.

Как только туннель разветвлялся или пересекался с другим туннелем, они поворачивали — и каждый раз налево. Горбатый циклоп необыкновенно мерзкого вида увязался было за ними, но девочка, швырнув горсть пыли, легко отогнала его прочь. Скоро Цыпф заметил, что бетонный потолок больше не нависает над их головами наподобие сводов могильного склепа. Привычное серое небо в оправе из прихотливых узоров небесного невода как-то незаметно сменило его. Исчезло и сияние, сопровождавшее их на протяжении всего пути по подземелью. Лишь волосы и кончики пальцев людей продолжали светиться, как рангоуты парусных кораблей, обьятых огнями святого Эльма.

Никто из членов ватаги заметно не пострадал, лишь у Цыпфа наливалась на лбу фиолетовая шишка, заработанная еще в схватке с дозором аггелов, да прихрамывал Зяблик, сбивший чересчур тесными башмаками свои многострадальные ноги. Даже их кожа вновь приобрела свой первоначальный цвет, о чем очень сожалела Верка, мечтавшая заделаться мулаткой.

Нагромождение высотных зданий осталось где-то в стороне, а они оказались на ровной, одетой в бетон площадке, похожей на аэродром.

Близнецы куда-то пропали, и никто не мог припомнить, где и когда это случилось. Предположение, что они тоже могли быть призраками, сразу отпало — те, кому довелось заглянуть в глаза детей, поверить в такое не хотели.

Глубокие трещины, пересекавшие площадку во всех направлениях, позволяли убедиться, что под бетонным панцирем скрывается еще один город со своими площадями, улицами, магазинами, ресторанами и танцевальными залами.

Выбравшись на открытое место, соответствовавшее, видимо, его представлениям о безопасности, Эрикс сразу прилег прямо на голый бетон. Дышал нефилим тяжело, со свистом. Верка дотронулась рукой до его лба и участливо спросила:

— Что с тобой, миленький? Захворал?

— Бдолаха бы ему дать, — вздохнул Зяблик. — Да где его тут отыщешь...

— Вряд ли существует лекарство, способное помочь мне, — слабо улыбнулся Эрикс. — Разве рыбе, выброшенной на берег, поможет лекарство? Такие, как я, могут существовать только в Эдеме.

— Так, может, вам туда вернуться? — не очень уверенно предложил Цыпф.

— Поздно. — Эрикс покачал головой. — Но именно этого я и хотел в глубине души... Увидеть родину и умереть... Так спокойно, как сейчас, мне давно не было...

— Ага, — буркнул Зяблик. — Родная деревенька, говорят, краше Москвы... Шеф, вопрос задать можно?

— Пожалуйста.

— Про то, что в подземелье случилось, даже вспоминать не хочется. Кошмар — он и есть кошмар. Плунуть и забыть, если получится... Но ты мне объясни, откуда там эти пацанята взялись. Если бы не они, нам бы сейчас тут не сидеть.

— Это новое поколение... Наши наследники... Они родились здесь...

Теперь пришла очередь удивляться Верке.

— Как же они могли здесь родиться? Сам же говорил, что ваши женщины способны зачать только искусственным путем.

— Мы с вами постоянно путаем термины... Ни одна женщина по своей воле никогда бы не решилась зачать другим путем, кроме искусственного... Но ведь варвары, захватившие нашу страну, их мнением не интересовались. Еще хорошо, если насилие не сопровождалось вспарыванием животов и отрезанием грудей... Дети, родившиеся после катастрофы, были зачаты не в любви, а в бесчестье. Своих матерей они потеряли в раннем детстве, а отцов никогда не знали.

— Но в общем-то эти детки не похожи на беззащитных сироток, — заметила Лилечка.

— Они полукровки с совершенно непредсказуемой наследственностью. Влияние сил Кирквуда они ощутили еще в чреве матери. Детство их прошло в подземельях, которые вы имели счастье совсем недавно посетить. Ни один человек на свете не решился бы притронуться к тому, что заменяло этим детям игрушки. Уже один тот факт, что они сумели выжить здесь, говорит о многом... Несомненно, они что-то утратили, но приобрели гораздо больше. Кроме того, обратите внимание на их внешний облик. По виду это сушие дети, хотя им давно пора вступить в пору возмужания. Чем выше уровень развития живых существ, тем дольше длится у них детский возраст.

— Ангелы им по крайней мере не страшны? — уточнил Цыпф.

— Пока их пути практически не пересекались... А что будет потом, покажет время. Захотят ли они стать хозяевами того, что осталось? Или создадут свою собственную цивилизацию? Трудно сказать... Но эта страна еще испытает не одно потрясение.

— Дай Бог, чтобы эти потрясения не коснулись других стран, — вздохнул Цыпф.

— А теперь поговорим о вещах, непосредственно касающихся нас, — после краткого молчания продолжил Эрикс. — Хочу сразу предупредить, что разговор будет серьезный. А поскольку у меня нет ни сил, ни желания спорить со всеми вами сразу, попрошу выбрать одного-единственного представителя, способного выражать общее мнение.

— Думаешь, это так просто, миленький? — Верка на правах платонической подруги не стеснялась постоянно перечить ему. — У одного кругозор узкий, у другого чересчур широкий. Третий молчун. Четвертый болтун... Вот и получается, что все мы друг друга дополняем.

— Нет ничего плохого в том, что все вы составляете как бы коллективный разум. Но лучше, если у него будет только один язык. А как будет формироваться высказываемое им мнение, меня не волнует.

— Верка, попробуй сама... — предложил Зяблик. — Только не зарывайся. А если что, мы тебя поправим...

— Ладно, — сразу согласилась Верка. — Поправлять вы меня поправляйте, но только, чур, не языком, а мимикой... Подмигивайте, головой кивайте... Ну и так далее... Говори, миленький, что ты хотел...

— Было бы ошибкой полагать, что аггелы оставили нас в покое, — медленно заговорил Эрикс. — Охота будет продолжаться, и боюсь, что рано или поздно нам грозит новое столкновение с ними...

— Может, ты и прав, — кивнула Верка.

— Пробираясь к границе подземельями вы вряд ли согласитесь...

— Боже упаси!

— С другой стороны, было бы весьма неплохо, если бы вы нанесли аггелам серьезное поражение.

— Оно-то, конечно, неплохо, но силенок у нас маловато, сам знаешь.

— Не забывайте и про то, что вы хотели запастись здесь бдолахом. А его без боя не возьмешь.

— Миленький, ты прямо скажи, куда клонишь. Хочешь, чтобы мы напали на аггелов?

— Да... Даже если вы не сможете очистить от них мою родину, то хорошенько припугнете... Не хочу, чтобы они оскверняли этот мир... Конечно, я понимаю, что исходя из ваших нынешних возможностей эта акция выглядит самоубийственной. Но расстановка сил сразу изменится, если вы будете располагать оружием, по мощи превосходящим все то, что имели люди в ваше время.

Зяблик едва не ляпнул что-то, но Верка вовремя показала ему кулак.

— Миленький, ты про оружие подробнее расскажи, — попросила она.

— Оно проецирует на цель кирквудовское пространство, в котором, как вам это уже известно, нарушен принцип причинности.

— И обыкновенный аггел превратится в Змея Горыныча?

— Маловероятно... В девяноста девяти случаях из ста действие будет иметь негативный характер.

Зяблик скорчил жуткую рожу и широко раскинул руки, словно пытаясь обнять что-то необъятное. Покосившись на него, Верка спросила:

— А как насчет мощности?

— Это будет зависеть исключительно от вашей воли. При желании, например, вы смогли бы разрушить вон те кварталы одним выстрелом, — он указал в сторону нагромождения высотных зданий.

— Что же вы таким замечательным оружием от дикарей не отбились?

— Я ведь уже много раз говорил, что сами мы не в состоянии убивать. Нас должны были защищать специальные боевые машины, но все они вышли из строя уже в первые часы после катастрофы.

— Не повезло вам, бедолагам... — Верка снова покосилась на Зяблика, изображавшего, как он с натугой толкает что-то перед собой. — Размер-то у этой штуки какой? Тяжелая она?

— Один человек вполне управится.

— Понятно... — Верка обвела своих спутников вопросительным взглядом.

Зяблик показал ей большой палец. Смыков и Цыпф кивнули. Толгай, почти ничего не понявший, последовал приме-

ру Зяблика. Лилечка пожала плечами, давая понять, что о таких вещах она судить не может.

— Разрешите мне выразить общее мнение присутствующих, — торжественно заявила Верка. — Давай нам эту убойную штуковину, не знаю, как она там у вас называется, а уж мы постараемся натянуть аггелам глаз на задницу.

При всем желании Эрикс вряд ли смог бы удовлетворить любопытство своих спутников по части того, что касалось исторического промежутка, разделявшего их эпохи. Конечно, в общих чертах он был осведомлен об основных событиях последних веков, но в детали не вдавался. Вторая мировая война, к примеру, была для него такой же архаикой, как крестовые походы или гибель Римской империи. Учили его долго и интенсивно, но не каким-либо конкретным наукам (слишком много их развелось и слишком сложны они стали), а умению при помощи всепланетной информационной сети добывать нужные для себя сведения.

Пожелай вдруг Эрикс узнать что-либо о все той же Второй мировой войне, он просто вызвал бы на любой из своих мониторов пакет информации, в краткой и доступной форме рассказывающей о ее причинах, ходе и последствиях. Если бы какой-то батальный эпизод заинтересовал его больше других, не составило бы никакого труда почти мгновенно получить все сведения о нем, изложенные в подлинных документах противоборствующих сторон, трудах историков, военных мемуарах, художественных произведениях, анекдотах и так далее.

Ясно, что при такой постановке дела необходимость зубрить все подряд отпадала. Были, конечно, профессионалы (да и любители тоже), наизусть знавшие всю хронологию, но Эрикс к их числу не принадлежал. Сфера его интересов располагалась совсем в другой области. Рано выбрав специализацию, он совершенствовался главным образом в ней. Наука, которой Эрикс собирался посвятить свою жизнь, называлась эгидстикой. Главная ее задача заключалась в разработке электронных систем, защищающих экономические интересы, личную безопасность, конституционные права и тайну интимной жизни граждан от поползновения государственных структур, средств массовой информации, преступников всех мастей и просто любопытствующих соседей.

Как и все великие достижения цивилизации, глобальная компьютеризация имела и свою обратную сторону. Между че-

ловеком и обслуживающей его электроникой не могло существовать никаких тайн. Начиная с момента зачатия, вся информация о его физическом здоровье фиксировалась на специальных медицинских файлах. Немного погодя под столь же пристальный контроль попадала и его психика. Компьютер знал о своем хозяине все: что он ел за завтраком у себя дома и что заказывал за обедом в ресторане, с какой скоростью и какими маршрутами передвигался, с кем встречался и о чем беседовал, чем интересовался и чем манкировал, сколько и на какие нужды истратил средств, нарушал ли законы, изменял ли супруге и так далее до бесконечности.

Существовала масса суровых законов, запрещавших посторонним доступ к этим сведениям, но природа человека, за исключением нескольких искусственно привнесенных деталей, осталась прежней, миром, как и раньше, правили любовь и алчность, а потому всегда находилось немало желающих узнать, каков у вас кредит в банке, все ли в порядке со стулом, как обстоят дела на службе и сколько денежек вы выложили за час общения с очаровательной блондинкой, вашей женой вовсе не являющейся.

Борьба щита и меча (вернее, замка и отмычки), начавшаяся еще на заре компьютерной эры, ожесточалась год от года, создав не только могучий клан преступников-хакеров, но и противостоящую им правоохранительную организацию со своей собственной научной базой и специфической индустрией. Каждый индивидуальный пользователь, которому было что скрывать от ближних и дальних, каждая самая мелкая фирма или общественная организация, не говоря уже о банках, государственных ведомствах и правительственных структурах, хотели иметь самую современную и эффективную систему защиты своих компьютерных архивов. Короче говоря, профессия Эрикса была весьма престижной и перспективной, а кроме того, он всегда мог переметнуться в стан хакеров, где на одной удачной операции сколачивались целые состояния.

Эпоха, в которую он жил, имела еще несколько особенностей, коренным образом отличавших ее от предыдущих эпох. (Примерно так темные века отличаются от Ренессанса, а век пара — от века электричества.)

Еще задолго до рождения Эрикса человечество получило практически бесплатный, неисчерпаемый и экологически чистый источник энергии. Установки Кирквуда повсеместно заменили атомные, тепловые и солнечные электростанции. На первых этапах они были достаточно громоздки и требова-

ли наличия огромной периферийной структуры (того самого небесного невода, так поразившего воображение спутников Эрикса), однако впоследствии появились достаточно миниатюрные образцы, которые можно было устанавливать на крупнотоннажных судах, стратолайнерах и космических аппаратах. Избыток дешевой энергии позволял получать из океанов любое количество содержащихся в растворе химических элементов. Гидродобывающая промышленность полностью сменила горнодобывающую. Пустыни превратились в плодородные нивы. Города теперь строились даже там, где раньше жили одни пингвины.

Существовало, впрочем, мнение, что установки Кирквуда оказывают на окружающую среду и негативное влияние. Во-первых, они отнимали у Вселенной энергию, предназначенную совсем для других целей, что могло замедлить или, наоборот, ускорить ход времени, а также отрицательно сказаться на звездной энергетике. Во-вторых, существовала теоретическая возможность, что некоторые отклонения в режиме работы установки Кирквуда способны привести к нарушению принципа причинности, являющегося, как известно, одним из краеугольных камней мироздания. И если первое предположение не оправдалось (смешно думать, что паруса отнимают энергию у ветра, мешая тем самым перемешиваться земной атмосфере), то второе вскоре получило прямое подтверждение. В истории науки этот эпизод получил название «эффекта Успенского училища».

Небольшой, но древний город Успенск-Мишкин, расположенный где-то между Припятским морем и Смоленским тропическим заповедником, был известен не только Успенским собором тринадцатого века и могилой татарского баскака Мишке (Мишки), сначала этот храм спалившего, а потом на его развалинах крестившегося, но и училищем, готовившим специалистов средней квалификации для обслуживания установок Кирквуда.

Само собой, что в лабораториях и мастерских училища имелось немалое количество образчиков этой чудо-техники, начиная с монстра, занимавшего пятую часть объема учебного корпуса, и кончая карликами, чьи размеры не превышали железнодорожного вагона. Их гоняли во всех режимах, включая критические, едва ли не ежедневно разбирали и вновь собирали (при этом каждый раз какие-то детали оставались лишними, а каких-то не хватало), а также подвергали другим издевательствам, на которые во все времена были так охочи

студенты. Никаких чрезвычайных мер безопасности не принималось, поскольку в те времена установки Кирквуда считались такими же безопасными, как стоящие на мертвом якоре суда.

Жили студенты весело, любили устраивать друг другу и своим преподавателям всякие безобидные каверзы, на счет которых до поры до времени и списывались разные необъяснимые явления как в самом училище, так и в его окрестностях.

Нередко бывало так, что опытейшие преподаватели начисто забывали свой предмет и начинали нести всякую околесицу о секретах создания философского камня, о деферентах и эпициклах орбит, описываемых Солнцем и планетами, якобы вращающимися вокруг Земли, о количестве бесов, способных разместиться на кончике иглы, и о мичуринском учении в биологии. В свою очередь некоторых распоследних студентов, имевших до того академическую задолженность едва ли не по всем предметам, посещали вдруг блестящие идеи, смысл и значение которых было суждено оценить только потомкам.

Лишь впоследствии, когда отрицательное влияние установок Кирквуда на принципы причинности было окончательно доказано, подобные эффекты стали называться индетерминизмом, а проще говоря — антивероятностью.

Именно благодаря эффекту антивероятности в стенах училища случались необъяснимые исчезновения и столь же необъяснимые появления людей (но уже других), что повергало в ужас отдел кадров и местком. На гранитном фасаде внезапно возникали бронзовые мемориальные доски с датами рождения и смерти ничем себя пока не проявивших и еще вполне цветущих аспирантов. Всеобщий любимец кот Васька завтра мог превратиться в дикого и злобного манула, а послезавтра — в пугливого и хрупкого лемура.

Эффект антивероятности настолько искажал учебный процесс, что вышестоящая инстанция издала приказ, согласно которому к каждой отрицательной оценке, выставляемой студентам Успенского училища, автоматически добавлялись два балла, а от каждой положительной отнимался один. Таким образом практически все они учились на четверки.

Особенно не везло директору училища, человеку с немалыми заслугами, твердыми убеждениями и слегка гипертрофированным чувством собственного достоинства. Началось все с того, что, посетив однажды туалет (не по нужде телесной, а с целью выявления курящих студентов), он вместо при-

вычных унитазов, писсуаров и умывальников обнаружил там притон в стиле Дикого Запада, которым заправляла разбитная красотка, всем видам одежды предпочитавшая корсет из китового уса и ажурные чулки с шелковыми подвязками. (Заметьте — это в мужском-то туалете!) Картина расстроила директора до такой степени, что он впервые в жизни выпил стакан какого-то отвратительного пойла, именовавшегося здесь «настоящим шотландским виски», и сыграл с красоткой в «блэк джек».

Впрочем, последствия, вызванные эффектом антивероятности, не всегда были столь безобидны. Очередное происшествие из той же серии едва не закончилось для директора инфарктом. Находясь в президиуме одного торжественного собрания, он вместо почетных и заслуженных государственных наград вдруг обнаружил на своей груди какие-то тусклые бронзовые и серебряные бляхи. Как выяснилось впоследствии, это были: нагрудный знак «Ветеран торговли Карфагенской республики», рыцарский орден Святого Духа третьей степени и целый набор медалей, среди которых выделялись «За усмирение польского мятежа 1863—1864 гг.», «XX лет РККА», а также Железный Крест с Дубовыми Листьями. Соответствующие документы, надлежащим образом оформленные, лежали во внутреннем кармане директорского пиджака.

В конце концов училище посетила представительная комиссия, в состав которой входили лучшие специалисты по теории и практике установок Кирквуда. После долгой и скрупулезной работы было решено, что причиной всех этих загадочных происшествий является чрезмерное рассеивание нового вида энергии, вызванное отсутствием некоторых электронных блоков, предназначенных для контроля параметров работы самой мощной установки. Вскоре была обнаружена и пропажа — блоки понадобились студентам для создания сверхмощного игрового автомата, не только владевшего всеми известными шулерскими приемами, но и способного изобретать новые.

Лаборанта, отвечавшего за электронику (а вернее, просто имевшего неосторожность однажды за эту ответственность расписаться), примерно наказали — лишили квартальной премии, да еще перенесли отпуск с июля на декабрь, что вынудило беднягу вместо Ниццы отправиться на отдых в Кейптаун. Директору дали инвалидность, дубликаты всех пропавших наград, хорошую пенсию и отставку. Зато абсолютно все установки Кирквуда были теперь снабжены надежной системой

контроля, исключаяющей какие-либо неприятности даже в случае прямого попадания авиационной бомбы.

Многочисленные и въедливые испытания подтвердили, что демона антивероятности, рожденного энергией сдвига и расщепления пространственно-временных связей, можно считать укрощенным, и если он еще способен как-то проявить свой коварный нрав, то только с позволения хозяев (уже начавших с лихорадочной поспешностью конструировать оружие, принцип действия которого основывался на только что открытом эффекте).

Впрочем, необходимо заметить, что все виды имевшегося к тому времени вооружения были исключительно оборонительного характера. К моменту появления Эрикса на свет человечество окончательно изжило не только войны, но и локальные конфликты, хотя напряженность между отдельными государствами и этническими группами продолжала существовать. Но развязать войну в открытом, до предела компьютеризированном обществе, где каждая песчинка и каждый листок могли иметь глаза, было весьма затруднительно, да никто и не стремился к агрессии. В этом-то как раз и состояла третья особенность (после создания всепланетной информационной сети и овладения новым видом энергии), отличавшая эпоху Эрикса от эпохи развитого социализма и загнивающего капитализма, в которой довелось жить Зяблику, Смыкову и иже с ними. Короче говоря, ни сам Эрикс, ни его современники не были способны к насилию, а уж к убийству — тем более.

До жизни такой они докатились следующим образом. Примерно за полтора века до рождения Эрикса по всей Земле наступили времена столь мрачные, что их и сравнить было не с чем. Всемирный потоп, годы чумы, нашествия варваров, конкиста и зверства инквизиции казались невинными шалостями в сравнении с тем, что происходило тогда.

Казалось, приближается конец света. Противостояние сверхдержав, рухнувших одна за другой под грузом своих ошибок, своего апломба и своего гедонизма, сменилось противостоянием всех против всех.

К тому времени атомным оружием обладали уже десятки стран, а некоторые его тактические образцы попали в руки радикальных и экстремистских организаций. Вновь полным ходом шла работа по созданию химических, бактериологических, генетических, этнических и экологических средств массового поражения. Буйным цветом расцветали национализм и сепаратизм. Число членов ООН (организации, потерявшей

всякий международный авторитет, но сохранившейся как место, где главы государств могли публично поливать друг друга грязью и вести интриги в кулуарах) выросло втрое, и примерно на столько же увеличилась частота вооруженных конфликтов.

Арабы воевали с евреями, сунниты с шиитами, католики с протестантами, белые с черными, северяне с южанами, горцы со степняками, горожане с сельскими жителями, аборигены с пришельцами, черная кость с голубой кровью, солдаты с офицерами, дети с отцами, скваттеры с домовладельцами, Техас с Калифорнией, чеченцы с казаками, абхазы с грузинами, баски с каталонцами, сикхи с индусами, хохлы с кацапами, курды со всеми, кто их окружает, шпана люберецкая со шпаной солнцевской, люди со стихией и стихия с людьми.

Кроме того, повсеместно шла борьба за чистоту расы, за сферы влияния, за беспощадную торговлю, за раздельное обучение, за легализацию наркотиков, за введение сухого закона, за отмену смертной казни, за права сексуальных меньшинств, за Бога истинного против бога ложного, за освобождение рабочего класса, за урожай и за реформы в правописании.

Снайпер и подрывник входили в число самых престижных профессий. Пресса и телевидение сообщали о террористических актах только в том случае, если число жертв превышало дюжину. Взрывные устройства изготавливались повсеместно, как прежде самогон. Границы государств уже обозначались не полосатыми столбами и контрольно-следовой полосой, а густыми минными полями (в некоторых случаях даже с использованием ядерных фугасов). Мир быстро сползал к пропасти, на дне которой могли уцелеть разве что отдельные виды насекомых, бактерии да глубоководные породы рыб.

Казалось, что человечество утратило чувство самосохранения, но, как это бывало уже не раз, нашлось достаточное количество здравомыслящих, энергичных и влиятельных людей, создавших нечто вроде тайной международной организации спасения. Все попытки остановить кризис политическими и экономическими мерами привели к прямо противоположному результату. Трубопроводы перестали перекачивать нефть и газ. Транспортное сообщение между отдельными государствами почти полностью нарушилось. Нью-Йоркская, Антверпенская и Лондонская биржи прекратили свое существование. Арабские террористы захватили ближайшую к Парижу атомную электростанцию. Шотландские сепаратисты одержали решающую победу над английской регулярной армией. Японские националисты из организации «Ямамото» взорвали

атомную бомбу в Панамском канале. В ответ «Американский легион» провел аналогичную акцию в центре Токио, что повлекло за собой разрушительное землетрясение на острове Хонсю.

Костлявая старуха, отбросив прочь изрядно затупившийся символ своего ремесла, пересела за руль косилки, куда более мощной, чем та, что в двадцатом веке уже дважды собирала богатый урожай человеческих жизней. Единственным островком стабильности в бушующем мире оставалась только Антарктида, куда спешно эвакуировались состоятельные люди с других континентов.

Тогда тайная организация спасения решила срочно прибегнуть к средству, столь же радикальному, сколь и опасному. Так иногда поступает врач, впрыскивая безнадежно больному чрезмерную дозу лекарства — или выздоровеет, или до срока прекратит свои муки.

К тому времени в секретных лабораториях нескольких стран было разработано вещество, однократный прием которого вызывал у пациента резкое и устойчивое повышение агрессивности. С его помощью собирались ковать идеальных солдат, берсеркеров двадцать первого века. Как антидот, а также как средство подавления боевого духа врага было создано и другое вещество, имеющее прямо противоположные свойства. Находящийся под его воздействием человек оказывался физически неспособен к агрессии и насилию. Дело оставалось за малым: изменить структуру антидота так, чтобы он распространялся среди людей подобно эпидемии.

Первыми члены организации заразили самих себя, а затем направили эмиссаров во все концы света.

Поначалу спасительное средство (условно названное усмирителем, поскольку настоящее его имя и состав остались неизвестными — в течение суток все лаборатории, работавшие над созданием сильнодействующих психотропных веществ, были предусмотрительно уничтожены) проявляло себя разве что легким расстройством желудка да малозаметной, хоть и зудящей сыпью. Новости, приходившие из разных стран, были по-прежнему неутешительны. По всем каналам телевидения и по всем частотам радиоприемников только и слышно было: погромы, поджоги, убийства, покушения, атаки, контратаки, захват заложников, предъявление ультиматумов, межплеменная война, межобщинные конфликты, расовая ненависть, массовые беспорядки, нарастающая конфронтация, всеобщая нетерпимость.

По расчетам ученых, эпидемия усмирителя должна была распространиться по всей земле в течение нескольких недель. Имунитета против нее быть не могло, тут уж создатели постарались. Однако и спустя месяц никаких сдвигов к лучшему не наметилось. Новости были одна хуже другой. Даже штурмовая группа, которой поручили отбить атомную электростанцию у арабских террористов, подкачала — то ли разуверилась в успехе, то ли попросту струсила. Бравых вояк, до этого успевших покрыть себя неуязвимой славой, пришлось разоружить и отправить под арест.

Но и арабы, возглавляемые королем террора, известным под кличкой Клык Аллаха, повели себя странно — отпустили заложников, которых не успели до этого замучить, разминировали атомный реактор и покорно сдались властям. Этот сенсационный случай мог означать что угодно, в том числе и то, что усмиритель начал действовать, причем именно так, как и предполагалось.

Некоторое время вал насилия и жестокости катился как бы по инерции, а затем истеричные голоса репортеров и комментаторов стали затихать — плохих новостей становилось все меньше, а от хороших они успели как-то отвыкнуть. Наступило затишье, которому никто из непосвященных не радовался, ведь неизвестно было, что за ним последует — долгожданный, но уже казавшийся нереальным покой или вспышка еще более оголтелого насилия.

А потом события вновь начали раскручиваться в бешеном темпе, но уже в обратную сторону. В больницы стали поступать люди с признаками сильнейшего психического расстройства — как выяснилось, все они были причастны к неудавшимся покушениям на убийство. Террористы, накануне установившие бомбы, спешили известить об этом полицию. Впервые марш боевиков из организации «Черные пантеры» по белым кварталам Вашингтона прошел без кровопролития. Были отменены еврейские погромы в Москве, Бердичеве, Хайфе и Вене. Армии, еще недавно лавой катившиеся друг на друга, остановились. Озверевшие от своей и чужой крови, давно очерстевшие душой бойцы не понимали, что с ними происходит. Противостоящие стороны вели себя, как злые псы, разделенные решеткой — бросались на врага, захлебывались слюной, чуть ли не руки себе грызли, но так и не могли в последний момент спустить курок, швырнуть гранату или всадить штык в чужое брюхо. Скоро все устали, не столько даже физически, сколько морально, и лишь вяло переругивались. Усмиритель

не позволял проливать человеческую кровь, но и симпатии к давнему врагу внушить не мог. Среди наиболее закостенелых душегубов были даже зафиксированы случаи самоубийств — тут уж волшебное средство почему-то не действовало.

Страсти постепенно утихали, хотя процесс этот отличался неравномерностью. Сначала успокоились в больших городах, на плодородных равнинах и везде, где имела место скученность населения. В солнечную погоду усмиритель действовал эффективнее, чем в дождливую и туманную.

Последними заразились миролюбием островитяне: маори Новой Зеландии, успевшие до этого сильно сократить число белых сограждан эскимосы, провозгласившие независимость Гренландского государства от метрополии, подданные Гавайского королевства, объявившие войну сразу и Японии, и Америке, а также граждане советской социалистической республики Сахалин.

К экипажам болтавшихся в океане атомных авианосцев и стратегических подлодок даже пришлось специально посылать девочек легкого поведения, хватанувших вирус усмирителя одними из первых (работа их этому очень способствовала — как-никак, всегда на людях).

Лишь спустя несколько лет, когда бываяя вражда утратила остроту, самое плохое позабылось и люди стали вспоминать прошлое как долгий и мучительный сон, начались переговоры между недавними противниками. Много было протестов, демонстраций, брани, зубовного скрежета и даже публичных самосожжений, но зато не пролилось ни капли крови. Хочешь не хочешь, а вчерашним врагам приходилось идти на взаимные компромиссы. А как же иначе, если ты при всем желании не можешь причинить вред поселившемуся рядом супостату? Приходится, пусть и не по доброй воле, постигать трудную науку добрососедства.

Между тем усмиритель продолжал выполнять заложенную в нем программу. Переболевшие им люди сохраняли благоприобретенные свойства, но носителями инфекции уже не являлись. Повлияв в нужную сторону на наследственные структуры человеческого организма, вирус самоликвидировался (ведь неизвестно было, как он может переродиться на воле).

Теперь все дети, появившиеся на свет, уже несли в себе генетическое неприятие насилия. О войнах, вражде, геноциде и убийстве они знали только с чужих слов и воспринимали это не как реальность, а как неправдоподобно-жуткую сказку...

Четверть века понадобилось человечеству на то, чтобы

вернуть жизнь в опустевшие города, заставить родить отравленную ржавчиной, дефолиантами и радионуклидами землю, обезвредить миллионы противопехотных мин и восстановить разрушенные коммуникации. До открытия Кирквуда было еще далеко, но нефти, газа, солнечной энергии и ядерного топлива пока хватало.

Отстроившись и откормившись, земляне стали предпринимать вылазки в космос. Впрочем, ничего полезного или интересного для себя они там не обнаружили. Были основаны базы на Луне и Марсе, к которым совершали регулярные рейсы туристские челноки. Надежда на встречу с инопланетянами рассеялась, так же как и страх перед ними.

Новая беда пришла не извне, а, так сказать, изнутри. Не исключено, что в этом был как-то замешан вирус усмирителя, кроме серии удачных выстрелов давший и одну трагическую осечку. Синдром приобретенного иммунодефицита, издревле дремавший в человеческом организме, впервые разбуженный в конце двадцатого столетия шприцем, капельницей и скальпелем, а затем кое-как усмирленный невероятными усилиями фармакологии, внезапно вновь дал о себе знать целым букетом болезней, от которых прежние лекарства уже не помогали.

Затаившийся на время, перешедший в латентную форму, не поддающийся диагностике и потому успевший широко распространиться, вирус супер-СПИДа набросился на человечество, как изголодавшаяся акула на косяк сонной скумбрии. Светлое будущее стало сызнова заволакиваться дымом погребальных костров. В некоторых странах, особенно африканских, где число инфицированных превысило половину населения, опять вспыхнули беспорядки, к счастью, уже бескровные.

Тайная организация спасения собралась снова, хотя и в другом составе. Но на этот раз подходящего лекарства под рукой не было, да и надеяться на его создание в ближайшее время не приходилось. О том, чтобы спасти всех, не могло быть и речи. Изначально вопрос стоял только о спасении тех, кого еще можно было спасти. Сейчас человечество делилось на две части — инфицированных и еще не успевших подхватить смертельную заразу. Первых, уже заранее обреченных, необходимо было отделить от вторых, и как можно быстрее. Но как это сделать в обществе, не приемлющем насилия?

Решение оказалось тривиальным: отныне и вплоть до создания надежной вакцины при всех, без исключения, половых контактах, как гетеросексуальных, так и гомосексуальных, принять абсолютно надежные предохранительные средства, а за-

чатие осуществлять исключительно методом искусственного оплодотворения.

Нетривиальным оказался способ проведения этого решения в жизнь. Методы убеждения давно продемонстрировали свою неэффективность. Угрозы или материальная заинтересованность в столь интимном деле вообще не годились. Успех могло принести только глубокое гипнотическое внушение на подсознательном уровне, которое должно было выработать у реципиентов стойкую фобию к половому контакту без предохранительных средств. Технические средства того времени уже позволяли проводить подобные операции. В качестве индуктора предполагалось использовать искусственный спутник Земли, запущенный на квазиполярную орбиту.

Заранее было подсчитано, что внушение окажется действенным только для двух третей населения планеты, но с этим уже ничего нельзя было поделать. Приходилось торопиться, потому что ежедневно число инфицированных увеличивалось почти на сто тысяч.

Подготовительный период занял неделю. Все мероприятия проводились в глубокой тайне, поскольку практика массового внушения была строжайше запрещена законом почти всех стран.

В расчетный день и час спутник, числившийся метеорологическим, раскинул в стороны плоскости своих излучателей и стал похож на парящую в безвоздушном пространстве птицу. Вниз обрушился невидимый поток психотропного излучения. По мере того как спутник описывал на орбите виток за витком, одна полоса излучения ложилась на поверхность Земли рядом с другой.

В спальнях и ваннах, в придорожных кустах и шикарных мотелях, на ночных пляжах и сеновалах, в салонах автомобилей и купе поездов, — словом, везде, где только могли уединиться любовники, происходили душераздирающие сцены. Парочки, находившиеся на разных стадиях коитуса, внезапно распадались, ощутив нечто похожее на удар электрического тока. Партнеры, до этого безоглядно предававшиеся страсти, недоуменно пялились друг на друга, а потом один из них, наиболее смелый, заводил путаный и невнятный разговор о пользе безопасного секса.

Хорошо еще, если оба они были одинаково внушаемы, а в запасе имелось пресловутое резинотехническое изделие. В противном случае любовная игра продолжения не имела.

Гораздо хуже обстояли дела у тех партнеров, один из кото-

рых оказывался невосприимчив к внушению. В лучшем случае мужчина, не получивший своего, ограничивался бранью, а женщина, оказавшаяся в аналогичном положении, — презрительным взглядом. Случались и семейные сцены с битьем посуды. Дело доходило даже до разводов.

Запасы презервативов в аптеках, магазинах и киосках публичка разметала за считанные часы, но их продолжали подвозить до тех пор, пока ажиотаж не утих. Если кто-то и был зачат в этот день, то только абсолютно равнодушными к внушению родителями. На следующее утро началась массовая кампания в пользу искусственного зачатия, имевшая бурный успех.

После того как отработавший свой ресурс спутник сошел с орбиты, новорожденных детей стали подвергать индивидуальному сеансу внушения. К тому времени это была уже вполне законная акция, закреплённая в законодательстве многих стран. Церковь повозмушалась немного, но вынуждена была уgomониться. Альтернатива «смерть или грех» оказалась не по зубам даже служителям Божьим.

Спустя несколько лет, когда эпидемия супер-СПИДа сошла на нет (то есть, собственно говоря, сошли на нет все инфицированные), было принято предложение продолжить практику пропаганды безопасного секса и искусственного зачатия, ведь благодаря ей исчезли гепатит, лейкоз и все венерические заболевания, а рождаемость наконец-то была поставлена под контроль.

Неспособность людей размножаться естественным путем была четвертой особенностью, отличавшей мир будущего от всех предыдущих эпох.

Эрикс был типичным продуктом своего времени. Мать зачала сыночка в гинекологической клинике, предварительно выбрав по каталогу сперму приглянувшегося ей донора. Сразу после рождения мальчик был подвергнут гипновнушению, навсегда определившему параметры его будущей сексуальной практики. Ни разу в жизни он не поднимал руку на человека, хотя и был причастен к созданию новых образцов оружия (необходимо напомнить, что неспособность к проявлению прямого насилия еще не означала наступление эры всеобщего братства. Хотя люди и не могли вступать в схватку друг с другом, ничто не мешало им напускать на противника боевые кибернетические машины). Все, что не касалось творческой работы, развлечений и хобби, делали за Эрикса электронные

слуги. С четырнадцати лет он постоянно имел при себе средства, без которых плотская любовь была столь же нереальна, как жизнь без воздуха. Работу свою он любил и быстро делал в ней карьеру. Была у него уже и семья: очаровательная жена-брюнетка и двое детей, зачатых от идеально здоровых и высокointеллектуальных доноров. Летний отпуск Эрикс обычно проводил в швейцарских Альпах, а зимний — на тихоокеанских атоллах.

Утро того дня, который должен был превратиться в бесконечный кошмар не только для него, но и для многих других людей в разных странах и эпохах, не предвещало ничего необычного. Весь окружающий мир, начиная с земных недр и кончая дальним космосом, находился под контролем людей. Любое землетрясение заранее прогнозировалось, любой ураган рассеивался еще в момент зарождения, любой приближающийся к Земле астероид беспощадно уничтожался.

Обычно Эрикс работал дома в кабинете, начиненном сверхмощной компьютерной техникой, но сегодня почему-то решил наведаться в свою лабораторию. Электроника умела очень многое, но с ее помощью нельзя было выпить чашечку кофе в компании сослуживцев.

Вызвав на монитор последнюю сводку службы транспортного контроля, он убедился, что улицы и воздушное пространство над городом забиты до предела. Пришлось воспользоваться надземкой, прозрачные трубы которой без всякой опоры висели над всеми основными магистралями. Пассажирские вагончики, похожие на снаряды крупнокалиберных орудий, мелькали в них с головокружительной скоростью. Через каждые два-три квартала трубы пересекались, и неискушенному человеку было страшно смотреть, как вагончики несутся наперерез друг другу, и лишь доли секунды отделяют их от возможного столкновения.

Пройдя тщательный досмотр в холле многоэтажного здания, целиком занятого различными подразделениями службы информационной безопасности, Эрикс шутки ради поинтересовался у дежурного количеством волос на своей голове, тут же получил исчерпывающий ответ и был вознесен скоростным лифтом на тридцать девятый этаж, где и располагалась лаборатория эгидистики.

Приемная была пуста, кабинеты администрации тоже. Никого не было даже в маленьком служебном баре, чего на памяти Эрикса никогда раньше не случалось. Проследовав на гул голосов, доносившихся из центрального пункта связи, он

был неприятно удивлен царившей здесь атмосферой... нет, не страха, от страха в двадцать втором веке успели отвыкнуть, а какого-то тягостного недоумения. Настроение присутствующих можно было сравнить только с чувствами мужа, прожившего с женой в мире и согласии долгие годы, изучившего ее, как говорится, вдоль и поперек, но внезапно узнавшего о супружеской неверности.

Эриксу не стоило труда убедиться, что все компьютеры ведут себя более чем странно. На запрос о состоянии ионосферы в южном полушарии поступал ответ о миграции китобразных в северных морях. Вместо сведений о погоде в ближайших регионах на экране монитора высвечивались биографические данные какого-то малоизвестного средневекового поэта. Все попытки операторов разобраться в причинах сбоя аппаратуры, всегда казавшейся им столь же надежной, как их предкам — молоток, оставались тщетными. Особенно угнетающим было то, что ныне происходящее считалось раньше невозможным даже в теоретическом плане. Персонал, толпившийся за спинами операторов, если и давал советы, то самого нелепого свойства. Создавалось впечатление, что эти люди напрочь забыли все, чему их так долго и упорно учили.

Собираясь на службу, Эрикс не удосужился прихватить с собой какое-нибудь индивидуальное средство связи и теперь был вынужден воспользоваться первым попавшимся свободным компьютером. После нескольких неудачных попыток, которые можно было объяснить своим собственным волнением, он соединился с приятелем, работавшим в гавани на должности хотя и скромной, но дававшей доступ к разнообразной секретной информации. После обычного обмена любезностями у них состоялся следующий короткий диалог:

— У вас в гавани все в порядке?

— Я бы не сказал.

— Возникли какие-то проблемы?

— Похоже, да.

— Можно узнать, какие?

— Что-то со связью. Утерян контроль над всеми судами, находящимися в зоне нашей ответственности... Сильные помехи радиосвязи, причем на всех частотах.

— А лазерные каналы? А проводная связь?

— Лазерные отказали в первую очередь. Проводная связь на юг и север тоже барахлит. Сейчас пытаемся найти обходные пути. Весь западный сек...

— Вас не слышу! Не слышу!

— Бу-у-у... гда... р-р-р...

— Ничего не понятно! Повторите!

— ...Что за день сегодня! Сейчас слышите?

— Да. А что случилось?

— Похоже на кратковременное отключение электроэнергии.

— Что-то я такого случая припомнить не могу.

— Я тоже. Просто чудеса! Ведь у нас несколько независимых источников питания. Есть своя собственная установка Кирквуда и резервная гелиостанция. Не понимаю...

— Я не отвлекаю вас?

— Может быть. Впрочем, нет. Я все равно не знаю, чем мне сейчас заняться. Ремонтники в растерянности. Никаких идей нет. Остается ждать, что все наладится само собой.

— Что это за грохот? Вы слышите?

— Слышу. Сейчас попробую выяснить... Справочная муниципалитета не отвечает... Служба экстренного спасения тоже. Я вижу отсюда столб дыма. Кажется, это в районе аэропорта... Ого, дело нешуточное. Появилось несколько спасательных вертолетов. Пожар очень сильный. Думаю, это потерпел аварию один из взлетающих стратолайнеров. Сейчас как раз должен быть рейс на Сидней.

— Что же это такое творится?

— Сам не знаю. Надо посоветоваться с...

— Не слышу. Ничего не слышу. Куда вы пропали?

Однако связь с гаванью как ножом отрезало. Компьютер не реагировал больше ни на какие команды, а на его экране беспорядочно роились тусклые точки (в целом картина напоминала процесс размножения дрожжевых бактерий, снятый с большим увеличением).

— Падение напряжения в сети, — пропел приятный голос информатора системы внутреннего жизнеобеспечения. — Переключаюсь на аварийное питание.

Под потолком вспыхнула красная лампочка, и все, как замороженные, уставились на нее, словно это была путеводная звезда, обещавшая явить истину и даровать спасение. Однако уже спустя пару секунд лампочка стала угасать, и информатор тем же жизнерадостным тоном объявил:

— Переключения на аварийное питание не происходит. Срочно начать эвакуацию здания. Использовать только пожарные лестницы. Ни в коем случае не пользоваться лифтом. Не поддаваться панике. Вам немедленно придет на помощь

служба экстренного спасения. Вам немедленно придет на помощь...

Красная лампочка окончательно погасла, а вместе с ней и экраны всех компьютеров. Снаружи снова грохнуло, да так, что огромное здание словно на пружинах качнулось. В другое время Эрикс включил бы экраны панорамного обзора, позволявшие любоваться даже морскими пляжами, отстоящими от этого места на десятки километров, но сейчас ему пришлось прильнуть к все еще вибрирующему оконному стеклу.

Узкое ущелье улицы выглядело сумрачно, как будто бы уже наступил вечер. Возможно, причиной этого был дым пожара, застилавший дневной свет. Вдоль стены расположенного напротив здания еще сыпались обломки строительных конструкций, образовавшие внизу завал, перекрывший уличное движение.

Дабы выяснить, что же такое случилось у соседей, Эриксу пришлось нагнуться к самому подоконнику и закатить вверх глаза. Только тогда он смог разглядеть хвостовую часть аэрокара, косо торчавшую из стены примерно на уровне пятидесятого этажа и похожую на оперение стрелы, пробившей сверкающие доспехи великана. Горючее струилось вниз по огромным зеркальным стеклам и вот-вот должно было вспыхнуть, что и произошло несколько мгновений спустя прямо на глазах у Эрикса. Пламя рвануло к небу и одновременно поползло по фасаду к земле. Одиночные взрывы слились в канонаду, и в воздухе засвистела стеклянная шрапнель.

Это словно вывело Эрикса из оцепенения и заставило присоединиться к сослуживцам, кинувшимся вон из здания, превратившегося вдруг в смертельно опасную ловушку. Пожарной лестницей не пользовались, наверное, с момента окончания строительства, и за это время на ней скопилось множество всякого хлама: пришедшей в негодность мебели, списанной техники, пустых бутылок и еще черт знает чего. Современники Эрикса надеялись на системы автоматического пожаротушения, как грудные дети на свою мамочку, и даже не допускали возможности, что эти узкие и крутые лестницы когда-нибудь придется использовать по прямому назначению.

Сразу возникла давка, быстро переросшая в массовый психоз, усугубленный мраком и духотой, царившими здесь. Ком человеческих тел, сорвавшийся с тридцать девятого этажа, вскоре налетел на тех, кто спасался с тридцать восьмого, а сзади уже наступали беженцы с сорокового и так далее вплоть до несчастных обитателей восьмидесят пятого, которые долж-

ны были прибыть сюда не ранее чем через час. В тесной, лишенной вентиляции и света лестничной шахте сразу оказалось несколько тысяч человек, которых гнал вниз уже не только страх, но и законы гравитации. Упавший больше не мог подняться, и ноги бегущих скользили в кровавом месиве его тела. Людей спрессовало так плотно, что нельзя было даже шевельнуть рукой, чтобы помочь старику или женщине. То, что пережил на этой лестнице Эрикс, навсегда осталось для него одним из сильнейших потрясений в жизни, хотя впоследствии ему случалось попадать и в более жуткие переделки. Впрочем, надо заметить, что творившийся здесь ад не мог идти ни в какое сравнение с тем, что происходило в то же самое время в соседнем, горящем небоскребе.

По мере движения вниз давка неуклонно возрастала и количество затоптанных все увеличивалось. Ноги ощущали уже не бетон ступеней, а только податливую чавкающую человеческую плоть. Эрикс подумал, что через десяток этажей трупы целиком забьют лестницу, превратив ее тем самым в братскую могилу.

Спасла его случайность. В здании напротив что-то со страшной силой взорвалось, и один из достаточно увесистых обломков проломил стену на два марша ниже того места, где находился Эрикс. Это стоило жизни немалому количеству людей, зато в лестничную шахту сразу хлынули свет и свежий воздух (правда, изрядно пахнущий гарью). На минуту образовался затор, но мертвецов догадались выбросить в образовавшуюся брешь, и лавина спасающихся вновь стронулась с места.

Бочком пробираясь мимо зияющей дыры, Эрикс не мог не заглянуть в нее. Далеко внизу — словно дно горного ущелья — виднелась улица, засыпанная дымящимися обломками наполовину обвалившегося соседнего здания, а всего в трех метрах ниже пробоины поблескивала прозрачная труба надземки. Один из только что выброшенных наружу трупов так и остался лежать на ней.

Раздумывать было некогда. Удачный прыжок обещал спасение, неудачный — быструю и легкую смерть на мостовой, вместо медленного и мучительного умирания в лестничной шахте, под завязку наполненной человеческими телами. Впрочем, Эрикс верил в свое счастье. Труба, казалось, находилась совсем рядом, нужно было только посильнее оттолкнуться перед прыжком.

Эрикс пружинисто присел, резко взмахнул руками и прыгнул. Он был молод, достаточно тренирован и жаден до жизни,

но даже этого оказалось мало для того, чтобы удержаться на гладкой и покатой поверхности трубы. В самый последний момент, уже соскальзывая в бездну, он инстинктивно ухватился за ногу трупа, занимавшего весьма удачную позицию поперек узенькой пешеходной дорожки, являвшейся как бы гребнем трубы.

Это могло отсрочить гибель Эрикаса разве что на пару мгновений да еще предоставить напарника для совместного полета к земле. Однако мертвец хоть и дернулся, но с места не сдвинулся, что позволило Эриксу единым духом вскарабкаться наверх. Отдышавшись немного, он попытался перевернуть своего невольного спасителя на спину, однако не преуспел в этом деле — пряжка брючного ремня покойника накрепко застряла в стыке между двумя плитами пешеходной дорожки.

Затем внимание Эрикаса привлекли крики, раздававшиеся из дыры, край которой послужил исходной точкой его спасительного прыжка. Эрикаса просили отойти в сторону, чтобы освободить место для очередного смельчака. Первой полетела вниз девушка, которую сначала раскачали, а потом с силой вышвырнули наружу. Она даже не смогла дотянуться до трубы, и Эрикс успел заметить тоску в ее больших зеленых глазах, которым суждено было через несколько секунд выскользнуть от страшного удара о мостовую.

Теперь в дыру лез стройный темноволосый парень, даже не удосужившийся ослабить узел своего галстука. Эрикс хотел крикнуть, чтобы он цеплялся за мертвеца, но не успел — парень уже летел вниз, как заправский парашютист, раскинув в стороны руки и ноги. Он не дотянулся до пешеходной дорожки всего на какую-нибудь пару сантиметров, но, как и девушка, успел обменяться с Эриксом прощальным взглядом. После этого никто уже не рискнул высунуться из дыры.

Убедившись, что его помощь больше никому не понадобится, Эрикс стал искать способ спуститься на землю. Ближайшая станция надземки находилась в пяти или шести кварталах к югу от этого места, но в той стороне тоже что-то горело и труба тонула в завесе смрадного дыма. Оставался единственный путь — на север, к центру города, которым и воспользовался Эрикс.

Вскоре выяснилось, что труба не является цельной конструкцией, как это казалось издали, а состоит из сегментов, длиною приблизительно в сто метров каждый. В некоторых сегментах имелись люки, дающие доступ внутрь, но Эрикс предпочитал балансировать на узкой, ничем не огороженной до-

рожке, чем лезть в какую-то трубу — хоть горизонтальную, хоть вертикальную. Замкнутые пространства отныне стали для него кошмаром.

Удалившись от горевшего дома на безопасное расстояние и немного успокоившись, Эрикс попытался оценить сложившуюся ситуацию. Сейчас он находился на уровне двенадцатого этажа и мог видеть только полоску неба над головой, провал улицы внизу и громады зданий по обе стороны от нее.

Небо, еще недавно довольно-таки ясное, выглядело так, словно над городом собирался дождь. Исчезли все летательные аппараты, в обычное время роившиеся над крышами, как мухи над выгребной ямой. Машины на улице сбились в беспорядочные стада и замерли, словно узревшие опасность парнокопытные. Еще пытались как-то двигаться только те из них, которые имели гироскопические аккумуляторы, но даже они не могли выбраться из столь безнадежных заторов. Погасли все рекламы, исчезли созданные светом иллюзии, так украшавшие фасады домов, затихли фонтаны. Город приобрел дикий и незнакомый вид.

Характерный рев набирающего силу огня и густое дымное марево свидетельствовали о том, что поблизости горят сразу несколько зданий, однако sireны пожарных машин молчали, а это означало, что пожары никто не тушит. Случилось что-то страшное, в самый короткий срок лишившее город всего, что раньше обеспечивало его процветание и безопасность. Привычный порядок сменился разнузданным хаосом, в жерновах которого оказались миллионы невинных людей, в том числе и семья Эрика. Ее нужно было во что бы то ни стало отыскать — сначала детей, потом жену.

Вскоре Эрике оказался прямо над вагончиком надземки, застрявшем в трубе. Сквозь два прозрачных слоя — оболочки трубы и стекла кабины — были видны пассажиры, отчаянно махавшие руками и немо разевавшие рты. Помочь им было невозможно. Вагончик сидел в трубе так же плотно, как пуля в винтовочном стволе, и гнать его вручную до станции, где только и могли открыться двери, было делом заведомо безнадежным.

Достигнув ближайшего пересечения двух линий надземки, Эрикс повернул налево, в сторону прибрежного района, где находилась школа, которую посещали его дети. В принципе, туда можно было добраться и по трубам, особенно учитывая то, что творилось сейчас на улицах.

Однако этот путь довольно скоро прервался. Очередного

пересечения просто не существовало — два столкнувшихся на полной скорости вагончика разнесли вдребезги не только друг друга, но и магистраль. Сразу четыре исковерканные трубы клонились к земле, составляя как бы крест, лишенный центра. Издали каждая из труб была похожа на лишенную головы лебединую шею.

По мере того как уклон пешеходной дорожки становился круче, Эрикс двигался все осторожнее, а потом и вообще вынужден был опуститься на четвереньки. Цепляясь за стыки плит, он добрался до оплавленного взрывом края трубы и по ее крутому боку соскользнул вниз.

Вся улица под местом катастрофы была усеяна изуверченными телами случайных прохожих, и Эрикс видел это, но другого места для спуска выбрать не мог. Мягко приземлившись на кучу трупов, он едва не взвыл от ужаса — лежавшая сверху смуглая женщина была очень похожа на его жену. Только стерев с лица погибшей кровь, Эрикс убедился, что это совершенно незнакомая ему китаянка или японка.

Дальнейший его путь напоминал бег по пересеченной местности наперегонки со смертью. Улицы были забиты заглохшими машинами, завалены обломками рухнувших с неба аэрокаров, заполнены толпами мечущихся в панике людей. Верхние этажи многих зданий, пострадавшие от таранов гибнущего воздушного транспорта, горели, извергая на тротуары огненный ливень.

Кое-где уже появились полицейские, санитары и пожарные, однако они ничего толком не могли сделать без специального оборудования. Повсеместное отключение электроснабжения и выход из строя компьютерной сети потянули за собой целую цепочку бед, начиная от отсутствия воды в водопроводе и кончая полным информационным параличом. Никто ничего не понимал, никто не мог связаться с родными, никто не знал, как вести себя в столь немилосердных обстоятельствах. Люди, еще недавно крепко державшие в руках все, до чего только могли дотянуться, начиная от мельчайших вирусов и кончая огромными планетами, вдруг оказались перед лицом природы еще более беспомощными, чем их не знавшие огня и топора косматые предки. Они не только не могли защитить самих себя, но еще и впали в грех самоубийственной трусости. Оставалось только надеяться, что пожары прекратятся сами собой, усталость заставит уgomониться паникеров, а расстилающийся вокруг богатый и доброжелательный мир не оставит в беде несчастную страну.

Эрикс тем временем выбрался из лабиринта тесных улиц и оказался на просторной площади, за которой начинался пологий склон, тянувшийся до самого берега и застроенный уже не многоэтажными башнями, а виллами, дорогими и изысканными, как океанские яхты. Отсюда до школы, где его дети не столько учились, сколько забавлялись в свое удовольствие, было уже рукой подать.

Однако панорама, распахнувшаяся перед Эриксом, была настолько грандиозной и устрашающей, что он, несмотря на все свои заботы, буквально оцепенел.

Невозможно было даже сказать, что выглядит более ужасно — океан или небо. Повсюду, куда только доставал взгляд, океанское дно обнажилось. И если вблизи уреза вод все выглядело довольно занятно — десятки прогулочных лодок, вдруг оказавшихся на суше, бьющиеся на песке дельфины, заросшие ракушками остовы затонувших кораблей, луга водорослей и роши кораллов, — то по мере удаления от берега опустевшее океанское ложе казалось уже адской бездной, готовой немедленно поглотить все на свете человеческие души. В той стороне, куда отступала вода, что-то тяжело гудело, а у самого горизонта стеной вздымалась волна, истинные размеры которой отсюда оценить было просто невозможно.

Волны ходили и по небу — тяжкие, мутные, готовые, казалось, вот-вот обратиться в камень. Среди них изредка мигало бледное, перекошенное солнце, больше похожее на полную луну. И едва оно погасло окончательно, как на противоположной стороне небосклона возникло другое солнце — огромное, зеленоватое, косматое, как голова Медузы, — солнце иного мира. Но и оно сияло недолго, постепенно растворившись в сумрачной дымке, сплошь затянувшей небо.

Доведенный всеми этими мрачными чудесами до состояния ступора, Эрикс, возможно, так и остался бы стоять столбом, переводя взгляд с грозного горизонта на еще более грозное небо, если бы рядом не раздался крик чайки, так похожий на детский плач. Словно подстегнутый, Эрикс сорвался с места, перепрыгнул через мраморную балюстраду, отделяющую площадь от идущего к берегу склона, и, не разбирая дороги, помчался вниз сквозь заросли цветущих эремурусов.

Вычурная крыша школы, похожая на панцирь стегозабра, сразу исчезла из поля зрения, точно так же, как и несущаяся к городу волна. Впрочем, даже не видя ее, он всем нутром ощущал стремительно надвигающуюся опасность — так собаки чувствуют приближение землетрясения, а птицы бурю.

Уже через сотню шагов он разминутся с первым бегущим человеком. Это был босой мужчина в купальном халате, похоже, только что выскочивший из ванны. Затем люди — одетые, полуодетые и совсем голые (невдалеке располагался нудистский пляж) — повалили толпами. Эрикс был единственный, кто бежал к морю, а не от него.

Внезапно земля под его ногами задрожала, и Эрикс понял, что волна достигнет берега намного быстрее, чем это ему показалось сначала. Над вершинами королевских пальм, скрывавших горизонт, внезапно вознеслась зеленовато-сизая стена грандиозной высоты, лишь по самому гребню окантованная пеной. Все лодки, которые он до этого видел лежащими на отмели, взлетели вверх и пропали в этой пене.

В следующую секунду глухой рокот наступающей воды сменился резким, стреляющим грохотом рушащихся построек. Волна словно стучалась в дома, но под ударами ее могучих кулаков слетали с петель двери, крошились оконные стекла и разваливались крыши.

Эрикс не успел и глазом моргнуть, как оказался под обвалом холодной и соленой воды. Волна, к счастью, уже утратившая свою первоначальную мощь, оглушила его и поволокла вверх по склону, где в конце концов и оставила висеть в развилке какого-то потерявшего крону дерева.

Очнувшись спустя несколько минут, Эрикс увидел, что вода отхлынула и отмель снова обнажилась на многие сотни метров, однако на ней уже не было ни лодок, ни дельфинов, ни даже обломков давным-давно затонувших кораблей. Океан, как заправский налетчик, утащил с собой все, что только мог осилить.

Местность вокруг разительно изменилась. Некоторые деревья, правда, устояли, но дома превратились в сплошные развалины. Исчезла и крыша, похожая на панцирь стегозавра.

Еле передвигая ноги, Эрикс двинулся к берегу. Волна-злодейка больше не возвращалась. Океан обмелел и утих. Вокруг не раздавалось ни единого звука — никто не молил о помощи, никто не пытался организовать спасательные работы, даже чайки почему-то приумолкли.

Обходя стороной развалины домов, в которых еще журчали последние ручейки, он медленно приближался к школе. Знаменитая крыша и в самом деле куда-то исчезла — океан или разбил ее вдребезги, или утащил в свои глубины. Здание теперь представляло собой обширное нагромождение больших и малых обломков, а о том, что совсем недавно оно было трехэтажным, можно было судить только по торчащим кое-где вертикальным опорам.

Ничего еще не было окончательно известно, детей могли своевременно эвакуировать, но у Эрикса уже начали произвольно постукивать зубы.

Взобраться на руины Эрикс не посмел, это было таким же святотатством, как попирать ногами могильный камень. Поэтому разборку завалов он начал с края. Сначала ему попадались не очень массивные обломки, но вскоре под грудой щебня открылась треснувшая вдоль и поперек неподъемная плита межэтажного перекрытия.

Тогда Эрикс, вооружившись куском жести, стал рыть с другой стороны и вскоре обнаружил новенькую девичью туфельку. Если детей и эвакуировали, то не всех. Впрочем, для его дочери туфелька была великовата, и это оставляло хоть какую-то надежду. Думать о чужом горе он уже не мог.

Работать в одиночку ему пришлось недолго. Один за другим начали появляться заплаканные и растерянные родители. Потом на помощь им пришли местные жители, которым уже все равно было нечего спасать, кроме фундаментов своих домов. Последними прибыли спасатели из гавани, но у них не оказалось при себе никакого инструмента, кроме десятка лопат и нескольких наспех изготовленных ломов.

Из-под развалин еще не извлекли ни единого трупа, но то, что они там, было известно достоверно. Эрикс, без передышки таскавший камни уже несколько часов кряду, перестал что-либо соображать и действовал как машина — тупо и размеренно. Он даже не сразу осознал, что женщина, настойчиво пытающаяся отвлечь его от работы, очень похожа на его жену. Она что-то кричала, но он не понимал.

— Это ты? — вымолвил наконец Эрикс. — А я вот, видишь...

— Пойдем домой! — кричала она сквозь слезы. — Тебя дети ждут! Да очнись же ты!

— Дети дома? — Эта простая истина никак не могла пробиться сквозь корку, которой уже успела покрыться его душа. — Правда?

— Я уже давно чувствовала, что они частенько прогуливают, — рыдала жена, — вот и сегодня вместо школы пошли в парк. Говорят, что давно не катались на каруселях.

— Лентями растут... — сказал Эрикс рассеянно. — Только в кого бы это...

То, что произошло сейчас, было как грянувший в упор выстрел. Но пуля чудом миновала его сердце.

Добираясь домой по улицам парализованного и изувеченного города, а потом поднимаясь пешком на двенадцатый этаж, они совершенно выбились из сил. По пути Эрикс, стыдясь самого себя, подобрал брошенную кем-то трехлитровую бутылку минеральной воды. Она оказалась как нельзя кстати — водопровод бездействовал, а дети хотели пить. В холодильнике нашлась еда, но разогреть ее было не на чем. Пришлось перекусить всухомятку.

— Мама, — сказал мальчик после ужина. — Я спать хочу. Почему вы меня не укладываете?

Узнать время было неоткуда, механические часы сохранились разве что в музеях, но Эрикс и сам чувствовал, что нынешний день выдался каким-то уж очень длинным. За окном стояла все та же серая полумгла, что и много часов назад.

Они уложили детей (дочку едва ли не силой) и остались сидеть в столовой у неубранного стола.

— Скорее бы все это закончилось, — вздохнула жена. — Я так хочу принять душ.

— А я сегодня чуть не погиб, — сообщил Эрикс. — Два раза... Нет, даже три.

— У меня тоже были неприятности, — как бы оправдываясь, сказала жена, работавшая в косметическом салоне. — Я подтягивала кожу одной даме, а тут вся аппаратура отказала. Представляешь? Пришлось делать швы вручную. Хорошо хоть, она была под наркозом. Представляю, какой поднялся шум, когда она очнулась.

— Шума сейчас достаточно и без вашей дамы... Подумай хотя бы о разрушенной школе. Ее посещало несколько сотен детей. И не все из них оказались прогульщиками.

— Да, печально... — Жена открыла дверцу холодильника, но, не обнаружив ничего такого, что возбудило бы ее аппетит, снова захлопнула. — Боюсь, что занятия начнутся не скоро. Куда бы на это время пристроить детей?

— Сама будешь с ними сидеть.

— Ты считаешь, что я должна бросить работу? — насторожилась жена, очень дорожившая своим местом.

— Уверен, что завтра ваш салон не откроется. И послезавтра тоже.

— Надеюсь, ты шутишь? — Она вновь лязгнула дверцей холодильника.

— Не надо открывать его без необходимости, — поморщился Эрикс. — Иначе продукты испортятся гораздо раньше, чем мы съедим их.

— Что ты хочешь этим сказать? — обиделась жена.

— Я хочу сказать, что надо беречь все, что у нас осталось. Понимаю, что могу показаться тебе брюзгой, но у меня очень плохие предчувствия.

— По-твоему, это безобразие, — она махнула рукой в сторону окна, — может затянется?

— Кто знает...

— Но ведь это не Средние века! Нам должны прийти на помощь, — ее голос дрогнул.

— Должны, — кивнул Эрик. — Давно должны. Но почему-то не приходят. У нас нет никакой связи с внешним миром. Она пропала еще раньше, чем электроэнергия.

— При чем здесь связь? Над нами летают стратолайнеры. Нас видят со спутников... И вообще...

— Знать бы, где сейчас эти спутники. — Эрик поскреб ногтем по крышке стола, еще недавно выполнявшего множество операций, начиная от сервировки и кончая мытьем посуды, а теперь превратившегося в бесполезный хлам. — Посмотрим, что творится на небе... Нас как будто в шкатулку заперли.

— Ты издеваешься надо мной. — На ее глаза опять навернулись слезы. — Тебе нравится меня пугать...

— Совсем нет. Мне и самому страшно. В особенности за детей... Давай лучше ляжем спать. Представляешь, проснемся завтра, а все уже наладилось. И электричество есть, и вода, и все остальное.

— В самом деле! — Она просияла. — Так оно, наверное, и будет.

Обнявшись, они отправились в свою спальню и улеглись на вчерашние простыни, которые постель так и не успела заменить. В их распоряжении было много всяких хитроумных приспособлений, умевших доставить и мужчине и женщине такое наслаждение, какое редко испытываешь при обычных формах половой близости, но ныне сам Бог велел супругам заняться взаимными ласками.

— Ты знаешь, я почти не помню, как это делается, — сказала жена извиняющимся тоном, когда возбужденный Эрик уже был готов овладеть ею. — Надеюсь, ты не забыл о мерах предосторожности?

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

— Ты изменился за этот день... Я иногда не узнаю тебя.

— Изменились мы все... К сожалению.

Несмотря на усталость, уснуть они смогли только после того, как завесили окно простыней. (Обычно стекло само меняло свои оптические свойства в зависимости от времени суток и поры года.)

Эрик всегда спал очень чутко и, когда в дверь постучали, сразу проснулся. Сначала он никак не мог взять в толк, что случилось и чего от него хотят (каждая квартира в их доме была оборудована электронным привратником, и такое понятие, как «стук в дверь», давно вышло из употребления), но потом все же вылез из постели и босиком прошлепал в прихожую.

Сакраментальная фраза: «Кто там?» — стала уже анахронизмом, и Эрик попросту распахнул дверь, ни один из замков которой толком не действовал. На пороге стоял его сосед по этажу, немолодой и одинокий, но еще весьма энергичный человек, имя которого как-то не удержалось в памяти Эрика. Одет он был так, словно собирался в дальнюю и нелегкую дорогу, а в руках держал бутылку с весьма привлекательными этикетками.

— Добрый день, — сказал он, похоже, ничуть не смущаясь, — а может, и доброе утро. Вопрос этот, конечно, проблематичный, но обсуждать его сейчас мы не будем. Ведь не будем?

— Не будем, — растерянно кивнул Эрик и только сейчас сообразил, что держать гостя на пороге неприлично. Поспешно отступив в глубь прихожей, он сказал: — Проходите, прошу вас.

Сосед как будто бы только этого и ждал. Уже без всякого специального приглашения он прямоком направился в столовую, уселся на стул, который обычно занимал сам Эрик, и водрузил в центр стола свою бутылку.

— Этому коньяку, — объявил он не без гордости, — не менее восьмидесяти лет. Он купажирован более чем из двадцати сортов виноградного спирта специалистом, предки которого посвятили этому благородному занятию пять веков. Когда-то такие напитки употребляли только короли. Давайте и мы выпьем!

Эрик сразу вспомнил, что его сосед увлекается коллекционированием старинных спиртных напитков и на этом поприще приобрел немалую известность.

— А стоит ли? — возразил он осторожно. — Я, прямо скажу, не большой знаток подобных вещей. Зачем зря губить такую ценность. Сейчас найдем что-нибудь попроще.

— Не надо. — Сосед вытащил из кармана антикварный позолоченный штопор. — Конечно, это жемчужина моей кол-

лекции, но остальные три сотни бутылок находятся в целости и сохранности. Жаль, что у нас нет ни времени, ни физических сил, чтобы сегодня опорожнить их все.

После этих слов Эрикс понял, что его гость слегка пьян. Памятуя, что спорить с нетрезвым человеком то же самое, что перебрехиваться с собакой, он отправился на поиски бокалов. Дело это было весьма непростое, потому что раньше такие вопросы находились исключительно в компетенции электронного дворецкого.

Проблуждав в полумраке по дому, Эрикс ни с чем вернулся в столовую. Сосед тем временем уже разлил свой уникальный напиток в пластиковые стаканчики, оставшиеся после йогурта.

— Полагаю, что без тоста нам не обойтись, — он внимательно глянул на Эрикса.

— Не знаю даже... — пожал плечами тот. — Сколько всего случилось... Даже в голове не укладывается... Давайте выпьем за то, чтобы все опять наладилось.

— Достойный тост, — сосед кивнул. — Как раньше говорили: за все хорошее. — Свой стаканчик он опорожнил одним глотком и закусывать не стал.

Его примеру последовал и Эрикс. Восьмидесятилетний коньяк резанул горло и улегся в желудке кучей горячих углей. Ничего более гадкого Эрикс в своей жизни еще не пробовал. С минуту за столом царило неловкое молчание, затем сосед вновь наполнил стаканчики и отставил бутылку в сторону. Эрикс понял, что сейчас начнется разговор, ради которого он и пришел сюда.

— Досталось вам, как видно, вчера? — спросил гость.

— Вспомнить страшно. Едва жив остался.

— Что дальше думаете делать?

— Не знаю... Подождать надо... Должно же быть какое-то распоряжение муниципалитета.

— А как вы о нем узнаете?

— Это уж их забота... Хотя... Проблема, конечно, колоссальная... — Коньяк подействовал на Эрикса странным образом: не успокоил, не расслабил, а, наоборот, еще больше усилил тревогу. Сейчас он наконец-то представил себе все то, чего не мог представить раньше — мир, в котором из всех средств связи осталось разве что письмо, посланное с нарочным, а информация распространяется только с помощью глашатаев да еще в рукописных листовках.

— Скажите, а какой момент впечатлил вас вчера больше

других? — спросил гость. — Но без связи с вашими личными обстоятельствами.

— Дайте подумать... Наверное, то, что творилось на небе. Картина, скажу я вам, была весьма жутковатая.

— Сам я этого не видел. Но мне рассказывали... То был, так сказать, завершающий аккорд. Жирная точка в конце последней строки. А все началось значительно раньше, и мне пришлось быть свидетелем этого.

Тут Эрикс припомнил еще одну подробность из жизни соседа — тот был крупным специалистом по кирквудовской энергетике и даже, кажется, имел ученую степень доктора. Вот только имя его совершенно выветрилось из памяти Эрикса, и он про себя стал называть соседа «доктором».

— Свидетелем чего? — переспросил Эрике.

— Свидетелем начала конца. Меня как раз вызвали для консультации в центральную диспетчерскую. Природа сил Кирквуда до конца не ясна, и что бы там ни говорили, всегда существует опасность какого-нибудь неприятного сюрприза. Поэтому мы вынуждены постоянно контролировать состояние окружающей среды. По тысячам параметров одновременно. И если хотя бы сотая часть их начнет менять величину, это означает аварийную ситуацию. Вы меня понимаете?

— Конечно.

— Примерно за час до того, как случилось самое страшное, началась какая-то чертовщина с приборами. Нечто просто невозможное. Если верить их показаниям, изменилось все на свете. Скорость распространения электромагнитных волн, гравитационная постоянная, электрическая постоянная, величина элементарного заряда, масса покоя большинства элементарных частиц, все планковские константы.

— Признаться, я не совсем понимаю, как это может отразиться на моей личной судьбе и судьбе моих детей.

— Если приборы не врут, мы находимся уже не на Земле. И даже не в нашей Вселенной.

— Тем не менее мы живем. Дышим. Пьем коньяк.

— Это загадка и для меня. — Гость резким взмахом руки вдруг смахнул со стола наполненные стаканчики. — Извините... Но это уже не коньяк! Электроны его атомов заняли совсем другие орбиты. И мы уже не люди... И мир вокруг уже не принадлежит нам... Но я пришел к вам совсем с другой вестью. Сожалею, но она тоже печальная.

— Я уже начинаю привыкать к тому, что время хороших вестей закончилось. Говорите, не стесняйтесь.

— Хотя результаты измерений свидетельствовали о весьма неблагоприятных изменениях в окружающей среде, автоматика, следящая за безопасностью кирквудовских установок, на это никак не отреагировала. Аварийного отключения не произошло.

— Хотите сказать, что установки Кирквуда работают до сих пор?

— Это факт.

— И нет никакой возможности отключить их?

— Для этого пришлось бы как минимум разрушить все приемные устройства. Вряд ли такое возможно сейчас. Силы Кирквуда продолжают накапливаться в нашем мире, и мы ничего не знаем о последствиях, которые может вызвать их чрезмерная концентрация. Одна из наиболее мощных установок находится прямо под этим домом. Да и вокруг их натекано предостаточно. Хотелось бы надеяться, что авария не произойдет или по крайней мере не вызовет столь разрушительных последствий, как, например, взрыв атомного реактора. Но на вашем месте я бы постарался как можно быстрее покинуть город. Тем более что санитарная обстановка здесь вскоре ухудшится до такого предела, что сделает жизнь вообще невозможной.

— Чем я обязан вашему вниманию к моей скромной персоне? — Эриксу очень не хотелось верить в мрачные пророчества гостя.

— Вашим детям, — ответил тот прямо. — Я вижу их чуть ли ни каждый день, и они мне очень симпатичны. Дети, наверное, единственное, что мы еще можем спасти. А уж им потом придется отстраивать мир заново.

— Куда же нам идти?.. Я даже не представляю...

— Уходите как можно дальше от города. В глубь страны или к восточному побережью. Туда, где есть вода и лес. Здесь я отметил все известные мне установки Кирквуда, — он ткнул пальцем в вырванную из старой книги и сплошь испещренную крестиками географическую карту. — Постарайтесь захватить с собой как можно больше пищи. Но только такой, которая долго не портится. Не стесняйтесь грабить магазины. Наша экономическая система все равно рухнула, и кредитные карточки к оплате больше не принимаются. Пока в городе еще не начался хаос, запаситесь кастрюлями, ножами, теплой одеждой. Добывать огонь подручными средствами вы умеете?

— Никогда не пробовал.

— Надо учиться. Жаль, что бензиновые зажигалки и спич-

ки давно вышли из употребления. Да и увеличительное стекло вряд ли поможет, — он покосился в окно, сквозь которое едва пробивался мутный свет.

— Что же тогда делать?

— Понадобится вата, какая-нибудь горячая жидкость вроде одеколона и пара камней для получения искр... Ну и смекалка, конечно. Людям всему придется учиться заново... Для человечества наступают тяжелые времена.

— А если я не последую вашему совету? — Эрикс в упор глянул на гостя.

— Последуете, — мрачно хохотнул тот. — Я даже и не сомневаюсь в этом. Вы последуете моему совету, когда в соседних кварталах будут разграблены все магазины, улицы превратятся в отхожее место, а немногие сохранившиеся водоемы станут источником заразы. Только боюсь, будет уже слишком поздно.

Эрикс молчал, не зная, что ответить. Гость отпил несколько глотков прямо из горлышка бутылки и встал.

— Прощайте. Я хочу предупредить еще несколько человек в нашем доме. Тех, у кого есть дети.

— Каковы ваши дальнейшие планы?

— Скорее всего, я останусь в городе. Кому-то ведь надо проследить, чем закончится вся эта эпопея с установками Кирквуда.

— Тогда желаю успеха... Спасибо, что предупредили.

— Не стоит благодарности. — Губы гостя опять скривились в невеселой ухмылке. — В древности тем, кто приносил дурную весть, заливали горло расплавленным свинцом. А я всего лишь отхлебнул паршивого коньяка... Еще раз прощайте...

Странный гость ушел, а Эрикс так и остался сидеть за столом, украшенным кучей объедков и наполовину опустевшей бутылкой. Никакого определенного решения он пока еще не принял. Конечно, страшно было оставаться в городе, лишившемуся вдруг всего, что раньше обеспечивало сытую и комфортную жизнь его обитателей, но еще страшнее — уходить из родного дома в неизвестность. Впрочем, некоторые идеи, высказанные соседом, были не лишены практического смысла. В первую очередь необходимо позаботиться о пропитании прежде, чем голод, жажда и отчаяние ожесточат горожан.

Однако у ближайшего магазина Эрикс наткнулся на поли-

цейского. Оружия он при себе не имел, но один лишь его грозный вид отрезвляюще действовал на законопослушных граждан. Эрикс продемонстрировал стражу порядка свою кредитную карточку и выразил желание приобрести в магазине хотя бы самые необходимые продукты, однако ему вежливо посоветовали обратиться в специальную комиссию муниципалитета, где после регистрации всех нуждающихся снабжали талонами на питание. В связи с отсутствием наличности денежное обращение в городе временно прекращалось.

Делать было нечего, и Эрикс пешком отправился через весь город в муниципалитет. То, что власти не бросили народ на произвол судьбы, внушало ему некоторую надежду.

Миновав с дюжину кварталов, Эрикс убедился, что магазинов в городе гораздо больше, чем полицейских чинов. Ему попалась лавчонка с распахнутыми настежь дверями, из которых дети и взрослые тащили все что ни попадя. Донельзя смущенный, Эрикс проник внутрь и завладел двумя объемистыми коробками сухих завтраков. Присутствующие поддержали его советами и шутками. Какой-то доброжелатель даже сунул Эриксу в карман бутылку ликера. Грабили пока не очень активно, без остервенения, скорее ради развлечения, чем ради наживы.

Отправляясь в следующую вылазку, Эрикс прихватил с собой вместительный пластиковый мешок, в котором до этого хранилось манто его жены. Стыдясь встретить свидетелей своего предыдущего грехопадения, он выбрал для промысла другую улицу. На этот раз ему повезло меньше — почти все магазины уже были обеспечены охраной, а в неохраняемых не осталось даже соли и специй.

То, что было нужно, Эрикс обнаружил довольно далеко от дома, в районе рыбного рынка. Торговый комплекс вместе с рестораном занимал целых три этажа и, судя по кипевшей вокруг сутолоке, представлял для мародеров весьма лакомый кусочек. Ювелирный отдел, несмотря на пуленепробиваемые стекла, мог похвастаться разве что черным бархатом своих опустевших витрин. Основательно пострадал и отдел, торговавший самым простым и дешевым хозяйственным инвентарем — ножами, туристскими топорами, бензиновыми печками. На одежду пока никто особо не зарился, за исключением одной девушки, которую Эрикс заметил в отделе мехов. Она примеряла все шубы подряд, швыряя их затем на пол.

Зато в гастрономическом отделе царило оживление, раньше бывавшее там только накануне Рождества. Хватали глав-

ным образом консервы и продукты в вакуумной упаковке. Пользовались спросом также копчености и все виды алкогольных напитков. Кто только не участвовал в грабеже: и дамы, до этого населявшие лучшие особняки прибрежного района, и государственные служащие в строгих костюмах, и клошары, всем другим удовольствиям жизни предпочитавшие дешевое вино и ночлег под мостом. Встречались и вообще странные личности, похожие на ряженных карнавального шествия: перепачканные красной краской лица, голые мускулистые торсы, султаны перьев на голове, дикий взгляд исподлобья.

Эриксу пришлось изрядно потолкаться в этой толпе, прежде чем его мешок разбух до пределов, еще не превышающих разумные, но сильно осложнявших проблему возвращения. Внезапно монотонный гул толпы, грабившей вполне спокойно и деловито, нарушили истерические крики. Несколько молодых полицейских, ворвавшись в торговый зал, принялись отбирать у людей добычу, заодно в устной форме ставя под сомнение их гражданское и человеческое достоинство.

Никто даже и не пытался пререкаться с представителями закона. Правда, пока одни беспрекословно сдавали награбленное и приносили свои искренние извинения, другие спешили к служебному выходу и разбитым витринам. Эрикс, оказавшийся недалеко от полицейских, еще решал, примеру какой категории сограждан последовать, когда прямо на его глазах произошла неправдоподобная по своему ужасу сцена.

Юный страж порядка, еще даже не имевший своего личного значка, скорее всего кадет полицейского училища, попытался вырвать у одного из ряженных огородную лопату, неизвестно для чего тому понадобившуюся. После минутной схватки краснорожий легко отшвырнул от себя мальчишку и все той же злополучной лопатой раскроил его голову с такой же легкостью, словно это был перезрелый арбуз. Все, кто оказался поблизости, просто окаменели от неожиданности, а убийца хладнокровно нагнулся к мучительно хрипевшей жертве и, набрав полные ладони крови, принялся мазать ею свое лицо и грудь.

Только после этого ошарашенные полицейские (никто из них не то что никогда не видел убийства человека в натуре, но даже не предполагал, что такое вообще возможно) попытались задержать ряженного. Но у того оказалось несколько сообщников — точно таких же, как и он, скуластых, широкогрудых,

перепачканных красным молодцов. (Эрик с опозданием сообразил, что это не краска, а запекающаяся человеческая кровь.)

Против безоружных полицейских были пущены в ход бронзовые топоры и короткие дубинки с шестиперыми каменными наконечниками. Если очередная жертва извергала в момент гибели недостаточное количество крови, ей ножом перерезали горло, и алая струя хлестала в ладони победителя.

Никто не ожидал такого поворота событий и не мог оказать даже малейшего сопротивления. То, что человек не способен убить человека, давно стало неоспоримой истиной, а следовательно, существа в пышных плюмажах не относятся к роду человеческому. Для всех, имевших несчастье оказаться здесь в этот момент, они были неистребимыми исчадиями ада, чудовищами из бреда, неведомой и страшной силой, которую нельзя победить и от которой невозможно скрыться. Если бы перемазанным кровью чужакам захотелось вдруг перебить вдесятеро большее количество людей, это не составило бы никаких проблем, однако, имея какие-то свои, совсем иные планы, они покинули магазин сразу же после расправы с полицией.

Только добежав до своего подъезда, Эрик вспомнил о мешке, неизвестно где забытом. Увидев его, жена всплеснула руками:

— Что с тобой опять случилось?! Ты же весь в крови!!

Эрик никаких ран на себе не чувствовал, но, ощупав одежду, убедился, что жена права — пиджак его напоминал сюртук палача, весь день усердно трудившегося у плахи.

— Это чужая кровь, — сказал он, лязгая зубами по горлышку коньячной бутылки. — Совсем рядом со мной убили человека... Полицейского... А потом еще нескольких... Кровь хлестала во все стороны... А потом убийцы мазали ею свои лица...

Немного успокоившись, он рассказал жене о мрачных пророчествах соседа и о сцене, свидетелем которой он стал в разграбленном магазине.

— Кто же это мог быть? Сумасшедшие? — Жена побледнела. Он заразил ее своим страхом, как раньше заражал страстью. — Ты говоришь, в волосах у них торчали перья?

— Не в волосах, а на шлемах. У каждого был на голове кожаный шлем с плюмажем... А в руках топоры и дубины.

— Какой ужас!

— Я не знаю, кто они такие... Может, их породил эффект антивероятности, вызванный аварией установки Кирквуда.

Или они настоящие хозяева этого мира. Недаром сосед говорил, что мы, возможно, находимся в чужой вселенной.

— Какая чушь!

— Чушь или не чушь, но давай вместе решать, как нам следует поступить. В городе становится все опасней. Ради спасения наших детей мы должны покинуть его.

— И не подумаю! — заявила она тоном, какого раньше никогда себе не позволяла. — Ты с ума сошел! Вы оба просто перепились и несли всякий бред! Вот он и засел у тебя в голове! Куда, спрашивается, мы пойдем? По жаре, пешком, с маленькими детьми? Ты погубить нас хочешь! Признавайся!

Эрикс хотел возразить ей, привести какие-нибудь убедительные доводы, но так и не смог найти нужных слов — кровавое происшествие лишило его не только аппетита и веры в светлое будущее, но и красноречия.

Проснувшаяся дочка позвала жену к себе, и та, продолжая костерить Эрикса, отправилась в детскую. Благодаря столетию безопасной и беззаботной жизни у нее атрофировался инстинкт самосохранения, столь свойственный женщинам предыдущих эпох.

Дети, поковыряв холодную кашу, раскапризничались — им хотелось фруктов и пирожных, они желали смотреть развлекательную программу, их тянуло на свежий воздух.

— И в самом деле, почему бы нам немного не погулять, — сразу встала на их сторону жена. — Нельзя же вечно сидеть взаперти.

— А придется! — возможно, впервые за их совместную жизнь Эрикс повысил голос. — Как ты не понимаешь, что вам нельзя выходить на улицу. Сейчас по ним гуляет смерть! Те трое или четверо, что устроили бойню в магазине, были только разведчиками! Оружие они прятали под одеждой! Завтра придут сотни, тысячи, десятки тысяч их собратьев и отнимут у нас все, а в первую очередь — жизнь! Мы совершенно беззащитны против них! Сами убивать не умеем, а все наши боевые машины обречены на бездействие.

— Папа, а когда наступит это завтра? — спросил сын. — Мы уже выпались и два раза поели, а вчера все не кончается. Разве бывают такие длинные-предлинные дни?

— Раньше не было, — наивный вопрос ребенка растрогал Эрикса. — А теперь бывают... Тут уж ничего не поделаешь,

надо привыкать. Что касается завтра... оно уже наступило. Хотя мне очень хотелось бы вернуться во вчера.

— Ты бы поменьше языком молол, а лучше сходил бы искал воды, — продолжала кипятиться жена. — Всего только пара глотков и осталась. Столько времени где-то болтался, а так ничего и не принес. Отец называется...

Эрикс хотел было огрызнуться, но вовремя передумал — хотя жена выбрала совсем не тот тон, в принципе она была права.

Учитывая прошлые ошибки, он решил изменить тактику — главное внимание уделять не супермаркетам и торговым центрам, притягивавшим к себе как мародеров, так и полицию, а мелким закусочным, барам и кафе. Хотя большинство из них уже были основательно очищены, на минеральную воду, кукурузные палочки, чипсы и сушеные овощные смеси никто особо не зарился.

По улицам шаталось довольно много народа — и просто зевак, и добытчиков, отягощенных мешками и сумками. В местах, считавшихся раньше наиболее людными, были вывешены написанные от руки объявления, предлагавшие воздержаться от паники, не выбрасывать в общественных местах мусора и экскрементов, создавать отряды взаимопомощи, всячески помогать полиции и сообщать в муниципалитет обо всех чрезвычайных происшествиях.

Долгие скитания принесли мало добычи, зато массу новых вестей. Город хоть и медленно, но оправлялся от полученного нокаута — мэр якобы заверил муниципальный совет, что продуктов хватит на несколько лет, заброшенные колодцы ремонтируются, начато строительство паровых машин для подачи воды и откачки нечистот, а опасность вспышки заразных заболеваний отсутствует — в свое время практически все горожане были подвергнуты тотальной иммунизации. Ожидается помощь от других государств, пострадавших в меньшей мере или вообще не затронутых загадочным бедствием.

Прислушиваясь к разговорам горожан, Эрикс выяснил, что трагическое происшествие, в которое он угодил по чистой случайности, было явлением отнюдь не единичным. Маньяки в пернатых шлемах устроили побоище еще в нескольких местах. Жертвы уже исчислялись десятками, и было похоже, что убийц привлекает главным образом человеческая кровь. Одну женщину, с ведром в руке отправившуюся на поиски воды, они сначала изнасиловали, а потом обезглавили ради все той же крови, которой нацедили чуть ли не полведра. Теперь в по-

лицейском управлении срочно формируются специальные отряды, вооруженные щитами, дубинками и огнетушителями разных марок. Кроме того, против убийц предполагалось применить специально обученных собак, чьи предки в свое время оказались невосприимчивы к вирусу усмирителя, поразившему человечество.

В очередном разграбленном бистро, которое посетил Эрикс, хозяин, несмотря на печальные обстоятельства, встретил его на диво добросердечно. Выяснив, что незванный гость, о намерениях которого красноречиво свидетельствовал перекинутый через плечо мешок, имеет двоих детей, хозяин собственноручно вскрыл запоры склада, оказавшиеся не по зубам малоопытным мародерам, и щедро поделился своими припасами.

Эрикс еще не успел толком поблагодарить его, как ящики на полках сами собой пустились в пляс, а люди, секунду назад державшие друг друга за руки, очутились в разных концах склада. С потолка сыпалась штукатурка, пол ходил ходуном, где-то с дребезгом сыпались стекла, и новые приятели поспешили выбраться на улицу.

Здесь подземные толчки ощущались куда менее резко, а толпа, собравшаяся на перекрестке, пялилась вверх с таким видом, будто бы опасность исходила именно оттуда, а не из недр планеты. Эрикс тоже не удержался и глянул в небо. Зрелище действительно было впечатляющим — раскинувшийся над городом решетчатый шатер приемника кирквудовской энергии сотрясаясь, как паутина, в которую угодил шмель. Вот оборвалась одна нить, на самом деле представлявшая собой напичканную сложнейшей аппаратурой трубу диаметром в десятки метров, вот свилась в штопор другая, а вот просело и перекосилось все грандиозное сооружение.

И под землей, и в небе творилось что-то неладное. Пророчества полульняного соседа, в которых Эрикс, впрочем, почти не сомневался, похоже, сбывались — загадочная и неисчерпаемая сила, питавшая Вселенную с момента зарождения, сорвалась с цепи, на которую ее посадили изобретательные, но недаленовидные людишки.

Землю опять качнуло, и зеваки, стоявшие на перекрестке, исчезли, словно их там никогда и не было. Исчез и сам перекресток: ряды заглохших автомобилей, старинные светофоры, широкие тротуары, узкая мостовая. На этом месте теперь расползалась желтоватая, тускло отсвечивающая лужа, и все, чего она касалась, тоже исчезало. Даже не уом, а, скорее, наи-

тием, Эрикс понял, что присутствует при редчайшем явлении — проникновении одного пространства в другое.

Край желтого пятна исподволь подбирался к нему. Теперь уже было видно, что это никакая не лужа, а некая стекловидная субстанция, напоминающая не то янтарь, не то мед, прихваченный морозом. В ее глубинах можно было смутно различить все то, что совсем недавно принадлежало земному миру, а теперь находилось неизмеримо далеко от него, за гранью привычных понятий: и оцепеневшую толпу, по-прежнему созерцавшую уже ставшие чужими для нее небеса; и машины, казавшиеся сейчас куда более широкими и короткими, чем это было на самом деле; и мостовую, из серой почему-то превратившуюся в оранжевую. Затем Эриксу показалось, что один из светофоров ожил. Вспыхнул и погас зеленый свет, его сменил красный, а потом и желтый, более яркий, чем окружающая его мутноватая желтизна. Это был словно последний привет родной планете, посланный из глубины мироздания, и одновременно предупреждение об опасности.

За пару мгновений до того, как граница желтого пятна достигла ботинок Эрикса, он сорвался с места и кратчайшим путем помчался к своему дому. Страх за ближних уже стал для него столь же обыденным чувством, как раньше забота о них. Но теперь этот страх достиг той интенсивности, когда человек уже не может здраво оценивать окружающую реальность.

Очнулся Эрикс только на своей улице. Сотрясения почвы прекратились, исковерканная приемная решетка больше не меняла своих очертаний, вокруг даже как будто посветлело. За время его отсутствия что-то изменилось здесь, и он не сразу понял, вернее, не сразу позволил себе понять, — что именно.

На привычных местах находились все здания, все фонарные столбы, все деревья в сквере напротив, даже все урны для утилизации мусора. Отсутствовал лишь дом, в котором проживала семья Эрикса. Впрочем, нет, он существовал, запечатанный в массиве магического янтаря, доступный только взгляду и видный сразу с четырех сторон, как в развертке.

— Похоже на зачарованный замок, не так ли? — произнес кто-то у него над ухом. — Помните сказку о злой колдунье, погрузившей в беспробудный сон принцессу и всех ее придворных?

Эрикс медленно отвел в сторону взгляд, в котором уже поблескивала легкая безуминка, и болезненно прищурился, пытаясь разглядеть человека, сказавшего эти столь неуместные

слова (четко видеть ему мешала какая-то мерцающая пелена в глазах).

— А, это опять вы, — вымолвил он наконец. — Признаюсь, в тот раз вы оказались правы... Но я, к сожалению, не последовал вашему совету...

— Я так и предполагал, — ухмыльнулся сосед, не то опять пьяный, не то чрезмерно жизнерадостный по природе. — И поэтому недавно снова нанес вам визит. Увы, дома вас не оказалось, и пришлось иметь дело с супругой. Каюсь, но я выставил ее на улицу почти силой. Когда дом вдруг пропал из вида, с ней случился небольшой обморок. Мне пришлось отвести ее в кафе напротив. Дети тоже там.

Вторая смертоносная пуля миновала Эрикса, лишь вздыбив обжигающим ветром волосы на его голове.

Человеку, у которого не осталось никакого другого имущества, кроме того, что на нем надето, легко отправляться в дальнюю дорогу. Этой же мысли придерживался и Доктор (своими соседом Эрикс считать его уже не мог — если нет дома, какие могут быть соседи).

— Ничего, все нужное прихватим в пути, — беззаботно говорил он, ведя за руку мальчишку. — Главное, поскорее выйти из города.

— Конечно, конечно, — соглашалась жена, ставшая вдруг на диво покладистой.

Эрикс хорошенько откашлялся (все предыдущие попытки выразить благодарность заканчивались ничем — язык его еле ворочался, не попадая в унисон с мыслями) и с трудом выдавил:

— Теперь я ваш вечный должник... Еще чуть-чуть, и я бы кинулся в эту желтую яму.

— У вас бы ничего не вышло, — сказал Доктор. — Если это и был пробой пространства, то очень кратковременный. Человеческому взгляду не дано его заметить. А желтая субстанция — вроде как гнойный струп, оставшийся на месте раны. Сейчас там можно в футбол играть.

Они немного помолчали, а потом, чтобы не беречь души, Эрикс попробовал перевести разговор на другую тему.

— Как я погляжу, не мы одни покидаем город, — он оглянулся по сторонам. — Но с нами-то все понятно, мы люди бездомные. А вот что гонит остальных?

— Страх, — ответил Доктор. — Но вовсе не перед разгулом

кирквудовских сил... Дети, вы видите вон ту клумбу? Принесите-ка мне букетик цветов.

— Нельзя рвать цветы с клумбы! — хором возразили дети, но все же вынуждены были уступить уговорам взрослых.

Когда брат и сестра оказались на приличном расстоянии от взрослых, Доктор продолжил:

— До вас доходили слухи о появлении в городе кровожадных чужаков, убивающих всех налево и направо?

— Я видел их собственными глазами, — Эрикса даже передернуло от неприятных воспоминаний. — В метре от меня они расправились с молодым полицейским.

— Так вот, есть совершенно точные сведения, что совсем недавно орды этих дьяволов ворвались в город с севера. Их уже успели назвать «мясниками». Идет резня, какой не было на Земле уже полтора века. Они насилуют женщин и детей. Убивают мужчин. Грабят. А потом собирают кровь мертвецов в большие кожаные мешки.

— Для чего им кровь? — ахнула жена.

— Скорее всего для жертвы богам. Чтобы кровь преждевременно не свернулась, они добавляют в нее сушеных пиявок.

— Никогда бы не поверил, если бы не видел этих убийц сам, — сказал Эрикс. — И откуда только они явились...

— Осторожней, дети возвращаются... — предупредила жена. — Я пойду с ними вперед, а вы уж одни обсуждайте свои дела.

— Вы спрашиваете, откуда они явились, — произнес сосед некоторое время спустя. — Не знаю. Из другого пространства. Или из другого времени. Возможно, это неизвестная науке ветвь кроманьонцев. Или легендарные атланты. Или предки ацтеков. Или какой-то еще более древний народ. Сейчас это не столь уж и важно.

— Голова кругом идет! Неужели мы не можем справиться с толпой дикарей? Ведь у них нет ничего, кроме топоров и двубинок.

— Зато у них есть что-то большее. Презрение к чужой жизни, жажда убийства. Что мы можем противопоставить им? Уговоры тут не помогут. Угрозы тем более. Остановить этих двуногих волков может только сила. А наше оружие обречено на бездействие... Да дело даже не в этом. Вот ответьте, вы сами способны убить человека?

— Я? — растерялся Эрикс. — Никогда!

— Вот видите, что получается. Точно так же настроены и остальные наши соотечественники. Некоторые полицейские

пытались проводить адекватные действия. Взяли ножи, дубинки, музейные сабли. Ни к чему хорошему это не привело. Одни впали в состояние, близкое к шизофрении. Другие попросту потеряли сознание. Третьи едва не покончили с собой... Если в конфликт вступают самые глубинные основы личности, в первую очередь страдает психика.

— Получается, мы обречены?

— Надеюсь, что нет, хотя дела наши весьма плохи. Но выход можно найти даже из самой трагической ситуации. Наиболее простое решение — скрыться от опасности, как это пытаемся сейчас сделать мы. Есть и другие варианты.

— Какие? — Эрикс не спускал глаз с идущих впереди жены и детей.

— Если мир изменился настолько, что мы вынуждены делить его с совершенно неизвестным прежде народом, надо поискать в нем союзников, не утративших способность к насилию. Варвары-наемники защищали Рим не менее самоотверженно, чем его полноправные граждане. Коль сами мы не можем держать меч, надо вложить его в верную руку.

— Пока это относится к области предположений.

— Пускай. А что нам еще остается делать, как не строить предположения? Вот еще одно. Как вам нравится идея отгородиться от врагов непреодолимой преградой?

— Что-то наподобие Китайской стены?

— Не обязательно. Есть очень надежная колючая проволока, которой огораживают слоновьи заповедники. Минные поля. Рвы с нефтью, вспыхивающие в нужный момент. А еще лучше рвы с водой, отравленной смертельными токсинами... Но, к сожалению, на устройство этих преград потребуется немало времени и усилий.

Так они безо всяких злоключений миновали центр города, похожий сейчас на молодящуюся старуху, с которой стерли грим, сорвали парик да вдобавок еще окатили нечистотами, и вскоре оказались на южной окраине, почти не затронутой бедствиями последних дней. Присоединившись к толпе, грабившей шикарный супермаркет, Эрикс и Доктор запаслись продуктами и кое-какой одеждой. Особенно повезло Эриксу, сумевшему завладеть парой туристских велосипедов. Третий Доктор выменял на бутылку бренди у старика, все равно не умевшего ездить. Благодаря этому они вскоре оказались во главе колонны беженцев.

Пока что самые большие неприятности доставляли им комары, тучами налетевшие неизвестно откуда. На людей они

набрасывались с такой алчностью, словно голодали с самого рождения. Пришлось запастись еще и аэрозольными баллончиками с инсектицидом, не столько губившим, сколько отпугивавшим крылатых кровососов.

Счет времени был давно потерян. Оставалось только надеяться, что биологические ритмы организма не разладились и тяга ко сну означает наступление ночи, а пробуждение — начало нового дня. Если верить такому календарю, беда настигла их на четвертые сутки пути, вблизи от внушительного монумента, представлявшего собой поставленное на острый конец черное яйцо. (Невозможно было даже вообразить размеры птицы, способной снести такую громадину.)

Один сплошной город, которым по сути дела и была вся территория Будетляндии, здесь распадался на небольшие городки, отделенные друг от друга узкими полосками садов и плантаций. Все они казались вымершими — люди или покинули свои дома, или боялись высунуть нос наружу.

Привал устроили вблизи циклопического яйца, чем-то понравившегося Доктору. Пока дети, на удивление быстро привыкшие к кочевой жизни, возились на газоне, окружающем монумент, а жена Эрикса стряпала нехитрую пищу, Доктор куда-то отлучился, сказав, что хочет осмотреть окрестности.

Вернулся он явно озабоченный чем-то, хотя виду старался не показывать, дабы не тревожить женщину и детей. Когда трапеза закончилась, он легким кивком головы отозвал Эрикса в сторону.

— Я специально завел вас в эти края, — сообщил он таким тоном, словно сознавался в предательстве. — До сих пор мы обходили стороной установки Кирквуда. И все же сейчас пришли к одной из них. Это экспериментальный образец нового поколения, действующий совсем по иным принципам. Он на порядок мощнее своих предшественников и не требует наличия приемной решетки. Приемником для него служит вся наша планета. Мне было любопытно узнать, как поведет себя это чудо техники в критических условиях...

Он умолк, словно подыскивая нужные слова, и Эрикс, не столько заинтригованный, сколько обеспокоенный, спросил:

— И что же?

— Ясно, что экспериментальная установка тоже пострадала, хотя последствия этого проявляются совсем иначе, чем в предшествующих моделях... Впрочем, тут опять начинается область предположений. В момент аварии старые установки соединяли смежные пространства накоротко, создавая нечто

вроде грубой и непреодолимой спайки. Здесь же все по-другому... Похоже, что место соприкосновения миров не закрылось. Понимаете, что я имею в виду?

— Пока не совсем, — признался Эрикс.

— Невдалеке отсюда, возможно, существует туннель, связывающий наш мир с совсем иным пространством. В теории многомерной вселенной такие гипотетические туннели называются «глубокими дромосами».

— Вы предлагаете воспользоваться им?

— Ни в коем случае! Мы ничего не знаем об условиях, царящих на выходе из дромоса. Он может вывести нас куда угодно. В глубины океана, в недра звезды, в космическую пустоту. Кроме того, сопряженный мир не обязательно будет трехмерным, как наш. А это подразумевает совсем другую структуру материи и совсем другие физические законы. Самым разумным будет, если мы немедленно покинем это место. Там, где появился свободный проход, вскоре появятся и желающие им воспользоваться. Сейчас даже предположить нельзя, кто это будет: болезнетворные вирусы, смертоносные паразиты, ненасытные чудовища или просто ядовитые компоненты чужой атмосферы.

— Но пока я не замечаю никаких признаков опасности. — Эрикс глянул в сторону монумента, возле которого расположилась его семья. — Детям нужен отдых... Давайте подождем хотя бы несколько часов.

— Боюсь, как бы нам потом не пришлось жалеть о промедлении. — Доктор заметно нервничал. — Не знаю, в чем тут дело, но все дома в округе пусты. Я не встретил ни единого человека.

— А если здесь успели побывать мясники? — насторожился Эрикс.

— Тогда остались бы следы грабежа, обескровленные трупы... Нет, нам надо уходить. Если что-нибудь случится, вы сами себе этого не простите.

— Согласен, — кивнул Эрикс, убедившись, что спорить с Доктором бесполезно. — Только постарайтесь не напугать детей. Если они спросят о причинах такой спешки, придумайте какой-нибудь благовидный повод.

Однако придумывать ничего не пришлось. До слуха Эрикса донесся жалобный вскрик жены. Бросив велосипеды и все имущество, она бежала к ним, волоча за собой детей.

— Что с тобой? Что? — Эрикс кинулся им навстречу.

— Там... Там... — Зубы ее стучали, а глаза от страха утратили осмысленное выражение. — Я видела их...

— Кого? — Эрикс слегка встряхнул жену за плечи.

— Тех самых страшных людей, о которых ты рассказывал.

— Ты не ошиблась? — Сердце Эрикса заколотилось так, словно он только что одолел по крайней мере половину марафонской дистанции.

— Нет... У них на голове перья... И дубины в руках... Да вон же они, вон!

Но Эрикс уже и сам видел, что из-за яйцеобразного монумента вышли три обнаженных по пояс воина. Их могучие торсы и грубые, суровые лица, казалось, были вылеплены из красной глины. Шлемы двоих украшали плюмажи из черных перьев, а одного, самого высокого, — из белых.

Демонстративно не обращая внимания на кучку людей, застывшую в сотне метров от них, мясники рассматривали брошенные на газоне велосипеды. Неизвестно, к какому умозаключению они пришли, но тот из них, который носил белые перья, отдал какое-то распоряжение, и его соплеменники принялись энергично махать дубинами, приглашая Эрикса и его спутников подойти поближе. Убийцам уже наскучило в поте лица гоняться за жертвами, и тем милостиво позволялось самим подставить голову под разящий удар каменной дубины.

В третий и, видимо, в последний раз судьба целилась Эриксу прямо в висок.

Дети, которым передались страх и отчаяние взрослых, заплакали. Их мать, похоже, уже смирившаяся с жестокой судьбой, закрыла лицо руками. Единственным человеком в мире, способным защитить их сейчас, был Эрикс, и он осознал это с той беспощадной губительной ясностью, которая посещает людей (и то не всех, а самых лучших) только в самые отчаянные минуты всеобщего бедствия.

— До этого... дромоса... далеко? — спросил он, тщательно выговаривая каждое слово.

— Нет, — сипло ответил Доктор. — С полкилометра.

— Минуты две-три, если бежать изо всех сил... Значит, вам придется бежать изо всех сил... Детей возьмете на руки... на три минуты я этих людоедов задержу.

— Вы хоть понимаете, куда посылаете нас? — Голос Доктора сорвался.

— Понимаю. Разве не вы говорили, что дикари вначале

насилюют женщин и детей, а потом добывают из них кровь... Я не хочу, чтобы моих детей насиловали. Если им суждено умереть, пусть лучше они умрут в пламени звезды, чем в лапах этих чудовищ. Вам все ясно?

— Все... — пробормотал Доктор. — Может быть, останусь я? Впрочем, нет... вы не найдете входа в дромос.

— Вот и договорились. — Эрикс вытащил из кармана куртки баллончик с инсектицидом. — Отдайте мне свой. В другой вселенной и комары, наверное, другие... Скажите, только честно, шанс выйти из дромоса живыми у вас есть?

— Есть, конечно... Но сейчас его невозможно определить. Смотрите, эти гориллы снова машут нам.

— Тогда вам пора...

— Я вот что подумал... — замылся Доктор, — если вы сумеете задержать мясников на три минуты, мы лучше спрячемся где-нибудь.

— Нет. Они вас найдут. Это прирожденные охотники за людьми. Бегите, пока они не пришли в ярость. Но сначала пообещайте, что никогда не оставите моих детей в беде.

— Никогда. — Доктор глянул прямо в глаза Эриксу. — Я хочу признаться вам... Теперь уже можно. В молодости я подавал большие надежды... Во всем... Считался образцовым экземпляром... И, конечно, сдавал семя. Процедура искусственного оплодотворения окутана тайной, но я сумел узнать некоторые имена... Исключительно из любопытства... Большинство моих детей уже взрослые... За исключением его, — он погладил по голове плачущего мальчика. — Конечно, это ваш сын... Но и я не пожалею для него своей жизни.

— Тогда я спокоен. Удачи вам.

Прощаться было некогда, белоперый уже за что-то гневно выговаривал своим подручным, и Эрикс, сунув сына в руки жене, подтолкнул ее в спину. Этого оказалось вполне достаточно — дальше ее погнал инстинкт жертвы, спасающейся от хищника. Бежала она даже быстрее, чем Доктор, которому досталась более тяжелая ноша — девочка.

Мясники, узрев вдруг, что большая часть их добычи (и причем — самая лакомая) пустилась наутек, тоже сорвались с места. Впрочем, белоперый, абсолютно уверенный в успешном исходе погони, через несколько шагов остановился и в дальнейшем помогал преследователям только зычными криками.

Эрикса мясники в расчет пока как бы не принимали и весьма удивились, когда он, держа руки за спиной, преградил

им дорогу. Впрочем, это было не человеческое удивление, чувство в общем-то доброе, а злобное изумление волков, наперерез которым бросается овца, защищающая своих ягнят.

Тот из мясников, который оказался ближе к Эриксу, замахнулся дубинкой, однако завершить удар не смог, поскольку получил прямо в лицо едкую струю комариной отравы. Спустя мгновение та же участь постигла и другого.

Человек, внезапно утративший зрение, пусть даже он трижды герой и провел на тропе войны всю свою сознательную жизнь, представляет легкую добычу даже для заведомо слабого противника. Быстро добившись перевеса, Эрикс решил продолжать бой до конца. Пока мясники, истошно воя, топтались на одном месте и протирали кулаками глаза, он продолжал тщательно обрабатывать инсектицидом их тупоумные головы. Если предположить, что эти громилы имели вшей (а скорее всего так оно и было), то все они благополучно скончались за эти две-три минуты.

Один из мясников попытался сбежать, но зацепился за древесный корень и растянулся на земле. Его дубина отлетела в сторону. Ситуация складывалась явно в пользу Эрикса. Он не только сумел выиграть нужное время, но и сам получил шанс на спасение. Правда, содержимое баллончиков уже заканчивалось (слишком расточительно оно расходовалось раньше), и мясники должны были вскоре прозреть. Эриксу надо было удирать во все лопатки, но он, одурманенный азартом боя, решил упрочить победу.

Не помня себя, Эрикс подхватил с земли оброненную дубинку и занес ее над мясником, еще продолжавшим держаться на ногах. И тут случилось то, что и должно было случиться в данной ситуации с человеком, глубоко в подсознании которого сидело необоримое отвращение к убийству.

В голове Эрикса что-то словно лопнуло, отдавшись острой болью в глазах, ушах и затылке. Качнувшись в сторону, он едва не потерял равновесия и выронил дубинку. Дурнота быстро нарастала, и, чтобы справиться с ней, он впился зубами в мякоть ладони. Резкая боль привела Эрикса в чувство, но весь он теперь был как тряпка. Не хотелось уже ни жить, ни сражаться, ни убегать. Только спать, спать, и больше ничего.

Мясник, оставшийся у монумента, раскручивал над головой палку с кожаной петлей на конце.

«Это, наверное, праща, — тупо подумал Эрикс. — Легкая артиллерия древности».

Хлопка кожаной петли, освободившейся от камня, он не

слышал, потому что за секунду до того заснул и тихо осел на землю. Благодаря такому непредвиденному обстоятельству камень угодил не в голову Эрикса, а в ствол величественного платана, росшего у него за спиной.

Потом его грубо подняли на ноги и погнали куда-то. Вокруг шныряли мясники, рьяно выискивавшие попрятавшихся горожан, но никого из своих недавних противников Эрикс среди них не заметил.

Над бульваром, окруженным плотной цепью воинов, стояли крик, плач и тяжкий дух свежeproлитой крови. Здесь был сборный пункт для живых, сюда же ташили и мертвых. Пленных, оказавшихся внутри кольца, сортировали по признакам пола и возраста. Молодых и сильных мужчин отводили в одну сторону, всех остальных — в другую. Тем, кто попал в первую группу, предстояло стать носильщиками, а тем, кто во вторую, — грузом. И хотя первая группа по понятным причинам сильно уступала в численности второй, кое-кто в ней рисковал остаться без ноши (и без головы, естественно), потому что один мешок вмещал кровь сразу дюжины человек. Впрочем, и среди женщин попадались не желавшие уступать мужчинам своего законного права на труд. Отчаянно жестикулируя, они пытались доказать палачам, что объемистый, трехведерный мешок не будет для них в тягость.

Наблюдать и слушать все это было настолько тяжело, что Эрикс зажмурил глаза и заткнул уши. Он оказался одним из последних, кому достался мешок, наполненный теплой, еще не загустевшей кровью. Еще троих или четверых мужчин оставили в резерве, а остальных пустили под нож. Эрикс, хоть и отвернулся в этот момент, слышал все, начиная от воплей, неизбежных на начальной стадии такой операции, и кончая бульканьем добываемого продукта.

В путь выступили без промедления, видимо, конвой, не надеясь особо на зелье из сушеных пиявок, опасался за сохранность столь ценного груза.

Единственное, что позволялось носильщикам, — это вздремнуть на редких и коротких привалах да попить воды из придорожной лужи. Тех, кого оставляли силы, немедленно добивали мясники, и тогда груз крови увеличивался еще на несколько литров. Впрочем, печальный конец ожидал всех пленников, даже тех, кому суждено было осилить дорогу, — в этом никто из них не сомневался. Пользуясь высоким стилем,

отряд носильщиков, растянувшийся по дороге чуть ли не на километр, можно было назвать процессией мертвецов.

Но на самом деле все обстояло как раз наоборот — многим из пленников суждено было уцелеть и даже вернуться на родину, зато их конвоирам смерть была гарантирована в самое ближайшее время. Причиной этому явился один малозначительный на первый взгляд эпизод, имевший место несколько дней назад при разгроме мясниками Института санитарии и гигиены.

Вышеуказанное научное заведение славилось своей уникальной коллекцией вирусных и бактериальных культур. В первые часы после катастрофы директор института получил распоряжение мэрии, требовавшее принять все меры к тому, чтобы опасные для жизни и здоровья людей вещества не попали в чужие руки, что могло усугубить и без того трагическую ситуацию.

На следующий день несколько сотрудников приступили к уничтожению опасной коллекции. Поскольку специально предназначенная для этих целей аппаратура бездействовала, а обыкновенный костер не мог гарантировать успех, решено было упрятать контейнеры с пробирками в бетонный саркофаг.

Пока рыли яму, пока искали цемент, пока замешивали раствор, в институт ворвались мясники. Персонал, безуспешно пытавшийся объяснить им всю опасность ситуации, был беспощадно уничтожен, а пробирки, содержащие чумные палочки, холерные вибрионы, малярийные плазмодии, бактерии сибирской язвы и еще много чего в том же роде, превратились в груды битого стекла, перемешанного с кровью несчастных медиков. Той же кровью победители щедро намазали свои лица. Именно с этой минуты целый букет опаснейших инфекционных болезней стал быстро распространяться среди мясников. (Горожане, еще в раннем детстве прошедшие поголовную иммунизацию, к счастью, были невосприимчивы к эпидемии.)

Первые жертвы среди конвоиров появились сразу после того, как пеший караван вступил в пределы страны, впоследствии получившей название «Гиблая Дыра». В данный момент она находилась в положении не менее печальном, чем ее случайная соседка Будетляндия.

Поля, дороги, города и деревни были сплошь залиты водой, из которой торчали лишь верхушки холмов да ступенчатые башни храмов, увенчанных изваяниями острогрудой женщины со звериным лицом, обрамленным пышными косами.

От холма к холму и от башни к башне плавали неуклюжие тростниковые плоты, на один из которых и погрузили всех вновь прибывших.

Уже тогда Эрикс обратил внимание на странное поведение конвоиров. Большинство из них утратили прежнюю прыть и старались прилечь при каждом удобном случае. Одних постоянно рвало, другие мучились кровавым поносом, третьи задыхались от кашля, у четвертых тела раздулись до невероятных размеров. Многие ослепли, и почти у всех на коже появились багровая сыпь и гнойные язвы.

Когда плот пристал к ступеням полузатопленного храма, сплошь усеянным толпами молящихся, около дюжины конвоиров уже не подавали признаков жизни. Кровь, добытая из них, смешалась с кровью несчастных сограждан Эрикса.

Пленников заставили таскать мешки к подножию статуи, где страшный груз принимали бритоголовые, увешанные гирляндами раковин жрецы. Под неумолчное монотонное пение толпы они по специальным лестницам взбирались на плечи своей богини и обильно поливали кровью ее голову, груди и спину. Внизу эта кровь становилась добычей молящихся — ею мазали себя, своих детей и всех, кто находился рядом.

Человеческая кровь должна была умиловить гневливую богиню, наславшую потоп на свой народ. Так продолжалось по многу часов кряду. Потом плоты привозили новые толпы молящихся, новые жрецы взбирались на плечи богини и новая кровь струилась по уступам храма, сея вокруг смертоносную заразу.

Запасы жертвенной крови быстро шли на убыль, а это означало, что для носильщиков приближается смертный час. Охраняли их уже совсем другие воины, а тела прежних конвоиров, исклеванные птицами и изъеденные хищными рыбами, плавали вокруг.

Жертвоприношение продолжалось, правда, уже не с тем размахом. Богомольцев поубавилось, да и жрецы как-то подрастеряли рвение. За все время долгой службы на богиню выливали теперь не больше пяти-шести мешков крови.

Вскоре плоты вообще перестали прибывать, а жрецы если что и могли, то только стонать и харкать. Над богиней, чей страшный лик был скрыт сейчас толстым слоем запекшейся крови, висели тучи мух.

Охранники тоже едва шевелились. Гораздо гуманней было бы прикончить их, чем наблюдать за долгой агонией, но на такое товарищи Эрикса по несчастью решиться не могли.

Лишь после того, как затихли последние стоны умирающих, они очистили от их тел палубу и на веслах пустились в обратную дорогу.

Отсутствие компаса и карты весьма удлинило срок путешествия, но в конце концов на горизонте замаячила слегка покосившаяся, но по-прежнему величественная решетка приемника кирквудовской энергии.

Будетляндия представляла собой зрелище настолько безнадежно-печальное, что у некоторых спутников Эрика, благополучно прошедших сквозь адовы муки плена, вскоре появились перекосы в психике. Заброшенные города ветшали, немногие уцелевшие жители существовали за счет жалких остатков былого благополучия.

Лишенный медицинской помощи, растерявший почти все свои прежние знания, неспособный к естественному зачатию и утративший всякую надежду народ быстро вымирал. Вблизи от установок Кирквуда, которые теперь функционировали как бы сами по себе, происходили всякие жуткие феномены. Желтые, как янтарь, массивы перестроенного пространства разрастались.

Глубокий дромос, все еще существовавший вблизи яйцеобразного монумента, стал предметом едва ли не культового поклонения. В него уходили все те, кто уже не имел сил жить, но не решался на самоубийство. Назад из дромоса еще никто не вернулся.

Эрик примкнул к тем, кто еще как-то пытался спасти себя и других. Они разыскивали неразграбленные склады, как могли, лечили больных, по крупицам восстанавливали утерянные знания и даже экспериментировали с различными материалами, пытаясь вновь добыть электрический ток.

Последнюю точку в истории Будетляндии поставили аггелы, проникшие туда через территорию вымершей Гиблой Дыры. Народ, неспособный служить идеям Кровавого Кузнеца, естественно, не имел права на существование. Лишь немногим, в том числе и тяжело раненному Эриксу, удалось спастись в Эдеме...

Боевую машину будетлян они обнаружили лишь сутки спустя невдалеке от места, которое называлось Парком Всех Стихий. Видом своим она напоминала короткокрылый и бесхвостый реактивный истребитель и, по словам Эрика, могла

летать, зарываться глубоко под землю, нырять в воду и даже выходить в космическое пространство.

В момент всеобщей катастрофы машина находилась в воздухе, о чем свидетельствовали руины здания, в которых она ныне покоилась. Впрочем, ее корпус, устойчивый к любым видам воздействия, включая лучевое и ядерное, почти не пострадал. В свое время аггелы пытались проникнуть в нутро машины, на что указывала процарапанная на краске надпись «Власть Каину!», но точно с таким же успехом мартышка могла бы попытаться вскрыть банковский сейф.

На корпусе машины не было заметно ни единого шва, а тем более болта или заклепки. Можно было подумать, что это одна цельная отливка. Эриксу, весьма неплохо разбиравшемуся в технике своей эпохи, потребовалось тем не менее несколько часов, чтобы добраться до оружейного отсека, в котором компактно располагались несколько разнотипных боевых систем, по мере надобности сменявших друг друга у расположенной в носу амбразуры. Было здесь даже что-то, напоминавшее крупнокалиберный пулемет. Кирквудовская пушка, которую Зяблик сразу окрестил Горынычем, размерами и весом не превышала пищали, в свое время украшавшей краеведческий музей Талашевска.

Положительным ее качеством, помимо мощи, было отсутствие нужды в боезапасе (необходимая для выстрела энергия поступала непосредственно из окружающего пространства), а отрицательным то, что ее конструкция не подразумевала участия в стрельбе человека. Зяблик, считавший себя большим знатоком оружия, при всем своем старании не обнаружил ни прицела, ни даже спускового крючка. Эриксу, силы которого поддерживались исключительно пилюлями, обнаруженными в заведении, выполнявшем здесь функции аптеки, пришлось немало повозиться над упрощением систем, изначально предназначенных для роботов, не имевших рук, зато видевших все буквально насквозь.

После всех добавлений и изъятий получилось довольно неуклюжее устройство, похожее одновременно и на бас-геликон, и на все ту же древнюю пищаль. Мощность выстрела Эрикс установил среднюю — город одним залпом не снесешь, но парочку небоскребов запросто.

Все, кроме не любившей шума Лилечки, самого Эрикса да еще Толгая, так и не вникшего в суть происходящего, горели желанием немедленно испытать волшебное оружие.

— Я ведь уже предупреждал вас, что последствия любого

выстрела непредсказуемы. — Эрикс пытался отговорить смельчаков от опасного эксперимента. — Кроме того, мы рискуем преждевременно раскрыть свои планы. Ангелы могут догадаться, каким оружием мы владеем. И, в конце концов, это просто опасно!

— Нет, шеф, так не годится! — возражал Зяблик. — Сам посуди, даже пистолет перед боем испытать положено. А прощого пистолета только кувалда устроена. Здесь же техника другого тысячелетия. Как я на дело пойду, если не уверен в ней? Соображаешь?

В конце концов Эриксу надоело спорить, и он начал объяснять методику стрельбы из кирквудовской пушки, не забывая делать пространные экскурсы в ее устройство и принцип действия. Это сразу охладило пыл Зяблика.

— Нет, тут не с моей головой разбираться, — заявил он самокритично. — Учи лучше Смыкова. У него, как-никак, высшее образование.

— У меня, прошу заметить, гуманитарное высшее образование, — немедленно возразил Смыков. — К технике я отродясь способностей не имел. Самой подходящей для обучения считаю кандидатуру товарища Цыпфа.

— Во-во! Обучайте его, обучайте. А он эту пушку или потеряет, или испортит, — буркнул Зяблик, однако был все же вынужден поддержать приятеля. Не бабам же доверять столь грозное оружие.

Лева от оказанного ему доверия слегка струхнул, однако объяснения Эрикса слушал внимательно и даже толковые вопросы время от времени задавал. Когда теоретическая часть закончилась, стали выбирать цель для практических занятий. Ничего более подходящего, чем разукомплектованная боевая машина, на глаза не попадалось.

— Хрен с ней! — выразил общее мнение Зяблик. — Зачем металлолом жалеть!

На всякий случай укрылись за углом соседнего здания (хотя никакой защиты от выстрела Горыныча существовать не могло) и благословили Цыпфа на доброе, хотя и не совсем безопасное дело. Верка его даже перекрестила, а заранее перепуганная Лилечка поцеловала в щеку.

Лева направил пушку нужным концом (не имевшим, кстати, никакого отверстия) в нужную сторону и сделал все так, как учил его Эрикс — что-то покрутил, что-то дернул, а что-то нажал. Ничего даже отдаленно похожего на выстрел не последовало. Зяблик уже хотел пройтись матерком по будет-

ляндской военной технике, но тут лицо его буквально ошпарил ледяной ветер.

— Ништяк! — первым опомнился Зяблик. — Правильная покупка! С такой штукой мы в Отчине за пару дней порядок наведем.

— Не знаю, к счастью или к несчастью, но это устройство действует только в пределах, ограниченных приемником кирквудовской энергии, — Эрикс ткнул пальцем в нависающий над их головами небесный невод. — Вне Будетляндии это совершенно бесполезный предмет.

Вот тут-то и раздался грохот. Откуда-то с высоты посыпались бетонные глыбы и улеглись в кучу, мало чем отличавшуюся от прежней. Сверху на нее грохнулась боевая машина, совершенно не пострадавшая от всех выпавших на ее долю злоключений. Снежный смерч, теряя приобретенную ранее добычу, вернулся на прежнее место и стремительно рассеялся. О сокрушительном выстреле теперь напоминал лишь идеально ровный эллипс инея, окружавший руины.

— Ну и дела-а-а, — покачал головой Смыков. — Как говорится, много шума из ничего.

— Почему из ничего! — возмутился Зяблик. — Попробуй сигани с такой высоты! Костей не соберешь!

— А все же принцип причинности — великое дело, — задумчиво сказала Верка. — Я это как-то раньше не понимала. Хорошо, что коровы не летают, а у людей рождаются дети, а не бесенята.

— И зубы у женского пола растут там, где положено, а не в другом месте, — добавил Зяблик вполголоса.

Эпопея со сверхоружием окончательно измотала Эрикса.

Его кое-как довели до аптеки, почти не подвергшейся разгрому, но найти для себя достойного лекарства он не смог и ограничился все теми же пилюлями, стимулирующими организм, но никак не препятствующими его необратимому разрушению. В мире будущего людей лечили специальные медицинские комплексы, имевшиеся в каждой квартире. С помощью сети датчиков, установленных в постельном белье, унитазах, ваннах и даже столовой посуде, они контролировали здоровье хозяев, самостоятельно ставили диагноз и, если возникала такая нужда, добавляли в их пищу необходимые снадобья. Крах электронных систем означал и полный крах здравоохранения. После того как отключился последний компьютер, никто в

Будетляндии не мог даже ссадину толком продезинфицировать, не говоря уже о проведении сложных операций или правильном медикаментозном лечении.

Зяблик, порыскав в окрестностях, отыскал-таки неразграбленный продовольственный склад. Вскрыть его, правда, оказалось куда сложнее, чем подломить обычный райповский магазинчик. Пришлось истратить две обоймы патронов и сломать последний из трофейных мечей. Несмотря на самый дотошный обыск, никаких спиртосодержащих веществ в складе не обнаружилось, да и ассортимент продуктов питания был весьма странный — все вегетарианское и пресное. Не иначе как здесь отоваривались какие-нибудь фанатичные сторонники здорового образа жизни вроде индийских йогов или буддийских монахов.

Решено было оставить Эрика на попечении Лилечки, а всем остальным идти в поход на аггелов. Как девушка ни артачилась, как ни просила оставить за компанию с ней еще и Верку, ничего не помогло. Верка являлась не только медиком и бывалым бойцом, но и талисманом ватаги. Идти без нее на опасное дело было бы плохой приметой. Для того чтобы хоть немного успокоить Лилечку, всем пришлось дать клятву во что бы то ни стало вернуться. Смыков клялся партбилетом. Чмыхало — всем пантеоном своих варварских божков. Зяблик делал вид, что рвет пальцами передний зуб и орал: «Сукой буду!», а Цыпфу можно было и вовсе не клясться — и так ясно, что если жив останется, то обязательно вернется.

Остающихся обеспечили водой и питанием чуть ли не на месяц вперед и, уходя, пообещали добыть победу, скальп подлого изменника Оськи и много-много бдолоха, который должен был излечить Эрика от его непонятной болезни. Прощаясь с ватагой, бывший нефилим сказал:

— Помните все, о чем я вас предупреждал. Старайтесь двигаться по открытой местности. Аггелов близко к себе не подпускайте, шальная пуля может вывести пушку из строя. И ни в коем случае не применяйте ее против существ или явлений, порожденных силами Кирквуда. Хоть и говорится, что клин клином вышибают, не стоит гасить пожар из огнемета... Вы уже наметили маршрут?

— Вернемся к гавани, — сказал Смыков. — Штаб их где-то там располагается.

— Правильно, — Эрик кивнул. — И не только штаб, но и лаборатория. Сырой бдолох далеко от границ Эдема не унесешь. Если вы меня уже в живых не застанете, то знайте —

все, что я рассказал об Эдеме, близко к истине. В ситуации, когда над человечеством нависнет угроза неминуемой гибели, спасение можно будет найти только там... И не надо обижаться на Рукосуева и его друзей. Они еще не настоящие нефилемы. Эдем изменил их, но недостаточно радикально. Нельзя вылепить шедевр из куска уже засохшей глины. Истинными обитателями Эдема станут только те, кто родится там... А вам всем я желаю удачи.

С ажурной башни, представлявшей собой остатки какого-то аттракциона наподобие американских горок, Смыков разглядел вдали здание казино, косо торчавшее среди массива других построек, как разрушенных, так и уцелевших. Путешествовать по Будетляндии было не сложно. Брался визуальный пеленг на одну из вертикальных нитей небесного невода (все они отличались чем-то друг от друга — то ли пострадали во время катастрофы, то ли так это и было задумано изначально), которая в дальнейшем и служила ориентиром, заметным в любую погоду и с любого расстояния.

Памятуя о наставлениях Эрикса, они шли почти в открытую, поначалу обходя не только районы наиболее плотной застройки, но и отдельно стоящие здания, хотя вполне естественное любопытство побуждало их к более близкому знакомству с жизнью потомков. Да и не всегда удобно было иметь над головой вместо потолка дождливое небо.

— У этого Эрикса просто болезнь такая! Клаустрофобией называется. Боязнь замкнутого пространства, — психовала Верка. — Привык в Эдеме как дикий зверь жить. И нас с толку сбивает. Вон посмотрите, какие платица в витрине висят! Я бы то розовенькое себе взяла.

— А вдруг это не платица, — выразил сомнение Зяблик.

— Тогда что же, интересно?

— Шкуры. С таких дур, как ты, ободранные! По вражеской территории идем, а ей, понимаешь, платице розовенькое приглянулось! Ты себе еще свадебную фату поищи!

— Зяблик, ты тоже болен! — с неподдельным сочувствием произнесла Верка. — Половая слабость у тебя перешла в умственную.

Тем не менее чураться чужого жилья вскоре перестали, что не могло не обрадовать Верку. Камуфляжный костюм, снятый с аггела, она заменить так и не посмела, но роскошным

бельем все же обзавелась. Зяблик только плевался, наблюдая, как на очередном привале она примеряет ажурные лифчики, однако в конце концов и сам не выдержал — присвоил легкие и прочные сапоги, очень похожие на те, что были сняты с обнаруженного в Хохме покойника. Слегка прибрахлились и другие члены ватаги — благо в любой брошенной квартире одежды и обуви имелось сверх всякой меры. От бывших владельцев уже и костей давно не осталось, а их тряпки не гнили, не прели и насекомым не поддавались. Умели потомки делать вещи, да только не пошло им это на пользу.

Толгай раскопал где-то шитый золотом алый халат, достойный самого кагана. В любой переделке он должен был демаскировать хозяина, как павлина — его хвост, но выяснилось, что степняк мечтал о такой вещи всю свою сознательную жизнь. Отбирать у него халат было занятие не менее канительное, чем вырывать мышь из зубов голодной кошки.

Цыпф использовал каждую свободную минуту для поиска очков, однако безо всякого успеха. То ли потомки не страдали пороками зрения, то ли поголовно отдавали предпочтение контактным линзам. Пришлось Леве ограничиться широкополой шляпой, придававшей его круглому лицу весьма мужественный вид. В подарок Лилечке он прихватил губную гармошку, единственный музыкальный инструмент, не имевший электронной начинки.

Один только Смыков по неясной причине не опустил до мародерства. Возможно, он опасался заразиться от чужих вещей какой-нибудь неведомой болезнью вроде того самого неизлечимого аидса, о котором рассказывала Верка.

К Леве Цыпфу все теперь относились подчеркнуто уважительно. Даже речи быть не могло о его третировании или использовании на побегушках. Как-никак, безопасность ватаги напрямую зависела от его расторопности и самообладания. Случись с Левоу какая-нибудь беда, — и пушка превратилась бы в кусок бесполезного металла. Да и он сам осознавал свою значимость и вел себя так, словно не был виноват ни в побеге Оськи, ни во многих других не менее досадных происшествиях. Никакими тяжестями, кроме пушки, он себя не утруждал, а за трапезой ждал как должного, что ему подадут лучший кусок.

Поставить Леву на место удалось только острой на язык Верке, рассказавшей историю о непутевой обезьяне, затюканной своими более сильными и нахальными сородичами. Эта обезьяна случайно подобрала на опушке тропического леса

брошенную кем-то из людей жестяную канистру и приспособила ее вместо ударного инструмента, звуки которого всякий раз повергали стаю в ужас. Очень скоро благодаря канистре обезьяна стала вожаком и уже сама беззастенчиво третировала своих бывших угнетателей.

Лева то краснел, то бледнел, ловя на себе недвусмысленные взгляды Верки, и на следующий день сам нес свой рюкзак и по собственной инициативе бегал на привалах за водой к ближайшему озерцу.

Стыдно было признаться, но в бой никто особо не рвался, даже отчаюга Зяблик. Обладание пушкой внушало расслабляющее чувство безопасности, и собственная жизнь уже не казалась тягостной обязанностью, заранее обреченной на скорый и мучительный конец. Кроме того, хотелось поскорее вернуться в свою пусть и нищую, пусть и постылую, но все же родную сторонку. Если бы не бдолах, о котором втайне мечтал каждый, они давно бы махнули на аггелов рукой. Тем, похоже, и без них жилось здесь не сладко.

Ватага и так могла гордиться своими заслугами. За месяц с небольшим действительно было сделано немало: разведан путь в легендарный Эдем, получены все сведения о бдолах, выяснены источники снабжения аггелов продовольствием и всякими экзотическими штуковинами вроде тех самых громадных сковородок, которых ни в Отчине, ни в Кастилии отродясь не производили, исследована Нейтральная зона и частично Будетляндия. Впереди, правда, еще предстоял не очень близкий и совсем небезопасный путь, но в душе уже затеплилась надежда на успех. А тут опять надо лезть под пули, да вдобавок еще заниматься рискованными фокусами с одним из основополагающих столпов бытия — принципом причинности.

В тот же день они оказались на расстоянии прямой видимости от здания казино. Наблюдательный пункт решено было оборудовать в расположенном посреди площади бездействующем фонтане, центром которого являлась громадная фигура Посейдона, окруженная более мелкими морскими божествами обоего пола, но по преимуществу хвостатыми. Цыпф, укrywшийся за монументальной задницей какой-то nereиды, поймал себя на мысли, что громадный бетонный ящик казино, у которого стены и крыша поменялись местами, больше всего напоминает вставший торчком гроб, предназначенный для погребения целого народа.

Наблюдение показало, что пост аггелов по-прежнему существует и меняется через неравные промежутки времени, за-

висящие неизвестно от каких причин. Очередная смена могла длиться и час, и полсуток кряду. Немало аггелов шныряло и в окрестностях, причем с самым деловым видом. Те, чьи головы были прикрыты черными колпаками, постоянно покрикивали на других, ни колпаков, ни рогов еще не удостоившихся.

Высланный на разведку Толгай вернулся с хорошими новостями. Ему удалось определить местонахождение штаба — «Сарай-башлык», как он выразился. Вот только оставалось неизвестным, там ли находится лаборатория по очистке бдолаха.

— Ничего страшного, — сказал Зяблик. — Надо «языка» брать. Все у него, голубчика, выпитаем.

Это в общем-то вполне реальное предложение вызвало у Смыкова странную реакцию. Он хрюкнул, словно наштаыря понюхал, и произнес будто даже со злорадством:

— Боюсь, братец вы мой, как бы нас самих сейчас «языками» не взяли.

Перестраховщик Смыков был известный, но сейчас, судя по всему, его опасения имели под собой почву. Площадь очень быстро опустела, хотя аггелы не убрались с нее куда подальше, а сконцентрировались в боковых улочках и заранее оборудованных по периметру укрытиях. В одном из самых верхних оконных проемов казино блеснуло стекло бинокля. Наступившую зловещую тишину нарушил знакомый шепелявый голосок.

— Вон туда их татарин мотанул! К фонтану! — с подобострастием сообщил кому-то Оська-Иавал, затаившийся где-то в соседних руинах. — Я его сразу засек! Вы это, пожалуйста, не забудьте.

Ответа не последовало, зато сам Оська чуть ли не кубарем вылетел из-под защиты стен на открытое место. По выражению его лица и наклону головы стало ясно, что он только что заработал увесистую оплеуху. Расстояние от него до фонтана было метров пятьдесят, попасть из пистолета можно запросто, но парламентариев трогать не полагалось, а именно такие функции, судя по всему, и возложили на юного предателя.

Был Оська бос, одет в те же самые заскоруждые от крови шмотки, которые успел напялить в казино, морду имел синюю от фингалов и зуботычин, но старался держаться вызывающе.

— Ну что, попались! — злорадно поинтересовался он. — Мы знали, что вы сюда за бдолахом вернетесь! Заранее засаду приготовили!

— Ну и стервец ты, — сказал Зяблик с сожалением. —

А как клялся! Как пощады просил! Как Каина грязью поливал! Как от веры своей отрекался!

— Я же понарошку! Чтоб планы ваши вызнать. — Оська воровато оглянулся назад, словно проверяя, как прореагировали на слова Зяблика хозяева его судьбы. — Здорово я вас вокруг пальца обвел, а?

— Ой, здорово! И не говори! Молодец! — Зяблик даже в ладони захлопал. — Через весь Эдем нас провел. Через границу тайный ход показал. Стражу у люка продал.

— Нет, не продал! — взвизгнул Оська.

— Верно, это я оговорился, — согласился Зяблик. — Ты их не продал, а даром отдал... Да и потом орлом держался. Без твоей помощи мы бы столько аггелов сразу не замочили.

— А это вы врете! — Оська чуть не плакал от обиды. — Все равно я вас обманул!

— За это ответ держать будешь отдельно. — В голосе Зяблика появились угрожающие нотки. — От рогатых, вижу, тебе крепко досталось, но от нас вдесятеро больше получишь. Обещаю. А мое слово — кремень.

— Да вы... Да ты... — Оська опешил. — Вас же всех сейчас на сковороду загонят! Мало что запляшете, лизать ее будете! Вы уже покойники, считай! Если мне не верите, у очкарика своего спросите. Он-то знает, что вам давно каюк светит.

— Подождите, братец вы мой, — Смыков тронул Зяблика за плечо. — Дайте мне... Вас к нам, гражданин Иавал, с угрозами послали?

— Ага... Нет! — торопливо поправился он. — Сказать.

— Ну так говорите!

— Сейчас... — Оська снова быстро оглянулся назад. — Сдаться вы, значит, должны...

— Вот так просто взять и сдаться? — деланно удивился Смыков. — На милость, значит, вашу? Добровольно на сковородку залезть?

— Нет... Не просто... Но добровольно... Сдаться, говорю, добровольно. — Оська даже ладонь к уху приложил, чтобы лучше слышать слова укрывшегося в развалинах суфлера. — Такую милость вам лично Ламех предлагает, пятый в колене Каиновом.

— Если здесь он, то пусть сам покажется.

— А это уже не ваше дело... Раскомандовались тут... Сначала сдавайтесь, а настоящий разговор уж потом будет.

— На каких условиях предлагаете сдачу? — осведомился Смыков таким тоном, словно торговался за стакан семечек.

— На прежних... — Оська действовал по принципу испорченного телефона: хотя и передавал текст куда следует, но половину слов перевирал или путал. — Следить будете, сами знаете за кем... Волю Ламеха исполнять... Заложников, само собой, оставите. Клятвам вашим тут никто не поверит. Дураков у нас нет... Но и с нефилимами поможете справиться... Один ведь сюда вместе с вами пришел. Доверяет, значит.

— Условия, откровенно говоря, не из самых почетных. — Смыков демонстративно зевнул. — Как вы считаете, товарищи?

— Это не условия, а издевательство! — патетически воскликнул Зяблик. — Дожили! Ссучиться нам прямо в глаза предлагают, да еще и заложников требуют! Нет, так не пойдет... У нас встречные условия имеются!

— Ну вы, козлы, даете в натуре! — Оська даже подпрыгнул. — В такое говно залезли и еще условия диктуете! Да вас же сейчас растопчут! Наших тут больше сотни! Вон уже миномет ставят!

Действительно, в дальнем конце площади целая толпа аггелов возилась с ротным минометом, похожим на зеленую самоварную трубу, к которой смеха ради приставили сошки.

— Миномет — это серьезно, — согласился Зяблик. — Хотя минометчики из вас такие же, как и летчики... Ставьте миномет, можете и сами раком стать, но условия наши выполнить придется. Если, конечно, жизнью дорожите... Перво-наперво доставьте сюда мешок бдолоха. Очищенного, по высшему сорту. Качество я сам лично проверю. Сам ты, пиявка болотная, поступаешь в наше полное распоряжение. На суд и расправу. Остальных мы, так и быть, отпустим с миром. До лучших времен.

Аггелы, со всех сторон окружившие площадь, в центре которой скрывались в пересохшем фонтане пятеро самых обыкновенных людишек, конечно же, слышали этот безумный монолог и сейчас должны были давиться от смеха. Это надо же — мышь, угодившая в кошачьи лапы, с миром отпускает своего мучителя, да вдобавок еще требует выкуп в виде куска сала.

Но почему-то никто не смеялся и едких реплик не отпускал. Даже самые тупоголовые аггелы насторожились, ощущая в речах Зяблика какой-то скрытый подвох. Разве может человек, начисто лишенный всех козырей, так нагло блефовать? Что-то здесь явно было нечисто. Если бы шевеление мозговых извилин могло произвести хоть какой-то звук, то над площадью стоял бы сейчас оглушительный скрежет. Растерянный Оська переминался с ноги на ногу, поглядывая то назад, в

сторону развалин (это случалось чаще), то вперед, в сторону фонтана.

Вдруг он вздрогнул и, сказав: «Я сейчас!» — скрылся в руинах.

— Шас или на штурм пойдут, или безоговорочно сдадутся, — прокомментировал это событие Зяблик. — Мандраж их взял. А все потому, что крутых начальников поблизости нет. Непруха...

На прежнее место Оська вернулся уже с гораздо более уверенным видом. Похоже, теперь он даже карающей пули не опасался.

— Вы ваньку валять кончайте! — заявил он безо всяких околичностей. — Никто к вам на помощь нынче не придет, не надейтесь даже. Знаем мы, где этот дом... или дон ваш сраный отирается. Пока он сюда доберется, даже сала вашего на сквородках не останется. Крысы подметут.

— Бляха-муха! — Зяблик почти застонал от нахлынувших на него печальных чувств. — Ну бывали и мы сволочи на заре туманной юности! Зачем отрицать! Но чтобы так! Никогда... Нет уж, все! Разговоры закончены! Даю вам тридцать секунд на размышление. Сдавайтесь! Безо всяких условий, контрибуций и репараций.

Оська как будто только этого и ждал. В ближайшее укрытие он юркнул со скоростью метеорита, едва задевшего верхние слои земной атмосферы.

Почти в тот же момент, по-змеинному шипя, вверх взлетела желтая сигнальная ракета. Минометный расчет стал готовиться к выстрелу. Кто-то припал к прицелу, кто-то крутил механизм горизонтального наведения, кто-то уже совал в ствол мину.

— В обычных условиях я бы прикончил этих субъектов безо всяких колебаний, — сообщил Смыков. — Но в условиях применения оружия массового поражения мы обязаны обеспечить себе хотя бы минимальную юридическую базу... Считаю, что в данном случае мы руководствуемся принципом необходимой обороны... Что вы, товарищ Цыпф, уши развесили? Действуйте! И впредь дополнительных указаний не ждите!

Лева Цыпф взгромоздил ствол пушки на бедро нереиды, направил его в сторону колдующих над минометом врагов и произвел то, что упрощенно можно было назвать выстрелом, а на самом деле являлось грубым вмешательством человека во взаимодействие сверхъестественных сил, питающих и оберегающих мироздание.

Проекция перестроенного или, по выражению Зяблика, «дурного» пространства легла на уже готовый к стрельбе миномет (его расчет, заткнув уши, рассеялся по сторонам). Внешне это походило на солнечное пятно, упавшее на землю. С землей, кстати, ничего чрезвычайного не случилось, она просто осела вниз метров на пять. Паче чаяния миномет и минометчики в образовавшуюся яму не свалились, а в тех же положениях и позах остались парить в воздухе. Мина медленно покинула ствол, потом, словно приняхиваясь, потыкала во все стороны носом и стала вращаться вокруг извергнувшего ее орудия. Вскоре к ней присоединились и минометчики. Это зрелище чем-то очень напоминало любимый всеми планетариями страны аттракцион, изображающий строение солнечной системы.

На некоторое время возникшая картина приковала к себе внимание не только аггелов, но и всей ватаги. Люди диаметрально противоположных убеждений затаив дыхание следили, как их собратья по биологическому виду парили в пространстве, занимая соответствующие своему весу орбиты.

Потом мина взорвалась, да не так, как положено взрываться обычной восьмидесятидвухмиллиметровой мине, а как фугас главного корабельного калибра. Кровавая роса окропила всю площадь. На трезубце Посейдона повисла чья-то прямая кишка. Гриву ближайшего к Цыпфу гиппокампа¹ украсил человеческий глаз, вкуче со всеми своими анатомическими придатками похожий на несвежий яичный желток, только, естественно, не желтый, а карий. Оторванная человеческая пятёрня залепила Смыкову пощечину.

Но самое неприятное было не это. Самое неприятное было то, что аггелы абсолютно ничего не поняли. Они успели привыкнуть к опасным странностям данного мира, и новое кошмарное происшествие никак не связывали с засевшей в фонтане шайкой самоубийц.

Аггел, использовавший Оську в качестве марионетки, смачно выругался, впервые обнаружив себя голосом. Вверх одна за другой взлетели еще две желтые ракеты.

— Приготовиться к атаке! — команды раздались одновременно и слева, и справа, и сзади. — Короткими перебежками вперед!

— Стоять! — заорал Зяблик. — Мало вам, сволочи! Ну так

¹ Гиппокамп — морской конь в греческой мифологии.

сейчас еще получите! Бей, Левка, по казино, там их главный гадючник!

По сути, его задумка была вполне здоровой. Разрушение столь масштабного объекта должно было просветить недогадливых аггелов относительно того, кому здесь ныне суд править, а кому ответ держать. Но из всех ближайших щелей и подворотен уже лезла до зубов вооруженная рогатая публика, которая могла достичь фонтана куда раньше, чем чувство страха перед неведомым оружием достигнет их мозгов, просветленных, а может, наоборот, затуманенных бдолахом.

Беглая пистолетная стрельба (даже Верка участвовала в ней) причиняла атакующим немалый урон, но вряд ли могла сдержать боевой порыв такого количества фанатиков. Как раз тот случай, когда единственным убедительным доводом для противной стороны является только ее полное и беспощадное уничтожение.

Любое промедление грозило бедой, и Лева начал свою разрушительную работу с левой стороны площади — так ему было удобнее. Меньше чем за пять секунд ствол его пушки описал дугу, ограниченную с двух сторон крайними фигурами в бегущей к фонтану цепи. Даже не удосужившись полюбоваться (или ужаснуться) плодами своих действий, он повторил аналогичный прием и в правую сторону, с той лишь разницей, что постарался не зацепить Оську, стоявшего столбом на прежнем месте. В чем крылась причина такого милосердия, Цыпф и сам не мог объяснить. Дело, возможно, было в том, что наносить вред незнакомому человеку психологически намного проще, чем знакомому, хотя руки у нас чаще всего чешутся именно на них.

Две невидимые дуги соединились в окружность, должествующую наподобие тайного кабалистического знака оберегать ватагу от происков врага, однако ничего сверхъестественного пока не происходило. Аггелы продолжали бежать. Наши герои продолжали отстреливаться. Громады домов, окружающих площадь, продолжали безмолвно взирать на все эти безобразия пустыми глазницами окон.

Но в каждом из атакующих, попавшем на прицел Горыныча, точно так же, как и в камнях мостовой, которых касались их ноги, уже всюду бушевали разрушительные силы, порожденные эффектом антивероятности.

Кому-то обжег ладонь пистолет, вдруг ставший таким же ярко-красным, как и стальная поковка, из которой он когда-то был изготовлен. У кого-то из физиологических отверстий

тела поперло наружу все выпитое и съеденное накануне. Кто-то уже вообще был не человеком, а огромной личинкой двоякодышащего хищника-лабиридонта. Одни явно тронулись умом и утратили способность к ведению активных боевых действий. Другие впали в детство и с жизнерадостными криками «бух-бух» проверяли действие огнестрельного оружия на своих товарищах. Третьи, возможно, вопреки всему, поумнели и смогли осознать всю низость собственного падения.

Но больше всего, конечно, было таких, у кого в организме просто что-то отказало или, напротив, стало функционировать слишком бурно. И если человек, у которого печень внезапно заместила комком нутряного сала, еще мог некоторое время жить, вплетая свой голос в нестройный, но берущий за душу хор других вопиющих, то его сосед, разорванный скачком внутриполостного давления на части, умирал почти мгновенно.

Многих, вместе с покрывавшей площадь брусчаткой, засосала земля, ставшая где болотной топью, где зыбучими песками, а где и вулканической лавой.

Атака захлебнулась. Поле боя имело куда более жуткий вид, чем аналогичное место на Каталунских полях¹ в июне 451 года или тысячу лет спустя под Грюнвальдом. Там, по крайней мере, вперемежку с людьми не лежали жуткие монстры, имевшие вместо рук клешни, а вместо кожи рыбу чешую, и не бродили среди живых те, чьи раны были явно несовместимы с жизнью.

Порожденные выстрелом Цыфа процессы превращения естественного в неестественное постепенно замирали. Мироздание зализывало нанесенную ему рану: лава застыла, топь высохла, живые мертвецы полегли рядом со своими уже почившими товарищами.

На ногах остался стоять один только Оська. Его буйную шевелюру словно мукой присыпало. Кроме тягучего мычания он издавал и другие звуки, не имевшие никакого отношения к голосовым связкам.

Взгляд Верки, блуждавший по неузнаваемо изменившейся площади, остановился на Оське, и она с усилием произнесла:

— У Иавала нашего сфинктер слабоват оказался.

— Ясное дело, — буркнул Зяблик, несмотря на довольно прохладную погоду весь покрывшийся потом. — Очко-то не

¹ Каталунские поля — место крупнейшего сражения древности, где гунны были разгромлены римлянами и их союзниками.

железное... Со мной самим медвежья болезнь едва не приключалась... Ну и наломал же ты, Левка, дров...

Неустрасимый Толгай, бормоча слышанный в детстве заговор от нечистой силы, забился под лопатообразный хвост одного из тритонов.

Только Смыков сохранил твердость духа и ясность мысли.

— Оружие возмездия, братья мои, это вам не хухры-мухры! — сказал он, со значением подняв кверху палец. — И нечего по этому поводу лить крокодиловы слезы. Враг получил по заслугам. Вам, товарищ Цыпф, я выражаю благодарность за проявленное мужество и умелые действия в условиях подавляющего численного превосходства противника.

— Спасибо, не надо... — изменившимся голосом произнес Лева. — Я понимаю, что профессия палача необходима для общества, но благодарить его после каждой очередной казни за мужество и умелые действия — это уже слишком...

— Как хотите, — пожал плечами Смыков. — Но пушку свою держите наготове. И всех остальных прошу не терять бдительности. Бой еще не окончен. Не исключено, что аггелы введут в дело резервы...

— После такого? — с сомнением промолвил Зяблик. — Вряд ли... Ты лучше, пока они не опомнились, диктуй условия перемирия.

— Эй, есть там кто-нибудь живой! — Смыков, сложив ладони рупором, обратился в сторону руин. — Если не покажетесь немедленно, применяю оружие. Считаю до трех!

После счета «два» рядом с Оськой, по-видимому, слегка тронувшимся умом, встало еще с десятков аггелов — судя по черным колпакам, высшее командование. На Смыкова, взгрозившегося на парашет фонтана, они смотрели, как волки — но не те волки, что рыщут на воле, а те, которые посажены на цепь. Ламеха среди них не было.

— Почему заскучали, граждане каинисты? — куражился Смыков. — Который из вас сковородой нам грозился, а?

Аггелы помалкивали, поглядывая то в небо, то в землю, то друг на друга. На то, во что превратилось их грозное воинство, никто старался не смотреть.

— Повторяю вопрос! — угроза перла даже не из каждого слова Смыкова, а из каждого звука.

— Это он сам... По собственной инициативе, — один из аггелов кивнул на Оську. — Сопля невоспитанная...

— Снять головной убор, когда со мной разговариваете! — рявкнул Смыков.

Аггел, стараясь не встречаться со Смыковым взглядом, стянул свой колпак. Был он бородат, наполовину сед, а рожки имел маленькие, как у новорожденного бычка.

— Фамилия? Имя? — Смыков спросил, как кнутом щелкнул.

— Вас, надо думать, мое бывшее имя интересует? — уточнил аггел.

— Вопросы здесь задаю я. Интересует меня не бывшее, а настоящее ваше имя. Клички для своих поделльников оставьте.

— Грибов Михаил Федорович, — представился аггел солидно.

— Должность?

— Сотник.

— Я про вашу человеческую должность спрашиваю! Кем раньше работали?

— Раньше? — Аггел пригладил растрепанную бороду. — Председателем колхоза.

— Член партии?

— Как водится, — вздохнул он. — Бывший, конечно. Вносов не плачу и собраний не посещаю.

— И каким же образом вы среди этих кровопийц оказались?

— Я извиняюсь, но только ругаться не надо... — Аггел блеснул из-под мохнатых бровей черными цыганистыми глазами. — Я все фронты прошел. И кастильский, и степной, и арапский... Ранен дважды... А здесь, спрашиваете, как оказался... очень просто... Насильно к нам никого не загоняют. Я тоже доброволец. Потому что другого выхода не вижу. Сплотиться нам надо, чтоб не затоптали... Сильная власть нужна. Железные вожди... Идея, опять же... А какая идея у Коломийцева или Плешакова? Про нынешние дела я и не говорю даже... Развели, понимаешь, анархию...

— А идеи Каина вам, значит, подходят? — Говоря языком базарных торговек, Смыков смотрел на Грибова, как парикмахер на плешильца.

— Ехидничать-то зачем? — Аггел передернул плечами. — Идеи наши, если вдуматься, от марксизма мало чем отличаются. Я практику имею в виду. Мы ведь, к примеру, не против всех инородцев огульно... Есть и среди них люди. Кое-кого и перевоспитать можно. Предварительно освободив от влияния господ, попов, шаманов, тунеядствующих умников и всякого другого сора. Народ вот так держать надо, — он резко сжал

свою крепкую пятерню в кулак, — а не распускать... Потом еще и благодарить будут.

— Вы мне эту оголтелую пропаганду прекратите! — Смыков погрозил зарвавшемуся аггелу пальцем. — Ренегат позорный...

— Я что... можно и помолчать, — аггел набычился, — сами ведь спрашивали.

— Все, разговоры на вольные темы закончились! — Для убедительности Смыков топнул ногой. — Оцениваю все ваши жизни в мешок бдолаха. Пока кто-нибудь сбегает за ним, остальные будут дожидаться здесь. Срок на все дела — десять минут.

— А после нас, значит, как этих... — бывший председатель колхоза, а ныне сотник каиновой рати Михаил Федорович Грибов кивнул на мертвецов, устилавших площадь, — на смертные муки и поругание?

— Вполне вероятно. Если через десять минут бдолах не будет здесь... А в положительном случае амнистирую.

— Обещаете?

— Ишь ты! — усмехнулся Смыков. — Много хочешь, рогатый. Не обещаю, а подаю надежду. Разве мало?

— Ладно, быть по сему! — Аггел нахлобучил колпак на голову. — Но только мешка бдолаха у нас нет. Мы за все время столько не добыли.

— А сколько есть? — насторожился Смыков.

— С килограмм, наверное, наберется... Или чуть побольше... Борис, сколько? — обратился он к стоявшему рядом соратнику, имевшему вид скорее школьного учителя, чем адепта людоедской религии.

— Кило двести сорок грамм, — ответил тот флегматично. — И в перегонном кубе еще грамм пятьдесят можно наскрести.

— А не врите, голуби? — Смыков окинул аггелов испытующим взглядом.

— Если не доверяете нам, можете своего человека для контроля послать, — обиделся Грибов. — Да и не станет Борис Михайлович врать. Он в Госбанке раньше служил. При нем кассиры копейку утаить боялись. Почетные грамоты от центрального правления имел.

— Если вы ему так доверяете, пусть идет за бдолахом.

— Э, нет... — на лице Грибова промелькнула хитроватая хмылка. — Тут дела разные. Деньги одно, а жизнь другое. Трусоват он маленько. Ты, Борис Михайлович, на правду не

обижайся... Для такого мероприятия отчаянный человек нужен. Чтоб от смерти уйдя, мог назад к ней вернуться... Меня пошлите.

— У дружков своих спрашивайте. — Смыков принял классическую позу Понтия Пилата, только что умывшего свои руки. — Если какая накладка выйдет, им за вас отвечать придется. И не карманом, а головой.

Собравшись в кружок, аггелы принялись тихо совещаться о чем-то. Похоже, кандидатура сотника Грибова идеальной тоже не считалась. В конце концов они пришли-таки к общему соглашению и вновь выстроились в линию, словно осужденные перед расстрелом.

— Ну все, договорились! Отпускают они меня! — объявил Грибов с заметным облегчением. — Постараюсь за десять минут управиться. Но на всякий случай пару минуток еще накиньте... Кончать их как предполагаете, всех вместе или поочередно?

— Там видно будет.

— Если поочередно, то с этого крысенка начинайте, — он кивнул на Оську, продолжавшего пребывать в состоянии ступора. — Побежал я... Засакайте время.

Несмотря на свой далеко не юный возраст и солидную комплекцию, Грибов довольно резво нырнул в боковую улицу, и вскоре стук его башмаков утих вдали.

— Давайте помозгуем, какую он нам подянку может устроить, — сказал Зяблик, не спуская пленных аггелов с мушки. — Я этим рогатым ни на грош не верю... Вон, живой пример перед вами... Стоит, полные штаны наложивши... В-войка...

— Нет, бдолах они нам отдают без звука, — сказал Смыков уверенно. — Тут никаких сомнений быть не может. Такого добра они в Эдеме целый воз накосят... Но отпускать нас вот так запросто, конечно, не отпустят. По следу пойдут тайком, как шакалы. Чтоб из-за угла напасть, внезапно.

— Укокать их всех, что ли, предлагаешь? — равнодушно осведомился Зяблик.

— Решение напрашивается само собой.

— Смыков! — возмутилась Верка. — Ты же слово давал!

— Ошибаетесь, Вера Ивановна. Не слово, а только надежду. Вот пусть она вместе с ними и умрет.

— Это еще хуже! Садизм какой-то! Дать надежду, а потом обмануть.

— Разве аггелы свое слово держат? — перешел в атаку Смы-

ков. — Мало вам от них в плену досталось? Забыли, как они всех вас на кол хотели посадить?

— Так ведь это они, Смыков! Они братоубийце поклоняются. Который вдобавок ко всему и Бога потом хотел обмануть. Для них ложь в порядке вещей. Нам-то зачем с них пример брать?

— Ты, Верка, в диалектике слабо разбираешься, — ухмыльнулся Зяблик. — Не в пример Смыкову. Закон отрицания отрицания забыла. Если мы сейчас аггелам отрицания не устроим, они нас потом с большим удовольствием под него подведут.

— Лева, ну хоть ты вмешайся! — Верка пихнула Цыпфа, все это время пребывавшего в тягостном молчании. — Нельзя же так! Пусть они будут аггелами, пусть шакалами, но мы-то себя людьми считаем! Ведь договорились! Ведь обещали!

— Честно сказать, я и сам не знаю, кем являюсь в данный момент... — речь Цыпфа уже не была такой гладкой, как обычно. — Со временем, конечно, все это будет оценено беспристрастно... Но сейчас... Может ли человек, одним взмахом руки уничтоживший такое количество себе подобных, оставаться прежним человеком? Или он переходит на качественно иную ступень развития?

— Ну началось! — Смыков возвел глаза к небу. — Конечно, переходит. Но, заметьте, на более высокую. Кто бы нынче помнил об Александре Македонском или Тимуре, если бы они в свое время такую прорву людей не положили.

— Это личное дело Македонского и... истории... — Лева осторожно отодвинул от себя пушку. — Я больше никого убивать не буду. Заберите это от меня. Лучше я умру сам.

— А про нас ты подумал, толстовец очкастый? — вдруг вспыхнул Зяблик. — А про девчонку свою, что нас, как ясного солнышка, дожидается? Как она одна выкрутится? Ей же сопلي надо вытирать! А нефилим тот не жилец на свете, грех говорить... Как с пленными поступить, это отдельный разговор. А врага в бою одолеть не грехом всегда считалось, а святым делом.

— Равным оружием, не забывая... — возразил Цыпф.

— Какая разница! Я перед боем лишний час не доспал и меч свой как бритву наточил! А ты дрых без задних ног и с тупой железкой против меня выходишь. В чем тут моя вина?

— Это просто демагогия, — поморщился Цыпф. — Так и конкистадоров можно оправдать, и тех, кто атомную бомбу на Хиросиму сбросил.

— И оправдаю, если надо будет! Что бы сейчас с Америкой было, не покори ее конкистадоры порохом и мечом? Резали бы индейцы друг друга каменными ножами и землю палками ковыряли. До колеса даже не додумались! Зато сейчас какие страны в тех местах поднялись! В Мексике, между прочим, девяносто процентов населения потомки тех самых несчастных индейцев. Дай Бог тебе так жить, как они!

— Десять минут, — Смыков глянул на часы. — Пора бы...

— Подождем, — отмахнулся Зяблик. — Назад бежать всегда труднее.

— А за атомную бомбу почему не заступаешься? — спросила с ехидцей Верка.

— А зачем? Дело же предельно ясное! В ножки нужно тем поклониться, кто ее сбросил. В сорок пятом, кстати, так и делали. В каждой газете союзников поздравляли. Мне отец рассказывал... Если бы не эти бомбы, японцы бы еще года два на своей территории дрались. За каждый дом, за каждую бамбуковую рощу. Дух у них такой, самурайский. Любой мог Гастелло или Матросова переплюнуть. Чтоб в камикадзе записаться, очередь стояла. Сколько бы еще народу зря полегло? Миллионы! А так сотней тысяч отмазались... Лева не потому задний ход дал, что очень совестливый. Просто у него кишка тонка оказалась. Такие, как он, собаке хвост кусками рубят. Имей я возможность, всю бы эту страну спалил, как осиное гнездо...

— Бодливой корове Бог знаешь чего не дал? — усмехнулась Верка.

— Знаю. — Зяблик как бы ненароком коснулся ее груди. — Цицек.

— Двенадцать минут, — объявил Смыков. — Пора принимать решение.

— Дадим еще минуточку! — попросила Верка. — Тринадцатую. У всякой нечисти это счастливым числом считается.

— Но не больше. — Смыков до половины выдвинул магазин, проверяя количество патронов, и тут же вернул его на прежнее место.

— Бежит, — сказал Цыпф с облегчением. — Слышите?

— Бежит, — согласился Смыков, прицеливаясь в горловину пустой еще улицы. — Только вопрос — кто!

Спустя минуту выяснилось, что это на самом деле бежит сотник Грибов, вследствие долгих лет работы на руководящих должностях разных социальных систем утративший как

спринтерские, так и стайерские качества. Еще издали он помахивал белым полотняным мешочком.

— Простите, ребята... — бросил он на ходу своим истомившимся в ожидании соратникам. — Из последних сил старался... Далековато все-таки...

Следующая порция извинений предназначалась тем, кто, как мальчишку, гонял солидного человека за всякой ерундой, но Смыков это дело пресек в зародыше:

— Молчать! Мешок в зубы! Руки вверх! Шагом ко мне... Ближе... Стоять! Положи мешок! Наступи!! Еще... Посторонних предметов, похоже, нет... Подними! Ко мне! Стоять!.. Верка, возьми, только осторожно. Теперь проверь.

Верка приняла мешочек из рук Грибова, остановившегося возле самого парапета, и, достав щепотку бдолаха, стала внимательно рассматривать его. Понюхав и попробовав на язык, она сообщила:

— Похоже... И вкус, и запах... Да и трудно за десять минут подделку изготовить.

— Подделку изготовить трудно. А отходов всяких пополам с трухой напихать легко, — сказал Смыков, держа пистолет перед носом Грибова. — Пусть Зяблик проверит.

Зяблик повторил все Веркины манипуляции и с видом записного знатока заявил:

— Оно!

Смыков на эти слова как бы и не прореагировал, а занялся непосредственно персоной Грибова.

— Вы чего зыркаете? Что высматриваете?

— Да не зыркаю я... Это у меня глаз косит... С детства еще...

— А три пальца вы кому показываете?

— Сами же меня руки заставили поднять, — сотник побагровел. — Не разгибаются у меня два пальца... Вот вам и кажетя...

— Пальцы тоже с детства не разгибаются?

— Ага, — понимающе кивнул сотник. — Повод для конфликта ищите. Чего уж там! Бейте без повода! Свидетелей не останется!

— Нужны вы мне очень... Пошли прочь, — Смыков махнул пистолетом, словно отгоняя от себя назойливую муху. — Но рук не опускать!

Грибов, пятясь, стал отходить. На его правой руке три пальца по-прежнему торчали вверх, а два были скрючены.

Зяблик, успевший при дегустации сожрать солидную порцию бдолаха, опять запустил лапу в мешок, чему попыталась

помешать Верка. Их энергичная возня закончилась тем, что оба повалились на парапет, отпихнув Цыпфа в сторону.

В то же мгновение в окне казино снова блеснула оптика, и всю ватагу обдало каменной крошкой, высеченной пулей из круглого колена nereиды, на которое совсем недавно опирался спиной Цыпф.

Грибов, успевший удалиться от фонтана шагов на десять, по-звериному зарычал и выхватил из-за шивороты гранату. Друзья его шустро рассыпались по площади, подбирая в изобилии валявшееся вокруг оружие.

— Третьего бейте, третьего! В очках который! — не своим голосом заорал Грибов, зубами вырывая кольцо предохранительной чеки.

Пистолеты Смыкова и Зяблика грохнули одновременно. (Ну со Смыковым-то все было ясно, он с отступающего сотника прицела не спускал, а вот когда успел выхватить свой ствол Зяблик, занятый шутейной борьбой с Веркой?)

Все остальное произошло почти одновременно и предельно алогично, хотя силы хаоса, дремавшие в кирквудовской пушке, к схватке еще не подключились. Сотник упал навзничь (кольцо торчало у него изо рта, словно из кабаньего рыла), но откатившаяся в сторону граната не взорвалась — то ли спусковой рычаг каким-то чудом остался на месте, то ли ударник подвел, то ли еще что. Оська внезапно вышел из транса и, подхватив валявшийся невдалеке пистолет, принялся с ковбойской лихостью расстреливать своих командиров, еще не успевших толком вооружиться. Очередная пуля невидимого снайпера все же задела Цыпфа, бестолково метавшегося в узком пространстве между двух морских дев, и он, то ли от боли, то ли от испуга, привел в действие свое жуткое оружие. По счастливой случайности его ствол в данный момент был направлен в сторону здания казино, а не куда-нибудь еще, например, в живот покинувшему укрытие Толгаю.

О дальнейших событиях у каждого члена ватаги остались свои, во многом не совпадающие между собой, впечатления. С Цыпфа, конечно, и спрашивать было нечего — кровь залила ему глаза, а вот Зяблик, в частности, утверждал потом, что видел собственными глазами, как нижняя часть здания казино напрочь исчезла, хотя верхняя странным образом осталась висеть в воздухе и даже не шелохнулась. Верка доказывала совершенно обратное — сначала исчезла именно верхняя часть, где и скрывался снайпер, а нижняя еще некоторое время торчала на прежнем месте.

Смыков не был согласен ни с Зябликом, ни с Веркой. Их некомпетентность в данном вопросе он объяснял алкогольным опьянением первого, наступившим непосредственно после приема бдолоха (в пику сознанию подсознание возжелало!), и истерическим состоянием второй, вызванным не только азартом боя, но и приближающимся климаксом.

По версии Смыкова случилось следующее. Здание само по себе никуда не исчезало, ни целиком, ни частично. Но после выстрела Цыпфа кто-то как бы вырезал его по контуру из нашего пространства. Сквозь дыру, образовавшуюся на фоне неба и других городских зданий, были видны звезды, рассыпанные на абсолютно черном фоне. Причем звезды эти не мерцали, а светились ярко, как маленькие фонарики. Потом по всей этой картине пробежала рябь, словно помехи на телевизионном экране, и здание вновь стало видимым, правда, уже не с той стороны, что раньше. Простояв так не больше секунды, оно рухнуло, еще в процессе падения разрушившись на удивительно мелкие обломки.

Толгай только разводил руками в стороны и твердил одно: «Курку! Ужас!» Отражение этого ужаса еще долго стояло в его глазах, но подходящих слов не находилось.

Впрочем, разговор этот происходил много позже, совсем в другом месте и в куда более спокойной обстановке.

А сейчас все поняли одно — здания казино нет и в помине, а следовательно, снайпера можно не опасаться.

Цыпф, все лицо которого было залито кровью, пятясь назад, уперся спиной в голень самого Посейдона и стал медленно сползать по ней вниз, успев тем не менее произвести еще один выстрел, угодивший неизвестно куда. Смыков и Зяблик продолжали держать под прицелом площадь, на которой, похоже, кроме Оськи, никого в живых не осталось. Толгай и Верка бросились к Цыпфу. Первым делом у него отняли пушку, а потом приступили к осмотру головы. Этому сильно мешала кровь, пропитавшая волосы, как губку.

Верка сначала растерялась, а потом вспомнила, что одно время Толгай брил свою голову, причем с одинаковой ловкостью делал это и ножом, и саблей. Она жестами объяснила ему, что надо делать, и степняк принялся прядь за прядью снимать Левкину шевелюру. Когда лезвие ножа коснулось раны, Левка застонал и попытался протереть глаза.

Верка, обрадовавшись тому, что жизнь все еще теплится в ее пациенте, зачастила:

— Зайчик, потерпи, все будет хорошо, потерпи, зайчик...

— Шнурок на ботинке развязался! Шнурок завяжите! — пробормотал Цыпф, видимо, контуженный пулей.

К этому времени Толгай уже закончил свою работу циркульника, и взорам присутствующих открылась рана, наподобие прямого пробора рассекавшая Левкин скальп от лба до макушки.

— Повезло, — сказала Верка, промокнув кровь собственным носовым платком. — На три сантиметра ниже, и была бы у тебя на лбу аккуратненькая красненькая отметина. Как у индийской красотки... Зашить бы следовало, да нечем.

Самым тщательным образом залепив рану будетляндским пластырем и, за неимением других лекарств, накормив Леву бдолахом, Верка отступила на шаг, чтобы полюбоваться делом рук своих.

Кто-то довольно грубо толкнул ее в плечо, и Верка, полагая, что это всего лишь неуклюжая попытка Зяблика подлизаться, решительным движением попробовала отстранить ладонь, оказавшуюся на удивление огромной, твердой и холодной.

Вскрикнув, она обернулась. Плеча ее касался один из уродливых тритонов, ерзавший на своем постаменте, словно живой. Шевелились и другие мифологические фигуры, украшавшие фонтан, в том числе и сам Посейдон.

На мгновение в голову Верки пришла шальная мысль, что многократные и широкомасштабные нарушения принципа причинности вдохнули жизнь в каменных истуканов, но причина столь странного поведения всей скульптурной группы состояла совсем в ином. В движение пришли не только изваяния морских богов и их прислужников. Шатались и расположенные поблизости дома, а сама площадь ходила ходуном, как поверхность штормящего моря. Плавные широкие волны перекачивались из одного ее конца в другой, и трупы аггелов то вздымались на их горбах, то проваливались вниз. Но только не плеск разносился вокруг, а тяжкий скрежет трущихся друг о друга камней. Оська, вытанцовывающий среди этого кошмара некое подобие гопака, напоминал рыболовный поплавок, болтающийся на свежей зыби.

Воздух стал мутнеть и сгущаться. Что-то вроде легкой ряби пробежало по нему, оставляя за собой желтые кляксы, которые быстро росли и со стеклянным звоном соединялись между собой. Через площадь зазмеились трещины. Каменная чаша фонтана треснула. У Посейдона отлетела голова.

— Отходим! — заорал Смыков.

Он подхватил пушку. Верка с Толгаем — Цыпфа, а Зяб-

лик — мешочек с бдолахом. Бежать по гуляющим каменным волнам было не менее трудно и опасно, чем по льдинам во время ледохода. Камни мостовой, словно зубы, так и норовили ухватить кого-нибудь за щиколотку. А сзади звенел воздух, превращавшийся в кирквудовский янтарь.

Настоящую надежную твердь под ногами они ощутили, только удалившись от площади метров на сто, но и здесь, на узкой улице, в воздухе поблескивали невесомые желтые чешуйки, в любой момент готовые стать катализаторами если не гибели, то, во всяком случае, радикального изменения окружающего мира, что для населявших его существ так или иначе означало конец земного бытия.

Где-то позади осталась площадь, превратившаяся в один огромный массив кирквудовского янтаря, являвшегося лишь проекцией на наш мир другого, гораздо более сложного пространства. И аггелы, которых, возможно, уже нельзя было считать мертвецами, и Оська, превратившийся неизвестно в кого, находились сейчас так далеко отсюда, что даже обсуждать эту тему не имело смысла.

— Левкина работа! Это он набедокурил! — сообщил Зяблик. — Помните, о чем нас Эрикс предупреждал? Нельзя, дескать, применять эту пушку против явлений, порожденных силами Кирквуда. А он последний выстрел в землю загнал, как раз в самый гадюшник, который под гаванью находится. Вот и поперла на нас эта многомерная яичница.

Цыпф, к тому времени очухавшийся и уже передвигавшийся без посторонней помощи, вынужден был согласиться с данным предположением.

— Эта штука опасней атомной бомбы, — он покосился на пушку. — Нужно как можно скорее привести ее в негодность. Вред, который она способна причинить, несовместим с ее пользой.

— Вы, братец мой, подобные заявления прекратите! — возразил Смыков. — Не навязывайте нам свои пораженческие идеи. Вред от пушки пока что чисто теоретический, а польза практическая. Что бы мы сейчас делали, если бы не она? И в самом деле на сковороде плясали!

— Не обязательно, — сказала Верка. — Нам ведь предлагали компромисс.

— Какой компромисс? Ну ты скажешь тоже! — возмутился Зяблик. — Компромисс — это когда обе стороны полюбовно договариваются. А аггелы на нас удавку накинута собирались. Кто им хоть на волосок однажды уступил, уже не хозяин

себе. Не отмазаться, не отмыться... Кстати, милый друг Лева, — он перевел взгляд на Цыпфа. — А что этот недоносок имел в виду, когда про тебя говорил?

— Не знаю даже... — Лева пожал плечами столь энергично, что едва не достал ими собственных ушей. — Наверное, молот первое, что на ум взбредет... Бредил от страха...

— Может, и бредил, — молвил Зяблик задумчиво. — И все же допросить этого щенка не мешало бы... Зря мы его там бросили...

— Про пустое чего говорить! — махнула рукой Верка. — Его уже черти на том свете допрашивают.

— Семимерные черти, — добавил Смыков.

Обратная дорога много времени не отняла. Возвращались они уже знакомым путем, устраивая стоянки на прежних местах. Цыпф, еще загоя начавший волноваться, постоянно поторапливал своих спутников.

Когда впереди замаячили знакомые силуэты причудливых башен Парка Всех Стихий, он не выдержал и припустил бегом.

— Поосторожней там! — крикнула вслед Верка. — А не то еще напугаешь их до смерти. Сам сейчас на черта рогатого похож!

Лева и в самом деле выглядел жутковато — половина головы выбрита и залеплена успевшим побуреть в дороге пластырем, а вокруг плешины торчат склеившиеся от крови космы волос.

«Только бы ничего не случилось, только бы все обошлось!» — твердил он про себя, еще в детстве уверившись, что несчастье предполагаемое куда менее вероятно, чем несчастье неожиданное.

Что же, и на этот раз его опасения не подтвердились. Лилечка, обхватив колени руками, сидела почти на том же месте, где они ее оставили, хотя и выглядела, как сомнамбула, очнувшаяся от своего страшного сна, но еще не вернувшаяся к реальности.

Эрикс лежал у противоположной стены, и лицо его было покрыто платком, по которому ползали мухи. Здесь же рядом устроилась и уже знакомая Цыпфу парочка близнецов. На вошедшего они смотрели с веселым любопытством щенят, готовых поиграть и повозиться с первым встречным.

— Вы кто? — шепотом спросила Лилечка, глядя на Леву так, словно видела его впервые в жизни.

— Что с тобой? — Он опустился возле девушки на колени. — Тебе плохо? Тебя кто-нибудь напугал?

— Нет, мне хорошо. — Ее глаза были двумя плоскими застывшими слез.

— Мы вернулись! Разве ты не рада? — Он протянул к Лилечке руки, но та вскрикнула и отшатнулась, словно в лицо ей сунули горящую головню.

Лева беспомощно оглянулся по сторонам: скорее бы уже подошли товарищи и помогли успокоить насмерть перепуганную девушку.

Близнецы шустро вскочили и подбежали к ним. Мальчик поднес ко рту Лилечки чашку с водой, а его сестра состроила Цыффу уморительную рожу. Гримаса эта, очевидно, означала, что все хорошо и впадать в панику не следует.

Снаружи затопали, и вся ватага ввалилась внутрь. Верка, сразу разобравшись в обстановке, приложила палец к губам: «Тс-с! Помолчите-ка пока!» Лилечка поперхнулась водой и стала отползать в дальний угол.

— Ты что это, подруга, дурака валяешь? — Верка прошла вперед, попутно потрепала по голове мальчишку, а затем ухватила Лилечку за подбородок. — Покойника, что ли, испугалась? Можно подумать, что ты их раньше не видела! Не держайся! В глаза мне смотри!

Лилечка ощерилась и цапнула Веркин палец зубами, за что тут же схлопотала звонкую пощечину, которая и вернула ее к действительности.

— Вы вернулись? — прошептала девушка, озираясь по сторонам, и осторожно, словно боясь обжечься, дотронулась до Верки. — А я вас уже и ждать перестала.

Следующие четверть часа она посвятила истерическим рыданиям, к которым в конце концов присоединилась и Верка, ранее слезливостью никогда не отличавшаяся. Мужчины тем временем осмотрели Эрикса. Он был давно мертв и успел так закоченеть, что даже Зяблик не смог уложить его руки на груди. Дети резвились как могли и на мертвеца не обращали никакого внимания. Мальчик, отобрав у Толгая саблю, ковырял стену, а девочка обносила всех водой, за которой то и дело выбегала на улицу.

— Боже мой, что я здесь пережила одна! — Способность связно изъясняться наконец вернулась к Лилечке. — Как тяжело он умирал! Сначала еще терпел, а потом начал кричать. Целый день, наверное, кричал, не переставая! А когда голос потерял, выл... Я уже и уходила отсюда и опять возвраща-

лась... Все руки себе изгрыз, губы покусал. И помочь ничем не могу. Напою его водой, а назад чистый гной из него гонит... Хорошо хоть эти детки потом появились. Даже не знаю, что бы я без них делала! Какие же они хорошие! И поили меня, и кормили, и успокаивали... Я таких детей никогда раньше не встречала!

— Странные они какие-то. — Верка покосилась на близнецов. — Не разговаривают совсем.

— Не разговаривают, — кивнула Лилечка. — Зато все понимают... Я еще и сообразить не успею, чего хочу, а они уже бегут мое желание выполнять.

— Эрикс перед смертью ничего важного не сообщил? — спросил Смыков, предварительно откашлявшись в кулак.

— Нет, ничего... Только попросил, чтобы его похоронили рядом с родственниками. Даже схему нарисовал. Дети это место знают.

Оба — и мальчик и девочка — сразу дружно закивали нечесаными головенками.

— Далеко это будет, граждане хорошие? — Смыков, по жизни с детьми почти никогда не сталкивавшийся, чувствовал себя не вполне уверенно.

Девочка сложила ладошки вместе, а потом, словно растягивая невидимый резиновый жгут, развела их широко в стороны.

— Далековато, стало быть, — так Смыков прокомментировал этот жест. — Как же нам его туда доставить? Хоть бы тачкой какой разжиться, а еще лучше тягловой силой.

Мальчик заулыбался и замахал руками, — дескать, никаких проблем. На одной ноге он доскакал до мертвого Эрикаса и принялся тормошить его.

— Нет! — завизжала Лилечка. — Не надо! Только не это, ради Бога.

Мальчик удивленно обернулся и изобразил на своей чумазой мордашке глубокое разочарование. Жесты его были так естественны и красноречивы, что все сразу поняли, чем именно так недоволен ребенок. Он искренне хотел помочь взрослым дядям и тетям, но если они от такой помощи отказываются, то он и стараться не будет.

— Иди сюда! — Лилечка поманила мальчика к себе. — Я же просила вас больше так не делать!

Тут общее внимание привлек шорох, раздавшийся в том углу, где лежал мертвец. Продолжая пялиться в потолок тусклыми остекленевшими глазами, он пытался приподняться.

Члены его не гнулись, все мышцы были как дерево, но тело тем не менее ерзало на полу, словно железный слиток под действием магнита.

— Они мертвых умеют двигать, — сказала Лилечка, прижимая надувшегося мальчишку к груди. — Когда Эрикс умер, я плакала не переставая. Так они, чтобы меня успокоить, заставляли его вставать. Я, дура, сначала обрадовалась, подумала, что он ожил, а потом вижу — нет, как был мертвым, так и остался, только ногами переставляет, вроде марионетки. Ужас какой...

— Способные ребяташки, — сказал Зяблик со значением. — Что же они с живым человеком могут сотворить, если с мертвецами так обходятся?

Никто не ответил. Эрикс уже вновь затих, дети беззаботно играли с пустыми банками и тряпочками, а Толгай с досадой и удивлением рассматривал свою саблю, обух которой, еще совсем недавно идеально ровный, теперь напоминал пропеллер.

После ужина дети умчались куда-то по своим малопонятным делам. Верка, Смыков и Зяблик сразу завалились спать, Толгай определили на пост, а Лилечка шепнула Цыпфу:

— Пойдем погуляем. Не могу больше оставаться здесь... Мне теперь покойники до конца жизни будут сниться... Как и тебе...

Со слов Верки она знала уже о битве вокруг фонтана, о разгроме аггелов, о роли в этом Цыпфа и о его истерической реакции на собственные подвиги.

— Знаешь, а мне уже давно ничего хорошего не снится, — сказал Лева, когда они очутились под серым и глухим небесным куполом, словно подпираемым изнутри ажурной решетчатой полусферой.

— Так, наверное, видится мир птице, угодившей в клетку... — сказала Лилечка, перехватив направленный ввышину взгляд Цыпфа. — Говоришь, тебя кошмары мучают?

— Кошмар... Всегда один и тот же. Будто бы я вновь маленький мальчик, оказавшийся в темном крысином подвале. Только все уже не так, как помнилось мне... Вокруг страшные злые люди. Они уводят мою сестру...

— Так у тебя еще и сестра была? — удивилась Лилечка.

— Пойми, это же все происходит в кошмаре... Я цепляюсь за сестру, а меня от нее отрывают... Я сопротивляюсь, как могу... Брыкаюсь, кусаюсь... Но в ответ раздается только жуткий

хохот... Что-то происходит со мной... Чувствую вкус крови во рту... Не своей, а чужой... Слышу ужасные слова...

— Какие?

— Что-то такое вроде: «Живи пока. Но в свое время мы опять придем за тобой...»

— И где эти кошмары у тебя начались? Здесь, в Будетляндии?

— Нет, еще в Эдеме. Сразу после того, как к нам этот несчастный Оська прибилсь. Чем-то он очень похож на меня... На того, прежнего, из подвала...

— Скажешь тоже! Он же без мата двух слов связать не может! Шпана неотесанная.

— Не знаю... У сна свои законы... То есть совсем наоборот... У сна нет ни законов, ни логики... В мире снов тоже нарушен принцип причинности. Возможно, именно поэтому кошмары так пугают нас. Все необъяснимое и таинственное имеет над человеком странную власть... Скорей бы наше путешествие закончилось. Хочу вернуться в Отчину.

— Думаешь, там будет легко?

— Нет. Но во всяком случае, легче, чем здесь. Этот мир давно превратился в кладбище, в один огромный могильник... И запах тут кладбищенский, и тишина соответствующая, и призраки бродят, как по заброшенному кладбищу.

— Слушай, давай о чем-нибудь другом. У меня эти заупокойные дела вот уже где сидят! — Лилечка приставила ребро ладони к горлу. — Сам понимаешь, что я здесь пережила... Поэтому развлекай меня.

— Каким образом? — слабо улыбнулся Лева. — Взять, что ли, кирквудовскую пушку да выстрелить вон в тот гнилой пень. Вдруг он превратится в клумбу цветущих роз или в виноградную лозу.

— А такое вообще возможно?

— Почему бы и нет. Только вероятность того, что пень превратится в замшелый валун, кучу навоза или другой, еще более гнилой пень, значительно выше.

— Почему?

— Как бы это тебе попроще объяснить... — замылся Цыпф.

— Ой, только не надо считать меня дурой, — обиделась Лилечка.

— Нет, я совсем не это имел в виду... Ты же в школу не ходила, а тут важны термины.

— Объясни без терминов!

— Вряд ли у меня получится... Просто я считаю, что и сам

принцип причинности, и его противоположность, возникающая под действием сил Кирквуда, действуют в рамках другого, гораздо более общего принципа. Ну, скажем, закона возрастания энтропии, то бишь беспорядка. Все сущее в природе, в том числе и стрела времени, имеет тенденцию двигаться от порядка к хаосу. Ребенок, едва родившись, начинает свой путь к смерти. Процессы разрушения здания начинаются раньше, чем оно бывает построено. Вселенная движется к гибели. Вот почему вероятность неблагоприятного исхода всегда выше, чем благоприятного...

— Подожди! Однако ведь люди создают из дикого камня прекрасные скульптуры, из железной руды — острейшие клинки, из набора звуков — трогательные мелодии. То есть превращают беспорядок в порядок!

— Тут вопрос нашего личного восприятия... С точки зрения природы дикий камень мало чем отличается от скульптуры. Впрочем, не исключено, что творческая сила разума, духовная энергия есть единственное, что способно противостоять нарастанию хаоса... Но в нашем с тобой случае этот феномен не работает. Надеяться можно разве что на игру случая. А случай, сама знаешь, подставляет подножку гораздо чаще, чем дает крылья.

— Опять ты о печальном! Сколько же можно! — Лилечка остановилась. — У тебя хоть что-нибудь в жизни хорошее было? Ты хоть когда-нибудь о приятном вспоминаешь?

— Вспоминаю... — признался Цыпф. — О тебе.

— Первая радостная новость за целую неделю. — Она положила ладони ему на плечи. — За это тебя и поцеловать можно.

Ее лицо было сейчас так близко, что Лева видел одни только глаза — огромные и в самом деле бездонные, лишь у самой поверхности отсвечивающие малахитом, а в глубине своей таящие голубой туман. Лева было стыдно всматриваться в эти чудные очи. Что он мог там разглядеть? Себя самого — плешивого, зачуханного, с кровавым колтуном в волосах.

Впрочем, то, что отражалось сейчас в ее зрачках, сначала даже понравилось Цыпфу. Он и предположить не мог, что выглядит со стороны столь мужественно: черная буйная поросль на черепе, небольшие, но жесткие буркалы, глубоко сидящие в глазницах, волевые очертания рта. Только почему в этом рту столько зубов? И куда делся нос, вместо которого между верхней губой и глазами зияют уродливые провалы ноздрей?

Неизвестно, сколько времени рассматривал бы Лева этот странный портрет, но Лилечкины веки внезапно захлопну-

лись, пугливо взмахнув ресницами, а сама она завизжала, вдобавок ко всему еще и вонзив ногти в плечи партнера.

Волосы, еще сохранившиеся на Левкиной голове, шевельнулись, как бы от порыва ветра. Но ветер этот был чересчур горяч и смраден, чтобы в нем не угадывалось дыхание огромной плотоядной твари.

На застывшую во взаимных объятиях парочку напоздало кошмарное существо, все сходство которого с человеком только и ограничивалось черной щетиной, покрывавшей бугристый череп, оловянными шарами глаз, утонувших в жестких кожаных складках, зубастой пастью да парой ноздрей, продавленных в широкой, не то кабаньей, не то крокодильей роже. Все остальное: четырехпалые когтистые лапы, волочащееся по земле объемистое брюхо, могучий загривок и голый длинный хвост — представителю семейства высших приматов принадлежать никак не могло.

Лева, безусловно, совершил ошибку, пытаясь обнаружить сходство между собой и этим чудовищем. Оправданием ему могло служить только то, что зеркалом, в которое он смотрелся, были глаза любимой девушки...

«Почему же я не захватил с собой пушку?» — такова была первая мысль Цыпфа, выкристаллизовавшаяся среди вихря чувств бессознательных: испуга, досады, ярости.

Впрочем, пушка здесь могла и не пригодиться. Подобное страшилище наверняка было порождено не без участия сил Кирквуда, что могло превратить выстрел не только в акт самоубийства, но и в глобальную катастрофу.

Бежать было уже поздно — чудовище могло легко достать их не только зубами или лапой, но даже и хвостом, который в настоящий момент крушил все, до чего только дотягивался. Бесспорно, зверь пребывал в состоянии ярости. Он клацал челюстями, утробно шипел и вращал глазами так, словно те все и не были соединены с телом. Надежду, да и то призрачную, внушало только одно обстоятельство — тварь недавно плотно перекусила, о чем свидетельствовали не только размеры его утробы, но и застрявшие между зубов свежие клочья мяса.

Лева еще нашел силы, чтобы стать к чудовищу во фронт и упрятать Лилечку за собственную спину. Правая рука сама выдернула из-за пояса пистолет, а левая сбросила предохранитель и передернула затвор. Оставалось решить, что в данной ситуации предпочтительнее — попытаться причинить ущерб противнику или застрелиться самому.

Звонкий жизнерадостный смех помешал Цыпфу достойно

разрешить эту непростую дилемму. Из-за заливка зверя выглянули мордашки близнецов. Пока девчонка хохотала, показывая пальцем на Цыпфа, тыкавшего стволом пистолета то в пасть чудовища, то себе в висок, мальчишка соскочил на землю и, ухватившись за кончик хвоста, которым впору было прокладывать лесные просеки, прекратил его разрушительные размахи.

Потом они вдвоем очень толково объяснили жестами, что зверю этому предназначено на время стать транспортным средством, обслуживающим ватагу. Опасен он только в состоянии крайнего голода, а сытый даже муху не обидит. Поэтому они его и накормили впрок. (Девочка в доказательство погладила зверя по животу и зажмурилась от удовольствия.)

— Ну разве они не молодцы! — Лилечка уже привыкла переходить от состояния ужаса к состоянию благодушия за считанные минуты. — Стоило нам только заикнуться о тягловой силе, как они уже все организовали.

— Хотелось бы только знать, где они эту тягловую силу раздобыли, — Цыпф не без труда восстановил власть над своим собственным языком. — Вряд ли в Будетляндии проживают такие монстры.

— Какая нам разница! — отмахнулась Лилечка. — Для них все эти ваши принципы причинности и беспричинности что семечки. Может, они из пространства в пространство лезят, как раньше по гостям ходили.

— Думаешь? — с сомнением произнес Цыпф. — Тогда их тем более надо под надзором держать... По рожам их вижу, что они эту шутку с чудовищем еще разок повторить собираются. Предупреди, чтобы не рисковали. Зяблик спросонья и гранату швырнуть может.

— Да не боятся они, наверное, никаких гранат, — ответила Лилечка, однако строго погрозила сорванцам пальцем.

Те моментально поняли ее, за хвост оттащили зверя в сторону и уложили отдыхать под прикрытием какой-то стены. Впрочем, было ясно, что они не собираются сегодня прекращать свои проделки. Лилечка ребятам, как видно, уже наскучила, и они принялись искать новые жертвы.

Мальчик прицепился к Толгаю и, как тот только ни упирался, опять выклячил саблю, деформированный клинок которой теперь не хотел входить в ножны. С полчаса он сосредоточенно рубил ветки ближайших деревьев, после чего дефект обуха исчез, зато на боковой поверхности клинка появилась

вмятинка, по размеру соответствующая отпечатку детского пальца. Даже папиллярные узоры в ней просматривались.

Девчонку почему-то заинтересовал Лева Цыпф. Сначала она продемонстрировала ему простенький фокус — показав зажатый в ладошке латунный патрон, многозначительно глянула на пистолет, уже возвращенный на прежнее место. Пришлось Леве проверить свое оружие. Как он и догадывался заранее, патрона в стволе не оказалось.

Опасаясь новой и уже не столь безобидной шутки, Лева взял инициативу на себя. Расчертив тротуарную плиту двенадцатью вертикальными и двенадцатью горизонтальными линиями, он набрал достаточное количество разноцветных камушков и принялся обучать девчонку правилам национальной японской забавы «го», представляющей собой по сути более масштабный вариант знаменитых «крестиков-ноликов». Проиграв первую партию, девчонка взяла реванш десять раз подряд и охладела к этому занятию.

Как только ватага проснулась, Цыпф посвятил ее во все вновь открывшиеся обстоятельства. Выслушали его не перебивая, после чего Зяблик был командирован для осмотра зверя. Вернувшись, он невозмутимо сообщил:

— Скотина, в натуре, малоприятная. Особенно с рыла. Да и с хвоста тоже... Но если ей со слоном доведется силой меряться, еще неизвестно, кто кого превзойдет.

— Груз у нас небольшой, — Смыков погладил ствол пушки. — Но откуда точно известно, что эти дошколята собираются нас провожать?

— Ручаюсь, — Лилечка приложила руку к груди, выдающейся впереди, как княвдигед¹ парусного судна. — Я ведь с ними уже не первый день общаюсь. Они очень доходчиво все объясняют. Скоро вы и сами убедитесь.

После этого приступили к изучению карты, оставленной Эриксом. Смыков даже перерисовал ее в свой новый блокнот, самолично изготовленный в минуты отдыха из кусочков упаковочной бумаги. Были здесь изображены и казино, и бар, где от них улизнул Оська, и Парк Всех Стихий. Дальнейший маршрут, обозначенный пунктиром, заканчивался уже за пределами Будетляндии. Вдоль него было указано около десятка ориентировок. Место, выбранное Эриксом для своего последнего успокоения, отмечалось крестиком, заключенным в круг.

¹ Княвдигед — в парусном флоте передняя часть судна, на котором, кроме всего прочего, размещались и мифологические фигуры.

— Он еще успел сказать, что, когда мы туда доберемся, сами пойдем, что к чему, — объяснила Лилечка.

— Жаль, масштаб отсутствует, — посетовал Смыков. — Неизвестно, сколько дней придется идти... Детишки нам не подскажут?

— У меня создалось впечатление, что о времени и о расстояниях у них совсем другие представления, чем у нас с вами, — сказала Лилечка. — Ну как, к примеру, ветер может объяснить, далеко ли от нас отстоит горизонт?

— Шутить изволите? — покосился на нее Смыков, которому вся эта затея не очень нравилась. — Ну-ну...

— Интересно, а что будет, когда эти дети вырастут? — произнесла Верка, поглядывая на близнецов, бомбардирующих друг друга зелеными яблоками, которые они натрясли с одичавших деревьев где-то в дебрях парка. — Что из них получится?

— Люди получатся, — сказал Зяблик. — И неплохие... По крайней мере, хотелось бы на это надеяться. Иначе лет через десять они всем дадут прикурить, начиная от Эдема и кончая Киркопией.

— Люди разные бывают, — хмыкнул Смыков. — Ангелов тоже не змея родила.

— Еще раз повторяю, — произнес Зяблик с нажимом. — Если я что-то понимаю в этой жизни, то в будущем вон из тех ребяток вырастут приличные люди. Вы им в глаза только гляньте, и все станет ясно. Помните, какие глаза у гаденыша Оськи были? Как у волчонка, которого вместо парного мяса репой заставляют питаться.

— Не надо забывать и то обстоятельство, что эти дети не предрасположены к насилию генетически, — добавил Цыпф. — За спиной у них несколько поколений предков, не знавших страха, крови и унижений.

— Матери их были не предрасположены к насилию! Вы меня не путайте! — Смыков помахал перед носом Цыпфа пальцем. — А отцы их самые натуральные насильники. Благодаря чему детки и появились на свет.

Близнецы были целиком поглощены своими забавами и, казалось, на взрослых не обращали никакого внимания, но внезапно яблоко, которым брат швырнул в сестру, изменило траекторию полета и угодило Смыкову прямо в раскрытый рот. Машинально откусив кусок, он тут же выплюнул его и заявил:

— Тыфу, кислятина!.. Ну разве это, скажите, пожалуйста, не насилие?

— Это шутка, — усмехнулась Верка. — Разве ты не понял?

В путь решено было трогаться без промедления. Чтобы избежать хлопот с добыванием пропитания, на зверя, по предложению Лилечки названного Барсиком, нагрузили несколько коробок наиболее вкусных и калорийных продуктов. На его широкой спине свободно могла бы разместиться вся ватага, но после того, как туда возложили завернутое в брезент тело Эрикса, всем, и даже весьма терпимому к покойникам Смыкову, расхотелось ехать верхом.

Впрочем, Барсику предназначалось выполнять в пути обязанности не только грузовика, но и танка. Державшаяся под прикрытием его туши ватага ощущала себя почти в полной безопасности, и эту иллюзию не мог разрушить даже хвост чудовища, время от времени приходивший в движение.

Цыфф полез по какой-то надобности в карман куртки и нащупал там губную гармошку, о которой успел забыть в тревожных последних дней. Протягивая ее Лилечке, он застенчиво сказал:

— Тебе. Дарю.

— А что это? — удивилась девушка.

— Гармошка.

— Такая маленькая? А как на ней играть?

— Подуй сюда и сама поймешь.

Лилечка подула. Звук получился как у пилы, вгрызающейся в дерево. Тем не менее девушка осталась довольна.

— А что, ничего, — сказала она. — На си-бемоль настроена.

Как ни странно, но новая забава Лилечке понравилась, и вскоре в визге ржавой пилы стали пробиваться голоса скрипки и флейты.

— Талант, — Зяблик поднял вверх большой палец. — А на расческе сыграешь?

— Сыграю, если надо, — ответила Лилечка.

За Парком Всех Стихий вновь потянулись городские улицы, но теперь на них даже собак не встречалось. Вполне вероятно, что появление Барсика заставляло все живые существа заранее обращаться в бегство. Не каждая улица годилась для него, и приходилось выбирать самые широкие. Все встречавшиеся на пути преграды — кучи мусора, баррикады из мебели, транспортные экипажи самого разнообразного вида — Барсик или топтал лапами, или отбрасывал мордой прочь. Дети то следовали вместе с ватагой, то куда-то исчезали на время. Судя по всему, окружающая местность была им хорошо знакома.

Зяблик и Цыфф завели разговор о происхождении Барсика.

— Это не рептилия, — сказал Лева. — Посмотри, какие зубы. Полный набор. И резцы, и клыки, и коренные.

— Но это и не млекопитающее, — сказал Зяблик. — Посмотри, какие лапы. Ну в точности как у ящерицы.

— Верно, — согласился Цыпф. — Наверное, это какая-то переходная форма между рептилиями и млекопитающими. Что-то вроде зверозубов, вымерших в триасе. Кстати, обрати внимание на его глаза.

— А что такое?

— Весьма примитивное строение. Даже веки отсутствуют.

— Бедняжка, — вздохнула Лилечка. — Глазки закрыть не может. Что же ему делать в минуты любви или страха?

— Настоящие мужчины в такие минуты глаз не закрывают, — сказал Лева.

— А что, если в Отчину эту зверюгу прихватить? — Зяблик толкнул Смыкова локтем. — И пахать на нем можно, и речки от крокодилов очистит.

— Чем вы кормить его будете, когда крокодилов не станет? — поинтересовался практичный Смыков.

— На степняков дань наложим. По кобыле в день.

— Рано вы, братец мой, прожекты всякие строите. До Отчины еще добраться надо. Сюда мы, худо-бедно, полдороги на транспорте проделали. То на драндулете, то на бегемотах. А назад пешочком придется топтать.

— Ничего... Нам бы только до ближайшей миссии добраться, — мечтательно произнес Зяблик. — А там помогут... Лева, какая миссия к нам ближе всего?

— В Киркопии, наверное, — ответил Цыпф.

— Не люблю я Киркопию, — сплюнул Зяблик. — Глухое место... Плешаков, ни дна ему ни покрышки, еще до того, как императором себя провозгласить, решил Киркопию к Отчине присоединить.

— Впервые слышу, — удивился Лева. — Ты ничего не путаешь?

— Зайцы путают, а я ровненько хожу... — поморщился Зяблик. — Мал ты еще тогда был, поэтому и не помнишь...

— Ну а зачем ему это понадобилось?

— Зачем дураку колпак? Но дело, конечно, не в этом. Что ни говори, а объединение стран событие эпохальное. Под такую марку тебе народ все грехи может простить. И то, что разруха кругом, и то, что люди от голода пухнут, и то, что на тебя весь мир ополчился... ну а коль решение есть, надо действовать. Послали туда полномочную делегацию. Кружным путем,

через Гиблую Дыру, поскольку с Кастилией отношения сложились. Кто-то утоп, кто-то без вести пропал, но основная масса делегатов добралась. Изловили они первого попавшегося киркопа и давай с ним переговоры вести. А он, падла, как назло, даром речи не владеет. Решили, что на глухонемого случайно нарвались, и другого изловили. То же самое! Мычит, урчит, улюлюкает, и не больше. Тогда наши послы, не долго думая, сами составили договор о союзе Отчины и Киркопии на вечные времена да и принудили киркопа, уж и не знаю, какого, первого или второго, его подмахнуть.

— Грамотный киркоп оказался? — съязвил Смыков.

— Нет... Чернилами на бумагу капнули, а он из любопытства эту каплю пальцем размазал. Сошло за первый сорт.

— Не верится что-то... — вновь засомневался Цыпф. — Киркопы ведь недюжинной силой обладают. Как их вообще принудили к переговорам?

— Бугаи они и в самом деле еще те! Наручники на их запястьях не сходились. Наши послы посмотрели, что силой этот народ не одолеешь, и к другим методам перешли. Тот киркоп, что договор подписывал, ящик шоколада умял. Но все это, конечно, были только цветочки. Союз подразумевает близость во всем. Ну, объявить их предками славян было не трудно. Совсем другое дело — учредить в Киркопии правительство, армию, милицию и, самое собой, колхозы. В понимании Плешакова без этих учреждений ни одно цивилизованное государство существовать не могло. Президентом, понятное дело, того киркопа назначали, который договор подписал. Пусть и дальше шоколад жрет. Но уже советником к нему нашего человека приставили. Бывшего циркача. Он раньше медведей дрессировал, и считалось, что к киркопам подход иметь должен. Про милицию местную я ничего не скажу, знаю только, что дубины их были в черно-белый цвет покрашены. Чтوب, значит, стражей порядка от рядовых людоедов отличить.

— А почему именно дубины? — поинтересовалась Верка.

— Там все с дубинами ходят, вот почему... Если без дубины вышел прогуляться, тебя сразу под микитки и в суп.

— И чем все это закончилось?

— Плохо закончилось... Я как раз к этому моменту и подхожу. Дружбу нашу вечную погубили те самые колхозы, на которые Плешаков столько надежд возлагал. Сначала все вроде хорошо шло. Киркопы общинами жили и никакого личного имущества, кроме тех самых дубин, не имели. И жрали гамузом, если было что, и голодали сообща, и даже, простите за

выражение, сношались хором. Прямо коммунизм. Бабы там, кстати говоря, немалую власть имели и мужиками откровенно помыкали. Поэтому председателями колхозов в большинстве своем они и оказались.

— Нельзя разве было своих людей поставить? — спросил Смыков строго. — Председатель колхоза — должность ключевая.

— Неоткуда было столько людей взять. В посольстве к тому времени человек полтора ста осталось, не больше. Как только отрапортовали Плешакову, что коллективизация в Киркопии произведена, тут и начались неприятности. Какая у колхоза первостатейная задача? Скажи, Смыков!

— План госпоставок выполнять, — буркнул Смыков.

— Правильно. А план киркопам давали солидный. И по мясу, и по шерсти, и по шкурам, и по лесозаготовкам. Месячишко для порядка выждали, а потом послали уполномоченных. Проверить, значит, на местах причины задержки поставок и, если потребуется, навести порядок. Разъехались уполномоченные и как в воду канули.

— Неужели съели их? — ахнула Лилечка.

— А вот тут не угадали! — Зяблик обвел слушателей торжествующим взглядом. — Киркопы-то не дураками оказались. Выполнили они госпоставки, хоть и частично. За счет тех самых уполномоченных. И мясо их сдали, и шерсть, и даже яйца. Но все это по отдельности. После такого мероприятия, сами понимаете, вопрос о вечном союзе как-то потерял актуальность. Посольство, правда, успело эвакуироваться, но президента своего киркопы съели публично. Лучшие куски получили женщины и дети. С тех пор про их колхозы ничего не слышно.

— Плешаков стоял на позициях волонтаризма, — сообщил Смыков. — Методы его руководства осуждены Талашевским трактатом.

— Это я без тебя знаю, — веско сказал Зяблик. — Тебе, Смыков, Бога надо благодарить, что самое лихое время ты в канцелярии инквизиции пересидел. А не то заслали бы тебя в эту самую Киркопию начальником районного отделения милиции. И имел бы ты под своим началом зама-людоеда, следователя-людоеда и вдобавок дюжину людоедов-участковых.

— Плюс инспектора по делам несовершеннолетних, — добавила Верка. — Симпатичную людоедочку.

— Я от работы никогда не отлынивал, — сказал Смыков

— Может, лучше не надо? Разозлим только зря. А она потом разнесет все кругом.

— Не разнесет... Слабо ей... — Ангел уже стоял на баррикаде во весь рост и в поисках гранаты шарил по карманам своих необъятных штанов.

— Давай я за помощью сбегая? — предложил его более осторожный напарник.

— Не успеешь... — Граната уже лежала в ладони аггела. — Мы в единый момент все обтупаем.

Смыков и Зяблик, выхватив пистолеты, прицелились в гранатометчика, но это явно пришлось не по вкусу близнецам. Жесты их выражали недоумение, граничащее с возмущением.

— Не стреляйте, пожалуйста, — сказала Лилечка, лучше других понимавшая детей. — В этом нет никакой необходимости.

— Разве? — удивился Зяблик. — Граната ведь не яблоко зеленое. Если рванет рядом, зверюге может и не поздоровиться. Да и нам перепадет...

— Ты лучше не спорь, — сказал Цыпф, хорошо помнивший, с какой легкостью девочка извлекла патрон из ствола его пистолета. — Они хоть и детишки, а знают, чего хотят... А главное, добиваться этого умеют.

Ангел уже швырнул гранату и собирался нырнуть за баррикаду, когда его напарник издал жалобный крик, будто ему наступили на мозоль. Граната, совершив в воздухе петлю, уже летела обратно, и спастись от нее было поздно. Единственное, что успел сделать стоящий на баррикаде аггел, это прикрыть локтями лицо. Однако взрыва не последовало, и граната благополучно скользнула в тот же карман, из которого незадолго до этого была извлечена.

На лицах аггелов появилось такое выражение, что расхотались не только дети, но и кое-кто из ватаги. Барсик снова мерно двинулся вперед, лишь хвост его теперь мотался с большей амплитудой, чем обычно.

Дети вскарабкались на баррикаду первыми и устроили аггелам головомойку в своем стиле — одного стали обучать стойке на голове, а другого заставили плясать. Барсик тем временем взбирался на баррикаду с настойчивостью таракана, штурмующего мусорное ведро. Чувствовалось, что родной стихией зверя является ровное пространство, вроде степи или заболоченной низменности, но никак не горы. Три раза подряд он опрокидывался на спину, и если бы члены ватаги вовремя

не оттащили в сторону коробки с провизией и тело Эрикаса, то он неминуемо раздавил бы их.

Успех был достигнут только после того, как Барсик догадался использовать в качестве домкрата свой могучий хвост. Некоторое время он лежал поперек гребня баррикады, плавно покачиваясь на брюхе, а потом сполз на другую сторону. Вслед за ним перебралась и ватага.

По такому случаю решено было устроить привал, тем более что в поле их зрения находился один из последних ориентиров, указанных Эриксом, — семиглавая башня, издали похожая на серебряный подсвечник. Имуущество аггелов — начатая цинка патронов, дюжина гранат, табак, спальные мешки и кое-какая еда — конфисковали. Впрочем, хозяевам сейчас было не до этого. Близнецы затеяли с ними игру в прятки. Она ничем не отличалась от аналогичной забавы, которой предавались их сверстники и сто, и двести лет назад, кроме, пожалуй, одного нюанса: дети обладали способностью становиться невидимыми и без зазрения совести пользовались этим преимуществом.

Конечно, будь на то воля аггелов, они ни за что на свете не стали бы участвовать в этом позорище, но воля их странным образом куда-то исчезла, и бородатым, дородным дядькам, судя по крепким рогам, пребывавшим в немалых чинах, приходилось бегать наперегонки с детворой, выискивать для себя самые хитроумные укрытия и орать дурным голосом: «Раз-два-три-четыре-пять, я уже иду искать!..»

Аггелы играли в прятки старательно, без халтуры, хотя какой-то частью сознания понимали всю нелепость и весь ужас происходившего, о чем свидетельствовало дикое выражение их лиц, совершенно не соответствующее живому и веселому характеру мероприятия.

— Загоняют их детки до инсульта, — заметила Верка.

— Ничего, таким бугаям растрясти жир полезно. — Зяблик сделал подножку пробежавшему мимо аггелу.

Кончилась игра тем, что один из аггелов безнадежно застрял в щели между двумя каменными призмами, а другой подвернул ногу. Дети сразу утратили интерес к своей затее и принялись тормошить Барсика, успевшего между тем задремать. На зверя вновь водрузили его поклажу, и вся компания двинулась дальше.

Аггелы, еще не поверившие в свое спасение, прикинулись бездыханными трупами. Дабы не портить детям настроение, убивать каинистов не стали и даже поделились на прощание куревом, забив зажженные самокрутки в их глотки.

Расстояние от семиглавой башни до величественного монумента, представляющего собой крест, увитый гирляндами из обнаженных человеческих тел, они преодолели за пять часов, считая остановки, вызванные проказами детей. Еще два часа ушло на то, чтобы добраться до последнего ориентира — черного яйца, имевшего такие размеры, что внутри его мог бы свободно поместиться кашалот.

— Это где-то там, — Цыпф еще раз сверился с картой и указал влево, туда, где среди частогокола жилых башен и переплетения вознесенных над землей транспортных развязок поблескивало что-то похожее на озеро.

Дети присмирели и чинно шли по разные стороны от хвоста Барсика. Девочка держалась за руку Лилечки и время от времени поглядывала на нее снизу вверх.

— Что там у ребятишек на уме? — негромко спросил Зяблик. — Знают они это место?

— Знают, — ответила Лилечка, переглянувшись с девочкой.

— Ну и как там? Опасно?

— Смотря для кого, — так Лилечка объяснила очередную гримасу своей юной подружки.

— А подробней нельзя?

— Ну как сказать... Там необычно, вот! — Лилечка и сама была рада, что подобрала нужное слово.

— Понятно, — криво усмехнулся Зяблик. — До сих пор мы, значит, шли местами обычными. А сейчас угодила в необычное. Лева, не пора ли тебе приготовить к бою фузею?

— Пока дети с нами, бояться нечего, — твердо сказала Лилечка.

Улица, по которой они сейчас двигались, мало чем отличалась от многих других, уже пройденных ими будетляндских улиц, — непривычное свежему взгляду эклектическое смешение архитектурных стилей, следы погромов, встречающиеся на каждом шагу, навечно заглохшие наземные экипажи, напоминавшие своих давних прототипов разве что наличием колес, и рухнувшие на них сверху экипажи воздушные, человеку двадцатого века вообще ничего привычного не напоминающие.

Мальчик наступил на хвост Барсика, и тот замедлил ход. Впереди была площадь куда более просторная, чем та, на которой они недавно устроили побоище аггелам. Почти всю ее поверхность занимало яркое пятно света — ни дать ни взять солнечный зайчик невероятных размеров. Зрелище само по себе было впечатляющее, особенно для людей, давным-давно не видевших не то что солнце, а даже зажженной электролам-

почки, но, кроме всего прочего, от пятна исходила какая-то ясно ощутимая магнетическая сила. Площадь манила людей к себе, как горящий фонарь манит ночных бабочек, но, в отличие от бабочек, люди обладали разумом, предостерегавшим их от необдуманных действий.

— Что бы все это могло значить? — после довольно продолжительного общего молчания произнес Смыков.

Девочка склонила голову на плечо и закатила глаза, словно ангелочек на рождественской открытке.

— Это долгий рассказ, а они не любят долгих рассказов, — объяснила Лилечка.

— Эрикс хотел, чтобы его похоронили в том же месте, где и его родных, — сказал Цыпф. — Но на кладбище это место не похоже... Хотя мы и не знаем, как хоронили мертвых в Будетляндии: предавали земле, кремировали или запускали в космос...

— Но он говорил и другое, — напомнила Лилечка. — Что когда мы доберемся до нужного места, то сами поймем, что к чему.

— Вот и добрались, — Смыков заглянул в свою записную книжку. — Тут двух мнений быть не может. Все ориентиры налицо. Да и место... приметное. Я ничего похожего отродясь не видел.

Между тем у Лилечки с детьми шел оживленный обмен мнениями, в ходе которого брат и сестра повздорили немного. Вскоре, однако, некое коммунике было выработано и озвучено Лилечкой.

— Заранее попрошу меня не перебивать и не поправлять. Я говорю так, как понимаю, — первым делом заявила она. — А теперь слушайте... Это место существует столько, сколько дети помнят себя. Тут, кстати, я хочу заметить, что они не имеют никакого представления о том, каким был мир до катастрофы. Это их даже не интересует. В их понимании, все, что есть вокруг, появилось вместе с ними. Но это я для справки... Это место скорби...

— Что они понимают о скорби, — буркнул Смыков.

— Понимают, хотя и по-своему... Но я же просила не перебивать меня!

— Прошу прощения, — неискренне извинился Смыков.

— Но не только скорби... — продолжала Лилечка. — Надежды тоже. Сюда приходит тот, кто устал жить, но не хочет гнить в земле... Впрочем, тут я не все поняла... Возможно, это можно понимать иначе... Сюда приходит тот, кто устал жить,

но не хочет умирать... То есть здесь достигается состояние... как бы это лучше выразиться... состояние ни жизни, ни смерти... Кроме того, это место погребения... Дающее надежду на что-то... На другую жизнь, что ли... Очень трудно находить нужные слова, — сказала она, как бы извиняясь, — короче, это место, предназначенное для мертвых и умирающих... Всем другим соваться сюда без крайней необходимости не рекомендуется.

— А как же нам его туда доставить? — Верка кивнула в сторону площади, где в обрамлении серого небесного свода и сизой мути горизонтов сияло нечто явно не принадлежащее к этому миру.

— Сейчас увидите, — сказала Лилечка, обменявшись с детьми серией жестов. — Но сначала надо бы с ним попрощаться... Не по-людски получается.

— Давай, Смыков, — Зяблик слегка подтолкнул приятеля вперед. — Скажи доброе слово от всех нас.

— Я, знаете ли, не готовился, — начал было отговариваться Смыков, хотя руки его уже автоматически приглаживали волосы и расправляли складки куртки. — Но если нужно...

— Нужно, нужно, — подтвердила Верка.

Тело Эрикса сняли с Барсика и уложили на широкий и сравнительно чистый парапет подземного перехода.

— Куда ногами полагается? — спросил Цыпф. — На восток или на запад?

— Без разницы, — ответил Зяблик. — Как ты разберешься, где сейчас этот запад? Да и не верил он, наверное, в эти предсудки.

Лилечка, отыскав где-то бледный и чахлый цветок, чудом выросший среди камней и бетона, положила его на грудь покойника. Зяблик откинул брезент с его лица. Смыков откашлялся, придавая голосу соответствующую случаю тональность.

— Товарищи! Траурный митинг, посвященный светлой памяти нашего друга и соратника Эрикса, фамилия которого, к сожалению, осталась неизвестной, позвольте считать открытым. Покойник прожил короткую, но сложную жизнь, полную лишений, трудов и борьбы. Потеряв всех родных и друзей, он не утратил веры в светлое будущее прогрессивного человечества и до последней капли крови, до последнего вздоха боролся с приспешниками реакции, мракобесия и насилия, свившими гнездо на его бывшей родине. К сожалению, социально-классовая ограниченность не позволила ему...

— Не надо, — сказал Зяблик с нажимом. — Закругляйся.

— Светлая память о покойном навсегда останется в наших сердцах. Спи спокойно, дорогой товарищ! — второпях закончил Смыков и ткнул пальцем в сторону Зяблика: — А с вами, между прочим, я еще буду иметь серьезный разговор!

— Так и быть, поймеем, — согласился Зяблик. — Чуть позже.

Следуя указаниям детей, тело Эрикса снова положили на Барсика, зато коробки сгрузили. Зверь, которого давно тянуло к завораживающему свету, получив соответствующую команду в виде пинка под хвост, охотно двинулся в сторону площади. Закутанный в брезентовый саван Эрикс возлежал на нем, как на крыше катафалка. Лилечка рыдала в полный голос. Верка всхлипывала. До полного комплекта впечатлений не хватало только стонущих звуков похоронного марша.

Лилечка, словно спохватившись, вытерла слезы и извлекла губную гармошку. Вновь задребезжала ржавая, с плохим разводом пила, но девушка нахмурила лоб, надула щеки, и звук сразу посветлел, очистился, обдал душу ознобом печали. Потекла мелодия — негромкая, незамысловатая, зато берущая за сердце и бережущая душу.

Барсик тем временем уже вступил на плиты площади, и его шкура засверкала и заискрилась, как чешуя золотой рыбки, летящей из садка в подвешенный над костром котелок. Световое пятно, до этого совершенно неподвижное, дрогнуло и немного уменьшилось в диаметре. Так продолжалось и дальше — с каждым новым шагом зверя оно становилось чуть ярче и чуть меньше, как бы стягивая всю свою энергию в одну точку. И от живого Барсика, и от мертвого Эрикса исходило одинаково интенсивное радужное сияние, застилавшее глаза наблюдателей слезами.

И вот наконец наступил момент, когда пятно волшебного света сжалось до размеров звериного тела, которое и само сейчас было как маленькое солнце. По стенам домов, окружающих площадь, неслись черные тени — явление давным-давно забытое в этом мире. Затем последовала короткая беззвучная вспышка, словно в единый миг испарилась тонна магния, и пятно вновь вернулось в свои прежние границы. Вокруг сразу потемнело.

— Больше желающих нет? — спросил Зяблик, вытирая рукавом глаза.

— А заманчиво, знаешь ли... — прошептала Верка. — Если бы только точно знать, что это дорога в новую жизнь...

— Это дорога к эвтаназии, — сказал Цыпф. — Это машина

безболезненной смерти. Хотелось бы знать, сами будетляне ее придумали или кто-то им ее подарил.

— Смотрите, смотрите! — воскликнула вдруг Лилечка, указывая на стену соседнего здания.

Теперь, когда люди привыкли к необычному освещению, сразу стало заметно, что стены всех близлежащих домов до высоты человеческого роста — а кое-где и выше — покрывают короткие надписи, исполненные краской, тушью, губной помадой или просто нацарапанные острыми предметами.

— А ведь кое-что можно понять, — Зяблик прищурился. — Берта Нибур... Эм Шовен... тут какие-то иероглифы, не разберу... Гонслик... Грюнс фэмэли, семья, значит... Текен или Такаки... Николай и Мария Трейш... Эс Бэ Бэ, одни только инициалы... Плимак... Коган... Нет, тут и за месяц всего не прочтешь. Надо бы и нашего Эрикса увековечить. Как публика считает?

— Охота пуше неволи, — пожала плечами Верка. — Все равно в ближайшую тысячу лет этого никто не прочтет.

— И все же отметить надо... Я мигом. — Смыков уже достал нож.

Пять минут спустя на стене появилась свежая эпитафия: «Хороший человек Эрикс и зверь Барсик здесь были».

Если верить карте, большая часть пути до границы была уже позади. Однако темп продвижения ватаги замедлялся — нужно было нести на себе коробки с продуктами, да и дети, часть энергии которых раньше выливалась на безответного Барсика, теперь все чаще досаждали им своими проказами. Встал даже вопрос о том, чтобы распрощаться с ними раньше времени.

— Нет, это переходит все границы! — возмущался Смыков. — Сегодня проснулся, хочу надеть ботинки, а в каждом по выводку мышей. Это тоже можно считать шуткой?

— Ну и что! — вступилась за детей Верка. — Мне они в ботинки по вороньему яйцу положили. Подумаешь, преступление!

Толгай, в сапогах которого еще хлюпал томатный сок, горестно пробормотал:

— Это не балалар... Это юлбасар... (что означало: «Это не дети... Это бандиты»).

Лилечка, конечно же, стояла за своих юных приятелей горой, но окончательное решение вынес Зяблик:

— У меня нынче в прохорях тоже не рай небесный. Но уж

лучше яичницу копытами давить, чем под пули рогатых лезть. Мы за этими шкетами как за каменной стеной. Так что до границы идем вместе.

— Учитывая возможности нашего оружия, мы в посторонней помощи не нуждаемся! — с пафосом заявил Смыков.

— Ну уж нет! — хором воскликнули почти все члены ватаги. — Это только на крайний случай!

Смыков полдня ни с кем не разговаривал, однако потом сам подсел к Лилечке и стал зондировать вопрос, касавшийся возможностей раздобыть еще одного зверя типа Барсика. Нужен он был Смыкову для того, чтобы доставить в Отчину энное количество вещей, позарез необходимых там, а в Будетляндии пропадавших зазря.

— Спросить-то не трудно, — сказала Лилечка с сомнением. — Детишки, если разойдутся, и черта лысого могут достать. А что дальше? Они ведь с нами дальше границы не пойдут. И придется нам с Барсиком крюк через три страны делать. Это ведь то же самое, что в прежние времена по Талашевску на слоне кататься. Народ прохода не даст. Да и кормить его надо. Ест он редко, но основательно. И только свежее мясо. Причем между быком и человеком никакого различия не видит.

Смыков сразу умолк, а Зяблик, слышавший этот разговор, расхохотался.

— Сдавать ты стал, начальник. Стареешь. Уела тебя девчонка.

— Ваши инсинуации я игнорирую, — гордо ответил Смыков. — Однако хочу официально заявить, что не потерплю в дальнейшем никаких выпадов со стороны несовершеннолетних.

Но на завтра дети словно специально затихли. Мальчишка ехал на плечах у Цыпфа, а девчонка шла за руку с Лилечкой. Оба они все время словно прислушивались к чему-то.

Примерно около полудня — если верить часам Смыкова — в той стороне, куда они направлялись, раздался звук, могучий и грозный, но за время скитаний по Отчине, Кастилии и Нейтральной зоне уже успевший стать для ватаги привычным. То ли это небо терлось о землю, то ли, наоборот, рвалась на волю подземная стихия.

Судя по реакции детей, для Будетляндии такое явление было внове. Цыпф сверился с картой. До границы оставалось не так уж и далеко. Если впереди их ждала страна столь же бесплодная и опасная, как Нейтральная зона, необходимо было пополнить запас продуктов, да и кое-каким барахлом обзавестись не помешало бы. Например, такой прочной и удобной

мануфактуры, как в Будетляндии, нельзя было больше отыскать нигде.

— Ты бы, подруга, приданным запаслась, — Верка подмигнула Лилечке. — Дома за каждую тряпку втридорога платить придется, а здесь все задарма можно взять.

— Не знаю даже, — засомневалась Лилечка. — Мы никогда раньше чужого не брали, даже бесхозного. Бабушка говорила, что это грех... Да и вряд ли мой размер найдется.

— Найдется, найдется, — успокоила ее Верка. — Я тут такие наряды видела, что на любой размер подойдут. Не ткань, а просто чудо. Пригладишь — она как атлас блестит, взлохматишь щеткой — она как пух. И цвет сама меняет. И туфельки белые не мешает подобрать. Не пойдешь же ты под венец в этих говнодавах.

— Кто это вам сказал, что я под венец собираюсь? — зарделась Лилечка. — Выдумают тоже...

— Э-э, меня не проведешь, — Верка погрозила ей пальцем. — Я королевой в Лимпопо была, а потом невенчаной женой всенародно избранного президента. Ну а если еще и таких, как Смыков, считать, то у всех нас пальцев на руках и ногах не хватит. Я и баб, и мужиков понимаю... Думаешь, я не вижу, как на тебя Лева глядит?

— Как? — заинтересовалась Лилечка.

— Как поп на икону.

— Это плохо?

— Наоборот! Мужик свою жену на руках должен носить. Пылинки с нее сдувать. Вот и Лева такой, если не испортится. Таким хамам, как Смыков и Зяблик, до него далеко.

— На вас, между прочим, некоторые тоже заглядываются.

— Ты про Чмыхало, что ли?

— Вам лучше знать. — Лилечка поджала губки.

— Ну нет! После негра татарва не котируется. Размер не тот. Да и поздно мне уже невеститься... — Она усмехнулась. — Невеста без места, жених без куска...

Вдали снова грохнуло, но уже куда сильнее, чем раньше. Одна из вертикальных опор небесного невода перекосилась, потянув за собой сочлененные конструкции. Зрелище было весьма гнетущее. Одно дело, когда с крыши соседнего дома падает лист шифера, и совсем другое, когда рушится гора, на склоне которой расположен целый город.

— Опять какая-то хреновина начинается, — сказал Зяблик с досадой. — Давайте лучше выруливать на открытое место.

Ватага свернула в сторону, где виднелось что-то похожее на заброшенное поле для гольфа. Незапланированный отдых

никого не радовал, одни только дети беззаботно кувыркались в траве, да и они не забывали время от времени посматривать в ту сторону, откуда доносился глухой и мощный рокот.

— Может, пронесет, — сказала Верка неуверенно.

— Два раза уже проносило, — буркнул Зяблик. — Дважды прощается, а в третий раз карается. Это любой шкет знает.

— Думаю, все не так уж страшно, — сказал Цыпф, впрочем, без особой уверенности. — У нас есть оружие, пределы возможностей которого неизвестны... Да и могучие покровители рядом.

— На добро надейся, а беду жди, — вздохнула Лилечка. — Так моя бабушка говорила.

То, что произошло в следующий момент, напоминало вариант знаменитой картины «Последний день Помпеи», с той, правда, разницей, что ни одна живая душа не попыталась покинуть гибнущие дома, да и не было в древней Помпее зданий высотой в полсотни этажей.

Толчок снизу был так силен и резок, что дома взрывались, словно начиненные динамитом. Обломки бетона, осколки облицовки и куски арматуры свистели в воздухе, как шрапнель. Там, где только что торчали башни-цилиндры, башни-пирамиды и башни-гробы, на глазах вспучивались холмы. Лопаясь, они выворачивали наружу утробу города: пустые полости подземных гаражей и складов, лабиринты туннелей, переплетение коммуникационных трасс, путаницу трубопроводов, монолиты фундаментных блоков. Издали все это походило на развороченный термитник.

После первого толчка не прошло и минуты, а огромный городской массив исчез, превратившись в плоскую, дымящуюся пылью плешь, среди которой огромными фурункулами торчали остроконечные холмы. Что-то ворочалось внутри них, посылая во все стороны новые и новые разрушительные волны, перемалывающие в щебень все, размером превышающее кирпич.

Пространство, отделявшее зеленую лужайку от уничтоженных городских кварталов, завибрировало и поперло вверх, выгибаясь несуразным горбом. Металлические ограждения лопались, как паутинки. Сверху обрушился град песка и гравия.

— Лева, стреляй! — заорал Зяблик. — Иначе хана нам всем!

Руки у Цыпфа тряслись. Он не знал, куда стрелять — вверх, вниз или прямо перед собой. Опасность, казалось, исходила со всех сторон. В грохоте бушующей стихии, в слепящем песчаном шквале, в агонии земной тверди и в ледяном равноду-

шии тверди небесной он растерялся, как заблудившийся в дремучем лесу ребенок.

Вокруг быстро росли зловещие холмы. Они были как гнойные нарывы на теле трупа — единственное живое на мертвом, — но эта чужая жизнь не обещала ничего, кроме новых смертей. Даже и думать было нельзя, что человек способен каким-то образом помешать неведомой силе, просыпающейся в камне, земле, воде и воздухе.

И тем не менее Лева выстрелил — выстрелил, даже не представляя себе, что из всего этого может получиться. Вполне возможно, что древняя мощь, рожденная жаром звезд и холодом космической пустоты, была выше законов, управляющих нынешним одряхлевшим и выхолощенным миром. Это напоминало попытку смертного поразить своим жалким орудием всемогущего Бога.

Своей целью Лева выбрал громадный курган, возникший путем слияния воедино сразу нескольких холмов и уже начавший пожирать их последнее прибежище — лужайку. Конечно, назвать его действия стрельбой можно было только условно. Эффекты, свойственные огнестрельному оружию: дым, огонь, гром, — начисто отсутствовали. Оставалось только надеяться, что пушка сработала, и ждать результатов.

И они не замедлили сказаться.

Гром слепой стихии перешел в рев живого существа. Курган исчез, словно и не существовал никогда, а на его месте взорам ошарашенных людей предстал одетый в багряную чешую пернатый змей.

Он был страшен, как все семь чаш Божьего гнева.

Его рубиновые глаза выжигали человеческие души. Одной капли его яда было достаточно для того, чтобы отравить океан. Одним взмахом своих крыльев он мог потопить парусный флот, одним ударом клыков убить такого зверя, как Барсик, а одним только видом обратить в бегство армию. Он был порожден злом, под защитой зла находился и для насаждения зла предназначался.

Естество его не изменилось за миллиарды лет тяжкого сна, но облик оставался тайной. То, что видели перед собой люди, было лишь временной оболочкой, карнавальным нарядом, в который коварная сила антипричинности одела это загадочное создание. Ничто превратилось в нечто. Бесформенное обрело форму. Прах возродился для жизни. Извергнутый кирквудовской пушкой вихрь хаоса не смог повредить древнему хозяину планеты, а лишь придал его сущности зримую реальность.

Полупарализованный страхом Лева действовал уже чисто автоматически, на уровне подсознания. Еще один выстрел, и багряный змей превратился в огнедышащего дракона. Потом в медноклювую гарпию. Потом в кровожадного молоха. А когда он вновь стал змеем, но уже не багряным, а белым, Лева выронил пушку из рук. Все было бесполезно. Одно чудовище превращалось в другое, и финалом этих метаморфоз могло быть только одно — рождение мирового зверя, чья губительная власть уже не будет иметь пределов.

Однако были здесь и те, кого все происходящее несказанно радовало. Появление багряного змея, а затем и вся цепь его перерождений вызвали у близнецов бурный восторг. Впервые они видели столь забавную игрушку и, еще даже не заполучив ее, уже спорили — жестами, естественно, — кому из них она будет принадлежать.

Никто из ватаги и глазом моргнуть не успел, а дети уже наперегонки бежали к чудовищу. Змей зашипел и так широко раскинул свои крылья, что заслонил ими полгоризонта. Пасть его распахнулась, и клыки, до этого упрятанные в ножнах челюстных костей, приняли боевое положение. Глаза — единственное, что контрастировало со зловещей бледностью змеиного тела, — вспыхнули багровым адовым пламенем.

Девочка оказалась проворнее и первой ухватила чудовище за петушиную шпору, украшавшую каждую из его четырехпалых лап. Мальчишка не растерялся и вцепился в перепончатое крыло. Мигом повалив змея на землю, близнецы вскарабкались ему на загривок и самым бесцеремонным образом стали понуждать к взлету.

Страшилище, неуклюже размахивая хотя и огромными, но чисто декоративными крыльями, вприпрыжку помчалось по пустоши, кое-как оторвалось от земли, но уже метров через двести рухнуло грудью на крыши уцелевших зданий. Его заставили развернуться и погнали обратно. С бешеной скоростью мелькали лапы, оглушительно хлюпали не обладавшие нужными аэродинамическими качествами крылья, кончик хвоста вращался наподобие пропеллера.

Промчавшись мимо ватаги, змей тяжело, как перегруженный самолет, взмыл в воздух и, кренясь, стал описывать над городом плавную дугу. Сейчас он был похож на белую летучую мышь, по ошибке покинувшую свою пещеру при ясном свете, а примостившиеся на его спине дети напоминали двух крошечных мошек.

Круг за кругом, набирая высоту, пернатый змей поднимался в небо. Близнецам был нужен простор для освоения фи-

гур высшего пилотажа. Они то заставляли чудовище планировать, то бросали в крутое пике. Косые петли сменялись «бочками» и восьмерками, разворот следовал за разворотом, горка за горкой. Сквозь свист разрезаемого воздуха и шорох крыльев сверху доносились звонкие ликующие вопли.

— Во попался! — Странное оцепенение отпустило наконец Зяблика, и язык его перестал быть куском льда. — Это тебе, гад летучий, не над простым народом изгаляться! Заездят они тебя, как паршивую клячу.

Змей, окончательно обессилев, падал. Глотка его источала уже не шипение, а хрип. Крылья судорожно трепетали, безуспешно пытаясь найти опору в воздухе. Кровавые шары глаз выражали не злое торжество, как раньше, а элементарный ужас. Столь многообещающий дебют не удался.

Когда до земли оставалось уже совсем немного, змей рассыпался и тучей пыли обрушился вниз. Курган, возникший на месте падения, по форме да и по размерам очень напоминал тот, который считанные минуты назад, при содействии кирквовдовской пушки, породил это столь странное создание.

Близнецы, чумазые, как трубочисты, выбрались из-под останков змея и съехали вниз по крутому склону. Выражение их лиц можно было охарактеризовать однозначно: хорошо, но мало.

— Интересно, а будут ли этих деток со временем интересоваться проблемы добра и зла? — задумчиво сказала Верка. — Или они уже давно выше всего этого.

— Если человек одним своим желанием может создать или разрушить этот мир, многие нравственные нормы теряют для него всякий смысл, — уже и Лева Цыпф вышел из оцепенения. — Кто не знает страха, тому неведомо и сострадание. Кто неуязвим перед кознями зла, тот останется равнодушным и к добру.

— Разве ребята сделали нам мало добра? — воскликнула Лилечка.

— А если для них это была только игра? — Цыпф облизал пересохшие губы. — Детки просто резвились. Юные боги или юные демоны пробовали свои возможности.

— И охота вам подоплеку во всем искать, — вмешался в спор Зяблик. — Главное, что мы живы остались. Тут до границы рукой подать. Отдохнем немного и будем прощаться с детишками. Хорошие они или плохие, люди или нелюди, но наши дорожки расходятся. И скорее всего навсегда...

Часть третья

С близнецами они расстались раньше, чем достигли границы, и совсем не так, как собирались, — без торжеств, пусть и скромных, без прочувственных слов, без заключительного банкета.

В один прекрасный момент дети просто исчезли, даже не соизволив попрощаться с дядями и тетями, в обществе которых проделали богатый приключениями марш едва ли не через всю страну. То ли близнецы убедились, что взрослые уже не нуждаются в покровительстве, то ли им попросту все наскучило и они отправились на поиски новых развлечений: лепить куличики из пространства, ставить запруды в реке времени и собирать вместо фантиков всяких жутких тварей.

Ватага, успевшая привязаться к детям, тем не менее вздохнула с облегчением. (Цыпф, например, чувствовал себя в компании близнецов дрессированной блохой — сегодня к тебе благоволят, а завтра могут задавить ненароком.) Искренне расстроилась одна только Лилечка.

— Ах, жалость-то какая! — причитала она. — Такой случай упустили! Ведь они всю нашу жизнь могли переиначить! И солнышко на небо вернуть, и все-все по-старому устроить.

— Телка ты глупая, — не сдержался Зяблик. — Не будут они ничего по-старому устраивать. Ни к чему им такое. Это то же самое, что тебя опять мамкину сиську сосать заставить да пеленки пачкать. Плевать им на все старое, тем более что они его и не знали. Выросли детки... Теперь кому хочешь копыта оттопчут.

Зяблика неожиданно поддержала и Верка.

— Прошлого, подруга, не вернешь, — вздохнула она, почему-то пробуя на вес свои груди. — И в этом ты оч-чень скоро убедишься.

Лилечка надулась, отошла в сторонку и занялась губной гармошкой. Теперь это было непременно признаком ее дур-

ного настроения. Зяблик так и говорил: «Наступил плохой момент — запылился инструмент».

Ватага между тем уже вышла из-под сени небесного невода, вне которого их сокрушительное оружие теряло всякую силу. Долго спорили, как следует поступить с кирквудовской пушкой. Все понимали, что тащить этот бесполезный груз дальше не имеет никакого смысла. Поэтому обсуждались два предложения. Одно — надежно спрятать пушку на территории Будетляндии. Другое — немедленно привести ее в абсолютно негодное состояние. За первое предложение горячо ратовал Смыков, за второе — Лева Цыпф.

— Вы, братцы мои, поговорку о запасе, благодаря которому задница урона не понесет, все, конечно, знаете, — Смыков понизил голос, дабы слова его не достигли ушей музицировавшей невдалеке Лилечки. — Поговорку эту, между прочим, поэт Пушкин придумал. Когда по Кавказу на бричке путешествовал...

— При чем здесь Кавказ? — нахмурился Зяблик.

— Сейчас узнаете... Не доезжая горы Арарат, у этой брички сломалось колесо. А запасного, как на грех, не имелось. Вот Пушкин и посылает своего кучера на поиски колеса. Денег с собой дал. Приходит кучер в кузницу и, как может, излагает местным мастерам просьбу. Дескать, вы мне колесо, а я вам деньги. Те его выслушали и в том смысле отвечают, что денег им не надо. Если хочешь, рассчитывайся задницей. Пришлось бедному кучеру снимать штаны. А что делать? Зато после этого случая, увековеченного Пушкиным, он не то что колесо, а даже запасную оглоблю с собой брал... Это я к тому говорю, что орудие должно нас здесь дожидаться. В запасе. На консервации. Не исключено, что придется вернуться. Плешаков, может, и дурак был, когда Киркопию присоединял, зато тот дважды дурак, кто Будетляндию присоединить не пытается.

— Чтоб я так жил, — сказал Зяблик. — Этот фраер иногда может красиво выражаться.

— Слушайте, а что такого необыкновенного было в заднице того кучера? — поинтересовалась Верка.

— Про то надо у Пушкина спросить, — важно ответил довольный собой Смыков.

— Какой имеш-мимеш долгий получается... — страдальчески сморщился Толгай. — Ашау пора... Кушать...

— Нет уж! — запыхтел Цыпф. — Имеш-мимеш еще долгим будет. Нельзя здесь кирквудовскую пушку прятать! аггелы уже охотятся за ней! Я уверен! Многие из тех, кто все видел,

живы остались! Не исключено, они и сейчас продолжают следить за нами. Убедившись, что мы оставили пушку в Будетляндии, аггелы начнут ее поиски. И пока не найдут, не успокоятся. Даже если мы зароем ее на три метра под землю.

— Найдут они ее, а что дальше? — пожал плечами Зяблик. — Пусть подавятся. В кого здесь стрелять? В этих детокошмариков? Так им, наверное, кирквудовская энергия, что мне — чифирь.

— Вы не понимаете! — Цыпф горячился все сильнее и сильнее. — Стрелять можно куда угодно! Вверх! Вниз! В сторону! Мы же не знаем дальности действия этого оружия! А вдруг оно способно перебросить сгусток кирквудовской энергии на бесконечно большое расстояние? Во что может превратить эффект антивероятности то, что находится там? — он ткнул пальцем в небесный свод. — Или там, в земных недрах? Ведь результат выстрела каждый раз иной! Страшный, но по-разному! Совершенно непредсказуемый! Можно пробудить такие силы... такие...

— Так ведь потомки наши тех сил не боялись, когда хреновину эту изобретали, — перебил его Зяблик.

— Это было оружие сдерживания, как вы не понимаете! — почти застонал Цыпф. — Вроде как в нашем мире атомная бомба. Все тогда знали, что мощности накопленного боезапаса достаточно для уничтожения планеты и не осмеливались развязать глобальный конфликт. Так и здесь...

— Спор наш, братцы вы мои, не по существу, — по всему было видно, что Смыков имеет на руках такой козырь, который перешибет все другие карты. — Слушайте сюда. Мы упустили одну существенную деталь. Пушкой-то этой знаменитой умеет пользоваться один только товарищ Цыпф. Монополист, так сказать, в чистом виде. И кто бы пушку здесь ни нашел, воспользоваться ею он не сможет... И зря вы, Лева, простите, забыл ваше отчество, кипятитесь. Большие возможности перед вами открываются. Я бы даже сказал: безграничные! Если из пушки действительно можно до Кастилии или, скажем, до Лимпопо достать, то вы всем миром править будете.

— А ведь ве-е-рно! — Верка глянула на Цыпфа, приложив ладонь полочкой ко лбу. — Левушка, когда большим человеком станешь, не забывай, зайчик, обо мне. Банки тебе буду ставить и пятки чесать. Опыт имею.

— Нет, братва, что-то здесь не то, — покачал головой Зяблик. — Недоговаривает Лева всей правды... Он мужик ушлый и любую възможную заморочку заранее должен был преду-

смотреть. Знаю я его. Выходит, упустили мы какую-то каверзу из виду. Так, Лева?

— Господи, неужели это так трудно понять, — Левкин запал прошел, и сейчас он выглядел усталым и печальным. — Допустим, я имею власть над кирквудовской пушкой... Но ведь и надо мной самим кто-то может взять власть.

— В смысле? — насторожился Зяблик.

— Без смысла. Человека заковывают в кандалы, раздевают и начинают жечь железом. Или подвешивают за ребро на мясницком крюке. Или сажают в бочку с крысами. Или все это на его глазах делают с другим человеком, очень дорогим для него... А я не Джордано Бруно и даже не Зоя Космодемьянская. Я боюсь смерти, я боюсь боли... Я много боюсь... Теперь вы хоть что-то поняли?

— Поняли, — кивнул Зяблик с кривой улыбкой. — Вот, оказывается, в чем затырка... Короче, если аггелы тебя захотят...

— Не только аггелы! — Цыпф болезненно скривился. — А вдруг тебе самому захочется стать властелином мира? Или Смыкову? Ведь из меня даже не нужно делать придворного стрелка. Под пыткой я выдам секрет кирквудовской пушки кому угодно... Кстати, стрельба из нее не представляет никаких сложностей.

— Подождите, — насупился Смыков. — Вы, следовательно, предлагаете погубить великое дело по причине личной своей моральной слабости?

— Да не великое дело! А великую беду!

— Лева, не базарь, — погрозил ему кулаком Зяблик. — Зачем такой шорох! Любое дело может бедой обернуться, а беда, в натуре, клевым интересом... Диалектика, едрена вошь... Если сюда побольше аггелов заманить да пришить их всех разом, чистая польза для твоих будущих шкетов обломается.

— А как заманить? — сразу же заинтересовался Смыков.

— Там видно будет, — отмахнулся Зяблик. — Да хотя бы этой самой пушкой. Пустим парашу, что их здесь без счета. Пусть ищут. А потом все гнездо спалим. Вместе с гадами, в нем обитающими. Сразу легче дышать станет.

— Что с вами говорить, — безнадежно вздохнул Цыпф. — Как об стенку горох...

— Тогда голосуем, — Зяблик вскинул вверх расслабленную кисть правой руки. — Я за то, чтобы оставить Горыныча в целости и сохранности.

— Присоединяюсь. — Смыков голосовал, словно пионерский салют отдавал.

Толгай, продолжавший бормотать что-то, касавшееся еды и сна, и даже не пытавшийся вникнуть в суть проблемы, естественно, поддержал своего кумира Зяблика.

Затем все усталились на Верку, голос которой мог оказаться решающим (в том, что Лилечка примет сторону Цыпфа, сомневаться не приходилось).

— Ну что меня глазами едите? — Верка независимо перевернула плечами. — Нравлюсь, что ли?

— Ты не выпендривайся, шалава, — сказал Зяблик, недобро прищурившись. — Тут тебе не танцульки и не бабьи поделки. Тут, может, судьба человечества решается. Поэтому пораскинь мозгами. А потом отвечай. Толком и по совести.

— Ну уж если толком и по совести, то фиг вам, зайчики! — Верка продемонстрировала рукотворное подтверждение своего заявления. — Гнездо вы вражье уничтожить задумали? Когда я еще под стол пешком ходила, на нашей улице случай такой был. Одному дураку, которого крысы замучили, другой дурак посоветовал, как от них избавиться. Верный, говорит, способ. Веками проверенный. Подпали одну и пусти в подполье. При виде ее мук все другие немедленно из дома сойдут. Так наш сосед и сделал. Изловил крысу, облил керосинчиком и поджег. А она, сволочь, не в подполье бросилась, а в сарай, где корова стояла да три пары свиней. Ну, естественно, и сена с полтонны было на зиму заготовлено. Сами догадываетесь, чем все кончилось. Хорошо хоть, убытки сараем и скотиной ограничились. Дом пожарники кое-как отстояли. Примерно такую же штуку и вы здесь устроить собираетесь. Прикончите вы аггелов или не прикончите, это еще вилами по воде писано. А то, что сарай, в котором все мы сено жуем, спалите, — это уж наверняка!

— Bravo, — сказал Зяблик. — Бис. Тебе бы в свое время не клизмы ставить, а агитпропом заведовать.

— Запросто! — ответила Верка. — Ну не повезло мне в жизни, что тут поделаешь.

— Три на три, — поморщился Смыков. — Ничья. Окончательное решение откладывается.

— И на какой срок? — немного ожил Цыпф.

— Пока один из нас не передумает. Или пока число голоствующих не станет нечетным. Вот так-то, братцы мои!

— А до тех пор?

— А до тех пор будем оставаться на этом месте. Но пушеч-

ку извольте сдать нам на ответственное хранение. Чтобы вам лишнего искушения не было. Еще ликвидируете ее в явочном порядке, — Смыков по-отечески грозно уставился на Цыпфа.

Тот, немного поколебавшись, согласился. Во-первых, в этом предложении имелась определенная логика. Во-вторых, как говорят в народе, умный с сильным вслух не спорят.

В этих горячих, хотя и бесплодных дебатах никто не обратил внимания, что звуков губной гармошки давно не слышно, а силуэт Лилечки в пределах видимости отсутствует. Это был плохой знак, потому-что после нескольких суток, проведенных в обществе мертвого Эрикса, девушка никогда не удалялась от людей дальше, чем на полсотню шагов, и даже, уединяясь по нужде, просила Верку покараулить рядом.

Цыпф вскочил и вытянул шею так, что его хребет едва не разорвался на стыке между шестым и седьмым позвонками. Верка чистым голосом грязно выругалась. Толгай, до которого все доходило с опозданием, но который потом действовал быстрее всех, выхватил саблю даже чуть раньше, чем Смыков и Зяблик пистолеты.

— Рассредоточиться! — прошептал Смыков. — Залечь!

— Левка, береги пушку! — прошипел Зяблик. — Чмыхало, к нему! Башкой за все отвечаешь! Я пошел вперед.

Когда было нужно, эти двое понимали друг друга почти без слов, а уж о каких-либо пререканиях в такие минуты не могло быть и речи.

Впрочем, напряжение разрядилось довольно скоро.

Зяблик, ящерицей скользнувший в сторону ближайших руин, спустя минут десять уже вернулся. Лилечка шла с ним рядом и чрезвычайно немелодично дула в губную гармошку, что свидетельствовало уже не о плачевном состоянии души, а скорее о глубоком нервном потрясении. Человек, даже абсолютно лишенный слуха, в здравом уме никогда не позволил бы себе такого издевательства над безвинным музыкальным инструментом.

— Что случилось? — едва ли не хором воскликнула ватага (диссонансом прозвучало лишь «Ни булды?» Толгая, в принципе означавшее то же самое).

— Пусть сама расскажет, — буркнул Зяблик, все еще сжимавший в руках пистолет. — Я лично ничего понять не могу.

Лилечка зарыдала, не выпуская изо рта гармошку, и без того изначально настроенную на минорный лад.

— Ну миленькая, ну что с тобой, ну скажи хоть одно сло-

вечко, — уговаривал ее Цыпф, и сам готовый вот-вот расплакаться. — Тебя обидел кто-нибудь?

— Не-е-а, — выдавила из себя девушка, и в унисон этому гармошка взвизгнула, словно кастрируемый кот.

— Да что вы в самом деле, все с ума посходили? — растолкав мужчин, Верка вырвала гармошку у Лилечки. — А ну успокойся! Или я тебя обратно отведу! Хочешь?

— Не-е-а, — повторила Лилечка, но уже человеческим голосом.

— Ты испугалась?

— Ага, — затрясла головой девушка.

— Кого, людей?

— Не-е-а...

— Зверей?

— Не-е-а...

— Чертей?

Лилечка на мгновение прервала плач, словно пытаясь что-то вспомнить, потом сделала отрицательный жест и вновь захлопала носом.

Путем перекрестного допроса и множества наводящих вопросов в конце концов выяснилась следующая картина. Опечаленная разлукой с близнецами, непониманием со стороны друзей и еще неизвестно чем-то, чему она и сама не могла дать определения, Лилечка отправилась на прогулку, по своему обыкновению не удаляясь далеко от места стоянки. Если она временами и теряла спорщиков из виду, то всегда продолжала слышать их возбужденные голоса.

Чтобы как-то облегчить тоску, Лилечка разучивала на губной гармошке «Марш юных пионеров», незамысловатый, но бодрый мотив которого она с помощью бабушки когда-то подбрала на аккордеоне. Как ни странно, но своего она добилась, причем с перебором — и мелодию освоила, и от мрачных мыслей отвлеклась, и даже про осторожность забыла.

Опомнилась Лилечка, только ощутив весьма странный, но, кажется, уже знакомый ей запах, который впоследствии она охарактеризовала для себя как «запах преисподней». Примерно так пахло в черном, душном и давящем мире, куда их, пусть и с благой целью, уволокли недавно варнаки.

Как это и полагается, от испуга у девушки отнялся язык. Она даже дунуть в губную гармошку не могла, но тем не менее мелодия давно позабытого комсомольского композитора Кайдан-Дешкина от этого не угасла, а, наоборот, продолжала набирать чистоту и силу.

Не далее как в пяти метрах от Лилечки в зарослях чертополоха торчал одинокий варнак, похожий на человека не больше, чем вставшая на дыбы слоновая черепаха, и пел, подрагивая лишь одним уголком шелеобразного жабьего рта. Глаза его, как всегда, были прикрыты уродливыми мешками век, еще более темных, чем вся остальная кожа.

Чем пугала эта сцена, так это своей предельной неестественностью — существо с обликом под стать дьявольскому ангельским голосом выводит «Взвей-тесь кост-ра-ми, си-ни-е но-чи...» (никаких слов, естественно, не было, но в Лилечкином сознании они сами собой ложились на безупречно выверенный мотив).

Конечно, девушка знала, что варнаки в принципе не враги людям, но испуг ее, происшедший не столько от неожиданной встречи, сколько от памяти о дважды пережитом в прошлом темном ужасе, напрочь парализовал разум. Ничего толком не соображая, она бросилась назад, будто это сама смерть гналась за ней. Когда прямо наперерез Лилечке высочили какие-то неизвестные люди, она даже обрадовалась (если только до крайности перепуганный человек может чему-то обрадоваться).

О людях этих девушка ничего определенного сказать не могла: ни сколько их было, ни как они выглядели, ни во что были одеты. Осталось также неизвестным, имели ли они при себе оружие. Никто из этих людей не успел даже слова сказать, а тем более прикоснуться к ней. Сзади уже опять разил запах преисподней, и все вокруг заволакивала тьма (а может, это у Лилечки просто в глазах потемнело).

Потом началось что-то страшное. Что именно, девушка объяснить не могла, но, по ее словам, страшным было все: и звуки, как будто бы тупым топором перерубают кости; и сковавшая ее тело тяжесть, от которой едва не остановилось сердце; и жар, обдавший спину так, что рубашка до сих пор липнет к лопаткам. Рядом происходила какая-то непонятная возня — не то варнак губил людей, не то люди добивали варнака.

Воспользовавшись тем, что обе стороны временно потеряли к ней интерес, Лилечка побрела куда глаза глядят (бежать она совершенно не могла). Оглядываться назад девушка не смела, а леденящие душу звуки схватки (к омерзительному хрусту костей добавились еще мучительные хрипы, какие может издавать только существо, преодолевающее грань между жизнью и смертью) старалась заглушить губной гармошкой. Тут Лилечку и встретил Зяблик, которого она узнала далеко

не сразу. Некоторое время девушка еще сдерживалась и сдала окончательно только тогда, когда различила лица и узнала голоса своих спутников.

Закончив этот сбивчивый и маловразумительный рассказ, Лилечка попросила воды и сделала попытку упасть, которую вовремя предотвратил Лева Цыпф.

— Учись, Верка, — сказал Зяблик. — Вот такой должна быть истинная женщина. Нежной, пугливой и трепетной. А ты куришь, ругаешься, дерешься.

— Можно подумать, что со мной обмороки никогда не случались, — фыркнула Верка. — Да миллион раз! Просто они у меня очень короткие и я упасть не успеваю.

Оставив Лилечку на попечении Цыпфа и Верки, тройка ветеранов отправилась на осмотр места происшествия. По пути Смыков поинтересовался:

— Вы, братец мой, когда ее встретили, ничего поблизости подозрительного не заметили?

— Если бы заметил, так давно бы уже сказал, — буркнул Зяблик. — Ты что, за лопуха меня держишь?

— И запаха странного не учуяли?

— Не учуял.

— Тогда не понимаю... — Смыков поковырял в ухе. — Но с другой стороны — зачем ей врать?

— Вот и разберемся сейчас... Стоп, приехали.

От места встречи Зяблика с Лилечкой они на глаз проложили вдаль два расходящихся под прямым углом радиуса, затем принялись тщательно осматривать образовавшийся сектор. Когда его ширина превысила несколько сотен метров и стало окончательно ясно, что Лилечка сюда не доходила, все трое собрались на совещание.

— Ничего, — сказал Смыков.

— Буш, — развел руками Толгай.

— И у меня пусто, — подтвердил Зяблик. — Камень кругом, — для убедительности он топнул ногой. — Тут конь пройдет, следов не останется.

— Если драка была, что-то обязательно должно остаться, — возразил Смыков.

— Это если мы с тобой подеремся, — уточнил Зяблик. — А если варнак на людей навалится, то от них не останется даже мокрого места. Своллок он их в свою преисподнюю, вот и все дела.

— А где же «адов прах»?

— Ты заметь, ветер какой, — Зяблик сплюнул в сторону. — Развеял все к чертовой матери.

— Скользящая ситуация... Хотя врать ей все же ни к чему, — задумчиво повторил Смыков. — Остаются неясными два вопроса. Кем были те неизвестные люди и почему варнак напал на них? Раньше варнаки ничего подобного себе не позволяли.

— То раньше... Раньше они к людям на сто шагов боялись подойти. А потом осмелели. И началось... Кстати, все с той же Лилечки...

— Думаете, варнак ее охранял?

— Хрен его знает...

— Ну хорошо, а что вы тогда можете сказать о тех людях, которые напали на Лилечку?

— Нет здесь никаких людей... Давно их мухи съели.

— А если это были аггелы?

— Не знаю... Не могли к нам аггелы так близко подобраться.

— Ладно, — Смыков двинулся обратно. — Будем считать, что вопрос пока остается открытым...

К их возвращению Лилечка окончательно пришла в себя, но память ее от этого не прояснилась, а даже наоборот — сейчас она уже не была уверена, существовали ли те люди на самом деле или только померещились ей со страха.

— Знаете, как это бывает, — оправдывалась она. — Проснешься от кошмара, и у тебя перед глазами каждая мелочь стоит. А чуть погода уже почти ничего и не помнишь, кроме жути.

— Как бы то ни было, но место это засвечено, — сказал Смыков. — Уходить отсюда надо. А пока соблюдайте максимальную осторожность и поодиночке не отлучайтесь.

— С пушкой бы надо окончательно разобраться, — внес предложение Зяблик. — Ведь договаривались: пока решения не примем, дальше не пойдем.

— Значит, так, — Смыков глянул на свои знаменитые часы. — Сейчас шестнадцать часов тридцать минут, второго июля неизвестно какого года. На раздумья нам отводятся сутки. Если завтра к этому времени никто своего решения не изменит, будем бросать жребий.

— Какого июля? — у Лилечки от удивления округлились глаза.

— Второго, — недоуменно покосился на нее Смыков. — А что такое?

— У меня завтра день рождения, — огорошила всех Лилечка. — Я третьего июля родилась.

— А откуда вы знаете? — недоверчиво поинтересовался Смыков.

— Бабушка говорила. Она раньше сама календари рисовала. На год вперед. Потом, правда, наши ходики сломались и мы уже не могли дни считать. Но про третье июля я хорошо помню.

— Поздравляю, — Цыпф погладил Лилечку по руке.

— Зачем заранее поздравлять, — вмешалась Верка. — Завтра и поздравить. Да и о подарке побеспокойся. А я со своей стороны обещаю праздничный обед. На пирожные и марципаны не рассчитывайте, но что-нибудь вкусенькое будет.

— Что за праздник всухую, — шумно вздохнул Зяблик. — Хоть бы чифиря сварить.

— Я против дня рождения ничего не имею, — сообщил Смыков с кислой улыбкой. — Но без употребления спиртного... И без диких плясок.

— Бдолаха, значит, не отсыплешь, жмот? — Зяблик смеялся приятеля презрительным взглядом.

— Исключено! — заявил Смыков тоном старой девы, которой предлагают вступить в интимную связь.

...Чуть ближе к концу дня Толгай и Зяблик сходили на разведку, но ничего подозрительного опять не обнаружили. Для страховки Смыков со всех четырех сторон огородил лагерь тонкой стальной проволокой, концы которой были привязаны к предохранительным кольцам гранат. Для своих оставили единственный проход шириной в полметра. Закусив мармеладом и галетами, стали располагаться на ночлег. Первым на часах стоял Лева, которого должна была сменить Верка.

Честно отдежурив положенные два часа, Лева разбудил сменщицу и, когда та протерла глаза, зашептал ей на ухо:

— Вера Ивановна, умоляю, мне нужно отлучиться на полчаса. Хочу Лилечке какой-нибудь подарок подыскать или хотя бы цветов приличных нарвать. Вы уж меня не выдавайте. Договорились?

— Подожди, — Верка еще не могла взять в толк, чего от нее хотят. — Не дуй мне в ухо... Нормально объясни...

Пришлось Цыпфу повторить свою просьбу, для чего он сначала вывел Верку на свежий воздух.

— Сказано ведь было, не отлучаться поодиночке, — поежилась она.

— Смыков вам наговорит. Сами же знаете, что все спо-

койно кругом. Толгай и ветер нюхал, и ухо к земле прикладывал, и на самое высокое дерево залезал...

— Вот что, Лева, — Верка скрестила руки на груди. — Дружба дружбой, а служба службой. В другой раз, конечно, я бы тебя не отпустила. Но тут случай особый, понимаю... Сама же тебе, дураку, идею подала.

— Ну, я пойду тогда? — обрадовался Цыпф.

— Иди... Но не забывай, что лучший подарок для Лилечки — ты сам... Постарайся не задерживаться. Кстати, приличные цветы я видела совсем недалеко отсюда. Помнишь ту увитую плющом ажурную ограду, мимо которой мы проходили? За ней прекрасный цветник, правда, уже одичавший.

— А какие цветы подходят к такому случаю? — задавая этот вопрос, Лева хотел сделать приятное Верке.

— Любимой девушке желательно дарить красные цветы. Розы, тюльпаны, гвоздики, гладиолусы... Ай, да не беречь ты душу, иди куда собрался! — неизвестно почему у нее вдруг сверкнули слезы в глазах.

— Бегу, бегу...

Никакой ажурной ограды, увитой плющом, Цыпф не помнил, однако все же двинулся в направлении, указанном Веркой. Окружающий пейзаж здесь очень отличался от того, к какому они привыкли в центральных районах Будетляндии. Это был уже не сплошной город, как раньше, а тихий провинциальный пригород. Обветшавшие дома тонули в зарослях магнолий и рододендронов. Высотных башен не было и в помине. Даже брошенные автомобили попадались не так уж и часто.

Лева заглянул подряд в несколько домов, но не обнаружил там даже битой посуды. Возможно, эта окраина Будетляндии в свое время не раз подвергалась грабительским набегам извне. Зброшенный цветник он так и не нашел, зато совершенно случайно наткнулся на дерево, сначала показавшееся ему одним огромным пылающим костром.

Крону его сплошь покрывали пышные красные цветы, похожие, благодаря длинным стеблям, на факелы. Любого из них с лихвой хватило бы, чтобы заменить целый букет роз, но Лева, не пожалев ни времени, ни трудов, набрал целую охапку этих красавцев. Пахли они, правда, немного странновато — протухшей селедкой, — но этот маленький недостаток вполне искупался массой неоспоримых достоинств. Ничего даже приблизительно похожего Лева до этого не видел в самых подробных ботанических справочниках. Скорее всего это было

оригинальное произведение селекционеров двадцать первого века.

Взвалив добычу на плечо (и сразу став похожим на знаменосца, волокущего с поля боя целую дюжину свернутых кумачовых флагов), Лева тронулся в обратный путь, обдумывая версию, с помощью которой можно будет объяснить происхождение цветов Смыкову.

Аромат тухлой селедки мешал сосредоточиться, и поэтому идеи, приходившие в голову Лева, были одна глупее другой. В конце концов он решил махнуть на все рукой и резать правду-матку. Пусть ворчит себе на здоровье. Победителей не судят.

Приняв такое решение, Лева сразу повеселел, а потому хруст ветки, внезапно раздавшийся в ближайших зарослях, был понят им как очередные козни злого рока, весьма ревниво относящегося даже к самым незначительным человеческим успехам.

Нельзя сказать, что до этого вокруг стояла абсолютная тишина. Ветер довольно энергично трепал кроны деревьев, шелестела листва, падали перезревшие фрукты, кричали птицы, что-то потрескивало и булькало, но ветка хрустнула именно под ногой человека — тут уж сомневаться не приходилось. Мессыцы скитаний с ватагой кое-чему все же научили Цыпфа.

У Левы, как и у любого попавшего в опасность бывалого бойца, тут же обострились все чувства. Обострившаяся память услужливо сообщила, что пистолет так и остался лежать там, куда он сунул его, сменившись с поста, — под дорожным мешком, заменявшим подушку. Обострившаяся интуиция подсказала, что он наскочил не на случайного бродягу, а угодил в заранее подготовленную засаду.

Уже не надеясь ни на что хорошее, но и не собираясь облегчать врагам их подлые хлопоты, Лева резко свернул в сторону.

Негромкий смешок, раздавшийся за его спиной, прозвучал не менее страшно, чем пистолетный выстрел. Голос — женский, незнакомый! — не без издевки произнес:

— Куда это ты так спешишь, Лева?

Продолжая держать охапку цветов на плече, Цыпф медленно обернулся. Вид он сохранял невозмутимый, хотя одному Богу было ведомо, каких это требовало усилий.

Женщина, назвавшая его по имени, уже покинула заросли и сейчас стояла посреди заброшенного дворика, постукивая носком ботинка по гнилому пеньку. Ее расслабленная поза демонстрировала как отсутствие собственных недобрых замыслов, так и полное доверие к противоположной стороне.

Это немного успокоило Цыпфа, и он пригляделся к женщине повнимательней. Ничего особенного в ней не было. Усталое, уже поблекшее лицо. Тусклые, небрежно прибранные волосы. След очков на переносице. Да и наряд ее выглядел совершенно обыденно (хотя не для Будетляндии, а скорее для Отчины): мешковатые штаны неопределенного цвета, соответствующая им по фасону куртка, позаимствованная из неисчерпаемых запасов приснопамятного Управления исправительно-трудовых работ, грубые кирзовые ботинки.

На Леву женщина смотрела чуть прищурившись, не то с ехидцей, не то с затаенной жалостью.

— Может, поздороваемся? — она первой нарушила неловкое молчание.

— Здравствуйте, — произнес Цыпф натянуто. Сердце его продолжало колотиться. — Чем обязан?

— А попроще сказать нельзя? — женщина еще больше прищурилась.

— Разве мы с вами знакомы?

— Было дело, — кивнула она.

— И... как же вас зовут?

— Угадай с трех раз.

— Затрудняюсь, знаете ли... Вы из Отчины?

— Естественно.

— А как здесь оказались?

— Проездом, — загадочно ответила она. — Ну так как же меня все-таки зовут?

— Не помню, — сдался Лева. — Уж извините...

— А я-то надеялась... — Похоже, женщина и в самом деле была искренне огорчена. — Дырявая у тебя память, Лева.

— Память у меня как раз неплохая, — Цыпф уже окончательно освоился в странной ситуации и теперь лихорадочно пытался сообразить: кто эта женщина и чего она от него хочет.

— А цветочки кому? — поинтересовалась она. — Девочке?

— Да, — с достоинством кивнул Цыпф.

— Которая из них твоя? Та, что пожиже, или та, что поплотнее?

— Та, что поплотнее... Вы следили за нами?

— Имела удовольствие любоваться. Правда, издали.

— Почему именно издали?

Вопрос был наивный, хотя и с хитрецей. Женщина прекрасно поняла это, но ответила с обезоруживающей прямоотой:

— Опасно к вам близко подходить. Многие уже за это поплатились.

— Ага... — Лева осторожно положил цветы на землю. — Скажите, пожалуйста... я давно интересуюсь... голова у вас от рогов не болит?

— Они у меня совсем маленькие, — женщина потрогала что-то в своих волосах. — Как у новорожденного козленочка. Хочешь посмотреть?

— Нет, спасибо...

По выражению глаз и по движениям своей собеседницы Лева уже догадался, что она под завязку накачана бдолахом и сейчас представляет собой смертельно опасную боевую машину, которой для расправы с отдельно взятым человеком и оружия-то никакого не надо. Почему же тогда он еще жив и ради чего ведется этот путаный, уклончивый разговор?

— Твоя девочка любит цветы? — спросила женщина.

Лева сначала хотел примерно отбрить ее, но вовремя сдержался — зачем зря дразнить маньячку.

— У нее завтра день рождения, — эта информация никак не могла повредить ни ему, ни Лилечке.

— Ого! — женщина изобразила удивление. — И что ты ей подаришь? Только цветы?

— Да вот ничего другого не нашел.

— Кавалер ты, Лева, незавидный.

Сказано это было с сочувствием. Затем женщина принялась поочередно проверять содержимое своих карманов. На белый свет появились очки в суконном чехле, скомканный носовой платок, пакет стерильных бинтов, пистолет неизвестной Цыпфу модели, щербатая расческа и заколка для волос. Наконец она обнаружила то, что искала, и с возгласом: «Лови!» — швырнула Левке.

На летящие предметы он всегда реагировал плохо, но на сей раз изловчился и перехватил подарок в воздухе. Это было что-то вроде старинного кольца — много тусклых, дымчатых камней, нанизанных на золотую цепочку.

— Подари своей девочке, — сказала она. — Но обо мне, чур, ни слова. Ни ей, ни кому другому. Особенно псирам вашим, Смыкову и Зяблику.

— Хорошо, — согласился Лева, понимая, что положение его не так уж и безнадежно, как казалось вначале. — Мне, стало быть, идти можно?

— Если не спешишь, давай еще поболтаем.

— То-то и оно, что спешу, — заторопился Лева. — Меня всего на полчаса отпустили. Боюсь, сейчас тревогу поднимут.

— Ты еще придешь сюда? — прищуренные глаза женщи-

ны все еще застилал шальной туман бдолаха, но в голосе звучала такая мольба, что Цыпф даже вздрогнул.

— Не знаю... — замялся он.

— Ты должен прийти, — сейчас это была уже не мольба и не приказ, а окончательная констатация факта: «Ты должен прийти, иначе...»

— Когда? — устоять против такого напора было невозможно.

— Я буду здесь все время.

— Я постараюсь...

— Эх, Лева, Лева... Всегда ты был тюфяком... Пообещай мне.

— Обещаю, — сдался Цыпф.

— И постарайся обязательно вспомнить мое имя. Во всем свете его знаешь один только ты.

— Неужели вы не знаете собственного имени? — глупо удивился Цыпф.

— Сейчас меня зовут Цилла. В честь жены Ламеха, потомка Каина в пятом колене. Но когда-то, в другой жизни, у меня было совсем иное имя. Очень важно, чтобы ты вспомнил его... А теперь иди и не оборачивайся... Не забудь цветы...

Когда он вернулся в лагерь, лицо у Верки было такое белое, что по контрасту с ним волосы выглядели уже не чистым льном, а обычной паклей.

Ни слова не говоря, она заехала Цыпфу кулачком в ухо. Потом из ее уст раздались звуки, которым как нельзя лучше подходило определение «змеиное шипение».

— Тварь бессовестная! Жаба поганая! Где же ты был? Я тут до полусмерти измаялась! Вторую смену стою, боюсь Смыкова будить! А если бы агтелы тебя припутали? Кто бы за это отвечал? Да чтобы я тебе еще хоть когда-нибудь поверила! На полчаса, гад, попросился, а сам неизвестно где два часа болтался! В Киркопию за это время можно сбегать! Ах ты...

— Простите, Вера Ивановна, увлекся, — стал оправдываться он (впрочем, без особого энтузиазма). — Больше не повторится.

— Это уж точно! Теперь если и уйдешь куда, так только через мой труп!

Впрочем, надолго Верки не хватило. Пошипев еще немного, она завалилась спать, возложив на Цыпфа обязанность самому разбудить Смыкова, дежурившего в третью смену.

У Левки же сна не было ни в одном глазу. Забросив по-

дальше колье (мало ли какую заразу оно могло таить) и припрятав цветы, он принялся скрупулезно и беспристрастно анализировать все только что с ним случившееся.

О том, что женщины-аггелы куда как опаснее своих единомерцев-мужчин, он уже слышал. Объяснялось это тем, что если среди представителей сильного пола стадии «рогатого» достигал каждый второй-третий, то среди прекрасных дам — только каждая пятидесятая, то есть наиболее оголтелая. И вот одна из этих ведьм, прекрасно знавшая, кто находится перед ней, готовая к бою и хорошо вооруженная, почему-то отпустила своего смертельного врага живым да еще и несла при этом всякую околесицу.

Ни о каком романтическом чувстве тут, конечно, не могло быть и речи. Лева даже с большой натяжкой не мог сойти за предмет женских вожделений, да и эта Цилла, похоже, давно миновала стадию любовных увлечений.

Сам собой напрашивался вывод — Лева просто морочат голову, чтобы в дальнейшем склонить к предательству. Вот только способ для этого избран весьма экзотический. Намного проще было бы применить раскаленные клещи или опасную бритву (представив, как ему отрезают уши и вырывают язык, Лева содрогнулся).

Короче, все тонуло в тумане предположений и домыслов, а неоспоримым оставалось только одно: аггелы обложили ватагу со всех сторон и от последнего решительного броска их удерживает только страх перед неведомым оружием, однажды уже продемонстрировавшим свою фантастическую мощь. О том, что кирквудовская пушка может действовать только в пределах, ограниченных размерами небесного невода, рогатые, очевидно, не догадывались.

До подъема оставалось не так уж много времени, и Цыпф разбудил Смыкова, объяснив, что они с Веркой поменялись сменами. Смыков, по природе своей не склонный верить людям, сделал для себя какие-то собственные выводы, однако распространяться о них не стал, а отправился на осмотр прилегающей к лагерю территории.

Цыпф попытался уснуть, но женщина-аггел все не шла у него из головы. Это было прямо наваждение какое-то! Лева мог поклясться, что видел ее сегодня впервые в жизни, но всякий раз вспоминая скуластое, совсем не злое лицо, он испытывал неясное, шемящее чувство тревоги. Имя. Вот в чем загвоздка. Он должен знать ее имя. Все загадки разрешатся, когда он вспомнит его. Но разве можно вспомнить имя человека, с ко-

торым донныне не встречался? Вообще не встречался или не встречался только в этой жизни? Ведь она, кажется, намекала на какую-то другую жизнь. Однако у людей бывает только одна жизнь. Все остальное мистика. Бред. Чепуха.

Жизнь одна. И мир один. Вот его границы. До одной можно дотянуться сравнительно легко. Это стена — шершавая, холодная, сырая. Точно на такую же стену натолкнешься, если поползешь налево, но ползти надо довольно долго. Справа стены нет. Ну, возможно, она и есть, но добраться до нее мешают горы мелких, острых камней, больно ранивших колени и руки. Впереди — черная неизвестность, из которой иногда тянет противным сквозняком, вовсе не освежающим воздуха, наоборот, добавляющим вони. Двигаться в ту сторону опасно, но именно оттуда приходит доброе, теплое, родное существо, которое кормит и поит его, хотя и не так часто, как хотелось бы.

Еще в этом мире живут крысы. У них много своих забот, и они почти не досаждают соседу. Покусили его лишь однажды, когда, донельзя изголодавшись, он разорил крысиное гнездо, выдавшее себя писком беспомощного потомства.

Это была самая съедобная добыча из всего того, что ему довелось обнаружить самостоятельно. Все остальное было или отвратительно на вкус, или не утоляло голода. Вскоре он нашел и воду, капавшую из какой-то трубы. Сначала его выворачивало от запаха и привкуса нефти, но юный организм приспособился и к этому.

А потом... он решил проверить... куда это все время отлучаются крысы... и ползком двинулся вслед за ними. Целая стая копошилась в углу, зло попискивая друг на друга — делили что-то. Он легко расшвырял хвостатых разбойников и стал ощупывать предмет их посягательств. Рука попала во что-то осклизлое и податливое. Зловоние, успевшее пропитать все вокруг, стало совершенно нестерпимым. Потом его пальцы нащупали жесткое и лохматое. Он потрогал свою голову... Сравнил... Волосы... А вот это, наверное, ухо. Вернее то, что от него осталось... Разобиженные крысы шныряли вокруг, стремились вернуться на прежнее место, но он не церемонился с ними... А это, кажется, зубы... Два ряда. Все на месте... Зубы на месте, а губ нет... Носа тоже... А это что такое брякнуло? Пара колес с дужками. Такую штуку носил на лице брат. Она называется «очки»... Вот, значит, почему брат больше не навещает его... Оказывается, он вообще не уходил отсюда... Неужели и он сам когда-нибудь станет едой для крыс? Как страшно! Выпустите меня отсюда!

Цыпф проснулся, словно из глубокого колодца вынырнул. Боже, ну и сон! Мало кошмаров в жизни, так и во сне покоя нет!

А ведь все это когда-то было с ним. Правда, давно. Лет пятнадцать назад, а то и больше... После того случая он долго не покидал своего заутка, даже вылазки за водой прекратил. Сестра (единственное живое существо, на которое он надеялся) все не приходила, зато навещала крыса, всегда одна и та же. Проверяла — жив ли. Он даже немного подружился с ней. Когда сестра наконец появилась, он ничего не сказал о страшной находке. Но она поняла все сама и долго плакала, мешая ему есть.

Куда она потом подевалась? Жива ли сейчас? Этого, наверное, он уже никогда не узнает... Кажется, ее утащили из подвала какие-то злые люди... Кто они были: степняки, арапы, кастильцы, аггелы, гвардейцы Плешакова или просто пьяные мародеры? Разве сейчас вспомнишь... Незадолго до этого происшествия он попросил, чтобы сестра вывела его из темного подвала на свет. «Нельзя, — ответила она. — Снаружи очень опасно. Особенно для маленьких мальчиков». — «А для маленьких девочек?» — спросил он. «Я уже не маленькая, а кроме того, девочке сейчас прожить легче, чем мальчику. Ее по крайней мере сразу не съедят».

Очередной обрывок сна тоже закончился кошмаром. Из мрака на Левку надвинулась страшная, до глаз заросшая шерстью людоедская рожа. Его грубо схватили за волосы... Сунули в рот чашку с теплой человеческой кровью... Принудили выпить, чуть не сломав при этом зубы... Ударом по лицу заставили замолчать...

— Чего ты мечешься? Чего людям спать не даешь? — раздалось надлевой.

Оказывается, тряс его вовсе не людоед, а Зяблик, уже отстоявший свою смену.

Цыпф забормотал что-то и перевернулся на другой бок. Спать, несмотря ни на что, хотелось нестерпимо. Ради этого можно было стерпеть и очередной кошмар. Уже сквозь пелену сонной одури он услышал, как Зяблик будит Толгая: «Ну ты и дрыхнешь... Вставай, морда татарская... Вставай, соня...»

И тут с левой случилось такое, что иногда происходит во сне или полудреме с человеком, наяву обуянным какой-то навязчивой идеей. Зерно истины очистилось от чешуи бреда, из глубин памяти всплыло то, о чем он раньше и помыслить не мог, смутное предчувствие возвысилось до предвидения, а по-

тусторонняя логика сновидения подсказала безошибочный ответ.

Все загадки оказались разгаданными... Соня... Имя-пароль... Его сестру звали Соня... Это было то самое забытое им дорогое имя... Женщину-аггела звали вовсе не Цилла... Ее звали Соня. Она-то и была его пропавшей сестрой. Единственным родным человеком на всем белом свете.

Теперь Лева знал, кого напоминало ему усталое, скуластое лицо с веером морщинок возле глаз... Оно напоминало ему себя самого... Соня... Сестра... Ей плохо сейчас... Недаром она так молила о следующей встрече... Ее надо спасти... Спасти немедленно...

Все еще находясь во власти своего гипнотического сна, Лева вскочил и принялся быстро одеваться.

— Покая тебе нет! — заворочался Зяблик. — Ты куда? Понос, что ли, разобрал?

— Ага, — пробормотал Цыпф.

— Меньше надо жрать на ночь. А пистолет зачем? Задницу подтирать?

Но Лева, не отвечая, уже мчался к проходу в минном заграждении. Чувство, обуявшее его сейчас, не имело отношения ни к разуму, ни к инстинкту. Оно было сродни той темной силе, которая заставляет лунатиков балансировать на узких карнизах, а маньяков часами выслеживать свои жертвы. Энергия помутившегося разума гнала его вперед.

Обычно неловкий и непамятливый, сейчас он безошибочно находил дорогу. Вот дерево, похожее на пылающий костер. Вот заброшенный дворик с гнилым пеньком посередине. Вот заросли, в которых скрывалась она.

— Соня! — позвал Цыпф, давась одышкой. — Соня!

Снова хрустнула ветка. Но на сей раз не в кустах, лицом к которым он стоял, а где-то позади.

— Соня! — он резко обернулся.

Никого. Ветер, еще более шальной, чем накануне, творил с деревьями что хотел. В лицо летели холодные брызги дождя и мокрые лепестки цветов.

— Верните мне сестру! — Голос его сорвался. — Зачем вы ее мучаете?

— Побойся своего Бога, — чужой мужской голос заставил Цыпфа отшатнуться. — Мы не инквизиторы.

Тот, кто сказал это, стоял совсем рядом, и черный колпак был надвинут ему глубоко на глаза.

— Где Соня?! — взвизгнул Цыпф. — Где моя сестра?

— Ну чего верещишь... Спокойно. Увидишь ты свою Соню.

Дурной туман, под воздействием которого Цыпф находился последние часы, постепенно рассеивался. Теперь он узнал и голос, вернувший его из мира несбыточных снов в беспощадную действительность. Именно этот не знающий жалости голос гнал аггелов на штурм старой мавританской крепости. Как раз этот глумливый язык издевался над Зябликом, изнемогавшим от боли на раскаленной сковородке.

По понятиям аггелов, Цыпфу была оказана великая честь. Его встречал сам Ламех, пятое колено Каиново и верный продолжатель дела Кровавого Кузнеца. Другой бы на месте Левы стоял навытяжку, а он взял да и присел себе на пенек. Ноги, которым еще много чего предстояло впереди: и долгий путь в неволю, и кандалы, и танцы на сковороде, — требовали отдыха.

— И все же я хотел бы видеть свою сестру, — сказал Цыпф, глядя в землю.

— Это будет зависеть только от тебя, — в голосе Ламеха не было никаких приличествующих случаю эмоций: ни удовлетворения собственной победой, ни издевки над опростоволосившимся врагом.

— А если конкретно?

— Женщина, которую ты называешь Соней, наш испытанный и преданный соратник. Ты ее брат по крови, но отнюдь не по духу. Вновь воссоединиться вы сможете только при одном условии.

Цыпф отметил про себя, что для бывшего преступника Ламех изъяснялся чересчур витиевато. Не то литературу соответствующую почитывает, не то держит в консультантах какого-нибудь лектора-краснобая. Вслух же он спросил:

— При каком?

— Ты вступишь в ряды аггелов, пройдешь полный обряд посвящения, присягнешь на верность отцу нашему Каину и делом докажешь искренность своих побуждений.

— А не поздно ли мне... в ряды вступать, — Цыпф позволил себе выказать легкую строптивость. — Боюсь, что рога не вырастут.

— Главное — не рога. Главное — дела во имя славы Каина. Нередко к нам приходят люди весьма преклонных лет.

— Как я понимаю, посылать меня в бой вы не собираетесь? — Лева смелел все больше и больше.

— Служить Каину можно не только оружием. Мы никогда не ставили знака равенства между грубой силой и изощрен-

ным умом. Исполнителей у нас достаточно. А вот в мыслителях всегда ощущалась нужда.

— Вы мне льстите.

— Лесть не в чести у детей Каина... Не для того много лет назад мы подкинули тебя в стан врагов, чтобы сейчас делать простым бойцом. Победит тот, кто заботится о будущем. Много таких, как ты, тайных каинистов, ждут своего часа и в Отчине, и в Кастилии, и даже в Степи.

— Вы про Киркопию забыли, — брякнул Лева. — Тамошний народ вас бы понял.

Ламех смерил Цыпфа долгим, ничего не выражающим взглядом.

— Когда человек, попавший в безвыходную ситуацию, начинает шутить, это означает одно из двух, — произнес аггел. — Или он знает путь к спасению, или уже махнул рукой на собственную жизнь.

— Махнул... Так будет ближе к истине... Вот вы недавно назвали меня тайным каинистом. Вы уверены в этом?

— Абсолютно. Нынешние твои убеждения нас несколько не интересуют. Если бы ты с детства находился под влиянием идей Каина, то мог бы преждевременно раскрыть себя. Теперь же ты вне всяких подозрений. А мы со своей стороны позаботимся о том, чтобы в нужное время ты безоговорочно стал на сторону детей Кровавого Кузнеца.

— Хотите сказать, что нужное время пришло?

— Иначе зачем бы я беседовал с тобой?

— А если... я не приму вашей стороны?

— Мы практикуем не только добровольную, но и принудительную службу, — впервые в голосе Ламеха прозвучало что-то идущее от чувств, правда, от чувств недобрых.

— Пытать станете?

— Это было бы чересчур примитивно. Хотя и такой метод не исключается. Но обычно к таким экземплярам, как ты, мы применяем другой подход. Не хочу сказать, что каинисты свято чтут родственные узы, но в чувствах, порождаемых кровным родством, они разбираются.

— Что-что, а этого у вас не отнимешь...

Ламех на эту реплику не обратил никакого внимания. Точно так же и кот позволяет плененной мышке немного попищать и побегать в последние минуты жизни.

— Готовя тайного служителя Каина, мы всегда оставляем у себя заложника, — продолжал он. — Отца, мать, брата, сест-

ру... Их дальнейшая судьба зависит от отношения нашего протеже к делу Кровавого Кузнеца.

— Вы хотите сказать... что можете причинить моей сестре зло? — ужаснулся Цыпф.

— Если она не склонит тебя на нашу сторону, непременно, — уголки рта Ламеха дрогнули, что должно было означать улыбку. — Но ведь ты не станешь доводить ситуацию до такой крайности?

— Стану, если вы потребуете от меня предательства! — Цыпф обхватил голову руками. — Она моя сестра, я люблю ее... Но даже ради братской любви нельзя губить своих друзей.

— Тебе придется трудно... Анархия развела твою душу. Ты отвык подчиняться и не умеешь командовать даже самим собой... Но это поправимо. Что же касается твоего выбора между сестрой и друзьями, это спорный момент... Посмотрим, как ты заговоришь, когда мы бросим ее на сковородку. Кроме того, у твоей сестры есть дети, твои племянники. Ты познакомишься с ними, но уже в камере пыток.

— Сволочи, — прошептал Цыпф. — Какие вы сволочи.

Ламех ударил его — но не кулаком, как равный равному, а открытой ладонью, как слабачку. Впрочем, и этого оказалось достаточно, чтобы у Цыпфа из носа хлынула кровь, а из глаз слезы.

— Запомни, гнида, в следующий раз за такие слова я оторву тебе язык. Кем бы ты ни стал к тому времени. Хоть президентом Отчины, хоть государем Кастилии, хоть великим ханом Степи, — впервые из уст Ламеха вырвались искренние, привычные слова, но уже спустя секунду он овладел собой и уже совсем другим тоном добавил: — Что же касается друзей, мы не требуем, чтобы ты немедленно погубил их.

— А что вы требуете? — Лицо у Цыпфа горело, как от удара плетью.

— В первую очередь — откровенности. Ты должен ответить мне на несколько вопросов.

— А потом?

— Когда придет это потом, состоится совсем другой разговор, — Ламех чуть заметно поморщился. — Кстати, как могут расценить твоё отсутствие друзья?

— Плохо. У них тоже возникнет ко мне несколько вопросов. А кривить душой я не умею.

— Даже ради жизни родного человека?

— Ради жизни родного человека я не могу петь оперные арии. Или, например, танцевать в балете. Не дано, знаете ли.

По той же самой причине я не могу кривить душой, — озлился вдруг Цыпф. — Вот таким дерьмом я уродился!

— Что же мне с тобой делать? — Похоже, Ламех и в самом деле призадумался. — Ладно... Возможно, я и отпущу тебя, но только взамен на некоторую информацию. Отвечай быстро. Куда вы сейчас идете?

— Домой, в Отчину, — честно признался Цыпф.

— Вы и в самом деле обладаете неким сверхмощным оружием?

— Да, — и это было правдой.

— Вы поддерживаете связь с Доном Бугадеусом?

— Сейчас — нет, — (абсолютная истина).

— Почему последнее время возле вас ошиваются варнаки?

— Мы сами не знаем, — и на этот раз Лева ничуть не покривил душой.

— Точно? — Рука Ламеха со стремительностью жалящей змеи метнулась к горлу Цыпфа.

— Т-точно... — захрипел он.

— Ладно. Живи пока, — Ламех убрал руку, и Лева мешком сполз с пенька на землю. — Все остальное зависит только от тебя. Когда будет нужно, мы свяжемся с тобой. Возможно, это произойдет в самое ближайшее время.

— Я хочу увидеть сестру... Пожалуйста, — лежа в ногах у Ламеха, попросил Лева.

— Иди, она догонит тебя... Но говорить вы можете не больше пары минут...

Неверным вихляющимся шагом Цыпф побрел обратно. Сейчас он ненавидел самого себя с такой силой, что даже патрон было противно тратить. Эх, утопиться бы в каком-нибудь болоте...

Когда это было нужно, аггелы умели передвигаться бесшумно. Из кустов магнолии, исполнявших под ударами ветра какой-то дикий танец, выскользнула, как тень, женщина-аггел и молча пошла рядом с Цыпфом. Он почти силой ухватил ее за холодную, мокрую руку.

— Я все же вспомнил твое имя, — прошептал он.

— А теперь и не рад, — глядя мимо него, усмехнулась Соня.

— Почему — не рад? Очень рад.

— Ты с нами?

— С кем? — не понял Цыпф.

— С детьми Каина.

— Нет... что ты!

— Почему же тогда тебя отпустили?

— Не знаю... Отпустили и все.

— Ты знаешь, что будет со мной и моими детьми, если ты обманешь Ламеха?

— Он говорил мне... — Цыпф закашлялся.

— Но тем не менее ты остался при своем мнении.

— Послушай...

— И слушать ничего не хочу! — Она яростно глянула на него. — Черствая твоя душа! Хочешь погубить всех нас? Хочешь, чтобы в знак предупреждения тебе прислали голову моего сына?

— Не я придумал эти игры...

— Но и не я! — отрезала Соня.

— Тем не менее ты давно играешь в них. У тех, кто не уверовал в Каина, рога не растут.

— Я все это делала ради тебя! Мне сказали, что, если я буду послушной, тебе сохранят жизнь.

— Тебя шантажировали самым банальным образом... Точно так же, как и меня сейчас.

— Никто тебя не шантажирует, — горячо заговорила она. — Будущее принадлежит нам, детям Каина. Только они одни могут спасти этот мир. Только они одни даруют людям надежду на будущее.

— О чем ты говоришь, — поморщился Цыпф, — разве можно построить будущее на крови нынешних поколений...

— Почему бы и нет? Любое великое дело замешано на крови. Вспомни историю христианства. А на чем несли свою веру последователи Мухаммеда? На своих клинках! Даже Будда не щадил врагов.

— Может быть... Но никто, кроме вас, не возводил убийство в культ... Соня, прости, у меня не так уж много времени. Мне предстоит еще непростое объяснение со спутниками, и я не знаю, чем оно кончится. Поэтому давай прощаться.

— Хорошо тебе так говорить, — она отступила в сторону. — Ты уйдешь, а я останусь. Вчера у меня отобрали детей. Сегодня — оружие. Завтра отберут одежду. Я буду сидеть в каком-нибудь темном и холодном подвале, ожидая своей участи, и никто не подаст мне корки хлеба, даже ты, брат.

— Что же мне делать? — забыв об осторожности, взвыл Цыпф. — Сесть в этот подвал вместо тебя? Удавиться? Лизать пятки аггелам?

— Этим ты ничего не изменишь. Тех, кто желает лизать аггелам пятки, хватает и без тебя... Но если ты и в самом деле не хочешь нашей смерти...

— Я не хочу вашей смерти!

— Тогда сделай вот что... Я слыхала, что вы раздобыли здесь какое-то необычайно мощное оружие. Отдай его аггелам. Это спасет и нас, и тебя.

— О чем ты говоришь... Дать вам в руки факел, которым можно спалить весь мир? Никогда.

— Вот ты, оказывается, какой, братец, — печально улыбнулась она. — А ведь я тебя вчера пожалела...

— Как это? — удивился Цыпф.

— Я должна была встрясти из тебя все, что возможно... Сломать тебя... Сделать послушным орудием в руках аггелов. И я была готова к этому... Хватило бы и силы, и доводов... Вот только с бдолахом осечка вышла... Перебрала немного... Знаешь, как он действует? Правильно, что хочешь, то и получишь... Вот я и получила... Одну только жалость к тебе... Слезы да сопли... Уже за одно это я заслуживаю беспощадного наказания.

— Пойдем со мной! — Цыпф снова попытался поймать ее руку. — Порви с аггелами! Мои друзья поймут тебя. А потом мы найдем способ выручить твоих детей!

— Нет, — она отступала все дальше. — Рогатые никогда не возвращаются к людям... Кто однажды поверил Кровавому Кузнецу, ни за что ему не изменит. Каиново клеймо не может смыть даже смерть... Спасибо тебе за все, брат...

Как это ни странно, но отлучка Цыпфа прошла безо всяких последствий. Когда он вернулся, все еще спали, а на часах стоял наивный Толгай, которого вполне удовлетворили жалобы Левы на несварение желудка.

Но ничего не кончилось. Все еще только начиналось. Смерть на костре мучительна, зато сравнительно скоротечна. Цыпфу же была уготована куда более жестокая мука — огонь душевного страдания неотступно жег его изнутри. Как бы Лева ни поступил сейчас, какое бы решение ни принял, в конечном итоге он все равно оставался подлецом. Ради спасения сестры пришлось бы предать друзей. А верность прежним идеалам неминуемо привела бы к гибели родного человека.

Это был тупик. Неразрешимая дилемма. Удавка, которую тянут сразу за два конца.

Все уже давно встали и готовились к завтраку, а он продолжал лежать лицом вниз, изображая спящего. Проходившая мимо Верка негромко сказала:

— Ох, не нравишься ты мне сегодня. Может, беда какая-нибудь случилась? Излей душу, пока не поздно.

Впрочем, слух о его недомогании вскоре распространился повсеместно, и Леву оставили в покое.

Наступила жестокая пора — пора решений.

Спустя примерно час Лева встал, с рассеянной улыбкой выслушал шуточки друзей и отозвал Лилечку в сторону. Оставшись с девушкой наедине, он поздравил ее с днем рождения и вручил цветы. Надо заметить, что делал он это впервые в жизни.

— Ой, какие симпатичные! — восхитилась Лилечка. — Где взял?

— Да тут, неподалеку... — неопределенно ответил Лева.

— А почему ты такой хмурый? — Лилечка чмокнула его в щеку. — Животик болит?

— С животиком у меня как раз все в порядке... — Лева принялся старательно протирать свои очки. — Тут другое дело... Не знаю даже, с чего и начать...

— Ну опять! — огорчилась девушка. — Вечно ты мне настроение испортишь. Если что-то плохое, так лучше не начинай... Ради моего дня рождения потерпи до завтра.

— Я бы потерпел, — у Левы непроизвольно вырвался тяжелый вздох. — Да не получается. На все только пара часов и осталось...

— На что — на все? — радостная улыбка на лице Лилечки уже сменилась страдальческой гримасой.

— На все, — повторил Лева, сделав ударение на последнем слове. — На этот разговор, на задуманные дела, на жизнь...

— Ты хочешь сказать... — ресницы ее затрепетали, как крылья подшибленной бабочки, — что через пару часов тебя уже не будет в живых?

— Так получается, — он неловко развел руками и уронил при этом очки. — Хорошо, что ты поняла это без долгих объяснений.

— Значит, и объяснений не будет? — она спрятала побледневшее лицо в букет, но глаз с Левы не сводила.

— Будут. Объяснения будут. Как раз для этого я и позвал тебя... — Он поднял очки, но потом, как ненужную вещь, отшвырнул их прочь. — Представь себе, что в бушующем море гибнет лодка с тремя пассажирами на борту. Это, во-первых, ты сама. Потом кто-то из твоих друзей, которому ты очень многим в жизни обязана. И, наконец, единственный на свете родной тебе человек, имеющий к тому же своих собственных детей, которые одни не проживут. Плавать никто из вас не

умеет, а спасательных кругов только два. Ты знаешь, что такое спасательный круг?

— Знаю... Мне бабушка морские рассказы читала.

— Так вот, распоряжаться спасательными кругами имеешь право только ты. Как ты поступишь? Кому даруешь жизнь, а кого обречешь на смерть?

— Почему именно я должна это решать? — Лилечка, похоже, находилась в полнейшей растерянности.

— Таково условие моей задачки.

— Ничего себе задачка... Не собираюсь я за других решать. Расскажу все как есть и пусть сами думают. Или пусть жребий тянут. Только по-честному.

— Дело в том, что лодка попала в бурю по твоей вине, — Лева понизил голос. — И кто бы из твоих спутников ни погиб, тебя все равно замучает совесть.

— Теперь все ясно, — многозначительно кивнула Лилечка. — Лодка гибнет. Не из-за меня, конечно, а из-за тебя. Спасстись могут только двое из троих, вот только не знаю, кто они такие...

— Это так, условность.

— И ради спасения этих условных двоих ты решил пожертвовать собой, чтобы потом, значит, не мучиться совестью.

— Примерно...

— А обо мне ты подумал? — Она отшвырнула букет.

— Конечно. Ведь ты тоже находишься в этой лодке.

— Помощь ни откуда не придет? — Лилечка буквально сверлила Цыпфа взглядом.

— Помощь не придет, — ответил тот печально. — И буря не утихнет. Даже после моей смерти.

— Подожди-ка, — она скрестила на груди руки. — Что-то тут не так... Ты не людей хочешь спасти, которые в этой лодке по твоей вине оказались, а самого себя. Утоплюсь, дескать со стыда, а вы там сами между собой разбирайтесь. Круг спасательный, наверное, всего один. А может, и того нет. Ну ты, Лева, и эгоист. Причем самой крутой закваски. Эгоист-самобийца.

— Не мне судить... Возможно, ты и права. Но другого выхода для себя я просто не вижу. Я сознательно иду на смерть, потому что не могу сделать выбор. Это то же самое, что выбирать между чумой и холерой. Надеюсь, хоть какие-то ваши проблемы благодаря этому разрешатся. Попроси за меня прощения у всех и предупреди, что вокруг полным-полно агге-

лов. Они не нападают, так как опасаются кирквудовской пушки. Им не известно, что сейчас она ни на что не годится.

— Ты уходишь к аггелам? — Лилечка в ужасе зажала ладонью рот.

— Да, но это не предательство, — поспешно объяснил Лева. — Сейчас они считают меня своим серьезным козырем. Возможно, это и так, но только до тех пор, пока я жив. Став мертвецом, я сразу превращусь в фальшивую карту, и вся их игра развалится... А теперь прощай.

— Лева, не уходи! — закричала она. — Давай расскажем обо всем нашим! Они обязательно придумают что-нибудь!

— Нет, — сейчас Лева был почти спокоен. — Я очень уважаю и Зяблика, и Смыкова, и Веру Ивановну, но у них совсем другие понятия о жизни. Не берусь судить, хуже или лучше, но другие... Тем более что чужому человеку в мою шкуру не влезть.

— Лева, подожди! Ну хоть немножечко! — взмолилась Лилечка. — Если это наша самая последняя встреча... Я на все согласна... Помнишь, в той черной норе под гаванью мы договорились, что, если наступит конец, мы все же выкроим минуточку для любви... Лева, давай, а?

— Не могу, — голос у Левы сразу осип. — Я очень благодарен тебе, но не могу... Боюсь, после этого я потеряю решимость... Ты просто не знаешь, чего мне стоило все это... Я весь как комок нервов. Мне нельзя позволить себе даже минутную слабость...

— Я все равно не отпущу тебя! — Лилечка вцепилась в его куртку.

— А вот этого не надо! — он рванулся. — Не превращай последние часы моей жизни в ад! Хочешь, чтобы я сошел с ума?

— Да ты и сейчас ненормальный! Как можно было придумать такое? Псих припадочный!

— Каждый человек вправе поступить так, как велит ему совесть! — Куртка на Левке затрещала.

— Если болячку не трогать, она сама заживет! — Лилечка оказалась цепкой, как заправский самбист. — Зачем ее зря бередить! Так и совесть твоя! Сама со временем успокоится, только не растравляй ее.

— Не ждал я от тебя таких слов!

— А я такой дурусти от тебя не ждала!

Некоторое время борьба шла с переменным успехом, но Левке, хоть и с трудом, все же удалось вырваться.

— Умоляю, возвращайся назад! — Он метнулся в сторону. — Я все равно убегу от тебя!

— Попробуй! — Лилечка кинулась за ним вслед. — Если надо, я за тобой до самого Эдема буду гнаться... До самой Отчины... Не на ту нарвался... Это я только с виду тихая...

Началась гонка, оба участника которой со стороны выглядели форменными дураками. Лева мчался несуразными скачками и, дабы уберечь глаза от встречной растительности, размахивал перед собой руками (о брошенных в порыве отчаяния очках теперь можно было только сожалеть). Лилечка не отставала ни на шаг. Не всякая покинутая жена, даже та, муж которой вдобавок унес с собой и семейную кассу, была способна проявить такую прыть. Несколько раз она уже почти настигла дезертира, но все время что-то мешало: то ветка по лицу хлестанет, то оторвется хлястик Левкиной куртки, до которого сумели-таки дотянуться ее пальцы. Девушка просто осатанела. На все мольбы своего сердечного дружка она отвечала угрожающе-лаконично: «Не уйдешь, трус поганый...»

И тем не менее преимущество Левы, обусловленное разницей в физиологии полов, начало сказываться. Как бы ни были плохи его физические кондиции, у Лилечки, до восемнадцати лет из дома вообще почти не выходившей, они оказались еще хуже. Разделявшее их расстояние начало мало-помалу увеличиваться и вскоре достигло полусотни шагов. Потеряв Леву из виду, девушка должна была ориентироваться только по шуму его шагов, что еще больше затрудняло погоню.

Последние слова Цыпфа, которые Лилечка смогла разобрать, были таковы:

— Дальше нельзя... Опасно... Берегись аггелов...

На это она ответила предельно прямо:

— Ты лучше сам поберегись... Отделаю тебя так, что и аггелы позавидуют.

Спустя примерно три четверти часа Левка, вполне уверенный, что Лилечка безнадежно отстала, наткнулся на передовую заставу аггелов. Сначала его хотели просто придушить, но Левка прокусил пятерню, зажимавшую его рот, и успел крикнуть:

— Ламех! Мне срочно нужен Ламех!

Тем не менее в ставку самозванного потомка Каина его доставили в почти бесчувственном состоянии. Свидание с Ламехом состоялось во внутреннем дворике хорошо сохранив-

шейся виллы, построенной в латиноамериканском стиле из весьма убедительной имитации каррарского мрамора. Несколько десятков аггелов-новобранцев устанавливали на дне высохшего бассейна культовую сковороду, с которой уже было ободрано все, что могло свидетельствовать об истинном предназначении сего предмета. Здесь же высилась куча свеженаколотых дров.

— Я не ждал тебя, — не утруждая себя приветствием, недружелюбно проронил Ламех, внимательно наблюдавший за возней в бассейне. — Почему ты здесь?

— Сестра сказала, что мы заслужим вашу благосклонность, если я раздобуду то самое оружие, которым вас громили в гавани.

— Громили? — презрительно усмехнулся Ламех. — Нас? Ты что-то путаешь... Воинство аггелов неисчислимо. Что значит по сравнению с ним жалкая кучка разленившихся на караульной службе псов, приворовывавших бдolah и менявших его на кастильских шалашовок? Этот гад Грибов давно был у меня на примете. О шкуре своей заботился больше, чем о деле Кровавого Кузнеца. Дальше сотника за десять лет так и не дослужился. Да и сотником-то я его только за то сделал, что ихний колхоз над нашей зоной когда-то шефствовал. Гнилой свеклой и тухлой капустой снабжал. Разве Зяблик тебе не рассказывал?

— Нет, — молвил Лева, которому уже абсолютно все равно было, кто такой сотник Грибов и в каких отношениях он находился с Ламехом.

— Ах да... — поморщился аггел. — Совсем забыл... Он же тогда в крытке вшей кормил... Ну да ладно. Толкай свою речь. Будешь, наверное, за оружие цену набивать?

— Нет, — молвил Лева все тем же безразличным тоном.

Жить ему — если оправдаются все расчеты — оставалось минуты три-четыре. Лева уже морально подготовился к смерти и убедил себя, что это вовсе не конец, а начало чего-то нового, неизведанного. (Тут уж пригодились проповеди Зяблика о переселении души.) И все же невозможно было оторвать взгляд даже от этих постыло-серых, но успевших стать привычными далее. Хотелось до бесконечности вдыхать сырой, странновато папахивающий воздух. Так и тянуло в последний раз сделать глоток воды, погладить шероховатый ствол дерева, надкусить травинку.

Однако выбор был сделан. Телесная оболочка еще попирала ногами грешную землю, а душа уже рвалась на волю.

— Нет, — повторил Левка. — Нет.

— Не понял! — Ламех косо глянул на него. — Ты что, штымп порченный, издеваешься надо мной?

— Нет, — ответы Левки не отличались разнообразием.

— Что — «нет»? — обычная невозмутимость уже начала покидать Ламеха.

— Оружия нет, — сказал Левка отчетливо. — И меня нет. Ничего вам не достанется. Ошиблись вы, козлы рогатые!

Не давая врагам опомниться, Левка сунул руку в потайной карман, случайно обнаруженный им пару дней назад под подкладкой трофейной куртки. Устроен карман был так хитро, что даже пистолет в нем почти не прощупывался, не говоря уже о гранатном запале, много места не занимавшем, но вполне способном прикончить человека (если, конечно, успеть сунуть его в рот).

Карман был глубокий, и рука ушла в него почти по локоть. Было там немало всего: несколько мелких монеток, завернутые в вошеную бумагу фосфорные спички, окаменевший сухарик, армейская пуговица и много табачных крошек. Вот только ничего похожего на проклятый запал не попадалось, хотя Лева прекрасно помнил, что прихватил его с собой, перед тем как отправиться к аггелам. Не то он вывалился из кармана во время борьбы с аггелами, не то был изъят при обыске в тот момент, когда Лева находился в бессознательном состоянии.

Ситуация создалась идиотская, чтобы не сказать больше.

С одной стороны, за свои слова надо было отвечать (при упоминании о рогатых козлах головы всех присутствующих, как по команде, повернулись в сторону Цыпфа), а с другой стороны, столь наглое поведение безоружного пленника как-то настораживало аггелов. Что бы там ни говорил Ламех, а побоище у фонтана Посейдона не только не выветрилось из памяти каинистов, но и успело обрасти новыми жуткими подробностями. Никто не мог даже предположить, какой очередной неприятный сюрприз ожидает нынче детей Кровавого Кузнеца.

На Левку уже было наставлено не меньше десятка стволов, однако в присутствии Ламеха никто не осмеливался открыть стрельбу. Тот хоть и скрежетал от ярости зубами, но на людях старался сохранять величие, приличествующее его высокому сану.

— Ты почему грабку в карман засунул? — спросил он зловеще-строго.

— Да так... проголодался... — Лева почистил о рукав извлеченный из потайного кармана сухарик и принялся грызть его, что было весьма кстати — помогало маскировать нервное класанье зубов.

Маразматическое поведение Левки запутало Ламеха. Он просто не мог взять в толк, что имеет дело не с хитро продуманным планом действий, а с отчаянием дилетанта, утратившего путеводную нить своих замыслов.

— Что ты там такое про оружие плел? — спросил Ламех. — То оно есть, то его нет...

— Дайте вспомнить... — Левка попытался изобразить на лице крайнюю степень задумчивости, но получилось нечто такое, что вызвало сочувствие даже у закоренелого каиниста Ламеха.

— Может, ты, приятель, ширнулся? Или колес наглotalся? Тут в некоторых местах такая дрянь попадает, что от глюков целый месяц спасения нет.

Цыпф в ответ промышал что-то неопределенное. Все его планы, в равной мере геройские и дурацкие, разом рухнули. Надо было срочно выдумывать что-то новое, но в голову, как на грех, ни одна толковая мысль не лезла — сказывалось душевное потрясение, вызванное пропажей запала. Как это он не догадался взять с собой несколько штук и по разным карманам рассовать? Правильно говорил Смыков, что запас задницу бережет.

— Похоже, он голос потерял, — пожал плечами Ламех. — Вояка... Эй там, кто-нибудь, тряхните его!

Детина, стоявший к Левке ближе всех других аггелов, очевидно, страдал тугоухостью, иначе чем еще можно было объяснить его действия, определяемые отнюдь не понятием «тряхнуть», а скорее — «трахнуть».

— Это тебе за козлов рогатых, — тихо сказал он, дую на свой правый кулак.

— Извиняюсь, — вежливо произнес Левка, вставая на ноги. — Я совсем в другом смысле... Знаете, как говорят: свинье Бог рог не дал. Значит, свиньям рога не положены. А козлам положены. По чину. Ну и вам, естественно.

— Засунь своего Бога знаешь куда? — вновь осерчал Ламех. — Где оружие?

— Вот я про это и хотел сказать, — Левка, слегка контуженный ударом, затряс головой. — Нету его пока... Доступа не имею... Но постараюсь... Через денек примерно...

(Шальная надежда вдруг овладела им — а вдруг поверит, а

вдруг отпустит? На сковородку, уже полностью подготовленную к делу, он старался не смотреть.)

— Ни хрена не понимаю, — Ламех оглянулся по сторонам, словно выискивая кого-то в толпе агтелов. — Позовите Циллу, да побыстрее.

Кто-то из молодых шустро кинулся во внутренние покои виллы и уже спустя минуту вернулся вместе с женщиной, которую Левка Цыфф считал своей сестрой.

Мельком и без особого интереса глянув на незадачливого брата, она обратилась напрямик к Ламеху:

— Звал? Что случилось?

— Ты посмотри на этого придурка. — Ламех ткнул в сторону Левки пальцем. — Пришел безо всякого вызова и несет какую-то туфту... Это ты ему велела оружие раздобыть?

— Кто же еще... Ты сам меня об этом просил.

— А он, понимаешь ли, пустой явился... Не нравится мне такой коленкор.

— А что, если его дружки сейчас какую-нибудь пакость против нас затевают? — высказалась Соня-Цилла.

— Нет, у них все спокойно. Недавно доклад от дозорных был.

На протяжении этого краткого диалога Цыфф во все глаза рассматривал сестру. В отличие от прошлых встреч она вела себя сейчас абсолютно спокойно и на заложницу, озабоченную своей судьбой, совсем не походила. Даже всемогущий Ламех разговаривал с ней не так, как с другими агтелами, а как с равной себе.

— Соня, — растерянно позвал он. — Нам можно поговорить наедине?

— Зачем? У меня от своих секретов нет, — взгляд ее был совершенно равнодушен, ни огонь бдолоха, ни наигранная жалость к самой себе больше не оживляли его.

— Соня... хочешь узнать, зачем я пришел сюда?

— Вот это действительно любопытно.

— Я пришел сюда для того, чтобы на глазах у вашей братии покончить с собой. Понимаю, что этот поступок можно назвать малодушием, но иного выхода для себя я не вижу. Дело в том, что я стал опасен. Как для тебя, так и для моих друзей. Выбрать что-то одно я не могу. Моя смерть избавит тебя от участи заложницы, а их — от потенциального предателя.

— Почему же ты не выполнил своего плана? — еле заметное усмехнулась Соня-Цилла. — Струсил, как всегда?

— Не вышло... Хотя моей вины здесь нет. Причина чисто техническая.

— Те псы, которых ты называешь друзьями, знают о твоих намерениях?

— Думаю, что да... Уже должны знать.

— Выходит, ты открылся им. Покаялся. Обрубил все концы, — что-то недобро дрогнуло в ее лице.

— Пусть будет так...

— Как же я ошиблась в тебе, — теперь в ее тоне сквозила брезгливая жалость. — Как же мы все ошиблись в тебе. И на что ты сейчас рассчитываешь? На нашу милость? На мое сострадание?

— Как можно рассчитывать на милость каннибалов и сострадание братоубийц, — Левка надеялся, что кто-то из аггелов не вынесет оскорблений и всадит в него пулю. — Просто обидно, что я обманулся и на этот раз. Хотел спасти родную сестру, отвести беду от ее детей, а оказался в гнусной ловушке.

— Ничего этого не случилось бы, прими ты нашу сторону, — отрезала она. — Да и в людях тебе пора разбираться. Разве я похожа на убитую горем заложницу? Память у тебя действительно хорошая. Ты вспомнил, как меня звали много лет назад. Но нужно еще и головой немножко соображать. Ведь имя Циллы, любимой жены Ламеха, вот так запросто не дается. Не всякая из нас удостоивается такой чести. Это заслужить надо.

— А ты, сестричка, как я понимаю, заслужила. Представляю, чем можно заслужить авторитет у каинистов.

— Темный ты. Обманутый. Разве можно судить о том, что для тебя остается тайной за семью печатями? Все вы, непосвященные, видите только внешнюю сторону наших дел. Нас обвиняют в убийствах, насилиях. Это гнусная демагогия. Мы не убиваем. Мы просто очищаем землю от недостойных. Нас часто называют стервятниками. Это название нас устраивает. Если бы стервятники не пожирали падаль, она отравила бы своими миазмами все вокруг. Левка, твои друзья и те, кто за ними стоит, — падаль. Падалью был козопас и наушник Авель, которому воздалось по делам его... А наши методы... Пусть они не нравятся кому-то. Какое это имеет значение? Единожды переступив через рабскую мораль почитателей Распятого, можно уверенно шагать дальше. Тебе не понять, как притягательны, как заворожительны идеи Кровавого Кузнеца... Не удивительно ли, что до сих пор ни один каинист не изменил своей вере? По-моему, такого прецедента в истории нет.

— Тут ты допустила небольшую неточность, — прервал ее

Цыпф. — Следовало бы сказать немного иначе: в живых не осталось ни одного каиниста, который изменил своей вере.

— Ты обманут, Левка, — печально вздохнула она. — Как ты обманут!

— Верно, — согласился он. — Обманут. И, что самое печальное, именно тобой.

— Тот обман был во благо тебе. А кроме того, среди нас это не считается грехом. Наш отец, чтобы спасти себя, пытался обмануть того, кого вы считаете Богом-Создателем.

— Может, сестричка, ты меня и относительно своих детей обманула?

— А вот детей моих ты не касайся! — Холодные глаза ее вновь оживились, на этот раз яростью тигрицы. — Все мои дети отдали жизнь за дело Кровавого Кузнеца! И я ничуть не жалею об этом! От тебя же, мразь, я публично отрекаюсь! — Она резко повернулась к Левке спиной. — Поступай с ним, как считаешь нужным, — слова эти относились уже к Ламеху.

На минуту во дворике виллы наступила тишина. Затем агелы, словно опомнившись, кинулись доделывать свои дела: кто-то занялся колкой дров, кто-то ладил ведущий на сковородку трап, кто-то растягивал по дну бассейна цепи, до этого кучей лежавшие в стороне.

— Твоя сестра немного погорячилась, — сказал Ламех, когда Соня-Цилла скрылась в тех же дверях, из которых недавно появилась. — Ты и в самом деле сильно провинился перед детьми Кровавого Кузнеца, но лично я считаю, что шанс на исправление тебе все же можно дать. В память о шансе на жизнь, который Каин-изгнанник выторговал у ослепленного яростью лжебога, — теперь, когда с Левого все было ясно, речь Ламеха опять полилась плавно и величаво. — Хотя тебе придется начинать все с самого начала. Наравне с мальчишками ты пройдешь все этапы посвящения, после чего некоторое время повоюешь рядовым бойцом. Не здесь и не в благословенной Хохме, а в Отчине, Эдеме или Кастилии. Если ты уцелеешь в этой праведной борьбе да к тому же еще сумеешь доказать свою абсолютную преданность, мы вновь займемся твоей судьбой.

— Вот даже как... Мне дают шанс... Очень благородно с вашей стороны... — Нервы Левы уже были на пределе. — А что требуется взамен... Кроме беззаветной службы рядовым бойцом?

— Ничего особенного... Расскажешь нам все, что тебе известно о врагах Каина, твоих бывших друзьях. Их слабые и

сильные стороны. Их взаимоотношения. Система охраны, применяемая на ночевках. Планы на будущее. Связи на местах. Но больше всего, конечно, нас интересует оружие, которое вы раздобыли здесь. Его устройство. Принцип действия. Как оно попало в ваши руки. Имеются ли другие подобные экземпляры. Ну и все такое прочее.

— А если я откажусь?

— С твоей стороны это будет глупостью. Трагической глупостью, я бы сказал. Ты все равно ответишь на наши вопросы, но свой шанс на спасение упустишь. То, что от тебя останется, даже вороны клевать не станут.

Левка хотел сказать твердое «нет», но получилось почему-то уклончивое: «Можно подумать?» Где-то в броне его души образовалась трещинка, через которую мало-помалу вытекала белая решимость.

— Только до тех пор, пока не разгорится костер, — ответил Ламех.

Ангелы, в тот же момент налетевшие на Левку, сорвали с его ног ботинки, а на руки надели железные браслеты с цепями.

— Надеюсь, дрова у вас сухие? — на эти слова Лева истратил последний запас своих нравственных сил.

— Где ты здесь найдешь сухие дрова! — сказал Ламех с напускной досадой. — Уж прости, если не угодили тебе...

Человек, впоследствии принявший имя Ламех, лет до двадцати пяти вообще не подозревал о существовании такого ветхозаветного персонажа. В той жизни, которая досталась ему, не было места для слова Божьего. Что же касается козней дьявольских, то, по общему мнению соседей, он как раз и был их зримым воплощением. Кличку Песик он получил еще в раннем детстве за своеобразную манеру драться — если сил в руках не хватало, в ход безо всяких колебаний пускались зубы, на диво крепкие и острые.

История его появления на свет в свое время потрясла весь Талашевск.

Случилось это не в роддоме, не в фельдшерско-акушерском пункте и даже не в домашней обстановке, а в вокзальном туалете, чудом сохранившемся в первозданном виде еще со времен постройки Московско-Варшавской железной дороги, впоследствии переименованной в Белорусскую. (Все остальные станционные постройки на протяжении полувека сжига-

лись трижды: в девятьсот пятом — революционными рабочими, в двадцатом — отступающими белополяками, а в сорок втором — партизанами знаменитого батьки Бурака.)

Однажды осенним днем посетители той части туалета, которая была помечена буквой «М», слышали звуки, для заведения подобного рода весьма не характерные. Не вызывало никакого сомнения, что принадлежат они младенцу, едва только появившемуся на свет и этим фактом весьма опечаленному. Но самое удивительное было то, что истошные крики ребенка доносились не из-за стенки, делившей туалет пополам (это еще можно было как-то объяснить), а как бы снизу — из выгребной ямы.

Делегация особо детолюбивых граждан, справив свою нужду, с некоторой опаской проникла в отделение «Ж», где и обнаружила полуживую гражданку, вид которой свидетельствовал о том, что совсем недавно она разрешилась от бремени. В цементном полу туалета имелось восемь сквозных отверстий, в просторечии именуемых «очко». Рев младенца особенно явственно доносился из того отверстия, которое, кроме обычной туалетной дряни, было помечено еще и каплями крови.

Как говорится, состав преступления был налицо. А время, заметим, — суровое. Недавно закончилась одна война и уже планировалась новая, так что баб, не желавших увеличивать народонаселение советской державы, сажали даже за аборт.

Срочно послали за милиционером, обычно торчавшим на привокзальной площади, но сейчас, по случаю осенней непогоды, избравшим местом своей дислокации станционный буфет. Тот примчался немедленно — усами, покроем мундира и саблей на боку очень похожий на дореволюционного жандарма.

Был этот милиционер служакой расторопным и самоотверженным. Другой на его месте послал бы за золотарями или в крайнем случае нанял бы за четвертинку какого-нибудь бродягу, а этот полез в выгребную яму сам, только синюю шинель скинул да саблю отстегнул.

Выгребную яму не очищали еще с лета, да и дожди все последние дни лили, не переставая, так что намечавшаяся спасательная операция была не менее опасна, чем спуск в преисподнюю. Один только запах настоянной на хлорке мочи мог сразить наповал, не говоря уже о прочих особенностях, присущих отечественным станционным туалетам.

По наблюдениям бывалых людей, дерьмо не тонет, но зато в нем и плавать нельзя — сразу засосет. Пришлось мили-

ционеру подтянуть к себе ребенка длинной доской. Тот орал, сучил кривоватыми ножками и тряс окровавленным обрывком пуповины, но на поверхности держался довольно уверенно, видно, своим удельным весом уступал даже дерьму.

Затем спасенного младенца обмыли под водозаборной колонкой, завернули в милицейскую шинель и передали с рук на руки прибывшему из больницы фельдшеру. Милиционера отправили в баню, а мать-преступницу — в следственный изолятор.

В дальнейшем судьбы этих троих людей больше не пересекались.

Милиционер получил благодарность от непосредственного начальства, а от районных властей медаль «За спасение утопающих», которую впоследствии так ни разу и не надел, — стеснялся. Его рапорт о досрочной выдаче полного комплекта обмундирования был удовлетворен. Чуть позже списали и табельное оружие — пистолет «ТТ», побывавший вместе с хозяином в выгребной яме. От контакта с едкими фекальными массами металл сплошь покрылся белесыми пятнами, которые не удавалось свести даже полировальной пастой.

Мать была осуждена за попытку умышленного убийства и бесследно сгинула где-то в лагерной мясорубке. Следствие очень интересовалось личностью отца незаконнорожденного ребенка, но показания, данные сразу против нескольких человек, впоследствии не подтвердились: столичный тенор сумел доказать, что никогда даже и не слышал о Талашевске, а один известный всей стране военачальник предъявил документ, из которого следовало, что полученные на фронте ранения не позволяют ему вступать в интимные отношения с женщинами.

Ребенок остался на попечении глухой и сильно пьющей бабки. В первый класс он не пошел — нечего было одеть, да и надо же было кому-то следить за самогонным аппаратом, неровен час, еще взорвется. Пил он с тех пор, как помнил себя, но только первач и немного — не больше кружки в день. То, что не успевала вылакать бабка, шло на продажу и на натуральный обмен. За бутылку самогона давали полмешка картошки или пять охапок дров.

Склонность к правонарушениям и пренебрежение к общепринятым нормам поведения проявились у Песика так рано, что впору было говорить о его врожденной аморальности, хотя такую возможность современная педагогическая наука начисто отрицала. Что тому было виной: то ли душевная трав-

ма, полученная при криминальных родах, то ли специфическая химическая среда, в которую угодили младенец непосредственно после появления на свет, то ли гены неизвестного отца давали о себе знать — но уже в пять лет эта сиротка творила такое, от чего брался за голову даже выдавший виды участковый. Песик крал все, что можно было украсть, даже вещи абсолютно ему не нужные; колотил, кусал и забрасывал камнями своих сверстников; неоднократно обваривал кипятком ненавистную бабу; травил соседских кур; калечил кошек и голубей; проявлял нездоровый интерес к девочкам и склонял наименее целомудренных к непристойным забавам.

Когда юному разгильдяю стукнуло восемь лет, органы опеки опомнились. Внук-самогонщик был отнят у бабушки-алкоголички и определен в интернат для трудновоспитуемых детей. Наконец-то соседи вздохнули с облегчением, а участковый на радостях даже выпил, что делал в последнее время крайне редко, поскольку имел по этой линии строгий партийный выговор и служебное несоответствие.

Веселая жизнь для Песика окончилась. Ввиду того, что собранные под крышей интерната дети и в самом деле были трудновоспитуемыми, их никто и не воспитывал — зачем зря силы тратить. Главное, чтобы они не сбежали на волю, не сожгли интернат и не забили друг друга до смерти. Воспитателям не возбранялось применять против несовершеннолетних изгоев общества самые непедагогические методы, вплоть до содержания в карцере, лишения пищи и гомосексуального насилия.

Песик совершал побеги из интерната с регулярностью перелетной птицы — дважды в год, весной и осенью. Маршруты его странствий пролегали от Мурманска до Ставрополя и от Бреста до Иркутска. Несколько раз он пытался уйти за рубеж, но, не зная ни местности, ни тактики действия пограничных нарядов, всегда попадался. После одного такого случая, когда Песик нанес увечья пограничной собаке, его уже не вернули, как обычно, в интернат, а направили в колонию для несовершеннолетних преступников.

Нравы здесь были покруче, однако Песик не затерялся в серой массе воришек, хулиганов и наркоманов. Недолгий, но продуктивный опыт конфронтации с обществом, кроме многого другого, научил его одному правилу, до сих пор срабатывавшему безотказно: если хочешь верховодить в стае себе подобных, если хочешь заранее парализовать волю потенциальных врагов и конкурентов, прилагай все старания для того,

чтобы твои поступки поражали жестокостью и непредсказуемостью. Уж если драться, то чтобы твой противник остался без уха, без глаза или без зубов. Уж если опетушить новенького, то до разрыва промежности. Уж если конфликтовать с администрацией, то по-настоящему, не жалея себя — глотать битое стекло, резать вены, держать сухую голодовку.

В шестнадцать лет Песик получил первый в жизни подарок — наколку на плечо в виде тюльпана. Таков был воровской закон. В восемнадцать лет, выходя на волю, он имел на другом плече розу, а на пальцах правой руки два татуированных перстня. Один обозначал — «загубленная юность». Второй — «тянул срок в зоне».

Бабка, дождавшаяся-таки единственного внука, так ему обрадовалась, что вскорости отдала Богу душу. Была она настолько стара и изъедена недугами, что вскрытие, грозившее Песику новыми нештучными неприятностями, не проводилось. Похоронив бабку на скорую руку, он стал полноправным владельцем покосившейся избенки, шести соток запущенного огорода и самогонного аппарата устаревшей конструкции. Все это Песику было абсолютно не нужно. Манила его жизнь совершенно иная.

К этому времени он четко делил человечество на две части — себя самого и всех остальных. Причем право на жизнь и связанные с ней удовольствия имел исключительно он один. Конечно, Песик отдавал себе отчет, что лишит достояния сильных мира сего не так уж просто, и поэтому решил начать со слабых. Днем он грабил прогуливающих в лесопарке пенсионеров, вечером шмонал у ресторана пьяниц, а ночью шуровал на рабочих окраинах, отбирая кошельки и золотые украшения у возвращающихся со второй смены швей и текстильщиц. Дабы посеять среди фраеров страх, Песик жестоко избивал все свои жертвы (даже тех, кто расставался с собственным имуществом без звука).

Впрочем, все это было мелочевкой и особого резонанса в городе, где на каждой улице орудовала своя банда, не вызывало. Серьезные дела начались потом.

Как-то Песик загулял в своей избенке с известной всему блатному обществу профурой по прозвищу Валька Холера. За скромную закуску и пару стаканов самогона эта, в общем-то, вполне симпатичная бабенка позволяла делать с собой все, что угодно. Так, как ее, не трахали, наверное, даже неизвестную мертвую царевну, которая (если верить народной молве) до королевича Елисея сожительствовала одновременно с

семью богатырями. Благодаря легкому и отходчивому характеру, Валька могла стойко переносить не только все виды половой агрессии, но и издевательства, способные унижить даже бессловесную скотину.

К этому времени она успела уже и голышом на столе сплестись, и в рыло пару раз получить, и многократно совокупиться, но все еще продолжала ластиться к Песику. Смеха ради он затушил о ее сосок сигарету и вновь занялся любовью — уже безо всякого интереса, как бы выполняя нудную обязанность. Зато Валька под ним млела — сопела, стонала, закатывала глазки и ловко подмахивала задом. От нечего делать он запустил ей пальцы в рот, и она принялась жадно их сосать. Тогда Песик, обуянный тем же чувством, что раньше заставляло его мучить кошек и птиц, просунул пальцы подальше, аж до корня языка.

Это даже долготерпеливой Вальке не понравилось. Она зашлась кашлем и довольно чувствительно тяпнула Песика за пальцы зубами. Желая уберечь свою конечность от дурацкой травмы, он другой рукой ухватил Вальку за горло. Та выпучила глаза, посинела, но подмахивать почему-то стала еще энергичнее.

Шекочущая волна сладкой похоти обдала все тело Песика. Чуть ли не пуская от вожделения слюну, он душил Вальку уже обеими руками. В тот момент, когда последние судороги агонии сотрясали ее тело, он получил ни с чем не сравнимое, прямо-таки неистовое удовольствие.

Но, как говорится, хорошо кататься, да плохо саночки возить. Опомнившись спустя некоторое время, Песик решил вместо саночек использовать бабкину тачку, на которой та вывозила когда-то на рынок скудные дары своего приусадебного участка. Абсолютно никаких угрызений совести он не испытывал (не та была натура), но слегка опасался за свою свободу. Вальку довольно часто видели в его компании, а однажды он даже отколотил ее на глазах всего честного народа. Естественно, что при обнаружении трупа Песик сразу попал бы в число подозреваемых.

Учитывая все эти обстоятельства, он решил вывезти Валькино тело подальше от города, на свалку, и там закопать. Образ жизни, который покойница вела в последние годы, делал ее исчезновение вполне объяснимым.

Дождаясь темноты, Песик выпил весь имевшийся в доме самогон и еще дважды совокупился с мертвой подругой. После этого он тщательно протер все места, на которых могла остаться его сперма (лагерная наука не прошла даром, да и

собственной смекалки хватило), и начал обряжать покойницу в те тряпки, что она носила при жизни.

В полночь, засунув уже остывшее тело в мешок, Песик двинулся в путь, который в зависимости от обстоятельств именуется то последним, то скорбным. Лично для него этот путь был еще и очень опасным. Любой милиционер мог заинтересоваться грузом, перемещаемым неизвестно куда под покровом ночи. На этот случай Песик прихватил с собой не только лопату, но и остро отточенный топор.

Особенно опасным был отрезок пути, пролежавший за городом. По кюветам на тачке особо не проедешь, а машины хоть изредка, но шастали по ночному шоссе. Всякий раз, завидев свет приближающихся фар, Песик съезжал под защиту лесополосы. В конце концов это ему надоело. Бросив тачку, он взвалил бездыханное тело на плечо и двинулся к свалке напрямик, через недавно засеянное кукурузой поле. Мокрые от росы молодые побеги хлестали его по ногам, и вскоре в ботинках захлюпало.

Все это: и след, ясно свидетельствующий о тяжелой ноше того, кто его оставил, и микрочастицы кукурузных листьев на одежде, и отпечатки мешка, который он время от времени сбрасывал с занемевшего плеча на землю, — взятое вместе могло стать серьезной уликой против Песика, но тут уж ничего нельзя было поделать. Впрочем, о местных сыщиках он успел составить весьма нелестное мнение. От Шерлока Холмса они отличались примерно так же, как лимузин «Роллс-Ройс» отличается от занюханного «Запорожца».

Еще на подходе к свалке он заметил отсветы тусклого пламени и почуял запах гари. Это навело Песика на мысль не предавать Валькино тело земле, что было занятием долгим и нудным, а на манер индусов подвергнуть его кремации.

Особенно ярко горело с того края, где автобаза обычно сливала отработанный мазут. Сунув тело в самый центр костра, он забросал его сверху охапками текстильных отходов и изношенными автопокрышками.

Если у бедной Вальки была душа и если эта душа еще не успела отлететь далеко, то сейчас она могла с горечью наблюдать за конечным этапом глумления над своей телесной оболочкой.

Каким бы законченным подлеем ни был Песик, но всю следующую неделю он чувствовал себя так, словно у него на заднице гнойный свищ открылся. Толкаясь по пивным, играя

по маленькой в притонах, лакая на задних дворах гастрономов водяру, он внимательно прислушивался ко всем разговорам, но о горькой судьбе Вальки Холеры ничего слышно не было. Не такая это была личность, чтобы ее исчезновение опечалило кого-нибудь.

Песик не поленился даже снова наведаться на свалку. Там, похоже, все было спокойно. Костры догорели, и два бульдозера гусеницами утрамбовывали свежий слой мусора. Потом пошли проливные дожди, и Песик успокоился окончательно.

Однако спокойствие это было относительным. Полностью пришло в норму только чувство самосохранения. А вот чувство любострастия, разгоряченное упоительным мигом соития с агонизирующей женщиной, наоборот, возбуждалось все больше и больше. Вскоре Песик буквально места себе не находил.

И наступил наконец такой момент, когда терпеть стало невозможно. Действуя как лунатик, он покинул свой дом и направился в сторону реки, где до этого неоднократно видел загорающих в одиночестве особ женского пола и даже намечал их как возможные цели для грабежа. (Дуры эти, отправляясь на пляж, не снимали с себя ни сережек, ни колечек, ни кулонов.)

К реке вплотную подступали густые заросли ивняка, оставляя свободной лишь узкую полосу берега. Здесь загорали и отсюда рыбачили. В зарослях распивали спиртное и занимались любовью.

Двигаясь вдоль берега, Песик неминуемо засветился бы. Поэтому он стал выслеживать свою жертву под прикрытием зарослей. Такая не скоро, но все-таки нашлась.

Местом своего отдыха ничего не подозревающая девица выбрала укромный уголок, с трех сторон окруженный кустарником, так что ближайшие соседи по пляжу, до которых было не меньше полусотни метров, видеть ее не могли. Пользуясь этим обстоятельством, она загорала без верхней части купальника. Лет девице было около тридцати, а пышные формы ее тела не предполагали наличия нравственности.

Выйдя из кустов, Песик улыбнулся самой обворожительной из своих улыбок. Руку с иголками он предусмотрительно сунул в карман.

— Привет. Как водичка? — вежливо осведомился он.

Девица ничего не ответила и быстро натянула лифчик. Пришлось Песику наклониться и самому потрогать воду.

— В самый раз, — заключил он с удовлетворением.

— Вот и плыви по ней, — недружелюбно сказала девица.

— Я плавать не умею. Может, научишь? — Песик стал так, чтобы его тень падала на девицу.

— За науку нынче деньги платят. — Она отодвинулась немного в сторону.

— Этого хватит? — он извлек из кармана четвертную купюру, последние свои крупные деньги.

— Слушай, вали отсюда! — девица села. — А деньги бабушке отдай. Пусть тебя в парикмахерскую сводит. (Действительно, Песик после выхода на волю немного зарос, а в те времена длинные волосы у мужчин считались чуть ли не признаком аморальности.)

— Бабушка моя откинулась, — он оглянулся назад: не видит ли их кто с реки. — Сирота я.

— Усыновлять я тебя не собираюсь, — отрезала девица. — И не надейся даже.

— Зачем меня усыновлять? Мы с тобой и пожениться можем, — усмехнулся Песик.

— Женилка у тебя еще не выросла! — Девица пока не принимала, с кем имеет дело.

— А это мы сейчас проверим, — он начал не спеша расстегивать брюки.

— Я закричу! — предупредила она.

— Только пискни, — со зловешей улыбкой сказал он. — Буфера оторву и в пасть засуну.

Брюки его вместе с трусами уже лежали на песке. Девица вскочила, ухватив свой сарафан. Настоящего страха, похоже, она еще не испытывала. Песик был слишком молод, чтобы казаться опасным.

— Пусти, сопляк! — она попыталась толкнуть его в грудь.

— Пушу, когда женилку мою испытаем. — Песик крепко обхватил ее поперек тела. — Только не дергайся, если живой хочешь отсюда уйти.

Девица беспомощно затрепыхалась в его руках и уже было раскрыла рот, чтобы позвать на помощь, но Песик резким движением боднул ее головой в лицо. Хрустнул сломанный нос. Это сразу лишило девицу воли к сопротивлению.

— Не надо, — давась кровью, забормотала она. — Не бей... Лучше по согласию...

— Ладно. Ложись, шалава, — Песик толкнул ее на песок. — И шмотки скинуть не забудь. Я тебе не лакей.

Грубо навалившись на голую, покорную, тихо скулящую жертву, Песик, ради большего унижения, харкнул ей в лицо и почти сразу сомкнул на горле руки... Ох, как он ждал этого момента!

Когда все закончилось, он затащил труп в самую гущу зарослей да вдобавок еще и забросал ветками. На душе было легко и спокойно, словно камень с нее свалился.

— А говорят, что нет в жизни счастья! — сказал он вслух и ухмыльнулся.

Хорошенько запомнив место (ночью он собирался вернуться сюда и утопить тело в реке), Песик двинулся в обратный путь. Было самое время пропить ту самую подкожную четвертную, да и у покойницы он успел кое-что позаимствовать: часики-браслет, сережки с бирюзой и рубля три денег, не считая мелочи. Была на ней вроде еще и золотая цепочка, да где-то затерялась.

У ближайшего гастронома, в котором никогда не переводилось вино «Кзыл-шербет», прозванное в народе «Козлом шербатым», Песик встретил одного своего приятеля. Был он с виду кабан кабаном, но кличку почему-то носил совершенно не соответствующую своим габаритам — Шуплый. Имея группу инвалидности (когда-то отравился метиловым спиртом и с тех пор видел чуть получше крота, но чуть похуже курицы), он на законном основании нигде не работал, из-за лени не воровал и поэтому всегда норовил выпить на халяву, а потом еще и пустые бутылки сдать для пополнения собственного кармана. В Талашевске это называлось «сесть на хвост».

Правда, было у Шуплого и одно положительное качество. Разрушенная метиловым спиртом печень почти не перерабатывала алкоголя, и он упивался уже после четырех-пяти стаканов вина, а значит, сильно разорить своих собутыльников не мог.

Поведение его отличалось деловитостью и прямолинейностью. Китайские церемонии и пустопорожнее витийство он терпеть не мог.

Узрев приближающегося к значному месту Песика, Шуплый лаконично осведомился:

— Есть что? — Это означало: «При деньгах ли ты, милый друг?»

— А как же! — Песик похрустел перед его носом четвертной купюрой.

— Я сбегая, — сказал Шуплый тоном, не допускающим возражений.

— Давай, — милостиво разрешил Песик. — Я тебя в парке подожду.

— Сколько брать? — уже на ходу обернулся Шуплый.

— Для начала пузыря три.

— Мало будет, — на синюшном лице Шуплого появилось выражение досады.

— Если мало — добавим, — успокоил его Песик, все еще ощущавший в душе и теле необыкновенную легкость.

— Ну тогда я еще и подымить возьму.

— Может, ты себе на мои деньги и галоши купишь?

— Не, только пачку «Примы». — Метиловый спирт повредил не только здоровью, но и уму Шуплого. Любые слова он воспринимал буквально, а юмора не понимал абсолютно.

Пока приятель отлучался за вином (а за столь ходовым товаром приходилось еще и постоять; хоть Шуплый и брал его всегда без очереди, но не один же он такой деловой здесь был), Песик прохладился в парке, имевшем весьма дурную славу и поэтому редко посещавшемся гражданами, не ставившими своей целью распитие спиртных напитков. Здесь не то что фразе-ру залетному могли бока намять, а даже мента позорного из галифе вытряхнуть.

Не добавляли популярности парку и вороны, избравшие его для своего гнездовья. Этих черных горластых бестий слеталось сюда столько, что просто невозможно было, пройдясь из конца в конец аллеи, не получить на голову заряд жидкого помета.

Единственными украшениями парка, кроме изрезанных ножами садовых скамеек, служили скульптура героя Гражданской войны деда Талаша (одетый в кожаную куртку и ушанку, он целился из карабина в сторону райкома партии) да шеренга чугунных осветительных мачт, сработанных, надо сказать, не без изящества. У основания каждой мачты имелся небольшой распределительный ящик, в котором жилы подземного кабеля соединялись с проводами светильника. Постоянные посетители парка называли эти ящики «холодильниками». Почти в каждом из них хранились стаканы, а иногда даже кое-какая снедь, оставшаяся с предыдущих пиршеств.

Песик еще и первой сигареты выкурить не успел, как примчался взмокший от усердия Шуплый.

— Ну и сволочной нынче народ пошел! — едва усевшись на скамейку, принялся жаловаться он. — «Куда, — говорят, — молодой человек, вы вперед всех лезете. Мы, между прочим, уже давно стоим». Представляешь?

— А ты что?

— А я так с понтом отвечаю: «За «молодого человека», конечно, спасибо. Но вот за все остальное сейчас отхватите. По

высшему разряду. Не стоять будете, а лежать. И, возможно, даже в гробу». Сразу заткнулись, гады.

— Разве с тобой поспоришь...

— Это уж точно, — довольный комплиментом, осклабился Щуплый. — Из горла будешь тянуть или за стаканом сбегать?

— Из горла сойдет...

— Ну тогда твое здоровье! — Щуплый ногтем большого пальца сорвал с бутылки жестяную пробку и хорошенько приложился к горлышку.

Его примеру последовал и Песик. Было ему хорошо, а стало еще лучше.

— Прочь пошла, курва старая! — заорал Щуплый на бабку, начавшую приближаться к ним с целью завладения опустевшей тарой. — В колхоз иди работать! Там такие, как ты, нужны! Быкам яйца драить!

Повторили. Вино было вполне пристойное — пять процентов сахара и восемнадцать градусов крепости. Правда, слюна от него становилась фиолетовой, как химические чернила.

— Сдача-то где? — напомнил Песик.

(Водилась за Щуплым такая скверная привычка — зажимать сдачу.)

— А вот! Тютелька в тютельку, — он протянул Песику ком влажных рублей и трояков.

— И ни копейки себе не взял? — не поверил Песик.

— Ну разве что гривенник на сигареты... Тебе что — жалко?

— Доверяй, но проверяй. Лозунг социализма.

— Ага... А что это ты вином облился? — он тронул рубаху на груди Песика. — Вся грудь в красненьком... Хотя нет... Кровь это. И уже подсохнуть успела.

Действительно, рубаха Песика была перепачкана кровью, пролившейся из перебитого носа его жертвы. И как это он сразу не заметил?

— Да так, ерунда... — Песик сразу взял себя в руки. — Рубильник у меня слабый... Чуть что, юшка капает. Ты вот что... Сбегай еще за вином. Только никому не болтай, что я здесь.

— Ни гу-гу! — с готовностью пообещал Щуплый. — Только нахлебников нам еще не хватало. Гони монету.

Пока он отсутствовал, Песик сбросил рубашку и на скорую руку застирал ее в облупившейся цементной чаше, предназначенной для разведения цветов, но в данный момент переполненной дождевой водой. Затем он тщательно осмотрел всю свою одежду. На брюках следы крови, слава Богу, отсутствовали. Он правильно сделал, что заранее снял их... Жаль,

что с рубахой досадный промах вышел. Придется ее потом сжечь. А жалко. Все-таки импортная. Шестнадцать рублей стоила.

Шуплый что-то задерживался. Не иначе, как на сей раз ему не удалось запугать очередь и возмущенные покупатели выкинули нахала на улицу. Драчливым Шуплый был только на словах. Если бы дело вдруг дошло до настоящей потасовки, его мог бы отметелить даже пацан. Да и хрен с ним, с халявшиком... Пусть получит на орехи. Болтать меньше будет. Лишь бы только бутылки не побили.

— Ой, что делается! — сильно озабоченный чем-то Шуплый плюхнулся на лавку. Даже бутылки он нес не открыто, как в прошлый раз, а упрятал поглубже в карманы брюк. — Ну и времена пошли! Хуже, чем при татарах! Люди в гастрономе рассказывали, что сейчас возле речки бабу задушенную нашли. Купалась она там, значит. Да не одна, а с кавалером. Тот на полчаса в город отлучился. Тоже, видно, бормотухой запасался. Ну и, само собой, встретил друзей, подзадержался... Возвращается, а подружки на прежнем месте нет. Весь песок взрыт, будто на нем черти плясали. Стал он копать в этом песке и нашел ее золотую цепочку. Порванную. Чует, неладное дело. Сам он с моторного завода, а там еще много ихних балдело. Стали искать повсюду и находят, значит...

Шуплый торопливо откупорил бутылку и присосался к горлышку, как голодный теленок к коровьему вымени.

— Что находят? — спросил Песик.

Ему не надо было прикидываться спокойным, он и на самом деле был совершенно спокоен.

— Труп той бабы находят! — Шуплый поперхнулся. — Голая совсем! Рожа черная, на шее синяки, язык на сторону вывалился. Там уже и прокурор, и начальник милиции с операми. Кавалера того задержали. А скоро, говорят, по всему городу шмон начнется. Как бы и нас с тобой под горячую руку не прихватили.

— Нас-то за что? — пожал плечами Песик. — Лично я сегодня на речке не был.

— Ты не был, а я вот был! — выпалил Шуплый.

— Что ты там делал? Раков ловил?

— Бутылки собирал! Попутал черт! Всего-то и нашел десять штук. Одну еще и не приняли. Щербинка, говорят, на горлышке. У-у-у, крохоборы проклятые!

— Видели тебя там? — поинтересовался Песик.

— Еще бы! Я там все кусты прошуровал!

— Ты по какой статье сидел?

— Да за ерунду... — Щуплый снова забулькал вином. — С корешом углы на вокзале вертел. Да еще по пьянке. С первым же чемоданом нас и взяли.

— Нынче таких, как ты, брать не будут, успокойся. В первую очередь тех прихватят, кто за изнасилование да за убийство чалился. Ты для мусоров неинтересный.

— Думаешь? — с надеждой спросил Щуплый.

— Уверен.

— Дай пять! Обнадежил ты меня. За это и выпьем.

Щуплый приканчивал уже вторую бутылку. Пора было бы ему и вырубиться. Или, может, это испуг нейтрализует алкоголь?

— Пей, чего сидишь, — сказал Песик. — Я тут с тобой долго волюнтериться не собираюсь.

— А т-ты с-сам почему не пьешь? — язык Щуплого уже начал заплетаться.

— Да расхотелось что-то... Кончай за меня, если есть желание.

— А к-когда у м-меня желания не б-было... Обижаешь, друг...

Перед третьей бутылкой Щуплый сделал небольшой перерыв. Песика он узнавал уже с трудом, грозил ему пальцем и несвязно бормотал:

— Т-ты... это самое... с-сарай не запирай... Я п-потом за к-косой приду...

— За какой косой? — не понял Песик.

— Это я, п-по-твоему, к-косой? — пьяно обиделся Щуплый. — Т-ты, падла, сам косой... Отвяжись от меня...

Пришлось Песику самому откупоривать бутылку и чуть ли не силой вливать ее содержимое в горло приятелю. «Если после такой дозы Щуплый и останется в живых, то ничего из случившегося сегодня уже не вспомнит», — так полагал он.

Забросив пустые бутылки подальше в кусты, Песик засунул взятые у покойницы вещи в задний карман Щуплого и уложил его на скамейке лицом вверх. Если начнет вдруг блевать, так сразу и захлебнется. А теперь пора было сваливать. Менты и в самом деле могли начать облаву на всех подозрительных.

Прогулочным шагом выйдя из парка, Песик отыскал исправный телефон-автомат и набрал номер дежурной части райотдела милиции. Когда на другом конце сняли трубку, он гнусавым голосом сообщил:

— В парке на скамейке сидит какой-то опасный тип. Матом выражается и к прохожим пристаёт. Просим принять срочные меры. Заранее благодарим.

Так уж получилось, что в течение одних суток талашевские обыватели были поставлены на уши два раза подряд: сначала зверским убийством на берегу речки, а потом необычайно эффективными действиями правоохранительных органов, уже спустя несколько часов раскрывших это жуткое преступление. (Слух о том, что один из задержанных изобличен и улики слишком явные, распространился по городу тем же вечером.) Стражей закона, которых раньше или боялись, или ненавидели, теперь зауважали.

Впрочем, орлам-сыскарям и соколам-следователям еще рано было почивать на лаврах. Требовались юридически неоспоримые и подтвержденные экспертизой доказательства вины Щуплого, ну и, естественно, его чистосердечное признание.

Пока что милиция располагала только вещами покойницы, обнаруженными работниками медвытрезвителя при личном обыске Щуплого, да фактом его нахождения на пляже в период времени, предшествующий убийству. Оба эти обстоятельства, даже взятые совокупно, еще не гарантировали успех следствия. Щуплый мог купить часы и сережки у настоящего убийцы, мог случайно обнаружить их на месте преступления или в конце концов мародерским образом снять с уже остывшего трупа.

Сам подозреваемый толком ничего объяснить не мог, ссылаясь на провалы в памяти и валил все на дежурного медвытрезвителя, который якобы мстил ему на почве ненормальных личных отношений. (Когда-то в юности оба они и в самом деле ухлестывали за одной и той же красоткой, впоследствии отдавшей предпочтение совсем постороннему зубному врачу.)

Из местного КПЗ были срочно выдворены все административно-арестованные, и Щуплый остался единственным узником на все шесть камер. Двое суток почти непрерывных допросов практически ничего не дали. Щуплый о событиях того трагического дня вспомнить ничего не мог, а только постоянно просил пить, в чем ему отказывали на том основании, что снабжение задержанных водой осуществляется по нормам, которые он уже давно выбрал. Однако вторыми блюдами его кормили исправно, не жалея на них ни соли, ни перца.

Вскоре у Щуплого, человека от природы слабодушного и

мнительного, начала ехать крыша. Сто раз подряд выслушав подробную версию своего преступления и примерно столько же раз получив по разным частям тела увесистые удары дубинкой, мокрым полотенцем и просто кулаком, он уже сам стал верить в собственную вину.

На исходе третьих суток, выведенный из обморока тычком электрокнута, позаимствованного когда-то запасливыми сыщиками на межрайонной выставке достижений сельского хозяйства, Щуплый стал давать те показания, которые от него требовались. За такую покладистость он был поощрен кружкой воды. Мотивы преступления несчастный приятель Песика объяснял временным помрачением рассудка. Что ни говори, а три пузыря портвейна «Кзыл-шербет» в конечном итоге обошлись ему очень дорого.

Короче, по части свидетельской базы и чистосердечного признания подозреваемого у следствия все было шито-крыто. Куда хуже обстояли дела с представленными на судебную экспертизу вещественными доказательствами. Сначала облажались с грязью, добытой из-под ногтей Щуплого. В ней не обнаружили ни крови, ни частиц эпидермиса погибшей. Пришлось бедняге под диктовку следователя писать объяснение, что в момент убийства он имел на руках перчатки, которые впоследствии выбросил в неизвестном месте.

Образец спермы, взятый на месте преступления, вообще пришлось подменить, чему в немалой степени способствовали приятельские отношения, давно установившиеся между оперативными работниками и штатными судебными экспертами.

Для общего объема в дело напихали всяких бумажек, подтверждающих социальную опасность Щуплого: справки о прежних судимостях, характеристику с последнего места работы, заявления соседей о его бытовой неуживчивости и даже выписку из медицинской карты, подтверждающую наличие у него хронической гонореи.

Внимательно ознакомившись с увесистым томом, прокурор поморщился, но все же подмахнул его. Зато претензии к следствию возникли у суда. Слушание дела дважды откладывалось. Вконец запуганного и замороженного Щуплого таскали по психиатрическим экспертизам. Одни признавали его вменяемым, другие как раз наоборот. Впрочем, свои четырнадцать лет усиленного режима Щуплый все же получил, и больше в Талашевске о нем никто не слышал.

На время следствия Песик от греха подальше съехал в Казахстан на хлебозаготовки. Сезонными рабочими там брали

всех подряд и даже паспорта не спрашивали. На чужбине маниакальная страсть к совмещенному с убийством соитию не покидала Песика, но реализовать ее в условиях восточно-казахстанской степи было практически невозможно. Местные жительницы сторонились приезжих и не имели привычки прогуливаться в одиночестве. Да и бригадир, ни на йоту не доверявший вороватым и хулиганистым сезонщикам, держал их под неусыпным контролем.

В Талашевск Песик возвращался глубокой осенью, при некоторых деньгах и при явных симптомах острого психического расстройства, вызванного длительным подавлением своих самых сокровенных желаний. Как бы шутки ради он лапал проводниц и случайных попутчиц за ляжки и груди, но не этого ему было надо — руки сами тянулись к приманчивым женским шеям. При этом он испытывал такое возбуждение, что и онанизмом заниматься не требовалось.

Однажды Песик уже почти добился своего — завалил на нижнюю полку какую-то страхолюдную мешочницу, вроде бы ничего не имевшую против быстротечного дорожного флирта. Однако едва только пальцы Песика ощутили ритмичное подрагивание сонной артерии, как она заподозрила что-то неладное и подняла кипеж на весь вагон. Ехавшие в соседнем купе дембеля так отделали Песика пряжками ремней, что на следующей станции пришлось вызвать «Скорую помощь».

Прибыв в областной центр, он сначала наведился к кое-каким надежным людям и выяснил, что страсти, бушевавшие в Талашевске летом, утихли и что убийца уже понес заслуженное наказание. Весть была хорошая, но на душе от нее легче не стало. Душа Песика требовала совсем другого.

То, в чем он позарез нуждался, — согласную на все дешевую вокзальную потаскуху — он отыскал уже глубокой ночью. Безжалостные менты линейного отделения гнали ее и из зала ожидания, и из буфета, и даже из туалета, так что бедняжке приходилось околачиваться под холодным ноябрьским дождем.

Торг длился недолго. Она требовала червонец, он обещал только пятерку, ссылаясь на некондиционный вид жрицы продажной любви.

— Если я зубы вставляю и умоюсь, так вообще полсотни стоить буду, — возражала она.

— Ладно, — сдался вскоре Песик, которому было уже невмоготу, — семь рублей. Но даешь раком.

— А мне все равно, — махнула рукой легкомысленная бабышня. — Хоть раком, хоть боком, хоть через плечо.

На том и порешили.

Салон, предназначенный для приема клиентов, находился в ближайшем жилом доме и представлял собой подвал, освещаемый только лунным светом, проникавшим сквозь узенькое окошко. В углу этой мерзкой берлоги валялся на полу дражный ватный матрас и куча всякого тряпья. Впрочем, на Песика это никакого впечатления не произвело — к особому комфорту он сейчас как раз и не стремился.

Потаскуха предусмотрительно потребовала деньги вперед и тут же спрятала их в какой-то малоразличимой щели. Песик подумал, что этим позорным семи рублям придется дожидаться здесь сноса здания или третьей мировой войны.

Тем временем зашуршала стягиваемая с тела одежда. Сразу запахло давно не мытой плотью. Даже не дав партнерше разоблачиться окончательно, Песик повалил ее на матрас.

— Ты что! Ты же не так хотел! — только и успела пискнуть она.

— Так! Именно так! — прорычал он, грубо тиская дряблое, податливое тело.

Все было закончено в течение нескольких минут. Предсмертный хрип жертвы и ликующий вопль насильника могли слышать только населяющие подвал крысы да выслеживающие их бродячие кошки.

Вернувшись в родной городишко, Песик направился напрямик домой, затопил печку и отсыпался почти сутки. Теперь он был почти нормальным человеком, но такое состояние вскоре должно было пройти, как проходит чувство сытости или запой.

Однажды его посетил участковый и предложил трудоустроиться в кратчайший срок. Даже не поленился выписать официальное предупреждение. Песик пообещал — не в его интересах сейчас было конфликтовать с милицией — и целых два дня проработал грузчиком домостроительного комбината. За этот срок он не удосужился даже двух кирпичей передвинуть и был уволен администрацией за систематическое нарушение дисциплины. Трудовая книжка с записью о хоть и кратком, но вполне реальном стаже позволяла Песику на законном основании сачковать еще пару месяцев.

Дальше в будущее он не заглядывал. Зиму надо было как-то перекантоваться, а потом спешно делать из Талашевска ноги, потому что военкомат уже включил его в план весеннего

призыва. Для стройбата годились и слепые, и горбатые, и судимые.

Привычные симптомы душевного непокоя посетили Песика где-то перед Новым годом. Сначала он еще кое-как крепился — рисковать не хотелось, — но потом совершенно утратил контроль над собой. К вечеру тридцать первого декабря он был уже не человеком, а диким зверем со всеми присущими тому качествами — кровожадностью, ненасытностью и изворотливостью. Дедам Морозам с ватными бородами, Снегурочкам в мини-шубках, зайчатам с поролоновыми ушами и волкам в картонных масках было невдомек, что среди них бродит настоящий, а не бутафорский хищник.

В четыре часа утра он изнасиловал, задушил и сбросил в канализационный колодец десятиклассницу, возвращавшуюся со школьного бала. В убийстве обвинили ее приятеля, имевшего несчастье в новогоднюю ночь рассориться с девушкой. Однако, как ни крутилась милиция, особых улик против парня не имелось, и его уже собирались отпустить домой под подписку о невыезде, но накануне освобождения он повесился на веревке, сплетенной из обрывков рубашки. Естественно, что этот факт был интерпретирован как косвенное признание в преступлении. Вину задним числом списали на самоубийцу, и дело прекратили. После этого у Песика появилось обманчивое чувство безнаказанности.

Следующей его жертвой, пятой по счету, снова стала школьница — уж очень они все были неосторожны, уж очень слабо сопротивлялись, и уж очень сладка была недолгая девичья агония.

В высших инстанциях наконец поняли, что в Талашевске творится что-то неладное. Все дела за последнюю пятилетку, связанные с изнасилованиями, срочно затребовали в областную прокуратуру. Занялись ими люди, кое-что в криминалистике понимающие, и вскоре три дела: по убийству возле реки и по обоим школьницам были отложены в сторону.

Однако объединить их вместе коллегия прокуратуры не решилась. В противном случае пришлось бы брать к ногтю многих заслуженных товарищей — лишать их чинов, должностей, а возможно, и свободы. Ведь как-никак два дела из трех уже числились раскрытыми.

Вопрос спустили на тормозах: талашевского прокурора спихнули на пенсию, начальника милиции заслали на север сторожить зеков, а следователей, особо рьяно поработавших со Щуплым, уволили по первой подвернувшейся причине.

Самого Щуплого, к сожалению, спасти уже не удалось — его с молодых лет подпорченная печень не выдержала лагерной баланды и наотрез отказалась выполнять функции, необходимые для жизнедеятельности организма. В акте вскрытия был проставлен краткий диагноз — «цирроз».

Между тем в Талашевск без всякой помпы прибыла специальная следственная группа из МВД республики. С местными сыщиками она почти не контактировала, а плела какие-то свои хитроумные сети. На учет были взяты все лица мужского пола (кроме, естественно, малолеток и стариков), хоть однажды попадавшие в поле зрения милиции, все психбольные и все праздношатающиеся. Этот немалый контингент просеивался неторопливо и тщательно, как при поиске драгоценных камней, когда каждое очередное сито бывает мельче предыдущего.

Одновременно передопрашивались все свидетели по старым делам и проверялись все случаи необъяснимого исчезновения женщин. Вскоре в поле зрения спецгруппы появилась старушка, непосредственно перед арестом видевшая Щуплого в компании с Песиком (ранее от ее показаний просто отмахнулись). Затем кто-то из аналитиков заинтересовался долгим отсутствием Вальки Холеры, считавшейся чуть ли не законной пассией все того же Песика, неоднократно запятнанного в прошлом, а ныне тунеядствующего.

Сопоставив ориентировочную дату возвращения Песика из Казахстана (о чем неосмотрительно проболтался один из его дружков) с оперативной сводкой по области, вышли на убийство вокзальной проститутки, способ совершения которого был аналогичен трем остальным.

Песика (впрочем, не его одного) стали пасти по двадцать четыре часа в сутки. В его отсутствие дом был подвергнут тихому шмону, в результате которого обнаружилось много такого, что хозяину принадлежать никак не могло.

Столичные судебные психологи довольно точно рассчитали дату очередного преступления, и Песик, майской ночью вышедший на охоту за романтичными малолетками, обожавшими в столь глухую пору услаждать свой слух соловьиными трелями, а взор — прихотливыми узорами созвездий, довольно скоро напоролся на сублинное (а главное, одинокое) создание в белых пышных бантах и короткой юбчонке.

Однако на сей раз Песика ждало горькое разочарование. Едва только он, заранее ощущая предстоящее наслаждение, пустил в ход руки, как девчонка, при ближайшем рассмотре-

нии оказавшаяся вовсе не девчонкой, а малорослым, но удивительно жилистым мужиком, скрутила его буквально в бараний рог да еще и браслеты на руках зашелкнула.

Конечно, отпавать Песика было преждевременно. Мог он еще отбиваться. Не руками, так ногами. Не ногами, так головой. Зубами в крайнем случае. Но чутье подсказывало ему, что лучше сейчас прикинуться сиротой казанской (или талашевской, какая разница). Поэтому, прикрывая голову скованными руками, он жалобно заканючил:

— Дяденька, за что? Обознался я! Ой, не бейте, дяденька!

Дяденек со всех сторон набежало уже немало, и Песик понял, что сопротивляться действительно не имело смысла. Несколько раз его пнули ботинками по ребрам, но как-то без озлобления. Неудобно было здоровым мужикам топтать валявшегося у них в ногах и едва ли не рыдающего юнца.

— Тот это? Вы уверены? — с сомнением произнес кто-то в темноте.

В лицо Песику ударил свет ручного фонарика, и сразу несколько голосов убежденно заявили:

— Тот, тот!

— Ой не тот я, дяденьки! — опять захныкал Песик. — Обмишурились вы! Никого я не трогал! Гулял себе, и все!

— Заткнись, паскудник! — Его поставили на ноги так резко, что чуть не оторвали руки, а затем потащили к машине, уже подъезжавшей задним ходом к месту происшествия.

Нельзя сказать, чтобы он очень уж перепугался. Бывало в короткой жизни Песика всякое: и воспитатели в интернате выделявали с ним такое, что с живыми людьми выделявать просто невозможно; и злые пограничные овчарки стаскивали его за штаны с дерева; и смертный холод пришлось ощутить не единожды. С некоторых пор он считал себя бывалым уркаганом, и поэтому вдвойне было обидно, что менты его так дешево купили.

Впрочем, теплилась еще в душе у Песика надежда, что взяли его вовсе не из-за загубленных баб и девушек, а по какой-то другой, возможно, вполне смехотворной причине. Разные в жизни бывают случайности. Однажды к его приятелю, ворукарманнику, только что чисто взявшему пухлый лопатник, внезапно подошел постовой. Тот с перепугу и пырнул мусора финкой. А потом выяснилось, что постовой всего-то и хотел, что огонька попросить. Вот так по причине отсутствия спичек один человек попал в реанимацию, а второй туда, где даже белым медведям холодно.

По прибытии в райотдел Песика безо всяких околичностей затащили в специальную следственную камеру, где в бетонном полу, как в бане, имелось сливное отверстие, стены не пропускали наружу ни единого звука, а вся мебель, состоявшая только из стола и пары табуреток, была намертво закреплена на месте. Допрашивали его сразу несколько человек — все в гражданском и все Песику незнакомые. (Своих-то, талашевских мудозвонов он знал как облупленных.)

Уже на десятой минуте допроса, после того как разобрались с анкетными данными, Песику стало ясно, что сбываются самые мрачные его предположения. Повязали его не за какую-нибудь мелочь и не за чужого дядю, а за свои собственные мокрые дела.

Но самым неприятным было даже не это! До умопомешательства невыносимо было сознавать, что не довелось ему сегодня осуществить задуманное. Не затрепыхается уже больше под ним нежное девичье тельце; не хрустнут под пальцами хрупкие, словно птичьи, шейные позвонки; не шибанет от паха к сердцу упоительное чувство удовлетворенного вожделения; никогда не доведется ему целовать и грызть быстро наливающееся смертной бледностью, а от этого еще более притягательное личико.

— Нет! — Он заскрежетал зубами. — Убегу! Из-под следствия убегу! Из зала суда! Из камеры смертников! Убегу! Даже не свободы ради, а чтобы еще хотя бы раз пережить это адское наслаждение...

В том, что ему светит вышка, Песик не сомневался.

Следователь и подследственный обязаны общаться по определению. Тут уж ничего не попишешь. Уголовно-процессуальный кодекс требует. Да только ждут они от такого общения результатов прямо противоположных. Если первый старается узнать о втором как можно больше интересного, то второй этого интереса отнюдь не разделяет и ведет себя соответствующим образом: или молчит, как рыба, или, выражаясь по фене, «лепит горбатого».

Для начала Песик выбрал второй вариант. На любой, даже самый незамысловатый вопрос он отвечал так пространно, с такой массой совершенно излишних подробностей, что постепенно удалялся в сферу, к тому самому вопросу никакого отношения не имеющую.

Следователь, например, спрашивал у него:

— Постарайтесь вспомнить, что вы делали шестого августа прошлого года?

Песик, пялясь на него честными и наивными глазами, начинал уточнять:

— В августе?

— В августе, — кивал следователь.

— Прошлого года?

— Прошлого.

— А какой это день недели?

— Четверг, — следователь заглядывал в календарь.

— Значит, шестого августа прошлого года в четверг?

— Да, — следователь уже нервно постукивал авторучкой по столу.

— А какое время вас интересует?

— Допустим, вторая половина дня.

— Шестого августа прошлого года в четверг во второй половине дня я ничего не делал, — сообщал Песик таким тоном, словно страшную тайну открывал.

— Как, вообще ничего не делали? — удивлялся следователь.

— Ничего в том смысле, что я про этот день ничего не могу вспомнить. Вот вы мне сами, пожалуйста, ответьте, что вы делали шестого августа прошлого года в четверг во второй половине дня.

— Здесь вопросы задаю я! — и без того недобрый прищур следователя становился вообще злой щелочкой. — Отвечайте на поставленный вопрос.

— Сейчас постараюсь... — Песик задумчиво глядел в потолок, пожелтевший от табачного дыма. — Вам, гражданин следователь, легче, у вас получка есть... от нее можно отчет вести... У вас в жизни всякие интересные случаи бывают, которые в памяти держатся... А я что... Живу, как Божий одуванчик, из дома почти не выхожу, одно только радио и слушаю. Вот и все развлечения... А чем вообще этот день примечателен, напомните, пожалуйста?

— В этот день американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму, — следователь опять заглянул в календарь.

— Точно! — радостно восклицал Песик. — Вспомнил! Все вспомнил! Утром как раз про это и сказали по радио. Что, дескать, сегодня печальная дата. Исполняется, уже и не помню сколько лет, со дня преступления американского империализма. Этот акт беспримерного варварства не был оправдан военной необходимостью и не мог повлиять на исход войны, быстрое окончание которой явилось результатом героических

действий советской армии на Дальнем Востоке. Ну как? Хорошая у меня память?

— Хорошая, — терпеливо кивал следователь. — Ну ладно, по радио сообщили про Хиросиму. А дальше что?

— А дальше, если не запомнил, началась передача «Вести с полей». Так себе передача. Я ее не очень люблю. Рассказывают про урожай, про передовой опыт, про всяких там знатных комбайнеров...

— Я вас не о программе передач спрашиваю. Я спрашиваю о том, что вы сами в этот день делали. Куда ходили? С кем встречались?

— Куда я ходил? Шестого июля прошлого года в четверг во второй половине дня в печальную годовщину преступления американской военщины я мог пойти только в одно место. В ближайшую пивную, и там нажраться с горя. А когда я нажираюсь, то вообще уже ничего не помню. Ни где я был, ни что я делал, ни с кем встречался. Вы про такие дни меня не спрашивайте, гражданин следователь. Ни про Первое мая, ни про Пасху, ни про годовщину Парижской коммуны. Я такие дни напрочь не помню. Как будто бы их и не было. Вы меня про нормальный день спросите. Ну спросите! Спросите, например, что я делал первого февраля этого года. И я всегда отвечаю. Первого февраля этого года я встал рано спозаранку и пошел в сарай рубить дрова, потому что мороз на улице стоял градусов под двадцать...

— Молчать! — Лицо следователя приобретало кирпичный цвет. — Отвечать только на мои вопросы. Отвечать кратко и конкретно. Понятно?

— Понятно... А я разве не так отвечаю? Как я могу помнить, что было шестого августа прошлого года во второй половине дня в годовщину варварской бомбардировки Хиросимы, если...

Бац! Челюсть Песика чуть не слетает с салазок. Кулак следователя в крови. Подследственный мешком валится с табурета и имитирует состояние глубокого нокаута. Допрос на время прерывается. Пару часов выиграно, но сколько их еще ожидает впереди...

Убедившись, что просто так Песика не расколешь, следователи предъявили ему обнаруженные при обыске вещи: пустые портмоне и кошельки, которые он по собственной дурачности своевременно не выбросил; серебряный портсигар, очень уж приглянувшийся ему самому; и несколько золотых побрякушек, не нашедших пока сбыта.

Песик заявил, что это наглая провокация, что ни одной из предъявленных вещей он раньше и в глаза не видел, а появиться в его доме они могли только с помощью нехороших граждан милиционеров. И вообще, что это за обыск, при котором отсутствует хозяин? Где акт, где санкция прокурора, где подписи понятых?

Тут Песик, не ведая того, попал в самую точку. Обыск проводился в тайне от городских правоохранительных органов и законным путем оформлен не был. Надежда следователей была лишь на то, что у Песика, потрясенного видом обнаруженных улик, развяжется язык. Да не на того они нарвались.

Посредством титанических усилий были найдены владельцы некоторых похищенных вещей, но ни один из них не сумел опознать Песика. Да и не удивительно, ведь налеты он чаще всего совершал в темноте, а жертву вырубал первым же ударом.

Ничего не удалось выяснить и о судьбе Вальки Холеры. Песик и не собирался отрицать, что знает такую. Да, трахал ее. А разве это дело подсудное? Ее, между прочим, полгорода трахало, в том числе и некоторые милиейские чины. Куда она могла подеваться? Чего не знаю, того не знаю. Валька птица перелетная. Сегодня здесь, а завтра там. Вот потеплеет, может, и вернется. Хотя что ей в этом занюханном Талашевске ловить?

На пользу Песику работало и то обстоятельство, что его следователи были людьми столичными, деликатными и вышколенными, а кроме того, хорошо осведомленными о судьбе предшественников, в свое время наломавших дров со Щуплым. Дело находилось на контроле министра и генпрокурора. А это означало, что любая бумажка в нем должна была отвечать обязательному условию: комар носа не подточит.

Поэтому били Песика не очень часто и даже не с целью вызвать на откровенность, а главным образом для собственной разрядки. Попытки жадой и лишением сна к нему вообще не применялись. А когда Песика однажды сунули для острастки в камеру к двум забубенным педерастам, он так отделал обоих, что надолго избавил от пристрастия к молодым ребятам.

Короче, дело буксовало. Срок расследования раз за разом продлевался, но так не могло продолжаться до бесконечности.

Раскололи Песика элементарно, что еще раз подтвердило справедливость похабенькой пословицы о хитрой заднице, на которую всегда найдется хрен с винтом.

Следователи внезапно как будто бы утратили интерес к

Песику, стали реже выдергивать на допросы, а потом даже перевели в общую камеру. В принципе он был уже готов к такому повороту событий. Не взяв его ни мытьем, ни катаньем, хитрые милицейские псиры сделали ставку на подсадного стукача (таких иуд блатной народ называл «наседками»). Памятуя об этом, Песик ни с кем особо не откровенничал, а про себя сообщал кратко: сижу по оговору, безвинный, как голубь.

Население камеры менялось: одни приходили, другие уходили (кто на волю, кто на этап), а иные и задерживались на неопределенный срок. И как это всегда бывает в мужском коллективе, объединенном одной общей заботой, между людьми возникали симпатии и антипатии.

Совершенно неожиданно для себя Песик близко сошелся с уже немолодым уркой по кличке Бурят. Правда, так его смели называть только за глаза. Мелкая шушера, составлявшая основное население камеры, обращалась к ветерану уважительно: «Фома Фомич». Занимал он лучшее место у окна, и без его ведома нельзя было ни чинарик закурить, ни таракана прихлопнуть.

Увидев Песика впервые и убедившись, что тот знаком с чисто зэковским ритуалом «прописки», Бурят сдержанно осведомился:

— Кто такой? Где чалился? Какую статью вешают?

Песик, прекрасно зная, что и в тюрьме, и в зоне, и в следственном изоляторе вести распространяются быстрее, чем пожар в лесу, честно ответил на все вопросы, добавив, впрочем, сказку о своей полной невинности. На Бурята эта сказка никакого впечатления не произвела.

— Пистонщик, значит, — он окинул Песика оценивающим взглядом. — Да еще и хомутник. Таких, как ты, деловые не уважают. Ну да ладно, живи пока. О твоих подвигах в пидерной камере мы слышаны. Молодец, что не дал себя опутшить. Может, и получится из тебя брус шпановый.

Смысл этой речи был примерно следующий: «Хоть ты и насильник, да еще и душитель, но держишься правильно. Есть даже надежда, что скоро станешь среди блатных своим».

После этого Бурят как бы забыл о существовании Песика. Сам он о своих подвигах не распространялся, но ходил слух, что дело ему шьют расстрельное — из трех инкриминируемых статей две тянули на вышку.

Примерно такое же положение было и у Песика. Вот на этой почве они в конце концов и сошлись.

Уж кого-кого, а Бурята в стукачестве заподозрить было

нельзя. Он никогда никого ни о чем не расспрашивал, а если кто-нибудь из сокамерников начинал пороть лишнее, презрительно цедил сквозь зубы:

— Заткни фонтан, дешевка. Тут среди нас точно наседка есть, а может, и не одна.

У Песика, в общем-то не признававшего никаких авторитетов, Бурят вызывал невольное уважение. Все в нем было предельно достоверно и естественно: независимое поведение; многочисленные и сложные, но вполне заслуженные наколки; доскональное знание всех воровских законов и обычаев; привычка всегда сидеть на коротчках, а при разговоре с начальством держать руки за спиной.

«Феня», на которой он ботал, то есть говорил, сильно отличалась от нынешней, больше похожей на жаргон уличной шпаны, и корнями уходила еще в царские каторжные тюрьмы и притоны Хитрова рынка.

Бурят мог часами подробно рассказывать о каждой зоне, в которой сиживал, о каждой пересылке, об особенностях любого этапа, что железнодорожного, что водного, что воздушного. Он мог перечислить всех офицеров охраны, назвать их слабые и сильные стороны, описать характеры. Он поименно знал, где и в каком месте отбывают срок воры в законе, некоронованные короли преступного мира. С каждым из них Бурят водил когда-то дружбу и просил при случае передавать привет. В карточной игре ему не было равных. Любой, кто соглашался раскинуть с ним «стиры» — самодельные карты, — рисковал остаться без штанов. Впрочем, Бурят был великодушен и прощал долги всем подряд.

В камере он установил железный, но справедливый порядок. Никто не смел отлынивать от дежурства, каждый обязан был следить за личной гигиеной («Кто опустился, тот уже, считай, сгнил», — говорил он), все конфликты улаживались в течение считанных минут, все передачи делились поровну, воровство каралось самыми жестокими мерами. Когда какой-то мордоворот, до этого, кроме вытрезвителя, нигде не бывавший, посмел усомниться в правах Бурята, тот разделал его, как верткий мангуст разделявает злую и коварную, но чересчур медлительную кобру.

Вскоре Песик стал у Бурята чем-то вроде правой руки. Спали они рядом, ели чуть ли не из одной миски и, если сигарета была последняя, курили ее по очереди.

Однажды, вернувшись с допроса, Бурят завел с Песиком негромкий разговор:

— Ну, паря, наверное, будем прощаться. Завтра меня на суд погонят. Чую, на этот раз от вышака уже не отвертеться. Ну и хрен с ним. Погулял я по этой земле от души... Ты сам хоть и играешь в несознанку, но от срока не отвертишься. А потому мотай на ус мою науку. С ней нигде не пропадешь.

Он подробно рассказал Песику о том, как следует вести себя по прибытии в зону, какие тайные сигналы подавать и к кому обращаться за помощью.

— Когда с паханами говорить будешь, на меня ссылайся. Доля Бурята в каждом общаке есть. Пусть с тобой поделятся. Мне галье уже не пригодится.

— Думаешь, вот так и поверят мне? — усомнился Песик.

— Должны поверить, если ты речи мои хорошо запомнил. Но на всякий случай я тебе наколку сделаю. Она тебе вместо паспорта будет.

Они занавесили свой угол простыней. Песик разделся до пояса, а Бурят прокалил на спичке обычную медицинскую иглу и достал из-под тюфяка флакончик туши. Сразу стало ясно, что в этом деле он виртуоз. К середине ночи (а свет в камере никогда не гасили) левую сторону груди Песика украшал орел, раскинувший в стороны крылья, а в лапах сжимавший восьмиконечную звезду.

— Обрати внимание, — Бурят протянул Песику маленькое зеркало, неведомо каким путем оказавшееся здесь и счастливо пережившее все шмоны, — тут каждое перышко на крыльях и каждый коготок свое скрытое значение имеют. Кому положено понимать, сразу поймет. Я тебе пока объяснять не буду, недосуг. Потом в зоне сам все узнаешь. Благодарить меня будешь до гроба. Среди блатных ты теперь вроде как дворянин.

Затем, опять же из-под тюфяка, где у Бурята был чуть ли не склад устроен, появилась фляжка спирта. Малая часть его ушла на дезинфекцию наколки, кожа вокруг которой уже начала воспаляться, а остальное выпили за удачу, дружбу и будущую встречу, где бы она ни произошла, хоть в преисподней. Песик выразил надежду, что вышка все же минует Бурята, и тогда тот поведал сокамернику леденящую кровь историю своего преступления, жертвой которого стал не только инкассатор банка, но и двое некстати подвернувшихся ментов.

Не желая выглядеть на фоне старшего товарища мелким фраером, Песик тоже раскрыл перед ним душу: и про Вальку Холеру расписал во всех подробностях, и про незадачливую купальщицу, и про вокзальную лярву, и про обеих школьниц.

— И хорошо тебе было после этого? — поинтересовался Бурят.

— Жутко как хорошо! Так ни от водяры, ни от марафета не бывает. Вот таким же орлом себя чувствую, — он ткнул пальцем в наколку на груди.

— Счастливый ты, паря... Или очень несчастный, — задумчиво сказал Бурят. — Ладно, давай покемарим. День у нас с тобой трудный будет.

Уже засыпая, Песик подумал: «Трудный день? Почему? Ну с Бурятом, положим, все понятно, суд — дело нервное... Но я-то тут при чем? У меня как раз день самый обычный намечается...» Не мешало бы, конечно, ему и призадуматься над этими загадочными словами, но в сонном забытии любая толковая мысль была вроде как мышиный хвост — мелькнула, и нет ее...

День и в самом деле оказался для Песика таким трудным, что даже и сравнить было не с чем. Бурят знал, что говорил. Его самого тихо увели еще до подъема, а спустя час на допрос поволокли Песика. Едва увидев масляные рожи своих следователей, он сразу понял — все, влип!

Ему предъявили магнитофонную запись ночных откровений, где был только его голос, а реплики Бурята почему-то отсутствовали. Потом сообщили, что в самое ближайшее время в район талашевской свалки выезжает оперативная группа со специальной аппаратурой и собаками, тренированными на поиск человеческих останков. Если от Вальки Холеры уцелела хоть одна косточка, то ее обязательно обнаружат. А в привокзальном подвале, где осенью была задушена женщина легкого поведения, уже найдены семь рублей, запрятанных в щель между кирпичами. Не исключено, что на купюрах остались отпечатки пальцев убийцы.

Песику крыть было нечем.

Раскрыть башку о бетонную стену следственной камеры ему не позволили. Не увенчалась успехом и попытка перегрызть собственные вены. Песик и до этого был в наручниках, а сейчас их забили так, что кисти рук мгновенно побелели.

Когда Песик немного пришел в себя, ему предложили компромисс. Следователи обещали исключить из дела все эпизоды, кроме последнего убийства. Тянуло оно лет на пятнадцать, но это все же была не вышка. Взамен от Песика требовалось чистосердечное признание, дальнейшее сотрудничество и пристойное поведение на суде.

Как говорится, торг здесь был неуместен. Песик молча кивнул и не глядя подмахнул целую кипу заранее подготовленных протоколов, для чего его правую руку на пару минут освободили от оков. Потом еще около часа уточнялись некоторые моменты, упущенные Песиком в беседе с Бурятом. Он не утаил ничего. В знак поощрения ему поднесли стопку водки, вручили пачку сигарет и водворили в одиночную камеру. Наручники сняли только там, и белые, как бумага, ладони стали на глазах синеть.

Уже много позже, попав в зону и слегка пообтеревшись в ней, Песик узнал, что имел честь общаться с самим Фомой Фомичем Шляховым, наседкой всесоюзного масштаба. Сам до этого неоднократно судимый, он согласился на сотрудничество с органами и в своей профессии (не сказать, чтобы очень уж редкой) достиг высот, сопоставимых только с теми, которых в музыке достиг Моцарт, а в литературе — Шекспир.

Не существовало такого клиента, к которому Фома Фомич не смог бы найти индивидуальный подход. Топил он и крутых паханов, и вредителей-академиков, и агентов иностранных разведок. Однажды даже расколол начальника милиции, подозреваемого во взяточничестве. Уж тот-то по долгу службы о таких, как Фома Фомич, все знал, а ведь не сумел сдержать словесного поноса.

Шушера, сидевшая с ними в камере, тоже почти в полном составе находилась на содержании милиции. При Фоме Фомиче, великом артисте, они исполняли роль массовки.

Кстати говоря, изображение орла, оставленное Песику на память, никакой зашифрованной информации в себе не имело. Это был всего лишь фирменный знак, которым Фома Фомич метил почти все свои жертвы...

...Дальнейшие события разворачивались как по-писаному. Следствие сдержало свое слово, а Песик — свое. Закатали ему даже меньше, чем ожидалось, — тринадцать лет. Статья у него была «звонковая», ни под какие амнистии не подпадающая, но Песик на чужую милость никогда и не рассчитывал. Настоящий человек, в его понимании, должен был сам себя показывать, сам себе отпускать грехи и самостоятельно добиваться амнистии. Однако содействия в этом он искал не у юристов-крючкотворов, а у темной ночи, острого ножа и красивого форта.

Фома Фомич Шляхов, он же Бурят, был последним человеком, вызвавшим у Песика хоть какую-то симпатию. С некоторых пор он стал испытывать к людям глубокую и стойкую

неприязнь, которую, к счастью, не мог реализовать в масштабе глобальном. Это, впрочем, не мешало ему устраивать мелкие подлянки: калечить слабых, обманывать доверчивых, издеваться над опущенными и стравливать между собой вчерашних дружков.

Если Песик и мог еще кого-то любить, то исключительно свои будущие жертвы и только очень непродолжительное время. Взаимности эта любовь не предполагала.

Так уж повелось, что те, кто был осужден по статьям, сходным со статьей Песика, подвергались в зоне двойному давлению — как со стороны администрации, требовавшей неукоснительного соблюдения режима, личной лояльности и выполнения плана, так и со стороны своих же братьев-зэков, презиравших насильников, гомосексуалистов и извращенцев.

С такими поступали адекватным образом: насиловали, опетушивали и подвергали изощренным издевательствам — «опускали», короче говоря. Опущенным в лагере жилось хуже, чем неприкасаемым в Индии. Они не имели права есть за общим столом и пользоваться общей посудой. Работа им доставалась самая грязная и позорная. Даже руку этим изгоям подавать было нельзя.

Что касается Песика, то его эта незавидная участь миновала. В коллектив, а вернее, в стаю временно изолированных от общества социально-опасных типов он вошел так же естественно, как единичный кирпич входит в общую кладку. Его сразу признали за своего, хотя к настоящей власти в зоне никогда не подпускали — молод, мол, еще. Пусть пооботрется, наблатыкается и заработает себе настоящий авторитет.

Людей Песик ненавидел по-прежнему, но это вовсе не означало, что он собирался открыто конфликтовать со всеми подряд. Временно можно и на вторых ролях отсидеться, тем более, что у старших товарищей действительно было чему поучиться.

После отбоя, когда блатное общество собиралось в каком-нибудь укромном уголке почифрить, наступало время «толкать романы». Каких только историй, и реальных, и выдуманных, нельзя было там услышать!

Один из главарей зоны, зэк первого отряда Федька Лишай, любил, например, теоретизировать о человеческой природе, базируясь при этом на Библии, позаимствованной у мрачного и неразговорчивого старовера Силкина. По словам Лишая, выходило, что большая и лучшая часть человечества принадлежит к потомству Каина, ведущего свое происхождение во-

все не от официального прародителя Адама, а от сатаны, на время принявшего образ змея-искусителя. И первородный грех Евы состоял вовсе не в том, что она отведала плод с какого-то там мифического дерева, а в том, что уступила домогательствам Божьего врага.

Если кто-нибудь из присутствующих возражал, что, дескать, ничего такого в Библии нет, Лишай только саркастически ухмылялся.

— Буквально толковать Святое Писание нельзя, как и передовицы газет, — говорил он. — Подлинный смысл всегда скрытно таится между строк и доступен немногим. Почему, спрашивается, змей к бабе пристал, а не к мужику? Разве мужика трудней совратить? Да в сто раз легче! А дело все в том, что баба рожать способна. Вот он, хитрец, и замыслил своим потомством землю заселить. А до этого момента Адам с Евой вообще друг к другу равнодушны были. Зачем размножаться, если ты бессмертен? Ева страсть к блуду от сатаны переняла, а уж потом, когда Боженька им обоим под зад ногой наподдал, и Адама этому научила... Далее. Первым, само собой, родился Каин. Будущий убийца. Разве мог у тихони Адама такой уркаган родиться? Да ни в коем случае! Сатаноид это. Зато с младшим братом Авелем все ясно. Папенькин сынок, это уж точно. Овечек пас и Богу молился. Думаете, Каин его случайно кокнул? Нет. Кукушонок точно так же поступает, когда законных потомков из гнезда выбрасывает. Сыну сатаны и сыну раба Божьего на одной земле не ужиться, особенно в первое время. Но, правда, Бог эту первую мокруху быстренько раскрыл и погнал Каина подальше с глаз своих. Казнить не стал, уж очень тогда население малочисленное было... Стали потомки Каина строить города и плодиться. Вон их сколько в Библии указано. Читаю по нисходящей: Енох, Ирад, Мехиель (тьфу, язык сломаешь), Мафусаил, Ламех, Иавал и так далее. И у каждого, между прочим, были свои потомки. И только лет через семьсот у Адама с Евой третий сын родился, Сиф, надо полагать, тоже законный. Потомки его должны были в меньшинстве оказаться и среди потомков Каина раствориться. Но не растворились, гады. Встречаются еще разные там хлюпики, гуманисты и законники. Вот их-то и надо в зону сажать, а не нас. Мы, потомки Каина, истинные хозяева жизни. Почему же мы по чужим законам живем, чужому Богу поклоняемся и разные притеснения терпим? Почему нас за убийство судят? Каин ведь убивал! Эх, не повезло нам, кореша, что говорить. Ошельмовали когда-то в незапамятные времена на-

ших предков хитрожопые сыновья да дочери Сифа. А будь моя воля, я бы старые порядки вернул. Представляете: жить, работать и учиться по Каину.

— Побили бы люди тогда друг друга, — возражали ему опять.

— Ничего... Ворон ворону глаз не выклюет, а волк волку хвост не отгрызет. Хватит на их век и голубей, и овечек.

— А коли кончатся вдруг и те, и другие?

— Так не бывает. Овец всегда больше, чем волков. Сам прикинь, сколько фраеров на одного делового приходится? Прикинул? Вот то-то и оно...

В конце концов Силкин не выдерживал такого глумления над Божьим заветом и отбирал Библию у Лишай.

— Пустословы вы непотребные! — говорил он скорее с укором, чем с досадой. — В жизни нужно правды держаться, любви, мира и веры. А не царство сатаны славить.

— Что же ты, дед, сам любви и правды не держался? — удивлялся Лишай. — Сначала свой блуд тешил, потом кровушкой невинной замарался, а теперь, понимаешь, Бога славишь. Ну ты и фрукт!

— Знать, испытание такое мне было свыше ниспослано, — крестился двуперстием Силкин. — Согрешил я, не отрекаюсь. Зато теперь грех свой денно и ночью замаливаю. И за вас, заблудших, нынче помолюсь...

— Помолись, дед, помолись... Только сначала чифирька хлебысни...

— Ну если только один черпачок... Ох, слаб человек и многогрешен...

Великое Затмение Песик встретил в штрафном изоляторе. Это надо понимать так, что сие грозное и печальное событие на нем никак не отразилось. Рукомойник, туалет и окно в изоляторе отсутствовали. Кормили одним только хлебом, и то через день. А если электрический свет погас, то и хрен с ним. Подумаешь, событие. Хоть выспаться спокойно можно.

Тревожило Песика сейчас совсем другое: не закатят ли ему еще лет пять довеска.

А провинился он следующим образом. Половой голод мучил поголовно всех заключенных, но большинство хоть как-то разряжалось — кто с женами и заочницами раз в год, кто с Дунькой Кулаковой и опетушенной молодежью регулярно.

В этом вопросе Песик представлял исключение. Он при-

знавал только один-единственный способ удовлетворения страсти, меньше всего подходящий для исправительно-трудо-вой колонии строгого режима. Если по территории зоны изредка и передвигалась какая-нибудь женщина — медсестра или кто-нибудь из бухгалтерии, — то обязательно в сопровождении охраны.

При виде округлых бедер, высоких грудей, а главное, нежной шейки Песик буквально стонал от похоти. Долго так продолжаться, конечно, не могло, и однажды, случайно столкнувшись в лесопильном цехе с нормировщицей, подсчитывавшей сменный выход деловой древесины, он коршуном набросился на нее — повалил, задрал юбку, порвал кофточку и успел немного подержаться за горлышко. Двое здоровенных охранников сумели оторвать Песика от громко вопящей женщины только после того, как оглушили сосновым горбылем.

Песика уже дважды допрашивал местный начальник оперчасти, каждый раз прозрачно намекая, что таким маньякам место только одно — на три аршина под землей.

Неудачная попытка дорваться до женского тела еще больше распалила Песика. Ведь он уже почти добился своего — сжимал руками эту столь притягательную шею, видел прямо перед собой остекленевшие от страха, вылезающие из орбит глаза, ощущал трепет перепуганного сердца.

Короче говоря, Песик пребывал в таком иступленном состоянии, что не реагировал ни на царившую в камере тьму, ни на странную тишину, установившуюся в коридоре изолятора.

Первым сигналом из внешнего мира, по-настоящему заинтересовавшим Песика, был скрип поворачиваемого в замке ключа. Что бы это могло значить? Ведь сидеть ему оставалось еще как минимум суток пять, а надзиратели общались со штрафником исключительно через окошко кормушки. Неужели его уже отправляют в суд?

Последовала обычная лающая команда: «На выход! Руки за спину!» В коридоре было ненамного светлее, чем в камере, но удивило Песика не это, а то, что надзиратели имели на вооружении автоматы. Где это видано, чтобы вертухаи в зоне баловались с огнестрельным оружием? Этим козлам даже дубинки доверять опасно. А может, пока Песик сидел в изоляторе, новый указ вышел?

В наручниках его препроводили в казарму и впихнули в родную камеру. Обстановка здесь нынче была совсем не та, что раньше. Намордник на окне отсутствовал, зато откуда-то появилась параша. В поведении людей ощущалось какое-то

лихорадочное напряжение, какое бывает только накануне решительных событий, одинаково грозящих и бедой, и спасением.

— Что вы, в натуре? — удивился Песик. — Может, химией отравились, которой клопов душат?

— Отстал ты, в своем кондее сидя, от жизни, — сказал Лишай. — Иди сюда, покалякаем.

Между ними состоялся довольно долгий разговор, в ходе которого Песик несколько раз подходил к окну и любовался на царивший снаружи мрачный пейзаж. На участие в бунте он согласился безоговорочно и даже сам напрашивался в штурмовую группу.

— Ждать недолго осталось, — сказал Лишай в заключение. — Или костями ляжем, или всех сук повяжем. Но, я думаю, фарт на нашей стороне будет... А пока с Зяблика глаз не спускай. Что-то он мне не нравится... Ни нашим, ни вашим. Болтается, как сопля на палочке. Если вдруг заподозришь что, сразу мочи.

Во время бунта Песик вел себя героически, а в момент, когда штурмовая группа попала под кинжальный автоматный огонь и все вдруг повисло на волоске, спас положение.

Однако оказавшись на свежем воздухе, вне прикрытия каменных стен, Песик повел себя осторожно. Буза в зоне затеялась серьезная, и кончиться она должна была большой кровью. Можно, конечно, захватить лагерь. Бывали уже такие случаи. Но долго продержаться в нем невозможно, это ведь не Брестская крепость. Набегут местные менты, подъедет спецура из области, нагонят бронетехники, собак пустят — и останется от зоны только братская могила, да и то без обелиска. В космическую катастрофу, надолго установившую в окружающем мире совсем другой расклад сил, Песик верил как-то не очень.

В зоне творилась полнейшая неразбериха. Дым горящих построек застилал все кругом. От «черемухи» слезились глаза. Где свои, где чужие — не отличить. Короче, это был тот самый счастливый случай, которого Песик ждал уже не один год. Просто грех не воспользоваться.

Он быстро облачился в форму какого-то прапорщика, не то притворявшегося мертвым, не то и в самом деле отдавшего Богу душу, перепачкал лицо сажей пополам с кровью, поглубже надвинул на глаза фуражку и стал пробираться к воротам.

Застукай сейчас Песика братва, мало бы ему не показалось. Дезертиры заслуживают той же участи, что и вертухаи.

Однако Песик, ловко пользуясь хаосом всеобщего побои-

ша, сумел втереться в толпу отступающих охранников и вместе с ними покинул лагерь.

Прикидываясь раненым, он полдня просидел в каком-то окопчике, а когда оборону периметра зоны взяла на себя армия и подоспевший отряд городской милиции, в числе многих других оставшихся не у дел вертухаев спустился к реке. Здесь они принялись промывать свои воспаленные глаза и наспех бинтовать друг другу раны.

Один из надзирателей внезапно выругался, сорвал погоны и направился к мосту, ведущему в город.

— Ты куда? — окликнули его.

— В гробу я такие дела видел! — огрызнулся он. — Не собираюсь подышать здесь за двести рублей! У меня дома семья третий день не пивши и не жавши!

Его примеру последовало еще несколько человек разного звания и разных лет. Никто не стал их останавливать, грозить трибуналом или пенять присягой.

«Что же это такое, в самом деле, творится? — удивился Песик. — Никогда бы не подумал, что эти суки легавые на такое способны. Это же всего лишиться: зарплаты, пайка, пенсии...»

Прикрывая измазанное лицо рукой и старательно прихорамывая, Песик тоже подался прочь от зоны. Во время заключения он не переставал строить разнообразнейшие планы побегов, начиная от элементарного подкопа и кончая односторонним вертолетом, созданным на базе бензопилы, но никогда не предполагал, что сможет уйти так легко.

Погони вроде бы не ожидалось (охрана зализывала свои раны, а все милицейские силы были сосредоточены в одном месте), и Песик позволил себе немного расслабиться. Внезапно обретенная свобода наполняла его душу ликованием, однако глухой серый колпак, накрывший город и его окрестности, внушал инстинктивную тревогу. То, что он видел над своей головой, ничуть не напоминало прежнее небо. Уж если эту картинку и можно было с чем-то сравнить, то только с огромной, тускло освещенной тюремной камерой.

На противоположном берегу несколько женщин с ведрами в руках спускались к воде. Несмотря на осень, погода стояла теплая, и все они были одеты в легкие сарафаны, оставлявшие открытыми ключицы и шею.

— Привет, красавицы! — Песик помахал им рукой.

— Привет, служивый, — сдержанно ответили ему. — Кто это тебя так разукрасил?

— А никто! Но скоро все такие будут, даже хуже. Вам, красавицы, я это персонально обещаю...

Город был для Песика, как покинутый сторожами сад, а каждая женщина в нем — как яблочко. Только руку протяни, и сорвешь.

Он оказался в положении гурмана, глаза которого разбегаются от множества разнообразных лакомств. Он не торопился, он выбирал, искренне полагая, что заслужил это право долгими и постылыми годами отсидки.

Женщин старше тридцати он отвергал напрочь, не та свежесть. Мелюзгу тоже игнорировал: «Когда-нибудь попробую, но не сегодня». Подруга нужна была ему всего-то на несколько минут, но зато идеальная, чтоб и месяц спустя от воспоминаний сдавливало нутро.

Чтоб не пугать окружающих, он умылся возле какой-то лужи (ох, в дефиците была здесь водичка) и руками пригладил мокрый ежик волос.

Долгожданная незнакомка, как ни странно, обратилась к нему первой. В этот самый момент она вылезала из разбитой витрины универмага.

— Эй, прапор, — вид человека в форме ничуть не испугал ее, — ну-ка помоги...

Песик, которому хватило одного взгляда, чтобы сразу понять: «Да, это именно то, что надо!» — услужливо подскочил к витрине.

— Принимай мешок, — сказала красавица строго. — Сейчас еще один будет.

Раньше в этих мешках, судя по всему, хранился сахар, а то, что наполняло их сейчас, можно было назвать одним словом — «ассорти». Пользуясь отсутствием милиции, в универмаге подметали самое последнее.

— Пошли, — сказала затем юная мародерша таким тоном, словно Песик состоял при ее особе штатным носильщиком.

— Пошли так пошли, — согласился он, взваливая на плечо мешок, в котором что-то зазвенело, забрякало и забулькало. — А далеко?

— Там видно будет, — отрезала барышня. Дать более развернутый ответ ей, видимо, мешал довольно увесистый груз.

«Бедняжка, — ухмыльнулся про себя Песик. — Из последних сил тужится, а того не знает, что это добро ей никогда не пригодится. Если что и заберет с собой в могилу, так только мешок, который я ей потом на голову накинута».

Теперь, когда жертва была намечена, тянуть дальше не имело смысла. Однако на улицах, по которым они двигались, было довольнолюдно, и Песик решил потерпеть до конца

маршрута. Ведь будет же там какая-нибудь конура — склад, подвал или гараж.

Конура оказалась просторной квартирой, расположенной на первом — слава те, Господи! — этаже вполне приличного, хотя и сильно воняющего засоренной канализацией дома. С облегчением скинув с плеча мешок, Песик огляделся. Насколько можно было судить, хозяйка до знакомства с ним успела сделать не один удачный рейд. Водка стояла ящиками, селедка — бочками, мука — мешками. Тут же ворохами громозилась новехонья одежда.

— Запасливая ты... — присвистнул Песик.

— А ты как думал, прапор, — усмехнулась барышня и, смело задрав юбку, начала рассматривать ссадину на ляжке.

— Ушиблась? — у Песика пересохло в горле.

— Ага. Может, залижешь?

— Попозже...

Он начал тихонечко, по стеночке обходить ее, чтобы напасть сзади. До цели оставалось уже несколько шагов, но барышня внезапно вскочила и исчезла в соседней комнате (все ее движения были на диво резки и стремительны). Оттуда она вернулась с тарелкой, на которой красовались два чайных стакана, несколько желтых куриных яиц и шматок сала.

— Хлеба нет, — сказала она деловито. — Пекарня не работает.

— Ничего, — кивнул Песик. — Можно и без хлеба.

Быстро наполнив стаканы, она сказала:

— Пей и выматывайся отсюда. У меня дел по горло.

«Почему бы и не выпить, — подумал Песик. — Выпью. А потом твоей кровушкой закушу».

Он потянулся за стаканом, но барышня проворно перехватила его руку.

— Интере-е-е-сно, — она рассматривала наколотые на его пальцах перстни. — Разве в вашу контору судимых берут?

— Да это так, ошибка молодости... — Песик попытался вырвать руку, но ушлая барышня сжимала ее, как клешнями.

— Ошибка, говоришь? — она заглянула Песику в глаза. — Да ты, наверное, такой же прапорщик, как я девственница. Особенно стрижечка твоя мне нравится... Погоди, погоди... Видела я где-то уже твою рожу. Не тебя ли года три назад за удущенную девку судили? Может, ты и ко мне за этим самым пришел?

Одной рукой продолжая удерживать Песика, она другой нашарила початую бутылку водки. Пытаясь опередить ее, Пе-

сик потянулся к стакану, который при умелом использовании был гораздо опаснее ножа, но запоздал на мгновение. Бутылка с треском раскололась о его голову. Глаза залила водка, а потом кровь.

Сознание он если и потерял, то всего на секунду, хотя со стула свалился. Барышня тем временем лихо опрокинула свой стакан и принялась чистить яйцо.

В квартиру с шумом ввалились два мрачных мужика. Они волокли сорокалитровый бидон подсолнечного масла, а сверх того — два круга сыра.

— Нет там больше ничего, — буркнул один, косясь на Песика.

Другой, не произнеся ни слова, приставил к виску распростертого на полу гостя ружейный обрез. Хозяйка квартиры заговорила, в промежутках между фразами не забывая откусывать от яйца:

— Лично я ни против воров, ни даже против убийц ничего не имею. Если бы ты кого по делу пришел, я бы и не почесалась. А вот бессмысленные убийства не одобряю. Зачем ты без всякой нужды баб переводил? Я, кажется, тебя спрашиваю!

— Тебе не понять, — процедил сквозь зубы Песик.

— Мне тебя не понять, тебе меня... — вздохнула барышня. — Ну вот скажи тогда, зачем это мне нужно — за всех талашевских баб заступаться? Не понимаешь? То-то и оно... Приговор мой будет такой... Жить ты будешь, но к женскому полу уже больше не подступишься. Снимайте с него штаны.

Девушка встала и жестом фокусника выхватила откуда-то опасную бритву, холодно поблескивающую даже в отсутствии источника света. Может, впервые в жизни Песику стало по-настоящему страшно. Перспектива остаться скопцом была куда ужасней неволи и даже самой смерти. Он завыл и бешено забился, но крепкая рука уже сжимала его мошонку.

— Не надо! — захлебываясь слюной, завыл Песик. — Прощу! Лучше убейте!

— Не надо, говоришь? — Девушка продолжала тянуть на себя детородный орган Песика. — Меня Ритой, кстати, зовут. Но для своих я — Королева Марго. Понятно? Будешь теперь на меня работать. Приговор пока считаем условным. Если подведешь, я тебя лично охолошу. За мной не заржавеет. У кого хочешь спроси. Согласен ты на такие условия?

— За свои яйца я и не на такое соглашусь, — искренне признался Песик, но про себя подумал: «Ничего, сучка, я тебе это унижение не забуду!»

— Ну вот и договорились. Одевай штаны, — она спрятала бритву и принялась протирать водкой руки.

Разные времена рожают своих героинь. Особенно времена лихие. Столетняя война породила пламенную Орлеанскую Деву. Братоубийственная российская распря — кровавую Соньку Золотую Ручку и мало в чем ей уступающую Лариску Рейснер. Катастрофа, названная Великим Затмением, явила миру Королеву Марго, одно упоминание о которой заставляло трепетать Талашевск.

В банде состояло человек десять-двенадцать, но на дело обычно ходили вчетвером: Королева Марго, два мрачных мордоворота, приходившиеся ей дядьками, и Песик.

Когда в магазинах и на складах брать стало нечего, перешли к квартирным налетам. Объекты Королева Марго находила сама, обходя дома под видом сестры милосердия общества Красного Креста. Ей — хрупкой и миловидной, с глазами-фиалками и губками бантиком — открывали почти всегда, а потом еще и чаем хотели угостить. Неосторожных хозяев не смущали ни блатные повадки самозванной медички, ни прокуренный голос, ни подбородок, похожий на крепкий мужской кулак.

Банда, к тому времени уже разжившаяся автоматическим оружием, дожидалась ее сигнала в подъезде. Если в квартире находились только старики да дети, Королева Марго управлялась и одна, а если сопротивление обещало быть серьезным, звала на подмогу сообщников.

Брали только золото, меха, драгоценности и дорогой хрусталь. Уходя, хозяев в живых не оставляли — непременно донесут. Если среди них попадались молодые женщины или девочки, их отдавали Песику. Насилие и последующее удушение всегда происходили в присутствии Королевы Марго, отпускаявшей по этому поводу весьма забавные комментарии. Песик на первых порах смущался чужих глаз, но потом привык. Дядья подобные оргии терпеть не могли и в это время обычно закусывали на кухне. Чрезмерностью их аппетит мог соперничать разве что с их же скупостью на слова.

Попухли все они глупо — не на милицию нарвались и не на отряд самообороны, а на другую банду, имевшую схожую специализацию. Перестрелка длилась не меньше часа. Когда же удача стала окончательно клониться на сторону конкурентов, Песик одной очередью уложил и подраненных дядек, и

саму Королеву Марго (он никогда не мог простить ей страх, пережитый при первой встрече).

Из осажденной квартиры он ушел по водосточной трубе — но не вниз соскользнул, как ожидали враги, а вскарабкался наверх.

Жилье и имущество Королевы Марго перешло в его собственность, однако новую банду Песик собирать не стал. Не стяжатель он был по натуре. Голода и жажды можно было не опасаться, а другие потребности он удовлетворял за счет юных побирушек, которых ужас сколько развелось за последнее время. Под морг он приспособил имевшийся в доме просторный подвал.

Жить можно было припеваючи, но не давали. То кастильцы налетят, то арапы ворвутся, то воссозданная Коломийцевым служба безопасности начинает очищать город от криминальных элементов. Кроме того, слух о маньяке, убивающем девочек, распространился достаточно широко. Знающие люди даже примерный адрес этого монстра указывали. Пришлось Песику спешно ретироваться из города. А в лесу или в глухой деревушке одному не прожить — сожрут, если не волки, так люди.

Песик скитался из одной банды в другую, пока не пристал к экспедиционному отряду сил самообороны. Главной задачей этих отпетых головорезов, среди которых было немало бывших зеков, уцелевших при ликвидации талашевской исправительно-трудовой колонии, было проведение глубоких рейдов на территорию сопредельных стран, неведомо каким образом возникших вокруг.

Такая жизнь пришлась Песику по нраву. За погубленных кастильцев или степняков, а уж тем более за арапов, никто не корил, а наоборот, еще и благодарили. Взамен своей доли добычи он просил только бабу, редко двух, чем лишь укреплял свой авторитет. Как-то сама собой вокруг Песика сложилась кучка единомышленников, еще помнивших глумливые комментарии покойного Лишая к ветхозаветной легенде о Каине и Авеле.

Сначала в шутку, а потом и всерьез они стали звать себя каинистами. Но пока это была всего лишь игра, одна из тех, до которых так охочи мужчины. Сам Песик, не имевший склонности к отвлеченному мышлению, не очень-то ею интересовался. Возможно, каинизм так никогда бы и не стал настоящей религией, если бы не усилия прибившегося к отряду отца Николая — расстриги, пьяницы, бабника и садиста.

Закончив сразу два высших учебных заведения — филфак университета и духовную семинарию, — он еще при советской власти был лишен сана за то, что однажды при свидетельствах вылил на голову попадье ведро нитрокрашки (в церкви тогда как раз шел ремонт), а потом, уже во время разбирательства, показал митрополиту кукиш.

Оставшийся без прихода (и без дохода), отец Николай некоторое время болтался от иеговистов к кришнаитам, а от дзен-буддистов к хлыстам, но нигде долго не задерживался. Очень уж радикальны были его взгляды на все, что касалось вопросов веры.

Мысль основать новую религию у него появилась давно, но, как на беду, отсутствовали факторы, благоприятствующие этой грандиозной задумке. У отца Николая не было ни знатного происхождения, как у Шакьямуни, ни богатой жены, как у Мухаммеда, ни влиятельных покровителей, как у Лютера.

Свое истинное призвание он нашел лишь в экспедиционном отряде, которым к тому времени уже командовал Песик. Идея возвеличить личность Каина и на этой основе создать понятное и привлекательное для черни религиозное учение сразу вдохновила отца Николая. Да и обстановка способствовала этому — пылали не только границы Отчины, пылала каждая деревенька, каждый городок. Постоять за себя можно было только при помощи конкретного зла, а абстрактное добро оставалось как бы не у дел.

Адепты новой веры (которые с подачи отца Николая назывались теперь аггелами) признавали Каина пророком другого, куда более жестокого и страшного существа, чье пришествие ожидалось в обозримом будущем. Формально все аггелы были равны между собой и могли без зазрения совести уничтожать друг друга, но на это богоугодное дело (если исходить из заветов Каина) был наложен временный мораторий.

Зато беспощадное избиение всех тех, кто не примкнул к аггелам, а в особенности инородцев, только приветствовалось. Земля должна была стать вотчиной потомков Кровавого Кузнеца, и не существовало таких средств, которые были бы неприемлемы на пути достижения этой цели.

Песик и сам удивлялся столь стремительному и широкому распространению новой веры. Десятки фанатичных проповедников, сопровождаемых отрядами вооруженных аггелов (тогда, правда, еще сплошь безрогих), рассеялись по городам и весям Отчины. Борьба с ними если и велась, то очень вялая.

Изменилась ситуация и в экспедиционном отряде, по чис-

ленности уже разросшемся до размеров доброго батальона. Если раньше отец Николай был при Песике кем-то вроде шу-та и капеллана одновременно, то теперь уже Песик был у отца Николая не больше чем начальником храмовой гвардии. Назревал конфликт духовной и светской власти.

Песик, не желавший быть на побегушках даже у верховного жреца Каина, моментально составил заговор, который поддержали все его бывшие сокамерники. Кто-то из них придумал коварный план. Следуя ему, Песик сначала вынудил отца Николая к публичному братанию, а потом заколол тем же самым ножом, которым незадолго до этого добыл необходимые для церемонии капли крови.

Присутствующие при этом аггелы и ахнуть не успели, как было торжественно объявлено, что происшедшее у всех на глазах убийство является всего лишь ритуальным актом поклонения Каину.

Никакого ущерба престижу новой религии это не нанесло — наоборот, стало модно резать своих братьев, а заодно и других родственников. Как и любая зараза, каинизм распространялся с невиданной быстротой. Правда, кастильцы, степняки и арапы не щадили аггелов, но и те, в свою очередь, в долгу не оставались. Редкая, прямо-таки сатанинская жестокость, с которой они действовали, должна была отбить у всех инакомыслящих волю к сопротивлению.

Вскоре базы аггелов появились не только в Отчине, но и в Хохме, Трехградье, Агбишере. Экспедиция, посланная на исследование Гиблой Дыры, случайно проникла в досель никому не известную страну, цивилизация которой опередила цивилизацию Отчины на несколько сотен лет, что, впрочем, пошло ей скорее во вред, чем на пользу.

Страна, названная аггелами Енохом (так Каин нарек некогда свой первый город), была практически мертва (ее многочисленное население не смогло даже оказать аггелам сопротивления), но хранила огромные запасы материальных ценностей. Ради сохранения секретности пользоваться этим богатством до поры до времени было запрещено. Исключение делалось только для огромных металлических люков, заменявших аггелам ритуальные сковороды. Сей предмет со временем стал неотъемлемой частью культа Каина.

Чуть позже аггелы проникли и в Эдем, где столкнулись с переродившимися в нефилимов выходцами из Еноха, Отчины и некоторых других стран. Здесь же они узнали секрет бдолаха, чудодейственного средства, способного влиять на орга-

низм в соответствии с самыми сокровенными человеческими желаниями. Сначала он применялся только как допинг перед боем или как универсальное лекарственное средство, но впоследствии стал для аггелов таким же священным растением, как лотос для индусов и кока для инков.

При содействии бдолаха каждый аггел должен был доказать свою преданность каинизму. У тех, кто действительно свято верил в Кровавого Кузнеца, со временем вырастали рога — легендарная каинова печать, которой Бог-создатель отметил братоубийцу. Безрогих аггелов беспощадно отсеивали, как нестойких в вере лицемеров. Все это, конечно, не распространялось на высших иерархов каинизма, постоянно носивших на голове черные колпаки, — попробуй определи, что там под ними.

Прибрав власть к рукам, Песик сделал все, чтобы избавиться от своих старых соратников, еще помнивших, как он шестерил в зоне. Некоторые погибли от подмешанного в бдолах яда, который действовал так быстро, что жертва даже не успевала ощутить страх смерти. Другие сгнули в заранее обреченных на неудачу походах. Третьи были облыжно обвинены в чересчур вольной трактовке идей Каина и за это разрублены на части (тут уж никакой бдолах помочь не мог).

Приняв имя Ламеха, одного из славнейших потомков Кровавого Кузнеца, Песик как бы перечеркнул свое прошлое. Новое поколение аггелов, не испорченное культурой и жизненным опытом, буквально боготворило его. Рекрутировалась эта молодежь на свалках, в подвалах, на больших дорогах и невольничьих рынках, а воспитывалась по примеру египетских мамелюков кровью и железом.

После заключения Талашевского трактата борьба с аггелами пошла всерьез, но к тому времени болезнь каинизма уже стала хронической. Избавиться от нее теперь можно было только двумя способами: или выкосить под корень все рогатое воинство, или целиком уничтожить пораженный паразой организм...

Дрова действительно оказались сырыми, и костер все никак не разгорался. Матерно выругавшись, Ламех собрался отлучиться куда-то, но к нему подскочил аггел, как в бурнус, закутанный в зелено-коричневую маскировочную сеть, и что-то зашептал на уху.

— Вот как! — Ламех не смог сдержать удивления. — Давайте ее сюда. Будет парочка, баран да ярочка.

Левке и до этого было так нехорошо, что, казалось, дальше некуда, но тут выяснилось, что есть куда. Интенсивность душевной муки, похоже, предела иметь не могла.

Снаружи уже слышался возмущенный голос Лилечки:

— Пустите! Пустите, черти!

Двое аггелов втащили ее во дворик и поставили на другой стороне бассейна, прямо напротив сковороды, из-под которой уже выбивался легкий дымок.

— Здравствуй, красавица, — сказал Ламех ласково. — Так я и думал, что еще увижусь с тобой. Рад несказанно.

— А если рад, поцелуй кобылу в зад, — не задержалась с ответом взлохмаченная и раскрасневшаяся Лилечка.

Еще недавно даже и представить себе было нельзя, что пугавшаяся комариного писка девушка решится на столь самоотверженный поступок и последует за в общем-то чужим ей человеком чуть ли не в пасть к дьяволу. Оставалось неизвестным, сотворило ли это чудо любовь или просто дал о себе знать бешовый бабушкин характер.

— Куда она шла? — спросил Ламех у аггелов, доставивших Лилечку.

— Похоже, за ним следом, — один из аггелов указал на Цыпфа. — Да еще кричала: «Левка, вернись! Вернись, паразит!»

— Оружие при ней было?

— Нет, — ослабилась другой аггел. — Всю общупали. Вот только это нашли.

Он продемонстрировал губную гармошку, которую со словами: «Отдай, гад!» — Лилечка тут же вырвала из его рук. Накинувшихся на девушку аггелов остановил Ламех.

— Пусть остается ей, — сказал он благосклонно. — Даже инквизиторы позволяют ведьмам брать с собой на костер оружия их колдовства.

Аггелы, по-видимому, умели понимать не только слова, но и интонации своего вождя, потому что Лилечка в единый миг лишилась обуви, зато обрела цепи.

— Цилла сообщила мне, что ты равнодушен к этому юному созданию, — Ламех обратился к Левке. — Конечно, ее следовало бы использовать в других, гораздо более приятных целях, но сейчас она послужит тем ключиком, который отомкнет замок твоего красноречия.

— Видишь, миленький, как все неудачно получилось, — сказала Лилечка Левке, все это время не спускавшему с нее

глаз. — Надо было бы тревогу поднимать, а я, дурочка, за тобой побежала. Слава Богу, хоть живым застала...

Левка смотрел на нее и молчал. Слов у него не было.

Лилечку столкнули в бассейн и, потянув за одну из цепей, принудили взойти на сковороду. Аггелы, до этого возившиеся с костром, принялись размахивать кусками картона, раздувая огонь и одновременно отгоняя в сторону дым.

Поверхность сковороды еще не успела нагреться, и Лилечка, осторожно ступая босыми ногами, дошла до ее центра. Обе цепи сразу натянулись, заставив раскинуть в стороны руки. В правой ладони она продолжала сжимать губную гармошку.

— Больно! — скривилась девушка. — Зачем же так сильно дергать!

— Прекратите! — Левке казалось, что он кричит, а на самом деле из его горла вырвалось еле слышное сипение. — Ваша взяла! Перестаньте мучить ее, и через час оружие будет здесь.

— Как же ты собираешься его раздобыть? — неизвестно, чего в словах Ламеха было больше, — издевки или недоверия.

— Это уже мои проблемы.

— Да ты и поздороваться со своими корешками не успеешь, как они тебя на нож поставят. Что я, Зяблика не знаю? Он ссучившихся не прощает.

— Никто не знает, что я здесь. Она должна была все рассказать, да не успела, — Левка кивнул на Лилечку, уже начавшую шаркать ногами.

— Лева, не надо! — закричала она. — Я выдержу! Не связывайся с этой сволочью!

— И я такого же мнения, — спокойно кивнул Ламех. — Оружие от нас никуда не денется, а вот молодые девки на нашей сковороде давно не прыгали. Жаль такое зрелище упускать.

— Может, я лучше под музыку попрыгаю? — внезапно предложила Лилечка. — И мне легче, и вам веселее.

— Почему бы и нет, — ухмыльнулся Ламех. — А ты девица рисковая. Не ожидал даже.

Лева завопил что-то покаянное, но ему зажали рот да еще дали хорошенького тычка по печени. Одна из цепей ослабла ровно настолько, чтобы Лилечка смогла поднести гармошку ко рту.

— Русская народная песня «Барыня», — объявила она таким тоном, словно стояла не на адской сковороде, а на сцене какого-нибудь клуба. — Кстати, плясовая.

Начала она так лихо и задорно, что спустя полминуты некоторые аггелы уже притоптывали в такт музыке. Можно бы-

ло подумать, что Лилечка дует не в обыкновенную губную гармошку, а в сказочную дудку, заставляющую всех присутствующих помимо воли пускаться в пляс. То ли девушка действительно в совершенстве овладела этим простеньким инструментом, то ли жар сковороды, уже начавший кусать ее за пятки, не позволял играть кое-как.

— Лихая у тебя бикса, — покосившись на Левку, с одобрением сказал Ламех. — Вот только «Барыню» на пару положено плясать. Не желаешь ли присоединиться?

Лапа, зажимавшая Левкин рот, на секунду убралась, что позволило ему произвести в сторону Ламеха прицельный плевок.

— Считаю твою наглую выходку знаком согласия. Посмотрим, кто из вас лучший танцор... — Ламех хотел сказать еще что-то, но, глянув в сторону бассейна, онемел.

У Лилечки, оказывается, уже и так объявился партнер. Был он темен лицом и шкурой, слеп, страшен обликом, но именно поэтому очень подходил к этой сковороде — адское исчадие на адской посудине.

Лилечку варнак успел подхватить под мышку, а сам стоял на горячем железе так же спокойно, словно был обут в асбестовые галоши. Захватив свободной лапой сразу обе цепи, он потянул их на себя и легко сбросил упиравшихся аггелов в бассейн.

— Стреляйте! Чего хавало раскрыли, порчаки позорные! — едва только ситуация выходила из-под контроля, Ламех сразу переходил на привычный ему язык.

Со всех сторон загрохотали пистолеты, но стрелять было уже не в кого. Пули клевали пустую сковороду. Задетый рикшетом, истошно взвыл один из свалившихся в бассейн аггелов. В клубах дыма плясали жирные черные хлопья.

В начавшейся суматохе о Левке как-то забыли. Не совсем, конечно, — пять или шесть аггелов по-прежнему не спускали с него глаз, но испытание на сковородке было отложено.

Ламех, хватанувший целую горсть бдолоха, как бешеный метался по дворику виллы и вымещал свою ярость на подчиненных. Тому из аггелов, который посмел заметить, что попасть из пистолета в варнака еще никому не удавалось, он едва шею не свернул. Успокоить Ламеха смогла только появившаяся на шум Соня-Цилла.

— Ну что тут такого страшного случилось? — рассуждала

она. — Верно, смылась девчонка, так ведь мы за ней специально и не охотились. Тебе не об этом надо думать. Тебе надо думать, как Смыка и Зяблика пришить да их оружием завладеть.

— Не пофартит нам, если варнаки с ними заодно, — возразил Ламех. — И когда только они, суки, спеться успели...

— Не иначе как варнаков против нас тот самый Дон Бутадкус подстрекает. Вот уж кого надо было бы к ногтю взять, — лексикончик у Левкиной сестрицы был под стать какой-нибудь бандырше.

— Эх... — Ламех в сердцах махнул рукой. — Мне он давно как кость поперек горла...

— А с этим ты что решил? — Соня-Цилла Левку уже и по имени не называла.

— Сам пока не знаю... — Ламех в задумчивости потер то место на щеке, куда угодил Левкин плевок. — На сковороду поставить? Так варнаки уволокут. Пристрелить? Так ведь еще пригодиться может... Пусть пока в подвале посидит, а там видно будет.

На том и порешили. Левку сволокли в подвал, где под толком имелось одно-единственное окошечко, решетка которого послужила для крепления цепей. Обувь ему, естественно, не вернули, хорошо хоть верхнюю одежду оставили.

После всех пережитых ужасов Левку потянуло в сон, и он, гремя цепями, как богоборец Прометей, стал устраиваться на ночлег. Пол подвала был каменный, холодный да вдобавок еще и сырой. Пришлось постелить куртку. При этом в ней что-то явственно звякнуло, что весьма удивило Левку, лишившегося при обыске всех металлических предметов, начиная от пистолета и кончая обломком бритвенного лезвия.

После недолгих поисков Левка нащупал в полé куртки некий предмет, формой и размерами соответствующий пресловутому гранатному запалу. Вскоре в вывернутом наизнанку потайном кармане обнаружилась дырка, в которую свободно проходил палец. Получалось, что запал никуда не пропадал, а все эти мучительные минуты находился у него под рукой. Тут уже деликатный Левка не удержался от ругательства.

Надорвав подкладку, он извлек запал на белый свет (который назывался так только по привычке, а на самом деле был тускло-серым, как вода в илистом озере). Теперь свести счета с жизнью не представляло никаких трудностей. Но Левка уже передумал. Друзьям он ничего плохого не сделал, а уме-

реть из-за коварства Соньки было бы чересчур большой честью для нее.

При том что положение Левки оставалось весьма незавидным, настроение его постепенно улучшалось. Лилечка — очень хотелось этому верить — находилась в безопасности, а ему самому не нужно было больше мучиться над неразрешимой проблемой выбора между невольным предательством и невольным убийством. И все было бы хорошо, если бы только не этот сырой подвал, цепи на руках и — в перспективе — раскаленная сковорода.

Он быстро заснул, спал почти без сновидений и был разбужен тяжелыми шаркающими шагами снаружи. Затем в замке закрипел ключ. (Как уже успел убедиться Левка, все замки, которыми пользовались аггелы, в том числе и тот, что скреплял его цепи, имели товарное клеймо Талашевского завода «Красный штамповщик».)

Аггел, посетивший Левкино узилище, мог бы шутя одолеть любого одесского амбала. Плечи его едва проходили в дверной проем, а кулаки были так велики, что вряд ли помещались в карманах. Кроме пистолета за поясом и связки ключей на мизинце левой руки, он имел при себе еще ржавую банку вроде той, из которой хозяйки поят домашнюю птицу, и надорванный пакет сухих овсяных хлопьев.

— Жри, — лаконично сказал он, оставив пайку у порога, а сам принялся внимательно осматривать Левкины цепи.

Кроме редкой физической силы, тюремщик обладал еще и завидной осторожностью. Не лишен он был и практической сметки, о чем свидетельствовало следующее предложение:

— Если у тебя часы остались или рыжые какие, ты мне лучше на хранение сдай. Целее будет. — Сказано это было гнусавым голосом потомственного сифилитика.

Левка выудил из кармана несколько медных монеток — в основном копеек и двушек, — которые и предъявил корыстному аггелу. Тот озадаченно глянул на Левкину ладонь, потом на самого Левку и, выругавшись, ногой выбил деньги.

Это во многом предопределило его дальнейшую судьбу. Боль в отбитых пальцах вывела из себя даже миролюбивого Левку. Едва только собиравшийся уходить аггел повернулся к дверям, как Лева, сорвав предохранительную чеку, сунул запал в задний карман его брюк. Передвигался аггел тяжело, как бегемот на суше — мешало увесистое мужское хозяйство, не помещавшееся между столбообразных ног. Поэтому за че-

тыре секунды, в течение которых действует замедлитель, он не успел покинуть пределы подвала, чего очень опасался Левка.

Запал рванул — почти как пистолет выстрелил. Жалобно взыв, детина рухнул на пол. Брюки на его правой ягодице дымились и быстро набухали кровью.

Конечно, Лева и не надеялся прикончить такого бугая одним гранатным запалом. Во время последней кастильской войны бывали случаи, когда талашевские партизаны казнили сходным способом особо зловредных инквизиторов. Но для этого запал забивался глубоко в задний проход осужденного, который потом долго и мучительно умирал от потери крови. Здесь же ставка делалась на то, что человек с развороченной ягодицей на некоторое время утратит способность к сопротивлению.

Расчет Левки на этот раз оправдался. Пока аггел вопил, извиваясь на полу, он успел выхватить у него из-за пояса пистолет, а потом уже спокойно подобрал ключи, отлетевшие в сторону. После этого можно было не торопясь напиться воды из ржавой жестянки.

— Не вопи, — сказал он затем аггелу. — А не то придется тебя добить.

— О-о-о! — выл тот. — Помира-а-аю!

— Не помрешь, — успокоил его Лева. — Там у тебя ни одного крупного сосуда нет. Одно сало.

Сняв ручные кандалы, он под угрозой пистолета попытался нацепить их на раненого аггела, да не получилось — железные браслеты не сходились на широченных запястьях.

— Где сейчас ваши люди? — спросил Лева, убедившись в тщетности своих попыток. — Спать еще не ложились?

— Уже проснулись давно и пошли твоих дружанов мочить, — ответил аггел, осторожно ощупывая зад. — А-а-а! Сам Ламех их повел.

— А здесь сколько осталось?

— Не считал.

— А если подумать? — Лева ткнул его стволом пистолета в ухо.

— Человек десять. Может, чуть больше.

— Чем они занимаются?

— Я откуда знаю. О-о-о!

— Тебя просили не шуметь. Лежи тихо и тогда жить останешься. А я пойду себе потихоньку.

— У-у-у! — вновь взвыл аггел. — Куда же ты пойдешь, если наверху двое наших дежурят. Они тебя, как блоху, прихлопнут.

— Что-то не очень они спешат тебе на выручку, — засомневался Левка.

— Зачем им в мои дела лезть... Может, я побаловаться с тобой решил. Но уж потом они сюда непременно заявятся. Так что готовься. Отвечать будешь за мою задницу.

— Слушай, ты меня доведешь сейчас! — разозлился Левка. — Уж если мне действительно придется за что-то отвечать, то лучше за твою башку!

Лукавил аггел или говорил правду, осталось неизвестным, однако слова его весьма озадачили Левку. Покинуть виллу можно было только скрытно. Если же придется затевать наверху перестрелку с часовыми, то, во-первых, еще неясно, чем она кончится (Лева здраво оценивал свои боевые качества), а, во-вторых, пальба разворошит все это осиное гнездо. Попробуй уйди тогда под огнем десятка стволов.

Из тягостной задумчивости Левку вывел раздавшийся в коридоре шум. Неужели аггелы, обеспокоенные долгим отсутствием товарища, и в самом деле идут сюда?

Красноречивым взмахом пистолетного ствола призвав раненого молчать, Левка приготовился к обороне. В такую переделку ему довелось попасть впервые, но ведь когда-нибудь да надо начинать. Или, как ни печально это звучит, заканчивать.

Звуки тем временем приближались, хотя были какими-то странными — как будто кто-то крался по коридору, но одновременно волок на себе шкаф.

— Здесь! — Голос был похож на сипение удушенника.

Тут же в каталажку ураганом влетел Толгай с обнаженной саблей в руке. Цыпф едва-едва удержался от выстрела.

— Привет, Левка, — радостно оскалился степняк. — Живой-здоровый? Мой риза... довольный... очень довольный...

За Толгаем в распахнутую дверь ввалился Зяблик, да не один, а на пару с полузадушенным аггелом, горло которого он крепко сжимал локтевым сгибом левой руки. Сразу было ясно, что бдолаха сегодня он отведал вволю.

С первого взгляда оценив обстановку, Зяблик одобрительно кивнул:

— Отвага водку пьет и кандалы рвет. Так Ванька-Каин любил говорить, суший голубь, кстати говоря, по сравнению с нынешними каиннистами... А теперь надо линять отсюда в темпе. Ламех у нас на хвосте висит, да и здесь рогатых хватает.

Как бы в подтверждение его слов снаружи донеслась глухая дробь выстрелов.

— Тиз! — заволновался Толгай. — Быстрее! Смык с бабам япа-ялгыз остался... Один... Помогать надо...

Обоих аггелов, обязанных своими жизнями только мольбам Левки, заперли в подвале, после чего всей гурьбой бросились наверх, где, как пожар на дровяном складе, быстро разгоралась перестрелка.

— А пушка? Где кирквудовская пушка? — не утерпел Лева.

— Разбили мы ее к хренам собачьим! — махнул рукой Зяблик. — Ты ведь к аггелам сбежал... Мало ли как дело могло повернуться.

— Да не сбежал я! — горячо возразил Левка. — Неужели Лилечка не объяснила вам мои обстоятельства!

— О твоих обстоятельствах мы еще поговорим, — Зяблик, остановившись на верхней площадке ведущей во двор лестницы, осторожно выглянул наружу. — В более спокойной обстановке и очень подробно. Но мало тебе не будет, заранее обещаю.

Продолжить угрозы ему помешала пуля, вонзившаяся в дверной косяк. Воспользовавшись паузой, инициативу в разговоре перехватил Цыпф:

— Лилечка здесь?

— Все они здесь. Зашились вон на той стороне. По ним в основном и пуляют.

— А как вы от Ламеха ушли?

— Да, считай, повезло. Варнак Лильку почти к самому лагерю доставил. Правда, сразу же и смылся. Странные чуваки... Она нам все и доложила быстренько. Мы сразу снялись и тикать. Потом Смыков на какую-то башню залез и видит, что аггелы на нашем бывшем месте шуруют. Вот мы и решили... Пока они там, мы сюда наведемся. Я бы, может, и не пошел тебя, засранца, спасать, но уж больно бабы просили. Но и здесь местечко, гляжу, горячее...

— Уходить отсюда надо, — обижаться на Зяблика Лева не мог. — Если Ламех подоспеет, нам туго придется. Только вот как?

— Есть один план, — процедил сквозь зубы Зяблик и вдруг заорал изо всех сил, чуть не оглушив Левку: — Кончай стрелять, суки рваные! Если не прекратите, я вам баню устрою почище той, что в гавани была. Мы за своим человеком приходили. Если мешать не будете, разойдемся полюбовно. А иначе я тут камня на камне не оставлю. У нас такая штука есть, что от нее даже трехдюймовая броня не спасает. Слыхали, наверно?

Стрельба действительно прекратилась, и с противоположной стороны двора раздался голос Сони-Циллы, в отсутст-

вие Ламеха, очевидно, принявшей на себя командование аггелами:

— Что же вы тогда из пистолетов палите, а свою грозную штуку в дело не пускаете?

— Да тут, оказывается, и дамочка есть! — удивился Зяблик. — А кто ты, собственно говоря, такая?

— У Левки спроси, — был ответ.

— Сестра это моя, — под грозным взглядом Зяблика Левка потупилась. — Стерва та еще. Правая рука у Ламеха.

— И как же твою сестричку обзывать можно?

— Как хочешь. Можно Сонькой, а можно Циллой.

— Ясно, — понимающе кивнул Зяблик. — Сонька Ламехова Ручка... Эй, красавица! — вновь зычно заорал он. — Отвечаю на твой неделикатный вопрос. Я бы, конечно, из этой штуки стрельнул. Мне вас нисколечко не жалко. Мне себя жалко. Штука эта поопаснее водородной бомбы. Не то что нас с вами, а всю эту поганую страну может разнести, да еще Гиблую Дыру в придачу. Если не веришь мне, у Левки спроси. Он у нас человек научный. Даже задницу энциклопедией подтирает.

— Лева не обманет. Лева у нас известный правдолюбец, — позволила себе съязвить невидимая Соня-Цилла. — Ладно, пусть скажет что-нибудь...

— Ну-ка, покажи класс, — понизил голос Зяблик. — Задави их ерундичией.

— Э-э-э... — не совсем уверенно начал Лева. — Тот из вас, кто слышал о принципе причинности, сразу поймет, что может случиться, если в природе нарушатся причинно-следственные связи. Люди превращаются в животных и наоборот. Из могил встают мертвецы. Земля становится водой, вода — огнем, а огонь вообще пустотой. Разрушаются самые глубинные основы мироздания, вплоть до субатомного уровня. Я уже не говорю о возможности наложения на наш мир иных пространств, устроенных принципиально по-другому. Вы, конечно, можете не верить мне. Действительно, раньше такие феномены не были известны науке. Но здесь, в стране будущего, они являются лишь побочным эффектом некогда действовавшей энергетической системы. Впрочем, справедливость моих слов некоторые из ваших коллег испытали на собственной шкуре. Жаль, что они уже никогда не смогут подтвердить это.

— Вот так-то! — веско добавил Зяблик. — Нам терять нечего. Сейчас мы уходим и даже согласия вашего не спрашиваем. Но если хоть один здешний халамидник попробует встать у нас на дороге, ни Бог, ни черт, ни Каин вам уже не помогут.

Секир-башка, как говорят мои друзья нехристи... Палец я все время буду держать на спуске, учтите.

— Что ты задумал? — прошептал растерянный Цыпф. — Пушки-то у нас нет.

— Не твое дело. На, причастись, — Зяблик сунул ему пригоршню бдолоха. — Кроме большого ума, нужно иметь еще и небольшую смекалку.

Отыскав поблизости кусок ржавой трубы, он выровнял ее на колене, а сверху набросил свою куртку. Получилось что-то похожее на замаскированный обрез, из которого в итальянских фильмах мафиози убивают представителей прогрессивной общественности, а также честных прокуроров.

— За мной! — Зяблик смело шагнул вперед и направил свое блеф-оружие в ту сторону, откуда до этого раздавался голос Сони-Циллы. — Смыков, где ты?

— Здесь, — глухо донеслось из какого-то окна.

— Веди свое войско к воротам! Живо, пока у меня палец на спуске не сомлел.

Лязгнула одна из многих дверей, выходящих во дворик, и возглавляемый Смыковым женский отряд трусцой двинулся к воротам. Сам он держал пистолет стволом вверх, Верка целилась неизвестно в кого, а глядя на Лилечку, можно было подумывать, что та сама собирается застрелиться.

— Подождите немного, — голос Сони-Циллы звучал уже не так уверенно, как раньше. — Одно условие. Вы собирались на родину, вот и ступайте туда. До границы здесь рукой подать, а там уже сами разбирайтесь. Но ни в коем разе не смейте возвращаться в глубь страны.

Ватага уже покинула дворик, отстал лишь пятившийся задом наперед Зяблик. Ему-то и пришлось отвечать за всех:

— Ничего не могу обещать, лярва рогатая. Но честно скажу: ложил я на эту страну с прибором. В следующий раз меня сюда и калачом не заманишь. Счастливо оставаться.

Удалившись от злосчастной виллы метров на пятьсот, Зяблик без сожаления забросил трубу в кусты и вновь облачился в куртку, изрядно перепачканную ржавчиной. Тем членам ватаги, которые были не в курсе его последней авантюры, Зяблик небрежно объяснил:

— На понт я аггелов взял, ясно? Они же Горыныча в натуре не видели, ну если только издали. Вот их мандраж и про-

брал. Кому охота из человека в жабу превратиться или в семерном мире век коротать?

— Оно-то, может, и так, — произнес Смыков с сомнением. — Но боюсь, что гражданин Ламех их от мандража скоро вылечит. И попрут тогда за нами аггелы полным своим составом.

— Следов не надо оставлять! — огрызнулся Зяблик. — И шуметь поменьше. А то топчете, как солдаты в бане... Эй, Чмыхало! — обратился он к степняку. — Сонгы будешь... Последним то есть... Следы заметать... Эзне югалту... Понял?

— Моя понял, — кивнул Толгай с меланхолическим видом. — Я всегда сонгы... Спать — сонгы... Кашу есть — сонгы... Убегать — сонгы...

Лилечка и Цыпф шли, держась за руки. Даже опасность, на манер домоклова меча продолжавшая висеть над ватагой, не мешала их милой беседе.

— Если бы ты знала, как я испугался, когда тебя поймали аггелы! — вздыхал Лева.

— А я вот нисколько! Верила, что варнаки меня обязательно выручат. Правда, когда аггел гармошку отобрал, испугалась чуть-чуть... Кстати, когда мы опять в том мраке оказались, где варнаки живут, я их умоляла за тобой вернуться. Да где там... Не понимают они по-русски. Хорошо хоть меня к самому лагерю доставили.

— Неравнодушны они к тебе... С чего бы это? — В голосе Левы сквозило плохо скрытое раздражение.

— Уж договаривай, если начал, ревнивец, — похоже, что Лилечкино хорошее настроение сегодня нельзя было поколебать ничем. — Да, равнодушны... Но совсем не потому, о чем ты думаешь. Между прочим, они и не мужчины вовсе.

— А кто? — усомнился Левка. — Женщины, скажешь?

— Ни то и ни другое. И сразу все вместе. Как это называется?

— Гермафродиты, что ли?

— Вот-вот! Мне дядя Тема именно так и говорил. Очень живучий народ. Приспособились в своем пекле ко всяким напастям. Даже если один-единственный из них на свете останется, род все равно не прервется. В случае крайней нужды варнак сам себя оплодотворить может.

Ватага шла быстро, чуть ли не бежала. Переместившийся в голову колонны Зяблик выбирал путь, отдавая предпочтение мощным участкам, а если какой-то след все же оставался, его старательно заметал пучком веток Толгай, шедший в арьер-

гарде. С общего согласия привал решили не делать, дабы осилить за один прием сразу два перехода. История Левкиных злоключений была принята в общем-то сочувственно. От комментариев не удержался только Смыков:

— Вы, товариш Цыпф, типичный представитель так называемой гнилой интеллигенции. Из вашей среды вышли все крупнейшие политические ренегаты. Что вы тут ни говорите, а на досуге необходимо всерьез разобраться с вашими истинными убеждениями...

Вскоре разговор коснулся условий, выдвинутых напоследок Соней-Циллой.

— Зачем, спрашивается, они нас так упорно выпроваживают из Будетляндии? — Смыкова, как всегда, грызли сомнения.

— Осточертели мы им здесь, вот и все! — высказалась Верка.

— Чертям нельзя осточертеть, — возразил Смыков. — Не из тех они, кто врага вот так запросто отпускает. Есть тут, видно, какая-то каверза.

— Каверза тут простая, — сказал Цыпф. — Выдвинув такое условие, она рассчитывала, что мы непременно поступим наоборот и вернемся в Будетляндию, где аггелы вновь попытаются рассчитаться с нами.

— Сестрица твоя баба тертая, — включился в разговор Зяблик. — В натуре человеческой толк понимает, как и всякая стерва. Специально сказала «уходите», чтобы мы решили, будто нас заманивают обратно, и по этой причине действительно ушли из Будетляндии.

— Ну это уже похоже на детскую игру «веришь — не веришь», — развела руками Верка. — Кто кого на обман возьмет.

— Да и бес с ним, — сказал Смыков. — Не это сейчас главное. Главное, от аггелов оторваться. А уж как до границы дойдем, там все и обсудим.

Разговоры на этом и в самом деле прекратились — темп ходьбы не располагал к пустой болтовне. Несколько раз Смыков самоотверженно взбирался на господствующие над местностью сооружения, но никаких признаков погони не обнаружил. Все вокруг будто бы вымерло.

Для пущей скрытности ватага проделала часть пути по эстакаде, вознесенной высоко над землей и являвшейся элементом сложнейшей дорожной развязки. Дожди и ветры не позволяли пыли задерживаться здесь, а потому опасность наследить отсутствовала.

По истечении двенадцатого часа непрерывной ходьбы

Смыков подал наконец команду на отдых. На сей раз приют им предоставило какое-то культовое сооружение, если судить по архитектуре — христианский храм, чему, впрочем, противоречила странная символика на шпилях, объединявшая в единое целое крест, полумесяц и шестиконечную звезду. Это здание имело целый ряд преимуществ, весьма немаловажных для беглецов: мощные входные двери, способные устоять даже перед противотанковой гранатой, цокольный этаж, из которого в разные концы расходились коммуникационные туннели, и, наконец, прекрасный обзор, открывавшийся с центральной башни.

Приемник кирквудовской энергии удалился сейчас на расстояние, вновь делавшее его похожим на ажурную паутину, а вовсе не на брошенный в небеса рыбачий невод. В том направлении, куда двигалась ватага, простиралась плоская, безлесая пустыня, явно уже не принадлежавшая к Будетляндии. Зрелище было малопривлекательное — унылое серое небо над некрасивой серой землей.

— Я вообще-то предполагал, что отсюда мы попадем прямо в Гиблую Дыру, — сказал Смыков, вглядываясь в даль.

— Нет, — покачал головой Цыф. — Эрикс, царство ему небесное, упоминал еще какую-то страну, по своим природным условиям мало чем отличающуюся от Нейтральной зоны.

— Далека ты, путь-дорожка, — тяжело вздохнул Смыков.

Усталость быстро сморила людей, но уже через пару часов всех разбудили причитания Толгая, стоявшего в карауле:

— Ой, беда... Янчын... Огонь... Небо горит...

И действительно, узкая полоска неба над неведомой страной тлела, как угли догорающего костра. Для людей, давно позабывших о звездах и светилах, зрелище было столь же непривычным, как для туарега, рожденного в сердце Сахары, — снежная метель.

— Что такое! — протер глаза Зяблик. — Я такой фигни отродясь не видел!

— А вдруг это солнышко встает! — воскликнула Лилечка.

— Брось, подруга, — осадил ее Верка. — Совсем ты запямятовала, какое оно, солнышко. На зарю это похоже, как попойка на святое причастие.

— Не полярное ли это сияние? — предположил Смыков. — Кто наблюдал полярное сияние?

— Я наблюдал, — сплюнул Зяблик. — В Воркуте такой радости от пуза. Но тут ничего общего. Да и какое сейчас, едрена вошь, может быть полярное сияние!

— Знаете, а по описаниям очень похоже, — неуверенно заметил Цыпф. — Историки сообщают, что подобные явления предшествовали многим печальным событиям, в том числе разрушению Иерусалима и убийству Цезаря.

— По описаниям кошка на тигра похожа, — возразил Зяблик. — Кто полярное сияние сам не видел, тот меня не поймет. Не оно это, ясно! Голову даю на отсечение.

— Знаете, что мне это больше всего напоминает? — задумчиво сказала Верка. — Пожар. Очень большой пожар. Когда ночью лес или степь горят, на небе точно такие сполохи бывают.

— То ночью, — буркнул Смыков.

Зяблик же возразил Верке с неожиданной горячностью:

— Пожар, говоришь? Да не бывает таких пожаров! Ты только глянь, небо через весь горизонт светится! Каким же этот пожар должен быть? На тысячу верст? А чему в Гиблой Дыре гореть? Или в той же Нейтральной зоне? Воде гнилой? Песку? Камню? Да и гарью совсем не пахнет. Насмотрелся я в Сибири на лесные пожары. Если в Забайкалье горело, то дым над Ангарой стоял. Дышать нечем было, хоть противогаз надевай.

— Все ты на свете видел, — сочувственно вздохнула Верка. — И полярное сияние в Воркуте, и лесные пожары в Сибири. А про тропический тайфун ничего не расскажешь?

— Ничего! — ответил Зяблик вполне серьезно. — Я в тех краях не сидел. Ты про тайфуны лучше у Смыкова спроси.

Загадочное сияние между тем постепенно разгоралось и вскоре из багрового превратилось в золотистое (не став от этого менее тревожным). Так и не найдя сему феномену более или менее правдоподобного объяснения, ватага возобновила прерванный сон. Наблюдение за пылающим горизонтом было поручено очередному караульному, которым по иронии судьбы оказался Лева Цыпф.

Перед тем как уснуть, Смыков строго сказал:

— Сами понимаете, что от вас требуется неусыпное внимание. Глядите в оба. Не игнорируйте никаких мелочей.

— Извините... — замялся Лева. — У меня зрение не очень... Я очки потерял...

— Потерял, как же... — Порывшись в карманах, Смыков протянул Левке его очки. — Возьмите и больше личными вещами не разбрасывайтесь.

— Ох, спасибо! — обрадовался Лева.

— Не меня благодарите, а Зяблика... Он на них чуть не наступил.

— Когда в Отчину вернемся, литр поставишь, — сонно буркнул Зяблик. — Нет, лучше два...

За завтраком выяснилось, что небо светилось еще некоторое время и, по часам Смыкова, погасло где-то в половине четвертого утра. Погасло быстро, в течение считанных минут, и с тех пор над неведомой страной висела обычная серая муть. Никаких других чрезвычайных происшествий за время ночевки не случилось. Похоже было, что аггелы действительно оставили их в покое или, что выглядело более правдоподобно, попросту потеряли след беглецов.

Хотя Смыков высказывался в том смысле, что надо бы устроить Левке Цыпфу товарищеский суд да еще такой, чтоб другим впредь неповадно было, начавшиеся сразу после завтрака хозяйственные хлопоты поглотили ватагу целиком и полностью. Перед походом в неизведанную страну необходимо было запастись провиантом и кое-каким имуществом, в Отчине являвшимся большим дефицитом. Воды решили взять в обрез — только личные фляги и небольшой неприкосновенный запас. Лучше вернуться с полдороги назад, чем тащить на себе бесполезный груз. В конце концов, даже в абсолютно безжизненной Нейтральной зоне проблем с утолением жажды никогда не возникало.

Около восьми часов вечера полоса неба над горизонтом опять посветлела, медленно налилась тусклым огнем, около часа посияла чистым золотом и затем угасла, сделав привычные тоскливые сумерки еще более мерзкими.

Осторожный Смыков предложил переждать в Будетляндии еще одни сутки. По истечении этих суток, внешне спокойных, но муторных, как и любое ожидание, выяснилось, что загадочные сполохи появляются регулярно через каждые шестнадцать часов плюс-минус пять минут, что, впрочем, можно было списать на погрешности в наблюдениях, связанные с нестабильным состоянием атмосферы. Следовательно, явление это, тут же названное «лжезарей», имело явно выраженный циклический характер, в неживой природе обусловленный только влиянием космических факторов. Впрочем, точно с таким же успехом это могли быть не поддающиеся человеческому осмыслению последствия краха кирквудовской энергетики, что-то вроде иномерного янтаря или живого свечения в подземельях. Короче говоря, поход начинался без особого энтузиазма и даже с опаской.

— Да что, вы в самом деле, менжуетесь! — сказал Зяблик, поправляя на спине внушительных размеров дорожную укладку. — Запеченный таракан жара не боится. Прорвемся как-нибудь. Бдолах с нами, да и Лилькина гармошка кое-что значит.

Идти решили короткими переходами, всякий раз предварительно высылая вперед разведчика. Меры предосторожности, конечно, были беспрецедентные — такое до этого не практиковалось даже в Нейтральной зоне. Смыкову вменялось в правило вести подробный дневник похода с указанием всех мало-мальски значительных ориентиров. Он же отвечал за сохранность бдолоха. Штатными дозорными выбрали Зяблика и Толгая, а это означало, что каждому из них придется пройти расстояние как минимум вдвое большее, чем остальным. Прочие члены ватаги дополнительными обязанностями не обременялись — и обычных с лихвой хватало.

Уже несколько часов спустя, когда башни экуменистического¹ храма исчезли из поля зрения и о Будетляндии напоминал только раскинувшийся над ее центром сетчатый шатер, окружающий пейзаж стал меняться. Исчезла всякая растительность, включая мхи и лишайники. Исчезли ручьи, озера и лужи. Исчезла даже почва в привычном понимании этого слова — то, что хрустело под ногами, походило не на песок, не на щебень, а скорее на шлак. С видом знатока поковырявшись в нем, Цыпф сообщил, что не видит здесь никаких аналогий с первичным грунтом Нейтральной зоны.

— И вообще у меня создается впечатление, что мы попали на неизвестно для чего созданный плац, совсем недавно выровненный бульдозерами и катками, — Лева вытер о штаны свои пальцы, перепачканные так, словно он копался в печном дымоходе.

В середине дня сделали привал и выслали на разведку Толгая. Фигура его, постепенно уменьшаясь, долго маячила впереди, пока не превратилась в точку, почти не различимую на фоне серой равнины.

Первая запись, сделанная Смыковым в дневнике похода, была такова: «Прошли примерно пятнадцать километров. Ориентиров нет. Признаков воды нет. Вообще ничего нет, что и является единственной достойной упоминания особенностью этой страны».

Едва успели перекусить, как начал сеять дождь, противный, как и все здесь. Выставив под его струи пустые котелки, ватага сбилась в кучу и накрылась единственной плащ-палаткой. Зяблику немедленно захотелось курить, но все, кроме дипломатично промолчавшей Верки, воспротивились.

¹ Экуменизм — учение, ставившее перед собой задачу объединения всех религий.

— Терпеть надо! — заявил Смыков. — Это место общественного пользования, а не ресторан и не номер-люкс в гостинице. Уважайте мнение большинства.

— Можно подумать, что ты, Смыков, в номерах-люкс бывал! — фыркнул Зяблик. — Да тебя в приличную гостиницу дальше швейцара не пустят. И даже твое служебное удостоверение не поможет.

— Заблуждаетесь, братец вы мой, — ответил Смыков гордо. — Сам я действительно в таких гостиницах не бывал, ни к чему мне это, но один мой приятель прожил в номере-люкс целых две недели. И все мне потом подробно рассказал. Представляете, он в сутки платил семнадцать сорок!

— Смыков, не бывает таких гостиниц, — усомнилась Верка. — В Талашевске лучший номер от силы рубль двадцать стоил. Так там белье каждое утро меняли и туалетную бумагу бесплатно выдавали.

— Мало вы что о жизни знаете, Вера Ивановна, — с видом превосходства усмехнулся Смыков. — Есть такая гостиница, чтоб мне на этом месте провалиться. Правда, не у нас, а в Москве. «Россия» называется.

— И какой же бурей твоего приятеля туда занесло?

— Случайно, скажем так. Его из Талашевска в Саранск на переподготовку направили. В те времена там располагалась межреспубликанская учебная база вневедомственной охраны.

— Сторожем твой приятель, значит, был? — не унималась Верка.

— Почему сторожем! В ночной милиции инспектором. Должность, конечно, не ахти какая, но тем не менее при форме, при льготах. До этого он, правда, вместе со мной в следствии работал, но погорел по собственной глупости.

— Не тому, кому надо, дело пришел? — ухмыльнулся Зяблик.

— Как раз и нет. Язык за зубами по пьянке держать не мог... Ну и стишки всякие, в основном сомнительного содержания, любил цитировать. Помню, было у нас в райотделе торжественное мероприятие по случаю дня милиции. Совместно с представителями партийных органов, суда и прокураторы. Сначала, конечно, официальная часть, а потом банкет. Перекушал мой друг Серега дармового коньяка и давай в полный голос читать. Кстати, к сочинительству стихов он сам отношения не имел. Как впоследствии выяснила особая инспекция, они и раньше в списках ходили. Под названием «Парад милиции». Сплошное очернительство и клевета.

— Послушать бы, — сказала Верка. — Тогда и разберемся, где клевета, а где истинная правда.

— Полностью я этих стихов, конечно, не помню... Ну если только парочку строк...

— Ладно, не ломайся, как барышня!

Смыков по привычке откашлялся и, запинаясь чуть ли не на каждой строчке, продекламировал безо всякого выражения:

...Колонна за колонной,
За рядом ряд,
Родная милиция
Выходит на парад.
У всех в строю
Суровые лица.
Все как один
Хотят похмелиться.
Впереди шагает
Группа дознания,
Пьющая водку
До бессознания.
За ними вслед —
Отдел БХСС,
Который и пьет
За чужое и ест.
А вот приближаются
Инспектора ГАИ,
Готовые пропить
Даже души свои...

— Рифмы хромают, но содержание глубокое, — похвалил Язблик. — А дальше?

— Дальше не помню, — отрезал Смыков. — Но все в том же духе вплоть до госпожнадзора и паспортного стола. Кончается стихотворение примерно так: «А за работниками следствия, берушими взятки без последствия, шатаясь после кутежа, бредут ночные сторожа». Это он как раз вневедомственную охрану имел в виду. Резонанс, конечно, получился соответствующий. Но еще до того, как Серегу с банкета выпроводили, начальник райотдела сказал: «Раз ты так неуважительно о следствии выразился, то и ступай себе в ночные сторожа». Наутро уже и приказ был готов. Формулировка стандартная. За моральное разложение и личную недисциплинированность, развившуюся в том-то и том-то, понизить такого-то в звании и откомандировать в распоряжение отдела вневедомственной охраны...

— Смыков, мне про ваши милицийские попойки опроти-

вело слушать, — перебила его Верка. — Ты же про гостиницу начал. В которой номер семнадцать сорок стоит.

— Сейчас будет про гостиницу, — успокоил ее Смыков. — Как я вас уже информировал, первым делом Серегу направили в город Саранск на переподготовку. В Москве пересадка. А он до этого в столице был только проездом. Вот и решил на пару деньков подзадержаться. Осмотреть памятные места и сделать кое-какие покупки для семьи, на что жена отвалила ему целых двести рублей. Родных и знакомых у него в Москве не имелось, но добрые люди дали адресок одной дамочки. Она в гостинице «Россия» какой-то мелкой сошкой служила. Не то дежурной администраторшей, не то старшей горничной. Серега ей предварительно позвонил с Белорусского вокзала и на метро отбыл к месту назначения.

— В форме? — поинтересовался Зяблик.

— В штатском. Форму он в чемоданчике вез. Дама эта его уже в фойе поджидает.

— Красивая? — не выдержала Верка.

— Так себе. Там красавиц в администраторши не берут.

— Почему?

— А почему улицы булыгами мостят, а не бриллиантами? Чтоб соблазна никому лишнего не было... Но вы меня, пожалуйста, не сбивайте. Администраторша у Сереги интересуется, какой ему номер желателен — обычный или получше? А он мужик с гонором, хоть и провинциал. Возьми и брякни: «Мне самый лучший». Администраторша обещает поселить его в люкс и сообщает цену: «Устраивает?» Его это, конечно, не устраивает, но отступать поздно. Да и кое-какие деньги все же имеются.

— Чувствую, Смыков, не про гостиницу ты нам хочешь рассказать, а про гостиничный разврат, — догадалась Верка.

— Само собой, — согласился Смыков. — Какая же гостиница без разврата!

— Может, я лучше пойду Толгая встречу? — предложила заранее смущенная Лилечка.

— Дождь ведь, — стал увещевать ее Цыпф. — Еще простудишься ненароком.

— Сиди уж, — покосился на девушку Смыков. — Я без подробностей буду рассказывать. В общих чертах... Поднимается, значит, Сергей в свой люкс на лифте. На пару с лифтершей, можете себе представить. Та ему нагло строит глазки и делает всякие намеки. Дескать, как вы собираетесь в столице развлекаться. «Обыкновенно», — отвечает Серега. — Имею на-

мерение посетить Мавзолей, ГУМ и ВДНХ. Ну еще, может, Музей революции, если время останется». Лифтерша на него, как на психа, вылупилась. У публики, которая в люксах обитает, обычно запросы другие. Серега — парень сообразительный и, оценив ситуацию, спрашивает: «А что вы можете предложить?» «Да что угодно! — та отвечает. — Но главным образом то, чего так не хватает одиноким мужчинам». Тут лифт до нужного этажа дошел, и разговор прервался...

— Ну-у-у, — недовольно протянул Зяблик. — А я-то думал, что он ее прямо в лифте трахнет.

— У вас, братец мой, одно только на уме, — поморщился Смыков. — Лифтерша при исполнении, ее трогать не полагается... Короче говоря, осмотрел Серега свои новые апартаменты, а это целая квартира с роскошной мебелью, засадил бутылку водки, которую с собой прихватил, и застосковал...

— И мысли его устремились в соответствующем направлении, — подсказала Верка.

— Мужскую натуру вы, Вера Ивановна, неплохо понимаете. Видно, недаром королевой у арапов были. Не прошло и часа, как Серега снова оказался в лифте и принялся выяснять, что, собственно говоря, лифтерша имела в виду, когда про одиноких мужчин говорила. Та ему открытым текстом объясняет, что имела в виду особый род женских услуг, который оплачивается по специальному тарифу. «Если желаете девочку в номер, мы это сейчас устроим». — «Желаю!» — соглашается Серега. «Какую вам?» — «А что, у вас разные есть?» — «На любой вкус. Брюнетки, блондинки, рыжие. Полные, худые, средней упитанности. Искушенные в любви и совсем неопытные. Домохозяйки и профессорши. Садистки и мазохистки. Есть даже азиатки и негритянки из Университета дружбы народов».

— И он, конечно, выбрал негритянку, — пригорюнилась Верка.

— Нет. Отечественную блондинку. Молодую, не очень полную, но с большой грудью и соответствующим задом. Сказал, что образование значения не имеет, но справка из венерического диспансера не помешала бы. Лифтерша только фыркнула и говорит: «У нас товар высшей категории, можете не сомневаться. Идите в номер и ожидайте. Заодно приготовьте пятьдесят рублей».

— Пятьдесят! — ужаснулась Верка. — Да я на «Скорой помощи» семьдесят четыре получала с премиальными! И хорошим мужикам бесплатно давала!

— Слушай, заткнись, — попросил Зяблик. — То, что ты дура бескорыстная, и так все знают.

— Что уж тут, Вера Ивановна, о деньгах жалеть, — с непонятной печалью вздохнул Смыков. — Снявши голову по волосам не плачут... Сидит, значит, Серега в своем номере и, естественно, волнуется. Проходит примерно час. Звонок в дверь. Является лифтерша. С девицей. Все как по заказу. Вдобавок еще пачка презервативов. Затем лифтерша вместе с полсотней исчезает. Девица очень художественно раздевается. Стриптиз называется.

— Как? — не поняла Лилечка.

— Стриптиз, — повторил Смыков. — Буржуазное изобретение. Для предварительного возбуждения, так сказать, низменных чувств мужчины. У нас легально не практиковался.

— Еще бы! — хохотнула Верка. — Представляю стриптизершу в рейтузах фабрики «Большевичка».

— Ладно... — неодобрительно глянул на нее Смыков. — Важны не рейтузы, а то, что под ними... Далее следует ночь любви. В разнообразных позах и со всякими ухищрениями, известными советскому народу. Рано утром блондинка уходит. Ей, видите ли, нужно в институт на первую пару успеть. Серега весь день отсыпается, восстанавливает силы шампанским и домашней колбасой, а под вечер опять бежит к лифтерше. Требуется та же самая блондинка, которая крепко запала ему в душу. Ответ отрицательный. «Проси любую другую, хоть персидскую княжну, но прежней девчонки ты уже не увидишь. Ни за какие деньги. Такой у нас здесь порядок заведен».

— Не повезло твоему дружку, — посочувствовала Верка.

— И не говорите! Горю Сереги нет границ, и, чтобы хоть немного его развять, он тут же заказывает худую брюнетку средних лет с мазохистскими наклонностями.

— Смыков! — вновь прервала его Верка. — Я тебе таких историй могу рассказать вагон и маленькую тележку! Что из того? Где тут мораль?

— Вы, Вера Ивановна, мораль в басне ищите, а это жизненная история... Ну а уж если вы без морали не можете, то она состоит в том, что Серега прожил в гостинице не двое суток, как собирался, а две недели. Спустил все деньги и четыре раза телеграфировал друзьям в Талашевск по поводу финансовой помощи. В учебном центре получил выговор за опоздание, но даже не почесался. А когда вернулся домой, в узком кругу сказал: «Год буду отдавать долги. Следующий год — ко-

пить деньги. А потом опять поселюсь в номере-люкс гостиницы «Россия».

— Баб, выходит, он там не всех перебрал, — сказала Верка.

— Не всех, но многих. Один его заказ, кстати, так и не выполнили.

— Какой, интересно? Юную пионерку с большими сиськами и садистскими наклонностями?

— Нет. С малолетками там, наоборот, никаких проблем не было... Просто ему после одной эстонки захотелось вдруг цыганку и чтобы та, сидя на нем, непременно исполняла под гитару романсы.

— Нет таких, значит, в Москве?

— Может, и есть, да только за один день не нашли.

— История вполне правдоподобная, — Зяблик лукаво прижмурился. — Только чувствует моя душа, что в гостинице «Россия» жил не какой-то там Серега, а ты сам, Смыков.

Все так увлеклись болтовней, что даже не заметили, как вернулся насквозь промокший Толгай.

— Везде был, — сказал он, тыча пальцем в разные стороны. — Прямо был... Туда был... Бушлык! Пустое место... Мертвый место...

— Но идти-то вперед все равно надо. Хоть по мертвому, хоть по живому, — Смыков глянул на часы. — Или сначала лжезарю понаблюдаем? Недолго осталось.

— Можно и понаблюдать, — лениво согласился Зяблик. — Не жизнь, а лафа. Сначала сказки слушали, а сейчас бесплатное кино смотреть будем... Между прочим, Смыков, могу тебе для справки авторитетно сообщить, что ничего такого сверхъестественного у этих цыганок нет. Сам я их не пробовал, но от одного железнодорожного ревизора слыхал. Припутал он в скором поезде одну безбилетную цыганочку. Штраф она платить не хочет, но на все остальное вроде согласная. И был тот ревизор, между прочим, в новых лакированных туфлях. Все купе заняты, в том числе и служебное. Пришлось цыганочку в туалет затащить. А какая там любовь может быть, сам понимаешь. Но ничего, оба стараются. И вот в самый разгар этих дел ревизор замечает, что его туфли как бы пудрой кто посыпал и слой этот раз за разом становится все гуще.

— Вот это жеребец! — похвалила Верка. — Так бабу приласкать, чтобы у нее с лица пудра сыпалась! Уметь надо!

— Да не пудра это была, а перхоть! — сардонически ухмыльнулся Зяблик. — И не с лица она сыпалась и даже не с головы, а совсем с другого места!

— Нет, вы как хотите, а я пройдусь, — не выдержала Лилечка. — Одна на небо полюбуюсь...

На горизонте там и сям уже вспыхивали тусклые зарницы, похожие на отблески далекой грозы...

Спустя двое суток, однообразных, как и все в этом мире (с легкой руки Толгая получившем название «Бушлык»), отправлявшемуся в очередной дозор Смыкову посчастливилось обнаружить некое загадочное сооружение, вызвавшее всеобщее настороженное любопытство.

Часть его изломанных остатков торчала над уровнем земли, а часть вплавилась глубоко в шлакообразный грунт. Вследствие всего этого судить о первоначальной форме и назначении находки было почти невозможно, однако многое говорило за то, что это летательный аппарат будетлян, рухнувший с неба в момент Великого Затмения. Структура его обшивки и некоторые конструктивные особенности (отсутствие всяких швов, например) очень напоминали боевую машину, с которой в свое время ватаге пришлось немало повозиться.

— Машина, — присвистнул Зяблик. — Наверное, не одна тыща пассажиров помещалась. Глянь, сколько иллюминаторов. В десять рядов.

— Н-да-а... И грохнулась эта машина, по-видимому, на подлете к аэродрому, — заметил Смыков. — В противном случае ее бы на двадцать километров раскидало.

— Давайте не будем уподобляться дикарям, обсуждающим причины крушения парохода «Титаник», — вмешался Цыпф, вновь обретший душевный покой, а вместе с ним и склонность к дидактизму. — Не нашего ума это дело. Вопрос другой: имеет ли нам смысл торчать здесь. Что, если эта штука была снабжена ядерным двигателем? А вдруг всех нас в это время пронизывает радиоактивное излучение?

— Пусть пронизывает, — беспечно ответил Зяблик. — В Нейтральной зоне нас еще и не то пронизывало... И ничего, оклемались. Надо бы вовнутрь заглянуть. Как ты, Смыков, мыслишь?

— Заглядывайте, если вам собственной жизни не жалко, — Смыков пожал плечами.

С помощью Толгая, привычно подставившего спину, Зяблик дотянулся до овального отверстия в обшивке будетляндского авиалайнера и, раскачавшись, рывком забросил в него

свое тело. Вниз посыпалась всякая труха, пахнувшая резиной и железной окалиной.

— Неймется человеку, — вздохнула Верка. — Как таракан, ни одной щели пропустить не может.

— Это у него после зоны такая привычка осталась, — пояснил Смыков. — Недаром ведь полжизни в камере просидел. У Эрикса была болезнь закрытого пространства, а у Зяблика, наоборот, непреодолимая тяга к нему.

— Ну-ну, поговорите там еще! — приглушенный голос Зяблика раздавался уже совсем не из того отверстия, через которое он проник вовнутрь. — Я все слышу и за таракана тебе, Верка, не прошу. Если я таракан, то ты вошь тифозная.

— Нашли вы там что-нибудь интересное? — без особого любопытства поинтересовался Смыков.

— Ни фиги... Прах и пепел. Да и темновато тут...

— Тогда вылазьте. Нечего здесь попусту задерживаться.

— Погоди... Вроде что-то написано на стенке... Сейчас...

— Да вы, никак, уже и по-будетляндски читать научились! — съязвил Смыков.

— По-нашему написано... Большушими буквами от руки... Только читать все равно трудно. Одно слово пока только разобрал: «Спасться». Или «Не спастись». Потом что-то про огненный пролив... не то прилив... Киньте мне кресало и тряпок каких-нибудь. Я факел сделаю.

— Где же я вам эти тряпки возьму? — возмутился Смыков. — С себя, что ли, последнее снять?

— Попроси у Верки запасной лифчик. Она их с собой штук пять прет.

— Больше ничего не хочешь? — отозвалась Верка. — Это ты умеешь, на чужое добро зариться! Лучше из своих подштанников факел сделай.

В конце концов решено было пожертвовать одним из полотенец, которое Толгай и подал Зяблику на кончике сабли. Минут на пять внутри разбитого авиалайнера установилась тишина.

— Возможно, эту надпись оставил кто-то из людей Сарычева, — предположил Цыпф. — Или один из разведчиков, которых мы посылали вслед за ними.

— Дураков, которые стены пачкают, всегда хватало, — Смыков недовольно поморщился. — Что у нас, что у других народов. Как только научились люди писать, сразу давай мазать на чем ни попадя. Я в Кастилии на стене монастыря такую надпись видел: «Храни нас, Господи, от твоего гнева, от

козней дьявола, от скудной пищи, от нехватки вина и от половой слабости». Не иначе как монахи написали.

Сверху вновь посыпалась труха, и на землю ловко спрыгнул Зяблик, похожий на трубочиста.

— Ну и как? — поинтересовался Цыпф. — Выяснили что-нибудь?

— Значит, так. — Зяблик принялся стряхивать с себя сажу. — Если я правильно понял, смысл надписи состоит в том, что дальше идти опасно. Сюда якобы приходит огненный прилив, спастись от которого нет никакой возможности. Ну а дальше обычные славословия в честь Каина.

— Ангелы, стало быть, писали, — сказал Смыков многозначительно.

— Они, родимые.

— Ну это вполне объяснимо. Помните, как раньше на калитках писали: «Осторожно, злая собака»? А в доме никого, кроме кота ленивого, нет. Ангелы это предупреждение дали, чтобы посторонних от Будетляндии отгонять. Дескать, дальше не суйтесь, если жить хотите.

— Предупреждение снаружи пишется, а не внутри, — возразил Цыпф. — Да и спорный вопрос, для кого оно оставлено. Для тех, кто сюда идет, или для тех, кто отсюда уходит.

— Что вы хотите сказать? — вскипел Смыков. — Что дальше идти нельзя? Может, жить здесь останемся? Или обратно пойдем, к ангелам в лапы?

На некоторое время установилось тягостное молчание. Люди переминались с ноги на ногу и вопросительно переглядывались.

— Скажи что-нибудь, Зяблик, — попросила Верка. — Ты же там был... какое лично у тебя впечатление осталось?

— Я, в общем-то, человек маловпечатлительный, — Зяблик выковыривал сажу уже из ушей. — Но от того же старовера Силкина усвоил мысль, что есть такие знамения на земле и небе, от которых нельзя отворачиваться... И эта надпись, меркующая, в самую масть. Ее человек перед смертью писал. И скорее всего своей кровью.

— С чего вы, братец мой, так решили? — не унимался Смыков.

— Кровь от поноса я пока еще отличить могу... А что касается остального... Странная очень надпись. Сначала все буквы ясные, потом похуже, будто бы в спешке писались, а дальше одна мазня сикось-накось... Кроме имени Каина, ничего и

не разберешь. Да и жмурик там рядом лежит. Шмотки истлели, а сам высох, как деревяшка. Мумия, одним словом.

— Рога у него есть? — поинтересовался Цыпф.

— Не стал я его трогать. Плохая это примета — мертвецов зря беспокоить... Там дальше этих мумий, как пчел в улье... Есть такие ульи, в которых восковая огневка погуляла. Откроешь крышку, а внутри все паутиной затянуто, и в этой паутине дохлые высохшие пчелы висят.

— Что же нам делать? — Голосок Лилечки дрогнул. — Я назад идти не хочу.

— Никто не хочет, — кивнул Зяблик. — Я вас отговаривать и не собираюсь. Не к лицу мне скеса валять, если даже Смыков вперед рвется. Давайте еще раз с судьбой в рулетку сыграем.

— Ну уж нет! — восторженно воскликнул Смыков. — Чтобы потом не искать виновных, давайте лучше поставим вопрос на голосование.

За продолжение похода проголосовали все без исключения, но как-то вяло. Сразу руки подняли только Смыков и Лилечка, чуть погодя Зяблик с Толгаем, а уж в конце — Цыпф и Верка, понявшие, что ничего изменить они уже не смогут.

На всякий случай проглотили по шепотке бдолоха и стали собираться в путь, выслав вперед для разведки Толгая. До наступления очередной лжезари оставалось еще с полчаса.

— И все же в этом что-то есть, — сказала Верка, глядя, как вспышки багрового сияния ползут от горизонта к зениту. — Очень оживляет небо!

— Верно, — буркнул Зяблик. — Как муха покойника.

Сейчас глухой купол небосвода был похож на огромный камин, грубые и темные своды которого освещают медленно разгорающийся огонь. В этой атаке света можно было различить три следующих друг за другом волны: передовую, достаточно тусклую и как бы рябоватую; среднюю, багровую, как закат перед бурей; и, наконец, последнюю, самую яркую, отсвечивающую расплавленным золотом.

— Смотрите, — сказала Лилечка. — Толгай бежит.

Степняк был еще почти не виден вдаль, но длинная и черная тень, изгибаясь, неслась по пустыне впереди него, как сказочная змея. Принудить выросшего в седле Толгая к бегу могли только чрезвычайные обстоятельства.

Все, кто сидел, вскочили и попытались ринуться навстречу степняку, но их остановил голос Зяблика.

— Стоять! Приготовиться!

— К чему подготовиться? — растерянно воскликнул Цыпф.

— К самому худшему подготовиться. Если придется удирать, бросайте все, кроме оружия. А ты, Смыков, береги бдлах.

— Поучи ученого... — Смыков на всякий случай еще раз пошупал надежно спрятанный под рубашкой мешочек.

До них уже доносились крики Толгая:

— Яну! Горит! Земля горит...

Далеко-далеко, на пределе видимости, серая равнина покрылась вдруг россыпью бесчисленных багровых точек, словно разом засияли тысячи волчьих глаз. Каждую секунду их становилось все больше, они сливались между собой в островки, а потом — в единый пылающий поток, неудержимо катящийся вперед.

— Вот это и есть огненный прилив, — медленно произнес Зяблик.

Небо над их головами уже полыхало отраженным светом одевшейся в пламень земли. Пахнуло жаром, словно из сердца пустыни налетел иссушающий самум. Толгай был уже в ста шагах от ватаги, когда едва ли не под ногами у него полыхнуло столбом искр и на серой шкуре бесплодной земли расцвело багровое пятно. Такие же пятна, похожие на воспаленные язвы, возникали повсюду. Невозможно было даже понять, что же это такое: вырвавшаяся на поверхность магма, неизвестно каким образом вдруг раскалившийся шлак или что-то еще.

— Бежим! — крикнул Смыков.

— Поздно! — рявкнул Зяблик, швыряя в люк будетляндского авиалайнера свой рюкзак. — Внутрь надо лезть! Если спасемся, так только там!

Не давая никому времени ни на раздумья, ни на возражения, он первым забрался в самое близкое к земле отверстие и протянул руку Верке, с которой никаких осложнений не возникло. Потруднее пришлось с Лилечкой, пищавшей и отчаянно дрыгавшей ногами. Смыков и Цыпф затратили немало усилий, подавая ее вверх. Спустя несколько минут внутри авиалайнера оказались и мужчины, в том числе Толгай, у которого на сапогах дымились подметки.

Пустыня вокруг напоминала сейчас бивак, покинутый войском, по какой-то причине не ставшим гасить своих кост-

ров. И эти бесчисленные костры непрерывно множились, распolzаясь вширь и образуя прихотливые пылающие узоры.

— Сейчас вы поймете, как чувствует себя шашлык над мангалом, — прохрипел Зяблик, с которого уже градом катился пот.

— Хочешь сказать, что лично тебе это понять не дано? — с трудом проговорил Цыпф.

— Меня уже поджаривали однажды... До конца жизни впечатлений хватит.

— Вверх надо подниматься! Вверх! — вещал Смыков. — Там воздух свежее! А здесь задохнемся!

Царивший внутри авиалайнера сумрак не могли рассеять даже отблески пламени, игравшие на стенах. Все пространство салона когда-то занимали ряды кресел, но сейчас в вертикальном положении находились лишь немногие из них, а все остальное представляло собой мешанину из золы, искореженного металла, обуглившегося поролона и донельзя высохших человеческих тел. В дальнем конце салона виднелось некое наклонное сооружение, оказавшееся остатками эскалатора. По нему ватага пробралась на следующую пассажирскую палубу, печальным видом своим мало чем отличавшуюся от предыдущей. Почти все кресла силой удара о землю были сорваны с креплений и сейчас кучей громоздились в передней части салона. Мумифицированные трупы торчали среди них как карикатурно-уродливые манекены.

Обливаясь липким потом, задыхаясь от недостатка кислорода и едва не теряя сознание от все усиливающейся жары, они достигли наконец седьмой, самой верхней палубы. Об этом свидетельствовало отсутствие на ней эскалатора и пылающее небо, видневшееся сквозь трещины в потолке.

— Сука твоя Сонька, — просипел Зяблик, ловя ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. — Нарочно нас на смерть послала... Знала, что за дела тут творятся... А мы-то еще думали-гадали, какой в этом может быть подвох...

— Рога у нее, понимаешь, — ответил Цыпф. — Не человек она уже... И судить ее по человеческим законам нельзя.

— Ничего... Попадется еще мне... Свидимся... И я ей такой суд устрою... Не посмотрю, что баба...

Ватага в полном составе валялась на полу, чуть менее грязном, чем на предыдущих палубах, и лакала из фляжек теплую воду. Смыков, демонстрируя неслыханную щедрость, выдал каждому еще по шепотке бдoлаха.

— Зайчики, вы про спасение свое думайте, — уговаривала

всех Верка. — Иначе никакой пользы не будет. Из последних сил о сохранении жизни молитесь.

— Ой, не могу... Голова кругом идет... — простонала Лилечка. — Душно...

— Крепись! Кто сознание потеряет, не выживет. Лева, тормози ее...

Цыпф, которого и самого сейчас надо было тормозить, вылил на голову девушке последние капли воды.

— Терпи... терпи... Недолго осталось, — уговаривал он ее. — Минуток пять еще от силы.

Марево горячего воздуха не позволяло рассмотреть, что творилось снаружи, но пустыня уже давно была не серым ковром, вытканым пламенными узорами, а одним сплошным океаном огня, в котором не было места для иной жизни, кроме той, что облачена в плоть из камня, а вместо крови подпитывается плазмой. Возможно, это был только обман зрения, но любому, кто имел смелость выглянуть в иллюминатор, казалось, что слепяще-золотистое пространство вокруг вздымается и опадает, словно кожа, под которой перекачиваются тугие желваки мускулов.

Дышать сухим жаром, в который превратился воздух, было почти невозможно. Сауна, конечно, хорошая вещь, но только до тех пор, пока ее можно покинуть по собственной воле. В противном же случае она превращается в камеру пыток.

Люди хрипели и стонали на разные лады, инстинктивно стараясь зарыться поглубже в покрывающую пол труху. Она отвратительно пахла, вызывала кожный зуд и неудержимый кашель, раздражала глаза, но по крайней мере не обжигала. Тот же, кто имел неосторожность прикоснуться к металлу, сразу зарабатывал волдырь.

Страдания эти не должны были продолжаться больше тридцати-сорока минут, но людям, варившимся в их котле, казалось, что время остановилось. Не хотелось уже ничего — ни возвышенного, ни земного, — а только глотка свежего воздуха да пригоршни холодной воды. Ради них можно было отречься от Бога и продать душу дьяволу.

Каждый уже боролся только сам за себя: выкарабкивался как мог из губительной пучины или покорно ждал неизбежного конца. Сознание раз за разом покидало людей, и мучительный бред перемешивался с еще более мучительной явью.

Очередной раз придя в себя (и удивившись, что он еще жив), Зяблик увидел сквозь рваное отверстие в потолке салона уже не кипящую на адском огне кашу из золотистых зерен,

а глухую серую муть, готовую вот-вот разразиться дождем. И впервые после наступления Великого Затмения это постылое, ущербное небо показалось ему на диво прекрасным...

У всех слезились глаза, все харкали и стонали, все получили ожоги разной степени, но главное — все остались живы. Боль сейчас играла даже положительную роль — заставляла бдolah действовать на всю катушку.

— Не-е-е, — бормотал Зяблик. — Уж лучше утопиться, чем изжариться. Поскорей бы до лужи какой добраться или даже до болота. Залезу, как бегемот, по самые ноздри в воду и буду целые сутки отмокать.

— Через шестнадцать часов нам вновь предстоит испытать это удовольствие, — Смыков глянул на свои «командирские». — Если, конечно, к этому времени мы не сменим дислокацию.

О том, что это именно он недавно настаивал на продолжении похода через Бушлык, Смыков даже не заикался.

По обшивке авиалайнера уже барабанил редкий дождик (испарившаяся из почвы влага возвращалась обратно), и все, забыв о боли, поспешили наружу.

— Как хорошо-то, Господи, — приговаривала Лилечка, ловя ртом прохладные капли.

— Просто экстаз! — Верка, расстегнув рубашку до пупа, танцевала под дождем.

Зяблик, дождавшись, когда соберется первая лужа, действительно залег в нее. Даже Толгай, испытывающий к водной стихии сложные чувства, теперь радовался, как ребенок.

Только Смыков и Цыпф, занятые каким-то принципиальным спором, никак не реагировали на ниспосланное небесами благодеяние.

— А я продолжаю настаивать на том, что Будетляндия должна иметь общую границу с Гиблой Дырой, — говорил Цыпф. — Ведь дикари свободно перемещались из страны в страну и даже пленных с собой уводили. Вспомните рассказы Эрикса.

— Раньше, возможно, общая граница и имелась. Было, как говорится, да быльем поросло, — возражал Смыков. — Размежевка получилась. Мало ли какие чудеса сейчас случаются.

— Вы ведь схему, которую Эрикс оставил, в свой блокнот перерисовали. Вот давайте и взглянем на нее еще раз.

— Сто раз уже на нее глядели, — проворчал Смыков, однако блокнот достал.

Прикрывая его от дождя полой плаща, они углубились в изучение схемы.

— Вот последний ориентир. — Цыпф ткнул пальцем в крестик, отмечающий место погребения Эрикса. — Черное яйцо.

— Допустим, — кивнул Смыков.

— А вот граница.

— Не спорю.

— Как мы шли отсюда сюда?

— Как-как! Кратчайшим путем. По прямой.

— Вот именно! Так! — Цыпф ногтем провел по схеме короткую черту. — А у Эрикса изображена уходящая в сторону крутая дуга. Видите?

— Мало ли какой зигзаг мог изобразить умирающий человек! — продолжал упираться Смыков.

— Вот уж не надо извращать факты. Составляя эту схему, он находился в ясном уме! Мы ведь уже убедились, что все ориентиры указаны очень точно.

— Что вы, братец мой, в конце концов, предлагаете? — не выдержал Смыков.

— Вернуться к последнему ориентиру. То есть к черному яйцу. А затем идти по маршруту, указанному Эриксом. Уверен, что он выведет нас в Гиблую Дыру или какое-нибудь другое более или менее пригодное для жизни место.

— Опять, значит, с аггелами схлестнемся?

— А у вас есть другой план? Может, пойдем навстречу огненному приливу? Или подождем его здесь?

— Нет уж, дудки, — Смыков подул на свою, как кипятком обваренную, руку. — Лучше сковорода, чем духовка.

— Кстати, я почти уверен, что с аггелами мы в ближайшее время не встретимся, — закончил Лева. — Скорее всего они уже перебрались к границе Эдема. Косят бдолах и воюют с нефилимами. Мы для них давно уже мертвецы.

Еще трижды лжезаря освещала небо (никто из ватаги на нее даже не оглянулся), прежде чем на горизонте вновь замаячил раскинувшийся над Будетляндией шатер небесного невода. Все это время они пили только дождевую воду, которой в день набиралось не больше половины котелка, и поэтому первое, чем они занялись, покинув Бушлык, были поиски пристойного водопоя (как ни велика была жажда, но пить из первой попавшейся лужи или грязной сточной канавы не хотелось).

Обшарив подряд чуть ли не целый квартал, они наткнулись в одном из заброшенных домов на вместительную кладовую, замаскированную от посторонних глаз роскошным, но сильно попорченным молью гобеленом. Содержимое кладовой весьма пострадало от гниения и грызунов, но, к счастью, эти напасти не коснулись жестяных банок и стеклянных бутылок. Нашлись и соки, и шипучка, и даже пиво.

Отметив возвращение в Будетляндию обильным пиром, ватага — впервые за много дней — позволила себе отдых под крышей. Развлекались при этом как могли. Лилечка играла на губной гармошке, Толгай исполнял военные танцы своего дикого народа, а Зяблик обучал всех желающих способу хорошенько забалдеть даже от обыкновенного пива — для этого его не нужно было хлестать из стакана, а неторопливо зачерпывать чайной ложечкой.

Даже расчувствовавшийся Цыпф внес свою лепту в общее веселье — с чувством декламировал мрачные и малопонятные для непосвященных орфические гимны.

Славлю Гекату,
Богиню пустых перекрестков.
Сушую в море, на суше
И в древних седых небесах.
Славлю царицу ночей,
Окруженную свитой собачьей,
Ту, что танцует во тьме
На могильных костях...

Слушая это заунывное завывание, все, а в особенности Верка, буквально покатывались со смеху.

Спустя сутки они отыскиали свой последний лагерь, разгромленный и загаженный аггелами, а потом и виллу, в подвале которой недавно томился Цыпф. Похоже было, что канисты действительно покинули этот край. Об их присутствии теперь напоминала лишь огромная сковорода, брошенная в пересохшем бассейне, да обрывки окровавленных бинтов на полу гостиной.

Дальше продвигались уже хорошо знакомым путем, но об осторожности не забывали — постоянно высылали вперед дозорного и, презрев советы Эрикса, сторонились открытых мест. Пережитый в Бушлыке кошмар уже начал забываться, а ожоги, благодаря бдлоаху, быстро заживали.

Еще через два дня вернувшийся из дозора Зяблик сообщил, что сумел разглядеть вдали огромное черное яйцо, воз-

вышающее над окружающими зданиями едва ли не наполовину.

Эту новость можно было считать хорошей. Остальные новости были или ни то ни се, или похуже.

— Толком вы что-нибудь объяснить можете? — допытывался Смыков у хмурого Зяблика. — Вот чего я не люблю, так это неопределенности. Если вы что-то подозрительное видели, так прямо и скажите.

— Хрен его знает, — Зяблик скривился, как будто дольку лимона лизнул. — Сам не могу понять. Предчувствия дурные... Как-то все не так, как раньше...

— Ну, конечно! — воскликнул Смыков с сарказмом. — Раньше все действительно не так было. Я по утрам дверь спальни не рукой открывал, а... хм-м... совсем другой частью тела. Вы, братец мой, капризным стали, как баба на сносях. И то вам не так, и это... Говорите откровенно, можно нам вперед идти или нет?

— Я ведь ходил... — Зяблик пожал плечами. — Может, просто кажется мне... Как говорится, пуганая ворона и куста боится.

— А на то место, где мы Эрика схоронили, глянуть можно будет? — поинтересовалась Лилечка.

— Почему бы и не глянуть. Все равно мимо пойдем, — сказал Смыков.

— Вот что, — Зяблик откашлялся, как это он делал всегда, стараясь скрыть смущение. — Вы только не подумайте чего... Будто я нарочно шухер поднял... Но по шепотке бдолаха не мешало бы людям выдать. Кто сейчас его употреблять не будет, пусть наготове держит.

Прижимистый Смыков на этот раз спорить не стал, а, позаимствовав из блокнота пару листиков, свернул шесть аккумуляторных фантиков.

— Держите... Но без особой нужды не лопаите, — сказал он, наполнив фантики бдолахом. — Не сахар ведь...

Некоторое время они шли в полной тишине, если не напуганные, то встревоженные словами Зяблика. Однако уже через пару километров напряжение рассеялось. Все вокруг, казалось, дышало покоем. Небо по-прежнему оставалось серым, но обликом своим не грозило в любую секунду рухнуть на землю. Трава и листья тускло поблескивали после недавнего дождя. Стайки пестрых птиц, которых они перепугивали с куста на куст, издавали мелодичные стрекочущие звуки. Не-

жилые дома вокруг хоть и имели запущенный вид, но не рождали ассоциаций с огромным заброшенным погостом.

— Вижу! — объявил шагавший впереди Смыков. — Черное яйцо вижу. Правда, пока только самую верхушку... Интересно мне, по какому случаю могли поставить подобный монумент?

— По случаю юбилея рода человеческого, — сказал Зяблик по-прежнему хмуро. — Первый-то человек, ученые говорят, чернокожим был. В Африке родился. Вот, значит, это его яйцо и есть... от которого все мы произошли.

— А почему только одно? — любопытствовала Верка.

— Второе саблезубый тигр оттапал, — объяснил Зяблик. — А может, супруга евонная откусила, когда убедилась, что у нее не обезьянство хвостатое рождается, а человеческая ребятня.

— Зябля! — позвал приятеля Толгай. — Твой ходил здесь?

— Вроде бы... — Зяблик оглянулся по сторонам.

— Улен видел?

— Ты насчет травы, что ли?

— Ага... Совсем яман улен... Такой плохой...

В доказательство своих слов он раздавил каблуком пучок травы, пробившийся сквозь трещину в бетонном покрытии. Трава заскрипела, как сухой снег, и превратилась в мелкую пыль, но не зеленую, а бурую.

— Вот это номер! — Зяблик оглянулся по сторонам. — Да и с деревьями что-то неладно. Как подморозило...

— Ой! — воскликнула Лилечка, сорвавшая лист с ближайшего куста. — Колется!

— Похожие случаи были зафиксированы в Степи, — сказал Смыков, осторожно трогая траву, хрупкую, как крылышки дохлой стрекозы. — Припоминаете, товарищ Цыпф?

— Припоминаю, — кивнул Лева. — Но там пораженные участки располагались мозаично... Пятнами.

— Вот мы на такое пятно и попали.

— Дай-то Бог...

— Пятна разные бывают, — настроение Зяблика, похоже, ухудшилось еще больше. — Сахара на карте тоже как пятно... А попробуй пройди ее из конца в конец.

— Ничего чрезвычайного пока не случилось, — попытался успокоить спутников Цыпф. — Мало ли какая причина могла погубить траву. Вряд ли это как-то отразится на нас.

— Забыли вы, что кони, попробовавшие такой травы, передохли? — продолжал ворчать Зяблик.

— Но мы-то не кони! — вполне резонно возразил Цыпф.

В этот момент позади них раздался звук, похожий на тот,

что издает хорошо отточенная коса, врезаясь в массив густого травостоя. Такой звук могло произвести только очень быстро движущееся тело, вылетевшее из зарослей, окаймлявших дорогу слева, и исчезнувшее точно в таких же зарослях справа.

Все непроизвольно обернулись на этот стремительный пошвист, быстро затихший вдали.

— Кто-нибудь что-нибудь видел? — после недолгого недомолченного молчания спросил Смыков.

— Мелькнуло что-то... — неуверенно произнес Цыпф. — Темное, кажется...

— Во! — Толгай раскинул руки широко в стороны. — Бикзур! Большой... Туз... Быстрый...

— Это мы и без тебя поняли, — Зяблик прищурился. — Вот только откуда эта хреновина могла взяться? Ноги у нее или крылья?

— Что бы это ни было, но если оно захочет нас догнать, то догонит, — сказал Смыков. — Поэтому спокойно продолжаем движение.

Снова двинулись в путь, но уже с оглядкой. Побуревшая листва на деревьях под порывами ветра издавала не шелест, а тихое дребезжание. Черное яйцо вздымалось впереди, как гора.

Между тем дорога, по которой они шли, приобретала все более странный вид. Обочины, до этого составлявшие с бетонным полотном единую плоскость, вздымались все выше. Груды земли, обвалившиеся с этих стен, оставляли для прохода совсем узкое пространство. Многочисленные трещины разрывали дорожное покрытие вдоль и поперек. Ватага уже шла как бы по дну ущелья.

— А не лучше ли нам выбраться наверх, — предложил Смыков. — Как-то неуютно я себя в этой канаве чувствую.

Никто не стал ему перечить, и люди, помогая друг другу, вскарабкались на нависший над дорогой карниз.

— Если дождик пойдет, тут все затопит, — сказала Верка. — На лодках можно будет плавать.

— Эх, мать честная! — Зяблик в сердцах даже плюнул вниз. — Опять мы облажались! Опять куда-то не туда забрели!

— Как вы думаете, отсюда до Отчины далеко? — упавшим голосом поинтересовалась Лилечка.

— Если все будет хорошо и мы попадем в Гиблую Дыру, то недели через полторы-две доберемся до Кастилии, — объяснил ей Цыпф. — А там уже и до дома рукой подать.

Мертвая трава противно скрипела под ногами. Каждый шаг оставлял на ней отпечаток более четкий, чем чернильный

штамп на казенном документе. Еще несколько раз им довелось услышать шум, производимый какими-то неведомыми массивными телами, — иногда это был уже знакомый стремительный посвист, а иногда тяжкий грохот, сопровождаемый треском ломающихся деревьев.

Смыков, продолжавший шагать в авангарде отряда, раздвинув очередной куст, задребезжавший при этом так, словно его покрывали не листья, а кусочки металлической фольги, внезапно резко отпрянул назад. Из-за куста вспорхнула целая стая пестрых птиц и, недовольно треща, расселась на ветках ближайших деревьев.

— Уф-ф, — Смыков вытер лицо сгибом локтя. В руке у него был зажат пистолет. Никто и не заметил, когда он успел его выхватить. — Идите-ка гляньте...

Посреди небольшой полянки, трава на которой под птичьими лапами обратилась в прах, из земли торчали три человеческих торса. Лица людей уже были расклеваны птицами, а вместо глаз зияли черные ямы. Определить их принадлежность по одежде, покрытой запекшейся кровью и птичьим пометом, было сейчас невозможно.

Первым к мертвецам решил подойти Зяблик. Поочередно ошупав головы всех троих, он категорическим тоном заявил:

— Аггелы! Вот у этого рога уже вполне приличные.

— Кто же их так? — Голос у Лилечки непроизвольно опустился до шепота.

— А никто, — подумав немного, сказал Зяблик. — Когда казнят или мучают, закапывают по горло, а не по грудь. Да и руки снаружи не оставляют. Этот вот даже нож сжимает... И этот тоже... Откопать себя пробовали, да не вышло. Задушила мать-сыра земля...

— И это нам знакомо, — Смыков тоже подошел поближе. — Помните, на сборе в Подсосенье кто-то рассказывал, как в Агбишере быки погибли. Камень вроде жижи стал, а когда скотина в нем по самые рога увязла, опять отвердел.

— Земелька-то ого-го-го! — Зяблик растер в пальцах комок грунта, взрыленного ножами погибающих аггелов. — Вера Ивановна, как, по-вашему, отчего наступила смерть?

— Так вам сразу и сказать? Без вскрытия? — Верка обошла вокруг мертвецов.

— Вы хотя бы примерно...

— Скорее всего отек легких... Как следствие ухудшения их вентиляции. Так всегда бывает, когда дыхание по какой-нибудь причине затруднено. Птички их уже потом клевали.

Смыков при содействии Зяблика попытался выдернуть одного из аггелов наружу, да не получилось — сидел он в земле плотно, словно успел там корни пустить.

— Да ладно, оставляй его так, — сказал Зяблик недовольно. — Зачем он тебе сдался?

— Патронов не мешало бы позаимствовать. Наши-то уже на исходе.

— Хватит. Стрелять тут пока вроде не в кого. А когда до Гиблой Дыры доберемся, нашу миссию разыщем.

— Эй, осторожнее! — крикнула Верка, успевшая отойти чуть вперед. — Прямо сюда, кажется, идет...

Смыков и Зяблик разом выпустили руки аггела, тут же плетями упавшие вниз, и прислушались.

Издалека в самом деле быстро приближался грохот — словно бочка с камнями быстро катилась по лестнице.

— В натуре, сюда рулит... — покачал головой Зяблик. — Надо сваливать от греха подальше.

— Давайте-ка вниз спустимся! — быстренько предложил Смыков. — Умные люди в момент опасности по ямам ходят, а не торчат на открытом месте.

Однако он не успел сделать в сторону дороги и пяти шагов, как из зарослей, перемалывая их на пути в труху, вылетело что-то серое, шарообразное, стремительное. Трудно было даже определенно сказать, катится оно или летит, раз за разом отскакивая от земли, наподобие брошенного ловкой рукой камня-голыша.

К счастью, уже почти вся ватага находилась возле спускающегося к дороге обрыва. На пути шара оказались только три торчащих из земли человеческих торса с поникшими головами да замешкавшийся Зяблик.

Мертвые аггелы, естественно, уже не могли уклониться от неизбежного столкновения. Зато Зяблик, совершив феноменальный прыжок (несомненно, ставший бы чемпионским, если бы только в спорте фиксировались рекорды по прыжкам в сторону), сумел избежать смертельной опасности. Конечно, благодарить за это нужно было бдолах, который он, не откладывая в долгий ящик, отведать сразу же после получения.

Шар уже давно исчез из глаз (вместе с ним исчезли и три уполовиненных аггела), а в воздухе, в точности повторяя его путь, мерцало что-то вроде призрачного туннеля. Цыпф осторожно сунул руку в этот иллюзорный шлейф и, не ощутив ничего необычного, сказал:

— А если мы по этому следу и пойдем? Снаряды, говорят, в одно и то же место дважды не попадают. Так и тут...

— Это снаряд, по-вашему? — Смыков сделал страдальческое лицо. — А вдруг это трамвай, который туда-сюда только одним маршрутом ходит? Здесь вашей хваленной логике грош цена!

— Ша, засохли! — из кустов выбрался исцарапанный Зяблик. — Если такой бардак повсюду творится, мы помрем не от скуки. Как бы не пришлось добрым словом Бушлык вспоминать. Еще неизвестно, что хуже: сгореть живьем или в землю провалиться. Линять надо отсюда. И в темпе.

Однако ни бежать, ни даже быстро идти не позволяла поклажа, отягощавшая всех без исключения членов ватаги. Предложение Зяблика бросить лишний груз было встречено в штыки. Даже Толгай не хотел расставаться с богатыми трофеями, взятыми в Будетляндии, а что уж тогда говорить о женщинах.

Вскоре заросли, ветви и листья которых осыпались от легких порывов ветра, окончились и ватага оказалась на городской окраине, откуда до черного яйца уже рукой подать. Зрелище, открывшееся перед ними, было даже не удручающим, а скорее безысходным. У жабы, наверное, больше шансов пересечь в час пик многорядное шоссе, чем у этих шестерых — благополучно преодолеть то, что совсем недавно являлось городскими улицами, площадями и скверами.

Дома, ушедшие под землю на несколько этажей, торчали вкривь и вкось. Стены их бороздили трещины, а в окнах не осталось ни одного целого стекла. Постамент, на котором было установлено черное яйцо, как бы в трясину канул. Фонтаны, беседки, лестницы, брусчатка мостовой, плиты тротуаров и бетон площадей превратились в щебень.

Все, что изначально не принадлежало к миру дикой стихии, все созданное руками человека — было осуждено неведомыми силами на гибель, на полный распад и на возвращение в первобытное состояние.

Повсюду, как страшные орудия возмездия, носились массивные серые шары, и производимый ими шум можно было сравнить только с шумом рушащегося на землю каменного неба. Шары то и дело сталкивались между собой, таранили дома, прорубали в садах и парках целые аллеи, сокрушали все, что еще оставалось несокрушенным. Каждый шар оставлял за собой слабо светящийся след, исчезающий только спустя несколько минут, и весь город мерцал сетью призрачных узоров.

Спасаться было некуда — примерно то же самое творилось повсюду.

— Не сладко, наверное, приходится таракану на бильярдном столе, — пробормотал Цыпф, косясь на несущиеся мимо шары.

— Лева... а это что... та самая древняя жизнь, о которой ты говорил? Истинные хозяева земли пробуждаются от спячки? — спросила Лилечка.

— Скорее всего. Других гипотез у меня нет.

— А почему эти хозяева такие разные? И ведут себя по-разному. Вспомни тот несчастный городок в Кастилии... Или Нейтральную зону. Там одно, а здесь совсем другое.

— Любой тип жизни многообразен. Рядом с людьми живут слоны, кошки, жабы, губки, микробы... В Сан-Хуан-де-Артеза мы столкнулись с одной формой древней жизни, а здесь с другой. Первыми просыпаются от спячки наиболее примитивные существа. Сравнимые, скажем, с нашими амебами или ухвертками. Потом проснутся улитки и слизни. Еще позже — волки и буйволы. Я, конечно, утрирую. Ничего общего между нашим волком... и хищником, жившим четыре миллиарда лет назад, быть не может. Не исключено, что напоследок из огня и камня встанут даже разумные существа, рассыпавшиеся в прах еще до возникновения Луны... Подумать жутко, что это будут за чудовища...

— Поберегись! — крикнул Смыков.

Совсем рядом с ними, подпрыгивая на неровностях почвы, прогрохотал один из шаров. Поднятый им горячий вихрь шевельнул волосы на головах отшатнувшихся в стороны людей. Над землей повис мерцающий шлейф, конец которого терялся где-то вдали.

— Ну что стоять-то без толку! Пошли! — заявила вдруг Верка. — Просто уворачиваться надо вовремя. Есть такая детская игра, «выбивала» называется. В тебя мячом бросают, а ты уворачиваешься.

— Мяч резиновый, — вздохнула Лилечка. — И маленький совсем.

— Принимайте бдлах, кто еще не успел, и вперед! — распорядился Смыков. — Даст Бог, проскочим... Только всем слушать мои команды. Глазомер меня еще никогда не подводил.

Пробираться по разрушенному городу было так же трудно, как преодолевать арктические торосы. Шары свистели и грохотали то слева, то справа, то впереди. Наибольшую опас-

ность представляли те из них, которые, столкнувшись друг с другом, резко меняли направление движения.

Впрочем, как вскоре выяснилось, этот кошмарный бильярд был опасен лишь относительно, тут Верка оказалась права. Доказательством этому служило хотя бы черное яйцо, на поверхности которого шары не оставили пока ни единой отметины.

Спустя полчаса ватага миновала монумент. Слева от себя они видели загадочное светящееся пятно, совсем недавно поглотившее мертвого Эрикса и живого Барсика, а впереди растеклись городские кварталы, как будто бы еще не затронутые бедствием. Если верить схеме Эрикса, идти им нужно было именно в ту сторону.

Однако как раз оттуда навстречу ватаге спешили люди в черных колпаках.

— Мать честная, только этого еще не хватало! — Зяблик выхватил пистолет с прытью, редкой даже для него.

Пуля хоть и не задела никого из аггелов, но заставила их остановиться.

— Не стреляйте! — из толпы каинистов раздался зычный голос Ламеха. — Зяблик, давай хоть на пару часов забудем прошлое! Общая беда объединяет даже непримиримых врагов! Помоги мне выбраться отсюда! Я знаю, что ты это можешь! Пускай в ход свое хваленое оружие! Зови на подмогу варнаков! Но только помоги! И я обещаю, что покажу тебе дорогу в Гиблую Дыру! Никаким другим путем покинуть эту проклятую страну нельзя!

— А ведь мы и в самом деле забыли про варнаков, — шепнул на ухо Лилечке Смыков. — Не сыграть ли вам что-нибудь душевное?

— Нет, — Лилечка отрицательно мотнула головой. — Сыграть я, конечно, могу, но это вряд ли поможет. Варнаки в такую мясорубку не полезут. Тут даже они бессильны. Вспомните, во время всех подобных катастроф они находились как бы в стороне.

— Зяблик! — вновь заорал Ламех. — Ты почему молчишь? Испугался? Или тебе не подходят мои условия?

— Далеко... — вполголоса сказал Зяблик.

— Что — далеко? — разом переспросили и Цыпф, и Смыков.

— Далеко, — повторил Зяблик. — Боюсь, что не попаду. А патрон впустую жалко тратить... Что мне этому гаду ответить?

— Ну это уж, братец мой, вы сами решайте... — развел руками Смыков. — Осторожнее!

Шар невиданных доселе размеров, промчавшись мимо, врезался в стену одного из уцелевших зданий и обрушил на себя сразу несколько десятков этажей.

— Ты что, оглох? — не унимался Ламех. — Не слышишь меня?

— Слышу, — замогильным голосом ответил Зяблик.

— Как насчет того, чтобы договориться? Мои условия тебя устраивают?

— Нет, Песик, не устраивают.

— Звякало-то свое не распускай, — голос главаря аггелов сразу приобрел зловещий оттенок. — Меня Ламехом зовут. Забыл разве?

— Для шестерок своих ты, может, и Ламех. А для меня как был Песиком, так и остался. Не со мной тебе, шкирла позорная, права качать, — Зяблик говорил так, словно собирался единым духом растратить весь запас своего презрения.

— Фасон, значит, держишь, — недобро усмехнулся Ламех. — Ну-ну...

Осталось неизвестным, что он хотел сказать еще, поскольку между двух отрядов промчался шар и его грохот на какое-то время сделал переговоры невозможными.

Воспользовавшись этим, Зяблик полушепотом обратился к товарищам:

— Гоняться за нами они вряд ли будут. Не та ситуация. Но и мимо себя не пропустят... Надо в обход пробираться, — он кивнул туда, где среди развалин города мирно сияло неподвластное силам хаоса загадочное световое пятно.

Ламех между тем времени даром не терял. Едва пыль, поднятая шаром, улеглась, сквозь повисшую мерцающую завесу стало видно, что аггелы уже не стоят кучей, как раньше, а рассыпаются в цепь.

— А вы говорили, не будут гоняться... — покачал головой Смыков. — Знаете, какая самая жадная и подлая рыба? Не щука, а окунь. Он и на крючке сидя, за карасями охотится.

— Но в уху все равно попадает... — Зяблик внимательно сделил за аггелами, и любой из них, кто, пусть даже случайно, пересек бы некую условную линию, позволявшую вести прицельную стрельбу, сам неминуемо превратился бы в мишень.

— Попадают, — вздохнул Смыков. — Но карасям, которые у него в брюхе, от этого не легче.

Наконец досталось и черному яйцу. Оно величаво осело

набок, но еще до этого по всей округе такой звон пошел, какого бы и от царь-колокола не дождались, окажись тот вдруг исправным.

Едва только гулкое эхо этого удара затихло в развалинах, как вновь раздался голос Ламеха:

— Зяблик, я никогда ничего дважды не повторяю. Хотя для тебя, так и быть, сделаю исключение! Как-никак, в одной зоне чалились...

— Вот про это ты лучше не вякай! — перебил его Зяблик. — В зоне я бы тебе даже свои портянки стирать не доверил. Чалились-то мы действительно вместе, да за разные дела. Со мной судьба злую шутку сыграла, а ты, паскудник, девок душил и, пока они еще теплые были, пользовался...

— Замолчи, шкура барабанная! — не выдержал наконец Ламех.

— А ты мне рот не затыкай! Пусть знают твои шестерки, какое ты есть дерьмо на самом деле! И как ты только подумать мог, что я стану тебя спасать! Подыхай, падла! А сам не подохнешь, могу помочь! Дырку тебе промеж рогов с нашим удовольствием сделаю! Я как знал, что тебя встречу, и специально пули подпилит! До самой Гиблой Дыры твои мозги полетят! Никакой бдolah не поможет!

Зяблик так разошелся, что Смыкову пришлось за руку оттащить его с пути шара, рикошетом едва не угодившего в ватагу.

— Хватит попусту разоряться! — прикрикнул он на вышедшего из равновесия приятеля. — Поберегите свои лагерные воспоминания для следующего раза. Не до этого сейчас...

— Ты, Смыков, прав, как всегда, — Зяблик, по-прежнему не спуская глаз с аггелов, похлопал его по плечу. — Пора и в самом деле отсюда хилить.

Лишь только они повернулись в сторону площади, каждый камень которой сиял, словно осколок зеркала, как сзади загрохотали выстрелы, а Ламех, едва не срывая голос, заорал:

— Куда это вы, интересно? Никак уходить собрались? Да еще надеетесь, что мы вот так просто отпустим вас? Нет уж, лудки! Если подыхать, то вместе!

Пули пока или чиркали высоко над головами, или звонко клалали по камням развороченной мостовой — полторы сотни метров были отнюдь не той дистанцией, с которой можно легко поразить из пистолета движущуюся цель. И тем не менее такой аккомпанемент порядочно действовал на нервы, заставляя при каждом новом выстреле втягивать голову в плечи.

Лучшие стрелки ватаги — Зяблик и Смыков — двигались в арьергарде, но на огонь аггелов не отвечали, берегли патроны. Тут и без стрельбы нужно было все время держать ушки на макушке — вокруг со скоростью гоночных машин носились серые шары, словно паутиной затягивая гибнущий город своими мерцающими шлейфами. Вне зоны их досягаемости оставалось только загадочное световое пятно, как бы еще раз доказывая этим свою принадлежность совсем к другому миру.

Цепь аггелов тем временем изогнулась подковой, охватывая ватагу с трех сторон. Шары уже несколько раз делали в этой цепи прорехи, но их тут же заполняли аггелы из свиты Ламеха.

— В клещи нас хотят взять, — нахмурился Смыков. — Любимый их приемчик.

— Пусть попробуют, — отозвался Зяблик. — В маслятах у нас нужда не ощущается. На всех рогатых хватит. А кончатся маслята, бомбы в дело пойдут.

— Эх, сейчас бы симоновский карабин с оптикой, — мечтательно произнес Смыков.

— Или кирквудовскую пушку, — добавил Цыпф.

— Это ведь по твоей милости мы ее на слом пустили! — сказал Зяблик с досадой. — Как бы она сейчас пригодилась! Я бы этого Ламеха долбаного обратно в допотопные времена загнал!

— Разве тебе одного раза мало оказалось? Ведь мы сами тогда еле ноги унесли, — напомнил Цыпф. — Недаром покойный Эрикс предупреждал, что это оружие нельзя применять вблизи объектов, имеющим хоть какое-то отношение к силам Кирквуда.

— Где ты, интересно, такие объекты здесь видишь?

— А это что такое, по-твоему? — Цыпф указал в сторону светящегося диска. — Даю голову на отсечение, что этот феномен имеет неземное происхождение.

— Ой! — воскликнула вдруг Лилечка, на пару с Цыпфом шагавшая впереди всех. — Вы только посмотрите, что там делается!

Здание, на которое она указывала пальчиком, было, наверное, одним из наиболее сохранившихся в округе, хотя странствовавшие шары уже успели основательно попортить его фасад. Сейчас оно тонуло, совсем как вставший на попу океанский лайнер — медленно и бесшумно, чуть кренясь на одну сторону. В землю ушел один этаж, второй, третий... Затем движение резко прекратилось, словно фундамент здания напо-

ролся на какую-то преграду. И сразу раздался грохот — это на стены и межэтажные перекрытия навалилась сила инерции.

Пятерых или шестерых аггелов, оказавшихся по соседству, постигла та же участь — грунт, ставший на минуту вязким, как кисель, засосал их по колено. Теперь они вели себя совсем как попавшие в капкан звери — выли, дергались, извивались, разве что своих конечностей не грызли. Никто из аггелов, шагавших в цепи, а тем более окружавших Ламеха, даже и не подумал прийти своим единоверцам на помощь.

Их истошные крики, очень нервировавшие Лилечку, прекратились только благодаря шару, вывернувшемуся откуда-то, как по заказу. По вросшим в землю аггелам он прошелся, словно трактор-корчеватель по болотному кустарнику.

Заметив, что левый фланг противника понес невосполнимые потери, Смыков толкнул Зяблика.

— А что, если так рвануть? — рубящим движением ладони он указал в промежуток между краем светящегося пятна и торчащими наружу обломками бедренных костей (самых аггелов отсюда видно не было, не то шар сплющил их до толщины газетного листа, не то унес с собой).

— Ну уж нет! — заартачился Зяблик. — Ты сам как хочешь, а я туда не полезу. Поздно уже меня вместо картофелины или репки в землю сажать. Выходов не дам.

Правое крыло аггелов загибалось все круче, отрезая ватаге единственный более или менее безопасный путь отступления. Зяблику удалось-таки срезать одного каиниста, неосмотрительно вырвавшегося вперед, но его единомышленники залегли в развалинах и открыли ну просто ураганную стрельбу. Теперь их пули ложились значительно точнее, и ватаге пришлось хорониться за всякого рода естественными укрытиями, благо вокруг их хватало с лихвой. Тем не менее какой-то наиболее меткой пуле удалось зацепить Смыкова за плечо.

— Что же это такое! — возмущался он. — Форменная несправедливость! Другим хоть бы что, а я в Будетляндии получаю уже второе ранение! — Смыков непроизвольно потрогал совсем недавно заживший кончик носа. — Хотя я вроде не шире и не выше других!

— Пуля своих ищет, — сказала Верка не то шутя, не то серьезно. — Она же дура... А дурак дурака видит издалека.

Слова эти так уязвили Смыкова, что он даже отказался от перевязки, предложенной ему все той же Веркой.

— Смех смехом, — озабоченно произнес Цыпф, — но, похоже, нас загоняют в тупик.

И в самом деле ватаге для отступления оставалось только два пути — площадь, такая мирная на вид, но безвозвратно поглощающая всех, кто рискнул ступить на нее, и прилегающее к ней пространство, совсем недавно тоже проявившее склонность к весьма зловещим метаморфозам. Тактика аггелов как раз и состояла в том, чтобы загнать ватагу или в пятно неземного света, или на кусок земной тверди, ежесекундно грозящей превратиться в непроходимую топь.

— Направо пойдешь, под пулю попадешь, — сказал Зяблик, оглядываясь на упорно продвигающуюся вперед цепь аггелов.

— Прямо пойдешь, костей не соберешь, — подхватила Верка.

— Налево пойдешь, в землю врастешь, — со вздохом закончил Цыпф.

— И тем не менее придется идти именно налево, — сказал Смыков так твердо, как только мог. — Шанс нам только там светит.

— Не боишься, значит, в землю, как Святогор-богатырь, уйти? — осведомился Зяблик, как всегда в минуты опасности бледный и сосредоточенный.

— Все мы там будем, — заметил Смыков философски. — Но если говорить о текущем моменте, надежда моя на то, что такая хреновина с землей не поминутно происходит. Авось и проскочим.

— Каргыш! — вскричал вдруг Толгай и присел, вцепившись в щиколотку. — Проклятие!

— Что там у тебя? — рядом с ним присела и Верка. — Зацепило?

— Бераз... — поморщился степняк. — Мало-мало совсем...

— Как же мало! — передразнила его Верка. — Уже в сапоге хлюпает...

Она чуть ли не силой стащила с ноги Толгая простреленный сапог и ловко перебинтовала рану. Все это время степняк смотрел на нее влюбленными глазами и, похоже, даже про боль забыл.

— Вот невезуха, — поморщился Зяблик. — Идти-то он сможет?

— Сможет, особенно если с бдолахом, — доложила Верка. — Пуля навывлет прошла. Надкостница задета, но кость, похоже, цела. Стопа действует...

— Скорее, а не то нас здесь всех, как тетеревов на току,

перешелкают! — Смыков сунул в рот Толгая шепотку бдлоха, но и сам на правах раненого не забыл причаститься.

— А мне? — набычился Зяблик.

— У вас, братец мой, это самое... нос в дерьме. — Смыков отделался солдатской шуткой.

Когда степняк обулся и продемонстрировал способность самостоятельно держаться на ногах, ватага, пригибаясь как можно ниже, устремилась к развалинам наполовину провалившегося под землю здания.

— Вот было бы хорошо, если бы мы удачно проскочили, а аггелы увязли! — воскликнула Лилечка.

— Смотри, не накаркай... — буркнул на бегу Зяблик. — Как бы все наоборот не получилось...

— Не бойтесь, у меня слово легкое, — заверила его Лилечка. — Зато бабушка и проклясть человека умела, и порчу на него навести...

Но, как оказалось, вольно или невольно, а беду Лилечка все же накликала.

Все произошло так быстро и так неожиданно, что сначала никто ничего просто не понял. Только что они бежали по твердой, гулко отсчитывающей каждый шаг земле, — и вот уже опора под ногами странным образом исчезла!

Впрочем, ощущение пустоты тут же сменилось ощущением капкана. Люди оказались по колено впаянными в твердую, как обожженная глина, субстанцию, еще недавно имевшую все признаки обыкновенной земли. Общей участи избежал только ковылявший в хвосте Толгай.

— Приплыли, елки зеленые! — эта фраза была первой реакцией ватаги на случившееся, и вырвалась она из уст Зяблика.

— Без паники! — вторая фраза принадлежала Смыкову, точно так же, как и третья: — Похоже, неувязочка вышла...

Верка взмолилась:

— Толгаюшка, миленький, выручай!

Верный степняк и в самом деле уже хотел броситься ей на помощь, но Зяблик навел на друга пистолет.

— Назад! — страшным голосом приказал он. — Тебя только здесь не хватает! Гранаты есть?

— Есть, — кивнул тот. — Ике штук...

— Ну вот видишь, — Зяблик улыбнулся Толгаю, хотя улыбка получилась странная, не то заискивающая, не то извиняющаяся. — Сабля есть, две гранаты есть, смелости навалом... Выручай, браток... Не подпускай аггелов близко, пока мы здесь будем возиться.

Толгай молча кивнул и повернул обратно. Даже хромота его сразу пропала. Обсуждать приказ (или, если хотите, просьбу), почти наверняка обрекающий его на смерть, у степняка даже в мыслях не было.

— Крепко застряли, — Смыков, ухватив свою ногу за колено, дергал ее вверх.

— И не говори... Хуже, чем мухи в варенье, — приставив ствол к грунту, Зяблик выстрелил несколько раз подряд.

Пули оставляли в окаменевшей земле идеально круглые отверстия, от которых даже трещины не побежали.

— Эх, гранатой бы рвануть, — вздохнул Смыков. — Да только долго потом руки-ноги собирать придется.

— Погоди, пригодятся еще гранаты, когда аггелы придут поздравлять нас с благополучным приземлением, — заверил его Зяблик.

— Лева, ну хоть ты что-нибудь придумай! — воскликнула Лилечка. — Мы столько раз смерть обманывали, неужели все напрасно было!

Неизвестно, что именно: то ли мольбы любимой, то ли упоминание Смыкова о гранате, то ли злополучный запал, надолго застрявший в его памяти, — навело Цыпфа на одну многообещающую, хотя и рискованную идею. Первый опыт, естественно, ему пришлось проводить на себе самом.

Всадив почти в одно и то же место сразу три пули, Лева получил шурф, в котором мог свободно поместиться запал. Вся ватага с напряженным интересом наблюдала, как он дрожащими руками разбирает гранату.

— Дай сюда! — Зяблик вырвал ее у Левы и мгновенно отсоединил запал. — Ну что, рискнем?

— Рискнем, — обреченно кивнул Лева, заранее закрывая глаза и отворачиваясь.

Рвануло глухо, как под подушкой. Из шурфа шибанул вверх фонтан каменной крошки. Лева воскликнул: «Ай!» — но уже через секунду его левая нога благополучно покинула яму, наполненную чем-то вроде осколков битого кирпича.

— Не ушибся? — участливо осведомилась Лилечка.

— Никак нет! — радостно улыбнулся Цыпф, правая нога которого все еще оставалась в плену.

— Надо было бы горсть пороха подсыпать для эффекта, — произнес Смыков огорченно и полез в рюкзак за очередной гранатой. — А не то весь боезапас так переведем...

— На том свете он тебе не пригодится, — процедил Зяб-

лик сквозь зубы. — Вон тот мячик, кажется, прямо в наши ворота летит...

Шар, не очень большой и не очень маленький, размером так приблизительно с церковную маковку, напролом мчался сюда со скоростью, оставлявшей людям на все земные дела каких-нибудь тридцать-сорок секунд...

Предоставив своим менее удачливым спутникам возможность самим выбираться из коварной западни, Толгай с легкой душой устремился навстречу аггелам. В том, что Зяблик или Смыков найдут выход из самого безнадёжного положения, он не сомневался ни на миг, точно так же, как и в своих шансах выиграть время, необходимое для спасения ватаги.

Бдolah шел ему на пользу, как никому другому. Абсолютно свободный от каких-либо комплексов и рефлексий, Толгай умел концентрироваться на достижении одной цели, и ничто постороннее уже не могло отвлечь его.

Сейчас он не ощущал ни боли в ноге, ни страха в сердце. К засевающим в руинах аггелам (еще не раскусившим, в какую передрыгу попали их противники) он летел на всех парусах, но и не забывал совершать на бегу непредсказуемые, прямо-таки умопомрачительные зигзаги. Прицельный выстрел не мог достать его. Опасаться нужно было только шальной пули.

Впрочем, аггелы не очень-то и старались. Косоглазый нехристь с одной только сабелькой в руке не внушал им никаких опасений. Мало ли какая нужда гонит его прямо под пули? Может, сдать хочет, а может, просто с ума сошел. (Никто из каинистов, имевших дело с Толгаем в Эдеме, поведать о его подвигах, конечно, уже не мог.)

Не добегаая двадцати шагов до позиций, занимаемых аггелами, Толгай выронил саблю, картинно схватился за грудь и рухнул под прикрытие какой-то достаточно массивной бетонной плиты. Наружу осталась торчать только его нога, некоторое время дергавшаяся как бы в агонии.

К этому времени наиболее зоркие и догадливые аггелы уже поняли, что их извечные враги утратили не только способность к передвижению, но и всякую надежду на спасение. Дело, как говорится, было сделано, и каинисты, оставив ватагу на попечение всесокрушающих шаров, могли заняться спасением собственных жизней, однако Ламеху одной только победы было мало. Ему нужно было еще и насладиться результатами этой победы, тем более что одна из пленниц, а конкретно

Лилечка, могла дать ему не только моральное, но и физическое удовлетворение. (То, что овладеть девушкой можно только при условии отделения обеих ее ног ниже колен, мало заботило его.)

— Вперед! — приказал Ламех. — По коням! Без моего приказа не стрелять.

Никаких коней у каинистов, само собой, не было и в помине. Просто у них с некоторых пор существовала такая практика: в местах, где каждый шаг грозил обернуться западней, одна половина отряда садилась верхом на другую. И если аггелы-кони вдруг проваливались по колено, а то и по пояс в землю, аггелы-всадники продолжали сохранять боеспособность.

Однако «кавалерийской» атаке помешал Толгай, до этого старательно притворявшийся мертвецом. Едва аггелы показались из-за руин, как в них одна за другой полетели гранаты. Тут уж не пофартило всадникам, представлявшим для осколков прямо-таки идеальную мишень.

Естественно, что в рядах аггелов возникла если не паника, то неразбериха, которой не преминул воспользоваться Толгай. Подхватив саблю, он издал древний боевой клич степняков и смело бросился на врага...

— Падай на спину! — заорал Зяблик. — Быстро! Все! Только костыли не переломайте!

Грохот гранаты, брошенной им навстречу неумолимо нависавшемуся шару, на время заглушил шум боя, доносившийся из расположения аггелов. Видеть результат своих действий Зяблик не мог, поскольку еще до момента взрыва улегся навзничь, лицом в небо (принять другую позу мешали вмурованные в камень ноги).

Фатализм так прочно укоренился в душе Зяблика, что любой исход событий — и смерть, и спасение — устраивал его в равной мере. Жалко было наивную Лилечку. Жалко было недотепу Цыпфа. Яззу Верку тоже было жалко. И даже долбаеба Смыкова. (Погибающего в неравной схватке Толгая жалеть было уже поздно.)

Не жалел Зяблик только себя самого.

Он лежал, смотрел вверх, но видел не это небо, серое и угрюмое, а совсем другое — высокое и прозрачное небо своей юности...

...Ударная волна заставила шар подпрыгнуть и совершить зигзаг, не предусмотренный первоначальным маршрутом...

Целью Толгая было не уничтожение врагов, а их деморализация. Сил своих он не берег и не распределял. Минут на десять их должно было хватить с лихвой, а дальше в будущее он не заглядывал.

Со стороны он напоминал танцующего Шиву, каждая из четырех рук которого сжимает разящий клинок. Но танцевать и рубить в таком темпе не умели, наверное, даже боги.

Все пули, выпущенные аггелами в Толгая, пока что счастливо миновали его...

Последней из каменной западни освободили Верку. Никто из членов ватаги бежать не мог — ноги превратились в бесчувственные ходули. Не сговариваясь, все устремились к настоящему и губительному свету.

С трех сторон их подстерегала смерть — и справа, где грохотали выстрелы и звенела сабля Толгая; и слева, где коварная твердь караулила очередные жертвы; и сзади, откуда, взгромоздившись друг на друга, надвигались аггелы, до этого состоявшие в свите Ламеха.

Впереди их ожидала неизвестность, Бог знает когда и с какой целью принявшая вид огромного солнечного зайчика...

Сабля Толгая действовала не менее точно и эффективно, чем коса небезызвестной курносой старухи, но аггелов вокруг было слишком много. Уже несколько пуль пронзили степняка, однако в запале боя, да еще под действием бдолаха, он не ощущал ни боли, ни слабости.

— Тикай, дус! — откуда-то издалека донесся голос Зяблика. — Тикай, родимый!

Улучив момент, Толгай обернулся и смог утостовериться, что ватага уже добралась до края площади. На фоне яркого золотистого сияния люди выглядели черными плоскими силуэтами.

Напоследок, не глядя рубанув кого-то, Толгай кинулся к друзьям. Вслед за ним роем летели пули...

Скорее всего Толгай (не важно какой, живой или мертвый) добежал бы до своей цели. Но земля вдруг предательски ушла из-под его ног. Участь степняка разделили все и вся, что окружало его: последние чудом уцелевшие здания; необозримые груды руин; черный, сильно помятый сфероид, некогда

изображавший гигантское яйцо; аггелы, кинувшиеся в погоню за раненым врагом, и их единомышленники, служившие скакунами для Ламеха и его ближайшего окружения.

Никого из друзей Толгая уже не было видно в сияющем впереди ореоле. Он верил, что они спаслись. Он знал, что сам спастись уже не сможет.

Еще несколько пуль пронзили степняка. Но он умер не от ран, а оттого, что перестал жаждать жизни...

— Чмыхало, ты где? Сюда! Да отзовись же, гад! — бесновался Зяблик.

— Все, братец мой! Поздно! Погиб наш Чмыхало смертью храбрых! — Смыков с трудом удерживал Зяблика в своих объятиях. — Его вы не спасете, а себя погубите!

Они находились сейчас как бы на дне озера, наполненно-го не водой, а светом. Мир, который они только что покинули, казался отсюда тусклым и нереальным.

Свет, совсем не бесплотный, как это виделось со стороны, а физически осязаемый, медленно стягивался вокруг них. Мягкая, но неодолимая сила давила со всех сторон, сладким сном туманила сознание, не позволяла шевельнуться.

Интенсивность и густота света постепенно нарастали, и вот наконец наступил тот последний миг, после которого все, что они еще могли видеть: печальные горы развалин, мельтешащие среди них шары-разрушители, укороченные и оттого ужасно нелепые фигуры аггелов, завалившегося на бок в позе смерти Толгая и даже возникшие где-то в отдалении монументальные фигуры варнаков, — бесследно исчезло...

...Пространство, окружавшее их теперь, было сплошь сиреневым — и земля, совсем не похожая на прежнюю землю, и небо, не имевшее ничего общего с прежним небом...

СЛОВАРЬ ЖАРГОННЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Бандырша — содержательница притона.

Бикса — подруга, любовница.

Брус шпановый — молодой, но подающий надежды урка.

Вертеть углы — красть чемоданы.

Галье — деньги.

Габки — руки.

Делать ноги — убегать.

Деловой — представитель преступного мира.

Дунька Кулакова — онанизм.

Звякало — язык.

Кандей — карцер.

Колеса — наркотик в таблетках.

Крытка — место лишения свободы тюремного типа.

Лопатник — бумажник.

Маслята — патроны.

Менжеваться — колебаться.

Наблатыкаться — научиться.

Наседка — посаженный в камеру осведомитель.

Облажаться — опозориться.

Откинуться — умереть.

Пистонщик — насильник.

Порчак — вор-новичок, еще не примкнувший к преступному миру.

Профура — проститутка.

Псира — собака, враг.

Скес — трус.

Хавало — рот.

Халамидник — мелкий воришка, не способный на серьезное дело.

Хомутник — душитель.

Чалиться — отбывать срок в зоне.

Шалашовка — проститутка.

Шкирла — сожительница преступника.

Штымп порченный — то же, что и порчак.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРЫ ПОД ЛЕЗВИЕМ СЕКИРЫ. <i>Роман</i>	5
МЕЖДУ ПЛАХОЙ И СЕКИРОЙ. <i>Роман</i>	371

Чудовищный катаклизм взорвал спокойную жизнь провинциального городка Талашевска, имеющего единственную достопримечательность — зону для особо опасных преступников. Чудом выжившие горожане словно волки сбиваются в стаи и ведут борьбу за выживание с загадочными варнаками, дикими кочевниками и безжалостными инквизиторами. Известно, как бы сложилась дальнейшая судьба жалкой кучки робинзонов, если бы на их пути не встретился странник через миры по имени Артем...

